

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

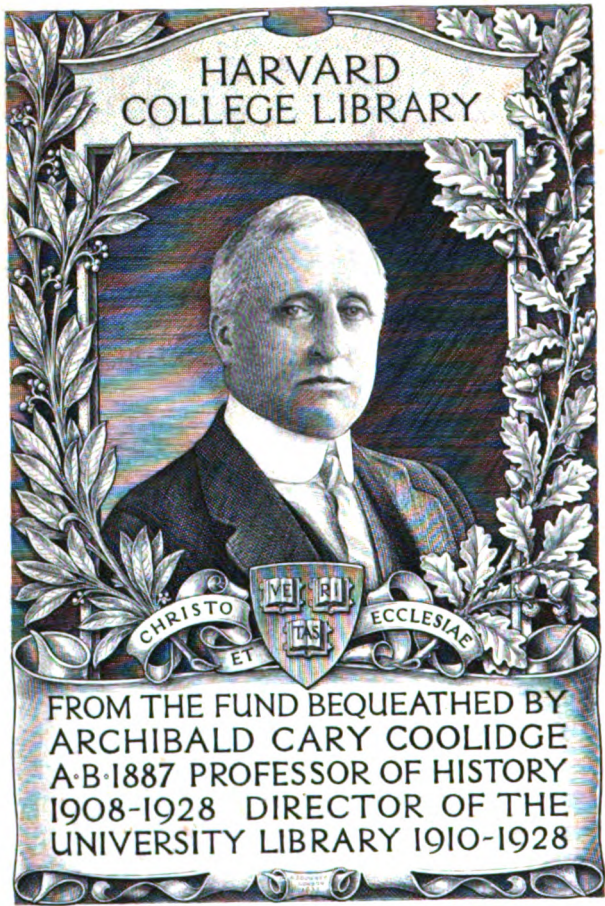
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

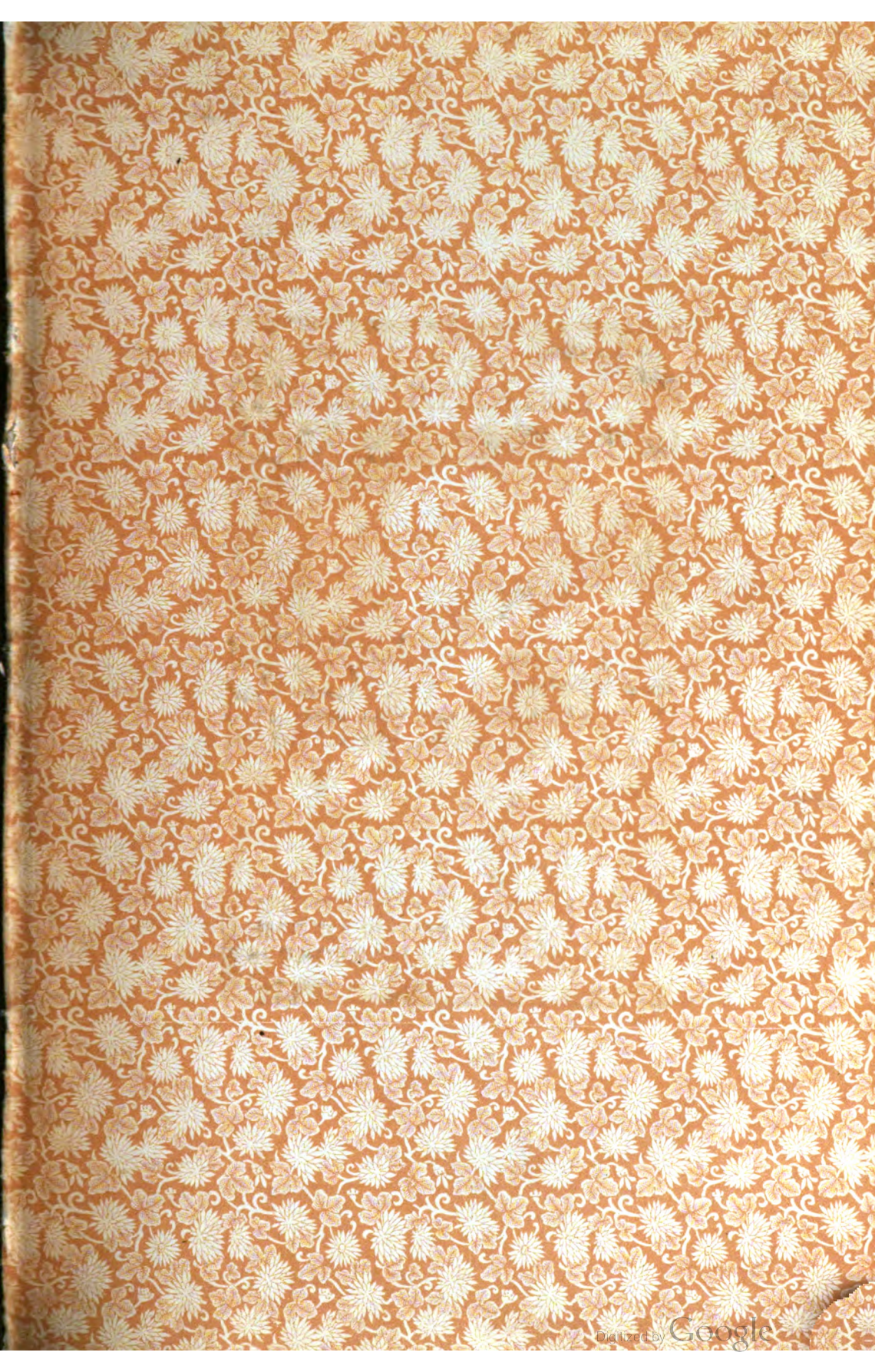
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Δ
P Slav 318.10
V

ВЛ

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

ОКТЯБРЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

СОДЕРЖАНІЕ:

- Отдѣлъ I. Педагогика и дидактика.
- 1) Очеркъ исторіи народныхъ школъ въ Германіи (статья первая), **В. РЕХНИНСКОГО.**
 - 2) Теорія и опытъ, **В. ВЕЛИКИНА.**
- Отдѣлъ II. Науки вспомогательныя.
- 1) Матеріализмъ и задачи философіи, **В. ВРЕЗНИЧА.**
 - 2) Гегель и его время, сочиненіе Гайма, лекціи XV и XVI. Переводъ **В. СОЛЯНИКОВА.**
- Отдѣлъ III. Критика и библіографія.
- Англійская литература XVIII столѣтія, **ОРИСТА МИЛЕРА.**
- Отдѣлъ IV. Извѣстія и смѣсь (см. на оборотѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

PRINTED IN RUSSIA

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

съ юля 1860 года.

Въ составъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія входятъ:

1) Теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по различнымъ вопросамъ изъ области педагогики и дидактики.

2) Критическія описанія разнаго рода воспитательныхъ и учебныхъ учреждений, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи.

3) Біографіи и автобіографіи, въ которыхъ выражается вліяніе воспитанія на характеръ и жизнь человѣка.

4) Критическіе разборы педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ.

5) Критическіе разборы русскихъ и иностранныхъ ученыхъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки, если они по содержанію своему могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность.

6) Критическіе разборы чисто-литературныхъ произведеній въ такомъ только случаѣ, если разбирающій находитъ въ нихъ отраженіе умственнаго и нравственнаго развитія общества, или указываетъ на вліяніе, которое они могутъ имѣть на это развитіе.

7) Статьи фізіологическія, если въ нихъ рѣшается, хотя к освеннымъ образомъ, тотъ или другой вопросъ физическаго воспитанія.

8) Статьи психологическія.

9) Изъ области исторіи только такія статьи, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія въ томъ или другомъ народѣ, въ тотъ или другой періодъ времени.

10) Статьи философскія, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ опредѣленію и уясненію цѣли и задачи народнаго просвѣщенія.

11) Перечни и обзорнія статей, появляющихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, но за исключеніемъ статей чисто-беллетристическаго содержанія.

Всѣ вышеупомянутыя статьи составятъ въ Журналѣ четыре отдѣла, а именно:

I. Педагогика и дидактика.

II. Вспомогательныя науки.

III. Критика и бібліографія.

IV. Извѣстія и смѣсь.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОКТАБРЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СѢІІ.

САИИТІІЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

Δ

P Slav 318.10

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD GARY CORNELL FUND
5 May 1939

І.

ПЕДАГОГИКА И ДИДАКТИКА.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ ВЪ ГЕРМАНИИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Знакомство съ ходомъ развитія народнаго образованія въ Германіи, и изученіе исторіи нѣмецкой педагогикки, имѣють для насъ особенное значеніе. Не говоря уже о томъ, что наука педагогикки преимущественно въ Германіи развилась, исторія нѣмецкой педагогикки для насъ важна и потому, что все почти наше нынѣшнее учебное устройство заимствовано изъ Германіи. Наши университеты, гимназіи и другія учебныя заведенія устроены по образцу нѣмецкихъ; уставы ихъ, распредѣленіе учебныхъ предметовъ, словомъ, вся внѣшняя сторона учебныхъ заведеній заимствована изъ Германіи; учебники наши также составляютъ по большей части копіи нѣмецкихъ учебниковъ. Не смотря на то, нельзя сказать чтобы у насъ, по части народнаго образованія, были получены результаты, соотвѣтствующіе результатамъ, достигнутымъ въ Германіи. Если наши университеты и спеціальныя заведенія и могутъ быть въ нѣкоторомъ

отношеніи поставлены наряду съ нѣмецкими, то чѣмъ ниже станемъ спускаться въ іерархіи училищъ, тѣмъ поразительнѣе будетъ несовершенство нашихъ учебныхъ заведеній въ сравненіи съ нѣмецкими. Наши гимназіи уже несравненно хуже нѣмецкихъ; о первоначальныхъ и приходскихъ училищахъ нечего и говорить. Но самую существенную разницу нашего учебнаго быта, въ сравненіи съ нѣмецкимъ, составляетъ совершенное почти отсутствіе у насъ сословія воспитателей, которое такъ богато развилось въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на наши тысячи учебныхъ заведеній и сотни тысячъ учащихся, у насъ, до-сихъ-поръ, весьма рѣдки истинные *воспитатели*, т.-е. такія лица, которыя-бы занимались воспитаніемъ юношества по призванію, съ любовью посвящая этому занятію всѣ силы души, и вполне сознавая его высокое значеніе. Чтобы убѣдиться въ этой печальной истинѣ, достаточно обратить вниманіе на бѣдность нашей педагогической литературы, на скудость учебниковъ, рутину, господствующую въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и ничтожность частной педагогической дѣятельности; достаточно припомнить, что до-сихъ-поръ большая часть нашихъ частныхъ учебныхъ заведеній содержится иностранцами, и что должности учителей до-сихъ-поръ замѣщаются лицами, *обязанными* прослужить въ этомъ званіи извѣстное число лѣтъ. И въ литературѣ, и въ общественномъ мнѣніи, и въ дѣйствіяхъ правительства нынѣ выразилось полное сознаніе этого неудовлетворительнаго состоянія нашего школьнаго быта. Спрашивается, почему-же одинаковыя, повидимому, средства привели въ Германіи и у насъ къ совершенно неодинаковымъ результатамъ? Очевидно, что на этотъ вопросъ можетъ дать отвѣтъ одно только изученіе исторіи развитія педагогическихъ идей, и тщательное изслѣдованіе всѣхъ условій, при которыхъ развивалось и развивается народное образованіе у насъ и въ Германіи.

На этотъ разъ представляемъ читателямъ очеркъ исто-

ріи нѣмецкихъ народныхъ школъ, составленный по Раумеру (*) Геппе (**), Шмидовой энциклопедіи педагогій (***) и нѣкоторымъ другимъ нѣмецкимъ сочиненіямъ. Указавъ на происхождение и постепенное развитіе этихъ школъ въ Германіи вообще, сдѣлаемъ краткій обзоръ исторіи образованія низшихъ классовъ народа въ нѣкоторыхъ государствахъ и областяхъ Германіи въ особенности.

II.

Происхождение и развитіе народныхъ школъ въ Германіи, отъ реформаціи до тридцатилѣтней войны.

Понятіе *народной школы*, то есть школы для первоначальнаго образованія низшихъ классовъ народа, было чуждо средневѣковому католическому міру. Католическая іерархія въ XIV и XV столѣтіяхъ тщательно заботилась о развитіи просвѣщенія только въ высшихъ классахъ народа; средневѣковые университеты, академіи и латинскія школы имѣли цѣлью доставлять церкви образованныхъ пастырей, а государству—ученыхъ и свѣдущихъ сановниковъ; но католическая церковь, въ два послѣдніе вѣка, предшествовавшіе возрожденію наукъ, не видѣла никакой пользы и необходимости въ томъ, чтобы просвѣщеніе проникало въ низшіе классы народа, отъ которыхъ требовала не знанія, а только вѣры и повиновенія. Встрѣчаемъ, правда, въ XIII столѣтіи опредѣленія нѣкоторыхъ французскихъ и англійскихъ синодовъ, о томъ, чтобы священники обучали своихъ прихожанъ главнымъ молитвамъ и основаніямъ вѣры на народномъ языкѣ; но такія постановленія являлись только въ видѣ желаній, и нигдѣ почти не исполнялись. Также незначительные результаты про-

(*) Geschichte der Pädagogik v. *Karl v. Raumer*. Stuttgart 1857. 3-te Aufl. 4 Bde.

(**) Geschichte des deutschen Volksschulwesens, v. *Dr. H. Hepp*. Gotha 1858—1860. 5 Bde.

(***) Encyclopädie des gesammten Erziehungs und Unterrichts-Wesens, herausgeg. v. *K. A. Schmid*. Gotha 1859.

извели усилія Гергарда фонъ Цутфена и другихъ Гіеронимитановъ въ XIV столѣтіи, старавшихся распространить священное писаніе на народномъ языкѣ. Притомъ, до изобрѣтенія и распространенія книгопечатанія, едва-ли возможны были народные школы, такъ какъ бѣдный народъ былъ не въ состояніи покупать дорогіе рукописные учебники. Поэтому, не смотря на возрожденіе наукъ въ Европѣ, въ началѣ XVI столѣтія, простой народъ лишень былъ всякихъ средствъ образованія, и никто не думалъ обучать его даже главнымъ основаніямъ вѣры. Меланхтонъ, въ своей апологіи Аугсбургскаго вѣроисповѣданія, въ 1530 г., не безъ основанія упрекалъ въ этомъ католическую церковь, говоря, что: *apud adversarios nulla prorsus est catechisis puerorum.*

Понятіе народной школы, для обученія народа правиламъ вѣры, произошло изъ духа оппозиціи церковной іерархіи, изъ духа протестантизма. Уже въ XV столѣтіи, подъ вліяніемъ ученія Виклефа, начали появляться печатныя книги, содержащія въ себѣ изложеніе правилъ вѣры для народа. Но собственно народная школа возникаетъ только послѣ реформаціи Лютера, и развивается постепенно, по мѣрѣ того, какъ протестантизмъ постепенно сознаетъ ея значеніе и необходимость. Впрочемъ, первые реформаторы, какъ-то Лютеръ и Меланхтонъ, не сознавали еще необходимости собственно народной школы, то есть такой, въ которой-бы мальчикъ получалъ образованіе не для какихъ либо внѣшнихъ профессиональныхъ цѣлей, не для того, чтобы сдѣлаться проповѣдникомъ, юристомъ, ученымъ, купцомъ или ремесленникомъ, а для того, чтобы знать и понимать главныя основанія религіи и все то, безъ чего невозможно быть истиннымъ христіаниномъ и гражданиномъ. Они подъ школою разумѣли только школу латинскую, необходимую для образованія духовныхъ и свѣтскихъ дѣятелей для церкви и государства, и школу нѣмецкую для мальчиковъ и дѣвочекъ въ городахъ, для приготовленія ихъ къ торговой, ремесленной и вообще профессиональной дѣятельности. Лютеръ, въ своихъ

сочиненіяхъ и письмахъ, требуетъ повсемѣстнаго учрежденія латинскихъ школъ, и настаиваетъ на необходимости обученія въ нихъ языкамъ латинскому, греческому и еврейскому, съ тѣмъ, чтобы имѣть *ученыхъ*, способныхъ исправлять должности проповѣдниковъ, учителей, чиновниковъ и проч. Въ знаменитомъ своемъ *Посланіи къ ратсгерямъ всѣхъ городовъ Германіи о необходимости учрежденія христіанскихъ школъ* (an die Ratsherren aller Städte Deutschlands, dass sie christliche Schulen aufrichten und halten sollen), онъ выражается слѣдующимъ образомъ, со свойственными ему цинизмомъ и энергіею: «Вы говорите, что хотя намъ нужны школы, но какая намъ польза отъ того, что дѣти наши будутъ учиться латинскому, греческому и еврейскому языкамъ и свободнымъ искусствамъ? Если будемъ въ состояніи читать на нѣмецкомъ языкѣ священное писаніе, то и этого достаточно для спасенія нашихъ душъ. На это отвѣчаю: да! я хорошо знаю, что мы, нѣмцы, должны всегда оставаться глупыми животными (Bestien und tolle Thiere sein und bleiben), какъ насъ справедливо и называютъ сосѣдніе народы! Только я удивляюсь тому, почему вы также не говорите: зачѣмъ намъ шелкъ, вино, пряности и иностранные товары, когда у насъ самихъ есть свой хлѣбъ, своя шерсть, свой ленъ, лѣсъ и всякіе другіе предметы, служащіе не только въ пищу, но даже и для украшенія?»... «Мы отвергаемъ языки и искусства, которые не только не причиняютъ никакого вреда, но еще приносятъ величайшую пользу, честь и украшеніе, даютъ возможность разумѣть священное писаніе и приготавливаютъ насъ къ гражданской дѣятельности, а между тѣмъ отъ иностранныхъ товаровъ, вовсе для насъ бесполезныхъ и чертовски дорого стоящихъ, мы не хотимъ отказаться. Ну, скажите сами, не доказываетъ-ли это, что мы настоящія животныя и дураки?»... Въ *проповѣди о томъ, что дѣтей слѣдуетъ отдавать въ школу*, Лютеръ говоритъ: «Вы думаете: зачѣмъ намъ ученые? если дѣти наши будутъ умѣть по-нѣмецки читать и писать, а также научатся считать, то и прекрасно, и довольно; они мо-

гутъ быть купцами. Но подождите; вы увидите, что въ скоромъ времени этого для васъ не будетъ довольно; скоро вы будете готовы выкопать собственными пальцами ученаго, хотя-бы онъ былъ зарытъ на глубинѣ десяти аршинъ подъ землю, потому что когда не будетъ у васъ проповѣдниковъ и юристовъ, то и купцы ваши не долго останутся купцами».

Меланхтонъ также видѣлъ единственную цѣль школъ въ томъ, чтобы воспитывать и готовить проповѣдниковъ, чиновниковъ и проч. Такимъ образомъ, въ своемъ такъ называемомъ школьномъ Саксонскомъ планѣ, онъ говоритъ: «пасторы должны увѣщевать прихожанъ, чтобы они посылали дѣтей своихъ въ школу, дабы можно было имѣть способныхъ и свѣдушихъ проповѣдниковъ и учителей. Нѣкоторые думаютъ, что для проповѣдника достаточно, если онъ умѣетъ читать по-нѣмецки. Но это вредное заблужденіе. Тотъ, кто обучаетъ другихъ, долженъ самъ обладать большими познаніями, умѣніемъ и навыкомъ, которые приобрѣтаются не иначе, какъ только посредствомъ продолжительнаго ученія». Далѣе Меланхтонъ предписываетъ обучать дѣтей въ особенности латинскому языку, а не нѣмецкому, греческому или еврейскому, какъ это до тѣхъ поръ дѣлалось, безъ всякой пользы, и къ величайшему вреду дѣтей.

Такимъ образомъ, въ понятіи первыхъ реформаторовъ школа представлялась исключительно какъ латинская школа. Изъ этого, повидимому, можно-бы заключить, что реформація не произвела на школы никакого существеннаго вліянія, не измѣнила ихъ сущности и назначенія, такъ какъ необходимость латинскихъ школъ всегда была сознаваема церковью; также и нѣмецкія городскія профессиональныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ существовали въ Германіи и до реформаціи. Однако, это мнѣніе будетъ совершенно несправедливо: школьный бытъ, именно вслѣдствіе реформаціи и протестантизма, подвергся такому существенному измѣненію, что въ скоромъ времени школа совершенно измѣнила свое значеніе и назначеніе.

Протестантизмъ, отвергнувъ авторитетъ и преданіе като-

лической церкви, основался почти исключительно на священномъ писаніи. Изъ этого произошла для каждого протестанта необходимость изученія и знанія священнаго писанія. Отсюда сама собою проистекаетъ необходимость распространенія образованія на всѣ классы народа. Интересы протестантизма стали въ самое близкое отношеніе съ интересами школъ и образованія. Подобно тому, какъ средневѣковый католицизмъ искалъ своей опоры въ монашескихъ орденахъ и монастыряхъ, протестантизмъ долженъ былъ опереться на школы. Съ этой цѣлью, въ государствахъ, принявшихъ протестантское вѣроисповѣданіе, значительная часть прежнихъ монастырскихъ имуществъ обращена была на основаніе и содержаніе школъ. На ряду съ латинскими школами, стали возникать и усиливаться также школы нѣмецкія для мальчиковъ и дѣвочекъ. Но какъ тѣ, такъ и другія учреждались только въ городахъ; по деревнямъ основаніе школъ было еще невозможно, по недостатку средствъ и учителей. Притомъ, нѣмецкія школы большею частію служили только приготовленіемъ для поступленія въ школы латинскія, о благосостояніи и развитіи которыхъ наиболѣе заботились и церковь и государство.

Впрочемъ, уже въ самомъ началѣ реформаціи положено было основаніе и дана возможность существованію самостоятельныхъ нѣмецкихъ школъ. Наиболѣе этому способствовалъ Лютеръ, который своими сочиненіями на нѣмецкомъ языкѣ далъ возможность простому народу изучать главныя основанія вѣры. Уже въ 1518 г. онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ свое *изложеніе молитвы господней—не для ученыхъ, а для простаго необразованнаго народа* (Auslegung deutsch des Vater Unfers für die einfältigen Laien, nicht die Gelehrten, dnurch D. M. Luther, Augustiner). Въ 1520 г. онъ издалъ такъ называемое *краткое наставленіе о томъ, какъ разсматривать десять заповѣдей, символъ вѣры и молитву господню* (Kurze Form, die zehn Gebote, Glauben und Vater Unser zu betrachten), и въ предисловіи къ этому сочиненію изъяснялъ, «что простому христіанину, не

умѣющему читать, необходимо выучить и знать десять заповѣдей, символъ вѣры и молитву господню, и что въ этихъ трехъ молитвахъ по истинѣ содержится все то, что христіанину необходимо знать». Но наиболѣе важнымъ побужденіемъ къ основанію народныхъ школъ послужило наставленіе Лютера, изложенное въ предисловіи къ изданной имъ въ 1526 г. *нѣмецкой литургіи* (*Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdienstes*). Въ немъ Лютеръ ясно и положительно требуетъ отъ всѣхъ христіанъ знанія катихизиса, и обученія ему дѣтей и челяди не только въ церкви, чрезъ пасторовъ, но и по домамъ, чрезъ отцовъ семействъ; обученіе молитвамъ, говоритъ Лютеръ, не должно состоять въ томъ, чтобы заставлятъ заучивать одни слова, какъ это до сихъ поръ дѣлается, но необходимо обучать посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, такъ чтобы обучающій могъ убѣдиться въ томъ, что учащіеся не только знаютъ, но и вполне понимаютъ заученное. Этимъ положено было основаніе всеобщей христіанской катихизаціи. Вслѣдъ за изданіемъ нѣмецкой литургіи, начали появляться катихизисы на нѣмецкомъ языкѣ, Бренца, Рюрера, Альтгаммера, и наконецъ въ 1529 г. и самого Лютера.

Эта катихизація и составляетъ начало нѣмецкой, собственно народной школы. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ реформаціи, нѣмецкая народная школа была ни что иное, какъ церковная катихизація, которою пасторъ долженъ былъ заниматься въ церкви съ дѣтьми, челядью и вообще съ лицами простаго народа. Катихизація эта уже въ половинѣ XVI столѣтія введена была во всѣхъ протестантскихъ церквахъ Германіи, и визитаторы приходовъ наблюдали, чтобы пасторы, по воскресеньямъ, пополудни, собирали дѣтей и народъ въ церкви, обучали тремъ главнымъ молитвамъ и ихъ объясняли.

Однако, вскорѣ опытъ показалъ, что одной катихизаціи пастора въ церкви недостаточно для того, чтобы дѣти и простой народъ основательно могли познаться съ главными правилами вѣры. Лютеръ разсчитывалъ въ этомъ отношеніи на содѣй-

ствіе родителей и приглашалъ всѣхъ отцовъ семействъ обучать своихъ дѣтей и домочадцевъ катихизису; проповѣдники должны были внушать имъ эту обязанность посредствомъ проповѣдей. Но равнодушіе и невѣжество самихъ родителей сдѣлало ихъ участіе въ катихизаціи болѣе вреднымъ чѣмъ полезнымъ. Въ городахъ, нѣмецкія школы для мальчиковъ и дѣвочекъ могли служить важнымъ подспоріемъ пастору, приготовляя своихъ воспитанниковъ къ катихизаціи; но въ деревняхъ весь этотъ огромный трудъ лежалъ на одномъ пасторѣ, которому тѣмъ труднѣе было его исполнять съ успѣхомъ, что деревенскій пасторъ, имѣя часто обширный приходъ въ своемъ вѣденіи, имѣлъ множество другихъ занятій. Поэтому деревенскій пасторъ въ особенности нуждался въ помощникѣ, который бы могъ помогать ему и заступать его мѣсто при обученіи дѣтей катихизису. Такимъ естественнымъ помощникомъ пастора повсемѣстно является кистеръ или церковникъ (Küster, Kirchner, Kustos, Messner, Glockner, Opferman или Sigrist). Первоначально этотъ кистеръ обязанъ былъ только исполнять церковную службу, то есть звонить въ колокола передъ началомъ обѣдни, содержать церковь въ порядкѣ, управлять церковнымъ пѣньемъ и проч; теперь онъ является въ новомъ качествѣ катехета или учителя, дѣйствующаго подъ руководствомъ пастора. Поэтому въ церковныхъ уставахъ XVI столѣтія всѣхъ протестантскихъ государствъ находимъ предписанія, чтобы при каждой церкви содержался свѣдущій и хорошаго поведенія кистеръ, который долженъ между прочимъ обучать дѣтей катихизису, молитвамъ и церковному пѣнію.

Кистеръ, вмѣстѣ съ пасторомъ, стали обучать дѣтей катихизису въ церквахъ; поэтому это была только церковная катихизація, а не самостоятельная народная школа. Къ основанію народныхъ школъ въ тѣсномъ смыслѣ, побудили два особенныя обстоятельства: въ одной стороны, введеніе у протестантовъ обряда *конфирмаціи*, съ другой *раздѣленіе протестантизма* на два вѣроисповѣданія — лютеранское и реформатское.

При конфирмаціи, молодой христіанинъ долженъ доказать передъ лицомъ Бога и общины, что онъ съ полнымъ сознаниемъ можетъ воспользоваться духовными благами, доставляемыми святымъ крещеніемъ. Поэтому, для приступающаго къ обряду конфирмаціи не достаточно было общее приготовленіе, какое получалось отъ церковныхъ катихизацій; для нихъ было необходимо особенное конфирмаціонное обученіе, посредствомъ котораго они могли-бы основательно познакомиться съ библейскою исторіею и вполне сознательно изучить катихизисъ, молитвы и церковное пѣніе. Такое конфирмаціонное ученіе обыкновенно начиналось за нѣсколько недѣль до праздника назначеннаго для конфирмаціи, напр. въ началѣ поста, если конфирмація должна была происходить въ страстную субботу. Въ такой короткій срокъ, очевидно, пасторъ не въ состояніи былъ достаточно подготовить молодыхъ людей къ конфирмаціи, если они прежде не выучились чтенію, письму и катихизису.

Къ этому, въ половинѣ XVI столѣтія присоединилось другое обстоятельство, вслѣдствіе котораго заведеніе народныхъ школъ въ протестантскихъ земляхъ оказалось необходимымъ. Когда лютеранское и реформатское вѣроисповѣданія окончательно отдѣлились одно отъ другаго, и каждое строго и точно опредѣлило свои основныя начала вѣры, то каждое изъ нихъ, очевидно, должно было стараться утвердить эти начала въ своихъ приходахъ, и ознакомить съ ними своихъ прихожанъ. Это могло быть достигнуто только съ помощью заведенія по всѣмъ приходамъ народныхъ школъ.

Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, вскорѣ во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ возникли народныя школы при церквахъ, существовавшія независимо отъ школъ латинскихъ и собственно городскихъ, профессиональныхъ; обучали въ нихъ кистеры подъ руководствомъ и наблюденіемъ пасторовъ. Но въ деревняхъ въ это время народныя школы при церквахъ могли существовать только тамъ, гдѣ находился кистеръ, способный къ учительской должности, и гдѣ крестьяне желали посылать къ нему

своихъ дѣтей для обученія и соглашались платить ему нѣкоторое жалованье. Не было еще тогда главныхъ условій, при которыхъ могутъ существовать повсемѣстно народныя школы, а именно учительскихъ семинарій или учебныхъ заведеній для приготовленія народныхъ учителей и учительницъ. Точно также не существовала еще тогда общая обязанность посылать дѣтей въ народную школу; впрочемъ, въ церковномъ уставѣ Виртемберга 1559 г. находимъ уже положеніе, что родители подвергаются извѣстному штрафу, если ихъ дѣти будутъ шлаться во время катихизаціи, производимой пасторомъ или кистеромъ въ церкви.

Предметы обученія въ народныхъ школахъ въ это время были весьма немногочисленны; главное ихъ назначеніе состояло въ обученіи чтенію, письму, катихизису и церковному пѣнію; только въ немногихъ школахъ учили также первымъ правиламъ ариметики. Учебныя книги находились у весьма немногихъ учениковъ; это были: церковный пѣсенникъ и катихизисъ; иногда краткій псалтырь, собраніе поучительныхъ мѣстъ изъ Библии, или наконецъ такъ-называемый *Rosarium*, то-есть собраніе библейскихъ притчъ, составленное и изданное знаменитымъ въ то время Гольдбергскимъ ректоромъ Троцендорфомъ. Употреблялась также иногда изданная въ 1520 г. Валентиномъ Икельзамеромъ методическая учебная книга для чтенія, подъ заглавіемъ *Von den rechten Weise lesen zu lernen; auch deutsche Grammatik, daraus einer von ihm selbst mag lesen lernen*. Въ 1526 г. появился первый полный учебникъ для первоначальныхъ и нѣмецкихъ школъ подъ заглавіемъ: *Ein Büchlein für die Kinder, gebessert und gemehrt der Laien Biblia*, въ которомъ содержались: алфавитъ, три главныя молитвы съ объясненіями по Лютеру, нѣсколько библейскихъ притчъ и нумерація отъ 1 до 100.

Ученики приходили въ школу и садились безъ всякаго порядка, гдѣ попало; учитель во время урока занимался какою-нибудь ремесленною работою, не возбуждая этимъ соблазна; ученики выступали на середину класса одинъ за другимъ и пе-

республики училища. Ученики изъ простонародія въ то время были столь бѣдны, что тѣ изъ нихъ, которые хотѣли чему-нибудь выучиться, должны были слѣдовать примѣру знаменитаго Троцендорфа, который выучился чтенію у своего пастора и письму у кистера, при чемъ вмѣсто бумаги употреблялъ березовую кору, вмѣсто пера—тростинку, а вмѣсто чернилъ—сосновую сажу, разведенную водою. Въ городахъ употреблялось, прежде всего въ Виртембергѣ введенное, раздѣленіе учениковъ на три кружка: на складывающихъ, читающихъ по складамъ и читающихъ свободно.

Нѣкоторые пасторы и школьные учителя изобрѣтали и вводили въ употребленіе особенные методы и способы обученія. Такимъ образомъ Лукасъ Мартинъ изъ Нордлингена, въ предисловіи къ своему *Epitome religionis christianae*, 1589, говоритъ, что онъ извлекъ изъ священнаго писанія значительное число притчъ и краткихъ примѣровъ и примѣнилъ ихъ къ разнымъ мѣстамъ лютерова краткаго катихизиса; объясняя катихизисъ, онъ объяснялъ вмѣстѣ и эти притчи, и заставлялъ учениковъ выучивать ихъ наизусть. Онъ предлагаетъ дѣлить учениковъ на три кружка: къ первому кружку должны быть отнесены тѣ, которые только начинаютъ выучивать молитвы; ко второму тѣ, которые знаютъ наизусть молитвы и изучаютъ толкованіе на нихъ Лютера; къ третьему наконецъ такіе, которые знаютъ молитвы и толкованіе Лютера и изучаютъ притчи и примѣры. Учитель долженъ сперва пересказать ясно и внятно задаваемый урокъ каждому кружку, а потомъ заставлять каждаго ученика пересказать этотъ урокъ. Но такъ какъ всегда одни ученики успѣваютъ болѣе другихъ, то необходимо ежегодно дѣлать экзаменъ, который производится слѣдующимъ образомъ: ученики низшаго кружка сперва пересказываютъ учителю молитвы, одинъ за другимъ; тѣ изъ нихъ, которые не исполнили ихъ выучили остаются въ томъ-же кружкѣ; тѣ-же, которые ихъ хорошо пересказали, становятся особенно по двое, и одинъ другого спрашиваетъ въ разбивку; отвѣчающіе безъ

ошибокъ переводятся въ слѣдующій кружокъ. Такимъ образомъ производится экзаменъ и въ другихъ кружкахъ.

Для поощренія болѣе прилежныхъ учениковъ, давали имъ награды; такимъ образомъ въ Виртембергѣ и въ Нордлингенѣ, учитель давалъ лучшимъ ученикамъ по грошу или по булкѣ.

Школьная дисциплина употреблялась въ народныхъ училищахъ такая-же, какъ и въ латинскихъ школахъ, такъ-какъ пасторы и кистеры старались во всемъ подражать латинскимъ учителямъ. Надежнѣйшими средствами возбужденія прилежанія и охоты къ наукѣ считались удары, угрозы, ругательства, проклятія и т. п. Всѣ школьные уставы того времени ссылаются, хотя и безуспѣшно, воздержатъ учителей отъ такой безчеловѣчной дисциплины. Въ Эсслингенскомъ школьномъ уставѣ 1548 г. сказано: «учитель не долженъ бить ученика по головѣ, ни наказывать его оплеухами, щелчками въ носъ или въ лобъ, ни теребить его за волосы и за уши, не долженъ употреблять для наказанія ни палки, ни дубины,—а только можетъ бить его розгами по надлежащему мѣсту». Въ Базелѣ на учителей приносили жалобу, что они не учатъ, а только дерутся и истязаютъ учениковъ; поэтому нужно было имъ предписать, чтобы они не обращались съ дѣтьми варварскимъ образомъ, не пробивали имъ дыръ въ головѣ, не разбивали имъ пальцевъ до такой степени, чтобы кровь лилась изъ-подъ ногтей, не вырывали имъ цѣлыми горстями волосъ и не били ихъ, поваливши на землю, ногами.

Розга вообще считалась символомъ школьной дисциплины, а во мнѣніи учениковъ представляла символъ самой школы. Вообще, въ школахъ существовали обычаи, доказывающіе, что розга для школы имѣла такое-же значеніе, какъ для войска знамена, и для государя скипетръ. Провинившійся ученикъ долженъ былъ брать розгу въ руки, класть на нее пальцы и цѣловать ее, испрашивая у нея прощенія, какъ у заступницы школы. Новому учителю, поступающему къ школу, передаваема

была торжественно въ присутствіи учениковъ, розга, какъ символическій знакъ его должности.

Такимъ образомъ развивались народныя школы въ Германіи, до начала тридцатилѣтней войны, — когда страшныя бѣдствія, обрушившіяся на Германію, совершенно изгладили эти начатки школьнаго быта, возникшіе изъ религіознаго духа протестантизма. Первый періодъ развитія нѣмецкой народной школы окончился, но не скоро наступило начало втораго періода.

III.

Упадокъ нѣмецкой народной школы во время тридцатилѣтней войны. Возрожденіе ея подъ вліяніемъ протестантскаго піетизма. Шпенеръ и Франке.

Въ 1618 г. началась война, впродолженіи тридцати лѣтъ изливавшая на Германію всевозможныя бѣдствія. Время это представляетъ самый печальный періодъ нѣмецкой исторіи: войска тогдашнія были не арміи, а скорѣе шайки разбойниковъ и грабителей; страна была до такой степени опустошена, что въ ней удобнѣе было жить хищнымъ животнымъ, чѣмъ людямъ. Города и селенія цѣлыми тысячами были разорены и сожжены; народъ деревенскій выросъ среди страшной нищеты и совершенно одичалъ. Въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ войны и разоренія, нѣмецкая народная школа XVI столѣтія совершенно исчезла, и не оставила даже послѣ себя никакихъ слѣдовъ; кистеры, содержавшіе школы, вымерли или погибли во время войны, или наконецъ сами сдѣлались солдатами. Едва сохранились латинскія городскія школы, которыя также давали только слабыя признаки жизни. До какой степени просвѣщеніе упало въ Германіи во время этой войны, видно напр. изъ того, что въ Гольдбергѣ въ Силезіи, гдѣ въ XVI столѣтіи процвѣтала школа знаменитаго Троцендорфа, и гдѣ не было почти ни одного жителя, который-бы не говорилъ по-латини,—

въ 1654 г. нашелся *одинъ* только гражданинъ , который былъ въ состояніи написать письмо или прошеніе.

Очевидно , что слѣдовало не возстановлять прежнія народныя школы , но заводить ихъ вновь. Но послѣ Вестфальскаго мира , это было гораздо труднѣе , чѣмъ въ XVI столѣтіи : правительства были обременены заботами о возстановленіи какого-нибудь порядка и управленія въ государствахъ ; - церковь только съ величайшимъ трудомъ успѣвала призвать къ жизни совершенно разстроенныя прежнія церковныя отношенія ; по этому ни правителямъ , ни духовенству некогда было думать объ учрежденіи народныхъ школъ. Притомъ , тогда рѣшительно не откуда было взять кистеровъ , умѣющихъ читать и писать ; имущества , капиталы и пожертвованія , на которыя прежде содержались школы , во время войны погибли ; наконецъ страшная нищета , въ которой жилъ простой народъ , его дикость и совершенное равнодушіе къ школамъ и образованію , представляли повсюду почти непреодолимое препятствіе заведенію вновь народныхъ школъ въ Германіи.

Въ это время всеобщаго варварства и мрака , между правителями Германіи одинъ только благочестивый Эрнестъ , герцогъ Готскій , заботился о народномъ образованіи. Еще до заключенія мира онъ составилъ планъ заведенія школъ во всѣхъ общинахъ своего герцогства , и дѣятельно занялся его осуществленіемъ. вмѣстѣ съ основаніемъ деревенскихъ школъ , онъ предписалъ , чтобы по всѣмъ церквамъ производилась катихизація для дѣтей и взрослыхъ. И школы и катихизація имѣли одну цѣль—возстановить упавшій религиозный протестантскій духъ въ одичавшемъ во время войны народѣ. Такое распоряженіе герцога Эрнеста показалось современникамъ страннымъ и возбудило противъ него много насмѣшекъ. Однако вскорѣ оказалось , что путь имъ избранный былъ единственно надежный , и что только у герцога Эрнеста возникло народное образованіе , хотя въ началѣ весьма слабое и несовершенное. Въ другихъ протестантскихъ государствахъ хотѣли этого достиг-

нуть посредствомъ возобновленія церковныхъ уставовъ прошедшаго столѣтія, по которымъ кистерамъ предписывалось содержать народныя школы. Но такія мѣры оказались совершенно безуспѣшными. Возстановленію прежнихъ школъ препятствовали не одни только внѣшнія затрудненія, о которыхъ мы говорили выше. Было еще другое препятствіе, гораздо болѣе сильное и глубокое, которое не могло быть устранено никакими предписаніями и внѣшними усиліями. Религіозный протестантскій духъ, возбудившій къ жизни въ XVI столѣтіи народныя школы, уже не существовалъ, или совершенно потерялъ свою силу. Вслѣдствіе возникшаго въ протестантскомъ мірѣ въ половинѣ XVI столѣтія церковнаго раздвоенія, духъ протестантской теологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духъ протестантской церкви мало-по-малу измѣнился. На мѣсто животворящаго, практически-христіанскаго религіознаго духа, стремившагося излить блага вѣры на всѣхъ членовъ христіанской общины, возсоздать царство Божье въ душѣ каждаго христіанина, — выступилъ духъ чисто-теологическій, стремившійся къ достиженію одной только внѣшней чистоты ортодоксіи церковной, одного однообразія символическихъ обрядовъ вѣры. Духовенство протестантское начало заботиться единственно о чистотѣ религіозной догмы, или лучше сказать о томъ, въ чемъ, по его мнѣнію, состояла эта чистота, полагая, что въ этомъ только и заключалось его призваніе, и что сохранивъ въ незапятнанной чистотѣ лютеранскую или реформатскую догму, люди уже сдѣлаютъ все то, чего Богъ отъ нихъ требуетъ. Очевидно, что церковь, принявшая такое направленіе, уже перестала быть той почвою, на которой въ прошедшемъ столѣтіи возникли и выросли народныя школы. Послѣдствія такого гибельнаго направленія не замедлили проявиться: возникшая въ XVI столѣтіи церковная катихизація, оказавшая столь важныя услуги христіанству и народному образованію, въ XVII столѣтіи совершенно прекратилась.

Поэтому для того, чтобы могли воскреснуть въ Германіи

прежнія христіанскія школы, необходимо было, чтобы прежде воскресъ въ протестантской церкви тотъ духъ религіозный, который ихъ создалъ въ XVI столѣтіи, и то благодатное убѣжденіе, что истинное величіе церкви Христовой заключается не въ обоготвореніи чистоты символической ортодоксіи, а въ возсозданіи царства Божія въ душѣ cadaго христіанина. Прежде всего церковь протестантская должна была проникнуться тою истиною, что назначеніе ея—не вести безконечные богословскіе споры о всѣхъ тонкостяхъ догматики, а стремиться къ возрожденію упавшихъ христіанъ отъ грѣха.

Дѣйствительно, такой благотворный духъ возникъ въ протестантской церкви въ концѣ XVII столѣтія. Это былъ духъ *пiетизма*, который въ это время проявился съ двоякимъ направлениемъ: во-первыхъ, пiетизмъ возсталъ противъ господствовавшаго тогда схоластическаго догматизма, который требовалъ, чтобы церковь прежде всего стремилась къ единству и чистотѣ ичѣмъ незапятнанной догмы; въ противоположность этому стремленію, пiетизмъ требовалъ, чтобы церковь прежде всего заботилась о практическомъ развитіи христіанства, чтобы она обращалась къ каждому христіанину отдѣльно, и въ каждомъ старалась возбудить Христово величіе; чтобы затѣмъ всякія догматическія положенія и тонкости, которыя къ этой цѣли не служатъ, были оставлены въ покоѣ, какъ предметы второстепенной важности, не имѣющіе никакого пракческаго значенія. Во вторыхъ, пiетисты возстали противъ латинскаго схоластицизма того времени, и противъ той изолированности, въ которой ученое латинское образованіе держало себя въ отношеніи къ нѣмецкому народному образованію; они требовали, чтобы нѣмецко-христіанское образованіе и воспитаніе были признаны необходимыми и для ученаго образованія. Такимъ образомъ пiетизмъ, стремясь къ развитію практически-христіанскаго направленія къ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ устремился къ развитію и народнаго нѣмецкаго образованія.

Главнымъ представителемъ и наиболее дѣятельнымъ орга-

номъ этого нѣмецко-протестантскаго пѣтизма является во второй половинѣ XVII столѣтія *Филиппъ Яковъ Шпенеръ*. Онъ родился въ 1635 г. въ Раппольсвейлерѣ въ верхнемъ Эльзасѣ, изучалъ богословіе въ Страсбургѣ, занимался первоначально изученіемъ геральдики, которой оказалъ немаловажныя услуги, но потомъ исключительно занялся богословіемъ. Главная заслуга Шпенера состоитъ въ томъ, что онъ возстановилъ въ протестантской церкви совершенно вышедшія изъ употребленія церковныя катихизаціи. Онъ убѣдился, что обыкновенныя церковныя проповѣди недостаточны для того, чтобы разлить блага христіанской любви и свѣта на простой народъ. Гораздо болѣе дѣйствительное средство для достиженія этой цѣли, онъ видѣлъ въ катихизаціяхъ, при которыхъ проповѣдникъ обращался къ каждому христіанину въ отдѣльности. Поэтому переселившись въ 1666 году изъ Страсбурга во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ получилъ мѣсто главнаго пастора, послѣ долгихъ совѣщаній со своими товарищами о томъ, какимъ образомъ можно-бы сдѣлать церковныя катихизаціи наиболѣе полезными и дѣйствительными, Шпенеръ успѣлъ склонить ихъ къ тому, чтобы въ послѣобѣденныхъ проповѣдяхъ объясняемы были въ церквахъ тѣ положенія, которыя должны были составлять предметъ слѣдующей за тѣмъ катихизаціи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ началъ производить катихизаціи въ церкви каждое воскресеніе по полудни, хотя эта обязанность на немъ и не лежала. Сначала приходили слушать ихъ одни школьные ученики, но вскорѣ стали приходять и взрослые. Опытъ доказалъ, что одно испытаніе въ катихизаціи приносило гораздо болѣе пользы, чѣмъ слушаніе многихъ проповѣдей. Чтобы распространить пользу отъ своихъ катихизацій, Шпенеръ, по совѣту друзей, рѣшился въ 1677 г. ихъ напечатать подъ заглавіемъ: *Простое изложеніе христіанскаго ученія по малому катихизису Лютера*. Впослѣдствіи Шпенеръ прибавилъ къ этой книгѣ свои катихизическія таблицы на латинскомъ языкѣ, предназначавшіяся для духовенства въ руководство при катихиза-

ціяхъ. Эти таблицы изданы были на нѣмецкомъ языкѣ преемникомъ Шпенера Приціусомъ, вмѣстѣ съ одобреніемъ катихизацій отъ Лейпцигскаго богословскаго факультета. До какой степени въ это время катихизаціи были заброшены протестантскимъ духовенствомъ, видно изъ того, что Шпенеръ въ предисловіи къ таблицамъ принужденъ былъ доказывать, что духовные не должны почитать для себя унижительнымъ ихъ производить. Кромѣ катихизацій въ церкви, Шпенеръ учредилъ у себя на дому домашнія религіозныя бесѣды, на которыхъ объяснялъ собиравшимся у него лицамъ главныя положенія священнаго писанія. Эти домашнія катихизаціи, названныя Шпенеромъ *Collegia pietatis*, вскорѣ до такой степени начали привлекать къ себѣ слушателей, что Франкфуртскій магистратъ рѣшился открыть для нихъ особенную церковь. Сочиненіе, изданное Шпенеромъ въ 1675 году, подъ заглавіемъ «*Pia desideria*, или сердечное желаніе, чтобы церковь евангелическая исправилась, вмѣстѣ съ нѣкоторыми къ этой цѣли служащими предложеніями», — возбудило всеобщее сочувствіе къ его дѣятельности и мнѣніямъ. Введены были шпенеровскія катихизаціи въ Ульмѣ, Марбургѣ и во всей Саксоніи; въ другихъ протестантскихъ земляхъ ихъ введенію помѣшало тупое сопротивление педаггической лютеранской ортодоксіи. Когда въ 1686 г. Шпенеръ былъ приглашенъ курфирстомъ саксонскимъ Іоанномъ Георгомъ III въ Дрезденъ на мѣсто главнаго придворнаго проповѣдника, то кругъ его дѣятельности значительно расширился. Онъ и здѣсь учредилъ катихизическія упражненія у себя на дому, которыя въ скоромъ времени сдѣлались столь популярны, что ихъ нужно было перенести въ церковь. При открытіи сейма Саксонскаго, Шпенеръ сказалъ проповѣдь, въ которой столь убѣдительно доказалъ пользу катихизацій, что сеймъ опредѣлилъ сдѣлать ихъ обязательными во всемъ курфиршествѣ. Однако и здѣсь Шпенеръ нашелъ много враговъ, которые старались осмѣять его катихизическую дѣятельность, говоря, что курфирствъ искалъ проповѣдника, а нашелъ школьнаго

учителя. Вскорѣ дѣятельность Шпенера оказала вліяніе и на Лейпцигскій университетъ, въ которомъ учили три наиболѣе ревностные его приверженца: приватдоцентъ Августъ Германъ Франке и два магистра Антонъ и Шаде. Они учредили тамъ такъ-называемыя *филобиблическія коллегіи*, то-есть поучительныя чтенія на нѣмецкомъ языкѣ о священномъ писаніи, послужившія началомъ новой нѣмецкой богословской школы. Но лишь только обнаружилась противоположность стремленій этой школы духу и стремленію привилегированной педантически-ученой латинской теологіи, то между ними возникла борьба и ученые богословы стали всѣми средствами преслѣдовать такъ-называемыхъ нѣмецко-варварскихъ новаторовъ. Эти преслѣдованія заставили Шпенера съ радостію принять предложенное ему въ 1691 г. курфирстомъ Бранденбургскимъ мѣсто пастора Николаевской церкви въ Берлинѣ. Черезъ три года послѣ этого послѣдовало открытіе Галлскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ для дѣятельности Шпенера и его учениковъ открылось обширное поле. Франке, Шаде и Антонъ были приглашены въ Галле, равно-какъ Брейтгауптъ изъ Эрфурта, одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ послѣдователей Шпенера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, знаменитый Христіанъ Томазіусъ, не имѣвшій до-тѣхъ-поръ ничего общаго съ Шпенеромъ, открылъ въ Галлскомъ университетѣ свои знаменитыя чтенія на нѣмецкомъ языкѣ. Другіе профессоры начали слѣдовать его примѣру, и авторитетъ латинской учености былъ подкопанъ. Въ это-же время начало возникать въ Галле самое величественное созданіе духа піетизма — сиротскій домъ, основанный Августомъ Германомъ Франке.

Путешественники, посѣщающіе Галле, обыкновенно осматриваютъ сиротскій домъ Франке. Если выйдти изъ Галле въ предмѣстіе Гляуха (Glauch), то увидимъ по лѣвой сторонѣ высокое зданіе, надъ воротами котораго находится надпись: *«Кто на Бога надѣется, тотъ получаетъ силу: возносится на крыльяхъ подобно орлу, летаетъ—и крылья его не ослабѣваютъ, хо-*

дыть—и не знаетъ устали». Ворота ведутъ въ длинный дворъ, въ настоящую улицу, въ которой, кромѣ собственно сиротскаго дома, находятся: педагогіумъ, зданіе Канштейнова библейскаго учрежденія, большая аптека, обширный книжный магазинъ, множество хозяйственныхъ зданій, садовъ, огородовъ и проч., словомъ, цѣлый городъ или цѣлая колонія.

Все это создано бѣднымъ пасторомъ и профессоромъ, который, надѣясь на Бога, хлопоталъ и трудился до самого конца своей посвященной пользѣ ближнихъ жизни, *и не зналъ устали*.

Августъ Германъ Франке родился отъ небогатыхъ родителей въ 1663 г. въ Любекѣ; рано потерялъ отца, и учился сперва въ Готской гимназіи, а потомъ въ Эрфуртѣ и Килѣ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ особенно занимался изученіемъ метафизики, естественной исторіи и богословія. Изъ Килия въ 1682 г. Франке отправился въ Гамбургъ, гдѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ успѣлъ научиться еврейскому языку у знаменитаго тамошняго гебраиста Эзра Эдзарди. Изъ Гамбурга Франке возвратился въ Готу, и здѣсь семь разъ прочиталъ священное писаніе на еврейскомъ языкѣ и изучалъ англійскій и французскій языки. Послѣ такого основательнаго приготовленія онъ отправился въ Лейпцигъ, получилъ степень приват-доцента, защитивъ диссертацию de Grammatica hebraea, и началъ своя такъ-называемыя collegia philobiblica, то есть чтенія о священномъ писаніи, въ которыхъ изъяснялъ ветхій и новыи завѣтъ философски и практически. Чтенія эти, привлекавшія множество слушателей, дали ему большую извѣстность и обратили на него вниманіе Шпенера, бывшаго тогда главнымъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Дрезденѣ. Въ 1687 году Франке отправился въ Люнебургъ къ суперинтенденту Зандгагену; здѣсь овладѣло имъ сомнѣніе: Франке, воспитанныи въ христіанскомъ благочестіи, съ малолѣтства молилъ Бога о томъ, чтобы вся жизнь его могла быть посвящена богоугоднымъ дѣламъ; но богословіе показалось ему наукою сухою и лишен-

ною сердечной теплоты. Онъ самъ рассказывалъ, что въ это время одинъ видъ библии наводилъ на него тоску. «Еврей вѣрятъ въ талмудъ, турки въ коранъ, христіане въ библію, думалъ онъ; кто изъ нихъ правъ?» Такія сомнѣнія мучили его постоянно. Однажды въ это время случилось ему говорить проповѣдь на текстъ священнаго писанія Іоан. 20, 31 *Сія же писана быша, да вѣруете яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій и да вѣрующе живете имъ во имя Его.* Онъ хотѣлъ говорить о истинной и животворящей вѣрѣ, и чувствовалъ, что въ немъ самомъ нѣтъ этой вѣры. Въ отчаяніи онъ горячо сталъ молить Бога о спасеніи. Тогда мгновенно разсѣялись и исчезли всѣ сомнѣнія; молодой проповѣдникъ укрѣпился въ вѣрѣ, которая не оставила его во всю жизнь. Изъ Люнебурга Франке отправился въ Гамбургъ и основалъ тамъ школу для дѣтей, которая для него самого была первою школою терпѣнія, любви и снисходительности къ дѣтямъ. Онъ тутъ впервые убѣдился, до какой степени упадка и испорченности дошло тогда школьное образованіе въ Германіи, и рѣшился посвятить всю жизнь на исправленіе школъ и воспитанія. Результаты своихъ первыхъ школьныхъ опытовъ онъ изложилъ въ сочиненіи: *О воспитаніи дѣтей, имѣющемъ целью доставить имъ спасеніе и христіанское совершенство.*

Изъ Гамбурга Франке отправился въ Дрезденъ къ Шпенеру, у котораго пробылъ два мѣсяца, и потомъ возвратился въ Лейпцигъ, гдѣ продолжалъ свои фило-библейскія коллегіи. Въ 1690 г. онъ принялъ предложенное ему мѣсто діакона Августинской церкви въ Эрфуртѣ, но высшее лютеранское духовенство видѣло въ немъ что-то въ родѣ основателя новой ереси, и потому безъ дальнѣйшаго разбирательства лишило его мѣста.

Въ это именно время (1691 г.), основанъ былъ университетъ въ Галле, и по старанію Шпенера, Франке назначенъ былъ профессоромъ греческаго и восточныхъ языковъ въ новомъ университетѣ, и пасторомъ предмѣстія Гляуха. Прибывъ

въ началѣ 1692 г. въ Галле, Франке остался здѣсь до самой смерти.

Начало большихъ воспитательныхъ учрежденій Франке относится къ 1694 году. Учрежденія эти возникли слѣдующимъ образомъ: нищѣ обыкновенно приходили въ пасторскій домъ за подаваніемъ по четвергамъ. вмѣсто того, чтобы раздавать имъ милостыню у дверей своего дома, Франке сталъ приглашать ихъ въ свою квартиру, катихизировалъ молодыхъ въ присутствіи взрослыхъ, и заключалъ катихизацію общемою молитвою; за тѣмъ давалъ каждому подаваніе. Будучи очень бѣденъ, онъ рѣшился отказаться отъ ужина, чтобы только сберечь часть денегъ для нищихъ; съ этою же цѣлью онъ въ 1695 г. прибилъ у дверей своего дома кружку для бѣдныхъ. Однажды онъ нашелъ въ ней 7 гульденовъ; взявъ ихъ въ руки онъ сказалъ: «это большая сумма; на нее можно сдѣлать что нибудь значительное; попробую учредить на эти деньги школу для бѣдныхъ». Въ тотъ-же день онъ купилъ на 2 талера книгъ, и пригласилъ къ себѣ одного бѣднаго студента, которому поручилъ обучать бѣдныхъ дѣтей по два часа въ день. Впрочемъ, изъ 27 книгъ, розданныхъ бѣднымъ, только 4 были ему возвращены. Франке однако не унывалъ, купилъ новыя книги, очистилъ для школы комнату рядомъ со своимъ кабинетомъ, и сталъ раздавать милостыню бѣднымъ дѣтямъ по три раза каждую недѣлю, чтобы привлечь ихъ этимъ къ занятіямъ. Вскорѣ мѣщане начали присылать своихъ дѣтей въ эту школу, и Франке взымалъ съ нихъ плату за ученіе по одному грошу (3 к. с.), съ каждаго въ недѣлю. На эти деньги можно было увеличить плату студенту, который съ тѣхъ поръ сталъ обучать дѣтей по пяти часовъ каждый день. Уже въ теченіе перваго года число учениковъ Франке возрасло до 60.

Молва о дѣятельности Гляухскаго пастора въ пользу бѣдныхъ стала распространяться, и вмѣстѣ съ тѣмъ отовсюду стали посылать ему вспомошествованія. По мѣрѣ увеличенія средствъ, расширились его планы. Мыслью томъ, что предпри-

нявъ великое дѣло безъ всякихъ средствъ, онъ получилъ средства для его продолженія, дала ему увѣренность, что и для дальнѣйшихъ предпріятій средства не замедлятъ явиться.

Вскорѣ его пасторскій домъ сталъ слишкомъ малъ для помѣщенія постоянно увеличивающейся школы; онъ нанялъ комнату въ сосѣднемъ домѣ, и раздѣлилъ школу на два класса: въ одномъ обучались бѣдные, въ другомъ дѣти мѣщанъ; каждый классъ имѣлъ особаго учителя. Вслѣдъ за тѣмъ, въ немъ родилось желаніе не только обучать дѣтей, но и воспитывать ихъ, желаніе учредить настоящій сиротскій домъ. Одинъ изъ друзей далъ ему для начала 500 талеровъ; въ ноябрѣ 1695 г. уже у Франке воспитывалось 9 сиротъ; надзоръ надъ ними былъ порученъ студенту богословія Нейбауеру. Въ томъ-же году къ Франке присланы были для обученія трое молодыхъ людей изъ дворянъ, и это послужило поводомъ къ основанію позднѣйшаго педагогіума. Въ слѣдующемъ 1696 году Франке уже имѣлъ два дома для помѣщенія своихъ сиротъ и учениковъ; у него уже воспитывалось болѣе 50 сиротъ, и кромѣ-того, открытъ былъ безденежный столъ для бѣдныхъ студентовъ, за которымъ обѣдало постоянно до 40 человѣкъ.

Когда число сиротъ стало значительно увеличиваться, то Франке рѣшился построить особенный сиротскій домъ. Онъ отправилъ своего преданнаго и умнаго помощника, студента Нейбауера въ Голландію, для осмотра тамошнихъ заведеній этого рода. Нейбауеръ, возвратившись изъ путешествія, тотчасъ приступилъ къ постройкѣ дома, котораго фундаментъ былъ заложенъ 24 іюля 1698 г. Число призрѣваемыхъ сиротъ уже тогда возрасло до 100, а учениковъ до 500.

Исторія постройки этого дома представляетъ многія замѣчательныя черты, въ которыхъ невозможно не видѣть десницы провидѣнія. Однажды у Франке не было ни гроша денегъ, и неоткуда было ихъ взять, а между-тѣмъ слѣдовало расплатиться съ рабочими. Когда прикащикъ пришелъ за деньгами, то въ то-же время явился къ Франке студентъ и принесъ 30

талеровъ, пожертвованныхъ неизвѣстною особою. Франке спросилъ приказчика, сколько слѣдуетъ заплатить рабочимъ: оказалось, что имъ слѣдовало заплатить ровно 30 талеровъ. Въ другой разъ Франке послалъ одной бѣдной вдовѣ червонецъ: вдова отвѣчала что червонецъ пришелъ кстати, такъ какъ у нея не было хлѣба, и что она молилась о томъ, чтобы Всевышній ниспослалъ Франке пѣлую кучу червонцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней Франке получилъ совершенно неожиданно съ разныхъ сторонъ нѣсколько сотъ червонцевъ.

Кромѣ такихъ случайныхъ пожертвованій, заведеніе Франке имѣло уже тогда два источника постоянныхъ доходовъ. Одинъ молодой богословъ, по имени Эллеръ, рѣшился въ 1698 г. отправиться въ Лейпцигъ на ярмарку, поставилъ тамъ на площади маленькій столикъ и сталъ продавать проповѣди и другія сочиненія Франке. Это было скромное начало сиротской книжной торговли, которая, подъ руководствомъ дѣятельнаго и умнаго Эллера, вскорѣ приняла столь обширные размѣры, что слѣдовало открыть лавки, кромѣ Лейпцига, еще въ Берлинѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ. Кромѣ сочиненій Франке, въ этихъ книжныхъ лавкахъ продавались и учебники, изъ которыхъ нѣкоторые издаваемы были многими изданіями. Другой источникъ постоянныхъ доходовъ составляла сиротская аптека, въ которой приготавливались особенные такъ называемые сиротскіе медикаменты, пользовавшіеся въ то время большою знаменитостью.

Съ этого времени учебно-воспитательныя заведенія Франке начали развиваться съ немовѣрною быстротою. Въ годъ смерти Франке (1727) состояніе ихъ, какъ видно изъ отчета, представленнаго прусскому королю Фридриху Вильгельму I, было слѣдующее:

- 1) Въ педагогіумѣ, въ которомъ воспитывались дѣти, принадлежавшіе къ высшему сословію, находилось 82 ученика и 70 учителей и прислуги.
- 2) Въ латинской школѣ сиротскаго дома были 3 инспектора, 32 учителя, 400 учениковъ и 10 человѣкъ прислуги.

3) Въ нѣмецкихъ мѣщанскихъ школахъ, которыя произошли изъ первоначальной школы Франке для дѣтей нищихъ, состояло: 4 инспектора, 98 учителей, 8 учительницъ, 1725 мальчиковъ и дѣвочекъ.

4) Въ сиротскомъ домѣ 100 мальчиковъ, 34 дѣвочки, 10 смотрителей и смотрительницъ.

5) Даровымъ столомъ пользовалось 255 студентовъ и 360 бѣдныхъ учениковъ.

6) При книжныхъ лавкахъ, аптекѣ и зданіяхъ состояло 53 человекъ прислуги и должностныхъ лицъ.

7) Въ заведеніяхъ для призрѣнія лицъ женскаго пола при-зрѣвалось 29 дѣвицъ и вдовъ.

Кромѣ-того, при сиротскомъ домѣ состояло библейское учрежденіе Канштейна. Другъ Шпенера, Карлъ Гильдебрандъ фонъ Канштейнъ, подалъ первую мысль распространенія въ Германіи печатныхъ стереотипныхъ дешевыхъ библій, въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ, и передалъ эту мысль для исполненія Франковскому сиротскому дому. Для исполненія ея, принцъ Карлъ Датскій далъ Франке 1270 червонцевъ. Первое стереотипное изданіе Новаго Завѣта вышло въ 1711 году. До 1795 года сиротскій домъ Франке издалъ 1,659,883 экземпляра библіи, 883,890 экземпляровъ Новаго завѣта, 16,000 экземпляровъ псалмовъ и 47,500 экз. книги Сираха.

Вотъ блестящіе результаты дѣятельности бѣднаго пастора!

Вся дѣятельность Франке какъ профессора, пастора, педагога и директора учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, проникнута была духомъ шетизма, и исходила изъ безпредѣльной любви его къ Богу и ближнимъ. Онъ работалъ, руководясь исключительно одною мыслью — всѣхъ кого училъ и призрѣвалъ, отъ перваго студента богословія до послѣдняго сироты-ребенка — наставить и воспитать въ духѣ христіанства, возвратить Христу. Его богословскія лекціи болѣе относились къ сердцу и чувству слушателей, чѣмъ къ ихъ уму. «Частичка живой вѣры, говорилъ онъ, гораздо драгоценнѣе, чѣмъ огром-

ныя историческія свѣдѣнія; капля истинной любви христіанской имѣетъ болѣе цѣны, чѣмъ цѣлое море знаній».

Поэтому, направленіе воспитанія и образованія въ заведеніяхъ Франке было по преимуществу религіозное. Катихизисъ, библія, древніе языки, особенно еврейскій, были главными предметами изученія. Но замѣчательно, что рядомъ съ этими предметами, въ заведеніяхъ Франке и реальныя науки играли важную роль. Такимъ образомъ въ мѣщанскихъ школахъ, предназначенныхъ для образованія дѣтей бѣдныхъ родителей изъ простонародія, вмѣстѣ съ катихизисомъ, чтеніемъ и письмомъ, преподавались ариметика, начала естественныхъ наукъ, географія и исторія. Въ латинской школѣ преподавались ботаника, физика и анатомія. При педагогіумѣ находился кабинетъ естественной исторія, ботаническій садъ, физическіе аппараты, химическая лабораторія, анатомическіе препараты и наконецъ токарныя станки и т. под. При огромномъ количествѣ учениковъ, въ заведеніяхъ этихъ было относительно мало настоящихъ учителей. Для обученія въ низшихъ классахъ большею частью употреблялись студенты богословія, которые приготовлялись къ тому въ двухъ при заведеніи учрежденныхъ учительскихъ семинаріяхъ. Въ этой мѣрѣ Франке находилъ ту пользу, что могъ всегда выбирать преподавателей, дѣйствовавшихъ въ его духѣ и неотступно слѣдующихъ введенному въ заведеніи методу преподаванія. Нарочно для этого установленныя инспекторы наблюдали, чтобы ни одинъ преподаватель не отступалъ отъ предписаннаго способа преподаванія. Впрочемъ, такое однообразіе преподаванія и подчиненіе дѣятельности учителей инспекторамъ и директору заведенія, имѣли отчасти дурное вліяніе въ томъ смыслѣ, что дѣлали преподаваніе монотоннымъ, и лишали преподавателей всякой самостоятельности. При томъ студенты обязывались преподавать въ заведеніи только три года, по истеченіи которыхъ оставляли заведеніе и были замѣняемы новыми студентами. Очевидно, что въ такой короткій срокъ они не могли надлежащимъ образомъ усовер-

шенствоваться въ искусствѣ преподаванія. Поэтому Франке въ своихъ заведеніяхъ постоянно имѣлъ множество начинающихъ преподавателей, и только весьма не многихъ опытныхъ педагоговъ; это неудобство очевидно могло быть въ нѣкоторой степени уравновѣшено только полнымъ подчиненіемъ молодыхъ преподавателей инспекторамъ и директору заведенія.

Такимъ образомъ изъ духа пѣтизма, изъ новаго стремленія, давнаго Шпенеромъ протестантской церкви, возникла совершенно новая школьная система, существенно измѣнившая характеръ и направленіе прежнихъ народныхъ нѣмецкихъ школъ. Основанная Франке *школа для бѣдныхъ*, преобразовалась въ школу *народную*, гораздо болѣе обширную и полную, чѣмъ прежнія народныя школы: кромѣ правилъ христіанской религіи, чтенія, письма и ариметики, въ ней уже преподавались начала естествознанія, географіи и исторіи; кромѣ-того, дѣвочки обучались въ ней женскимъ работамъ и рукодѣльямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ народная нѣмецкая школа въ первый разъ органически связана была съ латинскою ученою школою, и крѣпкая стѣна, до тѣхъ поръ отдѣлявшая ученое образованіе отъ народнаго, была пробита. Явилось убѣжденіе, что и народное и ученое образованіе должны покоиться и опираться на одномъ и томъ-же фундаментѣ, что ученое образованіе составляетъ только дальнѣйшее развитіе народнаго. Словомъ, народная школа явилась школою *элементарною*.

Идеи Шпенера, осуществленныя на практикѣ Франке, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ приняты были во всей протестантской Германіи. Всѣ почти правительства нѣмецкія начали обращать вниманіе на народное образованіе. Еще при жизни Франке почти во всѣхъ протестантскихъ школахъ Германіи основаны были школы для бѣдныхъ и сиротскіе дома, изданы школьные уставы и школьные учебники; во многихъ мѣстахъ также стали заботиться объ образованіи и приготовленіи въ гимназіяхъ будущиxъ учителей для народныхъ и сиротскихъ школъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣтно вліяніе Франке, кото-

рый, какъ мы видѣли, не только приготовилъ множество молодыхъ людей къ учительской должности, но также составилъ и издалъ педагогическое руководство, какимъ справедливо можетъ быть названо вышеупомянутое его сочиненіе *О воспитаніи дѣтей*. Впослѣдствіи Рамбахъ издалъ (1733 г.) своего *Информатора* (der wohlunterwiesene Informator), и сталъ впервые читать лекціи о педагогикѣ въ Іенѣ и Гиссенѣ. Наконецъ одинъ изъ послѣдователей Шпенеро-Франковской школы, гернгутскій епископъ Лейрицъ, написалъ въ 1776 г. *Замѣчанія о воспитаніи дѣтей*. Хотя въ этихъ сочиненіяхъ имѣлись въ виду болѣе практическіе интересы, чѣмъ научныя начала, не смотря на то, однако, ими проложенъ былъ путь къ теоріи педагогики.

Это были неоспоримыя услуги, оказанныя нѣмецкимъ пѣтизмомъ дѣлу народнаго воспитанія. Но и пѣтизмъ, какъ всякая исключительная религіозная теорія, скоро впалъ въ крайность и сталъ вырождаться. Форма въ немъ начала болѣе и болѣе осиливать и вытѣснять духъ. То, что у Шпенера и Франке было истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и благочестіемъ, у позднѣйшихъ пѣтистовъ начало выражаться въ ханжество; къ этому присоединилось высокомеріе, гордое убѣжденіе въ непогрѣшности своего ученія, и презрѣніе, съ которымъ пѣтисты взирали на всѣхъ, не раздѣлявшихъ ихъ религіозныхъ мнѣній. Такое вырожденіе пѣтизма не могло не оказать вреднаго вліянія и на вытекшія изъ него учебно-воспитательныя заведенія, въ которыя стали проникать сухой формализмъ и ханжество. Вскорѣ начали появляться новыя идеи о воспитаніи и новыя учебныя заведенія, основанныя на болѣе гуманныхъ и просвѣтительныхъ началахъ Руссо и Базедова, въ которыхъ воспитаніе и ученіе направлено было къ развитію и приготовленію воспитанниковъ къ полезной практической дѣятельности. Въ сравненіи съ ними выродившееся наслѣдіе Шпенера и Франке, въ которомъ ханжество и формализмъ замѣняли собою истинно-христіанскія стремленія, стало болѣе и болѣе падать въ глазахъ позднѣйшаго поколѣнія и становилось

даже смѣшнымъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, значительно уронившее сиротскіе дома въ общественномъ мнѣніи. Дома эти вообще содержались на пожертвованія частныхъ лицъ и обществъ. Такія пожертвованія, въ началѣ дѣлаемыя изъ чисто-христіанскихъ побужденій, вскорѣ приняли характеръ эгонистическій и вовсе не протестантскій. Многіе стали смотрѣть на пожертвованія въ пользу сиротъ, какъ на такое благочестивое дѣло, которое должно вознаградить жертвователей благами въ настоящей и будущей жизни. Полагали, что жертвою въ пользу сиротъ и ихъ молитвами можно искупить грѣхи прошедшей жизни и вымолить исполненіе желаній. Поэтому жертвователи стали дѣлать взносы въ кассы сиротскихъ домовъ подъ условіемъ, чтобы сироты за нихъ молились и испрашивали для нихъ у Бога всякихъ милостей. Такимъ образомъ пожертвованія для сиротскихъ домовъ приняли мало-по-малу такой точно характеръ, какой въ средненѣковомъ католическомъ мірѣ имѣли пожертвованія въ пользу монастырей. Очевидно, что такое ложное направленіе не могло не уронить сиротскихъ домовъ въ глазахъ истинныхъ протестантовъ.

III.

Коменій и начало реальныхъ школъ.

Основателемъ *реальною* направленія въ воспитаніи и обученіи справедливо почитается чехъ Іоганнъ Амосъ Коменскій, обыкновенно называемый Коменіемъ. Онъ родился въ 1592 г. въ Нивицѣ въ юго-восточной Моравіи, отъ родителей принадлежавшихъ къ сектѣ Чешскихъ братьевъ, учился въ разныхъ университетахъ Германіи и уже въ 1616 г. былъ ректоромъ школы въ Прерау и проповѣдникомъ. Въ началѣ 30-лѣтней войны на Коменія обрушились страшныя бѣдствія: онъ потерялъ жену, дѣтей, все имущество, библіотеку и рукописи, и наконецъ самое мѣсто, такъ какъ всѣ протестантскіе пропо-

вѣдники получили приказаніе удалиться изъ австрійскихъ владѣній. Съ тѣхъ поръ, начинается скитальническая жизнь Коменія: онъ попеременно жилъ въ Польшѣ, Швеціи, Англіи, Голландіи, Венгріи, и во время этихъ странствованій, при помощи шведскаго канцлера Оксенштирна и богатаго голландскаго купца Лудовика де Геера, занимался составленіемъ и издаваніемъ своихъ многочисленныхъ педагогическихъ сочиненій. По окончаніи 30-лѣтней войны, въ предисловіи къ своему сочиненію: «*Novissima linguarum methodus*» онъ обратился къ европейскимъ монархамъ съ слѣдующею апострофою: «Вы, сильные міра сего, многое во время войны разрушили; теперь вы должны многое воздвигнуть и возсоздать. Слѣдуйте примѣру Того, кто васъ поставилъ на свое мѣсто и поручилъ вамъ управлять человѣческими дѣлами: Онъ разрушаетъ затѣмъ чтобы снова воздвигать, вырываетъ растенія за тѣмъ, чтобы ихъ снова засаживать». По приглашенію Ракоція, Коменій въ 1650 г. отправился въ Трансильванію и основалъ тамъ школу въ Сарось-Патакѣ, гдѣ написалъ свое знаменитое сочиненіе: «*Orbis pictus*», но не могъ его издать, потому-что тамъ не было возможности сдѣлать необходимые къ нему рисунки. Рисунки эти онъ заказалъ въ Нюрнбергѣ, и сочиненіе вышло первымъ изданіемъ только въ 1657 году; оно имѣло столь огромный успѣхъ, что черезъ два года издано было вторично. Изъ Трансильваніи Коменій переселился вмѣстѣ съ многими другими Чешскими братьями въ Польшу, и жилъ въ Лешнѣ (*Lissa*), гдѣ Чешскіе братья имѣли свою школу и типографію; но въ 1656 г. польскія войска, преслѣдуя Шведовъ, разорили этотъ городъ и Коменій вторично потерялъ все состояніе, бібліотеку и рукописи своихъ сочиненій. Послѣ этого Коменій удалился въ Силезію, а потомъ въ Амстердамъ, гдѣ при содѣйствіи Лоренца де Геера (сына Лудовикова) издалъ въ 1657 году свои «*Opera didactica*». Остатокъ своей жизни Коменій провелъ въ Амстердамѣ, занимаясь тамъ обученіемъ дѣтей богатыхъ купцовъ, и умеръ 80 лѣтъ отъ роду въ 1671 году.

Онъ былъ 20-мъ и послѣднимъ епископомъ Чешскихъ братьевъ, которые, послѣ его смерти разсѣялись и присоединились частью къ лютеранамъ, частью къ реформатамъ.

Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Коменія изложены вѣсьма замѣчательныя педагогическія мысли. Такимъ образомъ въ самомъ большомъ своемъ сочиненіи «Opera didactica», написанномъ еще въ 1628 году, Коменій слѣдующимъ образомъ выражаетъ свой взглядъ на воспитаніе и обученіе:

«Человѣкъ живетъ тройственной жизнью: сперва растительною, потомъ животною, наконецъ духовною и вѣчною; онъ имѣетъ тройственное отечество: чрево матери, землю и небо. Рождаясь, онъ вступаетъ во второе отечество, умирая — въ третье. Какъ дитя во чревѣ матери готовится къ земной жизни, такъ точно человѣкъ на землѣ готовится только къ вѣчной жизни. Всѣ люди безъ изытія должны подготовиться къ этой вѣчной жизни, и потому всѣ они, какъ бѣдные такъ и богатые, какъ мужчины такъ и женщины, нуждаются въ образованіи, и должны учиться въ школахъ. Во всѣхъ безъ изытія людяхъ долженъ быть возсозданъ образъ Божій; каждый долженъ быть приготовленъ къ вѣчной жизни и къ своему будущему призванію на землѣ. Это не значитъ чтобы каждый долженъ былъ изучать всѣ науки; но каждый долженъ изучить основанія, отношенія и цѣль тѣхъ предметовъ, которые ему близки, среди которыхъ онъ живетъ, съ тѣмъ чтобы каждый могъ быть не только зрителемъ но и дѣятелемъ въ этомъ мірѣ.

«У насъ нѣтъ такихъ школъ, которыя-бы соответствовали этой цѣли: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, школъ вовсе нѣтъ, въ другихъ онѣ существуютъ только для знатныхъ и для богатыхъ. Нынѣшнее умственное образованіе скучно, темно и только отталкиваетъ отъ себя а не привлекаетъ дѣтей; о нравственномъ образованіи мало заботятся. Употребляютъ по 15 и 20 лѣтъ на изученіе одного латинскаго языка, а на обученіе тому, что человѣку полезно и необходимо, не обращаютъ вниманія.

«Ученіе должно быть естественно, легко и привлекательно. Въ школахъ оно неестественно: сперва обучаютъ языку, а потомъ переходятъ къ самимъ вещамъ; между-тѣмъ вещь есть тѣло, а слово составляетъ только его ободочку; обученіе словамъ и ознакомленіе съ вещами должно быть производимо совмѣстно. Нужно знакомить дѣтей не съ тѣнью и призракомъ вещи а съ самою вещью, которая производитъ непосредственное впечатлѣніе на чувства и воображеніе дитяти; нужно знакомить дѣтей съ вещами не съ помощью словеснаго описанія, а посредствомъ реального, нагляднаго воззрѣнія. Картинка запечатлѣвается въ памяти дитяти несравненно полнѣе и тверже, чѣмъ многократно повторяемыя описанія и рассказы. Кому случилось однажды въ жизни увидѣть анатомическую секцію, тотъ получитъ гораздо болѣе полное понятіе объ устройствѣ человѣческаго тѣла, чѣмъ тотъ, кто изучалъ анатомію по самымъ пространнымъ и многотомнымъ руководствамъ. Поэтому во всѣхъ руководствахъ зоологическихъ, ботаническихъ, географическихъ и всякихъ другихъ должны быть изображенія и рисунки. Если они дорого стоятъ, то за то приносятъ огромную пользу.

«Относительно языковъ, прежде всего необходимо обучить дѣтей родному языку, потомъ языкамъ сосѣднихъ народовъ, и наконецъ древнимъ языкамъ латинскому и греческому. Обучать дитя чужому языку прежде чѣмъ родному, значить то-же, что учить его ѣздить верхомъ, прежде чѣмъ оно научится ходить. Языкамъ нужно обучать прежде практически, заставляя дѣтей говорить и писать, а потомъ уже обучать ихъ грамматикѣ.

«Дружественное обращеніе родителей и наставниковъ съ дѣтьми, теплыя, чистыя и веселыя школьныя комнаты, естественное и занимательное обученіе,—все это нужно имѣть въ виду, чтобы сдѣлать обученіе пріятнымъ, легкимъ и привлекательнымъ и устранить то всеобщее отвращеніе, какое нынѣ дѣти чувствуютъ къ школѣ, и проч.»

Чтобы дать возможность осуществить на практикѣ этотъ реальный методъ обученія, Коменій издалъ нѣсколько учебниковъ, какъ-то: «Vestibulum», «Janua reserata», «Atrium», и наконецъ знаменитый «Orbis sensualium pictus». Эта послѣдняя книга, въ первый разъ изданная въ Нюрнбергѣ въ 1657 году, въ теченіи 200 лѣтъ имѣла безчисленные изданія, и до-сихъ-поръ составляетъ любимѣйшую книгу юношества.

Смутное время въ которое жилъ Коменій было причиною, что его превосходныя идеи о воспитаніи не могли осуществиться на практикѣ и не произвели тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, какихъ можно было отъ нихъ ожидать. Но послѣ возстановленія мира, особенно вслѣдствіе развитія торговой и промышленной дѣятельности, реальное направленіе въ обученіи получило большую важность. Рядомъ съ училищами для ученыхъ и проповѣдниковъ, обращавшими преимущественно вниманіе на языки и древности, начала быть сознаваема необходимость училищъ для приготовленія къ практической жизни, въ которыхъ-бы играли главную роль не языки и древности, а предметы имѣющіе непосредственное примѣненіе ко всѣмъ отраслямъ промышленности и торговли, какъ-то ариметика, геометрія, физика, механика и проч.

Уже эта необходимость признана была въ учебныхъ заведеніяхъ Франке, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, преподавались нѣкоторыя реальныя науки и искусства. Но первая самостоятельная реальная школа основана была въ Берлинѣ, въ 1739 году, однимъ изъ воспитанниковъ Галльскаго университета и Франковскаго педагогіума, *Иоганномъ Гекеромъ*, получившимъ мѣсто пастора церкви Св. Троицы. Берлинская реальная школа, вскорѣ, благодаря своему великому практическому значенію, получила обширное развитіе: кромѣ обыкновенныхъ предметовъ гимназическаго обученія, въ ней преподавались геометрія, черченіе, архитектура, механика, техника, сельское хозяйство и естественныя науки. Въ 1748 г. Гекеръ основалъ при реальной школѣ учительскую семинарію, которой первона-

чальное назначеніе состояло въ томъ, чтобы приготовить школьныхъ учителей для низшихъ школъ обширнаго св. Троицкаго прихода. Помощникъ Гекера въ управленіи школою, *Йоганнъ Фридрихъ Генъ* (Nähn), въ особенности оказалъ важныя заслуги педагогикѣ улучшеніемъ методовъ преподаванія. Онъ изобрѣлъ такъ называемые *буквенный* и *табличный методы* (Literalmethode und Tabellenmethode) обученія, вполнѣдствіи особенно разившіеся въ народныхъ школахъ католической Германіи. Берлинская реальная школа много разъ подвергалась кореннымъ преобразованіямъ. Первоначально, въ томъ видѣ какъ ее устроилъ Гекеръ, она имѣла многіе существенные недостатки. Идея реальной школы еще не была надлежащимъ образомъ сознана. Тогда полагали, что реальная школа, кромѣ общаго ученаго образованія, должна готовить воспитанниковъ ко всѣмъ отраслямъ практической, торговой и промышленной дѣятельности, что она поэтому должна въ одно время удовлетворять требованіямъ многихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Учили въ ней рѣшительно всему; отъ этого произошло, что ученики должны были выслушивать каждый день по 10 и по 12 лекцій, относящихся до самыхъ разнообразныхъ предметовъ, и само собою разумѣется, не успѣвали ничему выучиться надлежащимъ образомъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи реальныя школы въ Германіи получили болѣе цѣлесообразное и практически полезное устройство.

В. РИХТОВСКИЙ.

ТЕОРІЯ И ОПЫТЪ (*).

«Одно простое знаніе грамоты, есть дѣло великое, и въ этомъ отношеніи нельзя не признать значительной доли истины въ мнѣніи безсмертнаго Карамзина, хотя нѣсколько и преувеличенномъ, что между людьми, которые умѣютъ только читать и писать и совершенно безграмотными гораздо больше разстоянія, нежели между научеными и первыми метафизиками въ свѣтъ.»

(Прилож. къ пр. устава виаш. и ор. училищъ. Стр. 30).

Увлеченіе къ добру — неотразимое доказательство лучшихъ свойствъ въ духовной природѣ человѣка. Значитъ въ немъ преобладаетъ то, безъ чего все на землѣ, — отъ высшаго знанія и до самой неусыпной дѣятельности, безжизненно и бесплодно, — любовь. Благо тому обществу, счастье тому народу, въ которомъ высшіе дѣятели проникнуты этимъ всеоживляющимъ, — безконечно плодотворнымъ свойствомъ, отраженіемъ и отблескомъ самаго Божества.

Но, горе нашей земной жизни, проявленіе лучшихъ свойствъ нашей духовной природы не всегда ведетъ къ прямой, положительной, несомнѣнной пользѣ другихъ. Что чаще всего губить дѣтей, какъ не любовь матери? Что особенно развиваетъ въ средѣ общественной жизни тунеядство, праздность и съ ней всѣ пороки, какъ не безотчетное стремленіе подавать ми-

(*) Хотя мы не вполне раздѣляемъ мнѣнія, выраженные въ этой статьѣ, но помѣщаемъ ее потому что въ ней разбирается предметъ, заслуживающій всестороннюю и тщательнаго обсужденія, и разбирается авторомъ, мнѣніе котораго заслуживаетъ особеннаго вниманія. *Ред.*

лостыню, въ основѣ чего лежитъ таже любовь? «И добро нѣтъ добро, аще не бываетъ добръ», говоритъ Григорій Богословъ. И увлеченіе къ добру нерѣдко, къ несчастію слишкомъ нерѣдко, приводитъ къ результатамъ совсѣмъ недобрымъ. Опытъ, злой врагъ всякихъ увлеченій, положительно говоритъ, что добро тогда только можетъ быть истиннымъ добромъ, когда оно вполне осмыслено, строжайшимъ образомъ обсуждено со всѣхъ сторонъ, и потомъ уже направлено въ жизненную среду.

Образованіе народа — высшее благо, какое только можно дать ему. Но и здѣсь, именно въ способахъ образованія, могутъ быть увлеченія, достаточно сильныя, чтобы повредить прекраснѣйшему изъ дѣлъ человѣческихъ — просвѣщенію темнаго и невѣжественнаго народа. Одно изъ такихъ увлеченій мы видимъ въ приведенныхъ выше словахъ. Обсудимъ ихъ со всѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ. Пусть и опытъ, въ своей чередъ, скажетъ объ нихъ свое правдивое слово.

«Одно простое знаніе грамотности есть уже дѣло великое». Можно-ли безусловно согласиться съ этими словами? Думаемъ, нѣтъ. Грамотность, какъ и всякое изъ средствъ, которое дается человѣку для личнаго употребленія его, — дѣло ни великое ни малое, ни доброе ни злое, а совершенно безразличное. Научите грамотѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, научите разумно пользоваться ею, — она величайшее благо для человѣка, рычагъ и указатель всякихъ улучшеній — нравственныхъ, матеріальныхъ и т. п. Научите ей съ злой цѣлью, — какъ учатъ раскольники и подъячіе, — и нѣтъ конца вреда, который принесетъ она, какъ тѣмъ, которыхъ вы научите, такъ и всѣмъ, съ которыми они будутъ имѣть соприкосновеніе въ жизни. Научите ей такъ — просто, какъ это дѣлаютъ всѣ частные учителя и учительницы въ провинціи, — и вы напрасно потеряете время и трудъ; потому что вы не доставите ни малѣйшей пользы учившимся. Вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ? Хорошо, мы спросимъ опытъ, объяснивши прежде, какъ смотримъ мы на дѣло грамотности.

Грамотность, по крайнему нашему разумѣнію, по стольку имѣетъ значеніе, по скольку содѣйствуетъ пробужденію и развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ въ человѣкѣ. Если она не содѣйствуетъ этому, — она дѣло бесполезное. Если она какъ-либо, напримѣръ самымъ способомъ ученія, мѣшаетъ этому, она — дѣло положительно вредное. Обратимся теперь къ тому, что было и есть на самомъ дѣлѣ.

Грамотность не есть что-либо совершенно новое и доселѣ небывалое у насъ — въ провинціи. Стремленіе — сдѣлать дѣтей своихъ грамотными особенно усилилось лѣтъ 20—25 тому назадъ и, въ послѣднее время, дошло до того, что бѣднѣйшіе жители какого-либо уѣзднаго города, даже пропитывающіеся мірскимъ подаваніемъ, хлопочуть во что-бы то ни стало, чтобы дѣти ихъ, особенно мальчики, были грамотны. Мы не преувеличиваемъ дѣла, а рассказываемъ то, во что внимательно всматриваемся слишкомъ двадцать лѣтъ. Общее стремленіе удовлетворялось и удовлетворяется безъ всякой задержки. Кромѣ училищъ, въ каждомъ уѣздномъ городѣ десятки учителей и учительницъ и у нихъ десятки учениковъ и ученицъ. Не смотря на то, что воспрещено, безъ соблюденія извѣстныхъ условій, принимать на себя каждому дѣло ученья, на практикѣ, особенно въ послѣднее время, это не соблюдается, какъ потому, что за отсутствіемъ правильно организованныхъ училищъ для дѣвочекъ, въ самомъ дѣлѣ учить ихъ некому, такъ и потому, что и на ученье мальчиковъ смотрители училищъ теперь смотрятъ совершенно иначе, чѣмъ какъ смотрѣли прежде. Вслѣдствіе этого совершенно свободно учатъ, всѣ, кому только угодно. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда учитель или учительница допустятъ что-либо черезъ чуръ рѣзкое и возмутительное въ своемъ поведеніи, или въ обращеніи съ дѣтьми, смотрители прибѣгаютъ къ законнымъ мѣрамъ, чтобы воспретить подобнымъ личностямъ ученье дѣтей. Да и тутъ полиціи, извѣстная своею снисходительностью ко всякаго рода злоупотребленіямъ, оказываютъ свое содѣйствіе только на бумагѣ. Сходятъ, по-

смотреть на учителя или учительницу, увѣдомать училищное начальство, что противъ нихъ взяты нужныя мѣры, — и только. Ученье у нихъ неизмѣнно продолжается, какъ шло прежде. Что это такъ, просимъ навести точнѣйшія справки въ любомъ уѣздномъ городѣ. Теперь посмотримъ, сколько пользы принесла уѣзднымъ городамъ грамотность, распространяемая частными учителями и учительницами. Параллельно съ нею, расширялся-ли умственный горизонтъ народа? Нѣтъ. Улучшалось-ли нравственное настроеніе его? Нѣтъ. Возвышалось-ли, по крайней мѣрѣ, матеріальное благосостояніе его? И то нѣтъ. И мало того, — нѣтъ; въ послѣднія 25 лѣтъ слишкомъ замѣтно крайнее отупѣніе народа, которое выражается въ непробудной апатіи къ своимъ собственнымъ дѣламъ, въ отсутствіи всякой разумной предпримчивости, всякой самостоятельной дѣятельности, чѣмъ отличались жители уѣздныхъ городовъ въ прежнія времена; отсюда упадокъ всѣхъ дѣлъ — торговыхъ, промышленныхъ и т. п., и, какъ неизбежное слѣдствіе этого, совершенное обѣднѣніе уѣздныхъ городовъ. Безграмотные крестьяне выбили изъ рукъ всѣ дѣла у просвѣтившихся грамотой горожанъ. И это не все. вмѣстѣ съ упадкомъ матеріальнаго благосостоянія, всюду бросается ярко въ глаза крайній упадокъ нравственности. Отсутствіе честности и добросовѣстности въ торгующемъ классѣ, пьянство и развратъ въ классахъ ремесленномъ и промышленномъ, крайняя распущенность прекраснаго пола во всѣхъ классахъ; — вотъ явленія, повсюдныя въ провинціи и, къ несчастію, съ каждымъ годомъ принимающія большій и большій размѣръ. Понятно, какъ долженъ страдать отъ этого быть семейный. Да, семьи, неразрывно соединенныя всеоживляющимъ духомъ любви — преданіе, которому и вѣрится съ трудомъ. Раздоръ, — вотъ сила, преобладающая теперь въ семьѣ, — раздоръ между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, часто переходящій въ ту страшную ненависть, при которой заколотить жену до смерти, отравить мужа, пустить отца и мать по міру, намѣренно разорить роднаго брата

и пр. и пр., считается уже дѣломъ обыкновеннымъ, обыденнымъ. Понятно также, какой тлетворной, всеразъѣдающей силой должно отразиться такое гибельное направленіе въ средѣ общественной жизни. Кромѣ всего, соединеніе силъ и средствъ, при которомъ одномъ могутъ идти успѣшно всяческія дѣла, сдѣлалось такой невозможностью, что объ немъ уже никто и не думаетъ.

Вотъ что, вмѣстѣ съ грамотностью, развивалось въ народѣ въ послѣднія 20—25 лѣтъ (*). Какое-жъ, послѣ этого, имѣетъ значеніе фраза: «одно простое знаніе грамоты есть уже дѣло великое?» Вотъ десятки семей, въ которыхъ мужъ и жена грамотные, и всѣ дѣти, мальчишки и дѣвочки, учатся грамотѣ; и эти семьи бѣдствуютъ, какъ не бѣдствовали ихъ отцы и дѣды; чтожъ тутъ за великое дѣло, и для нихъ и для общества, что они владѣютъ «простымъ знаніемъ грамоты?» Что тутъ и авторитетъ Карамзина, когда дѣло говоритъ совершенно иное? Да, между грамотнымъ и безграмотнымъ есть рѣзкое различіе; но, къ величайшему несчастію, совсѣмъ не въ пользу перваго. Если въ настоящее время еще и можно вести какое-либо дѣло съ кѣмъ по совѣсти, такъ именно — съ безграмотными стариками; грамотной молодежи, изощрившейся въ умѣньѣ божиться и клясться, да вѣжливой рѣчью напускать туманъ въ глаза, нельзя довѣрить и на алтынъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, повсюду въ провинціи.

«Такъ лучше всего совсѣмъ уничтожить грамотность и возвратиться къ прежнимъ временамъ дикаго невѣжества», — могутъ сказать намъ. Боже сохрани! — Нѣтъ, — нужно оставить увлеченія и смотрѣть на дѣло глазами опыта. Нужно оставить кабинетныя мечты о великомъ значеніи простаго знанія грамотности, а зорко всмотрѣться въ дѣйствительную жизнь, — такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ. И если не такъ, что дѣйствительно и есть, такъ поискать и доискаться источника зла. Въ чемъ-же это зло?

(*) Но неужели грамотность причиною такого грустнаго явленія? Ред.

Извѣстно, что одно изъ самыхъ трудныхъ, наиболѣе отвѣтственныхъ передъ Богомъ и людьми, дѣлъ — первоначальное развитіе дѣтей. Отъ неумѣнья или умѣнья сдѣлать это зависитъ цѣлое жизненное направленіе существа нравственно-разумнаго. Ребенка, одареннаго самыми счастливыми способностями, даже не намѣренно, лишь отъ одного неумѣнья повести дѣло, какъ должно, можно такъ исказить, изуродовать, что если онъ не сдѣлается совершеннымъ идіотомъ, то будетъ тупѣйшимъ изъ тупыхъ. Въ семьѣ среднихъ и низшихъ сословіи, какова она теперь, не только что правильное, но и какое развитіе дѣтей невозможно и даже невысказимо. Все воспитаніе тамъ — животная выкормка, дальше которой ничего не видятъ и не подозрѣваютъ даже. Слѣдовательно на учителя, чему бы ни брался онъ учить этихъ дѣтей, лежитъ прямая и главная обязанность — пробудить душевныя силы, задавленные выкормкой, и съ особеннымъ благоразуміемъ развивать ихъ, потому что ему постоянно мѣшаетъ и даже противодѣйствуетъ вліяніе семейной среды. Нужно-ль-же для этого самое глубокое, самое многостороннее знаніе дѣла? И каждый-ли желающій можетъ взяться за него? Кажется, отвѣчать на это нѣтъ нужды. Теперь представимъ себѣ учителя или учительницу грамотности, которые ни о душевныхъ силахъ, ни объ развитіи ихъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, которые смотрятъ на дѣло своего ученья точно также, какъ всякій ремесленникъ смотритъ на свое ученье, т.-е. какъ на механическое приученіе отрабатывать языкомъ, безъ всякаго участія мысли, какую-нибудь книгу; которые, вдобавокъ къ этому, для достиженія своей цѣли, бессмысленной и бессознательной, употребляютъ тотъ варварскій способъ ученья, о которомъ и подумать страшно, — вдалбливаніе въ юныя и слабыя головы всего — отъ перваго аза и до послѣдняго псалма въ псалтири, чѣмъ обыкновенно ограничивается весь курсъ ихъ ученія, — и спросимъ: чѣмъ долженъ выйти ребенокъ изъ передѣла ихъ? Не грозить-ли ему, вмѣсто развитія душевныхъ силъ, искаже-

ніе и даже совершенное подавленіе ихъ? Не предстоитъ-ли ему лишиться тѣхъ свойствъ, отъ которыхъ зависить всякое внутреннее движеніе ребенка впередъ — воспримчивости, впечатлительности, жажды знанія, которая выражается первоначально простымъ дѣтскимъ любопытствомъ?

Но это-то именно и дѣлаютъ всѣ частные учителя и учительницы, всѣ безъ исключенія. И не могутъ они дѣлать ничего лучше. Чего ждать, чего желать отъ людей, выгнанныхъ изъ училища за безпробудную лѣнь или, еще чаще, за грубѣйшіе пороки? Чего ждать даже отъ нихъ когда даже при ученѣ собственныхъ дѣтей они не могутъ отрѣшиться отъ этого убійственнаго способа учить, который характеризуется однимъ словомъ: «семинарщики»? О мѣщанинѣ, солдатѣ, подъячемъ и ихъ половинахъ сказать нужно только то, что за ученѣ дѣтей берутся лишь тѣ, спившіеся и сбившіеся съ толку, которые видятъ въ этомъ дѣлѣ послѣднее средство не умереть съ голоду. Дѣло небывалое, невиданное, чтобы кто-либо изъ нихъ, — достаточный или способный составить себѣ достатокъ, принялся за тяжкій и всегда слишкомъ плохо вознаграждаемый трудъ ученя дѣтей. Ужели-же возможно подумать, что вышерѣченные господа и госпожи могутъ повести первоначальное ученѣ дѣтей разумно, правильно, плодотворно.

Если кто подумаетъ такъ, то этимъ только докажетъ, что онъ не жилъ въ провинціи, не наблюдалъ день за днемъ, годъ за годомъ, какъ эти педагоги убиваютъ самыя живыя, самыя здоровыя умственныя силы народа въ самомъ зародышѣ. Посадить ребенка силой за азбуку и держать его за ней страхомъ казни, вколачивать, въ самомъ буквальномъ значеніи этого слова, въ голову его, каждую букву алфавита и особенно это дикое сочетаніе буквъ, что зовется складами, въ родѣ напр. того, что вѣди-земля-добро-рцы азъ ра будетъ вздра; томить ребенка этой невыносимой, каждодневной пыткой года два-три; кто не согласится, что это вѣрнѣйшее средство совсѣмъ и навсегда задавить въ немъ способность и силу мыслить? Но именно

этотъ методъ ученья и существуетъ вездѣ у частныхъ учителей и учительницъ. Никакого другаго они не умѣютъ, да и откуда-жъ имъ узнать? Кромѣ того, заставить ребенка быть каждодневнымъ свидѣтелемъ самой отвратительной, нравственной грязи въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, не значить-ли неизцѣльно отравить на всю жизнь его душу? А именно этотъ-то элементъ, нравственной грязи, и преобладаетъ во всей жизни, общественной и особенно семейной, у частныхъ учителей и учительницъ. Такъ какого-жъ добра ждать отъ распространенія грамотности при посредствѣ всѣхъ этихъ личностей.

И вотъ въ чемъ источникъ зла; вотъ по чьей милости виѣсть съ грамотностью развивались въ народѣ не польза и благо, а зло и вредъ. Нужно-ли-же искоренить это зло? Нужно-ли преобразовать первоначальное ученье народа такъ, чтобы грамотность была первою ступенью къ дальнѣйшему развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ, а не средствомъ убивать ихъ въ самомъ зародышѣ? И, слѣдовательно, нужно-ли на чисто уничтожить этихъ безсмысленныхъ, безконечно вредныхъ педагоговъ, которые изъ-за куска хлѣба, а чаще изъ-за возможности собирать алтыны на пьянство, осмѣливаются брать на себя дѣло, не легкодоступное людямъ и гораздо выше ихъ.

Отвѣтъ, казалось-бы, не подлежитъ сомнѣнію. Но теоретическое увлеченіе вотъ что говоритъ: «а между тѣмъ, сколько прекрасныхъ порывовъ къ первоначальному обученію охлаждалось и охлаждается до-сихъ-поръ именно отъ стѣснительныхъ ограниченій, которымъ подвергаются какъ самое учрежденіе первоначальныхъ школъ, такъ и лица, желающія заниматься обученіемъ грамотъ». Да, нужно сильно увлечься, чтобы, не говоримъ уже видѣть,—нельзя видѣть то чего нѣтъ,—а лишь вообразить себѣ «прелестные порывы, которые охлаждались и охлаждаются». — «Прекрасные порывы...» Какія громкія слова! И какъ посмѣивается имъ опытъ, который во всѣхъ этихъ «порывахъ» видитъ одно: стремленіе —хоть этимъ путемъ достать денегъ, когда

всѣ другіе пути заграждены! «Охлаждались и охлаждаются». Да развѣ жители многихъ уѣздныхъ городовъ не заявляли печатно, что они именно потому и не открываютъ училищъ для дѣвицъ, что у нихъ есть частныя школы, частные учителя и учительницы. Значить, и не было и нѣтъ имъ стѣсненій. Да, мы сказали выше и повторяемъ, съ просьбой повѣрить наши слова въ любомъ уѣздномъ городѣ, что всякія стѣсненія давно ужъ не существуютъ на дѣлѣ, такъ чѣмъ-же могли «охлаждаться прекрасные порывы», еслибъ только были. Притомъ, ужели всякимъ порывамъ возможно давать широкую свободу дѣйствования, какъ-бы ни казались они прекрасными? У меня порывы лечить другихъ; развѣ нельзя назвать эти порывы прекрасными? Но, безъ всякаго знанія медицины, что, кромѣ вреда и гибели, доставлю я другимъ съ своими прекрасными порывами? Скажутъ-ли, что къ такому невѣждѣ въ медицинѣ никто не пойдетъ лечиться. Нѣтъ, стало-бы духу сдѣлаться шарлатаномъ, лечиться пойдутъ цѣлыми толпами и еще скорѣе, чѣмъ къ ученому врачу. Доказательство — всѣ эти эмпирики, шарлатаны, которые такъ нагло обираютъ наше простонародье. И одно-ль простонародье?—Стоитъ посмотрѣть, какіе посѣтители бываютъ у какого-нибудь оберъ-шарлатана, напр. Ивана Яковлича въ Москвѣ, чтобы убѣдиться, что у насъ, во всѣхъ слояхъ общества, разлита какая-то манія вѣрить именно шарлатанству. Такъ ужели въ благоустроенномъ обществѣ можетъ быть позволено всякому шарлатану производить свое погибельное и презрѣнное ремесло? Ужели и мнѣ, во имя «прекрасныхъ порывовъ» должна быть дана полная, ничѣмъ не стѣсняемая свобода губить другихъ. И еще мало-ль какіе могутъ быть порывы, по наружности прекрасные изъ прекрасныхъ: дайте только волю имъ, такъ они такъ исковеркаютъ всю общественную жизнь, что вы содрогнетесь отъ дѣйствій и слѣдствій прекрасныхъ порывовъ. Наилучшіе порывы хороши и благотворны при полномъ, совершенномъ знаніи дѣла, къ которому порываются. Лишь такіе порывы нужно освободить отъ

всякихъ стѣсненій, отъ всего, что можетъ задерживать ихъ свободную дѣятельность. Нелѣпо ставить камни преткновенія какимъ-либо Песталоцци, Оуену, подобнымъ благодѣтелямъ человѣчества (впрочемъ этихъ избранниковъ неба просвѣщать темное человѣчество и не остановить никакими преткнаніями. Провидѣніе всегда надѣляетъ ихъ достаточнымъ запасомъ силъ, чтобы побѣдно торжествовать надъ всѣми человѣческими препятствіями). Но верхъ нелѣпости голословно вѣрить «прекраснымъ порывамъ» и на основаніи этой вѣры, развязывать руки на широкую свободу дѣйствованія. Убѣдитесь сначала, что эти порывы истинны и за ними не скрывается никакой задней мысли, что, кромѣ того, они возникли изъ яснаго пониманія дѣла съ сознаниемъ всей отвѣтственности за него, если не передъ людьми, то передъ Богомъ; послѣ этого, въ добрый часъ: вызывайте ихъ на общепользное дѣло, всячески поощряйте, возвышайте, награждайте.

Понятно, отъ «прекрасныхъ порывовъ» теорія никуда не могла дойти, кромѣ самой широкой свободы ученія дѣтей; ничего не могла другого сдѣлать, какъ «предоставить полную свободу всѣмъ лицамъ на право первоначальнаго обученія». Она находитъ совершенно достаточнымъ «ограничиться однимъ общимъ наблюденіемъ за нравственностью лицъ, занимающихся первоначальнымъ обученіемъ». Мы не будемъ говорить объ односторонности взгляда, по которому вниманіе обращается только на нравственность и забыто умѣнье повести разумно и плодотворно первоначальное развитіе дѣтей, въ чемъ и должна состоять главная задача первоначальнаго обученія; не будемъ говорить и о томъ, что «нравственность» — вещь слишкомъ условная; что нѣтъ ничего труднѣе какъ контролировать ее, потому-что безнравственность имѣетъ тысячи способовъ маскировать себя и что «общее наблюденіе» за нею будетъ источникомъ безконечныхъ злоупотребленій, по меньшей мѣрѣ поводомъ къ нескончаемымъ перепискамъ, отпискамъ и т. п., что, разумѣется, немного принесетъ пользы дѣлу народнаго образованія,

—мы скажемъ только, что «полная свобода» разовьется въ средѣ народной жизни до страшныхъ размѣровъ то, что развивала доселѣ свобода мнимо-неполная. Отъ одинакихъ началъ неизбежны одинакія послѣдствія. Отъ зловредныхъ учителей и учительницъ, каковы они теперь, кромѣ зла больше ждать нечего. Даруемая имъ теперь «полная свобода» не улучшитъ ихъ, а развѣ только увеличитъ число этихъ пагубныхъ педагоговъ; потому-что улучшить ихъ могло-бы одно образование, о которомъ они не слыхивали, да и слышать не хотятъ. Опытъ прошлаго—достаточная порука за будущее. Конечно, придетъ время, когда настоящее увлеченіе преклонится предъ горькимъ опытомъ; когда оно увидитъ и сознаетъ, что давать «полную свободу» тѣмъ, которые не умѣютъ ею пользоваться разумно и во благо себѣ, значить оказывать имъ плохую услугу; но какъ быть? Ни одно недѣлимое, ни цѣлый народъ, не могутъ быть вдругъ взрослыми. Тому и другому неизбежно пережить эпоху дѣтства; а дѣтство безъ увлеченій быть не можетъ. Доживемъ, дастъ Богъ, и до того—что и въ народныхъ учителяхъ пожелаемъ видѣть не мастеровъ грамотности, въ параллель мастерамъ сапожничества, столярничества и т. п., а настоящихъ педагоговъ и, вслѣдствіе такого желанія, радикально измѣнимъ взглядъ на свободу обученія. А опыты, какъ извѣстно, не достаются легко и по слишкомъ дешевой цѣнѣ.

Предвидимъ, что незнакомые или мало знакомые съ народной жизнью, особенно въ современномъ ея проявленіи, многое въ высказанномъ нами сочтутъ преувеличеніемъ. Поэтому мы просимъ ихъ, во имя правды и блага народнаго, не дѣлать рѣшительнаго приговора по первому впечатлѣнію, а прежде повѣрить, безпристрастно строго повѣрить каждое наше слово. Сдѣлать это ничего не стоитъ. Въ Петербургѣ десятки тысячъ народа изъ всѣхъ классовъ провинціальнаго общества, изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Въ средѣ ихъ можно встрѣтить не одну сотню грамотныхъ. Пусть изучать ихъ со всѣмъ вниманіемъ, какого требуетъ важность дѣла; пусть выпросятъ ихъ

самихъ и, не довольствуясь стереотипными отвѣтами, что-де ученѣе свѣтъ а неученѣе тьма, добьются, какую жизненную пользу доставило имъ ихъ ученѣе, ихъ грамотность; на сколько черезъ нихъ они стали выше безграмотныхъ, — не въ томъ значеніи, что грамотнымъ безотчетно дается почетъ, а въ значеніи умственного и нравственного усовершенствованія; пусть, наконецъ, сознаніе ихъ повѣряетъ образомъ ихъ жизни и дѣятельности; и если окажется, что ихъ «простое ученіе грамоты» повело дальше процесса бессмысленнаго разбиранія попавшейся подъ руку книжки à la Петрушка Гоголевъ; или, въ наиболѣе просвѣщенныхъ, дальше стремленія читать сонники, пѣсенники и тотъ печатный хламъ, что и называть совѣстно; если окажется, что ихъ ученѣе у доморощенныхъ педагоговъ имѣло благотѣльное вліяніе на весь ихъ бытъ — отъ семьи и до жизни въ столицѣ, — тогда пусть обвиняетъ насъ во лжи, въ преувеличеніи, въ чемъ угодно. Мы терпѣливо выслушаемъ всякій приговоръ, какъ-бы жесткъ онъ ни былъ; потому-что правда, и въ такомъ великомъ дѣлѣ—какъ народное образованіе, должна стоять выше всѣхъ личныхъ самолюбій.

Возвратимся еще разъ къ словамъ «безсмертнаго Карамзина», что «между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными, гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первымъ метафизикомъ въ свѣтѣ». Было время, когда громкія и блестящія фразы играли у насъ важную роль, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни; случалось, онѣ рѣшали самые важные вопросы, завершали дѣло, результаты котораго должны были отозваться въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Но послѣ этого времени мы пережили многое; пережили и вѣру въ громкія фразы авторитетныхъ людей. Безъ особеннаго страха подвергая анализу изрѣченія такихъ авторитетовъ, которыхъ «ipse dixit», въ былое время считалось чуть не положительнымъ закономъ, мы дошли до убѣжденія, что наиболѣе блестящія фразы ихъ — «слова, слова, слова», — способныя напустить туманъ въ глаза и ни-

сколько—принести пользу дѣлу. Уже-ли мы еще разъ должны возвратиться къ поклоненію авторитетнымъ фразамъ? — И когда-же? Въ настоящее время, когда требуется дѣло и дѣло, ничего больше, кромѣ дѣла; потому-что отъ современныхъ дѣятелей зависить вся будущность слѣдующихъ поколѣній! — Страшно подумать о той отвѣтственности, которая падеть на этихъ дѣятелей за каждую неудачную мѣру, за каждое ошибочное распоряженіе. Никакая и ни чья фраза не послужитъ тогда къ оправданію и даже извиненію. Такъ и о фразѣ «безсмертнаго Карамзина» скажутъ: «въ свое время, когда вопросъ о народномъ образованіи не былъ еще уясненъ вполне, она могла поражать и увлекать яркимъ сопоставленіемъ «неученыхъ съ первымъ метафизикомъ въ свѣтѣ», но съ того времени было достаточно случаевъ, чтобы убѣдиться, что «умѣть только читать и писать» и не умѣть ничего дальше за этимъ, и не знать, какъ воспользоваться этимъ умѣнцемъ для дѣйствительной жизни, — дѣло еще слишкомъ не важное; что между «грамотѣями и совершенно безграмотными» нѣтъ никакого разстоянія, если грамотность не послужила для первыхъ къ развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ, и что, слѣдовательно, оставя громкую фразу въ сторонѣ, нужно было совершенно измѣнить взглядъ на дѣло образованія народа вообще и на грамотность въ особенности!»

Да, грамотность для народа — не требованіе моды, какъ доселѣ смотритъ на нее самъ народъ, не роскошь жизни, что хотятъ видѣть въ ней кабинетные просвѣтители народа, — а первый основной камень всѣхъ улучшеній въ его многотрудной жизни. Сколько-жъ ума, осторожности и знанія дѣла нужно для того, чтобы прочно положить этотъ камень! И не значить-ли разрушить дѣло въ самомъ основаніи, давая полную свободу принимать въ немъ прямое участіе каждому желающему?

БЛАЖЕНСТВО.

II.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ НАУКИ.

МАТЕРИАЛИЗМЪ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФІИ.

Если вообще сужденія о явленіяхъ современныхъ не могутъ отличаться единствомъ и законченностію, то неустановившіяся и разнорѣчивыя сужденія о характерѣ и достоинствѣ современной философіи, можетъ быть, имѣютъ свое особенное историческое основаніе. По мѣрѣ того, какъ положительныя науки развиваются все болѣе и болѣе, открывая факты и ихъ соотношенія, о которыхъ непосредственное человѣческое сознаніе не имѣло никакого представленія, общество предъявляетъ философіи такія сложныя и тяжелыя требованія, которымъ уже не удовлетворяютъ прежнія, такъ богато и величественно развитыя, системы идеализма. Каждый новый фактъ въ области положительнаго знанія природы или исторіи имѣетъ сторону, неизъяснимую по началамъ и приѣмамъ физики, и этотъ остатокъ бытія всегда будетъ ожидать метафизики, которая изъяснила-бы его, по-крайней-мѣрѣ, приблизительно. Такимъ образомъ, задача философіи усложняется и затрудняется по мѣрѣ того, какъ положительныя науки открываютъ человѣческому сознанію ту или другую часть міра явленій, о существованіи которой человѣкъ доселѣ, можетъ быть, вовсе не думалъ. Быстрое измѣненіе философскихъ системъ въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія идетъ объ руку съ быстрыми открытіями въ многосложной области естествознанія, какъ и въ частномъ че-

ловѣкъ идеи измѣняются, чередуются, вытѣсняють одна другую и преобразуются, смотря по большому или меньшему количеству вновь открываемыхъ и наблюдаемыхъ имъ фактовъ. И если системы послѣдняго идеализма не удовлетворяють насъ, то это, можетъ быть, еще ничего не говоритъ противъ ихъ достоинства. скорѣе всего этимъ обозначается, что мы живемъ *въ другомъ мѣрѣ*, — въ мѣрѣ *другихъ* явленій, *другихъ* фактовъ, которые необходимо отсылають насъ и къ *другимъ* идеямъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти системы, неудовлетворительныя, если разсматривать ихъ съ научной точки зрѣнія, отличаются тѣмъ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ къ лучшимъ идеаламъ человѣческаго духа, тѣмъ героизмомъ мысли и чувства, въ которыхъ вообще мы можемъ видѣть выдающуюся, характеристическую черту всѣхъ явленій этой эпохи; поэтому, онѣ всегда будутъ обнаруживать притягательную силу на умы и сердца, способныя сочувствовать всему высокому и прекрасному. Философія нашихъ дней подобнымъ-же образомъ выражаетъ наше время съ его практическими, рассчитанными стремленіями, съ его здравымъ смысломъ, который идетъ впередъ, оглядываясь и благоразумно обозрѣвая всѣ пути, чтобы не оставить прочной почвы дѣйствительности; поэтому, каково-бы ни было ея научное достоинство, она можетъ показаться блѣдною сравнительно съ прежними системами. Можетъ быть, изъ этихъ обстоятельствъ намъ придется изъяснять часть жалобъ на упадокъ философіи въ настоящее время, хотя эти жалобы вообще имѣють основаніе болѣе сильное. Именно, явленіе матеріализма и широкое распространеніе его въ массахъ — вотъ то обстоятельство, въ которомъ очень многіе видятъ признаки упадка философіи въ настоящее время. Въ Германіи различныя философскія партіи взваливають другъ на друга отвѣтственность за это состояніе философіи. Одни говорятъ, что діалектика Гегеля, превратившись въ ограниченныхъ умахъ въ искусство Горгіаса доказывать по доброму желанію *pro* и *contra* съ одинаковою силою, породила въ обществѣ недовѣріе и нерасположенность къ философіи, какъ наукѣ мышленія и вызвала, какъ необходимое противодѣйствіе, матеріалистическую теорію, которая воображаетъ что стоитъ на почвѣ опыта и опирается въ своихъ выводахъ не на *чистое* мышленіе, а на *чистое* воззрѣніе. Другіе, какъ послѣдователи Гербарта и Бенеке, обвиняють прежнюю философію въ одностороннемъ идеалистическомъ направленіи и надѣются возстановить ея значеніе, обосно-

вавъ ея выводы на прочныхъ и достовѣрныхъ опытахъ. Иные, какъ напр. Лотце, видятъ недугъ настоящей философіи не въ слабости опытныхъ основаній, которыя добывать такъ удобно и легко и которыя однако-же никогда не опредѣляютъ окончательно философскихъ воззрѣній и идей, но въ неясномъ и сбивчивомъ пониманіи тѣхъ метафизическихъ предположеній, безъ которыхъ невозможенъ никакой опытъ. Наконецъ большинство, и во главѣ ихъ Шопенгауэръ, видятъ причину зла въ непониманіи Канта и его философскихъ тенденцій. Конечно, всѣ эти споры, какъ парламентскія пренія въ Англій, не должны быть принимаемы за безпристрастное выраженіе дѣйствительности. Какъ партіи на почвѣ политической, такъ и партіи въ области философіи могутъ преувеличивать дѣйствительное зло, чтобы тѣмъ сильнѣе предъявлять необходимость защищаемыхъ ими началъ, такъ что эта борьба, эти взаимныя порицанія въ области философіи иногда могутъ обозначать богатство и жизненность философскаго развитія мысли, для которой, уже поэтому, кажутся недостаточными всѣ существующія историческія формы философіи. Ни одна эпоха не умѣла смотрѣть на себя такъ критически, не умѣла такъ жестоко осуждать себя, какъ наша эпоха: а это возможно въ настоящее время особенно потому, что никогда еще законъ *обособленія* (спецификаціи) не имѣлъ такого всесторонняго примѣненія къ жизни и наукѣ, какъ въ наше время. Древность, развившаяся подъ началами слитными и монотонными, неуспѣвшая дать свободу и самостоятельность частнымъ формамъ духовной жизни, должна была пасть и дѣйствительно пала предъ силой отрицанія и критики, потому что въ этомъ случаѣ отрицаніе и критика не оставляли человѣку почвы, которая при свободномъ, обособленномъ и своеобразномъ развитіи частныхъ формъ человѣческой жизни всегда остается нетронутою съ какихъ нибудь сторонъ, или въ какихъ либо мѣстахъ. Такъ, на примѣръ, философія XVIII вѣка, не смотря на рѣшительное отрицательное направленіе, какое приняла она по отношенію къ историческимъ, существовавшимъ формамъ человѣческой жизни и мысли, не оставляла человѣка безъ всякой почвы; напротивъ, она опредѣленно и сознательно указывала ему въ немъ самомъ начало такое прочное и неизбежное, которое недоступно самому рѣшительному отрицанію. Поэтому, если *критическій* моментъ нашего образованія поднимается иногда на степень принципа и часто обнаруживается, какъ крайнее отреченіе отъ всего добытаго и

добываемаго человѣческимъ духомъ; если, соотвѣтственно съ этимъ отреченіемъ, нѣкоторые мыслители пытаются поставить насъ матеріалистически на ту почву, на которой никогда еще не развивалось человѣчество въ своей исторической жизни; если, такимъ образомъ, скептицизмъ и матеріализмъ суть безспорныя явленія нашей эпохи,—то все-же было-бы поспѣшно заключать, что въ нихъ, въ этихъ отрицательныхъ явленіяхъ, выражается душа и сердце всей нашей цивилизаціи.

Справедливо, что въ настоящее время въ особенности матеріализмъ имѣетъ партію, сильную, по-крайней-мѣрѣ, свою числительностію и значеніемъ въ области естествознанія. Какъ пристроеніи общества идеалистическомъ возникаетъ въ немъ склонность къ мнѳологіи, къ вѣрѣ въ привидѣнія, въ созданія фантазіи, заслоняющія собою дѣйствительность, такъ настоящій матеріализмъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ побочный продуктъ реалистическаго настроенія нашей цивилизаціи. Мы такъ много обязаны мертвому механизму природы, въ области котораго дѣятели и двигатели оказываются тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ они пассивнѣе, что фантазія невольно рисуетъ образъ простой, пассивной матеріальности, какъ чего-то основнаго, лежащаго на самомъ днѣ явленій: она хотѣла-бы всѣ движенія такъ называемой жизни изъяснять такъ-же просто и удобно изъ механическихъ отношеній матеріальныхъ частей, какъ изъясняетъ она движенія паровой машины. Чарующая мысль, что, въ случаѣ успѣха этихъ изъясненій, мы могли-бы такъ-же просто управлять судьбами своими и другихъ людей, какъ нынѣ управляемъ движеніемъ машинъ, служить едва-ли не самымъ задушевнымъ побужденіемъ къ матеріалистическимъ воззрѣніямъ. Еслибы дѣйствительность была во всѣхъ своихъ откровеніяхъ матеріальна, то основной законъ механики, которымъ выражается равенство дѣйствія и противодѣйствія во всѣхъ движеніяхъ вещественной природы, простирался-бы безъ границъ на все существующее; а такъ какъ этотъ законъ содержитъ въ себѣ основу для всѣхъ изобрѣтеній въ области механики, то мы уже не находили-бы въ природѣ явленій, не покоряющихся изобрѣтательному гению человѣка. Недавно одинъ ученый этого направленія (*), распространился объ устройствѣ и механическомъ образованіи человѣческаго организма и вообще человѣческаго су-

(*) См. Psyche v. Noack. 1858. 1 Bd. 2 Heft. § 33.

щества съ такимъ всезнаніемъ, что наконецъ самъ почувствовалъ необходимость предостерегать читателя отъ возникающей при этомъ надежды—изобрѣсть или построить этотъ организмъ и все это существо искусственными средствами человѣческой механики; впрочемъ, онъ умѣетъ противопоставить этой мечтѣ нерѣшительныя основанія, а только случайныя обстоятельства, каковы напр., что человѣкъ не можетъ построить такихъ нѣжныхъ сосудовъ и изобрѣсть такіе тонкіе инструменты, какими пользуется природа; и очевидно, что подобнымъ образомъ за сто лѣтъ назадъ могли-бы опровергать мечту о пароходахъ и телеграфахъ, которая однакоже въ настоящее время осуществлена. И такъ, ненасытимая жажда знанія, стремленіе сдѣлать все бытіе насквозь прозрачнымъ, не оставить ни одного пункта въ дѣйствительности не разложеннымъ, не выведеннымъ, стремленіе разсчитывать и предопредѣлять мысленно всякое явленіе и его будущность съ математическою точностію—вотъ тѣ психическіе мотивы, которые, по нашему мнѣнію, условливаютъ явленіе матеріализма въ настоящее время. Предположеніе *абсолютнаго* знанія возможно сдѣлать только на двухъ основаніяхъ: или мы должны допустить, что содержаніе нашего мышленія есть *безусловно внутреннее*, или, напротивъ, что содержаніе бытія есть *безусловно внѣшнее*. Въ первомъ случаѣ, безусловное знаніе будетъ возможно потому, что мышленіе, какъ *все бытіе въ идеѣ*, будетъ содержать въ своихъ логическихъ формахъ и ихъ процессахъ формы и процессы всего сущаго; въ послѣднемъ потому, что само сущее не противопоставитъ намъ ничего внутренняго, простаго, не поддающагося анализу и существующаго безусловно. Матеріализмъ настоящаго времени рѣшаетъ подъ другими формами ту самую задачу знанія, подъ тяжестью которой палъ абсолютный идеализмъ. И если этимъ обозначается историческая, слѣдовательно, условная необходимость его появленія, то съ другой стороны въ этой идеи знанія мы видимъ его глубокое отличіе отъ матеріализма временъ языческихъ; потому-что послѣдній не вызывалъ мысль и волю человѣка на энергическую дѣятельность, но хотѣлъ нарочито парализовать всѣ его стремленія, погрузить его духъ въ состояніе покоя, сонной невозмутимости (*ἀταραξία*) и апатіи (*ἀπάθεια*). Теорія атомовъ, развитая въ древности, оставалась бесплодною для знанія, пока не были открыты и приведены въ опредѣленные, математическія формулы, законы механики; поэтому она получила въ древности

значеніе преимущественно нравственное. Матеріалнсть успокоивалъ свое сердце ученіемъ, что міръ равнодушенъ къ судьбамъ человѣка, что человѣкъ не долженъ возмущать свой внутренній покой представленіями будущаго, котораго онъ по истинѣ не имѣетъ, или сознаніемъ тяжелыхъ умственныхъ и нравственныхъ задачъ, которыя предлагались-бы ему объективнымъ свойствомъ міра; вмѣсто этихъ тревожныхъ стремленій, которыя были-бы неизбежны, еслибы міръ былъ явленіе разумное, онъ долженъ заключиться въ свои личные интересы и искать покоя и удовольствія, какъ послѣдней цѣли своего личнаго существованія и какъ высочайшаго блага своей частной души; потому-что благо, какъ нѣчто объективное, какъ содержаніе міра, не существуетъ: міръ матеріаленъ, онъ управляется необходимостію или случаемъ, а не умственными или нравственными идеями. Какъ этотъ матеріализмъ хотѣлъ успокоить тревожныя стремленія человѣка къ истинѣ и добру, какъ къ задачамъ, вытекающимъ изъ невѣдомаго существа міра, и собственно для этой цѣли онъ училъ, что «истина сокрыта въ колодезѣ», такъ современный намъ хочетъ убѣдить насъ, что истина совершенно открыта для человѣка, что знанію человѣка все доступно, все прозрачно; потому-что во всецѣло-матеріальной природѣ вещей нѣтъ такихъ непроницаемыхъ сторонъ, которыя необходимо было-бы отчислить изъ свѣтлой области знанія въ темную область чувствованій, поэтическихъ чаяній и религіознаго вдохновенія. Всего нагляднѣе представляется это различіе въ томъ, что древній матеріализмъ хотѣлъ остановить порывы метафизики, тогда-какъ новѣйшій хочетъ обогнать ее и идти далѣе: онъ упрекаетъ метафизику въ томъ, что она слишкомъ рано указываетъ человѣку опорные пункты, далѣе которыхъ онъ не можетъ проникать своимъ знаніемъ; онъ видитъ въ метафизическихъ идеяхъ успокоивающія мечты, которыя надѣется разогнать, поступая при изъясненіи дѣйствительности все далѣе и далѣе и не останавливаясь ни на одномъ явленіи, какъ на простомъ и неразложимомъ. Такимъ образомъ, этотъ матеріализмъ выражаетъ, конечно, своеобразно и отчасти, характеръ и направленіе нашей эпохи, рефлексивной, стремящейся проникнуть свѣтомъ знанія все, что доселѣ было дорого для насъ именно своею непосредственностію, стремящейся все вывести, все изъяснить, все понять и въ развитіи формъ духовной жизни по возможности опираться на началахъ знанія, не предоставляя этого развитія непосредственнымъ

и неяснымъ духовнымъ инстинктамъ, или столько-же безотчетнымъ, хотя часто и прекраснымъ, требованіямъ сердца. Умъ поэтический и духъ религіозный первѣе всего имѣютъ полное основаніе жаловаться на эту прозаическую, разсудочную жизнь и на эту философію матеріализма, для которой міръ есть нѣчто слишкомъ сухое и бѣдное, слишкомъ разсѣвающееся для того, чтобы человѣческій духъ, ищущій сосредоточенности и жизни, могъ привести въ ясность свои задачи и нужды посредствомъ познанія окружающихъ его явленій. Однакоже, если этимъ уже указывается ограниченность матеріализма и его неспособность удовлетворить всестороннимъ духовнымъ требованіямъ человѣка, то съ другой стороны, какъ видно изъ предыдущаго, онъ не можетъ служить признакомъ упадка мышленія и интеллектуальнаго развитія нашего общества. Если уже разъ дана возможность этого міросозерцанія, то оно должно пробѣжать въ исторіи всѣ степени развитія, какія вообще лежатъ въ существѣ его, чтобы такимъ образомъ высказать все свое право или неправо: идея, говоритъ Шеллингъ, должна проходить всѣ возможности, содержащіяся въ ней, и такимъ образомъ созидать свою исторію. Въ древности, матеріализмъ выступалъ, какъ воззрѣніе, успокоивающее человѣка, усталаго и такъ много потерявшаго въ исторической борьбѣ за свои разнообразные интересы. Въ XVIII столѣтіи, онъ является какъ воззрѣніе, которое отрѣшаетъ человѣка отъ всякаго преданія, отъ всѣхъ авторитетовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе вызвать его на борьбу съ ними за новые, доселѣ невѣдомые интересы. Въ наше время онъ хочетъ стать наукою, и по крайней-мѣрѣ законы механики, которыми онъ пользуется, какъ правилами логики, имѣютъ такое научное достоинство, что съ этой *формальной* стороны, матеріалистическія воззрѣнія едва-ли могутъ быть развиваемы далѣе. Въ самомъ дѣлѣ, ожесточенная борьба, которая недавно еще происходила на почвѣ философіи и естествознанія за право или неправо этого воззрѣнія, доказываетъ, что эта теорія выяснила себя, и можетъ быть изъ этой борьбы, которая продолжается и доселѣ, откроется наконецъ, какое опредѣленное мѣсто и въ какомъ значеніи должна занять эта теорія въ цѣлостной области человѣческаго міросозерцанія.

Мы не будемъ входить въ исторію этой борьбы; мы хотѣли-бы изъяснить только то отношеніе, какое имѣетъ матеріализмъ къ метафизикѣ; потому-что, хотя эта послѣдняя и не существуетъ,

какъ опредѣленная система знанія, однако-же она представляется довольно ясною, какъ система опредѣленныхъ задачъ, указывающихъ своимъ особеннымъ содержаніемъ и смысломъ на тѣ научныя приемы, которые было-бы необходимо исполнить, чтобы рѣшить эти задачи; и такимъ образомъ мы не подвергаемся здѣсь опасности изъяснить явленіе неясное посредствомъ другаго явленія, еще болѣе неяснаго. При этомъ мы должны будемъ повторять критическія замѣчанія на матеріалистическія воззрѣнія, насколько это необходимо для изъясненія ихъ связи съ метафизическими задачами. Впрочемъ, всѣ эти изслѣдованія мы ограничимъ областію такъ называемаго атомизма; потому-что, такъ называемое динамическое воззрѣніе не есть необходимо матеріалистическое. Кто хотѣлъ-бы изъяснить единство духовныхъ и матеріальныхъ явленій изъ дѣятельности первоначальныхъ, непосредственно существующихъ силъ; кто видѣлъ-бы въ матеріи феноменъ, полагаемый этими силами на одной стадіи ихъ развитія, а въ духѣ феноменъ, рождаемый этими-же силами только на другой стадіи, тотъ очевидно не утверждаетъ этимъ, что матеріальность или вещественность есть первоначальное и единственное содержаніе истиннаго, нефеноменальнаго бытія; напротивъ, гдѣ только отвлеченное понятіе силы замѣняется конкретнымъ, какъ это и необходимо въ метафизикѣ, тамъ этотъ динамизмъ скорѣе всего переходитъ въ идеализмъ. Поэтому, напримѣръ, идеализмъ Шеллинга, при переходѣ изъ метафизики въ физику, дѣлается динамизмомъ. Только въ атомизмѣ мы имѣемъ не двусмысленную теорію матеріалистическую, потому-что эта теорія принимаетъ атомы, какъ первоначальныя основныя формы бытія и вмѣстѣ какъ части, или частички матеріи, такъ-что матерія составляетъ здѣсь не феноменъ, а основу и сущность міра явленій.

Съ разныхъ сторонъ въ Германіи и у насъ доказывали, что этотъ матеріализмъ только обѣщаетъ изъяснить свою проблему, а въ дѣйствительности нисколько не изъясняетъ ее. Онъ занимается, можно сказать, исключительно однимъ, самымъ опредѣленнымъ и ограниченнымъ пунктомъ въ явленіяхъ дѣйствительности; именно, пытается найти непосредственный переходъ, непосредственное превращеніе явленій *физиологическихъ* въ явленія *психическія*. Вся эта задача поставлена строго и опредѣленно на почвѣ физики и рѣшается по методѣ, которая привела къ такимъ блестящимъ результатамъ въ области естествознанія, то есть, рѣ-

шается на предположеніи, что явленіе изъясняемое, въ этомъ случаѣ психическое, отличается отъ явленія изъясняющаго—физиологическаго, только большею сложностію и запутанностію однихъ и тѣхъ-же основныхъ элементовъ. И такъ; рѣшительное основаніе этой теоріи лежитъ въ области явленій, доступныхъ научному опыту и анализу, и мы еще не можемъ сказать объ этой теоріи, что она, какъ метафизическая, какъ выступающая изъ *абстрактнаго* понятія вещества или матеріи, не есть наука. Справедливо, что она пользуется этимъ общимъ и абстрактнымъ понятіемъ, какъ основною мыслию, въ которой дано для нея сознаніе объ истинномъ содержаніи міра явленій; но если это понятіе даетъ ей характеръ метафизическій, то легко видѣть, что оно само-по-себѣ еще не лишило-бы ее достоинства науки. Здѣсь мы наглядно удостоверяемся, что это скептическое раздѣленіе между наукою и метафизикою не можетъ быть допущено безусловно, потому-что слабость матеріализма заключается вовсе не въ томъ, что онъ изъясняетъ явленія изъ мысли общей, отвлеченной и въ этомъ значеніи метафизической. Физиологъ говоритъ не о веществѣ вообще или *in abstracto*, а объ этомъ видимомъ и осязаемомъ нервѣ, который никакъ не обладаетъ абстрактнымъ бытіемъ въ нашей мысли. Онъ спрашиваетъ: движенія, измѣненія и состоянія этого нерва не суть-ли полная и достаточная причина или источникъ этого психическаго явленія? Онъ ищетъ причинной зависимости между двумя данными и *конкретными* явленіями, безъ всякихъ метафизическихъ предположеній,—ищетъ, такъ точно, какъ и въ другихъ случаяхъ физическаго изслѣдованія. И еслибы наконецъ этому физиологу удалось найти фактически, что измѣненія и состоянія такого-то нерва, или такой-то части мозга рождаютъ, безъ всякаго посторонняго принципа, такіа-то психическія явленія, что измѣненія и состоянія этого другаго нерва, или этой другой части мозга рождаютъ другой рядъ психическихъ явленій, и т. д.; еслибы онъ на основаніи этихъ опытовъ, сдѣлалъ заключеніе къ общей и отвлеченной мысли, что вещество есть единственная основа всѣхъ явленій въ области тѣлесной и психической: что слѣдовало-бы сказать тогда объ этомъ матеріализмѣ? Мы сказали-бы: хотя понятіе вещества есть отвлеченное и общее, однако процессъ отвлеченія и обобщенія совершился здѣсь такъ правильно и надъ такими безспорными фактами, что эта метафизика имѣетъ полную, научную достовѣрность, или, по меньшей мѣрѣ, что этотъ матеріализмъ

есть эта частная наука, доказывающая частный случай полной зависимости психическихъ явленій отъ физиологическихъ съ математическою достовѣрностію; посему, онъ можетъ стать метафизикою съ научнымъ достоинствомъ, если ему, на основаніи этого достовѣрнаго физиологическаго открытія, удастся образовать такое общее понятіе о веществѣ, которое, какъ ни откуда болѣе не выводимое, какъ послѣднее предположеніе знанія и бытія, было-бы оправдываемо *внутренно* или *логически*. Это послѣднее различіе мы дѣлаемъ потому, что положеніе, математически достовѣрное въ кругу данныхъ условій, не есть уже поэтому положеніе метафизическое. Еслибы физиологъ доказалъ свой тезисъ съ математическою очевидностію, то и въ этомъ крайнемъ случаѣ, мы еще не имѣли-бы непосредственнаго права построить изъ факта науки материалистическую метафизику, для которой вещество есть первоначальная основа всѣхъ явленій міра. Какъ доказываетъ исторія философіи, самыя достовѣрныя, научныя данныя открываютъ для мысли возможность различныхъ метафизическихъ предположеній: а въ такомъ случаѣ выборъ одного изъ этихъ предположеній; нужно было-бы опредѣлять, кромѣ достовѣрныхъ фактовъ науки, внутреннею или логическою оцѣнкою. Опытъ никогда не даетъ окончательнаго оправданія нашему мышленію, которое безспорно должно повиноваться какъ опытамъ, такъ и своей внутренней закономѣрности. Какъ въ математикѣ самый непогрѣшительный анализъ приводитъ иногда къ величинамъ мнимымъ, то есть, не имѣющимъ никакого смысла, такъ самая точная наука еще не даетъ непосредственно метафизической мысли, еще не ручается за то, чтобы эта мысль не уничтожилась отъ внутренняго противорѣчія. Этимъ мы обозначаемъ тотъ простѣйшій приемъ, посредствомъ котораго условливается переходъ отъ частныхъ фактовъ и познаній къ метафизическимъ воззрѣніямъ, и очевидно, что метафизика при этомъ не потеряла-бы ни сколько научнаго достоинства, еслибы только она была прочно обоснована на достовѣрныхъ фактахъ. Въ наше время, напротивъ, господствуетъ въ массахъ убѣжденіе, что самое понятіе метафизической истины есть нѣчто несостоятельное предъ судомъ науки. Когда Гегель училъ, что истина дознается только однимъ логическимъ, слѣдовательно, внутреннимъ оправданіемъ, или что логическое и истинное безусловно тождественны, потому-что изъ себя развивающееся мышленіе не нуждается въ предположеніяхъ лежащихъ внѣ его въ области

воззрѣнія и опыта; то наука справедливо признала это ученіе одностороннимъ. Однакоже, многіе въ его отрицаніи идутъ такъ далеко, что наконецъ считаютъ излишнимъ всякое логическое оправданіе того, что сознано какъ фактъ, что дано въ воззрѣніи. Отсюда изъясняются эти странныя попытки, когда ученые, на основаніи какой-либо одной новой химической комбинаціи, или новаго открытія въ области природы строятъ, прямо и непосредственно цѣлое міросозерцаніе, какъ будто доступъ къ сущности вещей одинаково легокъ и открытъ со всякаго пункта міра и какъ будто метафизика есть это ничтожное знаніе, которое можетъ пріобрѣсть человѣкъ со всякой случайной точки зрѣнія. Такъ, еслибы и матеріализмъ не пользовался отвлеченными законами механики, то его принципъ представлялся-бы намъ какъ содержаніе, которое мы видимъ и осязаемъ сразу, въ непосредственномъ неразвитомъ, неизъясненномъ воззрѣніи, слѣдовательно, какъ содержаніе, которое лежитъ на поверхности міра явленій и которое метафизика признаетъ за предметъ изъясненія, а не за его основу. Вся эта теорія хотѣла-бы дать намъ истину изъ *чистаго* воззрѣнія, какъ противоположный ей идеализмъ надѣялся открыть ее въ *чистомъ* мышленіи.

Въ этихъ теоріяхъ мы имѣемъ двѣ крайнія, пограничныя линіи, внутри которыхъ совершается процессъ собственно человѣческаго познанія. Человѣкъ, проникнутый чувствомъ реальности и стремящійся охватить бытіе въ его непосредственности, какъ оно дано въ своемъ собственномъ элементѣ, нерѣдко пытается выдѣлить изъ процесса знанія понятіе, потому-что оно стоитъ вѣчнымъ посредствомъ между нами и бытіемъ; при этой попыткѣ онъ усиливается выступить за эти крайнія линіи, и, смотря по тому, въ какую сторону онъ направляется, мы получимъ или мистическое погашеніе мышленія въ экстатическомъ погруженіи въ бытіе, или-же матеріалистическую теорію непосредственнаго воззрѣнія, какъ единственнаго и всецѣлаго откровенія истиннаго бытія, потому-что для этой теоріи мышленіе есть только человѣческое средство повторять еще разъ то, что было дано въ воззрѣніи. Впрочемъ, какъ мистицизмъ есть только моментъ въ самоотреченіи мышленія, тотчасъ-же возстановляющаго себя, такъ и эта теорія не можетъ выступить въ идеальной чистотѣ своего принципа. Конкретное и воззрительное, которымъ такъ гордится эта теорія, было-бы въ нашемъ знаніи непосредственное, тупое и ничего не-

значущее ощущеніе, которое еще не было-бы ни субъектъ, ни предикатъ, ни субстанція, ни ея измѣненіе, ни причина, ни слѣдствіе. Со времени Канта стало достовѣрнымъ, что когда мы говоримъ о вещахъ и тѣлахъ, даже когда мы просто смотримъ на нихъ, то уже въ этомъ непосредственнѣйшемъ актѣ воззрѣнія мы влагаемъ предметъ въ идеальныя формы, свойственныя мышленію; уже здѣсь мы строимъ предметы такъ-же, какъ строиваетъ ихъ метафизика; и послѣдняя, по воззрѣнію Канта, дѣлаетъ это строеніе неосновательно только тамъ, гдѣ она выступаетъ за предѣлы возможнаго опыта или рѣшительно прерываетъ всякую связь съ воззрѣніемъ.

Мы еще продолжимъ эти замѣчанія, хотя онѣ удаляютъ насъ отъ нашего прямого предмета. Можетъ быть, впослѣдствіи, онѣ будутъ для насъ полезны для опредѣленія отношеній матеріализма къ метафизикѣ.

Когда въ настоящее время такъ охотно ссылаются на Канта, когда такъ часто повторяютъ, что Кантъ доказалъ невозможность метафизики, то намъ кажется, что этимъ еще вовсе не обозначается духъ и направленіе Кантова скептицизма. Справедливо, что ни одинъ критикъ не потрясъ такъ сильно основаній метафизики, какъ Кантъ; однакоже, съ его точки зрѣнія были возможны *метафизическія основанія естествознанія и основанія для метафизики нравовъ* (*). Одинъ этотъ фактъ долженъ-бы убѣдить насъ, что Кантъ понималъ подъ метафизикою нѣсколько направленій, изъ которыхъ одни научно-основательны, другія неосновательны. Невозможна метафизика сверхчувственного, то есть, лежащаго за предѣлами всякаго возможнаго опыта; возможна метафизика природы и метафизика нравовъ. Эти два факта, природа и человечество, которые составляютъ всю данную, подлежащую для мышленія дѣйствительность, могутъ быть сведены къ окончательнымъ, абстрактнымъ формуламъ, которыя будутъ представлять изъясняющія начала для всего міра явленій, какъ изъ Ньютоновой теоріи изъясняются перемѣны и передвиженія солнечной системы. Если-бы теперь, при опредѣленіи этихъ окончательныхъ формулъ феноменальной дѣйствительности, мы были вынуждены

(*) *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*, 1786. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*, 1785. *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*, 1797. *Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre*, 1797.

логической необходимостію обратиться къ идеѣ абсолютнаго, то Кантъ не только не противорѣчитъ этому, но и самъ даетъ блестящій примѣръ такого примѣненія этой идеи; только при этомъ онъ хочетъ, чтобы мы пользовались этой идеей, какъ математикъ пользуется пополняющими понятіями, которыя онъ привноситъ въ свою формулу не на основаніи опытовъ, а по логической необходимости, чтобы снять лежащее въ этой формулѣ противорѣчіе. Такимъ образомъ, если эта идея не есть свѣтъ, направленный вверхъ, то все-же, по меньшей мѣрѣ, она свѣтитъ внизъ: если мы не можемъ доказать бытія ея предмета, то тѣмъ не менѣе она имѣетъ для нашихъ опытовъ значеніе *регулятивное*, значеніе логическаго принципа. Въ этомъ послѣднемъ значеніи она есть достояніе человѣческаго разума совершенно законное и дѣйствительное: она образуется строго логически, по необходимымъ законамъ мышленія, хотя именно по этой причинѣ она есть только идея.

Это—скептицизмъ, но не тотъ, который въ настоящее время такъ рѣшительно заслоняетъ для насъ область высшихъ интересовъ духа и такъ охотно дѣлаетъ исключенія въ пользу чувственности, какъ будто на этой почвѣ непосредственнаго видѣнія, слышанія и осязанія мы имѣемъ *сеици въ себѣ*, или встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ подлиннымъ бытіемъ, изъ котораго должны быть изъясняемы всѣ другія, отдаленнѣйшія явленія природы и духа. Между-тѣмъ, только на этомъ отсутствіи вѣрнаго критическаго начала можетъ развиваться матеріалистическое воззрѣніе; и какъ непослѣдовательно, какъ нелогично оно превращается изъ реализма, идеей котораго оно въ истинѣ и воодушевлено, въ матеріализмъ, это можно видѣть опять изъ разсмотрѣнія глубочайшихъ основаній Кантова скептицизма. Въ анализѣ опыта и чувственнаго воззрѣнія Кантъ пришелъ къ результату, что такъ называемый предметъ или вещь, которую обыкновенно считаютъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ, лежащимъ не въ мышленіи, а въ бытіи, есть построеніе или продуктъ субъекта, способнаго къ воззрѣнію и мышленію; потому-что, если форма этой вещи дана *a priori*, то и содержаніе или матерія ея слагается изъ ощущеній, которыя имѣютъ свое бытіе только въ ощущающемъ субъектѣ. Итакъ уже здѣсь, въ области непосредственнаго опыта, гдѣ обыкновенное сознаніе надѣется обладать всею полнотою даннаго, существующаго содержанія, мы не имѣемъ предмета, какъ чего-то содержа-

цагося въ элементъ бытія: мы имѣемъ только систему представленій, которую Кантъ называетъ системою явленій. Если теперь мы не можемъ доказать, что абсолютной идеѣ соответствуетъ ея дѣйствительный предметъ, то это происходитъ такъ точно и потому, какъ и почему мы не можемъ доказать, что нашимъ эмпирическимъ воззрѣніямъ и представленіямъ соответствуютъ дѣйствительныя, существующія вещи. Различіе между эмпирическими представленіями и идеями имѣетъ большое достоинство для познающаго субъекта, но оно ничтожно по отношенію къ познаваемому объекту. Ни на одномъ пунктѣ, начиная съ чувственнаго воззрѣнія до абсолютной идеи, мы не встрѣчаемся съ бытіемъ. Метафизика такъ-же не даетъ знанія о бытіи объективномъ, какъ и чувственное воззрѣніе; какъ опытъ, такъ и метафизика суть въ истинѣ логическіе процессы, касательно которыхъ нельзя сказать, чтобы они повторяли въ себѣ, воспроизводили для нашего сознанія натуру и отношенія дѣйствительныхъ предметовъ. Если-бы намъ удалось гдѣ-либо, на низшемъ пунктѣ чувственнаго воззрѣнія, повстрѣчаться съ бытіемъ, тогда, можетъ быть, оставалась-бы надежда, что мы уже не разстанемся *всецѣло* съ этимъ бытіемъ и на высочайшемъ пунктѣ абсолютной идеи, или, по меньшей мѣрѣ, что объективное знаніе, добытое на одномъ пунктѣ, теряло-бы свой характеръ объективности только постепенно, по мѣрѣ движенія мысли въ отдаленныя области безконечнаго; другими словами, самое различіе между объективнымъ и субъективнымъ было-бы только гносеологическое, а не метафизическое. Новѣйшая философія, какъ увидимъ, ищетъ этого пункта реальности въ области воззрѣнія, чтобы съ него, какъ съ прочнаго основанія, идти далѣе въ изясненія явленій природы и духа: матеріализмъ не признаетъ даже тѣхъ затрудненій, какія сопряжены съ этой проблеммой подлиннаго метафизическаго бытія; для него физическая матерія есть непосредственно бытіе метафизическое. Поэтому, при видимой простотѣ и ясности, онъ обладаетъ существованіемъ смѣшаннымъ; онъ движется между физикой и метафизикой, становится то на ту, то на другую почву, или изъ послѣдней получаетъ проблемы, а изъ первой—методу ихъ изясненія; однакоже, воображая, что эти проблемы могутъ быть и поставлены съ точки зрѣнія естествознанія, онъ стремится въ истинѣ создать *абсолютную физику*, при которой не имѣла-бы уже мѣста метафизика.

Этотъ смѣшанный характеръ матеріализма обнаруживается

уже въ томъ физиологическомъ тезисѣ о всецѣлой зависимости душевныхъ явленій отъ органическихъ, который надѣется привести въ ясность и сдѣлать безспорнымъ основной фактъ этой теоріи. Критики матеріализма доказали слишкомъ ясно всю странность этого тезиса, или этой попытки изъяснить душевныя явленія изъ простаго видоизмѣненія, превращенія или усложненія явленій физиологическихъ. Здѣсь идетъ дѣло о такомъ наблюденіи надъ предметомъ, которое безпримѣрно во всей остальной области естествознанія; потому-что весь этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ здѣсь только тогда, когда наблюдаемый предметъ внезапно самъ превратится въ наблюдателя, когда онъ станетъ смотрѣть на себя и при томъ внутренно и скажетъ о себѣ на основаніи этого самовоззрѣнія стороннему наблюдателю, что онъ представляетъ, мыслить и чувствуетъ. Но если уже самый этотъ вопросъ поставляется здѣсь такимъ необыкновеннымъ образомъ; если о самомъ фактѣ мышленія и чувствованія знаетъ только наблюдаемый предметъ, а не сторонній наблюдатель, какъ такой, то этотъ послѣдній напрасно усиливался-бы явленіе, не данное для него, какъ внѣшняго наблюдателя, изъяснить изъ средствъ и научныхъ приемовъ внѣшняго наблюденія. Такъ-какъ этотъ себя наблюдающій предметъ ничего не знаетъ во внутреннемъ самовоззрѣніи о тѣхъ физиологическихъ процессахъ, которые изслѣдуетъ внѣшній зритель, то для знанія этихъ двухъ рядовъ явленій никогда въ будущемъ не можетъ быть открытъ пунктъ единства, или переходный посредствующій членъ, въ которомъ они встрѣчались-бы какъ въ мѣстѣ превращенія перваго изъ нихъ въ послѣднее. Физиологъ будетъ вѣчно наблюдать измѣненія, процессы и движенія чувственныхъ нервовъ, и онъ не можетъ мечтать въ будущемъ о такомъ совершенномъ микроскопѣ, посредствомъ котораго можно было-бы увидѣть мысль, чувство или себя знающій субъектъ тамъ, гдѣ доселѣ открывались наблюденію недостаточно вооруженныхъ внѣшнихъ чувствъ только физическія или химическія измѣненія нерва. Хотя-бы мы и согласились, что причина этого непримиримаго двойства разсматриваемыхъ явленій заключается въ характерѣ нашего знанія, а не въ натурѣ вещей, то все-же этимъ мы только открыли-бы поле для метафизики и тѣмъ не менѣе были-бы вынуждены отказаться отъ мнимаго притязанія имѣть фактъ тамъ, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ естественный порядокъ изслѣдованія отсылаетъ насъ къ метафизической мысли

потому-что здѣсь самымъ нагляднымъ образомъ мы встрѣчаемся съ явленіемъ, неизъяснимымъ изъ законовъ механики. Но если мы будемъ уклоняться на первый разъ отъ всякаго метафизическаго предположенія, если будемъ стоять на феноменальной почвѣ опыта, какъ этого требуетъ правильная научная метода и какъ материализмъ надѣется рѣшить свою задачу дѣйствительно этимъ путемъ, то разстояніе между противоположными членами изслѣдованія, изъ коихъ одинъ данъ, а другой никогда не можетъ быть данъ для внѣшняго опыта, будетъ *безконечное*, и наблюденію остается слѣдить только связь этихъ двухъ рядовъ явленій, безъ надежды указать когда-либо въ будущемъ *способъ превращенія* одного изъ нихъ въ другое. Предположимъ, для ясности, съ нѣкоторыми метафизиками, что все на свѣтѣ, слѣдовательно и всякое физическое тѣло воодушевлено, то есть, способно ощущать, представлять и стремиться. Понятно, что изучая такое тѣло въ его различныхъ физическихъ положеніяхъ покоя, движенія, нагрѣванія, охлажденія и т. д., мы не подвинемся, при самомъ тщательномъ анализѣ, ни на одинъ шагъ къ изъясненію его внутреннихъ состояній ощущенія, представленія и стремленія; всякое будущее открытіе въ свойствахъ и составѣ этого тѣла будетъ падать въ область внѣшнюю, физическую и никогда не перенесетъ насъ въ область внутреннюю или психическую, а это было-бы необходимо, если только понятія *выводъ*, *изъясненіе* психическихъ явленій изъ физиологическихъ должны имѣть какой-либо опредѣленный смыслъ. Но какъ скоро разъ своеобразная дѣятельность самовоззрѣнія даетъ намъ откровеніе о душевныхъ явленіяхъ, то наука можетъ сопоставлять эти предметы самонаблюденія съ предметами наблюденія, чтобы указывать ихъ разнообразную взаимную зависимость, какъ и образъ ихъ взаимной связи, которая ни въ какомъ случаѣ не должна быть смѣшиваема съ понятіемъ генетическаго вывода одного изъ нихъ изъ другаго. Какъ и въ другихъ случаяхъ физика даетъ намъ математически-достоверное знаніе только тогда, когда она подчиняетъ свои выводы силлогизму пропорціональности, когда она говоритъ намъ, что, если такое-то явленіе (напр. температура) измѣняется отъ A до a , то и такое-то другое явленіе (напр. объемъ тѣла) будетъ измѣняться отъ B до b ; такъ и въ этой области явленій физиологическихъ и психическихъ она можетъ дать намъ только познаніе отношеній и зависимости между измѣненіями того и другаго рода, съ тѣмъ впрочемъ ограничен-

ніемъ, что душевныя измѣненія, по-крайней-мѣрѣ доселѣ, не поддаются никакому математически-опредѣленному измѣренію и вычисленію, не могутъ быть отнесены ни къ какой количественной единицѣ. Повторяемъ, это тавтологическое положеніе, что только при опредѣленіи количественныхъ отношеній между явленіями физика даетъ намъ математически-достоверное знаніе. Еслибы подобнымъ-же образомъ физиологіи удалось указать опредѣленныя пропорціи между измѣненіями животнаго организма и измѣненіями душевныхъ явленій, то мы получили-бы основное психологическое открытіе, безъ котораго всякое дальнѣйшее движеніе въ этой области будетъ не прочно. Но эти пропорціи никогда не приведутъ послѣдовательнаго наблюдателя къ матеріалистическому предположенію, что нервныя процессы суть причины и источники душевныхъ явленій, такъ точно, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ температура не разсматривается физикомъ, какъ причина того тѣла или того субъекта, въ данномъ и относительно-первоначальномъ объемѣ котораго она производитъ количественныя измѣненія посредствомъ собственныхъ, также количественныхъ измѣненій. Хотя между температурою и объемомъ тѣла существуетъ *необходимая* связь, однако физикъ не спрашиваетъ, какъ тѣло начинаетъ получать объемъ вообще, или какъ этотъ объемъ происходитъ, *начинаетъ быть* изъ той причины, которая, по несомнѣнному свидѣтельству опыта, производитъ въ немъ количественныя измѣненія.

Между тѣмъ, въ настоящее время такъ охотно указываютъ на эти *необходимыя* соотношенія между физиологическими и душевными явленіями, какъ на доказательство возникновенія послѣднихъ изъ первыхъ, что для читателя, непривычнаго къ строгому анализу, матеріалистическое воззрѣніе можетъ показаться фактически-оправданнымъ. Когда, напримѣръ, превосходство человѣческаго мышленія предъ мышленіемъ животныхъ изъясняютъ изъ большаго количества человѣческаго мозга или изъ особеннаго устройства его, изъ присутствія въ немъ значительнѣйшаго количества жира и фосфора, и т. д., то всѣ эти изъясненія могутъ быть истинны на столько, на сколько они производятъ душевную жизнь *не сначала*, а уже предполагаютъ ее вообще въ царствѣ животномъ и только указываютъ физиологическія условія для ея превосходства въ человѣкѣ. Вообще, въ этихъ случаяхъ физиологіи предлежитъ задача опредѣлить: какія *окончательныя* условія, какія

послѣднія измѣненія и въ какихъ именно пунктахъ тѣлеснаго организма должны совершиться, чтобы движенія и состоянія внѣшняго міра, переходя на живое тѣло, могли подать душѣ поводъ къ рожденію представленія, чтобы это *бытіе* возникло въ душѣ какъ *знаніе*? потому что представленіе рождается не изъ собственныхъ средствъ и силъ души, не изъ *абсолютной* производительности ея, но, какъ и все на свѣтѣ, по причинамъ и условіямъ, лежащимъ въ отношеніяхъ ея ко внѣшнему міру. И какъ вообще необходимое соотношеніе, необходимая связь не есть еще *генетическая* зависимость, потому что послѣдняя есть только частный случай внутри этого общаго соотношенія, то эти факты физиологій пока ничего не говорятъ о началѣ и происхожденіи душевныхъ дѣятельностей изъ отправленій мозга. Они только доказываютъ, что психическіе процессы возникаютъ въ бытіе не случайно, не по абсолютному произволу души, не какъ призраки, которые не имѣютъ опредѣленнаго, разъ на всегда избраннаго мѣста въ дѣйствительности, но что они входятъ въ великую систему міра какъ ея часть и связаны съ ея порядкомъ и законмѣрностію необходимо. Кто выяснилъ себѣ понятіе *необходимой* связи, тотъ не только не станетъ отрицать несомнѣнныхъ фактовъ физиологій, что съ измѣненіемъ или безпорядкомъ въ дѣятельности мозга соединяется необходимо измѣненіе или безпорядокъ въ дѣятельностяхъ душевныхъ, но онъ имѣлъ-бы право сказать вообще, что, если бы гдѣ нибудь въ механической вселенной исчезъ изъ бытія одинъ какой либо, невѣдомый для насъ, атомъ, то съ этимъ вмѣстѣ должно бы произойти особенное превращеніе, какъ во всѣхъ частяхъ міра, такъ и въ душевныхъ отправленіяхъ, потому что въ системѣ механизма, опредѣляемой съ математическою необходимостію, исчезновеніе одного атома повлекло-бы за собою переворотъ въ ходѣ, направленіи и отправленіи всѣхъ частей ея, какъ въ математической формулѣ выключеніе одной единицы или даже малѣйшей дроби даетъ результаты совершенно новые и особенные. И если древніе, сознавая эту необходимость связи душевныхъ явленій съ порядкомъ міра, учили, напримѣръ, что наше мышленіе имѣетъ свой источникъ въ воздухъ или въ другомъ элементѣ, которому они приписывали особенно сильную роль въ судьбахъ міра, то я не вижу, чѣмъ лучше или хуже это ученіе въ сравненіи съ матеріалистическимъ предположеніемъ о мозгѣ, какъ источникѣ душевныхъ явленій; тѣмъ болѣе, что и это ученіе съ

одной стороны выражаетъ общую и истинную мысль о необходимой связи между душевными явленіями и строеніемъ цѣлаго міра, а съ другой не исключаетъ, что все-же послѣдній членъ вѣшняго міра, стоящій въ непосредственной и ближайшей связи съ этими явленіями, есть мозгъ и его отправленія. Такъ какъ современный намъ физиологъ не можетъ признавать мозгъ за субстанцію самодовлѣющую, которая изъ себя одной можетъ рождать эти явленія, то по настоящему и онъ долженъ-бы придти къ какимъ нибудь подобнымъ предположеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣчто подобное и встрѣчаемъ мы въ тѣхъ теоріяхъ, которыя говорятъ объ электрическомъ токѣ въ нервахъ, о жирѣ и фосфорѣ въ мозгѣ такъ, какъ будто-бы они были источниками душевныхъ явленій; потому-что, такимъ образомъ эти теоріи очевидно, выступаютъ дажѣ понятія о мозгѣ къ тѣмъ элементамъ, которые входятъ и въ другія органическія, а частію и неорганическія комбинаціи. Только древнимъ мы не можемъ возражать безъ всякихъ условій и ограниченій, потому-что въ ихъ связномъ мышленіи тотъ элементъ, изъ котораго была выводима дѣятельность мышленія, самъ обладалъ качествомъ разумности, какъ своимъ первоначальнымъ, ни откуда болѣе не происходящимъ содержаніемъ, такъ что человѣческое мышленіе, рождаемое этимъ элементомъ, было тѣмъ не менѣе явленіемъ первоначальнаго содержанія міра; между тѣмъ какъ новые слишкомъ опредѣленно признаютъ въ этихъ вещественныхъ элементахъ только механическихъ и химическихъ дѣятелей, а въ душевныхъ отправленіяхъ видятъ нѣчто, существующее не въ цѣлостномъ содержаніи міра, а только въ опредѣленномъ и частномъ кругѣ животной жизни. Поэтому, здѣсь дѣйствительно мы имѣемъ ничѣмъ неоправдываемую смѣсь приѣмовъ и возрѣній физики съ задачами и возрѣніями метафизики.

Примѣры такихъ смѣшанныхъ представленій, которыми надѣется материализмъ доказать свое право, подлежатъ намъ въ огромномъ числѣ въ сочиненіяхъ и статьяхъ этого направленія. Мы приведемъ два такихъ примѣра изъ порядка мыслей, который очень часто воспроизводится, хотя и въ различныхъ выраженіяхъ.

Защитники этой теоріи часто говорятъ: «въ мірѣ вещественномъ мы не знаемъ ни одного предмета, въ которомъ-бы не проявлялись какія либо свойственныя ему силы. Точно такъ-же невозможно представить себѣ и силу, независимую отъ матеріи... Стало быть, и въ человѣческомъ мозгѣ, каковъ-бы ни былъ его составъ,

должна быть своя сила. И что-же удивительнаго, если эта сила проявляется въ ощущеніи?» И дабы въ самомъ дѣлѣ это не показалось удивительнымъ, защитники этого воззрѣнія ссылаются на законъ развитія, которому подлежит матерія и вслѣдствіе котораго на одной степени «мы находимъ то, что несвойственно другой. А если самую развитую часть человѣческаго тѣла составляет мозгъ (*), то отчего-же допустить, что мозгъ способенъ къ такой дѣятельности (то есть, къ ощущенію), какой мы не замѣчаемъ въ камнѣ и деревѣ?» Это ученіе о *развитіи* матеріи, повидимому, такъ доступное пониманію, едва-ли показалось-бы яснымъ для какого-нибудь Ньютона, потому-что Ньютонъ, не обольщаясь словомъ *развитіе*, всегда понималъ-бы подъ матеріей пространственную массу съ отличительнымъ качествомъ *инерціи*; эта масса, хотя-бы она была «тончайшая», развивала-бы изъ себя только такія силы, сущность и особенность которыхъ обнаруживалась бы только въ пространственныхъ измѣненіяхъ такихъ-же пространственныхъ массъ; слѣдовательно, подъ это общее понятіе силы, производящей пространственныя измѣненія въ массахъ, онъ не подвелъ-бы ощущенія или сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе, что «мы не можемъ представить себѣ силу безъ матеріи», означаетъ въ области физики, которая знаетъ хорошо, что нужно думать о силѣ вообще, безспорную истину, что мы не можемъ представить пространственныхъ измѣненій безъ пространственныхъ массъ. Между тѣмъ мы согласны, что какъ въ этой физической области, такъ и вообще положеніе это, что нѣтъ силы безъ матеріи, имѣетъ апіорную необходимость, какъ положенія: нѣтъ дѣйствія безъ причины, нѣтъ явленія безъ субстанціи; только въ этомъ случаѣ оно имѣетъ аналитическое или тавтологическое значеніе, которое можетъ быть выражено такъ: мы не можемъ представить измѣненія или явленія безъ содержанія, которое при этомъ измѣняется или является. Ощущеніе или сознаніе будетъ такимъ образомъ предполагать содержаніе, которое для насъ является въ этомъ видѣ: оно есть из-

(*) Что мозгъ есть самая развитая часть человѣческаго тѣла, это положеніе имѣетъ смыслъ только *телеологическій*, которымъ уже можетъ быть отрицаемо матеріалистическое воззрѣніе, потому-что съ исключительно физической точки зрѣнія каждая система человѣческаго тѣла условлена въ своемъ происхожденіи равно-одинаковою необходимостію и обнаруживаетъ отправления, одинаково необходимыя для существованія тѣла, какъ цѣлостнаго феномена этихъ частныхъ отправленій.

измѣненіе, которое невозможно безъ того, *что* измѣняется. Но если это измѣненіе пространственное, и есть-ли содержаніе этого измѣненія пространственная масса съ свойствомъ инерціи, это совершенно новый вопросъ, который не опредѣляется предъидущими соображеніями. Развѣ нужно-бы принять за достовѣрную и *a priori* ясную истину, что мы не можемъ представить никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ пространственныхъ и никакого другаго содержанія ихъ кромѣ также пространственныхъ массъ съ свойствомъ инерціи, какъ и въ самомъ дѣлѣ эти положенія, которыя не легко примирить съ очевидными опытами, должны лежать явственно или сокрыто въ основаніи всякой матеріалистической теоріи. Мозгъ, какъ и всякая матерія, имѣетъ свои силы, объ этомъ психологія не споритъ. Только это положеніе будетъ означать, что когда пространственная масса мозга будетъ измѣняться по поводу внѣшнихъ впечатлѣній, потому что, по закону инерціи, она не можетъ измѣняться внутренно, изъ себя и отъ себя, когда она будетъ такимъ образомъ приходитъ въ движенія и перемѣщенія; то она будетъ имѣть силу производить измѣненія, движенія и перемѣщенія въ другихъ массахъ, которыя находятся съ нею въ опредѣленной связи. Но чтобы эта сила мозга, эти движенія и перемѣщенія въ его массѣ могли раждать ощущеніе и сознаніе, это опять новый вопросъ, какъ очевидно, даже поставленный произвольно или независимо отъ ясныхъ физическихъ понятій о силѣ, которой самымъ нагляднымъ признакомъ служить явленіе пространственнаго измѣненія.

Другой примѣръ мы возьмемъ изъ статьи одного журнала этого направленія (*). Статья эта тѣмъ интереснѣе, что она есть руководящая и что въ ней и въ самомъ дѣлѣ высказывается основная мысль матеріализма—изъяснить душевныя явленія, ощущенія и сознанія изъ простыхъ движеній, перемѣщеній и сложенія этихъ движеній, происходящихъ въ тѣлесномъ организмѣ.

«Основаніе, говоритъ статья, изъ котораго выходитъ положеніе человѣка ко внѣшнему, его окружающему міру, и вмѣстѣ его отношеніе къ самому себѣ, какъ непрестанное взаимодействіе между его внутреннимъ и тѣми силами, которыя въ каждое мгновеніе вліяютъ на него фактически,—это основаніе есть его тѣлесность. Отсюда идетъ путь во внутрь, поколику на этомъ натуральномъ

(*) Psyche. v. Noack 1858. Erstes Heft. стр. 11—12.

основаніи чувственности построяется внутренній міръ, который однако-же въ свою очередь непрестанно воздѣйствуетъ на внѣшнее и образуетъ постоянно открытый кругъ обнаруженій, посредствомъ которыхъ потокъ жизненныхъ явленій въ каждое мгновеніе смыкается съ тѣмъ-же самымъ окружающимъ міромъ, изъ котораго вышелъ толчекъ первоначально».

«Человѣкъ въ нераздѣльной цѣлости своего существа, въ которомъ нельзя раздѣлять зерна и скорлупы, образуетъ живое сборное мѣсто и гумно, на которое движенія вторгаются, на которомъ движенія переплетаются и смѣшиваются и отъ котораго движенія исходятъ. Путь со внѣ во внутрь означаетъ чувственность; круговоротъ движеній, который развивается между двумя крайними полюсами человѣческаго существа, означаетъ внутренность, а процессы, обнаруживающіе внутреннее, какъ потокъ жизни, возвращающійся къ исходу, образуютъ путь во внѣ».

На основаніи этихъ разсужденій, въ которыхъ, какъ кажется, неясность и неопредѣленность составляютъ логическую потребность (*), сочинитель имѣлъ право сказать: «ощущеніе есть въ сущности движеніе, которое идетъ во внутрь и которое возбуждаетъ здѣсь новыя движенія... Съ органами чувствъ, какъ съ особенными снарядами тѣла, которые служатъ для приема внѣшнихъ возбужденій, соединяются сходящіяся въ мозгѣ пути нервовъ чувствъ, чтобы принимать эти возбужденія, какъ толчки и передавать ихъ въ порядкѣ (головному) мозгу, чрезъ посредство котораго они и превращаются въ ощущенія».

Въ послѣднихъ словахъ сочинитель разрѣшилъ намъ тайну, какимъ образомъ отъ простыхъ и постепенно усложняющихся движеній происходятъ ощущенія; впрочемъ, разрѣшилъ такъ, что всѣ предъидущія разсужденія оказываются бесполезными, потому-что эти разсужденія говорятъ только о движеніяхъ, которыя потомъ «посредствомъ мозга превращаются въ ощущенія». Если-бы физиологін удалось эти простыя и постепенно усложняющіяся движенія подчинить опредѣленнымъ правиламъ или пропорціямъ; то она извлекла-бы изъ этого факта движеній всѣ тѣ выгоды для познанія физиологическихъ отправленій, какія вообще доступны методѣ естествознанія. Но потомъ все же она должна была-бы

(*) См. ниже замѣчанія о категоріи взаимодѣйствія, которое въ приведенномъ текстѣ разсматривается какъ начало дѣйствія.

сказать, помимо этих точных познаний, что эти движения, совершающіяся по опредѣленнымъ пропорціямъ или законамъ, «посредствомъ мозга превращаются въ ощущенія». Въ этомъ *превращеніи* или, какъ выражается Лотце очень мѣтко, въ этой *транс субстанціации* заключается и въ самомъ дѣлѣ тайна, которую здѣсь необходимо не поименовать только, а разоблачить, чтобы имѣть не призракъ, а фактъ. Но если текстъ говорить, что «ощущеніе есть въ сущности движеніе», то превращеніе это будетъ лишь простымъ именемъ для обозначенія болѣе сложнаго и болѣе запутаннаго движенія, которое поэтому хотя и можетъ наблюдать сторонній зритель, но которое само себя наблюдать еще не можетъ; оно есть не ощущеніе, не сознание, не самонаблюденіе, а движеніе, такъ что вопросъ о выходѣ феномена ощущенія изъ феномена тѣлесныхъ движеній будетъ возвращаться всякій разъ послѣ того, какъ мы, казалось, уже разрѣшили его. — Очевидно, сочинитель хотѣлъ воспроизвести ощущеніе изъ тѣлесныхъ движеній такъ, какъ въ теоріи единства физическихъ силъ пытаются производить изъ движенія теплоту, свѣтъ, электричество, звуки и т. д. Мы коснемся здѣсь этой теоріи, на сколько она имѣетъ философское основаніе.

Локкъ, на основаніи анализа человѣческихъ представленій, различалъ въ явленіяхъ качества *первоначальныя* и *вторичныя*. Послѣднія существуютъ собственно въ воззрѣніяхъ и состояніяхъ субъекта, первыя существуютъ въ дѣйствительномъ мірѣ, все равно, будетъ ли при этомъ ощущающее существо, замѣчать ихъ, или нѣтъ. Первоначальныя качества суть: непроницаемость, протяженіе, фигура, движеніе или покой; вторичныя, или имѣющія мѣсто въ воззрѣніяхъ субъекта: свѣтъ, звукъ, теплота, холодное, запахъ, вкусъ и т. д. Этимъ различіемъ Локкъ указалъ самымъ опредѣленнымъ образомъ на ту почву, на которой должно было разъ на всегда остановиться естествознаніе. Предметъ или *вещь въ себѣ* есть для Локка матерія съ качествами непроницаемости, протяженія и движенія. Хотя это ученіе о бытіи объективномъ не можетъ быть оправдано съ философской точки зрѣнія, какъ показали Беркелей, Юмъ и Кантъ; однако естествознаніе имѣетъ полныя основанія начинать свои изъясненія и выводы съ движеній протяженной и непроницаемой матеріи, какъ съ основнаго феномена, такъ что явленіе вторичныхъ качествъ свѣта, звука, запаха, теплоты оно будетъ изъяснять изъ количественныхъ измѣне-

ній, или изъ различныхъ передвиженій частей матеріи. Только при этихъ выводахъ не всякій хочетъ знать, что эти вторичныя качества существуютъ пока въ зрителѣ, что безъ предположенія этого зрителя, движенія, не смотря на самое разнообразное усложненіе, оставались-бы на всегда движеніями, что если напротивъ они рождаютъ явленія теплоты, звука и свѣта, то рождаютъ ихъ не какъ нѣчто существующее внѣ слышащаго, видящаго и чувствующаго субъекта, а какъ внутреннія состоянія или воззрѣнія этого послѣдняго, внѣ которыхъ мы имѣли-бы въ объективномъ элементѣ только количественныя измѣненія движеній.

Отсюда видно, какъ странно предпріятіе матеріализма—производитъ самый субъектъ, способный къ воззрѣнію и сознанию, изъ движеній матеріи. Ощущеніе и сознание онъ разсматриваетъ какъ *вторичное качество*, которое поэтому и хочетъ онъ изъяснить изъ качествъ первоначальныхъ. Но если вторичное качество существуетъ не для себя, а для другаго зрителя, то намъ-бы опять пришлось искать того другаго субъекта сознающаго и ощущающаго, въ воззрѣніяхъ, представленіяхъ и въ сознаніи котораго движеніе превращается въ ощущеніе и сознание. Такимъ образомъ, мы разгадали-бы тайну, какъ движенія «посредствомъ мозга превращаются въ ощущенія»; если-бы эти ощущенія имѣли бытіе въ чужомъ воззрѣніи или для сторонняго наблюдателя и если бы поэтому уже не было напередъ, безъ вывода, предположено-бытіе ощущающаго и сознающаго субъекта, какъ необходимое условіе его непосредственныхъ, для него существующихъ состояній ощущенія и сознанія. Въ этомъ противорѣчій заключается одно изъ рѣшительныхъ оснований, которое противопоставляетъ новѣйшая философія защитникамъ матеріалистической теоріи (*).

(*) Шопенгауэръ говоритъ: «для матеріализма послѣдній членъ изъясняемаго ряда представляла-бы животная чувствительность, или познаніе. Но если-бы мы, слѣдуя за нимъ, достигли до этой вершины, мы внезапно испытали-бы припадокъ неудержимаго хохота Олимпійцевъ, потому-что теперь, какъ-бы проснувшись, мы сразу замѣтили-бы, что его послѣдній результатъ, съ такимъ трудомъ достигнутый, т.-е. познаніе, было уже предположено какъ необходимое условіе еще при самомъ первомъ начальномъ пунктѣ, при этой чистой матеріи, и въ то время, какъ мы воображали съ нимъ, что мы мыслили матерію, въ дѣйствительности мы мыслили субъектъ, который представляетъ матерію—глазъ, ее видящій, руку, ее ощущающую, разумокъ, познающій ее. Такимъ образомъ, намъ открылось-бы безимѣрное *petitio principii*: внезапно послѣдній членъ дѣли оказался-бы начальнымъ пунктомъ, на

Если однако-же отъ Платона и до настоящаго времени материалисты повторяютъ одинъ и тотъ-же примѣръ музыкальнаго инструмента, будто-бы превращающаго движенія въ звуки и думаютъ этимъ изъяснить, какъ посредствомъ мозга такія-же движенія превращаются въ мысли, то въ этомъ мы опять должны видѣть то смѣшеніе понятій и научныхъ приемовъ, которое такъ необходимо для этого воззрѣнія. Какъ материализмъ XVIII столѣтія, такъ и современный намъ думаетъ избѣжать этихъ противорѣчій посредствомъ рѣшительнаго положенія, что матерія способна къ ощущенію. Разбираемая нами статья продолжаетъ: «общая основа, изъ которой въ первый разъ выходятъ частныя душевныя дѣятельности съ ихъ отличительною опредѣленностію, есть чувство ощущенія вообще (*der Sinn des Empfindens überhaupt*)». Субъектъ и предикатъ этого положенія такъ далеко отстоятъ другъ отъ друга, что вслѣдствіе этого его не легко какъ защищать, такъ и оспаривать. Можно различать здѣсь нѣсколько случаевъ. Если ощущеніе есть принадлежность только органическаго тѣла, если поэтому оно есть феноменъ въ матеріи производный, то оно должно быть подведено подъ категорію *историческихъ качествъ*, и всѣ прежнія затрудненія возвращаются здѣсь еще разъ. Напротивъ, разсматривая его, какъ принадлежность матеріи *вообще*, мы избѣжали-бы этихъ затрудненій, но за то подъ именемъ матеріи мы понимали-бы нѣчто другое, чѣмъ ту массу, которой движенія и измѣненія опредѣляются математически. Мы должны были-бы сказать: одинъ и тотъ-же субстратъ имѣетъ два порядка качествъ: тяготѣніе и самовоззрѣніе, движеніе и мышленіе, такъ что послѣднее качество не есть простое видовзмѣненіе перваго, а также первоначально или непервоначально, какъ и это первое. Слѣдовательно, это положеніе говорило-бы намъ о субстратѣ не данномъ въ воззрѣніе, а выражало-бы только метафизическую мысль о единствѣ того содержанія, которое раскрывается въ явленіяхъ природы и духа. Философія во всѣ времена сочувствовала этой мысли, и материализмъ, если только подъ матеріей понималъ онъ не массу, механически опредѣлимую, которая, безъ всякаго сомнѣнія, неспособна къ самовоззрѣнію, поставляетъ себя въ

которомъ утверждался уже членъ первый и цѣпь превратилась-бы въ кругъ: и материалистъ былъ-бы похожъ на барона Мюнхгаузена, который, плывя верхомъ на лошади по рѣкѣ, тянулъ лошадь вверхъ своими ногами, а себя самаго тянулъ вверхъ, ухватившись за свою косу, переброшенную на лобъ.

этомъ случаѣ въ такое неопредѣленное положеніе, изъ котораго возможенъ выходъ къ метафизическимъ воззрѣніямъ совершенно различнаго направленія. Если-бы однако-же, не смотря на это метафизическое предположеніе, онъ все еще хотѣлъ держаться въ области физики, то онъ отсылалъ-бы насъ къ тѣмъ навнымъ воззрѣніямъ древности, которыя говорили о разумномъ воздухѣ, разумномъ огнѣ, разумномъ эфирѣ и т. д., хотя и въ этомъ случаѣ онъ уже не могъ-бы возвратиться на ту почву физическаго механизма, на которой онъ надѣется стоять и развиваться безъ всякихъ другихъ пособій, какъ система чистаго естествознанія.

Было-бы слишкомъ долго повторять всѣ возраженія, какія были сдѣланы противъ мнимаго факта, на которомъ матеріализмъ надѣется построить свое зданіе. Если для него не имѣетъ значенія всецѣлая несоизмѣримость явленій психическихъ и физическихъ и единство понимающаго сознанія; если далѣе онъ говоритъ о внутреннемъ и внѣшнемъ въ человѣкѣ, въ томъ физическомъ смыслѣ, какъ мы говоримъ о внутренней и внѣшной сторонѣ дома; если наконецъ въ помощь къ процессамъ физическимъ онъ присоединяетъ процессы химическіе, — то въ первомъ случаѣ онъ признаетъ все содержаніе внутренняго чувства явленіемъ или вторичнымъ качествомъ, которое имѣетъ бытіе для другаго, а въ послѣднихъ двухъ случаяхъ онъ *превращаетъ* процессы, имѣющіе бытіе для другаго, въ бытіе для себя, или явленія внѣшняго воззрѣнія въ явленія внутренняго непосредственнаго самвоззрѣнія. Мы спросимъ здѣсь, почему однако-же защитники этой теоріи такъ глубоко убѣждены, что они имѣютъ опредѣленный фактъ тамъ, гдѣ по самой натурѣ вещей не можетъ быть открыто никакого подобнаго факта. Если мы не будемъ давать значенія тому обстоятельству, что нѣкоторые изъ нихъ очень мало знакомы съ собственнымъ дѣломъ, съ особенною задачею и особенными методическими приемами философіи (*), то это признаніе факта механической причинности въ области, недоступной для средствъ механическаго изслѣдованія, получить свой особенный смыслъ среди стремленій нашего времени и нашего образованія. Съ-тѣхъ-поръ, какъ въ положительныхъ наукахъ распространилась ни чѣмъ неоправданная вѣра въ вѣчность физическихъ теорій, стали говорить о той вожде-

(*) См. Zum Streit ueber Leib und Seele v. Iurgen Bonn, Meyer. 1856.

лѣнной будущности, когда эти теоріи обнимуть всю безграничную дѣйствительность и когда уже поэтому не окажется нужды въ философіи съ ея измѣнчивыми идеями. Выше мы видѣли, какъ обширною и безграничною представляется идея знанія съ точки зрѣнія абсолютной механики. Только для осуществленія этой идеи предстоитъ крайняя необходимость найти механически-сложенный мостъ изъ области посредственнаго внѣшняго воззрѣнія въ область непосредственнаго, внутренняго самовоззрѣнія. Пока этотъ переходъ не найденъ, пока онъ не указанъ, какъ достовѣрный фактъ, до-тѣхъ-поръ вѣчныя физическія теоріи, какъ очевидно, будутъ имѣть огромное значеніе гносеологическое, и самое ничтожное метафизическое; слѣдовательно, открытія физики, не смотря на свое необыкновенное расширеніе, ни сколько не будутъ стѣснять той области подлиннаго бытія, которую освѣщаетъ метафизика своими измѣнчивыми, но все-же свѣтящимися огнями. Поэтому, защитники матеріалистической теоріи должны употреблять всѣ усилія для указанія фактическаго перехода отъ явленій физическихъ къ психическимъ, если они не должны разстаться съ своею блестящей идеей знанія. Въ противоположность съ этой теоріей всезнанія, философія выступаетъ,—чтобы употребить здѣсь сократическое выраженіе — изъ *сознанія незнанія*. Кто не выяснилъ себѣ этого начала философіи, для того и въ самомъ дѣлѣ покажется она чудовищнымъ предпріятіемъ человѣческаго ума, стремящагося отыскать ключъ къ мірозданію. Изъясняемый ею предметъ данъ въ томъ-же самомъ опытѣ, внутри котораго движется и механическое естествознаніе. Только она выступаетъ изъ предположенія, что какъ въ дѣйствительности нѣтъ такого сплошнаго механизма, который держался-бы самъ на себѣ и не предполагалъ бы идеальныхъ отношеній,—такъ и въ знаніи, метода, изъясняющая явленія изъ внѣшнихъ причинъ, должна быть завершаема изъясненіями явленій изъ идей. Основной фактъ, которымъ оправдывается это направленіе философіи, какъ и необходимость ея въ области знанія, есть фактъ самосознанія, потому-что здѣсь внезапно наше отношеніе къ предмету становится внутреннее, непосредственное, тогда-какъ во всѣхъ другихъ опытахъ мы смотримъ на предметы со стороны, какъ на что-то внѣшнее, открытое намъ не прямо и не изнутри. Поэтому, можетъ статься, что борьба за этотъ особенный фактъ, гдѣ бытіе превращается въ знаніе и признание бытія, всегда будетъ продолжаться между естествознаніемъ

емъ и философией, и временная побѣда одной изъ этихъ наукъ будетъ зависѣть не столько отъ ея научныхъ силъ, сколько отъ того общаго настроенія современнаго образованія, которое будетъ видѣть свои интересы преимущественно въ этой торжествующей наукѣ. Мы здѣсь не говоримъ о другихъ важнѣйшихъ основаніяхъ, которыя обуславливаютъ необходимость философіи. Въ настоящемъ случаѣ мы только изъясняемъ сомнѣніе, чтобы люди когда-либо въ будущемъ могли сравниться съ тѣми богами, которые, по Сократу, не чувствуютъ нужды въ философій, потому-что они все знаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что спорный фактъ полной причинной зависимости душевныхъ явленій отъ физиологическихъ былъ-бы оправданъ научнымъ образомъ, — то и въ этомъ крайнемъ случаѣ мы имѣли-бы еще только частную науку, которая не была-бы сама по себѣ достаточнымъ основаніемъ для матеріалистической метафизики; слѣдовательно, и въ этомъ крайнемъ случаѣ оставалось-бы мѣсто для философіи, какъ науки съ своими особенными приемами, которые будутъ отличаться отъ методы естествознанія. Выше мы развили это положеніе вообще и хотѣли показать, что самая точная наука еще не даетъ непосредственно метафизической мысли, такъ-что матеріалистическое міросозерцаніе еще не оправдало-бы себя предъ философией, еслибы оно защитило съ научною строгостію тотъ спорный фактъ, о которомъ идетъ здѣсь дѣло. Положеніе это не покажется здѣсь страннымъ для того, кто вспомнитъ, что метафизика большею частію не признавала психологическаго дуализма, который нельзя препобѣдить на почвѣ опыта, что для нея матеріальное было необходимымъ, феноменальнымъ предположеніемъ духовнаго, и что, однакожъ, изъ-за одного этого она еще не была матеріалистическою. Явленіе это происходило въ исторіи философіи отъ того, что метафизика не только должна признать фактическую связь явленій, но и оправдать внутреннюю возможность этой связи. Повторяемъ, что въ этомъ заключается одна изъ ближайшихъ задачъ философіи. Хотя и частныя науки занимаютъ рѣшеніемъ этой задачи каждая въ своей области, однако—не всегда и не вообще; и онѣ въ самомъ дѣлѣ довольствуются очень часто признаніемъ *постоянной* связи въ явленіяхъ, которая для нихъ служитъ внѣшнимъ, достовѣрнымъ признакомъ ихъ внутренняго, необходимаго соотношенія, какъ это доказывалъ Юмъ, отрицавшій, впрочемъ, возможность зна-

нія этой внутренней необходимости. Какъ-бы ни была тяжела эта задача философіи, однако самый простой человѣческой умъ не можетъ остановиться на признаніи фактически-существующей, хотя и постоянной связи явленій, потому-что эта постоянная связь есть на первый разъ чудо, которое только теперь, какъ оно открыто наблюденіемъ, требуется изъяснить, истолковать, чтобы видѣть возможность этого частнаго случая изъ общихъ основаній, изъ общаго понятія. Поэтому и матеріализмъ долженъ-бы поставить вопросъ: какимъ образомъ должно мыслить содержаніе, данное для чувствъ въ видѣ матеріи съ свойствами протяженности, непроницаемости и, инерціи, чтобы оно было достаточно для произведенія явленій мышленія и знанія, которыя, по свидѣтельству опыта, происходятъ изъ него? Это логическое оправданіе фактически существующей связи отсылало-бы насъ изъ области воззрѣнія въ область бытія, и, при самомъ скептическомъ взглядѣ на философію, оно по меньшей мѣрѣ предостерегало-бы насъ отъ обольщенія, будто первое въ явленіи есть уже поэтому первоначальное въ бытіи. Кто напротивъ убѣжденъ, что философія можетъ сдѣлать больше, нежели только опредѣлить достоинство, значеніе и границы опыта, тотъ будетъ перерабатывать содержаніе, данное въ воззрѣніи, будетъ пополнять его, видоизмѣнять, мыслить подъ предикатами, отличными отъ предикатовъ, взятыхъ съ воззрѣнія, пока наконецъ не увидитъ возможности *внутренняго* перехода отъ одного изъ членовъ явленія къ другому; данное въ воззрѣніи, становится въ мышленіи, по справедливому замѣчанію Гегеля, *другимъ* содержаніемъ, какъ и вообще для мыслящаго сознанія содержаніе воззрѣнія превращается въ простую схему, въ простой образъ, который долженъ быть наполненъ опредѣленіями совершенно другаго качества. Намъ кажется, что простое логическое сужденіе съ разностями субъекта и предиката и съ ихъ взаимнымъ отношеніемъ можетъ быть только съ этой точки зрѣнія оправданно, какъ нѣчто не призрачное, но какъ разумная форма понимающей мысли. И если матеріализмъ, останавливаясь на первоначальномъ содержаніи внѣшняго опыта, видитъ въ матеріи нѣчто самое положительное, реальное, богатое силами и средствами для рожденія изъ себя всѣхъ другихъ явленій міра, то философія, стремившаяся къ пониманію этого содержанія, а не къ простому признанію его какъ факта во всѣ времена отъ Платона до Гегеля, умѣла мыслить матерію подъ опредѣленіями только отрицательными,

каковы: $\mu\eta$, $\delta\upsilon$, $\alpha\lambda\epsilon\gamma\sigma\upsilon\upsilon$, не имѣющая энергіи и еще пока ожидающая бытія возможность, феноменальное единство двухъ противоположныхъ дѣятельностей, которыя, какъ такія, исключаютъ себя въ одномъ и томъ-же матеріальномъ субъектѣ и дѣлаютъ его ничтожнымъ, несущественнымъ бытіемъ, выносящимъ на себѣ самыя противорѣчающія опредѣленія, и т. д. Впрочемъ, кто не согласенъ съ тѣмъ, что мышленіе обладаетъ собственною, внутреннею закономерностію, что оно по своей внутренней необходимости можетъ сказать нѣчто о мірѣ явленій, для того всѣ эти усилія философіи покажутся мечтою, неимѣющею научнаго достоинства, тогда-какъ принципъ матеріализма будетъ рекомендовать себя крайней-мѣрѣ, какъ нѣчто близкое и родственное естествознанію.

Мы не говоримъ, чтобы матеріализмъ не чувствовалъ потребности оправдать свою теорію предъ мышленіемъ; онъ сознаетъ, что докладывать просто о томъ, какъ душевныя явленія условливаются физиологическими, еще не значитъ давать метафизическую теорію міра явленій; онъ пытается оправдать себя не только фактически, но и внутреннею стройностію своей мысли. Только, если эти попытки не касаются примѣренія между его началами и естествознаніемъ, то онѣ въ собственной области философіи не приводятъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Самыя большія затрудненія встрѣчаетъ эта теорія при опредѣленіи понятія знанія и понятія тѣхъ метафизическихъ началъ, изъ которыхъ, какъ изъ послѣднихъ данныхъ дѣйствительности, должны быть изъясняемы всѣ формы и измѣненія міра явленій.

Въ первомъ случаѣ мы говоримъ не о самомъ фактѣ знанія, который противостоитъ матеріализму какъ чудо, потому-что матеріализмъ долженъ признать въ этомъ фактѣ только простой, существующій и условленный достаточными причинами процессъ, въ этомъ отношеніи совершенно подобный всѣмъ другимъ процессамъ въ природѣ, слѣдовательно, ни истинный, ни ложный, ни правильный, но только необходимый. Мы хотѣли-бы рассмотреть здѣсь его гносеологическую теорію, которая уже предполагаетъ не изъясненную возможность знанія. По случайнымъ обстоятельствамъ мы будемъ пользоваться здѣсь выраженіями Молешотта.— «Мысль, разсуждаетъ этотъ писатель, даетъ только общую форму частному явленію, если возрѣніе подтверждается тысячекратными наблюденіями. Когда человѣкъ изслѣдовалъ всѣ свойства веществъ, которыя могутъ производить впечатлѣнія на его разви-

тыя чувства, то онъ постигъ и существо вещей. Этимъ онъ достигаетъ своего, то-есть, для человѣчества абсолютнаго знанія, потому-что каждое существо, будь оно даже высшаго и высочайшаго порядка, познаетъ только то, что поражаетъ его чувственнымъ образомъ». Этими выраженіями достаточно подтверждается означенное выше стремленіе матеріализма поставить философію на почву *чистаго* воззрѣнія, какъ абсолютный идеализмъ переносилъ ее въ область *чистаго* мышленія. Между тѣмъ, Молешоттъ вращается около несомнѣннаго факта, именно, что всѣ простыя представленія должны быть гдѣ-нибудь даны для насъ, что мы не можемъ ихъ создать непосредственнымъ актомъ мысли, что самыя выспреннія поэтическія фантазіи, самыя возвышенныя идеи философіи состоятъ окончательно изъ этихъ простыхъ представленій, получаемыхъ посредствомъ какого-либо воззрѣнія. Но если онъ производитъ всю сумму человѣческихъ познаній отъ впечатлѣній, рождаемыхъ свойствами веществъ въ нашихъ развитыхъ чувствахъ, то иной безъ предварительныхъ опытовъ могъ-бы отсюда заключить, что представленіе о мышленіи, волѣ, желаніяхъ, представленіе страсти, голода, жажды и т. д. происходитъ отъ впечатлѣній свойствъ веществъ, дѣйствующихъ на наши развитыя чувства, или, что всѣ эти вещи можно видѣть, слышать и осязать гдѣ-либо въ пространствахъ, случайно встрѣчающихся съ нашими развитыми чувствами. Вся эта теорія снята изъ приемовъ физики и не развита до такихъ предѣловъ, въ которые входили-бы другія представленія, не получаемыя путемъ физическаго, или внѣшняго наблюденія свойствъ веществъ. Поэтому Молешоттъ говоритъ о существѣ вещей такъ, какъ говоритъ медикъ о существѣ лихорадки, горячки и т. под. То, что впечатлѣваетъ на *развитыя* чувства, которыя, вслѣдствіе тысячекратныхъ опытовъ, замѣчаютъ въ вещахъ постоянныя свойства и научаются отдѣлять отъ нихъ случайныя обстоятельства, и есть самое существо вещей. Еслибы Молешоттъ сказалъ, что о мышленіи, чувствованіяхъ, желаніяхъ и проч. мы знаемъ *иначе*, нежели посредствомъ развитыхъ чувствъ, то этимъ онъ уничтожилъ-бы предположенное въ матеріализмѣ тожество физики и метафизики. Какъ прежде мы видѣли, что матеріализмъ знаетъ только внѣшнее, существующее для другаго, знаетъ самую душу какъ объектъ, а не какъ субъектъ, такъ и вообще прямое, или не прямое, сокрытое, или открытое отрицаніе самовоззрѣнія и само-

сознанія составляет самую живую потребность его. При этомъ разсматриваемая теорія знанія обѣщаетъ доставить намъ не объективный образъ вещей, а знаніе о нихъ абсолютное только для человѣчества, т.-е. знаніе, ограниченное чувственностію человѣка. Въ существѣ дѣла это-же самое признавали и всѣ лучшіе естествоиспытатели; они приходили къ убѣжденію, что физическое наблюденіе даетъ познаніе о вещахъ гипотетическое, выражающее не подлинную натуру этихъ вещей, а наше чувственно-опредѣленное отношеніе къ нимъ. Но поэтому они и не усиливались давать познаніямъ физики достоинство внутреннее и метафизическое. Еслибы и матеріализмъ, чтобы не противорѣчить самому себѣ, давалъ своему принципу значеніе субъективное, или условное, еслибы онъ училъ, что матерія только является основаніемъ всѣхъ явленій міра для насъ, только представляется намъ въ этомъ достоинствѣ и качествахъ, поколику она поражаетъ насъ чувственнымъ образомъ, тогда этотъ принципъ, какъ образъ воззрѣнія, а не бытія вещей, только еще открывалъ-бы поприще и предлагалъ-бы задачу для будущей метафизики, если вообще она возможна.

«Кантъ зналъ, продолжаетъ Молешоттъ, что мы знаемъ вещи только по тому впечатлѣнію, какое они производятъ на наши чувства, знаемъ только какъ они есть для насъ. А что онъ могъ еще мыслить знаніе вещи въ себѣ въ противоположность съ знаніемъ людей оцущающихъ, видящихъ, слышащихъ,—вотъ та пропасть, которая отдѣляетъ его отъ насъ». И такъ, матеріализмъ надѣется продолжить развитіе философіи въ томъ особенномъ видѣ, какъ оно опредѣлено критическими изслѣдованіями Канта. Только легко видѣть, что не одна эта пропасть отдѣляетъ его отъ философіи Канта, но необозримое разстояніе, какое вообще существуетъ между философіей и представленіями не развитаго, не оправданнаго сознанія. Дѣйствительно, Кантъ допускалъ, что возможно воззрѣніе только *чувственное*, поэтому онъ не могъ быть мистикомъ, который увѣренъ въ дѣйствительности воззрѣнія или созерцанія интеллектуальнаго; но въ свойствахъ чувственнаго воззрѣнія онъ еще не видѣлъ основанія для матеріалистическихъ теорій, которыя отрываютъ вещь въ себѣ, какъ что-то немислимое. Еслибы, впрочемъ, мы захотѣли, совершенно произвольно, видѣть въ философіи Канта тотъ непосредственный и неосмысленный реализмъ, который находитъ вещи въ себѣ, или просто вещи тамъ, гдѣ мы

имѣемъ пока впечатлѣнія и чувственныя воззрѣнія, то и въ этомъ крайнемъ случаѣ мы все-же могли-бы мыслить съ Кантомъ «знаніе вещи въ себѣ въ противоположность съ знаніемъ людей ощущающихъ, видящихъ, слышащихъ», потому-что было-бы слишкомъ неосновательно предполагать, что вещи имѣютъ содержанія или свойствъ не больше, какъ сколько наши развитыя чувства могутъ воспринять ихъ, или что въ наше воззрѣніе входитъ не многое, а *все* существующее. Философъ Бенеке выяснялъ это отношеніе примѣромъ вымышленнаго животнаго, которое знаетъ о существованіи вещей по ихъ запаху. Сообразно съ разсматриваемой теоріей, которая отрицаетъ вещь въ себѣ, это животное, еслибы оно мыслило, могло-бы заключать, что запахъ, какъ свойство вещей, впечатлѣвающее на его развитыя чувства, составляетъ самую сущность вещей, что въ сознаніи этого свойства открывается мышленію все содержаніе, вся полнота существующаго міра, и что поэтому вещь въ себѣ не мыслима: какъ и дѣйствительно было-бы странно говорить о вещи въ себѣ послѣ того, какъ все содержаніе бытія вошло въ чувственное воззрѣніе. Если справедливо, что противоположности нерѣдко сходятся, то и здѣсь мы видимъ, что, какъ абсолютный идеализмъ не признавалъ *поту-сторонняю* для мышленія, такъ матеріализмъ по меньшей мѣрѣ не хотѣлъ-бы допустить ничего *поту-сторонняю* для воззрѣнія. Между-тѣмъ, изъ предъидущаго слѣдуетъ, что разсматриваемая теорія, не имѣя ничего общаго съ Кантовымъ понятіемъ объ опытѣ и чувственномъ воззрѣніи, можетъ однакоже въ себѣ самой найти достаточныя основанія, чтобы признать «вещь въ себѣ» и при томъ въ смыслѣ Кантовымъ какъ «понятіе предѣла, которымъ ограничиваются притязанія чувственности». И если на этой ступени понятіе «вещи въ себѣ» не обозначаетъ еще положительнаго содержанія другаго, нечувственнаго міра, то оно по меньшей мѣрѣ рождаетъ убѣжденіе, что «чувственныя познанія не могутъ простираться на все, что только мыслить разумъ», и что «не разумъ ограничивается чувственностью, по напротивъ онъ самъ ограничиваетъ ее» (*). Случайнымъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ понятіемъ метафизики, которое нельзя выдѣлить изъ системы человѣческихъ познаній самымъ рѣшительнымъ скептицизмомъ. Если прежде мы видѣли, что для Канта была возможна метафизика, какъ логиче-

(*) Kritik der reinen Vernunft 5 Aufl. S. 310—312.

ски-оправданная теорія міра явленій, то здѣсь она является необходимою, какъ критика человѣческихъ познаній, какъ опредѣленіе ихъ значенія и степени объективности. Не имѣя средствъ овладѣть своимъ сверхчувственнымъ содержаніемъ, или предметомъ, она все-же необходима, какъ идея, при свѣтѣ которой мы усматриваемъ феноменальный характеръ нашего знанія и существующаго для возрѣнія порядка вещей. Этотъ разумъ, ограничивающій притязаніе чувственности метафизическимъ понятіемъ вещи въ себѣ, есть явленіе въ насъ особенно человѣчное: безъ его дѣятельности, отбрасывающей чувственный міръ на второй планъ, какъ нѣчто не первоначальное и не основное, безъ его метафизическихъ идей мы погружались-бы тупо въ это настоящее существованіе и не имѣли-бы силы совершать простѣйшій, но вмѣстѣ и особеннѣйшій актъ мышленія, состоящій въ утвержденіи, положеніи или признаніи существующихъ процессовъ. И если матеріализмъ отрицаетъ вещь въ себѣ, то онъ поступаетъ логически, рассматривая мышленіе какъ простой существующій процессъ, который получили-бы утвержденіе или признаніе развѣ только въ чужомъ мышленіи, но который самъ въ себѣ вовсе неспособенъ къ совершенію этого, доселѣ впрочемъ не изъясненнаго акта. Впрочемъ, къ сознанію этой метафизической природы человѣческаго мышленія не можетъ придти тотъ, кто напередъ убѣжденъ, что «каждое существо познаетъ только то, что поражаетъ его чувственнымъ образомъ». Человѣкъ, не ознакомившійся предвари-тельно съ дѣятельностію мышленія и знанія, имѣлъ-бы право заключать изъ этой теоріи, что гдѣ-нибудь въ пространствѣ, рядомъ съ впечатлѣніями свѣта, запаха и вкуса, онъ получитъ подлѣ нихъ, какъ особенныя патологическія состоянія, впечатлѣнія необходимости, отрицанія, подчиненія, возможности, причины и т. д.—впечатлѣнія, которыя будутъ поражать его «чувственнымъ образомъ» и слѣдовательно, будутъ видоизмѣнять въ немъ состояніе того, или другаго тѣлеснаго органа. Повторяемъ, что вся эта теорія хотѣла-бы строить науку изъ чистой возрѣнія; она хотѣла-бы въ окончательныхъ выводахъ отречься отъ мысли и замѣнить ее тупыми, въ себѣ ничего незначащими видоизмѣненіями чувственности. Этого и надобно ожидать отъ ученія, для котораго вся область самосознанія есть миражъ, рождаемый движеніями матеріи, такъ-что не эти мысли, не эти идеи суть нѣчто существующее дѣйствительно, а матеріальныя движенія и измѣненія.

Повидимому, въ прямой противоположности съ этою безсодержательностію теоріи знанія, матеріализмъ обращается съ особеннымъ предпочтеніемъ къ закону причинности, который имѣетъ необыкновенное достоинство для мышленія. При изслѣдованіи явленій онъ хочетъ познавать причины и.... ничего болѣе: «только причина, говоритъ Молешоттъ, есть предметъ мыслящаго изслѣдованія». Въ самомъ дѣлѣ, этимъ онъ достаточно характеризуетъ свою мысль; потому-что метафизика изъясняетъ явленія не только изъ причинъ, но также, — чтобы сказать здѣсь кратко — изъ сущности вещей. Различіе этихъ двухъ способовъ изъясненія можно указать слѣдующимъ образомъ. Чтобы основной законъ механики, которымъ выражается равенство дѣйствія и противодѣйствія, приложить къ изъясненію дѣйствительности, необходимо предположить, что предметъ, подлежащій изслѣдованію, измѣняется въ своихъ формахъ и дѣйствіяхъ настолько, насколько это зависитъ отъ характера и свойства дѣйствующихъ на него причинъ или условій; другими словами, что этотъ предметъ ничего при этомъ не можетъ проявить изъ себя, изъ своего внутренняго существа, такъ-чтобы въ явленіяхъ противодѣйствія содержалось больше, чѣмъ въ явленіяхъ дѣйствія. Такой предметъ, котораго состоянія и измѣненія опредѣляются только *механически*, не можетъ имѣть значенія единичной и простой сущности, потому-что его состоянія и измѣненія не могутъ быть отнесены къ нему, какъ къ бытію, которое раскрывало-бы въ нихъ свое собственное, внутреннее содержаніе; эти состоянія и измѣненія разлагаются по многимъ причинамъ, которыя въ одинаковомъ достоинствѣ, то-есть, механически, участвовали въ ихъ образованіи. А если, не смотря на это, предметъ представляется нашему воззрѣнію какъ единица, какъ нѣчто существующее въ себѣ и для себя, то причина этого единства, этой цѣлости, заключается въ нашемъ соединяющемъ воззрѣніи, а не въ натурѣ предмета. Далекое-ли можетъ простирается это механическое воззрѣніе, и нѣтъ-ли уже въ мірѣ явленій такихъ предметовъ, измѣненія и состоянія которыхъ необходимо изъяснять изъ предположенія сущности, воздѣйствующей больше, нежели сколько понуждаютъ ее къ этому дѣйствующія причины—это одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, который тѣмъ не менѣе долженъ быть рѣшенъ на почвѣ опыта. Замѣтимъ только, что одни думаютъ находить такія явленія уже въ царствѣ органическомъ, тогда-какъ другіе видятъ ихъ только въ

области душевной жизни; и какъ послѣдніе должны выдерживать на почвѣ опыта борьбу съ матеріализмомъ, такъ первые должны защищать свое понятіе жизненной силы противъ механической физики.

Философія чистаго идеализма не имѣла даже нужды защищать это положеніе объ изъясненіи явленій изъ сущности вещей. Признавая въ идеѣ «саморазвитіе, самодвиженіе», она уже поэтому должна была изъяснять всѣ явленія изъ понятія, или изъ сущности вещей, а не изъ причинъ и условій; она знала одно внутреннее, какъ матеріализмъ хочетъ знать одно внѣшнее. Изъясняя всѣ перемѣны и формы явленія единственно изъ понятія вещи, идеализмъ пришелъ къ предположенію, что все существуетъ сообразно съ своимъ понятіемъ, или съ идеей, что все дѣйствительное разумно: матеріализмъ, построивающій явленіе только изъ причинъ, долженъ отрицать всякое идеальное соотношеніе въ явленіяхъ дѣйствительности. Въ этихъ двухъ направленіяхъ философіи, гдѣ съ одной стороны мы имѣемъ построеніе явленій только изъ *внутренней* ихъ сущности, а съ другой — изъясненіе ихъ только изъ *внѣшнихъ* причинъ и условій, выразилось или воплотилось рѣзкое, положенное Кантомъ, различіе между вещью въ себѣ и явленіемъ. Еслибы удалось доказать, — какъ это и надѣется сдѣлать новѣйшая философія, что различіе между вещью въ себѣ и явленіемъ есть не метафизическое, а гносеологическое, тогда можно бы думать о примиреніи этихъ противоположностей, которыя идутъ почти непрерывною нитью на почвѣ исторіи философіи. Между-тѣмъ, въ условной области опыта примиряющее начало можетъ представляться въ слѣдующемъ видѣ. Какъ мы различаемъ сужденія *аналитическія*, въ которыхъ сознается то, что лежитъ въ понятіи субъекта сужденія, и *синтетическія*, посредствомъ которыхъ мы сознаемъ содержаніе, опредѣленное не понятіемъ субъекта, а его отношеніями къ видимымъ формамъ бытія, то можно бы, переходя отъ этой схемы мышленія къ знанію, предположить, что *все* содержаніе подлежащаго разсмотрѣнію явленія, *вся* полнота его имѣетъ свою достаточную изъясняющую основу, какъ въ понятіи сущности, такъ и въ понятіи тѣхъ внѣшнихъ соотношеній, которыя мы называемъ причинами и условіями явленія. Напримѣръ, что человекъ мыслить, этой дѣятельности нельзя изъяснять вообще изъ внѣшнихъ причинъ и обстоятельствъ; простое стеченіе этихъ причинъ на одномъ «сборномъ пунктѣ» не мо-

жетъ само по себѣ родитъ феномена мышления. Поэтому, мы предполагаемъ субъектъ, въ идеѣ котораго лежитъ рождать этотъ своеобразный феноменъ. Только вмѣсто того, чтобы съ абсолютнымъ идеализмомъ допускать самодвиженіе, саморазвитіе этого субъекта, какъ будто-бы онъ съ силою творческою или волшебною могъ осуществлять или раскрывать свою идею, мы полагаемъ синтетически, что онъ рождаетъ частныя мысли и понятія по достаточнымъ частнымъ-же основаніямъ или причинамъ, потому-что въ общемъ понятіи мыслящаго субъекта еще нѣтъ достаточнаго основанія для явленія въ немъ такихъ или другихъ частныхъ понятій, или сужденій. Такимъ образомъ, законъ причинности испытываетъ здѣсь только мнимое ограниченіе, потому-что съ одной стороны въ области дѣйствительнаго и возможнаго опыта мы всегда будемъ встрѣчать только частныя случаи, которые, не смотря ни на какое метафизическое предположеніе, все-же должны быть изъясняемы изъ частныхъ причинъ и условій, а съ другой—предположеніе сущности, изъ которыхъ тѣмъ не менѣе нѣчто въ явленіи должно быть изъясняемо, только поставяетъ законъ причинности подъ метафизическое понятіе истинно сущаго, или реального. Это предположеніе говоритъ въ общемъ и цѣломъ, что міръ не есть *сборное мѣсто*, на которомъ сходятся внѣшнія причины и обстоятельства, чтобы рождать подлежація нашему наблюденію явленія; онъ есть содержаніе опредѣленное въ себѣ или внутренно, такъ-что явленіе, рождаемое внѣшними причинами, тѣмъ не менѣе носитъ на себѣ печать идеи, тѣмъ не менѣе можетъ быть разумно и цѣлесообразно. Повторяемъ, что мы не знаемъ непосредственно, на какой предметъ опыта должно перенести это понятіе. Но если естествознаніе разрѣшаетъ сущности, субъекты и ихъ свойства на *отношенія*, какъ единство на множество, цѣлое—на части, то матеріализмъ не можетъ въ этомъ случаѣ подражать ему; потому-что онъ въ своихъ изъясненіяхъ не хочетъ остановиться на сложномъ и производномъ, а стремится дать намъ образъ того первоначальнаго и непроеизводнаго бытія, которое уже не ожидаетъ причины, чтобы ему быть и дѣйствовать. Поэтому, онъ уже не можетъ сказать съ Молешоттомъ, что «только причина есть предметъ мыслящаго изслѣдованія», а долженъ перейти наконецъ, подобно всякой философской системѣ, отъ частнаго понятія причины къ общему понятію основы.—Повидимому, въ понятіи матеріальныхъ атомовъ дано для матеріализма это истинное бытіе: од-

нако легко видѣть, что здѣсь эта идея осуществляется только мнимымъ образомъ. Атомы относятся къ вещамъ, какъ къ числамъ единицы, которыя опять суть числа. Атомы, какъ маленькія вещи или какъ-бы кусочки матеріи, представляютъ основу для явленій фактически-существующихъ, но не изъясняютъ этого существованія: вѣчность атомовъ по бытію и неизмѣняемость по формѣ достаточны для того, чтобы гарантировать намъ прочность и постоянство извѣстнаго порядка природы, если вообще онъ существуетъ. Но чтобы онъ существовалъ, чтобы зачался и завязался этотъ порядокъ, это не слѣдуетъ изъ природы атомовъ, потому-что они вообще не имѣютъ природы въ смыслѣ производительнаго принципа (*natura naturans*). Поэтому, и въ самомъ дѣлѣ физическій атомизмъ можетъ быть развитъ въ систему такъ, что онъ еще не будетъ имѣть ничего общаго съ философіей, какъ это доказывалъ Фехнеръ. Для перехода отъ этой физической системы къ метафизикѣ необходимо одно изъ двухъ: или признать случай, какъ нѣчто, восполняющее пассивную природу (*natura naturata*) атомовъ, какъ это высказать не задумался въ новѣйшее время Фохтъ, или-же допустить то *истинно-сущее*, которое способно положить и раскрыть нѣчто изъ себя, какъ бытіе внутренне опредѣленное, внутренне возбудимое. Сколько-бы ни злоупотреблялъ послѣднимъ предположеніемъ неразвитый человѣческій смыслъ, который видитъ единство, сущность и цѣль тамъ, гдѣ естествознаніе находитъ сложныхъ физическихъ дѣятелей, однако достаточно, что оно, какъ сказано выше, не противорѣчитъ закону причинности, а между-тѣмъ открываетъ для мышленія возможность изслѣдовать идеальныя связи и отношенія въ мірѣ явленій. Всѣ подобныя предположенія дѣлаются несообразными съ наукою тогда, когда они изъ простыхъ правилъ, или требованій ума превращаются въ познанія, которыя будто-бы содержатся въ нихъ непосредственно или *a priori*. Собственно противъ этого ложнаго мнѣнія о *непосредственныхъ* познаніяхъ, заключенныхъ въ идеяхъ разума, вооружается критика Кантова, которая тѣмъ не менѣе признаетъ эти идеи, какъ правила, какъ требованія и какъ задачи. И еслибы философін удалось развить эти предположенія въ ясную и точную систему, то она въ этой онтологіи имѣла-бы для своихъ познаній о дѣйствительномъ мірѣ такой-же органъ, какой данъ для естествознанія въ области чистой математики.

Этимъ мы уже указали частію на тѣ метафизическія начала, которыми руководствуется матеріализмъ при изъясненіи міра явленій. Какъ и всякая метафизика, онъ воодушевленъ идеей истинно-сущаго; но въ понятіяхъ атомовъ онъ опредѣляетъ это истинно—сущее такъ, что всѣ судьбы міра, всѣ его формы и измѣненія тѣмъ не менѣе должны быть изъясняемы только изъ внѣшнихъ причинъ и условій. Матерія не есть мать всѣхъ вещей, какъ называлъ ее Платонъ; она не *рождаетъ* ихъ, а онѣ только *дѣлаются* изъ нея по силѣ внѣшнихъ причинъ и обстоятельствъ. Чтобы продолжать изъясненіе этихъ метафизическихъ началъ матеріализма, мы должны только рассмотреть частныя примѣненія, какія дѣлаются въ положительныхъ наукахъ и въ метафизикѣ изъ того-же закона причинности: при этомъ въ одно и то-же время мы будемъ видѣть и стремленія матеріализма и дѣйствительныя нужды философіи.

Въ естествознаніи причинность означаетъ необходимую зависимость двухъ измѣненій, — такъ-что если измѣненіе на одномъ пунктѣ мы наблюдаемъ непосредственно, то отсюда мы можемъ заключать объ измѣненіи на другомъ пунктѣ, если только общее отношеніе этихъ пунктовъ извѣстно намъ, или подведено подъ опредѣленное правило. Въ этомъ простѣйшемъ примѣненіи закона причинности подлежатъ нашему рассмотрѣнію разомъ три явленія: вещь, подлежащая измѣненію; внѣшняя причина, рождающая измѣненіе, наконецъ, самое это измѣненіе, какъ новое состояніе вещи, которое до-сихъ-поръ не было въ явленіи (*). Все остальное, что не можетъ быть изъяснено изъ этихъ причинныхъ отношеній, естествознаніе соединяетъ подъ общимъ понятіемъ силы и пользуется этимъ понятіемъ, или чтобы обозначить имъ еще не открытую наблюдениемъ сумму внѣшнихъ причинъ и условій явленія, или-же—чтобы указать на послѣднія, ни откуда болѣе не выводимыя условія возможности всякаго механизма въ природѣ. Въ послѣднемъ случаѣ это понятіе имѣетъ положительный смыслъ: естествоиспытатель не спрашиваетъ, какъ тѣло начинаетъ быть тяжелымъ, но предполагаетъ силу тяготѣнія, при которой только

(*). Справедливо замѣчаютъ, что матеріалистическая психологія извращаетъ это ясное понятіе о законѣ причинности. Она рассматриваетъ душевныя явленія, какъ измѣненія, рождаемыя дѣятельностію или измѣненіями мозга. Только эти измѣненія производятся измѣненіями мозга не въ другомъ субъектѣ, а суть его-же собственныя состоянія.

и могутъ частныя причины и условія производить явленія паденія, вращенія, удара и т. под. Метафизика можетъ изъяснять эти послѣднія основы механизма, если не *генетически*, какъ это пытались сдѣлать Шеллингъ и Гегель, то, по-крайней-мѣрѣ, по ихъ смыслу и достоинству для цѣлей міра. Однако, если мы отрѣшимся отъ этого понятія силы, то отъ указаннаго примѣненія закона причинности возможенъ переходъ къ двойному воззрѣнію на міръ явленій. Во-первыхъ, такъ какъ съ этой точки зрѣнія всякое явленіе нужно разсматривать, какъ измѣненіе, произведенное причиною, то въ цѣлости міра явленій можно-бы видѣть такую систему, гдѣ, по выраженію Форстера «все взаимно притягиваетъ и притягивается», или—все взаимно измѣняетъ и измѣняется; и такимъ образомъ идея *взаимодѣйствія*, которая, по справедливому замѣчанію Гегеля, составляетъ основную категорію матеріализма, была-бы послѣднимъ метафизическимъ предположеніемъ относительно системы міра явленій. Въ самомъ дѣлѣ, читая матеріалистическія сочиненія, вы всегда встрѣтите эту идею тамъ, гдѣ по всѣмъ соображеніямъ нужно-бы придти къ идеѣ сущности, чтобы изъ нея изъяснять окончательную форму явленія, и часто рождается невольное чувство досады, когда это смѣшанное представленіе взаимодѣйствія заслоняетъ отъ мысли того особеннаго дѣятеля, изъ природы котораго она ожидала окончательнаго изъясненія, и замѣнъ этого, отвѣтственность за явленіе взваливаетъ то на тотъ, то на другой членъ, не опредѣляя, кто-же собственно носить и развиваетъ въ себѣ это явленіе, хотя-бы то подъ вліяніемъ вѣшнихъ условій. Коротко, но метко показываетъ Шопенгауэръ внутреннее, то есть, логическое ничтожество этой категоріи взаимодѣйствія: «эта понятіе, говоритъ онъ, предполагаетъ, что дѣйствіе въ свою очередь есть причина своей причины, и слѣдовательно, что послѣдующее было вмѣстѣ предшествующимъ». Матеріализмъ XVIII вѣка даже и не пытался оправдывать это понятіе, а ссылался на него безусловно, какъ на окончательную логическую формулу міра явленій. Но и матеріализмъ современный также не можетъ выразить своей основной мысли, не внося въ нея внутренняго противорѣчія, лежащаго въ этомъ понятіи. Именно, сюда относятся эти безконечныя споры о томъ, какъ матеріализмъ можетъ воспользоваться тѣми понятіями матеріи, свойствъ и силъ, которыя имѣютъ ясный и опредѣленный смыслъ въ области опытнаго естествознанія. Не входя въ эти споры, мы замѣтимъ во-

обще, что для атомовъ, если они должны быть нѣчто значительнѣе и полновѣснѣе, нежели неизмѣющіе бытія математическіе пункты, необходимы эти предикаты матеріи, свойствъ и силъ, которые, впрочемъ, какъ доказано выше, не могутъ воодушевить ихъ и обратить въ источники жизни. Матеріализмъ тѣсно сопоставляетъ эти предикаты другъ съ другомъ и видитъ въ нихъ различныя точки зрѣнія на одно и то-же бытіе, такъ-что свойство будетъ только содержаніемъ матеріальной частицы, какъ субстрата, а сила будетъ означать этотъ-же самый, надѣленный опредѣленнымъ качествомъ субстратъ, поколику онъ производитъ въ другихъ субстратахъ опредѣленные измѣненія. «Сила, говоритъ Молешоттъ, не есть движущій Богъ, не есть сущность вещей, отдѣльная отъ матеріальной основы: она есть свойство, неотдѣлимое отъ вещества, отъ вѣчности принадлежащее ему». И далѣе: «измѣненіе въ пространствѣ и времени открывается нашимъ чувствамъ, какъ движеніе. Свойство матеріи, условливающее это движеніе, мы называемъ силою». На эти опредѣленія естествознаніе имѣетъ достаточную причину отвѣчать, что они истинны подъ условіемъ, или въ формѣ гипотетической. Именно, если вещества находятся отъ вѣчности въ опредѣленной системѣ, которую мы называемъ міромъ явленій, въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, которыя мы наблюдаемъ уже здѣсь, то имъ отъ вѣчности принадлежать опредѣленные свойства, которыя будутъ прозводить въ другихъ веществахъ опредѣленные пережъны, то есть будутъ силами; потому-что свойства и силы суть категоріи отношенія или сравненія дѣятельностей и состояній; они извѣстны только, какъ результаты этой феноменальной системы міра, а не какъ начала ея. И если матеріализмъ говоритъ, что основныя вещества «обнаруживаютъ свои свойства только во взаимномъ отношеніи», то этимъ понятіемъ «взаимнаго отношенія» онъ цѣликомъ предполагаетъ уже ту систему міра явленій, которая еще должна быть выведена. Это круженіе понятій, по которому взаимное отношеніе веществъ есть необходимое условіе для обнаруженія ихъ свойствъ, хотя эти свойства неотдѣлимы отъ вещества и вѣчно принадлежать собственно ему, а не системѣ отношеній, соотвѣтствуетъ вполне логическому противорѣчію, лежащему въ понятіи *взаимодѣйствія*. Нерѣдко это противорѣчіе закрывается для матеріализма представленіями, имѣющими смыслъ только на почвѣ психической. Когда, напримеръ, говоритъ онъ, что магнитъ отъ вѣчности обладаетъ свой-

ствомъ, или силою притягивать желѣзо, то можно-бы изъ этого выраженія заключить, что магнитъ, поставленный внѣ тѣхъ пространственныхъ отношеній, внутри которыхъ онъ обнаруживаетъ явленія притяженія, будетъ испытывать влеченіе, потребность, будетъ чувствовать неудовлѣворенную жажду, которая будетъ утолена не прежде, какъ если внѣшнія обстоятельства поставятъ къ нему желѣзо въ опредѣленные пространственныя отношенія. Сообразно съ духомъ механической физики, нужно сказать напротивъ, что магнитъ ни отъ вѣчности, ни во времени не имѣетъ свойства или силы притягивать желѣзо, что онъ по закону инерціи очень доволенъ какъ состояніемъ, когда онъ притягиваетъ желѣзо, такъ и тѣмъ состояніемъ, когда онъ поставленъ внѣ возможности обнаруживать это притяженіе, потому-что хотя мы и наблюдаемъ это явленіе притяженія, какъ условленное свойствомъ магнита; однако 1) наблюдаемъ только въ опредѣленныхъ пространственныхъ отношеніяхъ между магнитомъ и желѣзомъ, слѣдовательно не какъ свойство, принадлежащее вещи въ себѣ; 2) это свойство имѣетъ за собою и подъ собою цѣлую систему міра явлений, которую, можетъ статься, оно условлено *механически*; 3) вообще, съ этой точки зрѣнія, мы можемъ говорить только о *состояніяхъ*, которыя испытываетъ при этомъ магнитъ, а не о дѣятельномъ, производительномъ и внутреннемъ участіи его въ рожденіи этого феномена. Такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, сила, которая для физики означаетъ только количество дѣйствія, — какъ напримѣръ, въ выраженіи: масса вдвое большая обнаруживаетъ двойную силу притяженія—эта механическая сила превращается метафизикою материализма въ силу *жизную*, внутреннюю, извѣстную намъ только изъ психическихъ стремленій или влеченій. Но съ этимъ послѣднимъ понятіемъ о силѣ, которое дѣйствительно устраняетъ противорѣчія, лежащія въ основаніи материализма, соединяется въ истинѣ совершенно другое міросозерцаніе. Остальныя затрудненія, противостоящія материализму въ этомъ кругѣ мыслей, именно: дается-ли понятіе силы въ воззрѣніи, или въ умозаключеніи изъ воззрѣній,—понятіе матеріальнаго атома не содержитъ-ли логическаго круга, поколику оно должно-бы изъяснить и вывести феноменъ матеріальности, — какимъ образомъ свойство или опредѣленность вещества начинаетъ быть силою, или переходитъ изъ спокойнаго содержанія въ состояніе начала дѣятельнаго, — наконецъ, какъ мыслить *actio in distans*, которое однако-же необходимо

для связи пространственно-раздѣленныхъ атомовъ въ систему міра явленій, — всѣ эти вопросы, сколько намъ извѣстно, только возвращаютъ материалистическую теорію въ тотъ-же безвыходный кругъ, который она создала для себя въ понятіи взаимодѣйствія.

Физическое уотребленіе закона причинности строго ограничено началомъ механики, которое признаетъ полное равенство между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ. Сколько-бы ни были несходны измѣненія, наблюдаемыя въ извѣстномъ тѣлѣ, и причины, которыя произвели ихъ, естествознание всегда пытается довести эти несходные члены до полнаго равенства, находя тѣ промежуточные, или посредствующія условія, которыя дали измѣненію такую своеобразную и, повидимому, вовсе несходную съ его причиною форму: ничего оно не хочетъ изъяснять изъ непосредственной, необусловленной раздражительности, силы или первоначальнаго свойства разсматриваемыхъ тѣлъ, и въ этомъ отношеніи оно не даетъ никакихъ основаній для материализма, который нуждается въ такихъ непосредственныхъ, необусловленныхъ свойствахъ и силахъ. Но за то эта точка зрѣнія ведетъ къ общей мысли, что вообще мы можемъ наблюдать только измѣняемость, или подвижность, а не измѣняющее, или движущее, потому-что въ свою очередь причины и обстоятельства, производящія измѣненіе въ разсматриваемомъ тѣлѣ, дѣйствуютъ не изъ собственныхъ силъ и средствъ: напротивъ и они *подомнуты* къ этой дѣятельности понудительною силою другихъ причинъ и обстоятельствъ, и это надобно сказать о каждомъ пунктѣ міра явленій. Такимъ образомъ, мы получаемъ единственно вѣрное понятіе механизма: и хотя объ немъ мы говорили уже по другому поводу, однако не бесполезно сказать объ немъ еще нѣсколько словъ. Система явленій представляется намъ какъ *natura naturata*: матерія, говоритъ Декартъ, не свойственно движенье; ей свойственна только подвижность. Это строгое понятіе механизма теряетъ всякій смыслъ, какъ только материализмъ хочетъ дать ему абсолютное значеніе, потому-что мыслить систему явленій, въ которой каждый членъ живетъ и дѣйствуетъ не отъ себя, а нуждается въ другомъ членѣ, какъ источникъ своей жизни и дѣятельности, въ которой слѣдовательно нѣтъ перваго члена, нѣтъ внутренняго начала жизни и развитія, — мыслить эту систему какъ нѣчто самостоятельное, самосущее, значитъ вносить въ понятія самое явное противорѣчіе. Представ-

леніе *взаимодѣйствія*, которымъ матеріализмъ хочетъ замѣнить недостатокъ *дѣйствія* и положительнаго источника жизни въ этой системѣ, оставалось-бы здѣсь совершенно пустымъ словомъ, какъ будто-бы основаніе движимости одного члена явленія могло заключаться въ другомъ, который напередъ еще долженъ получить свою движимость отъ перваго. Поэтому, какъ мы сказали, онъ нерѣдко вноситъ въ свое созерцаніе такъ или иначе, прямыми или непрямими путями, представленіе чего-то живаго, дѣятельнаго, развивающагося, движущагося по силѣ своего внутренняго содержанія, и потолику не матеріальнаго. Общяя дань намъ систему *абсолютнаго механизма*, онъ построаетъ обыкновенно систему *абсолютнаго міра*, въ которой основные элементы не ожидаютъ движенія отъ вѣшнихъ причинъ, а обладаютъ свойствами и силами, какъ положительными источниками движенія и развитія. Такимъ образомъ дѣйствительно онъ избѣгаетъ внутренняго противорѣчія, онъ имѣетъ основаніе говорить въ этомъ смыслѣ о силахъ и свойствахъ: только при этомъ онъ оставляетъ механическую точку зрѣнія, съ которой онъ не долженъ-бы сходить, судя по его основному характеру; онъ оставляетъ даже свой первоначальный предметъ, потому-что на этой ступени содержаніемъ его служить *natura naturans*, а не *natura naturata*. Каковъ этотъ динамизмъ по своему внутреннему значенію, мы не будемъ изслѣдовать. Достаточно, что, какъ сказано выше, онъ не есть необходимо воззрѣніе матеріалистическое. Если, напримѣръ, Платонъ видѣлъ въ идеѣ душу міра, какъ источникъ движенія для движимой матеріи; если тотъ-же источникъ движенія Аристотель находилъ въ умѣ, какъ первомъ движителѣ и раціональной формѣ міра; если, наконецъ, Картезіанская школа говорила о Богѣ, какъ непосредственномъ и единственномъ началѣ движенія для пассивнаго бытія матеріи,— то всѣ эти предположенія происходятъ изъ потребности дать конкретное содержаніе абстрактному или нарицательному понятію силы и опредѣлить ближе, по даннымъ во внутреннемъ воззрѣніи, эту *natura naturans*, которая въ себѣ пока есть общее названіе для существующихъ и слѣдовательно спеціально опредѣленныхъ дѣятелей. Кантъ не надѣялся, чтобы такое положительное восполненіе механическаго міросозерцанія идеями метафизическими могло быть совершено съ нѣкоторою научною достовѣрностію: но причина этого скептицизма заключалась въ томъ, что для него механическое воззрѣніе было не богѣе,

какъ возрѣніе, то есть, способъ пониманія и изъясненія явленій, опредѣленный не подлиннымъ бытіемъ вещей, а свойствами нашего возрѣнія и познанія. И такъ, было-бы странно требовать, чтобы мысль могла отрѣшиться отъ механическаго возрѣнія, которое условлено ея-же собственною натурою. Безсиліе мышленія въ построеніи метафизики вытекаетъ непосредственно изъ его необычайной и доселѣ невѣдомой силы — созидать и строить изъ собственныхъ средствъ и матеріаловъ всю эту чувственную область физики съ ея порядкомъ и законѣрностію, которые обнимаются общимъ понятіемъ механизма. Однако-же, новѣйшая философія большею частію убѣждена, что мышленіе можетъ найти гдѣ нибудь реальный пунктъ, или подлинное бытіе, которое, какъ такое, будетъ ограничивать область метафизики, казавшуюся для Канта неопредѣленною, какъ вообще область возможнаго, и что, сообразно съ этимъ, самый механизмъ будетъ находить свои границы въ этомъ подлинномъ бытіи, потому-что она будетъ имѣть свое начало въ себѣ или — своей идеѣ, а не во внѣшнихъ факторахъ. Изъ этихъ предположеній открывается для нея возможность метафизическаго знанія, которое, если на концѣ и ведетъ къ гипотезамъ, то въ началѣ однако-же открываетъ высшую внутреннюю истину явленій, однажды уже познанныхъ съ механической точки зрѣнія.

Справедливость требуетъ сказать, что философія въ своемъ стремленіи изъяснить явленія изъ ихъ сущности—часто или видоизмѣняла ясный вышеуказанный смыслъ закона причинности, или-же всецѣло обходила его въ своихъ изъясненіяхъ, какъ будто-бы этимъ путемъ нельзя было познать ничего существеннаго. Первый случай мы встрѣчаемъ въ философіи Картезианской. Именно, отношеніе между причиною и дѣйствіемъ она разсматривала, какъ аналитическое. Когда даны причины, то въ нихъ даны уже и дѣйствія, какъ въ посылкахъ силлогизма само собою содержится слѣдствіе, и только ограниченное человѣческое мышленіе должно еще нарочитымъ актомъ выводить какъ слѣдствія, такъ и дѣйствія, которыя въ дѣйствительности даны непосредственно и сразу въ своихъ причинахъ, или посылкахъ. Натура вещей не дожидается, чтобы посредствомъ особенной новой перемѣны выступали дѣйствія изъ причинъ, потому-что они существуютъ уже, какъ только существуютъ причины. Если съ этой точки зрѣнія нужно изъяснять извѣстное *causa sui*, которое при другихъ пред-

положеніяхъ не имѣеть смысла, то здѣсь-же мы получаемъ представленіе о *causa immanens*, какъ оно развито въ философіи Спинозы. Понятіе причины видоизмѣняется непосредственно въ понятіе *субстанціи*, и въ то время, какъ философія хотѣла посредствомъ закона причинности изъяснить измѣняемость явленій, она пришла къ отрицанію всего этого измѣнчиваго міра и къ признанію бытія одной субстанціи неизмѣняемой, неразвивающейся, не переходящей въ другое; потому-что, при этихъ предположеніяхъ объ имманентной причинности, дѣйствіе будетъ не что либо другое, отличное отъ причины, — оно будетъ падать въ тотъ-же самый пунктъ бытія, который мы уже сознаемъ въ понятіи причины. Предметъ философіи есть безконечное, поелику оно полагаетъ только безконечное: чтобы получить даже простое понятіе о конечномъ, или измѣняемомъ, какъ такомъ, необходимо выступить изъ области философіи и вступить въ область условнаго физическаго знанія, которое не имѣеть ничего общаго съ истиной философіи. Другой случай мы имѣемъ въ философіи Гегеля. Какъ мы сказали, понятіемъ «саморазвитія, самодвиженія идеи» она исключаетъ понятіе причины, какъ внѣшняго, неопредѣленнаго существомъ вещи дѣятеля. Впрочемъ, такъ какъ способная къ саморазвитію идея воплощаетъ все свое содержаніе въ мірѣ явленій то это содержаніе должно открываться и въ причинныхъ отношеніяхъ, которыя господствуютъ въ этомъ мірѣ. Философія изъясняетъ изъ идеи явленія, поэтому она изъясняетъ изъ идеи и отношенія причинныя, или эти отношенія суть для нея предметъ, а не средство знанія. Какъ самъ Гегель истолковалъ и вывелъ изъ идеи эти причинныя отношенія, какъ формы явленій, мы не будемъ говорить здѣсь. Довольно сказать, что, какъ моменты идеи, эти отношенія суть для него совсѣмъ не то, что они означаютъ въ области естествознанія. Онъ учитъ, что въ дѣйствіи нѣтъ такого содержанія, какого нѣтъ въ причинѣ; что первоначальный характеръ причины снимается въ дѣйствіи и становится производнымъ, и наоборотъ, этотъ производный характеръ есть отраженіе причины на самую себя, есть ея первоначальность. Первое положеніе разлагало-бы вещи и субъекты на *отношенія* такъ-же безъ всякихъ ограниченій, какъ этого требуетъ исключительно механическое міросозерцаніе; потому-что дѣйствіе, не имѣющее другаго содержанія, кромѣ рожденнаго причиною, возможно только въ субъектѣ, который есть *сборное мѣсто* частныхъ при-

чинъ и который въ себѣ и для себя не есть что-то реальное, имѣющее свою опредѣленную натуру. Послѣднія два положенія, не ограничивая правъ механическаго міросозерцанія, говорятъ только, что въ этихъ причинныхъ отношеніяхъ, снимающихъ внутреннюю опредѣленность или самость всего даннаго въ опытѣ, развивается одно и то-же абсолютное содержаніе идеи: поэтому *causa sui* есть и для Гегеля абсолютная истина причины (*). И такъ, двѣ самыя развитыя метафизики новой философіи не указывали границъ для механическаго изъясненія міра явленій и такимъ образомъ какъ-бы положительно вызывали естествознаніе на матеріалистическую дорогу. Впрочемъ, онѣ болѣе содѣйствовали къ рожденію матеріализма отрицательнымъ образомъ. Хотя эти системы истинны въ той общей мысли, что метафизическое содержаніе міра явленій есть другое, чѣмъ содержаніе, данное въ воззрѣніи; однако отсюда еще не слѣдуетъ, что познаніе и изъясненіе этого послѣдняго по общимъ приемамъ естествознанія не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи метафизической мысли о мірѣ. Между-тѣмъ Спиноза отдѣляетъ знаніе метафизическое отъ естествознанія такою бездною, что между ними не можетъ быть никакого перехода. Выступая изъ глубокой и истинной мысли, что философія должна познавать явленія *sub specie aeternitatis*, онъ раскрываетъ все содержаніе этой науки въ слѣдующихъ положеніяхъ. Изъ необходимости божественной природы должно слѣдовать безконечное въ безконечныхъ видахъ. Все, что слѣдуетъ изъ безусловной природы какого либо божественнаго атрибута, есть, по силѣ этого атрибута, вѣчно и безконечно. Все, что слѣдуетъ изъ такого вѣчнаго и безконечнаго видоизмѣненія божественнаго атрибута, есть вѣчно и безконечно. Наоборотъ предметъ естествознанія опредѣляетъ онъ положеніемъ: каждая частная вещь, имѣющая конечное и ограниченное бытіе, можетъ существовать и дѣйствовать не иначе, какъ если она будетъ опредѣлена къ бытію и дѣятельности посредствомъ причины, имѣющей бытіе также конечное и ограниченное; а эта причина не можетъ ни существовать, ни дѣйствовать, если она не будетъ опредѣлена къ бытію и дѣятельности посредствомъ другой причины, такъ-же ограниченной, и такъ—въ безконечность. Слѣдовательно, естествознаніе, двигаясь въ безконечномъ ряду ограниченныхъ

(*) Encyclop. d. philos. Wissenschaften. § 153.

причинъ, не имѣть никакой надежды придти къ истинной мысли о мірѣ, или къ сознанию истинно сущаго. Гегель нисколько не измѣнилъ этого отрицательнаго отношенія между философіей и эмпирическимъ естествознаніемъ. Духъ феноменальный не имѣть истины; вся его дѣятельность лежитъ внѣ области истиннаго знанія и должна быть разсматриваема, какъ предварительный процессъ, который оканчивается тамъ, гдѣ начинается наука. Если эти метафизическія воззрѣнія отождествляютъ идею *реальной* съ идеей *безконечнаго*, то уже поэтому они съ другой стороны объясняютъ намъ, что естествознаніе лежитъ всецѣло внѣ области истины, что оно не имѣть никакихъ средствъ образовать и опредѣлить идею бытія подлиннаго, не феноменальнаго. Что оставалось дѣлать этой наукѣ опыта, гордой своими силами и проникнутой чувствомъ реальности, если не постривать метафизическое міросозерцаніе по тѣмъ приемамъ и методамъ, которыми она пользуется для изъясненія явленій, какъ такихъ? И вотъ, метафизическому ученію, что первоначальное содержаніе міра не имѣть ничего общаго съ содержаніемъ, даннымъ въ воззрѣніи, матеріализмъ противопоставилъ положеніе, что это первоначальное содержаніе міра есть то самое, которое познаемъ мы въ непосредственномъ воззрѣніи. Когда человѣкъ, говоритъ Молешоттъ, изслѣдовалъ всѣ свойства веществъ, которыя могутъ производить впечатлѣнія на его развитыя чувства, то онъ постигъ и существо вещей. Какъ для мысли древнихъ философовъ оставалось въ мірѣ явленій *ἀπύροσ*, какъ нѣчто алогическое, неподдающееся пониманію, такъ новая философія въ своихъ главныхъ системахъ не могла поставить міра явленій въ положительное отношеніе къ идеѣ истиннаго бытія; міръ конечный есть *ирраціональная* величина, которую уже поэтому нельзя свести къ положительному основанію: или субъективное воображеніе,—какъ у Спинозы,—или порываніе первоначальной дѣятельности я положить то, что не можетъ быть положено,—какъ у Фихте,—или объективное противорѣчіе въ содержаніи безусловной идеи—какъ у Гегеля — таковы источники, изъ которыхъ было выводимо явленіе или конечное, какъ такое. Исторически извѣстно, что матеріалистическое воззрѣніе Фейербаха протестуетъ именно противъ этихъ теорій, которыя въ послѣднихъ выводахъ отрицали все конечное, индивидуальное, *здѣсь, теперь* и для *нашего* воззрѣнія существующее.

Кто знакомъ съ философіей Гербарта, Бенеке, Шопенгауэра и

Лотце, которыхъ мы имѣемъ основаніе разсматривать какъ представителей новѣйшей философіи, тотъ согласится съ нами, что этотъ матеріалистическій протестъ не имѣетъ въ области этихъ воззрѣній того значенія, какое мы указали ему въ развитіи прежней философіи. Храмъ истины не можетъ быть созданъ, пока одни, какъ жрецы, ясно будутъ сознать идею божества, не зная при этомъ, какъ можетъ или должна эта идея опредѣлять образъ храма, его устройство, части и ихъ взаимное отношеніе, и пока другіе, какъ простые зодчіе, будутъ знать устройство отдѣльных частей храма и лучшій для этого матеріалъ, не имѣя этой безусловной идеи, которую опредѣляется окончательно какъ цѣлое зданіе, такъ и взаимное положеніе частей его. Какъ извѣстная политическая партія, которая для устройства и управленія обществомъ требуетъ всеобщей подачи голосовъ, матеріализмъ утверждалъ, что *есть* явленія, посредствомъ основныхъ атомовъ, изъ которыхъ они слагаются, имѣютъ одинаковое участіе въ идеѣ реальнаго бытія. Философія безусловно отрицала въ явленіяхъ это право, сосредоточивала его въ идеѣ безконечнаго и такимъ образомъ дѣлала изъ природы то, что хочетъ сдѣлать изъ общества теорія, такъ называемаго, политическаго абсолютизма. Новѣйшая философія отличается реалистическимъ направленіемъ: безусловное и реальное не суть для нея понятія тождественныя, но въ среднѣ между явленіемъ и его безусловнымъ содержаніемъ она признаетъ *вещи въ себѣ*, она признаетъ подлинное бытіе и тамъ, гдѣ еще нѣтъ бытія безусловнаго. Это направленіе опять выдается въ томъ особенномъ примѣненіи начала причинности, какое мы видимъ въ этой философіи. Въ причинахъ не заключается дѣйствіе аналитически или непосредственно. Требуется условіе, которое сообщаетъ совершенно внѣшнимъ и для частнаго случая общимъ обстоятельствамъ *значеніе* причинности, чтобы эти обстоятельства, подчиняясь общимъ законамъ, могли однако-же производить это своеобразное явленіе съ неуловимыми для мышленія индивидуальными отличіями. Такое условіе заключается въ понятіи реальнаго, которое полагается мышленіемъ постепенно и тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ выше поднимается наше наблюденіе отъ монотонныхъ движеній механической природы до индивидуальныхъ явленій организма и до внутреннихъ измѣненій душевной жизни. Когда даны причины, то намъ еще приходится поджидать, пока они вызовутъ дѣйствіе въ опредѣленной натурѣ, которая испы-

тываетъ ихъ вліяніе. Слѣдовательно, изъ разсмотрѣнія причинъ мы не можемъ строить *a priori* ихъ будущія дѣйствія или послѣдствія, но должны поступать при этомъ эмпирически, наблюдая и открывая явленія и факты, какъ это дѣлаетъ естествознаніе. Если такимъ образомъ различіе между явленіемъ и вещью въ себѣ признается здѣсь не метафизическимъ, а обозначаетъ только степени нашего познанія, то, съ другой стороны, въ этомъ воззрѣніи соединяются противоположности, которыя доселѣ выражались въ идеалистическомъ понятіи внутренняго саморазвитія и матеріалистическомъ представленіи внѣшняго измѣненія. Что всякое явленіе измѣняется только подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, съ этимъ согласна философія. Но если естествоиспытатель изъясняетъ паденіе тѣла не только изъ частныхъ обстоятельствъ, каковы напр. отнятіе опоры, наклоненіе плоскости, ударъ и т. п.; если онъ утверждаетъ, что послѣднее условіе, которое превращаетъ эти обстоятельства въ причины, лежитъ въ первоначальномъ дѣйствіи тѣла, какъ тяжелаго или тяготѣющаго,—то и философія имѣетъ основаніе не останавливаться матеріалистически на идеѣ внѣшнихъ измѣненій, а предположить реальное, какъ внутреннее бытіе, которое при данныхъ условіяхъ рождаетъ это опредѣленное явленіе. Таковъ смыслъ Гербартова положенія: *So viel Schein, so viel Sein*,—положенія, которымъ рѣзко отдѣляется новѣйшая философія какъ отъ скептическихъ воззрѣній Канта, такъ и отъ идеализма, равно отрицающаго представленіе о реальномъ, данномъ въ элементѣ бытія, а не мышленія. Выше мы показали, что опредѣлить эту идею истинно сущаго въ ея отношеніи къ явленіямъ, есть одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ философіи и что съ другой стороны, начало причинности не терпитъ никакого ограниченія отъ признанія и положенія этой идеи.

Мы здѣсь не имѣемъ намѣренія показывать выгоды этого реалистическаго воззрѣнія; мы только хотимъ сказать съ этой точки зрѣнія наше послѣднее слово о матеріализмѣ. Именно, съ разныхъ сторонъ доказывали, что матеріализмъ, какъ-бы мы ни думали о его внутреннемъ, или научномъ достоинствѣ, все-же выступалъ и выступаетъ, какъ представитель и защитникъ нѣкоторыхъ весьма важныхъ и существенныхъ интересовъ человѣчества. Противорѣчить этому значило-бы не замѣчать самого достовѣрнаго факта исторіи. Если всякая теорія, какъ-бы она ни была односторонна, можетъ руководить насъ къ открытію фактовъ и

явленій, которыхъ безъ нея мы могли-бы не замѣтить, или можетъ указывать на особенное достоинство нѣкоторыхъ явленій, которое съ иной точки зрѣнія могло оставаться непонятымъ, если значеніе всѣхъ и всякихъ философскихъ теорій, помимо высшихъ соображеній, заключается уже въ томъ, что каждая изъ нихъ, какъ руководящая и опредѣляющая мысль, понуждаетъ насъ обзрѣвать на безпредѣльномъ полѣ опыта такіе пункты и такія мѣста, которые при другой теоріи мы могли-бы миновать, чтобы остановиться на пунктахъ и мѣстахъ другихъ,—то матеріализмъ именно обзрѣвалъ то, или давалъ цѣну тѣмъ фактамъ, какихъ не могла ни обзрѣть, ни оцѣнить философія идеализма. Какъ доказываютъ факты и какъ слѣдуетъ отчасти изъ принципа матеріализма, его изслѣдованія всегда совершались на почвѣ физики. *Расширеніе физики какъ науки, далѣе тѣхъ узкихъ границъ, внутри которыхъ она была разрабатываема естествоиспытателями*, составляетъ ту заслугу матеріализма, изъ которой легко могутъ быть выведены его другія заслуги. *Идея абсолютной физики* составляетъ тотъ основной его недостатокъ, изъ котораго могутъ быть изъяснены его другіе недостатки. Между-тѣмъ мы видѣли, что новѣйшая философія принимаетъ принципъ причинности въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ служитъ могущественнымъ орудіемъ физики и въ какомъ онъ не могъ имѣть мѣста ни въ философіи Картезианской, ни въ философіи послѣдняго идеализма. Если это справедливо, то нужно ожидать, что новѣйшая философія развивается въ такомъ направленіи, которое будетъ открывать для нея присутствіе и достоинство всѣхъ фактовъ, доступныхъ доселѣ матеріализму (*), или, говоря правильнѣе—методѣ естествознанія, потому-что только эта метода, конечно, въ себѣ еще не дающая никакого метафизическаго принципа, составляетъ положительное достоинство, положительную силу и дѣятельное орудіе знанія въ теоріи матеріа-

(*) Опытъ доказываетъ болѣе, нежели сколько здѣсь мы вывели. Читая матеріалистическія сочиненія по части философіи (какъ напр. *Reuche v. Noack*), вы замѣчаете, что предпосылаемыя въ началѣ трактатовъ матеріалистическія теоріи о единствѣ мыслей, чувствованій и желаній съ нервными движеніями остаются безъ всякой пользы для дальнѣйшихъ изъясненій и что эти изъясненія всегда опираются на идеяхъ, и даже выражаются въ терминахъ новѣйшей философіи. Мнѣ случалось всего чаще наблюдать, что матеріализмъ по положительному содержанію пользуется идеями и выраженіями Гербарта и Бенеке.

лизма. По этимъ соображеніямъ мы хотѣли-бы разсматривать нынѣшній матеріализмъ, какъ одно изъ явленій въ болѣе сложномъ движеніи новѣйшей философіи. Этимъ явленіемъ высказываются тенденціи новѣйшей философіи особенно рѣзко, но вѣроятно уже поэтому и особенно исключительно. И если этому, все-же одностороннему направленію сочувствуютъ нерѣдко самые даровитые естествоиспытатели, то это происходитъ отъ того, что идея знанія, какъ я сказалъ въ началѣ, ни съ одной точки зрѣнія не представляется въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ съ этой материалистической.

Повторимъ коротко наши воззрѣнія, которыя въ самой статьѣ не подведены подъ опредѣленные выдающіеся пункты, потому что мы говорили не столько о прямыхъ задачахъ философіи, сколько о случайныхъ и ходячихъ мнѣніяхъ относительно предмета, достоинства и значенія этой науки.—Изъ противорѣчащихъ толковъ о достоинствѣ современной философіи выступаетъ опредѣленное убѣжденіе о широкомъ развитіи матеріализма, который и дѣйствительно въ настоящее время надѣется, при помощи законовъ механики, получить научное достоинство и закончить стремленія человѣческаго разума къ построенію системы цѣлостнаго міросозерцанія. Кромѣ психическихъ мотивовъ, онъ находитъ опору въ популярномъ пониманіи философіи, и въ популярномъ скептицизмѣ: потому что, если первое теряетъ изъ виду собственное дѣло, собственную задачу философіи, то послѣдній отсылаетъ философію къ опыту, къ воззрѣнію, гдѣ мысль работаетъ легко и удобно, и гдѣ вмѣсто великой загадки бытія она встрѣчаетъ только частныя опредѣленные задачи. Въ этихъ обстоятельствахъ матеріализмъ понимаетъ задачу философіи какъ задачу физики; и хотя онъ не имѣетъ для своей теоріи фактическаго оправданія въ физиологіи, хотя онъ еще менѣе можетъ доставить своимъ идеямъ оправданіе внутреннее или логическое, однако указаніе многосторонней фактической связи между явленіями физиологическими и душевными, какъ и опредѣленіе причинныхъ отношеній между явленіями вообще, составляетъ научное содержаніе его теоріи. Между-тѣмъ эти научныя данныя могутъ вести къ философскимъ результатамъ только при опредѣленныхъ условіяхъ или предположеніяхъ. Не говоря объ эстетическихъ и моральныхъ требованіяхъ, которыя и съ своей стороны должны опредѣлять судьбу метафизики, мы указали только на условія простѣйшія и ближе лежащія къ опыту. Какъ мы видѣли, этимъ условіямъ противорѣ-

читъ понятіе чувственнаго воззрѣнія, какъ чего-то посторонняго для субъекта, какого-то въ себѣ сущаго и потому способнаго изъяснить этотъ субъектъ и его сознаніе, далѣе понятіе безусловнаго механизма и причинныхъ отношеній, будто-бы способныхъ *начать* бытіе міра вообще, а не только опредѣлять измѣненія въ системѣ уже существующаго міра явленій. Если послѣднія условія механизма, каковы тяжесть, непроницаемость, инерція, и т. д. не должны быть абсолютными началами бытія вообще, если о нихъ еще нельзя сказать, что *они есть*, *потому-что они есть*,—то философія имѣетъ право изъяснять механизмъ, какъ нѣчто зависимое, не первоначальное, и самый законъ причинности поставитъ подъ идею бытія, подъ идею сущности, которая должна быть опредѣляема на основаніи другихъ соображеній, не вытекающихъ непосредственно изъ началъ и основаній физики. Образцы такого истиннаго реализма мы имѣемъ въ философіяхъ Гербарта, Вемеле, Шопенгауэра и Лотце: а материализмъ, изъясняющій явленія, какъ большія вещи, изъ меньшихъ, но такихъ-же точно вещей (атомовъ), есть пока теорія физическаго атомизма, которая ожидаетъ еще метафизики. Наконецъ, что психологическій дуализмъ, который въ области опыта нельзя преобдѣлить, не ведетъ необходимо къ дуализму метафизическому, это мы только предположили; потому-что материалистическая теорія направлена въ истинѣ не противъ этого дуализма, а противъ постоянного ученія философіи, что міръ имѣетъ *другое, другими* качествами, *другими* отношеніями опредѣленное содержаніе, нежели какое дано въ эмпирическомъ и потолику субъективномъ воззрѣніи. Съ этими ограниченіями материализмъ входитъ въ новѣйшую философію, какъ моментъ въ ея реалистическомъ развитіи. Признать опредѣленное *условное* право этого материалистическаго воззрѣнія, указать ему опредѣленное мѣсто въ цѣлостной мысли о мірѣ—таково одно изъ выдающихся стремленій новѣйшей философіи. Какъ мы видѣли, позднѣйшій материализмъ возникъ по поводу опредѣленныхъ недостатковъ въ прежней философіи. Но если справедливо, что теперь самъ онъ пополняетъ свои недостатки воззрѣніями и идеями философіи новѣйшей, то это явленіе, какъ-бы ни казалось оно незначительнымъ, указываетъ, что философія все-же подвигается впередъ въ разрѣшеніи тѣхъ трудныхъ задачъ, которыя оставляются на ея долю всѣми положительными науками.

ГЕГЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Соч. Гайма).

(Продолженіе).

ЛЕКЦІЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПРУССІЯ И ФИЛОСОФІЯ ПРАВА.

Эпоху жизни и философіи Гегеля, въ которую мы теперь вступаемъ съ Гегелемъ, должно назвать послѣднею и вмѣстѣ съ тѣмъ самой счастливой и самой блестящей эпохой его жизни. Покровительствуемый благосклонностію земныхъ властителей, упоенный успѣхами и славой своего созданія, онъ видѣлъ себя, — философскій диктаторъ Германіи, — у цѣли своихъ стремленій. Но, для насъ главный интересъ въ эту эпоху его жизни заключается именно въ томъ, что ему предстоитъ еще испытать. Въ этомъ счастьи, блескѣ, влияніи и славѣ скрывалась главная часть той *разрушающей силы*, которая положила на трудъ его духа печать переходящаго. Этотъ сверхъ-мірской и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мірски-построенный идеализмъ цѣликомъ вкоренился въ современную ему эпоху и въ дѣйствительность, а потому вмѣстѣ съ ней долженъ былъ процвѣтать и увянуть. Онъ превратился въ *философію своего времени*, въ прусскую философію.

И въ этотъ разъ его рѣчь къ слушателямъ при открытіи лекцій (99) въ Берлинѣ можно считать за предварительную программу этого новаго видоизмѣненія Гегелева развитія. Результатъ этой программы заключается въ намекѣ на *близкое сродство и внутреннее согласіе Прусскаго государства съ Гегелевой философіей*.

Прежде всего, это учение основывается на всемогущей власти понятія; а это государство основано на могуществѣ образованія и разума. Но, тождество обоихъ имѣетъ еще болѣе глубокое основаніе. Идеально-сплоченная дѣйствительность получаетъ отъ этой философіи первоначально названіе «субстанціи», и задача науки состоитъ въ томъ, чтобъ проникнуть эту субстанцію чувствомъ «субъективнаго» и безусловно примирить съ помощію умозрительнаго познанаія ея спокойное бытіе съ живой рефлексіей и критическимъ разсудкомъ. Въ аналогіи съ этимъ заключается субстанція прусскаго государства. Приводимъ слова Гегеля, того самаго Гегеля, который прежде доходилъ до поклоненія Наполеону и желалъ французскимъ войскамъ одержать верхъ надъ прусскими: «здѣсь, въ Пруссіи, въ великой войнѣ освобожденія дала себя почувствовать нравственная сила духа во всей своей энергіи; она водрузила свое знамя и придала этому своему чувству мощь и силу дѣйствительности; мы должны считать за неопѣненное счастье, что наше поколѣніе жило и дѣйствовало воодушевленное этимъ чувствомъ, въ которомъ сосредоточивалось все законное, нравственное и религіозное». Въ этихъ счастливыхъ и благородныхъ словахъ выразилось то, что составляло «субстанцію» прусскаго государства. Но, и въ этомъ государствѣ, въ соотвѣтствіе сущности системы дѣло шло о субъективномъ примиреніи и развитіи. Если недавно минувшая эпоха произвела такое зерно и такое субстанціальное содержаніе, то дальнѣйшее развитіе его во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: въ политическомъ, религіозномъ и нравственномъ должно быть предоставлено современности. Его призваніе, — прибавляетъ онъ къ этому, — заключается въ заботливости о философскомъ развитіи этого субстанціального основанія, въ трудѣ познанаія, которое будучи проникнуто солиднымъ и полнымъ содержанія духомъ недавно минувшей эпохи, не только не считаетъ идей за нѣчто недостижимое, но, напротивъ, признаетъ ихъ сущность и обладаніе ими за единственно достойный предметъ своихъ занятій.

Кто могъ-бы осмѣлиться безусловно подписать эти воззрѣнія, насколько они выражаютъ собой сущность и задачу тогдашняго прусскаго государства? Кто могъ-бы пожелать ихъ подписать, не признавши въ то-же время, что Пруссія скоро измѣнила этому своему направленію и рѣшительно не удовлетворила своей задачѣ.

Прусское государство, задушаемое Австріей, вступило теперь въ *періодъ реставраціи*. Философія, которая отождествлялась съ нимъ и къ нему принаравлялась, вступила, по его слѣдамъ, въ ту же колею. Гегелева система сдѣлалась наукообразною хранительницею *духа прусской реставраціи*.

И такъ, Пруссія вошла въ періодъ реставраціи. Въ законодательствѣ, основанномъ Штейномъ, и усовершенствованномъ Гарденбергомъ, лежатъ сѣмена самаго здороваго экономо-политическаго и политико-экономическаго развитія. Въ духѣ народа жило побѣдно-радостное чувство самостоятельно завоеванной свободы, чувство собственнаго достоинства и силы, безраздѣльно связанное съ вѣрною преданностію къ монарху, который страдалъ, съ своимъ народомъ, сражался съ нимъ въ рядахъ и побѣдилъ. Пока еще волны національнаго чувства высоко стояли въ минуту глубоко чувствуемаго взаимнаго отношенія государя къ народу, королемъ было дано торжественное обѣщаніе,—въ обмѣнъ кровію запечатленной преданности народа окружить себя представителями народа. Теперь заботились о томъ, чтобы отъ освобожденія перейти къ организованной свободѣ. Оставалось присоединить только послѣдній камень къ глубоко и твердою рукой заложеннымъ основаніямъ; только найти форму, съ помощію которой живой духъ постоянно-бы стремился къ патриотической и государственно гражданской дѣятельности. вмѣсто того этимъ сѣменамъ дали высохнуть, а основаніямъ прійти въ порчу, еслибы не успѣли разобрать и снести ихъ; самый этотъ духъ улетучился-бы, если-бы это могло случиться безъ отравы его самаго. Цѣлые годы прошли въ страхѣ; но, государство въ своемъ высшемъ представителѣ было еще абсолютнымъ, не смотря на его демократическое направленіе въ низшихъ основахъ, въ его экономическомъ законодательствѣ и его городскомъ и военномъ управленіи. Казалось, шаги, которыми медленно и безъ всякаго плана шли по направленію къ обѣщанной конституціи, вели не впередъ, но назадъ. Прежде чѣмъ осмотрѣлись, южно-германскія государства уже ушли впередъ. Прежде чѣмъ дѣятельность курмаркскихъ *дворничковъ* и австрійскихъ государственныхъ мужей могла подать какую-нибудь надежду, угасли уже всѣ побужденія, которыя великое время быстро разнесло до послѣднихъ предѣловъ міра. Ретроградныя стремленія прусской *камарилы* такого рода пособіе, которое

значило болѣе, нежели всѣ маленькія и большія средства: они выиграли *время*. Настроеніе умовъ было теперь въ состояніи отлива. За крайне сильнымъ возбужденіемъ настало самое усыпительное разслабленіе. Все достойное лучшихъ желаній сосредоточилось, для государственныхъ людей, которыхъ Европа видѣла въ огнѣ революціи и войны, только въ сладкихъ словахъ мира и спокойствія. То, что сначала надо было еще основать, считалось уже предметомъ обладанія. Гарденбергъ, по временамъ, все еще былъ государственнымъ канцлеромъ, и еще въ 1817 году говорилъ иногда, какъ Гарденбергъ 1810 года. Правда, и послѣ ахенскаго конгресса занимались дѣломъ конституціи. Среди всѣхъ реакцій давнишнее обѣщаніе было возобновлено еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Еще удержались, хотя въ измѣненномъ и испорченномъ видѣ, самыя существенныя изъ либеральныхъ учреждений времени освобожденія. Конечно, Пруссія не была конституціоннымъ государствомъ, но, въ дѣломъ она была управляема своими бюрократами честно и искусно. Конечно, въ Пруссіи не было еще народныхъ представителей, но она не переставала держаться началъ «просвѣщенія» и успѣховъ въ наукахъ. Между тѣмъ какъ политическое развитіе находилось уже въ такомъ полномъ застоѣ, что Гентцъ и Меттернихъ крайне изумлялись прусской переничивости и уступчивости,— въ самой Пруссіи все болѣе и болѣе распространялось обманчивое мнѣніе, будто въ старыхъ бюрократическихъ формахъ, подъ покровительствомъ просвѣщеннаго и доброжелательнаго правительства, уже вѣетъ духъ свободы. Между тѣмъ подъ блескомъ разумности и кажущагося либерализма скрывался гнилой духъ реакціи. Крайній оптимизмъ и квіетизмъ довели нравственныя силы до безнадежнаго разслабленія.

Любопытно, что не только какъ человѣкъ, но и какъ преемникъ Фихте по кафедрѣ Гегель безусловно *опалъ въ тотъ-же самый оптимизмъ и квіетизмъ*. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ принялъ гражданство въ Пруссіи, онъ написалъ свое послѣднее большое сочиненіе. Въ немъ онъ представилъ свою философію со стороны ея отношенія къ практической жизни и къ государственной дѣйствительности. Вышедшая въ 1801 году *философія права*, (100) — какъ-бы въ противоположность логикѣ и метафизикѣ, — обличила и выразила собой въ извѣстной формулѣ тотъ реставративный духъ, до котораго тривиально низошли не только логика и метафизика, но и цѣлая система Гегеля.

Въ такую эпоху, когда при отсутствіи идей, осмѣливаются на-смѣхаться надъ идеологіей философовъ, не веселое занятіе обвинять какую-нибудь философскую систему. Но, мы должны уступить власти идей. Дѣйствительно, философія обязана потерей своего значенія нерасположенію къ ней высшихъ властей и не мѣраетъ правительственнымъ. Она сама должна была согласиться на заслуженное ея пренебреженіе, потому что только одна она могла открыть доступъ враждебнымъ ей стихіямъ. Къ этому саморазрушенію Гегелева философія права послужила, однимъ только шагомъ, но шагомъ огромнымъ. Конечно, она болѣе другихъ провинилась въ томъ, что высшая наука впала въ глубокое пренебреженіе, и почти не имѣетъ никакихъ силъ противъ могущества дѣйствительности.

Однакожъ, мы обвиняемъ, вполне понимая сущность нашего обвиненія. Гегель прибылъ въ Пруссію, какъ чужеземецъ. Сдѣлавшись уже взрослымъ человѣкомъ, онъ изыскивалъ такой родъ жизненной дѣйствительности, который-бы соотвѣтствовалъ его совокупному воззрѣнію. Онъ пристрастился къ самой плохой дѣйствительности, убѣгая отъ ея недостатковъ въ зданія своего міра идей и находя дополненіе къ этому въ построенной реальности своихъ понятій. Заблужденіе, которое заключалось въ этомъ послѣднемъ дѣйствіи Гегеля, могло держаться только пока его производительная сила и фантазія находились еще въ относительно бодромъ состояніи и пока онъ еще могъ создавать и организовать въ своемъ собственномъ, въ теоретическомъ мірѣ. Но, теперь съ этимъ міромъ уже было покончено. Трезвость и чувство дѣйствительности увлекли его теперь, помимо цѣлаго философскаго зданія, въ живую дѣйствительность, какъ прежде, въ предѣлахъ его теоріи, онъ увлекли его изъ логики въ философію природы. Онъ уже не могъ болѣе довольствоваться тѣмъ, чтобы современная жизнь и жизнь, построенная въ понятіи, дополнялись только по частямъ и попеременно; но, тѣмъ не менѣе если онъ не хотѣлъ разорвать съ той или другой, для него было необходимо *снова найти цѣлую свою систему въ дѣйствительности*. Подобно тому какъ дѣйствительность in abstracto должна была отождествляться съ понятіемъ; наступила, наконецъ, необходимость, чтобы *одна*, опредѣленная и конкретная дѣйствительность утвердила въ немъ личную вѣру въ свою систему и сдѣлала ее обязательною. Этой потребности содѣйствовало теперь само прус-

ское королевство. Какъ оно ни было организовано, все-же оно было гораздо лучше, нежели все то, что видѣлъ Гегель въ области практической дѣйствительности. Въ немъ было гораздо болѣе того, что называется государствомъ и государственною сущностію, нежели въ Баваріи и Виртембергѣ. Здѣсь было болѣе свободы и разумности, чѣмъ у Наполеона и Монгеласа. Правильный ходъ прусскаго управленія; правильность бюрократическаго механизма, либеральныя основанія обѣщанной конституціи невольно поразили философа. Онъ видѣлъ науку, осыпаемую заботами и лѣтвянною съ роскошью; онъ видѣлъ самаго себя на высшей ступени того просвѣтительнаго духа, котораго, въ теоретическомъ смыслѣ, тогда еще не думали отрицать.

Правда, довольно часто обнаруживался духъ реакціи. Въ первый годъ дѣятельности Гегеля въ Берлинѣ, проявились первыя начала той несчастной системы преслѣдованія, воспоминаніе о которой приводитъ въ краску и негодованіе. Пруссія первая предложила тѣ мѣры самой крошечной тираніи, которыя служили предвѣстниками политики, желавшей подчинить цѣлую Германію полицейскому надзору. Во всемъ этомъ не было ни государственнаго смысла, ни порядка, ни честности, ни уваженія къ наукѣ и свободѣ. Многіе тогда впервые увидѣли, чего должна была ожидать Германія отъ Пруссіи. Государственный человѣкъ, Гумбольдтъ, вскорѣ разорвалъ съ господствующей системой. Такіе мужи науки, какъ *Шлейермахеръ* и *Дальманъ*, протестовали противъ постыднаго угнетенія, которому подчинены были германскіе университеты и ихъ профессора. Но, совсѣмъ другаго свойства былъ Гегель. Для Гегеля, — какъ ни странно звучать эти слова, — именно это вмѣшательство прусскаго государства служить доказательствомъ, что онъ находится въ государствѣ истинной свободы, въ государствѣ *par excellence*, въ образцовомъ и идеальномъ государствѣ. Правительство было, въ этомъ отношеніи, совершенно согласно съ симпатическими и антипатическими стремленіями Гегеля, хотя не всегда соглашалось съ его взглядами. Что наполняло прусское правительство страхомъ въ слѣдствіе его несовершенно чистой совѣсти, то наполняло Гегеля отвращеніемъ вслѣдствіе его цѣлостнаго способа мыслить и жить. Игра словами и огнемъ въ Вартбургѣ, мальчишескія выходки освободить Германію отъ ея враговъ съ помощью меча, оскорбляли и возмущали солидный и привыкшій къ объективному порядку умъ Гегеля. Во глубинѣ души онъ отвращался

отъ сентиментальной романтики, юношески-молодеческихъ увлеченій, но не менѣе противными казались ему и пустыя разглагольствованія въ газетахъ и на площадяхъ. Онъ уже однажды выступилъ противъ безсодержательности философской романтики, равно какъ и противъ сухости философіи обыкновеннаго человѣческаго смысла. Воззванію къ чувству онъ противопоставилъ свою логику, метафизикѣ субъективизма — свою абсолютную метафизику. Въ положеніи, которое человѣкъ подобный *Фрису* принялъ въ отношеніи къ политическимъ вопросамъ дня, Гегель видѣлъ въ одно и то же время все, что ему казалось ложнымъ въ наукѣ и извращеннымъ въ смыслѣ нравственности. Въ эксцентрическихъ порывахъ юношества онъ находилъ естественныя практическія послѣдствія мелкой философіи чувства и поверхностнаго разсудка. Его противоположность послѣдней только увеличивала его негодованіе противъ перваго. Въ духѣ такого-же негодованія выразили свои мнѣнія карлсбадскіе государственные люди, и ихъ заключенія были приведены въ исполненіе Кампцомъ и Тшоке. Когда вартбургскіе пѣвцы и ораторы, студенты и ученики гимнастики были заключены въ темницы и подвергнуты допросу по распоряженію правительства,—послѣднее, по мнѣнію Гегеля, поступало по внушенію своей обязанности, и полиція спасла и утвердила только права разума противъ излишнихъ притязаній субъективнаго мнѣнія и произвола.

Философія права, какъ уже сказано, яснѣе всего отражаетъ направленіе, или лучше сказать эту судьбу Гегелева ученія, — превращеніе абсолютнаго идеализма въ идеализмъ реставраціонный. Предисловіе къ этой книги есть только научнообразно-формулированное оправданіе карлсбадской полицейской системы. Она ведетъ полемику противъ всѣхъ тѣхъ, кто позволялъ себѣ имѣть собственный взглядъ на разумность государства и желать, чтобы этотъ взглядъ превратился въ общее желаніе и требованіе; эта полемика выражается въ такихъ словахъ, грубость и ожесточенность которыхъ напоминаетъ одновременныя выходки Штейна противъ людей и ученій, которыхъ онъ даже вовсе не зналъ. Въ представители этого теоретизирующаго и предьявляющаго извѣстныя требованія политика, она избираетъ человѣка, котораго не только его характеръ долженъ былъ предохранить отъ всякихъ нападокъ со стороны философіи, но еще тѣмъ болѣе и безусловно то обстоятельство,

что онъ уже находился въ подозрѣннн у полиціи. Противъ Фрисо-
 ва ученія были совокупно устремлены всѣ возраженія, которыя Ге-
 гель устремлялъ, въ отдѣльныхъ нападкахъ, противъ романтики
 и просвѣтителей, противъ Якоби и Канта; не только Фрикс былъ
 прозванъ «предводителемъ» страшной «бездарности» и «рабули-
 стомъ произвола», вслѣдствіе чего его ученіе представлено въ
 обезображенномъ видѣ; еще болѣе, философія дѣйствуетъ съ по-
 лиціей за одно, и отъ нападковъ и обвиненій переходитъ къ лич-
 ному доносу и возбужденію начальствующихъ властей. Рѣчь фи-
 лософіи права имѣеть дѣло не столько съ Фрисомъ, какъ съ филосо-
 фомъ, но и какъ съ Фрисомъ, ораторомъ въ Вартбургѣ; въ точныхъ
 словахъ высказывается похвала, что «правительства обратили на-
 конецъ вниманіе на такое философствованіе» и вѣроятно, — тамъ-
 же прибавлено, — должность и званіе не сдѣлаются талисманомъ
 для такого рода началъ, «слѣдствіемъ которыхъ бываетъ разру-
 шеніе столько-же внутренней нравственности и частной совѣсти,
 сколько и общественнаго порядка и государственныхъ законовъ».
 Чтобъ дать еще болѣе явное доказательство, какъ быстро ядъ
 бюрократико-полицейскихъ воззрѣній проникъ въ современные
 умы, Гегель сдѣлалъ второй шагъ, въ которомъ глупость за-
 мѣнила недостойнство перваго. Случай этотъ всѣмъ извѣ-
 стень. Рецензентъ философіи права въ гальской литературной
 газетѣ осуждалъ ея предисловіе за неблагородную манеру преслѣ-
 дованія «и безъ того уже удрученнаго Фриса». Гегель назвалъ
 это доносомъ, и находилъ недозволительнымъ «чтобы прусскій
 чиновникъ былъ заподозренъ въ газетѣ, пользующейся ще-
 дротами прусскаго правительства»; онъ говорилъ объ опасно-
 стяхъ слишкомъ большой свободы прессы, онъ требовалъ и
 получилъ удовлетвореніе отъ министра просвѣщенія. Въ самомъ
 дѣлѣ, трудно извинить хотя-бы только первую половину этого по-
 ступка «объективнымъ способомъ» ума Гегеля, потому что во вто-
 рой половинѣ горячая заботливость о сущности случившагося
 слишкомъ грубо отождествляется съ заботливостію о собственномъ
 своемъ лицѣ. Но, еще прискорбнѣе, что обвиненіе, которое желали
 бы снять съ философа, тѣмъ вѣрнѣе падаетъ на его философію.
 Нѣтъ сомнѣнія, упомянутая нами жалоба и съ высоты свой ни-
 спускающаяся критика произошла не изъ личныхъ побужденій; ея
 настоящей корень заключается въ нравственномъ, и въ послѣдней
 инстанціи въ философскомъ совокупномъ воззрѣнн автора фило-

софіи права, политики, успѣха, и настоятельныхъ требованій предисловія философіи права произносить классическое слово реставраціоннаго духа: *безусловную форму политическаго консерватизма, квиетизма и оптимизма*. «Что разумно,—такъ печатно высказываетъ Гегель въ эпоху своего антидемагогической и антисубъективной заботливости и большими буквами ставитъ это вмѣсто надписи своего ученія о государствѣ и своей системы, — «что разумно, то и дѣйствительно; что дѣйствительно, то и разумно». Философія, такъ продолжаетъ онъ, есть изслѣдованіе разумнаго, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ есть пониманіе современнаго и дѣйствительнаго, а не поставленіе несущаго и выходящаго за предѣлы міра и существующаго только «въ мечтахъ односторонняго пустаго разглагольствія». Цѣль философіи заключалась не въ томъ, чтобы построить государство какимъ оно должно быть, но въ томъ, чтобъ понять государство, какъ оно есть. То есть говоря яснѣе и понятнѣе: то желаніе дѣйствительное, которое въ метафизикѣ возводило отвлеченія въ «конкретныя понятія», которое за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ возмущало публициста Гегеля противъ лишенной всякой прочности дѣйствительности германскаго государства и внушило ему платонизирующую государственную метафизику, это-же самое желаніе отрезвляется теперь въ довольство тѣмъ, что на обыкновенномъ языкѣ называется дѣйствительностію. Гегель указываетъ этикъ роль пониманія практической и государственной дѣйствительности, какую она была въ 1821 году въ Пруссіи, подобно тому какъ Бэконъ предоставляетъ своей философіи природы пониманіе чувственнаго міра. Какъ послѣдній, отрѣшаясь отъ всѣхъ отвлеченныхъ понятій, заботился только объ истинномъ и здоровомъ истолкованіи природы, такъ первый вмѣсто всякаго представленія нравственныхъ идеаловъ и требованій заботился только о вѣрномъ и покорномъ объясненіи существующаго государственнаго порядка. Это существующее государство, эти существующіе нравы и законы, «къ которымъ въ древнія времена чувствовали уваженіе и благоговѣнное почитаніе», вотъ что составляетъ высшій предметъ его философской этики. Кантъ старался сообщить этой наукѣ высшій полетъ; теперь-же, нисходя съ неба на землю, она запечатлѣна характеромъ маленькаго и боязливаго времени. Идеализмъ слагаетъ свое оружіе передъ дѣйствительностію, временно-человѣческою, надѣясь спасти свою честь и свое имя только въ подчиненіи себя ей. Какъ изъ жизни, такъ и изъ

Философіи исчезъ теперь всякій нравственный порывъ. *Quidditates* и *Entitates*, противъ которыхъ такъ справедливо вооружался Бэконъ въ своей полемикѣ, «абсолютный идеализмъ» снова находитъ средства для примиренія, наполняя ихъ искусственно дѣйствительностью и содержаніемъ. Напротивъ того, нравственныя идеи, имѣющія свой корень въ силѣ воли и въ энергіи духа,—вотъ тѣ божки, которые должны быть низвергнуты и обмѣнены на дѣйствительныя нравственныя учрежденія, какъ онѣ существуютъ въ теперешней современности. Такимъ образомъ полюсы господствовавшая до-сихъ-поръ идеализма измѣняются. Со времени Канта умозрительная метафизика исчезла, но вмѣсто нея явилась нравственная: теперь мы опять имѣемъ спекулятивную метафизику, но не имѣемъ нравственной. Теперь практической духъ снова является слабымъ и усталымъ, разумный-же духъ сильнымъ и расположеннымъ къ вѣрованію. Съ помощію гордаго слова «пониманіе»,—гордаго потому, что оно скрываетъ за собой все глубокомысліе и богатство новой логики,—эта разумность скрываетъ свою уклончивость въ противоположность существующимъ практическимъ явленіямъ дѣйствительности. Ея отношеніе къ послѣднимъ подобно тому, въ которомъ находились Греки по отношенію къ Римлянамъ, когда побѣжденные ихъ оружіемъ, они сдѣлались побѣдителями своихъ побѣдителей съ помощію образованія и ума. На счетъ зависимости страны онъ себя обманываетъ понятіемъ о чести міра и идеологическою призрачною равності; онъ даже рѣшается придать отрѣшенію отъ престола названіе свободы. «Что занимаетъ пространство между разумомъ, какъ самосознательнымъ духомъ, и разумомъ, какъ сущей дѣйствительностью, что отдѣляетъ тотъ разумъ отъ этого и то, чѣмъ послѣдній не вполне удовлетворяется, что—«современная партія назвала-бы доктринерствомъ», «это, какъ говоритъ Гегель, составляетъ оковы любаго отвлеченія, не достигшаго еще до сущности понятія». Вышее, до чего должна достигнуть философія, заключается въ «примиреніи съ дѣйствительностію, въ искреннемъ мирѣ съ ней, который есть результатъ познанія».

Мнѣ кажется совершенно естественнымъ, если правительство, дѣйствуя на неровномъ пути реакціи и, однакожь, тщеславясь покровительствомъ наукъ, приняло такъ безусловно предложенную ему помощь со стороны философіи. Какъ мнѣ кажется, Гегель вполне заслуживалъ свидѣтельства, которое Альтенштейнъ выдалъ ему на

счетъ его философіи права, — свидѣтельство, которое провозгласило его какъ бы официальнымъ философомъ реставраціи и прусскаго государства (101). Какъ мнѣ кажется, сравнительно съ знаменитымъ словомъ о разумности всего дѣйствительнаго въ смыслѣ гегелева предисловія, все, чему учили *Гоббесъ* и *Фильмеръ*, *Галлеръ* и *Сталь* было болѣе свободнымъ ученіемъ въ извѣстномъ смыслѣ. Божественная теорія помилованія и теорія *obedientia absoluta* крайне невинны и безопасны въ сравненіи съ тою ужасною доктриною, которая освящаетъ *существующее, какъ существующее*. Я знаю, что многіе въ наше время считали бы за ограниченнаго и непонимающаго того, кто вздумалъ бы привести здѣсь вышеупомянутое выраженіе, какъ оно стоитъ у Гегеля и объясняется цѣлымъ текстомъ предисловія. Въ самомъ дѣлѣ, и самъ Гегель былъ не только далекъ отвѣчать за всѣ послѣдствія своего слова, но даже неоднократно старался лишить ихъ крайняго смысла, низводя ихъ до ничего не говорящей таутологіи, а свой политическій консерватизмъ изукрасилъ логическими различіями. Еслибъ онъ самъ этого не сдѣлалъ, мы должны были бы взять на себя этотъ трудъ. Дѣйствительно, эта отговорка находится уже въ самой системѣ, и составляетъ главный недостатокъ системы. Эмпирическая, проявляющая себя дѣйствительность не тождественна съ истинною, разумною дѣйствительностію. Это сказано въ логикѣ и еще съ болѣею опредѣленностію во второмъ изданіи энциклопедіи. Но, было-ли-бы сказано, или не сказано, система, какъ она есть, осуществляется, однакожь, чрезъ безпрерывное, по истинѣ, пагубное смѣшеніе этого двойственнаго понятія дѣйствительности. Эта философія заимствуетъ свою силу отъ неба и земли. Она опирается на воодушевленіе, или, что тоже, на идеальное; она опирается на неотразимую необходимость, заключающуюся для человѣка въ чувственномъ и реальномъ. Она возвышаетъ въ логикѣ понятія до дѣйствительности; она даетъ въ нравственной философіи разумную цѣну явленіямъ дѣйствительности. Изъ спиритуализма своей метафизики, изъ дѣйствительности чистыхъ понятій она однимъ скачкомъ перепрыгиваетъ въ реализмъ своего ученія о государствахъ: а изъ этого и изъ пониманія дѣйствительнаго она въ одно мгновеніе перебрасываетъ насъ въ платонизмъ логики. «Что дѣйствительно, то разумно, что разумно, то дѣйствительно». Въ этомъ выраженіи сосредоточивается цѣлая копія системы; это мосье, стоя на которомъ можно, по желанію и потребности, отвра-

щаться отъ эмпиризма, или идеализма. Но, и изъ этого выраженія въ то-же время можно несомнѣнно узнать, въ чемъ заключается точка тяготѣнія системы въ настоящемъ періодѣ ея образованія. *Она падаетъ на самыя низшія основанія физики, на эмпирическую реальность.* Отъ трудной работы логики, дѣлавшей понятія конкретными, она успокоила себя пріятнымъ и благодарнымъ занятіемъ: обнять въ идеальномъ понятіи существующую практическую дѣйствительность. Будучи революціонной въ своей логической части, она консервативна въ своей практической. Такой была она обусловлена уже въ самомъ началѣ, сущностію эстетическаго воззрѣнія, изъ энергіи котораго создалась вся система въ первое время. Что абсолютное столько-же субъектъ, сколько и субстанція, — въ практическомъ смыслѣ это опредѣленіе не имѣетъ никакого значенія. Между-тѣмъ абсолютное, прежде всего, было прекрасною, замкнутою въ себѣ цѣлостію; а потому, всѣ крайнія точки субъективности теперь постепенно исчезали въ области субстанціального: «всякая обязанность и стремленіе было только чистою, само себѣ уничтожающей призрачністію». Это, какъ я сейчасъ сказалъ, заключалось въ свойствѣ эстетическаго основнаго воззрѣнія; еще гораздо очевиднѣе и яснѣе выказывается это въ томъ обстоятельствѣ, что въ области этики эстетическое воззрѣніе непосредственно плотнѣетъ до оптимическаго. Во всѣхъ отношеніяхъ философія права превращается въ комментарий системы, и лишаетъ послѣднюю въ одно время какъ ея идеологическаго, такъ и ея либеральнаго величія.

Мы намѣрены теперь разсмотрѣть «философію права» въ ея цѣлости: ея содержаніе и ея систему. Все то, о чемъ съ точностію говорится въ ея предисловіи, въ систематической полнотѣ, она развиваетъ сама. «Дѣйствительно, какъ говоритъ Гансъ, (102) критика поступила бы вѣроломно, еслибы она изъ предисловія вырвала только одно нами приведенное уже выраженіе и всѣмъ проходящимъ показывала-бы его въ знакъ увѣщанія не входить въ самую сущность сочиненія. При такомъ поступкѣ, ревностный ученикъ Гегеля долженъ-бы конечно умолкнуть, — онъ который утверждалъ что «цѣлое произведеніе выстроено только изъ металла свободы».

И слова Гегеля вначалѣ оправдали это утвержденіе. Система права, по опредѣленію одного изъ первыхъ параграфовъ, есть «царство осуществившейся свободы». Соотвѣтственно этому, въ цѣлой книгѣ ни о чемъ другомъ не говорится, какъ о свободѣ. Діа-

лектика этого понятія опредѣляетъ сочлененіе. Свобода въ ея непосредственномъ тубытіи составляетъ сферу *прага*. Требованію, чтобъ я въ самомъ себѣ, въ субъективномъ отношеніи былъ свободенъ, удовлетворяетъ сфера *моральности*. Наконецъ, свобода проявляется-ли въ самомъ конкретномъ и наиболѣе полномъ видѣ, «въ *нравственности*», организующей себя въ государство. Нравственность есть «идея» свободы, есть понятіе о свободѣ, превратившееся въ существующій міръ и въ сущность самосознанія. Но, слово свободы есть такая монета, курсъ которой находится въ непрерывномъ колебаніи. Только извѣстное настроеніе опредѣляетъ смыслъ этого слова. Выраженіе, которое Гегель даетъ ему, служить обличителемъ основныхъ недостатковъ его философіи.

Но, прежде всего бросается въ глаза перевѣсъ теоретическаго духа надъ практическимъ, или правильнѣе сказать, поглощеніе желающаго духа — мыслящимъ духомъ. *Воля и свобода въ системѣ Гегеля выдыхаются въ мышленіи и знаніи*. Воля, — такъ говорится въ психологическомъ опредѣленіи, — которая составляетъ основаніе всей его системы свободы, есть «особенный родъ мышленія». Совершенно соотвѣтственно тому, какъ въ новоплатонизмѣ, всякое дѣйствіе, есть только несовершенное познаніе, а всякая практика — только тѣнь теоріи, — узакониваетъ себя воля въ абсолютномъ идеализмѣ только чрезъ сродство своей сущности съ разумомъ, чрезъ подчиненіе себя познающему разуму. Она есть капризъ познаванія; только въ послѣднемъ заключается ея цѣль и ея истина. «Воля», сказано у Гегеля, «должна быть признана истинною свободною волею только какъ мыслящій разумъ»; поэтому, свобода тождественна съ разумностию; принципъ права, моральности и нравственности есть «самосознаніе, которое съ помощію мышленія понимаетъ себя, какъ существо». Ученіе Гегеля находится въ чистой противоположности къ ученію Канта. Если Гегель по справедливости укоряетъ понятіе, высказанное Кантомъ о волѣ, въ томъ, что оно есть понятіе пустое, формальное и лишено всякаго содержанія, то, въ противоположность той волѣ, которую онъ знаетъ, недостаетъ формы хотѣнія, — это воля, выражаясь рѣзко, которая *не желаетъ*.

Послѣдствія этого психологическаго основанія проявляются вдругъ со всѣхъ сторонъ. Но, самое замѣчательное изъ этихъ послѣдствій есть взаимное уравниеніе государства и философіи. *Какъ въ корнѣ мышленіе и хотѣніе, такъ въ высшей оконечности врас-*

таютъ одно въ другое — безусловное знаніе и безусловная нравственность. Какъ Пруссія легѣяла себя мыслию быть ео ipso свободнымъ государствомъ, потому что считала себя разумнымъ государствомъ; какъ правительство этого государства, — конечно болѣе инстинктивно, чѣмъ изъ расчетливаго благоразумія, — искало союза съ абсолютнымъ идеализмомъ, такъ послѣдній отождествлялъ, по платоно-пифагорейскому способу, философскій космосъ съ государственнымъ; такъ построилъ Гегель такое отношеніе между двумя силами, для котораго, можетъ быть, только въ древности можно-бы найти соотвѣтствіе въ подобныхъ-же обстоятельствахъ, и именно: въ философахъ великой Греціи, занимавшихся политикою, въ римскихъ стоикахъ и въ философскомъ диллетантизмѣ императора Юліана.

Мы уже изслѣдовали этотъ фактъ нѣсколько разъ съ другихъ сторонъ. Уже въ самую первую эпоху системы онъ былъ яркимъ послѣдствіемъ двойственнаго, частію идеалистическаго, частію реалистическаго пониманія повсюду и вездѣ искомой «дѣйствительности», — которая заранѣе дала абсолютному идеализму двойственное заключеніе, двойственное абсолютное начало. Надобно предположить совершенное отсутствіе мысли въ томъ, кто, читая Гегелевы Берлинскія лекціи и энциклопедію, а въ слѣдъ за ними философію права, не замѣтилъ-бы явно положеннаго соотношенія между ними. Все еще, и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, система имѣетъ двѣ оконечности, соотвѣтствующія двойному образу, смотрящему то на дѣйствительность понятій, то на дѣйствительность реальную. Такъ религія и наука во второмъ и въ третьемъ изданіи энциклопедіи, а также и въ ея первомъ изданіи, возводятся въ высшую точку философіи духа. Естественно, что точно такое же воззрѣніе встрѣчается и въ тѣхъ лекціяхъ, исключительный предметъ которыхъ составляютъ искусство и религія. Во всемъ этомъ является государство, какъ нѣчто ограниченное и конечное и впервые въ религіи, искусствѣ и наукѣ является оно какъ «область высшей субстанціональной истины», такъ что «существующая въ эмпирической дѣйствительности нравственность получаетъ свое освященіе» впервые отъ религіознаго содержанія, какъ отъ чистой истины, сущей самой въ себѣ и по себѣ. Но, вся жизненная кровь, текущая въ жилахъ этой философіи, снова возвращается обратнымъ путемъ туда, гдѣ государство становится самостоятельной задачей, именно въ эту-же самую эмпирическую дѣйстви-

тельность. Такъ въ философіи права и не менѣе въ примыкающихъ къ ней лекціяхъ объ исторіи философіи мы видимъ себя именно на томъ мѣстѣ, гдѣ находились передъ окончаніемъ энциклопедіи въ Іенскихъ лекціяхъ о естественномъ правѣ. Теперь, еще сильнѣе, настойчивѣе и постояннѣе государство получаетъ абсолютный характеръ, характеръ апотеозы, — теперь, когда на мѣсто прежняго, только въ мысляхъ построеннаго государства, выступаетъ дѣйствительно существующее Прусское государство. *Atque haec est* — такъ говоритъ Гоббесъ, представивши возникновеніе государства изъ естественнаго состоянія всеобщей взаимной войны— *atque haec est generatio magni Leviathani vel, ut dignius loquar, mortalis Dei*. Нельзя не вспомнить объ этихъ словахъ англійскаго философа реставраціи, прочитавши почетныя титула, которыми Гегелева философія права прославляетъ государство. Изъ принадлежащихъ абсолютной идеѣ, или сознающему себя въ религіи и умозрѣніи духу, нѣтъ ни одного предиката, который-бы въ то-же время не былъ приданъ и государству. Государство равно философіи по своему внутреннему достоинству и сущности, даже оно *нѣчто болѣе*, чѣмъ послѣдняя, такъ-какъ, въ одно и то-же время, оно существуетъ, какъ чувственно-временное явленіе. Оно есть «безусловная, неподвижная цѣль самому себѣ». Оно называется дѣйствительнымъ божествомъ. О немъ говорится какъ о «существѣ въ себѣ и по себѣ, какъ о божественномъ», и о его «безусловной власти и величіи». Для него требуютъ «благоговѣнія, какъ для явленія земно-божественнаго», и утверждаютъ, что все достойное, всякую духовную дѣйствительность человѣкъ получаетъ только чрезъ государство. «При этомъ излишествѣ, однакожь, упомянуто, что это божество есть только «смертное» божество, что оно есть только «отраженіе» вѣчнаго разума, что оно представляетъ божественную идею, «какою она проявляетъ себя на землѣ». Изъ-за этого реализма Гегель, будучи еще юношей, доказывалъ преимущество республиканскаго благочестія римлянъ и грековъ предъ космополито-спиритуалистическимъ благочестіемъ христіанъ. Эта-то сторона земнаго и дѣйствительнаго бытія еще и теперь заключаетъ въ себѣ истинное основаніе того паэоса, съ которымъ говорятъ о государствѣ, — паэоса, который тѣмъ скорѣе проявляется, что рѣчь идетъ о дѣйствительности государства, существующаго не въ одномъ только представленіи, но въ общія фразы вставляютъ образъ государства, гдѣ теперь суждено философу

жить. И этотъ реалистическій характеръ такъ сильно увлекаетъ Гегеля, что то отношеніе государства къ религіи, которое онъ прежде утверждалъ, въ философіи права онъ представляетъ въ совершенно обратномъ смыслѣ. Какъ государство, такъ и религія полагаетъ своимъ содержаніемъ безусловную истину, но только въ сферѣ созерцанія, чувства и представленія. Поэтому, она можетъ служить только основаніемъ представляемой государствомъ нравственности. Государство есть то, что должно назвать самымъ высшимъ и могущественнымъ на землѣ, потому что оно есть «божественная воля, какъ духъ, постоянно пребывающій, раскрывающійся въ дѣйствительный образъ и органическое устройство міра».

При этомъ перевѣсѣ надъ религіею, государство тѣмъ-болѣе достигаетъ возможности стать на одинаковую высоту съ умозрѣніемъ. Эти оба понятія — близнецы, дѣйствительность, въ двойномъ смыслѣ слова, производитъ отождествленіе мышленія и хотѣнія, разума и свободы, *съ цѣлію доставить имъ на долю совершенно равное и одинаковое изложениіе*. Трудно съ опредѣленностію сказать, что составляетъ настоящій курсъ этой системы: государство или умозрѣніе. Безпрестанно эти два понятія переходятъ одно въ другое и попеременно возвращаются одно въ другое. Нерѣдко одинъ взглядъ на какой нибудь предметъ внезапно обмѣнивается на другой, такъ что мы принуждены, подобно тому, какъ при быстромъ обращеніи монеты около своей оси, въ одно и то-же время видѣть лицевую и обратную сторону, равно какъ и обѣ. Уловка эта весьма проста. Она заключается въ томъ, что различающій характеръ государства переносится на умозрѣніе, а различающій характеръ умозрѣнія на государство. Намъ хорошо извѣстно, что для того, чтобы не совершенно лишить государство реалистическаго характера при его быстромъ прыжкѣ въ область идеальнаго умозрѣнія, сущность полагаютъ теперь въ обладаніи истинно-реальнаго, въ безусловномъ и всякую объективность примиряющемъ знаніи. Но то-же самое и наоборотъ. Чтобы перевести понятіе государства въ понятіе умозрѣнія, сущность пераго полагаютъ въ томъ, что не есть *разумъ и знаніе*. Но, именно въ прусскомъ государствѣ, при безирерывномъ колебаніи среди то постояннаго установленія и толкованія законовъ, то уничтоженія ихъ, менѣе всего знали, чего хотѣли, или что составляло необходимую потребность; тѣмъ не менѣе воображеніе

нашего философа также мало въ этомъ случаѣ ошибалось, какъ и высокоуміе прусскихъ государственныхъ людей. Свойственная ему законодательная дѣятельность и оказанная къ его философствованію особенная благосклонность побуждала его характеризовать государство, какъ философію, облекшуюся въ чувственную форму и имѣющую живое существованіе. Такъ государство, по философіи права, есть «открытая, для самой себя ясно-субстанціальная воля, которая себя мыслитъ и знаетъ, и то, что она знаетъ и на сколько знаетъ, приводитъ въ исполненіе». Такъ государство и философія, на основаніи ихъ одинакаго и равнаго свойства знанія, противопологаютъ себя религіи. Государство, какъ и философія, есть именно то, чѣмъ религія не можетъ быть: *знающая себя разумность*; оно «знаетъ, чего хочетъ», еще болѣе: оно «знаетъ это въ его всеобщности, какъ предметъ мысли». Въ религіи безусловное содержаніе постоянно пребываетъ въ формѣ чувства и вѣрованія; въ принципѣ государства «оно принадлежитъ опредѣленной мысли». Государство отличается отъ религіи столько-же своими реальными свойствами, сколько и разумными, и то, и другое служитъ ему средствомъ сплавленія съ умозрѣніемъ; потому что и самая «наука», какъ сказано у Гегеля, имѣетъ тѣ-же формальныя свойства, какія государство ея цѣль — *познаваніе*, и сверхъ того познаваніе мысленной, *объективной* истины и разумности.

Спустимся еще болѣе въ глубь этого разоблаченія силъ практическаго духа и возникающаго изъ этого отождествленія системы свободы съ системой знанія. Одинъ изъ остроумныхъ современниковъ Гегеля, мужъ дѣла, не умѣвшій предаваться умозрѣніямъ, но тѣмъ правильнѣе судившій, сравнивалъ Гегелеву логику съ садами Семирамиды, такъ какъ отвлеченныя понятія въ ней, съ помощію искусственности, превращены въ арабески; къ сожалѣнію, имъ недостаетъ только жизни и твердаго основанія (103). О практической философіи Гегеля должно сказать то-же самое, что и о его метафизикѣ. Даже тамъ, гдѣ онъ наиболѣе и наиглубже нисходитъ, повидимому, въ область реальнаго, онъ только поверхностно касается этой почвы. Его практическія понятія имѣютъ увядшій видъ растений, которыя могутъ принадлежать только плоской землѣ. Во всей глубинѣ индивидуальной жизни, въ конкретной внутренности таится могущественное влеченіе и матеріалъ нравственности. Но, абсолютный идеализмъ не удостоиваетъ

спускаться въ эту щедрую сокровищницу живой дѣйствительности. Онъ цѣнитъ субъективное на сколько оно перестаетъ быть только субъективнымъ, и просвѣтляется до всеобщаго. Изъ этого происходитъ его желаніе достойно оцѣнить субъективное только на сколько оно достигаетъ степени всеобщаго хотѣнія къ знанію; отсюда-же и *неуваженіе къ субъективно-духовному вообще, а съ нимъ амьсть и къ индивидуальному.*

Въ этомъ отношеніи самымъ характеристическимъ можно считать то мѣсто, которое занимаетъ понятіе *моральности* въ практической части системы. Нашъ философъ, какъ мы видѣли, призналъ было на одно мгновеніе и только изъ педагогической уступчивости, самостоятельное достоинство моральнаго (104). Впослѣдствіи онъ еще нерѣдко говорилъ въ отдѣльныхъ объясненіяхъ о безконечномъ достоинствѣ самоопредѣляющей ея личности; особенно поразительную силу заключаютъ въ себѣ тѣ немногія мѣста, гдѣ онъ изслѣдуетъ «внутреннюю срединную точку индивидуума». Равно и тамъ, гдѣ проникаетъ въ «простую область права субъективной свободы», къ самому «очагу хотѣнія, рѣшимости и осуществленія на дѣлѣ» (105). Но, однакожь, не эти области составляютъ настоящее убѣжище его философствованія. Намъ извѣстенъ случайный характеръ, которымъ должна была довольствоваться моральность «въ системѣ нравственности». Правда, со времени появленія энциклопедическаго изложенія системы, отведена особенная статья для моральности; довольно странно, что ей дано теперь то самое мѣсто, которое первоначально принадлежало «субъективному или преступленію». (106) Другими словами, чисто-случайное значеніе нравственности не только не исчезло совершенно, но еще съ большей ясностью выразилось чрезъ схоластическое сочлененіе. Поставленная въ средину между отвлеченнымъ правомъ и объективной нравственностью, моральность составляетъ *проходную точку* въ возникновеніи свободы и разумности. Еслибъ она захотѣла имѣть самостоятельное значеніе, то она сдѣлалась-бы чѣмъ-то безнравственнымъ и противузаконнымъ. Моральное узакониваетъ себя только тогда, когда объявляетъ себя данникомъ государства, только чрезъ отреченіе *отъ своей* безконечной автономіи и отъ саморѣшительности. И остальное такъ называемое ученіе о правахъ входитъ и во вторую, и въ третью часть Гегелевой этики. Первая изъ двухъ разсуждаетъ о томъ моментѣ нравственности, который принадлежитъ субъективному самоопредѣленію, и пред-

ставляетъ собой въ сущности недостаточность этого опредѣленія въ антинормѣ между намѣреніемъ и благоденствіемъ, между добромъ и совѣстію. Только третья часть содержитъ въ себѣ то мѣсто, къ которому должно относиться положительное ученіе о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ; между тѣмъ въ дѣйствительности объ этомъ нѣтъ рѣчи. Даже наивысшему и достойнѣйшему, чтó есть въ субъективномъ, Гегель оказываетъ не больше благосклонности, какъ субъективному вообще. Онъ порѣшаетъ съ моралью, втискивая ее въ діалектическую методу, совершенно такъ, какъ онъ поступаетъ съ критическимъ разсудкомъ, съ моментомъ опредѣленности и различія. Мѣсто и голосъ въ его философіи имѣетъ только мыслеобразное и дѣйствительное. Но ни того ни другаго она не умѣетъ открыть въ моральности. Ей недостаетъ во-первыхъ того, что называется «субстанціальнымъ въ понятіи», а во вторыхъ, ей недостаетъ «внѣшняго тубытія». Это значитъ: недостаточность, которою запечатлѣно понятіе Гегеля о моральности, пристокаетъ изъ его неспособности глубже проникнуть въ сущность Кантова пониманія послѣдней. Поэтому, онъ утончаетъ совѣсть въ знаніе, а добру сообщаетъ характеръ существующаго государственнаго порядка. Но, задача лежала въ другомъ мѣстѣ. Она заключалась въ ожидаемомъ отъ философа указаніи, что нравственность лежитъ глубже во внутренности субъекта, что въ совѣсти эта внутренность отъ конкретной дѣйствительности индивидуума заимствуетъ то, безъ чего объективная нравственность государства не была-бы ни нравственною, ни объективною. Какъ послѣднее основаніе этой неспособности и непрерывнаго колебанія между внѣшне-существующимъ и тѣмъ, чтó существуетъ только въ понятіи, должно назвать классическій идеалъ, устремленный на красоту чувственнаго проявленія; этому-то идеалу принесены въ жертву глубины внутренности. Здѣсь *гармонизмъ* одерживаетъ побѣду надъ индивидуализмомъ. Въ философіи права первый *торжествуетъ надъ вторымъ, античное надъ новымъ, римско-греческое — надъ германскимъ началомъ.*

Однакожь отъ прямаго потребленія античныхъ строительныхъ матеріаловъ для построенія новаго государства, съ которымъ мы уже ознакомились прежде, теперь надо было отказаться. Такъ-какъ нашъ философъ, въ сущности, постоянно стремился только къ связи объективнаго эллинскаго духа съ сознательнымъ и внутреннимъ духомъ новаго времени, — то нерѣдко встрѣчаются указанія

на недостатки древняго государственнаго устройства и его несоотвѣтствіе потребностямъ современной дѣйствительности и современнаго сознанія: нельзя желать ничего прекраснѣе и яснѣе этихъ указаній. Превосходно критикуетъ онъ Платоново ученіе о правосудіи, которое надѣется управиться съ принципомъ самостоятельной отдѣльности на томъ основаніи, что будетъ относиться къ нему только враждебно и исключительно съ своимъ вполне субстанціальнымъ государствомъ. Еще съ болѣе глубокой точки зрѣнія характеризуетъ онъ въ другомъ мѣстѣ духъ нашего времени въ противоположность духу древности. Въ двухъ отношеніяхъ греческая государственная жизнь стоитъ ниже уровня нашихъ требованій. Съ одной стороны ей недостаетъ субъективной самостоятельности съ ея частными особенностями, не находившей въ древности мѣста для безвреднаго образованія себя по отношенію къ цѣлому; съ другой стороны, ей недостаетъ необходимости высшей свободы, которая никогда въ государствѣ вообще, но только передъ государствомъ и внѣ государства находитъ свое полное удовлетвореніе внутри собственной души, въ дѣлахъ добра и правды. Удивительно! Какъ часто встрѣчаются подобныя объясненія и какъ охотно ссылаются на нихъ защитники школы: и между-тѣмъ они ни что другое, какъ дань, платимая новому сознанію, съ помощію которой философъ покупаетъ право жить по законамъ, обычаямъ и направленію чувствъ древнихъ республикъ. Его симпатіи помрачаютъ его проникательность. Ни въ одной его части ученія паюсъ его къ благороднымъ формамъ греческаго духа не сохранился въ болѣе свѣжести, какъ въ этикѣ. Я уже вамъ сообщилъ, какъ мораль, составляющая истинный результатъ болѣе свободнаго и глубокаго новаго способа мышленія, только повидимому, высвобождается изъ подъ власти политики. Такъ и во всемъ остальномъ. Правда, нашъ философъ *говоритъ*, что въ древнемъ государствѣ моментъ индивидуальной самостоятельности не достигъ своего полнаго развитія; тѣмъ не менѣе, однакожь, основаніе этого *не-*развитія — все поглощающее величіе государства остается въ своей неприкосновенности. Конечно, онъ при этомъ *говоритъ*, что частность должна получить болѣе свободное развитіе, но онъ *говоритъ* это только съ намѣреніемъ настоятельнѣе сказать, что эта частность «должна быть снова приведена въ полное согласіе со всеобщимъ, и снова введена въ область субстанціальнаго». Надъ античнымъ воззрѣніемъ Гегель возвышается только съ цѣлюю

снова и непосредственно къ нему возвратиться. Право индивидуальной самостоятельности онъ олицетворяетъ предъ собою только съ цѣлю, чтобы какъ можно скорѣе, какъ можно болѣе наложить бремена на субстанціальную сторону, и это дѣлаетъ онъ изъ боязни перевѣса первой. Наконецъ, въ самомъ заключеніи, послѣ всевозможнаго признанія и разглагольствованія о субъективной свободѣ, «божественность» государства остается всеокрушающимъ началомъ; принадлежать къ государству Гегель считаетъ «высшей обязанностью»; въ противоположность новому воззрѣнію на нравственность, какъ на «разсудочную дѣятельность по голосу совѣсти и убѣжденію», античное воззрѣніе представляется, какъ единое «истинное», при чемъ постоянно высказывается убѣжденіе, что индивидуумъ имѣетъ на столько въ себѣ объективности, истинности и нравственности, на сколько онъ есть членъ государства.

Но вся суровость этого воззрѣнія впервые вполнѣ выступаетъ въ *расположеніи подробностей* государственнаго организма, представленнаго въ философіи права. Послѣднимъ противорѣчить не только новое и античное *сознаніе*, но также и новая *дѣятельность*. Государство, какимъ представлялъ его Гегель за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, было однороднымъ созданіемъ въ цѣломъ. Въ немъ все, начиная отъ правленія старшихъ и священниковъ, состояло изъ эллинскаго матеріала, отлитаго въ эллинскую форму. Эта форма осталась неизмѣнною, но самый матеріалъ замѣненъ теперь матеріаломъ современности. Нельзя придумать болѣе рѣзкаго противоположенія и теоріи менѣе согласной самой съ собою. Величайшій и новѣйшій англійскій историкъ, въ одной изъ своихъ историческихъ статей, замѣчаетъ, какъ смѣшно читать, что римскіе философы, жившіе подъ властію деспотовъ и въ государствѣ, составленномъ изъ нѣсколькихъ десятковъ народовъ, тѣмъ не менѣе продолжали говорить на языкѣ греческихъ философовъ и проповѣдывать въ громкозвучащихъ фразахъ о непреложномъ долгѣ жертвовать отечеству, которому они ни чѣмъ не были обязаны. А конечно, римскій имперіализмъ такъ-же рѣзко отличался отъ греческаго республиканизма, какъ время Платона отъ времени Сенеки. Тѣмъ не менѣе, однакожь, то и другое было между собою въ гораздо-болѣе близкихъ отношеніяхъ, нежели античное государственное устройство съ новымъ устройствомъ государства. Но желать снова ввести въ колею новаго государства духъ, составлявшій сущность Платоновой республики, кажется намъ еще смѣшнѣе и не-

свойственнѣе, и теорія, предпринимающая такую попытку, представляется намъ тѣмъ болѣе извращенною и пагубною, чѣмъ болѣе она владѣетъ умѣньемъ искусственно скрывать даже видъ смѣшнаго и нелѣпаго. Таковъ именно характеръ Гегелевой теоріи; въ ней смѣшиваются черты Лякургова, и Солонова, Платонова и Аристотелева государственнаго устройства съ чертами государства, какимъ оно есть въ наше время, — съ чертами новаго монархизма и еще болѣе съ чертами реставрированнаго государства; оно получаетъ теперь конституціонный, скажемъ болѣе, черно-бѣлый оттѣнокъ. Мы видимъ фигуру, которая создана по образцу Прусскаго государства, остановившагося вдругъ среди началъ реформъ, но, освѣщена принадлежащихъ чуждому и отдаленному времени. Какъ-то странно видѣть античную одежду на варварской фигурѣ; ни съ чѣмъ нельзя такъ кстати сравнить это явленіе, какъ съ тѣми трагедіями изъ времени Лудовика XIV-го, въ которыхъ Орестъ являлся съ шпагой и въ парикѣ, а Электра — въ платьѣ придворной дамы.

Тѣмъ не менѣе однакожь, прежде всего, и именно подъ видомъ этого признанія, *жизненные начала новаго государства вообще* извращены и представлены въ ложномъ свѣтѣ. Нѣтъ сомнѣнія, самъ Гегель однажды имѣлъ эти жизненные начала въ виду, именно, тогда, когда рисовалъ не столько философскій идеалъ, сколько практическій проэктъ истиннаго германскаго государства. Онъ тогда настоятельно утверждалъ, что могущественное и способное носить оружіе государство можетъ, въ наше время, существовать только на основаніи полной индивидуальной свободы; для этого онъ признавалъ за неотъемлемые элементы такого государства, высшую, монархически-государственную власть и представителей народа, содѣйствующихъ правительству. И то и другое снова встрѣчается въ философіи права, но, снова представляется здѣсь *въ подложномъ свѣтѣ эллиминирующаго идеализма*. Также извѣстнаго рода конституціонализмъ предлагается въ философіи права, и по первому взгляду онъ построенъ, кажется, въ смыслѣ новыхъ потребностей субъективной свободы и свободы каждаго въ отдѣльности, — конституціонализмъ, еще вовсе тогда не существовавшій въ Пруссіи, но только проектированный. Дѣйствительно, этотъ конституціонализмъ окруженъ былъ такими рѣшительно либеральными условіями, какъ, на примѣръ, тѣ, которыя Гансъ прославляетъ: публичностью судопроизводства, преніями сословія и судами присяжныхъ. Но по

смотримъ ближе. Честь, повидимому, воздаваемая субъективной свободѣ, на самомъ дѣлѣ есть только номинальная и пустой комплиментъ. Не столько рѣшительна либеральность этихъ опредѣленій, сколько ловкость, съ которой онѣ снова теряютъ свою силу и дѣлаются безвредными. Публичность преній сословій имѣеть, по мнѣнію Гегеля, почти ту-же цѣль, какъ и государственная газета; она прежде всего должна служить исправительницей общественнаго мнѣнія, и еще далеко до того, чтобъ противоположная возможность, — назиданіе парламента, была допущена общественнымъ мнѣніемъ. Кромѣ-того, она служитъ средствомъ узнавать и научиться уважать таланты, добродѣтели и способности государственныхъ чиновниковъ, — о возможности противоположнаго пока нѣтъ рѣчи. Но, и самое собраніе сословій, въ сущности, есть только орнаментъ. Свобода не носитъ въ себѣ естественнаго плода свободы. Сословія должны быть, по мнѣнію Гегеля, которое можно принять за оскорбительную насмѣшку, допущены въ дѣло правительства только для того, чтобы осуществить «моментъ *формальной* свободы». Не на лучшемъ основаніи установленъ и судъ присяжныхъ. Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы народъ умѣлъ находить и какъ-бы создавать право изъ собственнаго чувства и сужденія, не о томъ, чтобъ живую почву права—практическій смыслъ, истинный духъ народа поставить въ благотворное взаимное отношеніе къ отвлеченному праву и ученому пониманію юристовъ, но, о томъ (какъ прекрасно звучатъ эти слова!) чтобъ «право субъективнаго самосознанія получило полное удовлетвореніе». Это происходитъ вслѣдствіе признанія со стороны обвиненнаго. Средство, замѣняющее признаніе, такъ-какъ преступникъ можетъ упорствовать, есть судъ присяжныхъ. Смыслъ этого приговора заключается въ томъ, «чтобъ то-же самое вылилось изъ души преступника». Но, тогда «право субъективнаго самосознанія» замѣняется и уничтожается чисто-формальнымъ признаніемъ. Но, какъ ни остроуменъ этотъ способъ доказательства, онъ долженъ быть признанъ въ то-же время еще болѣе софистическимъ; его сила заключается въ перенесеніи рѣшенія совѣсти изъ одной души въ другую, въ истинно-католическомъ способѣ отчужденія и объективирования субъективно-внутренняго.

Еще болѣе систематическую войну вела философія права подъ фирмой древняго республиканскаго созерцанія и чувства, *противъ*

определенных элементов и орудій новаго либерализма, противъ цѣлаго духа тогдашней оппозиціи едва только возникавшей реставраціи. Древній идеалъ извращаетъ сужденіе философа на счетъ стремленій либерализма къ развитію, а дѣйствительность тогдашняго прусскаго государства, въ свою очередь, извращаетъ этотъ идеалъ. Конечно, крайне прискорбно, что усилія оппозиціи проявлялись только въ слабыхъ и неясныхъ порывахъ, что преимущественно въ Виртембергѣ Гегель познакомился съ представительнымъ собраніемъ, такъ грубо понимавшимъ свою истинную задачу. Воззрѣніе, которое онъ тамъ себѣ составилъ о сущности прессы, общественнаго мнѣнія, участія народа въ правленіи, — онъ теперь перенесъ въ сущности на понятіе объ этихъ предметахъ вообще. Съ сдержаннымъ катонизмомъ негодуетъ онъ на духъ недовѣрія и критики на правительство и клеймитъ его названіемъ «тщеславнаго желанія понимать лучше». Безъ обиняковъ онъ ставитъ черню на одну линію съ народомъ, при его противопоставленіи въ мысли правительству. Правда, общественное мнѣніе составляетъ для него въ одномъ отношеніи «вѣстилице вѣчныхъ субстанціальныхъ началъ справедливости», но дѣйствительность и идея соединяются у него въ единство только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *властвующихъ дѣйствительностяхъ*; общественное мнѣніе мѣряетъ онъ другимъ масштабомъ, нежели общественную власть; первое для него, въ томъ видѣ, какъ оно есть, совершенно неразумно; а въ своемъ фактическомъ проявленіи оно есть только «чистая случайность мысли и сужденія». Свобода прессы, — играетъ у него роль бесполезнаго, по его мнѣнію, излишества на ряду съ свободой и публичностью преній въ представительномъ собраніи; она служитъ только къ «удовлетворенію жгучаго побужденія высказать свое мнѣніе». Въ такомъ-же тонѣ продолжаетъ роптать цензорская мудрость философа и далѣе; только необразованнымъ людямъ нравится пускаться въ разсужденія и порицанія; найти предлогъ къ порицанію легко, но, открыть его хорошую сторону и внутреннюю необходимость гораздо труднѣе; принять за исходную точку отрицательное, дать первую роль недовѣрію и, на этомъ основаніи, строить хитрые оплоты, которые нуждаются только въ противоположныхъ оплотахъ, чтобъ удовлетворить своему назначенію, — все это, по высказаннымъ мыслямъ¹, характеризуетъ отрицательный разсудокъ, а, по чувству, взглядъ черни, и т. д. Но, развѣ во всякой оппозиціи дѣло идетъ только о томъ

чтобъ *лучше* знать, а не о томъ, чтобъ *лучше хотѣть*? Развѣ не всякая реформа, вначалѣ, исходитъ отъ порицанія и критики, на какихъ-бы положительныхъ основаніяхъ она себя ни утверждаетъ?... Съ такимъ оптимизмомъ Штейнъ никогда не преобразовалъ-бы Прусскаго государства, между тѣмъ какъ на-самомъ-дѣлѣ, онъ и другіе великіе государственные люди оказали отечеству безсмертныя услуги, именно противопоставляя дурному управленію и, какъ слѣдствіе его, могущимъ возникнуть практическимъ бѣдствіямъ, добрую долю упомянутого нами «отрицательнаго разсудка» и «чувствъ черни».

Но, именно это *преобразованное* Штейномъ государство возводится философомъ въ теперешнюю эпоху политическаго безсилія въ абсолютный идеалъ. Вотъ почему патріотическое чувство и пониманіе государства сливаются въ одно безразличное цѣлое съ безусловнымъ довѣріемъ и безпредѣльнымъ добродушіемъ. Въ этомъ государствѣ существуетъ свобода собственности, свобода труда и самоуправленіе низшихъ классовъ. Соотвѣтственно мѣрѣ официального status quo,—на сколько все это успѣло возникнуть въ прусскомъ государствѣ вслѣдствіе Штейновыхъ реформъ,—и нашъ философъ строитъ эти понятія, отправляясь отъ начала узаконенной субъективности. Но, снова, на сколько все это еще далеко отъ совершенства и въ высшихъ областяхъ преобладаетъ рѣшительно противоположный духъ, — эти недостатки прикрываются маской античнаго государства. Прусское возводится по идеи Платонова въ достоинство власти «наилучшихъ и знающихъ». Господствующая прусская система полиціи и преслѣдованія представлена здѣсь въ свѣтѣ той величественной силы, съ помощію которой римское государство подчинило себѣ своихъ гражданъ, съ цѣлію сдѣлать ихъ свободными, на сколько они могли сдѣлаться свободными. Въ этомъ пунктѣ вся важность философскаго сознанія смѣшивается съ крайнимъ высокомѣріемъ и раздражительностью чиновничьяго сознанія. Съ сочувствіемъ къ дорическому и римскому взгляду на государство соединяется правительственное чувство Гегеля, требующее для государственной власти самыхъ сомнительныхъ правъ. Не смотря на политику Гегеля противъ Фихтева полицейскаго государства, въ которомъ «все идетъ какъ-бы по мѣркѣ», Гегелево государство свободы гораздо менѣе удовлетворительно, потому что представляетъ оправдательное зданіе фактически господствующаго въ Пруссіи полицейскаго

произвола. Если Гегель дѣлаетъ упрекъ Канту, что его моральная философія принуждена возводить эмпирически-условное, въ противность его сущности, въ абсолютное начало, то подобный-же упрекъ, со всѣми присоединенными къ нему словами о безнравственности и софистикѣ, долженъ быть обращенъ къ ученію, которое возводитъ въ безусловную — цѣлую систему опредѣленнаго государственнаго устройства и способа управленія, подъ именемъ системы нравственности, свободы и разума. Правда, и Аристотель случайно приспособляетъ свой взглядъ на государство, превознося истинную монархію, къ могущественно распространившемуся въ Греціи македонизму; философская литература не представляетъ намъ втораго примѣра такого поразительнаго и безбоязненнаго идеализированія существующей политической дѣйствительности, какъ то, которое встрѣчаемъ въ гегелевой философіи права. Нашъ систематикъ еще не отрѣшился отъ своихъ прежнихъ представленій, какъ напримѣръ въ отношеніи къ демократической военной системѣ Пруссіи, а потому и не былъ въ состояніи обнять болѣе свободный духъ новаго государства. Впрочемъ, въ этой государственной философіи собрано все, что составляетъ отличительные признаки Прусскаго государства 1821 года. Здѣсь сопоставлены свободныя мысли и свободныя учрежденія съ неразрушенными еще мечтаніями умничающаго чиновничества и уцѣлѣвшими остатками древняго абсолютизма. Но, прежде всего какъ здѣсь, такъ и тамъ представляется взору одинаково сомнительная перспектива будущаго народнаго представительства. Обѣщаніе государственнаго устройства было дано, но, въ одинаковой степени, не доставало рѣшимости исполнить ли его, или взять назадъ. Тоже самое было и въ ученіи Гегеля. Низведенное до чисто-формальнаго явленія, собраніе сословій строится Гегелемъ только до половины, между тѣмъ какъ другую половину онъ снова разрушаетъ. Конституціонализмъ находитъ доказательства въ системѣ Гегеля, но въ то же время послѣдній показываетъ излишество его и совѣтуетъ покорность при отсутствіи его; по этому, ученіе Гегеля также хорошо соотвѣтствуетъ 1821, какъ и 1830 году.

Но конечно, никто не станетъ отрицать, что это слишкомъ короткій срокъ для такой системы, которая постоянно говоритъ о «вѣчномъ разумѣ и безусловномъ знаніи», и ни о чемъ не говоритъ съ такимъ малымъ уваженіемъ, какъ о скромномъ познаниі. Но и послѣдствіе вытекающее изъ этого — неотразимо. Прида-

вать абсолютный характеръ прошедшему значить подчиняться переходящему. По этому, Гегелева философія права служить какъ за себя, такъ и за всю систему *доказательствомъ временнаго ограниченія и бренности.*

Понятно, что философія, которая начинается эпиграфомъ: «что дѣйствительно, то и разумно» и стремится уразумѣть опредѣленное, существующее состояніе государства, можетъ имѣть только временное значеніе. Повсюду замѣчали мы, что въ двойномъ почитаніи дѣйствительнаго и основаннаго на понятіи, проходящемъ съ достойною удивленія двусмысленностію чрезъ цѣлую систему, тяжесть дѣйствительности повсюду имѣла перевѣсъ. Также соотвѣтственно этому и увѣреніе въ обладаніи чистой и безусловной истинной разрѣшается въ признаніе, что это только временно условная истина, и объ этомъ намъ говоритъ самъ Гегель со всею простотой. Отъ параграфовъ философіи природы мы возвращаемся снова къ ея предисловію. «Уразумѣть то, *что есть*» такъ говорится въ немъ, «есть задача философіи». Всякій индивидуумъ есть сынъ своего времени; также и философія есть ея собственное время, переведенное въ мысли. Было бы одинаково безумно думать, что какая нибудь философія выходитъ за предѣлы ея настоящаго міра, какъ безумно было-бы думать, что какой-нибудь индивидуумъ можетъ сдѣлать скачокъ за предѣлы своего времени». «Чтобъ научить, какимъ долженъ быть міръ, философія всякій разъ являета слишкомъ поздно. Будучи идеей міра, она является впервые въ то время, когда дѣйствительность уже совершила процессъ своего образованія и вполне опредѣлилась. Когда философія рисуетъ на темномъ фонѣ темные образы, тогда извѣстный родъ жизни уже устарѣлъ и подобный родъ живописи не можетъ ее обновить, а только обнажаетъ ее; минервина сова впервые начинаетъ свой полетъ, когда темнота начинаетъ возникать». Такъ простодушно сознается самъ безусловный идеализмъ, что онъ *не* есть безусловный. Это ничто иное, какъ лишенная мысли антистрофа къ эпилогу феноменологіи. Конечно, того слѣдовало бы назвать весьма мало опытнымъ въ-знаніи и приложеніи гегелевой діалектики, кто съ помощію логики Гегеля не сумѣлъ бы открыть двойнаго основанія, которое, соотвѣтственно этой философіи, проявляется наружу, — какъ это уже и прежде замѣчено нами, — чрезъ отличіе истиннаго отъ случайнаго дѣйствительнаго, съ противорѣчіемъ ея эмпирическаго и идеальнаго

характера. Предоставимъ это упражненіе гегелевой школѣ, если она не хочетъ удовольствоваться простымъ повтореніемъ того, что въ себѣ не заключаетъ мысли. По этому, такъ какъ логика уже выказала намъ свою зависимость отъ эмпирической дѣйствительности и отъ временной формы жизни, — наша задача заключается не въ укрываніи, но — въ открытіи.

Сверхъ того, она заключается въ постоянномъ отыскиваніи *прочнаго въ преходящемъ*. Философія права также имѣетъ, не смотря на свою временную условность, негибнущее зерно. Съ помощію этого негибнущаго зерна своего она одна и по преимуществу составляетъ понятный комментарий для цѣлой системы.

Правда, только съ рожденіемъ понятія и въ подчиненіи созерцанію прекраснаго согласія, свобода, какъ моментъ субъективности и индивидуальности получаетъ свое значеніе въ Гегелевомъ государствѣ. Едва Гегель спустился въ глубину этихъ моментовъ, какъ уже опять возвращается на поверхность прекрасной вышности и стремится въ эфиръ мысли. Но, даже и въ этомъ состояніи слѣды субъективной жизненности остаются неизгладимыми на его государственномъ зданіи. Путемъ логическимъ и эстетическимъ они стремятся къ понятію сочлененія, *организмизма*, — понятію, которое проведено чрезъ все сочиненіе. Еще прежде чѣмъ созрѣла рефлексивная форма системы, идеалъ жизни перепелся съ идеаломъ красоты и цѣлостности. Съ пластической осязательностью снова пробивается наружу въ проэктѣ Гегелева государства внутреннее достоинство этого созерцанія. Вслѣдствіе этого, сколько несправедливости должны были испытать — человѣческая душа, совѣсть и всѣ силы внутренности; но, съ помощію понятія объ *организмическомъ*, эта несправедливость въ нѣкоторой степени смягчается, и неподвижная пластика Гегелева государства снова превращается до извѣстной степени въ гибкую и живую. Изъ этого превращенія внутренняго и свободнаго въ понятіе, замечательное эстетическимъ колоритомъ, снова возвращается нѣкоторая жизнь въ жилы уже мертваго организма нравственности. Вслѣдствіе болѣе правильныхъ побужденій, Гегель нѣкогда запрещалъ всякое вмѣшательство государственной власти въ томъ видѣ, какъ онъ этого желалъ для Новой Германской имперіи, — вмѣшательства въ свободную самодѣятельность народа въ его частныхъ отношеніяхъ; но, по-крайней-мѣрѣ, часть этой жизни теперь еще спасена, и хотя нѣсколько смяг-

чается субстанціальное могущество государства діалектикой понятія объ организмѣ. Какъ Гегелева метафизика вся основана на той мысли, что «все, что есть, есть непримиренное непосредственное;» такъ и философія права характеризуетъ устройство государства въ сущности, какъ «систему примиренія». Съ этимъ незаконнымъ переходомъ изъ логики, образъ древняго государства снова получаетъ въ то-же время и нѣкоторыя черты отъ духа германскаго государственнаго устройства. Тѣмъ не менѣе, однакожь, необходимости свободы и самоуправления воздается нѣкоторый родъ признанія, хотя, конечно, только косвеннымъ путемъ и съ верхнихъ ступеней, только во второй линіи и *reg accidens*. Главная заслуга и существенное достоинство Гегелева государственнаго права заключается въ защитѣ понятія объ органическомъ противъ неподвижнаго абсолютизма древняго, въ особенности римскаго государства, но, еще болѣе, противъ атомизма и механизма Французскаго государства. Все, о чемъ мы уже имѣли случай съ похвалой упомянуть, говоря о статьѣ, относящейся до виртембергскихъ государственныхъ чиновъ, это самое мы находимъ снова въ параграфахъ философіи права и еще болѣе въ прибавленіяхъ къ нимъ. Государство, какъ оно въ нихъ представлено, не есть что-нибудь «сдѣланное». Конечно, оно также не есть и созданіе живой свободы, но, во всякомъ случаѣ, оно есть органическое созданіе, стоящее выше механической работы на томъ основаніи, что оно само себя полагаетъ, сочленяетъ и изъ этого сочлененія возвращается къ единству. Государствомъ также мало можно управлять съ верхнихъ ступеней и изъ отвлеченно-всеобщаго начала, какъ мало способны то и другое создать его. Его нельзя ни составить изъ атомистически-раздробленной массы, ни подчинить его одному централизирующему правительству. Напротивъ, его устройство должно примкнуть къ фактически-существующему въ народѣ сочлененію; оно должно быть конкретно управляемо, начиная съ нижней ступени, гдѣ гражданская жизнь проявляется въ конкретныхъ формахъ; въ общинахъ заключается собственное могущество государства; въ гражданскомъ обществѣ жизнь сочленяется въ обществѣ словій: это гражданское сочлененіе должно возвыситься до политическаго, и органически выростить самое правительство изъ органическихъ стихій государства. Но, не въ одной только этой формѣ понятія о государствѣ таится глубокое содержаніе истины: также

и духъ истинно-политической практики проявляется, хотя и въ странномъ костюмѣ, въ области философіи права. Въ абсолютной методѣ Гегелевой логики мы видѣли только схоластическое обезображенное представленіе истиннаго живаго представленія. Этому живому познанію, которое эстетическимъ путемъ примиряетъ созерцаніе съ понятіемъ,—въ области практики соотвѣтствуетъ подобное-же примиряющее дѣйствіе. Этико-политическая мудрость состоитъ также ни въ чемъ другомъ, какъ въ способности постоянно слѣдить за идеями и, въ то же время, оказывать полную справедливость всякому индивидуальному положенію, всѣмъ условіямъ и потребностямъ дѣйствительности. Гегелева логика соединила дѣйствія и содержаніе разсудка съ дѣйствіями и содержаніемъ созерцанія отчасти насильственнымъ, отчасти софистическимъ способомъ. Въ такой-же схоластически нарисованной картинѣ представляетъ его ученіе о государствѣ сущность истинной политики. Только разъединенными и другъ друга смѣняющими Гегель представляетъ моменты истинно-политическаго образа дѣйствій, но вскорѣ потомъ, онъ ихъ соединяетъ въ одно съ помощію насилія, или хитрости. Теперь онъ возстаетъ противъ всякой индивидуализирующей прагматики, противъ всякаго политическаго разглагольствованія «изъ-за извѣстныхъ цѣлей, основаній и пользы»; его логика по своей природѣ заставляетъ его требовать, чтобъ одно только «самоопредѣленіе понятія» имѣло силу рѣшенія. Теперь снова онъ требуетъ отъ практики — для дополненія и повѣрки этого практическаго панлогизма — признанія дѣйствительнаго и углубленія въ конкретное и индивидуальное. Наконецъ, и прежде всего съ помощію его суровой формулы, отворяющей полный входъ всевозможной софистикѣ и тираніи: «что дѣйствительно, то разумно, что разумно, то дѣйствительно» должна быть примирена практика идеи съ практикой рутинны. Но, какъ бы небыло: и въ этомъ постоянномъ колебаніи отъ одного къ другому, равно какъ и въ разнородно-пестромъ цѣломъ таится все одна и таже мысль—заставить истинно-государственнаго человѣка безпрестанно заботиться о примиреніи дѣйствительнаго и разумнаго, конечныхъ отношеній и всякихъ началъ, основаній съ основаніемъ и полезнаго съ безусловнымъ. Нравственное дѣйствіе, выражаясь иначе, есть такое же живое искусство, какъ познаніе истины. Обратитъ это искусство въ науку, а методъ въ систему,—вотъ въ чемъ заключается величіе и ошибка

Гегелевой философіи. Не смотря на то, однакожь, она сама неоднократно высказываетъ ясное сознаніе о живыхъ духахъ, очаровывать которыхъ она, въ своемъ доктринерномъ апіоризмѣ, предполагаетъ въ себѣ довольно силъ. Неоднократно взываетъ абсолютная теорія нравственности къ свидѣтельству «истинно-здравого человѣческаго смысла». Въ теоретической области «разумное изслѣдованіе должно согласоваться, — вслѣдствіе мнимоконкретнаго характера своего—съ «разсудительнымъ изслѣдованіемъ природы», а въ практической области оно должно согласоваться «съ практическимъ смысломъ», руководимымъ идеями. Гегелева философія природы ссылается на Гёте. Гегелева политика могла-бы сослаться на такихъ мужей, какъ Штейнъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, еслибъ она не предпочла заключить миръ съ государствомъ реставраціи и за одно дѣйствовать съ государственными людьми Ахена, Карлсбада и Вѣны.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Берлинскія лекціи. Философія религіи.

Не легко завоевалъ Гегель свое берлинское мѣсто съ помощью сочиненій, исполненныхъ высокаго труда мысли. Нѣтъ сомнѣній, онъ самъ никогда не предполагалъ, что его устное преподаваніе можетъ обратиться въ средство къ большому распространенію и къ послѣдней разработкѣ его ученія. Это видно уже изъ того, что онъ преподаваніе философіи въ университетѣ нисколько не считалъ за надежную должность, и потому не разставался съ желаніемъ перейти впослѣдствіи времени къ практической дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, однакожь, онъ вскорѣ призналъ, что въ государствѣ разума нѣтъ болѣе почетной и болѣе вознаграждающей дѣятельности, какъ дѣятельность преподающаго съ каѳедры. Вслѣдствіе этого, писатель уступилъ наставнику. Кромѣ философіи права, къ берлинскому періоду относятся только двоекратная переработка энциклопедіи, второе изданіе первой части логики и большое число рецензій и статей. Всѣ эти труды были въ тѣсной связи съ его лекціями; не забудемъ еще объ одной, наскоро составленной лекціи, которая должна была служить краткимъ очер-

комъ антропологии и психологии; Гегель имѣлъ намѣреніе разработать и издать его въ одно время съ такимъ-же краткимъ очеркомъ философіи права (107). Съ неутомимымъ усердіемъ, съ полной силой и свѣжестью, не измѣнившими ему до самой его смерти, онъ постоянно возобновлялъ эти лекціи. Огромныя тетради въ листъ, всякій разъ сопровождавшія его на кафедре, служатъ доказательствамъ его неутомимо-переработывающей руки. Онъ ежегодно все болѣе и болѣе заслуживалъ названіе властелина, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространителя царства мысли. Тѣмъ не менѣе, съ возрастающимъ матеріаломъ знанія шагъ въ шагъ идетъ усиліе—каждое новое приобрѣтеніе въ области знанія освѣщать изъ самаго средоточія вполне-гармоническаго міросозерцанія и впечатлѣвать его извнутри наружу на твердыя и, въ то-же время, подвижныя формы системы. Въ этомъ двойственномъ стремленіи къ самообогащенію и къ болѣе глубокому изслѣдованію впервые проявляется начальная точка пресыщенія (108). Впервые теперь строгость изложенія уступаетъ мѣсто снисходительной и словоохотливой мягкости рѣчи, представляю... самыя трудныя вещи съ идеальной легкостью и обращающей въ свою пользу всю массу образовавшихся представленій. Въ особенности, во «Введеніяхъ къ Гегелевымъ лекціямъ» заключается, въ этомъ отношеніи, такая-же прелесть, какъ въ народныхъ сочиненіяхъ Канта. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, Гегель проявляетъ все могущество своей проницательности. Какъ человѣкъ, искушенный опытомъ лѣтъ, судить о достоинствѣ жизни, — такъ философія говоритъ о внутреннемъ достоинствѣ способа мышленія и представленія своего времени. вполне принадлежа послѣднему, она, въ то-же время, возвышается надъ нимъ, какъ властительница; она посвящена во всѣ измѣненія мысли, разсматриваетъ всѣ точки зрѣнія, и, вопреки всѣмъ имъ, провозноситъ съ спокойной и вѣжливой важностью окончательное сужденіе, основанное на глубочайшемъ и до послѣдней степени развитомъ убѣжденіи.

Но, и внутренняя достовѣрность такого явленія преклонила тогдашнія умы. Охота къ мышленію и пониманію овладѣла теперь цѣлымъ поколѣніемъ, но, при его практическихъ стремленіяхъ, ему предопредѣлено было снова испытать отреченіе отъ ихъ осуществленія вслѣдствіе быстрого возвратнаго движенія умовъ къ прежнему своему состоянію. Цѣлыми сотнями ученики собирались у ногъ наставника. Всякое практическое и всякое теоретическое

разочарованіе, которое испытало на себѣ юношество того времени, находило утѣшеніе и вознагражденіе въ философіи, подтверждавшей точными словами, что она есть не одна только любовь къ мудрости, но самая эта мудрость, и мудрость міровая, въ самомъ обширномъ и въ самомъ смѣломъ смыслѣ этого слова. Если, съ одной стороны, высота и широта такого-знанія обольщала фантазію и любопытство юношества, то, съ другой стороны, умъ юношества былъ не менѣе пораженъ ясностью, строгостью, правильнымъ расположеніемъ и гармоническимъ порядкомъ системы. Чрезъ собственное самоограниченіе власть мышленія сдѣлалась теперь безграничной. Все угнѣтательное, все, что разстроивало духовный организмъ, или стуживало его, должно было пасть, вслѣдствіе этого ученія, какъ безправное, несущественное и безсильное. Напротивъ-того, духу открылось теперь безконечное, положительное содержаніе столько-же въ дѣйствительности, основанной на понятіяхъ, сколько въ настоящей и въ прошедшей эпохѣ времени—въ государствѣ и исторіи, въ природѣ и искусствѣ. Скажемъ короче: теперь, по видимому, былъ найденъ путь, чтобъ возвыситься надъ всѣми опасностями жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ключъ, съ помощію котораго можно было отпирать столько-же глубокия тайны дѣйствительности, сколько и сокровенныя тайны божества.

Даже внѣшняя тяжеловатость, которая, вопреки внутренней свободѣ, все еще не совершенно исчезла, и никогда не исчезала въ изустномъ преподаваніи наставника,—даже и она не служила препятствіемъ къ воодушевленію. Одинъ изъ многихъ послѣдователей, которые отъ знакомства съ ученіемъ Гегеля считаютъ новую эпоху своей духовной жизни, оставилъ описаніе внутренняго пережитаго измѣненія вмѣстѣ съ описаніемъ человѣка, (которому онъ былъ обязанъ этимъ измѣненіемъ) и характеристику его способа преподаванія; не смотря на свои идеализирующія формы она тѣмъ живѣе переноситъ насъ въ цвѣтущую эпоху Гегелевой философіи и ея вліянія во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ (109). Заранѣе состарившаяся фигура,—я пересказываю слова ученика Гегеля,—хотя въ ней были видны слѣды первобытнаго могучаго терпѣнія и силы,—въ ней не было и слѣда поражающаго величія, или чарующей пріятности;—во всей его личности, прежде всего, проявлялась древне-гражданская степенная прямота. Все черты его лица какъ-бы полуугаснувшіе вѣсѣли опустившись, но въ нихъ, тѣмъ не менѣе, отражалась цѣлая прошедшая эпоха, постоянно

день и ночь молчаливо-работавшаго мышленія; лобъ, щеки и ротъ были покрыты морщинами; когда его умъ не былъ возбужденъ, черты его лица казались старыми и увядшими; когда-же онъ пробуждался, въ чертахъ этихъ просвѣчивала глубокая серьезность, которая на долго погружалась не рѣдко въ великій по своей сущности предметъ. Голова его имѣла прекрасную форму; высокій, хотя нѣсколько наклоненный лобъ, полный спокойствія подбородокъ и тонкій носъ, однимъ словомъ, благородство вѣрности и коренной справедливости, ясное сознаніе, что онъ искалъ наибольшаго удовлетворенія только въ истинѣ, — все это было ясно и напечатлѣно въ цѣлой внѣшности Гегеля, въ самомъ индивидуальномъ смыслѣ.

Мы слѣдуемъ далѣе за нашимъ рассказчикомъ,—въ аудиторію философа. Уставшій и угрюмый, онъ сидитъ на своемъ профессорскомъ креслѣ съ поникнутой головой и совершенно погруженный въ самого себя. Не прерывая нити своей рѣчи, онъ перелистываетъ длинныя передъ нимъ лежащія тетради и отыскиваетъ въ нихъ то, въ чемъ имѣеть нужду, то сверху, то снизу, то на переднихъ, то на заключительныхъ страницахъ; безпрестанное откашливаніе прерываетъ теченіе рѣчи; каждое предложеніе является отдѣльнымъ, и только съ усиленіемъ высвобождается изъ смѣшанной массы и не иначе, какъ въ раздробленномъ видѣ, всякое слово, всякій слогъ произносится какъ-бы неохотно и получаетъ отъ глухаго голоса, на Швабскомъ растянутомъ діалектѣ, какое-то странно-серьезное удареніе, будто каждое слово есть самое значительное. И не смотря на непріятное ощущеніе, которое новичекъ испытываетъ отъ слушанія подобныхъ лекцій, онъ себя чувствуетъ тѣмъ не менѣе очарованнымъ и увлеченнымъ «наивностію всепобѣждающей серьезности». Черезъ нѣсколько времени онъ привыкаетъ къ отталкивающей внѣшней сторонѣ и находитъ, что внутреннее достоинство самымъ оригинальнымъ образомъ слито въ одно цѣлое съ недостатками. Въ видѣ наглядной пластики это изустное чтеніе олицетворяетъ для него въ чувственномъ образѣ внутреннія трудности глубочайшаго труда духа, постоянно воспроизводящаго мысли во всей ихъ свѣжести. Послѣ этого, самое могущественное вліяніе на него оказывала его строжайшая объективность. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, будто читавшій лекціи развивалъ избранный имъ предметъ только изъ самой его сущности и ради него самого,—едва прикасаясь къ нему соб-

ственныхъ своимъ духомъ и будто забывая о своихъ слушателяхъ. И однакожь: все это возникало изъ него одного, и онъ почти съ отцовскою заботливостью о возможной ясности значительно смягчалъ желѣзную серьезность, которая, по видимому, должна была-бы оттолкнуть отъ усвоенія такихъ трудныхъ мыслей. «Запинаясь», такъ продолжаетъ Гого, въ описаніи манеры преподаванія и вліянія Гегеля на слушателей, — «запинаясь, начиналъ онъ, потомъ, стремительно шелъ впередъ, снова начиналъ останавливаться, потомъ продолжаетъ говорить и вдругъ задумывается: меткое слово кажется навсегда ускользнуло отъ него, какъ вдругъ оно снова возникло, какъ нельзя болѣе кстати; сперва казалось весьма обыкновеннымъ, но, вскорѣ выказалось незамѣнимымъ на своемъ мѣстѣ, показалось вышедшимъ изъ употребленія, а, между тѣмъ, было именно тѣмъ словомъ, которое одно было вполне соответственнымъ; казалось, что самая сущность лекцій должна была раскрыться только впоследствии, между тѣмъ, она уже выражалась нечувствительно и со всей возможной полнотой въ продолженіе самаго чтенія. Наконецъ, слушатель получивши ясное объясненіе какого нибудь предложенія, нетерпѣливо надѣялся идти далѣе; но, увы! ошибся. Мысль, вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, двигалась все около той-же самой точки, и почти въ тѣхъ-же самыхъ словахъ. Но, если уставшее вниманіе уклонялось въ разсѣянности отъ предмета чтенія, и потомъ чрезъ нѣсколько минутъ опять обращалось къ нему какъ-бы во внезапномъ испугѣ, оно чувствовало себя вырваннымъ изъ среды всякой связи. Тихо и осторожно впередъ ведомая незначительными, по видимому, средними членами какаядибудь совершенно-полная содержанія мысль снова переходила въ односторонность, снова разбивалась на различія и запуталась въ противурѣчія, побѣдоносное разрѣшеніе которыхъ было впервые довольно сильно, чтобы самыя противурѣчающія стихіи подчинить снова воссоединенію». Замѣчательно, что Гегелево чтеніе было наиболѣе тяжелое, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ достаточно было-бы самаго обыкновеннаго таланта разговорной рѣчи. Особенно въ разсказѣ затрудненія Гегеля доходили почти до комическихъ размѣровъ. Именно въ томъ, что легко понятно было для каждаго, Гегель являлся наиболѣе тяжелымъ и утомительнымъ. Напротивъ, въ области самыхъ глубокихъ вопросовъ, онъ вращался съ величественною и самоувѣренною свободой и спокойствіемъ. Тогда впервые «возвышался его голосъ, глаза ярко

блестѣли надъ цѣлымъ собраніемъ и рѣчь, въ неизсякаемыхъ словахъ, пронизывала всѣ сокровенныя глубины и высоты души». И это не только, когда дѣло шло о сверхчувственныхъ отвлеченностяхъ, но и когда онъ ниспускался въ глубину явленій. Ему также въ высокой степени удавалось описывать событія, частныя лица, эпоху и народъ. Отъ его дара представленія не ускользали также и самыя рѣзкія особенности и глубокія стороны души. Въ описаніяхъ этого рода «полнота его рѣчи была ключемъ, но онъ не заканчивалъ чтенія разительными живописными прилагательными, тѣмъ не менѣе, каждое изъ нихъ было новымъ, неожиданнымъ и такъ внятно въ самомъ себѣ замкнутымъ, что цѣлое, въ которомъ округлялись отдѣльныя разнородно переплетшіяся черты, напечатлѣвалось въ памяти и никогда уже болѣе не исчезало».

Къ счастью нашему этотъ характеръ изложенія сохранился также и въ изданныхъ учениками лекціяхъ Гегеля (110), которыя теперь передъ нами лежатъ напечатанныя. Конечно, вслѣдствіе такого рода изустнаго преподаванія, многое могло сдѣлаться жертвой произвола редакцій; тѣмъ не менѣе, однакожь, эти лекціи, составляютъ въ сущности несомнѣнный и вѣрный источникъ для познанія Гегелевой философіи. Сверхъ-того, для важнѣйшей части ея, т.-е. для изданной въ Берлинѣ и сначала отдѣльно и подробно изложенной *философіи религіи*, можетъ служить намъ въ помощь приготовленная сверхъ-того самимъ Гегелемъ къ печати тетрадь: «о доказательствахъ бытія Божія», равно какъ и многочисленныя объясненія въ его предисловіяхъ и рецензіяхъ (111). Объ измѣненіяхъ и о позднѣйшей формѣ его ученія о религіи, мы можемъ составить себѣ такое-же полное и достовѣрное сужденіе, какое имѣемъ о его ученіи о государствахъ. Дѣйствительно, оба связаны между собой тѣснѣйшимъ союзомъ. Что характеризуетъ теперешнюю философію права, то-же самое характеризуетъ и теперешнюю философію религіи. Та и другая ясно показываютъ *поворотъ Гегелева ученія къ положительному*. Съ другой и дополняющей стороны и философская догматика служитъ свидѣтельствомъ *реставраціоннаго характера цѣлой системы*.

Богословіе было колыбелью Гегелевой философіи; предѣлы перваго вначалѣ составляли предѣлы философствованія Гегеля, а богословскій матеріалъ—матеріалъ Гегелева философствованія. Скажу болѣе: интересъ Гегеля въ изслѣдованіи богословскихъ предме-

товъ, по существу своему, былъ чисто-религіознымъ. Онъ стремился понять не одну только тѣнь догмата, но—прочную сущность благоговѣйнѣйшаго чувства, нравственное и душевное содержаніе религіи, сознательно погружаясь въ дѣйствительность и исторію религіи. Изрѣченія Христа и догматическія формулы имѣли для него значеніе опытовъ: выразить безусловную жизнь, любовь и сущность духа. Онъ, казалось, признавалъ, что всякое знаніе происходитъ изъ глубины религіознаго чувства: религіей, какъ онъ думалъ, должно оканчиваться всякое философствованіе.

Правда, уже заранѣе вкрался въ его способъ мышленія и другой моментъ, занявшій мѣсто наряду съ религіознымъ моментомъ. Глубокую мысль христіанской исторіи и ученія онъ старался пополнить и дополнить прекрасной дѣйствительностью греческой жизни. Недовольный этимъ только ощущеніемъ бьющей во глубинѣ души жизни, онъ хотѣлъ-бы разсматривать міръ, какъ «прекрасное цѣлое жизни». Вотъ почему онъ признавалъ за неудовлетворительную ту религіозность, которая себя ограничиваетъ только предѣлами субъективности, какую ее прославлялъ Шлейермахеръ въ своихъ бесѣдахъ; онъ, напротивъ, высказывалъ требованіе, чтобъ религія проявлялась въ смыслѣ художественнаго произведенія. Въ связи съ этимъ и при несправедливомъ пренебреженіи къ протестантизму, онъ выражалъ желаніе, чтобъ христіанство снова возвратилось «къ прекрасной религіи», какъ къ цѣли его историческаго развитія.

Но, однакожъ, развитіе религіозно-эстетическаго идеала въ философское міросозерцаніе, все болѣе и болѣе изсушало перво-бытныя корни этого идеала. Гегель надѣялся осуществить его въ сферѣ понятія и съ одними средствами разсудка. Образованіе его системы заключалось въ постоянно развивавшемся стремленіи, — чувства живаго и созерцанія прекраснаго *на почвѣ мышленія*. Это противорѣчіе между питающимъ веществомъ и формальнымъ матеріаломъ характеризуетъ цѣлую систему. Оно въ самомъ непосредственномъ и яркомъ свѣтѣ выказывается въ той части системы, которая съ намѣреніемъ возвращается къ упомянутому веществу. Яснѣе, чѣмъ во всякой другой области философіи, можно видѣть въ философіи религіи, какой чуждой является рефлексивная форма идеала въ противоположность его первобытному содержанію и его дѣйствительности. Въмѣсто живой религіи, она воспринимаетъ въ себя только ея тѣневой очеркъ, отразившійся на по-

верхности понятія. Она не въ состояніи развивать конкретнаго душевнаго процесса религіи: она еще его понимаетъ сколько нибудь только вслѣдствіе превращенія его въ процессъ мыслящаго духа и въ логическій процессъ понятія. Это составляетъ *κρίτων-φύβδος* Гегелевой философіи религіи,—ея, уже въ раннемъ періодѣ ей напечатлѣнный *логически-спиритуалистическій* характеръ. Между тѣмъ, отрѣшенная отъ душевной дѣйствительности религіи, она обратно стремится, вслѣдствіе ея реалистическаго направленія, къ *поверхностной и временной дѣйствительности* религіи съ вершины понятія. Будучи не въ состояніи безраздѣльно соединиться съ сущностью религіи, она соединяется только съ ея оболочкою. Ея развитіе все еще освѣщается отдѣльными лучами воспоминанія о духовно-внутренней силѣ религіи: въ цѣломъ и въ общахъ чертахъ, она строитъ *вмѣсто религіи только ортодоксію*; къ ея логически-спиритуалистическому характеру присоединяется теперь *положительно-реалистическій* характеръ и съ своими реставраціонными стремленіями, она превращается *въ новую схоластику*.

Я иду шагъ за шагомъ, указывая вамъ на эти свойства Гегелева ученія о религіи, и желая сдѣлать для васъ, какъ можно болѣе понятной, ея внутреннюю сущность.

Только долгое господство сперва Кантовой, а потомъ Гегелевой философіи могло затемнить простую истину, что религія также какъ языкъ, или искусство, есть только специфическій способъ проявленія человѣческаго духа. Она есть *энергія* цѣлаго человѣка, она имѣетъ свои собственныя права и подчинена совершенно другимъ, одной ей принадлежащимъ законамъ. Она можетъ быть понята только съ помощію изслѣдованія ея индивидуальной сущности. Конечно, никто не въ состояніи понимать сущность языка вслѣдствіе только простаго изученія, такъ называемой, всеобщей грамматики, но, начнетъ понимать ее единственно вслѣдствіе живаго воспроизведенія его формъ и живаго возбужденія въ собственномъ своемъ духѣ, силы, создающей языкъ. Не иначе и въ отношеніи къ религіи. Ее такъ-же мало, какъ языкъ, можно превратить въ чисто-разсудочное; какъ нѣтъ всеобщей грамматики, построенной на логикѣ, такъ нѣтъ и всеобщей догматики, основанной на логикѣ. Я не помню, чтобъ отъ этого взгляда на разсматриваемый нами предметъ были когда нибудь дальше, какъ въ самое недавнее время «просвѣщенія». Отрѣшенность отъ всего индивидуаль-

наго составляла собственную силу мудрости «просвѣщенія». Тогда вѣрили въ одинъ всеобщій разумъ; вѣрили только въ его право; считали себя не только обладателями его, но, для осуществленія его сужденій, признавали себя столько-же способными, сколько и призванными. Все человѣческое сводили къ этому уму, который для всего служилъ единственной мѣрой. Для этого поколѣнія и религія улетучивалась въ массу убѣжденій, согласныхъ съ упомянутымъ мнимо-всеобщимъ разумомъ; на ряду съ ними индивидуальныя черты всѣхъ отдѣльныхъ религій были выпущены совершенно изъ виду, или устранены, какъ нѣчто случайное, какъ суевѣріе и мечтаніе.

Это-то крайне-дальнее удаленіе отъ всякаго уваженія и всякаго истиннаго пониманія религіи привело, естественнымъ порядкомъ, къ поворотному пункту. Въ началѣ это произвело исключительно—*отрицательное и критическое* потрясеніе, но, почти въ то-же время произвело болѣе положительное потрясеніе богатаго послѣдствіями заблужденія, которое касалось не до одной только религіи. Съ одной стороны стремились, съ помощію цѣльнаго изслѣдованія Канта, — указать на недостаточность того разсудка, который былъ идоломъ и оракуломъ своего времени. Онъ привелъ въ систему протестъ добросовѣстнаго разсудка противъ поверхностнаго и шаткаго разсудка. Онъ сдѣлалъ это, приложивши мѣрку цѣлостности познавательной способности къ цѣлой сферѣ человѣческаго духа и установивши границы этой способности. Результатъ его критики составлялъ ущербъ въ мнимо-обладаніи познаніемъ, а, въ то-же время, это было первымъ указаніемъ на лежащія внѣ разсудка силы духа и жизни, — указаніемъ на нравственныя, эстетическія и религіозныя силы человѣческаго существа. Но, на столько-же и положительно начали пробуждаться въ нашей философіи и литературѣ незамѣченныя «просвѣщеніемъ» и оставленныя въ пренебреженіи силы: чувство, фантазія, страсть, поэтическое стремленіе и религіозная искренность. Такой чело-вѣкъ, какъ Якоби въ двойственной формѣ поставилъ на одну линію съ разсудочнымъ познаніемъ, познаніе съ помощію вѣры и чувства. Здѣсь-то должно было впервые теперь возникнуть настоящее убѣжище религіи; тѣмъ, которые желали въ него войти, философія вѣрованія предлагала свое знаменитое: *стрем-лавл.*

*Я уже достаточно доказалъ, въ какой полнотѣ Гегель въ

первые дни своихъ ученыхъ занятій и стремленій цѣлостно пережили это двойное потрясеніе «просвѣтительнаго» способа воззрѣнія». Результатомъ было то, что онъ сталъ въ средину *между тѣмъ и другимъ взглядомъ съ цѣлью создать новый и съ высшей степени оригинальный рационализмъ*. Въстѣ съ тѣми, которые геніальничали и подобно имъ, онъ внезапно почувствовалъ въ себѣ способность воспріятія таящейся въ искусствѣ и религіи силы человѣческой души. Но, его не удовлетворяла ни скромность, съ какою Кантъ пригласилъ разсудокъ отступить отъ этихъ глубинъ, ни непримиренное возведеніе еще непримиреннаго чувства въ самостоятельный и отдѣльный органъ познанаія. Непоколебимо опираясь уже съ самаго начала на безпредѣльное уваженіе къ рационализму, затронутый, съ другой стороны, все болѣе и болѣе полными откровеніями человѣческаго духа, онъ стремился единственно къ тому, чтобъ возвратить разсудку, какъ такому, всѣ сокровища души, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить рациональный характеръ предметамъ и содержанію вѣрованія, созерцанія, фантазій и ощущеній. Онъ провозглашалъ всемогущество разсудка, или, — какъ онъ его называлъ въ отличіе «просвѣтительнаго» разсудка, — разума, — и ввелъ въ область разума все то, что, по мнѣнію Канта, лежало внѣ ея, а по мнѣнію Якоби, могло быть завоевано только особеннаго рода чувствомъ. Его философія формулировала великое открытіе, что есть только одинъ безусловный органъ истины, именно: цѣлостность человѣческаго существа, — въ ту великую ошибку, будто можно заключить эту цѣлостность въ формы разсудка и искусственно развитый разсудокъ сдѣлать всемірнымъ органомъ истины. Впервые, это было положено въ логикѣ въ смыслѣ основанія. Теперь въ этой логикѣ система владѣла мнимочистой массой мыслей и методомъ мышленія, легко уступавшимъ всякой дѣйствительности, гибко принаравливающимся ко всякому бытію, проникающимъ во всѣ глубины, а, слѣдовательно, и въ глубину душевнаго міра, и въ сущность содержанія религіи. Гегелева философія религіи, подобно Кантовой, могла-бы назваться «Религіей внутри границъ чистаго разума». Но, у Канта эти границы были твердо опредѣлены и неподвижны; онъ врѣзывался, и потому вырѣзывали изъ религіи только одинъ отрѣзокъ.

Границы Гегелева разума заключаютъ въ себѣ возможность безконечной разстяжимости, какъ это видно изъ его собственнаго мнѣнія, и основаннаго на немъ внутренняго характера логики; онъ

сливаются въ одно съ границами самой религіи. Въ своемъ ученіи о религіи, равно какъ и въ философіи права, Гегель пожинаетъ плоды своей логики, но желаніе изслѣдовать въ сферѣ первой, съ помощію гибкихъ мыслей системы разума, все богатство, всю дѣйствительность религіи, во второй дѣйствительность государства, составляетъ, какъ мы въ этомъ скоро убѣдимся, крайне-неудовлетворительную попытку.

Прежде всего и съ полною ясностію выступаетъ основанное на принципѣ положеніе Гегелевой философіи религіи въ *обоюдно-острой полемикѣ*, съ которою онъ обращается въ равной степени *противъ рационалистическаго богословія и противъ богословія чувства*. Вслѣдствіе этихъ обонхъ направленій,—это первое чему онъ придаетъ значеніе,—религія равномерно сдѣлалась «непознаваемой». Богословіе чувства есть только обратная сторона «просвѣщенія» и раціонализма. Послѣдній, осмысленный Кантомъ насчетъ самаго себя, сдѣлалъ изъ религіознаго содержанія *tabula rasa*; критицизмъ своимъ ученіемъ о непознаваемости божественнаго, довелъ духъ въ его противоположности религіи «до чрезмѣрной скромности. Въ отчаяніи отъ этого явленія влеченіе къ истинѣ искало своего спасенія въ области чувства; піетизмъ провозгласилъ чувство самой истинной, даже единственной формой, въ которой одной религіозность сохраняетъ свою неподложность. Такъ познаваніе въ первой сферѣ ограничивалось только міромъ конечнаго и явленій, во второмъ—познаванію не было опредѣлено никакого мѣста; тамъ было познаваемо только неистинное, здѣсь же ничто не было познаваемо (112). Гегель упрекаетъ раціонализмъ въ бѣдности его содержанія, а богословію чувства ставитъ въ вину неопредѣленность и безпредметность формы, въ которую оно желаетъ исключительно ввести болѣе глубокое содержаніе. Онъ съ полною опредѣленностію высказываетъ здѣсь, чего самъ желаетъ въ противоположность этому. По его мнѣнію, снова должна явиться религія въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. вознесеніе духа къ Богу, и превращеніе конечной жизни въ безконечную. Пойдемъ далѣе. Это вознесеніе должно совершиться въ формѣ разсудка, какъ познаніе истины. Разсудокъ, говоря другими словами, долженъ снова сдѣлаться религіознымъ, а религія снова понятною. Спасеніе религіи совпадаетъ съ торжествомъ разсудка; оно состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ ея секуляризаціи подъ властію философіи.

Правда, до послѣдней минуты въ Гегелевомъ ученіи о религіи можно замѣчать слѣды внутренней исторіи его возникновенія. Какъ въ философіи права и внѣ ея есть много мѣстъ, въ которыхъ выражается признаніе живой свободы, такъ и въ философіи, религіи и внѣ ея есть мѣста, гдѣ подтверждается индивидуальная сущность религіи, и это представлено съ поражающей истиной. Не только имени религіи, — какъ-бы въ воспоминаніе того, чѣмъ она нѣкогда была для философа до послѣдней минуты—воздается честь въ томъ отношеніи, что она остается общимъ именемъ для высшей сферы сознанія, состоящей изъ искусства, религіи и философіи, но и самое изложеніе сущности и господство религіи нерѣдко вытекаютъ изъ самой глубины чувства. Съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ говоритъ Гегель о заключающемся въ субъективно-религіозной функціи противурѣчии эмпирически-конечнаго съ безконечнымъ сознаніемъ и о примиреніи этого спора. «Я есмь»,—и этотъ споръ, и это примиреніе существуетъ во мнѣ и для меня самаго. «Я есмь въ самомъ себѣ, какъ безконечный противъ самаго себя, какъ конечнаго, и какъ конечное сознаніе противъ моего мышленія, какъ безконечнаго. Я есмь чувство, созерцаніе, представленіе этого единства и противурѣчія, равно какъ и соединенія противурѣчащихъ, заботливость объ этомъ соединеніи и трудъ духа побѣдить эту противуположность». Онъ признаетъ всю широту, съ которой религія водружается въ цѣломъ организмѣ человѣческаго духа. Она есть и остается для него «вознесеніемъ духа къ Богу», и именно въ чувствѣ, въ созерцаніи, въ фантазіи и въ мышленіи, потому что,—какъ онъ говоритъ,—«она въ субъективномъ смыслѣ такъ конкретна, что заключаетъ въ себѣ часть каждаго изъ этихъ моментовъ», и потомъ въ другомъ мѣстѣ какъ-бы полемизируя противъ самаго себя: «познаваніе можетъ быть одностороннимъ и къ религіи принадлежать существенно и болѣе всего—ощущеніе, созерцаніе и вѣра, равно какъ къ понятію о Богѣ принадлежитъ весьма многое, кромѣ мыслящаго и мысленнаго о немъ понятія».

Кажется, будто Гегель полемизируетъ противъ самаго себя. Дѣйствительно, какъ въ этикѣ живая свобода превращается въ разумъ, а хотѣніе — въ знаніе, такъ въ философіи религія *божественное превращается въ разумъ, а благочестіе въ знаніе*. Дѣйствительно, принципъ этой философіи религіи именно состоитъ въ томъ, чтобъ съ помощію познанія безусловно достигалась тѣ, что

въ мѣнѣ чистомъ и полномъ видѣ достигается съ помощію ощущенія, созерцанія и вѣры: именно, что Богъ абсолютенъ и по истинѣ «есть столько же его мыслящее сколько и мыслимое понятіе». Оппозиція противъ лишенаго всякой мысли богословія, безпрестанно утончаетъ это положеніе и сплавляетъ съ этимъ положеніемъ въ противоположность софистическаго, играющаго мыслями искусственнаго богословія Шлейермахера. Съ грубымъ непониманіемъ глубокихъ основаній послѣдняго то и другое богословіе соединены видѣтъ. Уже заранѣе образовалась у Гегеля противоположность Шлейермахеру. Субъективизмъ, характеризующій принципъ послѣдняго, принадлежалъ не менѣе цѣлому способу его мышленія, и составлялъ рѣзкой контрастъ Гегелеву направленію къ предметному и вещественному. Противуположность двухъ природъ обратилась въ антипатію, которая выражалась въ такихъ же несправедливыхъ нападкахъ, какъ нападки на Фриса.

Ничто, можетъ быть, такъ не уясняетъ этого отношенія, въ томъ видѣ какъ оно представлено самимъ Гегелемъ, съ большей точностію, какъ его же собственное изложеніе доказательствъ бытія Божія. Значеніе этимъ доказательствамъ заключается именно въ томъ, что они составляютъ какъ бы попытку подойти къ высочайшему предмету религіи съ помощію чисто-разсудочнаго дѣйствія, то есть, силлогизма.

Со времени Кантовой критики этихъ доказательствъ начали понимать, что такая попытка никогда не можетъ быть вполне удовлетворительна. Дѣйствительно, во всѣ времена кажущійся успѣхъ ея основывался на затѣнномъ и безсознательномъ смѣшеніи религіознаго чувства съ дѣломъ доказательства, по дополненіи силлогизма вѣрующимъ благочестіемъ. Въ томъ, что этому силлогизму много недоставало до настоящей полноты и самъ Гегель несомнѣнно былъ увѣренъ, подобно тому, какъ нѣкогда Кантъ и Якоби. Не съ помощію силлогизма, но съ помощію религіи можетъ быть доказано бытіе Бога, потому что религія есть не что другое, какъ «вознесеніе человѣческаго духа къ Богу». Но, и въ самомъ дѣлѣ, только для старой логики силлогизмъ считается высшею и полнѣйшею формою познанаго. Діалектика Гегеля, по своему внутреннему пониманію, есть болѣе глубокое, болѣе живое познаніе. Въ противоположность предмету религіи она проникнута специфически-религіознымъ мотивомъ, какъ въ логикѣ, по принципу, она вся проникнута историческими, чувственными мотивами, равно какъ

и мотивами созерцанія. Ошибку, которую прежняя философія бессознательно совершала, когда мечтала, что можетъ доказать существованіе Бога, Гегель совершаетъ сознательно и преднамѣренно. Не только онъ допускаетъ религію принимать участіе въ дѣйствіяхъ разсудка, но, онъ даже переноситъ на разсудокъ, энергію и права религіи. Истинное доказательство существованія Бога заключается въ томъ, что разсудокъ совершенно предается въ жертву религіозному вознесенію духа къ Богу, а движеніе мышленія подражаетъ движенію благочестія, стремясь по его слѣдамъ. Объ одномъ изъ Кантовыхъ доказательствъ въ главѣ объ антиноміяхъ, Гегель говоритъ, что оно содержитъ въ себѣ цѣлое гнѣздо ошибокъ. Не много скажемъ и мы, если повторимъ это же самое о его доказательствахъ относительно бытія Божія. Вознесеніе къ Богу,—такъ доказываетъ онъ,—заключается въ природѣ нашего духа: оно для него «необходимо». Вотъ почему не внѣшнимъ чѣмъ-нибудь доказывается эта необходимость; «она себя доказываетъ только чрезъ самое себя». Если мы станемъ «наблюдать» за ея собственнымъ процессомъ, то въ немъ самомъ найдемъ необходимость, пониманіе которой должно быть подкрѣплено доказательствомъ. Трудно встрѣтить болѣе рѣзкій переходъ отъ того, что необходимо для человѣческаго духа въ его религіозной дѣятельности, къ понятію о логической необходимости; отъ того, что для нашей души есть какъ-бы потребность къ необходимости познающаго доказательства. Тѣмъ не менѣе, однакожь, ошибка лежитъ еще глубже. Она заключается не столько въ переходѣ, сколько въ принципіальномъ смѣшеніи, *во взаимномъ обмѣнѣ религіозной и мыслящей дѣятельности. Коррелятумъ* къ непосредственному преобразованію въ конкретное съ помощію содержанія благочестивой души, есть только утонченіе этого содержанія до степени логическаго явленія.

Вознесеніе человѣческой души къ Богу есть само по себѣ доказательство бытія Божія, такъ какъ это возвышеніе, — по мнѣнію Гегеля — по своей внутренней сущности «есть только вознесеніе мысли въ царство мыслей». Хорошо еще, еслибъ философъ такъ же, какъ и здѣсь, возвращался повсюду къ живому процессу благочестивой души. Естественно, что его философія религіи въ болѣе спокойномъ направленіи держится скорѣе *теоретически уже приготовленной религіи.*

Древняя церковь не допускала мнѣнія, будто религиозная жизнь, въ своемъ истинномъ смыслѣ, есть мышленіе. Если она эту жизнь, которая въ ней кипѣла во всей силѣ и свѣжести, формулировала въ чисто-теоретическую, то, въ этомъ, она исполняла только единственную потребность, которая хотя и не можетъ быть отдѣляема отъ религіи, но ни въ какомъ случаѣ не тождественна съ нею, — потребность теоретическаго пониманія. Совершенно другое положеніе и способъ дѣйствія новѣйшаго философа. Религиозное содержаніе, какъ такое и по своей сущности, есть мышленіе. Но это мышленіе въ своей діалектически-разработанной глубинѣ и подвижности, какъ такое однородно, съ религиознымъ содержаніемъ и равно ему. Поэтому, онъ чувствуетъ себя въ возможности и въ правѣ спуститься, *при случаѣ*, съ этимъ мышленіемъ до самаго корня религиозной жизни. Но, еще ближе къ дѣйствию разсудка лежитъ содержаніе въ-рванія, уже примиренное съ мышленіемъ и переведенное какимъ бы то ни было путемъ въ разсудокъ. Въ послѣднемъ онъ замѣчаетъ не столько различіе между формой разсудка и вложенной въ нее жизнию, сколько несомвѣстность этой формы съ болѣе очищеннымъ и въ порядокъ приведеннымъ мышленіемъ.

Для Гегеля все дѣло заключается въ томъ, чтобы придать религіи совершенно рациональный характеръ. Но, этотъ рациональный характеръ долженъ заключаться не въ чемъ другомъ, какъ въ возведеніи показаній благочестиваго сознанія на одну линію съ новой логикой.

Изъ этого происходитъ, что самое бѣглое опредѣленіе, которое нашъ философъ даетъ религіи, заключается въ томъ, что она есть безусловная истина въ формѣ *представленія*, иногда только онъ къ этому прибавляетъ: въ формѣ созерцація и чувства. И здѣсь повторяется то явленіе, которое мы уже встрѣчали въ логикѣ. Какъ въ послѣдней спиритуализмъ и реализмъ, такъ въ философіи религіи религія и рационализмъ находятся между собою въ борьбѣ. Едва только прекратившійся тамъ способъ дѣйствія, выступаетъ здѣсь въ большей силѣ. Какъ тамъ должна была образоваться система «чистаго мышленія», такъ здѣсь должна была сложиться система чистаго рационализма.

Но, если это чистое мышленіе питалось кровью и жизнью дѣйствительности, то этотъ рационализмъ питается матеріаломъ религиознаго представленія. Впрочемъ, новый трудъ гораздо повер-

жеститѣ перваго. Только чрезъ высшее заостреніе отвлеченности, соединенной съ глубочайшимъ погруженіемъ въ дѣйствительность, могла быть осуществлена эта система чистаго и вѣстѣ полнаго дѣйствительности, ничего не предполагающаго и предполагающаго цѣлую дѣйствительность мышленія. Съ помощію гораздо болѣе простаго приѣма эта философія возводитъ религиозное представленіе и созерцаніе въ призракъ чисто рациональнаго.

Она заранѣе *предполагаетъ* возможность уравниенія живаго и разсудочнаго. Большею частію она не доходитъ до религиозной жизни, но останавливается только на религиозномъ представленіи. Она опирается столько же на логику уже готовую, сколько и на психологію, выработанную въ духѣ этой логики. Какъ эта психологія изглаживала всякое специфическое различіе между хотѣніемъ и мышленіемъ, такъ изглаживаетъ она и различіе между созерцаніемъ, чувствомъ и представленіемъ съ одной стороны и мышленіемъ съ другой стороны. Сами собой первыя стремятся къ послѣднему. Поэтому, дѣло идетъ о томъ, чтобъ пересадить религію съ *почвы представленія на почву понятія*. Въ сферѣ мышленія религиозное сознаніе понимаетъ себя въ своемъ понятіи. *Только формой* отличается у Гегеля религія отъ философіи. На основаніи сначала въ логикѣ совершеннаго понинденія, распространеннаго еще далѣе въ психологіи, которое эта философія совершила въ сферѣ жизни, она считаетъ себя въ ученіи о религіи уполномоченною къ самымъ крайнимъ мѣрамъ и къ самой краткой мѣрѣ процесса.

Именно то, что въ религиозномъ представленіи есть специфически-религиознаго, провозглашается теперь, какъ самая бѣдная и не удовлетворительная *форма истины*: уничтожить ее и перемѣнить на форму понятія, составляетъ единственную задачу философіи, которая, впрочемъ, находится въ полномъ согласіи съ религіей относительно *содержанія*. Возвратъ изъ сферы отвлеченнаго въ сферу конкретнаго и живаго было общимъ стремленіемъ науки послѣ Канта.

Въ этомъ общемъ стремленіи встрѣтились между собою Гегель и Шлейермахеръ. Они встрѣтились только для того, чтобъ идти діаметрально противоположнымъ путемъ. Одаренные одинаковою пронипательностію и одинаковымъ глубокомысліемъ, совершенно похожіе одинъ на другаго силой отвлеченія и равнымъ пониманіемъ всего живаго, они отличались другъ отъ друга направленіемъ

емъ, съ помощію котораго оба проникли въ глубину жизни, и способомъ выразить и представить ее въ твердыхъ формахъ. Какъ Гегель стремился перевести объективный міръ въ пластическую систему понятія, такъ Шлейермахеръ старался, съ помощію живой діалектики, не столько изслѣдовать внутренній міръ души, сколько постоянно представлять его въ картинахъ настоящаго. Поэтому, бессмертнымъ произведеніемъ Гегеля была его логика; славу же Шлейермахера составляетъ менѣе его догматика, нежели его «бесѣды о религіи». Философія религіи Гегеля есть только поверхностное послѣдствіе логики; діалектика Шлейермахера есть не что иное, какъ неудавшаяся попытка — вывести за предѣлы внутренняго міра артистическое поясненіе фактовъ благочестиваго сознанія. Поэтому, оба мыслителя стоятъ въ непримиримомъ положеніи другъ противъ друга, въ томъ, что касается ихъ способа изложенія религіи. Пробуждать религію въ людяхъ, вотъ цѣль, которую имѣлъ въ виду творецъ бесѣдъ о религіи. По мнѣнію Гегеля назначеніе философіи ни мало не заключается въ томъ, чтобъ возбуждать людей къ религіи, но единственно и исключительно въ томъ, чтобъ «познавать ту религію, которая уже существуетъ». Первый возвращается отъ формы представленія религіи къ ея живому источнику, къ возбужденію силы религіи въ живомъ человѣкѣ; все главное значеніе онъ полагаетъ въ специфической формѣ религіи. Напротивъ второй оставляетъ на заднемъ планѣ живую, религіозную силу; онъ полагаетъ весь акцентъ на то, что называетъ *созерцаніемъ* религіи, и возвышаетъ ея, т. е. форму представленія: богословскій догматъ — въ философскій. О Шлейермахерѣ говорили, что онъ расплавилъ непонятныя для сознанія тогдашняго времени формы религіи, подобно тому какъ это дѣлаютъ съ старыми золотыми сосудами, и чрезъ то доставилъ ихъ чистому достоинству новую цѣну (113). О Гегелѣ можно сказать, что онъ развѣ нѣсколько иначе украсилъ этотъ сосудъ, кое-гдѣ измѣнилъ его формы и поставилъ его среди чуждыхъ ему прежде предметовъ.

Послѣ всего этого не трудно понять въ чемъ заключается весь *итогъ Гегелевой философіи религии*. Содержаніе христіанской религіи, какъ высшей степени развитія религіи вообще, совпадаетъ вполне съ содержаніемъ истинной философіи. Отличительная черта христіанской религіи заключается, по Гегелю, въ томъ, что въ ней существо Божіе опредѣляется какъ вѣчная любовь, или,—пе-

реводя этотъ способъ выраженія нашего ощущенія въ понятіе, — какъ духъ. Ставя это сравненіе во главу своей философіи религіи, Гегель даетъ намъ возможность еще одинъ разъ бросить обратный взглядъ на первоначальное зарожденіе основнаго опредѣленія его системы (114). И онъ безпрестанно подкрѣпляетъ это сравненіе. Откровенная религія, какъ такая, есть религія духа. Духу свойственно проявляться; это его дѣяніе и его жизнь, это его единственное дѣяніе, и онъ самъ есть свое дѣяніе. Въ этомъ заключается содержаніе христіанской религіи. Она содержитъ въ себѣ опредѣленіе субъективности, или безконечной формы, которая равна субстанціи. Вся философія есть не что иное, какъ доказательство изложенія истины, около которой вращается все христіанство, той истины, что Богъ есть любовь, духъ, субстанція. Специфическая задача философіи религіи состоитъ въ томъ, что она въ одинъ простой итогъ и въ одну высшую точку соединитъ все истинное, доказываемое во всей остальной философіи. Въ отношеніи къ цѣлой системѣ она имѣетъ то же значеніе, какое глава абсолютной идеи въ отношеніи къ логикѣ. Какъ логика и метафизика превращаютъ всякую дѣйствительность въ продолжительное движеніе мыслей, которое должно, наконецъ, превратится въ конкретное, и, слѣдовательно, въ такую же систему мыслей; такъ философія религіи превращаетъ конкретно-религіозный процессъ души, въ процессъ знанія, долженствующій вторично сдѣлаться конкретнымъ, на самомъ же дѣлѣ, онъ превращается только въ абстрактный процессъ. Поэтому, что въ душевномъ процессѣ проявляется, какъ отношеніе живаго человѣка къ живому Богу, то самое въ Гегелевой философіи религіи формулируется въ отношеніи взаимнаго знанія человѣческаго духа объ абсолютномъ духѣ, а абсолютнаго духа о человѣческомъ духѣ. Въ этомъ формулированіи религіозныхъ дѣяній и религіознаго содержанія дѣйствительно сохраненъ по виду, — какъ и въ другихъ частяхъ Гегелевой философіи, — специфически-религіозный элементъ, но въ сущности онъ превращенъ въ тѣнь. Эта философія считаетъ торжествомъ своего пантологичекаго характера — обозначать религіозное отношеніе прямо логическимъ выраженіемъ, какъ безусловное заключеніе: и впоследствии раскрывать въ трехъ заключеніяхъ единственное заключеніе безусловнаго примиренія духа съ самимъ собою, призывая къ содержанію христіанской догматики.

Нѣтъ никакой необходимости въ доказательствахъ, чтобы ви-

дѣть, какъ, съ помощію этого способа, религія лишается своего главнаго содержанія, и благочестивая душа обманывается въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ. Но поучительнѣе всего то, что недостаточность этого возведенія религіи въ чисто логическое становится ясной для самаго Гегеля, и философія религіи какъ бы сама признается въ своемъ заблужденіи. Цѣлая бездна лежала между ей, мнимо заключающей въ себѣ всю дѣйствительность, и дѣйствительностью. Совершенно такая же бездна лежала между званіемъ духа о духѣ, мнимо въ себѣ заключающемъ все религіозное, и религіей, какъ такой. Такая же бездна представляется при переходѣ изъ логики въ философію природы: такую же бездну можно замѣтить отчасти внутри, отчасти въ заключеніи о философіи религіи.

Отчасти она замѣтна при переходѣ Гегеля отъ теоретической къ практической сторонѣ религіи, то есть къ понятію объ *обрядѣ* (культѣ) (115). Но, въ обрядѣ совершенно иначе, чѣмъ въ догматахъ, конкретная сущность религіи, такъ сказать, связывается, вмѣстѣ съ ея субъективной жизнью. Этого явленія не можетъ оставить безъ вниманія и нашъ философъ. Что дѣлаетъ онъ? послѣ того какъ онъ уже призналъ религію за «знаміе» абсолютнаго духа о самомъ себѣ при посредничествѣ конечнаго духа, послѣ того, какъ онъ въ точныхъ словахъ высказалъ, что религія въ высочайшей своей идеи не есть дѣло человѣка, но, по своей сущности, есть высочайшее опредѣленіе абсолютнаго, ему ничего другаго не остается, какъ дать дополнительное мѣсто обряду, подобное тому, какое природѣ было дано въ концѣ логики. Рядомъ съ самимъ въ себѣ сущимъ, въ знаніи абсолютнаго о себѣ безусловно совершающимся примиреніемъ, точно такое же самое примиреніе должно теперь совершиться практически и конкретно, какъ самимъ человѣкомъ совершенная дѣятельность уничтоженія этого несогласія, должны «свобода и субъективное» получить еще болѣе опредѣленное внутреннее значеніе. Но, развѣ уже и прежде теоретическое отношеніе духа къ абсолютному не было опредѣлено въ смыслѣ конкретнаго отношенія, и развѣ субъективная сторона не была уже и прежде со всей опредѣленностью указана въ человѣкѣ въ сферѣ знанія абсолютнаго о себѣ? Какое бѣдное вспомогательное средство различія видимъ мы въ словахъ, что «теоретическое сознаніе конкретно только въ себѣ, но не для субъекта». Какое достоинство для философа заключается въ этомъ разли-

чим, ясно видно изъ того, что онъ почти въ сторонѣ оставляетъ обрядъ въ своемъ объясненіи христіанской религіи. Даже еще болѣе: религіозный обрядъ излагается въ философіи религіи вообще только для того, чтобъ потерять въ концѣ всякое значеніе. Отчасти онъ подвергается той же участи, какую испытываетъ религіозное представленіе. Въ послѣднемъ же или въ вѣрованіи, которое какъ такое, само должно принадлежать къ обряду, религіозный обрядъ разрѣшается прежде всего въ *теоретическую исторію*. Философія, такъ формулируется Гегелемъ отношеніе ея къ религіи, дѣлаетъ предметомъ мысли то, что субъектъ, какъ такой, чувствуетъ; она «предоставляетъ ему самому сдѣлаться съ своимъ чувствомъ». Религіозное содержаніе, по сущности своей, есть мысль и для мысли; можно считать совершенной случайностію, если къ этому «присоединится» сила воображенія, или созерцанія, если упоминаемое содержаніе «войдетъ» въ ощущеніе, или, какъ часто употребляется въ синонимномъ оборотѣ, въ содержаніе, принадлежавшее совершенно другой почвѣ, будетъ «переведено въ форму чувства». Наконецъ, достойное замѣчанія признаніе въ концѣ философско религіозныхъ лекцій обнаруживаетъ этотъ *натусъ* еще въ болѣе полномъ свѣтѣ. Что эти лекціи оканчиваются «не въ тонъ», мы узнаемъ изъ нихъ самихъ же. Разсѣлина, которая существуетъ между отдѣльными частями, существуетъ также и въ цѣломъ. Какъ мышленіе относится къ чувству, такъ классъ «знающихъ» относится къ классу «вѣрующихъ». Философія, какъ сказано, есть настолько «совершенно отдѣльное святилище, и ея служители образуютъ объединенный классъ жрецовъ, который не долженъ идти вмѣстѣ съ міромъ и назначеніе котораго охранять область истины. Объяснить, какъ временно эмпирическая современность исторгаетъ себя изъ своихъ же собственныхъ несогласій, это предоставляется ей самой, и не составляетъ непосредственно практическаго дѣла и назначенія философіи».

Перев. съ нѣм. П. СОЛАННИКОВЪ.

III.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛѢТІЯ.

Hettner, Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts. 1-ster Theil.
Die Englische Literatur von 1660—1770. Braunschweig, 1856.

Buckle, Geschichte der Civilisation in England, übersetzt von A.
Ruge. 1-ster Band, 1-ste Abtheilung. Leipzig und Heidelberg,
1860.

Schärer, John Locke. Seine Verstandestheorie und seine Lehren
über Religion, Staat und Erziehung. Psychologisch - historisch
dargestellt. Leipzig, 1860.

Не легкое и не совсѣмъ маловажное дѣло — удачно прибрать эпиграфъ. Геттнеръ эпиграфомъ выбралъ слѣдующія слова одного изъ величайшихъ мужей XVIII столѣтія, Канта: «еслибъ теперь спросили — живемъ-ли мы въ *просвѣщенномъ* вѣкѣ? — то слѣдовало-бы отвѣтить: нѣтъ, однакоже въ вѣкѣ, *устремившемся къ просвѣщенію* (*). Этими словами уже достаточно опредѣляется значеніе XVIII столѣтія и степень его заслуги. Главные его подвиги заключаются въ литературѣ, и несправедливы тѣ, которые не хо-

(*) Я не въ состояніи точнѣе перевести слова: «wenn denn nun gefragt wird: leben wir jetzt in einem aufgeklärten Zeitalter? so ist die Antwort: Nein; wohl aber in einem Zeitalter der Aufklärung».

тять воздать имъ должнаго, потому, что тутъ были не только *подвиги*, но и заблужденія. Несправедливо, что за ошибки и заблужденія этой эпохи призываютъ къ суду только ее, а не слагаютъ, какъ слѣдовало-бы при исторической точкѣ зрѣнія, половину отвѣтственности на столѣтія предыдущія. Книга Геттнера составляетъ прекрасное явленіе по тому строго-ученому безпристрастію, съ какимъ обсуживаются въ ней и заслуги, и умственные проступки XVIII столѣтія — (въ оцѣнкѣ заслугъ Геттнеръ, сколько мнѣ кажется, превосходитъ Шлоссера ^(*))—но въ ней есть коренной недостатокъ — тотъ, что она мало обращаетъ вниманія на связь XVIII столѣтія съ предшествующими эпохами.

Совершенно противное видимъ мы въ книгѣ Бёкля. Поставивъ себѣ задачу—изложить исторію англійской цивилизаци и притомъ преимущественно въ XVII и XVIII вѣкахъ, онъ находитъ нужнымъ предварительно разсмотрѣть коренныя особенности европейской цивилизаци вообще. Вышедшій въ настоящее время на нѣмецкомъ языкѣ первый томъ составляетъ собственно только введение, въ которомъ и разсматриваются эти коренныя особенности, а вслѣдъ за тѣмъ характеризуется въ общихъ чертахъ умственное состояніе среднихъ вѣковъ и ходъ англійской цивилизаци XVII и XVIII в. Такъ какъ для болѣе полнаго ознакомленія съ XVIII в. необходимо знать мѣсто, занимаемое имъ въ ходѣ европейской цивилизаци, то я и нахожу нужнымъ обратить вниманіе на первую половину введенія Бёкля, при чемъ позволю себѣ нѣкоторыя возраженія.

Коренная особенность историческаго развитія Европы полагается у Бёкля въ томъ, что въ Европѣ природа подчинилась человѣку, а внѣ ея наоборотъ человѣкъ подчинился природѣ (стр. 129). «Если такимъ образомъ, заключаетъ Бёкль, мѣроу цивилизаци служить торжество духа надъ внѣшнимъ міромъ, то становится яснымъ, что для успѣховъ человѣчества законы духовные важнѣе законовъ физическихъ» (стр. 133). А законы духовные и вмѣстѣ съ ними духовный успѣхъ—двойки. «Никакой народъ, говоритъ Бёкль, не можетъ дѣйствительно подвигаться впередъ, если съ одной стороны развивающаяся дѣятельность его ума будетъ сопряжаться умножающимися пороками, или, съ другой стороны, если онъ, хотя и будетъ становиться добродѣтельнѣе, но сдѣ-

(*) *Schlosser, Geschichte des XVIII Jahrhunderts.*

лается въ то-же время невѣжественнѣе. Этотъ двойной успѣхъ, нравственный и умственный, существеннымъ образомъ входитъ въ понятіе о цивилизаціи и обнимаетъ собою весь духовный успѣхъ. Въ томъ, что мы хотимъ исполнять свои обязанности, состоитъ сторона нравственная; въ томъ, что мы знаемъ, какимъ образомъ ихъ выполнить, состоитъ сторона умственная» (стр. 149).

Хотя въ этихъ словахъ обѣ стороны представляются одинаково важными, даѣе въ своей книгѣ Бёклъ старается доказать, что нравственное начало имѣетъ самое незначительное вліяніе на успѣхъ образованности, и что человѣчество обязано этимъ успѣхомъ исключительно умственному развитію. Свое доказательство основываетъ онъ на томъ, что «въ мірѣ нѣтъ ничего, что бы такъ мало подвергалось измѣненіямъ, какъ великіе принципы, образующіе нравственныя системы» (стр. 153). Оно совершенно понятно: нравственныя начала составляютъ внутреннее единство человѣчества. Но это единство ни мало не исключаетъ видоизмѣненій. «Не вреди не только себѣ, но и ближнему» — вотъ самое простое, повсемѣстно—неизмѣнное нравственное начало. Между-тѣмъ, понятія о томъ, что вредно, могутъ быть различны по различію временъ и мѣстъ. Вотъ на эти-то понятія производитъ вліяніе умственное развитіе народа, а чрезъ нихъ оно дѣйствуетъ на народную нравственность, все болѣе и болѣе очищая и возвышая ее. И такъ, вмѣсто того, чтобъ въ единствѣ нравственныхъ началъ ошибочно видѣть ихъ неподвижность, вѣрнѣе было-бы сказать, что въ нихъ можетъ быть замѣтенъ успѣхъ только при развитіи умственномъ, которое главнымъ образомъ дѣйствуетъ на общественную жизнь всетаки чрезъ посредство этихъ, озаряемыхъ его свѣтомъ, началъ нравственныхъ.

Въ подтвержденіе своей мысли Бёклъ, при помощи фактическихъ доказательствъ, приписываетъ уничтоженіе одного изъ величайшихъ золъ, нетерпимости, и ослабленіе другаго, не меньшаго — обычая вести войну—умственному развитію, а не нравственному чувству. По его справедливому замѣчанію, въ числѣ самыхъ фанатическихъ представителей нетерпимости и самыхъ ревностныхъ доборниковъ войны, встрѣчались очень часто въ высшей степени нравственные люди. Но для большей точности слѣдовало-бы сказать: «нравственные, по понятіямъ своего времени». Приверженецъ инквизиціи жегъ такъ называемыхъ еретиковъ—въ твердой увѣренности, что это было не только не вредно, но даже полезно,

такъ какъ, считая свои вѣрованія единственнымъ средствомъ къ спасенію, онъ приневоливаніемъ къ нимъ думалъ спастись людямъ. И если, послѣ длиннаго ряда успѣховъ умственныхъ, люди наконецъ исцѣлились отъ нетерпимости, то не потому только, что *поняли ея нельпость*, но и потому, что *почувствоовали ея безнравственностъ*. Подъ вліяніемъ просвѣтившихся понятій, насильственное навязываніе ближнему своихъ вѣрованій стало почитаться вредомъ для ближняго и удовлетвореніемъ на его счетъ своего духовнаго эгоизма.

Идея терпимости ни чуть не была самостоятельнымъ созданіемъ умственнаго развитія XVIII столѣтія, подобно тому, какъ мысль о прекращеніи войнъ ни сколько не есть созданіе нашего столѣтія. И нетерпимостъ, и войны были давно уже осуждены тѣмъ божественнымъ ученіемъ любви, которое въ то-же время осудило и рабство, и возмутительное разстояніе между богачемъ и бѣднымъ, и всякаго рода привилегированностъ даже до самаго слова «учитель». И если для того, чтобы это ученіе стало дѣйствительно овладѣвать обществомъ, наукѣ нужно было, въ продолженіе столькихъ вѣковъ доработавшись до простыхъ его истинъ, стать передъ умомъ истолковательницей ихъ практической пользы, то съ другой стороны для того, чтобы это ученіе окончательно овладѣло людьми, оно должно, чрезъ посредство ума, быть проведено въ ихъ нравственное чувство. Пока этого не будетъ, придется видѣть, какъ и теперь, въ самой благоустроенной при помощи всѣхъ открытій науки и самой независимой странѣ міра, рядомъ съ жизненными привилегіями богатства, порабощенное состояніе нищеты; придется видѣть въ другой странѣ, также воспользовавшейся открытіями науки, которыя, по мнѣнію Бокля, важнѣе и благодѣтельнѣе, чѣмъ нравственныя начала, придется видѣть, какъ въ этой странѣ люди, пользующіеся полноправіемъ демократіи, держать цѣлую расу людей въ состояніи животныхъ. Пока этого не будетъ, все еще придется видѣть продолжающуюся и въ наши дни инквизицію нравственную—озлобленное преслѣдованіе насмѣшками, ругательствами и наконецъ клеветами всякое мнѣніе, несогласное съ нашимъ мнѣніемъ. Пока этого не будетъ, хотя-бы и удалось наконецъ прекратить всѣ войны, все еще будетъ продолжаться война, основанная на томъ, чтобы пересилить хитростью, чтобы лучше другихъ сѣумѣть, ловко пуская въ глаза нарядную пыль гуманности, удовлетворить, подъ ея предлогомъ,

на счетъ человѣческихъ правъ и человѣческаго достоинства, какимъ нибудь чувственнымъ выгодамъ своего края—война дипломатіи, въ своемъ родѣ безнравственная. Да, если умственное развитіе служить горниломъ очищенія для нравственныхъ началъ, то въ свою очередь оно должно перейти въ эти начала, такъ сказать—перелиться въ нихъ, должно изъ мысли сдѣлаться чувствомъ, изъ пониманія человечества сдѣлаться любовью къ человечеству, чтобы дѣйствительно облагодѣтельствовать людей.

Превосходно доказываетъ Бёкль, что при невѣжествѣ невозможна чистота и разумность религіи. «Впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ по утвержденіи своемъ въ Европѣ, говоритъ онъ, христіанство не могло принести своего естественнаго плода, потому что было принято народами, которые по невѣжеству были расположены къ суевѣрію и вслѣдствіе этого исказили ученіе, къ принятію коего въ первоначальной его чистотѣ они не были вовсе способны» (стр. 225). Я полагаю, что существенная задача европейской цивилизаціи именно и состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать наконецъ народы способными къ уразумѣнію первоначальной чистоты этого ученія, гуманныя и либеральныя начала котораго и теперь еще далеко не усвоены нами. Во всей европейской исторіи являются дѣйствующими два великихъ начала: христіанство, какъ неисчерпаемая сокровищница нравственныхъ благъ, и образованность, вынимающая благо за благомъ изъ этой сокровищницы, обязанная развивать ихъ и проводить во всѣ способности человѣка, во всѣ сферы человѣческой дѣятельности, во всѣ слои человѣческаго общества; образованность, всѣ благодѣтельныя открытія которой, составляющія, по мнѣнію Бёкля, величайшее и чуть-ли не единственно прочное благо для человечества, важны только какъ средства для легчайшаго достиженія великой цѣли—водворенія на землѣ христіанскаго духа любви и свободы.

Подъ влияніемъ тѣхъ невѣжественныхъ народовъ, о которыхъ говоритъ Бёкль, на христіанство, впродолженіе среднихъ вѣковъ, ложились на западѣ, за слоемъ слой, суевѣрія, такъ что съ трудомъ можно было отыскать его слѣдъ въ томъ сгустившемся мракѣ, который такъ превосходно характеризуемъ Бёклемъ въ 6-й главѣ (стр. 249—286). Образованность, двинувшаяся быстрыми шагами со времени возрожденія наукъ, стала снимать одинъ за другимъ эти накопившіеся слои, пока наконецъ XVIII в., этотъ «величайшій и умнѣйшій изъ всѣхъ вѣковъ», по словамъ Бёкли-

скаго, (томъ VII, стр. 170) снятіемъ послѣдняго слоя окончательно не вывелъ на свѣтъ идеи терпимости, независимости и гуманности. Что удивительнаго, если, утомленный тѣмъ тяжелымъ трудомъ, какого стоило ему снятіе этого послѣдняго слоя, онъ въ пылу радостнаго увлеченія тѣмъ, что только *нашелъ*, принялъ свою находку за собственное созданіе. Что удивительнаго, если, съ другой стороны, озлобленный грубымъ противодѣйствіемъ отживающаго духа среднихъ вѣковъ, онъ, какъ-бы на зло его фанатически-ложной духовности, ударился въ матеріализмъ и былъ приведенъ имъ къ тому, что прямо противорѣчило господствующей въ немъ самой идеѣ гуманности, — былъ приведенъ къ эгоистической теоріи исключительной личности. Что удивительнаго наконецъ, ежели, въ пылу самолюбиваго увлеченія, онъ вообразилъ, что уже все и достигнуто и человѣчеству осталось только наслаждаться добытымъ счастіемъ, между-тѣмъ-какъ было только положено прочное начало дѣлу, предоставленному на долю нашего вѣка и будущихъ, дѣлу, которое должно состоять въ окончательномъ утвержденіи христіанской гуманности не только въ сферѣ семейной и сферѣ общественной, куда она хотя сколько нибудь проникла, но и въ сферѣ политики, гдѣ до-сихъ-поръ ея не замѣтно. Многого-ли удастся достигнуть въ этомъ отношеніи нашему вѣку, еще невозможно сказать; но объ XVIII вѣкѣ справедливость заставляетъ замѣтить, что при всѣхъ своихъ уклоненіяхъ, онъ тѣмъ не менѣе сослужилъ христіанству усердную, хотя и часто не сознаваемую людьми этого вѣка службу.

Всѣ основныя идеи XVIII столѣтія были, какъ доказываютъ и Геттнеръ и Бѣклъ, первоначально выработаны въ Англіи, а французской литературѣ принадлежитъ только ихъ дальнѣйшее развитіе, популярное изложеніе и распространеніе по всему образованному міру. «Французская литература, говоритъ Маколей въ отрывкѣ, цитуемомъ Геттнеромъ, сдѣлалась для англійской тѣмъ-же, чѣмъ Ааронъ былъ для Моисея; великія открытія въ физикѣ, метафизикѣ и правовѣдѣніи принадлежатъ Англичанамъ, но не кто другой, какъ Французы, непосредственно приняли ихъ отъ Англичанъ;—Англія была слишкомъ уединена своимъ положеніемъ и своими обычаями; Франція сдѣлалась толмачемъ между Англіей и человѣчествомъ» (т. I, стр. 4).

Но есть существенное, внутреннее различіе между англійскою и французскою литературами XVIII столѣтія: въ первой рѣши-

тельно преобладаетъ деизмъ и замѣтны только сравнительно-небольшіе зародыши матеріализма; напротивъ въ послѣдней, на ряду съ деизмомъ, развивается и достигаетъ самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ матеріализмъ, и уже подъ вліяніемъ французскихъ матеріалистовъ, не ранѣе какъ къ концу столѣтія, возникаютъ собственные представители англійскаго матеріализма. И такъ, въ области философіи сперва французская литература подверглась вліянію англійской, а потомъ въ свою очередь англійская подверглась — хотя и не столь сильному, но всетаки значительному вліянію французской литературы. Наоборотъ было въ области изящной словесности: тамъ сперва Англичане находятся подъ вліяніемъ французскаго классицизма (при Карлѣ II и даже нѣсколько позже), а потомъ Французы начинаютъ подражать нравоописательному роману и трагедіи Англичанъ.

Философія играетъ главную роль въ литературѣ XVIII столѣтія. Указавъ на различныя проявленія ея въ Англии и Франціи, Геттнеръ не вникаетъ въ причину различія. Она кроется, если не ошибаюсь, въ предшествовавшей судьбѣ англійскаго и французскаго народа. Первое начало умственнаго движенія, которымъ ознаменовался XVIII вѣкъ, кроется еще въ великомъ явленіи XVI в.—протестантизмѣ. Хотя Бёкль и считаетъ ошибочнымъ—всю новѣйшую образованность приписывать вліянію протестантизма, который, по вѣрному его замѣчанію, самъ былъ плодомъ образованности (стр. 226), тѣмъ не менѣе протестантизмъ составляетъ одно изъ могущественнѣйшихъ по своему вліянію проявленій великаго двигателя новой образованности — *сомнѣнія*, «самое имя котораго, по замѣчанію Бёкля, отвратительно для людей невѣжественныхъ, потому что сомнѣніе нарушаетъ гнилое и самодовольное спокойствіе ихъ души, тревожа милья имъ суетвѣрія, предписывая имъ тяжелый трудъ умственнаго анализа и возбуждая и въ самыхъ лѣнливыхъ умахъ вопросъ, дѣйствительно-ли вѣрно все то, чему они уже съ дѣтства привыкли вѣрить?» (стр. 289). «Таково уже несовершенство нашей природы, что самый законъ ея прогресса насъ заставляетъ пройти черезъ эти кризисы скептицизма и нравственнаго страданія, которые кажутся обыкновенному глазу состояніемъ упадка и безчестія націй, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они составляютъ только огонь, сквозь который должно пройти золото, чтобы выйти очищеннымъ изъ горнила» (стр. 309). Вотъ это-то начало сомнѣнія, какъ силы, ис-

пытующей истину, было допущено протестантизмомъ въ сѣеру религіи. И хотя впоследствии, какъ извѣстно, онъ вздумалъ сказать испытующему разуму: стой! — все таки онъ остался неоцѣнимо важенъ, какъ первый толчекъ, отъ силы котораго человѣчество быстро устремилось впередъ по путямъ независимаго мышленія. Благодаря протестантской пытливости, если съ одной стороны было отвергнуто многое средневѣковое, то съ другой было ясно сознано и навсегда усвоено человѣчествомъ многое истинно-христіанское. Послѣ этого, мнѣ кажется, должно сдѣлаться яснымъ, что Англія спаслась отъ преобладанія матеріалистическихъ возрѣній благодаря протестантизму, хотя онъ и является въ ней значительно извратившимся; а Франція кинулась въ объятія матеріализма потому, что находилась до тѣхъ поръ подъ одуряющимъ вліяніемъ папскаго абсолютизма (*). Реформація, давъ каждому въ руки слово Божіе съ правомъ самостоятельно мыслить о немъ, проложила тѣмъ самымъ путь къ образованію религіозныхъ убѣжденій. Напротивъ, церковный абсолютизмъ Рима, одержимый умобоязнью, предоставлялъ мышленіе о предметахъ религіи однимъ духовнымъ, а всему остальному люду сообщалъ только готовыя формулы, которыя надобно было принимать на вѣру и носить въ памяти, какъ талисманъ, отверзающій двери рая. Такое святотатственное злоупотребленіе религіею должно было наконецъ вооружить людей противъ самого этого слова. Для многихъ въ католическомъ мірѣ высокое имя—христіанинъ—сдѣлалось рѣшительно синонимомъ фанатика и обскуранта, а тѣ аскетическія изобрѣтенія и тотъ чудовищный мистицизмъ, въ которые переродилось проповѣдуемое евангеліемъ торжество духа надъ матеріею, уронили во мнѣніи человѣчества духовную жизнь, какъ начало темнаго деспотизма, и довели людей до того, что они обѣими руками схватились за матеріализмъ, какъ-бы за знамя свободы и свѣта!

Если и въ Англіи мы видимъ еще и до французскаго вліянія нѣкоторые зародыши матеріализма, то и это, мнѣ кажется, можетъ быть объяснено тѣмъ, что протестантизмъ принялъ въ Англіи нѣсколько католическое направленіе. Геттнеръ указываетъ на эту особенность англійскаго протестантизма, говоря: «въ Англіи реформація съ самаго начала была жалкою полумѣрою—не очищеніемъ внутренней религіозности, а только перенесеніемъ церковнаго вер-

(*) См. *Bungener, Voltaire et son temps, Paris, 1851, tome I, p. 175—179.*

ховно-начальства съ папы на короля» (стр. 30). Впрочемъ и англійскій протестантизмъ всетаки долженъ былъ способствовать «очищенію внутренней религіозности». Доказательствомъ тому служить фактъ, находящійся у Бёкля, — а именно возможность такихъ духовныхъ писателей, какъ Гюокеръ и Левель, цитаты изъ коихъ, приводимые Бёклемъ, прямо показываютъ, что они всё религіозные вопросы рѣшали разумомъ (стр. 294—296). Тѣмъ не менѣе, англійскій протестантизмъ былъ собственно только полумѣрой, а потому и не могъ принести окончательной пользы. Полумѣры дурны всегда и во всемъ, и напрасно нѣкоторые смѣшиваютъ ихъ съ тѣмъ, что называется *серединой*. Чтобы нагляднѣе разграничить эти понятія, я позволю себѣ привести примѣръ. Еслибъ какой нибудь общественный дѣятель, взявшійся освободить народъ отъ господствующихъ въ немъ суевѣрій, остановился на половинѣ дороги, т.-е. уничтоживъ одни суевѣрія, оставилъ народу другія, онъ-бы поступилъ или глупо, или неблагородно; но еслибъ онъ, видя съ одной стороны существованіе суевѣрій, съ другой — совершенное отсутствіе всякихъ принциповъ, съумѣлъ сохранить середину между этими крайностями, т.-е. отбросивъ всё суевѣрія, старался удержать принципы, то онъ-бы поступилъ въ высшей степени благородно и благо разумно.

Протестантизмъ нѣкоторымъ образомъ именно и составляетъ середину между отсутствіемъ суевѣрій и существованіемъ принциповъ; потому-то тамъ, гдѣ онъ существуетъ въ настоящемъ своемъ смыслѣ, не замѣтно того, что было во Франціи, гдѣ человѣчество отъ безгласнаго подчиненія авторитету перешло къ материалистической теоріи исключительнаго развитія личности; незамѣтно и того, что было въ Англіи, гдѣ, хотя и съ меньшимъ увлеченіемъ и только въ лицѣ немногихъ, также былъ совершенъ этотъ переходъ — именно потому, что протестантизмъ, это *ученіе середины*, утвердился въ Англіи только *на половину*. Половинность англійскаго протестантизма доказывается еще нравственнымъ педантизмомъ и аскетическими наклонностями Пуританъ. Еслибы вмѣсто этого до половины уцѣлѣвшаго въ Пуританахъ проявленія католическихъ суевѣрій, утвердилась въ Англіи настоящая протестантская середина, состоящая, какъ мы видѣли, въ отверженіи нравственныхъ суевѣрій и въ сохраненіи нравственныхъ принциповъ, то не было-бы тѣхъ вакханалій, которыми при Карлѣ II думали вознаградить себя за весь монашескій ригоризмъ временъ пур-

танскаго господства. Еслибъ, вмѣсто пуританскаго преслѣдованія шекспировой драмы и театра вообще, было протестантское уваженіе къ первому и допущеніе втораго, то англійская литература не была-бы запятнана тѣми невообразимо-безнравственными комедіями вѣка Карла II, о которыхъ, не смотря на всегдашнюю умѣренность своихъ приговоровъ, съ такимъ отвращеніемъ говоритъ Геттнеръ (стр. 97—112). Нашъ авторъ приводитъ по поводу этого литературнаго направленія слѣдующія слова Маколея: «война остроумія съ пуританствомъ обратилась въ войну остроумія съ нравственностью». «Пуритане выставили на показъ какую-то пародію на добродѣтель; теперь ненависть не щадила уже и самой добродѣтели. Все, на что съ уваженіемъ смотрѣлъ Пуританинъ, стало посмѣшищемъ; все, чего онъ чуждался, теперь поощрялось. Вслѣдствіе того, что онъ прикрывалъ свои погрѣшности личиною благочестія, люди почувствовали теперь смѣлость—съ самымъ безстыднымъ цинизмомъ совать въ глаза свѣту самые возмутительные пороки; вслѣдствіе того, что Пуританинъ наказывалъ съ грубою строгостію за непозволенную любовь, теперь стали осмѣивать и презирать дѣвственную чистоту и супружескую вѣрность; вслѣдствіе того, что съ его языка не сходили библейскія выраженія, новое поколѣніе остроумниковъ и свѣтскихъ людей не умѣло говорить безъ самыхъ отвратительныхъ шутокъ» (стр. 101).

Только половиною англійскаго протестантизма можно объяснить, почему и въ Англіи могло быть такое озлобленіе противъ религіи, какое побудило одного богатаго типографщика (John Iive) назначить передъ своею смертію преміи за антирелигіозныя рѣчи. Это было въ 1733 г., а въ 1753 старый патріотъ сэръ Джонъ Бернардь воскликнулъ въ парламентѣ: «нынче, какъ кажется, для образованнаго человѣка сдѣлалось модою не исповѣдывать никакой религіи» (стр. 377). Впрочемъ, большая часть англійскихъ мыслителей, не слѣдуя никакой *исключительной* религіи, въ то-же время исповѣдывали ту всеобщую, которая слыветъ подъ названіемъ *естественной*. Даже тѣ изъ нихъ, которые обнаруживали нѣкоторую наклонность къ матеріализму, признавали одно изъ великихъ началъ этой естественной религіи — существованіе всеобщаго нравственнаго закона,—между-тѣмъ-какъ оно было оспориваемо во Франціи.

Геттнеръ начинаеть исторію англійской литературы со второй половины XVII вѣка, продолжаетъ ее до самого конца XVIII, и

дѣлитъ все пространство времени 1660 — 1770 на три періода. Первый продолжается до 1688 г., т.-е. до вступленія на престолъ оранскаго дома или до окончательнаго торжества конституціонныхъ началъ. Между-тѣмъ-какъ въ этотъ періодъ въ политическомъ мірѣ происходитъ реакція — съ одной стороны противъ революціи, выразившаяся возстановленіемъ дома Стюартовъ, съ другой—противъ пуританства, выразившаяся безнравственностью двора и всего высшаго общества, — въ скромномъ мірѣ науки Ньютонъ совершаетъ свое великое открытіе закона всеобщаго тяготѣнія. Это открытіе было первое изъ тѣхъ побѣдъ ума, рядъ которыхъ тянется черезъ весь XVIII вѣкъ. Съ этимъ открытіемъ Ньютона взорамъ человѣчества, по словамъ Геттнера, «представился міръ, чуждый всякаго произвола, міръ разумности и истины, міръ вѣчной, невозмутимо-соблюдаемой законности» (стр. 24). На этой-то основѣ могъ впоследствии создаться тотъ деизмъ, который именно въ никогда не нарушаемой законности міра и видитъ величіе его Творца, тотъ деизмъ, который впоследствии говорилъ о Богѣ устами шиллерова маркиза Позы:

. bescheiden

Verhüllt er sich in ewige Gesetze!

Die sieht der Freigeist, doch nicht *ihn*. Wozu

Ein Gott? sagt er; die Welt ist sich genug!

Und keines Christen Andacht hat ihn mehr,

Als dieses Freigeists Lästerung, gepriesen.

(Don Carlos, III Act, 10 Auftritt).

Послѣ Ньютона, въ лицѣ Герберта, Блоунта и другихъ, разумъ все далѣе и далѣе, и все съ большею и большею смѣлостью проникаетъ въ область вѣрованій. «Моймъ путеводителемъ, говоритъ Блоунтъ, долженъ быть единственно разумъ, и онъ навѣрное не ослабитъ моего христіанства» (стр. 34).

Въ изящной словесности, въ лицѣ Мильтона, высказывается еще вполне пуританская религіозность, между-тѣмъ-какъ Бутлеръ пишетъ свою безошадную сатиру на Пуританъ (Гудибрасъ), сатиру, въ которой выставляетъ ихъ сущими лицемѣрами.

Подъ вліяніемъ монархической реакціи, при блестящемъ дворѣ Карла II, литература, преимущественно драматическая, принимаетъ

щеголеватого придворный характеръ, подчинившись, въ лицѣ Драйдена, вліянію французской классической трагедіи; а комедія, также исполняя требованія двора, вдается въ ту антипуританскую безнравственность, о которой было уже упомянуто.

Второй періодъ Геттнера — отъ вступленія на престолъ оранскаго дома до смерти Георга I (1688—1727), захватываетъ уже первую четверть XVIII столѣтія и представляетъ рѣшительное преобладаніе новыхъ началъ. Въ мірѣ политическомъ высказывается строгій конституціонализмъ, въ философскомъ—деизмъ, въ литературномъ — характеристика отечественныхъ нравовъ. Я обращаю особенное вниманіе на этотъ замѣчательный періодъ.

Начальное событіе его—восшествіе на престолъ Англіи Вильгельма Оранскаго—есть давно желанный плодъ того политическаго движенія, которое началось такъ рано въ исторіи англійскаго народа. Коронаваніе Вильгельма произошло, какъ замѣчаетъ Геттнеръ, по свободному взаимному договору съ народомъ (стр. 124). Изданная въ то время знаменитая *Declaration of rights* указываетъ съ одной стороны на проступки, вслѣдствіе которыхъ Іаковъ II былъ лишенъ престола, съ другой, вслѣдъ за объявленіемъ ненарушимыхъ правъ англійскаго народа, назначаетъ королемъ Англіи Вильгельма Оранскаго. Вильгельмъ отвѣчалъ на это, что если корона предложена ему какъ знакъ общаго къ нему довѣрія, то она ему тѣмъ дороже (стр. 125). «Еще теперь, говоритъ Геттнеръ, Англичане съ самосознательною гордостью оглядываются на событія этого времени. Они слывуть у нихъ подъ именемъ «славной» революція, между-тѣмъ-какъ долгій парламентъ 1640 г. называется у нихъ презрительно только «большимъ мятежомъ».

Вновь избранное правительство передало парламенту право на значать налоги, измѣнило систему суда и допустило свободу печатанія.

Благодаря этому новому началу, мысль съ этихъ поръ начинаетъ высказываться совершенно свободно, литература становится дѣйствительнымъ выраженіемъ всей внутренней жизни общества—всѣхъ его потребностей, желаній, сомнѣній, всѣхъ его сокровеннѣйшихъ думъ. И что-же? Умы высказываются совершенно смѣло, вознаграждаютъ себя съ избыткомъ за продолжительное молчаніе,—но, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, въ Англіи не видать того наглаго неуваженія ко всему, переданному по пре-

данію, какимъ отличается французская литература XVIII столѣтія.

Но въ *мысли новые* только на-половину-протестантскій англианизмъ вливалъ *старое вино* нетерпимости. Правда, въ то время, былъ изданъ такъ называемый *актъ терпимости*. Король желалъ даровать ее вполнѣ, но встрѣтилъ сопротивленіе въ прелатахъ. Актъ терпимости все еще не распространялся на католиковъ и антитринитаріевъ (стр. 129). Замѣчательно, что даже одинъ изъ важнѣйшихъ по своему продолжительному вліянію дѣятелей этого времени, Локке, характеристикѣ коего посвящена монографія, обозначенная во главѣ этой статьи,—замѣчательно, говорю я, что даже Локке, въ своей книгѣ о религіозной терпимости, проповѣдуя ее въ отношеніи къ евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, также не распространяетъ ее на католиковъ и атеистовъ (стр. 151).

Локке — человѣкъ переходнаго времени, потому-то въ немъ много противорѣчій. Въ своей знаменитой книгѣ «о Правленіи» (*The treatise on government*), онъ служитъ теоретическимъ выраженіемъ тѣхъ принциповъ, которые практически были выражены революціею 1688 г.; эта книга, по замѣчанію Геттнера, заключаетъ уже прямые зародыши политическихъ ученій Монтескьё и Руссо. (Сходство съ Руссо обстоятельно доказывается Шереромъ, который въ то-же время обозначаетъ и отличія Руссо отъ Локке—въ XXI главѣ своей монографіи, на стр. 276—295). Между-тѣмъ, тому-же Локке пришлось составить уложеніе для южной Каролины, принадлежавшей частію графу Шефтсбюри, съ которымъ онъ былъ очень близокъ, — и это уложеніе носитъ на себѣ средневѣковой феодальный характеръ (Hettner, стр. 156).

Локке, какъ и многіе писатели того времени, желавшіе поскорѣе пустить исповѣдуемыя ими идеи по всѣмъ направленіямъ, переходилъ отъ одной сферы знаній къ другой. Но его знаменитѣйшее сочиненіе, то, за которое Геттнеръ даетъ ему названіе «Ньютона философіи» (стр. 140), есть его книга «о познавательной способности» (*Essay on human understanding*). «Если Ньютонъ, говоритъ Геттнеръ, обратилъ физическую астрономію въ небесную механику, то Локке сдѣлалъ логику и метафизику ученіемъ о чувственныхъ впечатлѣніяхъ человѣка» (*von den menschlichen Sinneindrücken*) (стр. 148). Взявъ за исходную точку слова Ньютона: «берегись метафизики!» Локке подъ вліяніемъ этого страха, исключительно ввѣрился пяти внѣшнимъ чувствамъ и пришелъ къ за-

ключенію, что вся сумма человѣческаго познанія проистекаетъ изъ впечатлѣній, производимыхъ физическимъ міромъ на эти внѣшнія чувства. «Хотя уже Бэконъ и Гоббсъ, а во Франціи Гассенди, говоритъ нашъ авторъ, въ сущности также производили всѣ познанія человѣка отъ чувственнаго наблюденія (*sinnliche Erfahrung*), но они мало заботились о томъ, какимъ-же это образомъ умъ умѣетъ распорядиться такъ, что переходитъ отъ отдѣльнаго къ цѣлому, отъ наблюденія къ понятію» (стр. 147). Локке дѣйствительно обратилъ вниманіе на этотъ послѣдній вопросъ и отвѣтилъ на него *повидимому* удовлетворительно, такъ что его система имѣла величайшее вліяніе на понятія того времени, и даже досихъ-поръ еще многіе основываются на ней. Чувственныя наблюденія, по мнѣнію Локке, принадлежатъ человѣку въ той мѣрѣ, въ какой они ему извнѣ даются; и такъ, въ отношеніи къ составленію матеріала познанія онъ лице совершенно страдательное. Но то, что дѣлаетъ человѣкъ изъ своихъ чувственныхъ наблюденій и что онъ выводитъ изъ нихъ, зависитъ вполне отъ него самого; такимъ образомъ тутъ человѣкъ становится самостоятельнымъ и его достоинство повидимому спасено. Но, производя все отъ внѣшнихъ чувствъ, Локке, вслѣдствіе этого, возстаетъ противъ такъ называемыхъ *прирожденныхъ идей*, а это приводитъ его къ выводу, уже прямо роняющему достоинство человѣка. Познаніе (*die Erkenntniss*) происходитъ у Локке вслѣдствіе того, что внѣшнія чувства проводятъ въ разсудокъ впечатлѣнія, получаемыя ими отъ внѣшнихъ предметовъ; разсудокъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ впечатлѣній согласны между собою, другія другъ другу противоположны, и, только замѣтивъ это, онъ образуетъ себѣ общія понятія. Также точно нельзя считать и нравственныя понятія уже *прирожденными*, ибо понятія о добродѣтели и приличіи различны по различію временъ и народовъ (стр. 144).

Въ такомъ видѣ является у Геттнера ученіе Локке, и познакомившемуся съ нимъ съ этой стороны уже трудно понять, какимъ образомъ тотъ-же самый мыслитель могъ быть деистомъ. Это вполне объясняется монографіею Шерера. Находя въ ученіи Локке все то, что нашель въ немъ Геттнеръ, Шереръ, сверхъ-того, находитъ въ немъ нѣчто, не замѣченное нашимъ авторомъ. Все то, о чемъ говоритъ Геттнеръ, относится у Локке собственно только къ дѣятельности *разсудка*, котораго кругъ дѣйствія дѣйствительно ограничивается у него воспріятіемъ и приведеніемъ въ

порядокъ того матеріала, какой доставляется ему внѣшнимъ міромъ чрезъ посредство пяти чувствъ. Разсудокъ служитъ только чувственнымъ наклонностямъ человѣка; онъ составляетъ собственно эгоистическую сторону сознанія. Но этотъ разсудокъ оказывается у Локке недостаточнымъ даже для удовлетворенія эгоистическимъ интересамъ человѣка. Человѣческой волею, у Локке, управляетъ стремленіе къ благополучію, т.-е. желаніе доставить себѣ пріятное или избавиться отъ непріятнаго. Такъ какъ у человѣка можетъ въ одно и то-же время быть нѣсколько различныхъ желаній, — то въ такомъ случаѣ, повидимому, прежде всего должно исполнить сильнѣйшее. Но человѣкъ владѣетъ способностью отсрочивать исполненіе своихъ желаній, для того, чтобы имѣть время одуматься, обсудить ихъ и выбрать лучшее. Вотъ тутъ-то и оказывается недостаточность разсудка. Если мы не хотимъ на основаніи ученія Локке, говорить Шереръ, въ разсужденіяхъ о томъ, что для насъ лучше, потерять цѣлую жизнь, такъ что намъ не добраться до дѣятельности, между-тѣмъ-какъ потокъ жизни будетъ все утекать, то мы неминуемымъ образомъ должны бѣжать изъ сферы безпрестаннаго разсудочнаго размышленія въ сферу религіи (Schärer, стр. 138). А она сознается уже не разсудкомъ, но *разумомъ*, способностью, по словамъ Локке, собственно и отдѣляющему человѣка отъ животныхъ (стр. 194). Разумъ данъ уже человѣку не для удовлетворенія его эгоистическимъ интересамъ: онъ данъ ему, какъ члену человѣчества, для сознанія своихъ отношеній къ этому цѣлому. Разумъ составляетъ тотъ божественный законъ, который, по ученію Локке, намъ вписанъ въ сердце» (стр. 195). Но, можетъ быть на это замѣчено, сказать — *вписанъ* не тоже-ли, что сказать *прирожденъ*? — въ томъ смыслѣ, что онъ *вложенъ* въ самую сущность нашей природы, а не *выведенъ* нами, какъ умозаключеніе, изъ наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ.

При такомъ изложеніи теоріи Локке уже понятно, почему въ ней могли находить свою исходную точку и сенсуалисты, и деисты XVIII вѣка.

Какъ деистъ, Локке въ своемъ сочиненіи «о разумномъ христіанствѣ, какъ оно передано намъ въ писаніи» (the Reasonableness of Christianithy, as delivered in the Scriptures) твердо сталъ на ту точку зрѣнія, которая замѣтна уже у его предшественниковъ — Герберта, Блуонта и др. Разумомъ, этою «вписанною намъ въ

сердце» естественною религіею, сталъ онъ повѣрять откровеніе, которое, по его ученію, какъ дополненіе къ разуму, не можетъ противорѣчить ему, хотя и можетъ превосходить его. Такимъ-то воплѣнъ сообразнымъ съ разумомъ и только отчасти превосходящимъ его, является въ сочиненіи Локке первоначальное христіанство.

Нѣсколько одностороннимъ образомъ смотритъ Геттнеръ также и на педагогическую систему Локке, утверждая, будто-бы онъ обращаетъ *исключительное* вниманіе на *непосредственно-полезное* и служить въ этомъ отношеніи первымъ зародышемъ педагогическаго утилитаризма Руссо (Hettner, стр. 157). И Шереръ ни мало не скрываетъ этого, даже прямо упоминаетъ о томъ, до какой степени Локке былъ противъ поэтическаго элемента въ воспитаніи (онъ совѣтовалъ даже не давать развиваться въ ребенкѣ природному таланту къ поэзій, такъ какъ поэтъ всегда тратитъ попусту время, разстроиваетъ свое состояніе и постоянно подверженъ опасности попасть въ дурное общество. Schäfer, стр. 222). Но Шереръ въ то-же время указываетъ на двѣ существенныя и въ высшей степени *разумныя* черты педагогики Локке — на то, что онъ совѣтуетъ воспитателю сообразоваться съ личностью своего воспитанника (стр. 216) и на то, что онъ предписываетъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ развивать въ дѣтяхъ самообладаніе и способность себя обуздывать: «подобно тому, какъ крѣпость тѣла состоитъ въ томъ, что оно въ состояніи противостоятъ вреднымъ вліяніямъ, и крѣпость духа должна состоять въ способности отказывать себѣ въ исполненіи собственныхъ своихъ желаній, идти наперекоръ своимъ наклонностямъ и повиноваться единственно заповѣданіямъ разума» (стр. 217). И такъ—*разума*, а не *разсудка*, который, служа исключительно чувственно-эгоистической сторонѣ челоука, предписываетъ наоборотъ исполнять всѣ желанія и удовлетворять всѣмъ наклонностямъ, хотя-бы они клонились ко вреду другихъ людей.

Геттнеръ, выставивъ наружу почти исключительно одну сенсуальную сторону Локке и умолчавъ о томъ, какое значеніе имѣетъ у него разумъ, не обратилъ также вниманія и на ту черту его педагогическаго ученія, которая не могла принадлежать Локке-сенсуалисту.

Шереръ, показавъ въ ученіи Локке двѣ стороны — сенсуальную или *разсудочную*, и *разумную* или нравственно-духовную, упо-

минаетъ также и о дальнѣйшемъ развитіи, уже послѣ Локке, каждой изъ этихъ сторонъ: «Въ Англии, говоритъ онъ, подъ вліяніемъ здоровой общественной жизни, эмпиризмъ и разсудочная философія Локке встрѣтили реакцію, находящуюся въ связи съ предшествовавшимъ Локке идеализмомъ и продолжавшую развивать противоположное *сенсуализму* Локке ученіе о *прирожденных* идеяхъ, или по-крайней-мѣрѣ *прирожденномъ чувствѣ* доброжелательства, любви и т. п. Съ другой стороны, изъ развитаго у Локке и ближайшихъ его учениковъ принципа *разумной* самостоятельности чловѣка вырабатывается, независимо отъ откровенной религіи, и доходитъ до самостоятельнаго значенія, сперва нравственное, а потомъ и религіозное ученіе... Однимъ словомъ, въ Англии преимущественно развилась *разумная* сторона философіи Локке, между-тѣмъ какъ его теорія *разсудка*, хотя она и оставалась еще въ продолженіе долгаго времени какъ-бы рамкой для относящихся сюда философскихъ изслѣдованій, была болѣе оспариваема и пополняема, чѣмъ развивася идеально-эмпирической реакціею. Напротивъ во Франціи, гдѣ общественное состояніе было таково, что все болѣе и болѣе приближалось къ распаденію, философія Локке приняла совершенно одностороннее, сенсуальное и матеріальное направленіе, которое, исходя изъ теоріи единичнаго сознанія (*Einzelbewusstsein*—сознаніе себя отдѣльною, лично для себя существующею единицею); т. е. изъ локкевой теоріи *разсудка*, съ этой-же точки зрѣнія судить и о сознаніи *коллективно-индивидуальномъ* (сознаніи своей личной индивидуальности какъ составной части собирательнаго индивидуума—человѣчества). Постоянно обращается тутъ вниманіе только на преимущественно-чувственное въ чувственно-духовномъ существѣ сознанія и въ его общественномъ положеніи (*in seiner öffentlichen Gestaltung*) и постоянно заглушается голосъ того нравственнаго сознанія, которое проявляется въ отношеніяхъ отдѣльнаго чловѣка къ коллективному индивидууму (т. е. къ цѣлому чловѣчеству). Здѣсь безусловно владычествуетъ разсудокъ въ противоположность разумному, духовными чувствами проникнутому мышленію, эгоизмъ въ противоположность любви, доброжелательству и т. п., произволъ въ противоположность нравственной свободѣ» (стр. 273, 274).

Изъ ряда французскихъ мыслителей, пошедшихъ по этому направленію, Шереръ по справедливости выдѣляетъ Руссо—этого вдохновеннаго защитника величайшихъ благъ чловѣчества—пра-

ва быть независимымъ отъ чужаго произвола и права быть болѣе, чѣмъ усовершенствованнымъ животнымъ, т. е. обладать религиознымъ и нравственнымъ чувствомъ. Шереръ, какъ мы уже видѣли, посвящаетъ цѣлую главу сличенію Руссо съ Локке, но я не стану передавать ея содержаніе, такъ какъ о Руссо буду говорить на своемъ мѣстѣ — въ статьѣ о французской литературѣ. Тамъ-же надѣюсь, на основаніи убѣдительныхъ данныхъ Геттнера, показать, что и большая часть другихъ французскихъ мыслителей XVIII в., не смотря на видимую склонность къ матеріализму или даже на прямое исповѣданіе его, все-таки не до такой степени лишены нравственнаго сознанія, какъ это кажется Шереру. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Руссо неизмѣримо выше ихъ какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по своимъ независимымъ отношеніямъ къ аристократіи, въ которой многіе изъ нихъ заискивали, и по своей политической теоріи. Эти преимущества Руссо Шереръ справедливо объясняетъ его протестантскимъ воспитаніемъ (стр. 277).

Не совсѣмъ справедливый къ французскимъ мыслителямъ, авторъ нашей монографіи также несправедливъ и къ одному изъ современниковъ Локке — англійскому денсту Толанду. Упомянувъ о тѣхъ нападеніяхъ, какія пришлось испытать Локке со стороны ортодоксовъ, Шереръ говоритъ: «гораздо опаснѣе враговъ были для Локке тѣ изъ его друзей, которые имѣли въ виду не истину и чистоту религіи, а передѣлку ея для того, чтобы она могла служить къ оправданію ихъ легкомысленнаго и безнравственнаго образа мыслей, или составленіе себѣ извѣстности во что бы ни стало. Именно нашелся нѣкто докторъ Толандъ, который выдавалъ себя за близкаго пріятеля Локке, между-тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Локке только рекомендовалъ его на одно мѣсто, какъ сдѣлалъ бы это и для всякаго другаго, кто-бы къ нему обратился. Толандъ поѣхалъ съ подобною рекомендаціею въ Дублинъ, гдѣ сталъ вести себя безо всякаго такта, обративъ гостинницы въ площади для своихъ вольнодумныхъ рѣчей, и вскорѣ до такой степени вооружилъ противъ себя все населеніе, что каждый боялся, какъ бы его не застали въ разговорѣ съ Толандомъ» (стр. 22). Хотя подобное щегольство своими взглядами, какіе-бы они ни были, уже какъ щегольство, есть своего рода мальчишество, тѣмъ не менѣе еще нельзя, на основаніи одного этого, совершенно унижать Толанду. Причина, почему онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ, ясно указа-

на самихъ Шереромъ—ни какая другая, какъ страхъ *попастись*. Трудно наконецъ повѣрить Шереру, чтобы Локке сталъ рекомендовать человѣка, совершенно ему неизвѣстнаго. А что Локке могъ, и зная его, не найти въ его образѣ мыслей ничего, что бы позволяло считать его человѣкомъ, который хочетъ обратить религію въ извинительный актъ для своей безнравственности или бѣется изъ-за одной извѣстности,—то это ясно изъ первоначальнаго ученія Толанда, изложеннаго у Геттнера, къ книгѣ котораго я теперь возвращаюсь.

Въ своемъ сочиненіи—*Christianity not mysterious*, Толандъ сперва развиваетъ ту мысль, что основными качествами истинной религіи должны быть сообразность съ разумомъ и понятность, и что христіанство исполняетъ эти условія. Тутъ онъ еще не отличается отъ Локке. Но далѣе Толандъ начинаетъ доказывать, что христіанство въ своемъ первоначальномъ значеніи также и не превышало разума. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя сильнѣйшее гоненіе со стороны епископальной церкви. Тутъ Геттнеръ приводитъ любопытный фактъ: одинъ англійскій сановникъ того времени не захотѣлъ болѣе ходить въ церковь, потому-что проповѣдники, по словамъ его, болѣе говорили о какомъ-то Джонѣ Толандѣ, чѣмъ о Господѣ Иисусѣ Христѣ (стр. 165). Это гоненіе привело къ тому-же, къ чему обыкновенно приводятъ гоненія: оно озлобило Толанда, и изъ мыслящаго христіанина онъ сдѣлался пантеистомъ, а наконецъ въ его пантеизмѣ обнаружилась и склонность къ матеріализму. Съ этой новой точки зрѣнія, высказывающейся между прочимъ въ его «*Pantheistikon*», судить онъ обо всѣхъ религіозныхъ исповѣданіяхъ. «Недостатокъ, господствующій во все продолженіе XVIII столѣтія, говоритъ Геттнеръ, обнаруживается здѣсь со всѣми своими результатами. Толандъ, какъ и всѣ его современники, не имѣетъ никакого понятія о сущности историческаго развитія; напротивъ, онъ держится ограниченнаго взгляда, что признанное имъ самимъ за истину точно также признавалось истиннымъ разумными людьми всѣхъ временъ и мѣстъ. Встрѣчая тѣмъ не менѣе весьма различныя и многимъ разнящіяся отъ того, что самъ онъ призналъ за истину, религіозныя исповѣданія, онъ находитъ для этого неоспоримаго явленія только одно объясненіе». (Hettner. стр. 169). Именно, онъ объясняетъ ихъ различными политическими, себялюбивыми цѣлями ихъ основателей. Такое-же

объясненіе, далеко недостаточное и поверхностное, дѣйствительно находится у многихъ мыслителей XVIII вѣка.

Не смотря на свою позднѣйшую наклонность къ матеріализму, Толяндъ сохраняетъ полное уваженіе къ нравственнымъ началамъ. Таковы многіе матеріалисты, по своему природному благородству умѣющіе быть матеріалистами только на словахъ. Превосходно выражается о подобныхъ матеріалистахъ Ренанъ: «они проповѣдывали истинный спиритуализмъ, человѣколюбіе, состраданіе, общественную справедливость, и между тѣмъ имъ нравилось называть себя матеріалистами, отрицать на словахъ идею, дѣйствительность которой они доказывали на дѣлѣ. Они проповѣдывали истиннаго Бога, того, которому можно служить только справедливостью и правотою, а между тѣмъ называли себя атеистами. Они проповѣдывали преимущественный идеализмъ, святость права, преобладаніе разума, и отрицали идею, производя все отъ однихъ вѣншихъ чувствъ» (*).

Вотъ вѣкоторыя мѣста изъ ритуала пантеистическаго богослуженія Толянда:

Предсѣдатель релігіознаго собранія. Удержите толпу.

Отвѣтъ. Домъ запертъ, и на-крѣпко.

Предсѣдатель. Всецѣлое едино и единое всецѣло.

Отвѣтъ. Это въ себѣ единое всецѣлое есть Богъ, вѣчный и неизмѣримый, безъ начала и безъ конца.

Предс. Въ немъ живемъ, и движемся и есмы.

Отв. Все отъ него родилось, и все къ нему возвратится; онъ есть причина и цѣль всѣхъ вещей.

Предс. Философія, учительница жизни, руководительница добродѣтели, врагъ порока, что были-бы мы, что была-бы вся человѣческая жизнь безъ тебя?...

Отв. Разумъ есть истинный и исключительный законъ, свѣтъ и свѣтильникъ жизни.

Пред. Не думайте, чтобы совершившій злое былъ преслѣдуемъ фуріями. Напротивъ каждый порокъ заключаетъ и страхъ, и наказаніе въ самомъ себѣ. Внутренняя боль души есть та фурія, которая преслѣдуетъ злаго.

(* *Ernest Renan, Essais de Morale et de Critique, Paris 1859, p. 62.*

Отв. Для счастья жизни нужна единственно добродѣтель; она заключаетъ награду въ самой себѣ.

Предс. Мы хотимъ быть свободны. Но закону мы подчинены, ибо только законъ есть благонадежность и свобода. Свобода столько-же далека отъ произвола,

Отв. Сколько рабство отъ свободы.

Предс. И такъ, слушайте истиннаго закона доброй и счастливой жизни, который преданъ намъ Цицерономъ. Цицеронъ говоритъ: истинный законъ есть правый разумъ. Этотъ законъ сообразенъ съ природою и онъ вѣчно одинокъ и тотъ-же; всѣ народы и всѣ времена возхваляютъ его. Кто не повинуется этому закону, тотъ отказывается отъ самого себя; онъ терпитъ вредъ, хотя-бы ему и удалось спастись отъ вѣшняго наказанія.

Отв. Сообразно съ этимъ хотимъ мы жить.

Предс. Но послушайте еще: величайшее зло—это суевѣріе, распространенное въ народахъ и пгѣняющее души слабыхъ. Мы должны стараться его истребить, если только хотимъ быть полезными нашимъ ближнимъ. Но тотъ, кто уничтожаетъ суевѣріе, еще не уничтожаетъ чрезъ то религію (стр. 173—175).

Читатель замѣтитъ, что между словами этой цитаты, обозначенными у меня курсивомъ, находятся слѣдующія: «для счастья жизни нужна единственно добродѣтель; она заключаетъ награду въ самой себѣ». Въ словахъ этихъ какъ-бы заключается зародышъ ученія самаго симпатическаго изъ мыслителей этого времени, Шеттсбюри. Геттнеръ съ любовію выставляетъ возвышенную сторону этого ученія, упрекая извѣстнаго Шюссера въ томъ, что онъ видитъ въ Шеттсбюри не болѣе какъ легкомысленнаго остроумника (стр. 179). Геттнеръ даже нѣсколько пристрастенъ къ Шеттсбюри. «Я сомнѣваюсь, говоритъ по этому поводу боннскій профессоръ Лѣбель (*), чтобы Геттнеру удалось вполне опровергнуть порицателей Шеттсбюри». Мнѣніе объ этомъ писателѣ самаго Лѣбеля кажется мнѣ основательнымъ, а его книга заслужи-

(* *Leebell, die Entwicklung der deutschen Poesie von Klopstock's erstem Auftreten, bis zu Göthes Tode, Braunschweig. 1856, 1858.*

вающе вниманія преимущественно по дополненіямъ, занимающимъ значительнѣйшую ея часть. Дополненія ко II тому заключаютъ въ себѣ характеристики писателей, изъ которыхъ черпалъ или съ воззрѣніемъ которыхъ былъ согласенъ Виландъ, а къ нимъ принадлежитъ и Шефтсбюри. Но мнѣ кажется, что Лёбель слишкомъ увлекается желаніемъ показать благородную сторону въ сочиненіяхъ Виланда, называя его нравственнымъ близнецомъ Шефтсбюри. Послѣдній, кажется, стоитъ несравненно выше Виланда, въ которомъ была такъ сильна чувственно-легкомысленная сторона. Можно вполне согласиться собственно съ слѣдующимъ мнѣніемъ Лёбеля объ *эйдemonизмѣ* Шефтсбюри: «съ выраженіемъ *эйдemonизмъ* никакъ не долженъ соединяться осудительный приговоръ надъ привлекательнымъ, остроумно-глубокомысленнымъ Шефтсбюри (*geist-und gedankenvoll*). Такая многозначительная попытка доставить нравственности опору чрезъ ея соединеніе съ духовнымъ, высшимъ и тонкимъ счастіемъ (известно, что *эйдemonизмъ* есть ученіе о неразрывности счастья и добродѣтели), такая попытка, конечно, имѣетъ право на существованіе, хотя существуютъ и болѣе возвышенныя основы нравственнаго ученія». (Löbell, II т., стр. 143).

Въ письмахъ своихъ къ одному студенту, Шефтсбюри обстоятельно говоритъ о томъ, что ученіе Локке отнимаетъ у добродѣтели ея твердое основаніе; ибо если нѣтъ *прирожденныхъ идей*, то и добродѣтель не имѣетъ другаго масштаба, какъ только измѣняющуюся привычку и моду. Добродѣтель можетъ быть порокомъ и порокъ добродѣтелью; по подобному взгляду добродѣтель и порокъ не составляютъ сами по себѣ ничего опредѣленнаго и неизмѣннаго, по природѣ не лежатъ въ человѣческомъ сердцѣ никакого слѣда ихъ. Въ опроверженіе этой ошибки «Ньютона философіи» Шефтсбюри старается доказать, что добродѣтель есть нѣчто существенное и основанное въ самомъ себѣ (*in sich selbsts Begründetes*), не произвольное или изобрѣтенное, не произошедшее вслѣдствіе внѣшнихъ учрежденій, независимое отъ привычки, фантазіи или воли...» (стр. 183). Все стремленіе Шефтсбюри, по замѣчанію Геттнера, заключалось въ томъ, чтобы «основать сущность добродѣтели чисто на сущности человѣка», а не на какъхъ-либо внѣшнихъ предписаніяхъ (стр. 184). Не прямо-ли изъ этого желанія показать врожденность стремленія къ добродѣтели и вытекли дальнѣйшія увѣренія Шефтсбюри, что, такъ какъ добродѣтель

составляетъ для человѣка потребность, то исполненіе этой потребности ему пріятно, что оно такимъ образомъ доставляетъ ему счастье, что наконецъ только это счастье и есть прочное, а что вслѣдствіе того достаточно желать счастья, чтобы любить добродѣтель? Шефтсбюри возставалъ противъ того понятія о добродѣтели, по которому она дѣлается чѣмъ-то корыстнымъ, такъ какъ побужденіемъ къ ней становятся тутъ надежда награды и страхъ наказанія, и такимъ образомъ тутъ почти уже нельзя уцѣлѣть чуждой всякаго эгоизма правотѣ поступковъ (стр. 184). Шефтсбюри не замѣчалъ, что и по его понятіямъ добродѣтель легко можетъ сдѣлаться корыстною; ибо если побужденіемъ къ ней уже не служитъ страхъ наказанія, то все-таки служитъ надежда пріятности, съ которою добродѣтель связана, и счастья, которое есть ея результатъ. И по его ученію добродѣтель легко можетъ сдѣлаться только *средствомъ*, а *цѣлію*—то счастье, которое безъ нея невозможно. Развивая свое понятіе о человѣкѣ, Шефтсбюри упоминаетъ о трехъ классахъ его наклонностей. Это, во первыхъ, естественныя наклонности, которыя имѣютъ цѣлю благо цѣлаго; во-вторыхъ, эгоистическія, которыя ограничиваются личнымъ благомъ; въ-третьихъ, неестественныя наклонности, которыя не ведутъ ни къ общему, ни къ личному благу, а имѣютъ въ виду одно разрушеніе. Но вотъ вскорѣ оказывается, и Шефтсбюри изображаетъ это со всей теплотой краснорѣчія, что естественныя, доброжелательныя, благородныя наклонности, когда онѣ сильно и твердо содѣйствуютъ общему благу, становятся необходимымъ условіемъ и единственно-вѣрнымъ средствомъ для достиженія радостнаго самонаслажденія (*Selbstgenuss*), и что недостатокъ ихъ непременно дѣлаетъ насъ жалкими (*elend*) и несчастными. Изъ этого вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ, что и эгоистическія наклонности лишь на столько законны и способствуютъ счастью, на сколько подчиняются тѣмъ, которыя ведутъ къ общему благу» (стр. 187)....

Воспитанному на подобномъ ученіи представится случай пожертвовать своимъ личнымъ благомъ для блага общаго. Онъ сдѣлаетъ это охотно и добровольно, ожидая отъ подобнаго подчиненія личнаго общему — полнаго счастья, и вдругъ онъ почувствуетъ вмѣсто того, вслѣдствіе принесенной имъ личной жертвы, жестоку боль! Увидѣвъ себя обманутымъ въ той надеждѣ, которая служила основой его добродѣтели, не откажется-ли онъ отъ этого

невѣрнаго пути къ счастью и не станетъ-ли искать счастья тамъ, гдѣ нѣтъ боли?

Ученіе Шефтсбюри было-бы совершенно вѣрно, еслибы дѣйствительный человѣкъ былъ въ самомъ дѣлѣ такъ хорошъ, такъ способенъ торжествовать надъ эгоизмомъ, какъ думаетъ Шефтсбюри, и еслибы зло, состоящее въ удовлетвореніи эгоистическимъ наклонностямъ, не имѣло такой привлекательности, какую оно имѣетъ. Шефтсбюри не могъ не чувствовать, что его теоріи сильно мѣшаетъ существованіе зла, а потому и не удивительно, что въ своемъ сочиненіи «Моралисты», онъ занялся вопросомъ, который занималъ уже столько мыслителей — о происхожденіи зла. Но въ этомъ сочиненіи не столько объясняется происхожденіе зла, сколько отвергается его существованіе; зло является тутъ какъ-бы кажущимся, не настоящимъ. Красота міра, учить Шефтсбюри, состоитъ изъ множества контрастирующихъ противоположностей, но разнообразнѣйшія различія разрѣшаются тутъ въ одну всеобщую гармонію. Все въ чувственномъ мірѣ есть вѣчное измѣненіе матеріи. Растенія своею смертію поддерживаютъ животныхъ, а разложившіяся тѣла животныхъ оплодотворяютъ землю и питаютъ царство растительное. Безчисленные сонмы насѣкомыхъ истребляются высшими классами птицъ и четвероногихъ, а эти опять людьми; человѣкъ-же въ свою очередь подчиненъ другимъ натурамъ и, подобно остальнымъ существамъ, приноситъ свое смертное тѣло въ жертву цѣлому. Что-же могутъ сказать всѣ отдѣльныя существа противъ великаго, неистребимаго зданія міра? Воздухъ, насъ окружающій, испаренія, выходящія изъ земли, метеоры, носящіяся надъ нашими головами, или-же все остальное, служащее къ сохраненію и питанію нашей земли, все это дѣйствуетъ сообразно съ своею природою; потому-то мы не должны удивляться, если землетрясенія, бури, заразы, наводненія, земной или небесный огонь часто причиняютъ вредъ живымъ существамъ, а еще менѣе должно намъ казаться страннымъ, если чрезъ поврежденіе тѣла часто повреждается и душа человѣка; доброе постоянно одерживаетъ верхъ. Каждое подверженное поврежденію смертное существо платитъ своею смертною и повреждимостію только дань существамъ лучшаго рода, всѣ-же существа платятъ дань той высшей и лучшей природѣ, которой принадлежитъ вѣчность и неповреждаемость». (стр. 189 и 190). Все это, очевидно, слишкомъ мало разрѣшаетъ сомнѣнія, слишкомъ мало успокоиваетъ человѣка

наконецъ тутъ едва говорится о нравственномъ злѣ. Шефтсбюри, по всей вѣроятности, инстинктивнымъ образомъ избѣгалъ углубленія въ этотъ вопросъ, столь опасный для его теоріи. Но онъ снова становится великимъ мыслителемъ, когда говоритъ объ общей гармоніи міра. «Если посмотрѣть на это постоянное единство и порядокъ, то мы конечно въ правѣ называть міръ машиной. Но разница въ томъ, что машины, изобрѣтенныя человѣкомъ, неправильны, измѣнчивы и подвержены поврежденію; напротивъ того, міръ правиленъ, неизмѣненъ и вѣченъ. Не составляетъ-ли это одно самого глубокаго доказательства бытія высшаго, всепроникающаго и вездѣсущаго существа.... Лицезрѣніе этого высшаго совершенства окомъ любви и одушевленія есть лицезрѣніе божественной красоты» (стр. 190). «Но тотъ, кто созерцаетъ это прекрасное, долженъ быть добръ въ своемъ внутреннемъ существѣ. Познавать прекрасное, значитъ воспитывать и образовывать для добродѣтели. Подобный знатокъ и цѣнитель прекраснаго знаетъ, что чувственность, не ограниченная прекрасною формою, есть настоящее безобразіе, и что прекрасное только тамъ, гдѣ духъ и разумъ, гдѣ порядокъ и соразмѣрность. Все, лишенное духа, темно и пусто (öde) для духовнаго взора. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ станетъ самъ по себѣ и прекрасенъ, и благороденъ, и великъ,—и всѣ его склонности, поступки и занятія будутъ благородны и велики. Только про подобнаго человѣка можно съ справедливостію сказать, что онъ зодчій своей собственной жизни и своего благополучія, ибо онъ кладетъ въ самого себя вѣрный и вѣчный фундаментъ порядка, спокойствія и согласія» (стр. 191). Этимъ заключаются «моралисты» Шефтсбюри. «Основная тѣма, говоритъ Геттнеръ, тутъ та, что доброе и прекрасное совершенно одно и то же. «Кто не почувствуетъ, присовокупляетъ нашъ авторъ, что въ этихъ словахъ говорить съ нами ученикъ Платона?» (стр. 191). «Ученіе нравственное, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, становится у Шефтсбюри ученіемъ о прекрасномъ, т. е. этика-эстетикою. Начало и конецъ этого ученія есть добрый и прекрасный человѣкъ—*καλοκαγαθία* Грековъ» (стр. 183). «Шефтсбюри былъ такъ счастливъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, что уже на одиннадцатомъ году выучился греческому и латинскому языку, такъ-что могъ вполне проникать въ мысли читаемыхъ имъ писателей;—выгода дѣлоцѣнная. Это воспитаніе, безъ сомнѣнія, и развило въ немъ любовь къ древнимъ, которою запечатлѣно все въ его произведе-

ніяхъ, все—даже до ихъ сладкихъ ошибокъ» (стр. 179). Не трудно заключить изъ предшествующаго, что Шефтсбюри дѣйствительно раздѣлялъ тотъ нѣсколько односторонній взглядъ древнихъ, благодаря которому жизнь представлялась имъ въ такомъ радужномъ свѣтѣ.

Односторонность благороднаго Шефтсбюри вызвала очень умныя опроверженія—къ сожалѣнію, со стороны самого недостойнаго человѣка. Это былъ легкомысленный Мандевилъ, французскій эмигрантъ, извѣстный въ англійской литературѣ своею сказкою «о пчелиномъ роѣ». Приводя опроверженія Мандевиля, нашъ авторъ и самъ сознается вполне въ односторонности своего любимца Шефтсбюри. «Добродѣтель, по мнѣнію Шефтсбюри, говоритъ Мандевилъ, состоитъ въ согласіи личныхъ наклонностей человѣка съ требованіями общаго блага. Но такое обращеніе личныхъ наклонностей на служеніе добруму и прекрасному возможно только въ извѣстныхъ привилегированныхъ классахъ; философія Шефтсбюри можетъ быть только философіею джентльменовъ. Тамъ, гдѣ личныя наклонности не такъ образованы, чтобы находить счастье въ соблюденіи добродѣтели, тамъ, по Шефтсбюри, добродѣтель вообще невозможна. Съ полнымъ правомъ утверждаетъ по этому Мандевилъ, замѣчаетъ Геттнеръ, что если рѣчь идетъ о всеобщей обязующей силѣ добродѣтели, то она скорѣе состоитъ въ побѣжденіи самого себя, въ подавленіи прирожденной наклонности. Однимъ словомъ, Мандевилъ, заключаетъ Геттнеръ, превосходно доказалъ, что добродѣтель есть не только счастье, но также во всякомъ случаѣ и обязанность» (стр. 202).

Но счумѣвъ, благодаря своему уму, изобличить слабую сторону Шефтсбюри, Мандевилъ, по своему дурному сердцу, создалъ теорію отвратительную. Шефтсбюри увлекся утопіей, что добродѣтель для *каждаго* можетъ составить счастье, потому что онъ самъ былъ способенъ находить его въ ней; Мандевилю было не трудно понять, что мнѣніе Шефтсбюри есть утопія: онъ зналъ по себѣ самому, что не всякій находитъ счастье въ добродѣтели. Мандевилъ напротивъ того утверждалъ, что для счастья нуженъ порокъ. Въ своей «баснѣ о пчелахъ» онъ описываетъ сперва благоденствіе и могущество пчелинаго царства при господствовавшихъ въ немъ порокахъ, а потомъ его упадокъ и объднѣніе вслѣдствіе того, что пчелы вдругъ вздумали сдѣлаться добродѣтельными. Къ этому разсказу присоединена еще слѣдующая мораль:

«бросьте свои жалобы, безумные смертные! Напрасно стараетесь вы соединить могущество съ правотою. Только глупцамъ позволено себя льстить надеждой, что можно наслаждаться земными благами, быть знаменитымъ въ войнѣ, жить въ довольствѣ и въ то-же время быть добродѣтельнымъ. Бросьте эти пустыя грезы. Обманъ, тщеславіе, развратъ нужны намъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ сладкій плодъ.... Невозможно чтобъ одна добродѣтель сдѣлала народъ и счастливымъ и славнымъ. Если мы хотимъ возвратиться къ золотому вѣку невинности, то должны быть готовы снова питаться дикими желудями, какъ нѣкогда наши почтенныя предки» (стр. 199 и 200). Мандовиль составляетъ рѣзкое и едва-ли не единственное исключеніе изъ всѣхъ англійскихъ мыслителей этой эпохи; онъ можетъ быть поставленъ въ *pendant* къ Ламетри, самому крайнему изъ французскихъ теоретиковъ порока. «Только тщеславное самоослѣпленіе, учитъ Мандевиль, которое видитъ человѣка не такимъ, какъ бы онъ долженъ быть, можетъ еще сомнѣваться въ господствѣ всеобщей испорченности. Гдѣ оно, чистое одушевленіе героя? Какъ Александръ Великій воскликнулъ при Гидаспѣ: «О Авіяны, вы не знаете, какимъ опасностямъ я себя подвергаю, чтобы только заслужить вашу похвалу», такъ точно не приносящее жертву чувство общаго блага, а просто тщеславіе и своекорыстіе служатъ двигателями всѣхъ повидимому добрыхъ и благородныхъ поступковъ».—«И при этомъ авторъ ни мало не колеблется, замѣчаетъ Геттнеръ, самымъ рѣзкимъ и разительнымъ образомъ примѣнять эти правила къ жизни. Въ особенности обнаруживается это въ его взглядѣ на школы для бѣдныхъ. Какъ всѣ безсердые себялюбцы, онъ хочетъ оглушить и поработить народъ. Онъ готовъ, по его словамъ, допустить, что при всемъ хвастовствѣ, которое участвуетъ въ основаніи и поддержаніи школъ для бѣдныхъ, все-таки благородство и доброта служатъ ихъ собственными основами; но подобной благотворительности, по мнѣнію Мандевіля, слѣдуетъ быть осторожной, чтобы не повредить самой себѣ. Вѣдь бѣдность и невѣжество все-таки-же не исчезнутъ, благодаря ей, а еслибъ они исчезли, то это было-бы величайшимъ бѣдствіемъ; ибо тогда не существовало-бы богѣе никакого класса, который-бы былъ принужденъ служить, и что бы стало тогда съ торговлею и промышленными силами? Изъ этого видно, заключаетъ Геттнеръ, что *философія эгоизма есть и философія деспотизма*» (стр. 201).

И что-же? Гнусная книга Мандевилля была довольно снисходительно принята англиканскими прелатами, между тѣмъ какъ гуманное ученіе Шеттсбюри подверглось гоненію. И все отъ того, что послѣднее представляло людей лучшими, чѣмъ они есть, а Мандевиль служилъ подтвержденіемъ той ожесточенной хулы на человѣчскій родъ, которая раздавалась въ то время изъ устъ англиканскихъ фарисеевъ и книжниковъ съ высоты ихъ проповѣдническихъ кафедръ. Съ самымъ благороднымъ негодованіемъ вооружается Бекль противъ подобнаго взгляда на человѣчество. «Что-бы ни утверждали фанатики, говоритъ онъ, человѣчество представляетъ вообще все-таки болѣе добродѣтелей, чѣмъ пороковъ, и въ каждой странѣ добрыхъ поступковъ болѣе, чѣмъ злыхъ» (стр. 188).

Удивительно-ли, что при фанатизмѣ прелатовъ, англійское правовѣріе все болѣе и болѣе встрѣчало враговъ? Извѣстно, что фанатическія преслѣдованія и тупое поклоненіе буквѣ именно и распложаютъ невѣрующихъ. Какъ много ихъ появилось въ то время въ Англіи, видно изъ слѣдующаго отаыва журнала *Tatler*: «чуть уснѣветъ кто нибудь забыть себѣ въ голову нѣсколько книжныхъ заглавій, какъ уже объявляетъ себя невѣрующимъ; едва умѣетъ онъ прописать рецептъ или анатомировать какую нибудь собаку, какъ уже ревнуетъ противъ безсмертія души человѣческой. Надъ такими глупцами можно только смѣяться. Но серьезные люди, употребляющіе всѣ свои знанія и все свое время только на то, чтобы увѣрить себя и другихъ, будто-бы человѣкъ ни чѣмъ не выше животнаго,—такіе господа должны быть высѣчены правительствомъ, ибо они позоръ человѣчеству. При этомъ рѣшительно все равно, зовутъ-ли они себя деистами, или атеистами, или свободномыслящими. Что можетъ быть смѣшнѣе подобнаго атеиста?» (стр. 205). Но если онъ такъ смѣшонъ, то почему-бы не удовлетвориться однимъ смѣхомъ, вмѣсто того, чтобы заставлять правительство сѣчь этого атеиста?! Геттнеръ замѣчаетъ совершенно вѣрно: «да развѣ исполненная ненависти страстность, съ какою эти, предназначенныя для дальнѣйшихъ круговъ народа, журналы считали себя обязанными выступать противъ вольнодумцевъ, не служить разительнымъ доказательствомъ усиливающагося значенія послѣднихъ? Какъ велико было это значеніе, видно и изъ тѣхъ опроверженій, какія писались со стороны самихъ прелатовъ». «Тутъ происходитъ борьба съ вольнодумцами, замѣчаетъ нашъ авторъ, меж-

ду тѣмъ опровергающіе ихъ до такой степени лишены силъ для защищенія самихъ себя отъ перевѣшивающаго вліянія этихъ вольнодумцевъ, что и сами, въ сравненіи съ буквальными англійскими правовѣріемъ, кажутся свободномыслящими» (стр. 205). «Философія Локке, продолжаетъ нашъ авторъ, какъ ни жестоко была она преслѣдуема въ началѣ оксфордскихъ университетовъ, до такой степени расположила къ себѣ умы: впродолженіе какого-нибудь одного поколѣнія, что наукообразные защитники вѣрованій въ сущности соглашались уже въ это время съ первымъ сочиненіемъ Толанда, которое было, при своемъ появленіи, правдою всенародно проклятію». (Стр. 206).

Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ внутренней жизни нашему автору не трудно уже объяснить появленіе франмасонства. Извѣстно, что большая масонская ложа была открыта въ Лондонѣ въ 1717 г. «Вся эта эпоха, говоритъ Геттверъ, была проникнута глубоко-вдохновеннымъ стремленіемъ (*tiefes Sehnen*) выставить человѣка, чистаго и свободнаго, каковъ онъ есть самъ въ себѣ, все болѣе прекраснымъ и сильнымъ, совлекая съ него все внѣшнія привѣски и все предразсудки и давъ ему фундаментомъ исключительно его самого, красоту и благородство его собственнаго существа... Локке и деятели Шеттсбюри и Толандъ доискивались такъ называемой естественной религіи, въ которой-бы человѣкъ, удовлетворенный простымъ почитаніемъ вездѣущаго Божества, извлекалъ истину и добродѣтель изъ своего собственнаго разума» (стр. 211 и 212). Это было пока еще только въ теоріи; франмасонство заотѣло перенести эти самыя идеи въ практическую жизнь, соединить людей разныхъ странъ и разныхъ исповѣданій: узамъ такой всеобщечеловѣческой религіи. Только она должна была сдѣлаться обязательною для членовъ новаго общества, а во всемъ остальномъ его членамъ предоставлялась полная свобода мнѣній, при чемъ внушалась терпимость и совершеннѣйшая любовь къ ближнему. «Въ франмасонствѣ, говоритъ нашъ авторъ, деизмъ какъ-бы одѣлалъ попытку организовать себя въ чувственно-наглядную религію и въ этой формѣ распространиться по всей землѣ» (стр. 228). Точно также смотритъ на франмасонство и извѣстный Шерръ въ своей прекрасной книгѣ: «*Schiller und seine Zeit*» (Leipzig: 1859).— «Перенести назначеніе человѣка изъ области догматическихъ формулъ въ область нравственности; основать, съ гарантіею свободы личнаго убѣжденія въ дѣлѣ вѣры, великій дружественный союзъ

между людьми, въ которомъ-бы совершенно исчезли все различія рожденія, класса и состоянія, однимъ словомъ, къ принципу индивидуализма присоединить принципъ братства—сочетать съ чуждымъ всякихъ предразсудковъ разумомъ дѣятельную любовь—вотъ что было цѣлю Франмасонства, по словамъ Шерра. «Но толпа, прибавляетъ онъ, и притомъ образованная столько-же, какъ и необразованная, требуетъ блестящей оболочки и свѣтлаго лоску. Основатели Франмасонства показали себя опытными знатоками человеческой природы, придавъ своему учрежденію возвышенный смыслъ (Weihe) достопочтеннаго преданія, посредствомъ указаній на его древнее происхожденіе и таинственную связь съ великими эпохами священной и свѣтской исторіи. Но между тѣмъ какъ, заимствовавъ у строительнаго цеха среднихъ вѣковъ его символику и обряды, они въ то-же время поставили Франмасонство въ таинственное отношеніе къ соломонову храму, даже отнесли его происхожденіе за 4,000 лѣтъ до Р. Х.,—то этимъ самымъ какъ-бы подыച്ചли шарлатановъ воспользоваться тѣми-же благочестивыми мѣстами» (*). Шерръ обращаетъ за тѣмъ особенное вниманье на то, какія разнообразныя намѣренія стали скрыватья впоследствии подъ личиною Франмасонскихъ формъ и какъ наконецъ ими воспользовался самый іезуитизмъ, чтобы низложить Франмасонство его-же собственнымъ оружіемъ. Геттнеръ менѣе говоритъ объ этихъ злоупотребленіяхъ Франмасонствомъ, но зато приводитъ очень интересныя выписки изъ Франмасонскаго катехизиса. Я приведу нѣкоторыя

Вопросъ. Въ какой странѣ находится ваша ложа?

Отвѣтъ. На востокъ долины Іосафатовой, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ господствуетъ миръ, истина и единодушіе.

В. Какою наружностью отличается она?

О. Она имѣетъ форму продолговатаго квадрата.

В. Какъ длинна она?

О. Она простирается отъ востока до запада.

В. Какъ широка она?

О. Ея ширина—отъ юга до сѣвера.

В. Какъ высока она?

О. Безчисленное число локтей.

В. Какъ глубока?

(*). Scherr, Schiller und seine Zeit, 302.

О. Ея глубина простирается отъ поверхности земли до ея центра.

В. Чѣмъ она покрыта?

О. Небомъ, усѣяннымъ звѣздами.

В. Чѣмъ подпирается это обширное зданіе?

О. Двумя большими столбами.

В. Какъ называютъ ихъ?

О. Мудрость и сила.

В. Объясните мнѣ это.

О. Мудрость въ изобрѣтеніи и сила для сохраненія.

В. Есть-ли у васъ также драгоценности въ ложахъ?

О. Да, достопочтеннѣйшій,—шесть, изъ коихъ три подвижныхъ и три неподвижныхъ.

В. Назовите мнѣ три подвижныхъ.

О. Угломѣръ, ватерпасъ и свинцовые вѣсы.

В. Назовите мнѣ три неподвижныхъ.

О. Простой камень, кубическій или точильный камень и мастерской станокъ.

В. Не имѣютъ-ли эти драгоценности также и символическаго смысла?

О. Имѣютъ, достопочтеннѣйшій! Угломѣръ учитъ насъ, что всѣ наши поступки должны быть измѣрены по справедливости; ватерпасъ, — что всѣ люди равны и что между братьями должно господствовать совершеннѣйшее единодушіе; свинцовые вѣсы означаютъ твердость нашего ордена, какъ основаннаго на добродѣтели; грубый камень, который обрабатываютъ ученики, есть образъ души нашей, способной къ воспріятію какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ впечатлѣній; кубическій камень, на которомъ подмастерья точатъ свои инструменты, показываетъ, что мы только бдительностью надъ самими собой можемъ оградить себя противъ порока; а станокъ мастеровъ есть добрый примѣръ, облегчающій намъ выполненіе высшей добродѣтели.

В. На сколько родовъ дѣлятся каменьщики?

О. На два — теоретическихкихъ и практическихкихъ.

В. Кто такіе практическіе каменьщики?

О. Тѣ изъ нашихъ братьевъ, которые создаютъ храмы добродѣтели и темницы пороку.

В. Къ чему служатъ теоретическіе каменьщики?

О. Чрезъ ихъ принципы и возвышенную нравственность очищаются наши нравы и мы получаемъ способность быть полезными человѣчеству и государству» (стр. 224—226).

Между тѣмъ какъ въ литературѣ философской такимъ образомъ окончательно обозначился девизъ, перешедшій, подъ именемъ франмасонства, и въ сферу практической жизни, въ литературѣ изящной все еще продолжалось рутинное подражаніе французскому классицизму. Представителемъ дидактико-опитательной поэзіи служить Попе, образовавшій цѣлую школу. На поприщѣ драмы выдѣляются имена Соутерна, Конгрева, Роу и Аддисона, замѣчательныхъ не по таланту, а потому что драма, все еще придерживаясь классической формы, измѣняетъ у нихъ содержаніе. Теперь ясно обнаруживается стремленіе къ нравственному исправленію. Драмы имѣтъ претензію учить нравственности (стр. 245). Даже комедія, преступавшая, какъ мы видѣли, при Карлѣ II всѣ границы самого умѣренного приличія, старается также морализировать. Представителемъ этого рода комедій является Цибберъ. Уже несравненно важнѣе въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Геттнера, Ричардъ Стиль (Steele): «Книгопечатаніе и сцена для него одинаковымъ образомъ какъ-бы кафедра нравственного исправленія: Параллелизмъ, съ которымъ мы встрѣчаемся, сравнивая трагедіи Роу и Аддисона съ комедіями Стиля, столько-же поразителенъ, сколько важнѣе для общины эпохи» (стр. 257).

Но особенно замѣчателенъ Стиль по основаннымъ имъ журналамъ. И прежде были въ Англіи періодическія изданія, но преимущественно политическаго или богословскаго содержанія. Стиль издалъ въ 1709 г. публикацію, въ которой между прочимъ говоритъ: «такъ какъ земной шаръ находится не только въ рукахъ должностныхъ людей; но и люди съ умомъ и остроуміемъ также играютъ въ немъ роль, то я и хочу, когда не хватить политическихъ новостей, передавать разные случаи и разговоры; привлекающіе къ себѣ вниманіе какъ въ городѣ, такъ и внѣ его.... Всѣ рассказы изъ свѣтскаго круга, все относящееся къ удовольствіямъ и препровожденію времени, будетъ появляться подъ фирмою кондитерской Уэйта, литература подъ фирмой кофейни Уилля, наука подъ фирмою «Грекъ», внутреннія и внѣшнія извѣстія подъ фирмою Джемсовой кофейни; а все, что найду я сверхъ того замѣчательнымъ, будетъ обозначено именемъ моего собственнаго жилища» (стр. 263). Этому плану и оставался вѣренъ первый жур-

налъ Стиля *Tatler*, или «Болтунъ» во все непродолжительное время своего существованія (1709—1711). Потомъ, боясь надобѣсть публикѣ этимъ планомъ, Стилъ сталъ издавать новый журналъ «Наблюдатель», постояннымъ дѣйствующимъ лицомъ и центромъ котораго служить уже не *болтунъ* Биккерстафъ, какъ въ первомъ журналѣ, а молодой джентельменъ, посѣщающій всѣ возможные кофейни, въ которыхъ собираются политики, ученые, beaux esprits, художники, солдаты, купцы, мѣнялы—евреи; по утрамъ ходитъ онъ на биржу, по вечерамъ въ театръ, и вездѣ онъ не болѣе какъ *наблюдатель*. Онъ живетъ въ небольшомъ, но довольно разнообразномъ кругу друзей. Наблюденія и бесѣды этихъ друзей и взялся аккуратно сообщать «Наблюдатель». Душою какъ «Болтуна», такъ и «Наблюдателя» былъ однако-же не самъ Стилъ, а Аддисонъ, прославившійся въ послѣдствіи своимъ собственнымъ журналомъ «Зритель». Кромѣ понменованныхъ мною, Геттнеръ упоминаетъ еще о другихъ, появившихся одинъ за другимъ также около этого времени. Такое внезапное появленіе множества журналовъ, ихъ правоописательное направленіе и недолговѣчность каждаго изъ нихъ—все это не лишено сходства съ тою сатирической журналистикой, которая также внезапно появилась у насъ при Екатеринѣ II. «Эпохи, когда преобладаетъ поучительная наблюдательность, замѣчаетъ Геттнеръ, постоянно отличаются особенною склонностію къ журналистикѣ и романамъ. Этотъ родъ литературныхъ произведеній можетъ обходиться безъ высшихъ требованій искусства и въ то-же время всего непосредственнѣе проникаетъ въ общественную жизнь» (стр. 260). Это замѣчаніе можетъ служить объясненіемъ и русской и англійской журналистикѣ. Но наша отличается преобладаніемъ отрицательнаго, тѣсно-сатирическаго направленія, между тѣмъ какъ по поводу англійской журналистики Геттнеръ высказываетъ слѣдующее: «до-сихъ-поръ Англичане видѣли свою непосредственную домашнюю жизнь изображенною только въ комедіяхъ предшествующаго времени. Тутъ она являлась въ видѣ самаго отвратительнаго распутства—легкомысленною, наглою, безнравственною. Напротивъ, за чтеніемъ этихъ правоописательныхъ журналовъ Англичане въ первый разъ почувствовали еще никогда не испытанное, а потому вполне привлекательное удовольствіе: найти и себя самихъ, и всѣ свои семейно-гражданскія дѣйствія и занятія изображенными совершенно такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, безъ прикрасъ и безъ искаженій, со

всѣми человѣческими слабостями и ошибками, но и со всѣмъ, что тутъ было добраго и достойнаго» (стр. 280). Геттнеръ приписываетъ этимъ журналамъ самое сильное вліяніе на утонченіе и облагороженіе нравовъ англійскаго народа. И оно понятно: эти журналы, изображая и его добрыя стороны, пробудили въ немъ сознаніе его народно-человѣческаго достоинства, между тѣмъ какъ исключительное выставленіе литературою на показъ *только* отвратительныхъ ранъ и вонючей грязи, можетъ наконецъ обратиться въ привычку и подавить въ обществѣ и послѣдній слѣдъ нравственнаго стыда.

Начатое журналами довершилъ выработавшійся изъ нихъ нравоописательный романъ Англіи. Первымъ по времени является тутъ Даніилъ Дефозъ, авторъ извѣстнаго всѣмъ «Робинзона». Не многіе за то знакомы съ остальными, въ высшей степени разнообразными произведеніями этого писателя и съ его біографіей, обличающей въ немъ одну изъ благороднѣйшихъ историческихъ личностей. Геттнеръ коротко, но увлекательно рассказываетъ эту біографію.

Дефозъ былъ сынъ пуританина,—«въ этомъ, говоритъ нашъ авторъ, заключается ключъ ко всей его жизни, образу мыслей и дѣятельности» (стр. 283). Скромное званіе чулочнаго торговца не помѣшало ему еще въ юныхъ лѣтахъ (это было при Карлѣ II) издать свой первый памфлетъ: *«arsculum starredoipogit»*, въ которомъ онъ съ самымъ ѣдкимъ остроуміемъ выставилъ фанатизмъ епископальной церкви. Во время возстанія принца Монмута, Дефозъ принялъ сторону возставшихъ, видя въ нихъ прямыхъ протестантовъ и защитниковъ духовной и гражданской свободы. Когда возстаніе было усмирено, онъ долженъ былъ нѣкоторое время скитаться по Франціи, Испаніи и Германіи. По возвращеніи въ Англію, онъ старался въ новыхъ памфлетахъ сдѣлаться примирителемъ между епископальною и пресвитерьянскою церковью, удерживая каждую отъ фанатизма. «Напрасно. Диссентеры отвергли его предложеніе и публично отреклись отъ автора памфлета. Такимъ образомъ, Дефозъ увидѣлъ себя на 26 году жизни почти со всѣмъ одинокимъ—равно непризнаннымъ и отлученнымъ, какъ-бы за ересь, всѣми партіями» (стр. 285). Онъ ожилъ со вступленіемъ на престолъ Вильгельма Оранскаго: новый король стремился къ той-же взаимной терпимости всѣхъ религіозныхъ партій, къ которой съ юности стремился Дефозъ. Въ своемъ стихотвореніи «Истин-

ный Англичанинъ», напечатанномъ въ 1701 г., нашъ авторъ мастерски опровергъ тѣхъ, которые нападали на короля за его иностранное происхождение. Съ необыкновеннымъ остроуміемъ доказываетъ онъ тутъ, что вѣдь и сами Англичане въ полномъ смыслѣ смѣшанная нація и что именно этому и обязаны они своими настоящими преимуществами. Стихотвореніе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на народъ и пѣлось повсюду на улицахъ. А король съ этихъ поръ далъ автору право свободнаго входа во всякое время въ свой кабинетъ и нерѣдко давалъ ему самыя важныя порученія. При Вильгельмѣ-же, Дефозъ издалъ свои «Опыты и проэскты», давшіе сильный толчекъ новѣйшей наукѣ о народномъ хозяйствѣ и имѣвшие даже влияніе на Франклина. Но вдругъ умираетъ король. Со вступленіемъ на престолъ королевы Анны снова начались преслѣдованія со стороны епископальной церкви. Дефозъ немедленно вооружился противъ нихъ своею знаменитой сатирой, — «Вѣрнѣйшія мѣры противъ диссентеровъ» (the shortest way with the dissenters). Сочиненіе это вышло безъ его имени. Съ мастерскою ироніей поддѣлался тутъ Дефозъ подъ обычный тонъ епископальнаго духовенства, доказывая, что нѣтъ другихъ средствъ противъ еретиковъ, какъ висѣлица и галеры. Все это было принято сначала за чистую монету. Одинъ изъ членовъ кембриджскаго университета публично объявилъ этотъ памфлетъ лучшею книгою, какую удалось ему видѣть послѣ библіи и церковныхъ постановленій. Но англиканскіе ортодоксы догадались, что были проведены, когда стало извѣстно, кто былъ авторъ памфлета. Дефозъ спасся бѣгствомъ. Но когда арестовали типографщика и издателя, онъ счелъ долгомъ добровольно явиться въ судъ. Его присудили къ денежной пенѣ, къ троекратному стоянію у позорнаго столба и семилѣтнему заключенію. 29, 30 и 31 августа 1703 г. Дефозъ былъ всенародно приставляемъ, въ разныхъ мѣстахъ Лондона, къ позорному столбу. Но народъ не сочувствовалъ фанатизму духовенства и правительства. Гимнъ, сочиненный Дефозъ въ честь позорнаго столба, какъ орудія славнаго наказанія за истину, былъ изданъ въ тотъ самый день, когда Дефозъ стоялъ у столба въ первый разъ. Народъ отовсюду тѣснился къ нему, и разсыпалъ по площади, на которой онъ стоялъ, цѣлыя ковры изъ цвѣтовъ; вѣнки за вѣнками сыпались ему къ ногамъ; въ воздухѣ неумолчно звучало ему: «да здравствуетъ!» Позорный столбъ сдѣлался орудіемъ торжества для Дефозъ (стр. 288). Въ самой темницѣ онъ снова писалъ

сатиры и памфлеты. Однако уже въ 1704 г. былъ онъ освобожденъ и даже ему стали давать важныя дипломатическія порученія. Важнѣйшій фактъ царствованія королевы Анны—соединеніе съ Англіею Шотландіи—было главнымъ образомъ дѣло Дефоэ. И между тѣмъ съ этой высоты политическаго значенія ему въ скоромъ времени снова пришлось сойти въ темницу. Причиною къ тому были опять памфлеты, въ которыхъ онъ подавалъ совѣтъ назначить въ преемники королевы Анны протестантскій ганноверскій домъ, между-тѣмъ-какъ сама королева желала передать престолъ жившему тогда во Франціи сыну короля Іакова. Но вотъ, по смерти королевы, желаніе Дефоэ сбылось: на престолъ вступилъ Георгъ I Ганноверскій. Онъ наградилъ всѣхъ писателей своей партіи; одинъ Дефоэ, неумѣвшій напоминать о себѣ, былъ забытъ. Изъ темницы онъ былъ освобожденъ еще Анною, но жилъ въ величайшей бѣдности подъ бременемъ — не столько лѣтъ, сколько слабого здоровья. Тутъ онъ распростился съ политикой. Въ 1715 г. имъ написанъ послѣдній памфлетъ — «Воззваніе къ чести и справедливости». — Это было прямое и вѣрное изложеніе всей его общественной дѣятельности. «Я учился философін, говоритъ онъ тутъ, не столько на школьныхъ скамейкахъ, сколько въ школѣ страданія. Я коротко познакомился со всѣмъ блескомъ свѣта и со всѣми его ужасами, ибо я перешелъ изъ подъ темничнаго свода въ кабинетъ короля. Я потерялъ состояніе и доброе имя, чтобы спасти свою честь и свои убѣжденія, и не раскаяваюсь въ томъ. Теперь я живу въ бѣдности, всѣми презираемый, и презираю это презрѣніе. Радость и миръ наполняютъ мое сердце» (стр. 292). Съ этихъ поръ совершенно мѣняется дѣятельность Дефоэ. «Прежнее жаркое стремленіе къ истинѣ и свободѣ сохранилось въ немъ неизмѣннымъ, но изъ неумоимо дѣйствующаго предводителя партіи выработался теперь созерцательный мудрецъ» (стр. 292). Дефоэ становится родоначальникомъ англійскаго семейнаго и нравоописательнаго романа. Изъ всѣхъ этихъ романовъ въ настоящее время знаменитъ только «Робинзонъ Крузоэ». Описаніе приключеній на морѣ и путешествій въ отдаленныя земли были тогда въ большой модѣ: «безпрерывно умножающіяся поселенія въ Америкѣ, величественныя открытія и приобрѣтенія въ Индіи и на островахъ Южнаго моря воспалили воображеніе людей» (стр. 294). Всякому хотѣлось утолить свое любопытство разсказами возвращавшихся изъ этихъ земель. И Дефоэ переноситъ

читателя по волнамъ океана на отдаленный необитаемый островъ— но на этомъ островѣ умѣлъ онъ развить, въ жизни единственнаго его обитателя, Робинзона, такое широкое содержаніе, что оно не только заинтересовало современниковъ Дефоэ, но и будетъ интересовать всегда всякаго мыслящаго человѣка. «Насущныя потребности, говоритъ Геттнеръ, ведутъ нашего Робинзона отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію; чувство своей безпомощности, радость и благодарность, возбуждаемыя въ немъ каждымъ событіемъ, сколько нибудь облегчающимъ или уменьшающимъ эту безпомощность, вызываютъ въ немъ нѣжное чувство религіознаго довѣрія къ Богу; появленіе вѣрнаго его товарища, Пятницы, а позже другихъ матросовъ, приходящихъ съ англійскихъ и испанскихъ кораблей, и соединенная съ этимъ необходимость подумать о новыхъ способахъ пріобрѣтенія и подавлять или дѣлать безвредными посредствомъ законовъ и наказаній всѣ несогласія и непокойства въ этомъ маленькомъ обществѣ, изображаютъ первое возникновеніе, возрастаніе и вообще бытіе государства и гражданскаго общества. Мы видимъ, какъ человѣкъ съ внутреннею необходимостью переходитъ, поднимаясь со ступени на ступень, отъ первобытнаго грубаго состоянія природы къ образованію и цивилизаціи. Словомъ, передъ нами развертывается картина столь великая и поразительная, что мы здѣсь какъ-бы озираемъ вкратцѣ все постепенное и органическое развитіе человѣческаго рода. «Робинзонъ», если только позволено такъ выразиться, есть своего рода философія исторіи» (стр. 297 и 298). Подъ конецъ видимъ мы въ новомъ робинзоновомъ государствѣ и почтеннаго старца-священника, который вполне осуществляетъ завѣтный идеалъ Дефоэ — идеалъ терпимости и любви къ ближнему.

Успѣхъ «Робинзона» былъ безпримѣрный. «Не нашлось ни одной бѣдной вдовы, говоритъ одинъ писатель того времени, которой-бы бѣдность ея помѣшала откладывать каждый день по крайней-мѣрѣ по шиллингу, чтобы черезъ нѣкоторое время быть въ состояніи купить себѣ «Робинзона» (стр. 300). Книга эта была переведена почти на всѣ языки Европы. Великій реформаторъ педагогическихъ теорій, Ж. Ж. Руссо, обратилъ особенное вниманіе на великое педагогическое значеніе «Робинзона». «Есть одна книга, которую мой Эмиль долженъ прежде всего прочесть; она одна будетъ долгое время составлять его книжное сокровище и будетъ всегда занимать въ немъ первое мѣсто. Она будетъ текстомъ, отъ

котораго должны исходить всѣ наши бесѣды о человѣческихъ изобрѣтеніяхъ и наукахъ; она должна быть пробнымъ камнемъ, на которомъ я хочу испытать успѣхи моего питомца въ способности разсуждать; и я знаю, что до-тѣхъ-поръ, пока его вкусъ будетъ простъ и естественъ, чтеніе этой книги будетъ ему доставлять постоянно-новое удовольствіе. Что-же это за чудная книга? Аристотель, или Плиній, или Бюффонъ? Нѣтъ, это Робинзонъ Крузо». Эти слова Руссо, замѣчаетъ Геттнеръ, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на педагогическихъ учениковъ женевского мыслителя, такъ называемыхъ филантропинистовъ прошедшаго столѣтія. Подъ вліяніемъ этихъ словъ явилась и извѣстная передѣлка «Робинзона» для дѣтей нѣмецкимъ педагогомъ Кампе. Вслѣдъ за тѣмъ появлялось множество другихъ передѣлокъ и подражаній, нерѣдко нелѣпыхъ. Даже въ самомъ «Гулливеровомъ путешествіи», замѣчаетъ Геттнеръ, заимствовано изъ «Робинзона» несравненно болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ» (стр. 304).

Между-тѣмъ какъ общій характеръ этого послѣдняго произведенія, такъ и характеръ самого Свифта, представляетъ рѣзкую противоположность съ Дефоэ. «Свифтъ былъ по самому существу своему памфлетистъ, говоритъ Геттнеръ; конечно, одинъ изъ величайшихъ и могущественнѣйшихъ по своему вліянію, какіе только когда-либо существовали. Всѣ качества, принадлежація этому роду авторства, были въ полнѣйшей мѣрѣ въ его распоряженіи: ясность ума, холодность сердца, мстительность, способность безсовѣстно клеветать, всегда вооруженное остроуміе, глубокое знаніе всего низкаго и отвратительнаго въ человѣческой природѣ и дѣйствительно достойное удивленія владычество надъ языкомъ, въ особенности надъ его болѣе низкими и провинціальными выраженіями» (стр. 306). Трудно согласиться съ нашимъ авторомъ, чтобы приведенныя имъ далеко не привлекательныя черты были существенными особенностями памфлетиста: и Дефоэ въ первую половину своей жизни писалъ памфлеты, а между-тѣмъ отличался прямо противоположными качествами. Дефоэ, какъ мы видѣли, во всѣхъ своихъ памфлетахъ является жаркимъ поборникомъ однихъ и тѣхъ-же убѣжденій; напротивъ холодный умъ Свифта съ одинаковымъ искусствомъ служитъ въ одномъ памфлетѣ одной, въ другомъ — другой партіи. Дефоэ представляетъ возвышенный примѣръ силы духа, не сломленной никакими ударами самой непостоянной судьбы; напротивъ-того Свифтъ представляетъ намъ гру-

стный примѣръ даровитой природы, нравственно испорченной неблагоприятными обстоятельствами. «Надъ Свифтомъ, говоритъ Геттнеръ, тяготѣло сознаніе, что онъ не попалъ на тотъ путь, который составлялъ истинное его назначеніе. Онъ чувствовалъ себя рожденнымъ, чтобы быть государственнымъ человѣкомъ, и въ слѣдствіе бѣдности сталъ священникомъ. А какъ священнику, ему былъ прегражденъ входъ въ парламентъ. Тутъ онъ началъ во что-бы ни стало стремиться въ епископству, которое могло ему открыть путь въ верхнюю палату. Это заставило его кидаться отъ одной партіи къ другой, смотря по тому, отъ кого онъ могъ надѣяться легчайшаго исполненія своего завѣтнаго плана—отъ виговъ, или отъ торіевъ. Не смотря на все это, онъ никогда не достигъ своей цѣли. Оскорбленное честолюбіе дѣлало его все болѣе и болѣе ожесточеннымъ. Наконецъ его постоянно-подавляемая ненависть къ человѣчеству разрѣшилась почти окончательнымъ помѣшательствомъ» (стр. 309). «Муза Свифта, продолжаетъ Геттнеръ, есть злоба, indignatio facit versum» (стр. 321). Трудно опять согласиться на подобное смѣшеніе понятій—*злоба и негодованіе* (indignatio). Злоба есть чувство эгоистическое, вызванное личной обидой; напротивъ негодованіе вызывается только такою обидою, которая наносится вообще человѣческому достоинству и нравственному закону. Негодованіе можетъ вытекать изъ любви, злоба есть выраженіе ненависти. Негодованіе составляетъ вполне законную, существенную стихію сатирика, ни мало не лишаящую его способности сознать высокое и прекрасное, сочувствовать всему задушевному и проникнутому любовью,—между тѣмъ Геттнеръ рѣшительно не видитъ въ Свифтѣ этой способности (стр. 321). Свифтъ, какъ священникъ долженъ былъ писать проповѣди, но изъ нихъ, по замѣчанію Геттнера, выходили сатиры (стр. 310). Въ своей знаменитой «Сказкѣ о Боченкѣ» онъ чисто по аристофановски выставилъ слабую сторону трехъ господствующихъ исповѣданій запада—католицизма, лютеранства и кальвинизма.

Въ знаменитомъ «Путешествіи Гулливера» уже цѣлый свѣтъ изображенъ извращеннымъ въ самомъ своемъ корнѣ, какъ міръ всеобщей глупости и безумія (стр. 327). Гулливеръ попадаетъ на островъ Лиллипутъ, отличающійся микроскопическимъ ростомъ своихъ жителей. Описывая ихъ министровъ, ихъ войны и партіи, Свифтъ собственно описываетъ министра Вальполя, виговъ и торіевъ, папистовъ и пресвитерьянцевъ, англо-французскія войны; и

все это тѣмъ болѣе смѣшить, что происходя у такихъ маленькихъ человѣчковъ, кажется просто ребяческою игрою. Съ Ляллипута Гулливеръ попадаетъ на Бробдиньякъ — островъ великановъ. Здѣсь, въ этомъ царствѣ могущественно развитой плоти, въ карикатурномъ видѣ изображена чувственность, представляющаяся въ жителяхъ этого царства тѣмъ болѣе грубою и презрительною, что исполинская величина ихъ тѣла ни мало не облагороживается величіемъ духа. Подъ конецъ Гулливеръ попадаетъ въ страну Хаухниммсовъ; — это необыкновенно умныя лошади, которыя принимаютъ новаго пришельца съ презрѣніемъ, считая его принадлежащимъ къ одной изъ породъ живущихъ на этомъ островѣ обезьянъ Іэхусъ. И самъ Гулливеръ до такой степени пораженъ высокимъ совершенствомъ этихъ лошадей, что по возвращеніи его въ Лондонъ общество людей становится для него совершенно невыносимымъ и онъ всѣмъ сердцемъ стремится въ потерянный рай Хаухниммсовъ. «Этимъ раздрающимъ диссонансомъ, говоритъ нашъ авторъ, оканчивается книга. Люди не что иное, какъ отвратительная порода обезьянъ и всякое другое животное мудрѣе и благороднѣе человѣка — вотъ презрѣнное поученіе, съ какимъ отпускаетъ насъ авторъ. Эта ненависть къ людямъ до такой степени сдѣлалась натурою Свифта, что онъ пишетъ другу своему Шеридану: «не ждите отъ человѣка больше того, что въ состояніи сдѣлать подобная тварь, и вы будете находить мое описаніе обезьянъ-Іэхусовъ все болѣе и болѣе похожимъ (т.-е. на людей).» — «Къ Свифту, говоритъ далѣе Геттнеръ, очень можно примѣнить слова апостола Павла: «и хотя бы я говорилъ всѣми человѣческими и ангельскими языками, а любви не имѣлъ, я былъ бы только мѣдью звучащею и кимваломъ бряцающимъ.» — Кто хочетъ шутить хорошо, тотъ долженъ имѣть теплую душу; онъ долженъ умѣть показать, что и того, надъ кѣмъ онъ смѣется, онъ все-таки любитъ въ глубинѣ души. Этой теплоты рѣшительно недостаетъ у Свифта. Его смѣхъ не есть, какъ у всѣхъ великихъ юмористовъ, кроткій и потому благотѣльно-дѣйствующій смѣхъ сквозь слезы, а напротивъ это неприятно-дѣйствующій смѣхъ злораднаго презрѣнія къ людямъ. Даже тамъ, гдѣ самъ Вольтеръ только остроумень, Свифтъ язвителенъ; онъ самъ писалъ къ Попе въ 1728, что цѣль его трудовъ — не тѣшить свѣтъ, а напротивъ терзать его» (стр. 331). Тѣмъ не менѣе Геттнеръ считаетъ «Путешествіе Гулливера» высоко-художественнымъ произведеніемъ. Не смотря

на изобилующія въ немъ черты мѣстныя и современныя, оно читается и теперь съ огромнѣйшимъ интересомъ, а это, по вѣрному замѣчанію Геттнера, служитъ лучшимъ доказательствомъ художественности произведенія. Первое достоинство «Гулливерова Путешествія» видитъ нашъ авторъ въ той невозмутимой серьезности, второе—въ тѣхъ обстоятельнѣйшихъ подробностяхъ, съ какими рассказываются тутъ всѣ странныя приключенія; благодаря этому самое неправдоподобное какъ-бы становится тутъ правдоподобнымъ (стр. 332). Только въ описаніи лошадей-Хаухниммсовъ не оказывается никакого правдоподобія, — а оно, какъ намъ уже извѣстно, имѣло цѣлю какъ можно больше унижить людей. Чрезмѣрность оказалась вполне неудачною. «Это служитъ опять, заключаетъ Геттнеръ, поразительнымъ доказательствомъ давно-испытанной истины, что безнравственное и неразумное всегда также оказывается не художественнымъ» (стр. 333).

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОРЕСТЪ ИЛАКРЪ.

Digitized by Google

IV.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О БИБЛИОТЕКАХЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ, О ДОУЖИМНІИ ЧТЕНІЯ ЖУРНАЛОВЪ И ГАЗЕТЪ, О МѢСЯСНУХЪ УЧЕБНУХЪ ЗАВѢДЕНІИХЪ, ВОСКРЕСНУХЪ ШКОЛАХЪ И ПР. — Учрежденіе публичныхъ и частныхъ библиотекъ для чтенія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ одинаковой мѣрѣ, съ постоянно расширяющимся кругомъ первоначальныхъ народныхъ учебныхъ заведеній, должно имѣть значительное вліяніе въ вопросѣ общественнаго образованія. Настоятельность учрежденія городскихъ библиотекъ открывается уже изъ того, что только въ одномъ чтеніи книгъ, по выходѣ изъ всякаго вообще училища, человѣкъ можетъ находить вполнѣдствіи ближайшія средства къ дальнѣйшему саморазвитію. Но всякій-ли легко можетъ приобрѣтать книги? Наши русскія изданія, говоря вообще, дороги и по цѣнѣ своей недоступны не только для бѣдныхъ классовъ народа, въ которыхъ, благодаря воскреснымъ школамъ, уже *проявилась* правильная потребность къ чтенію, а по времени должна будетъ еще болѣе возрасти, но даже и для класса людей съ болѣе обезпеченными средствами. При этомъ не должно забывать, что цѣна на книги поднимается у насъ, именно, тамъ, гдѣ потребность къ самообученію является настоятельнѣе: русскія изданія дорожаютъ по мѣрѣ удаленія отъ столицъ, представляющихъ большія средства къ образованію, чѣмъ губернскіе и уѣздные города. По вычисленіямъ «Одесскаго Вѣстника», экземпляръ изданія, наприкладъ, Евангелія, на русскомъ языкѣ, при объявленной продажной цѣнѣ 20 коп. сер. въ Петербургскихъ книжныхъ лавкахъ, по доставкѣ, положимъ, въ Одессу, обходится не менѣе 60 коп. сер. Это возвышеніе цѣны книги на 200% происходитъ оттого, что при

пересылкѣ ея по почтѣ уплачивается до 40 коп. сер. При полученіи массама, конечно, процентъ этотъ долженъ понижаться и онъ дѣйствительно понижается, но едва-ли, по доставкѣ своей, экземпляръ изданія Евангелія обойдется и для провинціальныхъ книгопродавцевъ дешевле 35—40 коп. сер. И хотя, казалось-бы, приобрѣтеніе русскихъ изданій у послѣднихъ, должно-бы было представлять для мѣстныхъ жителей большія удобства, чѣмъ выписка ихъ отдѣльными экземплярами, но случается обыкновенно на оборотъ — и у мѣстныхъ книгопродавцевъ книга остается при своей возросшей цѣнѣ. Такое вздорожаніе книгъ, по объясненіямъ «Одесскаго Вѣстника», происходитъ рѣшительно независимо отъ провинціальныхъ торговцевъ, которые вслѣдствіе монополіи столичныхъ книгопродавцевъ, поставлены въ самыя стѣснительныя отношенія къ условіямъ своего торга. «Весь барышъ провинціальныхъ книгопродавцевъ», замѣчаетъ «Одесскій Вѣстникъ», «основывается на искусномъ полученіи книгъ. Въ примѣръ, который мы привели выше, частному лицу выписка Евангелія изъ С. Петербурга никакъ не обойдется дешевле 60 коп. сер. Дѣло книгопродавца *изобрѣсть* способы, какъ-бы получить книгу дешевле и слѣдовательно, какъ-бы сбыть ее дешевле 60 коп. сер. Конечно, онъ выигрываетъ на массѣ, выигрываетъ отъ прямыхъ сношеній съ столичными книгопродавцами и, слѣдовательно, отъ уступки на опредѣленной цѣнѣ книги. Но и тутъ какимъ онъ подвергается рискамъ! Взглянемъ на обратную сторону медали. Многіе столичные книгопродавцы, при выискѣ у нихъ книгъ, какъ намъ достоверно извѣстно, въ рѣдкихъ случаяхъ аккуратно исполняютъ адресуемые имъ заказы. Вы просите, напримѣръ, прислать 10 экземпляровъ «сочиненій Бѣлинскаго», а онъ высылаетъ всего 5 экземпляровъ этого сочиненія и 20 экзempl. какого-нибудь «Лечебника», собственнаго изданія (нужно-же сбыть его!), или «Книгу натуры», или «Рѣдкаго Письмовника». Положимъ, что присланные 5 экзempl. «сочиненій Бѣлинскаго» раскуплены; требуются новые. Вы пишете вновь и вновь повторяется та-же исторія. «Лечебникъ», «Книга натуры» и «Письмовникъ» лежатъ между тѣмъ на полкахъ и умильно смотрятъ на покупателей, увеличивая собою мертвый капиталъ библіотеки. А попробуйте не принять ихъ и выслать обратно на счетъ отправителя: связи прерваны, комиссіи не удовлетворяются и покупатели рошцутъ. Далѣе, сочиненія, расходъ которыхъ предвидится заранѣе, обыкновенно скупаются

въ столицахъ отдѣльными книгопродавцами, которые пользуются потомъ всѣми правами монополіи и накладываютъ цѣны, какія захотятъ». Не знаемъ, на сколько справедливы приведенныя нами замѣчанія «Одесскаго Вѣстника»; но мы знаемъ также, что русскія изданія, болѣе полезныя и по преимуществу требуемыя, вообще, дороги, и намъ понятнымъ становится, почему съ незапамятныхъ временъ и до настоящей минуты недостаточные классы нашего народа бросаются на чтеніе такихъ книгъ, какъ «Гуакъ или Непреоборимая Ревность», или «Повѣсть о приключеніи Англинскаго Милорда Георга и о Бранденбургской Маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго Турецкаго визиря Марцимириса и Сардинской королевы Терезіи», и другія подобныя имъ книги, извѣстныя на языкѣ торговцевъ на Нижегородской ярмаркѣ, подъ именемъ «ходкаго товара». Предпочтительная покупка такихъ книгъ, наполненныхъ всякимъ вздоромъ, представляющихъ читателю одни лишь извращенныя географическія и историческія свѣдѣнія, предъ книгами, которыя могли-бы принести дѣйствительную пользу, объясняется тѣмъ, что первыя пріобрѣтаются сравнительно дешевле послѣднихъ. Дешевизна-же ихъ, по замѣчаніямъ корреспондента «Московск. Вѣдом.» (№ 195), происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ книгопродавцевъ (гг. Логиновъ, Холмушинъ), закупивъ въ Москвѣ и Петербургѣ разный *залежавшійся книжный товаръ*, не рѣдко *на вѣсь*, привозя на Нижегородскую ярмарку, пускаютъ его здѣсь въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ, а книжная торговля на Нижегородской ярмаркѣ, куда пріѣзжаютъ также ведущіе правильную торговлю купцы, какъ: гг. Манухинъ, А. Смирдинъ сынъ и комп. и Свѣшниковъ, служитъ центромъ, изъ котораго расходятся книги не только въ сосѣднія губерніи, но и въ самые отдаленные уголки Россіи. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ корреспондентомъ «Москов. Вѣдом.», въ настоящемъ году всѣхъ книжныхъ лавокъ на Нижегородской ярмаркѣ было открыто 21: Московскихъ 18, Петербургскихъ 2 и Нижегородская 1, изъ нихъ 13 лавокъ было большихъ и 8 малыхъ. Привозъ книгъ простирался до 100,000 руб. сер., а оборотъ былъ сдѣланъ на 60,000 руб. сер., а именно, продано было книгъ: литературныхъ на 26,500 р., церковныхъ на 23,500 р., народныхъ на 5,000 р. и картинъ на 5,000 руб. сер. Сравнивая настоящій оборотъ книжной торговли на Нижегородской ярмаркѣ съ оборотомъ въ 1845 году, простиравшимся только

до 29,330 р. сер., мы видимъ, что онъ увеличился вдвое. Не знаемъ только, слѣдуетъ-ли радоваться такому явленію, которое, имѣя одну лишь относительную цѣну для торговцевъ—въ вопросѣ пользы, которую должно принести распространеніе книгъ въ массахъ народа,—не можетъ имѣть большаго значенія, потому что, по замѣчанію того-же корреспондента «Москов. Вѣдом.», самый большій сбытъ имѣли на ярмаркѣ только произведенія Московской «сѣробумажной литературы». Нѣтъ, не съ этой стороны приходится ждать попутнаго вѣтра, скорѣе должно надѣяться на ожидаемую пользу отъ чтенія въ учрежденіи городскихъ библиотекъ, гдѣ за незначительную годовую плату для читателя будутъ устранимы всѣ невыгодныя условія дороговизны отдѣльно приобретаемыхъ нашихъ изданій, и гдѣ въ то же время будетъ представляться обширный выборъ дѣйствительно полезныхъ книгъ, чтеніе которыхъ будетъ цѣлесообразно.

Независимо отъ приведенной нами выше цифры книжнаго оборота въ настоящемъ году на Нижегородской ярмаркѣ, указывающей на увеличившуюся потребность въ чтеніи книгъ, статистическія данныя о числѣ журналовъ и газетъ, выписываемыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, съ своей стороны, могутъ служить не только выраженіемъ расположенія общества къ чтенію, но, рассматриваемыя со стороны распредѣленія получаемыхъ журналовъ и газетъ между подписчиками, по справедливому замѣчанію газеты «Наше Время» (№ 2), могутъ доставить чрезвычайно любопытныя указанія на свойство общественной мысли у насъ. Къ сожалѣнію только должно замѣтить, что не всегда сообщаемыя газетами по настоящему предмету свѣдѣнія, отличаются достаточною полнотою. Такъ, нѣкоторыя изъ газетъ сообщаютъ только одинъ подробный перечень журналовъ и газетъ, получаемыхъ въ такой-то губерніи или въ такомъ-то городѣ, изъ котораго, впрочемъ, никакъ нельзя вывести заключенія о распредѣленіи ихъ по различнымъ сословіямъ; другія, сообщая списки, не отдѣляютъ въ нихъ количества журналовъ и газетъ, получаемыхъ различными присутственными мѣстами и учебными заведеніями, имѣющими своихъ исключительныхъ и обязательныхъ подписчиковъ, отъ журналовъ и газетъ, получаемыхъ одиночными подписчиками. Въ какой-же мѣрѣ подобнаго рода неполнота сообщаемыхъ свѣдѣній можетъ ввести въ заблужденіе, приведемъ въ примѣръ Тобольскъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей (№ 31),

изъ общей сложности получающихся въ настоящемъ году 222 экземпляровъ различныхъ журналовъ и газетъ, на долю одиночныхъ подписчиковъ приходится только 58 экземпляровъ. Но не смотря даже и на неполноту извѣстій, доставляемыхъ нѣкоторыми газетами, извѣстія эти приносятъ относительную пользу, прибавляя все таки какую-нибудь черту къ характеристикѣ мѣстнаго общества. Такъ, напримѣръ, изъ голаго перечня, представленнаго «Вологодскими Губерн. Вѣдом.» (№ 34), хотя мы и узнаемъ только, что въ прошедшемъ году въ общей сложности журналовъ и газетъ, выписывавшихся официальными мѣстами и частными подписчиками, для цѣлой губерніи получалось 72 названія различныхъ періодическихъ изданій, въ количествѣ болѣе 800 экземпляровъ, тѣмъ не менѣе изъ того-же перечня, мы можемъ вывести заключеніе о направленіи чтенія въ Вологодской губерніи исключительно духовныхъ журналовъ. «Духовная бесѣда» была выписана въ количествѣ 86 экземпляровъ, чего мы не встрѣчаемъ при выпискѣ журналовъ и газетъ въ другихъ губерніяхъ. Въ одномъ изъ городовъ той-же губерніи, Никольскѣ, изъ числа получавшихся 13 названій различныхъ журналовъ и газетъ, всего только въ количествѣ 31 экземпляра, болѣе половины выпадаетъ на долю *двухъ* духовныхъ журналовъ—«Духовной Бесѣды», выписывавшейся въ количествѣ 11 экз. и «Христіанскаго Чтенія» въ количествѣ 7 экз. За «Духовной Бесѣдой», по количеству получавшихся въ прошедшемъ году въ Вологодской губерніи журналовъ и газетъ, слѣдуютъ: «Сынъ Отечества» (84 экз.), «С. Петербургскія Вѣдом.» (51 экз.), «Московскія Вѣдом.» (38 экз.), «Русская Газета» (36 экз.) и т. д. Изъ общей сложности получавшихся журналовъ и газетъ почти половина (405 экз.) приходится на Вологду; за нею-же, по количеству полученія, уѣздные города слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Великій Устюгъ, Кадниковъ, Тотьма, Устьсысольскъ, Грязовецъ, Никольскъ, Вельскъ, Сольвычегодскъ и Яренскъ. Въ послѣднемъ городѣ выписывалось всего 11 названій періодическихъ изданій, въ количествѣ 18 экземпляровъ, изъ числа которыхъ «Земледѣльческая Газета» получалась въ количествѣ 5-ти, «Сынъ Отечества» 3-хъ и «Лучи и Звѣздочка» 2-хъ экземпляровъ, прочія же 8 названій журналовъ и газетъ только по одному экземпляру.

Въ Вытегрѣ (Олонеккой губерніи) также въ общей сложности журналовъ и газетъ, получаемыхъ различными официальными мѣстами и частными лицами, въ настоящемъ году выписывается, за

исключеніемъ журналовъ, издаваемыхъ министерствами и иностран-ныхъ газетъ, 34 названія, въ количествѣ 109 экземпляровъ, изъ числа которыхъ наибольшее количествѣ (12 экз.) приходится на долю «С. Петербургскихъ Вѣдом.» (*).

Изъ «Тобольскихъ Губерн. Вѣдом.» (№ 31), отличающихся вооб-ще полнотою доставляемыхъ свѣдѣній, мы узнаемъ, что изъ числа 58 экзempl. различныхъ журналовъ и газетъ, получаемыхъ въ Тобольскѣ собственно частными подписчиками,—40 экз. получаютъ дворянами и чиновниками, 4 экз. купцами ($\frac{1}{28}$ ч. населенія), 8 экз. духовными лицами ($\frac{1}{73}$ ч.) и 6 экз. военными ($\frac{1}{16}$ ч.), всего-же, по числу получаемыхъ частными подписчиками журналовъ и га-зетъ, приходится по одному экземпляру на 277 человекъ город-скаго населенія. Показанная цифра, впрочемъ, не можетъ вполнѣ выражать собою движеніе чтенія періодическихъ изданій въ Тобольскѣ, потому что для чиновниковъ губернскаго правленія пред-ставляется еще возможность читать журналы и газеты, получае-мые редакціею губернскихъ вѣдомостей, но, или новостъ этого современнаго распоряженія, или недостатокъ времени, или уже исключительно только очень мало развитая охота къ чтенію, толь-ко за этимъ обращаются весьма многіе. Изъ журналовъ боль-ше другихъ требуются «Московскія Вѣдом.», «Сынъ Отечества» и «Семейный Кругъ» и, при этомъ, первыя преимущественно для того, чтобы прочесть тамъ официальные извѣстія о происходя-щихъ по службѣ перемѣнахъ, да развѣ иногда объ особенно важ-ныхъ событіяхъ въ политическомъ мірѣ. По соображеніямъ «То-больскихъ Вѣдом.», вообще можно положить, что въ Тобольскѣ едва только 24 часть городскихъ жителей читаетъ газеты.

По извѣстіямъ, передаваемымъ «Экономическимъ Указателемъ» (№ 191), въ нынѣшнемъ году въ Калужской губерніи получается всего 1,404 экз. журналовъ и газетъ. Первое мѣсто занимаетъ Ка-лужскій уѣздъ; въ немъ 1 экз. приходится на 186 жителей. За тѣмъ слѣдуютъ уѣзды: Масальскій (1 на 560), Малоярославскій (1 на 735), Казельскій (1 на 785), Перемышльскій (1 на 862), Мещовскій (1 на 1070), Тарусскій (1 на 1193), Боровскій (1 на 1454), Лихвинскій (1 на 1564) Жиздринскій (1 на 1578) и Медынскій (1 на 1987). Вообще во всей губерніи 1 экземпляръ приходится на 710 человекъ. По сослови-ямъ подписчики на періодическія изданія распредѣляются въ слѣ-

(*) «Олонецкія губерніи вѣдомости» № 34—1860 г.

дующемъ порядкѣ: помѣщики, чиновники, духовные, купцы, мѣщане и крестьяне. Помѣщиками получается болѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ выписываемыхъ изданій, чиновниками почти $\frac{1}{3}$, духовными $\frac{1}{9}$, прочими сословіями $\frac{1}{10}$. Собственно изъ мѣщанъ выписываютъ: 1—«Московскія Вѣдомости» и 1—«Народное Чтеніе», а изъ крестьянъ 1—«Отечественныя записки», 1—«Московскія вѣдомости», 2—«Сынъ Отечества», 1—«Душеполезное Чтеніе» и 1—«Народное Чтеніе».

Въ Елабугѣ (Вятской губерніи) гдѣ, по извѣстіямъ, передаваемымъ «Вятскими Губерн. Вѣдом.», весьма недавно получалось на весь городъ только 2 экз. «Московскихъ Вѣдомостей» и 1 экз. «Отечественныхъ Записокъ»: въ настоящемъ году, изъ общей сложности 117 экземпляровъ различныхъ періодическихъ изданій, получаемыхъ присутственными мѣстами, учебными заведениями и частными лицами, на долю послѣднихъ приходится 88 экзempl., изъ которыхъ чиновниками выписывается 27, духовными 16, купцами и мѣщанами 45 экзempl. Такъ что, при населеніи города въ 5,700 жителей, приходится вообще 1 экз. почти на 65 человѣкъ. Цифра эта весьма значительна для маленькаго уѣзднаго городка, тѣмъ болѣе, что въ самомъ губернскомъ городѣ получается частными лицами всего 128 экземпляровъ; изъ нихъ—чиновниками 70, духовными лицами 20, купцами и мѣщанами 38.

Отъ краткихъ извѣстій, переданныхъ нами о движеніи чтенія, перейдемъ къ городскимъ бібліотекамъ и посмотримъ, при какихъ условіяхъ продолжаютъ свою дѣятельность уже открытыя и какъ возникаютъ новыя?

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши не обширны: изъ числа бібліотекъ прежде открытыхъ, мы имѣемъ извѣстія только о дѣятельности трехъ: Саратовской, Пятигорской и Тобольской; вновь открыта, за послѣднее время — одна только бібліотека въ Сумахъ (Харьковской губерніи) и предполагается къ открытію — въ г. Вытегрѣ (Олонецкой губерніи).

Въ Саратовской городской бібліотекѣ (*), благодаря ближнему участию г. начальника губерніи, были сдѣланы въ послѣднее время нѣкоторыя преобразованія, доставившія большія удобства, какъ подписчикамъ ея, такъ и лицамъ, посѣщающимъ ее бесплатно; съ начала-же будущаго года предполагается значительно увеличить настоящій ея составъ. Изъ внутреннихъ улучшеній, введенныхъ

(*) «Саратовскія Губ. Вѣд.» №№ 34 и 37, 1860 г.

уже съ измѣненіемъ прежде дѣйствовавшихъ правилъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя позволеніе ежедневно пользоваться бесплатнымъ чтеніемъ въ библіотекѣ — вмѣсто прежде назначенныхъ только двухъ дней въ недѣлю. — Пятигорская публичная библіотека, какъ видно изъ извлеченія изъ отчета по состоянію ея въ прошедшемъ 1859 году, напечатаннаго въ газетѣ «Кавказъ» (№ 72), обязана учрежденіемъ своимъ, въ прошедшемъ году, Его Сіятельству, Намѣстнику Кавказскому, князю Александру Ивановичу Бярятинскому. На первоначальное устройство ея было ассигновано Его Сіятельствомъ заимообразно и безъ опредѣленнаго срока для платежа 1,500 р. сер. Помѣщеніе библіотеки, съ отопленіемъ въ зимнее время, устроено въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ дирекціи Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Постройка необходимыхъ шкафовъ для храненія книгъ библіотеки, а равно и обстановка ея прочею мебелью произведены на первый разъ средствами дирекціи водъ. Ближайшее завѣдываніе библіотекою, подъ непосредственнымъ надзоромъ г. директора минеральныхъ водъ, поручено бесплатно одному изъ лицъ, служащихъ при дирекціи. Для письменныхъ занятій по библіотекѣ прикомандированъ писарь отъ дирекціи-же водъ, а для присмотра за помѣщеніемъ назначенъ особый сторожъ. При самомъ учрежденіи библіотеки, въ пользу ея поступило пожертвованіями отъ разныхъ лицъ до 311 сочиненій различныхъ наименованій, въ количествѣ 800 отдѣльныхъ томовъ. Въ числѣ пожертвованныхъ книгъ, многія изъ сочиненій, въ особенности-же, изъ присланныхъ барономъ М. А. Корфомъ, графомъ Д. Н. Блудовымъ, Ф. А. Жилемъ, по содержанію своему рѣдки и драгоцѣнны. Всѣхъ сочиненій въ библіотекѣ 542 наименованія, въ количествѣ 1400 томовъ, изъ нихъ 456 наименованій на русскомъ, 52 на французскомъ, 18 на нѣмецкомъ и 16 на латинскомъ. Изъ числа 34-хъ получавшихся въ прошедшемъ году журналовъ и газетъ — 25 было на русскомъ, 6 на французскомъ и 3 на нѣмецкомъ языкахъ. Читающую публику Пятигорской библіотеки составляютъ мѣстные городскіе жители и посѣтители Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Существующая подписная плата за право чтенія въ библіотекѣ тѣми и другими книгъ, журналовъ и газетъ—двухъ родовъ: 1) *годовая* или *курсовая*—5 р. с. и 2) *мѣсячная*—2 р. с. Въ-теченіе 1859 г. Пятигорская публичная библіотека имѣла у себя абонентовъ: годовыхъ—65, курсовыхъ — 36 и мѣсячныхъ 90 человекъ. А всего под-

писчиковъ было въ-теченіе года 191 человекъ, съ которыхъ собрано подписной суммы 732 руб. сер. Изъ суммъ основнаго капитала библіотеки и собраннаго по подпискѣ за право чтенія, всего 2232 р. сер., въ 1859 г. израсходовано было только 1654 р. 86¹/₂ к. с. Какъ видно изъ извлеченія изъ отчета, всѣхъ читателей, обращавшихся въ библіотеку за книгами, въ прошедшемъ году, было до 4450 человекъ, требовавшихъ по большей части книги беллетрическаго содержанія: романы, повѣсти и произведенія поэзіи. Въ Tobольскѣ, по извѣстіямъ, сообщаемымъ мѣстными губернскими вѣдомостями (№ 31), изъ числа существующихъ четырехъ библіотекъ: при гимназіи, семинаріи, дивизионномъ штабѣ и одной частной библіотеки для чтенія, по своей доступности, для насъ имѣетъ значеніе только послѣдняя. Въ прошедшемъ году эта частная библіотека имѣла у себя постоянныхъ подписчиковъ только 48 человекъ, что составляетъ 336 часть населенія города; въ числѣ постоянныхъ читателей большинство составляли чиновники, мѣщане-же и крестьяне были въ самомъ незначительномъ числѣ; изъ купцовъ не было ни одного. Въ распоряженіи библіотеки находится до 859 экземпляровъ разныхъ сочиненій, въ количествѣ 1467 томовъ, заключающихъ въ себѣ много хорошаго изъ русской и, въ переводахъ, изъ англійской и французской литературъ; кромѣ-того, въ прошедшемъ году, выписывалось до 20 періодическихъ изданій. Изъ числа журналовъ, требованія болѣе всего поступали на «Современникъ», читавшійся 14 подписчиками и обращавшійся впродолженіе года до 162 разъ; «Отечественныя Записки» спрашивались 10-ю человекъми 123 раза; «Русскій Вѣстникъ» 6-ю человекъми 119 разъ; «Морской Сборникъ» 4-мя человекъми 26 разъ и «Журналъ для воспитанія» 3-мя человекъми 37 разъ. Отдѣльныхъ сочиненій русскихъ авторовъ до 174 сочиненій требовалось 43-ми абонентами 2670 разъ; французскіе авторы (58 романовъ и повѣстей, въ томъ числѣ главнымъ образомъ А. Дюма и Е. Сю) читались 42-мя абонентами 2247 разъ; на одного Поль-де-Кока (54 романа) запросъ доходилъ до 370 разъ, только семью абонентами, между-тѣмъ лучшіе англійскіе писатели сравнительно читались гораздо меньше французскихъ: только семь абонентовъ 397 разъ брали сочиненія Диккенса, Теккерея, Фильдинга, Купера, въ числѣ 41 экземпляра отдѣльныхъ сочиненій. «Эти данныя», замѣчаетъ г. И. Ю., авторъ статьи «Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей», «прямо приводятъ насъ къ печальному

заключенію, что мы и читаемъ мало, да еще и въ этомъ-то не многомъ очень часто выбираемъ не лучшее». Если не вполне удачный выборъ книгъ для чтенія, со стороны абонентовъ Тобольской частной библіотеки, могъ вызвать справедливыя сожалѣнія г. И. Ю., то читая письмо корреспондента «С. Петербургскихъ Вѣдом.» (№ 205), объ открытіи въ Сумахъ городской библіотеки, намъ приходится еще болѣе посѣтовать на тѣ затрудненія, которыя сопровождали открытіе послѣдней. По извѣстіямъ, передаваемымъ г. Копейчиковымъ, Сумская библіотека для чтенія обязана открытіемъ своимъ исключительной дѣятельности штатнаго смотрителя г. Андреева, при участіи уѣзднаго судьи, г. Солецкаго. По инициативѣ ихъ открыта была подписка и въ скоромъ времени собрано до 600 р. сер., сверхъ пожертвованныхъ при томъ разныхъ книгъ. Первымъ подписался уѣздный предводитель дворянства, а за нимъ городской голова; мѣстное купечество выразило особенное участіе къ начатому полезному дѣлу. Но въ то время, какъ на собранныя деньги нанято уже было помѣщеніе, выписаны журналы и газеты, и библіотека ожидала только для своего открытія полученія разрѣшенія начальства, въ городѣ, въ ожиданіи разрѣшенія, составила оппозиція противъ учредителей библіотеки, во главѣ которой стояли никогда не читающіе ничего печатнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, значительные мѣстные жители. «Одинъ изъ нихъ», замѣчаетъ г. Копейчиковъ, «говорилъ даже своимъ знакомымъ, что если онъ захочетъ, то разорить всю библіотеку, а читателей побьетъ». Къ счастью, сколько можно судить по результатамъ, которыми увѣнчалось начатое гг. Андреевымъ и Солецкимъ дѣло, угрозы эти не смутили никого и, по полученіи разрѣшенія начальства, городская библіотека въ Сумахъ была открыта. По извѣстіямъ, передаваемымъ г. Копейчиковымъ, она помѣщается въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, стоящемъ въ центрѣ города, и занимаетъ весь верхній этажъ. Кабинетъ для чтенія состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ, убранныхъ со вкусомъ. Библіотека выписываетъ почти всѣ журналы и газеты, издаваемые въ Россіи, многіе въ 4-хъ экземплярахъ. Годовая подписная плата—10 р. с.; но для лицъ недостаточнаго состоянія она понижается до 3 р. с. Учители уѣзднаго и приходскаго училища имѣютъ право пользоваться книгами изъ библіотеки бесплатно.

Въ заключеніе отчета о библіотекахъ для чтенія, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о Екатеринбургской казенной

горной библіотекѣ, заключающей въ себѣ книгъ болѣе 2,700 названій, не считая періодическихъ изданій, занимающихъ нѣсколько отдѣльныхъ шкафовъ.

Эта библіотека, принадлежавшая въ прошедшемъ столѣтіи Екатеринбургской горной школѣ, замѣчательна въ особенности, по извѣстіямъ, передаваемымъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 203), — богатымъ собраніемъ книгъ XVII и первыхъ тридцати лѣтъ XVIII столѣтій. Въ этомъ собраніи встрѣчаются сочиненія по части военныхъ наукъ, артиллеріи, фортификаціи, математики, а болѣе всего по части исторіи, географіи, государственнаго права и дипломатіи. Въ числѣ ихъ есть библиографическія рѣдкости, какъ напримѣръ, иностранныя сочиненія о Россіи и о Петрѣ Великомъ, изданныя въ 1720 годахъ; политическіе памфлеты того-же времени и историческія описанія славянскихъ народовъ. Книги, большею частію, нѣмецкія; есть нѣсколько латинскихъ, французскихъ и польскихъ; одна книга на шведскомъ языкѣ и одна на голландскомъ («Исторія смуть во Франціи отъ вступленія на престолъ Генриха II до смерти Генриха IV»). На нѣкоторыхъ книгахъ этого собранія, на первомъ листѣ, изображенъ вензель изъ двухъ буквъ: В. Т.; на многихъ въ концѣ сдѣланы помѣтки, то по-русски, то по-нѣмецки, все одною и тою-же рукой—въ какомъ году и гдѣ куплены; на нѣкоторыхъ означены и цѣны. Изъ этихъ надписей видно, что книги покупались, преимущественно, въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Данцигѣ, Дрезденѣ, на Аландѣ и Стокгольмѣ; нѣсколько книгъ было куплено, впрочемъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и Tobольскѣ.

Послѣ тщательныхъ изысканій, корреспонденту «Московскихъ Вѣдом.», г. Чупину, удалось открыть, что это рѣдкое собраніе старыхъ книгъ Екатеринбургской горной библіотеки первоначально принадлежало извѣстному нашему ученому и историку, Василю Никитичу Татищеву, и въ бытность его два раза начальникомъ уральскихъ заводовъ (въ 1720—1722 г. и 1734—1739 г.) было подарено въ пользу учрежденныхъ имъ заводскихъ школъ. Кромѣ 120 книгъ съ вензелемъ В. Н. Татищева, г. Чупинъ относитъ къ Татищевскому-же собранію многія другія книги, на которыхъ, впрочемъ, не находится ни вензеля, ни надписей; таковы, напримѣръ: «Путешествіе Марко Поло»; «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Петра В. съ Евою» (Лейпцигское изданіе 1725 г.); «Исторія Персидской войны Петра Великаго, съ описаніемъ царствъ Ка-

занскаго и Астраханскаго и Грузіи» (Нюрнбергское изд. 1724 г.); сборники дипломатическихъ договоровъ; сочиненія о государственномъ устройствѣ Польши и различныхъ нѣмецкихъ государствъ; сочиненія Длугоша и Мартына Кромера и другія.

На одной изъ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ—на французской грамматикѣ,—сдѣлана рукою В. Н. Татищева, такая надпись: «1720 г. октября въ 21 день, вкунгуре, по сей грамматике началъ учиться пофранцузски артиллеріи капитанъ Василій Никитинъ сынъ Татищевъ, отъ рожденія своего 34-хъ лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и двухъ дней».

Въ послѣднее время Екатеринбургская библіотека пополняется почти исключительно сочиненіями, имѣющими прямое отношеніе къ горно-заводскому дѣлу, но между книгами прежнихъ лѣтъ, исключая книги Татищевского собранія, видно большое разнообразіе: тутъ есть и богословскія, и юридическія, и медицинскія книги, и учебники, и романы, и стихотворенія (большею частію на нѣмецкомъ языкѣ). Это разнообразіе, по замѣчанію г. Чупина, объясняется тѣмъ обычаемъ, которому, лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, держалось горное начальство. Желая оказать пособіе чиновнику, уѣзжавшему изъ Екатеринбурга, или просто нуждавшемуся въ деньгахъ, горное начальство покупало въ казну книги; какія у него были, не обращая особеннаго вниманія на содержаніе ихъ, цѣны-же, какъ видно по каталогу библіотеки, платились довольно высокія.

Женскія учебныя заведенія. — Въ предыдущемъ обзорѣни, говоря о Петербургскихъ воскресныхъ школахъ, мы упомянули объ открытіи воскресной бесплатной женской школы въ помѣщеніи гальванической роты,—спѣшимъ добавить, что 28 августа, въ столицѣ была открыта еще другая воскресная женская школа,—въ помѣщеніи второй гимназіи. Послѣдняя содержитя на счетъ ремесленнаго общества; завѣдываніе распорядительною въ ней частью приняла М. С. Шпилевская, а бесплатное обученіе различнымъ предметамъ взяли на себя: законоучитель при 2-й гимназіи, нѣсколько дамъ и дѣвицъ и нѣкоторые преподаватели. По взаимному соглашенію, дамы и дѣвицы, вызвавшіяся обучать, условились посѣщать воскресную школу не иначе, какъ въ самомъ простомъ нарядѣ.

По проекту предварительно составленныхъ правилъ, какъ из-

вѣщаютъ «С. Петерб. Вѣд.» (№ 192), преподаваніе въ женской школѣ предполагается начинать съ половины втораго. До двухъ часовъ всѣ ученицы слушаютъ законъ Божій. За тѣмъ онѣ дѣлятся на классы. Въ первомъ классѣ учатъ читать и писать, во второмъ занимаются арифметикою, въ третьемъ рисованьемъ и чистописаніемъ. Классы дѣлятся на кружки; размѣщеніе по классамъ и кружкамъ зависитъ отъ степени познанія учащихся, безъ всякихъ стѣсненій. Методъ преподаванія представляется усмотрѣнію преподающихъ, «въ томъ предположеніи (какъ сказано въ проектѣ правилъ, составленномъ распорядительницею), что каждая преподавательница будетъ заниматься въ школѣ такъ-же, какъ-бы она занималась съ своими сестрами или дѣтьми, и, слѣдовательно, употребитъ всѣ старанія, чтобы способъ преподаванія былъ и, по возможности, легкій, и доступный учащимся». Въ день открытія воскресной школы, въ нее прибыло до 190 ученицъ, въ числѣ которыхъ много было взрослыхъ; грамотныхъ оказалось 50, а остальные 140 дѣвицъ были, или совершенно безграмотны, или-же знали только одну азбуку. Въ слѣдующіе за тѣмъ воскресные и праздничные дни, въ первой половинѣ сентября, число ученицъ воскресной школы простиралось отъ 188—266 дѣв. Въ женскомъ отдѣленіи воскресной школы, находящейся въ помѣщеніи гальванической роты, и содержимой на частныя средства, хотя число ученицъ и не представляло слишкомъ высокой цифры, но тѣмъ не менѣе, постоянно выражалось въ прогрессіи увеличивающейся. Судя по началу и по тому сочувствію, которое женскія воскресныя школы встрѣтили къ себѣ со стороны дѣвушекъ-ремесленницъ, мы надѣемся, что онѣ привыкнутся у насъ также, какъ и мужскія воскресныя школы. О пользѣ учрежденія ихъ, — и говорить нечего; скорѣе можно сказать, что въ основаніи ихъ чувствовалась до-сихъ-поръ самая настоятельная необходимость, выражавшаяся въ посѣщеніи дѣвками воскресныхъ школъ, предназначенныхъ для мальчиковъ.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ «Владимірскими Губернск. Вѣд.» (№ 36), 26 августа происходило въ Муромѣ открытіе женскаго училища 2-го разряда. Независимо отъ денежныхъ суммъ, ассигнованныхъ тамошнимъ купечествомъ на содержаніе его, о чемъ мы извѣщали уже читателей нашихъ (*) — избранная въ попечи-

(*) См. Ж. М. Н. Пр. ч. CVII. 1860 г. Отд. IV, стр. 22.

тельницы почетная потомственная гражданка, Зворыкина, обязалась во все время нахождения ея въ этомъ званіи жертвовать ежегодно по 100 р. сер., а купецъ Ермаковъ предоставилъ въ своемъ домѣ помѣщеніе и изготовилъ на свой счетъ всю мебель, необходимую для классныхъ комнатъ. Нѣкоторые изъ гг. учителей уѣзднаго училища и одинъ изъ городскихъ приходскихъ священниковъ вызвались бесплатно преподавать. Въ первые дни, по открытіи училища, въ него явилось 55 ученицъ — дочерей купцовъ и мѣщанъ.

Въ Вольскѣ (Саратовской губ.), открытъ женскій пріютъ. Это человѣколюбивое заведеніе обязано учрежденіемъ своимъ тамошнему городскому головѣ, потомственному почетному гражданину, А. А. Брюханову, пожертвовавшему для этой цѣли 50,000 руб. с. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала обучалось 50 дѣвицъ, изъ числа которыхъ 12 воспитанницъ должны быть на полномъ его содержаніи и жить въ пріютѣ, а остальные, приходя ежедневно въ заведеніе, кромѣ получаемого ими образованія, будутъ пользоваться еще пищею и одеждою (**).

Корреспондентъ «Кіевскаго Телеграфа» сообщаетъ редакціи журнала, что открытое въ Гродно семиклассное училище для приходящихъ дѣвицъ, благодаря дѣятельности директора, г. Виноградова, а также учителей и надзирательницъ, — идетъ успѣшно. Кромѣ того, г. корреспондентъ обращаетъ вниманіе на существующее въ городѣ благотворительное заведеніе, въ которомъ благотворительное общество, въ видахъ прекращенія нищенства между малолѣтними, доставляло въ прошедшемъ году 50-ти бѣднымъ дѣвочкамъ не только дневной пріютъ и пищу, но и обучало ихъ закону Божію, чтенію и письму, 18-же бѣдныхъ сиротъ жили здѣсь постоянно.

По извѣстіямъ, передаваемымъ «Московскими Вѣдомостями» (№ 208), въ первые два дня, по открытіи Полтавскаго женскаго училища, въ него вступили 174 ученицы, изъ которыхъ большая часть—107 учен.—принадлежатъ къ семействамъ дворянъ и чиновниковъ, въ числѣ же остальныхъ 67 дѣвицъ, принадлежащихъ къ различнымъ сословіямъ, находятся 7 дѣвочекъ-крестьянокъ.

Въ пользу Харьковскаго женскаго училища, съ 15 августа по 1 сентября, поступило пожертвованіями 670 р. с.

(**) «Саратовскія губ. вѣд.» № 34, 1860 г.

«Экономическій Указатель» (№ 194) сообщаетъ извѣстіе о предположеніи открыть въ Нижнемъ-Новгородѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія, по образцу Царско-Сельскаго. Графиня А. Е. Толстая пожертвовала въ пользу его усадебное мѣсто, стоящее до 5000 р. с.

Мужскія воскресныя школы. — Къ пяти прежде существовавшимъ въ Петербургѣ воскреснымъ школамъ, содержимымъ на счетъ ремесленнаго общества, прибавилась еще шестая, открытая въ первой половинѣ сентября при Вознесенскомъ училищѣ. Въ день открытія ея явилось 76 челов., между которыми оказалось весьма много грамотныхъ. Ученики, по степени ихъ познаній, были раздѣлены на отдѣленія, а отдѣленія на кружки, гдѣ и началось преподаваніе по программѣ, общей для всѣхъ воскресныхъ школъ Лица, вызвавшіяся обучать, за исключеніемъ двухъ педагоговъ, читающихъ лекціи въ учебныхъ заведеніяхъ, большею частію бывшіе ученики лицея. Въ послѣднихъ числахъ второй половины августа и въ первой половинѣ сентября — число учениковъ Самсоньевской воскресной школы постоянно увеличивалось и среднимъ числомъ приходившихъ въ школу учениковъ можно считать до 180 человѣкъ; во Владимірской воскресной школѣ, за это-же время, было до 328; Коломенской до 100 и въ воскресной школѣ учебнаго кадра до 120 учениковъ. Измѣненій въ принятыхъ программахъ не было сдѣлано никакихъ. Нѣкоторыя изъ воскресныхъ школъ, въ послѣднее время, въ особенности часто были посѣщаемы посторонними лицами, принадлежавшими къ различнымъ сословіямъ, — въ числѣ посѣтителей воскресной школы гимнастическаго кадра были даже два простолюдина; они внимательно слѣдили за преподаваніемъ и прислушивались къ объясненіямъ учителей. Изъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу воскресныхъ школъ, поступили слѣдующія: а) въ пользу частной воскресной школы, помѣщающейся въ казармахъ гальванической роты, принесено въ даръ отъ гг. Дельфина — 50 экземпляровъ «Священной исторіи для народнаго чтенія» и Золотова — 25 экз. азбукъ; редакция журнала «Солдатское Чтеніе» пожертвовала по одному экземпляру изданныхъ ею книгъ и особеннаго устройства транспаранты для письма; сверхъ-того, поступило деньгами: — 25 р. с., присланные изъ ремесленной управы и 74 руб. 50 к. с. отъ г. Тиханова, вырученныя отъ даннаго имъ въ пользу этой воскресной школы уве-

селительнаго вечера; б) въ пользу Самсоньевскаго уѣзднаго училища пожертвовано г. Кудрявцевымъ 70 счетовъ, а редакцію журнала «Солдатское Чтеніе» — 38 книжекъ собственнаго изданія. Независимо отъ этихъ пожертвованій, въ книжномъ магазинѣ г. Кожанчикова, по открытой тамъ подпискѣ въ пользу Петербургскихъ воскресныхъ школъ, содержащихся на частныя средства, въ первой половинѣ сентября, поступило денежными приношеніями отъ 8-ми лицъ—560 р. 61 к. с.

Изъ краткаго отчета, помѣщеннаго въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» (№ 68), о состояніи одной изъ Кіевскихъ воскресныхъ школъ, Новостроенской, въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніи, видно, что школу эту въ-теченіе августа, посѣщало отъ 50—70 учениковъ и въ настоящее время въ трехъ ея классахъ ученики распределены въ слѣдующемъ количествѣ: въ низшемъ считается ихъ до 15, въ среднемъ до 40 и въ высшемъ до 20 человѣкъ. Въ низшемъ классѣ, при значительно большемъ числѣ преподавателей, введена въ тѣсномъ смыслѣ одиночная система, а въ среднемъ и высшемъ классахъ приходится отъ 2 до 3 учениковъ на одного учителя. Занятія въ воскресной школѣ обыкновенно начинаются въ 10 часовъ и продолжаются до 2-хъ пополудни. Въ низшемъ классѣ обучаютъ чтенію (по измѣненной, отчасти, Золотовской методѣ) и счисленію до 100; въ среднемъ также чтенію, но съ рассказомъ прочитаннаго, 4-мъ ариметическимъ дѣйствіямъ (по методѣ Груббе), письму по диктовкѣ и закону Божію; въ высшемъ классѣ обращено особенное вниманіе на развитіе учениковъ и сообщеніе имъ нѣкоторыхъ полезныхъ свѣдѣній по части географіи, естественной исторіи и т. п. Съ этою цѣлью ученики разделены на три группы; для каждой группы, по каждому предмету имѣется особый учитель. 1-й часть занимаются арифметикой. Ученики рѣшаютъ изъ 4-хъ ариметическихъ правилъ задачи, приравленные къ ихъ быту. 2-й часть назначается для русскаго языка. Руководствомъ при занятіяхъ служитъ грамматика Перевѣсскаго. Учителя читаютъ и объясняютъ сказки Аеонасьева, задаютъ ученикамъ на домъ выучивать стихотворенія, не большія и доступныя для нихъ. Ученики пишутъ также по диктовкѣ. 3-й часть—посвященъ занятію географіи въ связи съ естественной исторіею. Для руководства употребляется книга: «Природа и Люди». Черезъ недѣлю водятъ учениковъ въ зоологическій кабинетъ. 4-й часть—закону Божію. Законъ Божій слушаютъ всѣ классы

вмѣстѣ. Законоучитель, читая Евангеліе, объясняетъ его и заставляетъ повторять прочитанное.

Относительно матеріальныхъ средствъ, Кіевскія воскресныя школы не чувствуютъ особеннаго недостатка; изъ денежныхъ пожертвованій, въ пользу ихъ, поступило въ послѣднее время 150 р. с., выданныя изъ городскихъ суммъ, и 30 р. с., собранныя по подпискѣ гг. студентами, объявленная-же у книгопродавцевъ подписка не принесла ничего. Но взамѣнъ того, выразился другой, не менѣе чувствительный недостатокъ—въ книгахъ, покупка которыхъ у Кіевскихъ книгопродавцевъ рѣшительно недоступна по своимъ цѣнамъ.

О дѣятельности Одесскихъ воскресныхъ школъ мы знаемъ немного, да и тѣ краткія извѣстія, которыя сообщаетъ за послѣднее время «Одесскій Вѣстникъ» (№№ 99 и 100), нельзя назвать утѣшительными. Одну изъ воскресныхъ школъ, находящуюся при приходскомъ училищѣ, во второй части Одессы, вначалѣ посѣщало не болѣе 8-ми учениковъ; въ послѣдствіи, число это, то увеличивалось, то уменьшалось и наконецъ, въ половинѣ іюня, достигнувъ до 26 человекъ, опять начало понижаться и при всемъ этомъ, являющіеся ученики постоянно замѣняются одни другими.

Открытая при Симферопольской гимназіи воскресная школа, не смотря на всѣ надежды, которыя на нее возлагались, какъ видно изъ письма корреспондента въ редакцію газеты «Одесскій Вѣстникъ», — въ настоящее время, какъ будто-бы, и не существуетъ; только изрѣдка забѣгаютъ въ нее одинъ, два, и много-много пять мальчиковъ. Между тѣмъ, энергія, выказанная въ началѣ дѣла со стороны училищнаго начальства, не ослабѣваетъ, и преподаватели гимназіи и уѣзднаго училища, по прежнему, выражаютъ свою готовность служить полезному дѣлу, они даже въ послѣднее время выразили готовность сдѣлать посильныя денежныя пожертвованія для пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій, въ которыхъ, въ особенности, чувствуется большой недостатокъ.

Тѣмъ-же характеромъ запечатлѣны извѣстія, доходящія о Воронежской воскресной школѣ. Не смотря на всю энергію, выказываемую основателемъ ея, бывшимъ директоромъ гимназіи П. И. Савостьяновымъ, открывшимъ ее на собственные средства, дѣло подвигается впередъ тихо, съ одной стороны, вслѣдствіе полного равнодушія, которое встрѣчаетъ къ себѣ воскресная школа со стороны общества, выразившаго вначалѣ готовность служить ей

кто чѣмъ можетъ, а съ другой, вслѣдствіе затрудненій, которыя встрѣчаютъ мальчики-ремесленники въ акуратномъ посѣщеніи воскресныхъ классовъ, со стороны своихъ хозяевъ. Къ большому еще сожалѣнію, какъ видно изъ словъ корреспондента «Московскихъ Вѣдом.» (№ 212), тѣмъ-же характеромъ выражается и участіе къ воскресной школѣ со стороны гг. преподавателей, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ вначалѣ предлагали ей свой безденежный трудъ.

Въ Нытвинской воскресной школѣ, гдѣ обученіе ограничивалось до-сихъ-поръ заучиваніемъ необходимыхъ молитвъ и изложеніемъ важнѣйшихъ событій изъ священной исторіи, по извѣстіямъ, передаваемымъ «Пермскими Губернскими Вѣдом.» (№ 37), учреждаются нынѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣобѣденные классы для обученія чтенію, письму и счетоводству. Учителя Нытвинскаго приходскаго училища, рѣшившіеся расширить такимъ образомъ кругъ проходимыхъ въ воскресной школѣ предметовъ, предположили на первый разъ ограничиться достиженіемъ со стороны учениковъ навыка къ правильному чтенію, письму подъ диктовку, безъ претензій на орфографическія погрѣшности, и изученіемъ нумераціи и первыхъ четырехъ, или, по-крайней-мѣрѣ, двухъ дѣйствій ариѳметики на счетахъ.

Удачными послѣдствіями сопровождалось открытіе воскресныхъ школъ въ Саратовѣ и Орлѣ. Въ Орловской воскресной школѣ, на второй урокъ число прибывшихъ учениковъ дошло до 82 человѣкъ, изъ числа которыхъ 38 чел. принадлежали къ числу учениковъ, посѣтившихъ ее въ первый урокъ. Распорядители воскресной школы, желая предупредить затрудненія и неудобства, которыя могли-бы произойти отъ многолюдства, при тѣснотѣ помѣщенія, отдѣливъ часть учениковъ (22 человѣка), открыли въ тотъ-же день вторую воскресную школу, преподаваніе въ которой взяли на себя ученики 6 класса гимназіи, подъ ближайшимъ руководствомъ старшихъ учителей гимназіи. Всѣхъ ремесленниковъ въ Орлѣ, заявившихъ желаніе посѣщать воскресные классы, къ началу сентября считалось до 108 человѣкъ (*).

Вновь открыты воскресныя школы: въ Харьковѣ и Ярославлѣ (**); предполагаются къ открытію въ непродолжительномъ вре-

(*) «Московскія вѣдом.» № 204.

(**) «Московскія вѣдом.» № 211; «Экономич. указатель» № 196.

менѣ въ Твери, Херсонѣ и Тобольскѣ (*). Въ послѣднемъ городѣ уже подготовленъ проектъ устава школы, принскано помещеніе и подписка на первоначальное обзаведеніе школы идетъ довольно успѣшно, такъ-что въ настоящее время собрано болѣе 150 руб. сер.

Въ г. Оргѣевѣ (Бессарабской области) въ началѣ сентября открыто уѣздное училище. Оргѣевскій уѣздъ, какъ сообщаетъ «Одесскій Вѣстникъ», принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ; между-тѣмъ, нигдѣ не были такъ бѣдны способы къ образованію какъ тутъ. Г. Квятковскій, предсказывая въ «Бессараб. Обл. Вѣдом.» большіе успѣхи этому училищу, замѣчаетъ, что до выбора гг. дворянъ въ должности земскихъ исправниковъ и непремѣнныхъ засѣдателей, въ Оргѣевѣ вся литература ограничивалась только *одною* газетою, которую получалъ городничій и то со втораго полугодія. Это было недавно—въ 1859 году!

Изъ извѣстій, сообщаемыхъ корреспондентомъ «Москов. Вѣд.» (№ 207), между прочимъ, видно, что для обученія дѣтей простыхъ казаковъ, служащихъ въ Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ, существуетъ до 170 первоначальныхъ школъ, изъ числа которыхъ на долю Уральского казачьяго войска приходится до 70 школъ, открытыхъ весьма недавно Г. Н. Столыпинамъ. Кромѣ чтенія и письма, въ нихъ обучаютъ священной исторіи, катихизису, ариметикѣ, русской грамматикѣ и краткой русской исторіи. Независимо отъ этихъ учебныхъ заведеній, въ настоящемъ году учреждена еще въ Оренбургскомъ войскѣ, попеніемъ войсковаго начальства, при особомъ содѣйствіи начальника штаба, при войсковомъ дежурствѣ,—школа офицерскихъ дѣтей, а въ Уральскомъ войскѣ существуетъ войсковое училище съ довольно обширною программю, приспособленною къ нуждамъ народа и къ мѣстнымъ потребностямъ. Кромѣ этого училища предполагается учредить войсковую гимназію, проектъ которой еще въ январѣ представленъ на утвержденіе г. генералъ-губернатора. Для образованія дѣвицъ учреждено нѣсколько женскихъ школъ.

НѢКОТОРЫЕ СЛОВЪ О МЕТОДѢ И ОБЪЕМѢ ЗАНЯТІЙ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ЧТЕНІЕМЪ

(*) «Тверскія губерн. вѣдом.» № 37; «Одесскій вѣстникъ» № 101; «Тобольскія губерн. вѣдом.» № 37.

въ воскресной школѣ (*).—Безъ сомнѣнія, читающей публикѣ уже извѣстно, что въ воскресныхъ петербургскихъ школахъ обучаютъ: *грамотѣ, закону Божію, ариѳметикѣ* и при урокѣ объяснительнаго чтенія излагаютъ *основныя понятія* какъ о нѣкоторыхъ наукахъ практическихъ, такъ и обо всемъ, затрагивающемъ интересы простолюдина. Всѣ ученики раздѣляются на кружки и каждый кружокъ имѣетъ своего преподавателя. Въ тотъ кружокъ, гдѣ преподаватель занимается объяснительнымъ чтеніемъ, поступаютъ только ученики, знающіе хорошо читать и писать буквы. Мы уже сказали, что при объяснительномъ чтеніи слѣдуетъ дать основное понятіе ученику обо всемъ, что затрагиваетъ его интересы не только какъ индивидуума, но и какъ гражданина. Задавъ себѣ эту педагогическую задачу, намъ остается рѣшить ее, рѣшить не поверхностно, но обдуманно и основательно, какъ переходить отъ предмета къ предмету и чѣмъ ограничиться. Принявъ къ себѣ ученика, который хорошо знаетъ читать и писать буквы, мы считаемъ сначала необходимымъ выучить его переписывать слова печатныя на бумагу, потомъ, когда окажутся успѣхи, научить его составлять слова и тогда уже только переходить къ письму подъ диктовку. Когда ученикъ въ состояніи будетъ, безъ особенныхъ трудностей, написать продиктованный періодъ, тогда слѣдуетъ исправлять дѣлаемые имъ орфографическія ошибки и поручать этотъ-же самый періодъ переписывать два раза къ слѣдующему занятію. Переписывая одни и тѣ-же слова по два раза, ученикъ невольнымъ образомъ будетъ запоминать сдѣланныя имъ ошибки. Сообразуясь съ успѣхами и способностями ученика, слѣдуетъ объяснить ему знаки препинанія, значеніе именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій, глаголовъ и др. и стараться передать все это въ самыхъ краткихъ и понятныхъ выраженіяхъ. За тѣмъ, слѣдуетъ другая половина занятій—это собственно объяснительное чтеніе. Преподаватель выбираетъ книгу и заставляетъ ученика читать — тутъ настаетъ для него обширное поприще къ умственному развитію всѣхъ учениковъ своего кружка. Конечно, ему необходимо сначала узнать, какимъ образомъ онъ можетъ вѣрнѣе привлечь вниманіе ихъ, ему необходимо изучить хотя нѣсколько образъ пониманія и воспріятія всѣхъ уче-

(*). Сообщено *Дж. Лобановымъ*, однимъ изъ преподавателей воскресныхъ школъ.

никовъ и потомъ уже приступить къ вопросамъ и бесѣдѣ съ ними. Изъ нашихъ словъ вытекаетъ: какъ можно заниматься съ учениками объяснительнымъ чтеніемъ и какимъ образомъ спрашивать и бесѣдовать съ ними? Безъ сомнѣнія, всякій знаетъ сколько матеріаловъ для разговора даетъ прочитанная нами хорошая, дѣльная статья; сколько новыхъ познаній вноситъ она изъ области различныхъ наукъ. Возьмемъ для примѣра какое-нибудь описаніе жизни и трудовъ Ломоносова. Указывая при разсказѣ на мѣсто родины Ломоносова, у учениковъ, не свѣдущихъ въ географіи, невольно рождаются вопросы: «гдѣ-же губернія Архангельская?» Тутъ-же встрѣчаются имена: Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, берега Лапландіи и проч. «А при какомъ государѣ жилъ онъ?» спросятъ ученики; или даже необходимо ихъ навести на это. Что-же касается до жизни семейной и жизни ученой Ломоносова, то описаніе ихъ также даетъ разнообразную тему для бесѣды учителя съ учениками. Семейная жизнь Ломоносова, по преданію, была для него не весьма благопріятна—его притѣсняла злая мачиха за то, что онъ, по ея воззрѣнію, далеко забирался въ ученость. Тутъ слѣдуетъ поговорить съ ученикомъ о томъ, права-ли была мачиха, а если нѣтъ, то что мѣшало ей здраво мыслить и почему отецъ Ломоносова никакъ понять не могъ, чѣго сынъ его хочетъ и къ чемустремится. При этомъ сказать нѣсколько словъ объ обязанностяхъ въ отношеніи родителей и всѣхъ старшихъ. Говоря о пребываніи Ломоносова за границей, не худо сказать нѣсколько словъ и о жизни, грамотности и трудолюбіи крестьянъ и ремесленниковъ въ иноземныхъ краяхъ. Вотъ, по моему убѣжденію, форма метода, которому долженъ держаться преподаватель объяснительнаго чтенія въ воскресной школѣ. Но, впрочемъ, странно-бы было навязывать эти мысли людямъ, посвятившимъ свой досугъ на доброе, благородное дѣло просвѣщенія многочисленныхъ соотечественниковъ нашихъ — всякій истинно сочувствующій своему стремленію навѣрно найдетъ средства къ осуществленію идеи о жизни народа. Всякій имѣетъ свой тактъ и методъ въ преподаваніи, и всякій будетъ стараться излагать свои знанія какъ можно проще, а слѣдовательно и понятнѣе. Всякій будетъ имѣть въ виду свѣтлое будущее, и потому приложитъ всѣ свои усилія.

ОБЪ УЧАСТІИ ДУХОВЕНСТВА ВЪ НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.—Народныя шко-

лы обязаны быстрымъ своимъ распространеніемъ не одной только исключительной дѣятельности свѣтскихъ сословій, но, безспорно, значительная доля участія въ учрежденіи ихъ принадлежитъ и духовенству. Не говоря уже о постоянной готовности служителей церкви споспѣшествовать открытію воскресныхъ школъ предложеніемъ безмезднаго преподаванія въ нихъ закона Божія, во многихъ мѣстахъ Россіи дѣятельность духовенства, на пользу просвѣщенія простыхъ и бѣдныхъ классовъ народа, простирается иногда наружу совершенно самостоятельно. Такъ, въ прошедшемъ году, по одному удѣльному вѣдомству, школъ, открытыхъ исключительно духовными лицами, считалось до 478 (*). И вообще должно замѣтить, что одиночная дѣятельность духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, по преимуществу, проявляется въ открытіи приходскими священниками сельскихъ школъ, большею частію, у себя при домахъ. Имѣя подъ рукою свѣдѣнія о заведеніи такихъ школъ въ селеніяхъ Кіевской губерніи, сообщенныя журналомъ «Странникъ», мы спѣшимъ занести ихъ въ нашу лѣтопись о народныхъ училищахъ.

Въ мѣстечкѣ Ольховцѣ (Звенигородскаго уѣзда), священникъ *Василій Олтаржевскій* открылъ училище для крестьянскихъ дѣтей еще въ ноябрѣ 1858 года. Въ началѣ дѣло подвигалось туго, прихожане смотрѣли на школу какъ-то недовѣрчиво и большаго труда стоило ревностному пастырю уговорить отца-крестьянина, имѣющаго двухъ-трехъ сыновей, отдать хотя одного изъ нихъ въ науку. Но впоследствии все измѣнилось — теперь въ школѣ встрѣчается

(*) По удѣльному вѣдомству, въ томъ-же году, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ «Экономич. Указателемъ» (№ 195), кромѣ школъ, открытыхъ духовными лицами, считалось еще до 596 школъ, заведенныхъ частными лицами. Въ общей сложности число обучавшихся въ тѣхъ и другихъ школахъ простиралось до 12,300 чел. обоего пола. Кромѣ-того, при татарскихъ мечетяхъ, находящихся въ селеніяхъ удѣльнаго вѣдомства, устроено 126 школъ и въ нихъ 4,986 учащихся обоего пола. Независимо отъ этихъ школъ, въ вѣдѣніи министерства удѣловъ состоятъ: сельскихъ приказныхъ училищъ 228 съ 7,144 учащ.; ремесленныхъ 19 съ 373 учен.; земледѣльческое училище 1 съ 204 учащ. и 1 землѣрное съ 37 учащихся. Сверхъ-того, при землѣрныхъ партіяхъ департамента удѣловъ и при землѣраxъ удѣльныхъ конторъ состоятъ для практическаго изученія землѣрному искусству до 129 крестьянскихъ мальчиковъ и 3 мальчика обучаются на счетъ этого-же вѣдомства въ академіи художествъ.

даже по два мальчика изъ одного семейства, и родители сами просятъ брать у нихъ дѣтей учиться; но, какъ домъ, служившій прежде помѣщеніемъ причетнику, а въ настоящую пору занимаемый школою, можетъ помѣстить не болѣе 25 мальчиковъ, то и приходится многимъ изъ родителей отказывать. Желая помочь горю, отцы учениковъ, успѣвшихъ попасть въ школу, заставляютъ послѣднихъ обучать грамотѣ на дому меньшихъ своихъ братьевъ, лишенныхъ безъ этого возможности научиться. Въ дѣлѣ обученія дѣтей грамотѣ священнику помогаетъ одинъ грамотный пожилой крестьянинъ. Въ будущемъ священникъ Олтаржевскій надѣется распространить кругъ проходимыхъ въ настоящее время въ школахъ предметовъ и преподавать научившимся уже грамотѣ священную исторію, катихизисъ, правила правописанія, первыя дѣйствія ариметики и географію Россіи. Онъ также успѣлъ завести у себя въ школѣ маленькую бібліотеку, въ которой считаетъ до 50 книгъ духовнаго содержанія, и сюда-же выписываетъ изъ періодическихъ изданій: «Воскресное Чтеніе», «Руководство для сельскихъ пастырей», «Народное Чтеніе» и «Домашнюю Бесѣду». Жена священника, съ своей стороны, намѣрена была въ настоящемъ году начать обученіе крестьянскихъ дѣвочекъ грамотѣ и рукодѣлію.

Другой приходскій священникъ, села Антоновки (Сквирскаго уѣзда), *Алексій Сикорскій*, замѣтивъ въ прихожанахъ своихъ расположеніе къ грамотности, открылъ въ настоящемъ году школу для мальчиковъ въ собственномъ домѣ, которая весьма скоро наполнилась 30 поступившими въ нее учениками. Послѣ грамоты, въ этой школѣ предположено учить священной исторіи, катихизису и русской грамматикѣ.

Съ такими-же предположеніями и въ собственномъ-же домѣ открылъ училище священникъ *Гervasій Сикорскій* въ селѣ Юшковомъ Рогѣ (Таращанскаго уѣзда). Въ школу, открытую 8 января настоящаго года, немедленно-же поступило до 20 мальчиковъ. При тѣснотѣ собственнаго помѣщенія, священникъ могъ заниматься съ своими учениками въ жилыхъ комнатахъ, и то по одной лишь необходимости, только зимою, на весну-же для занятій онъ отдѣлилъ въ своемъ домѣ кладовую, въ которой выложилъ полъ, прорубилъ окна, устроилъ скамьи и къ зимѣ надѣялся поставить печь.

Въ началѣ марта настоящаго года открыта школа для крестьян-

янскихъ мальчиковъ въ селѣ Купьеватой (Липовецкаго уѣзда), священникомъ *Фастомъ Вышинскимъ*. Для помѣщенія школы назначается крестьянская изба на счетъ самихъ прихожанъ. Всѣхъ мальчиковъ обучается въ ней до 18 человекъ. Въ занятіяхъ по школѣ священнику помогаютъ мѣстный діаконъ и пономарь.

Открыты также школы при церквахъ въ Киевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Казаровичахъ—приходскимъ священникомъ *Пасынскимъ*, при содѣйствіи поессорши Мицкевичъ и крестьянъ, и въ селѣ Микуличахъ—священникомъ *Шеретинскимъ*, при участіи управляющаго Карпова. Въ первой школѣ обучается 23 мальчика—19 крестьянскихъ, 2 изъ военнаго званія и 2 изъ духовнаго,—а въ послѣдней 12 мальчиковъ и 4 дѣвочки.

Говоря объ участіи, которое принимаетъ наше духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія, намъ остается еще указать на проявленіе дѣятельности его по тому-же вопросу въ другой только сферѣ—въ распространеніи въ народѣ чтенія священныхъ и духовныхъ книгъ. По извѣстіямъ, сообщеннымъ «Московскими Вѣдомостями» (№ 208), въ Тулѣ, по распоряженію епископа Алексія, открыты съ 1 сентября настоящаго года при приходскихъ церквахъ для чтенія книгъ, исключительно, духовнаго содержанія, двѣ публичныя бібліотеки, съ порученіемъ ихъ надзору мѣстныхъ священниковъ, исправляющихъ должности бібліотекарей. Годовая плата за чтеніе книгъ назначена: съ лицъ духовнаго званія 1 р. 50 к., а свѣтскаго 2 р. сер. Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе это, по легкости доступа, по ограниченности назначенія годовой платы, привлечетъ къ себѣ не мало читателей, а ознакомленіе съ книгами духовнаго содержанія должно будетъ благотворно дѣйствовать на нравственно-религіозное развитіе народа, для огромныхъ массъ котораго не вполне извѣстно до-сихъ-поръ и самое св. Евангеліе. Отмѣтимъ при этомъ, что и къ распространенію экземпляровъ св. Евангелія, послѣдняго изданія его, на русскомъ языкѣ, между простымъ и бѣднымъ классомъ народа, сдѣланы уже первые шаги. Въ юлѣ, какъ извѣстно, законоучитель Калязинскаго уѣзднаго училища, получивъ 50 экз. св. Евангелія, на русскомъ языкѣ, раздавалъ ихъ своимъ ученикамъ. Въ настоящее-же время, какъ сообщаетъ редакція корреспондентъ газеты «Наше Время» (№ 35), тотъ-же самый законоучитель надѣется еще получить столько-же экземпляровъ св. Евангелія, на славяно-русскомъ нарѣчій, и раздать ихъ грамотнымъ крестьянамъ, своимъ прихожанамъ. Неза-

висимо отъ этого, по собраннымъ корреспондентомъ свѣдѣніямъ, законоучителемъ Калязинскаго уѣзднаго училища, къ 1 сентября, распространено было въ простомъ народѣ до 75 экзempl. новаго завѣта, на славяно-русскомъ нарѣчїи,—60 экземпляровъ роздано имъ ученикамъ своимъ, и 15 экземпляровъ въ бѣднѣйшія семьи въ которыхъ есть грамотные.

АКТЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМИРА. ПРОГРАММА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ПРЕДМЕТОВЪ, ЧИТАЕМЫХЪ ЗДѢШНИМИ ПРОФЕССОРАМИ.—Торжественный актъ въ университетѣ св. Владиміра, по извѣстіямъ, передаваемымъ «Кіевскимъ Телеграфомъ», происходилъ 30 августа, въ часъ пополудни. Кромѣ отчета, на актѣ были произнесены рѣчи. Г. Теофилактъ, профессоръ минералогіи и геогнозїи, читалъ рѣчь о геогностическихъ изслѣдованїяхъ, сдѣланныхъ имъ въ Кіевской губерніи; рѣчь эта, воплѣ мѣстнаго содержанія, представляла особый интересъ для слушателей, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, частныхъ посѣтителей почти совершенно не было. Въ числѣ-же почетныхъ посѣтителей присутствовалъ генералъ Тотлебенъ.—Сообщаемъ читателямъ нашимъ подробную программу распредѣленія предметовъ при чтенїи профессорскихъ лекцій въ Кіевскомъ университетѣ, во всѣхъ четырехъ его факультетахъ,—заимствованную нами изъ обнародованнаго университетомъ «Обозрѣнія преподаванія наукъ и искусствъ въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра въ первомъ полугодїи 18⁶⁰/₆₁ года».

I. Лекціи богословія. 1. Профессоръ богословія православнаго исповѣданія, священникъ Назарїй Антоновичъ *Таворовъ* преподаетъ: 1) исторїю ветхозавѣтной церкви, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ первыхъ шести семестровъ всѣхъ факультетовъ; 2) церковное законовѣдѣніе, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ юридическаго факультета первыхъ шести семестровъ. 2. Профессоръ богословія римско-католическаго исповѣданія, ксендзъ Ома Петровичъ *Добивевичъ* преподаетъ догматическое богословіе и церковное законовѣдѣніе, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ первыхъ шести семестровъ. **II. Лекціи историко-филологическаго факультета.** 1. Деканъ факультета, ординарный профессоръ, Иванъ Яковлевичъ *Нейкиръ* объясняетъ: 1) Антигону Софокла, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6 и 7 семестровъ; 2) Илиаду Гомера, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 3, 4, 5, 6 и 7 семестровъ. 2. Ординарный профессоръ Сильвестръ Сильвестровичъ *Го-*

гоцкій читаетъ: 1) дидактику и прикладную педагогику, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 8 семестра; 2) исторію воспитанія, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 7 и 8 семестровъ. 3. Ординарный профессоръ Александръ Ивановичъ *Селивъ* читаетъ исторію русской словесности, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 3, 4, 5 и 6 семестровъ. 4. Исправляющій должность ординарнаго профессора Александръ Карловичъ *Делленъ* 1) объясняетъ оды Горация, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ первыхъ семи семестровъ; 2) читаетъ римскія древности, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ первыхъ шести семестровъ; 3) упражняетъ въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ первыхъ семи семестровъ. 5. Экстраординарный профессоръ Алексѣй Ивановичъ *Ставровскій* читаетъ: 1) новую исторію, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 1, 2, 3 и 4 семестровъ; 2) теорію исторіи, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 4, 5, 6 и 7 семестровъ. 6. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Василій Яковлевичъ *Яроцкій* 1) читаетъ общее филологическое обзорѣніе славянъ, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 1, 2, 3 и 4 семестровъ; 2) объясняетъ древніе памятники русской письменности, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ. 7. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Виталій Яковлевичъ *Шульминъ* читаетъ: 1) древнюю исторію, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ первыхъ четырехъ семестровъ, 2) русскую исторію, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ первыхъ четырехъ семестровъ. 8. Адъюнктъ Кондратій Ѳеодоровичъ *Страшкевичъ* 1) преподаетъ греческій языкъ, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ; 2) греческія древности, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 семестровъ. 9. Адъюнктъ Андрей Ивановичъ *Липиченко* читаетъ теорію словесности, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 6, 7 и 8 семестровъ. 10. Адъюнктъ Григорій Матвѣевичъ *Цыгановецкій* читаетъ статистику, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6, 7 и 8 семестровъ. 11. Лекторъ Августъ Андреевичъ *Борель* 1) упражняетъ въ переводахъ съ французскаго языка на русскій, по 1 часу въ недѣлю, студентовъ 1, 2 и 3 семестровъ; 2) упражняетъ въ переводахъ съ русскаго языка на французскій, по 1 часу въ недѣлю, студентовъ 1, 2 и 3 семестровъ; 3) объясняетъ Iphigénie Расина, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6 и 7 семестровъ; 4) читаетъ исторію французской словесности, по 1 часу въ недѣлю. 12.

Лекторъ Сигизмундъ Ивановичъ *Краузе* 1) упражняетъ въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, по 1 часу въ недѣлю, студентовъ 1, 2 и 3 семестровъ; 2) упражняетъ въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, по 1 часу въ недѣлю, студентовъ 1, 2 и 3 семестровъ; 3) объясняетъ *Minna von Barnhelm* Лессинга, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6 и 7 семестровъ; 4) читаетъ исторію нѣмецкой словесности, по 1 часу въ недѣлю. 13. Лекторъ Францъ Петровичъ *Бертони* 1) преподаетъ итальянскую грамматику съ практическими упражненіями въ итальянскомъ языкѣ, по 1 часу въ недѣлю; 2) читаетъ исторію итальянской словесности, по 1 часу въ недѣлю; 3) разбираетъ и переводитъ на французскій языкъ *Saul Альфиери*, по 2 часа въ недѣлю. 14. Лекторъ Доминикъ Станиславовичъ *Сыпновскій* 1) преподаетъ англійскую грамматику съ практическими упражненіями въ англійскомъ языкѣ, по 2 часа въ недѣлю; 2) упражняетъ въ переводахъ съ англійскаго языка на русскій, по 1 часу въ недѣлю; 3) упражняетъ въ переводахъ съ русскаго языка на англійскій, по 1 часу въ недѣлю; 4) читаетъ исторію англійской словесности, по 1 часу въ недѣлю. Сверхъ того студенты историко-филологическаго факультета первыхъ шести семестровъ слушаютъ богословіе. III. *Лекціи физико-математическаго факультета.* 1. Деканъ факультета, ординарный профессоръ Никита Андреевичъ *Дьяченко* читаетъ: 1) дифференціальное исчисленіе, интегрированіе дифференціальныхъ функцій и теорію опредѣленныхъ интеграловъ, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ разряда математическихъ наукъ; 2) разностное и вариационное исчисленіе, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ того-же разряда. 2. Ординарный профессоръ Карлъ Фёдоровичъ *Кесслеръ* излагаетъ: 1) общую зоологію, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ разряда естественныхъ наукъ и медицинскаго факультета; 2) естественную исторію головастыхъ моллюсковъ, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ послѣднихъ четырехъ семестровъ разряда естественныхъ наукъ; 3) сравнительную анатомію органовъ кровообращенія, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 семестровъ того-же разряда. 3. Ординарный профессоръ Андрей Петровичъ *Шидловскій* читаетъ сферическую и практическую астрономію, по 6 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 5, 6, 7 и 8 семестровъ математическихъ наукъ. 4. Ординарный профессоръ Константинъ Матвѣевичъ *Оеофилактовъ* преподаетъ: 1) минера-

логию, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ разряда естественныхъ наукъ; 2) геологию, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ того-же разряда; 3) минералогию для студентовъ медицинскаго факультета 1 и 2 семестровъ, по 1½ часа въ недѣлю. 5. Ординарный профессоръ Старіонъ Мартиніановичъ *Ходецкій* излагаетъ: 1) общую часть земледѣлія, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ разряда естественныхъ наукъ; 2) экономическую часть сельскаго хозяйства, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 7 и 8 семестровъ того-же разряда. 6. Ординарный профессоръ Афанасій Семеновичъ *Роговичъ* преподаетъ: 1) общую ботанику, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ разряда естественныхъ наукъ и медицинскаго факультета; 2) ботаническую систематику, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 семестровъ разряда естественныхъ наукъ; 3) ботаническія демонстраціи, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 семестровъ того-же разряда. 7. Исправляющій должность ординарнаго профессора Матвій Ивановичъ *Талызинъ* излагаетъ: 1) общую физику, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ обоихъ разрядовъ физико-математическаго факультета и для студентовъ тѣхъ-же семестровъ медицинскаго факультета; 2) физическую географію, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ обоихъ разрядовъ физико-математическаго факультета; 3) физическую оптику, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6, 7 и 8 семестровъ разряда математическихъ наукъ. 8. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Александръ Викентьевичъ *Беретти* преподаетъ архитектуру, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ разряда математическихъ наукъ. 9. Адъюнктъ Григорій Александровичъ *Чуаговичъ* читаетъ технологию, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ разряда математическихъ наукъ и для студентовъ 5 и 6 семестровъ разряда естественныхъ наукъ. 10. Адъюнктъ Дмитрій Николаевичъ *Абашевъ* читаетъ: 1) неорганическую химію, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ; 2) органическую химію, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ физико-математическаго факультета разряда естественныхъ наукъ и медицинскаго факультета. 11. Преподаватель Павелъ Эмилиевичъ *Ромеръ* преподаетъ: 1) алгебраическій анализъ, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 1 и

2 семестровъ разряда математическихъ наукъ; 2) тригонометрію, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ того-же разряда; 3) теорію эллиптическихъ функций, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ разряда математическихъ наукъ. Сверхъ того студенты физико-математическаго факультета слушаютъ богословіе, педагогику, исторію русской словесности, русскую исторію, анатомію и физиологію здороваго человѣка. *Примѣчаніе.* О чтеніи начертательной геометріи и механики сдѣлано будетъ особое объявленіе. IV. *Лекціи юридическаго факультета.* 1. Ординарный профессоръ, деканъ факультета, Николай Дмитріевичъ *Иванншевъ* излагаетъ законы народнаго просвѣщенія для студентовъ 5, 6 и 7 семестровъ, по 4 часа въ недѣлю. 2. Ординарный профессоръ Александръ Алексѣевичъ *Федотовъ-Чеховскій* 1) излагаетъ межевые законы, по 6 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 1, 2, 3 и 4 семестровъ; 2) упражняетъ въ юридической практикѣ студентовъ 5, 6, 7 и 8 семестровъ, по 2 часа въ недѣлю. 3. Ординарный профессоръ Калининъ Андреевичъ *Митюковъ*: 1) излагаетъ римскіе законы, о правахъ на вещи, объ обязательствахъ и наслѣдственное право, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6 и 7 семестровъ; 2) объясняетъ источники римскаго права для студентовъ тѣхъ-же полугодій, по 2 часа въ недѣлю; 3) излагаетъ общую часть энциклопедіи законовѣдѣнія, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 семестра. 4. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Василій Андреевичъ *Незабитовскій* излагаетъ: 1) исторію общенароднаго права и правовѣдѣнія и о мирныхъ отношеніяхъ государствъ, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 3, 4, 7 и 8 семестровъ; 2) уставы о пошлинахъ, акцизахъ и повинностяхъ, о государственныхъ расходахъ и уставы счетные, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ. 5. Адъюнктъ Густавъ Ивановичъ *Эйсманъ* излагаетъ: 1) древнюю исторію русскаго законодательства, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 семестра. Сверхъ-того, студенты юридическаго факультета слушаютъ богословіе, педагогику, русскую исторію и судебную медицину. V. *Лекціи медицинскаго факультета.* 1. Деканъ факультета, ординарный профессоръ, Эдуардъ Эрнестовичъ *Мирамъ* преподаетъ: 1) общую физиологію, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ; 2) сравнительную анатомію, по 1 часу въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ. 2. Ординарный профессоръ Владиміръ Аванасьевичъ *Каравасъ*: 1)

преподаеть первую часть оперативной хирургіи до специальныхъ операций, вмѣстѣ съ хирургическою анатомією и ученіемъ о повязкахъ, по 5 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 7 и 8 семестровъ; 2) держитъ хирургическую факультетскую клинику, по 6 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 7 и 8 семестровъ. 3. **Ординарный профессоръ Сергій Петровичъ Алферьевъ**: 1) преподаеть первую часть семіотики, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ; 2) держитъ терапевтическую факультетскую клинику, по 6 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 7 и 8 семестровъ. 4. **Ординарный профессоръ Александръ Петровичъ Вальтеръ** читаетъ: 1) анатомію органовъ движенія, т.-е. костей, сочлененій и мускуловъ, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 семестровъ; 2) анатомію органовъ чувствъ, обращенія крови и лимфы, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ; 3) энциклопедію и методологію медицины, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 1 семестра; 4) общую терапію и первую часть фармакологіи, по 6 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ. 5. **Ординарный профессоръ Александръ Петровичъ Матюшевъ** излагаетъ: 1) теоретическое акушерство, по 5 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ; 2) акушерство для повивальныхъ бабокъ по 3 часа въ недѣлю; 3) держитъ акушерскую клинику, по два часа въ недѣлю, для студентовъ 7 и 8 семестровъ. 6. **Ординарный профессоръ Христіанъ Яковлевичъ Фонтъ-Губбенетъ**: читаетъ 1) теоретическую хирургію, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6, 7 и 8 семестровъ; 2) офталміатрію, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5, 6, 7 и 8 семестровъ; 3) держитъ хирургическую госпитальную клинику, по 9 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 9 и 10 семестровъ. 7. **Ординарный профессоръ Юлій Ивановичъ Мачонъ** читаетъ: 1) общую патологію, по два часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 полугодія; 2) патологическую гистологію, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ; 3) упражняетъ въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ патологической гистологіи, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ и 4) читаетъ патологическую анатомію, вмѣстѣ съ трупосѣченіями (казуистику), по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 9 и 10 семестровъ. 8. **Ординарный профессоръ Фридрихъ Фридриховичъ Меринъ** читаетъ 1) частную терапію о болѣзняхъ тонкихъ и толстыхъ кишекъ, печени и селезенки, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 полугодія; 2) первую часть медицинской

полиціи съ гигиеной, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 7 и 8 семестровъ; 3) первую часть исторіи медицины, по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 9 и 10 семестровъ; 4) держитъ терапевтическую госпитальную клинику, по 6 часовъ въ недѣлю, для студентовъ 9 и 10 семестровъ. 9. Экстраординарный профессоръ Фридрихъ Фридриховичъ *Эриардтъ*: 1) излагаетъ первую часть судебной медицины (изслѣдованіе мертваго человѣка), по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ юридическаго факультета и для студентовъ 7 и 8 семестровъ медицинскаго факультета; 2) упражняетъ студентовъ 9 и 10 семестровъ въ судебно-медицинской казуистикѣ, по 4 часа въ недѣлю. 10. Адъюнктъ Людвигъ Казиміровичъ *Горецкій*, читаетъ частную терапію о болѣзняхъ крови, по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 5 и 6 семестровъ. 11. Ученый аптекарь Николай Николаевичъ *Неезе* преподаетъ фармакогнозію, по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 семестровъ. 12. Прозекторъ анатоміи Исидоръ Станиславовичъ *Коперничкій*: 1) излагаетъ практическую анатомію по 2 часа въ недѣлю, для студентовъ 1, 2, 3 и 4 семестровъ; 2) упражняетъ студентовъ 1, 2, 3 и 4 семестровъ въ дѣланіи анатомическихъ препаратовъ, по 6 часовъ въ недѣлю; 3) упражняетъ студентовъ 7, 8, 9 и 10 семестровъ въ оперативной хирургіи. 13. Доцентъ, помощникъ директора акушерской клиники, Иванъ Павловичъ *Лазаревичъ* упражняетъ студентовъ 7 и 8 семестровъ въ акушерскомъ изслѣдованіи, по 3 часа въ недѣлю. 14. Помощникъ директора терапевтической клиники, Антонъ Александровичъ *Кржижановскій* упражняетъ студентовъ 5 и 6 семестровъ въ терапевтической факультетской клиникѣ, по 3 часа въ недѣлю. 15. Ассистентъ при хирургической факультетской клиникѣ Аванасій Ивановичъ *Караванецъ* упражняетъ студентовъ 5 и 6 семестровъ, въ хирургической факультетской клиникѣ, по 3 часа въ недѣлю. Кромѣ-того, студенты медицинскаго факультета слушаютъ: богословіе, минералогію, ботанику, зоологію, физику и химію. VI. *Публичныя лекціи техническихъ наукъ*. Адъюнктъ Г. А. *Чугаевичъ* читаетъ технологию, по 2 часа въ недѣлю. *Примѣчаніе*. О чтеніи публичныхъ лекцій практической механики и прикладной химіи будетъ сдѣлано особое объявленіе. VII. *Преподаваніе искусствъ*. 1. Учитель рисованія Гавріилъ Андреевичъ *Васько* обучаетъ рисовальному искусству, по 6 часовъ въ недѣлю. 2. Ромуальдъ Евстафьевичъ *Ольшанскій* обучаетъ верховой ѣздѣ по 1½ часа ежедневно.

ЗАСѢДАНІИ ВИЛЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. — По извѣстіямъ, сообщаемымъ «Виленскимъ Вѣстникомъ» (№ 73), 11 сентября происходило обыкновенное ежемѣсячное засѣданіе состоящей подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Виленской археологической комиссіи, подъ предсѣдательствомъ графа Е. П. Тышкевича.

Послѣ открытія засѣданія предсѣдателемъ, ученый секретарь, докладывая переписку за истекшій мѣсяцъ, довелъ до свѣдѣнія членовъ комиссіи, что ученое историко-археологическое общество въ Грацѣ, занимающееся изученіемъ древностей Каринтіи и Штейрмарка, изъявило желаніе войти съ Виленскою археологическою комиссіею въ ученые сношенія, для чего препроводило 10 томовъ издаваемыхъ имъ записокъ и другихъ ученыхъ трудовъ своихъ, которые бросаютъ новый свѣтъ на многіе памятники римской цивилизаціи въ этихъ, подвластныхъ нынѣ Австріи, провинціяхъ, заселенныхъ большею частію славянскими племенами. За сѣмъ положено было: принять приглашеніе ученаго общества въ Грацѣ и въ-замѣнъ препроводить въ оное изданія комиссіи. Послѣ того ученымъ секретаремъ прочитанъ былъ списокъ приношеній, поступившихъ въ пользу музея въ теченіе мѣсяца, изъ котораго видно, что число лицъ, сдѣлавшихъ приношенія, было 26, а число пожертвованныхъ предметовъ 374. Въ этомъ числѣ заслуживаютъ особеннаго уваженія: два роскошныя изданія почетнаго члена комиссіи графа Дзялынскаго; современный портретъ во весь ростъ короля польскаго Стефана Баторія, подаренный музеуму помѣщикомъ Виленскаго уѣзда Евзебіемъ Гриневецкимъ; золотая монета Александра Македонскаго, пожертвованная надворнымъ совѣтникомъ Теофиломъ Севрукомъ; 35 сочиненій въ 44 томахъ, присланныя познанскимъ профессоромъ Поплинскимъ, и 34 сочиненія въ 38 томахъ, пожертвованныя книгопродавцемъ Жупанскимъ. При этомъ было доложено о денежномъ пожертвованіи виленскаго 1-й гильдіи купца Опатова, въ количествѣ 80 рублей, на устройство шкафовъ въ кабинетѣ для чтенія при музеумѣ и на переплетъ 300 слишкомъ книгъ, за что и объявлена была ему отъ комиссіи искренняя благодарность.

МУЗЕЙ ЛИТЕРА. — Журналъ «Revue de l'instruction publique de la littérature et des sciences», основываясь на извѣстіяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Illüstrirte Zeitung», сообщаетъ о приобрѣте-

ни, недавно сдѣланномъ городомъ Виттенбергомъ различныхъ предметовъ, принадлежащихъ ко времени Лютера и относящихся до личности великаго реформатора. Надъ богатымъ собраніемъ этихъ рѣдкостей трудился одинъ изъ жителей города Гальберштадта, завѣщавшій, при смерти своей, чтобы составленный имъ кабинетъ перешелъ во владѣніе Виттенберга. По волѣ принца-регента, эти интересные предметы приобрѣтены уже у наследниковъ покойнаго собирателя ихъ за 3,000 талеровъ и помѣщены въ Виттенбергѣ, въ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Лютеру.

Одна часть этой богатой коллекціи заключаетъ въ себѣ, между прочимъ; тридцать три картины, изображающія, по большей части, портреты Лютера, Екатерины Бора, его жены, Магдалины Лютеръ, Курфирста Саксонскаго, Меланхтона, Эразма, Понтона, Ульриха Гуттена и другихъ. Нѣкоторыя изъ картинъ принадлежатъ кисти Луки Кранаха, какъ напримѣръ, портреты Лютера и его жены. Эти портреты были сдѣланы въ самый годъ супружества Лютера и до 1720 года оставались въ семействѣ реформатора.

Второй отдѣлъ музея, состоящій изъ 34 палокъ, содержитъ въ себѣ до 7,000 портретовъ Лютера, членовъ его семейства и его противниковъ. Въ коллекціи этого отдѣла встрѣчаются также картины, изображающія различныя сцены, взятая изъ частной жизни реформатора и, отчасти, гравюры сатирическія и карикатуры.

За симъ слѣдуютъ, въ числѣ двухъ тысячъ, автографы Лютера и его противниковъ. Это собраніе помѣщено въ двухъ-стахъ тринадцати роскошныхъ папкахъ, различной величины и формы, сдѣланныхъ по образцу тѣхъ папокъ, какія только можно встрѣтить въ богатыхъ собраніяхъ подобнаго рода, хранящихся въ большихъ бібліотекахъ. Тутъ-же хранятся и подлинныя манускрипты Лютера и его современниковъ.

Особенное вниманіе на себя обращаетъ слѣдующій за тѣмъ отдѣлъ музея, какъ по рѣдкости хранящихся въ немъ вещей, такъ и по относительной цѣнности металла, изъ котораго сдѣланы 294 медали, выбитыя въ честь Лютера и его учениковъ; въ числѣ ихъ есть медали Альберта Дюрера, изъ которыхъ многія сдѣланы изъ чистаго золота и вѣсятъ до шести червонцевъ. Сверхъ-того, тутъ-же находится замѣчательное собраніе бюстовъ, статуэтокъ, медальоновъ, сдѣланныхъ изъ бронзы и изъ жженой глины, еще въ XVI столѣтіи.

Шестой отдѣлъ музея предназначенъ собственно для библіотеки и заключаетъ въ себѣ творенія Лютера и другія сочиненія, относящіяся къ его реформѣ, въ числѣ 2,000 томовъ—113 т. in-folio. Каталогъ книгъ составляется, но еще не оконченъ и современнымъ будетъ напечатанъ.

Этотъ отдѣлъ музея, какъ кажется, не ограничится настоящимъ своимъ объемомъ; по-крайней-мѣрѣ судить такъ можно изъ того, что сдѣлано уже приглашеніе всѣмъ книгопродавцамъ и издателямъ, чтобы они, по мѣрѣ изданія у себя сочиненій, относящихся до Лютера, не отказывали присылать ихъ въ даръ музею, по одному экземпляру, музей-же съ своей стороны, обѣщаетъ ежегодно публиковать имена жертвователей.

ФРѢБЕЛЬ И ЕГО ДѢТСКІЕ САДЫ.

Фридрихъ Фрѣбель (род. 21 апрѣля 1782 года въ Обер-Вейсбахѣ въ графствѣ Рудольштадтѣ, умеръ 21 іюня 1852 года въ Либенштейнѣ) принадлежитъ въ исторіи педагогики къ тѣмъ людямъ, которыхъ личность имѣетъ въ себѣ еще нѣчто шаткое. Рѣдко бывало столько противоположныхъ мнѣній объ одномъ и томъ-же человѣкѣ, какъ о Фрѣбелѣ. Онъ находилъ энтузіастовъ, друзей и поклонниковъ, но не менѣе того и такихъ, которые порицали его стремленія, или по-крайней-мѣрѣ мало цѣнили ихъ. Были педагоги и есть такіе всегда, которые видѣли въ немъ педагогическаго гения и признавали его за великаго благодѣтеля человѣчества, другіе напротивъ, считали его за глупца и мечтателя. Самое тягостное для него въ этомъ случаѣ было запрещеніе его Дѣтскихъ садовъ въ Пруссіи, министромъ просвѣщенія Раумеромъ. Нельзя отвергнуть, что самъ Фрѣбель своими сочиненіями подалъ поводъ ко многимъ недоумѣніямъ и порицаніямъ своихъ идей, и что сужденіе объ немъ можетъ-быть совершенно различно, смотря по тому, будетъ-ли оно основываться только на оставленныхъ имъ сочиненіяхъ, или на его собственной особѣ и его непосредственномъ вліяніи. Пишущій эти строки провелъ съ Фрѣбелемъ нѣсколько недѣль, и ни одно изъ его сочиненій не могло возбудить такого живаго участія къ этому человѣку, какъ наблюденіе его характера и всѣхъ его дѣйствій. Правда, изъ его сочиненій видно, что человѣкъ этотъ проникнутъ великой идеей и для нея живетъ, дѣйствуетъ и представляетъ ее съ различныхъ сторонъ, но изложенію

его не достаётъ опредѣлительности и послѣдовательнаго развитія. Сильно дѣйствуютъ въ немъ умъ и чувство, но нѣтъ разборчивости въ опредѣленіяхъ, дающей округлость мысли. Читая его сочиненія, часто кажется, что онъ не двигается впередъ, или-же напротивъ переходитъ за цѣль, и такимъ-образомъ долженъ ошибаться въ практическомъ примѣненіи своихъ идей. Но этотъ недостатокъ въ его сочиненіяхъ изглаживался, когда встрѣчались съ нимъ лично и вынуждали его вопросами и сомнѣніями высказываться и приспособляться къ понятіямъ другихъ. Пишущій эти строки случайно пріѣхалъ въ Бланкенбургъ, ничего не слыжалъ до 1841 г. о Фрѣбелѣ и его дѣятельности, потому-что сочиненія его, по вышеприведеннымъ причинамъ, мало были извѣстны. Фрѣбель жилъ тогда въ Бланкенбургѣ и устроилъ тамъ первый изъ своихъ Дѣтскихъ садовъ. Его особенностію было выказывать веселый умъ и сердце передъ всякимъ съ кѣмъ онъ ни встрѣчался и кто оказывалъ хотя малѣйшее вниманіе къ его идеямъ; онъ ловилъ людей, чтобы имѣть возможность посвятить свои мысли въ ихъ воспріимчивомъ умѣ, и часто слишкомъ много надѣялся на продолжительное вліяніе своего разговора. Едва я пріѣхалъ въ Бланкенбургъ съ однимъ изъ моихъ друзей, какъ вскорѣ явился къ намъ длинный, худой, подвижный Фрѣбель, выложилъ на столъ, прежде чѣмъ мы могли осмотрѣться, большую часть своихъ игрушечныхъ аппаратовъ и потомъ ежедневно являлся къ намъ, стараясь объяснить намъ идею своихъ Дѣтскихъ садовъ. Многія его мысли были тогда для меня не ясны, многое казалось сомнительно, или не практично; именно на его символическое обращеніе къ природѣ для основанія духовной жизни я часто смотрѣлъ, какъ на остроумную забаву; но общее стремленіе этого человѣка казалось намъ достойнымъ и такимъ оно и осталось. Живой смыслъ въ общемъ и въ идеальномъ, блистающій въ каждомъ его словѣ, его энтузіазмъ къ человѣческому добру и воспитанію, его готовность жертвовать всѣмъ для своихъ идей, вѣчный потокъ рѣчей и мыслей, когда восторженная душа его касалась возвышеннаго, все это дѣлало Фрѣбеля необыкновеннымъ явленіемъ, которое привязывало всякаго непредубѣжденнаго, добросовѣстнаго наблюдателя и могло воодушевить къ добру. Если характеръ Нѣмцевъ обозначаютъ идеализмомъ, то Фрѣбель былъ въ этомъ отношеніи совершенный Нѣмецъ, и подобнаго человѣка не могъ-бы произвести никакой другой народъ. Самъ Фрѣбель имѣлъ высокое мнѣ-

ніе о нашемъ нѣмецкомъ народѣ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ называетъ его родословнымъ, кореннымъ, честнымъ народомъ, глубокомысленнымъ, народомъ съ гражданскимъ смысломъ, основательнымъ, терпѣливымъ, истинно христіанскимъ и способнѣйшимъ; и самъ онъ старался быть живымъ отпечаткомъ этого удивительнаго народа и привести въ живое соприкосновеніе съ его духомъ всякаго, съ кѣмъ онъ сходился.

Но довольно о личности Фрѣбеля. Для нашей цѣли важно опредѣлить сущность идеи, которую Фрѣбель былъ проникнуть и которую онъ старался ввести въ нѣмецкое воспитаніе. Обыкновенно разумѣютъ подъ идеей Фрѣбеля введеніе такъ называемыхъ имъ Дѣтскихъ садовъ. Но они только весьма ограниченное примѣненіе его общей идеи воспитанія. Въ 1840 году Фрѣбелю пришла въ первый разъ мысль о Дѣтскихъ садахъ, къ которымъ онъ примѣнилъ свои общія идеи о воспитаніи перваго возраста. Въ прежнихъ его сочиненіяхъ и практическихъ предпріятіяхъ почти не говорится о Дѣтскихъ садахъ, тогда стремленіе его было еще чисто общее и вело только къ новому основному устройству всей системы нѣмецкаго воспитанія. На это основное устройство указываетъ онъ съ различныхъ сторонъ во многихъ брошюрахъ и сочиненіяхъ, также въ журнальныхъ статьяхъ, опубликованныхъ имъ съ 1820 года. Съ другой стороны, вельзя отвергнуть, что Дѣтскіе сады заслуживаютъ названіе Фрѣбельскихъ. Онъ основательно зналъ элементы перваго дѣтскаго воспитанія, но въ немъ недоставало познанія и опыта въ слѣдующемъ за тѣмъ высшемъ періодѣ воспитанія, какъ-то въ гимназій и университетѣ; въ особенности онъ былъ мало знакомъ съ классической древностію и съ историческимъ развитіемъ человѣчества. Его собственное юное воспитаніе было недостаточно. До 10 лѣтъ онъ не посѣщалъ ни одной школы, съ 10 до 14 ходилъ въ народную школу; въ гимназій онъ никогда не былъ. Только гораздо позже, послѣ долгихъ исканій, рѣшившись наконецъ сдѣлаться преподавателемъ, онъ началъ методически изучать натуральныя науки въ Гёттингенѣ и въ Берлинѣ (1810 и 1811), потому что онъ принималъ за одно законъ развитія въ природѣ и въ человѣческомъ умѣ, и полагагъ, что педагогъ долженъ основательно знать жизнь природы (*).

(*) Подробнаго жизнеописанія Фрѣбеля еще нѣтъ. Главное объ немъ можно найти въ Diesterweg's Jahrbuch за 1861 годъ, потомъ въ сочиненіи доктора

Главная идея, проводимая Фрѣбелемъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, есть идея о жизни, о ея организаціи и развитіи: «Категорія жизни есть также категорія природы, какъ и человѣческаго духа; даже самое божество можно обозначить жизнью. Понятіе о жизни открывается въ природѣ многообразностію предметовъ, или по крайней-мѣрѣ наглядностію ихъ; поэтому человѣкъ съ низшимъ образованіемъ, легко можетъ, по одному наблюденію природы, представить себѣ идею о жизни». Формула, въ которой Фрѣбель чаще всего обозначаетъ понятіе о жизни, есть единство частей въ многообразности. «Живое дерево представляетъ цѣлое во многихъ частяхъ или единичностяхъ, которыя рѣзко отличаются между собою и образуютъ такимъ образомъ многообразность, но тѣмъ не менѣе содержатся внутреннимъ единствомъ, которое не теряясь получаетъ опредѣленный образъ, такъ-какъ наоборотъ, каждый членъ организма подобенъ лучу, въ которомъ выказывается внутреннее единство общаго свѣта жизни. Развиваться можетъ только то что дано, и если развивается единство, то съ этимъ должны развиваться и всѣ многообразности, которыя въ немъ содержатся. Чѣмъ многообразнѣе эти части, тѣмъ полнѣе выразится существо единства. Каждый человѣкъ, каждый народъ, наконецъ все человѣчество, взятое вмѣстѣ, выказывается въ многообразности. Невидимое, верховное единство есть божественное или установленное Богомъ въ природѣ и въ существахъ. Такимъ-образомъ единство, которое напримѣръ, каждый человѣкъ долженъ выразить во времени и пространствѣ, дается Богомъ и принадлежитъ уже къ высшей духовной сферѣ. Такъ какъ воспитаніе ведетъ къ тому, чтобы развить въ человѣкѣ вѣчно присутствующее въ немъ единство, то всякое воспитаніе должно имѣть въ основаніи религію. Тѣ, которые не признавали въ Фрѣбелѣ религію, безъ сомнѣнія понимали подъ религіей извѣстное исповѣданіе, тогда какъ Фрѣбель былъ скорѣе глубоко религіозный человѣкъ, хотя въ системѣ его воспитанія религія есть вмѣстѣ исходъ и цѣль. Наше воспитаніе, говоритъ Фрѣбель въ одномъ мѣстѣ, совершенно обнимаетъ внутренняго человѣка; все свое развитіе и образованіе оно основываетъ на этомъ внутреннемъ. Законы, по которымъ мы воспитуемъ

Кюна: Fröbels Tod und Fortbestand seiner Lehre; наконецъ въ сочиненіи Вихарда Ланге: Zum Verständnisse Friedrich Fröbels. Hamburg 1850. Особенно замѣчательно въ жизни Фрѣбеля его двухлѣтнее пребываніе у Песталлоцци, гдѣ созрѣли его педагогическія идеи.

человѣка, не произвольны, но необходимы, вѣчны.—Наше воспитаніе и науку мы передаемъ духовной сторонѣ человѣка и стараемся изъ этого чистаго начала развить и образовать каждый характеръ, каждую способность. Черезъ это мы согласимъ многостороннее образованіе съ внѣшними требованіями, въ домашнемъ, гражданскомъ, человѣческомъ и религіозномъ отношеніи, къ чему человѣкъ всегда и стремится съ такой непреоборимой силой. Поэтому мы идемъ постепенно въ развитіи, начиная съ инстинктивнаго стремленія, переходимъ къ чувству, потомъ къ сознанию и волѣ, и стараемся, на каждой этой степени, передать нашему воспитаннику только то, что онъ можетъ удержать, понять и переработать въ себѣ, что въ свою очередь послужитъ ему руководителемъ для слѣдующей высшей степени развитія и образованія. Мы ограждаемъ его такимъ образомъ отъ полуобразованія и заучености, и онъ находитъ согласіе въ Богѣ, въ себѣ и въ мірѣ, на томъ поприщѣ, которое онъ изберетъ сообразно съ своей внутренней стороной, или которое будетъ ему дано сообразно съ ней.—Такимъ образомъ въ нашемъ ученикѣ, все что онъ можетъ знать, выводится изъ его собственнаго внутренняго. Поэтому онъ не только будетъ вездѣ съ цѣлю употреблять свое знаніе но будетъ имѣть съ собой и средства для дальнѣйшаго образованія и усовершенствованія; и это есть не мертвая научность, но живое развитіе внутренняго, чрезъ которое его существо, какъ и все человѣчество, постепенно стремится къ совершенству».

По истинѣ прекрасныя и справедливыя слова, показывающія, что цѣлю воспитанія должно быть сообразное природѣ развитіе внутренняго человѣка; но отъ этихъ общихъ опредѣленій, до примѣненія ихъ къ извѣстнымъ отношеніямъ и лицамъ, еще весьма далеко. Чѣмъ болѣе старался Фрѣбель преобразовать всю систему нѣмецкаго воспитанія, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ стараться примѣнить свои общія мысли къ извѣстнымъ степенямъ и слоямъ ума, т.е. вѣрно обозначить степени развитія, показать ихъ взаимную связь, средства и пути, которые воспитатель долженъ избирать на каждомъ шагу, чтобы вызвать наружу духовную сторону ребенка. Въ 1826 году Фрѣбель написалъ большое сочиненіе: о воспитаніи, *die Erziehungs, Unterrichts und Lehrkunst*, Кейльгау 1826, которое, по справедливости, можетъ быть названо преддверіемъ его Дѣтскихъ садовъ. Напротивъ, о воспитаніи высшихъ возрастовъ въ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, онъ

не написалъ ничего такого, что-бы выходило изъ сферы отвлеченныхъ общихъ мѣстъ, или носило на себѣ отпечатокъ практическаго употребленія. Съ большими издержками и пожертвованіями всякаго рода, въ которыхъ съ живымъ энтузіазмомъ участвовала и первая жена его, дочь берлинскаго гофмейстера, онъ основалъ въ Кейльгау общественную нѣмецкую школу, которая должна была быть практическимъ отпечаткомъ его теоретическихъ идей о воспитаніи. Легко можно сомнѣваться въ томъ, чтобы это заведеніе точно было живымъ отпечаткомъ его идеи, о которой онъ съ постояннымъ воодушевленіемъ и громкими, даже слишкомъ громкими словами, возвѣщалъ въ своихъ брошюрахъ. Надобно замѣтить, что Кейльгауское заведеніе состоитъ подъ вѣдѣніемъ добраго барона, родственника Фрѣбеля; но нѣтъ сомнѣнія, что оно теперь устроено совершенно иначе, практичнѣе, чѣмъ было прежде, при Фрѣбелѣ. Нынѣшнее Кейльгауское заведеніе не стремится ни къ чему особенному, по-крайней-мѣрѣ не беретъ оно основывать нѣмецкое воспитаніе сообразно природѣ, но въ то время какъ оно добродѣльно сложило паруса, подъ которыми Фрѣбель хотѣлъ плыть по обширному морю германскаго ученія, и скромно служить ясно опредѣленной цѣли, оно дѣйствуетъ тѣмъ благодѣтели. Въ тихомъ и пріятномъ загородномъ помѣщеніи, посвящаютъ учителя свои силы веселой, здоровой, дѣятельной молодой жизни, которая, поддерживаемая нравственно-религіознымъ, ученымъ и національнымъ духомъ, есть для нихъ цѣль и награда. Что-же касается до положенія этого заведенія въ то время, когда завѣдывалъ имъ Фрѣбель, то нельзя ничего узнать по извѣстіямъ, которыя онъ публиковалъ, представляло-ли оно организованную связь цѣлаго. Главная часть этихъ извѣстій состоитъ всегда изъ общихъ мыслей, которыя большею частію являются въ весьма афористической формѣ; потомъ слѣдуютъ нѣкоторыя въ высшей степени жалкія замѣчанія о практическомъ устройствѣ заведенія и притомъ такія, которыхъ именно практически никакъ осуществитъ нельзя. Такъ говорится, между прочимъ: «мы не позволяемъ никакому ученику переходить къ изученію иностранныхъ языковъ, покуда онъ въ своемъ языкѣ не получитъ *яснаго и твердаго* понятія, о *духѣ языка въ общемъ, о его законахъ и сущности*». Какъ-же можетъ ученикъ съ однимъ своимъ языкомъ, не сравнивая его съ другими, получить ясныя понятія о сущности языка въ общемъ, о его законахъ и духѣ? Надежды служили

восторженному Фрѣбелю за опыты. Такъ онъ, между прочимъ, тоже замѣчаетъ, что по его методѣ, въ четверть времени того, которое *прежде* употреблялось на изученіе иностранныхъ языковъ, можно достигъ до удовлетворительной (?) степени познанія этихъ языковъ. Къ этому нужно прибавить, что въ заведеніи, еще въ 1821 году не преподавалась исторія, по той причинѣ, говорилъ Фрѣбель, что «такъ-какъ для исторіи, составляющей отдѣльный предметъ, мы недостаточно подготовлены натуральными науками, хронологіей и т. д., то она и будетъ предоставлена *приватному занятію*».

Фрѣбель вскорѣ отказался отъ непосредственнаго управленія Кейльгаускаго заведенія и передалъ его своимъ друзьямъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ вышеупомянутаго барона и Лангентала, былъ еще благородный, добрый Мидендорфъ. Въ 1831 году мы находимъ Фрѣбеля въ Швейцаріи, въ 1836 г. онъ возвратился въ Германію и передъ старостію, посвятилъ себя исключительно воспитанію дѣтей.

Онъ утверждалъ несомнѣнную истину, что человѣкъ въ первые годы своей жизни учится важнѣйшему и кладетъ лучшее основаніе всей своей духовной жизни; но именно въ это-то время, гдѣ онъ нуждается въ самомъ заботливомъ руководствѣ, онъ всего чаще оставленъ на свой собственный произволь, и что всего хуже, въ испорченномъ духовно и нравственно семейномъ кругу, что имѣетъ пагубное вліяніе на всю его жизнь. Изъ этого является первая потребность, не предоставлять слѣпому случаю воспитаніе дѣтей, но руководить его въ хорошо организованныхъ заведеніяхъ. Если семейная жизнь, въ которой находится ребенокъ хороша, то помощь подобнаго заведенія не такъ необходима; благородная, образованная, любящая мать инстинктивно находитъ пути и средства, служащія къ умственному развитію своего ребенка. Но даже и въ этомъ случаѣ благодѣтельно для ребенка посѣщать такого рода заведенія, хотя разъ въ недѣлю, потому уже, чтобы быть въ сообществѣ со многими изъ своихъ сверстниковъ, попасть въ нравственную *среду*, и участвовать со всѣми въ ихъ играхъ и забавахъ, способствующихъ къ образованію дѣтскаго ума, и которыя возможны только при большомъ количествѣ дѣтей. Если-же взять такія семейства, — а такихъ больше, — въ которыхъ матери или не имѣютъ времени посвятить большую часть дня на занятіе съ дѣтьми, или не имѣютъ достаточно спо-

собности и образованія, то для этихъ-то и необходимы дѣтскія заведенія. Какимъ-бы благословеніемъ, напримѣръ, было для каждой деревни, имѣть подобнаго рода училище, потому что тутъ матери все гдѣ большую часть дня бываютъ заняты внѣ дома, и оставляютъ дѣтей или однихъ, или подъ неудовлетворительнымъ присмотромъ старшихъ дѣтей! Но и въ городахъ, даже и въ большихъ, такія заведенія нужны по другимъ причинамъ. Этой-то потребности удовлетворяютъ Фрѣбеля Дѣтскіе сады; онъ многіе годы объ этомъ думалъ и дѣлалъ всякаго рода опыты. Свои предпріятія Фрѣбель любилъ соединять съ памятію о великихъ историческихъ событіяхъ, и гдѣ можно, искалъ заинтересовать своими дѣлами весь Германскій народъ. Такимъ образомъ первое учрежденіе его Дѣтскихъ садовъ совпадаетъ съ четырехсотлѣтнимъ юбилеемъ открытія книгопечатанія, и выставляется имъ какъ общественное дѣло нѣмецкаго воспитанія. Въ особенности призывалъ онъ нѣмецкихъ матерей и дѣвицъ принять участіе въ его предпріятіи и надѣялся большею частію утвердить его акціями въ 10 талеровъ. Дѣтскіе сады должны были заключать въ себѣ четыре рода заведеній: 1) образцовое заведеніе для ухода за дѣтьми; 2) школа для дѣтскихъ наставниковъ и наставницъ (такъ-называемыхъ дѣтскихъ садовниковъ и садовницъ); 3) заведеніе, занимающееся дѣтскими играми и распространеніемъ ихъ; 4) заведеніе, въ которомъ, посредствомъ издаваемой имъ газеты, могли-бы быть въ живыхъ сношеніяхъ между собою родители, матери, воспитатели и въ-особенности дѣтскіе садовники и садовницы. Мы ограничимся здѣсь главнымъ: описаніемъ заведенія для ухода за дѣтьми, которое теперь одно называется Дѣтскими садами. Имя Дѣтскіе сады, далъ Фрѣбель этимъ заведеніямъ частію потому, что при нихъ онъ считалъ нужнымъ имѣть сады, гдѣ-бы дѣти могли развиваться и знакомиться съ растеніями, ухаживая за ними; частію-же по нѣкотораго рода символикѣ, по которой Фрѣбель сравнивалъ дѣтей съ произрастеніями сада. Первые Дѣтскіе сады были устроены въ Бланкенбургѣ. О цѣли этихъ школъ говоритъ Фрѣбель слѣдующее, въ небольшомъ сочиненіи: Извѣстіе и отчетъ о Нѣмецкихъ дѣтскихъ садахъ. Бланкенбургъ 1843. «Надо обратить вниманіе на до-ученической возрастъ дѣтей и дать имъ занятіе сообразное этому возрасту; укрѣплять ихъ тѣло, занимать пробуждающійся ихъ умъ, знакомить ихъ съ природою и людьми, въ-особенности правильно направлять сердце и нравъ и готовить

ихъ къ вѣчности—этому коренному основанію всей жизни». Средство для достиженія этой цѣли въ Дѣтскихъ садахъ, есть *игра*. Ребенокъ въ этомъ возрастѣ еще не *работаетъ*, а *играетъ*; онъ имѣетъ непреодолимое влеченіе къ игрѣ и нужно только этой забавѣ дать такое направленіе, чтобы посредствомъ игры развить въ ребенкѣ все то, что уже само собою стремится къ развитію. Въ играхъ не должно быть принужденія, но надо привести ребенка къ такой забавѣ, которую-бы онъ и самъ избралъ, если-бы хорошенько понималъ ее. Наставники въ Дѣтскихъ садахъ должны руководить играми въ дѣтскомъ духѣ и быть гениемъ играющаго ребенка. Многіе изъ дѣтскихъ садовъ потеряли свою славу тѣмъ, что въ нихъ занятія и игры предложенныя Фрѣбелемъ, производились только по наружности, безъ внутренняго руководящаго ихъ смысла. Но эти заведенія не отвѣтствовали идеѣ Фрѣбеля. Чтобы быть здоровымъ руководителемъ Дѣтскаго сада, къ этому нуженъ входящій въ дѣтскую жизнь, податливый, истинно-религіозный умъ, полный любви и вѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненный образованія и внутренней жизни, чтобы всѣмъ быть для множества дѣтей со столь различными характерами и просвѣщать ихъ понятія духовнымъ свѣтомъ. Къ этому руководству болѣе всего подходитъ образованный женскій умъ, потому что мужской умъ слишкомъ точенъ и жестокъ, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ играющаго ребенка. Главная заслуга Фрѣбеля особенно состоитъ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣтскія игры съ самымъ строгимъ вниманіемъ и выказалъ удивительное остроуміе въ выборѣ игръ, въ которыя могутъ и должны играть дѣти. Онъ издалъ многія сочиненія, въ которыхъ выразилъ свой взглядъ на дѣтскія игры и какъ руководствоваться ими. Я только замѣчу одно изъ нихъ: Полное собраніе игръ и игорныхъ ящиковъ для дѣтей и юношества. Ein Ganzes von Spiel- und Beschäftigungskästen für Kindheit und Jugend. 1 bis 5 Gabe. Игры эти состоятъ частію изъ тѣлодвиженій, частію изъ умственныхъ упражненій; первыя упражняютъ члены, вторыя умъ; оба однако имѣютъ между собою связь и образуютъ цѣлое.

Умственные игры суть въ особенности слѣдующія: мячъ, шаръ, кубъ и валежъ; постройки изъ кубовъ въ различныхъ родахъ. Кромѣ того Фрѣбель заставлялъ прѣсть, складывать, вырѣзывать, рисовать, и многое другое. Во всѣхъ этихъ играхъ и занятіяхъ, онъ отыскивалъ и находилъ единство, соотношеніе,

значеніе и указанія для поздней жизни. Особенно умственною игрою сдѣлалось строеніе; дѣтей это очень занимает и они видимо научаются. Какъ Фрѣбель придумывалъ всѣ эти игры собственно для того, чтобы заставить говорить дѣтей и поправлять ихъ въ разговорѣ, то онъ тутъ-же прибавилъ и пѣніе. Въ дѣтскихъ садахъ Фрѣбеля все говорилось и пѣлось. Фрѣбель написалъ для матерей и садовницъ различнаго рода пѣсни, чтобы онѣ оживляли ритмомъ и голосомъ дѣтскія игры.

Такъ-какъ въ прежнихъ педагогическихъ предпріятіяхъ Фрѣбелю помогалъ упоминаемый здѣсь Миддендорфъ, то онъ и участвовалъ въ основаніи дѣтскихъ садовъ. Своею любезностію и дѣтскою простотою, Миддендорфъ былъ въ-особенности способенъ управлять этими заведеніями. Онъ написалъ объ нихъ книгу и представилъ ее нѣмецкому національному собранію Франкфурта. Сочиненіе это подъ заглавіемъ: Дѣтскіе сады. Требования времени; основныя правила народнаго воспитанія. Бланкенбургъ, 1848. *Die Kindergärten-Bedürfnis der Zeit, Grundlage einigender Volkserziehung. Blankenburg bei Rudolstadt, 1848.* Самъ-же Фрѣбель въ послѣдніе 12 лѣтъ своей жизни посвятилъ себя наблюденіямъ надъ дѣтскими садами и практическими опытами примѣненія ихъ къ жизни, и умеръ посреди трудовъ, съ сознаніемъ, что работалъ по силамъ для блага человѣчества и честно исполнилъ данное ему отъ Бога назначеніе. Дѣтскіе сады его, не смотря на пустыя мелочи при началѣ ихъ основанія, заключаютъ въ себѣ здоровое, живое зерно, которое не должно погибнуть въ нашемъ отечествѣ, но развиваться съ силою, какъ оно этого и достойно. И точно, въ настоящее время есть довольно количество Фрѣбелевскихъ дѣтскихъ садовъ и они размножаются все болѣе и болѣе. Теперь ихъ всего болѣе, кажется, въ Гамбургѣ. Тамъ есть не только 9 народныхъ дѣтскихъ садовъ, но въ прошломъ году образовалось заведеніе для дѣтскихъ садовницъ, которымъ будетъ управлять вдова Фрѣбеля. Тамъ назначено также издавать ежегодно хорошо составленныя отчеты, которые будутъ доводить до свѣдѣнія публики организацію и развитіе этихъ заведеній.

Въ заключеніе скажемъ что въ нашемъ описаніи мы, кажется достаточно показали свѣтлую сторону дѣятельности Фрѣбеля и основную сущность его идеи. Формы-же, въ которыхъ выразилъ Фрѣбель свою систему, имѣютъ свои важныя недостатки, которые, какъ намъ кажется, находятся не въ идеѣ его системы, но

въ недостаткѣ извѣстнаго рода смѣтливости и такта, когда восторженный Фрѣбель приводилъ ихъ въ исполненіе. Мы упомянемъ только о двухъ недостаткахъ, заключающихся въ искусствѣ и манерѣ, употребляемыхъ Фрѣбелемъ для занятія дѣтей. Фрѣбель замѣчаетъ весьма справедливо, что маленькія дѣти въ своихъ играхъ подражаютъ занятіямъ большихъ и вступаютъ, такимъ образомъ въ формахъ игры въ ожидающую ихъ жизнь. Онъ и хотѣлъ себя поставить центромъ этого безсознательнаго стремленія дѣтей и устроить такъ игры, чтобы дѣти посредствомъ ихъ постепенно вступали въ жизнь и усвоивали ея законы. Какъ ни вѣренъ кажется по себѣ этотъ принципъ, но Фрѣбель слишкомъ учено прилагалъ его къ практикѣ, такъ-что вниманіе дѣтей терялось. Главное то, что игра должна оставаться тѣмъ что она есть, т. е. игрой, и надо, чтобы у ребенка не отнимали свободы, съ которой онъ предается удовольствію.

Второй недостатокъ находится въ стихахъ, которые Фрѣбель написалъ какъ вспомогательное средство для своихъ дѣтскихъ садовъ. Онъ совершенно правъ, разсматривая съ этой точки поэзію и употребляя ее при воспитаніи дѣтей. Дѣтскій возрастъ есть самый поэтический, и каждый понимающій воспитатель, знаетъ на опытъ что стихи производятъ благодѣтельное вліяніе на дѣтей, какъ напримѣръ басни Шпектера, которыя послужили важнѣйшимъ средствомъ при воспитаніи. Но то что даютъ дѣтямъ, должно быть тоже поэзія, а не водяная, хотя и рифмованная, проза. Въ этомъ-же отношеніи у Фрѣбеля есть много неподходящихъ, даже слишкомъ плохихъ стиховъ. Кто хочетъ въ этомъ удостовѣриться, пусть прочтетъ его: *Mutter- und Koselieder*, пѣсни, которыя Фрѣбель издалъ съ картинками, поясненіями и музыкой Роберта Коля. Въ нихъ много пустѣйшихъ стиховъ, хотя есть и много такого, которое воспитатель можетъ употребить съ пользою. Кто видѣлъ Фрѣбеля посреди толпы малолѣтнихъ дѣтей, съ его дружескимъ, живымъ, дѣтскимъ характеромъ, тотъ знаетъ, что многіе стихи, которые онъ пѣлъ и заставлялъ пѣть, производили самое удовлетворительное и живое впечатлѣніе, потому что они, такъ-сказать, передавались его существомъ и были проникнуты духомъ его любви. Но читанные не имъ, они остаются пустымъ рифмоплетствомъ, и другой ихъ употреблять не можетъ. Такимъ образомъ много можно найти недостатковъ въ манерѣ, съ которой Фрѣбель старался осуществить свою идею, но не смотря на все

это, мы скажемъ: честь и слава человѣку, который взялся за справедливую и полезную мысль, и былъ до того ею проникнутъ, что принесъ ей въ жертву, добровольно, какъ рѣдко другой-бы сдѣлалъ, состояніе, силу и всю свою жизнь.

(Изъ Шмидовой энциклопедіи педагогики, статья Деймардте).

КРАТКІЙ ОЦРКЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ЗАНЯТІЙ ДѢТЕЙ.

Въ послѣднее время пониманіе музыки вошло въ необходимое условіе каждаго образованнаго человѣка. Это искусство, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, составляло исключительное занятіе или артистовъ по ремеслу, или случайное развитіе врожденнаго стремленія.

Изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ вся масса народа склонна къ музыкѣ, Россія представляетъ исключительный примѣръ. Простой народъ, отстраненный своею жизнію отъ всякаго посторонняго вліянія, создалъ музыку, носящую на себѣ полный отпечатокъ національности, характеръ и самобытность которой рѣзко отличаетъ ее отъ запада.

Въ Россіи существуютъ: простое церковное пѣніе и народныя пѣсни. Первое есть единственная въ этомъ родѣ музыка, неизмѣняющая ничего общаго съ западнымъ церковнымъ пѣніемъ. Второе есть полное отраженіе жизни народа, характеризующее тѣ положенія, при которыхъ сложилось оно. Народныя пѣсни замѣчательны особенно тѣмъ, что въ составленіи словъ и музыки ихъ участвовалъ весь народъ. Такой избытокъ самостоятельнаго пѣнія, а слѣдовательно музыки, даетъ вѣрное понятіе о врожденной наклонности русскихъ къ этому искусству.

Среднее сословіе, отдалившись болѣе или менѣе отъ народности и подпавши вліянію извнѣ, какъ при своемъ образованіи въ дѣтствѣ, такъ и при послѣдующемъ развитіи, утрачиваетъ отчасти любовь къ музыкѣ, болѣею частію отъ недостатка средствъ къ развитію музыкальныхъ способностей. Церковное пѣніе доступно въ исполненіи только меньшинству, потому-что составляетъ исключительную принадлежность нашего богослуженія и требуетъ болѣе развитыхъ или врожденныхъ способностей голоса и слуха. Пѣніе итальянское, какъ принято называть его, въ различіе отъ церковнаго, есть достояніе, опять-таки тѣхъ учащихся, которые заявили уже свои способности.

Что-же дѣлается для музыкальнаго развитія дѣтей? Отвѣтъ не трудный:—ничего. Изъ неоднократныхъ, ежедневно повторяю-

щихся примѣровъ, извѣстно, что дѣти необыкновенно живо воспринимаютъ музыкальныя впечатлѣнія съ раннихъ лѣтъ, такъ-что въ семействѣ, гдѣ занимаютъ музыкой, всѣ дѣти болѣе или менѣе имѣютъ музыкальный слухъ, и лѣтъ даже 6 правильно поютъ нѣкоторые напѣвы, чаще ими слышанные и болѣе имъ нравящіеся.

Музыкальныя занятія еще до-сихъ-поръ не введены въ кругъ дѣтскаго образованія. Они не имѣютъ права гражданственности, на ряду съ другими предметами, такъ-что гимнастика, признанная всѣми педагогами за непремѣнно-условный предметъ физическаго развитія, въ этомъ отношеніи, стоитъ чуть-ли не выше музыки. Нельзя игру на фортепіано признать за упражненіе, исключительно развивающее слухъ и музыкальныя способности; потому-что преподаваніе этой игры требуетъ единичнаго занятія, гдѣ ошибки не повѣряются единовременнымъ совокупнымъ исполненіемъ и при томъ упражненія на какомъ-либо инструментѣ доступны только немногимъ, потому что обуславливаются возможностью средствъ матеріальныхъ.

Единственный инструментъ, данный намъ самою природою и не требующій никакихъ постороннихъ условій, разумѣется, кромѣ слуха, есть—человѣческій голосъ.

Дѣтскій возрастъ мальчиковъ и дѣвочекъ, относительно проявленія голоса, очень разнствууетъ. Мальчики съ 8 лѣтъ могутъ уже обладать сильнымъ голосомъ, объемомъ своимъ равняющимся голосу взрослой дѣвицы. Голосъ этотъ сохраняется у нихъ до времени возмужалости, т. е. до 13, 14 иногда и до 15 лѣтъ.

До этого возраста, усиленные занятія и несоразмѣрное развитіе силы голоса производятъ весьма грустныя послѣдствія, а именно: голосъ теряется во время переходнаго состоянія, и истощенный чрезмѣрными усиліями въ дѣтствѣ—не возвращается. Сиплость и хрипота есть удѣлъ всѣхъ спавшихъ голосовъ, пѣвшихъ съ малолѣтства въ хорѣ, а въ особенности дискантовъ, на долю которыхъ приходится пѣть постоянно высокія ноты. Вотъ весьма жалкій удѣлъ мальчиковъ, занимавшихся нѣсколько лѣтъ пѣніемъ. Они привыкаютъ къ музыкѣ и знакомятся съ этимъ искусствомъ, а въ лѣта зрѣлости вынуждены бывають оставить пѣніе, хотя и приобрѣли достаточныя знанія.

Дѣвочки совсѣмъ иначе. Голосъ ихъ приобретаетъ силу, звучность и объемъ, лишь при окончательномъ ихъ сформированіи

(условія котораго извѣстны), а потому въ дѣтскомъ возрастѣ рѣшительно не долженъ подвергаться развитію усиленному.

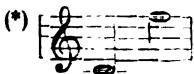
Изложивъ здѣсь краткій обзоръ всѣхъ неудобствъ раннихъ и усиленныхъ занятій пѣніемъ, я имѣлъ цѣлю предупредить всѣ опроверженія, могущія возникнуть по поводу этой статьи, и упреки въ незнаніи послѣдствій неумѣренныхъ занятій этимъ искусствомъ.

Чтобы занятія пѣніемъ не сдѣлали вреда впослѣдствіи, надо знать: во-первыхъ, объемъ дѣтскаго голоса; во-вторыхъ, до какой степени и какъ должно развивать его, и въ-третьихъ, на что въ особенности обратить вниманіе при этомъ развитіи.

Объемъ дѣтскаго голоса составляютъ приблизительно 11 нотъ (*), съ нѣкоторыми исключеніями. Звуками верхняго и нижняго регистра должно пользоваться съ умѣренностію и въ особенности высокими нотами, которыя, часто доходя до крика, сильно вредятъ нѣжному дѣтскому голосу и даже здоровью. Развитие голоса въ этихъ границахъ, опредѣленныхъ самою природою, должно быть умѣренно и рассчитано на постепенное приобрѣтеніе способности владѣть звуками по произволу. Для этого слѣдуетъ прогрессивно переходить отъ самыхъ простыхъ напѣвовъ, остающихся навсегда въ памяти дѣтей, къ болѣе сложнымъ, гдѣ уже требуется обладаніе извѣстною опытностію при пѣніи. При упражненіи дѣтей въ пѣніи, надо обращать вниманіе не на силу голоса и объемъ его, а на развитіе вѣрности музыкальнаго слуха, гибкости голоса и на способность владѣть дыханіемъ, какъ непремѣнное условіе при пѣніи, а также на исполненіе соотвѣтственныхъ музыкальныхъ оттѣнковъ (pianse). Переходы отъ слабого звука къ громкому, хотя-бы и постепенные, должны быть употребляемы очень осторожно. Крикъ окончательно не допускается.

Такія упражненія должны быть не менѣе 2 разъ въ недѣлю, по 1 часу каждый разъ. Время дня для занятій избирать послѣ полудня, на томъ основаніи, что голосъ утромъ еще не такъ гибокъ и не всегда чистъ. При кашлѣ, боли или раздраженіи въ горлѣ, строго воспрещается пѣть. Тотчасъ послѣ обѣда не заниматься, оставивъ достаточное время для пищеваренія.

Общія элементарныя понятія о музыкѣ должны быть передаваемы не вдругъ и откинувъ схоластическую систему обученія.

Практика, направленная сообразно со средствами дѣтскаго голоса и объясненная соотвѣтственно понятіямъ ихъ, должна служить основаніемъ всѣхъ занятій. Сюда войдутъ: 1-е, умѣніе воспроизводить звукъ вѣрно; 2-е, умѣніе послѣдовательно брать звукъ за звукомъ на всѣхъ доступныхъ голосу разстояніяхъ; 3-е, вѣрное исполненіе относительно протяженія звука и скорости перехода отъ одного къ другому; 4-е, управленіе дыханіемъ, т. е. своевременное вдыханіе и постепенный выпускъ воздуха изъ грудной полости вмѣстѣ со звукомъ и 5-е, знаніе музыкальнаго письма и всѣхъ его условій, какъ самый лучшій и легкій способъ запоминать положеніе нотъ и ихъ значеніе при исполненіи. И все это передается въ примѣрахъ, взятыхъ изъ сочиненій, доступныхъ и направляющихся дѣтямъ по простотѣ и изяществу музыки и словъ. Для болѣе развитыхъ учреждаются упражненія въ два голоса, какъ болѣе сложныя и т. д. Занятія эти должны быть исполняемы массою дѣтей, а не поодиночкѣ. На практикѣ бываетъ такъ, что дѣти, не оказавшіе первоначально никакихъ способностей къ пѣнію и не имѣвшіе будто-бы совсѣмъ слуха, послѣ нѣсколькихъ уроковъ, быстро развиваются и становятся одними изъ лучшихъ. Масса увлекаетъ и развиваетъ ихъ. Конечный результатъ этихъ занятій есть тотъ, что учащіеся дойдутъ до возможности прямо (*a prima vista*) спѣть почти всякое нетрудное сочиненіе безъ помощи инструмента.

Пройдя такимъ образомъ курсъ пѣнія и усвоивши легко всѣ необходимыя условія при пѣніи, каждый изъ учащихся можетъ впослѣдствіи легко заняться какимъ ему угодно инструментомъ. Главныя, основныя правила ему извѣстны и слухъ, какъ вѣрный руководитель при этомъ случаѣ у него развитъ. Половина труда, и труда скучнаго, имъ пройдена не замѣтно.

Общій результатъ этихъ занятій:

- 1) Развивается органъ голоса и укрѣпляются легкія такъ, что устные отвѣты въ классахъ у тѣхъ изъ учащихся, кто занимается пѣніемъ, отличаются ясностію произношенія и звучностію.
- 2) Память изощряется. Въ доказательство чего можно привести тотъ фактъ, что стихотворенія въ 16 строкъ, положенныя на музыку, заучиваются вмѣстѣ съ напѣвомъ легко въ $\frac{3}{4}$ часа, массою дѣтей числомъ въ 80, и
- 3) Нравственное впечатлѣніе музыкальныхъ пьесъ со словами имѣютъ сильное вліяніе на развитіе эстетическаго чувства дѣтей.

Дѣтямъ очень нравятся такого рода занятія и они съ удовольствіемъ ожидаютъ уроковъ пѣнія, а по окончаніи ихъ выносятъ радостное впечатлѣніе. Въ часы рекреаций можно допускать, если учащіеся пожелаютъ, умѣренное повтореніе пройденнаго, съ условіемъ, чтобы аккомпаниментъ на фортепіано былъ исполняемъ непремѣнно. Это удовольствіе, не вредя здоровью дѣтей и занимая ихъ въ свободное отъ уроковъ время, часто отвлекаетъ отъ палостей, ихъ возрасту свойственныхъ.

Много есть руководствъ изданныхъ за границею, для Германіи въ особенности, но они исключительно примѣнимы тамъ, а не у насъ. Дѣти русскіе имѣютъ очень естественно, исключительное стремленіе къ русской музыкѣ; а потому надо, для занятій ихъ пѣніемъ, избирать сочиненія отечественныхъ композиторовъ, доступныя по музыкѣ и приличныя по словамъ дѣтскому возрасту.

Такого рода сборникъ сочиненій мною начатъ и будетъ продолжаемъ по мѣрѣ надобности и развитія учащихся.

И. ШИШОВЪ.

СЪ ИЗДАНІИ ЮЖНО-РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНАГО ВѢСТНИКА «ОСНОВА». — Съ января 1861 года, будетъ издаваться южно-Русскій литературно-ученый вѣстникъ, подъ названіемъ: «Основа». Программа этого журнала слѣдующая:

I. *Изъяснительная словесность*: стихотворенія, повѣсти и рассказы на южно-Русскомъ языкѣ, а также и на велико-Русскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. *Исторія*. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. *Народоописаніе*. Языковѣдѣніе. Современный общественный и частный бытъ.

IV. *Воспитаніе и образованіе*.

V. *Земледѣльствіе*. *Естествознаніе*. *Медицина* въ примѣненіи къ южно-Русскому краю.

VI. *Сельское хозяйство, промышленность и торговля*.

VII. *Правительственныя постановленія* и распоряженія, относящіеся къ южно-Русскому краю.

VIII. *Разборъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій* и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южно-Русскій край.

Часть С VIII. Отд. IV.

4

IX. *Областные извѣстія*; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи.

Край, изученію котораго будетъ посвящена «Основа», обитаемъ преимущественно южно-Русскимъ народомъ. Хотя въ Бессарабіи, Крыму и Землѣ Войска Донскаго, вреобладающее населеніе не южно-Русское, но мы включаемъ и эти области въ кругъ нашего изученія, какъ потому, что онѣ не имѣютъ еще своихъ периодическихкихъ органовъ, такъ и потому, что онѣ находились издревле и теперь находятся, въ непосредственныхъ соотношеніяхъ, въ постоянной промышленной и торговой связи, съ прочими южно-Русскими землями. Выгоды всѣхъ частей южнаго края въ столь тѣсной между собою зависимости, что, не смотря на свое разнообразіе, эти части составляютъ одно цѣлое, и при значительныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, всегда принимаются во вниманіе всѣ вмѣстѣ.

Программа «Основы» показываетъ, что она содержаніемъ своимъ обниметъ всю жизнь южной Руси, прошедшую и настоящую, нравственную и вещественную. Южный край нашъ принадлежитъ къ числу мало-изслѣдованныхъ и наиболѣе любопытныхъ странъ Русскаго государства. Ни внѣшняя природа южнаго края, ни внутренній бытъ, ни языкъ, ни исторія южно-Русскаго населенія, не только не разработаны ученымъ образомъ, но даже фактически не приведены въ полную извѣстность. Между тѣмъ, съ предположеннымъ устройствомъ южной вѣтви желѣзныхъ дорогъ, съ предстоящей переменой въ бытъ крестьянъ и сельскомъ хозяйствѣ, съ усиленіемъ умственного, промышленнаго и торговаго движенія потребность — ближе узнать южный народъ нашъ и страну — обнаруживается, въ обществѣ и литературѣ, все живѣе и настоячивѣе. Поэтому мы вправѣ думать, что изданіемъ южно-Русскаго вѣстника мы отвѣчаемъ на общественный вызовъ.

Постоянною задачею «Основы» будетъ — съ одной стороны — знакомить читателей съ обширнымъ краемъ, чрезвычайно обильнымъ разнообразными произведеніями почвы, и съ 12-ти миллионнымъ его населеніемъ, которое отличается особенностями языка, фizioноміи, характера и нравовъ, хозяйственными, промышленными и торговыми условіями, самобытною народною поэзіей и исторією; съ другой стороны, «Основа» будетъ слѣдить за современными явленіями въ общественной жизни южно-русскаго края, указывать на свѣтлыя и темныя ея стороны, на мѣстныя потребности, на

способы къ ихъ удовлетворенію и вообще — на развитіе всего полезнаго, разумнаго и плодотворнаго, и на устраненіе всего вреднаго. Такимъ образомъ, «Основа», постоянно раскрывая малоизвѣстныя стороны южно-Русскаго края, должна пріобрѣсти значеніе въ глазахъ не только мѣстныхъ жителей, но вообще всѣхъ изучающихъ Русскую землю. Стремясь къ безпристрастному самопознанію и выводя на свѣтъ все, что у насъ есть хорошаго и дурнаго, мы выражаемъ этия искреннее желаніе — находиться въ ближайшемъ общеніи со всѣмъ Русскимъ міромъ въ особенности и Славянскимъ вообще.

Не одни, впрочемъ, явленія исключительно-мѣстной жизни будутъ занимать насъ. Нѣтъ страны, нѣтъ общества, которыя могли-бы успѣшно развиваться въ удаленіи отъ общей связи со всѣмъ человѣчествомъ, а тѣмъ болѣе съ жизнью сосѣднихъ и образованныхъ народовъ. Въ этомъ убѣжденіи, мы считаемъ необходимымъ — сообщать нашимъ читателямъ по-крайней-мѣрѣ о тѣхъ явленіяхъ изъ жизни всемірной, которыя могутъ, или имѣть близкое соотношеніе съ южно-Русскимъ краемъ, или быть у насъ примѣнны.

Основнымъ началомъ нашего изданія будетъ — просвѣщеніе общечеловѣческое въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ края, — уразумѣніе общей пользы всѣхъ сословій, и вообще — содѣйствіе къ улучшенію нравственнаго и вещественнаго быта страны.

При участіи извѣстныхъ нашихъ писателей, знающихъ южно-Русскій край, при содѣйствіи, котораго мы вправѣ ожидать отъ нашихъ земляковъ, любящихъ родину и желающихъ ей добра и просвѣщенія, мы надѣемся достигнуть того, что «Основа» сдѣлается живымъ и дѣйствительно-полезнамъ органомъ южно-Русскаго края.

Редакція приняла въ основаніе своихъ отношеній къ сотрудникамъ: 1) добросовѣстное вознагражденіе за статьи, не уступающее другимъ извѣстнымъ журналамъ; 2) точное выполненіе взаимно-предложенныхъ и принятыхъ условій; 3) возможно-скорое извѣщеніе сотрудниковъ о полученіи присланныхъ ими статей, и о принятіи, или не принятіи предложенныхъ условій, а также о причинахъ, помѣшавшихъ, независимо отъ редакціи, точному выполненію желаній автора, и 4) доставленіе *постольнымъ* сотрудникамъ не менѣе 3-й части всего вознагражденія за статью, тотчасъ по принятіи ихъ редакціей, не дожидаясь напечатанія.

Съ своей стороны, редакція просить сотрудниковъ соблюдать и въ отношеніи къ ней такую-же точность и сообщать ясно свои условія, свой адресъ и т. п.

Редакція «Основы» будетъ принимать, для перевода и помѣщенія, статьи, относящіяся къ ея предмету, на Польскомъ и другихъ языкахъ; но поставляя одною изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ — содѣйствовать развитію языка южно-Русскаго, и раскрытію мало-извѣданныхъ еще источниковъ роднаго слова, она въ особенности будетъ дорожить сочиненіями и изустными народными памятниками на языкъ южно-Русскомъ. Мы желали-бы также получить свѣдѣнія, — весьма любопытныя для этнографіи, — объ образѣ жизни и измѣненіяхъ въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ нашихъ переселенцевъ въ Саратовской губерніи, въ Сибири и другихъ мѣстахъ, и вообще наблюденія надъ взаимодействіемъ южно-Русскаго, велико-Русскаго, Польскаго и другихъ сосѣдственныхъ племенъ.

Относительно пронаведеній изящной словесности, редакція считаетъ не лишнимъ предварить, что будетъ держаться строгаго выбора, постоянно предпочитая то, чѣмъ до-сихъ-поръ отличается наша небольшая словесность: качество количеству.

Подробное объясненіе къ программѣ, съ указаніемъ именъ сотрудниковъ и важнѣйшихъ статей, которыя войдутъ въ первыя книжки «Основы», будетъ напечатано впоследствии.

Цѣна за 12 книжекъ, каждая не менѣе 12—15 листовъ, 8 р. 50 к. безъ пересылки, и 10 р. сер. съ пересылкою и доставкою на домъ въ С. Петербургѣ. Контора «Основы» находится при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ публичной бібліотеки. Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Василію Михайловичу Бьлозерскому, въ С. Петербургѣ, противъ Кружала рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго, квартира № 10.* Редакторъ *В. Бьлозерскій.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВЪ «ВОСПИТАНІЕ» (Журналъ для воспитанія) въ 1861 году, подъ редакцію А. Чумикова.

Годъ 5-й.

Съ января будущаго 1861 года «Воспитаніе» будетъ даваться *въ Москвѣ* по той-же программѣ и въ томъ-же направленіи, которыми руководствовалась редакція въ продолженіи четырехлѣт-

няго существованія этого журнала. Переноса свое изданіе въ центръ Россіи, въ городъ славный своимъ университетомъ и ученою и литературною дѣятельностію, редакція убѣждена, что она еще вѣрнѣе исполнить свою задачу быть постояннымъ руководителемъ и органомъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Условія подписки: цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книжекъ, въ Москвѣ 6 руб. 50 коп., въ Петербургѣ 7 руб., съ пересылкою въ другіе города 8 руб. сер. Подписка принимается: отъ гг. иногородныхъ, кромѣ жителей Петербурга, *исключительно* въ редакціи журнала «Воспитаніе». *Отъ жителей Москвы:* въ книжныхъ магазинахъ *Ѡ. О. Свѣшникова*, на Страстномъ бульварѣ и на Никольской улицѣ. *Отъ жителей Петербурга:* въ книжномъ магазинѣ *В. А. Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви. Редакція проситъ гг. иногородныхъ надписывать на своихъ требованіяхъ единственно слѣдующій адресъ: *въ редакцію журнала «Воспитаніе», въ Москву.* Казенныя вѣдомства и учебныя заведенія, пользующіяся уступкою, могутъ присылать деньги втеченіе 1861 года, но не иначе, какъ непосредственно въ редакцію. Изданія журнала 1859 и 1860 годовъ можно получать на этихъ-же условіяхъ. Экземпляровъ «Журнала для воспитанія» за 1857 и 1858 годы болѣе не имѣется. Редакторъ и издатель *А. А. Чумиковъ.*

Въ Журналѣ Министерства напечатанъ «Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія», съ тою цѣлю, чтобы вызвать со стороны опытныхъ педагоговъ критическія замѣтки на этотъ «Проектъ» въ его цѣлости или на его отдѣльныя статьи. Замѣтки эти, вполнѣ или въ сокращеніи, будутъ также помѣщаемы въ Журналѣ.

Официальная часть его, состоящая изъ правительственныхъ распоряженій, будетъ выходить отдѣльными листами. Неофициальная-же часть будетъ появляться книгами отъ двѣнадцати до пятнадцати печатныхъ листовъ, 20-го числа каждаго мѣсяца, начиная съ іюля текущаго года.

При Журналѣ Министерства редакція предполагаетъ издавать особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. Всѣ подобнаго рода приложенія будутъ высылаемы бесплатно лицамъ, подписавшимся на Журналѣ.

Подписная цѣна: за шесть книгъ безъ официальной части, начиная съ іюля мѣсяца — 4 руб. сер. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою; съ официальною частью 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала Министерства и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статьи были напечатаны безъ измѣненій или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакція сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція Журнала высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя — отъ *тридцати* до *пятидесяти*, за статьи составныя — отъ *двадцати* до *сорока* и за переводы — отъ *пятнадцати* до *двадцати рублей* за печатный листъ. Кромѣ-того, по особому соглашенію съ авторами, редакція будетъ приобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія для напечатанія ихъ въ видѣ приложеній къ Журналу.

Редакторъ **К. УЛИНСКІЙ.**

ОТДѢЛЪ IV. ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Извѣстія о городскихъ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ для чтенія, о женскихъ и мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ и проч. Объ участіи духовенства въ народномъ образованіи. Актъ и распредѣленіе предметовъ преподаванія въ университетѣ св. Владиміря въ Кіевѣ. Засѣданіе Виленской археологической комиссіи. Музей Лютера. Фрѣбель и его дѣтскіе сады. Краткій очеркъ музыкальныхъ занятій дѣтей. Объ изданіи журнала «Основа».

В /

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

НОЯБРЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТЛѢТІЕ).

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ I. Педагогика и дидактика.

- 1) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи (статья первая), **К. УШИНСКАГО.**
- 2) О приѣмѣ учениковъ въ приходскія училища, **А. ВЕСКАГО.**
- 3) О проектѣ устава низшихъ и среднихъ училищъ, **И. КОСКОВА.**
- 4) О германскихъ университетахъ.

Отдѣлъ II. Науки вспомогательныя.

- 2) Гегель и его время, сочиненіе Гайма, лекціи XVII и XVIII. Переводъ **Н. СОЛЖИКОВА.**

Отдѣлъ III. Критика и библиографія.

- 1) Руководство къ Педагогикѣ Шерра, **В. В. ПРЯТОВИЧА.**
- 2) Англійская литература XVIII столѣтія. Окончаніе. **ОРИСТА ИИЛЛЕРА.**
- 3) Обзорѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за первую половину 1860 г. Географія, этнографія и путешествія.
- 4) Систематическій Указатель книгъ и журналовъ изданныхъ въ Россіи въ первомъ полугодіи 1860 г. (въ особомъ приложеніи). **Н. ВЕРИЩАГИНА.**

Отдѣлъ IV. Извѣстія и смѣсь (см. на оборотѣ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

СЪ ЮЛЯ 1860 ГОДА.

Въ составъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія входятъ:

1) Теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по различнымъ вопросамъ изъ области педагогики и дидактики.

2) Критическія описанія разнаго рода воспитательныхъ и учебныхъ учрежденій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи.

3) Біографіи и автобіографіи, въ которыхъ выражается вліяніе воспитанія на характеръ и жизнь человѣка.

4) Критическіе разборы педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ.

5) Критическіе разборы русскихъ и иностранныхъ ученыхъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки, если они по содержанию своему могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность.

6) Критическіе разборы чисто-литературныхъ произведеній въ такомъ только случаѣ, если разбирающій находитъ въ нихъ отраженіе умственного и нравственнаго развитія общества, или указываетъ на вліяніе, которое они могутъ имѣть на это развитіе.

7) Статьи физиологическія, если въ нихъ рѣшается, хотя к освеннымъ образомъ, тотъ или другой вопросъ физическаго воспитанія.

8) Статьи психологическія.

9) Изъ области исторіи только такія статьи, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія въ томъ или другомъ народѣ, въ тотъ или другой періодъ времени.

10) Статьи философскія, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ опредѣленію и уясненію цѣли и задачи народнаго просвѣщенія.

11) Перечни и обзорѣнія статей, появляющихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, но за исключеніемъ статей чисто-беллетристическаго содержанія.

Всѣ вышеупомянутыя статьи составляютъ въ Журналѣ четыре отдѣла, а именно:

I. Педагогика и дидактика.

II. Вспомогательныя науки.

III. Критика и библиографія.

IV. Извѣстія и смѣсь.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1861 ГОДА.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія въ будущемъ 1861 году будетъ издаваться по той-же программѣ, по которой издается въ нынѣшнемъ году съ іюля мѣсяца.

Не измѣняя ни въ чемъ цѣли и направленія «Журнала», редакція будетъ преимущественно знакомить читателей съ теоретическими и практическими вопросами, относящимися ко всѣмъ отраслямъ педагогика и дидактики. Будутъ также помѣщаемы въ «Журналѣ» статьи изъ вспомогательныхъ наукъ педагогика, преимущественно психологія, фізіологія и исторія цивилизаціи. Редакція обратитъ особенное вниманіе на критическій отдѣлъ, который въ нынѣшнемъ году еще не могъ быть приведенъ въ надлежащій порядокъ, и будетъ стараться знакомить читателей со всѣми замѣчательными явленіями иностранной и нашей педагогической литературы, въ особенности же обратитъ вниманіе на критическій разборъ нашихъ учеб-

никовъ. Кромѣ того, при журналѣ будутъ издаваться по возможности полныя библиографическія извѣстія о книгахъ, вышедшихъ въ Россіи за каждое истекшее полугодіе; въ эти извѣстія войдутъ также указанія на болѣе замѣчательныя статьи, появляющіяся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Разсылая ирѣ ноябрской книжкѣ въ особомъ приложеніи «Уроки Географіи г. Д. Семенова», Редакція намѣрена кромѣ того разослать подписавшимся на «Журналъ» въ нынѣшнемъ 1860 г. еще одно изъ двухъ приложеній, приготовляемыхъ къ будущему году. Вновь подписавшіеся на «Журналъ» въ будущемъ году, получаютъ оттиски статей, которыхъ печатаніе началось въ журналѣ нынѣшняго года; также и подписчики нынѣшняго года, которые не изъявляютъ желанія подписаться на «Журналъ» въ будущемъ году, получаютъ окончанія этихъ статей».

Въ будущемъ году Редакція намѣрена, между прочимъ, помѣстить въ Журналѣ министерства слѣдующія статьи: «О воспитаніи чувства Ф. Толля» «Письма о воспитаніи К. Ушинскаго», «Учительскія семинаріи, *его же*», нѣсколько статей С. Беллюстина; «Біографія Англійскаго педагога Арнольда», «Исторія Англійскихъ университетовъ по Губеру», «Взглядъ Гегеля на воспитаніе», «Устройство Прусскихъ учебныхъ заведеній» и проч.

Официальная часть «Журнала», состоящая изъ правительственныхныхъ распоряженій, будетъ выходить отдѣльными листами. Неофициальная же часть будетъ появляться книжками отъ 12 до 15 листовъ, 20-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна за 12 книжекъ Журнала, вмѣстѣ съ приложеніями безъ официальной части, 6 р. 50 к. безъ пересылки, и 8 р. съ пересылкою; съ официальной частью 12 р. безъ пересылки и 13 р. 50 к. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала и во всѣхъ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Преподаватели и воспитатели всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеній могутъ подписываться на «Журналъ» чрезъ

свои начальства, внося подписную плату по частямъ, именно впередъ за каждые три мѣсяца.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статья были напечатаны безъ измѣненій, или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакція сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція «Журнала» высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя—отъ *тридцати* до *пятидесяти*, за статьи составныя—отъ *двадцати* до *сорока* и за переводы—отъ *пятнадцати* до *двадцати рублей* за печатный листъ. Кроме-того, по особому соглашенію съ авторами, редакція будетъ приобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія, для напечатанія ихъ въ видѣ приложений къ Журналу.

Редакторъ **К. УШИСКІЙ.**

I.

ПЕДАГОГИКА И ДИДАКТИКА.

О ПРАВСТВЕННОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ РУССКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

(Статья первая).

Очень многія, если не всё сколько-нибудь значительныя и постоянныя явленія нашей общественной жизни были въ послѣдніе годы призываемы на судъ нашей литературы и немногія изъ нихъ ускользнули отъ самыхъ сильныхъ обвинительныхъ приговоровъ. Но во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, болѣе или менѣе ясно слышенъ, между прочимъ, одинъ общій приговоръ. Какое-бы учрежденіе и какой-бы уставъ ни разбирался нами, мы всегда почти приходимъ къ тому заключенію, что хотя въ данномъ учрежденіи или уставѣ и есть тѣ или другіе недостатки, но главный недостатокъ вездѣ и во всемъ одинъ и тотъ же — *недостатокъ людей*. Послѣ разбора историческихъ измѣненій всѣхъ учреждений и уставовъ, которымъ они подвергались у насъ чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, — такъ что въ послѣднее время принято было почти за правило всякое новое установленіе оставлять *въ видѣ опыта*, на опредѣленный срокъ, — мы должны были, кажется, придти къ ясному и твердому убѣжденію, что нѣтъ и не можетъ быть такого безукоризнен-

наго учрежденія, устава или закона, котораго дурные исполнители не могли-бы испортить такъ, что даже его хорошія стороны обратятся во вредъ обществу; и что нѣтъ такого дурного закона, учрежденія или устава, которыхъ благонамѣренные исполнители не могли бы сдѣлать если не хорошими, то крайней-мѣрѣ сносными. Наши администраціи, наши полиціи, наши суды, наши сельскія управленія, наши университеты, гимназіи, училища всякаго рода, не смотря на недостатки своихъ уставовъ и положеній, недостатки свойственные всему, что выходитъ изъ рукъ человѣка, могли-бы принести гораздо больше пользы, чѣмъ приносили до-сихъ-поръ и приносятъ теперь, еслибы наши администраторы, крупные и мелкіе, наши судьи, наши полицейскіе чиновники, наши учителя и, наконецъ, члены вашихъ городскихъ и сельскихъ общинъ, словомъ, всѣ мы, съ одной стороны, лучше понимали свои обязанности, а съ другой — что гораздо важнѣе, потому что въ непонятливости нельзя слишкомъ укорять русскихъ — имѣли больше желанія выполнять свои обязанности и, такъ сказать, больше нравственной невозможности не выполнять ихъ.

Опытомъ пришли мы къ полному убѣжденію въ недостаточности для успѣховъ общественной жизни всякаго рода контролей, нагроможденныхъ на контроли; однакоже, при всякомъ новомъ проектѣ, касающемся той или другой стороны общественной жизни, мы, не довѣряя уже контролю, въ то-же время не довѣряемъ и людямъ и почти во всемъ оканчиваемъ однимъ и тѣмъ-же припѣвомъ: все это хорошо, да гдѣ-же взять людей для этого: людей, людей-то нѣтъ; людей недостаетъ нигдѣ и ни для чего!

Однакожь, какъ-же это такъ — нѣтъ людей? Да вы послушайте только, съ какимъ неудержимымъ рвеніемъ многія тысячи людей, и печатно и не печатно, горячо возстаютъ противъ злоупотребленій всякаго рода. Гдѣ теперь, въ какомъ журналѣ, въ какой великолѣпной гостини, въ какомъ департаментѣ или судѣ, въ какой скромной чиновничьей квартирѣ, въ

какомъ деревенскомъ захолюстьѣ, не разбираются по ниточкамъ всякаго рода общественныя злоупотребленія? Если всю эту массу ревностныхъ обличителей, такъ горячо и такъ безъ устали ратующихъ за правду противъ зла, собрать вмѣстѣ, то вотъ вамъ цѣлая армія превосходнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, не только отлично понимающихъ дѣло, не только не причастныхъ никакому общественному грѣху, но готовыхъ на самую упорную борьбу съ общественнымъ зломъ. Право, читая наши обличительныя статьи, прислушиваясь къ нашимъ обличительнымъ бесѣдамъ, кажется иногда, что всѣми нами овладѣла какая-то болѣзнь бранчивости, или что какой-нибудь чародѣй напустилъ намъ туману въ глаза, и мы, думая, подобно ламанчскому герою, боротся съ великанами зла, поднимаемъ копьѣ противъ вѣтряныхъ мельницъ, и, думая находится въ толпѣ всякаго рода злодѣевъ и плутовъ, сидимъ на самомъ дѣлѣ въ кругу нашихъ пріятелей, готовыхъ умереть за дѣло правды и добра, и что въ сущности намъ и боротся-то не съ кѣмъ и не съ чѣмъ. Мы теперь всѣ, рѣшительно всѣ, не исключая и гоголевскаго городничаго, если онъ еще здравствуетъ, такъ усердно бравимся на пользу родины, что право трудно рѣшить, кого мы бранимъ: ужъ не сѣраго-ли мужичка; потому что онъ одинъ, рѣшительно онъ одинъ, не пристааетъ къ общему обличительному концерту.

Но, увы, нѣтъ! Передъ нами не вѣтряныя мельницы, мы не въ кругу честныхъ трактирщиковъ и погонщиковъ муловъ, мы не Донъ Кихоты и не въ такомъ положеніи, чтобы принять мирное стадо за непріятельскую армію: зла дѣйствительно вездѣ очень много, не смотря на то, что людей, вооружающихся языкомъ противъ всякаго зла, тоже очень много. Изъ этого замѣчательнаго, хотя вовсе не отраднаго явленія, за невозможностью сдѣлать изъ него чтонибудь лучше, можно извлечь двѣ психологическія истины: первая, что браниться на пользу ближняго и дѣлать чтонибудь для его пользы — двѣ вещи совершенно различныя и, второе, что недостаточно знать

и понимать зло, чтобы оно исчезло, если даже средства къ его уничтоженію въ нашихъ рукахъ, что между знаніемъ добра и желаніемъ его — глубокая пропасть, глубже даже Сократоваго ума.

Но куда-же это однако дѣвались люди и какихъ намъ еще людей надобно? Чего наконецъ мы требуемъ отъ нашихъ двуногихъ братьевъ, чтобы признать ихъ за людей? Не заходитъ-ли у насъ умъ за разумъ, какъ у того греческаго мудреца, что двумъ, да еще со свѣчкою, не могъ найти человѣка посреди многолюдной площади? Нѣтъ, мы не такъ прихотливы и требованія наши не велики. Сколько можно понять, то въ нашихъ обличеніяхъ, проходящихъ черезъ типографскій станокъ или улетающихъ къ потолку вмѣстѣ съ дымомъ сигаръ и папиросъ, люди болѣе или менѣе укоряются въ недостаткѣ того цемента, который связываетъ отдѣльныя личности въ одно дружное общество, въ недостаткѣ полезныхъ для общества общественныхъ убѣжденій, въ недостаткѣ такъ называемой общественной нравственности. Правда, бранимъ мы своего ближняго иногда и за глупость; но, во-первыхъ, это случается гораздо рѣже; а во-вторыхъ, бранить человѣка за глупость, также рационально, какъ бранить его за то, что его физиономія намъ не нравится.

Но въ чемъ-же состоитъ эта общественная нравственность отдѣльнаго лица? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣнія раздѣляются: одни полагаютъ, что общественная нравственность состоитъ въ утонченнѣйшемъ эгоизмѣ и зависитъ единственно отъ степени умственнаго развитія человѣка, такъ что стоитъ только человѣку поучиться, поумнѣть и онъ убѣдится, что его личное благосостояніе зависитъ отъ общественнаго благосостоянія. Но для того, чтобы придти къ такому убѣжденію, надобно ужъ очень поумнѣть, поумнѣть, на примѣръ, до идеи, что отъ дровъ, которыми наши внуки или внуки нашего ближняго будутъ отапливать свои дома, намъ будетъ тепло, или что отъ финансоваго благосостоянія будущихъ поколѣній, наши денеж-

ныя обстоятельства будутъ въ блестящемъ положеніи, или что отъ образованія нашихъ праправнуковъ мы лично получимъ огромную выгоду. Но если и возможенъ такой умъ, то развѣ для немногихъ избранныхъ; что-же касается до насъ, то мы замѣчаемъ и въ себѣ и въ другихъ возможность множества такихъ положеній отдѣльнаго человѣка въ отношеніи къ обществу, когда личный интересъ прямо противоположенъ общественному; когда умъ, и очень развитой умъ, понимая очень хорошо зло, происходящее для общества отъ осуществленія тѣхъ или другихъ личныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе рѣшается на ихъ осуществленіе именно потому, что они личные. Гоголевскій городничій, а тѣмъ болѣе Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, равно какъ и судья Тяпкинь-Ляпкинь, разсуждающій о созданіи міра, не потому кривятъ душою, чтобы не понимали, что не должно кривить ею; не потому извращаютъ законы и обращаютъ въ свою личную пользу свое оффиціальное положеніе, чтобы не понимали общественной пользы законовъ и ихъ правильнаго исполненія. Конечно, случается у насъ и такой грѣхъ, но очень рѣдко; чаще-же всего мы очень хорошо понимаемъ, что законъ полезенъ, что исполненіе его необходимо для пользы общества; но понимаемъ также очень хорошо, что неисполненіе законовъ очень полезно для насъ самихъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ только прислушаться, что говоритъ городничій и его почтенные сослуживцы минимуму ревизору, — стоитъ только заглянуть въ наши оффиціальныя бумаги, наши годовые отчеты, торжественныя рѣчи: какая величественная добродѣтель, какое строгое пониманіе святости долга!

Нѣтъ! право, въ глупости насъ, русскихъ, особенно укорить нельзя. Намъ на долю достался порядочный кусокъ отъ райскаго яблока и мы очень хорошо понимаемъ, что такое добро, что зло; но знаемъ также слишкомъ хорошо, гдѣ зимуютъ раки. Конечно, образованіе ума и обогащеніе его познаніями много принесетъ пользы, но, увѣ, я никакъ не полагаю, чтобы ботаническія или зоологическія познанія, или даже ближайшее

знакомство съ глубокомысленными твореніями Фохта и Молешота, могли сдѣлать гоголевскаго городничаго честнымъ чиновникомъ и совершенно убѣжденъ, что будь Павелъ Ивановичъ Чичиковъ посвященъ во всѣ тайны органической химіи, или политической экономіи, онъ останется тѣмъ-же, весьма вреднымъ для общества, пронырой. Переменится нѣсколько его внѣшность, перестанетъ онъ подкатываться къ людямъ съ ловкостію почти военнаго человѣка, приметъ другія манеры, другой тонъ, замаскируется еще больше, такъ что проведетъ кого нибудь и поумнѣ генерала Бедрищева; но останется все тѣмъ-же вреднымъ членомъ общества, даже сдѣлается еще вреднѣе, еще неуловимѣе. Просмотрите біографію Гегеля, напечатанную въ этомъ-же журналѣ и если справедлива десятая доля того, что рассказываетъ Геймъ, а мы думаемъ, что и половины опровергнуть невозможно, то нѣтъ-ли въ величайшемъ, необъятнѣйшемъ, глубочайшемъ философѣ всѣхъ временъ очень и очень порядочной доли чичиковщины? а ужъ онъ-ли не былъ уменъ, развитъ, глубокомысленъ и ученъ? Въ своихъ странствіяхъ отъ одной власти къ другой не напоминаетъ-ли онъ нѣсколько безсмертныхъ путешествій Павла Ивановича? Знаемъ, что эти слова не пройдутъ намъ даромъ и что насъ обвинять можетъ быть тѣ самыя лица, которыя съ такою охотою развѣнчиваютъ наши русскія знаменитыя личности Державина, Карамзина, Пушкина, Гоголя; но защитники всемірно-германской знаменитости поставлены будутъ въ довольно затруднительныя положенія: или объяснить философски различныя перипетіи, которымъ подвергалась гегелевская философія съ измѣненіемъ политическихъ обстоятельствъ и личныхъ отношеній философа, или укорить Гегеля въ томъ, что онъ самъ не понималъ, что писалъ. Но мы такъ благоговѣли передъ истинно-необъятнымъ гениемъ берлинскаго философа, что рѣшительно не допускали возможности послѣдняго толкованія, и если напомнимъ его біографію, то вовсе не съ цѣлью обвинить его — мы уже не имѣемъ никакого права бросить въ него камнемъ —

но именно для того, чтобъ въ рѣзкомъ примѣрѣ показать, что величайшее развитіе умственное не предполагаетъ еще необходимо-прочной общественной нравственности. Гегель-ли не понималъ важности, истины и красоты непоколебимаго нравственнаго достоинства?

Этотъ величественный примѣръ, напоминающій намъ евангельскій совѣтъ поступать по словамъ и слѣдамъ проповѣдниковъ, а не по дѣламъ ихъ, избавляетъ насъ отъ необходимости имѣть другіе примѣры, хотя-бы мы могли указать ихъ много, начиная съ безсмертнаго Бэкона, берущаго взятки, и великаго Мальборуга, обкрадывавшаго своихъ солдатъ, и до умницы Сквозника-Дмухановскаго. И хотя мы не думаемъ, вслѣдъ за Грибоѣдовымъ, что *умный человекъ не можетъ быть не плутомъ*; но убѣждены, что очень умный человекъ можетъ быть и очень большимъ плутомъ. Нѣтъ, одного ума и однихъ познаній еще недостаточно для укорененія въ насъ того нравственнаго чувства, того общественнаго цемента, который иногда согласно съ разсудкомъ, а часто и въ противорѣчіи съ нимъ, связываетъ людей въ честное, дружное общество.

Чувство общности или, другими словами, нравственное чувство, живетъ въ каждомъ изъ насъ, точно также, какъ и чувство личности, эгоизма.

Оба эти чувства, въ видѣ микроскопическихъ зародышей, рождаются вмѣстѣ съ человекомъ. Но тогда, какъ первое, т.-е. нравственное чувство, благороднѣйшее и нѣжнѣйшее растеніе души человѣческой, требуетъ большого ухода и присмотра, чтобы вырости и окрѣпнуть, другое, какъ всякій бурьянъ, не требуетъ для своего преуспѣянія ни ухода, ни присмотра и, необуздываемое во время, скоро подавляетъ всѣ лучшія нѣжнѣйшія растенія. Самъ божественный Сердцевѣдецъ нашелъ ненужнымъ заботиться о возрастѣ того чувства: никто и безъ того изъ собственнаго побужденія не подавляетъ своей живу-

чей охоты, этого источника всякаго эгоизма; *«но питаетъ и грѣетъ ю».*

Убѣжденные въ томъ, что нравственность не есть необходимое послѣдствіе учености и умственнаго развитія, мы еще убѣждены и въ томъ, что воспитаніе, семейное и общественное, вмѣстѣ съ вліяніемъ литературы, общественной жизни и другихъ общественныхъ силъ, можемъ имѣть сильное и рѣшительное вліяніе на образованіе нравственнаго достоинства въ человѣкѣ. Кромѣ-того, мы смѣло высказываемъ убѣжденіе, что вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ.

Высказывая такія убѣжденія, мы увѣрены, что большинство нашихъ читателей, за исключеніемъ немногихъ философовъ эгоизма, согласны съ нами; а потому, не останавливаясь на излишнихъ доказательствахъ, приступаемъ прямо къ разсмотрѣнію того, на сколько наше современное семейное и общественное воспитаніе имѣло и имѣетъ вліянія на развитіе нравственнаго чувства въ насъ и въ нашихъ дѣтяхъ, или другими словами къ изслѣдованію нравственнаго элемента въ русскомъ воспитаніи.

Понятно само собою, что мы не имѣемъ претензій въ короткой журнальной статьѣ сдѣлать обзоръ всего русскаго образованія, со всѣми его многочисленными вѣтвями, а думаемъ только указать на нѣкоторыя, наиболѣе намъ извѣстныя и болѣе общія явленія. При этомъ мы просимъ нашихъ читателей не думать, что выставляя иныя явленія въ довольно мрачномъ свѣтѣ, мы не знали множества исключеній: напротивъ, именно эти-то свѣтлыя исключенія и побуждаютъ насъ взяться за перо, потому-что эти-то и вселяютъ въ насъ надежду лучшаго. Еслибы все было дурно, то мы молчали-бы: безжалостно и стыдно говорить неизлечимо-больному объ опасностяхъ его положенія;

но должно говорить тому, кто имѣеть силы, хочетъ, можетъ заявить непремѣнное желаніе отдѣлаться отъ своей болѣзни.

Скажемъ прежде всего о воспитаніи нашего простого народа; но, можетъ быть, многіе замѣтятъ, что говорить объ этомъ предметѣ, значить говорить о томъ, что не существуетъ. Но если въ нашихъ деревняхъ нѣтъ почти преднамѣреннаго воспитанія, то тѣмъ болѣе, сильно воспитаніе непреднамѣренное. Люди рождаются, растутъ, слѣдовательно и воспитываются если не въ школахъ, нарочно для того устроенныхъ, то, тѣмъ не менѣе, воспитываются въ той жизненной средѣ, гдѣ они живутъ и изъ которой льются въ душу ихъ разнообразнѣйшія вліянія.

Если русскій крестьянинъ отличается теперь отъ дикаря, то этимъ онъ почти единственно обязанъ своей всетаки европейской, славянской природѣ, а еще болѣе своему древнему христіанству.

Загляните въ самую глухую русскую деревню, отдѣленную отъ остальнаго міра почти непроходимыми лѣсами и болотами (такихъ деревень не мало, напримѣръ, въ Новгородской губерніи), вы не найдете тамъ почти никакихъ слѣдовъ европейской цивилизаци; но тѣмъ не менѣе замѣтите въ характерѣ жителей много природнаго славянскаго ума и добродушія и глубокіе слѣды христіанства, которые, можетъ быть, тѣмъ глубже, чѣмъ древнѣе. Это сильно образующее вліяніе христіанства идетъ, безъ сомнѣнія, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда наши первые, святые сподвижники христіанской истины, смѣло углубляясь съ своею могучею проповѣдью въ глушь болотъ и лѣсовъ, полагали въ души языческихъ племенъ святыя сѣмена. Подъ вліяніемъ этой личной, сильно говорящей сердцу проповѣди, выразившейся не только въ словахъ, но и въ истинно-подвижнической жизни, христіанскіе элементы совершенно срослись въ душѣ русскаго съ его славянскимъ характеромъ и навсегда извлекли его изъ дикой жизни, и такимъ образомъ внесли новый элементъ, славянскій, въ сферу европейской исторіи. Но

впослѣдствіи времени это образовательное вліяніе религіи значительно ослабѣло и, такъ сказать, остановилось на одной точкѣ; такъ что въ настоящее время христіанскія правила жизни сдѣлались болѣе традиціональными и болѣе передаются, какъ святое преданіе, отъ отцовъ и дѣдовъ къ дѣтямъ и внукамъ, чѣмъ подновляются и возрождаются вновь изъ ихъ непосредственнаго источника. По патріархальному-ли свойству нашей славянской природы—свойству общему, впрочемъ, всѣмъ народамъ,—какой-же народъ миновалъ патріархальный бытъ?—или по какой нибудь другой причинѣ, христіанскія истины приобрѣли у насъ особый патріархальный характеръ и, соединившись съ лучшими особенностями славянской природы, образовали тотъ патріархально-христіанскій характеръ, который и теперь еще можно встрѣтить нерѣдко во всемъ его маститомъ и добродушномъ величіи, какъ живой урокъ нашей, такъ часто встрѣчающейся свѣтской мелочности, съ ея внѣшней только, поверхностной полировкой.

Эта *патріархальная* нравственность, свойственная всѣмъ народамъ, мало тронутымъ исторіею и между тѣмъ призваннымъ къ будущей исторической дѣятельности,—нравственность тацитовскихъ германцевъ или нынѣшнихъ жителей горнаго Авганистана, просвѣтленная древнимъ вліяніемъ христіанства, къ счастью, еще довольно сильна въ русскомъ народѣ.

Но какъ всякое преданіе, сильно прочувствованное, но мало сознательное, и переходящее въ привычку, не переходя черезъ сознаніе, эта патріархальная нравственность подверглась вліянію вѣковъ, одѣвающихъ плесенью и твердую скалу, и не очищаемая огнемъ сознанія, несетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе не только истинно-нравственныя правила, но и предразсудки, суевѣрія, иногда вовсе не нравственные совѣты, и двусмысленнаго достоинства пословицы—эти совѣты практической мудрости давно отжившихъ поколѣній. Такъ наша русская рѣка, выходя изъ непроглядной глубины лѣсовъ и болотъ, выноситъ оттуда илъ, остатки гнѣющихъ растений и песокъ, которые

потомъ, гдѣ нибудь ниже, скажутся мелями. Но это была-бы еще не большая бѣда и мы, помня басню Крылова *Червонецъ*, не посовѣтовали-бы слишкомъ торопливо и ревностно стирать эти предрасудки, чтобы не задѣть того драгоцѣннаго зерна, котораго мы дать не можемъ, и для котораго предрасудокъ служить иногда обороняющей скорлупою. Гранить алмазь надобно очень осторожно и умѣючи: онъ и въ корѣ сохранить всегда свою цѣну и дождется искуснаго художника, а въ рукахъ самонадѣяннаго невѣжды можетъ безвозвратно потерять большую половину цѣны. Не бѣда была-бы, еслибъ потокъ преданій, вмѣстѣ съ обильною живительною влагою,—выносилъ иногда и груды песка: при обилии своихъ водъ онъ самъ-же размыль-бы мель или обошелъ ее, прорывъ другое русло, но то бѣда,—что самый потокъ изсякаетъ.

Фактъ неоспоримый, что патріархальная нравственность сохраняется гораздо болѣе въ глуши нашихъ деревень, удаленныхъ отъ центровъ промышленной дѣятельности и цивилизаціи. Чѣмъ болѣе заброшена деревня въ глушь, чѣмъ менѣе она пользуется всѣми выгодами образованія, тѣмъ патріархальнѣе ея жители и тѣмъ они нравственнѣе. Чѣмъ ближе къ желѣзнымъ дорогамъ и шоссе, къ большимъ сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ, къ столицамъ и фабричнымъ мѣстностямъ, тѣмъ меньше патріархальности и вмѣстѣ съ тѣмъ меньше нравственности. Словомъ, наша патріархальная нравственность не выдерживаетъ столкновенія съ цивилизаціей, поѣдается ею, какъ вѣсковые лѣса поедаются пламенемъ пожара.

Но эти слова требуютъ небольшого объясненія съ нашей стороны. Намъ такъ часто придется говорить о вредномъ вліяніи цивилизаціи на общественную нравственность, что мы должны серьезно опасаться, чтобы насъ не причислили къ противникамъ цивилизаціи. Вотъ почему мы просимъ у читателей позволенія высказать разъ навсегда наши искреннія убѣжденія въ этомъ отношеніи.

Мы думаемъ, что всѣ народности земнаго шара можно

удобно раздѣлить на четыре группы: 1) на народности, слишкомъ слабыя для самостоятельнаго историческаго развитія и осужденныя на поглощеніе другими народностями; 2) на народности, еще дожидаящія своей очереди, чтобы войти въ область исторіи; 3) на народности, уже вышедшія изъ нея и догнивающія свой вѣкъ, и 4) народности современно-историческія. О народностяхъ первой группы говорить много нечего; на нихъ слѣдуетъ только указать: таковы наши инородцы, краснокожіе Америки, эскимосы, негритосы и др. Народности второй группы, которыя, хотя довольно сильны, чтобы внести въ исторію новую дѣятельную личность, но которыя, по той или другой географической и исторической причинѣ не вошли еще въ область исторіи, могутъ долго и невредимо оставаться въ видѣ зеренъ будущихъ историческихъ народныхъ личностей, сохраняя въ себѣ возможность исторической жизни; такъ зерно пшеницы, пролежавъ три тысячи лѣтъ въ гробницѣ египетской муміи, сохраняетъ въ себѣ возможность растительной жизни и перенесенное въ благопріятную почву, развивается и даетъ обильный плодъ. Открыть такія народности и указать ихъ конечно можетъ только исторія, вызвавшая къ жизни полудикихъ обитателей германскихъ лѣсовъ и нашихъ славянскихъ предковъ. Народности, уже отжившія, сошедшія съ исторической сцены, если и продолжаютъ существовать, то не живутъ, а доживаютъ или, лучше сказать, разлагаются, какъ разлагается трупъ всякаго природнаго организма. Въ этомъ видѣ такія народности представляютъ грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительное, но поучительное явленіе, какъ для химика гніеніе. Это разложеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока элементы, составлявшіе эти уже отжившіе организмы, не всосутся новыми, свѣжими народными организмами. Такое грустное явленіе представляла намъ Греція послѣ Александра Македонскаго, когда общество продолжало еще жить, хотя цементъ, скрѣплявшій его—общественная нравственность—уже совершенно разложился. Такое-же грустное явленіе представлялъ

намъ умирающій или, лучше сказать, уже разлагающійся Римъ, пока юныя германскія народности не всосали его элементовъ и пока на прежней, удобренной гниіемъ, почвѣ не выросли изъ новыхъ зеренъ новыя государства. Такое-же явленіе представляетъ намъ въ настоящее время Китай, этотъ громадный гніющій трупъ, элементовъ котораго не всосать даже и нынѣшней европейской цивилизаціи, при всемъ ея могуществѣ.

Но если зерно разъ посажено въ землю и начало прорасти, тогда нѣтъ уже никакой возможности приостановить его развитіе, или лучше сказать приостановить въ немъ процессъ жизни. Разъ проросшее зерно или будетъ развиваться или станетъ гнить. Народъ, вошедшій въ историческую область и согрѣтый лучемъ историческаго солнца, обходящаго земной шаръ въ своемъ торжественномъ ходѣ, — такой народъ или будетъ развиваться или будетъ разлагаться: *середины нѣтъ*. Приостановка въ развитіи, конечно, можетъ быть только временная, какою была у насъ татарская эпоха, но и та временная приостановка никогда не останется безъ вредныхъ послѣдствій. Сравните великолѣпные зародыши русской цивилизаціи до татарщины, съ тѣмъ, чѣмъ является та цивилизація послѣ татарскаго ига и вамъ невольно придетъ на умъ роскошное поле, ранніе многообѣщающіе всходы котораго были побиты морозомъ.

Таковъ нашъ взглядъ на необходимость цивилизаціи для всякаго историческаго народа и если прогрессъ цивилизаціи имѣетъ свои опасности, какъ всякій жизненный процессъ, какія имѣетъ и неизбѣжный ростъ дитяти и развитіе юноши, то, съ другой стороны, въ этихъ опасностяхъ есть жизнь, есть возможность успѣха, оборота къ лучшему; тогда какъ въ разложеніи трупа, въ современной жизни Китая опасности и волненій еще больше, и нѣтъ никакой будущности: опасности и волненія, безъ толку, безъ цѣли, безъ надежды отраднаго исхода. Это безпрестанное, мучительное погруженіе народа въ гемную бездну смерти; агонія, которая можетъ тянуться цѣлые вѣка. Визан-

тія, на которую Петръ Великій указывалъ съ такимъ справедливымъ ужасомъ тупымъ противникамъ европейской цивилизаціи, гнила болѣе тысячи лѣтъ, пока дождалась турокъ; Китай гніетъ вотъ уже нѣсколько тысячелѣтій, и, не смотря на свой отличный *внѣшній* порядокъ, не смотря на свои сотни миліоновъ населенія, на свои природныя богатства, на свое раннее образованіе, на умственныя способности своихъ жителей, не можетъ отдѣлаться отъ горсти англичанъ: такъ умирающей гигантъ не можетъ приподнять руки, чтобъ согнать муху, причиняющую ему нестерпимую боль. Вотъ, по нашимъ убѣжденіямъ къ чему ведетъ остановка развитія!

Сознавая вполнѣ всю жизненную необходимость, какъ движенія народа впередъ по пути образованія, такъ и проникновенія этого образованія въ самые низшіе слои народонаселенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не отвернемся отъ того печальнаго явленія, что цивилизація дѣйствуетъ разрушительно на патріархальную нравственность каждаго народа, если сама цивилизація не вноситъ съ собою новой уже не патріархальной, а гражданственной и обще-человѣческой нравственности.

Причина такого явленія очень проста: патріархальной нравственности, коренившейся въ семейномъ бытѣ, достаточно было, чтобы опредѣлять тѣ несложныя и немногочисленныя отношенія, въ которыхъ вращался патріархальный-же человекъ; патріархальной нравственности ставало только для патріархальнаго-же быта. Но когда цивилизація, хотя-бы въ формѣ торговли и промышленности, вырываетъ человека изъ тѣсной сферы семейныхъ и родовыхъ отношеній, тогда и патріархальная нравственность оказывается недостаточною. Человекъ вначалѣ, какъ бы раздвояется, и въ сердцѣ у него нѣкоторое время уживаются очень мирно патріархальная нравственность въ отношеніи своего семейства и совершенная безнравственность за границею семейства. Онъ, какъ будто, признаетъ надъ собою и внутри себя только одни семейные законы и имъ только искренно повинуется; всѣ-же другіе законы

кажутся ему враждебными принужденіями, которымъ должно повиноваться, если нельзя этого избѣжать, но которые позволительно и даже похвально обходить. Словомъ, за границами семейства онъ чувствуетъ себя въ непріятельской землѣ, гдѣ позволено дѣлать все, только-бы не попадаться, гдѣ надъ нимъ существуетъ только право силы, а за нимъ право всякаго рода хитрости и обмана.

Но такое раздвоеніе не можетъ существовать вѣчно и въ теченіи времени мало-по-малу безнравственность изъ за границы семейнаго быта переносится и въ нѣдра семьи.

Характеристическхъ чертъ раздвоенности нравственной сферы мы находимъ еще много не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и въ верхнихъ слояхъ общества. Но съ особенною рѣзкостью высказывается эта черта въ характерѣ тѣхъ промышленныхъ крестьянъ, которые, пускаясь на промыслы всякаго рода и особенно въ столицы и фабричные города, проводятъ многіе годы вдали отъ своихъ семействъ и потомъ опять на время или на всегда возвращаются домой. Большая часть изъ нихъ и теперь еще во время своего пребыванія на промыслахъ, на фабрикахъ, въ столицахъ, рѣшительно не чувствуютъ въ себѣ никакихъ нравственныхъ обязательствъ и живутъ точно во враждебной землѣ, и если удерживаются отъ дурныхъ поступковъ, то только подъ влияніемъ опасеній внести бѣдность или развратъ въ свою отдаленную семью. Но возвращаясь домой, они по большей части съ замѣчательною силою характера сбрасываютъ съ себя пріобрѣтенныя привычки и становятся добрыми семьянами; а иногда, однако, вносятъ съ собою и самыя разрушительныя начала. Нерѣдко такой крестьянинъ искренно, въ глубинѣ души признаетъ надъ собою только семейные законы, всѣ же другіе для него не болѣе, какъ враждебныя ухищренія, и всякій *чужой* по большей части для него является чело­вѣкомъ совершенно безправнымъ. Всѣ глубокія сердечныя нити привязываютъ его только къ семьѣ: онъ ихъ только сознаетъ и признаетъ, и кладетъ семейный, патриархальный отпе-

чатоковъ даже на свои религіозныя понятія и свои понятія о правительствѣ. Онъ горячо и отъ всей души молится Богу, но въ молитвѣ своей проситъ удачи *своему* промыслу, счастье *себѣ* и *своей семьѣ*: онъ не зажигаетъ лампадки за всю Русскую землю, какую зажегъ нашъ знаменитый паломникъ у гроба Христова; но нерѣдко ставитъ надломленную свѣчу Ивану Воину, съ искреннемъ желаніемъ, чтобы также переломило того или другаго ближняго. Онъ строго держитъ посты, но обманетъ васъ на товарѣ и въ страстную пятницу, держась въ своихъ промысловыхъ отношеніяхъ къ всякому *чужому* старинной поговорки: *не обманешь, не продашь*, предполагая, что и другіе имѣютъ право дѣлать то же, что онъ. Для него возможно, помолившись очень усердно, немедленно же стать за прилавокъ и съ клятвами и божьбою обмѣривать и обвѣшивать покупателя, въ которомъ онъ видитъ существо, не имѣющее никакого права на его честность. Христіанское понятіе—ближній, часто принимаетъ въ русскомъ промышленномъ человѣкѣ значеніе родственника, семьянина. Вотъ отчего иной, надувшій васъ лавочникъ и совершенно вами уличенный, смотритъ вамъ прямо въ глаза съ неностижимымъ безстыдствомъ и даже съ удовольствіемъ подмигиваетъ своему товарищу, когда вы разсерженные уходите изъ лавки. Дѣло здѣсь не въ томъ, что та или другая личность плутуетъ и поступаетъ безсовѣстно, — отъ плутовъ и безсовѣстныхъ людей не избавитъ совершенно никакое образованіе; но въ томъ, что въ одной и той же личности соединяется благочестіе и плутовство, безсовѣстность и совѣстливость, безпошадный эгоизмъ и иногда геройское самопожертвованіе въ пользу своей семьи. Это было-бы явленіемъ до крайности мрачнымъ, если бы оно не объяснялось исключительностью патріархальной нравственности: вы были для лавочника то же самое, что въ военное время французскій солдатъ для русскаго солдата—существомъ совершенно безправнымъ, и если не могли защититься, то должны были быть обмануты.

Чтобы яснѣе выразить нашу мысль, мы позволимъ себѣ

привести здѣсь маленькое происшествіе, которое намъ случилось видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ при поѣздкѣ на пароходѣ по Волгѣ. На пароходѣ, на которомъ намъ случилось ѣхать отъ Твери до Ярославля, находилось человѣкъ двадцать ярославцевъ и костромичей, по большей части сидѣльцевъ петербургскихъ лавокъ, и различныхъ мастеровыхъ, отправлявшихся домой на *побыку*, т. е. на два, на три лѣтніе мѣсяца. Это по большей части были люди очень молодые и между ними даже было нѣсколько мальчиковъ отъ 14-ти до 17-ти лѣтъ. Всѣ они, особенно дѣти, были очень довольны своей поѣздкой и въ томъ углу палубы, гдѣ они сидѣли, смѣхъ, шутки и веселые разговоры не прекращались ни на минуту, продолжаясь по вечерамъ далеко за полночь.

Прислушавшись къ этимъ шумнымъ бесѣдамъ, мы были прежде всего поражены замѣчательною развитостію этихъ людей: даже четырнадцатилѣтнія дѣти говорили такъ умно, шутили такъ остро, и мѣнялись другъ съ другомъ такими мѣткими насмѣшками, что нельзя было не подивиться богатству ихъ природныхъ способностей, ихъ умственному развитію, ихъ наблюдательности и даже ихъ знаніямъ, приобрѣтеннымъ, конечно, болѣе изъ практической жизни, нежели изъ книгъ, хотя почти всѣ эти люди были грамотны и тутъ-же на палубѣ, отъ времени до времени, занимались чтеніемъ засаленныхъ книжонокъ, довольно, впрочемъ, гадкаго содержанія. Въ особенности обращалъ на себя вниманіе своимъ бойкимъ, развитымъ умомъ и необыкновеннымъ даромъ колкаго, мѣткаго слова, одинъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ очень красивою, но довольно уже истасканною физиономіею. Это былъ сидѣлецъ изъ петербургской свѣчной лавки, который получалъ уже десять рублей серебромъ жалованья въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ и очень, казалось, гордился своимъ положеніемъ. Но скоро мы убѣдились, что вмѣстѣ съ тѣмъ бесѣды этого веселаго, словоохотливаго кружка были проникнуты замѣчательною безнравственностію. Роль Донъ Жуана и вмѣстѣ

Фальстафа въ этомъ веселомъ обществѣ игралъ какой-то молодой портной, человѣкъ лѣтъ двадцати семи, на лицѣ котораго ясно выразились слѣды пьянства и разврата. Онъ безсовѣстно хвалился самыми отвратительными поступками. Другіе собесѣдники, и даже пятнадцатилѣтніе мальчики, не отставали отъ разудалаго портнаго, котораго даже не пугала и мысль, что въ деревнѣ ждетъ его жена и отецъ, которымъ онъ не везъ ни гроша. Конечно, во всей этой похвальбѣ было много лжи; но замѣчательно то, что идеаломъ всѣхъ этихъ людей былъ ловкій, развратный кутила, умѣющій при этомъ добыть копѣйку всякими средствами, окупить паспортъ, заплатить оброкъ за всю семью, надуть при случаѣ хозяина, ловко провести покупателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный ремесленникъ или торговецъ. Молодой сидѣлецъ изъ свѣчной лавки игралъ въ этихъ бесѣдахъ весьма значительную роль. Ему, кажется, хотѣлось перещеголять портнаго и онъ должно быть многое лгалъ на себя, но истасканность его хорошенькой фізіономіи показывала, что въ хвастовствѣ его была значительная доля правды.

На другой день утромъ мы подъѣзжали къ Борисоглѣбску. Когда пароходъ сталъ приближаться къ пристани, на которой толпилась порядочная кучка народу, сидѣлецъ изъ свѣчной лавки и нѣсколько человѣкъ его товарищей съ узлами и чемоданами въ рукахъ стояли у перилъ и готовились выдти на пристань. Въ лицѣ молоденькаго сидѣльца замѣтна была значительная перемена: нахальство и насмѣшливая улыбка, не покидавшія до того времени его губъ, исчезли; онъ поблѣднѣлъ, сталъ серьезенъ, пристально смотрѣлъ на берегъ и по всему было замѣтно, что глубокое чувство волнуетъ его молодую душу. Портной зашучивалъ съ нимъ, мальчикъ силился ему отвѣчать также шутками, но голосъ его дрожалъ. Онъ зорко смотрѣлъ на берегъ и, казалось, кого-то искалъ глазами на пристани.

— Никакъ это онъ и есть, проговорилъ наконецъ мальчикъ, сильно дрожащимъ голосомъ.

— Кто онъ? спросилъ портной.

— Отецъ-то мой, отвѣчалъ мальчикъ: онъ и есть.

— Батюшка! батюшка! кричалъ мальчикъ, махая картузомъ и въ этомъ крикѣ было неподдѣльное, худо скрытое чувство.

На пристани, при крикѣ мальчика въ особенности засуетился старичекъ, крестьянинъ маленькій, сухой, лицо котораго, по выраженію Гоголя, походило на высохшую грушу. Узнавъ голосъ сына, старикъ засуетился, глядѣлъ во всѣ стороны; но въ толпѣ лицъ, собравшихся у перилъ подходящаго къ пристани парохода, не могъ распознать своего дѣтища; а можетъ быть и не узнавалъ его, потому-что не видалъ его болѣе четырехъ лѣтъ.

— Батюшка! Я здѣсь, батюшка! кричалъ мальчикъ. Но голосъ его рвался: не видить, старый! проговорилъ сидѣлецъ съ досады.

Наконецъ пароходъ присталъ. Молодой сидѣлецъ почти первый выскочилъ на пристань и, бросивши свой чемоданъ тутъ-же, при всемъ народѣ, повалился отцу въ ноги. Старикъ со слезами на глазахъ, дрожащими отъ волненія руками, поднялъ своего сына и, не говоря ни слова, осыпалъ поцѣлуями, на которые мальчикъ отвѣчалъ также усердно, цѣлуя отца, то въ руки, то въ плечи, то въ морщинистое лицо, то въ сѣдую, жиденькую бороду. Сцена была глубоко-трогательная и тѣмъ болѣе трогательная, что проходила почти безъ словъ, въ отрывистыхъ выраженіяхъ. Чувство, охватившее обоихъ, отца и сына, рвало рѣчь на куски. Черезъ минуту они поспѣшно отправились на очень крутой берегъ. Мальчикъ взвалилъ было свой чемоданъ на голову, но отецъ вырвалъ его у него изъ рукъ, поднялъ на свои старыя плечи и оба любящія существа скоро исчезли изъ виду.

Что-бы осталось отъ этого мальчика, если-бы, слѣдуя какой-нибудь новѣйшей теоріи, порвать эти святыя нити, соединяющія его сердце съ семьею? Не значило-ли бы это задавить

въ немъ всякое нравственное чувство и поставить въ среду общества холодное, развратное, безнравственное, враждебное всѣмъ и каждому сердцу?

Но спросать, быть можетъ, насъ, неужели мы не находимъ въ душѣ русскаго крестьянина другихъ нравственныхъ качествъ, кромѣ патриархальнаго чувства родственной любви? Неужели мы не предполагаемъ въ немъ какихъ-нибудь другихъ, болѣе широкихъ нравственныхъ стремленій? Но прежде всего мы думаемъ, что въ душѣ каждаго человѣка есть всѣ душевныя человѣческія качества, всѣ хорошія и дурныя черты человѣческой души. Разница только въ томъ, что въ душѣ каждаго человѣка однѣ черты выходятъ болѣе наружу и болѣе управляютъ его дѣйствіями; тогда какъ другія могутъ оставаться въ скрытомъ, почти зародышномъ состояніи и, вызываемыя случаемъ, проявляться не на долго и опять скрываются до новаго случая. Воспитаніе и жизнь, вызывая чаще и чаще изъ души нашей то или другое чувство, то или другое врожденное ей стремленіе, дѣлаютъ ихъ руководителями нашихъ мыслей и нашихъ дѣлъ. Семейный бытъ со своимъ патриархальнымъ христіанствомъ являлся до-сихъ-поръ почти единственнымъ воспитателемъ нашего крестьянина; образованіе, школа, литература не принимали въ немъ почти никакого участія, а суровая жизнь окружала его большею частью непріязненными вліяніями, какъ чужаго, не выказывая къ нему ни малѣйшаго сочувствія. Чему-же удивляться, если въ душѣ человѣка, получившаго такое воспитаніе, однѣ семейныя отношенія приобретутъ полное право гражданства, и если, входя въ жизнь, которая обратилась къ нему только съ эгоистическими разсчетами на его дѣятельность, онъ самъ сдѣлается крайнимъ эгоистомъ. Если-бы сама общественная жизнь обратилась къ крестьянину съ безкорыстнымъ желаніемъ ему добра, то и въ его сердцѣ развилось-бы безкорыстное общественное чувство. Теперь-же нерѣдко случается, что крестьянинъ не посылаетъ своихъ дѣтей въ школу, боясь, чтобы ихъ не взяли потомъ въ

писаря или въ солдаты: такъ недовѣрчиво смотритъ онъ на всякое безкорыстное усиліе въ его пользу. Отдаленныя политическія и государственныя соображенія почти совершенно чужды крестьянину; но если онъ въ своемъ ограниченномъ быту увидитъ и почувствуетъ, что о немъ заботятся честно и безкорыстно тѣ, для которыхъ онъ работаетъ не изъ однихъ расчетовъ на его тяжелый трудъ; если онъ почувствуетъ себя окончательной цѣлью государственныхъ заботъ и гражданномъ государствѣ—тогда и въ немъ раскроются гражданскія доблести.

Мы были-бы очень близоруки, если-бы подмѣтили въ характерѣ нашего простаго народа одинъ только патріархальный отѣнокъ. Нѣтъ, мы видимъ въ немъ много могучихъ задатковъ честной гражданственности, полной силы народности и безкорыстной человѣчности. Начало товарищества, проявляющееся въ дружинахъ, новгородскихъ ватагахъ, малороссійскомъ казачествѣ и нынѣшнихъ артеляхъ, не показываетъ-ли, что высокое чувство дружбы глубоко коренится въ славянской природѣ, въ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, дивнымъ образомъ соединяются патріархальная неподвижность съ беззавѣтною удалю. Не тотъ-же ли самый малороссійнинъ, который не знаетъ дороги до села, отстоящаго за десять верстъ, превращаясь въ казака, грабилъ берега Малой Азіи? А 1612 годъ не доказалъ-ли, что русскіе сознаютъ себя единымъ и самостоятельнымъ народомъ? А эти общества трезвости, возникающія сами собою, въ народѣ, для котораго было единственное *веселіе пити*, не показываютъ-ли возможность дружнаго и сильнаго пробужденія чувства человѣческаго достоинства? Нѣтъ, не мы предлагаемъ народу нравственное образованіе, а онъ самъ его хочетъ, проситъ и требуетъ отъ насъ, обязанныхъ своимъ образованіемъ его тяжелымъ трудамъ.

Съ другой стороны, показывая совмѣстимость патріархальной нравственности съ понятіями и поступками вовсе не нравственными, мы не хотѣли этимъ унижить патріархальной

нравственности; а только хотѣли показать ея недостаточность при дальнѣйшемъ проникновеніи въ народѣ общей европейской цивилизаціи, входящей въ него покуда одною своею матеріальною стороною. Точно также, утверждая, что односторонняя цивилизація дѣйствуетъ разрушительно на патріархальную нравственность, мы не вооружаемся противъ цивилизаціи, а только противъ ея односторонности. Мы желали-бы, чтобы изъ патріархальной нравственности, свидѣтельствующей о потребности глубокихъ и благородныхъ чувствъ въ нашемъ народѣ, выросла, какъ изъ плодovitаго зерна, нравственность гражданская государственная и общечеловѣческая или христіанская въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы желали-бы, чтобы не желѣзныя дороги, не промышленность со всѣмъ своимъ золотомъ и со всею своею грязью, не столичный и фабричный развратъ, не промышленническая литература, рассчитывающая на трудовой грошъ крестьянина, а *церковь* и *школа*, не разрушая а освящая, и озаря свѣтомъ мысли и чувства семейный бытъ и оставляя ему то, что принадлежитъ по праву всякому христіанскому семейству, вывели нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно патріархальнаго быта, въ болѣе обширную и свободную сферу гражданского общества, государства и чело-вѣчества.

Взглянувъ на то, что до настоящаго времени было сдѣлано для правильнаго умственнаго и нравственнаго развитіи сельскаго населенія, мы должны будемъ сознаться, что сдѣлано очень немного. Не только, что число сельскихъ школъ весьма незначительно — это-бы была еще не бѣда, потому-что изъ немногихъ, но хорошо устроенныхъ школъ легко, и безъ насильственныхъ мѣръ возрождаются новыя — но что и тѣ школы, которыя существуютъ, если и учатъ чему-нибудь и какъ-нибудь, то уже рѣшительно нисколько не воспитываютъ своихъ учениковъ ни умственно, ни нравственно и не дѣйствуютъ нисколько на правильное развитіе народнаго характера, потому-что сами не имѣютъ никакого характера. Мы скажемъ немно-

гое, если скажемъ, что самое понятіе народной школы у насъ не уяснилось, такъ-что не только въ практикѣ, но и въ литературѣ нашей нисколько не опредѣлилось, что такое должно быть наша народная школа, какія условія должна она выполнять и къ какому результату стремиться, не говоря уже о томъ, что мы рѣшительно не имѣемъ ни народныхъ учителей, ни народныхъ учебниковъ, ни народныхъ книгъ для чтенія.

Что низшіе слои русскаго народонаселенія нуждаются въ школахъ, это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Но обладаетъ-ли это населеніе достаточными средствами, чтобы имѣть хорошо устроенныя школы. Что касается до средствъ матеріальныхъ, денежныхъ, то мы скажемъ утвердительно, что эти средства есть или по-крайней-мѣрѣ могутъ быть отысканы, хотя хорошія школы, особенно въ первое время, стоятъ не дешево.

Весь откупной сборъ или лучше сказать расходъ народа по этой статьѣ раздѣляется самъ собою на три части, 1-е) *косвенный налогъ*, идущій на покрытіе государственныхъ нуждъ. Эта часть откупнаго сбора въ томъ или другомъ видѣ, въ видѣ-ли прямого налога или въ видѣ какого-нибудь другого косвеннаго, будетъ существовать всегда и не только не должна уменьшаться, но должна развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ государственной жизни и государственныхъ потребностей. Вторая часть откупнаго сбора идетъ на покрытіе издержекъ по самой процедурѣ собиранія налоговъ: на наемъ конторщиковъ, акцизныхъ, цѣловальниковъ и тому подобныхъ господъ. Но половины третьей части откупнаго сбора, половины тѣхъ миліоновъ, которые пошли въ сундуки самихъ откупщиковъ или издержаны на разныя откупныя роскоши: на шампанское, актрисъ, орловскихъ рысаковъ, поѣздки за границу съ курьерами, неслыханныя кареты, въ которыхъ-бы откупной вельможа могъ и спать и ѣсть, было бы достаточно для самаго блестящаго устройства народныхъ школъ. Но были-ли бы и тогда у насъ хорошія народныя школы — это еще вопросъ.

Въ денежномъ отношеніи мы замѣтимъ только одно, что устройство хорошихъ народныхъ школъ, правильно развивающихъ и правильно воспитывающихъ народъ, есть одна изъ самыхъ выгодныхъ и самыхъ прочныхъ финансовыхъ операцій. Развивая умственные и нравственные силы народа, обогащая его полезными знаніями, возбуждая въ немъ разумную предприимчивость и любовь къ труду, поощряя его воздерживаться отъ дикихъ, не производительныхъ издержекъ (каковы напр. издержки на пьянство, поглощающія разомъ, и деньги, и умъ, и время, и силы), укореняя въ массахъ простаго населенія правильный и ясный взглядъ на необходимость администраціи, законовъ и государственныхъ издержекъ, — истинное народное образованіе сохраняетъ, открываетъ и поддерживаетъ именно тѣ источники, изъ которыхъ льется народное богатство и льется само собою, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ: время, трудъ, честность, знаніе, умѣнье владѣть собой — физическія, умственные и нравственные силы человѣка — эти единственные творцы всякаго богатства.

И такъ въ денежномъ отношеніи нѣтъ большихъ препятствій къ устройству хорошихъ народныхъ школъ, по-крайней-мѣрѣ въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи. Если въ какомъ-нибудь селѣ, имѣющемъ населеніе до полуторы тысячи душъ мужескаго пола, и гдѣ откупъ пожинаетъ десятки тысячъ, нѣтъ не только хорошей, но даже никакой, народной школы, стоющей десятки рублей, то причины этого должно искать, конечно, не въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Но если мы оставимъ финансовый вопросъ въ сторонѣ и обратимся къ моральнымъ средствамъ, то увидимъ, какъ мы уже замѣтили выше, что у насъ нѣтъ покудова средствъ создать правильную народную школу: ни учителей къ тому приготовленныхъ, ни книгъ для того годныхъ, ни даже самаго понятія о томъ, чѣмъ должна быть русская народная школа.

Однакоже пусть читатель не придаетъ этимъ обвиненіямъ больше тяжести, чѣмъ они имѣютъ; пусть припомнитъ онъ,

что и въ самой Германіи, образованіе которой столькими столѣтіями опередило наше, нѣтъ еще и ста лѣтъ, какъ начала образовываться правильная, народная школа и учительскія семинаріи стали давать въ значительномъ количествѣ народныхъ учителей, приготовленныхъ къ своему дѣлу. Въ благородномъ нетерпѣніи нашемъ видѣтъ у себя поскорѣе все то хорошее, что мы видимъ въ другихъ странахъ, мы не должны забывать заглядывать въ исторію, которая скажетъ намъ, какъ медленно и постепенно выработывалось у другихъ это хорошее, преодолевая тысячи препятствій и уясняясь, укрѣпляясь и развиваясь именно въ этой самой борьбѣ. Мы не должны забывать, что народная школа не принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ народной жизни, которыя могутъ быть цѣликомъ пересажены изъ одной почвы въ другую, и принятыя въ средѣ народа. Конечно мы можемъ занять много полезныхъ педагогическихъ изобрѣтеній у западныхъ нашихъ братьевъ, опередившихъ насъ въ образованіи. Но духъ школы, ея направленіе, ея цѣль должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно исторіи нашего народа, степени его развитія, его характеру, его религіи. Вотъ почему пусть читатель видитъ въ нашихъ обвиненіяхъ, касающихся всѣхъ насъ, посвятившихъ себя болѣе или менѣе дѣлу народнаго образованія, скорѣе сильное желаніе обратить вниманіе общества на крайнюю современную потребность учрежденія правильныхъ, воспитывающихъ народныхъ школъ, чѣмъ желаніе высказать бесполезный и обидный укоръ.

До-сихъ-поръ у насъ не выработалась идея народнаго школы: значить не пришло время этой идеи; но теперь, какъ намъ кажется, это время настало, и если не сама идея, которая выработается еще можетъ быть не скоро, то по-крайней-мѣрѣ потребность этой идеи высказывается повсюду съ необыкновенною силою. Сочувствіе публики къ педагогическимъ вопросамъ, возникшія какъ-бы изъ земли сотни воскресныхъ школъ, школъ для бѣдныхъ, женскія училища доказываютъ, что время дѣйствительной народнаго школы настало.

Теперь, именно теперь, когда насъ ожидаютъ глубокія общественныя преобразованія, коренная перемѣна въ сельскомъ быту, появленіе въ обществѣ двадцати милліоновъ новыхъ гражданъ, финансовая реформа, сѣти жслѣзныхъ дорогъ и вслѣдствіе того проникновеніе промышленности и торговли съ ихъ хорошими и дурными спутниками въ отдаленнѣйшія заолустья, когда грамотность, потребность которой выказывается все сильнѣе, грозитъ сойтись съ подонками нашей литературы; когда самъ народъ, обществами трезвости высказываетъ потребность нравственнаго преобразованія — должно наконецъ серьезно подумать объ устройствѣ русской народной школы.

Теперь только стала она возможною, и въ то-же время сдѣлалась необходимою. Теперь это уже не преждевременная прихоть, не страсть къ подражанію, не роскошь и даже не просто хорошее богоугодное дѣло, но насущный, жизненный вопросъ, настоятельно требующій разрѣшенія и отъ разрѣшенія котораго, болѣе или менѣе удачнаго, зависитъ правильный исходъ всѣхъ прочихъ реформъ начатыхъ или предполагаемыхъ въ настоящее время.

Въ рѣшеніи столь важнаго общественнаго вопроса должны принять участіе и литература и все общество, потому-что въ дѣлѣ общественнаго воспитанія, общественное мнѣніе всегда будетъ играть важную роль; но главными участниками въ практическомъ разрѣшеніи этого вопроса явятся безъ сомнѣнія съ одной стороны церковь, съ другой все наше учебное и ученое сословіе—представители духовнаго и представители свѣтскаго образованія. По коренному смыслу христіанской религіи духовный пастырь долженъ быть не только служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ слова Божія, но наставникомъ и учителемъ. На обязанности его лежитъ не только принятіе въ нѣдра церкви новаго христіанина посредствомъ таинства крещенія, но и введеніе его въ смыслъ христіанскихъ истинъ и въ нравственный храмъ христіанства. Оставляя въ сторонѣ небесное назначеніе религіи, какъ приготовительницы христіанина

къ будущей жизни , мы полагаемъ , что христіанскій пастырь имѣеть назначеніе умственно и нравственно возвышать людей и въ этой жизни и открывать источникъ того благодѣтельнаго вліянія , которое христіанская религія оказала на умственное и нравственное развитіе человѣческихъ обществъ ; словомъ , что духовные пастыри наши должны готовить въ насъ не только членовъ церкви , но и дѣятельныхъ гражданъ христіанскаго государства . Педагогическая дѣятельность не только не противорѣчитъ характеру дѣятельности священно-служительской ; но является самымъ необходимымъ ея дополненіемъ . Можетъ ли быть для служителя алтаря и проповѣдника слова Божія , какая нибудь дѣятельность приличнѣе воспитанія молодыхъ поколѣній .

Какое общество можетъ быть приличнѣе для проповѣдника религіи Спасителя , какъ не общество дѣтей , которыми такъ любилъ себя окружать Богочеловѣкъ и заботу о которыхъ Онъ такъ строго заповѣдалъ своимъ ученикамъ . Но съ другой стороны искусство воспитанія выросло медленнымъ , историческимъ путемъ и тотъ , кто хочетъ воспитывать дѣтей , долженъ посвятить много времени этому искусству . Теперь едва ли уже можно сомнѣваться въ томъ , что для воспитателя не достаточно быть только учителемъ и что для самаго учителя не достаточно знать чему учить , но должно еще знать , какъ учить , и не только знать теоретически , но умѣть практически . Неудачные опыты нашего ученія и воспитанія , кажется , должны были уже убѣдить всѣхъ , что искусство воспитанія , какъ и искусство врачеванія , требуетъ долговременной спеціальной , теоретической и практической подготовки . Мы считаемъ совершенно приличнымъ и даже въ высшей степени полезнымъ , чтобы духовныя лица могли стоять во главѣ не только народныхъ школъ , но быть на равнѣ съ свѣтскими лицами начальниками и главными распорядителями и въ другихъ высшихъ школахъ . Но для этого надобно , чтобы они по своему общему образованію и по своему педагогическому

подготовленію были способны къ такой всесторонней воспитательной дѣятельности. Однако состояніе нашихъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ совершенно нѣтъ никакой педагогической подготовки, и даже отчасти способъ преподаванія Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ училищахъ, являются практическимъ доказательствомъ того, что наше духовенство очень мало знакомо съ педагогическимъ искусствомъ и въ этомъ отношеніи во многомъ еще находится на той ступени, на которой схоластика оставила искусство воспитанія. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ педагогическую подготовку, сообразную съ требованіями новѣйшей педагогики для лицъ назначающихъ себя къ занятію духовныхъ должностей, если съ этими должностями желаютъ соединить педагогическую дѣятельность.

Дѣло не въ томъ, кто—духовное или свѣтское лицо—долженъ завѣдывать народною школою; но въ томъ, чтобы завѣдывающій народною школою былъ истинный христіанскій воспитатель, истинный педагогъ по призванію, по цѣли, по знаніямъ и искусству; простая добросовѣстность должна удерживать cadaго изъ насъ отъ возложенія на себя обязанностей, искусство исполненія которыхъ намъ чуждо. Но въ томъ то и бѣда, что не многіе у насъ еще и до-сихъ-поръ убѣждены, что воспитаніе есть искусство и притомъ искусство не легкое, хотя казалось-бы результаты, которыхъ мы до-сихъ-поръ достигали въ воспитаніи, могли убѣдить въ этомъ cadaго. Но если необходимо, чтобы духовныя лица, посвящающія себя воспитательной дѣятельности, были хорошими педагогами, то съ другой стороны необходимо также, чтобы свѣтскія лица, принимающіяся за воспитаніе, особенно простого народа, были не только хорошіе педагоги, но и истинные христіане по своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ, на сколько убѣжденія чловѣка доступны взору другихъ людей. Какъ только мы захотимъ отдѣлать непереходною гранью преподаваніе Закона Божія отъ преподаванія другихъ предметовъ, то хотя преподаваніе различныхъ предметовъ и останется, но воспитаніе исчезнетъ.

Современная педагогика исключительно выросла на христіанской почвѣ и для насъ не христіанская педагогика есть вещь немислимая — безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и безъ результатовъ впереди.

Можно-ли себѣ представить напримѣръ, сколько нибудь сноснаго учителя грамотности даже, который-бы не коснулся религіозныхъ истинъ, если только онъ не занимается однимъ механизмомъ чтенія, убійственнымъ для дѣтской головы. Мы требуемъ, чтобы учитель русскаго языка, учитель исторіи и т. д. не только вбивали въ голову своимъ ученикамъ факты своихъ наукъ, но развивали ихъ умственно и нравственно. Но на чемъ-же можетъ опираться нравственное развитіе, если не на христіанствѣ? Если такое отдѣленіе провести послѣдовательно, то можно даже отцу и матери запретить внушать религіозныя истины своимъ дѣтямъ.

Мы будемъ еще говорить впоследствии о томъ вредномъ вліяніи, которое имѣетъ раздѣленіе между многими преподавателями въ младшихъ классахъ всѣхъ нашихъ училищъ, вліяніи, подкапывающемъ подъ самый корень нравственную силу воспитанія. Но конечно о такомъ раздѣленіи, когда дѣло касается народной школы, и рѣчи быть не можетъ. Въ этой сферѣ своей ученіе не можетъ еще подраздѣляться на различныя науки и должно быть единственно только средствомъ къ общему умственному и нравственному развитію. Внести въ народную школу какое-бы то ни было раздѣленіе наукъ между различными преподавателями, значитъ нарушить основной характеръ народной школы, для преподаванія въ которой преподавателю не нужно имѣть богословскихъ познаній, ни умѣть читать по еврейски, гречески, ни быть словесникомъ, историкомъ, геологомъ; но просто всесторонне образованнымъ христіаниномъ, имѣющимъ призваніе къ педагогической дѣятельности и знакомымъ теоретически и еще болѣе практически съ искусствомъ воспитанія. Такого соединенія въ

одномъ лицѣ требуемъ мы не только потому, что легче и полезнѣе имѣть одного посредственнаго воспитателя, чѣмъ пять или шесть плохихъ преподавателей; но и потому, что лучше имѣть одного хорошаго воспитателя въ народной школѣ, чѣмъ цѣлый десятокъ отличныхъ учителей. Всякое-же раздробленіе предметовъ въ школѣ, назначенной для простаго народа или дѣтей младшаго возраста необходимо и неизбѣжно превращаютъ воспитателя въ учителя.

Воспитателемъ въ народной школѣ вообще, не можетъ быть такой челонѣкъ, который не знакомъ на столько съ христіанскою религіею, чтобы не быть въ состояніи сообщить одиннадцатилѣтнимъ крестьянскимъ дѣтямъ тѣхъ религіозныхъ понятій, какія только они могутъ принять по ихъ возрасту и развитію. Такой воспитатель вообще не можетъ быть воспитателемъ и тѣмъ болѣе воспитателемъ въ народной школѣ.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что въ народной школѣ воспитателемъ можетъ быть одинаково, какъ свѣтское, такъ и духовное лицо, только-бы они были подготовлены къ дѣлу воспитанія; что дѣло народнаго воспитанія должно быть освящено церковью, а школа должна быть преддверіемъ церкви.

При этомъ мы считаемъ удобнымъ выразить вообще желаніе, чтобы наше свѣтское образованіе сблизилось съ религіознымъ; особенно, приступая къ дѣлу народнаго воспитанія, весьма полезно-бы было, чтобы для свѣтскихъ лицъ была открыта возможность полнаго богословскаго образованія — въ семинаріяхъ-ли или въ университетахъ, и чтобы для лицъ духовнаго званія сдѣлалось доступнымъ полное педагогическое образованіе. Тогда только мы вправѣ будемъ ожидать плодovitаго сближенія между этими двумя сторонами русской жизни: между образованіемъ и церковью. Если этого сближенія еще не произошло, то въ этомъ никакъ не виноваты основанія православной религіи, потому-что православіе есть единственная религія, представляющая всѣ условія для такого движенія.

Оставляя въ сторонѣ чисто религіозное значеніе правосла-

вія, и глядя на него только со стороны жизни земной, общественной, мы видимъ въ немъ единственную религію, которая, сохраняя нерушимо не только общія, основныя истины христіанства, но и свои древнія формы, можетъ стать религіей великаго и образованнаго народа, быстро и неуклонно идущаго по пути общей европейской цивилизаціи.

Католицизмъ не истинами христіанства, а своею іерархією поставилъ препону цивилизаціи народа, и эта препона оказалась безсильною. Земное владычество, а не польза народная было главнымъ мотивомъ католическихъ прелатовъ. Характеръ протестантизма опредѣляется всего лучше его названіемъ — это вѣчная протестація, вѣчное отрицаніе, которое не можетъ остановиться, не отказавшись отъ собственного своего характера. Протестантизмъ силенъ лишь только до тѣхъ-поръ, пока протестуетъ; но какъ только захочетъ остановиться, превратится въ ортодоксію, такъ и обнаружится неопредѣленность его границъ. Вся исторія протестантизма проходитъ или въ протестаціяхъ, и тогда она блестяща и возбуждаетъ сочувствіе, или въ попыткахъ остановиться и тогда она темна и возбуждаетъ неудовольствіе. Протестантизмъ разъ сдвинулся съ историческихъ основъ и теперь ему трудно остановиться. Но, видя всѣ коренныя недостатки протестантизма, мы не можемъ не сознаться, что онъ, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторое время, соединивши церковь съ школою, имѣлъ сильное вліяніе на возвышеніе уровня народной нравственности.

Православная религія величественно идетъ по средней, истинной дорогѣ; она, свято сохраняя древнія формы христіанства и не объявляя римскихъ притязаній на земную власть, благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ. Сохраненныя православіемъ древнія, безконечно глубокия и полныя мысли формы христіанства открываютъ возможность безконечнаго, прогрессивнаго углубленія въ себя, какъ для младенчествующаго народа, такъ и для народа обогатившагося всѣми плодами образованія. Церковь православная никогда не

сдѣлается государствомъ и никогда не превратится въ школу; она останется всегда вѣчнымъ, неземнымъ учрежденіемъ.

Наши духовные пастыри сберегли для насъ драгоцѣнное сокровище; но сохраненіемъ чистоты догматовъ вѣры, вѣчнымъ, неумолкающимъ служеніемъ алтарю, не ограничиваются ихъ обязанности: они должны вводить народъ въ таинственный смыслъ этихъ догматовъ и въ нравственный храмъ христіанства. Но для этого, какъ мы уже сказали, недостаточно одного служенія алтарю и одной проповѣди; къ этому должно присоединиться и ученіе. Но кто хочетъ учить, тотъ долженъ снизойти до потребности ученика, заглянуть въ его душу, быть не только христіанскимъ священнослужителемъ, но и христіанскимъ педагогомъ.

Не забудемъ, что величайшіе двигатели дѣла народнаго воспитанія: Франке, Песталоцци, Арнольдъ, именно въ христіанствѣ почерпали силы для своей плодovitой и энергической дѣятельности, пересоздавшей воспитаніе Европы.

И. УИНСКІЙ.

О ПРИЕМЪ УЧЕНИКОВЪ ВЪ ПРИХОДСКІЯ УЧИЛИЩА.

Рѣшившись дѣлать замѣтки о народномъ образованіи, мы постановили себѣ правиломъ: не выходить изъ того, что сказала и говоритъ намъ объ этомъ дѣлѣ практика. Теорія, неоспоримо, прекрасная вещь; но, къ несчастію, не всегда ладитъ она съ дѣломъ. Вотъ, казалось-бы, придумана прекрасная мѣра двинуть народное образованіе впередъ; извольте привести ее въ исполненіе, — окажется, что она или совсѣмъ непрактична, или несвоевременна, или несообразна съ духомъ и обычаями народа и пр. и пр. Вотъ, по поводу «Проекта устава низшихъ и среднихъ училищъ» всѣ журналы и газеты пустились въ разсужденія о народномъ образованіи. Много высказано умнаго, повидимому благотворнаго, такого, что лишь привести въ исполненіе, и послѣдуютъ самыя блестящія результаты. Но всмотришься въ самое дѣло, припомнишь многолѣтніе свои опыты, и невольно говоришь себѣ по прочтеніи самой увлекательной статьи: «все это прекрасно; но еще-бы лучше было, еслибъ авторъ, предварительно, побылъ лѣтъ десять приходскимъ или уѣзднымъ учителемъ; многое практика показала-бы ему совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ представляетъ теорія въ кабинетѣ». Да, выскажемъ здѣсь, по наругности, дикую, но едва-ли въ сущности не справедливую мысль: наиболѣе развитые педагоги изъ молодыхъ, т.-е. собственно разсуждающіе о педагогикѣ, все какъ-то вдаются въ односторонность, а иные и въ крайность; вотъ почему желаетъ

лось-бы, чтобы они, прежде чѣмъ разсуждать, съ дѣломъ народнаго образованія ознакомились на самомъ дѣлѣ, т.-е. по-были по нѣскольку лѣтъ учителями приходскихъ и уѣздныхъ училищъ и на практикѣ провѣрили то, что открыли имъ наука и собственное мышленіе. Дѣло, конечно, не легкое, но и не невозможное для того, кто проникнуть истиннымъ и искреннимъ желаніемъ добра народу. Если ученые, въ видахъ расширить границы науки, цѣлую жизнь посвящаютъ на изученіе эфемеридъ, инфузорій и вообще микроскопическихъ животныхъ и растений, то посвятить нѣсколько лѣтъ своей молодой жизни на изученіе духа и настроенія народа въ самой, такъ-сказать, натурѣ, его стремленій и потребностей и надежныхъ средствъ удовлетворить имъ, — на эту жертву, кажется, можно-бы рѣшиться. Тутъ двѣ пользы: польза собственно для народа, т.-е. для всей общественной жизни, и польза для науки воспитанія и образованія недѣлимыхъ; потому что каждая среда общества имѣетъ для этого свои особенныя условія, отъ исполненія которыхъ зависитъ весь успѣхъ дѣла. Ждать, чтобы объ этомъ высказывались существующіе учителя уѣздныхъ и приходскихъ (что особенно важно, потому что приходскія училища — основной камень народнаго образованія) училищъ въ провинціи, — едва-ли это поведетъ къ чему-нибудь. Разъ, что почти всѣ они, и приходскіе всѣ безъ исключенія, не владѣютъ достаточнымъ запасомъ науки, безъ чего и приступить нельзя къ изученію дѣла народнаго образованія; два, — провинціальная жизнь до того опутываетъ своими мелочами и дрязгами самыхъ даровитыхъ людей, что они во всемъ видятъ личные интересы и нисколько общую пользу. Лучшимъ образчикомъ этого можетъ послужить ожесточенный споръ о томъ, быть иль не быть штатнымъ смотрителямъ, — споръ, поднятый еще въ Педагогическомъ вѣстникѣ и продолжаемый въ Журналѣ для воспитанія. Что видно во всемъ этомъ спорѣ? Съ одной стороны — раздраженное учительское самолюбіе, которому контроль смотрителя кажется невыносимымъ; съ другой — же-

ланіе во что-бы то ни стало удержать свои права. Какая-же польза для дѣла изъ этого спора, доходящаго, со стороны учительской, до самыхъ грубыхъ неприличій? Да ровно никакой. Такъ и во всемъ. Поэтому, повторяемъ, и желалось бы, чтобы молодые люди, достаточно развитые наукой, съ энергіей къ дѣлу и чуждые провинціальныхъ дрызговъ, сами и на дѣлѣ изучали дѣло народнаго образованія. Теорія, провѣренная многолѣтней практикой, — вотъ что сильно двинуть образованіе народа неудержимо впередъ, образованіе настоящее, а не блестики, не призракъ его.

Съ своей стороны, какъ сказали выше, мы будемъ заявлять только то, что извлекли изъ собственной практики, продолжающейся не малое число лѣтъ. На основаніи ея постараемся прослѣдить ученье въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ уѣздныхъ городовъ. Ради чего беремъ на себя этотъ трудъ? Собственно ради того, что, быть можетъ, какая-либо изъ нашихъ замѣтокъ обратитъ на себя вниманіе людей мыслящихъ и послужитъ къ чему-нибудь не совсѣмъ бесполезному. Начнемъ съ начала, — съ приѣма учениковъ въ приходскія училища.

Приѣмъ учениковъ! Да что-жь тутъ такого, о чемъ-бы стоило говорить? Назначено два срока, въ началѣ учебнаго и гражданскаго года, — привели и принимай. Но вотъ объ этихъ-то срокахъ и не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ. Какъ ни маловажно, повидимому, это обстоятельство, но и оно оказываетъ вліяніе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольно сильное вліяніе на движеніе училищнаго ученья.

Среди православнаго народа Русскаго отъ лѣтъ древнихъ и доселѣ сохраняется убѣжденіе, что Козма и Даміанъ, безсребнники и чудотворцы, покровители ученія вообще и особенно содѣйствующіе первоначальному ученю дѣтей грамотѣ. Откуда это убѣжденіе, перешло-ли вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи, или образовалось въ самой Россіи, объ этомъ говорить нѣтъ нужды; дѣло въ томъ, что оно есть, и есть

вездѣ. Правда, г. Купріяновъ, на основаніи «Сказаній Русскаго народа» Сахарова, говоритъ: «въ старинахъ былъ обычай въ Россіи съ декабря мѣсяца начинать учить дѣтей грамотѣ... 1 декабря, въ день пророка Наума, котораго, вѣроятно, считали покровителемъ ученія, отецъ и мать отправлялись съ сыномъ въ церковь» (*) и т. д. Но какъ вообще «Сказаніямъ» Сахарова нужно вѣрять съ особенною осторожностью, такъ и въ этомъ случаѣ, прежде чѣмъ повѣрять на слово, г. Купріянову не мѣшало-бы навести справку у перваго приходскаго священника. И вотъ что узналъ бы онъ: перваго ноября церкви наполняются дѣтьми, уже учащимися и особенно готовящимися учиться, вмѣстѣ съ матерями (отцы рѣдко участвуютъ въ этомъ); послѣ утрени и литургіи служится молебенъ Козмѣ и Даміану, за тѣмъ этотъ день праздникъ для дѣтей; ученье начинается уже на другой день; а дѣлается такъ потому, что эти чудотворцы особенно помогаютъ при началѣ ученья и тѣмъ дѣтямъ, которыми не дается грамота. Что это такъ, доказательство этого можно видѣть на образахъ, повсюду разсѣянныхъ въ простонародьѣ, именно на тѣхъ образахъ, на которыхъ изображены святыя, «помогающіе въ недугахъ душевныхъ и тѣлесныхъ». Здѣсь, между прочими, Козма и Даміанъ съ подписью: «помогаютъ отрокомъ при ученьѣ». Замѣтимъ еще, что этимъ чудотворцамъ празднуется два разъ въ годъ: 1 іюля и 1 ноября. Въ лѣтнее празднованіе простонародье обращается къ нимъ, какъ къ покровителямъ животныхъ; въ осеннее, какъ къ покровителямъ ученья.

Сообразно съ этимъ и начало ученія дѣтей обоюго пола приурочивается именно къ первому ноября, и дѣлается такъ, какъ мы сказали выше, т. е. дѣтей приводятъ къ утрени, потомъ къ литургіи, послѣ которой чудотворцамъ служится молебенъ и т. д. Есть умные священники, которые, благословляя послѣ молебна дѣтей крестомъ, говорятъ при этомъ поученіе

(*) Ж. М. Н. Просвѣщенія, 1658 г. февраль. 94 стр. Смѣси.

имъ и особенно матерямъ, раздають дѣтямъ просфоры и т. п. Но какое-жъ все это имѣетъ отношеніе къ училищамъ? А вотъ какое.

Въ уѣздныхъ городахъ большинство гражданъ, вѣрное завѣтамъ и преданіямъ отцовъ, не обращаетъ особеннаго вниманія на сроки, начальствомъ назначенные для приѣма дѣтей въ училища и придерживается доселѣ давняго обычая. Съ августа по ноябрь ходятъ въ приходскія училища оставшіеся отъ прежняго курса, новыхъ поступаетъ слишкомъ мало. И вдругъ, съ перваго ноября ведутъ ихъ цѣлыми десятками. Есть благоразумные смотрители, которые берутъ на свой страхъ нарушеніе порядка и безостановочно принимаютъ приведенныхъ дѣтей. Но есть и такіе формалисты, къ (сожалѣнію такихъ еще большинство), которые никакъ не хотятъ отступить отъ буквы предписаній, и отказываютъ дѣтямъ до января. Какой-же результатъ? Всѣ приведенные-было дѣти, всѣ безъ исключенія, говоримъ положительно, отдаются или къ частнымъ учителямъ, или остаются вовсе безъ ученія. Отчего это послѣднее? Въ объясненіе этого приведемъ здѣсь разговоръ между смотрителемъ и вдовой, приведшей въ училище мальчика, слышанный нами не дальше какъ вчера. Замѣтимъ, что этотъ разговоръ происходилъ при одиннадцати матеряхъ, тоже явившихся съ сыновьями. «Что-же мнѣ наконецъ дѣлать съ вами? Сколько разъ я объявлялъ, что намъ назначено принимать въ два срока, въ августѣ и въ январѣ? Ну согласитесь какъ-же мнѣ нарушать порядокъ, не мною утвержденный? Не привели въ августѣ, дѣлать нечего, приводите въ январѣ». — Нѣтъ ужъ какъ угодно, а примите; примите, пока у мальчашки охота есть. А охота, колибъ вы знали, появилась какая! Вчера (въ день Козмы и Даміана) гдѣ еще всталъ до заутрени! А послѣ службы такъ и тащилъ въ училище. Въ августѣ намъ нельзя было: мы все убивались на работѣ (занимаются земледѣліемъ); онъ съ малолѣтними оставался дома. А ждать до нова года, пожалуй, я охота у него пройдетъ, а можетъ еще встрѣтится какое пре-

иятствіе, и останется неучемъ, какъ вотъ старшій братъ. «Какъ-же такъ»?—Да вотъ также: привела въ такую-же пору къ прежнему смотрителю, онъ отказалъ; отдать къ пономарицѣ—платить нечѣмъ; подошелъ новый годъ, ну чтожъ тутъ за время вести въ училище? Такъ и оставила еще до году. А онъ и заболовался, да такъ что никакимъ боемъ (побоями) не затащить въ училище, а прежде самъ охотился; такъ и бросила. Вотъ ужъ хоть этого, Христа ради, примете. «Да, подтвердили другія матери, не примете, нужно вести къ пономарицѣ, хоть и больно этого не хотѣлось. Ждать до нова года нечего, мы совсѣмъ изготовились. Да что тутъ за ученье не съ Козьмы Даміана? Развѣ пойдетъ въ прокъ»? При такихъ аргументахъ нельзя было не принять мальчиковъ, хотя тѣмъ и нарушилась формальность....

Оно, конечно, строгій порядокъ—животворящій духъ всякаго дѣла. Ученики, приводимые не во время въ училище, ставятъ учителя въ великое затрудненіе: начать съ ними съ аза, когда другіе далеко ушли отъ него, значитъ оставить этихъ другихъ безъ дѣла; не обращать вниманія на вновь приведенныхъ—не можетъ не лечь на совѣсти учителя. Но если самимъ начальствомъ назначено два срока, значитъ допущено раздѣленіе учениковъ на два разряда; то отчего-бы въ этомъ не оказать снисхожденія обычаю народному, издавна и крѣпко укоренившемуся, т.-е. не приурочить втораго срока къ началу ноября, вмѣсто января. Съ январемъ народъ ничего не соединяетъ, равно какъ и съ августомъ. Подчиняясь общему порядку, нѣкоторые еще приводятъ дѣтей въ августъ; но на январскій срокъ и вниманія не обращаютъ. Начиная же съ праздника Козьмы и Даміана, тѣмъ самымъ придается религіозное значеніе самому началу ученія дѣтей. Отчего-бы не узаконить этого обычая.

Преслѣдуя, на сколько стаетъ умѣнья и силъ, обычай, вредные для вѣры и нравственности народа, мы, признаемся, съ невыразимой грустью смотримъ, когда не поддерживаются

обычай добрые. Вотъ хоть-бы этотъ обычай, отчего-бъ не поддержать во всей цѣлости, какъ завѣщала старина. Церковь и народная школа должны быть неразрывно соединены между собою и одна восполнять другую. Дѣло школы—полагать основаніе умственно-нравственному развитію дѣтей; дѣло церкви—освящать это своими благословеніями и молитвами. И какъ самое главное въ каждомъ дѣлѣ начало (*dimidium fecit, qui bene coepit*), то и начинать съ церковной молитвы; пусть церковь, испросивъ благословеніе отъ Бога, съ рукъ на руки, такъ сказать, передастъ ребенка школѣ. Ужели такой порядокъ можетъ быть вреднымъ для нравственнаго настроенія народа? Не совершенно-ли напротивъ? Не покажетъ-ли это народу, какъ оно дѣйствительно и есть, что свѣтъ всякого знанія исходитъ отъ Отца свѣтовъ, низводится на человѣка молитвой и вниѣдряется въ душѣ благословеніями церкви. «Но это можно дѣлать и всегда, а не въ одно условное время, именно перваго ноября», скажутъ. Безъ всякаго сомнѣнія. Но если народъ вѣруеть, что для дѣйственности молитвы между нимъ и Господомъ Богомъ должны быть лица посредствующія; что эти посредствующія лица въ дѣлѣ ученія дѣтей, именно Козьма и Даміанъ; если вѣруя такимъ образомъ, онъ, въ день памяти этихъ чудотворцевъ, приводитъ дѣтей въ церковь, заставляетъ молиться имъ, и, начиная съ этого дня учить дѣтей, тѣмъ самымъ отдаетъ все ихъ ученье подъ покровительство чудотворцевъ, то ужели такая вѣра можетъ принести что либо, кромѣ добра, для самыхъ дѣтей? Впечатлѣнія дѣтства такъ глубоко врѣзываются въ душу и особенно такое важное событіе въ жизни ребенка, какъ начало ученья, — кто можетъ забыть объ этихъ минутахъ. Не безконечно-ли-же плодотворно, если въ основѣ этого впечатлѣнія ляжетъ потребность и необходимость молитвы при началѣ всякаго дѣла, какъ это было при началѣ ученья. Скажемъ больше. Чтобы это впечатлѣніе осталось неизгладимымъ на всю жизнь, почему-бы не повторять съ учениками ежегодно того, что сдѣлано при началѣ ученія, т.-е. почему-бъ не приводить

ихъ перваго ноября къ утрени и литургіи, куда, безъ сомнѣнія являлись-бы и родители, и не сдѣлать этого дня собственно училищнымъ праздникомъ. Не осталось-бы это безъ добраго вліянія и на родителей и надѣтей.

Еще два слова о приѣмѣ учениковъ. Есть строгіе формалисты-смотрители, которые требуютъ при этомъ, чтобы родители подавали прошеніе. Къ чему эта стѣснительная мѣра? Кто не знаетъ, какихъ хлопотъ стоитъ для какой нибудь нищей вдовы найти писца и умолить его черкнуть нѣсколько строкъ отъ ея имени. И ради какой цѣли? Вѣдь каждая мать приводитъ дѣтей сама лично, значить, — сомнѣнія въ ихъ желаніи учить дѣтей быть не можетъ.

Л. ВИССКІЙ.

О ПРОЕКТЪ УСТАВА НИЗНИХЪ И СРЕДНИХЪ УЧИЛИЩЪ,

СОСТОЯЩИХЪ

ВЪ ВѢДОМСТВѢ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(Ж. М. Н. Пр. мартъ 1860 года).

Министерство народнаго просвѣщенія, въ своемъ журналѣ за мартъ настоящаго года, напечатало проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ, подлежащихъ его вѣдомству, и изъявило желаніе собрать объ этомъ проектѣ мнѣнія людей, принимающихъ участіе въ дѣлѣ общественнаго образованія. Такое благосклонное довѣріе министерства, конечно, вызываетъ каждого, читавшаго проектъ со вниманіемъ, откровенно высказать свои мысли о проектѣ. Планъ и распредѣленіе преподаванія наукъ въ высшихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и прогимназіяхъ составляютъ важное дополненіе къ проекту и объясняютъ дидактическую цѣль составителей, между тѣмъ, какъ самый уставъ съ инструкціями указываетъ на организацію управленія училищами съ внѣшней или матеріальной стороны ихъ. Въ проектѣ устава и дополненій къ нему видны благія желанія и намѣренія трудившихся, тщательныя соображенія о стройномъ рѣшеніи вопроса; но для совершенства исполненія требовалось, чтобы всѣ учрежденія вылились изъ самой народной жизни и воплотились-бы въ соответственныя формы. Потому-то въ проектѣ, написанномъ по желанію пересоздать старое, а не въ слѣдствіе естественнаго хода общественнаго развитія, которое не жило нормальною жизнью, необходимо встрѣтились несоответственности съ требованіями дѣйствительности.

Въ административномъ смыслѣ главный характеръ теоретическаго происхожденія проекта — это сосредоточенный надзоръ за училищами низшихъ разрядовъ въ лицахъ, начальствующихъ училищами разрядомъ выше.

Прежде всего мы обратили вниманіе на §§ 185—203. Цѣльная обязательная дѣятельность директоровъ гимназій, заключающая въ себѣ попеченія и распоряженія по гимназіи, непосредственно подлежащей ихъ управленію, и по подвѣдомственнымъ училищамъ низшихъ разрядовъ, если эта дѣятельность должна быть существенною, а не оставаться одною административною формою,—кажется намъ неудобноисполнимымъ предположеніемъ, при всемъ возможномъ желаніи дѣйствительнаго исполненія. Полное завѣдываніе гимназіею, наблюденіе надъ личностію каждаго гимназиста съ нравственной и учебной точки зрѣнія, неизбѣжныя и необходимыя разговорныя сношенія съ родителями приходящихъ воспитанниковъ и пансіонеровъ, экономическія и гигиеническія соображенія по мѣстности,—все это, собственно по одной гимназій даетъ такой обильный матеріалъ для занятій директора ея, что врядъ ли должность директора другихъ училищъ, причисляемыхъ къ вѣдомству его, не будетъ для него тяжкимъ бременемъ. Стоитъ только взять въ соображеніе возможность неприятныхъ столкновеній разнохарактерныхъ лицъ въ попечительныхъ совѣтахъ при подвѣдомственныхъ училищахъ, гдѣ директору гимназій придется быть безпристрастнымъ судьей и миротворцемъ,—то легко понять, что это одно обстоятельство будетъ отвлекать его уже отъ полезной педагогической дѣятельности въ прямой обязанности его, въ главномъ и важномъ назначеніи его.

Можетъ быть, наши опасенія преувеличены, но мы были приведены въ совершенное недоумѣніе, какимъ образомъ директоръ гимназій удѣлитъ время отъ своихъ прямыхъ, необходимыхъ занятій по гимназіи, на посѣщеніе въ продолженіе курса другихъ подвѣдомственныхъ училищъ, казенныхъ и частныхъ. Въ меньшей мѣрѣ, недоумѣніе это относится и къ инспекторамъ прогимназій и высшихъ народныхъ училищъ при исполненіи обязанностей надзора ихъ за низшими училищами своего вѣдомства.

Сознавшись въ томъ, что не понимаемъ возможности соединить педагогическую дѣятельность по отдѣльному многочисленному училищу, каковы бываютъ губернскія гимназій, съ главнымъ надзоромъ надъ множествомъ другихъ училищъ, схожихъ, правда, по

формѣ, но разнообразныхъ по личному составу, мы выскажемъ теперь послѣдовательно по §§ проекта наши замѣчанія.

Въ § 7-мъ сказано: «Школы грамотности назначаются для распространенія грамотности между низшими сословіями народа. Наставленіе же дѣтей въ истинахъ христіанской вѣры составляетъ обязанность мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, которые наученіемъ и назиданіемъ должны поселять въ сердцахъ дѣтей *благотвореніе къ Богу, любовь къ ближнему* (*) и уваженіе къ закону и властямъ, установленнымъ въ государствѣ».

Грамотность есть средство приобрѣтенія, размноженія понятій и разъясненія ихъ въ подробности чтеніемъ. Она должна вести народъ къ оцѣнкѣ собственнаго человѣческаго, христіанскаго достоинства, къ уясненію отношеній и обязанностей его къ Богу и сочеловѣкамъ. Въ основу этого самопознанія и народной нравственности нечего больше положить кромѣ краеугольнаго камня, на который строющіе такъ часто не обращаютъ надлежащаго вниманія. Потому полагаемъ, что назиданіе въ главнѣйшихъ догматахъ вѣры, знакомство съ историческимъ ходомъ нашего искупленія отъ грѣха и смерти, должны войти въ существенный составъ ученія школъ грамотности. Возложеніе обязанности на однихъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ наставлять дѣтей изъ народа въ истинахъ христіанской вѣры, отдалить на многіе десятки лѣтъ благотѣльное распространеніе чистаго христіанскаго ученія въ нашемъ отечествѣ. Много плевелъ суевѣрія, изувѣрства и безвѣрія можетъ прорости въ это время и заглушить собою плоды благотѣльныхъ мѣръ, принятыхъ Правительствующимъ Синодомъ для изданія книгъ священнаго писанія на народномъ языкѣ. Приходскіе священники по деревнямъ бываютъ обременены требами по приходу, раскинутому кругомъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Продолжительность молитвенной части нашего богослуженія не позволяетъ имъ иногда, по недостатку времени, въ концѣ утрени или обѣдни предложить своимъ прихожанамъ душевное свое слово. Когда же заниматься ему съ дѣтьми прихожанъ? При этихъ занятіяхъ необходимо не только предлагать ученіе, но удостоиваться также отвѣтами обучаемыхъ, такъ-ли они поняли, какъ слѣдуетъ, предлагаемое ученіе.

(*) Почему же они не должны поселять любви къ Богу и ближнему? Эти два рода любви неразрывны.

Принимая въ уваженіе недосугъ приходскихъ священниковъ, можно было-бы предоставить лицамъ, заводящимъ школы грамотности, право подвергаться у приходскихъ священниковъ испытанію въ ученіи о главнѣйшихъ истинахъ вѣры. Программой къ этому испытанію могли-бы служить «Начатки христіанскаго ученія», съ прибавленіемъ библейской хронологіи. Для бѣльшаго удостовѣренія въ правильности пониманія этими лицами смысла божественнаго ученія, они могутъ быть испытываемы тремя священниками сосѣднихъ церквей, изъ коихъ одинъ можетъ быть благочинный. По § 365 проекта, дозволено-же лицамъ обоого пола, заводящимъ частныя училища, преподавать краткій катихизисъ и священную исторію при ограниченности взимаемой платы съ учащихся, почему-же учителямъ грамотности не дать подобнаго-же дозволенія, когда мѣстное духовенство убѣждено будетъ въ правотѣ знанія ихъ по этому предмету.

Гдѣ нѣтъ учителей грамотности, способныхъ къ преподаванію началъ христіанскаго ученія, туда, по нашему мнѣнію, необходимо посылать студентовъ, окончившихъ съ похвалою курсъ въ семинаріи и готовящихся вступить на священнослужительскія мѣста, но не имѣющихъ еще ихъ въ виду. Они будутъ распространять Христово ученіе. Переходя изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, молодой человекъ готовился-бы такимъ образомъ къ проповѣдническому сану и призывалъ-бы юное поколѣніе меньшихъ во Христѣ братьевъ къ истинному свѣту богопознанія. Въ нашей церкви нѣтъ приготовительнаго ученія (конфирмаціоннаго) къ причащенію, какъ въ евангелическихъ вѣроисповѣданіяхъ. Это ученіе заставляеть у лютеранъ и реформатовъ каждаго пришедшаго въ возрастъ узнать сущность исповѣданія, къ которому онъ принадлежитъ,—у насъ, иногда эта сущность вѣроисповѣданія, для простолудина остается заgrabною тайною. Потому было-бы весьма полезно, еслибъ мальчики и дѣвочки такъ называемаго низшаго сословія, по заповѣди Христа Спасителя: *оставите дѣтей и не возбраняйте имъ прийти ко мнѣ*, Мате. гл. 19 ст. 14, были-бы и при недосугѣ приходскихъ священниковъ, приближены ко Христу назидаемъ религиознымъ, или свѣтскими учителями грамотности, которые, по смыслу § 15, *должны имѣть выгодную о себѣ извѣстность и дознанную на дѣль способность обучать*, или студентами семинаріи, нерѣдко остающимися праздыми въ теченіе нѣсколькихъ годовъ по недостатку въ епархіи священническихъ и дья-

конских мѣстъ. Такіе студенты могли-бы даже подь руководствомъ благочинныхъ и вообще приходскихъ священниковъ, по мѣстности, гдѣ они пребываютъ, говорить проповѣди по воскресеньямъ и праздникамъ въ сельскихъ церквахъ. Они становились-бы такимъ образомъ все болѣе и болѣе извѣстными, по мѣрѣ трудовъ своихъ, своему духовному начальству, которое могло-бы выбирать достойнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ на священническія мѣста, и окрестные жители приходовъ, ознакомившись съ ними поближе, охотно принимали-бы ихъ на пастырскія мѣста.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ школахъ грамотности не воспрещено будетъ также преподаваніе начальныхъ правилъ ариѳметики и далѣе четырехъ правилъ, на сколько это позволитъ умѣнье самого учителя. Хорошо было-бы даже по возможности узаконить преподаваніе упражненія на счетахъ.

Въ § 20-мъ исчислены предметы преподаванія въ низшемъ народномъ училищѣ такъ: 1) Законъ Божій (краткій катихизисъ и краткая священная исторія); 2) чтеніе книгъ гражданской и церковной печати и рукописей; 3) чистописаніе; 4) ариѳметика (первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами, именованныя числа, понятіе о дробяхъ и употребленіе счетовъ); 5) ознакомленіе съ внѣшнею природою посредствомъ чтенія и рассказовъ, и 6) церковное пѣніе.

Ограниченіе преподаванія Закона Божія краткимъ катихизисомъ и краткою священною исторіею неудовлетворительно для потребности народной. Желаніе Святѣйшаго Синода познакомить народъ съ самимъ священнымъ писаніемъ на народномъ языкѣ подтверждаетъ наше мнѣніе объ этой неудовлетворительности. Для христіанина необходимо знать не только перечень, но краткое содержаніе библейскихъ книгъ, въ особенности-же новозавѣтныхъ книгъ, чтобы съ пользою читать ихъ и находить въ нихъ мѣста, соотвѣтствующія сердечному требованію. Полезно было-бы излагать въ этихъ училищахъ объясненія воскресныхъ и праздничныхъ чтеній Евангелія и Апостола. Сколько образованныхъ людей выходятъ изъ храма, не понимая предложеннаго чтенія изъ апостольскихъ посланій! Оно и не можетъ быть иначе, потому что отрывокъ изъ апостольскихъ посланій за обѣдней нельзя и понять безъ связи съ предъидущимъ содержаніемъ главы, или даже иногда безъ знанія главнаго духа (смысла) цѣлаго посланія. По нашему мнѣнію, ничто такъ не охлаждаетъ душу людей къ бож-

ственному слову, какъ совершенное непониманіе его. Не всѣ издавія библіи имѣють предисловія къ различнымъ книгамъ ея, и предисловія, которыя бывають присоединены, напр. въ славянскихъ издавіяхъ новаго завѣта, мало понятны для простолюдина.

Относительно 5-го пункта изъ 20-го § скажемъ, что мы сомнѣваемся въ возможности ознакомлять дѣтей съ внѣшнею природою посредствомъ чтенія и однихъ рассказовъ. Дѣтямъ очень трудно понимать читаемыя ими самими, или читаемыя имъ въ слухъ другими, описанія предметовъ естественныхъ и даже описанія мѣстностей. Послѣдовательное, а не цѣлообразное изложеніе признаковъ для дѣтей уже составляетъ своего рода отвлеченность. Представленія въ такихъ описаніяхъ смѣняются одни другими; они не соединяются одно съ другимъ современно, а замѣняютъ другъ друга въ послѣдованіи и такимъ образомъ послѣдующія истребляютъ предъидущія представленія. Весь образъ описываемаго предмета лишается своей цѣлости, свѣжести, полноты. Изъ изустнаго, оживленнаго рассказа учителя, конечно, дѣти могутъ вынести болѣе цѣлообразное представленіе, но и это будетъ только тогда, когда къ рассказу присоединить наглядность или на самые предметы, или на хорошія, отчетливыя изображенія этихъ предметовъ.

§ 26 заставляетъ насъ повторить, что исключительное представленіе приходскимъ священникамъ обучать Закону Божию несовмѣстно съ исправленіемъ духовныхъ требъ въ большихъ приходахъ. Требы священническія часто бывають непредвидимыми, напр. причащеніе трудныхъ больныхъ, крещеніе слаборожденныхъ и даже моливленіе родильницы и новорожденнаго, также не терпятъ отлагательства (*). Въ такихъ случаяхъ даже заблаговременное извѣщеніе учителя о томъ, что священникъ не можетъ быть на урокѣ (§ 26), не можетъ быть сдѣлано. Можетъ-ли даже священникъ ручаться за то, что на слѣдующій день, въ уступленные ему учителемъ часы, требы такого-же рода не отвлекутъ его отъ преподаванія Закона Божія, а при частомъ повтореніи подобныхъ случаевъ, въ училищѣ оттого произойдетъ безпорядокъ.

Изъ § 31 видно, что дѣвочки старѣе 11-ти лѣтъ не могутъ

(*) Въ народѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ до тѣхъ поръ, пока въ домѣ, гдѣ родился младенецъ, не дана бываетъ молитва.

быть принимаемы въ визпія народныя училища. Можетъ быть оттого, что домашнія обстоятельства или болѣзнь мѣшали дѣвочкѣ до 11-ти лѣтъ учиться грамотѣ,—неужели по этой причинѣ и оставаться ей безграмотною на всю жизнь, не смотря на охоту ея выучиться грамотѣ? Она можетъ со временемъ, какъ мать семейства, быть учительницей своихъ дѣтей.

(§ 34). Награжденіе ста рублями за десятилѣтнее исполненіе обязанности учителя въ низшемъ родномъ училищѣ, а за *наибольше усердные и полезныя труды его серебряными медалями для ношенія съ петлицы*, нельзя ли пополнить возвышеніемъ оклада жалованья бѣднаго труженика? Весьма вѣроятно, что семейныя обстоятельства учителя въ это время могутъ иногда потребовать улучшенія въ содержаніи его. По-крайней-мѣрѣ, нельзя ли, за *наибольше усердные и полезныя труды учителя*, замѣнить награду медалью, наградю, состоящею въ прибавкѣ жалованья, или соединить пожалованіе медали съ этою прибавкою? Медаль получить тогда и вещественную цѣнность въ глазахъ всѣхъ, прибавка-же оклада на занимаемомъ учителемъ мѣстѣ не побудитъ его, *обратившаго на себя вниманіе общества и училищнаго начальства* (§ 35), искать перевода въ высшее народное училище, а для низшаго училища сбережетъ опытнаго и любимаго въ народномъ своемъ кругу наставника.

По § 47 видно, что срокъ службы блюстителя въ низшемъ родномъ училищѣ неопредѣленный; не будетъ-ли побуждать къ ревностному исполненію этой обязанности возобновленіе избранія въ это званіе каждое трехлѣтіе?

(§ 50). Слова «*важнѣйшія молитвы*» не опредѣляютъ ни самыхъ молитвъ, ни степени разумности сознательнаго развитія. Дѣло идетъ въ этомъ § о поступленіи сельскихъ и городскихъ обывателей въ гильдіи и о выдачѣ имъ торговыхъ свидѣтельствъ, слѣдовательно о допущеніи извѣстнаго лица къ самостоятельной гражданской дѣятельности особеннаго рода, требующей отъ него разумной правоты и честности. Не надобно-ли отъ такого лица, кромѣ чтенія и письма, желать разумнаго сознанія христіанскаго долга а не одного изустнаго, часто вовсе непонимаемаго, знанія извѣстныхъ молитвъ. Пониманіе главныхъ началъ христіанскаго ученія, перешедшаго чрезъ сердце въ разумныя правила, кажется, болѣе способно засвидѣтельствовать нравственное настроеніе чело-вѣка, нежели извѣстное число заученныхъ молитвъ.

(§ 54). Надѣмся, что штаты для высшихъ народныхъ училищъ (какъ и для всѣхъ учебныхъ заведеній) будутъ составлены по соображенію съ мѣстными цѣнами народнаго продовольствія.

Въ § 71-мъ мы не поняли, какъ инспекторъ высшаго народнаго училища можетъ исполнять возложенную на него обязанность: *убѣждать родителей посылать дѣтей въ училища*. По нашему мнѣнію, у него есть къ тому только одно средство: писать и печатать доводы къ этимъ убѣжденіямъ въ газетахъ и журналахъ; но родители, читающіе газеты и журналы, вѣроятно сами понимаютъ пользу ученія, а для нечитающихъ писать и печатать —напрасный трудъ.

Не можемъ не обратить вниманія министерства на соединеніе обязанностей (въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и высшихъ нар. уч.) учителя чистописанія, черченія и рисованія въ одномъ лицѣ. Врядъ-ли это всегда удастся съ успѣхомъ сдѣлать. Въ Императорской академіи художествъ не выдаютъ свидѣтельство о способности преподавать чистописаніе (§§ 89 и 214).

Въ составъ попечительнаго совѣта при высшемъ народномъ училищѣ § 99 назначенъ мѣстный благочинный. При размноженіи этихъ училищъ, мѣсто жительства его можетъ иногда не совпадать съ мѣстностію училища. Кто-же тогда замѣняетъ его?

Въ §§ 119—124 изложены обязанности правленія высшаго народнаго училища. Нельзя-ли хозяйственныя дѣла по училищу предоставить учебному совѣту (§§ 111—118). По § 114, пунктамъ *с* и *г* видно, что учебный совѣтъ соприкосновененъ также нѣкоторымъ хозяйственнымъ распоряженіямъ. Учителей въ высшемъ народномъ училищѣ съ инспекторомъ и учителемъ чистописанія, всего 5. Одинъ изъ нихъ несетъ обязанность секретаря учебнаго совѣта (§ 116), двое избираются въ члены правленія (§ 120), состоящаго подъ предсѣдательствомъ инспектора. Значитъ, одинъ изъ учителей только остается свободнымъ отъ выборной должности, слѣд. немного будетъ учителямъ облегченія отъ отдѣленія состава правленія отъ состава учебнаго совѣта, которому, въ концѣ своихъ засѣданій, не трудно будетъ повѣрять суммы и счета по приходу и расходу училища.

По § 128 ученики, за которыхъ не внесено платы за ученіе въ теченіе февраля и августа, увольняются изъ училища; по § 134, эти-же ученики принимаются опять немедленно по внесеніи платы. Въ такомъ случаѣ нельзя-ли вмѣсто исключенія принимать иногда

въ расчетъ временное безденежье недостаточныхъ родителей и дѣлать имъ разсрочки, безъ вреда хозяйству училища. Часто отцы и матери по-мѣсячно получаютъ свои доходы и разныя обстоятельства вводятъ ихъ въ непредвидимыя растраты предъ самымъ взносомъ обязательной платы за дѣтей въ училище. Разсрочка платежа дастъ имъ большую льготу, а дѣти, не исключаемыя изъ училища, будутъ слѣдовать за курсомъ ученія непрерывно, а это важно въ педагогическомъ отношеніи.

Въ § 135, на строкѣ 4-й, вѣроятно, союзъ *или* послѣ отрицанія должно замѣнить союзомъ *ни*. Не надобно-ли для полноты выразить такъ: *предъ неучившимися ни въ сѣхъ училищахъ, ни въ среднихъ, ни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ*, и т. д.

По учебной части высшихъ народныхъ училищъ замѣтимъ слѣдующее :

1) Образованіе въ высшемъ народномъ училищѣ для многихъ въ извѣстныхъ сословіяхъ общества будетъ окончательнымъ, а потому необходимо этихъ многихъ, для истинной пользы христіанства, научить читать съ толкомъ библію. Знаемъ, что слово Божіе доступно съ нравственной стороны всякому чистому и доброму сердцу; но для удобнѣйшаго правильнаго пониманія священныя книгъ непремѣнно нужно разъяснить различныя временныя и мѣстныя обстоятельства, при которыхъ онѣ написаны.

Естественвѣдѣніе въ высшихъ народныхъ училищахъ представлено учителю географіи (§ 143 и табл. № 1 къ § 139), въ гимназіяхъ-же и прогимназіяхъ учителямъ математики (табл. № 10, 11 и 12 къ § 275). Отчего различіе въ этомъ распредѣленіи, мы не понимаемъ; нельзя понять его и по программамъ естественвѣдѣнія, предназначеннаго для высшаго народнаго училища, и естественвѣдѣнія гимназическаго.

Въ § 157 сказано: «о выдачѣ учительскихъ свидѣтельствъ инспекторъ высш. нар. уч. доводитъ до свѣдѣнія губернскаго директора училищъ для надлежащаго съ кѣмъ слѣдуетъ сношенія». Не полезно-ли будетъ прибавить къ этому §, что инспекторъ доводитъ до свѣдѣнія директора училищъ и о продолженіи дѣйствительности этихъ свидѣтельствъ? По § 156 видно, что дѣйствительность этихъ свидѣтельствъ прекращается въ томъ случаѣ, когда кандидаты перестаютъ въ-теченіе десяти первыхъ лѣтъ заниматься обученіемъ и тогда они обязаны бываютъ выполнять всѣ повинности своего общества. Иначе, общество не мо-

жетъ узнать о дѣйствительности свидѣтельствъ, какъ чрезъ училищное начальство.

Замѣщеніе инспекторомъ гимназій преподавателей, въ случаѣ болѣзни ихъ или временнаго непродолжительнаго отсутствія (§ 206), весьма для него обременительно. Если директоръ гимназій въ отсутствіи, то многосложною обязанностію его будетъ завѣдывать инспекторъ;—если въ то-же время заболѣетъ одинъ преподаватель, инспекторъ долженъ замѣнять уроки заболѣвшаго. Трудно ему справиться со всѣмъ этимъ дѣломъ. Между преподавателями могутъ случиться люди, пристрастные къ домосѣдству; для нѣкоторыхъ господъ пріятнѣе просидѣть въ жаркій день дома и читать занимательную журнальную статью, нежели въ вицеумудирномъ полукафтанѣ давать урокъ 30-ти или 40 мальчикамъ. Разумѣется, не много такихъ домосѣдовъ, но никто-же не станетъ отрицать, чтобъ ихъ вовсе не было. Зная, что ученики не останутся въ отсутствіи ихъ безъ занятій, — что не товарищи ихъ, учителя, обязаны замѣнять ихъ, а инспекторъ, которому и безъ того приходилось-бы быть въ классахъ, они не стѣснятся увѣдомить его о разстройствѣ своего здоровья, при малѣйшемъ чувствѣ *не по себѣ*,—между-тѣмъ, какъ еслибы они замѣняемы были учителями, то трудъ замѣны былъ-бы раздѣленъ между нѣсколькими лицами и, кромѣ-того, обязанность взаимной замѣны заставляла-бы самыхъ мнительныхъ на счетъ своего здоровья рѣже ввѣряться своему воображенію. Пусть и на инспектора падаетъ замѣна, но не въ отсутствіи директора, и вмѣстѣ съ другими преподавателями.

Если опредѣленіе законоучителя при гимназіяхъ зависитъ (§ 211) отъ попечителя, по представленію директора, основанному на предварительномъ сношеніи съ епархіальнымъ начальствомъ, то не должно-ли быть и увольненіе его соединено съ такимъ-же сношеніемъ съ епархіальнымъ начальствомъ, особенно въ случаѣ разлада законоучителя съ директоромъ гимназій.

§ 259 проекта устава объясняетъ, что не успѣвшіе ученики могутъ оставаться въ одномъ и томъ-же классѣ по два года: входящіе ученики и своекоштные пансіонеры не болѣе трехъ разъ; воспитанники, содержимые на счетъ казны, или какого-либо вѣдомства — не больше одного раза въ продолженіе всего гимназическаго курса. Въ противномъ случаѣ они увольняются изъ гимназій. Этотъ § даетъ разныя льготы по обстоятельствамъ, вовсе

не зависящимъ отъ нравственнаго свойства и умственнаго развитія воспитанниковъ, а потому не удовлетворяетъ справедливости. Лучше предоставить суду педагогическаго совѣта право оставлять разъ, два и три, по два года въ одномъ классѣ въ продолженіе курса, учениковъ всѣхъ разрядовъ, когда совѣтъ найдетъ ихъ достойными этой льготы, — и не оставлять ни одного раза двухъ лѣтъ сряду въ одномъ классѣ такихъ учениковъ, какого-бы разряда они не были, если совѣтъ единогласно признаетъ ихъ неспособными учиться, или вредными товарищамъ.

(§ 272). Для обученія закону Божію иновѣрческихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій можно употреблять, по указанію консисторій этихъ вѣроисповѣданій, студентовъ римско-католической духовной академіи, кончившихъ курсъ, и дѣйствительныхъ студентовъ или кандидатовъ дерптскаго богословскаго факультета до опредѣленія ихъ на мѣста священнослужителей. Они могли-бы обязать гимназіи, прогимназіи и высшія народныя училища, оставаться по нѣсколько мѣсяцевъ (хоть два или три) въ каждомъ училищѣ, т.-е. мѣстѣ, гдѣ находится училище и обучать своихъ единовѣрцевъ догматамъ своего вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ, при всякомъ числѣ католическихъ и евангелическихъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ и другихъ училищахъ, и менѣе 15, была-бы возможность учиться имъ закону Божію въ духѣ ихъ церкви (*).

(§ 235). Надѣмся, что въ составъ педагогическаго курса при гимназіяхъ введена будетъ также исторія педагогики — хотя новѣйшихъ временъ, — или что этотъ педагогическій курсъ не будетъ ограниченъ однимъ догматическимъ изложеніемъ правилъ воспитанія и обученія, но соединится съ критикою различныхъ педагогическихъ и дидактическихъ мнѣній. Хорошо было-бы, кажется намъ, еслибы кандидаты на учительскія мѣста, по окончаніи курса и практики въ обученіи, представляли-бы въ педагогическій совѣтъ свои наблюденія надъ личностями учениковъ, съ

(*) Недостатокъ числа евангелическихъ пасторовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи замѣчателенъ. Въ одномъ мѣстечкѣ юго-западной Россіи, у Г. В. оставался некрещеннымъ сынъ до 3-хъ лѣтъ, а дочь не была конфирмована до 21-го года, не было пастора для совершенія этихъ священнодѣйствій. — Въ Перми, рассказывали намъ, пріѣзжаетъ одинъ разъ въ годъ, на недѣлю, католическій священникъ.

которыми они во время двухгодичной практики своей входили въ соприкосновение.

Вѣроятно, что требованіе § 325 относительно христіанскаго вѣроисповѣданія домохозяевъ и вообще лицъ, желающихъ принимать пансіонеровъ на квартиры, относится только до тѣхъ содержателей квартиръ, гдѣ помѣщаются пансіонеры христіане, — а евреи и магометане могутъ жить и у своихъ единовѣрцевъ. Въ этомъ-же § желательное дополненіе: отъ кого должны получать содержатели квартиръ для пансіонеровъ свидѣтельства о званіи своемъ и доброй нравственности? — отъ полиціи, или сословнаго общества?

По § 365 дозволено содержателямъ и содержательницамъ частныхъ учебныхъ заведеній преподавать краткій катихизисъ и священную исторію. Не мѣшало-бы въ § 371 прибавить, что при испытаніяхъ въ этихъ училищахъ въ концѣ учебнаго года, обязаны присутствовать вмѣстѣ съ лицами, назначаемыми училищнымъ начальствомъ, и ближайшіе приходскіе священники.

Переходимъ теперь къ краткому обзору плана и распредѣленія преподаванія наукъ, въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ.

На изученіе роднаго языка обращено тщательное вниманіе. Изученіе языка чтеніемъ образцовъ, пониманіе и поясненіе ихъ, — потомъ самостоятельныя упражненія въ изустномъ разказѣ и письменныхъ сочиненіяхъ, полезны не только къ достиженію двойкой цѣли, объясненной въ планѣ, т.-е. къ развитію дара слова и образованію эстетическаго вкуса въ учащихся, но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ служить для учащихся практическимъ навыкомъ къ умственному труду. Въ рукахъ хорошаго преподавателя, который съумѣетъ придать разнообразіе своимъ занятіямъ въ классѣ, можно ожидать много прекрасныхъ слѣдствій для умственнаго развитія дѣтей отъ этого способа; что касается до письма подъ диктовку для *орфографической цѣли*, мы полагаемъ, что оно скорѣе можетъ быть употребляемо средствомъ испытанія въ знаніи правописанія, и не споспѣшествовать къ изученію его. Писанье выученнаго наизусть болѣе съ руки въ дѣтскомъ возрастѣ и при томъ изоощряются двѣ способности: наглядность и память. Не забыть въ планѣ изученія и церковный и древне-русскій лѣтописный языкъ, слѣдовательно, ученики познакомятся и съ грамматическими его формами, словомъ: способомъ изученія русскаго языка положено прочное основаніе къ изученію другихъ предметовъ, ибо

имъ показано, какъ надобно учиться; изъ осязательнаго, нагляднаго, осязательнаго, выводить связь, законы и духъ изучаемаго.

Довольно странно послѣ такого общаго начала встрѣтить въ курсѣ 5 класса гимназій *стилистику*. Конечно, въ планѣ оговорено, что *понятіе о словѣ и различіе его отъ языка и разъясненіе двухъ сторонъ его, логической и художественной* будетъ развито по чтенію образцовъ, но воспоминаніе о *стилистикѣ*, какъ особенной части науки, даже и наединѣ, какъ-то возбуждаетъ улыбку въ настоящее время.

Не мало труда падаетъ на долю учителя исторіи въ высшемъ народномъ училищѣ: изложить всеобщую и русскую исторію въ 70 или 80 уроковъ; но болѣе еще труда выпадаетъ на часть составителей учебниковъ для курса исторіи. Правда, сказано на стр. 28, что *никакая инструкція не замѣнитъ составителю отсутствіе (я?) въ немъ самогъ средствъ къ выполненію такой задачи*. Затрудненія однако, думаемъ мы, встрѣтятъ, какъ составитель учебника, такъ и учитель, не въ званіи дѣтей, въ которыхъ должны они развить историческое сознаніе, какъ то изложено въ планѣ (въ концѣ 23 стран.), а скорѣе въ возрастѣ дѣтей. Матеріальный трудъ не такъ способенъ заглушить высшіе интересы жизни, какъ привычка къ суетности жизни или ненасытное корыстолюбіе.

Пропедевтикѣ всеобщей исторіи можетъ помочь и законоучитель при изложеніи исторіи ветхозавѣтной церкви. Конечно, она различается отъ исторіи прочихъ народовъ *еократизмомъ*, но тѣмъ не менѣе она соприкасается, во многихъ періодахъ своихъ, жизни другихъ народовъ. Весьма полезно было-бы присоединить къ учебнику географическія карты историческихъ мѣстностей и въ каждомъ училищѣ имѣть атласъ рисунковъ, объясняющихъ бытъ и обычаи историческихъ народовъ.

Въ гимназіяхъ историческому преподаванію предоставлено въ цѣломъ курсѣ 13, а гдѣ нѣтъ греческаго языка, 15 уроковъ, и при томъ, при этой роскоши уроковъ, 6 лѣтъ историческихъ занятій. Желаемъ, чтобъ это время было посвящено изученію въ связи прагматической фактовъ исторіи и дѣйствительной жизни народовъ, а не сдѣлало-бы юношей смѣлыми судьями надъ дѣятелями временъ прошедшихъ, — чтобы это изученіе возбуждало-бы въ молодежи стремленіе дальше, глубже, самостоятельно заниматься отдѣльными частями исторіи, а не оставило-бы въ памяти ихъ

однѣхъ фразъ, затверженныхъ со словъ преподаванія. Въ гимназіяхъ, гдѣ преподаются оба древніе языка, дополненіемъ къ историческому курсу 5-го класса послужить также чтеніе классиковъ, соединенное вѣроятно съ изученіемъ греческихъ и римскихъ древностей.

Процедурка географіи въ 1-мъ классѣ высшаго народнаго училища очень трудна. Мудрено учениковъ 11-ти и 12-ти зѣть *вести отъ нагляднаго вида земли, какъ плоскости, къ ея дѣйствительному виду, какъ шару и представить ему глобусъ, научая при этомъ понимать отношеніе глобуса къ земному шару.* Ведь и сказано-то это не просто, а «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Сѣтка глобуса можетъ быть только понята изъ совокупности свѣдѣній по математической географіи, — а въ ней первый шагъ для объясненія мѣста полюса идетъ на перекоръ видимому движенію солнца и кажущейся неподвижности земли. — Не лучше-ли было-бы объяснить сѣтку глобуса впоследствии, и въ 1-мъ классѣ довольствоваться только меркаторскою картою и указаніемъ на страны свѣта: востокъ, юго-востокъ, юго-западъ и т. д. При томъ было-бы полезно принять извѣстную ученикамъ величину мѣстности за единицу сравненія съ величиною прочихъ мѣстностей, о которыхъ будетъ рѣчь.

Не знаемъ, будутъ-ли подъ силу преподавателямъ географіи курсы естествовѣдѣнія, особенно 3-го и 4-го классовъ высшихъ народныхъ училищъ (*). Тутъ настоящее *mixtum compositum*. На точное, обстоятельное изложеніе самыхъ основныхъ простыхъ вещей, касающихся жизненнаго обихода, надобно много предусмотрительности; надобно быть осторожнымъ, чтобъ не сказать чего-нибудь лишняго, а особенно при неожиданномъ вопросѣ ученика.

Въ арифметикѣ необходимо проходить именованныя числа послѣ дробей. Превращеніе именованныхъ чиселъ уже того требуетъ. Возьмемъ, напр. вопросъ: 7 фунтовъ, 23 золотника и 6 долей, какая часть пуда? — Этой задачи нельзя уже рѣшить безъ помощи дробей. — Но вопросовъ такихъ встрѣтится множество, и если для пополненія курса въ 1-мъ классѣ хорошо знать приемы вычисленій съ именованными числами, въ ковхъ можно доволь-

(*) Рассказываютъ, что естествовѣдѣніе отдѣлено будетъ отъ географіи въ лицѣ преподавателя? — Правда-ли это, не знаемъ.

ствоваться вычисленіями въ цѣлыхъ числахъ, то во второмъ классѣ необходимо присоединить изложеніе правилъ съ именованными числами, въ которыя входятъ дроби. Такого рода вычисленія требуютъ случаи, гдѣ множимое и множитель, дѣлимое и дѣлитель разнородныя составныя именованныя числа, и мног. друг. При рѣшеніи различныхъ ариметическихъ задачъ (стр. 33) надобно обратить вниманіе на вычисленіе простыхъ и сложныхъ процентовъ. Въ дѣлахъ торговаго промысла это необходимо.

Въ урокахъ греческаго языка можно было-бы обратить вниманіе на книги новаго завѣта, по-крайней-мѣрѣ, на евангелія и дѣянія апостоловъ, почти подстрочно переведенныя на церковно-славянскій языкъ и давшія ему всю форму его. Не беремъ рѣшительно судить полезно-ли было-бы распространить изученіе чтеніемъ отрывковъ изъ отцовъ церкви, — не переполнить-ли это чрезчуръ курса.

Въ пятомъ и шестомъ классѣ гимназіи преподаваніе географіи переходитъ болѣе отъ главнаго назначенія своего въ статистическій смыслъ. Предположено *излагать обстоятельно правительственный, экономическій и умственный бытъ и современное развитіе*, въ пятомъ классѣ, *первоклассныхъ Европейскихъ государствъ и Северо-Американскихъ штатовъ*, въ шестомъ, *общества и государства въ отечествѣ*. Возрастъ учениковъ въ этихъ классахъ, думаемъ, болѣе способенъ воспринять живые топографическіе очерки странъ свѣта, государствъ и отдѣльныхъ областей, нежели подробно изучать вышеприведенныя отвлеченности.

Въ планѣ математическаго преподаванія (стр. 48) для тѣхъ гимназій, гдѣ нѣтъ греческаго языка, написано, что ученикамъ *должно быть показано* приложеніе математики къ наукамъ физико-математическимъ, и съ этою цѣлію *долженъ быть предложенъ* имъ элементарный курсъ оптики и механики, что составитъ дополненіе къ курсу физики, гдѣ эти предметы, требующіе особенно много знаній математическихъ, не могутъ быть изложены *въ надлежащемъ видѣ*. На стр. 49, въ строкѣ 22-й, читаемъ: Для оптики и механики 2 урока, — слѣдовательно на каждую въ годъ всего 20 уроковъ. Считая на повтореніе каждой по 5 уроковъ, видимъ, что на преподаваніе каждой остается по 15 уроковъ. Можно-ли оптику и механику, не предполагая даже возможной болѣзни учителя, уменьшающей число уроковъ, изложить въ 30 уроковъ, *въ надлежащемъ видѣ*, и притомъ ученикамъ гимназіи, занятымъ въ то-же

время 8-ью другими предметами? Не лучше-ли уже тогда отдать это время на изложеніе механической и оптической частей физики *въ надлежащемъ видѣ*, или употребить его на физическую географію, къ которой, какъ видимъ на стр. 57, желаютъ присоединить *обзоръ земли въ минералогическомъ и геологическомъ отношеніяхъ*.

Въ изученіи французскаго и нѣмецкаго языковъ можно посоветовать упражненія въ разсказахъ изъ чтенія, при подготовкѣ въ низшихъ классахъ и безъ приготовленія въ высшихъ классахъ гимназій. Кромѣ-того, вмѣсто письма подъ диктовку, въ высшихъ классахъ, очень полезно употреблять болѣе самостоятельное занятіе, это—письмо на иностранномъ языкѣ предложеній, диктуемыхъ по-русски. При каждой фразѣ, отъ точки до точки, учитель останавливается,—одинъ изъ учениковъ читаетъ написанныя предложенія, товарищи его, по назначенію преподавателя, и самъ преподаватель поправляютъ ошибочныя выраженія,—цѣлый классъ выслушиваетъ поправки и дѣлаетъ ихъ по своимъ тетрадямъ. Это занятіе, кромѣ сравнительнаго упражненія въ образѣ выраженія двухъ языковъ, можетъ служить источникомъ многихъ поясненій и поддерживать постоянную дѣятельность въ цѣломъ классѣ.

Больше всего желаемъ, чтобъ всѣ новыя предположенія не столько расшпятились въ количественномъ объемѣ и разнообразіи, сколько по качественному своему содержанію и способу приобрѣтенія вели-бы молодыхъ людей къ основательному знанію, — не вселяя самодовольства, неизмѣннаго спутника поверхностныхъ свѣдѣній, научили-бы ихъ искать наслажденія въ полезномъ трудѣ и размышленіи.

МИХАИЛЪ ВОСКОВЪ.

О ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Германскіе университеты признаются первыми въ свѣтѣ учеными учрежденіями (*). Дѣйствительно, они составляютъ славу и честь Германіи и оказываютъ здѣсь болѣе вліянія, чѣмъ подобныя заведенія во всякой другой странѣ. Они суть средоточія высшей умственной и литературной жизни народа и какъ-бы лабораторіи того, что послѣ выражается въ жизни. Они развиваютъ таланты и образуютъ умы почти всѣхъ, которые въ послѣдствіи занимаютъ мѣста, соединенныя съ властію или вліяніемъ въ церкви или государствѣ, начиная отъ сельскаго священника до главнаго консисторскаго совѣтника, отъ адвоката до перваго министра. Они наполняются лучшими умами изъ всѣхъ сословій, и посредствомъ переработки, приготавливаютъ изъ нихъ полезныхъ обществу членовъ. Но имѣя неоспоримое значеніе по отношенію къ самой Германіи, университеты ея не остаются безъ вліянія и на другія страны. Бывъ расположены въ сердцѣ Европы, они посѣщаются молодыми людьми изъ всѣхъ частей свѣта и служатъ источникомъ знаній, который равно доступенъ и открытъ для всякаго. На скамьяхъ ихъ не рѣдко встрѣчаются люди, которые, по окончаніи своихъ курсовъ, разходятся въ противоположные

(*) В. Гамильтонъ, въ своемъ обзорѣніи замѣчательной записки Кузена о прусской системѣ послитанія, пишетъ: «Германскія учрежденія для общественнаго образованія мы знали съ давняго времени и имъ удивлялись. Мы видѣли, какъ эти учрежденія достигали своей цѣли въ размѣрѣ и степени безпримѣрныхъ, и сохраняемъ убѣжденіе, что если другіе народы желаютъ улучшить свою систему воспитанія, то можно достигнуть этой цѣли быстро, безопасно и съ успѣхомъ, усвоивъ, сколько обстоятельства позволяютъ, систему, въ пользу которой говорятъ обширный опытъ и замѣчательнѣйшій успѣхъ», т.-е. германскую. *Germany, its Universities, Theologie and Religion*, by Ph. Schaff, Edinburg, 1857, pag. 29.

концы міра, чтобы нести, каждый къ своимъ соотечественникамъ, добытыя сокровища науки.

По различію господствующихъ въ Германіи вѣроисповѣданій, и самыя университеты раздѣляются на два главные класса: *католическіе* и *протестантскіе*. Дополненіемъ къ этимъ классамъ могутъ служить университеты *смѣшанные*, въ которыхъ всегда два богословскіе факультета: католическій и протестантскій. Между протестантскими, кромѣ-того, должно принять подраздѣленіе на евангелическіе, лютеранскіе и реформатскіе (*).

I. Римско-католическіе университеты: 1) въ Прагѣ, основанный въ 1348 году; 2) въ Вѣнѣ, 1365 г. (есть и протестантскій богословскій факультетъ); 3) въ Фрейбургѣ, 1457 г.; 4) въ Ольмюцѣ, 1581 г., 5) въ Вирцбургѣ, 1582 г.; 6) въ Грацѣ, 1586 г., 7) въ Зальцбургѣ, (неполный) 1623 г.; 8) въ Инспрукѣ, 1672 г. (неполный); 9) въ Мюнхенѣ, 1826 г.

II. Протестантскіе: 1) въ Гейдельбергѣ, основанный въ 1386 году; — Евангелическій; 2) въ Лейпцигѣ, 1409 г., Лютеранскій; 3) въ Ростокѣ, 1419 г., Лютеранскій; 4) въ Грейфсвальдѣ, 1456 г. Евангелическій; 5) въ Марбургѣ, 1527 г., Евангелическій; 6) въ Кенигсбергѣ, 1544 г., Евангелическій; 7) въ Іенѣ, 1558 г., Лютеранскій; 8) въ Килѣ, 1665 г., Лютеранскій; 9) въ Галле, 1694 г. Евангелическій; 10) въ Гёттингенѣ, 1737 г., Лютеранскій; 11) въ Эрлангенѣ, 1743 г.—для Лютеранъ и Реформатовъ; 12) въ Берлинѣ, 1810 г., Евангелическій.

III. Смѣшанные: 1) въ Тюбингенѣ, 1477 г.; 2) въ Гисенѣ, 1607 г., 3) въ Бреслау, 1702 г., 4) въ Боннѣ, 1808 г. (**).

(*) Протестанты и реформаты различаются между собою главнымъ образомъ въ ученіи о св. Евхаристіи. Евангелическое общество, вызванное въ бытіе прусскимъ королемъ Вильгельмомъ III, эдиктомъ отъ 27 сентября 1817 года, представляетъ соединеніе тѣхъ и другихъ.

(**) Университеты: *Кельнскій*, основанный въ 1383 г., католическій, закрытъ; *Эрфуртскій*, основ. въ 1392 г., смѣшанный, закрытъ въ 1816 году; *Ингольштадтскій*, основ. въ 1472 г., католическій, въ 1802 году перенесенъ въ Ландсгутъ, а отсюда въ 1826 г. въ Мюнхенъ; *Майнцскій*, осн. въ 1477 г., католическій, низведенъ на степень богословской семинаріи; *Виттенбергскій*, основ. въ 1502 г., лютеранскій, въ 1817 году, перенесенъ въ Галле и теперь преобразованъ въ евангелическую семинарію для кандидатовъ духовнаго званія, окончившихъ университетское ученіе; *Франкфуртскій на Одеръ*, осн. въ 1506 г., смѣшанный, перенесенъ въ 1811 г. въ Бреслау; *Диллингенскій*, основ. въ 1519 г., католическій, закрытъ въ 1802 г.; *Гельмштедтскій*, осн.

Устройство европейских университетовъ заимствовано отъ парижскаго, древнѣйшаго изъ всѣхъ (основаннаго въ XII столѣтїи). Онъ раздѣлялся на четыре или болѣе націй, къ которымъ принадлежали наставники и воспитанники, и на четыре факультета или разряда отдѣльныхъ наукъ. Первое раздѣленіе давно уже уничтожено, послѣднее же существуетъ. Каждый факультетъ имѣетъ своего декана, который ежегодно избирается въ эту должность изъ профессоровъ, составляющихъ факультетъ. Бо главѣ всего университета стоитъ ректоръ или канцлеръ, который равнымъ образомъ избирается на одинъ годъ изъ профессоровъ различныхъ факультетовъ по очереди, и которому ввѣряется управленіе на основаніи уставовъ. Законодательная власть сосредоточена въ академическомъ сенатѣ, который составляется изъ всѣхъ или только уполномоченныхъ ординарныхъ профессоровъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, философскаго, юридическаго и медицинскаго.

Богословскій факультетъ имѣетъ почетное преимущество, которое онъ наслѣдовалъ отъ среднихъ вѣковъ, когда основана была большая часть Германскихъ университетовъ и когда богословіе считалось царицею наукъ. Университетъ парижскій въ началѣ былъ простою богословскою и философскою школою; занятія философїею служили приготовленіемъ къ схоластическому богословію, и профессоры философїи были богословы и духовные. Въ новѣйшее время, поле богословскихъ наукъ распространено присоединеніемъ восточной филологїи, библейской критики, герменевтики, древностей, церковной исторїи, исторїи догматовъ, гомилетики, катехетики, литургіи, пастырскаго богословія, теорїи церковнаго управленія. Богословскій факультетъ, въ настоящее время, не признается полнымъ, если не имѣетъ отдѣльныхъ преподавателей для истол-

въ 1576 г., протестантскій, закрытъ въ 1809 г.; *Альтдорфскій*, основ. въ 1578 году, протестантскій, закрытъ въ 1807 г.; *Падеборнскій*, основ. въ 1615 г., католическій, преобразованъ въ семинарію; *Рингельскій*, основ. въ 1621 г., протестантскій, закрытъ въ 1809 г.; *Оснабрюкскій*, осн. въ 1630 г., закрытъ; *Линцскій*, основ. въ 1636 г., католическій, преобразованъ въ коллегію и семинарію; *Бамбергскій*, основ. въ 1648 г., католическій, въ 1803 г. преобразованъ въ коллегію; *Герборнскій*, основ. въ 1654 г., протестантскій, преобразованъ въ богословскую семинарію; *Дуйсбургскій*, основ. въ 1655 г., реформатскій, закрытъ въ 1804 году.

ковательной, исторической, систематической и практической отраслей богословія.

Философскій факультетъ есть самый обширный по числу преподавателей и предметовъ изученія и обнимаетъ многія отрасли знанія, которыя не имѣютъ никакого или только малое отношеніе къ собственной философіи, какъ напр. исторія, древніе и новыя языки, математика, словесность. Въ средніе вѣка этотъ факультетъ назывался факультетомъ свободныхъ искусствъ, (*facultas artium liberalium*), потому-что тогда науки, отличныя отъ богословія, назывались *artes liberales*; это грамматика, риторика, діалектика, арифметика, музыка, геометрія и астрономія. Но съ того времени историческія, филологическія и естественныя науки сдѣлали такой успѣхъ, что философскій факультетъ можно раздѣлить на три или четыре различныя факультета. Въ самомъ дѣлѣ, въ парижскомъ университетѣ онъ раздѣленъ на два: *faculté 1) des sciences* et 2) *des lettres*. Въ Германіи этотъ факультетъ обнимаетъ логику, метафизику, философію природы, антропологию и психологию, философію права или политическую этику, философію исторіи, философію искусства или эстетику, нравственную философію, философію религіи, исторію философіи.

Факультетъ правовѣдѣнія обнимаетъ въ Германіи исторію гражданскаго, уголовнаго и общаго права, пзложеніе древняго римскаго кодекса и каноническаго права. Древнѣйшая школа правовѣдѣнія въ Болоніи послужила моделью для другихъ подобныхъ.

Медицинскій факультетъ обнимаетъ химию, физиологію, анатомию, френологію, патологию и подобныя науки. Университеты Берлинскій, Мюнхенскій и Вѣнскій, также какъ и Парижскій, имѣютъ лучшіе медицинскіе факультеты, которые возможны при обширныхъ госпиталяхъ въ большихъ городахъ.

Ученныя академическія степени ведутъ свое начало изъ среднихъ вѣковъ. Они были даваемы уже въ XII столѣтіи въ Болонской школѣ и послѣ развиты въ университетѣ Парижскомъ. Здѣсь сначала было три академическихъ степени для каждого факультета: *бакалавръ*, *лиценціатъ* и *докторъ*. Въ Англіи еще удержана степень бакалавра для свободныхъ наукъ, правовѣдѣнія и богословія. Но въ Германіи низшія степени вышли изъ употребленія, исключая впрочемъ богословскій факультетъ, и осталась одна ученая степень доктора. Она можетъ быть получена по окончаніи

предписаннаго курса занятій въ избранномъ факультетѣ, вслѣдствіе особеннаго экзамена, печатнаго разсужденія или книги и публичнаго диспута, веденнаго на латинскомъ языкѣ и соединеннаго съ извѣстными издержками. Дипломъ доктора философіи и доктора медицины получается сравнительно легко, по-крайней-мѣрѣ, въ различныхъ меньшихъ университетахъ (*). Богословскій факультетъ сохраняетъ доселѣ двѣ степени: лиценціата и доктора. Последняя считается высшею академическою почестью, а потому дается гораздо рѣже, чѣмъ соотвѣтствующія степени другихъ факультетовъ. Она получается, по обыкновенному порядку, за написанное сочиненіе и латинскій диспутъ, въ которомъ можетъ принять участіе каждый членъ университета; но она дается также ради почести, какъ свидѣтельство отличныхъ литературныхъ заслугъ или особенной пользы, принесенной церкви.

Преподавателей Германскихъ университетовъ можно раздѣлить на три класса. Къ первому относятся *ординарные профессеры*, которые получаютъ содержаніе отъ государства, независимо отъ платы, вносимой ихъ слушателями за лекціи, и могутъ быть избраны въ академическій сенатъ и должность ректора. Ко второму причисляются экстраординарные профессеры, которые не засѣдаютъ въ сенатѣ и имѣютъ меньшій доходъ, но обыкновенно производятся въ ординарные, какъ скоро представляется вакансія. Не мало, впрочемъ, остается въ этомъ званіи во всю жизнь. Третій классъ составляютъ приватъ-доценты (*privatim docentes*), которые, выдержавъ самый строгій экзаменъ, читаютъ лекціи, подобно профессорамъ, но не имѣютъ жалованья, (за исключеніемъ не многихъ) отъ государства. Средства содержанія они извлекаютъ или изъ платы за гувернерство надъ дѣтьми, или изъ денегъ, вырученныхъ за литературные труды, которые не состоятъ въ связи съ лекціями. Если они не имѣютъ собственныхъ средствъ содержанія или не владѣютъ отличными талантами (что привлекаетъ студентовъ массами и доставляетъ иногда доцентамъ денежное пособіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія),

(*) Нѣсколько лѣтъ назадъ была принесена германскому сейму во Франкфуртѣ на Майнѣ, жалоба противъ торговли дипломами, какую производили нѣкоторые университеты, и правительство приняло дѣйствительныя мѣры къ прекращенію ея. Прусскіе университеты очень строги по отношенію къ экзаменамъ и публичнымъ диспутамъ и не даютъ ученыхъ степеней *honoris causa*, безъ самыхъ уважительныхъ причинъ.

то ведутъ бѣдную жизнь. Трудность ихъ существованія возрастаетъ еще болѣе въ обширныхъ университетахъ, гдѣ они должны соперничаться извѣстнѣйшими именами во всѣхъ отрасляхъ знаній. Нѣкоторые, при всей учености, талантахъ и трудолюбіи, въ отчаяніи покидаютъ университетъ, тогда какъ другіе столько счастливы, что получаютъ профессорство послѣ одного, двухъ лѣтъ испытанія. Большая часть профессоровъ проходятъ чрезъ эти приготовительныя должности, пока наконецъ достигаютъ чести и выгоды ординарнаго профессорства. Нѣкоторые, впрочемъ, бывають иногда призываемы къ профессорству изъ пасторовъ или практикующихъ правовѣдовъ и врачей, если они отличились учеными трудами по своимъ частямъ.

Число преподавателей измѣняется отъ 30 до 150 и болѣе, смотря по степени благосостоянія и обширности университета. Такъ, въ 1853 году, Берлинскій университетъ имѣлъ не менѣе 168 преподавателей (52 ординарныхъ, 41 экстраординарныхъ, 7 почетныхъ профессоровъ, 60 частныхъ доцентовъ и 8 учителей языковъ), университетъ Вѣнскій 116, Гёттингенскій 109, Лейпцигскій 109, Мюнхенскій 94, Боннскій 91, Гейдельбергскій 91, Галльскій 71 и т. д.

Германскіе университеты представляютъ часто большія зданія, занятыя аудиторіями (Hörsäle), въ которыхъ студенты проводятъ часть дня, слушая лекціи. Для избранія лекцій нѣтъ никакого принужденія. Студентъ вполне предоставленъ собственному сознанію долга и наслаждается большею свободою, чѣмъ во всю послѣдующую жизнь. Трудолюбивые студенты выслушиваютъ по четыре, по пяти лекцій въ день. Лишь только прозвонилъ колокольчикъ, они садятся въ аудиторіи, раскрываютъ свой портфель, ставятъ чернильницу и ожидаютъ профессора. По прошествіи десяти, пятнадцати минутъ, профессоръ появляется въ залѣ, входитъ на кафедру и по обычному привѣтствіи: «Meine Herren», начинается чтеніе стоя или сидя, читая по тетради вполне или отчасти, или говоря отъ себя. Нѣкоторые изъ слушателей записываютъ все, что ни выходитъ изъ ученыхъ устъ; другіе только слушаютъ, или для облегченія памяти замѣчаютъ на бумагѣ главныя мысли. Если профессоръ говоритъ не внятно, нѣкоторые движеніемъ ногъ даютъ ему знакъ повторить произнесенное. Впрочемъ, не всѣ профессора обращаютъ вниманіе на подобные жесты. Каждая лекція продолжается до $\frac{3}{4}$ часа, пока звонокъ издастъ свой обычный

звукъ. Тогда преподаватель складываетъ свою рукопись и оставляетъ аудиторію, а за нимъ выходятъ и студенты, чтобы или возвратиться домой или отправиться на другія лекціи.

Такимъ образомъ происходитъ преподаваніе во всѣхъ университетахъ. Но въ нѣкоторыхъ заведены еще собранія въ профессорскихъ домахъ для объясненія библейскихъ, патристическихъ и классическихъ авторовъ, и для сочиненія призовыхъ опытовъ на латинскомъ языкѣ. Но эти собранія, на которыхъ употребляется латинскій языкъ, посѣщаются только не многими. Въ Тюбингенѣ заведены недѣльные повторенія и экзамены, производимые репетентами.

До половины XVIII столѣтія, университетскія лекціи были преподаваемы на латинскомъ языкѣ, что много препятствовало развитію языка нѣмецкаго: ученые XVII столѣтія писали и говорили по латинѣ, лучше, чѣмъ по-нѣмецки. Томазій, профессоръ въ Галле, первый проложилъ дорогу къ уничтоженію такого ученаго предразсудка, и въ настоящее время очень рѣдко лекціи читаются по латинѣ, но обыкновенно этотъ языкъ употребляется въ академическихъ разсужденіяхъ, при облеченіи въ ученые достоинства и при другихъ университетскихъ торжествахъ.

По книгамъ преподаются лекціи только въ одной Австріи, а во всей остальной Германіи они читаются по листамъ, писаннымъ профессоромъ. Послѣдняя система имѣетъ свои выгоды, какъ по отношенію къ преподавателю, такъ и студенту. Она требуетъ отъ преподавателя гораздо болѣе труда, чѣмъ употребленіе готовыхъ руководствъ, но въ то-же время развиваетъ его способности и обогащаетъ науку новыми мыслями. Поэтому-то Пруссія превосходитъ Австрію богатствомъ литературы; поэтому-то многія произведенія Германскихъ протестантскихъ университетовъ имѣютъ классическое значеніе и извѣстны, а часто приняты и въ руководство, далеко за предѣлами мѣста ихъ происхожденія. Въ студентѣ послѣдняя система возбуждаетъ болѣе интересъ и лучше можетъ привести его къ сознанію его собственной индивидуальности; потому-что профессоръ болѣе владѣетъ предметомъ, если онъ извлекъ его, такъ сказать, изъ своего ума, далъ ему особенный видъ и форму, изложивъ его на бумагѣ, и онъ можетъ свое произведеніе изяснить и передать съ болѣе-энтузіазмомъ и одушевленіемъ, чѣмъ произведеніе чужаго ума. Студенты, съ своей стороны, записывая лекціи профессора, этимъ самымъ напечатлѣ-

нають ихъ въ памяти гораздо глубже, чѣмъ при простомъ слушаніи.

Студенты, предъ вступленіемъ въ университетъ, должны пройти предуготовительный курсъ девяти или десяти лѣтъ въ гимназій, которая обыкновенно раздѣляется на девять или десять классовъ. Почти каждый большой городъ имѣетъ одно или нѣсколько такихъ учебныхъ заведеній. Въ одномъ Берлинѣ считается шесть гимназій, не упоминая о реальномъ и политическомъ институтѣ, школахъ артиллерійской, военно-инженерной, архитектурной, скульптурной, живописной, музыкальной и академіи наукъ. Гимназія не даетъ ученыхъ степеней и оканчивается экзаменомъ, который называется *examen maturitatis* и не выдержавъ котораго никто не можетъ быть принятъ въ университетъ. Принимая студентовъ, университетъ не дѣлаетъ имъ экзамена, какъ у насъ, потому-что германскіе университеты совершенно открыты какъ для тѣхъ, которые желаютъ учить, такъ и для тѣхъ, которые желаютъ учиться, если тѣ и другіе имѣютъ къ тому способности. Различія по вѣроисповѣданіямъ, равнымъ образомъ, не принимаются въ разсмотрѣніе, какъ это дѣлается напр. въ англійскихъ университетахъ, исключая развѣ профессуры богословскаго факультета; оттого въ числѣ студентовъ можно найти лютеранъ, реформатовъ, католиковъ, православныхъ и даже евреевъ, — коротко, иностранцевъ со всѣхъ концовъ Европы и Америки. Здѣсь они вступаютъ на безграничное поле самостоятельныхъ ученыхъ занятій, которыя могутъ продолжаться четыре и болѣе года, чтобы приготовить изъ себя людей, способныхъ къ какому нибудь званію или профессорству, въ одномъ изъ университетскихъ факультетовъ, и приобрѣсти, по экзамену, академическую степень отъ профессоровъ того отдѣленія наукъ, въ которомъ они оказали успѣхи.

Студенты, обыкновенно, имѣютъ уже болѣе 18 или 20 лѣтъ, послѣ того, какъ оставляютъ гимназію. Вступленіе въ университетъ служить для нихъ началомъ совершенной свободы, какою они не пользовались прежде, потому-что въ гимназій состояли подъ гувернерскимъ надзоромъ, и не будутъ пользоваться послѣ университетскаго ученія. Въ университетѣ они избираютъ для себя факультетъ, профессоровъ, лекціи; могутъ являться къ лекціямъ съ нѣмецкою аккуратностію, или расточать драгоценное время въ праздности и разсѣянности. Не прямое, но сильное побужденіе къ занятіямъ даетъ экзамень, безъ котораго нельзя

получить степени доктора, и другой—при вступленіи въ должность церковную или гражданскую. Но самымъ сильнымъ побужденіемъ къ занятію остается, при всемъ томъ, безкорыстная любовь къ наукѣ и высшему образованію ума. Оттого, хотя многимъ молодымъ людямъ университетская свобода служить во вредъ, но обыкновенно нѣмецкій студентъ можетъ служить примѣромъ прилежанія и неутомимыхъ усилій въ изслѣдованіи науки.

Число студентовъ въ различныхъ университетахъ бываетъ различное и видоизмѣняется отъ 3 и 400 до 2000 или 3. Состоятельные молодые люди посѣщаютъ два и болѣе университета и такимъ образомъ лично знакомятся съ отличѣйшими учеными и приобрѣтаютъ болѣе обширное университетское образованіе.

Особенный видъ одежды, языкъ, манеры и привычки, которыми нѣмецкіе студенты имѣли обыкновеніе отличаться отъ другихъ классовъ общества, исчезаютъ болѣе и болѣе, особенно въ большихъ городахъ, каковы Берлинъ, Мюнхенъ, Вѣна, гдѣ они теряются въ массѣ народонаселенія. Впрочемъ, нужно сказать, что пьянство, дуэли (хотя послѣднія строго запрещены) и другіе незаконные и неприличные поступки еще не рѣдки во многихъ университетахъ, особливо въ малыхъ городахъ, какъ Іена, Гиссенъ, Гейдельбергъ и проч., гдѣ студенты держатъ жителей подъ своимъ контролемъ (*).

«Нѣмецкій студентъ, говоритъ одинъ англичанинъ въ Ирландскомъ журналѣ (**), не управляетъ весломъ своимъ въ университетскомъ ботѣ, въ день призовыхъ бѣговъ; не двигаетъ ногою шаръ...; не снимаетъ съ ловкостію шаровъ въ другой игрѣ (какъ это, т.-е. дѣлаютъ англійскіе студенты). Эти пріятныя забавы не удовлетворяютъ его болѣе смѣлыхъ и шумныхъ наклонностей. Его мысли болѣе живы, иногда до энтузіазма; его пріемы сердечнѣе и менѣе стѣснены; видъ его не столько аристократическій. Однакожъ, онъ хорошо воспитанъ, уменъ и великодушенъ; онъ искрененъ и откровененъ; вѣрный другъ и эксцентрическій любитель своего «Vaterland». Онъ заклятый врагъ всякой лжи и всякаго обмана. Особенности понятія о чести, и глубокая любовь независи-

(*) Называя мѣстныхъ жителей «Филистимлянами», а себя слѣд. причисляя къ предпочтенному и избранному народу, студенты свободу свою иногда простираютъ слишкомъ далеко.

(**) Dublin University Magazine.

мости и вольности, принадлежатъ къ его завѣтнымъ правиламъ дѣйствія. Пѣніе и музыка, увеселительная прогулка въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей, общіе праздники, воинственный, неустрашимый духъ, патріотическія чувства, бросають на его жизнь очарованіе, которое сохраняется въ памяти во все послѣдующее время».

Студенты живутъ разсѣянно по всему городу. Отъ 2 до 5 часовъ, каждый день, они проводятъ въ аудиторіяхъ университета, а остатокъ времени въ чтеніи и письмѣ дома, или въ бесѣдѣ съ своими товарищами. Большинство, особливо «лисицы» (фухсы), какъ называютъ новичковъ, посѣщаютъ клубы, или увеселительныя общества, устроенныя по вкусу студентовъ. Члены обыкновенно носятъ или носили особенныя цвѣта на своихъ картузахъ, флаги, ленты на груди,—они имѣють правильную организацію и въ извѣстные дни собираются въ опредѣленную гостиницу или частный домъ. Здѣсь садятся они вокругъ продолговатыхъ столовъ, въ лучшемъ расположеніи духа, пьютъ пиво, курятъ, поютъ: «Gaudeamus igitur», или: «Was ist des Deutschen Vaterland», или: «Wir hatten gebauet», или: «Stimmt an mit hellem hohem Klang», или: «Freiheit, die ich meine», или: «Es zogen drei Bursche über den Rhein», или: «Wohlauf noch getrunken den funkelnden Wein». Здѣсь-же они толкуютъ о заслугахъ своихъ профессоровъ; совѣтуются о серенадѣ въ честь любимаго преподавателя или объ отомщеніи какому нибудь Филистимлянину, заслужившему гнѣвъ студентовъ; произносятъ патріотическія рѣчи о преуспѣяніи Германіи; изливають свое сердце въ веселіи и радости, паосѣ и юморѣ, остротѣ и сарказмѣ, каламбурахъ и насмѣшкахъ; все это продолжается до полночи, такъ-что многіе и засыпаютъ на мѣстѣ веселья. Само собою разумѣется, что не всѣ студенты принимаютъ участіе въ подобныхъ увеселеніяхъ; самыя серьезныя изъ нихъ или проводятъ жизнь въ самомъ строгомъ уединеніи, или ограничиваютъ свое общество друзьями строгой нравственности. Въ похвалу нынѣшнихъ студентовъ, нужно сказать также, что буйный духъ древнихъ «Landmannschaften» и недавнихъ «Burschenschaften» вымираетъ въ новѣйшее время. Правительства разсѣяли политическія клубы, которые увлекали студентовъ въ пучину политики и революціи; а Burschen-Comment выходятъ изъ употребленія между самыи студентами. Новое поколѣніе der Burschen составляетъ болѣе утонченный классъ людей; оно промѣняло ры-

парскую рукавицу на пару лайковых перчатокъ, мечъ и рапиру на хлыстъ или трость, и не ставить болѣе въ заслугу марать другъ друга пивомъ или табакомъ, и вызывать на дуэль. Студенты берлинскаго, боннскаго и другихъ университетовъ приняли дѣйствительныя мѣры къ искорененію варварскаго обычая дуелей, учредивши «Ehrengerichte», родъ присяжныхъ изъ студентовъ, которые рѣшаютъ дѣло мирно.

Тогда какъ въ Англіи есть мысль дать болѣшую свободу оксфордскому и кембриджскому университетамъ, улучшить ихъ устарѣвшія формы; открыть ихъ для всѣхъ исповѣданій и ввести въ нихъ систему германскихъ университетовъ, въ Германіи существуетъ проектъ объ университетскомъ преобразованіи въ противоположномъ смыслѣ.

Хотя и правда, что худо направленная свобода приводитъ къ большимъ несчастіямъ; но не менѣе справедливо и то, что ученая свобода, оставаясь строго въ своихъ границахъ, производитъ много прекраснаго. Свидѣтельствомъ того и другаго сами германскіе университеты. А потому, вмѣсто ограниченія свободы, еслибы правительство позаботилось о назначеніи на главнѣйшія кафедры истинно достойныхъ людей, заслужившихъ общее уваженіе, то зло было-бы излечено въ самомъ корнѣ.

Д-ръ Гундесгагенъ, профессоръ богословскаго факультета въ Гейдельбергѣ, разсматривая (*) вопросъ объ университетской реформѣ, предлагаетъ не дѣлать измѣненія въ устройствѣ университетовъ или ограниченія въ ихъ свободѣ, но устроить такъ, чтобы и преподаватели и преподаваніе прониклись истинно христіанскимъ духомъ. Онъ находитъ, что образованіе просвѣщенныхъ классовъ германскаго общества проникнуто идеями Руссо или ложнаго гуманизма, которыя изъ человѣка дѣлаютъ центръ занятій и изученія; между-тѣмъ, духовные и вѣчные предметы теряются изъ виду, что имѣетъ слѣдствіемъ утонченный матеріализмъ. Другой упрекъ, который онъ дѣлаетъ нѣмецкой образованной публикѣ, есть раздѣленіе *scientia* отъ *conscientia*, излишнее возвышеніе ума человѣческаго надъ сердцемъ и пренебреженіе нравственными и практическими интересами. Потому-то

(*) Въ запискѣ «о внутренней миссіи въ университетѣ», читанной на VII Германскомъ евангелическомъ церковномъ собраніи.

и справедливы поговорки: мудрость профессора, книжная ученость, неосуществимая теорія... Потому-то многіе, принимая глубочайшее участіе въ какомъ нибудь ученомъ вопросѣ, пиша огромные томы о различіи между двумя греческими частицами, совершенно безразличны къ народному благоденствію и великимъ социальнымъ проблемамъ вѣка. Докторъ заключаетъ свою записку слѣдующимъ обращеніемъ къ профессорамъ: «Почтенные товарищи! будемъ дорожить нашимъ титуломъ профессоровъ. Въ немъ скрывается прекрасный урокъ. *Professores dicimur a profitendo*. Остережемся, чтобы не сказали о насъ: *Lucus a non lucendo, professor a non profitendo!* Но *profiteri*, вы знаете сами, не значитъ получать выгоду или занимать выгодное мѣсто, но во всѣхъ обстоятельствахъ проповѣдывать истину, быть вѣрнымъ истинѣ, пострадать за нее, если угодно Богу».

II.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ НАУКИ.

ГЕГЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Соч. Гайма).

(Окончаніе).

ЛЕКЦІЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

Продолженіе. Философія искусства и исторіи.

Стремленіе къ примиренію съ дѣйствительностію quand même было источникомъ этой снисходительности, основаніемъ апологетико-ресторвативнаго изложенія цѣлой философіи религіи и права. Жажда къ реальному составляла ахиллесову пятку системы, вслѣдствіе чего послѣдняя низведена была до уступчивости положительному и существующему. Но, съ другой стороны, спиритуализмъ системы представлялъ средство примириться даже съ самою пошлою дѣйствительностію. По этому, въ противоположность эмпирическому государству и эмпирической религіи, утонченный трудъ логики, — трудъ превращенія мысленнаго міра въ конкретный, превратился въ трудъ сообщенія интеллектуальнаго и раціональнаго характера существующему порядку вещей въ области прусскаго государства и протестантской церкви. Но существовали еще другія стороны дѣйствительности, которыя, и безъ тако-го насилія, свободно подчинялись общему смыслу системы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ-же первыя поддерживали этотъ смыслъ въ нашемъ философѣ. *Эстетическія и историческія* воззрѣнія

были первыя, которыя привели Гегеля къ его философскому міросозерцанію. Міръ прекраснаго и исторія спасли и теперь его систему отъ совершеннаго разложенія въ софистическо-спиритуалистическій позитивизмъ. Лекціи *объ эстетикѣ и философіи исторіи* составляютъ благодѣтельный парникъ философскихъ лекцій о правѣ и религіи. Конечно, основныя ошибки системы обнаруживаются и въ нихъ, и характеръ готоваго цѣлаго отражается и въ каждой изъ этихъ частей. При всемъ томъ, нельзя не замѣтить, какъ постепенно старѣющая система еще разъ обновляется, отдаваясь этимъ предметамъ; въ-особенности въ философіи исторіи: она снова возвращается къ *чистымъ и здоровымъ стремленіямъ юности*.

Уже въ 1805 году Гегель объявилъ И. Г. Фоссу готовность открытъ въ Гейдельбергѣ, еслибъ ему удалось занять тамъ кафедру, — курсъ чтенія объ эстетикѣ въ смыслѣ *cours de littérature* (116). Онъ могъ исполнить это обѣщаніе только чрезъ тринадцать лѣтъ. Эстетика, читанная съ кафедры впервые въ Гейдельбергѣ, обратилась въ Берлинѣ въ постоянный курсъ. Стремясь ей придать какъ можно болѣе внутренняго богатства, Гегель пользовался не только всеми художественными сокровищами, выставками и изящными произведеніями столицы, но употреблялъ свое вакаціонное время для поѣздокъ въ Дрезденъ и Вѣну, въ Парижъ и Нидерланды (117). По этой причинѣ, эстетика сдѣлалась однимъ изъ привлекательнѣйшихъ и популярнѣйшихъ курсовъ Гегеля. Серьезность философіи придавала характеръ глубины и порядка поверхностному сочувствію къ искусству, жаждавшему только удовольствія и резонерства—двухъ отличительныхъ чертъ столичной публики. Ясность и веселость искусства, въ свою очередь, способствовала къ смягченію тяжеловатости и педантизма этой философіи. Проникнутая первоначальными и коренными мотивами системы, эстетика превратилась во внѣшнее представленіе безусловнаго идеализма. Эта система, которая въ логикѣ и въ феноменологіи имѣла такой мрачный видъ, представилась теперь въ самой доступной и гуманистической формѣ; мы должны придавать двойную цѣну тому обстоятельству, что именно эстетика нашла въ издателѣ человѣка, который руководился одинаковымъ съ нашимъ философомъ пониманіемъ и изъ тетради своего наставника составилъ произведеніе, дѣйствительно удобное для чтенія и доставляющее наслажденіе.

Благодаря содержанію, которое въ немъ перерабатывается, Гегелева эстетика свободна отъ насильственно и безъ всякихъ доводовъ обхватывающаго рационализма, которому религія была принесена въ жертву. Искусство, по своей сущности, защищено отъ навязчивости мысли гораздо болѣе, нежели наука. Смотри на произведенія искусства, всякому сдѣлается понятнымъ, что не каждый въ состояніи ихъ создать, и что, слѣдовательно, оно заключаетъ въ себѣ особенную сущность и особенное внутреннее достоинство. Его свойство заключается въ переходѣ въ объективное бытіе, но выходя изъ внутреннего міра, оно не имѣетъ необходимости, переходить подобно религіи, въ другія области и пользуется только собственными средствами. Но, и самая главная сущность вѣрованій можетъ быть затемнена культомъ и догматами; между тѣмъ какъ главная сущность искусства, проявляется только чище и полнѣе въ объективности художественнаго произведенія. Вотъ почему Гегель *признаетъ специфическую сторону искусства, между-тѣмъ какъ онъ не признавалъ такую-же сторону въ предметахъ вѣрованія*. Въ опредѣленныхъ словахъ онъ высказываетъ, что художественная красота имѣетъ другую область, нежели мысль, и что пониманіе ея дѣятельности и произведеній требуетъ другаго органа, чѣмъ какого требуетъ наукообразное мышленіе. Форма, въ которой искусство представляетъ безусловное содержаніе, не составляетъ для него, какъ въ религіи, нѣчто несущественное; напротивъ, онъ явно признаетъ, что въ сочувствіи къ искусству и въ художественномъ произведеніи присутствуетъ такого рода «жизненность», въ которой всеобщее дѣйствуетъ не какъ такое, но какъ тождественное съ душой и чувствомъ. Этимъ сама собою себя уничтожаетъ попытка, — въ которой философія религіи совершенно и окончательно исчезла: уничтожить эту специфическую сторону искусства, — другими словами, *уничтожить искусство, подобно религіи, судя объ немъ съ помощію понятія*. Нашъ философъ вовсе не старается «оправдать» прекрасное посредствомъ понятія. Оно оправдываетъ само себя, и потому эстетика, по своему смыслу и по своей цѣли, имѣетъ существенно-другое философское отношеніе, нежели религія философіи къ своему предмету.

Но, если тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ что знаніе есть высочайшій и единственно-истинный способъ самоудовлетворенія духа, то нельзя не согласиться, что Гегель разрываетъ съ искус-

ствомъ *болѣе честнымъ путемъ*, нежели съ религіей, — путемъ, которымъ онъ шелъ и въ философіи религіи, но который онъ оставилъ, достигнувши до рѣшительной точки. Мотивъ историческаго развитія былъ съ болѣею ясностью введенъ въ феноменологію, скрытіе въ логику. Этотъ мотивъ въ діалектикѣ между искусствомъ и понимающимъ знаніемъ снова достигаетъ болѣе свободнаго значенія. Специфическое различіе между искусствомъ и наукой понимается философомъ, какъ существенно *историческое*. Различіе между первымъ и второй заключается въ различіи ступеней развитія сознанія. «Было время, такъ говоритъ нашъ философъ, когда искусство служило высшимъ способомъ для возможности сознанія абсолютнаго: но, духъ современнаго міра переступилъ за эту ступень. Для насъ искусство уже не составляетъ высшаго способа, въ которомъ одномъ истина находитъ для себя убѣжище; въ наше время духъ чувствуетъ потребность удовлетворяться только своимъ собственнымъ внутреннимъ, — только понимающимъ мышленіемъ, какъ настоящей формой для истины. Такъ переставляется прежній порядокъ системы. Изъ трехъ формъ возможности сознанія абсолютнаго распадаются религія и искусство, тѣсно между собою связанныя прежде; теперь первая вступаетъ съ философіей *въ одинъ общій родъ*, исторической діалектикой раздѣленный, и вмѣстѣ съ тѣмъ соединяющійся; въ противоположность имъ, представляется искусство, какъ второй родъ.

Итакъ, это признаніе специфическаго достоинства и права искусства *дѣйствуетъ, наконецъ, обратно и на религію*. Романтическое искусство привело нашего философа къ рѣзкому ударенію на значеніе души и живой субъективной глубины, которая, впрочемъ, была чужда характеру его цѣлой философіи. Въ болѣею степени задушевности заключается все различіе между романтическимъ и классическимъ искусствомъ. Въ счастливыхъ выраженіяхъ и въ образцовыхъ формахъ описываетъ эстетика этотъ внутренній характеръ романтическаго искусства. Впослѣдствіи времени онъ совпадаетъ съ ея *религиознымъ* характеромъ. Религія служитъ въ совершенно иномъ видѣ для новаго искусства, нежели въ какомъ служила предположеніемъ для классическаго искусства и поэзіи. Идеалъ послѣдней по преимуществу своей формой избиралъ душу и ощущеніе; глубина любви составляетъ стихію и матерію, въ которой она вращается. Къ этимъ объ-

ясненіямъ приложены примѣчанія о самостоятельномъ содержаніи христіанской религіи, которыя выражаютъ его съ гораздо большей истиной, нежели раціональныя изслѣдованія философіи религіи. Однимъ словомъ, религія, которая въ другихъ случаяхъ ускользала у Гегеля или въ философію, или въ государство, принимается гораздо болѣе въ собственномъ своемъ смыслѣ, когда представляется философу чрезъ посредство романтическаго искусства: эстетика религіознѣе, чѣмъ философія религіи.

Но, конечно, могли-ли послѣдствія совокупнаго Гегелева способа мышленія, укрѣпившагося въ созданіи логики и цѣлой системы, не сдѣлаться и въ эстетикѣ ощутительными; какъ могла спиритуалистически-метафизическая печать этой философіи не обезобразить болѣе живаго и болѣе истиннаго пониманія прекраснаго? Сила самаго предмета отторгаетъ искусство, до извѣстной степени, отъ жесткаго раціонализма системы; сила этой системы постоянно снова требуетъ, чтобъ въ послѣднемъ результатѣ мышленіе, какъ главное основаніе и источникъ, а потому какъ верхняя точка и истинное доказательство искусства, получало свое значеніе. Это постановляетъ антиномію, противоположность спорныхъ стремленій, которая, только можетъ быть скрыта, но не разрѣшена окончательно. Она проявляется въ томъ, что *искусство, по Гегелю, должно само себя разрушить*, или, выражаясь формальнѣе, высшая оконечность діалектическаго развитія, внутри понятія объ искусствѣ, *лежитъ частію въ срединѣ, частію въ концѣ*. Въ то-же время, говоря еще иначе, искусство можетъ быть измѣряемо двойнымъ масштабомъ: одинъ изъ нихъ заимствованъ изъ самой сущности искусства и, слѣдовательно, однороденъ съ нимъ; другой — чуждый ему по своей внутренней природѣ и стоящій къ искусству въ отношеніи несоизмѣримости. Смотря потому, какой изъ двухъ масштабовъ будетъ приложенъ, является *въ одномъ случаѣ классическая форма, въ другомъ — романтическая форма искусства, какъ самая высшая*. Совершенно справедливо Гегель находитъ сущность искусства прежде всего въ «прекрасномъ проявленіи духовнаго въ чувственномъ». Это условіе вполне достигнуто въ классическомъ искусствѣ; если ему чего-нибудь не достаетъ, такъ это заключается въ самомъ-же искусствѣ и въ ограниченности его сферы. Такъ понимаетъ Гегель, и мы были вправѣ ожидать, что эта форма искусства составитъ такой-же заключительной членъ въ діалектическомъ развитіи, ка-

кой въ философіи религіи составляетъ та форма религіи, въ которой выражается полное понятіе религіи. Но, наши ожиданія не сбылись. И это случилось только потому, что абсолютная религія, наперекоръ главной сущности религіи, почти непосредственно была отождествлена съ сущностью истиннаго знанія, лежащей за предѣлами специфически-религіознаго. Исключительное преимущество, которое мышленіе въ этой системѣ присволяетъ себѣ все болѣе и болѣе, въ эстетикѣ служитъ основаніемъ того, что діалектика должна была перешагнуть за полное понятіе искусства. Вслѣдствіе этого, классической формѣ искусства досталось стать въ середину, — такъ-какъ символическая форма занимаетъ первую ступень, — заключительное-же звѣно образуетъ такая форма, которая уже нѣсколько *переступаетъ* за понятіе искусства. Есть нѣчто высшее, чѣмъ прекрасное проявленіе духа въ чувственномъ образѣ. Это, осуществленное классической красотой соединеніе «противорѣчитъ истинному понятію о духѣ, и вытѣсняетъ его изъ примиренія съ тѣлесностью снова къ примиренію съ самимъ собой». Такъ доходимъ до романтическаго искусства. На ступени этого искусства духъ познаетъ, что его истина заключается не въ томъ, чтобъ погружаться въ тѣлесность, но, напротивъ, чтобъ возвращаться изъ виѣшняго міра въ свой собственный внутренней. А потому, красота, въ смыслѣ классическаго идеала, составляетъ нѣчто подчиненное для романтическаго искусства; она должна сдѣлаться «духовной красотой внутренняго, существующаго *въ себѣ и для себя*, какъ безконечной въ себѣ духовной субъективности». Романтическое искусство, — какъ объ этомъ съ особенной мѣткостью говоритъ Гегель, — «есть выходъ искусства изъ самаго себя, но, все однакожъ, оставаясь внутри собственной сферы и въ формѣ самаго искусства».

Можно-ли удивляться, если вмѣстѣ съ этимъ униженіемъ полнаго понятія объ искусствѣ въ области философіи искусства, идетъ рука объ руку и униженіе достоинства глубины души? Какъ полное понятіе объ искусствѣ снова распадается на степень средняго звѣна, такъ снова представляется, въ то-же время, *признаніе конкретной глубины, какъ нѣчто переходное*. Въ то самое мгновеніе, когда мы надѣемся быть введенными въ твердую глубину чело-вѣческаго существа, эта глубина, въ своемъ основаніи, уже снова расплылась въ процессъ мышленія. Еще тогда, когда Гегель говоритъ о конкретной душѣ, какъ источникѣ и элементѣ романти-

ческаго искусства, и мы, съ помощію этого понятія, надѣемся ближе познакомиться съ сущностью религіи, — даже тогда эта душа преобразуется въ свободную «духовность», которая «духовно-внутреннему должна представляться какъ духовность», и самосознательное мышленіе обозначается названіемъ: внутреннее внутренняго. Этимиъ объясняются многочисленныя мѣста въ эстетикѣ, въ которыхъ Гегель полемически выступаетъ противъ изслѣдованія искусства на основаніяхъ субъективной жизни и дѣятельности духа, гдѣ онъ съ крайнимъ уничиженіемъ разсуждаетъ о чувствахъ и ощущеніи, совершенно такъ, какъ въ философіи религіи, считая ихъ за «пустыя формы субъективнаго раздраженія». Всѣ эти мѣста вычеканены въ противоположность эстетикѣ чувства, которая, на самомъ дѣлѣ, нисколько не лучше входившаго въ моду обожанія чувства. Въ нихъ съ полной справедливостью отвергали основанную на психологіи популярную эстетику Зюльцеровъ и Мендельсоновъ, вмѣстѣ съ ихъ рапсодически изложеннымъ анализомъ ощущеній. Но, въ то-же время, въ нихъ былъ отвергнутъ болѣе глубокій, Кантомъ основанный трансцендентальный анализъ внутренне-человѣческихъ явленій, равно какъ и эстетика Шиллера и В. фонъ-Гумбольдта.

Шиллеръ впервые перешагнулъ, — такъ объясняетъ Гегель въ своемъ введеніи къ лекціямъ, — за предѣлы дуализма Кантова міросозерцанія. Задачей эстетическаго образованія онъ поставилъ: необходимость «такого рода образованія нашихъ склонностей, нашей чувственной природы, побужденій и души, которое-бы имъ давало возможность быть разумными въ самихъ себѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрѣшало-бы нашъ умъ, нашу свободу и духовность отъ узъ отвлеченности, предоставляя имъ соединиться съ разумной въ себѣ самой естественной стороною и отъ нея заимствовать свою плоть и кровь». Въ этихъ словахъ онъ опредѣлилъ прекрасное, какъ связь разумнаго и чувственнаго, а эту связь, какъ истинную дѣйствительность». Это — единство всеобщаго и частнаго, духовнаго и естественнаго, которое Шиллеръ научно принималъ за принципъ искусства и осуществлялъ собственной практической дѣятельностью, обращено теперь, какъ *самая идея*, въ принципъ познанаія и тубытія; и идея признана за единственно-истинное и дѣйствительное». Съ помощію этого наука достигла, у Шеллинга, своей безусловной точки зрѣнія, и если искусство уже начало утверждать свои особенныя свойства и свое достоинство по

отношенію къ высшимъ интересамъ человѣка, — то, съ этимъ вмѣстѣ, было также открыто «понятіе и научное значеніе искусства».

Невозможно опредѣлить отношеніе Шеллинго-Гегелевой философіи къ эстетическимъ объясненіямъ и трудамъ нашего поэта съ болѣею мѣткостью и съ болѣею добродушіемъ, чѣмъ какъ это сдѣлано довершителемъ этой философіи. Въ этихъ словахъ находимъ открытое признаніе прямой связи между безусловнымъ идеализмомъ умозрѣнія и эстетическимъ идеализмомъ нашей классической поэзіи. Первый возникъ изъ послѣдняго чрезъ *необдуманное перенесеніе принципа искусства на познаніе и совокупность всего существующаго*. Проникая въ глубину человѣческой сущности, Шиллеръ открылъ въ ней такую точку, на которой чувственное и духовное дѣйствуютъ въ полномъ созвучіи. Изъ этой энергіи человѣческаго существа философія сдѣлала, подъ именемъ «идеи», метафизическую потенцію, безусловную, цѣлымъ міромъ владѣющую энергію. Изъ этаго само собою слѣдуетъ, на какихъ данныхъ должно было образоваться *отношеніе Гегелевой эстетики къ Шиллеровой*. Вслѣдствіе объобщенія принципа искусства, теперь впервые сдѣлалось возможнымъ возвести познаніе и тубытіе въ замкнутую систему, въ художественное произведеніе идеи. Теперь, впервые, искусство также могло и должно было занять свое мѣсто въ цѣломъ зданіи этой системы разума. Теперь, впервые, изъ эстетическихъ изслѣдованій могла образоваться эстетика, и «понятіе» объ искусствѣ, то есть, отношеніе его, какъ аксессуара вселенной, къ «безусловной идеѣ», теперь впервые могло быть приведено въ извѣстную формулу. Но, перейдемъ къ главному. Эстетика также должна была принять участіе въ превращеніи цѣлой философіи изъ трансцендентальнаго въ метафизическое, изъ субъективнаго въ объективное направленіе. Познавая сущность прекраснаго подъ руководствомъ автора «эстетическихъ писемъ», мы поставлены въ необходимость ощущать въ самихъ себѣ непосредственную жизнь. И Гегелева эстетика, по закону сущности самаго предмета обязана была къ неоднократному признанію этой конкретной жизненности прекраснаго: но, ея *принципъ* другой. Ея абсолютное, къ которому вмѣстѣ съ цѣлымъ міромъ прикрѣплено также и искусство какъ-бы золотой цѣпью, есть уже не внутренне человѣческое, но существенно объективное, конкретное и живое съ существенными качествами понятіи. Гегелева эстетика, насколько она есть также одна изъ областей цѣлой системы и, слѣ-

довательно, зависить отъ центра абсолютнаго, должна, по необходимости, стоять въ холодномъ и отвлеченномъ отношеніи къ искусству. Мы предвидимъ его сущность какъ бы сквозь воздушную атмосферу. Прекрасное, въ первоначальномъ смыслѣ *не есть живая человѣческая энергія, но есть представленіе абсолютнаго, или божественнаго*. Опредѣленіе исходитъ отъ точки зрѣнія абсолютнаго искусства; оно есть «представленіе и самоудовлетвореніе абсолютнаго въ формѣ чувственнаго проявленія». Отъ этого, въ эстетикѣ преобладающій характеръ — *богословскій*. Не человѣкъ, но абсолютное представляетъ себя въ искусствѣ. Нашего эстетика интересуется искусство, преимущественно, какъ религія искусства и какъ религіозное искусство: огромныя пространства Гегелевой эстетики наполнены характеристикой идеаловъ греческихъ боговъ, съ изложеніемъ съ другой стороны содержанія христіанской религіи и мѣологии. Отъ этого также и перевѣсъ, который принадлежитъ *проявленію, а не первоначальному созданію* прекраснаго. Главная задача въ томъ, чтобъ показать отраженіе абсолютнаго въ *объективномъ художественномъ произведеніи*. Въ этомъ усиліи смѣшивается *энциклопедическій съ діалектическимъ* интересомъ системы. Преимущественно слѣдуя первому, Гегель заботится о томъ, чтобъ представить прекрасное въ искусствѣ въ томъ видѣ, «какъ оно раскрывается въ цѣломъ *мѣрѣ* красоты осуществленной въ искусствахъ и ихъ созданіяхъ». Слѣдуя второму, Гегель старается промѣрять этотъ мѣръ въ его систематическомъ сочлененіи, въ его непрерывно логическомъ движеніи. Но, если систематика своей полнотой и страстью къ дѣленію напоминаетъ не рѣдко и о Вольфовою философіи времени; париковъ; то, въ діалектическомъ развитіи, всюду и въ значительномъ количествѣ проступаютъ наружу тѣ несообразности, которыя постоянно сопровождаютъ мнимо непогрѣшительную методу. Раздѣленіе и группировка содержанія мѣняются ежегодно. Было бы странно, еслибъ эти кольца не передѣлывались, и между ними нашлось бы хотя одно настоящее. Нигдѣ запутанность не доходитъ до такой степени, какъ въ эстетикѣ, именно потому, что всеобщій характеръ системы находится въ спорѣ съ сущностью содержанія, равно какъ и метафизическій принципъ съ направленіемъ къ конкретной дѣйствительности и къ историческому моменту. Эта запутанность нисколько не уступаетъ запутанности, господствующей въ феноменологіи, но въ послѣдней она болѣе скрыта. Иногда абсолютная метода, какъ бы

только въ видѣ зрительницы необходимаго саморазвитія понятія, выходитъ изъ своей роли со всевозможной наивностью, и раздѣленіе совершается по образцу машины, только съ внѣшней стороны. Мотивъ раздѣленія обусловливается отчасти вниманіемъ къ содержанію представленнаго съ помощію искусства, отчасти оцѣнкой процесса художественнаго созданія. Иногда все дѣло идетъ только о «внутреннемъ возникновеніи» обь идеальныхъ ступеняхъ искусства и историческій элементъ приставляется рядомъ или позади; иногда же, то и другое покрываютъ себя взаимно, и историческое развитіе беретъ на буксиръ идеальное.

Но, какъ бы то ни было, я снова настаиваю на томъ,—указавши на всѣ приведенные мною недостатки и протпвурѣчія,—что духъ Гегелевой философіи и стремленіе къ дѣйствительно-конкретному, индивидуализирующему и исторически понятному познаванію, даютъ себя чувствовать гораздо живѣе въ эстетикѣ,—*что впрочемъ, зависитъ* и отъ самой темы этой науки, чѣмъ въ философіи религіи. Считаю долгомъ замѣтить, что даже то, что находится въ протпвурѣчій съ сказаннымъ, что принадлежитъ метафизическому принципу системы и, слѣдовательно, является какъ бы оскверненіемъ указаннаго стремленія, или отпаденіемъ отъ него, — даже это способствовало къ созданію такого произведенія которое, въ области эстетической теоріи обозначаетъ собой *вершину и заключеніе*. Въ самомъ главномъ содержаніи предмета Гегелева эстетика не переступаетъ за тѣ сокровища свѣденій, которыя намъ оставлены Кантомъ, Шиллеромъ и В. фонъ Гумбольдтомъ въ ихъ изслѣдованіяхъ *сущности прекраснаго*. Въ своей зависимости отъ метафизическаго основнаго понятія обь абсолютномъ, она не мало оскорбляетъ жизненность пониманія, возникающаго изъ разумнаго углубленія въ вѣчный источникъ прекраснаго, изъ чистаго наблюденія надъ процессомъ созданія и ощущенія отъ художественнаго произведенія. Тѣмъ не менѣе, на главныхъ основаніяхъ этого пониманія, выработаннаго прежними трудами, Гегель впервые построилъ обширное систематическое знаніе. Здѣсь впервые представленъ полный очеркъ различныхъ родовъ искусства, и его главныхъ и подчиненныхъ видовъ; но съ нимъ связана, по-крайней-мѣрѣ, приблизительно полная исторія искусства. Кругъ эстетическихъ вліяній и настроеній, равно какъ и эстетическихъ предметовъ, матеріаловъ и средствъ исчерпанъ почти безъ всякихъ промежутковъ. Что бы ни говорили о метафизическомъ основаніи

объ оригинальности и внутреннемъ построениі этого сочиненія Гегеля, — германская нація обладаетъ въ немъ такой эстетикой, какой не имѣетъ ни одинъ народъ. Систематическій результатъ трудовъ историческихъ, критическихъ и философскихъ, посвященныхъ разработкѣ области прекраснаго со временъ Лессинга, Канта и Винкельмана, — вполне достоинъ такихъ приуготовительныхъ сочиненій; и только, съ помощію первыхъ, могли войти въ общее сознание и пониманіе нашего народа болѣе глубокіе выводы Гегелевой эстетики.

Подобно тому какъ эстетика представляетъ собою примирительный *pendant* къ философіи религіи, такъ *философія исторіи* служатъ не менѣе значительнымъ дополненіемъ къ философіи права.

На ошибки и односторонніе взгляды Гегелевой философіи могла указать лучше всего та наука, которая, на ряду съ его глубокимъ изученіемъ древнихъ, искусства и религіи, предохранила его отъ «просвѣтительной» философіи. Исторія научила его понимать, что «идеаль челоѳческой природы» заключаетъ въ себѣ нѣчто другое, чѣмъ «всеобщія понятія», и что теоретическій, равно какъ и практический разумъ бываетъ различенъ по различію временъ и народовъ. Но, всѣ эти историческія измѣненія Гегель снова соединилъ, вполнѣдствіи времени, въ одну замкнутую и готовую систему разума; свой «идеаль челоѳческой природы» онъ заимствовалъ, преимущественно изъ одного вѣка, изъ вѣка древней жизни; «всеобщимъ же понятіямъ», — хотя болѣе богатымъ содержаніемъ и болѣе подвижнымъ, онъ придалъ еще болѣе полноты и движенія съ помощію историческихъ и эстетическихъ возрѣній, но, все же они остались только «всеобщими понятіями», и служили ему и теперь нормой и формой для всякаго бытія. По этому, взглядъ на ходъ исторіи могъ, еще разъ, поправить какъ всеобщій гармонизмъ, такъ и несомнѣнный раціонализмъ его системы. Очевидно, исторія не есть, какъ Гегелева логика, замыкающее само себя кольцо, равно какъ она не есть одно чистое произведеніе, одинъ только осадокъ и одна только провѣрка разума, до прозрачности понятнаго для философскаго знанія.

Дѣйствительно, въ концѣ философіи права, это неизбѣжное несогласіе Гегелева міросозерцанія съ исторіей бросалось въ глаза самому философу. Въ особенности, въ ученіи о государствѣ ошибочность этого міросозерцанія выразилась въ самой возмутительной формулѣ: «историческое настоящее есть прекрасный, разумный кос-

мость», — такъ гласила эта формула. Ея непосредственнымъ слѣдствіемъ, со стороны исторіи, было противудѣйствіе этой послѣдней какъ реставраціонной формулѣ абсолютнаго идеализма. Такъ и случилось; впрочемъ, система, съ помощію своего діалектическаго аппарата, успѣла отразить крайнюю жесткость этаго противудѣйствія. Попеременно признаваемое равенство разумной дѣйствительности и дѣйствительной разумности еще разъ было употреблено въ дѣло и — съ пользой. Въ двусмысленномъ замѣненіи, рядомъ съ убѣжденіемъ доктринера реставраціи: что «государство въ теперешнемъ его видѣ есть абсолютное», поставлено предложеніе творца логики: «истинно дѣйствительное, разумная идея государства есть абсолютное». Отъ послѣдняго предложенія оставался еще только шагъ до перехода къ исторіи. Идея о государствѣ проявляется въ сосуществованіи и въ послѣдовательномъ порядкѣ государствъ, появляющихся въ исторіи соотвѣтственно различію народовъ. Всемирная исторія есть діалектика, она есть судъ надъ отдѣльными государствами. Не то есть право, которое осуществляется въ извѣстномъ какомъ-нибудь государствѣ, но *только право міроваго духа есть безгранично-абсолютное.*

Съ помощію этаго предложенія, какъ намъ кажется, открывается волшебный кругъ системы, которому уже не суждено замкнуться снова. Кажется, будто кольцо разума, въ которое до сихъ-поръ, было вставлено все существующее, брошено въ безконечную рѣку времени. Врата этаго, все еще прекраснаго и величественнаго храма отворяются, и мы смотримъ на необозримую даль, въ чистое поле. Признаніе и пониманіе того, что есть, сведено, по видимому, къ извѣстной мѣрѣ, и, на ряду съ сущимъ, *возникающее и должествующее быть* снова получаетъ не призрачное, но серьезное и честное значеніе. Не должна-ли діалектика міроваго духа, какъ «безграничнаго абсолютнаго», непремѣнно поставить въ извѣстныя границы діалектику того круга и ограниченнаго абсолютнаго, которое простирается не дагѣ какъ отъ первой до послѣдней категоріи логики? а дѣйствительная и неистощимая жизнь развивающагося въ исторіи духа не вдвинетъ-ли въ эти границы упомянутаго нами выше, призрачно конкретнаго, только въ отвлеченномъ смыслѣ живаго движенія «абсолютной идеи»?

Говоря короче: для этаго уже прошло время. Что нѣкогда противупоставилъ взглядъ на исторію въ отраженіе отвлеченныхъ возрѣній Канта, того онъ не могъ противупоставить діалектикѣ и

систематикѣ готовой Гегелевой философіи. Гегель смотрѣлъ теперь на исторію не яснымъ взоромъ, но чрезъ смутное зеркало своей системы. Еще въ феноменологіи высшая точка самостоятельнаго значенія свободнаго развитія человѣческаго духа была перенесена въ кругъ сознанія, окончательно себя развивающаго только въ безусловномъ знаніи. Въ этомъ видна, по крайней мѣрѣ, попытка освободить историческій процессъ отъ феноменологическаго сплетенія съ психологическимъ и логическимъ процессомъ. По-крайней-мѣрѣ, въ цѣломъ, надъ исторіей, какъ она *есть*, вознеслась исторія, какою она *должна быть* на главныхъ основавіяхъ системы; надъ теченіемъ жизни міра — теченіе жизни *Идем*, надъ духомъ вѣчно развивающимся — духъ вѣчно развитый.

И къ чему служить, что Гегель признаетъ свободу, какъ элементъ исторіи? Смыслъ этаго признанія намъ уже извѣстенъ изъ философіи права, образовавшей изъ металла свободы такое государство, въ которомъ имѣли право хозяйничать всѣ духи реакціи. Въ историко-философскихъ лекціяхъ есть много прекрасныхъ отдѣльныхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится съ жаромъ о безконечномъ достоинствѣ индивидуальной свободы. Что значатъ они сравнительно съ тѣмъ воззрѣніемъ, будто въ исторіи дѣло идетъ не о дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ, но только о результатахъ духа народовъ? Но, вправду, объ этихъ-ли дѣяніяхъ? Разсмотрѣвши ближе, скажемъ: дѣло не идетъ ни о *дѣяніяхъ* вообще, ни объ *ихъ* дѣяніяхъ. И на философію исторіи простирается то же самое искаженіе практическаго въ теоретическое, которое было такъ пагубно для Гегелевой этики. И здѣсь, говоря другими словами, свобода теряетъ свой нравственный характеръ, и здѣсь эстетическій характеръ системы соединяется съ ея спиритуалистическимъ характеромъ, и тѣмъ лишаетъ свободу, самое себя опредѣляющей воли. Какъ здѣсь все иначе, чѣмъ въ Кантовой и Гердеровой философіи исторіи! Между тѣмъ какъ у перваго, главная цѣль исторіи состоитъ въ практическомъ возстановленіи всемірнаго государства народовъ на основаніи права; а у втораго, — достиженіе состоянія міра, которое-бы было наиболее достойно человѣческаго рода, состоянія безусловно-гуманнаго: у Гегеля, на первомъ планѣ, цѣль заключается въ наибольшей массѣ *значія*. Какъ государство движется вмѣстѣ съ философіей, такъ и исторія движется вмѣстѣ съ философіей, и онѣ обѣ сходятся въ одной и той же теоретической крайней точкѣ. Это то же самое что воззрѣніе феноменологіи, дослужившее въ философіи исто-

ріи новаго объясненія. Цѣль философіи заключается въ разрѣшеніи и тождественномъ господствѣ надъ всѣмъ сущимъ съ помощію отрицанія въ то же время безусловно положительной мысли. Такую же отрицательность въ чувственномъ мірѣ составляетъ время. По этому, съ цѣлью философіи совпадаетъ цѣль исторіи. Она заключается въ «знаніи себя» абсолютнаго духа, въ полномъ проникновеніи всего существующаго интеллектуальной жизнью, въ безусловномъ познаніи. Всемирная исторія есть прогрессъ—Гегель не говоритъ: нравственности, свободы, гуманности, но прогрессъ въ «сознаніи свободы». Вся задача всемірной исторіи въ трудѣ—«приводитъ духъ къ сознанію». «Сознаніе которое духъ имѣетъ о своей свободѣ» и только чрезъ это и настолько дѣйствительность его свободы — вотъ «конечная цѣль міра».

Не о *дѣляняхъ* народовъ, слѣдовательно, не объ *ихъ* дѣянiяхъ идетъ рѣчь. Тамъ, гдѣ свобода обманута въ ея практической *серьезности*, тамъ не можетъ быть рѣчи и о самой свободѣ. Все движеніе во времени, весь «трудъ» исторіи низводится до простой игры, которую абсолютное играетъ само съ собой. Здѣсь не человекъ заботится, по своему свободному самоопредѣленію, объ успѣхѣхъ и осуществленіи гуманныхъ цѣлей, но, абсолютная идея распоряжается дѣйствіями людей для своего собственнаго самонаслажденія. Эта дѣятельность есть только роль, которой міровой духъ ссужаетъ человека; это можно уподобить дѣйствію актера на сценѣ, который, по волѣ поэта, играетъ нѣсколько времени лице короля, пока не придетъ порѣ оставить подмостки, имѣвшія для него значеніе цѣлаго міра. Всякое движеніе, проникнутое свободой, всякая борьба и трудъ есть только ничѣмъ не наполненная призрачность: въ сущности же исторія есть только тотъ вѣчный міръ, который, по мнѣнію Канта, составляетъ цѣль исторіи, лежащую въ безконечной дали. Не «всеобщая идея», — какъ сказано чрезвычайно характеристически въ лекціяхъ Гегеля, — вступаетъ въ противурѣчіе, въ бой, въ опасное положеніе; нѣтъ, она хранитъ себя неприкосновенной и неповрежденной — на заднемъ планѣ». «Можно бы назвать хитростью разума», — сказано въ другомъ мѣстѣ, — заставлятъ дѣйствовать, вмѣсто себя, человѣческія страсти. «Индивидуальныя существа приносятся въ жертву, и идея платитъ дань бытія и брѣнности не сама отъ себя, но страстями индивидуальныхъ личностей».

Изъ Гегелева изображенія исторіи, — это находится въ тѣсной

связи съ сказаннымъ,— совершенно исчезъ и тотъ оболстительный характеръ, вслѣдствіе котораго философія превращала исторію Гердера, Канта и Фихте въ практическую науку, въ нравственное напоминаніе для людей. Для Гегелевой философіи исторіи *нѣтъ, въ собственномъ смыслѣ слова, будущности*. Безусловный духъ, на основаніи исторической жизни восточныхъ народовъ, грековъ и римлянъ постепенно развился въ «германскую имперію». Здѣсь онъ достигнулъ своей высшей цѣли, сознанія своей сущности и своего содержанія. На перекоръ исторіи, блаженство теоріи подаетъ усталую руку реставраціи. Образъ духа настоящей эпохи можетъ быть признанъ за самый высшій и послѣдній; существующее государство не только не дѣлается жертвой великаго суда государствъ, но, напротивъ, оно отъ него получаетъ свое охраненіе и свою крѣпость. Если Викд, сравнивая вѣка міра съ человѣческой жизнью, выразилъ опасеніе, что наступившее столѣтіе носитъ на себѣ признаки наступающаго старческаго возраста, то для признанія этаго явленія, онъ имѣлъ, на своей сторонѣ, гипотезу предстоящаго новаго поворота исторіи, появленія новаго юнаго времени въ новыхъ и высшихъ жизненныхъ формахъ. Философія реставраціи не нуждается въ такомъ утѣшеніи. Безстрашно и съ полной откровенностью она называетъ германскую современность и, въ особенности, состояніе германскихъ государствъ старческимъ вѣкомъ исторіи. «Естественная старость есть слабость, но, старческій вѣкъ духа есть совершенная зрѣлость, въ которую онъ возвращается по совершеніи своего жизненнаго поприща».

Все это, вмѣстѣ взятое, обусловливаетъ *построительный* характеръ Гегелевой философіи исторіи. Коротко знакомая со всѣми тайнами духа, она съ вершины достигнутой цѣли бросаетъ взглядъ позади себя, и съ такой же точностью опредѣляетъ временную діалектику этаго духа, съ какой логика опредѣляла его вѣчное и какъ бы внѣ міра совершавшееся развитіе. И, прибавимъ, она опредѣляетъ эту діалектику *на логическихъ основаніяхъ*. По мнѣнію, высказанному Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ въ его превосходной статьѣ, о задачѣ историка, идеальное содержаніе исторіи должно быть изслѣдуемо только на фактахъ и съ помощію фактовъ. Только тотъ изслѣдователь, который сохранилъ во всей чистотѣ свой умъ, сумѣетъ пробуждать въ себѣ все человѣческое, только онъ будетъ въ состояніи безошибочно читать въ фактахъ идеи, присушія исторіи. Но не таково, по-крайней-мѣрѣ, *мишніе* Гегеля объ

этомъ. Это живое пониманіе всего человѣческаго выражается въ его системѣ только еще въ формѣ отвлеченной догадки. Въ феноменологін, въ логикѣ и въ этикѣ онъ возвелъ въ понятіе живое содержаніе сознанія, разума и свободы. Онъ бы измѣнилъ своей системѣ, еслибъ теперь, возвратившись къ исторіи, не сдѣлалъ никакого приложенія изъ этихъ понятій. Онъ не можетъ допустить, чтобъ историческія идеи были *сперва* находимы; по его мнѣнію, можетъ быть рѣчь только о томъ, чтобъ ихъ *снова* отыскать и показать. Въ исторіи совокупной жизни народовъ и въ исторіи государствъ совершается то же самое, что и въ исторіи философіи. Какъ послѣдняя должна повторить всѣ ступени логическаго разума въ его проявленіи во времени, такъ и всемірная исторія есть «рядъ опредѣленій свободы, вытекающихъ изъ понятія свободы». Необходимый рядъ этихъ опредѣленій, въ общемъ смыслѣ, обусловливается логикой, потому—философіей духа; новое, вносимое философіей исторіи заключается только въ томъ, что эти опредѣленія получаютъ здѣсь форму началъ государственной жизни, или народныхъ духовъ. Послѣднее мнѣніе должно допустить эмпирически и доказать путемъ исторіи; къ необходимымъ качествамъ философскаго историка принадлежитъ только «выработанная способность къ отвлеченію» и короткое знакомство съ идеей, какъ кругомъ, куда падаютъ идеи».

Тѣмъ не менѣе, критика Гегелевой философіи исторіи, которую мы здѣсь прекращаемъ, возбудила бы объ ней совершенно превратное понятіе. Она гораздо лучше, чѣмъ какой общааетъ быть. Конечно, весьма рѣзко, въ особенности при построеніи общаго организма, выступаетъ формализмъ логической діалектики; по-крайней-мѣрѣ вершины логическаго процесса, подобно обнаженнымъ вѣтвямъ, вездѣ пробиваются наружу изъ подъ зеленыхъ листьевъ фактовъ. Правда, эмпирической матеріалъ съ крайней безцеремонностью соединяется вмѣстѣ, облекается въ извѣстную одежду и подвергается извѣстнымъ приемамъ; по этому, Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ могъ съ полнымъ правомъ негодовать на отсутствіе критики въ написанномъ Гегелемъ разборѣ его статьи о «Багавдѣ-Гитѣ», гдѣ нашъ философъ впервые сообщилъ образчикъ своей философіи исторіи, въ которомъ историческое безразлично было смѣшано съ мионическимъ (118). Тѣмъ не менѣе, однакожь, новая жизнь подѣйствовала на коснѣвшую въ неподвижности своего рационализма систему, какъ освѣжительная и обновляю-

щая сила. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ исторіи философіи, подтвердился фактъ, что міровой духъ, въ своемъ временно чувственномъ проявленіи, допускаетъ безчисленныя поэтическія вольности, и всемірная исторія наполнена ошибками противъ мнимо безусловной грамматики чистаго разума. И, дѣйствительно, самъ Гегель изъ своего апіористическаго короткаго отношенія къ идеѣ дѣлалъ только самое скромное употребленіе. Въ цѣломъ онъ подступалъ къ историческимъ матеріаламъ съ тою же смѣлостью и тѣмъ же чисто на предметъ устремленнымъ рвеніемъ, которое онъ выказалъ въ Швейцаріи, когда, не владѣя еще руководствомъ своей логики, какъ впослѣдствіи, онъ пытался уяснить себѣ характеръ іудейской исторіи, или характеръ восточной жизни. Теперь еще болѣе расширился, и не ко вреду, объемъ его свѣденій; снова теперь онъ закопался съ неутомимымъ прилежаніемъ въ изученіе индѣйскихъ и китайскихъ произведеній, въ чтеніе этихъ фолиантовъ и квартантовъ. Сверхъ того, и способность отвлеченія развилась въ немъ еще болѣе, а взглядъ на общее, въ индивидуальномъ, сдѣлался еще острѣе. Онъ часто имѣлъ случай доказывать, что «мысль, какъ онъ самъ выражался, есть величайшій *эпистоляторъ*». Въ своихъ лекціяхъ о философіи исторіи онъ ясно доказалъ, въ какой высокой степени умѣлъ подкрѣплять мысль живо понимающимъ смысломъ. Здѣсь энергія возрѣвнія сопровождала энергію отвлеченія, которая приводила въ изумленіе того, кому неизвѣстно было, что логика и метафизика возникли изъ одного и того же соединенія духовныхъ силъ. Способностью вдумываться въ самобытную жизнь духа и изъ центра твердо разливать ее въ широкой картинѣ, едвали обладалъ онъ,—даже въ молодости, въ болѣе высокой степени, нежели теперь, когда, уже въ извѣстной порѣ жизни, онъ рѣшился, во второй разъ, отправиться въ путешествіе по обширному царству жизни народовъ съ цѣлью новыхъ открытій. Этому таланту обобщенія въ немъ соотвѣтствовалъ талантъ соединенія въ одно мѣткое слово, равно какъ и даръ раздѣлять на категоріи и въ самомъ счастливомъ равновѣсіи. Конечно, и на философіи исторіи лежитъ печать логики; но, гораздо болѣе, печать ея собственной логики, нежели всеобщей, метафизической логики. Изъ путаницы событій, изъ жизни народовъ возникаетъ рядъ новыхъ, существенно конкретныхъ категорій. Это мысли, звучащія какъ металлъ и заставляющія насъ забыть о жидкихъ и беззвучныхъ мысляхъ метафизики. Логика немедленно занимала часть

своей подвижности и своего содержанія изъ исторіи и изъ исторіи философіи. Теперь, какъ бы во второй разъ, открыть источникъ, изъ котораго могутъ черпать жизнь призрачные образы логики; теперь представляется возможность болѣе богатаго и болѣе глубокаго пересмотра логики. Даже еще болѣе: снова поставлена на рѣшеніе дилемма, должно-ли серьезно, или только по виду, познавать дѣйствительность, равно какъ можетъ-ли въ его сущности человѣчскій духъ, быть познаваемъ—или только его логическая копія, и составляетъ-ли предметъ познанія все реальное на основаніи ему присущихъ жизни и развитія, или же на основаніи подражательно созданной діалектики самоопредѣляющаго понятія.

На словахъ, Гегель объявилъ себя въ пользу послѣдняго; но *фактически*, онъ сдѣлалъ, въ философіи исторіи, *новую попытку къ первому*. Фактически логикѣ снова присвоена ея трансцендентальная глубина, и человѣчскій духъ, въ своей конкретной определенности и своемъ временномъ развитіи снова обращенъ въ живое тѣло діалектики.

Двусмысленность этаго способа дѣйствія, который издали могъ казаться какъ бы примиреніемъ метафизики съ исторіей, сопровождалась величайшими послѣдствіями. Логика и философія исторіи дѣйствовали въ этомъ случаѣ за одно, стараясь пробудить болѣе духовное пониманіе исторіи, или, по-крайней-мѣрѣ, приготовить къ историческому пониманію духовнаго. И въ этомъ отношеніи примѣръ Гердера подѣйствовалъ, говоря относительно, весьма слабо, а тонкія наблюденія Вильгельма фонъ-Гумбольдта еще менѣе. Они оба высказывали желаніе, чтобъ всеобщая исторія, во всѣхъ своихъ частяхъ, управлялась, была проникнута идеями. Гердеръ сдѣлалъ первую попытку въ розысканіи этихъ идей; Гумбольдтъ опредѣлилъ методъ, съ помощію котораго ихъ должно отыскивать и представлять въ самыхъ фактахъ. Остроумныя, философско историческія рапсодіи перваго и неподражаемыя наставленія втораго получили теперь съ помощію систематическихъ построеній Гегеля безконечно благотворное вліяніе. Своимъ популярнымъ характеромъ лекціи привлекали огромное число слушателей. Какъ ни пристрастно онъ изображали преимущество востока и древности надъ позднѣйшими эпохами, но, онъ давали, по-крайней-мѣрѣ, раму для цѣлаго. Своимъ метафизическимъ онъ примыкали къ спиритуалистическимъ стремленіямъ нашей націи съ цѣлью перенести ихъ въ область фактическаго и дѣйствительнаго. Этимъ онъ дали

намекъ умамъ, подготовленнымъ съ помощію логики, на болѣе глубокой смыслъ логическаго формализма и наставленіе къ болѣе свободному приложенію его. Если логика, на перекоръ своему отвлеченному и софистическому направленію, разрушила мертвый и голый раціонализмъ, то философія исторіи въ тѣсномъ союзѣ съ подвижной логикой, нанесла смертельный ударъ какъ чисто ученой, такъ и плохой прагматизирующей исторіографіи. Если первая старалась объяснить хорошо понимающимъ, что всякое познаніе есть живое познаніе, то вторая опредѣляла все совершающееся, какъ дѣло духа, а дѣло духа, какъ его развитіе. Какое было кому дѣло, что эти новыя взгляды были передаваемы въ нѣсколько схоластической формѣ, что они снова понимали живое не въ живой формѣ и заставляли разсудокъ и свободу платить за новыя издержки въ области наукъ? Воодушевленіе, которымъ проникнута наша исторіографія въ послѣднее десятилѣтіе, безъ сомнѣнія, вытекаетъ изъ болѣе живаго сочувствія къ общественному дѣлу свободы и права, къ великимъ событіямъ, прекратившимъ постыдное спокойствіе реставраціи. Черезъ это снова открылся на время запертый горизонтъ исторіи; историческій способъ снова проникнулся практическими мотивами, и научился основательно уважать дѣйствительность, а за идеей слѣдить съ болѣе большимъ вниманіемъ въ безконечномъ разнообразіи прагматическихъ мотивовъ. Нельзя не видѣть новаго шага въ нашей новѣйшей исторіографіи, которая сдѣлавшись болѣе фактической и соединяя въ себѣ болѣе критики и прагматизма, удаляется отъ построенія на общихъ, вѣ въ вещественнаго міра лежащихъ точкахъ зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, однакожь, если она твердо держится вѣры въ идеальное развитіе и признаетъ разумную сторону въ предметахъ, равно какъ и діалектику этой разумности; то нельзя въ этомъ не признать значительной заслуги со стороны Гегеля и его философіи исторіи (119).

ЛЕКЦІЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Завлюченіе.

И такъ, философія исторіи еще одинъ разъ открыла брешь въ логическомъ раціонализмѣ системы. Ея отношеніе къ Гегелевой логикѣ было то-же самое, въ какомъ находилась послѣдняя къ «мертвымъ останкамъ» прежней логики. Тѣмъ несокрушимѣе было

мощное зданіе въ своемъ субстанціональномъ основаніи, въ своей оптимистической внутренней постройкѣ, проникнутой духомъ реставраціи. Далеко не признавая потребности вывести за предѣлы абсолютизированія тогдашняго положенія государства, философія исторіи только утвердила результатъ философіи права. Она излилась въ похвалахъ настоящаго времени, какъ осуществленія духа. Будучи доказательствомъ божественнаго промысла, она въ то-же время служила оправданіемъ господствовавшаго въ со-сѣдней странѣ образа правленія и государственнаго устройства, и съ указаніемъ на лучшія міры соединялось указаніе и лучшаго государства.

Зимой, съ 1830—1831 г., Гегель читалъ въ послѣдній разъ о философіи исторіи. Это была такая эпоха времени, которая могла легко поколебать вѣру, будто у насъ, въ отечествѣ, все находится въ томъ состояніи, въ какомъ должно быть. Революція снова постучала въ двери, которыя заперла реставраціонная политика. На вулканической почвѣ Франціи разрушился, въ продолженіе одной ночи, порядокъ возстановленный европейскими кабинетами; горячій пепель разнесенъ былъ далеко за предѣлы Франціи; и въ нашемъ отечествѣ чувствовалось потрясеніе, произведенное паденіемъ Бурбоновъ. Панической страхъ овладѣлъ политиками конгресса; безпредѣльное неудовольствіе наполнило душу и философа реставраціи. Можетъ быть, его мучило предчувствіе, что это новое міровое движеніе, распространяясь все далѣе и далѣе, можетъ вырвать изъ колен не только государство, но и систему, — систему идеализма. Но, въ этотъ разъ, революція выразилась въ болѣе умѣренныхъ формахъ; но, та и другая сторона занимались уравниваніемъ, уничтоженіемъ безполезнаго; мѣщанское королевское достоинство было исполнено миролюбія и реставративныхъ намѣреній; еще была надежда на мирное окончаніе и избѣжаніе столкновеній. Такъ поступали Германскіе государственные люди, такъ дѣйствовалъ и нашъ философъ. Однажды навсегда рѣшившись не допускать запутанности, онъ тѣмъ крѣпче прицѣпился къ своимъ принципамъ и къ Пруссіи съ ея счастливымъ, правильно-монархическимъ государственнымъ устройствомъ. Заключение его лекцій носитъ неопровержимые слѣды его стремленія: какъ-бы побѣдить страхъ, внушаемый все далѣе и далѣе подвигающимся развитіемъ, съ помощію окончательнаго пониманія исторіи. Въ этомъ направленіи онъ построитъ новѣйшія событія. Франція

своей нольской революціей заплатила не за грѣхи реставраціи, но за грѣхи либерализма. Свободное отъ этого начала, отъ начала уваженія, воедаваемого атомистической отдѣльной волѣ, Германское государство стоитъ внѣ опасности подвергнуться французской судьбѣ революціонныхъ кризисовъ. Здѣсь приведены въ исполненіе великія основы свободы, собственности и лица; всякій гражданинъ, если только онъ имѣеть требуемыя свѣдѣнія, допускается къ участию въ управленіи, которое все основано на массѣ чиновниковъ; по этому, хотя личное рѣшеніе государя выше всего, но, фактически управляютъ только наилучшіе и свѣдующіе.

Страхъ, что всемірное спокойствіе можетъ быть нарушено, не даетъ покоя философу. Духъ тревоги проникъ даже въ консервативную Англію, въ страну, которая непоколебимо сохранила свои государственныя учрежденія подъ бурями первой французской революціи. Преобразуйте,—такъ говорятъ тамъ друзья Росселя,—чтобъ сохранять; съ лихорадочнымъ волненіемъ толпится нація у дверей парламента съ намѣреніемъ получить, можетъ быть, даже съ помощію силы, согласіе упрямыхъ тѣри на преобразование народнаго представительства. Въ виду этихъ волненій нашъ авторъ философіи исторіи снова дѣлается публицистомъ. Онъ помѣщаетъ въ прусской государственной газетѣ свою послѣднюю статью: *критика англійскаго билля реформы*.

Мотивомъ этой статьѣ послужило (120) опасеніе, что реставраціонное состояніе государства можетъ быть нарушено; въ самомъ-же тонѣ изложенія крайнее умничанье теоретика смѣшивается съ мечтаніями прусскаго чиновника. Гегель не порицаетъ стремленія и содержанія *билля о реформѣ*, но, порицаетъ самую склонность къ реформѣ, потому-что видитъ въ этомъ опасность. Англійское государство находится,—если вѣрить словамъ германскаго философа,—въ такомъ положеніи, что оно болѣе всякаго другаго требуетъ улучшеній, но, въ то-же время, менѣе всякаго другаго, терпитъ улучшенія. Съ достойнымъ глубокаго уваженія знаніемъ подробностей, Гегель указываетъ на дѣйствительныя недостатки англійскихъ учрежденій. Безусловно должно согласиться съ критикомъ во всемъ, что онъ говоритъ, наприѣръ, о плохомъ *маіоратномъ* управленіи, о безчинствахъ духовныхъ приходовъ и другаго рода привилегіяхъ, о положеніи англійской церкви, о дур-

номъ управленіи Ирландіи и ея экономическихъ и социальныхъ отношеніяхъ. Подобно Гегелю, никто не станетъ защищать, — предоставляя это по праву мелкимъ любителямъ старины, — ржавчину вѣковъ, безобразящую англійскія учрежденія. Можно даже согласиться и съ тѣмъ, что англійскія учрежденія представляютъ «несвязное собраніе положительныхъ опредѣленій», въ противоположность которому болѣе ясныя формы и основанное на извѣстныхъ принципахъ внутреннее развитіе новыхъ государственныхъ учрежденій, можетъ, по-крайней-мѣрѣ, въ теоретическомъ отношеніи, считаться за успѣхъ. Но, нельзя себя представить сужденія болѣе односторонняго, чѣмъ то, которое исключительно основано на этихъ темныхъ сторонахъ англійской государственной жизни и изъ-за нихъ не хочетъ видѣть богатства вращающихся въ ней свободныхъ силъ. Здѣсь, еще разъ подтверждаются наши слова, что живой процессъ свободы не имѣетъ, для нашего философа, собственно никакой цѣны, и что напротивъ, онъ находитъ все достоинство свободы только въ систематикѣ понятія и въ объективно-организованной, приведенной въ извѣстный порядокъ, хотя-бы и несвободной, бюрократической, полицейски-устроенной свободѣ. Понятно, какой смыслъ надобно привязывать къ Гегелеву построению конституціонализма и къ его случайному уваженію самоуправленія. Нигдѣ принципъ самоуправленія не достигалъ до такого объема, такого величія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до такой мѣры, нигдѣ его благословенныя послѣдствія не выказались съ такой силой, какъ въ англійскомъ парламентаризмѣ. По мнѣнію Гегеля, этотъ парламентаризмъ есть вмѣстѣлице политической порчи и неразумности. «Шумъ и блескъ формальной свободы» не допускаетъ ни созрѣнія дѣйствительной свободы, ни даже воспоминанія о ней. Подъ видомъ свободы образовалась корыстная и жадная олигархія, содѣйствовавшая самому отвратительному демократизму. Положительныя привилегіи, вкорененный временемъ эгоизмъ и, болѣе всего, непониманіе со стороны массы народа, равно какъ и страсти черни—вотъ изъ какихъ стихій сложилась жизнь англійскихъ учрежденій». Въ сужденіи Гегеля объ англійскомъ парламентѣ можно замѣтить, въ полной мѣрѣ, ту-же ограниченность съ ея предразсудками, и тоже страстное душевное волненіе, которое характеризуетъ сужденія политическихъ партій о враждебныхъ имъ партіямъ. Прусскій бюрократизмъ въ союзѣ съ Германскимъ

идеализмом образуетъ партію противъ англійскаго государственнаго устройства и практически-эмпирическаго смысла соотечественниковъ Бэкона. Какъ курмаркскій юнкеръ разсуждаетъ о «всякой всячинѣ», такъ Гегель разсуждаетъ объ основныхъ началахъ англійской свободы. Не довольствуясь изображеніемъ, въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ, волненія и безпорядковъ, пробужденныхъ выборами и подкупамъ, онъ считаетъ даже пренія и парламентскія рѣчи плохимъ замѣномъ мудрости, сидящей за зеленымъ сукномъ и высказывающейся въ фабрикаціи огромной кучи актовъ. Большая часть времени въ этомъ собраніи проходитъ въ объясненіи членовъ на счетъ ихъ личнаго положенія, и они излагаютъ свои мнѣнія не какъ дѣловые люди, но какъ привилегированныя существа и ораторы. Краснорѣчіе этихъ ораторовъ есть «богатая самопрославленіемъ болтовня»; — одни только дѣльныя донесенія такого человѣка, какъ герцогъ Веллингтонъ, находятъ пощадку у Гегеля. Положительнымъ, повторяющимся припѣвомъ къ этимъ мрачнымъ излияніямъ сердца служитъ чрезмѣрная похвала германскому и прусскому государству. Здѣсь уже совершенъ трудъ, который Англійи еще предстоитъ совершить: глубокий умъ и любовь къ истинѣ прусскихъ государей, равно какъ и многолѣтняя трудъ наукообразнаго просвѣщенія уже осуществили то, чего не могли дать англійскому народу его представители. Зависть могуществу королевской власти составляетъ «самое несокрушимое предубѣжденіе Англичанъ». Даже предполагаемая реформа поведетъ, какъ можно заранѣе предположить, только къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Поэтому, еслибъ даже по-счастливилось биллю, о которомъ теперь идетъ споръ, открыть путь въ парламентъ людямъ противоположнымъ господствующей системѣ, — борьба сдѣлалась-бы только еще болѣе опасной, потому-что между интересами привилегій и требованіями болѣе существенной свободы не было-бы никакой средней высшей власти, которая могла-бы ихъ сдерживать и примирять. Только правительственной властью могутъ быть успѣшно осуществлены разумныя основныя начала права и свободы. Въ Англійи, власть находится въ рукахъ привилегированнаго класса. Вслѣдствіе этого, представители болѣе правильныхъ основныхъ началъ должны представлять собой только оппозицію видамъ правительства и существующему порядку вещей. Самыя эти начала не могутъ выказать своего полнаго значенія во всей своей конкретной, практической

истинѣ и приложеніи, какъ въ Германіи; но, выказываютъ его только въ опасномъ образѣ французской отвѣченности, мечты. Осуществленіе реформъ противорѣчитъ англійскому государственному началу; по этому, едва-ли онѣ могутъ быть осуществлены безъ сильныхъ потрясеній союза государства съ обществомъ.

Считаемъ лишнимъ опровергать эти разглагольствованія самодовольнаго и боязливаго бюрократизма. Вскорѣ послѣ того самая исторія доказала, какъ неосновательны были эти темныя предсказанія на счетъ Англій, равно и идеализирующее пониманіе реставративнаго положенія отечества. Но, Гегелю не суждено было пережить ни того, ни другаго. Возникшая теперь впервые въ нашемъ отечествѣ холера только еще сильнѣе напугала и безъ того уже напуганные умы людей. Она похитила философа въ срединѣ его дѣятельности: Гегель умеръ въ день смерти Лейбница—14 ноября 1831 года.

Онъ умеръ въ срединѣ своей дѣятельности, на высотѣ своей славы, въ полномъ наслажденіи глубокимъ уваженіемъ многочисленной толпы послѣдователей. Послѣ него осталась не только могущественная система, но и могущественная, обширная школа. И эта школа, въ сущности, была его созданіемъ и даже частью его философіи. Подобная система не мыслима безъ формальной, надежной, организованной дружины. Энциклопедическая по своему содержанию, она естественно была пропагандистической по своему внѣшнему проявленію. Она не знала другихъ предѣловъ, кромѣ предѣловъ науки; она могла осуществить свое стремленіе ко всеобщему пониманію только чрезъ раздѣленіе труда. Она могла двигаться и расширяться до безконечности, съ помощію ея діалектики и ея двусмысленности; съ ней могли сдружиться люди самыхъ противоположныхъ понятій, и за ея формулами скрываться столько-же искренніе, сколько и неискренніе ея поклонники. По своему принципу, она была монархической, замкнутой и исключительной: сама собой она замыкала своихъ послѣдователей въ одинъ кружокъ съ постояннымъ средоточіемъ и за чувство зависимости вознаграждала гордымъ сознаніемъ безусловности. Къ этимъ свойствамъ системы присоединилось еще настроеніе и положеніе ея творца. Удивляясь въ Ришельё и Наполеонѣ ихъ искусству — подавлять отличительныя особенности въ людяхъ, онъ въ то-же время и самъ былъ врагомъ всякаго рода особенностей въ мнѣніяхъ и

философствованіи. Онъ стремился подчинить мышленіе тому-же строгому порядку и тому-же повнновенію, какому была подчпнена воля людей. Его философія заключалась не въ опредѣленіяхъ, но въ философствованіи, поэтому, онъ отвергалъ требованіе научить философствованію безъ философіи. Не имѣя возможности представить себѣ религію безъ организма церкви, онъ точно также не могъ представить себѣ системы безусловнаго знанія, безъ общины «знающихъ». И теоретически и практически онъ могъ понять истину только какъ объективно-существующую. Изъ этого возникъ его тѣсный союзъ съ государствомъ; изъ этого для него вытекла необходимость наукообразнаго союза, который-бы съ государственнымъ союзомъ находился въ живыхъ отношеніяхъ взаимности. Съ этой точки зрѣнія его понятія были запечатлѣны болѣе сильнымъ бюрократизмомъ, чѣмъ понятія самого правительства Пруссіи. Уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ набросалъ онъ проектъ философской государственной газеты, и подалъ объ этомъ записку министру народнаго просвѣщенія (121). Въ родѣ *pendant* къ *Journal des Savants*, Гегель предполагалъ основать журналъ, который-бы носилъ названіе и характеръ правительственнаго учрежденія, — журналъ, авторитетъ котораго будетъ тѣмъ сильнѣе, что всякое высказанное въ немъ дарованіе будетъ передъ глазами высокаго государственнаго присутственнаго мѣста. Еслибъ государство приняло этотъ проектъ, современники увидѣли-бы школы, основанныя самимъ государствомъ для Гегелевой философіи, — философіи, которая, нисколько не затрудняясь, начала-бы раздавать учебныя мѣста отъ имени государства. Но, короткія отношенія Гегеля къ министру фонъ-Альтенштейну, голосъ, который онъ имѣлъ право подавать въ важныхъ вопросахъ, относившихся до образованія вообще, его положеніе въ учено-испытательной комиссіи — давали ему возможность возвысить свою философію до практической силы и основать свою школу. Дѣйствительно, школу образовала не одна только система, но и творецъ этой системы. Въ 1827 г. начали издаваться *берлинскія лѣтописи ученой критики*, хотя и не подъ непосредственнымъ покровительствомъ правительства, но, при его явномъ участіи. Обязанныя своимъ происхожденіемъ Гегелиянскому лагерю, при самомъ горячемъ содѣйствіи Гегеля, берлинскія лѣтописи сдѣлались исключительнымъ органомъ абсолютной философіи, сборнымъ мѣстомъ, гдѣ Гегелева школа пересматривала, такъ сказать, свои силы и

произносила свои приговоры надъ враждебными, или противоположными ей направленіями.

Но, сила живой исторіи и вращающагося въ ней духа сильнѣе всякихъ ученыхъ партій и крѣпче всѣхъ оковъ системъ. Въ системѣ Гегеля именно то, что изъ нея дѣлаетъ систему и даетъ ей возможность образовать школу, принадлежитъ прожитой уже формѣ образованія; что хотѣло *продолжать жизнь*, должно было *жить долѣе*. Можетъ быть, еще никогда, въ наукообразной области, *форма* не располагала большей силой. Никогда еще не было сдѣлано попытки въ такомъ обширномъ объемѣ — приложить къ области истины то, что въ области прекраснаго запечатлѣваетъ произведенія человѣческаго духа безконечнымъ достоинствомъ и негибнущей жизнью. Какъ отголосокъ нашего великаго періода литературы, философія Гегеля стремится вставить также и мышленіе, а съ мышленіемъ даже всю вселенную, — въ форму, покрывающую себя содержаніемъ, слѣдовательно, въ форму безусловную. Она совершенно изнемогаетъ въ борьбѣ этой тенденціи формы съ противорѣчащими всякому замкнутому формированію элементами міра и исторіи, мышленія и истины. По этому, она можетъ показаться поверхностному взгляду только *всеобщимъ* гармонизмомъ, не имѣющимъ *виль себя* никакихъ противорѣчій и побѣдившимъ и примирившимъ *съ собою* всѣ противорѣчія. Но, съ помощію подробнаго анализа, мы въ ней откроемъ образцовую карту противорѣчій и *тахитит* запутанности. Выражаясь короче, она есть не что иное, какъ съ ловкой хитростью сформулированная война всего противъ всего. Она хочетъ быть безусловнымъ примиреніемъ мышленія и дѣйствительности; въ сущности, она есть спиритуалистическое улетучиваніе дѣйствительности, методическое поврежденіе чистаго мышленія. Она манитъ обѣщаніями — безусловно примирить свободу съ необходимостію, критическій умъ съ созерцаніемъ, субъективное съ субстанціальнымъ; но, на самомъ дѣлѣ, она ведетъ только призрачную игру съ силами свободы, ума и субъективности. Она домогается сплавить новый и античный, «просвѣтительный и романтической способъ мышленія, и, дѣйствительно, безпрестанно вставляетъ одинъ вмѣсто другаго, или послѣ другаго, тормоза эстетическій способъ критическимъ, а критическій—эстетическимъ. Она хвалится примиреніемъ пантеистическаго міросозерцанія съ теистическимъ; въ сущности-же она есть только безцеремонная двусмысленность, не склоняющаяся ни

на ту, ни на другую сторону, или признающая столько-же одно, сколько и другое мирозерцаніе. Теперь, она признаетъ сущность духа, повидимому, только въ его историческомъ развитіи, и снова теперь заключаетъ это развитіе въ твердый неподвижный кругъ. Ея методическое примиреніе, и въ цѣломъ, и въ частяхъ, есть только эстетико-формалистическая мечта. Наконецъ, весь этотъ формализмъ служить въ пользу лѣности періода, лишеннаго характера истины, и промотавшаго весь предшествовавшій спиритуализмъ германской жизни для водворенія самой пошлой практики. Философія Гегеля завершаетъ свое дѣло примиренія тѣмъ, что обнявши въ совокупности все содержаніе жизни и знанія своего времени, она старается привести въ такую-же связь и нравственные силы нашего періода освобожденія съ послѣдовавшимъ онѣмъ и подавленіемъ ихъ въ періодъ реставраціи.

Время эстетическихъ порывовъ равно какъ и политическаго изнеможенія уже прошло. Подъ вліяніемъ новаго движенія міра съ первыхъ дней тридцатыхъ годовъ, неизбежно наступила пора разложенія для системы, которая спутала въ себѣ, на подобіе искусственно свитаго узла, всѣ нити нашего духовнаго развитія. Это разложеніе совершилось *внутри самой школы* на основаніи силъ присущихъ самой системѣ. Оно началось именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ безусловный духъ наитѣснѣе вступилъ въ сообщеніе съ духомъ времени, и въ явственныхъ словахъ передалъ послѣднему власть надъ собой. Богословскій и этико-политическій вопросы были, какъ и естественно, самыми роковыми для прочнаго существованія новаго ученія. Въ предѣлахъ богословской области началось возмущеніе. Здѣсь снова пытался возстановить свою самостоятельность моментъ критики и ума; здѣсь впервые снова поднялся преклоненный ницъ спекулятивный рационализмъ; здѣсь впервые выразилось желаніе принять въ серьезное вниманіе историческіе мотивы. Въ видѣ опыта предложенное высвобожденіе ума обезпечило себя потомъ высвобожденіемъ практической жизни духа. За критикой, въ области богословія, вскорѣ явилась критика, обратившаяся противъ силъ дѣйствительной жизни и сдѣлки съ существующимъ. Поставленныя діалектикѣ преграды были разрушены, и ея тайныя стремленія къ свободѣ въ видѣ мятежа, обращены были противъ дѣйствительности. Но, наряду съ идеалистическими элементами реальныя элементы также потребовали своихъ правъ. Въ противоположность мечтательному критицизму, въ Гегелевой

Философiи, образовался такой-же мечтательный эмпиризмъ. Подобно тому, какъ прежде критическiй разумъ возставалъ противъ ея позитивизма, противъ ея спиритуалистической стороны, такъ теперь съ большою силою вооружились чувственное чувство и потребность дѣйствительнаго. Штраусъ и юно-Гегелевская журналистика провозгласили критику и свободу главной сущностью системы, а Фейербахъ все содержанiе Гегелевой метафизики свелъ къ чувственному бытiю—къ человѣку и природѣ.

Здѣсь не мѣсто проводить передъ вами отдѣльныя явленiя изъ этого наукообразнаго движенiя, тѣмъ менѣе изображать усилiя другаго кружка эпигоновъ, которые тщетно старались привести въ новое отношенiе разъединившiеся элементы Гегелевой системы и возстановить нарушенное равновѣсiе съ помощiю новыхъ формулъ. Сила комбинацiи, съ такимъ искусствомъ перевившая нѣкогда эти элементы одинъ съ другимъ, находилась теперь въ состоянiи совершеннаго упадка. Живыя силы восторжествовали надъ формой. Еще недавно развѣнчанные принципы преслѣдовали другъ друга въ какомъ-то анархическомъ безпорядкѣ, и, какъ въ наукѣ, такъ и въ приложенiи, обнаруживали свою крайнюю односторонность. Впрочемъ, они явились въ связи съ исторiей нашего времени. Въ пережитой нами революцiи отвлеченный паеосъ свободы вторгнулся было въ дѣйствительность, и въ ней-же нашелъ свою гибель. Въ послѣдовавшей за этимъ реакцiи, равно какъ и въ матеріальномъ характерѣ, преобладающемъ въ большей части наукъ и современной жизни, беретъ перевѣсъ другая односторонность: лишенный всякой идеальности реализмъ.

Въ какое отношенiе поставила себя исторiя послѣдняго двадцатипятилѣтiя къ системѣ Гегелевой философи, это мы уже показали въ предшествовавшемъ критическомъ разборѣ этой системы. Но, мы можемъ указать на болѣе отрадныя задачи. Если при взглядѣ на развалины великаго зданiя мыслей, въ душѣ нашей рождается нѣчто тяжело-прискорбное, то въ нашемъ положенiи это чувство должно быть еще гораздо тяжелѣе вслѣдствiе непзбѣжнаго сознанiя, что мы покинули, передъ глазами высокочтимаго и торжествующаго врага, и послѣднiй валъ, за которымъ вѣра въ право разума и свободы долго спасала себя отъ своихъ преслѣдователей и отъ безсмысленныхъ стремленiй настоящей эпохи. И мы оставляемъ этотъ валъ, не заготовивши для себя новаго. Общпрныя метафизическiя построенiя могутъ процвѣтать

только среди проникнутаго эстетическимъ чувствомъ поколѣнія, равно какъ великія открытія въ области трансцендентальной философіи возможны только въ тѣ эпохи, когда пульсъ народной жизни подымается на высшую степень, когда возбуждена новая бодрость къ расширенію глубины духа для воспринятія все болѣе и болѣе расширяющагося внѣшняго міра. Не таково наше время, — не обольщайте себя въ этомъ отношеніи. Нѣмцы должны считать за чудо, что имъ посчастливилось создать могучую и чистую поэзію среди вопіющей нищеты общественной жизни, среди прозы и застоя всѣхъ дѣлъ. Но, духъ, развившійся изъ этой поэзіи, вскорѣ увлекся, — соотвѣтственно своему происхожденію, — служеніемъ отвлеченнымъ началамъ, и въ короткое время окончательно исчезнулъ въ этой сферѣ. Новая метафизика, — словно поэзія науки, — тогда впервые снова возникнетъ у насъ, когда германскій духъ наполнитъ себя содержаніемъ дѣйствительности и найдетъ для себя новую почву въ элементѣ политической свободы. До той поры еще далеко, такъ далеко, что мы отъ созерцанія этой цѣли обращаемся, — какъ и слѣдуетъ — къ нашему долгу: принять личное участіе, становясь въ ряды тѣхъ, которые ратуютъ единственно за то, что составляетъ насущную потребность, — за болѣе разумное и болѣе нравственное устроеніе нашей государственной жизни.

Однакожь, какъ прежде, такъ и теперь, наука, въ этой борьбѣ, занимаетъ передовое мѣсто, при чемъ возобновляется только вопросъ: съ какимъ оружіемъ она теперь выступитъ, сама разрушивши оружейную палату, изъ которой такъ долго запасалась средствами для собственной защиты и для нападенія на другихъ?

На это я отвѣчу: она дѣйствительно разрушила оружейную палату только для того, чтобъ наковать новаго оружія на мѣсто стараго, которое уже начало покрываться ржавчиной и становилось негоднымъ для употребленія. Она разрушила эту систему только съ цѣлью снова пустить въ ходъ тѣ силы, которыя окрѣпли до неподвижности и потеряли всякое дѣйствіе въ формѣ догматизма, рѣзко отдѣлившаго себя отъ практическихъ интересовъ нашей эпохи. Теперь въ наше распоряженіе предоставлено совокупное содержаніе того образованія, которое, въ философіи Гегеля, какъ-бы нашло свое мимолетное заключеніе, свое сборное мѣсто и свою точку отдохновенія. Въ наше распоряженіе предоставлены вновь освобожденные элементы, а съ ними и духъ системы, разо-

блженный изъ своей преходящей формы. На первый случай, будущность германской науки основывается на тѣхъ-же самыхъ *проводникахъ*, изъ которыхъ развился и абсолютный идеализмъ: съ одной стороны, на очищенномъ критикой Канта «присвѣщеніи», на наукѣ древности, на эстетическомъ и нравственно-національномъ воодушевленіи; съ другой стороны, ей служить основаніемъ развитіе, которому духъ новой философіи подвергнулъ всѣхъ знаменитыхъ людей той эпохи. Поэтому, будущность не только не бѣднѣе новой философіи, по своимъ средствамъ и матеріалу, но— даже богаче ея. По сущности и разработкѣ мысли она тѣмъ богаче этой системы, равно какъ и по прожитому опыту, что въ числѣ живыхъ стремленій предшествовавшаго образованія, есть не мало такихъ, которыя или вовсе оставлены были безъ вниманія великимъ систематикомъ, или представлены имъ въ сокращенномъ видѣ.

Конечно, какъ я уже сказалъ, при истощеніи философской производительности, это богатое духовное сокровище проявить себя сначала не въ формѣ философіи. Для народа не хорошо, если онъ вращается,—и довольно долгое время,—только на высотахъ науки, а для нашего нѣмецкаго народа чрезвычайно полезно, что въ сферѣ его умозрительной дѣятельности наступило молчаніе, періодъ внутренняго успокоенія и подготовленія. *Наука исторіи* должна прежде всего вступить въ право владѣнія наслѣдства Гегелевой философіи. Только привычка къ умозрительнымъ изслѣдованіямъ, только необдуманная страсть къ построеніямъ и новизнѣ можетъ еще стремиться къ философскому формулированію проявившагося живаго интереса къ исторіи,—этой самой человѣческой изъ всѣхъ наукъ. Едва-ли необходимо доказывать, какъ существенно развивается историческое чувство и занятіе исторіей изъ философіи Гегеля. Въ концѣ своего поприща она сама назначила своей наслѣдницей исторію,— въ минуту, когда, наконецъ, усталая, добралась до пониманія современности. Возникши изъ изученія исторіи духа, она постоянно сопоставляла эту исторію рядомъ съ метафизикой, метафизическое-же развитіе рядомъ съ логически-діалектическимъ. Мы уже знаемъ, основная мысль феноменологіи заключается въ томъ, что исторія міра есть духъ міра. Гегелево пониманіе исторіи имѣетъ характеръ метафизическій, а его метафизика — характеръ историческій; вслѣдствіе того, оно или отождествляетъ человѣческій духъ,

развивающійся во времени, съ вѣчно-развитымъ безусловнымъ духомъ, или различаетъ ихъ одинъ отъ другаго. Для времени, которое умѣетъ, наконецъ, отказаться отъ поэтическихъ мечтаній и романтическихъ туманностей, для времени, которое видитъ себя среди неразрѣшенныхъ противорѣчій и запутанныхъ практическихъ задачъ,—для такого времени есть одинъ только шагъ. Именно діалектика нашего какъ практическаго, такъ и теоретическаго развитія увлекаетъ насъ изъ безусловнаго идеализма къ богатому идеями изслѣдованію и изложенію исторіи человѣческаго рода. Истину безусловной телеологіи составляетъ пониманіе соотвѣтственнаго цѣли стремленія нашего поколѣнія къ болѣе и болѣе полному исполненію своего назначенія. Теченіе жизни абсолютнаго начала превращается для современной науки въ процессъ живой исторіи; для нея Гегелевъ *историзмъ*, — частію, не со всѣмъ чистый, частію — мечтательный, превращается въ истинную и дѣйствительную историчность.

Но, если преимущественно предположеніе Гегелевой *системы* осуществляется въ исторической наукѣ, то духъ ея *метода* долженъ сообщить свое живое вліяніе всѣмъ остальнымъ наукамъ. Устарѣніе Гегелевой логики не есть въ то-же время устарѣніе «конкретнаго пониманія». Какъ въ исторіи, такъ и въ естествовѣдѣніи все дѣло идетъ *только* объ этомъ. Только переведенная изъ метафизики въ область дѣйствительнаго познанія, сдѣлается «діалектика самаго предмета» дѣйствительно-объективнымъ и генетическимъ, а конкретное — истинно-индивидуализирующимъ познаніемъ. Только тогда безусловная метода будетъ истинно-безусловной, когда она довольствуется измѣненіемъ ея постростельнаго характера на *геристическій*, если откажется отъ своихъ схоластическихъ формъ, а съ ними и отъ софистическихъ стремленій. Когда задача мыслящаго созерцанія и созерцающаго мышленія, и живаго всѣми чувствами духа въ глубину предметовъ проникающаго изслѣдованія—сдѣлается всеобщей, тогда, по истинѣ, Гегелева философія до конца исполнитъ свое предопредѣленіе, и, можетъ быть, тогда едва будутъ помнить объ услугѣ, которую наука логики оказала германскому духу, приучивши его къ такому роду изслѣдованія.

Тогда, однакожъ, и *философія* — какъ я не сомнѣваюсь, — снова почерпнетъ изъ процвѣтанія всѣхъ другихъ наукъ, высшую смѣлость идей, необходимую для того, чтобъ соеди-

нить въ одно цѣлое мышленіе и знаніе въ высшихъ и наиболѣе общихъ точкахъ зрѣнія. Не только въ подвижной формѣ реально-историческаго и наукообразнаго познанія, но также, и въ формѣ самостоятельной теоріи расходящіяся элементы Гегелевой системы снова должны быть подвергнуты комбинаціи. Я не думаю, чтобъ эта теорія могла когда нибудь превратиться въ метафизическую систему, которой суждено обнять собою міръ. Участь, постигнувшая Гегелеву систему, кажется, навсегда разрушила вѣру въ подобную возможность, а самая эта возможность разрушена, можетъ быть, навсегда состояніемъ міра и возрастающей массой знанія. Впрочемъ, до какихъ-бы дерзкихъ попытокъ когда нибудь ни возвысилась мечтательная абстракція,—для будущей судьбы философіи несомнѣнно опредѣлена пная задача. То-же самое живое, конкретное и индивидуализирующее познаніе, которое составляетъ душу другихъ наукъ—призвано осуществить науку наукъ, только въ болѣе чистомъ и истинномъ видѣ, чѣмъ какъ это сдѣлала философія безусловнаго знанія. Чтобъ живо и конкретно понять духъ, составляющій вѣчную тему этой философіи, — послѣдняя обязана искать его ни въ чемъ другомъ, какъ во глубинѣхъ человѣческаго существа и въ реальномъ процессѣ его развитія. Будущая философія опять будетъ только философіей *критической и трансцендентальной*. Но, безпрестанно указывая на честный путь Канта, не менѣе справедливо требовать, чтобъ не затерялось ни одно изъ глубокихъ предположеній, ни одна черта изъ конкретнаго характера Гегелевой философіи. Постановить всеобщую формулу философіи будущности—необходимо. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ *превратить догматическую метафизику послѣдней системы въ трансцендентальную*. Истину безусловной идеи составляетъ живой человѣкъ во всей сложности его внутреннихъ свойствъ и во всей цѣлостности его явленія и развитія. Дальнѣйшія судьбы философіи съ очевидной ясностью обозначены уже совершившимся развитіемъ этой науки. Впервые философія перешагнула за предѣлы древнихъ системъ, когда отъ неземнаго перешла къ тому, что присуще нашимъ чувствамъ и нашему мыслящему сознанию. Изъ сферы догматизма лейбницо-вольфовою философіи впервые насъ вывела Кантава трансцендентальная философія. Гегелевой метафизики не можетъ уже замѣнить никакая, хотя-бы еще болѣе смѣлая и болѣе искусственная метафизика; она можетъ быть вытѣснена только такимъ

ученіемъ о наукѣ, которое-бы съ Кантовой основательностью и добросовѣстностью измѣряло высоты и широты разсматриваемой нами системы въ глубинѣ и узкости живаго субъекта, а ея діалектическое искусство—творческой силой этой діалектики. Отъ метафизики конкретнаго понятія критическое изслѣдованіе должно обратно перейти къ основному ея источнику, къ ея внутренне-человѣческимъ основамъ. Предметомъ этой критики служить человѣкъ въ цѣлостности своего существа. Имѣть довольно силъ, чтобъ объять это пониманіемъ, можно только идя путемъ, который начерталъ Кантъ и Фихте. Въ функціяхъ созерцанія, сужденія, заключенія, критика чистаго разума открыла элементы и законы отвлеченнаго познанія. Въ живыхъ дѣйствіяхъ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ во всей полнотѣ своего существа и соединяется какъ съ самимъ собой, такъ и съ міромъ, — новой критикѣ предстоитъ открыть конкретные законы человѣческаго духа. Удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: какъ возможны синтетическія сужденія *a priori*? заключается въ болѣе обширномъ вопросѣ: какъ возможенъ синтезъ языка, искусства, религіи, законной, нравственной и научно-образной дѣятельности?

Я вамъ указалъ здѣсь только на самое общее мѣсто, которое должна занимать будущая философія. Но, прежде чѣмъ она въ состояніи будетъ дать такой отвѣтъ на предложенный вопросъ, нельзя не желать, чтобъ эмпирическія науки еще долго увеличивали запасъ открытій, — да и въ этомъ случаѣ потребна гениальная сила для выведенія окончательнаго результата изъ вѣчно-неполнаго матеріала. Теперь, какъ мнѣ кажется, остается желать только одного: да не прекращается бодрая дѣятельность эмпирическихъ изслѣдованій, вслѣдствіе слишкомъ необдуманыхъ метафизическихъ построеній, и да не вступитъ она на ложный путь усвоившій себѣ принципы, лишеныя всякой мысли и суевѣріе чистаго матеріализма. Намъ-же самимъ указываетъ вѣра въ право идей и въ будущность философіи на сочувствіе къ той области эмпирическихъ изслѣдованій, которая своимъ непосредственнымъ избрала интересы духовной жизни: сочувствіе къ историческимъ изслѣдованіямъ. На первый разъ мы избираемъ исторію философіи и исторію духовнаго развитія народовъ. Къ этой области относится и изображеніе того, какъ образовался великій человѣкъ изъ элементовъ своего времени и какъ образуя самаго себя, онъ, въ то-же время, образовывалъ міръ, содѣйствуя его дальнѣйшему

развитію. Такому изображенію были посвящены эти лекціи. Мнѣ остается пожелать, чтобъ онѣ не совершенно недостойны были изложеннаго въ нихъ предмета, и дали-бы вамъ, прежде всего, настоящее понятіе о томъ наукообразномъ способѣ, образованіе и сразвитіе котораго онѣ сами обозначали названіемъ негибнущаго плода Гегелевой діалектики и систематики.

Перев. съ нѣм. П. СОЛЖИЦОВЪ.

(Конецъ 18-й и послѣдней лекціи).

III.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ПЕДАГОГИКЪ ШЕРРА.

Общепонятное руководство къ педагогикѣ для учителей народныхъ школъ, образованныхъ родителей и друзей школьнаго образованія. Соч. доктора *Тома Шерра*, директора учительской семинаріи и члена воспитательнаго совѣта въ Цюрихѣ.

(*Leichtfassliches Handbuch der Pädagogik für Volksschullehrer, gebildete Eltern und Schulfreunde, von Dr. Thomas Scherr*).

Ревнители народнаго просвѣщенія имѣютъ полное право радоваться, видя въ русскомъ народѣ столь сильно пробудившееся стремленіе къ ученію. Кто слѣдитъ за извѣстіями, которыя намъ почти ежедневно сообщаютъ періодическія изданія объ открытыхъ уже или предполагаемыхъ къ открытію въ разныхъ городахъ имперіи женскихъ и мужскихъ народныхъ школахъ, о числѣ являющихся охотниковъ и охотницъ учиться и о значительныхъ пожертвованіяхъ, обезпечившихъ болѣе или менѣе прочное существованіе нѣкоторыхъ этого рода заведеній, тому нельзя не убѣдиться, что это стремленіе — не временная прихоть, но что его корень въ общемъ сознаніи потребности и пользы ученія. А если мы прибавимъ къ этому, что министерство народнаго просвѣщенія готовится приступить къ коренному преобразованію высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній своего вѣдомства, на основаніяхъ, глубоко-обдуманыхъ и вполне-соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ школьнаго образованія и воспитанія, то ревнителю народнаго просвѣщенія не останется желать ничего болѣе, какъ

только успѣшнаго и плодотворнаго развитія благихъ начинаній правительства и общества, и съ своей стороны содѣйствовать этому развитію не только сочувствіемъ, но и посильнымъ приношеніемъ, умственнымъ или матеріальнымъ, кто какъ можетъ. Того и другого рода содѣйствію, безъ сомнѣнія, открывается теперь самое обширное поле. Но ежели матеріальное содѣйствіе для хорошаго устройства и поддержанія новыхъ и старыхъ учебныхъ заведеній необходимо, то въ настоящее время, при настоящемъ состояніи нашей учебной литературы, умственное содѣйствіе едва-ли не важнѣе и не настоятельнѣе, въ-особенности для первоначальнаго обученія, школьнаго и домашняго. Школы у насъ уже есть для этой потребности; конечно, число ихъ въ настоящее время еще далеко недостаточно, но оно, безъ сомнѣнія, со временемъ будетъ возрастать, по мѣрѣ возрастающей потребности въ ученіи; во вновь-же открытыя школы являются учащіеся гдѣ многими десятками, гдѣ даже и сотнями. Капитальный слѣдовательно вопросъ теперь состоитъ не въ томъ, кого и гдѣ учить, но въ томъ, кому учить, чему учить и какъ учить, чтобы ученіе соотвѣтствовало разумнымъ требованіямъ современности, чтобы оно принесло истинную пользу, научало чему нибудь полезному и съ тѣмъ вмѣстѣ образовывало-бы умъ и сердце учащихся. А таково-ли было доселѣ наше первоначальное обученіе школьное и большею частію домашнее? Конечно нѣтъ. Въ немъ признано вообще преобладаніе механизма; а можетъ-ли механическое ученіе чему-нибудь научить въ прокъ? тѣмъ менѣе оно способно образовывать умъ и сердце учащихся. Какая-же причина тому, что у насъ такъ глубоко и повсемѣстно укоренился механизмъ въ первоначальномъ обученіи? Не та-ли, во-первыхъ, что наши первоначальные учителя не получили никакого педагогическаго приготовленія, и во-вторыхъ, что у насъ нѣтъ никакихъ раціональныхъ руководствъ къ первоначальному обученію ни для учащихся, ни для учителей. Нельзя безусловно согласиться съ тѣмъ, что въ одной изъ рецензій на проектъ новаго училищнаго устава, впрочемъ весьма дѣльной, было сказано въ видѣ аксіомы, будто наука не даетъ тому педагогической способности, кто не надѣленъ ею отъ природы. Намъ кажется, что ежели природа надѣлила кого здравымъ смысломъ, доброю волею, терпѣніемъ, добросовѣстностію, то она съ своей стороны достаточно его приспособила къ педагогическому поприщу, остальное-же должны довер-

шить наука и опытъ. Какъ вездѣ, такъ и въ области педагогической дѣятельности, наука должна руководить опытомъ, опытъ, руководимый наукою, повѣрять и оправдывать практичность ея наблюденій и выводовъ. Только отъ дружнаго, гармоническаго дѣйствія науки и опыта, зависитъ успѣхъ педагогической дѣятельности. Къ сожалѣнію, наука педагогическая еще не глубоко проникла въ нашу педагогическую дѣятельность вообще; но первоначальнаго обученія она и вовсе еще не коснулась, потому именно, что у насъ нѣтъ заведеній для приготовленія учителей къ этому рода педагогической дѣятельности; нѣтъ руководящихъ сочиненій по части педагогическимъ, которыми могли-бы пользоваться какъ любознательнѣйшіе изъ дѣйствительныхъ первоначальныхъ учителей, получившіе нѣкоторое школьное образование, слѣдовательно понимающіе несостоятельность настоящаго своего преподаванія и искренно желающіе поучиться чему-нибудь лучшему, такъ и въ особенности кандидаты на это званіе, которымъ можно было-бы поставить въ обязанность самодѣтельное педагогическое приготовленіе по руководствамъ, еслибы онѣ были. Само собою разумѣется, подобное руководство должно быть не столько теоретическое, сколько практическое, написанное языкомъ понятнымъ для всякаго грамотнаго человѣка съ здравымъ смысломъ. Въ немъ было-бы достаточно нѣсколькихъ основныхъ положеній теоретической педагогической, которыя знать и усвоить себѣ умомъ и сердцемъ долженъ каждый, кто беретъ на себя обязанность первоначальнаго обученія, этого сѣмени добра и зла, смотря по тому, какое направленіе будетъ дано росткамъ и корнямъ его на нѣжной почвѣ; главное-же богатство подобнаго сочиненія должно состоять въ готовомъ научномъ матеріалѣ, примѣнимомъ къ цѣли, расположенномъ въ системѣ постепенности, изложенномъ по одной изъ тѣхъ методъ, которыхъ облегчительное дѣйствіе и польза въ первоначальномъ обученіи признаны многолѣтнимъ опытомъ искуснѣйшихъ педагоговъ. Конечно, составить такое руководство не легко и едва-ли не труднѣе гимназическаго руководства. И къ сожалѣнію, положи руку на сердце, мы должны откровенно сознаться, что, не смотря на то, что уже болѣе полустолѣтія существуютъ у насъ правильно-организованныя школы, что въ нашихъ университетахъ восемь лѣтъ преподавалась педагогическая, мы еще такъ не далеки и въ педагогической теоріи и въ педагогической практикѣ, что еще нѣтъ у насъ педагоговъ, которые осмѣ-

лились-бы имѣть притязаніе на самостоятельность, еслибы у кого изъ нихъ и достало духа взяться за трудъ подобнаго рода. Къ счастью, у насъ есть добрые сосѣди, искуснѣйшіе въ мирѣ педагоги, богатые педагогическими руководствами, которыя вполне достойны служить для насъ образцами со стороны теоріи и со стороны практики. Въ числѣ такихъ образцовыхъ руководствъ, безспорно занимаетъ самое видное мѣсто теоретико-практическое руководство Шерра, котораго заглавіе мы выписали въ началѣ этой статьи.

Ома Шерръ въ 1825 году былъ приглашенъ изъ Берлина въ Цюрихъ для занятія должности старшаго учителя въ институтѣ слѣпыхъ, гдѣ вскорѣ имѣлъ случай выказать глубокое знаніе и опытность въ педагогическомъ дѣлѣ, по случаю преобразования этого заведенія и основанія института глухонѣмыхъ, въ чемъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Въ 1831 году Шерръ, уже въ званіи профессора, былъ назначенъ членомъ воспитательнаго совѣта, которому поручено было составленіе проекта новаго устава учебныхъ заведеній цюрихскаго кантона. При распредѣленіи работы между членами, на его долю досталось начертаніе проектовъ о преобразованіи учебной части въ народныхъ школахъ и объ учрежденіи учительской семинаріи. По утвержденіи обоихъ проектовъ въ 1832 году, Шерру ввѣрено было постепенное преобразование народныхъ школъ, а вскорѣ потомъ его назначили и директоромъ новой учительской семинаріи. Въ основаніе новой учебной программы для народныхъ школъ легли всѣ гуманитарные принципы Песталоцци; только то, что въ нихъ было чисто идеальнаго, неосуществимаго, какъ доказалъ опытъ на дѣлѣ, положительный умъ Шерра замѣнилъ вполне практическими мѣрами.

Между тѣмъ, прежнія учебныя пособія оказались несостоятельными; нужно было составить новыя, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующія требованіямъ новой программы, поставившей себѣ главною задачею постепенное, въ одно и то-же время, развитіе умственныхъ и физическихъ способностей учащихся и нравственно-религіозное ихъ воспитаніе въ школѣ. Объявленъ былъ конкурсъ; нѣсколько педагоговъ приняли въ немъ участіе, но труды ихъ признаны были неудовлетворительными. Тогда взялся за это дѣло самъ директоръ учительской семинаріи и представленныя имъ руководства удостоились полного одобренія. Эти-то ру-

ководства авторъ въ послѣдствіи развилъ, пополнилъ, усовершенствовалъ, слилъ въ одно стройное цѣлое, проникнутое и одушевленное единствомъ идеи и направленія, и напечаталъ въ 1840 году первымъ изданіемъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Руководство къ педагогикѣ» для учителей народныхъ школъ, образованныхъ родителей и для друзей школьнаго образованія. Второе издание, исправленное и пополненное, которымъ мы пользовались, вышло въ 1847 и 1851 годахъ. Это огромное сочиненіе, занимающее въ полномъ объемѣ 2876 стр., по содержанію раздѣляется на двѣ части: теоретическую и практическую. Теоретическая часть заключается въ одномъ томѣ, едва составляя $\frac{1}{5}$ всего сочиненія и раздѣляется на три главы, которыхъ содержаніе слѣдующее: глава I, *Наблюденія надъ процессомъ челоуческаго развитія*; глава II, *Историческія свѣдѣнія о воспитаніи и обученіи*; глава III, *Предметъ науки о воспитаніи и обученіи* (педагогика и дидактика) *въ предѣлахъ семьи и народной школы.*

Практическая часть имѣетъ, кромя общаго, специальное заглавіе: *Обученіе въ элементарной школѣ (Primarschule). Учебный матеріалъ для всѣхъ учебныхъ предметовъ, изложенный въ постепенной послѣдовательности и по специальной, каждому предмету свойственной методѣ.* Она занимаетъ два тома и каждый томъ состоитъ изъ трехъ книгъ. Такъ какъ въ элементарной школѣ, назначаемой для обученія дѣтей, отъ шести до двѣнадцатилѣтняго возраста, предполагается шестилѣтній курсъ и, слѣдовательно, шесть классовъ, раздѣленные на два отдѣленія, младшее для дѣтей отъ 6—9 и старшее отъ 9—12 лѣтняго возраста, то для каждаго отдѣленія предназначается особый томъ руководства, для старшаго несравненно объемистѣе (1622 стр.), нежели для младшаго (714 стр.), и для каждаго класса особая книга; книги втораго тома, назначаемыя для младшаго отдѣленія, рѣзко отличаются между собою объемомъ. Тогда какъ книга, назначаемая для третьяго курса младшаго отдѣленія заключаетъ 382 стр., книга для втораго курса состоитъ изъ 202, и наконецъ, для перваго курса всего только изъ 128 страницъ.

Мы вполне убѣждены, что переводъ этого сочиненія на русскій языкъ, съ примѣненіемъ нѣкоторыхъ частей къ потребностямъ и духу русскаго народнаго образованія, доставилъ-бы величайшую пользу какъ дѣлу первоначальнаго воспитанія и обученія домашняго и школьнаго вообще, такъ и въ особенности предпо-

лагаемымъ, по проекту новаго устава, къ устройству школамъ грамотности, нисшимъ и даже высшимъ народнымъ училищамъ; мы увѣрены, что въ такомъ переводѣ сочиненіе Шерра послужило-бы самымъ вѣрнымъ и надежнымъ путеводителемъ какъ для лицъ, занимающихся уже теперь первоначальнымъ обученіемъ, которыя способны еще отстать отъ заплесневѣлой рутины тупаго механизма, и искренно желали-бы преобразовать себя согласно современному взгляду на ученіе и воспитаніе, такъ и для самообразованія тѣхъ молодыхъ людей, которые готовятъ себя къ званію подобнаго рода учителей, пока не будутъ у насъ открыты спеціальныя для этой цѣли заведенія, составляющія нашу насущную потребность; да и самыя эти спеціальныя заведенія нашли-бы въ сочиненіи Шерра много поучительнаго и руководящаго и въ-особенности богатство отличнаго готоваго матеріала для своего дѣла.

Въ такомъ убѣжденіи о достоинствахъ педагогическаго сочиненія Шерра, мы рѣшились ближе познакомить читателей съ его содержаніемъ, изложивъ его въ сжатомъ, но по возможности, сколько позволяютъ предѣлы журнальной статьи, въ полномъ очеркѣ. Само собою разумѣется, что относительно объема статьи, насъ болѣе займетъ первая, теоретико-историческая часть, такъ какъ въ ней развиваются побудительныя причины Шерровой реформы народныхъ школъ и тѣ основанія, на которыхъ построено его педагогическое зданіе, и руководящая идея, и весь планъ обученія. Однакожъ и въ самомъ зданіи, т.-е. въ практической части, постараемся обозрѣть все существенное и съ достаточною подробностью для того, чтобы каждый могъ составить себѣ ясное понятіе какъ объ искусствѣ зодчаго, такъ и о прочности и удобности зданія. Изъ практической части мы займемся нѣсколько подробнѣе вторымъ томомъ, потому именно что, по нашему крайнему разумѣнію, заключающійся въ немъ курсъ первоначальнаго обученія, и по числу предметовъ, и по объему ихъ содержанія, и по плану и методѣ развитія учебныхъ предметовъ, могъ-бы весьма удобно и съ величайшею пользою служить частію для школъ грамотности, частію для нисшихъ народныхъ училищъ и вполне для домашняго первоначальнаго обученія, разумѣется, съ примѣненіемъ къ потребностямъ русскаго образованія, тѣхъ учебныхъ предметовъ, которые въ сочиненіи Шерра имѣютъ въ виду только нѣмецкихъ дѣтей, напримѣръ чтеніе и грамматическія правила

языка, и отчасти исторію и географію, занимающіяся подробнѣе самою Германію; то-же самое можно сказать и относительно въ-роченія. Мы даже не сомнѣваемся, что и третій томъ, при тѣхъ-же незначительныхъ измѣненіяхъ и, можетъ быть, съ небольшими дополненіями по нѣкоторымъ предметамъ, могъ-бы служить отличнымъ руководствомъ для преподавателей высшихъ народныхъ училищъ. Въ доказательство мы постараемся нѣкоторые предметы провести чрезъ весь шестилѣтній курсъ народного образованія въ томъ видѣ и въ той постепенности, какъ они развиваются въ сочиненіи Шерра.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наблюденія надъ развитіемъ челоуѣка.

И.

Общечеловѣческое образованіе есть задача педагогикки; точное познаніе цѣлаго челоуѣка, познаніе его души и тѣла и ясное пониманіе особенныхъ проявленій его духовной и физической природы на каждой степени развитія составляютъ основное условіе всякаго педагогическаго образованія; поэтому элементовъ для педагогикки должно искать въ антропологіи и преимущественно въ психологіи. Но авторъ, имѣя въ виду воодушевить школьныхъ преподавателей, образованныхъ родителей и всѣхъ благопріятствующихъ идеѣ общечеловѣческаго образованія, къ усердному содѣйствію въ ея осуществленіи, старается изложить предметъ просто и общепонятно, не стѣсняясь научною систематикою. Онъ часто бесѣдовалъ съ нѣжными и умными родителями о дѣтяхъ и всегда сердечно сочувствовалъ имъ, когда они въ малѣйшихъ событіяхъ дѣтской жизни видѣли что-то достойное удивленія и назиданія. Подобныя бесѣды доставили ему много важныхъ выводовъ для призванія учителей и воспитателей. Впослѣдствіи, испивъ и самъ полную чашу радостей и горестей родителя, авторъ имѣлъ возможность съ особенною заботливостію слѣдить, для своей педагогической цѣли, за развитіемъ челоуѣка, и всегда былъ увѣренъ, что для родителей и въ-особенности для начинающихъ учителей, не можетъ не быть полезнымъ и пріятнымъ, то, что для него самого было чрезвычайно-поучительнымъ, вооду-

шевяло и поощряло его въ дѣлѣ образованія юношества. Эти опыты и наблюденія изложены имъ въ формѣ дѣтской біографіи. «Они не выдумка, говоритъ Шерръ, но сущая правда. Ребенокъ изображенъ здѣсь не такимъ, какимъ онъ быть можетъ, но такимъ, какимъ онъ есть дѣйствительно».

Съ болѣю новый гражданинъ вырвался изъ темнаго лона матери (такъ начинается Шерръ біографію ребенка); слабое, безпомощное существо; жизнь его въ полной зависимости отъ помощи другаго. Перемѣна положенія, казалось, сильно поразила малютку Карла (имя ребенка), онъ закричалъ — это первый шагъ къ развитію ощущенія жизни. Не красиво новорожденное дитя: головка несоразмѣрно велика, цвѣтъ кожи похожъ на красное мясо. Карлъ обмытый и спеленанный спалъ нѣсколько часовъ спокойно. Но проснувшись сталъ кричать; тогда мать дала ему груди и онъ сосалъ помаленьку. Второй шагъ къ развитію, чувство самосохраненія, или инстинктъ. Спустя нѣсколько дней, мать заболѣла, отецъ далъ Карлу немного сахарной воды; видно было, что сладость понравилась; проявилось чувство вкуса. На четвертый день въ сумерки Карлъ открылъ глаза и смотрѣлъ; но внесли въ комнату свѣчу и онъ закрылъ тотчасъ глаза — нервное ощущеніе. Съ этого однакожь времени глаза уже открывались часто и на болѣе долгое время. Спустя нѣсколько недѣль, цвѣтъ кожи совершенно измѣнился, она пожелтѣла; игра нервовъ и мускуловъ на губкахъ очевидно обнаруживала улыбку.

Во второмъ мѣсяцѣ уже мальчикъ устремлялъ глаза на предметы; и мать разными нѣжностями вызвала на уста дѣйствительную улыбку. Чувство зрѣнія быстро развивалось, такъ что въ началѣ третьяго мѣсяца Карлу видимо нравились цвѣтныя ленты и блестящіе предметы и даже онъ могъ различить чужую женщину отъ матери, слѣдовательно образъ матери напечатлѣлся въ душѣ его. Слухъ развивался въ такой-же постепенности. Мальчикъ видимо начиналъ ощущать удовольствіе, когда мать тихо напѣвала ему или отецъ насвистывалъ. Одиночество не нравилось малюткѣ; оставленный на нѣсколько минутъ одинъ въ колыбелькѣ, онъ плакалъ, обнаруживая тѣмъ зарождавшееся влеченіе къ общезитію.

Въ четвертый мѣсяцъ Карлъ, видя себя въ зеркалѣ, сдѣлалъ сильное движеніе всѣмъ тѣломъ и простеръ ручку, чтобы схватить. Головку носилъ онъ теперь свободнѣе и смѣялся громко; притомъ, что-то бормоталъ, будто говорилъ съ собою, будто си-

лился артикулировать свои звуки. Видно было болѣе свободнаго движенія въ рукахъ; малютка сизился доставать предметы; схвативъ что нибудь, быстро подносилъ ко рту и прижималъ такъ крѣпко, что кричалъ отъ боли, если предметъ случался твердый. Въ шестой мѣсяцъ Карлъ сдѣлалъ удачную попытку встать на постелькѣ. Когда онъ воодушевлялся, то на поверхности головки замѣтно было волненіе мозга, онъ то поднимался, то упадалъ. Черепъ вообще отвердѣлъ довольно поздно. Въ седьмой мѣсяцъ дитя однажды что-то безпокоилось и часто клало палецъ въ ротъ; вскорѣ замѣтили, что вырѣзываются зубы.

Пробуждались и душевныя способности: малютку радовало присутствіе знакомыхъ лицъ, живость и смѣхъ играющихъ сестеръ и братьевъ и печалило до слезъ огорченіе маленькой сестрицы. Тѣло значительно окрѣпло, дитя сидѣло уже прямо, быстро и вѣрно дѣйствовало ручками, пыталось передвигаться съ одного мѣста на другое, сперва скользя по полу, а потомъ и ползая на четверенкахъ. Въ девятомъ мѣсяцѣ дитя пыталось стать на ноги, держась за столъ, за скамью и пр.

Болѣе другихъ чувствъ былъ дѣятеленъ слухъ, и своею воспримчивостью помогая умственному развитію и преимущественно развитію способности говорить. Дитя видимо понимало не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя предложенія. Обнаружилась въ значительной степени и раздражительная способность въ движеніи ручекъ, пальчиковъ и устъ; замѣтно было усиліе выразить свое желаніе словами; первая попытка выразилась въ слогахъ, составляемыхъ изъ гласныхъ а, и, е; напр. ма, ба, би и т. д. Безъ всякаго подсказанья дитя назвало канарейку би, би, собаку бу, бу. Общество собаки особенно ему нравилось, но дружбу свою Карлъ выказывалъ собакѣ тѣмъ, что бралъ ее за уши, хваталъ за глаза, собака однакожь никогда не злилась за это, но наскучивъ такими ласками, уходила.

Въ концѣ перваго года способность говорить сдѣлала нѣкоторые успѣхи; дитя не могло еще выговорить цѣлаго предложенія, оно выражало его однимъ словомъ, именно названіемъ предмета своего желанія. Природа въ этомъ случаѣ, замѣчаетъ Шерръ, дѣйствуетъ въ совершенномъ согласіи съ мнѣніемъ тѣхъ филологовъ, которые утверждаютъ, что объектъ выражаетъ главное понятіе. Несравненно болѣе развилась понятливость ребенка, когда его спрашивали о присущихъ предметахъ, велѣли взять то,

принести другое; оно то отвѣчало указывая пальцемъ на предметы, то исполняло приказанія. Въ то же время душевныя способности развивались еще быстрѣе. Любовь къ родителямъ, дружелюбіе къ братьямъ и сестрамъ, застѣнчивость съ чужими людьми, испугъ при видѣ неприятно поражающихъ предметовъ, настойчивость и разнообразіе желаній, чувствительность къ угрозамъ или къ слишкомъ рѣзко произнесенному слову; все это ставило однолѣтняго мальчика гораздо выше всѣхъ животныхъ.

Проявлялось и дѣйствіе памяти. Когда отецъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль отсутствія, возвратился домой, то дитя узнало его и удивило замѣтными успѣхами въ языкѣ. Ребенку было полтора года, когда родители въ первый разъ вывели его въ садъ; сначала разнообразіе предметовъ оставило Карла въ тупикъ; онъ боялся одинъ ходить; но вскорѣ началъ глядѣть на все свободнѣе, глаза его переходили отъ одного предмета къ другому, нигдѣ не останавливаясь. Прежде всего понравились ему цвѣты, и замѣчательно, что вскорѣ онъ самъ называлъ цвѣткомъ каждое подобное растеніе, не смотря на различіе цвѣта и вида: такъ какъ каждое взрослое мужское лицо называлъ онъ мужчиною, каждое женское—женщиною, каждую летающую тварь—птицею, ползущую—червемъ, а каждое большое растеніе—деревомъ. Этимъ доказывается вообще, что при постепенномъ, естественномъ развитіи языка являются сперва высшія родовыя названія.

Общіе признаки представлялись понятію ребенка совершенно правильно. Отецъ однажды повелъ Карла въ первый разъ на лугъ и въ лѣсъ, и удивился, когда тотъ различные виды растений сталъ правильно называть ихъ родовыми именами; если-же что не подходило подъ эти имена, то онъ спрашивалъ: что это? Карлъ очень полюбилъ картинки и разсматриваніе ихъ постепенно развивало въ немъ способность сравнивать. Однажды онъ видѣлъ въ полѣ нищаго, который стоялъ опершись на костыль; спустя нѣсколько дней Карлъ замѣтилъ подобнаго человѣка на картинкѣ и тотчасъ сказалъ: нищій, и указалъ на поле. Случалось также часто, что предметы, видѣнные на картинкѣ, онъ называлъ правильно, когда встрѣчалъ ихъ въ дѣйствительности.

На шестомъ году дѣйствіе душевныхъ силъ выказалось въ нѣсколькихъ проявленіяхъ. Карлъ не только различалъ отдѣльные предметы, но и наблюдалъ отдѣльно ихъ составныя части и свойство этихъ частей; разсматривая цвѣтокъ, онъ различалъ уже

цвѣтные листочки, тычинки и другія части растенія. Судя о какихънибудь вещахъ, онъ уже доискивался ихъ состава и свойства, хотя часто создавалъ себѣ въ этомъ отношеніи ложное понятіе. Каждая вещь была для него хороша или дурна, смотря по тому, могъ-ли онъ ею пользоваться, нравилась ли она ему или нѣтъ. Часто также различалъ онъ и дѣйствія и называлъ ихъ хорошими или дурными. Здѣсь, впрочемъ, замѣтно было, что сужденіе его не самостоятелно, что оно составилось по слышаннымъ прежде сужденіямъ о подобныхъ дѣйствіяхъ. Очень часто называлъ онъ предметы красивыми или гадкими, смотря по тому, какъ нравились ему ихъ цвѣтъ и блескъ. Онъ усвоилъ себѣ нѣкоторое понятіе и о числѣ, но не далѣе пяти, по числу пальцевъ на рукѣ, которые онъ считалъ, не нуждаясь въ пособіи. Очень замѣтно развилось у мальчика воображеніе, но его дѣйствіе ограничивалось обыкновенно преобразеніемъ видимыхъ предметовъ; такъ скамейку онъ представлялъ себѣ повозкою, палку—лопадью; воображеніе однакожъ до такой степени въ душѣ его преобразало предметы, что онъ считалъ ихъ дѣйствительно тѣмъ, что вообразилъ. Желанія его усилились, но въ то-же время начинала дѣйствовать и свободная воля; стоило сказать ему ласковое слово, и онъ добровольно и весело отказывался отъ своего желанія. Усилилось въ немъ и влеченіе къ обществу, но общество мальчиковъ нравилось ему болѣе, чѣмъ общество дѣвочекъ. Онъ чувствовалъ себя счастливѣйшимъ на открытомъ воздухѣ; тамъ онъ съ товарищами строилъ домики, копалъ пруды, проводилъ воду и т. д. Очень часто свобода увлекала мальчиковъ довольно далеко отъ дома; то растительный міръ прельщалъ и разшевеливалъ ихъ душевныя силы, то міръ животныхъ; то шарилъ они повсюду за земляникою и малиною, то занимала ихъ охота за бабочками, птичьи гнѣзды, ловля рыбы въ ручьѣ; когда начинали созрѣвать фрукты, тогда они пробовали своей силы и въ лазаньи по деревьямъ. При такихъ занятіяхъ и упражненіяхъ пробуждалось въ Карлѣ нѣкоторое сознаніе силы. Поэтому въ междоусобныхъ ссорахъ, тогда только восходили жалобы къ родителямъ, когда кого уже слишкомъ задѣли, или когда съ платьемъ случилось несчастье; во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣла рѣшались по праву сильнаго, но обыкновенно чрезъ часть времени взволнованныя страсти утихали. У Карла сильно развилась страсть къ рассказамъ, но большею частью о чемъ ни рассказывалъ онъ, все преувеличивалъ: очевидно, преобладало

въ немъ воображеніе. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ его дѣйствіяхъ выказывалась замѣчательная степень благоразумія, хитрости и ловкости; такъ, когда онъ хотѣлъ чего, то выбиралъ различные пути, чтобы достигнуть цѣли своего желанія.

Вотъ первая степень развитія, которой можетъ достигнуть шестилѣтній мальчикъ, пользующійся здоровьемъ тѣла и ума, среди нравственно образованныхъ людей, безъ другаго содѣйствія, кромѣ задушевности семейнаго общежитія.

Теперь исключительно родительское воспитаніе Карла кончилось; пришла пора отдать мальчика въ школу; онъ не имѣлъ доселѣ яснаго понятія о школѣ, хотя не разъ ему и говорили о ней. Поэтому, когда Карлъ вошелъ въ школу, его сильно поразили многочисленность дѣтей, порядокъ, молчаливое сидѣнье и другіе ему незнакомые предметы. Однакожъ, послѣ нѣсколькихъ дней, застѣчивость исчезла; но мальчикъ не принималъ участія въ ученіи, у него не доставало внимательности. Только и шли дѣла кое какъ, пока занимался съ нимъ учитель, безъ него-же Карла одолевала страшная скука. На третьей недѣлѣ онъ обнаружилъ дома, что школа ему противна и однажды вмѣсто школы, онъ зашелъ къ одному родственнику. Внимательные родители поняли, что занимательнѣе всего можетъ быть для Карла школьная гимнастика. И въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу ему понравилось движеніе рукъ, маршировка, хоровые отвѣты; вниманіе-же его возбуждали болѣе всего такія занятія, гдѣ требовалось дѣйствіе зрѣнія и подражаніе; впрочемъ, онъ охотнѣе рисовалъ фигуры, дома, деревья, людей, животныхъ, нежели элементы формы. Упражненіе въ счетѣ ему тоже довольно нравилось, если давали ему считать вещественные предметы, напр. людей въ комнатѣ, мебель, деревья въ саду. Онъ свелъ дружбу съ мальчиками и дѣвочками, ходилъ вмѣстѣ съ ними въ школу, гулялъ на дворѣ и это мало-по-малу заставило его полюбить школу. Касательно учебныхъ предметовъ, онъ болѣе всего бывалъ доволенъ тогда, когда учитель рассказывалъ что либо историческое и всегда слышанное охотно повторялъ дома отцу или матери. Большой онъ былъ также охотникъ къ картинамъ, и очень рано спѣшилъ въ школу всякій разъ, когда учитель наканунѣ обѣщалъ показать новую картину. Упражненіе въ письмѣ ему нравилось, и онъ охотно занимался имъ дома. Въ концѣ школьнаго года результаты его ученія были слѣдующіе: привычка къ вниманію, правильная дѣятельность, отчетливое разсматриваніе

предметовъ по ихъ свойству и по числу ихъ существенныхъ частей, умѣнье различать элементы формы, болѣе чистый выговоръ, послушаніе, расположеніе къ общежительности, нѣкоторая элементарная сноровка въ чтеніи и письмѣ.

Но далѣе уже нѣтъ возможности прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное развитіе ребенка; чѣмъ болѣе расширяется поле развивательнаго дѣйствія, тѣмъ болѣе совпадаютъ между собой сходныя проявленія развитія, и тѣмъ менѣе представляется удобства наблюдать отдѣльныя явленія. Поэтому, лучше всего разсмотрѣть результатъ наблюденій за два года, съ семи до девятилѣтняго возраста. Въ этотъ періодъ времени увеличивается преимущественно ясность въ прежде приобрѣтенныхъ понятіяхъ и болѣе вѣрное сознаніе вновь приобрѣтаемыхъ. Большое число словъ и предложений, заученныхъ прежде безъ ясно-понимаемаго значенія, получаетъ теперь внутреннее содержаніе, хотя въ выраженіяхъ и встрѣчается еще много забавнаго. Какъ слѣдствіе товарищескаго общежитія и школьнаго ученія, является нѣкоторая сдержанность въ поведеніи, особенно въ тѣхъ прихотяхъ, которымъ дѣти иногда предаются излишне. Преимущественно проявляется стремленіе ко всему честному и благородному, обнаруживающееся радостью дитяти, что занятія его одобряются. Въ содѣйствіе этому влеченію является чувство стыда. Посѣщеніе школы входитъ въ привычку или, что еще важнѣе, дитя признаетъ ее своею неуклонною обязанностію. Не только уже нѣтъ надобности въ понужденіи, но дитя скучаетъ, когда остается дома по болѣзни или по другому обстоятельству. Нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ жизни отъ семи до девяти лѣтъ, воображеніе слабѣетъ, вся жизнь ребенка, все стремленіе принадлежитъ настоящему; никакія воспоминанія прошедшаго, никакія предположенія и заботы о будущемъ не занимаютъ его. Непостоянны и перемѣнчивы его намѣренія и пожеланія, минувшія радости и печали не впечатлѣваются, глубокая привязанность не приковываетъ его къ одному предмету, глубокая ненависть не отталкиваетъ отъ другихъ; верхъ его желаній— это игры въ веселомъ, беззаботномъ мірѣ мальчиковъ. Кто не помнитъ веселыхъ дней и часовъ, когда онъ, по своему возрасту, имѣлъ уже право явиться въ толпѣ мальчиковъ и занять подобающее мѣсто въ игрѣ въ мячикъ и въ охоту? Какое удовольствіе сравнивается съ тѣмъ удовольствіемъ мальчиковъ, когда весеннее теплое солнышко высушить площадку и они начинаютъ

игры въ маленькіе круглые камушки. Бочки золота, накопленнаго купцомъ, не стоятъ въ ихъ глазахъ горсти камушковъ. Кто не почувствуетъ тоски, вспомнивъ то время, когда онъ съ веселою толпою бѣгалъ въ лѣсъ и въ рощу за земляникою, или раннею весною въ поле за фіалками, или когда въ жаркое лѣто купался или ловилъ рыбу? Счастливый возрастъ! когда никакое время года не причиняетъ заботъ и печали, а каждое полно новыхъ радостей. Исчезнутъ-ли на лугахъ цвѣты, то открывается зеленое поле для игры и охоты, пройдетъ-ли пора и этому удовольствію, то мальчики радостно привѣтствуютъ первые хлопки снѣга и жалѣютъ только о томъ, что ихъ еще мало. Нѣтъ тогда ни слишкомъ жесткаго вѣтра, ни слишкомъ гладкой плоскости. Шумъ коньковъ зажигаетъ въ нихъ такой огонь, котораго ни почему и лютейшій морозъ. Счастливо то дитя, которому умный отецъ и здоровая мать не лишаютъ подобныхъ радостей!»

«Воспитаніе дѣтей лучше образуетъ воспитателей, нежели всѣ воспитатели, говоритъ Жанъ-Поль. Слѣдовательно, кто воспитаніе считаетъ важнымъ дѣломъ и убѣжденъ въ томъ, что наблюденія и изученіе дѣтской жизни составляютъ главныя условія въ образованіи воспитателя, тому авторъ предлагаетъ воспоминанія откровенныхъ молодыхъ людей изъ ихъ дѣтской жизни, довѣрчиво рассказанныя автору. Конечно, эти рассказы обнаруживаютъ много грубости и невѣжества въ народной жизни, но за то въ нихъ отражаются чистота сердца и нѣжность чувства. И ежели въ ранней юности просвѣчиваются уже лукавство и сильныя страсти, то все-же мы и здѣсь встрѣчаемъ честную простоту, рѣшительно отвергающую тотъ догматъ, будто человѣкъ отъ природы способенъ единственно ко злу. Нѣтъ сомнѣнія, что народъ воспримчивъ къ добру. Если-же насъ и поражаютъ преобладающіе въ немъ пороки: низость, суевѣріе, корыстолюбіе, то многое въ этихъ рассказахъ, и въ особенности то, что касается школьнаго образованія, говоритъ въ оправданіе народа. Конечно, много въ этихъ рассказахъ ребячества и вздора; но при изученіи человѣка и эти мелочи не будутъ безъ значенія. Проявленіе ума въ раннемъ дѣтствѣ достойно особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи. Авторъ причисляетъ къ пріятнѣйшимъ въ жизни своей тѣ минуты, въ которыя воспитан-

ники его доставили ему возможность заглянуть въ зеркало ихъ дѣтства.

Шерръ приводитъ десять подобныхъ разсказовъ. Каждый изъ нихъ объясняетъ ту или другую сторону совершающагося болѣе подѣ руководствомъ самой природы, нежели подѣ руководствомъ родителей, умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей въ простомъ народѣ. Въ психологическомъ отношеніи важность этихъ разсказовъ неоспорима. Любознательный учитель народной школы, прочтя ихъ со вниманіемъ, найдетъ въ проявленіяхъ дѣтскаго ума и сердца много для себя поучительнаго и достойнаго размышленія. Мы весьма сожалѣемъ, что предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ помѣстить здѣсь нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ разсказовъ.

III.

Такимъ образомъ, пробудивъ въ читателѣ потребность къ размышленію надъ человѣческимъ существомъ, авторъ переходитъ къ научнымъ психологическимъ положеніямъ, или, какъ значитса въ заглавіи этого очерка «къ изложенію, съ психологическою и педагогическою цѣлью, результатовъ, выведенныхъ изъ наблюденій надъ процессомъ человѣческаго развитія и изъ исторіи дѣтской жизни». Всѣ поэтому психологическія объясненія имѣютъ педагогическую цѣль. При такомъ условіи не можетъ быть полной системы. Авторъ ограничивается указаніемъ на духовный организмъ и его развитіе, нагляднымъ изложеніемъ внутреннихъ силъ и дѣятельности ихъ и установленіемъ для отвлеченной мысли настоящей точки опоры въ ясныхъ и рѣзкихъ чертахъ опредѣленій. Приведемъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ мѣстъ изъ этого очерка, чтобы познакомить читателей со взглядомъ автора на психологическія явленія и на способъ его изложенія.

Дѣйствія душевныхъ силъ обнаруживаются въ трехъ способностяхъ души: въ способности познаванія, въ способности чувствованія и въ свободной волѣ. Въ отношеніи педагогическомъ полезно различать нѣкоторыя ступени развитія и на каждой ступени наблюдать процессъ человѣческаго развитія во всѣхъ его направленіяхъ, потому что душевныя способности развиваются не отдѣльно одна отъ другой, но всѣ вмѣстѣ.

Какими путями явленія внѣшняго міра достигаютъ души? Про-

цессъ этотъ называютъ *чувственнымъ воспріятіемъ*. Чувственными орудіями суть вообще нервы, посредствомъ которыхъ происходитъ взаимодѣйствіе между тѣломъ и душою. Нервы, состоя изъ тонкой матеріи, пробѣгаютъ въ видѣ тонкихъ нитей сквозь все тѣло по направленію кровяныхъ сосудовъ и развѣтвляются въ головномъ и спинномъ мозгѣ. Черезъ нервы общее ощущеніе жизни распространяется по всему тѣлу въ пяти направленіяхъ и передаетъ душѣ впечатлѣнія, полученныя отъ предметовъ внѣшняго міра. Способность воспроизводить по этимъ впечатлѣніямъ въ душѣ внѣшніе предметы, называется *способностію представленія*.

Ступеней человѣческаго развитія три: первая, самая низшая, гдѣ преобладаетъ чувственность; вторая, средняя, гдѣ преобладаютъ воображеніе и влеченіе къ подражанію; третья, высшая, гдѣ преобладаетъ способность мышленія.

Представленія, которыя получаетъ душа посредствомъ чувствъ, можно воспроизводить въ ней и тогда, когда представленный предметъ уже не поражаетъ чувствъ. Эта особенная дѣятельность душевной силы называется *воображеніемъ*; оно преобладаетъ на средней ступени развитія.

Дѣятельность души, которая только воспроизводитъ прежнія представленія, называютъ воспроизводительнымъ воображеніемъ (*reproductive*), въ противоположность производительному воображенію (*productive*), которое самостоятельно производитъ новыя представленія и принадлежитъ уже къ высшей ступени развитія. Воспроизводительное воображеніе ограничивается предметами и явленіями, которыя чувственное воспріятіе передаетъ душѣ въ видѣ представленій. Преображеніе предметовъ есть главное его дѣйствіе въ развитіи. Такъ палка даетъ мальчику представленіе дѣйствительной лошади, кусочикъ дерева даетъ дѣвчкѣ представленіе дитяти въ пеленкахъ. Но что эта преобразующая игра воображенія не составляетъ высшей духовной дѣятельности, ясно указывается тѣмъ, что сумасшедшіе часто забавляются подобными преображеніями. Даже во снѣ, когда сознательная жизнь какъ будто останавливается, игра воображенія продолжается и производитъ въ нашей душѣ грёзы, во время которыхъ ряды представленій являются то въ послѣдовательной связи, то въ странной пестротѣ и смѣшеніи. Грёзы имѣютъ связь съ прежними событіями, дѣйствительно случившимися или только задуманными, и замѣствуютъ свои предметы чаще всего изъ того періода жизни, ко-

гда дѣятельность нашего воображенія бываетъ самая сильная, слѣдовательно изъ періода средней юности. Дѣйствіе воспроизводительнаго воображенія въ дѣтяхъ доказываетъ, что оно далеко опереживаетъ высшее умственное развитіе. На третьемъ, четвертомъ и пятомъ году жизни дитя обитаетъ болѣе въ мірѣ воображенія, дѣйствительности. Всѣ суевѣрные олицетворенія вѣдьмъ, привидѣній, духовъ, и т. п. должно считать созданіями нисшей степени воображенія; сюда-же принадлежатъ чувственныя представленія божества у народовъ необразованныхъ. Самыя страшныя послѣдствія раздраженнаго воображенія этого рода мы видимъ въ исторіи религіозныхъ и политическихъ сумазбродствъ.

На высшей степени развитія преобладаетъ *способность мысленія*. Главная дѣятельность мыслительной способности состоитъ въ *сравненіи* и *различеніи*. Но ей должна непосредственно предшествовать другая дѣятельность: *внимательность*. То, что педагоги называютъ *упражненіемъ въ созерцаніи*, есть собственно не иное что, какъ напряженное и направленное на одинъ предметъ вниманіе, которое постепенно изошряется и дѣлается настойчивѣе. Поэтому, развитіе вниманія есть дѣло чрезвычайной важности. Благодаря внимательности къ предметамъ и явленіямъ, человѣкъ достигаетъ *сознанія*, а съ нимъ восходитъ на степень *пониманія*. Въ дальнѣйшемъ развитіи вниманіе устремляется въ самую внутренность человѣка, въ его духовную индивидуальность. Онъ достигаетъ самосознанія, когда можетъ углубляться мыслию даже въ самого себя, въ свое я. Здѣсь уже человѣкъ достигаетъ степени *разумности*.

Черезъ сравненіе и различеніе человѣкъ отыскиваетъ въ предметахъ *сходное*, отличительное, существенное, случайное. Существенные признаки мы можемъ отвлечь отъ единичныхъ предметовъ, и, при сравнительномъ разсмотрѣніи другихъ предметовъ, присвоить ихъ послѣднимъ. Такимъ образомъ возникаетъ *приведеніе предметовъ къ одному роду* и образуется *понятіе*, т. е. представленіе на основаніи существенныхъ признаковъ. Всѣ предметы, объемлемые понятіемъ, могутъ быть обозначены тѣмъ или другимъ *словомъ*. Такъ какъ общежитіе вынуждаетъ человѣка сообщать свои представленія посредствомъ видимыхъ знаковъ (слова), то вмѣстѣ съ развитіемъ мыслительной способности развивается по необходимости въ равной степени и способность говорить; мысль и слово столь тѣсно связаны между собою, что, при успѣ-

кахъ развитія мысли, словесные знаки какъ будто занимаютъ мѣсто представленій, образовавшихся въ понятіяхъ.

Мыслительная способность, въ своей восходящей дѣятельности, по соотношенію понятій образуетъ *сужденіе*. Это соотношеніе сопоставляетъ понятіе дѣйствія съ понятіемъ бытія. Сужденіе и мысль однозначны, и выраженіе ихъ называется *предложеніемъ*. Какъ по соотношенію понятій дѣйствующая мыслительная способность образуетъ сужденіе, точно также по соотношенію сужденій она выводитъ *заключеніе*. Чрезъ *развитіе способности мышленія* и чувственныя дѣятельности, особенно воображеніе, получаютъ высшее значеніе. Человѣкъ мыслящій полнѣе и отчетливѣе понимаетъ каждое ощущеніе; онъ отыскиваетъ взаимныя между ними отношенія, ихъ свойства и качества, узнаетъ причину, дѣйствіе и назначеніе. Благодаря дѣятельности ума и продукты воображенія получаютъ правильность, гарантію и надлежащую связь. *Производительное воображеніе*, съ одной стороны, примыкаетъ къ соображающей *изобрѣтательности* и въ области индустріи получаетъ уже высокое значеніе, съ другой — завоевываетъ и расширяетъ область *искусства*; творенія компониста, живописца, ваятеля суть плодъ живой *фантазіи*, которой мыслящій умъ даетъ направленіе и указываетъ предѣлы. Въ области слова фантазія проявляется какъ *поэтический даръ* и создаетъ новую область, оживленную идеалами, парящими выше предметовъ дѣйствительности.

На этой ступени развитія душа получаетъ способность къ воспріятію *благороднѣйшихъ чувствованій*. Въ особенности дѣятельнымъ становится *чувство изящнаго*, т. е. проявляется горячее сочувствіе къ соразмѣрности и гармоніи, не обращающее вниманія на утилитарность и чувственное наслажденіе. Такое чувство называется *эстетическимъ чувствомъ*. А ежели въ исторіи искусства и встрѣчается нѣсколько исключеній, ежели эстетическое чувство и проявилось въ нѣкоторыхъ индивидумахъ во всей своей животворности, тогда какъ мыслительныя способности въ нихъ были очень слабо развиты, все-же общій выводъ неоспоримъ, что воспріимчивость эстетическаго чувства условливается интеллектуальнымъ образованіемъ. У слабоумныхъ людей эстетическое чувство непробудимо; въ огромной массѣ необразованнаго народа оно безжизненно, точно также, какъ и у маленькихъ дѣтей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческое обозрѣніе.

Историческій очеркъ Шерра не представляетъ послѣдовательной исторіи воспитанія и обученія у древнихъ и новѣйшихъ народовъ; это большею частію біографическіе очерки знаменитѣйшихъ мыслителей древняго и новаго міра, какъ тѣхъ, которые только теоретически высказали свой взглядъ на воспитаніе и обученіе, такъ и тѣхъ, которые свои теоретическія начала старались осуществить на практикѣ, и вообще тѣхъ, которые внесли въ науку воспитанія наиболѣе здравыхъ понятій и плодотворныхъ истинъ. Знакомство съ ними, безъ сомнѣнія, доставитъ учителю народныхъ школъ не только пользу, но и удовольствіе (*). Поэтому, и мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи сообщить нѣсколько такихъ подробностей о замѣчательнѣйшихъ лицахъ и событіяхъ въ исторіи народнаго образованія и воспитанія, какихъ, по-крайней-мѣрѣ намъ, не удавалось доселѣ встрѣчать въ русской историко-педагогической и вообще исторической литературѣ.

1) *Воспитаніе у евреевъ.*

Первоначальное домашнее воспитаніе у евреевъ имѣло религиозный характеръ: съ ранняго возраста отецъ училъ дитя чтенію, заповѣдямъ и богослужебнымъ обрядамъ. Только у царскихъ дѣтей былъ особый учитель, называемый *оменъ*, пользовавшійся высокимъ уваженіемъ. Публичныхъ школъ не было; однакожь, нѣкоторое музыкальное образованіе было распространено и между низшими сословіями. Мать воспитывала и обучала дочерей; образованіе ограничивалось пѣніемъ и танцами для религиозныхъ празднествъ. Еврейскія жены отличались добродушіемъ, религиозностію, любовію къ отечеству и даже геройскою отвагою. Съ музы-

(*). Шерръ говоритъ, что, когда онъ писалъ этотъ историческій очеркъ, то ему часто приходило на мысль, не полезнѣе-ли было-бы въ историческихъ сочиненіяхъ для народа сообщать болѣе свѣдѣній о событіяхъ изъ области духовной жизни, чѣмъ о сраженіяхъ, рѣзняхъ и разбояхъ. Духовныя искры запали-бы въ народную жизнь и вѣроятно со временемъ у многихъ восплали-бы яркимъ пламенемъ.

кою, какъ съ главною вѣтвію воспитанія, соединялась поэзія; этимъ обоимъ предметамъ обучали преимущественно въ пророческихъ школахъ, основанныхъ Самуиломъ; нѣкоторыя изъ этихъ школъ при Давидѣ достигли высшей степени процвѣтанія.

Соломонъ ввелъ въ воспитаніе восточный элементъ и тѣмъ уничтожилъ особенность іудейскаго воспитанія. Послѣ вавилонскаго плѣненія раввины основали ученыя школы въ Иерусалимѣ, Александріи и Вавилонѣ. Основаніе же публичныхъ школъ относится къ 40 годамъ до Р. Х., и онѣ особенно процвѣтали подъ вліяніемъ раввиновъ Гиллея и Шаммаи. Иисусу, сыну Гамли, приписываютъ основаніе первой школы для дѣтей, и то не задолго до разрушенія Иерусалима. Въ такихъ школахъ обучали св. писанію, правоученію, времечисленію, поэзіи, праву и кабалистикѣ. Каждый городъ, каждое мѣстечко, въ которомъ не было школы, подвергались проклятію, а если и это не помогало, то ихъ истребляли. Была раввинская пословица: *«паромъ изъ дѣтскихъ устъ въ школь держится міръ»*. Ученіе дѣтей почиталось условіемъ для пріобрѣтенія вѣчной жизни. Для 25 учениковъ опредѣляли одного учителя, для 40—учителя съ помощникомъ, для 50—двухъ учителей. Дѣтямъ съ 5 и 6 лѣтняго возраста преподавали св. писаніе; съ десяти лѣтъ—мишну, съ пятнадцати—талмудъ и высшія науки. Равви сидѣлъ на каѳедрѣ, подлѣ него херувимы (помощники); на полу, у ногъ учителя, сидѣли талмудимы (ученики). Преподаваніе было изустное, ученики только слушали. Отличившагося ученика производили въ *хабары* и въ этомъ званіи онъ могъ давать свой голосъ, но еще не имѣлъ права открывать особой школы. При производствѣ въ учителя, равви возлагалъ руку на его голову и говорилъ: «ты теперь учитель». Въ то-же время ему подавали ключъ и письменную доску, какъ символъ письменнотолкованія. У Гиллея было 1000 учениковъ; каждый большой городъ имѣлъ одну синагогу или болѣе; въ Иерусалимѣ ихъ было 400 и въ каждой синагогѣ находилась учебная зала. Уваженіе къ ученымъ не имѣло границъ, чему служить доказательствомъ слѣдующее школьное правило: «кто преступитъ слово софферима, тотъ достоинъ смертной казни; кто споритъ съ своимъ учителемъ, тотъ споритъ съ Богомъ; кто ропщетъ на своего учителя, тотъ ропщетъ на верховное существо; ученыхъ должно высоко уважать, потому-что они суть подпоры міра».

2) *Пифагоръ.*

Пифагоръ, какъ извѣстно, родился на островѣ Самосѣ въ 480 г. до Р. Х. Полагаютъ, что въ числѣ его учителей былъ Біасъ, одинъ изъ семи мудрецовъ, и что онъ для своего усовершенствованія путешествовалъ по Египту и тамъ изучилъ мудрость египетскихъ жрецовъ. На сороковомъ году жизни, онъ оставилъ Самосъ и избралъ для своего жительства городъ Кротону, въ южной Италіи (великой Греціи), славившійся здоровымъ мѣстоположеніемъ, красивыми, крѣпкими и способными къ образованію жителями. Здѣсь онъ основалъ религіозно-политическое общество, имѣвшее цѣлю чистую гармонію жизни, мысли и чувства и представлявшее будто одно великое семейство, основанное на законахъ нравственнаго образованія. Общество это соединялось такими тѣсными узами, что даже имущество у него было общее; изъ этого видно, что пифагорейская школа въ обширнѣйшемъ значеніи заключала въ себѣ не только юношество, но и зрѣлыхъ людей, мужчинъ и женщинъ.

Желающіе поступить въ это общество подвергались продолжительному испытанію. Три года за ними наблюдали и только тогда, когда умственные и нравственные ихъ качества удовлетворяли требованіямъ, ихъ принимали въ общество.

Это былъ первый, такъ сказать, нравственный классъ; за нимъ слѣдовалъ второй, который можно-бы назвать религіознымъ. Отъ кандидатовъ его требовалось, между прочимъ, пятилѣтнее молчаніе. Ученики перваго и втораго классовъ назывались *экзотериками*; они были посвящены еще не во всѣ таинства. Кто достойно прошелъ обѣ эти ступени, тотъ поступалъ въ общество третьяго ученаго класса, члены котораго назывались *эзотериками* и раздѣлялись на математиковъ и физиковъ. Всю жизнь Пифагоръ раздѣлялъ на четыре степени: дѣтство, юность незрѣлая, юность зрѣлая и старость, и для каждой степени полагалъ по двадцати лѣтъ. Учебными предметами были: арифметика, гармоника, геометрія и астрономія. Число почиталось священнымъ таинствомъ. Пифагорейцы утверждали, что и самая душа есть число или гармонія. Пифагорова численная табличка и Пифагорова теорема знакомы каждому начинающему учиться математикѣ.

Три условія требовались для умственнаго образованія: быстрота пониманія, даръ соображенія и добрая память. Лучшимъ обра-

зовательнымъ средствомъ почиталась музыка, которая очищаетъ сердце человѣка и управляетъ страстями.

Пѣніе было характера успокоительнаго, инструментъ—аполлонова лира. Главнымъ предметомъ ученія были стихотворенія Гомера и Гезіода. Гимнастикою занимались мало; танцы допускались какъ упражненіе, развивающее гибкость тѣла и укрѣпляющее здорье.

Наблюденіе природы повело Пивагора къ открытію тѣснѣйшей связи между ею и религіею.

Какое высокое достоинство, по мнѣнію Пивагора, человѣкъ приобретаетъ посредствомъ умственнаго образованія, показываетъ его изрѣченіе: блаженство есть приобретеніе умственнаго образованія. Вотъ еще его слова: высочайшая праведность—жертва; высочайшая мудрость—число; высочайшая красота—гармонія; высочайшее добро—блаженство; высочайшая истина то, что люди отъ природы злы.

Не будь ни для кого нахаломъ! было однимъ изъ первыхъ увѣщеваній; такъ какъ и вообще въ древности юношеская стыдливость почиталась богатѣйшимъ и даже единственнымъ источникомъ всѣхъ добродѣтелей. Но и физическое воспитаніе Пивагоръ также цѣнилъ высоко. Одежда была очень проста и обыкновенно состояла изъ бѣлаго платья. Въ пищѣ строго соблюдалась естественная простота. Вино и пучащія яства были запрещены. Употребленіе мяса было также ограничено; пивагорейцы воздерживались отъ охоты, потому-что война противъ звѣрей ведетъ за собою войну противъ людей, которая разрушаетъ гармонію, цѣль школы. Ежедневныя занятія приучали къ жизни безстрастной, гармонической, сознательной. Молитва составляла первое занятіе каждаго утра. Вотъ одно изъ утреннихъ правилъ:

«Пробудившись утромъ отъ крѣпительнаго сна,

«Немедленно и внимательно подумай, что будешь дѣлать днемъ».

Они приводили также себѣ на память событія минувшаго дня; очищали и укрѣпляли сердце музыкою, собирали свои мысли, гуляя уединенно въ священныхъ рощахъ. Послѣ такого приготовленія начинали умственные и тѣлесныя упражненія. Послѣ полудня занимались дѣлами. Вечеромъ вдвоемъ или втроемъ гуляли на открытомъ воздухѣ, бесѣдуя о томъ, какъ прожили день и чему вы-

учились; и послѣ нравственныхъ назиданій отправлялись на покой. Одно вечернее правило гласить:

«Да не прежде закроетъ тебѣ сонъ ослабѣвшіе глаза
 «Пока ты трижды не продумаешь всѣ твои дневныя дѣла;
 «Не прежде, пока ты не допросишь себя,—куда ты ходилъ,
 «Что дѣлалъ и чего ты еще не сдѣлалъ подобающаго божеству».

Семейное единство, кажется, было главною цѣлью Пифагора, потому-что онъ почиталъ величайшею несправедливостію различать дѣтей и родителей между собою. Онъ старался возвысить важность женщины и женскаго пола. *Женщины*, говорилъ онъ, *должны всегда имѣть въ устахъ добрыя слова, потому-что онъ созданы преимущественно для благочестія.* Его жена, Теано, отличалась умомъ и добротою сердца, Полагаютъ, что она написала книгу о благочестіи. Извѣстны два ея прекрасныя письма о воспитаніи дѣтей и о домоводствѣ. До насъ не дошло ни одного сочиненія ни самаго Пифагора, ни его непосредственныхъ учениковъ.

3) Первоначальное обученіе и воспитаніе въ Римѣ.

У римлянъ умственное развитіе не было главною цѣлью школьнаго ученія; они предпочитали предметы утилитарные образовательнымъ, напримѣръ ариметику геометрію. Чтеніе, письмо и счеты были главными учебными предметами. Но только во времена Августа публичное обученіе получило общее и опредѣленное развитіе. Чтенію начинали обучать дѣтей съ семилѣтняго возраста, какъ видно, по силлабической методѣ. Обыкновенно старшіе ученики показывали младшимъ какъ выговаривать буквенные знаки, слоги, слова и даже стихи, и тѣ хоромъ повторяли за ними. Значитъ, что метода взаимнаго обученія была уже знакома римлянамъ. Ученіе наизусть, какъ упражненіе памяти, было въ большомъ ходу. Огромныя статьи изъ лучшихъ писателей списывались подъ диктовку и заучивались наизусть. Чтенію и письму, какъ свидѣтельствуютъ многіе писатели, обучали вмѣстѣ, соединенно. Дисциплина и порядокъ содержались строго; ученикъ долженъ былъ являться въ школу безъ шума, чисто одѣтый, вымытый и причесанный, привѣтствовать учителя и занять опредѣленное мѣсто. Сѣченіе было весьма обыкновенною вещью, даже фило-

софы одобряли его. Квинтиліанъ первый былъ педагогъ, который сильно порицалъ сѣченіе. Въ низшихъ классахъ были по ладони фериулю, розгою, въ высшихъ—бичикомъ (*flagellum*). Римскіе писатели сообщаютъ не очень выгодныя мнѣнія о своихъ учителяхъ. Вотъ что одинъ изъ нихъ говоритъ: «Ежели мальчикъ, сидя при учителѣ дома и читая книгу, ошибется хоть только въ одномъ слогѣ, то онъ ему такъ окраситъ кожу, какъ красна епанча кормилицы». Но другой еще хуже отзывается о недоучкахъ учителей. «Было-бы весьма желательно, говоритъ онъ, чтобы учителя или вполнѣ были образованы, или вовсе ничего не знали. Ибо нѣтъ ничего хуже, какъ тѣ люди, которые зная нѣсколько болѣе первыхъ элементовъ, создаютъ ложное понятіе о своей мудрости, и, выставя на показъ свою глупость, все-таки считаютъ въ числѣ своихъ достоинствъ оказывать снисхожденіе тому, кто способенъ научить ихъ самихъ». Но извѣстный любитель сѣченія во времена Августа, Орбилій, горько жалуется также и на тѣ оскорбленія, которыя терпѣли учителя отъ высокоумія и суетности родителей. Греческій языкъ пользовался такимъ высокимъ почетомъ, что даже Квинтиліанъ, знаменитѣйшій изъ римскихъ педагоговъ, требовалъ, чтобы языкоученіе начиналось греческимъ языкомъ.

4) Школы для народнаго обученія въ средніе вѣка.

Послѣ разрушенія западной римской имперіи, въ устроившихся на ея развалинахъ новыхъ государствахъ все еще продолжали существовать кое-гдѣ (напр. въ Римѣ, Равеннѣ, Тулузѣ, Турѣ, Йоркѣ) прежнія школы, особенно при монастыряхъ бенедиктинцевъ, въ которыхъ дѣти и юноши обучались различнымъ наукамъ, раздѣленнымъ, какъ извѣстно, на два курса, *trivii* и *quadrivii*. Многія распоряженія Карла Великаго имѣли цѣлью обобщить школьное образованіе; онъ ввѣнилъ въ обязанность монастырямъ и приходскимъ церквямъ, чтобы при нихъ были школы для обученія чтенію, пѣнію, началамъ счисленія, грамматикѣ и письму. Къ сожалѣнію, ежели и при жизни Карла Великаго не всѣ его геніальныя предначертанія могли осуществиться, то впоследствии, при общемъ средневѣковомъ смятеніи и неурядицѣ, рушилось и то, что, казалось, было имъ построено на прочныхъ основаніяхъ. Этой печальной участи подверглись и школы. Обогадившееся духовен-

ство, какъ монастырское, такъ и бѣлое, признавъ греческую и римскую мудрость языческою глупостью, дьявольскимъ прельщеніемъ къ грѣху, перестало заниматься науками и образованіемъ юношества, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ любознательныхъ бенедиктинцевъ вытѣснило нищенствующее монашество. Приходскія школы въ деревняхъ почти повсюду закрылись, а даже и въ городахъ приходскіе священники успѣли свалить съ себя бремя обучения на своихъ помощниковъ, такъ названныхъ дѣтскихъ учителей (*puegum magistri*). Впослѣдствіи, въ городахъ загорѣлся споръ между духовною и свѣтскою властію объ управленіи школою, и когда побѣда осталась при духовной власти, то разлѣнившееся духовенство не замедлило привести школы въ совершенный упадокъ. Въ это-то время крайней нужды въ учебныхъ заведеніяхъ возникли общества бродячихъ школьныхъ учителей. Духовныя лица, непристроенныя къ мѣсту и студенты, полюбившіе бродячую жизнь, посвящали себя преимущественно учительскимъ занятіямъ. Являлись между ними учителя, получившіе право содержать школы и принимать къ себѣ товарищей. Эти учителя и товарищи странствовали изъ города въ городъ, заключали на извѣстное время договоры и занимались обученіемъ въ помѣщеніи, какое случалось, иногда въ сараяхъ и столахъ. Учитель принималъ на себя обязанность: выучить дѣтей говорить по-латыни, хорошо смотрѣть за ними, вѣжливо обращаться съ ними, прилично вести себя и въ грозѣ держать своихъ товарищей. Частое тѣлесное наказаніе палкою или розгою считалось необходимымъ условіемъ хорошаго устройства школы. Школьныя общества обыкновенно вели жизнь слишкомъ веселую и расточительную, а потому рѣдко подобная школа оставалась долгое время на одномъ мѣстѣ. Это обстоятельство подавало поводъ еще къ большому бродяжничеству въ школьномъ мѣрѣ; вмѣстѣ съ учителемъ и его товарищами отправлялись и ученики, и такимъ образомъ встрѣчались по дорогамъ цѣлыя бродячія орды учителей, товарищей и учениковъ, наводившія при встрѣчѣ страхъ на мирныхъ путешественниковъ. Взрослые ученики назывались бахантами (*bachantes*), младшіе пицами (*Schütze, стрѣлецъ*). У каждого баханта было много пицовъ; онъ ихъ велъ и кой-чему обучалъ. За то пицы состояли въ полномъ его распоряженіи. Они должны были добывать для него съѣстные припасы и наптки, все равно выпрачивали-ль они ихъ, или воровали. Народъ до такой степени привыкъ къ хищничеству бродячихъ

школьниковъ, что воровство гусей, куръ и утокъ какъ будто было законнымъ для нихъ дѣломъ; часто одна толпа школьниковъ давала другой формальное сраженіе. Таково было вообще состояніе народныхъ школъ въ средніе вѣка.

5) *Коменій. Локкъ. Песталоцци. Ланкастеръ.*

Четырнадцатое и въ особенности пятнадцатое столѣтія было временемъ необыкновеннаго умственнаго движенія въ Европѣ. Заботы Петрарка и Боккачіо, чтобы воскресить изученіе классической литературы, Констанцскій и Флорентинскій соборы, гдѣ лицо съ лицомъ встрѣтился съ собою лучшіе умы Италиі, Франціи и Германіи, появленіе на послѣднемъ первѣйшихъ знаменитостей современной греческой учености, изъ коихъ многіе, поселившись въ Италиі, познакомили ее съ Гомеромъ и Платономъ, изобрѣтеніе книгопечатанія, паденіе Константинополя, обогатившее Италию новыми греческими учеными, открытіе Америки,—всѣ эти міровыя событія, дѣйствуя отдѣльно и совокупно, мало-по-малу произвели то умственное и нравственное обновленіе, которымъ такъ ярко сіяетъ въ исторіи европейской образованности шестнадцатое столѣтіе, и которымъ обусловилося потрясеніе религіознаго міра. При такомъ настроеніи умовъ, и воспитаніе и обученіе юношества не могли не обратитъ на себя вниманіе передовыхъ двигателей современнаго просвѣщенія. Первые заговорили объ этомъ Эразмъ Роттердамскій и Рейхлинъ, оба воспитанники знаменитѣйшей въ то время девентерской школы въ Голландіи. За ними выступаютъ уже практическіе дѣятели на учебномъ поприщѣ, знаменитые реформаторы Цвингли и особенно Меланхтонъ, о которомъ Лютеръ писалъ: «Кто не признаетъ Филиппа учителемъ, тотъ навѣрное истый оселъ и бахантъ, окутанный мракомъ невѣжества. Нѣтъ никого на землѣ, озаряемой солнцемъ, кто-бы обладалъ такими дарованіями, какъ Филиппъ».

Исторія педагогики въ семнадцатомъ столѣтіи не можетъ не обратитъ вниманія на педагогическія заслуги піетистовъ, Шпенера и Франке, а также Коменія, какъ изобрѣтателя метода нагляднаго обученія, и въ особенности Локка. Вотъ мысль, цѣлую жизнь занимавшая Коменія: *посредствомъ методическаго обученія съ самаго ранняго времени можно было-бы доставить всему человечеству лучшее воспитаніе и счастливѣйшую жизнь*. Въ своихъ педагогическихъ трудахъ онъ держался слѣдующаго основанія:

истинная наука истекаетъ изъ наглядности; она связываетъ приобрѣтенія вещественнаго знанія съ приобрѣтеніемъ знанія языка, а это ведетъ къ истинному воспитанію. Самое ученіе начинается естественно съ первыхъ началъ, съ звуковъ языка, и дѣлаетъ вѣрный шагъ впередъ вмѣстѣ съ развитіемъ природы. Замѣчательнѣйшія изъ его сочиненій: *Janua reserrata linguarum aurea* и *Orbis pictus* долгое время служили образцемъ составителямъ элементарныхъ учебниковъ.

«*Sana mens in corpore sano*» (здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ), вотъ основаніе, на которомъ Локкъ построилъ свое ученіе о воспитаніи, котораго главныя постановленія суть слѣдующія: закалывать тѣло; привычка сильнѣе научнаго убѣжденія; лучшее воспитаніе—домашнее, гдѣ въ домашнемъ кругу царствуетъ добврность и благодущіе; въ религіи и добродѣтели наставляютъ дѣтей посредствомъ живыхъ примѣровъ въ жизни; лѣность и ложь строго наказывать; наука должна составлять родъ забавы для ребенка (*); въ гимнастикѣ лучше всего верховая ѣзда и борьба; каждый ученикъ долженъ изучать какое-либо ремесло и путешествіями образовать себя для свѣта.

Но только восемнадцатому столѣтію суждено было выработать ясное и здоровое понятіе о сущности школьнаго образованія вообще и элементарнаго въ народныхъ школахъ въ особенности; только теперь явились настойчивыя стремленія, болѣе или менѣе успѣшныя, вырвать его изъ оковъ рутинны средневѣковаго механизма и положить твердыя основанія разумной педагогики. Замѣчательнѣйшими здѣсь дѣятелями по всей справедливости признаются Руссо, Базедовъ, Ланкастеръ и во главѣ всѣхъ, Песталоцци. Хотя дѣятельность этихъ педагоговъ всѣми уже достаточно оцѣнена, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ Шерра нѣсколько характеристическихъ чертъ о Песталоцци, который имѣлъ такое огромное вліяніе на улучшеніе народнаго образованія, что по справедливости должно его признать творцомъ новѣйшей педагогики въ ея практическомъ примѣненіи къ народнымъ школамъ.

Песталоцци обучался въ одномъ изъ высшихъ заведеній своего отечества (Цюрихъ) и оказывалъ замѣчательные успѣхи въ

(*) Современные педагоги, а въ числѣ ихъ Шерръ, справедливо отвергаютъ это мнѣніе.

древнихъ языкахъ, особенно въ греческомъ. Рассказываютъ, что онъ навлекъ на себя неудовольствіе одного вліятельнаго учителя за то, что лучше его перевелъ какой-то отрывокъ изъ греческой рѣчи; это вынудило его оставить ученіе и удалиться въ свое помѣстье въ Ааргаускомъ кантонѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ грубость и бѣдность поселянъ. Печальное зрѣлище пробудило въ немъ мысль улучшить состояніе низшихъ классовъ народа посредствомъ образованія и приученія къ полезнымъ занятіямъ. Для осуществленія этой идеи, онъ собиралъ значительное число дѣтей нищихъ; первая попытка не удалась. Въ награду за свое рвеніе и жертву, онъ получилъ насмѣшку и неблагодарность; это, однакожъ, не поколебало его доброй вѣры въ будущее. Возвратившись въ отечество, онъ попалъ въ немилость у своихъ согражданъ за то, что позволилъ себѣ написать насмѣшливые стихи на забавную форменность городской стражи. Любимая мысль неотвязчиво занимала его. Въ это время онъ написалъ образцовое сочиненіе: *Лиенардъ и Гертруда*, увѣнчанное наградою гельветическаго общества и надѣлавшее шуму въ Европѣ; оно напечатано въ 1786 году. Далѣе онъ развивалъ свои идеи о воспитаніи въ повременномъ изданіи подъ заглавіемъ: «*Ephemeriden der Menschheit*». Въ путешествіи по Германіи онъ посѣщалъ учебныя заведенія и въ особенности учительскія семинаріи. Но эти послѣднія не удовлетворяли его взглядамъ и ожиданіямъ. Онъ отвергалъ вездѣ катехетическую методу. Въ своихъ изслѣдованіяхъ о дѣйствіи природы въ развитіи человѣчества, онъ признавалъ зависимость свободы человѣка отъ развитія самодѣтельности въ мышленіи и дѣйствіи. Упрекъ въ неосуществимости его идей онъ рѣшился опровергнуть собственнымъ опытомъ и сдѣлаться школьнымъ учителемъ. Въ 1799 г. онъ основалъ элементарную школу въ Бургдорфѣ и училъ въ ней до 1806 г. Около этого времени правленіе Леманскаго кантона предоставило въ его распоряженіе замокъ въ Иферти; здѣсь онъ началъ осуществлять свои идеи въ большомъ размѣрѣ. Вскорѣ его элементарные учебники и сочиненіе подъ заглавіемъ: «Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей», стяжали ему такую славу за границею, что со всѣхъ сторонъ устремились ученики и учителя въ песталоцціевъ институтъ. Число его воспитанниковъ возросло до 200 и болѣе 50 воспитателей и учителей принимали участіе въ дѣятельности института. Въ 1810 году, по желанію Песталоцци, швейцарское союзное правительство назначило комиссію для об-

ревизованія его института; въ донесеніи своемъ народному сейму, комиссія представила обширный докладъ, какъ объ основныхъ началахъ заведенія, такъ и о методѣ и результатахъ обученія и воспитанія, а также и планъ и подробную программу преподаванія предметовъ.

Это былъ періодъ самого блистательнаго процвѣтанія песталоццева института. Двадцать шесть дѣйствительныхъ учителей занимались въ немъ преподаваніемъ. Но самое это расширеніе дѣятельности института было причиною его распаденія.

Богатство идей, человѣколюбіе и сердечная доброта, вотъ отличительныя достоинства Песталоцци; но онъ не былъ созданъ для того, чтобы заведеніемъ съ такими разнообразными направленіями, съ такою громадою потребностей, управлять съ невозможнымъ взоромъ и твердою рукою. Онъ могъ господствовать въ области идей, но въ области дѣйствительности власть его была гораздо слабѣе. Въ числѣ учителей главными его помощниками были: Нидереръ, Крузи и Юс. Шмидъ, люди съ великими достоинствами, но недовольно уживчиваго характера и притязательные. Между ними возникло и со временемъ все болѣе и болѣе усиливалось соперничество; каждому хотѣлось быть вліятельнѣе и имѣть болѣе участія въ главномъ управленіи. Взаимныя жалобы, брани и насмѣшки вскорѣ огласились далеко за стѣнами института. Вся Европа съ негодованіемъ узнала объ этихъ ссорахъ, частью изъ газетъ, частью изъ памфлетовъ. Вражда и ненависть разрушили благотворную гармонію дружнаго дѣйствія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ институтъ распался и Песталоцци возвратился въ свое Аргауское помѣстье. Въ глубокой старости онъ описалъ приключенія своей жизни въ книгѣ, чтеніе которой наполнитъ грустью и печалью сердце всякаго, кто одушевленъ идеею человѣческаго образованія. Песталоцци умеръ 17 февраля 1827 года съ сердцемъ, отравленнымъ горестію.

Не въ отдѣльныхъ попыткахъ педагогической практики состоитъ заслуга Песталоцци, но въ огромномъ и весьма плодотворномъ вліяніи его на улучшеніе системы воспитанія и обученія вообще; его идеи и духъ будутъ всегда руководить стремленіями разсудительныхъ воспитателей и учителей.

Вотъ въ какихъ чертахъ изображаетъ личность Песталоцци одинъ изъ специальныхъ послѣдователей его системы, Нагели. Въ нѣкоторыхъ чертахъ этого портрета, говоритъ Шерръ, столько-

же видно лицо, съ котораго снять портретъ, сколько и самъ портретистъ.

«Какое значеніе имѣлъ Песталоцци въ своемъ отечествѣ, это объясняется его характеромъ. Онъ былъ своеобразенъ. Обыкновенные люди, а такихъ бываетъ не мало, считали его страннымъ, и не безъ основанія; онъ былъ бодливъ, не золъ, но придирчивъ. Его страсть придираться лежала въ его оригинальности. Человѣку оригинальному противно всеневное во всѣхъ видахъ. Онъ его законный обличитель и судья, почерпаетъ свое сужденіе изъ родника своей оригинальности; а у кого есть что-либо свое собственное, онъ и выдвигаетъ то впередъ. Подобный оригиналъ встрѣчается не всеневно. Онъ любитъ не радѣть о себѣ. Вотъ каковъ Песталоцци. Въ старомъ Цюрихѣ, у щегольски-разряженныхъ гражданъ, человѣкъ неопрятный, не напудренный, не причесанный, какъ онъ, много значить не могъ. Впрочемъ, ему скорѣе-бы простили немытое лицо, чѣмъ немытый ротъ, который жадно захватывалъ все, что ви попало ему подъ руку. Одно, что ему было невыносимо, это быть незамѣченнымъ. Онъ любилъ подтруниванье, потому что оно доставляло ему случай бросить молнію своихъ острогъ. Страстно любя общество, онъ также охотно вызывалъ къ острогамъ, какъ и самъ острялъ; никогда не оставался онъ въ долгу. Въ басняхъ его, не такъ какъ у другихъ сочинителей басней, собака играетъ роль благодарную. Однажды на вечерѣ, одинъ изъ его пріятелей, потрепавъ морду ласкающей къ нему собаки, сказалъ шутя Песталоцци: «я учу его песталоцциевой методѣ». Песталоцци вдругъ отвѣчалъ: «такой классъ мы всегда были готовы довѣрить тебѣ, но не какой другой». Подобная забава тѣшила его еще болѣе, чѣмъ цюрихская публика. Одинъ весельчакъ, директоръ художественной выставки, въ числѣ представленныхъ на выставку предметовъ, получилъ профильный портретъ Песталоцци и въ то-же время — чего не дѣлаетъ случай—профиль собаки такой-же величины и въ такой-же рамкѣ. Что-же сдѣлалъ директоръ картинной галлерей? Онъ повѣсилъ оба портрета одинъ подлѣ другаго. Любопытная публика нашла это очень забавнымъ. Песталоцци, когда ему рассказывали этотъ случай, сказалъ: «Ну что-жъ, вѣдь это символическая картина; собака—это городъ Цюрихъ, онъ лаетъ на меня». Впрочемъ, онъ душевно любилъ городъ, болѣе чѣмъ городъ его. Никогда впрочемъ городъ не пыталъ къ нему ненависти; скорѣе боялся его. Трусли-

вые люди питали къ нему политическій страхъ; они боялись, чтобы его педагогія не замѣнилась наконецъ въ *демагогію*; вотъ чего страшились его противники болѣе, нежели «Гога и Могога и страшнаго суда». Но глубоко ошибались тѣ, которые смотрѣли на него съ политической точки зрѣнія. Онъ порицалъ все существующее безъ всякой мысли и намѣренія, только по своей оригинальности, которая заставляла его смотрѣть на все своими глазами. Ежели и были политики, которыхъ онъ ненавидѣлъ, то онъ въ нихъ, какъ и вездѣ, ненавидѣлъ уродливость. Онъ ненавидѣлъ точно также и ложную образованность, въ какой-бы формѣ она ни проявлялась, особенно въ ученыхъ; они, въ свою очередь, также ненавидѣли его. Они въ его глазахъ хотѣли науки безъ жизни, онъ въ ихъ глазахъ — жизни безъ науки. Кто болѣе ошибался въ своемъ мнѣніи? Вообще казалось, что онъ ненавидитъ высшее сословіе; онъ долженъ былъ казаться такимъ, долженъ былъ даже ненавидѣть ихъ на столько, на сколько, сходясь въ воззрѣніи съ Руссо, онъ въ ихъ высшей образованности видѣлъ еще болѣе уродливости; мало-помалу высшія сословія должны были возненавидѣть его тѣмъ болѣе, чѣмъ чувствительнѣе онъ задиралъ ихъ своимъ юморомъ. Этотъ его юморъ, придравшись къ чему-либо одному, захватывалъ мало-помалу своею ироніею всѣ явленія цивилизаціи и жизни; тогда сердце его совершенно отвращалось отъ высшихъ сословій и льнуло къ народу, конечно необразованному, но все-же не уродливому народу и къ народной жизни. Такимъ образомъ, юморъ и любовь къ народу были два главные факторы его сердца. Юморъ постоянно обновлялъ въ немъ любовь къ народу: это была жгучая, пронзающая сердце любовь, страданіе любящей души, грустное сочувствіе къ угнетенному народу, заброшенному юношеству, тысячамъ бездомныхъ, вереницамъ нищихъ. Онъ былъ такой мученикъ въ сердцѣ, какихъ еще не бывало. Геніальные умы всегда высоко парятъ надъ низинами народной жизни. Но онъ никогда не достигалъ той образованности, которая людей высшаго полета удерживаетъ въ равновѣсіи; чуждо было ему эстетическое уравненіе душевныхъ силъ. У него не было слуха для музыки, зрѣнія для живописи и ваанія, никакого сочувствія къ объективной поэзіи въ книгахъ. Онъ весь казался такъ безискусственнымъ, какъ безискусственно онъ стоялъ и ходилъ. Никогда онъ не могъ ходить такъ, какъ обыкновенно ходятъ. Нужно-ли ему торопиться? онъ подвигался впередъ, покачиваясь съ боку на бокъ, или, лучше

сказать, ползъ. Такъ и фантазія его только ползала, но не парила, только сверкала молніею, но не свѣтила постоянно. Такъ и сочиненія его (гдѣ конечно геній его часто развивалъ планы безъ его вѣдома)—это большею частію массы облаковъ, пронизанныя частыми молніями; во многихъ недостаетъ глубокообдуманной концепціи. Кто судить о немъ только по его сочиненіямъ, тотъ можетъ не признать его величія. Нужно было его видѣть и слышать, нужно было видѣть, когда онъ говоритъ, особенно когда бесѣдуетъ вдвоемъ. Какая подвижность! едва переведешь духъ, и вдругъ новый напоръ; едва отвѣтишь—готова новая задача; едва занесешь ударъ—и вдругъ смѣлый скачекъ въ сторону; и какъ быстро, подобно молніи, измѣнялась его двойственная природа, серьезная и шутливая! какъ внезапно сатирикъ преображался въ ангела состраданія! какія благородныя были черты его! какой свѣтлый взоръ! какой одушевленный голосъ!»

Метода взаимнаго обученія, или Ланкастера, по которой старшіе ученики учили младшихъ элементарному чтенію и письму, не есть новое изобрѣтеніе. Квинтиліанъ упоминаетъ о существованіи въ Римѣ школъ, гдѣ дѣти учили другихъ дѣтей. По Ликурговой системѣ воспитанія, старшимъ дѣтямъ поручался надзоръ за младшими. Одинъ итальянскій путешественникъ рассказываетъ, что въ 1623 году онъ видѣлъ въ Индіи дѣтей, разсаженныхъ въ кружки на полу, которые повторяли слова за старшимъ своимъ товарищемъ и писали на пескѣ то, что онъ написалъ. Въ школахъ бѣдныхъ въ Парижѣ, еще въ 1744 году, отчасти введено было взаимное обученіе. Но своимъ историческимъ значеніемъ какъ метода, такъ и школы взаимнаго обученія, обязаны неутомимому усердію и дѣятельности Бела и Ланкастера; первый изъ нихъ подвизался съ 1784 года по устройству такихъ школъ въ Индіи, другой съ 1798 то въ Лондонѣ, то на материкѣ Европы, то въ Америкѣ. Шерръ не очень жалуетъ методу взаимнаго обученія; по его мнѣнію, школа, поставяющая себѣ цѣлью болѣе, чѣмъ одно только поверхностное усвоеніе механической сноровки, не можетъ никогда слѣдовать методѣ Ланкастера. Воспитывающее, образующее ученіе можетъ быть преподано только учителемъ. Въ школахъ съ небольшимъ числомъ учениковъ, ланкастерская система несообразна; въ ней учитель ничего не дѣлаетъ, лѣнныя ученики преспокойно засыпаютъ. Другое дѣло, когда школы многочисленны; тамъ можетъ быть полезно имѣть помощниковъ въ благо-

нравныхъ и успѣшныхъ ученикахъ для упражненія въ заданномъ урокѣ младшихъ товарищей. Но Ланкастеръ не первый ввелъ такое содѣйствіе учениковъ; давно уже имъ пользовались всѣ искусные учителя народныхъ школъ, и слѣдовательно главный принципъ ланкастерской методы уже давно составлялъ достояніе методики и школьной дисциплины.

Всѣ эти стремленія передовыхъ людей педагогическаго міра выяснить цѣль и потребности народнаго образованія и ввести въ элементарное ученіе болѣе разумныя системы и методы, очевидно, были вызваны неудовлетворительнымъ состояніемъ народнаго образованія вообще и обученія въ народныхъ школахъ въ особенности. Нѣтъ сомнѣній, что церковная реформа двинула впередъ народное образованіе, но народныя школы до самого конца восемнадцатаго столѣтія даже въ городахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ, оставались по прежнему въ крайнемъ небреженіи и бѣдности. Зазубриваніе катехизиса и молитвъ составляло главный предметъ обученія. При недостаткѣ примѣненныхъ къ потребностямъ учебниковъ, въ большей части сельскихъ школъ, дѣти относительно чтенія едва могли разбирать буквы, относительно письма едва выучивались копировать ихъ съ прописей. Обученіемъ ариметики учителя обыкновенно занимались только за особую плату и въ свободные часы. Духовенство не считало своею обязанностію учить, а только имѣло наблюденіе за обученіемъ. Въ школьные учителя обыкновенно принимались такіе люди, которые и сами едва имѣли въ чтеніи немного механической сноровки; въ учительскую должность выбирался или тотъ, кто требовалъ самую низкую плату, или тотъ, кто неограниченно предавался на волю духовенства; помѣщики-же часто назначали школьными учителями какихъ-нибудь пивалидовъ, лѣсничихъ и солдатъ.

Пруссія, Саксонія и Вюртембергъ раньше всѣхъ стали заботиться объ улучшеніи народныхъ школъ и объ учрежденіи учительскихъ семинарій; но успѣшному развитію тѣхъ и другихъ долгое время препятствовало то, что ни въ народныя школы, ни въ учительскія семинаріи не допускались другія учебныя руководства, кромѣ изданныхъ духовенствомъ, по своему содержанию и формѣ изложенія вовсе не удовлетворявшія требованіямъ ни педагогики, ни методики. Если прибавимъ къ этому скудость матеріальныхъ средствъ, какими пользовались въ то время народныя школы, и крайне необезпеченное положеніе учителей, то нисколь-

ко не должно удивлять насъ то, что даже и въ Германіи, гдѣ раньше и усерднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, обращено было вниманіе на этотъ предметъ, народныя школы такъ медленно двигались по пути къ улучшеніямъ; не удивить насъ и извѣстіе, сообщаемое Шерромъ, какого рода учителей застала въ 1834 году училищная реформа въ Цюрихѣ. Трудно повѣрить, говорить онъ, но это сущая правда, что нѣкоторые изъ учителей не могли прочесть ничего писаннаго; одинъ формально объявилъ, что онъ не умѣетъ читать написаннаго на доскѣ, что онъ ничего подобнаго не видѣлъ; другой откровенно сказалъ, что у него нѣтъ никакой книги дома; отецъ, умирая, оставилъ ему библію, но нѣсколько лѣтъ уже онъ не открывалъ ее, потому-что чтеніе вредно глазамъ его; нѣкоторые ни за что не могли написать нумерацію въ четыре цифры. Но поразительнѣе всего было то, что многіе изъ учителей оказались слабыми въ библейской исторіи, равно-какъ и въ исторіи жизни Спасителя; имена Лютера, Цвингли имъ были совершенно незнакомы. Въ реальныхъ наукахъ почти невозможно было ихъ испытывать, такъ смѣшны были ихъ отвѣты. Одинъ съ полною увѣренностію сказалъ, что три союзныхъ государя—это были: Каспаръ, Мельхіоръ и Валтазаръ; другой—что Голиаѳъ палъ въ сраженіи при Земпахѣ; третій—что Базель лежитъ при морѣ; четвертый — что животныя раздѣляются на млекопитающихъ, птицъ и прочій скоть.

(Продолженіе впрѣдъ).

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛѢТІЯ.

(Окончаніе).

Приступая къ своему третьему періоду — эпохѣ Георга II и Георга III (1727—1770), Геттнеръ замѣчаетъ, что послѣ революціи 1688 г. въ политическомъ мірѣ Англіи рѣчь уже шла не о томъ, какой правительственный принципъ лучше, а о томъ, какими средствами прочнѣе и невозмутимѣе утвердить уже перевѣсившій принципъ свободнаго самоуправленія націи. Но изъ фактовъ, приводимыхъ у него въ книгѣ, слѣдуетъ, что даже въ этомъ третьемъ періодѣ дѣло доходило иногда и опять до взвѣшиванія принциповъ. Когда злоупотребленія, обнаружившіяся въ парламентѣ—подкупность его членовъ—побудили общество къ изысканію средствъ для гарантированія себя противъ этого,—одинъ изъ государственныхъ людей и знаменитѣйшій ораторъ того времени, съ самымъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ выставилъ вѣрнѣйшее средство къ спасенію, «патріотическаго монарха» (въ сочиненіи, носящемъ это заглавіе). «Послѣдняя и настоящая цѣль каждаго правительства, говоритъ Болингброкъ, есть благо народа... Высочайшее-же благо народовъ составляетъ свобода; она для народа то-же, что для отдѣльнаго человѣка здоровье. Охранять и поддерживать свободу народа, т.-е. его уложеніе, составляетъ такимъ образомъ для патріотическаго короля самую священную обязанность.

Книга Болингброка, встрѣтившая въ обществѣ значительное сочувствіе (стр. 350), однакоже прогрессивна въ томъ смыслѣ, что ею, какъ замѣчаетъ Геттнеръ, была начата борьба общественнаго мнѣнія съ парламентомъ.

Новый правительственный принципъ уже сильно не нравился Георгу II, жаловавшемуся на то, что «королемъ въ Англіи — ми-

нстры» (стр. 351). Георгъ III рѣшилъ, во что-бы ни стало, увеличить свою власть. Эта задача, а равно и уничтоженіе подкупничества въ парламентѣ сдѣлались лозунгомъ новаго правительства. Ученіе Болингброка должно было осуществиться на дѣлѣ. Но обстоятельства, говоритъ Геттверъ, сильнѣе людей» (стр. 352). Приходилось бороться съ новою, все болѣе и болѣе возрастающею силой—общественнымъ мнѣніемъ. Первымъ поводомъ къ борьбѣ послужилъ человѣкъ далеко не высокаго характера. Оскорбленный тѣмъ, что первый министр, лордъ Бютъ, отказалъ ему въ мѣстѣ, Уильксъ началъ издавать журналъ, въ которомъ впервые обозначались полными именами гражданскія лица, дѣйствія коихъ тутъ критиковались. Нашъ авторъ говоритъ, что популярность этому журналу придала страсть къ скандаламъ (стр. 354). Можетъ быть и она, но въ такой-же мѣрѣ и озлобленіе общества противъ злоупотребленій: обществу дѣла не было до того, каковъ былъ тотъ, кто изобличалъ ихъ, и по какому побужденію онъ это дѣлалъ; оно радовалось, что злоупотребители были наконецъ прямо поименованы. Уильксъ былъ посаженъ, но это возбудило сильнѣйшее волненіе въ народѣ. Дѣло Уилькса перенесено въ судищце *common pleas* и оно оправдало подсудимаго. Гражданскіе враги Уилькса, чтобы отомстить ему, представили въ парламентъ написанное имъ стихотвореніе безнравственнаго содержанія, и достигли на этотъ разъ цѣли — Уильксъ былъ изгнанъ изъ парламента и бѣжалъ во Францію. Но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ избранъ членомъ палаты. Министерство требовало уничтоженія этого выбора. Четыре раза выборы происходили вновь, въ всякій разъ на сторонѣ Уилькса оказывалось неизмѣримое большинство. Не смотря на то, по настоянію министерства былъ избранъ другой, имѣвшій несравненно менѣе голосовъ. Негодованіе было всеобщее: теперь обнаружилось, какъ дурно парламентъ выполнялъ свое назначеніе. Народъ счумѣлъ найти средство для подчиненія его своему надзору. Къ этому времени относятся первые англійскіе митинги; съ этихъ поръ парламентскіе переговоры, стали обнародовываться въ газетахъ (стр. 356). На это не было никакого формальнаго разрѣшенія, да и до-сихъ-поръ еще это не утверждено письменнымъ закономъ, но вошло въ неотмѣнимое употребленіе и служитъ оградой гражданскихъ правъ Англии (стр. 358). Не учрежденіями, не кодексами постановленій, а нравственными силами націи гарантируются ея права.

Борьба съ парламентомъ, въ извѣстномъ смыслѣ начатая уже Болингброкомъ, съ рѣшительною смѣлостью поддерживается въ знаменитыхъ памфлетахъ этого времени, такъ называемыхъ: «Юніевыхъ письмахъ», въ которыхъ говорилаъ горькая правда всѣмъ государственнымъ лицамъ. Въ одномъ духѣ и въ одно время съ этими письмами дѣйствуютъ политическія сочиненія Бурке. Геттнеръ старается доказать, что этотъ замѣчательный человѣкъ только повидимому переимѣнилъ направленіе послѣ начала Французской революціи, а въ сущности всегда оставался вѣренъ самому себѣ. «Его взглядъ, говоритъ нашъ авторъ, былъ и остался въ полномъ смыслѣ конституціоннымъ.... Всякаго, кто только осмѣливался нарушить уложеніе 1688 г. или только нападать на него—ненавидѣлъ онъ и преслѣдовалъ, съ какой-бы стороны ни дѣлались эти нарушенія и нападки. Одинъ и тотъ-же вполне неизмѣнный образъ мыслей побудилъ его сначала къ борьбѣ съ превышеніемъ власти, какое дозволяли себѣ король и парламентъ, а потомъ съ подобнымъ-же превышеніемъ ея со стороны демократическихъ нововводителей» (стр. 363). Совершенно иначе смотритъ на послѣдніе годы жизни Бурке, Бёкль. Онъ убѣдительно доказываетъ, цитируя слова великаго публициста и свидѣтельства о немъ современниковъ, что его яростныя нападки на революцію могутъ быть объяснены только помѣшательствомъ (стр. 402—410). Дѣйствительно, чѣмъ иначе объяснить, что такой человѣкъ, какъ Бурке, былъ въ состояніи предпринять противъ Франціи войну — съ цѣлію насильно навязать ей такой образъ правленія, какого она не хотѣла; что онъ смотрѣлъ на войну эту, какъ на крестовый походъ, какъ на мщеніе, которое могло окончиться только истребленіемъ всѣхъ виновниковъ революціи; чѣмъ наконецъ объяснить его непремѣнное требованіе, чтобы это была продолжительная война? (стр. 409—410). Но возвратимся къ лучшему времени жизни Бурке. Въ знаменитѣйшемъ изъ своихъ политическихъ сочиненій «Разсужденіяхъ о причинахъ теперешняго недовольства» онъ прямо требуетъ возстановленія утраченнаго права свободныхъ выборовъ и отвѣтственности палаты общинъ передъ народомъ, подобно тому, какъ министерство отвѣтственно передъ палатою (стр. 368). «Было-бы ужасно, говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи, еслибъ въ народѣ существовала какая нибудь власть, которая-бы была въ состояніи сопротивляться его единодушному желанію или даже желанію очень значительнаго и рѣши-

тельнаго большинства. Народъ можетъ ошибиться въ выборѣ своей цѣли. Но мнѣ трудно себѣ представить выборъ, который былъ-бы такъ вреденъ, какъ существованіе власти, у которой-бы стало силы сопротивляться этому выбору» (Бёкль, стр. 396). Требования Бурке были мало-по-малу исполнены. «Исторія парламентской жизни въ Англіи, говоритъ Геттнеръ, ясно доказываетъ, что съ этихъ поръ нравы и характеры англійскихъ государственныхъ людей стали совѣстливѣе и благороднѣе» (стр. 369).

Видѣтъ съ упроченіемъ національной самостоятельности, развились въ Англіи промышленность и торговля. А одновременно съ развитіемъ ихъ, говоритъ Геттнеръ, естественнымъ образомъ возникла наука, поставившая себѣ задачей быть физиологіей хозяйственной жизни народовъ. Это наука о народномъ хозяйствѣ или политическая экономія. Ея происхожденіе неразрывно связано съ именемъ Адама Смита (стр. 372). Онъ является ученымъ представителемъ націи, которая, ощутивъ свою самостоятельность, захотѣла позаботиться сама и о своемъ благосостояніи и стала изыскивать для этого новыя средства, по большей части отвергнувъ тѣ, которыя употребляла до тѣхъ поръ заботившаяся о ней правительственная опека. Вопреки прежнимъ стѣснительнымъ мѣрамъ, Адамъ Смитъ сталъ доказывать необходимость свободной производительности внутри и свободныхъ сношеній съ сосѣдями извнѣ, и пользу должствующей развиться вслѣдствіе того конкуренціи. Какъ ни благотворно подѣйствовало съ одной стороны это ученіе, нашъ авторъ замѣчаетъ въ немъ и слабую сторону. Единственнымъ двигателемъ въ дѣлѣ народнаго благосостоянія является у Смита личный интересъ. «Изъ-за хозяйственнаго, говоритъ Геттнеръ, пропадаетъ тутъ нравственное. Темныя стороны безусловной конкуренціи и раздѣленія труда ни мало не замедлили обнаружиться. Мелкаго сталъ давить крупный, и бездна, отдѣляющая богача отъ бѣднаго, разсѣлась еще болѣе» (стр. 376). «Здѣсь, въ Адамѣ Смитѣ, говоритъ онъ далѣе, выступаетъ на ружу во всей своей ужасающей дѣйствительности односторонне-разсудочное направленіе XVIII вѣка. Человѣкъ цѣнится лишь на столько, на сколько онъ выгоденъ; человѣкъ тутъ не болѣе какъ хозяйственная сила, онъ не есть тутъ само для себя существующее созданіе» (стр. 376). А подобный, оскорбительный для человѣческаго достоинства, взглядъ на человѣка, позволю я себѣ прибавить, коренится въ слабой сторонѣ XVIII вѣка, въ той наклон-

ности къ матеріализму, которая, хотя въ несравненно меньшей степени чѣмъ во Франціи, начала проявляться мало-по-малу и въ англійскомъ обществѣ.

Въ началѣ разбираемаго періода, въ лицѣ Тиндаля, Моргана, Чѣба, замѣтна еще даже стихія религіозная. Всѣ они стоятъ въ этомъ отношеніи на первоначальной точкѣ зрѣнія Толанда и другихъ деистовъ: они проповѣдуютъ такъ называемую естественную религію. «Религія, говоритъ Чѣбъ, есть нравственность, а нравственность состоитъ не въ произвольныхъ предписаніяхъ и заповѣдяхъ, а вытекаетъ изъ внутренняго существа вещей. И само христіанство есть не что иное, какъ убѣдительное провозглашеніе—вновь естественныхъ, прирожденныхъ законовъ нравственности» (стр. 385). «Всегда съ развитіемъ деистическаго образа мыслей, замѣчаетъ Геттнеръ, было тѣсно связано развитіе нравственной философіи. Деисту слѣдуетъ доказать, что нравственное совершенство не должно представляться только заповѣданнымъ и преподаннымъ извнѣ, что оно принадлежитъ существу человѣка и что только въ немъ человѣкъ находитъ удовлетвореніе. Вотъ внутренняя причина, почему чрезъ все XVIII столѣтіе проходитъ такое глубокое стремленіе къ морализированію» (стр. 391). За Шефтсбюри слѣдовалъ рядъ мыслителей, принадлежащихъ къ такъ называемой шотландской школѣ. «Въ нихъ не замѣтно успѣха сравнительно съ Шефтсбюри, говоритъ нашъ авторъ; даже напротивъ того: между-тѣмъ-какъ Шефтсбюри любитъ добродѣтель, потому-что она прекрасна и дѣлаетъ жизнь человѣка художественнымъ произведеніемъ, эти мыслители любятъ добродѣтель только потому, что она полезна и ведетъ человѣка къ благополучію» (стр. 391). Однакожъ цитаты, приводимыя Геттнеромъ, рѣшительно не позволяютъ ставить этихъ писателей до такой степени ниже Шефтсбюри. Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ изъ нихъ, Хутшесонъ, характеризуетъ нравственное чувство: «Это прирожденная намъ склонность къ нашему ближнему.... Какойнибудь поступокъ тѣмъ болѣе добродѣтеленъ, чѣмъ рѣшительнѣе содѣйствуетъ благу другихъ людей... Словомъ, доброжелательство ближнему есть въ мірѣ нравственномъ то-же, что всеобщее тяготѣніе въ мірѣ физическомъ; оно независимо отъ всякаго воспитанія *пробуждается уже въ дѣтяхъ съ первыми движеніями ихъ чувства*; если между многими народами господствуетъ жестокость, то она происходитъ отъ религіознаго фанатизма или отъ ложной

мысли, будто-бы это требуется общественнымъ благомъ. И это доброжелательство есть единственный путь къ блаженству» (стр. 393, 394). Это совѣтъ не та дѣйствительно только *полезная* добродѣтель, которую проповѣдывали во Франціи нѣкоторые моралисты изъ матеріалистовъ, говоря, что человѣкъ долженъ помогать ближнему собственно потому, что только въ такомъ случаѣ и ближній ему поможетъ.

Между-тѣмъ, въ одно время съ моралистами шотландской школы, появляются уже мыслители, прямо склоняющіеся къ матеріализму. Странно, что нашъ авторъ только удивляется этому, а не постарался изслѣдовать и разяснить такое явленіе. Онъ только вскользь упоминаетъ объ этихъ первыхъ вѣстникахъ собственнаго матеріализма — Гартлеѣ и Пристлеѣ. Между-тѣмъ, слѣдовало-бы внимательно рассмотреть ихъ жизнь и пути ихъ развитія, чтобъ узнать, какъ и откуда проникли въ нихъ окончательно матеріалистическія тенденціи. Можетъ быть, при этомъ-бы оказалось, что они находились подъ такимъ-же вліяніемъ французскихъ мыслителей, какое увидимъ мы въ своемъ мѣстѣ надъ главными провозвѣстниками англійскаго матеріализма—Юмомъ и Гиббономъ о которыхъ нашъ авторъ нашелъ даже болѣе удобнымъ говорить во 2-мъ томѣ, посвященномъ французской литературѣ.

Слишкомъ мало вниманія обратилъ также Геттнеръ на изложеніе обстоятельствъ жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей этого времени, уже знакомаго намъ по своимъ политическимъ взглядамъ, Болингброка. Онъ замѣчателенъ уже по тому огромному вліянію, какое имѣлъ на Вольтера. Какъ аристократъ, онъ вѣроятно и въ свою очередь подвергся при самомъ своемъ воспитаніи французскому вліянію; позже онъ бывалъ во Франціи. Въ своихъ легко написанныхъ и увлекательныхъ сочиненіяхъ онъ разрушительно дѣйствуетъ противъ вѣрованій при помощи фдкихъ насмѣшекъ. Впрочемъ въ сущности и Болингброкъ былъ деиствъ — только въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Мыслители, возвышающіеся надъ міромъ внѣшнихъ чувствъ, какъ Платонъ, Декартъ, Лейбницъ слывятъ у него фантазѣрами. Во всемъ этомъ онъ достойный учитель Вольтера; разница въ томъ, что онъ чуждъ той фанатической ненависти къ христіанству, которой мы не замѣтили еще ни у одного изъ англійскихъ писателей, и которая могла быть возбуждена только въ *римско-католической* Франціи. Болингброкъ смотритъ на христіанство, какъ непосредственно предше-

ствовавшіе ему дейсты; но нашъ авторъ съ другой стороны строго отличаетъ его отъ нихъ, говоря: «тѣ серьезные и обдуманые мыслители безъ колебанія и внѣшнихъ видовъ служатъ единой истинѣ; Болингброкъ, кромѣ истины, служатъ и другимъ божествамъ» (стр. 398). Онъ, такъ разрушительно дѣйствовавшій противъ вѣрованій въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій, въ другихъ возстаеъ противъ такъ называемыхъ вольнодумцевъ собственно потому, что вѣрованія *политически-необходимы*. «Есть извѣстные люди, говоритъ нашъ авторъ, которые смотрятъ на религію не съ точки зрѣнія истины, а съ точки зрѣнія ея практической пользы; еслибы, говорятъ они, религія не существовало, то было-бы необходимо ее придумать.... Болингброкъ проповѣдуетъ съ тою-же откровенностью ту-же теорію практической пользы» (стр. 398 и 399). Должно быть не безъ его вліянія сказалъ Вольтеръ:

Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer.

Для большого государства, по мнѣнію Болингброка, особенно удобна англійская епископальная церковь; лютеранизм удобенъ для маленькихъ нѣмецкихъ княжествъ, кальвинизмъ—для маленькой и бѣдной республики (стр. 402). Въ государствѣ, по его мнѣнію, непремѣнно должна быть узаконенная религія; кто не исповѣдуетъ ея, не можетъ получить никакой общественной должности (стр. 403). Нужно-ли говорить, что подобные господа, низводящіе религію на степень какой-то выгодной вещи, болѣе распространяютъ невѣріе, чѣмъ откровенные атеисты?

Если Болингброкъ злоупотреблялъ религіей, то другой писатель этого времени, Честерфильдъ, ни чѣмъ не лучше его обошелся съ нравственностью. Честерфильдъ, вмѣстѣ и государственный мужъ, и ораторъ, и образецъ свѣтскаго человѣка высшаго тона, есть уже подлинный ученикъ салоновъ французской аристократіи. Самъ онъ рассказываетъ о томъ, какъ его, еще нѣсколько застѣнчиваго юношу, воспитывали парижскія дамы. Чрезъ такого-же рода воспитаніе захотѣлъ онъ провести и своего побочнаго сына, письма къ которому служатъ полнѣйшимъ выраженіемъ образа мыслей Честерфильда. «Тутъ признается и добродѣтель, и нравственность, говоритъ нашъ авторъ, но лишь на сколько онѣ составляютъ и для свѣтскаго человѣка неизбѣжную основу для достиженія и укрѣпленія за собой блистательнаго положенія въ обществѣ; онѣ нарушаются и ставятся ни во что, коль скоро на-

чинають противорѣчить этимъ высшимъ житейскимъ цѣлямъ» (стр. 408 и 409). Пока сыну его было не болѣе 8 лѣтъ, Честерфильдъ постоянно располагаетъ его въ своихъ письмахъ къ доброй нравственности и прилежанію, и никто не поставитъ ему въ вину, говорить Геттнеръ, если по временамъ онъ совѣтуетъ ему также порядочно одѣваться и держать себя со всѣми вѣжливо и предупредительно. Но тонъ писемъ совершенно мѣняется съ тѣхъ поръ, какъ сынъ Честерфильда вступаетъ въ свѣтъ. Напоминанія объ искусствѣ жить въ аристократическомъ обществѣ становятся все чаще и настоятельнѣе, и прямо высказывается мысль, что хотя добродѣтель и знаніе—золото, а потому сами по себѣ цѣнны, но они лишаются большей части своего блеска, если остаются безъ грани и полировки. Но сынъ Честерфильда оказывается мало расположеннымъ къ посѣщенію салоновъ и будуаровъ. Отецъ надѣется расположить его къ этому посредствомъ любовной связи, и совѣтуетъ ему обольстить одну молодую замужнюю женщину: «il faut décroter cette femme-là, пишетъ онъ ему 15 апрѣля 1754 года; décrochez-vous donc tous les deux réciproquement; force, assiduité, attentions, regards tendres et déclarations passionnées de votre côté produiront au moins quelque velleité du sien, et quand une fois la velleité y est, les oeuvres ne sont pas loin» (стр. 410). «Послѣдній корень честерфильдова образа мыслей, говоритъ нашъ авторъ, лежитъ въ слѣдующихъ словахъ, писанныхъ также сыну 16 ноября 1752 г.: «тщеславіе или, чтобы употребить болѣе благородное выраженіе, жажда возбудить удивленіе и похвалу есть, можетъ быть, всеобщій двигатель человѣческихъ дѣйствій. Я не говорю, чтобы онъ былъ лучшій; я охотно соглашусь, что иногда онъ ведетъ за собою очень смѣшныя и даже презрительныя послѣдствія. Но онъ-же съ другой стороны еще чаще служитъ основаніемъ очень хорошихъ вещей, а потому и надобно всѣми мѣрами его подстрекать.... Этому тщеславію, порицаемому философами, обязанъ я большею частію той роли, какую я игралъ въ свѣтѣ. Употребляя всѣ ухищренія искусства нравиться, какія только когда либо употребляли кокетки; будь проворенъ и неутомимъ во всемъ, что можетъ доставить тебѣ удивленіе мужчинъ и любовь женщинъ, — это вѣрнѣйшій путь, чтобы успѣть въ жизни» (стр. 415). Странно, какъ Геттнеръ не находитъ нужнымъ замѣтить, что образъ мыслей Честерфильда — чисто французскій и что такимъ образомъ чрезъ него еще ранѣе, чѣмъ черезъ Юма и Гиб-

бона, стала проникать въ Англію—если не французская матеріалистическая теорія, то практическая философія тѣхъ французскихъ салоновъ, развратною публикою которыхъ былъ вскормленъ матеріализмъ.

Отъ нравственной философіи этого періода Геттнеръ переходитъ къ наукѣ, зародившейся въ ней и мало-по-малу обособлявшейся въ отдѣльное цѣлое. До этихъ поръ не существовало науки изящнаго, а было только искусство—*art poétique*, которому думали учить посредствомъ чисто техническихъ правилъ. Англійскіе моралисты, основавъ свои нравственныя воззрѣнія на психологическомъ анализѣ человѣка, постарались также опредѣлить психологическое происхожденіе чувства изящнаго. «Критика, говоритъ Геттнеръ, сдѣлалась эстетикой, физиологіей художническаго чувства» (стр. 416). Аддисонъ, Шефтсбюри и Гуттесонъ дали тутъ первый толчекъ; они собственно только постановили вопросъ: откуда изящное? но не рѣшили его. Изящное у нихъ почти безразличнымъ образомъ совпадаетъ съ добрымъ и истиннымъ. Уже знакомый намъ знаменитый государственный человѣкъ, Эдмундъ Бурке, пошелъ несравненно далѣе: онъ старался строго отдѣлить понятіе объ изящномъ отъ всѣхъ ему сродныхъ понятій. Главное достоинство теоріи Бурке видитъ нашъ авторъ въ томъ, что у него съ особенною ясностію показано, какъ въ дѣлѣ изящнаго всегда и вездѣ господствуетъ чисто-безстрастное и чуждое всякихъ цѣлей созерцаніе. «Сладостный трепеть при видѣ высокаго, говоритъ Бурке, сейчасъ исчезаетъ, чуть только возбудится страхъ настоящихъ опасностей; тамъ нѣтъ уже мѣста очищающей святинѣ прекраснаго, куда закрадется страстная похоть» (стр. 417). Но какъ ни важны въ этомъ отношеніи заслуги Бурке, на его теоріи ясно замѣтенъ слѣдъ матеріалистическаго воззрѣнія эпохи. «Онъ смотритъ съ чисто-физиологической точки, когда говоритъ, что прекрасное пріятно расслабляетъ нервы, а высокое оживляетъ и усиливаетъ ихъ дѣятельность; онъ даже прямо хвалитъ въ возвышенномъ то, что оно очищаетъ пищеварительные сосуды отъ обременительныхъ и опасныхъ засореній. А. В. Шлегель очень мѣтко замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ можно будетъ возвышенное покупать въ аптекѣ» (стр. 418). Чтобы послужить образованію настоящихъ, не одностороннихъ понятій объ искусствѣ, воззрѣнія Бурке должны были очиститься въ идеальномъ умѣ Канта и еще болѣе идеальной душѣ Шиллера. Возбужденный впервые идеали-

стомъ—а именно Шефтсбюри—вопросъ объ изящномъ и рѣшеніе могъ найти только у идеалистовъ. И нашъ незабвенный критикъ-эстетикъ, Бѣлинскій, былъ вскормленъ идеализмомъ.

Ничѣмъ не глубже воззрѣній Бурке была, по свидѣтельству Геттнера, и эстетическая теорія Юма (Elements of Criticism), которому, по его замѣчанію, впрочемъ принадлежитъ честь перваго провозвѣщенія въ Англіи необходимости сбросить оковы французскаго классицизма (стр. 420).

Между-тѣмъ еще рѣшительнымъ уваженіемъ къ этому классицизму проникнуть Самуилъ Джонсонъ въ своихъ «Жизнеописаніяхъ англійскихъ поэтовъ» (1779—1781). Величайшимъ писателемъ всѣхъ временъ является у него уже упомянутый въ этой статьѣ представитель описательно-дидактической поэзіи, Пове. Между-тѣмъ—вотъ что значитъ вліяніе пересиливающихъ новыхъ воззрѣній—этотъ самый Джонсонъ издалъ Шекспира и написалъ къ своему изданію предисловіе, составляющее, по замѣчанію Геттнера, странную смѣсь старинныхъ предразсудковъ, заимствованныхъ изъ французской трагической теоріи, съ какимъ-то чутьемъ болѣе свободнаго и сообразнаго съ природою направленія (стр. 426). Хотя Джонсонъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что Аддисонъ, какъ трагикъ, превосходитъ Шекспира, хотя онъ порицаетъ великаго генія драмы за нарушеніе такъ называемаго поэтическаго правосудія, за недостаточную умышленность его морали и т. п., тѣмъ не менѣе онъ восхищается въ немъ вѣрностію природѣ, тончайшею способностью индивидуализировать и разнообразить характеры; онъ даже, ради этой вѣрности природѣ, защищаетъ въ немъ смѣшеніе трагическаго съ комическимъ. Джонсонъ возвышается тутъ даже до сознанія, что изъ пресловутыхъ трехъ драматическихъ единствъ важно только единство дѣйствія (стр. 427).

Когда въ общество заронена искра какого нибудь новаго воззрѣнія, то нерѣдко и самое постороннее, повидимому, обстоятельство, способно разжечь эту искру. Въ 1753 г. вышла книга Лоота (Lowth) о священной поэзіи Евреевъ, въ 1769 г. книга Вуда о Гомерѣ. Обѣ имѣли въ виду чисто-ученыя цѣли. Лоотъ показалъ, до какой степени поэзія Евреевъ зависѣла отъ окружающей ихъ дѣйствительности. Вудъ, во время своихъ путешествій коротко познакомившійся съ различными мѣстностями, описываемыми у Гомера, вывелъ наружу, до какой степени его сцены и описанія заимство-

ваны у природы, его нравы и характеры срисованы съ жизни, до какой степени его лица и событія связаны съ преданіями Грековъ, его собственныя страсти и чувства — съ жизненнымъ опытомъ. «Такимъ образомъ, говоритъ нашъ авторъ, снова начали доходить до сознанія, что истинная художественность проста и вѣрна природѣ» (стр. 430). Около того-же времени появилось собраніе староанглійскихъ и шотландскихъ народныхъ балладъ, изданное Томою Перси. Самъ издатель ни мало не чуялъ, какое многозначительное дѣло онъ совершилъ. И Джонсонъ, подстрекая Перси къ изданію этой книги, также не сознавалъ, какой ударъ наносилъ онъ этимъ своимъ классическимъ вѣрованіямъ (стр. 431).

Удивительно-ли, что въ Англіи стали наконецъ появляться и чисто-теоретическія сочиненія, вопліѣ проникнутыя новымъ возрѣніемъ на искусство. «Уартонъ въ своей книгѣ о Попе (1782 г.) открыто борется противъ офранцуженныхъ древнихъ и провозглашаетъ новое ученье природы, а надъ Попе произноситъ хотя весьма вѣжливый, но далеко не выгодный приговоръ. Въ эстетическихъ лекціяхъ Блера (Hugh Blair), сводится съ прежней своей высоты Виргилій, а Гомеръ называется поэтомъ поэтовъ. Юнгъ въ своемъ сочиненіи «О духѣ оригинальныхъ произведеній» говоритъ, что и древнимъ не слѣдуетъ подражать безусловно, такъ какъ мы и отъ нихъ получаемъ природу только изъ вторыхъ рукъ. «Гомеру подражаетъ не тотъ, кто подражаетъ божественной Илиадѣ, а тотъ, кто пріобрѣтеть способность создать столько-же совершенное произведеніе. Идите по его слѣдамъ къ единственному источнику безсмертія; пейте, какъ и онъ пилъ, изъ единственнаго Геликона — груди природы» (стр. 433). Къ этому-же періоду относится художническое путешествіе по Греціи Стюарта и Реветта, плодомъ котораго было изданное ими описаніе аеинскихъ древностей. Столько-же важны были художническія командировки въ Грецію и Малую Азію, такъ называемой: Society of Dilettanti. «Мы ни мало не оскорбимъ Винкельмана, говоритъ Геттнеръ, если скажемъ, что это изученіе Англичанами художественныхъ древностей составляетъ существенное дополненіе къ винкельмановой исторіи искусства» (стр. 437).

Отъ науки изящнаго нашъ авторъ переходитъ къ самымъ изящнымъ произведеніямъ. Мы видѣли, какъ развилась въ Англіи журналистика и какъ она приняла правоописательное направленіе;

теперь это направлѣніе перешло въ романъ и въ немъ только достигло полнаго своего развитія. Нашъ авторъ старается показать, что въ Англіи болѣе чѣмъ гдѣ либо должна была сдѣлаться ошутительною необходимостью этого новаго рода поэзіи, замѣнившаго наконецъ прежнее воспроизведеніе древне-греческо-римскихъ, рыцарскихъ и пастушескихъ приключеній. «Въ деспотическихъ странахъ, говоритъ онъ, человѣческая природа сама по себѣ не имѣетъ притязаній на то, чтобы быть изучаемою и воспроизводимой: ниспие слои народа, *la canaille*, составляютъ скорѣе предметъ презрѣнія, чѣмъ любознательности, а средняго класса не существуетъ. Между-тѣмъ Англія въ это время уже вполне усвоила себѣ независимость и свободный духъ; каждый имѣлъ возможность совершенно по своему развивать и перерабатывать и личность свою, и судьбу. Благосостояніе отдѣльнаго лица, народъ и домашній очагъ сдѣлались краеугольнымъ камнемъ общественной жизни. Какъ могла и какъ осмѣлилась-бы поэзія среди такихъ обстоятельствъ оставаться долѣе придворною и ученою? Она сдѣлалась поэзіею народно-семейною» (стр. 440). Этотъ новый родъ, семейно-нравоописательный романъ, встрѣтилъ въ обществѣ самое восторженное сочувствіе. «И какъ естественно, продолжаетъ нашъ авторъ, если при такомъ горячемъ удивленіи почти не замѣтили, что тутъ на мѣсто одной крайности только явилась другая, что теперь оказывался недостатокъ въ озаряющемъ идеалѣ, подобно тому, какъ прежде не доставало осознательности дѣйствительной жизни». Но мнѣ кажется, изъ геттнеровой характеристики родоначальника англійскаго романа, Ричардсона, и одного изъ дальнѣйшихъ его представителей, Гольдсмита, слѣдуетъ, что не всегда оказывался тутъ недостатокъ въ идеальномъ. Ричардсонъ рисуетъ характеры рѣшительно-идеальные какъ въ «Памелѣ», такъ и въ своей знаменитой «Клариссѣ Гарловѣ». А когда онъ замѣтилъ, что обольститель Клариссы, Ловласть, нѣкоторыми чертами своего характера показался публикѣ привлекательнымъ, — то, чтобы загладить свою ошибку, онъ рѣшилъ въ своемъ «Грандисонѣ» представить дѣйствительно-нравственный идеалъ мужчины, — и произвелъ не живое лице, а какое-то насильственное сгроможденіе всевозможныхъ совершенствъ. Вообще основной недостатокъ Ричардсона, вредящій ему, не смотря на всю психологическую глубину его характеровъ и высокое мастерство въ изложеніи мельчайшихъ подробностей, составляетъ, по мнѣнію Гетт-

нера, сухая и слишкомъ умышленная поучительность. «Вмѣсто пламенныхъ словъ поэта, говоритъ онъ, мы по большей части встрѣчаемъ священническую важность проповѣдника» (стр. 450). Напротивъ, у Гольдсмита нашъ авторъ уже не находитъ этого недостатка и говоритъ, что нѣкоторые незначительныя неправдоподобности въ его «Векфильдскомъ священникѣ» вполне выкупаются трогательно-человѣческой личностью героя (стр. 465). Между-тѣмъ и самые недостатки Ричардсона нравились его публикѣ, такъ какъ понятіе объ искусствѣ, какъ одномъ изъ способовъ прямого и умышленнаго морализированія, было тогда господствующимъ. Многіе совершали пелеринажи въ Гемстидъ, гдѣ происходила у Ричардсона исторія Клариссы, — такъ сильно подѣйствовалъ этотъ романъ. Чуть-ли не значительнѣе еще было вліяніе Ричардсона на Францію, гдѣ подражали ему — Дидро въ своихъ фамильныхъ драмахъ и Руссо въ «Новой Элоизѣ», и на Германію, гдѣ подражателями Ричардсона являются Геллертъ и даже самъ великій Лессингъ (стр. 452 и 453). Между-тѣмъ въ самой Англіи у Ричардсона было очень мало подражателей. «Отъ чего-же такое странное явленіе? спрашиваетъ нашъ авторъ. Въ какой тѣсной связи ни находится Ричардсонъ съ мыслями и стремленіями своего времени, все-таки онъ былъ поэтическимъ выраженіемъ не совокупной англійской народности, а только извѣстной части ея. Онъ былъ выраженіемъ пуританства, составляющаго основу англійскаго мѣщанскаго сословія» (стр. 454). Принадлежа этому классу общества, Ричардсонъ и въ жизни своей отличался такою-же строгою нравственностію, какъ въ своихъ сочиненіяхъ. Высшій классъ общества не могъ восхищаться ими, потому-что онъ при Георгѣ II-мъ нимало не уступалъ двору Карла II въ развратѣ. Геттнеръ приводитъ возмутительные примѣры невообразимой безнравственности этого времени (стр. 467 — 472). Среди развращенія нравовъ обыкновенно теряется всякое довѣріе къ добродѣтели, — она считается лицемѣріемъ и ей открыто предпочитаютъ порокъ, находя его даже нравственнымъ, потому-что онъ *откровененъ*, между-тѣмъ-какъ эта такъ называемая откровенность, есть только отсутствіе всякаго стыда и нахальное щегольство безстыдствомъ. Въ такую эпоху обыкновенно являются произведенія, въ которыхъ люди нравственнаго образа жизни представлены въ сущности злыми и неблагородными, а развратники и кутилы — добрѣйшими и бла-

городнѣйшими натурами. Къ этому роду произведеній относятся и романы Фильдинга, озлобленнаго противника Ричардсона, представителя воззрѣній высшаго класса Англіи, къ которому онъ принадлежалъ и легкомысліе коего отразилось какъ въ жизни, такъ и въ произведеніяхъ Фильдинга. Такимъ образомъ, по крайнемѣрѣ, изображаетъ его Геттнеръ. Герой знаменитѣйшаго романа Фильдинга, «Томъ Джонсъ» принадлежитъ именно къ числу благородныхъ кутиль. «Между-тѣмъ, замѣчаетъ Геттнеръ, извѣстный критикъ Кольриджъ показалъ, что сама добродѣтель никогда не становится у Фильдинга предметомъ сатиры; всякій разъ, какъ Томъ Джонсъ сдѣлаетъ какойнибудь проступокъ, онъ непремѣнно наказывается тысячею затруднительностей и дурныхъ послѣдствій; беспощаднѣйшая поэтическая справедливость господствуетъ вездѣ, въ какихъ-бы увлекательныхъ формахъ ни представлялось зло» (стр. 460). Но мнѣ кажется, что нравственность книги, въ которой зло представляется увлекательнымъ и только сопряженнымъ съ *внѣшними наказаніями* — очень не твердая нравственность. Романы Фильдинга замѣчательны, какъ вѣрнѣйшее выраженіе нравовъ тогдашняго англійскаго общества; они высоко художественны полною обрисовываемыхъ въ нихъ характеровъ, поражаютъ и глубокимъ комизмомъ и трогательными чертами.

Не съ такою тонкостью, въ болѣе грубыхъ чертахъ, но съ такою-же живостью дѣйствія воспроизведено англійское общество у другаго романиста этого времени—Смоллета. По мнѣнію Геттнера, ему принадлежитъ такое-же мѣсто въ литературѣ, какое въ живописи принадлежитъ Гогарту, жившему также въ эту эпоху. Напрасно, говоритъ Геттнеръ, Гогарта обыкновенно считаютъ каррикатуристомъ. Если ктонибудь, то именно Гогартъ; заслуживаетъ имя живописца нравовъ и жанра (стр. 476).

Отъ поименованныхъ нами комиковъ-романистовъ Геттнеръ строго отличаетъ юмориста Стерна. Юморъ, по мнѣнію Геттнера, отличается отъ комизма преимущественно своею субъективностью. «Комикъ, говоритъ онъ, беретъ вещи, какъ онѣ есть, и даетъ имъ развиваться въ ихъ собственной веселости, своенравіи или забавности; юмористъ-же выводитъ наружу не только самыя вещи, но еще болѣе лирику своего собственного духа» (стр. 479). «Душа юмориста, говоритъ онъ далѣе, должна быть чиста и привлекательна... Стернъ и былъ привлекательная личность... Зерно составляетъ въ немъ неисчерпаемая глубина душевная, которая,

совершенно противоположно Свифту, и подъ вліяніемъ самаго жестокаго опыта не теряетъ вѣрующей любви» (стр. 480). Стернъ не былъ счастливъ. Постоянно больной, онъ много терпѣлъ отъ капризовъ жены, которая наконецъ съ нимъ развѣхалась. «И не смотря на то, говоритъ Геттнеръ, какую нѣжною заботливостію объ ея здоровьѣ дышутъ всѣ письма его къ этой женщинѣ». Произведенія Стерна—неоконченный романъ «Тристрамъ Шанди», и равнымъ образомъ неоконченное «Сентиментальное путешествіе». Герои романа всѣ до одного чудаки. «Но всѣ ихъ странности, говоритъ Геттнеръ, основываются на твердомъ корнѣ любви и добродушія... Всѣ эти характеры въ полномъ смыслѣ подлинны и истинны, прямо выхвачены со всѣми ихъ добродѣтелями и глупостями изъ внутренняго корня чистой человѣческой природы» (стр. 483). «Стернъ такой писатель, въ бесѣдѣ съ которымъ намъ становится хорошо. Онъ знаетъ человѣческое сердце до его сокровеннѣйшихъ складокъ, но въ немъ нѣтъ никакой ненависти и никакой злобы; если гдѣ либо, то именно здѣсь узнаемъ мы, что мать юмора есть любовь» (стр. 484). О «Сентиментальномъ путешествіи» Стерна говоритъ Геттнеръ: «тотъ очень ошибется, кто будетъ искать въ этомъ сентиментальномъ путешествіи-чувствительности въ смыслѣ «Вертера». Стернъ назвалъ свое путешествіе сентиментальнымъ потому, что цѣль его—не описаніе видѣнныхъ мѣстъ и достопримѣчательностей, а описаніе испытанныхъ впечатлѣній и чувствованій». «Мое путешествіе, говоритъ Стернъ, есть спокойное путешествіе сердца за природой и за такими ощущеніями, которыя вытекаютъ изъ нея и побуждаютъ насъ любить нашего ближняго и даже весь свѣтъ, болѣе, чѣмъ мы привыкли» (стр. 489). «Въ Стернѣ, заключаетъ Геттнеръ, снова открывается намъ поэзія человѣческаго сердца, бывшая на столь долгое время подавленною передъ тѣмъ всею тяжестью неподвижной разсудочной прозы». Еще съ большимъ уваженіемъ отзывается о Стернѣ Лёбель (т. II, стр. 148—153). Упомянувъ, подобно Геттнеру, о томъ сочувствіи, какое Стернъ возбудилъ въ Германіи, а именно въ Гёте, Виландѣ и Лессингѣ, онъ говоритъ, что Французы XVIII столѣтія оцѣнили его также мало, какъ и Шекспира. «*Né pauvre et gai, il voulait rire aux dépens de l'Angleterre et gagner l'argent*» съ высоты своего величія провозгласилъ о Стернѣ Вольтеръ. Но еще вопросъ, замѣчаетъ Лёбель, и это сужденіе не благоприятнѣе-ли того, какое произнесъ Теккерей въ своихъ лекціяхъ объ англій-

скихъ моралистахъ XVIII столѣтія. Лёбель упрекаетъ и теперешнихъ Англичанъ за то, что они, порицая Стерна за нѣкоторыя вольности, не умѣютъ цѣнить его идеальнаго направленія, а между-тѣмъ безъ мѣры почитаютъ юмористовъ, коихъ талантъ ограничивается вѣрною копировкой низкой дѣйствительности въ нидерландскомъ вкусѣ. Но тѣнь Стерна, продолжаетъ Лёбель, можетъ быть утѣшена тѣмъ приговоромъ, какой произнесъ надъ нимъ еще Гёте—и притомъ не въ лѣта легко увлекающейся юности, а подъ старость, когда онъ могъ обратить испытующій взглядъ на прошедшее; и тутъ назвалъ онъ Стерна мужемъ, который первый возбудилъ и распространилъ во второй половинѣ прошедшаго вѣка великую эпоху болѣе чистаго знанія человѣческой природы, благородной терпимости и нѣжной любви» (Löbell, II, 150).

Направленіе, принятое романомъ, проявилось и въ англійской драмѣ. «Еще за 10 лѣтъ до появленія ричардсоновой «Памелы», Лилло поставилъ на сцену своего «Лондонскаго купца» (1731 года). Тутъ та-же умышенная мораль, что у Ричардсона, но далеко нѣтъ того таланта. Заслуга Лилло въ томъ, что онъ разомъ перенесъ драму въ такъ называемый *мъщанскій* кругъ. Англійская драма съ самаго начала своего существованія брала сюжеты изъ всѣхъ классовъ общества, но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ французскихъ образцовъ, она ограничилась изображеніемъ однихъ государей да полководцевъ. Лилло возвратилъ драмѣ прежнюю ея многосторонность. Его подвигъ имѣлъ, по замѣчанію Геттнера, едва-ли не бдльшее еще вліяніе на Францію и Германію. «Не Англичане, говоритъ онъ, а Вольтеръ и Дидро, Готшедъ и Лессингъ дали этому роду трагедіи новое и особенное имя—*tragédie bourgeoise* или *domestique* и *bürgerliches Trauerspiel*. Лилло выпугнулъ французскій классицизмъ изъ его спокойствія и неприкосновенности (стр. 495). Вслѣдъ за Лилло Кумберландъ, оставаясь въ томъ-же кругу, возвышается уже до прекрасно-эскизованныхъ характеровъ. Ни тому, ни другому, по замѣчанію Геттнера, не было неизвѣстно, что ихъ нововведенія прямо противодѣйствовали общепринятымъ законамъ французской трагикки. Лилло не только обратился отъ стиховъ къ прозѣ, потому-что эта проза болѣе шла къ плоской естественности его пьесъ, но еще болѣе потому, что французская трагика запрещала и преслѣдовала языкъ прозаическій. А Кумберландъ въ одномъ пзѣ своихъ прологовъ съ ѣдкостью нападаетъ

на прежнихъ драматиковъ за ихъ подражаніе Французамъ и хвалится тѣмъ, что у него форма и содержаніе чисто-англійскія» (стр. 497). Какъ Лилло, такъ и Кумберландъ, по замѣчанію нашего автора, не возвышаются до истинно-трагическаго; драмы ихъ не болѣе, какъ плаксивыя пьесы (Rührstücke). И Дидро, схватившійся съ страстнымъ увлеченіемъ за этотъ новый родъ и такимъ образомъ открывшій во Франціи борьбу противъ прежней трагедіи, также не умѣлъ возвыситься надъ этой плаксивостью (стр. 498). Довести этотъ родъ драмы до замѣчательной степени совершенства, было предоставлено Лессингу.

«Подобно тому, какъ мѣщанская драма находится въ тѣсной связи съ ричардсоновыми романами, комедія этого времени очень живо напоминаетъ Фильдинга, Смоллета и Гогарта», замѣчаетъ нашъ авторъ (стр. 499). Въ 1747 г. сталъ давать свои народныя фарсы Фоотъ. Все это хотя и личныя сатиры, но въ *личномъ* тутъ задѣвается *общее*—глупости и слабости, свойственныя всему чловѣчеству (стр. 501). Въ томъ-же родѣ драматическія шутки Гаррика, иногда впрочемъ уже приближающіяся къ тонкому комизму. Несравненно выше Кольманъ и Гольдсмитъ, комедіи коихъ передѣлывались для нѣмецкой сцены извѣстнымъ знатокомъ драматическаго искусства, Шредеромъ. Но уже рѣшительно первокласснымъ комикомъ является Шериданъ (The rivals, the School for scandal). Геттнеръ приводитъ объ немъ слѣдующее сужденіе Филарета Шаля: «подобно Фильдингу и Шериданъ уличаетъ опирающееся на силу нравственности общество—въ лицемѣріи, этомъ извращеніи (Entartung), истребляющемъ нравственность именно чрезъ то, что знамя ея слишкомъ выставляется на показъ. Мы не поймемъ ни Фильдинга, ни Шеридана, если будемъ видѣть въ «Томъ Джонсъ» только забавное романическое сочиненіе, а въ «Школѣ злословія» только полную движенія *pièce d'intrigue*. Въ обихъ произведеніяхъ ведется умысленная борьба противъ господствующаго образа мыслей. Распутствующій, попивающій и любящій приключенія Шериданъ осмѣлился сказать пуританскому обществу то, что Мольеръ сказалъ католическому» (стр. 504).

При рѣшительномъ уклоненіи драмы отъ французскихъ классическихкихъ образцовъ, общество не могло не возвратиться къ позабытому исполнуну драмы—Шекспиру. Мы видѣли, что уже Джонсонъ, хотя и предпочитавшій ему Аддисона, умѣлъ однакоже оцѣнить многія изъ достоинствъ Шекспира. Честь возстановленія на

англійской сценѣ великаго генія принадлежитъ знаменитому трагическому актеру Гаррику. И онъ находилъ еще нужнымъ передѣлывать Шекспира для сцены, но его передѣлки скромны въ сравненіи съ тѣми нахальными искаженіями, какія позволяли себѣ до того времени; а геніальная игра Гаррика дала наконецъ обществу вполнѣ почувствовать и геніальность Шекспира. Почти одновременно и совершенно независимо отъ Англійи и въ нѣмецкой литературѣ стали обращать восторженное вниманіе на Шекспира. «Кто не увидитъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, въ возникновеніи мѣщанской драмы и въ возстановленіи Шекспира одной и той-же исторической черты, одной и той-же исторической необходимости» (стр. 509).

Переходя къ лирической поэзіи, Геттнеръ обращается къ Томсону и Юнгу. «Оба они, говоритъ онъ, еще носятъ на себѣ очевидные слѣды вліянія Попе (т.е. классическаго періода), но въ то-же время въ нихъ проявляется уже другой, свѣжій духъ» (стр. 510). Томсонъ въ своихъ «Временахъ года» является мастеромъ описательной поэзіи. Всѣ его описанія свѣжи и живы, полны теплаго одушевленія, иногда поразительной красоты. Сочувствіе было возбуждено всеобщее (стр. 511). Въ Германіи подражателями Томсона являются Галлеръ, Клопштокъ и Клейстъ. Но увлеченіе было непродолжительно. Уже Свифтъ замѣтилъ, что въ этой поэмі нѣтъ ничего, кромѣ описанія, что въ ней рѣшительно нѣтъ дѣйствія (стр. 512). Лессингъ, въ юности восхищавшійся ею, въ зрѣломъ возрастѣ, — въ своемъ знаменитомъ «Лаокоонѣ», гдѣ онъ, какъ извѣстно, блистательнымъ образомъ доказалъ ложность такъ называемой описательной поэзіи, упрекаетъ Томсона за тщетное желаніе соперничествовать съ живописцемъ.

Не выше Томсона въ художественномъ отношеніи, хотя столько-же замѣчательны по своему вліянію на современниковъ, были «Юнговы ночи». Если въ нихъ и дѣйствительно замѣтно глубокое и искреннее чувство, то слишкомъ много преувеличенія и пустой плодовитости. Настроеніе духа такое мрачное, что свѣтъ представляется тутъ какой-то больницей. Чувствованіе однообразно слѣдуетъ за чувствованіемъ, созерцаніе за созерцаніемъ; и здѣсь, какъ у Томсона, нѣтъ и малѣйшаго вѣянія драматической жизни (стр. 518). Геттнеръ примѣняетъ къ Юнгу слова Лессинга

о Клопштокѣ: «онъ до такой степени полонъ чувства, что иногда, читая его, ничего не чувствуешь» (стр. 519). Не смотря на это «Юнговы Ночи» были впродолженіе долгаго времени любимую книгою всѣхъ образованныхъ людей. Геттнеръ объясняетъ это обстоятельствами времени. «Онѣ были, говорить онъ, послѣ долгой зимы первымъ освѣжающимъ весеннимъ днемъ. Всюду была еще сдѣланность и искусственность, голая и сухая разсудочность, Юнгъ снова пѣлъ изъ глубины и отъ всей полноты собственнаго сердца, въ эпоху всеобщей подражательности осмѣлился онъ снова быть непосредственнымъ и самобытно-творящимъ». По той-же причинѣ нравилась современникамъ и поэзія Клопштока (стр. 520).

Стремленіе къ простотѣ, къ естественности, къ прямому изліянію непосредственнаго чувства сдѣлало драгоцѣнною для тогдашняго общества такъ называемую устно-народную поэзію, это безискусственное выраженіе воззрѣній и думъ народа. Мы видѣли уже, какое важное значеніе имѣли книги Лоота и Вуда — о еврейской поэзіи и Гомерѣ. Мы видѣли также, какое значеніе имѣлъ сборникъ древнихъ шотландскихъ балладъ, изданный епископомъ Перси. Въ 1760 г. вышла въ Единбургѣ маленькая книжка подъ заглавіемъ: «Отрывки старинной поэзіи, собранные въ горномъ краю и переведенные съ гальскаго и эрскаго языка». Издателемъ и переводчикомъ назвалъ себя Джемсъ Макферсонъ, молодой шотландскій поэтъ, который до тѣхъ поръ былъ извѣстенъ только по небольшимъ, довольно холодно принятымъ, стихотвореніямъ. Макферсонъ увѣрялъ, что эти пѣсни, сохранившіяся въ устахъ народа и въ старыхъ рукописяхъ, сложены бардомъ Оссіаномъ, жившимъ въ Шотландіи въ III вѣкѣ по Р. Х. Это изданіе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе. Шотландской національной гордости было польщено всеобщимъ удивленіемъ къ старому барду Шотландіи. «Между-тѣмъ, говорить Геттнеръ, теперь можно съ достовѣрностію сказать, что это былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ подлоговъ, какіе только когда либо были сдѣланы... Такъ называемыя пѣсни Оссіана — не болѣе, какъ собственныя произведенія Макферсона, написанныя по оборотамъ и мотивамъ отдѣльныхъ пѣсень шотландскихъ горцевъ, въ-особенности-же по ирландскимъ сказаніямъ и поэтическимъ сказкамъ» (стр. 522). Лебель, разсматривающій оссіановъ вопросъ еще съ болѣею подробностію, чѣмъ Геттнеръ, и какъ-бы представивъ историческій очеркъ

всѣхъ его переходовъ, также приходитъ къ тому заключенію, что «Оссіанъ» есть подлогъ (*).

Уже съ самаго начала, замѣчаетъ Геттнеръ, въ Англіи появились скептики. Юмъ, Джонсонъ и др. стали оспаривать подлинность Оссіана на основаніи художественныхъ, филологическихъ и историческихъ доводовъ. Но мнѣніе ихъ сначала не могло одержать перевѣса. При этомъ была даже опять возбуждена старинная ненависть между Англіей и Шотландіей. Лёбель приводитъ по этому случаю интересное замѣчаніе Вальтеръ-Скотта: «принявъ Оссіана за одного изъ членовъ своего національнаго исповѣданія вѣры, горные Шотландцы скорѣе-бы отреклись отъ библии, чѣмъ отказались-бы даже отъ одной строки оспариваемыхъ пѣсень» (стр. 289). Макферсонъ обѣщалъ издать гэльскій подлинникъ Оссіана, но все не исполнялъ своего обѣщанія, и наконецъ умеръ. Послѣ его смерти горное общество составило цѣлый комитетъ по оссіанову вопросу—это было въ 1797 г., а черезъ восемь лѣтъ оно публиковало о своихъ изысканіяхъ. Хотя и были найдены нѣкоторыя старинныя пѣсни, приписываемыя Оссіану, но ни одна изъ нихъ не могла быть принята за оригиналъ какой нибудь изъ оссіановыхъ пѣсень Макферсона. Отысканныя старинныя рукописи свидѣтельствовали также не въ пользу Макферсона. Чтобы получить что нибудь похожее на эскизъ макферсонова Фингала, приходилось иногда на одну страницу изъ 22 строкъ употребить пятнадцать различныхъ страницъ изъ десяти различныхъ рукописей. Но Шотландцы все еще стояли за подлинность. Наконецъ въ 1807 г. былъ напечатанъ гэльскій оригиналъ Макферсона—съ рукописи далеко не старинной, писанной частью рукой Макферсона, частью писарскою рукой. Ученые Ирландцы Орелли и Друммондъ доказали, что эти пѣсни не только не могутъ принадлежать Оссіану, но не относятся даже и къ средневѣковымъ народнымъ пѣснямъ, которыя были въ испорченномъ видѣ извѣстны во время

(*) Die Entwicklung der D. Poesie, etc. I. B., 272—311. Долгомъ считаю сознаться при этомъ въ легкомысліи, съ какимъ я, два года тому назадъ, увлеченный сочувствіемъ къ такъ называемымъ пѣснямъ Оссіана и слишкомъ положившись на недостаточно-убѣдительное свидѣтельство о подлинности ихъ, встрѣченное мною у Розенкранца, принялъ ихъ главнѣйшимъ образомъ за основаніе цѣлаго отдѣла, посвященнаго кельтской народной поэзіи, въ книгѣ моей: «О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ», на стр. 104—115.

Макферсона въ Ирландіи и Шотландіи. Подобно тому, какъ англійскій переводъ такъ называемаго Оссіана былъ сочиненъ самимъ Макферсономъ, онъ-же самъ въ такъ называемомъ гэльскомъ подлинникѣ обратно перевелъ свои собственныя произведенія» (стр. 523) (*).

«Теперь, когда макферсоновъ подлогъ обнаруженъ, говоритъ Геттнеръ, не трудно уже замѣтить, что это произведеніе, не смотря на свою чуждую оболочку, есть подлинное и вѣрное дитя своего времени. Тутъ тотъ-же грустный и томно-страстный (*sehnsüchtig*), основной тонъ, то-же идиллическое стремленіе къмогучей прелести сельской природы и къ безупречнымъ людямъ болѣе чистой древности, какъ и у Томсона и Юнга, какъ въ пастораляхъ Попе и Гесснера, какъ въ мечтательномъ мудрствованіи восторженно-увлеченнаго первобытною Руссо» (стр. 525). Оссіанъ вскорѣ увлекъ всю Европу: онъ былъ переведенъ въ Италиі, Испаніи, Франціи, Голландіи, Польшѣ. О Германіи нечего и говорить: кромѣ перевода Альвардта, кто не знаетъ возбужденныхъ Оссіаномъ «бардистовъ» Клопштока и другихъ *бардовъ* его школы, кто не знаетъ восторженнаго увлеченія Оссіаномъ Гёте и Гердера? «Въ настоящее время, говоритъ Геттнеръ, макферсоновымъ Оссіаномъ слишкомъ пренебрегаютъ, подобно тому, какъ прежде его слишкомъ превозносили». Признавая образы его неполными и туманными, онъ однакоже сознается въ ихъ возвышенности, въ свѣжести тона и искренности сочувствіи природѣ въ этихъ пѣсняхъ, и говоритъ, что по смѣлому полету вдохновенія, онѣ нерѣдко напоминаютъ псалмы и пророковъ. «Нельзя не замѣтить на нихъ вліянія книги Лота о священной поэзи ветхаго завѣта» (стр. 526). Мнѣ съ своей стороны кажется, что въ извѣстномъ возрастѣ и извѣстномъ настроеніи духа макферсоновъ Оссіанъ будетъ всегда возбуждать сочувствіе.

До какой степени, при всемъ стремленіи къ первобытной простотѣ и непосредственности народной поэзи, въ то время еще мало понимали ее,—доказательствомъ тому служить успѣхъ и другихъ подлоговъ. Таковъ былъ подлогъ Чаттертона, издавшаго свои собственныя стихотворенія подъ именемъ «Роулея, монаха

(*) Вотъ съ этого-то «гэльскаго подлинника» Оссіанъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Альвардтомъ, переводъ котораго и былъ мною принятъ за основаніе.

XV столѣтія. Не смотря на дѣйствительную силу и мѣстный колоритъ этихъ стиховъ, ихъ не такъ трудно было обличить въ подложности, ибо въ то время были еще на лице, какъ-бы готовые для сличенія, многія произведенія XV вѣка. Уличенный въ обманѣ, на которомъ думалъ онъ основать свои честолюбивые виды, Чаттертонъ отравилъ себя 18-ти лѣтъ отъ роду.

Новое возрожденіе англійской лирики приближалось. Это было ясно для всякаго, кто только умѣлъ уяснять себѣ *знаки времени*. Всюду зараждались корни и пробивались ростки новой жизни» (стр. 529). Почти всѣ англійскіе критики соглашаются съ тѣмъ, что первымъ, кто далъ опредѣленное выраженіе неопредѣленному стремленію эпохи былъ Уильямъ Коуперъ. «Со времени Мильтона это первый могучій непосредственный звукъ природы... Но у Коупера, замѣчаетъ Геттнеръ, не найдете вы чистаго, радостнаго ощущенія жизни. Природа является у него увядшею и подломленною. Болѣзненность дала ему мрачно-аскетическое направленіе. Эта мрачность, усиленная и пропитанная кальвиническою строгостью и благочестіемъ, составляетъ его музу. Маколей въ статьѣ своей о Байронѣ говоритъ: «роль, которую выполнялъ Коуперъ, была болѣе роль Моисея, чѣмъ Навина; онъ сокрушилъ домъ неволи, но еще не вступилъ въ землю обѣтованную». «Но побѣдитель этой земли уже появился, говоритъ Геттнеръ,—то былъ Робертъ Бёрнсъ, простой шотландскій селянинъ. Прямо изъ сердца народа должна была англійская поэзія почерпнуть молодящую силу» (стр. 530). Бёрнсъ, и по народному духу своей поэзіи представляющій сходство съ Кольцовымъ, былъ также, подобно нашему поэту, жертвою того положенія, въ которомъ пришлось ему провести всю жизнь. Не смотря на свое отвращеніе къ сельскому хозяйству, онъ долженъ былъ оставаться арендаторомъ. Подъ конецъ жизни получилъ онъ мѣсто сборщика податей (Steuerbeamte) и постоянно страдалъ отъ непріятностей, соединенныхъ съ этимъ званіемъ. «Для человѣка, подобнаго Бёрнсу, говоритъ Карлейль, свѣтъ не нашелъ болѣе приличнаго занятія, какъ такое, которое заставляло его постоянно браниться съ контрабандистами и мошенниками, вычислять акцизы и осматривать пивоварни. Въ подобнаго рода утомительной работѣ была скорбно потрачена жизнь этого духа, и пройдетъ сто лѣтъ, прежде чѣмъ мы дождемся подобнаго—можетъ быть съ тѣмъ, чтобы и его также точно потратить» (стр. 532). «Безъ сомнѣнія, говоритъ Геттнеръ, старшот-

ландская устно-народная поэзія имѣла сильнѣйшее вліяніе на Бёрнса. Шотландія осталась въ его народныхъ пѣсняхъ свѣжею и творческою еще и въ такое время, когда почти повсемѣстно смокла и замерла народная пѣсня» (стр. 533). Бёрнсъ былъ довольно смѣлъ, чтобъ остаться самимъ собою. Ко всякой утвердившейся манерѣ и модѣ смѣло оборачивается онъ спиною; онъ не пишетъ ничего неиспытаннаго и не прочувствованнаго. Его стихотворенія суть стихотворенія *на случаи* въ томъ возвышенномъ смыслѣ, въ какомъ это названіе дается у Гёте той поэзіи, которая прямо вытекаетъ изъ дѣйствительныхъ и личныхъ побужденій» (стр. 534). «Грубья сцены шотландской жизни, по замѣчанію Карлейля, видитъ онъ не въ аркадскомъ свѣтѣ; но и въ дымѣ и грязи грубой дѣйствительности находитъ много достойнаго похвалы и любви». «Съ Бёрнсомъ, замѣчаетъ Геттнеръ, окончательно совершилось паденіе французскаго манернаго рода (*Zopfstil*). Только съ этого времени можно снова упоминать объ англійской лирикѣ» (стр. 537).

Этимъ заключаетъ нашъ авторъ свою исторію англійской литературы XVIII столѣтія, не представляя намъ подъ конецъ общаго вывода о томъ, какое вліяніе произвела она вся въ своей совокупности на духъ англійскаго народа, каковъ былъ ея общій историческій плодъ? Не трудно замѣтить, что какъ въ ученой, такъ и въ изящной литературѣ этого времени въ равной степени выказался разрывъ съ *преданіемъ*, съ тѣмъ, что силою привычки обратилось во вторую натуру, но теперь должно было уступить мѣсто натурѣ подлинной, прямой, первоначальной. Въ естествознаніи мы видѣли свободное отъ всякихъ сдерживающихъ авторитетовъ стремленіе познать настоящіе законы природы; въ философіи—провозглашеніе естественной религіи и морали, основанной на самомъ существѣ человѣка; въ изящной литературѣ — стремленіе къ возсозданію настоящей природы, къ выраженію чувствованій, непосредственно вытекающихъ изъ души. Соотвѣтственно этому и политическая жизнь также порвала свои прежнія связи съ *преданіемъ* и по своему устремила къ *природѣ* — къ утвержденію на прочныхъ основахъ естественныхъ правъ человѣка.

Геттнеръ почти не упоминаетъ о послѣдней четверти XVIII столѣтія, относя ея литературу ко II тому, такъ какъ она нахо-

диглась уже подъ рѣшительнымъ вліяніемъ французской литературы, составляющей у него предметъ этого II тома, который я и рассмотрю въ слѣдующей статьѣ. Но чтобы представить уже и въ этой болѣе полную картину, обращусь опять къ книгѣ Бёкля. Въ послѣдней главѣ своего перваго тома онъ характеризуетъ въ общихъ чертахъ и самый конецъ XVIII вѣка. Конецъ его кажется съ перваго взгляда неутѣшительнымъ. Онъ ознаменованъ ужаснѣйшею реакціей—преслѣдованіемъ печати и общественныхъ собраний, цѣлою системою доносовъ и безпрестанныхъ арестовъ за образъ мыслей. Казалось, все, завоеванное умомъ въ продолженіе XVIII столѣтія, должно было погибнуть. Но это только казалось. Идеи, выработанныя литературою этого славнаго вѣка, были уже неистребимы. «Сила свободныхъ мыслей, говоритъ Бёкль, пустивъ корни въ народномъ духѣ, становится такою, что какому-бы испытанію она ни подверглась и какія-бы наказанія ни пришлось испытать ея защитникамъ,—она уже не можетъ быть задержана въ своемъ ростѣ» (стр. 431). Подъ конецъ XVIII вѣка у англійскаго народа снова вздумали оспаривать его права, но ихъ уже не могли уничтожить—собственно потому, говоритъ Бёкль, что «тотъ духъ, который умѣлъ ихъ приобрести, еще сохранялъ свою силу» (стр. 435). Она взяла свое въ началѣ нынѣшняго столѣтія: новыя политическія мѣры оградили неприкосновенность того, что тщетно старалось уничтожить реакціонное правленіе Георга III. «Точно также должна, замѣчаетъ Бёкль, оказаться безсильною каждая система, противодѣйствующая умственному успѣху и рѣшающаяся принять подъ свою защиту правила и учрежденія, противорѣчащія духу времени» (стр. 431).

Не столь дѣйствительнымъ по тѣмъ результатамъ, какіе видимъ мы до-сихъ-поръ, оказалось вліяніе идей XVIII столѣтія на другую провозвѣстницу ихъ, Францію, гдѣ и въ наше время, послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ революціею конца прошлаго вѣка, оказывается еще возможнымъ правленіе, своимъ реакціоннымъ характеромъ не уступающее правленію Георга III. Мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ, нѣтъ-ли внутренней связи между этимъ печальнымъ явленіемъ и тѣмъ, что во Франціи преимущественно обнаружилась слабая сторона XVIII столѣтія—его матеріально-эгоистическое направленіе.

ОРЕСТЪ МИЛЛЕРЪ.

ОБОЗРѢНІЕ
РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ
ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1860 ГОДА.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ Вѣстникѣ Императорскаго русскаго географическаго общества явились статьи: *Отчетъ о дѣйствіяхъ Хорасанской экспедиціи*, г. Бунге и Адольфа Гебеля (№ 2 п 3); *Иногородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ*, А. Мордвинова (№ 2); *Замѣтка о современномъ Египтѣ по поводу сочиненія: L'Egypte contemporaine, par Paul Merghau (1858)*, Макшѣва (ibid.); *Выписка изъ письма путешественника Императорскаго ботаническаго сада г. Максимовича къ барону Кистеру* (ibid. п № 5); *Береговая опись въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки* (№ 2); *Объ изданіи сочиненія о кругосвѣтномъ плаваніи австрійскаго фрегата, «Новара»* (ibid.); *Отчеты о дѣйствіяхъ экспедиціи въ восточную Сибирь*, Ленца и Радде (№ 3); *Показаніе сибирскаго казака Максимова о коканскомъ владѣніи*, Гр. Потанина (ibid.); *Очеркъ современнаго состоянія Алжирѣ*, А. Макшѣва (ibid.); *Послѣднія открытія Стюарта во внутренней Австраліи* (ibid.); *Засѣданіе берлинскаго географическаго общества 3 марта, 14 апрѣля и 5 мая 1860 г.* (ibid. п № 6); *Краткій отчетъ о результатахъ иссык-кульской экспедиціи*, А. Голубева (№ 4); *Отчетъ начальника экспедиціи геологическихъ изслѣдованій по Амуру*, Ф. Шмидта (ibid.); *Статистическій очеркъ вятскаго края*, Ивана Савинова (ibid. п № 5); *Суэзскій каналъ въ географическомъ, торговомъ и коммерческо-политическомъ отношеніи* (изъ путешествій К. Андрэ) (ibid.); *Гольфштромъ*, А. Линденколя (Coast Jarvey office) изъ «Mittheilungen» Петермана XII тетрадь 1860 (№ 4); *Астрономическій дис-*

путь на послѣднемъ собраніи британскаго ученаго общества (ibid.)
 Собранія вѣнскаго географическаго общества 7 февраля, 6, 20 марта
 и 10 апрѣля 1860 г., подъ предсѣдательствомъ барона К. Гицин-
 гера (ibid. и № 5 и 6); Ананьинскій могильникъ (близъ г. Елабуги)
 (№ 6); Нѣсколько словъ о судоходствѣ по рѣкѣ Медвѣдицѣ (ibid.);
 Выписка изъ письма начальника экспедиціи геологическаго отдѣла
 въ восточную Сибирь, Шмидта изъ Благовѣщенска отъ 27 февраля
 1860 г. (ibid.); Австрійскія съемки въ Валахию и Далмацію (ibid.);
 Англійскія съемки въ восточной Азіи (ibid.); Путешествіе Генриха
 Дюверрье по Сахарѣ (ibid.); Лондонская карта къ путешествіямъ
 Буртона и Слика (ibid.).

— «Инородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ». — «Ино-
 родцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ, составляютъ вдвое болѣе
 остальнаго населенія. Ихъ, по образу жизни, можно раздѣлить на
 два отдѣла: бродячихъ и осѣдлыхъ. Осѣдлые живутъ на постоян-
 ныхъ мѣстахъ жительства домами, или избами. Жилща бродя-
 чихъ, чумы дѣлаются изъ оленьихъ кожъ, или бересты, растяги-
 ваемыхъ на шестахъ, поставленныхъ конусообразно; онъ удобно
 и скоро снимается съ мѣста и вновь становится. Кочевые, имѣю-
 щіе въ разныя времена опредѣленные мѣста жительства, обита-
 ютъ въ юртахъ, или балаганахъ только зимою, устраиваемыхъ
 изъ мелкихъ бревешекъ, забиваемыхъ для тепла, землею и снѣ-
 гомъ и послѣ забрасываемыхъ хворостомъ; а осѣдлые строятъ
 деревянныя курныя избы съ печами. Къ бродячимъ племенамъ
 принадлежатъ: а) *Тунгусы*, раздѣляемые на нѣсколько родовъ или
 управъ. б) *Долманы*. Они состоятъ изъ родовъ Долгано-Тунгуз-
 скаго, Долгано-Жиганскаго и Долгано-Есейской Тунгузской упра-
 вы. Ученые академики Бэръ, Кеппенъ и Миддендорфъ придаютъ
 имъ значеніе отдѣльнаго племени. в) *Остяки* Подкаменно-Тунгу-
 ской, Верхненбатской и Балхинской управъ, Карасинскаго рода
 и Тимско-Караконской орды, составляющіе всѣ одно племя, но
 раздѣляющіеся, по мѣсту жительства своего, на разные роды, или
 орды и каждое подъ отдѣльнымъ управленіемъ, именуемымъ упра-
 вою. г) *Самойды*. Это обширное и болѣе зажиточное племя ино-
 родцевъ. д) *Юраки* состоятъ изъ двухъ управъ: Тазовской орды
 и Береговаго рода. Хотя по уставу объ инородцахъ для каждаго
 рода должны быть опредѣлены земли полосами, которыя и со-
 составляютъ собственность, неприкосновенную для другихъ; но
 этого въ Туруханскомъ краѣ не сдѣлано, по обширности земель,

и бродячіе инородцы, по образу своей жизни, ходятъ для промысловъ свободно по всему пространству края и, даже, въ сосѣдственныя Тобольскую и Иркутскую губерніи и Якутскую область, равно взаимно и ихъ бродячимъ племенамъ, дозволяется промышленять тутъ. Бродячій инородецъ вездѣ находитъ пріютъ, гдѣ есть добыча для промысла, и только обязанъ хотя одинъ разъ въ годъ явиться на свое сугланное, или сборное мѣсто для платежа ясака и другихъ какихъ-либо надобностей. Осѣдлые инородцы въ Туруханскомъ краѣ одни только *Якуты*. Они состоятъ изъ двухъ управъ: Шорохинской и Нижне-Затундринской. Первые 14 муж. и 14 жен. пола, имѣютъ постоянное жительство въ деревнѣ Шорохиной, на правой сторонѣ Енисея, въ 30 верстахъ отъ Туруханска, вмѣстѣ съ Русскими, утративъ совершенно не только свой народный языкъ и характеръ, но и самый наружный типъ и усвоивъ всѣ обычаи Русскихъ, съ которыми почти вполне слились, и поэтому весьма справедливо желаютъ уничтоженія особаго инородческаго управленія, существующаго нынѣ у нихъ, и обращенія въ званіе обыкновенныхъ поселенъ, какъ они и есть въ дѣйствительности. Якуты Нижне-Затундринской управы, числомъ 234 муж. и 238 жен. пола, приписанные къ Хатангскому магазину, составляютъ преобладающее населеніе по рр. Хетѣ, Попягою, Окѣ, Хатангѣ и Анабарѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, между этими послѣдними рѣками, гдѣ они живутъ въ деревянныхъ домахъ, занимаясь рыбнымъ и звѣринымъ промыслами вблизи своихъ жилищъ, и только нѣкоторые изъ нихъ удаляются въ глубь тундры или для посылки оленей, или добычи песцовъ. Вообще-же характеръ земель, обитаемыхъ инородцами, таковъ: занимаемая Шорохинскими Якутами, Остяками Верхне- и Нижне-Имбатскими, Карасинскими, Байхтинскими и Тымско-Карахонскими, Долганами Тунгусскаго и Жиганскаго родовъ, Тунгусами Нижне-Чумскаго съ присоединеннымъ къ нему 1-мъ лѣтнимъ родомъ, Илимпейскими, Чапогирскими, Усть-Турнжскими, 4-го лѣтняго рода — изобилуютъ хвойными лѣсами и мѣстами лишь встрѣчаются небольшія, безлѣсныя тундры, также множествомъ озеръ и рѣчекъ, весьма рыбныхъ; напротивъ-же, занимаемая Нижне-Затундринскими Якутами, Тазовскими и береговыми юраками, всѣми племенами Самоѣдовъ, Тунгусами 2-го и 3-го лѣтняго родовъ и Боганадскими и Долганами Енисейской управы — малолѣсны, тундристы, болотисты, но еще болѣе изобильны озерами и рѣчками, наполненными

рыбою, доставляющею обезпеченную пищу. И потому, по характеру мѣстностей этихъ, главные промыслы инородцевъ — рыбная и звѣриныя ловли, удовлетворяющія болѣе или менѣе всѣмъ потребностямъ ихъ. Число означенныхъ инородцевъ въ Туруханскомъ краѣ весьма незначительно въ сравненіи съ числомъ нѣкоторыхъ соплеменниковъ ихъ, обитающихъ въ другихъ частяхъ сѣвера Сибири. Почему-то первенствующими владыками этихъ пустынныхъ лѣсовъ и тундръ признаются Тунгусы; они оставили это право за собою вездѣ въ восточной Сибири, и здѣсь, между прочими племенами, въ особенности сохранили такое право, доказывая его всегдашнимъ нравственнымъ и физическимъ превосходствомъ. Въ первомъ случаѣ одно имя Тунгуса приводитъ въ смущеніе Остяка или Юрака, которымъ, во времена общей независимости, крѣпко доставалось отъ Тунгусовъ, какъ повѣствуетъ преданіе между ними. Во второмъ, Тунгусъ сильнѣе развитъ, бодръ, крѣпокъ, проворенъ. Остяки, Самоѣды и Юраки прибыли въ неизвѣстныя времена или съ запада, или съ юга, отгѣсняемые другими племенами и отгѣсняя другъ друга въ глубь страны. Якуты-же въ позднѣйшее время отдѣлились отъ своего племени, обитающаго въ Якутской области. Долгановъ считаютъ соплеменными Тунгусамъ. Тунгусовъ считаютъ происходящими изъ одного поколѣнія съ Манджурами по сходству въ языкѣ, наружномъ видѣ, нравахъ и признаютъ переселившимися на Енисей изъ сѣверныхъ частей Китая въ XII, или XIII столѣтія. Русскимъ-же Тунгусы дѣлаются извѣстными въ началѣ XVII столѣтія, когда въ 1595 г. нашими казаками былъ основанъ острогъ Кетскій близъ впаденія р. Кети въ Енисей. Отсюда и изъ города Мангазеи были распространяемы казаками-завоевателями ихъ воинственные походы на туруханскихъ инородцевъ, и послѣдніе, послѣ сопротивленій, покорялись оружію и платежу дани. Такимъ образомъ, Кетскіе казаки побѣдили и обложили ясакомъ въ 1645 г. Тунгусовъ бродившихъ по Верхней Тунгускѣ, а Мангазейскіе въ 1614 г. Тунгусовъ, бродившихъ по Нижней Тунгускѣ и въ 1623 уже всѣ Тунгусы состояли въ подданствѣ Россіи. Инородцы туруханскаго края одни обращены въ христіанскую вѣру, другіе остаются въ язычествѣ, но и обратившіеся къ православію, придерживаются язычества. Такъ Остяки считаются уже давно христіанами, болѣе сблизены съ Русскими и слѣдовательно могли-бы лучше другихъ выполнять обряды вѣры, однакожъ врядъ-ли не менѣе всѣхъ

другихъ инородцевъ исполняютъ это. Страсть къ шаманству не оставляетъ ихъ донинѣ, особенно для узнанія успѣха въ промыслахъ, леченія больныхъ и проч. Между богихинскими и карасинскими Остяками есть не мало шамановъ, которые, какъ и у язычниковъ, выполняютъ свои обязанности во всей точности. Якуты всѣ христіане и лучше другихъ инородцевъ выполняютъ обязанности религіи; почти у каждаго Якута въ избѣ найдется мѣдный образокъ и передъ нимъ восковая свѣча. За ними слѣдуютъ Долганы, большею частію, обращенные въ православіе, которые также склонны къ религіозности. Далѣе Тунгусы, должно полагать, на половину христіане, и потомъ Юраки, хотя изъ нихъ Тазовскіе состоятъ причисленными къ Николавской церкви на Тазу, гдѣ живутъ постоянно и священникъ; между Самоѣдами же весьма мало христіанъ. Истуканы различныхъ видовъ и изображенія нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ, какъ напр. медвѣдя, гагары, лебедя составляютъ для нихъ олицетвореніе Божества, которому они поклоняются, а шаманы служатъ преимущественно прорицателями будущаго и изцѣлителями болѣзней. У нѣкоторыхъ инородцевъ язычниковъ есть въ отдѣльныхъ мѣстахъ нѣчто въ родѣ капищъ. — Это шалашы, гдѣ сохраняются истуканы, и туда приѣзжаютъ инородцы для поклоненія своимъ идоламъ, приносятъ разныя жертвы, колятъ оленей и кровью обмазываютъ своихъ кумировъ, а мясо ѣдятъ тутъ-же. Но капища эти язычники весьма тщательно скрываютъ отъ Русскихъ, особенно, когда можетъ пасть подозрѣніе въ идолопоклонствѣ на христіанъ инородцевъ, что съ ними случается нерѣдко; впрочемъ, у Самоѣдовъ, упорно косящихся въ язычествѣ, въ этомъ случаѣ не соблюдается скрытности. — Поклоненія своимъ истуканамъ, которые дѣлаются изъд ерева въ родѣ куклы, съ головою оклееною оленьюю шерстью и украшенною бисеромъ, а вмѣсто глазъ корольки, ногами, обитыми мѣдью и раскрашеннымъ туловищемъ, они совершаютъ довольно торжественно, въ назначенное время и избранномъ мѣстѣ, гдѣ собирается нѣсколько чумовъ и является шаманъ, ставятъ особый чумъ и покрываютъ его оленинами. Приготовивъ все, шаманъ входитъ въ чумъ и за нимъ одинъ изъ старѣйшихъ Самоѣдовъ, который подаетъ шаману одежду и тотъ одѣвается; затѣмъ, когда онъ начнетъ свои заклинанія къ духамъ, сопровождавшій его Самоѣдъ идетъ извѣщать своихъ сородичей; старики и пожилыя старухи собираются въ чумъ, считаемый чистымъ, а мо-

лодые люди и женщины остаются вѣдѣ чума и пляшутъ противъ него. Эта церемонія иногда продолжается два и три дня и въ это время Самоѣды ничего не ѣдятъ и даже не дозволяютъ лишнихъ разговоровъ.—По окончаніи всѣ цѣлуютъ у шамана руку и испрашиваютъ о будущемъ: удачу въ промыслѣ, здоровье и проч., а шаманъ, цѣлуя въ уста каждого, дѣлаетъ свои предсказанія.—Если предсказанія его не обѣщаютъ удачи въ промыслѣ, то несчастливцевъ просятъ помочь и шаманъ тотчасъ-же велитъ убить оленя или собаку и кровью обмазываетъ желающаго счастья и тѣмъ возвращаетъ его къ промыслу.—Когда предсказанія шамана не обѣщаютъ здоровья кому либо, то на вопросъ послѣдняго о способѣ избавленія, шаманъ смотритъ руку его, и потомъ на солнце, или на мѣсяцъ и велитъ убить оленя, бросить его на землю и поклониться солнцу или мѣсяцу.—Сдѣлавъ всѣмъ присутствовавшимъ предсказанія, шаманъ оставляетъ чумъ и приказываетъ сдѣлать три большихъ болвана на верху чума и послѣдній кругомъ обгородить лѣсомъ, чтобъ онъ сохранился въ цѣлости, а ему-бы дѣлались всегда поклоненія, а за тѣмъ старшины приводятъ въ даръ шаману четыре или пять оленей, которыхъ тутъ-же задавливаютъ петлями и начинается пиршество, по окончаніи котораго всѣ расходятся по своимъ чумамъ».

— «Суэзскій каналъ въ географическомъ, торговомъ и коммерческо-политическомъ отношеніи». — «Вопросъ о возможности и о направленіи непосредственнаго водянаго сообщенія между Средиземнымъ моремъ и Аравійскомъ заливомъ, которое открыло бы прямой торговый путь изъ Европы въ восточную Африку, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. Предпріятіе это встрѣтило значительныя политическія и физическія затрудненія; не смотря на то, въ виду того сочувствія, которое оно нашло у нѣкоторыхъ морскихъ державъ, слѣдуетъ ожидать, что будетъ приступлено въ его осуществленію, но вопросъ заключается въ томъ: когда и какихъ можно ожидать отъ него результатовъ. Турція не желаетъ канала, а Англія, безъ сомнѣнія, не будетъ стараться склонить ее въ пользу этого предпріятія. Порты опасаются, что открытіе означеннаго водянаго пути станетъ преградой между ея Азіятскими и Африканскими владѣніями, такъ какъ перешеекъ можетъ легко сдѣлаться нейтральнымъ пространствомъ, на которомъ вліяніе султана потеряетъ всякое значеніе. Опасенія эти основательны. Столь важный путь всемірнаго сообщенія

не можетъ зависѣть отъ произвола одной державы; онъ современемъ самъ собою подвергнется совокупному охраненію всѣхъ заинтересованныхъ государствъ и сдѣлается общимъ достояніемъ народовъ. То-же самое сбудется и съ желѣзными дорогами въ Панамѣ и центральной Америкѣ, соединяющими два океана. Порта считаетъ себя обиженною и жалуется на неуваженіе ея «владѣтельныхъ правъ», потому что участвовавшіе въ дѣлѣ вѣли переговоры мимо султана, съ Египетскимъ вице-королемъ, не заботясь о согласіи «верховнаго владѣтеля». Саидъ-Паша съ своей стороны требуетъ увеличенія египетскаго войска до 150,000 чел., для защиты предпріятія, встрѣченнаго съ сочувствіемъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Вѣроятно, найдутся впоследствии средства для отстраненія всѣхъ подобныхъ политическихъ затрудненій, но за тѣмъ все еще останется преодолѣть мѣстные физическія препятствія. Несомнѣнно, что прорытіе Суэзскаго перешейка представляетъ огромныя техническія трудности, и невозможно даже приблизительно опредѣлить тѣ издержки, которыхъ будетъ стоить преодолѣніе оныхъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ, на которыхъ можно было-бы основать расчетъ. Смѣты, извѣстныя досихъ-поръ, колебались въ предѣлахъ 160 и 280 милл. франковъ. Но что будетъ стоить устройство портовъ въ обоихъ моряхъ, будутъ ли они прочны и, наконецъ, что будетъ стоить и содержаніе? Оставляя въ сторонѣ всѣ эти обстоятельства и не останавливаясь даже на томъ, что самый климатъ въ Пелузіумѣ нездоровъ, нельзя не согласиться, что столь громадныя искусственныя сооруженія, имѣющія цѣлю проложеніе водянаго сообщенія между двумя океанами, для всемірнаго плаванія, должны, кромѣ ихъ дороговизны, представлять многочисленныя чисто-техническія затрудненія, какое-бы ни было дано направленіе каналу, прямое или вдоль по теченію Нила. Для снабженія канала нужнымъ количествомъ воды, предлагаютъ устроить резервуары, изъ которыхъ вода выкачивалась-бы въ каналъ, посредствомъ множества вѣтряныхъ мельницъ, или паровыми машинами; хотятъ также воспользоваться болѣе высокимъ приливомъ Краснаго моря. Гавани нельзя иначе устроить, какъ въ самомъ морѣ, въ разстояніи по-крайней-мѣрѣ полумили отъ берега. Строительные матеріалы для Пелузіійской гавани надобно будетъ привозить съ острововъ Греческаго архипелага. Существуетъ наконецъ еще одно весьма важное обстоятельство, которое не позволяетъ рассчитывать на устройство здѣсь хорошей и удобной

гавани, это господствующее направленіе вѣтровъ въ юго-восточномъ углу Средиземнаго моря, между Сирією и Египтомъ, которое дѣлаеть песочныя отмели (банки) Ель-Ариша весьма опасными для паруснаго плаванія. При мелководіи и огромномъ количествѣ песка, наносимаго этими вѣтрами, дующими съ пустыни, морскія теченія около береговъ постоянно образуютъ банки и отмели, обстоятельство, которое даже не опровергается въ отчетѣ международной комиссіи. Отчетъ утверждаетъ однако, что возможно будетъ устроить въ Пелузіумѣ искусственный портъ съ достаточною глубиною и съ хорошимъ якорнымъ грунтомъ; но спрашивается, будетъ-ли входъ и выходъ изъ него безопасенъ для парусныхъ судовъ во всякое время года, что далеко не второстепенное условіе. Съ самыхъ давнихъ временъ эта часть Средиземнаго моря слыла у моряковъ опасною, характеръ, которому она не измѣнила и до-сихъ-поръ. Вѣтеръ и волны остались тѣми-же, каковы были за 3,000 лѣтъ тому назадъ. Но положимъ, что и эти затрудненія удачно преодолены. Представимъ себѣ, что каналъ уже существуетъ и что сооруженіе его стоило, согласно смѣтѣ, около 100 милл. талеровъ. Мы не будемъ спрашивать, откуда возьмутся *денежныя средства*. По французскимъ извѣстіямъ, они «почти» уже собраны подпискою. Но Порта отказывается въ деньгахъ; Египетскій паша не въ состояніи дать много, и неизвѣстно, на сколько акцій подпишутся европейскія государства. Въ Парижѣ утверждаютъ, что это высокое предпріятіе осуществится преимущественно съ помощію частныхъ капиталовъ. Въ этомъ случаѣ каналъ долженъ будетъ выручать проценты на затраченный капиталъ и покрывать издержки по содержанию; кромѣ того изъ доходовъ будутъ вычитаться предварительно транзитныя пошлины, простирающіяся до 15%, идущія въ пользу Египетскаго правительства, согласно заключенному съ нимъ договору. Могутъ-ли за тѣмъ акціонеры еще рассчитывать на чистые барыши? Красное и Средиземное моря уже были соединены въ древности каналомъ, который существовалъ, хотя не безъ временныхъ перерывовъ, до времени аравійскихъ калифовъ. Онъ былъ оставленъ послѣ того времени, и пески пустыни занесли его. Древній каналъ не соединялъ впрочемъ оба моря непосредственно, а былъ прорытъ отъ Суэза къ Нилу. Теперь-же дѣло идетъ о совершенно другомъ предпріятіи; каналъ проводится не для Египта, не для того, чтобы облегчить сообщеніе между двумя египетскими гаванями,

нями или между внутренними морями Средиземнымъ и Краснымъ; онъ долженъ будетъ служить путемъ для всемірной торговли, по немъ должны будутъ ходить большія трехмачтовые суда и клипера въ 2½ и 3 тысячи тоннъ (по 2,000 фунт.), для безостановочнаго слѣдованія (безъ облегченія и перегрузки) изъ всѣхъ Европейскихъ портовъ прямо въ Индію, въ Австралію, въ Китай и къ западному берегу Ажерики. Суэзскій каналъ долженъ сократить разстояніе, время плаванія и расходы. Этимъ путемъ будутъ доставляться произведенія западной промышленности въ порты восточной Африки, и Индію, въ Бирманъ, Сіамъ, Китай и Японію, а также на Австралійскіе прииски золота; колоніальныя товары Востока будутъ идти тѣмъ-же путемъ въ Европу. Очевидно, что предпріятіе, сопряженное съ такими издержками, можетъ окупиться только тогда, когда по новому каналу будетъ проходить ежегодно нѣсколько тысячъ большихъ судовъ, и когда Суэзскій каналъ сдѣлается существеннымъ звеномъ въ сообщеніи между главными океаническими путями. Суэзскій каналъ долженъ будетъ такимъ образомъ войти въ соперничество съ другими существующими путями всемірной торговли. Совершенно второстепенное значеніе имѣетъ здѣсь большая или меньшая польза его для мѣстныхъ сообщеній. Каналъ не приобрететъ всемірнаго значенія, если только онъ откроетъ прямое судовое сообщеніе между странами и гаванями Средиземнаго моря и Азіатско-Австралійскимъ Востокомъ; главная задача состоитъ въ томъ, чтобы привлечь къ себѣ значительную часть Атлантическаго кораблеплаванія. Суэзскій каналъ долженъ, если не совершенно подорвать путь вокругъ южной оконечности Африки, то, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлать его въ большей части случаевъ излишнимъ; онъ долженъ представить значительныя преимущества и выгоды противъ той дороги которая въ продолженіе 3½ вѣковъ служила Европѣ для морской торговли съ Индією и Востокомъ Азіи. Чрезъ каналъ сберегутся миллиарды, которые теперь бесполезно поглощаются длиною морскаго пути, обмѣнъ нашихъ произведеній на азіатскія будетъ совершаться съ меньшими издержками и скорѣе — вотъ цѣль, которую поставили себѣ главные защитники канала. Многіе полагаютъ, что съ открытіемъ Суэзскаго канала, для народовъ при Средиземномъ морѣ опять наступятъ цвѣтущія времена, какъ въ дни венеціанскаго могущества, иными словами, что въ ихъ руки перейдетъ торговля съ Индією, Китаемъ и Ма-

лайскимъ архипелагомъ. Но именно въ этомъ и заключается *заблужденіе*. Въ средніе вѣка Венеціанцы получали индѣйскіе товары изъ вторыхъ рукъ; они никогда не отправлялись за ними на мѣсто ихъ производства, а были только закупщиками, и потому не могли управлять торговлею. При перемѣнѣ обстоятельствъ, отъ нихъ не зависѣвшихъ, господство ихъ должно было пасть. Англичане же и Голландцы владѣютъ колоніями, производство сырыхъ продуктовъ находятся въ ихъ рукахъ, они повсюду имѣютъ торговые дома; везутъ товары на собственныхъ судахъ, защищаютъ торговлю могущественною морскою силою, однимъ словомъ, они совершенно самостоятельны въ своей торговлѣ. Въ средніе вѣка все это было иначе. Въ продолженіе трехъ столѣтій и еще во времена крестовыхъ походовъ, Аравитяне господствовали на Среднеземномъ морѣ до Гибралтарскаго пролива. Послѣ нихъ пришли Итальянцы, и Венеція сдѣлалась первостепенною торговою державою и складочнымъ мѣстомъ индѣйскихъ привностей, которыя промѣнивались въ Александріи и Каирѣ, на камку, золотыя нитки, бѣлыхъ невольниковъ и стеклярусъ, мѣдь и жечь, ртуть, киноваръ и множество другихъ предметовъ. Изъ Египта товары эти шли въ Индію и тамъ продавались аравійскимъ купцамъ съ огромными барышами, составлявшими отъ 500 до 1,000%. Индѣйскіе товары платили огромныя пошлины, прежде чѣмъ переходили въ руки Венеціанцевъ. Каликутъ имѣлъ въ то время то-же торговое значеніе, какъ нынѣ Бомбей; суда, отправлявшіяся изъ этого порта въ Египетъ, подвергались большимъ стѣсненіямъ: во первыхъ, они обязаны были брать такое количество перца, которое-бы составляло третью часть всего груза; они должны были заходить въ Джедду и тамъ платитъ 10% съ цѣнности груза; въ Суэзѣ взи-малась еще 5% пошлины; провозъ чрезъ пустыню былъ монополиею правительства, которое брало за каждую ношу верблюда въ восемь разъ больше обыкновенной наемной цѣны. Покупавшіе перецъ въ Каирѣ обязаны были сперва взять 350 фунтовъ у правительства и заплатить ему 20% дороже обыкновенной рыночной цѣны. За тѣмъ товаръ подвергался еще третьей пятипроцентной пошлинѣ въ Каирѣ, а предъ нагрузкою въ Александрійскомъ портѣ взи-мались какъ съ покупателя, такъ и съ продавца еще 5%. Понятно, что при такихъ финансовыхъ мѣрахъ цѣна привностей въ Германіи и далѣе на сѣверѣ была огромная, тѣмъ болѣе, что и Венеціанцы не довольствовались малыми барышами. Трактаты

Венеція съ Египетскимъ султаномъ устранили только нѣкоторыя изъ этихъ торговыхъ стѣсненій, которыя объясняютъ, между прочимъ, отчего индѣйскіе товары, привозившіеся сухимъ путемъ къ берегамъ Каспійскаго моря и въ генуэзскія владѣнія при Азовскомъ морѣ, не смотря на огромный кругъ при провозѣ, могли продаваться въ Германіи, Швейцаріи и Франціи по одинаковымъ цѣнамъ съ товарами изъ Египта. Въ среднихъ вѣкахъ были три пути для торговли съ Индіею. Первый пролегалъ чрезъ Красное Море, второй шелъ изъ Ормуза вверхъ по Евфрату чрезъ Багдадъ, Дамаскъ и Алеппо въ сирійскія гавани; третій изъ Камбая вверхъ по Инду, чрезъ Персію къ берегамъ Каспійскаго моря и на Донъ. Первая линія могла-бы удерживать хотя часть своего значенія и послѣ открытія пути кругомъ мыса Доброй Надежды, если-бъ уничтожили безразсудно огромныя пошлины но при глупомъ упрямствѣ Турокъ, египетская транзитная торговля совершенно упала. Португальцы узнали о путяхъ въ Индію отъ Аравитянъ, владѣвшихъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Иберійскимъ полуостровомъ. Португальцы рано начали стремиться къ тому, чтобъ устранить Аравитянъ и Венеціанцевъ и вступить въ непосредственныя торговыя сношенія съ Индіею. Колумбъ обратился сначала къ Португальцамъ, онъ предполагалъ достигнуть Индіи западнымъ путемъ. Въ 1487 г. король Іоаннъ отправилъ въ Красное Море двухъ дворянъ, Кавильяно и Пайви, знавшихъ по-арабски. Они достигли Адена, откуда одинъ изъ нихъ отправился въ Абиссинію отыскивать пресвитера Іоанна, а другой посѣтилъ Кананаръ въ Индіи и возвратился въ Европу чрезъ Ормузъ, Адень и Каиръ. Они были предшественниками позднѣйшихъ «конквистадоровъ»; рассказы ихъ о богатствѣ Востока побудили короля Эммануила, наслѣдника Іоанна, къ предпріятіямъ въ большихъ размѣрахъ. Въ это-же время Діацъ достигъ южной оконечности Африки, а вскоре послѣ того Васко-де-Гама обогнулъ мысъ Доброй Надежды и сошелся въ Мозамбикѣ съ Аравитянами, пришедшими съ Краснаго Моря. Съ этихъ поръ началась борьба за торговлю съ Индіею между Португальцами и поклонниками ислама. Жестокое варварство Португальцевъ въ Индіи ни сколько не уступаетъ дѣйствіямъ испанскихъ завоевателей въ Америкѣ. Они занимались морскимъ разбоемъ, захватывали аравійскія суда, грабили и жгли магометанскіе города. Аравитяне не могли бороться съ Португальцами и рѣшились перенести свою торговлю на Цейлонъ, Суматру

и Малакскій полуостровъ, но и тамъ преслѣдованія продолжались. Въ древности и еще во времена калифовъ, торговля на востокъ отъ Египта едва достигала до Сіамскаго залива; потомъ Аравитяне постепенно распространяли ислаимизмъ и торговлю до самаго Китая. Но Португальцы въ теченіе двадцати пяти лѣтъ приобрѣли господствующее вліяніе во всѣхъ странахъ отъ восточнаго берега Африки до Китая, и вслѣдъ за тѣмъ достигли даже до Японіи. Португальцы владычествовали не долго, однако они успѣли нанести смертельный ударъ египетской транзитной торговлѣ. Итальянцы встревожились съ самаго начала и пытались противодѣйствовать новому сопернику. Венецію объялъ ужасъ, когда Пасквалико, посланникъ ея въ Лиссабонѣ, донесъ объ открытіи Португальцами морскаго пути въ Индію. Дальновидные государственные люди совѣтовали рѣшиться на смѣлый поступокъ, овладѣть Египтомъ. *«Путь чрезъ Красное Море, говорилъ Марино Санудо, кратчайшій, и съ уничтоженіемъ турецкихъ пошлинъ онъ будетъ и самымъ дешевымъ; соединеніе Нила съ Краснымъ Моремъ возможно, оно уже существовало и должно быть восстановлено».* Слова эти были совершенно справедливы. Плаваніе въ Индію кругомъ Мыса Доброй Надежды продолжалось неменѣе 6 или 8 мѣсяцевъ, при не совершенствѣ въ то время искусства мореплаванія. Но Португальцы утвердились въ Индіи, построили форты и основали факторіи; они овладѣли всѣми плантаціями, продавали пряности дешевле и совершенно устранили отъ торговли Аравитянъ и Венеціанъ. Послѣдніе не рѣшались завоевать Египетъ и не отваживались на дальнее плаваніе въ Индію. Подъ предлогомъ предотвратить соблазнъ, который произошелъ-бы отъ союза христіанскаго съ «невѣрными», но собственно съ цѣлю ослабить союзъ между Венеціею и Египетскимъ султаномъ, король Эммануилъ соглашался допустить нѣсколько венеціанскихъ галіоновъ къ морской торговлѣ съ Индіею, съ выдачею имъ привилегій: Венеціанцы отвергли это предложеніе; они не хотѣли навлечь на себя гнѣва султана и сверхъ того надѣялись, что новое торговое направленіе будетъ существовать не долго. Въ этомъ они ошибались и когда поняли свое заблужденіе, то сдѣлались уступчивѣе и предложили Португальцамъ продавать имъ всѣ индійскія пряности за опредѣленную цѣну. Они надѣялись такимъ образомъ и при перемѣнившихся обстоятельствахъ остаться посредниками въ торговлѣ съ Индіею. Когда Эммануилъ не согласился на это предложеніе, то Венеція поступи-

ла очень неосторожно, обложивъ привозимые изъ Португаліи товары огромными пошлинами. Карлъ V въ Испаніи, въ отвѣтъ на эту мѣру, наложилъ двойныя пошлины на венеціанскіе товары; въ то-же самое время султанъ Селимъ покорилъ Мамелюковъ въ Египтѣ, а вслѣдъ за тѣмъ Турки, возымѣли мысль дать Константинополю большее торговое значеніе, объявивъ его единственнымъ портомъ для вывоза въ странахъ, имъ принадлежавшихъ при Средиземномъ морѣ. Хотя Египетъ не смотря на то, и сохранилъ право вывозить товары, но всѣ эти перемѣны подорвали венеціанское торговое могущество; оно ослабѣло и пало. Португальцамъ наслѣдовали Голландцы, а теперь уже сто лѣтъ какъ Англія всего могущественнѣе на крайнемъ востокѣ. Образъ мыслей и возрѣвнѣи 600 милл. жителей, населяющихъ Азію, съ пхъ своеобразными нравами, вѣрою и государственнымъ устройствомъ, еще едва затронуть европейскимъ вліяніемъ. Но торговля, матеріальныя сношенія достигли колоссальныхъ размѣровъ. Суэзскій каналъ, безъ сомнѣнія, будетъ существенно способствовать ихъ развитію, будетъ имѣть благотѣльное вліяніе на торговлю, если и не осуществитъ возбужденныхъ въ началѣ преувеличенныхъ ожиданій».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ географіи и этнографіи нашего отечества принадлежатъ слѣдующія статьи: *Новое мѣстонахожденіе графита* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 1); *Рѣка Онега* (ibid.); *Городъ Тюмень* (ibid. № 2); *Калмыки*, А. О. Писемскаго; *Волжскіе татары*, Шино (Совр. № 6, Библ. для чт. № 1); *Дворовые люди въ старыя годы*. Нѣсколько семейныхъ преданій. Гр. Н. С. Толстаго (От. зап. № 1); *Очерки западнаго Закавказья*, С. И. Рыжова (ibid. № 3 и 5); *Дорожныя записки*, А. С. Чужбинскаго (Русск. сл. № 1 и 4); *Письма изъ Одессы*, В. Скри—аго и М. Л. Д. Г. (ibid. № 1 и 6); *Изъ путевыхъ замѣтокъ*, Порфорова (ibid. № 2); *Вѣсти изъ Новгорода* (ibid.); *Воронежскія письма* (ibid. № 3); *Съ устья Амура*, Д. И. Романова (ibid. № 4); *Нѣсколько словъ о московскомъ мѣщанскомъ обществѣ*, Булкина (Русск. вѣст. № 1 и 2); *Нѣсколько словъ о народномъ бытѣ на низовьяхъ Волги*, А. А. Самойлова (ibid.); *О московскихъ ремесленникахъ*, Булкина (ibid. № 3); *Изъ Тифлиса* (ibid. № 7); *Амуръ*, А. Хитрова (Сынъ от. № 9 и 10); *Путевыя впечатлѣнія въ Россіи*, Молинарн (ibid. № 11); *Вѣсти съ Кубани* (Моск. вѣд. № 2 и 14); *Изъ записокъ матушки моей о прежней Сибири*, Н. В. Берга (ibid. № 5); *Тунусы* (ibid. 12); *Глубина Байкала* (С. Пб. вѣд. № 36); *Азовскія письма*.

VI. Н. Кукольникъ (ibid. № 45); *Казанскіе татары* (Сѣв. пч. № 21); *Письмо изъ Бѣлгорода* (ibid. № 53); *О саратовскихъ и самарскихъ колонистахъ* (ibid.); *Отъ нижняго Новгорода до Кизляра* (ibid. № 54 и 56); *Паки и паки объ Амуръ* (ibid. № 55); *Нѣсколько словъ о Керчь Еникольскомъ проливѣ и его лоцманамъ*, Н. П—ви (Одесск. вѣстн. № 15); *Замѣтки о Новомиргородѣ*, Ф. Воропонова (ibid. № 16 и 31); *Очерки Керчи*, IX. Игнатьева (ibid. № 20); *Замѣтки объ Очаковѣ* (ibid. № 32); *Путешествіе по Заковой улицѣ*, Павла Кукольника (Вил. вѣст. № 3, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14 и 16); *О Чертороѣ* (Кіев. телегр. № 12); *Амуръ* (Журн. военно-учебн. завед. № 571).

Къ географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ относятся слѣдующія статьи: *Римскія поля*. Посвящено Д. В. Григоровичу, В. Д.-Яковлева (Совр. № 2); *Изъ Праги*, А. Р. (ibid.); *Парижскія впечатлѣнія*, Изъ путевыхъ записокъ, Д. В. Григоровича (ibid. № 3); *Изъ Аѳинъ*, А. Д. (ibid.); *Письма изъ-за границы*. Дрезденъ, С. Е. Ешевскаго (Отеч. зап. № 6); *Письма изъ Алжира*, Н (Русское слово № 1, 2, 3 и 4); *Трехмѣсячное путешествіе по южнымъ краямъ Австріи*, Лянскаго (ibid. № 5 и 6); *Дѣнь недѣли въ Лондонѣ*, В. П. Боткина (Русск. вѣстн. № 1 и 2); *Изъ Парижа*, кн. П. В. Долгорукова (ibid.); *Дневникъ гардемарина на фрегатѣ Аскольдѣ*, П. С. Муханова (ibid. и № 3); *Атлантическій океанъ*, А. В. Вышеславцева (ibid. № 3); *Малайское море*, его-же (ibid. № 6); *Изъ Генуи*, кн. Д. Д—го (ibid. и № 7); *Изъ Америки*, Г. Матилы (ibid. № 7 и 8); *Мамонтова пещера*, Э. Р. Циммермана, (ibid. № 9); *Дневникъ гардемарина на фрегатѣ Аскольдѣ*, П. С. Муханова (ibid. № 10); *Славянскія земли—Турція и Австрія въ 1859 году* (Библ. для чт. № 3); *Письмо изъ Голландіи*, Ф. Дершау (Сынъ от. № 2 и 3); *Аѳины и Константинополь* (ibid. № 2); *Физическая географія моря*, Н. (ibid. № 4 и 6); *Нѣчто о картографіи и въ особенности о трудахъ Зуева по этой части*, А. Д. (ibid. № 8); *Охота у Кириизъ-Кайсаковъ*, К. П. Казачова (ibid. № 11 и 12); *Поездка въ Оксфордъ*, Ю. Толстаго (ibid. № 11 и 12); *Изъ воспоминаній объ Италіи*, А. Андреева (ibid. № 11); *Письма изъ-за границы*, Б. Чячерина (Наше время № 1 и 2); *Остъ-индскій дневникъ*, Уильяма Говарда Росселя (ibid. № 6 и 7); *Письмо изъ Парижа*, Теопогота (ibid. 8, 9, 10 и 11); *Славянскія земли*. Окон. (Руск. міръ № 4); *Лондонскій почтевъ для бѣдныхъ* (СПб. вѣд. № 15); *Рождественскія увеселенія Англичанъ* (ibid.); *Воспоминаніе о Венеціи* (Сѣв.

пч. № 1 и 2); *Заграничныя письма въ редакцію Московскихъ вѣдомостей* (Моск. вѣд. № 15, 35, 59); *Островъ Сардинія* (ibid. № 50 и 52); *Очерки южной Америки* (ibid. № 63); *Княжество Монако* (ibid. 66, 67 и 68); *О религиозныхъ обычаяхъ мусульманъ-шиитовъ и о причинахъ различія ихъ съ суннитами* (Кавк. № 23); *Азія и Сибирь*, А. Павловскаго (Народн. чт. № 2); *Путевыя впечатлѣнія въ Швейцаріи* (Жур. воен. учеб. зав. № 565 и 566); *Атлантическій океанъ и островъ Мадера* (ibid. № 567—569); *Сингапуръ* (ibid. № 570 и 571); *Гонъ-Конъ* (ibid. № 572); *Островъ Бонинг-Сима* (ibid. № 573); *На Мысль Доброй Надежды* (ibid. № 574 — 576).

— «Письма изъ Алжира».—Эти письма путешественника весьма интересны какъ по живости разсказа, такъ и по остроумнымъ, оригинальнымъ замѣткамъ жизни и нрава жителей этой французской колоніи. «Во всѣхъ городахъ Франціи — говоритъ путешественникъ—гдѣ я останавливался, мнѣ говорили: «вы ѣдете въ очаровательную сторону: Алжиръ маленькій Парижъ». Вышло, однако, не совсѣмъ такъ. Природа дѣйствительно очаровательна; но тѣмъ не менѣе Алжирія до-сихъ-поръ еще большая, мало обработанная пустыня, а городъ Алжиръ не имѣетъ ни одного свойства, общаго съ Парижемъ. Во Франціи не знаютъ, что съ уничтоженіемъ генераль-губернаторства, Алжиръ пересталъ играть роль маленькой столицы и сдѣлался весьма обыкновеннымъ провинціальнымъ городомъ. Во многообъщающемъ числѣ 60 т. жителей, которое встрѣчается въ географіяхъ и статистикахъ, находится около 30 т. мавровъ, арабовъ, негровъ и евреевъ, а большая часть европейскаго населенія состоитъ изъ испанцевъ и мальтійцевъ, занимающихся мелкой торговлею. Пестрота въ самыхъ сословіяхъ населенія не можетъ сравниться ни съ одною изъ другихъ большихъ колоній. Высшій чиновный классъ, составляющій такъ называемое хорошее общество, хочетъ играть роль знати и выкидываетъ пресмѣшныя фарсы, — чистая пародія на нынѣшнюю парижскую haute volée. Такъ, напримѣръ, для визитовъ нанимаются коляски, хотя улицъ, по которымъ можно проѣхать въ экипажахъ, всего три и нерѣдко приходится останавливаться на половинѣ дороги, отъ дома, куда собираешься, и потомъ пѣшкомъ пробираться по узкимъ, грязнымъ переулкамъ, останавливаясь и оглядываясь чрезъ каждые пять шаговъ, въ избѣжаніе того, чтобы не явиться съ визитомъ въ изорванномъ или запачканномъ платьѣ

Недавно получилъ я визитную карту, величиною съ четверть листа почтовой бумаги, на которой большими буквами было написано званіе важнаго лица, посѣтившаго меня, но фамиліи не было. Во всякой другой странѣ подобное обстоятельство поставило-бы въ тупикъ каждаго; но въ Алжирѣ кто-же изъ живущихъ можетъ не знать фамиліи главныхъ администраторовъ?—Вотъ вамъ образецъ алжирскаго шика: хотя у насъ 15° тепла, но дамы ходятъ съ большими муфтами, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы показать, что могутъ тратить деньги на самыя нецѣпныя моды, или что еще вѣроятнѣе, что мужей влекутъ въ модныя магазины какія-нибудь сердечныя слабости. Здѣсь вообще при покупкѣ чего-нибудь, болѣе тароваты обѣщаніями, чѣмъ деньгами. Въ этомъ маленькомъ Парижѣ невозможно составить себѣ кругъ знакомыхъ, съ которыми-бы можно провести вечеръ безъ картъ или самыхъ пошлыхъ сплетенъ. Иностранцы, пріѣзжающіе сюда на зиму, осуждены на иномескую жизнь въ четырехъ стѣнахъ, или должны составить свой собственный кругъ, отдѣльно отъ жителей Алжира. За исключеніемъ предметовъ роскоши, все дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, и единственной способъ прожить со всѣми удобствами и довольно дешево — это оставаться въ гостинницѣ. Единственнымъ средствомъ для разогнанія скуки можетъ служить верховая лошадь для загородныхъ прогулокъ. Матеріальное состояніе колоніи досихъ-поръ такъ плохо, что въ столицѣ этой древней житницы Европы по временамъ невозможно достать порядочнаго хлѣба. Самые необходимые жизненные припасы дороже, чѣмъ въ Лондонѣ и Петербургѣ, между-тѣмъ-какъ въ верстахъ восьмидесяти отъ берега не могутъ найти сбыта своимъ продуктамъ. Въ различныхъ мѣстахъ Алжиріи есть превосходные лѣса, и не взирая на то, весь строительный лѣсъ, который употребляется въ прибрежной полосѣ, привозится изъ Швеціи и Финляндіи и, разумѣется, очень дорого. Вездѣ стараются замѣнить дерево желѣзомъ или камнемъ, такъ-что въ самыхъ богатыхъ гостинныхъ не рѣдкость увидѣть израсцовый полъ. На постоянной выставкѣ я видѣлъ до двадцати различныхъ сортовъ bois de luxe, одинъ красивѣе другаго. Между-тѣмъ наша мебель привозится изъ Франціи и никому въ голову не приходитъ, что скорѣе намъ слѣдуетъ отправлять мебель, потому-что мы обладаемъ матеріаломъ, который красотой и прочностью въ нѣсколько разъ превосходитъ красное дерево. Сдѣлавшись подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, страню чисто

земледѣльческою, Алжірія терпитъ частію недостатокъ въ самомъ существенномъ. Во Франціи на пять гектаровъ земли приходится одна голова рогатаго скота; сравнивая съ нею ту часть Алжіріи, гдѣ разведеніе рогатаго скота удобно, такъ-называемый тель (прибрежье), должно-бы имѣть 2,800,000 головъ, между-тѣмъ-какъ на самомъ дѣлѣ оказывается только одинъ миллионъ. Колонизація страны не могла идти такъ успѣшно, какъ въ другихъ странахъ, вслѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ совершалось завоеваніе французами Алжіріи. Покоривъ страну, французы встрѣтили не дикарей безъ понятій объ общественныхъ отношеніяхъ, какъ англичане въ Новой Голландіи и Америкѣ, которые постоянно уступали имъ и исчезали по мѣрѣ распространенія цивилизованной территоріи, — а народъ полуобразованный—арабовъ, соединенный фанатическою религіею и имѣющій государственное устройство. Пускаться впередъ отдѣльными семействами, выбирая удобнѣйшія мѣста, какъ въ Америкѣ, здѣсь было невозможно. Новыя деревни должны быть достаточно сильны, чтобы защищать самихъ себя и служить, такъ сказать, передовыми постами европейской образованности. Поэтому приходилось часто указывать имъ мѣста, сколько по промышленнымъ, столько-же по стратегическимъ соображеніямъ. Вслѣдствіе такого характера колонизаціи происходятъ всѣ недостатки ея. Надобно собрать достаточное число колонистовъ, чтобы составить цѣлую деревню, прежде чѣмъ назначить имъ землю. Отъ этого приходится инымъ ждать долго, а присутственныя мѣста завалены перепискою. Между-тѣмъ, по статистическимъ свѣдѣніямъ видно, что изъ 11,286 переселенцевъ, получившихъ землю, только 3,116 выкупили ихъ и сдѣлались владѣтелями; остальные-же 8,170, вслѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ страшно свирѣпствующихъ между колонистами лихорадокъ, лишились своихъ первоначальныхъ владѣній. По причинѣ постоянно угрожающей опасности отъ нападеній, эти деревни—такъ-называемые посты европейской цивилизаціи—пустѣли годъ отъ году и переселенцы въ отчаяніи возвращались на родину. Изъ всего этого вышло то, что въ городахъ нѣтъ купцовъ, а въ деревняхъ нѣтъ хлѣбопашцевъ и постоянно слышишь жалобы, весьма справедливыя, на дороговизну работы. Оливковое дерево въ дикомъ состояніи встрѣчается во всемъ прибрежномъ поясѣ и покрываетъ поверхность земли на протяженіи пяти миллионвъ гектаровъ. Полагая только по 25 де-

ревъ на гектаръ, выйдетъ во всемъ поясѣ 6,250,000 деревъ, изъ которыхъ каждое даетъ среднимъ числомъ 75 килограммовъ оливковъ, слѣдовательно всѣ деревья дадутъ 468,750,000 килограммовъ, изъ числа которыхъ каждые сто даютъ семь литровъ масла, такъ что весь итогъ 33,000,000 литровъ, могъ-бы, разумѣется, быть собранъ каждый годъ. Между-тѣмъ, на самомъ дѣлѣ собирается только 11,000,000 литровъ, а двѣ трети всего (22,000,000) пропадаютъ даромъ за недостаткомъ денегъ и рукъ. Средняя цѣна литра масла 1 франкъ, слѣдовательно ежегодно пропадаетъ 22,000,000 франковъ весьма легко добываемаго дохода. Мы могли-бы вывозить все то, что составляетъ богатство Италіи или Испаніи; между тѣмъ приходящія въ здѣшнюю великолѣпную гавань, стоившую правительству милліоны, тридцать или сорокъ судовъ въ годъ со строевымъ лѣсомъ, уходятъ пустыя и ищутъ груза въ Палермо, Ливорно и другихъ гаваняхъ Средиземнаго моря. Алжирія досихъ-поръ ни что иное, какъ огромное военное населеніе, жители котораго подвержены всѣмъ возможнымъ случайностямъ войны. Отъ этой вѣчной необходимости быть готовымъ къ защитѣ, приходится управлять большую часть Алжирія военною администраціею, которая учреждена собственно для арабовъ (*bureaux arabes*) и на которую приходится наложить столько разнородныхъ обязанностей, что, конечно, она не въ состояніи выполнить всѣ удачно. Этому-же обстоятельству надобно приписать постоянныя вмѣшательства администраціи въ большую часть такихъ дѣлъ, которыя въ Европѣ предоставлены рѣшенію разсудка cadaго отдѣльнаго гражданина. Здѣсь, въ видахъ общей безопасности, подобная система, хотя разумѣется, имѣетъ то невыгодное послѣдствіе, что народъ отвыкаетъ отъ предпримчивости, самъ о себѣ вовсе не думаетъ, и не заботится и считаетъ правительство нянькою, которая обязывается дѣлать за нихъ все и на которую неминуемо сваливаются всѣ неудачи. Очень естественно, что при такомъ порядкѣ вещей, Франція, тратя ежегодно 50,000,000 франковъ на благосостояніе колоніи, не можетъ въ такой сильной степени содѣйствовать развитію промышленности и торговли, какъ это могло-бы быть при другихъ, болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

IV.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛАХЪ, ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, ПУБЛИЧНЫХЪ БИБЛИОТЕКАХЪ И ПРОЧ. — Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилась годовщина существованію воскресныхъ школъ, начало которымъ было положено 11 октября прошедшаго года открытіемъ первой такой школы въ Кіевѣ, на Подолѣ. Вызванная потребностями времени, инициатива кіевскихъ студентовъ не осталась безъ отголоска и скоро нашла себѣ ревностныхъ послѣдователей во многихъ мѣстахъ нашего отечества, такъ что, вслѣдъ за открытіемъ названной выше школы, въ годичный промежутокъ времени, въ 30 различныхъ мѣстностяхъ Россіи, по образцу ея, основано было 68 воскресныхъ школъ: 58 мужскихъ и 10 женскихъ, изъ общей сложности которыхъ почти $\frac{1}{3}$ часть выпала на долю столичныхъ городовъ — по ровну, по 12 школъ въ Петербургѣ и Москвѣ; въ нѣкоторыхъ большихъ губернскихъ городахъ, какъ Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Орелъ и друг. ихъ явилось также по нѣскольку. Подобно первой и другія воскресныя школы возникли также по инициативѣ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ учебному вѣдомству, частныхъ лицъ, духовенства и во многихъ мѣстахъ при самомъ горячемъ сочувствіи учащихъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ; министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, высказало одобреніе въ пользу воскресныхъ школъ, представивъ повсемѣстно для помѣщенія ихъ зданія учебныхъ заведений; одно только коллективное участіе общества къ дѣлу воскресныхъ школъ обнаружилось слабо. Между-тѣмъ нельзя не сознаться, что дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, завися исключительно отъ личности и отъ вліянія многихъ постороннихъ обстоя-

тельство, не представляет собою той прочности, которая может явиться въ томъ случаѣ, когда въ дѣлѣ распространенія въ народныхъ массахъ образованія участвуетъ общество своими коллективными силами. Слѣдя за извѣстіями, помѣщаемыми въ газетахъ, мы часто можемъ встрѣтить сѣтованія на безучастіе, выражаемое обществомъ къ дѣлу народнаго образованія. Такъ, между прочими, г. Воропановъ въ замѣткахъ своихъ о Новоміргородѣ (Одесскій Вѣстн. № 114. 20 окт. 1860 г.), говоря о сильной потребности, ощущаемой среди низшихъ классовъ населенія въ образованіи, и извѣщая объ открытіи въ Новоміргородѣ мужской и женской школы, прибавляетъ однако «нельзя не видѣть, что существованіе ея не довольно прочно, потому что держится исключительно на сочувствіи немногихъ учредителей». Недостатокъ такого участія общества, въ самоѣ еще началѣ дѣятельности воскресныхъ школъ, возбуждѣлъ уже опасенія относительно прочности матеріальнаго существованія ихъ, и на сколько опасенія эти оправдались — доказательства тому мы видѣли на нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ, которыя успѣли почувствовать на себѣ всю тяжесть отсутствія прочно обезпеченныхъ, необходимыхъ для успѣшной дѣятельности ихъ матеріальныхъ средствъ. Правда, — первыя случайныя, вновь поступившія пожертвованія легко удаляютъ затрудненія, являющіяся вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, но не должно забывать, что участіе общества въ отношеніи народныхъ школъ должно отражаться теперь не съ одной только стороны матеріальнаго благосостоянія послѣднихъ, — недостатокъ коллективнаго участія общества можетъ гораздо сильнѣе и чувствительнѣе выразиться со стороны нравственнаго элемента, который, какъ намъ кажется, подъ вліяніемъ общества должны будутъ усвоить себѣ первоначальныя народныя училища съ предоставленіемъ, по проекту новаго устава для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, дѣятельности въ дѣлѣ распространенія грамотности исключительной заботѣ частныхъ лицъ и общества. Современный составъ лицъ, занимающихся у насъ до-сихъ-поръ по городамъ и деревнямъ частнымъ обученіемъ народа грамотѣ, лицъ нисколько къ тому не подготовленныхъ, но для которыхъ, — при устраненіи всякаго оффиціальнаго вмѣшательства при выборѣ и назначенія учителей въ проектированныя школы грамотности, — доступъ будетъ открытъ — современный составъ этихъ лицъ ни въ какомъ случаѣ

не можетъ восполнить собою недостатокъ участія общества въ правильномъ направленіи народнаго образованія. Мы не будемъ излагать содержанія статьи г. Беллюстина, разсматривающей настоящей предметъ, вѣроятно уже знакомой читателямъ нашего журнала (*), а укажемъ на факты, приводимые г. Самохинымъ въ статьѣ его «Нѣсколько словъ о сельскихъ школахъ», помѣщенной въ № 79 «Кіевскаго Телеграфа»; жаль только, что описываемая имъ мѣстность точно не обозначена. Изъ словъ автора видно, что по официальнымъ отчетамъ, къ 1 февраля настоящаго года въ однихъ только помѣщичьихъ имѣніяхъ въ —мъ уѣздѣ состояло на лицо при приходскихъ церквахъ 73 школы, заведенныя еще съ 1836 года, и въ нихъ, въ описываемую эпоху, обучалось 378 учениковъ. Казалось-бы, что при такихъ мѣстныхъ средствахъ для народнаго образованія, нельзя было-бы ожидать недостатка въ грамотныхъ людяхъ, между-тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, по увѣренію г. Самохина, въ нѣкоторыхъ приходахъ, при которыхъ существуютъ сельскія школы, не оказывается ни одного человѣка, знающаго читать и писать. Сколько можно судить изъ объясненій, приводимыхъ г. авторомъ, причины такихъ грустныхъ результатовъ дѣятельности описываемыхъ имъ сельскихъ школъ главнѣйшимъ образомъ заключаются, съ одной стороны, — въ полномъ отсутствіи участія общества къ судьбѣ ихъ, а съ другой — въ дурномъ составѣ лицъ, которымъ ввѣрено обученіе, исключительно находящееся въ рукахъ дьячковъ и пономарей «людей грубыхъ, малограмотныхъ, плохо читающихъ и пишущихъ по-русски». Все ученіе ихъ, по замѣчанію г. Самохина, ограничивается чтеніемъ часослова и псалтыри, которую они заставляютъ мальчиковъ заучивать наизусть. Да и по-церковно-славянски мальчики читаютъ дурно и стоятъ только вмѣсто псалтыри дать другую какую-нибудь церковную книгу, какъ мальчикъ становится въ-тупикъ и далеко не такъ бойко читаетъ какъ псалтырь или часословъ. Къ тому-же дьячки начинаютъ обыкновенно учить дѣтей азбукѣ не русской, а церковно-славянскою, и при томъ по методу чрезвычайно трудному и непонятному не только для мальчика неграмотнаго, но и для взрослога образованнаго человѣка. При такомъ ходѣ обученія, по замѣчаніямъ г. автора приводимой статьи, со стороны подлежащаго начальства не существуетъ рѣшительно ни-

(*) См. Журн. м. н. пр. ч. CVIII. 1860 г.

какого надзора за положеніемъ школъ, а помѣщики, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ только въ цѣломъ — мѣ уѣздѣ рѣшительно не даютъ никакого пособія и нисколько не заботятся о поддержаніи существованія школъ. «Интересно знать», говоритъ, между прочимъ, въ заключеніи своей статьи г. Самохвиль, «на какихъ положеніяхъ будутъ основаны новыя сельскія школы въ здѣшнемъ краѣ (?), какое имъ дадутъ устройство, по какому методу и кто будетъ обучать грамотѣ, какія будутъ даны матеріальныя средства для существованія школъ и наставниковъ? Не дай Богъ, если новыя школы отдадутъ въ руки такихъ наставниковъ, какъ наши дьячки и пономари». Дѣйствительно, при хладнокровіи нашего общества къ дѣлу народнаго образованія и при современномъ составѣ лицъ, занимающихся частнымъ обученіемъ народа грамотѣ, трудно ожидать въ будущемъ благотворныхъ результатовъ отъ всѣхъ реформъ, предполагаемыхъ по проекту новаго устава для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Поэтому проявленіе общественной дѣятельности въ Одессѣ въ дѣлѣ народнаго образованія должно имѣть глубокое значеніе въ общемъ вопросѣ. Возникающее «Новороссійское общество распространенія грамотности», по проекту представленнаго имъ на утвержденіе устава, цѣлю свою имѣетъ распространеніе въ народѣ грамотности и элементарныхъ свѣдѣній въ предѣлахъ, обозначенныхъ въ программѣ низшихъ народныхъ училищъ, самый-же кругъ дѣйствій «общества» ограничивается Новороссійскимъ краемъ и Бессарабскою областію. Способомъ для достиженія этой цѣли «общество» полагаетъ: а) вносить плату за неимущихъ учениковъ держателямъ школъ грамотности и низшихъ народныхъ училищъ, гдѣ таковыя существуютъ; б) заботиться о заведеніи первоначальныхъ училищъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или на собственный счетъ, или вступая въ сношенія съ мѣстными обществами, или съ известными лицами; в) помогаетъ обществамъ или частнымъ лицамъ открывать школы, посредствомъ своихъ членовъ убѣждая родителей отдавать своихъ дѣтей въ школы, а держателей ремесленныхъ заведеній — своихъ учениковъ; г) заботится объ изданіи книгъ для народнаго чтенія и элементарныхъ учебниковъ, приобретаая ихъ отъ сочинителей, печатая ихъ на свой счетъ и преподавая по возможно-низкимъ цѣнамъ, совершенно-же бѣднымъ раздавая даромъ или въ долгъ; — назначая, если позволяютъ средства, преміи за составленіе подобныхъ сочиненій; д) устра-

иваетъ въ Одессѣ центральную образцовую школу для образованія свѣдущихъ и искусныхъ учителей грамотности, и заботится, по мѣрѣ увеличенія средствъ, о заведеніи такихъ-же въ важнѣйшихъ пунктахъ Новороссійскаго края и Бессарабіи; г) устраиваетъ при училищахъ библіотеки для чтенія. Библіотеки эти состояются исключительно изъ образцовыхъ сочиненій или изъ книгъ общепользнаго содержанія. Пользоваться ими можно или даромъ или по возможно-низкой цѣнѣ (*).

Въ составъ «Общества» входятъ: общее собраніе, распорядительный комитетъ и отдѣленія распорядительнаго комитета.

а) *Общее собраніе:*

§ 4) Въ члены «Общества» могутъ поступать всѣ желающія лица обоюго пола, съ обязательствомъ ежегоднаго взноса не менѣе опредѣленной суммы денегъ, или единовременнаго взноса. 5) Всѣ наличные члены Общества составляютъ разъ въ годъ въ Одессѣ общее собраніе, которое избираетъ президента, вице-президента, кассира и извѣстное число членовъ распорядительнаго комитета, каждый годъ опредѣляемое общимъ собраніемъ. Въ должность президента, вице-президента и членовъ распорядительнаго комитета могутъ быть избираемы и женщины. 6) Общему собранію принадлежитъ право просить объ измѣненіи устава.

б) *Распорядительный комитетъ.*

7) Распорядительный комитетъ состоитъ изъ президента, вице-президента, кассира Общества и изъ выборныхъ членовъ. 8) Президентъ, вице-президентъ, кассиръ и члены распорядительнаго комитета избираются на одинъ годъ; но по истеченіи этого срока они могутъ быть избираемы вновь. 9) Распорядительный комитетъ собирается два раза въ мѣсяць въ квартирѣ одного изъ членовъ, или въ какомъ-либо общественномъ мѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ. Въ случаѣ надобности президентъ можетъ назначить и экстраординарное засѣданіе. 10) Передъ каждымъ собраніемъ президентъ устанавливаетъ порядокъ его и преній въ немъ. 11) Распорядительный комитетъ избираетъ себѣ дѣлопроизводителя, имѣя право, смотря по средствамъ, назначить ему и денежное вознагражденіе за трудъ. 12) Для достиженія цѣли, указанной уставомъ (§ 3), распорядительный комитетъ принимаетъ всѣ

(*). Проектъ устава Новороссійскаго общества распространенія грамотности § 3.

мѣры, какія заблагоразсудить, подъ отвѣтственностію своею предъ общимъ собраніемъ. 13) Одна изъ главныхъ обязанностей распорядительнаго комитета должна состоять въ изысканіи способовъ для увеличенія матеріальныхъ средствъ Общества — на примѣръ возбуждая пожертвованія, устраивая спектакли, концерты, литературныя чтенія, публичныя лекціи и т. п. 14) Рѣшенія свои распорядительный комитетъ постановляетъ по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ вопросъ рѣшается голосомъ президента. Для дѣйствительности приговоровъ и рѣшеній комитета необходимо, чтобы въ засѣданіи было болѣе половины членовъ, существующихъ по уставу. 15) Протоколы засѣданій распорядительнаго комитета печатаются въ газетахъ, по-крайней-мѣрѣ, въ извлеченіи. 16) Каждый членъ распорядительнаго комитета можетъ принять и исполнить какую-либо мѣру безъ предварительнаго согласія всего комитета, но всякій разъ подъ личною отвѣтственностію своею и съ обязанностию въ первое-же засѣданіе доложить объ этомъ комитету.

в) *Отдѣленія распорядительнаго комитета.*

17) Распорядительный комитетъ имѣетъ мѣстопробываніе свое въ Одессѣ. Въ другихъ городахъ учреждаются отдѣленія изъ наличныхъ членовъ, если число ихъ не менѣе семи. 18) Обязанности отдѣленій распорядительнаго комитета относительно города, гдѣ онъ имѣетъ мѣстопробываніе, и его округа — тѣ-же, что и распорядительнаго комитета относительно всего края. Оно можетъ имѣть инициативу во всякомъ дѣлѣ, входящемъ въ кругъ его обязанностей, а также служить посредникомъ для исполненія рѣшеній распорядительнаго комитета. 19) Отдѣленіе распорядительнаго комитета избираетъ предсѣдателя, который и ведетъ всю нужную переписку и само назначаетъ число и порядокъ засѣданій.

Занеся въ лѣтопись нашу проектъ устава формирующагося въ Одессѣ «Новороссійскаго Общества распространенія грамотности», въ основаніяхъ своихъ выражающій проявленіе общественной дѣятельности въ общемъ вопросѣ народнаго образованія, мы перейдемъ къ отчету о дѣятельности воскресныхъ школъ, учреждений, по инициативѣ своей, принадлежащихъ къ частной дѣятельности.

Къ прежде открытымъ въ С. Петербургѣ воскреснымъ школамъ и съ одинаковою энергіею продолжающимъ свое служеніе дѣлу народнаго образованія, — 16 октября прибавилась еще одна

новая воскресная школа — *Рождественская*, открытая, по извѣстіямъ, передаваемымъ «Сѣверною пчелою» (№ 241), на Пескахъ, въ помѣщеніи Рождественскаго уѣзднаго училища. При ближайшемъ содѣйствіи г. попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, учредителемъ ея былъ мѣстный приходскій священникъ о. А. В. Гумилевскій, проявившій дѣятельность свою, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, гораздо раньше — при учрежденіи Владимірской воскресной школы. Желая во возможности содѣйствовать религіозно-нравственному и умственному образованію бѣдныхъ ремесленниковъ своего прихода и вмѣстѣ практическому ознакомленію будущихъ сельскихъ священниковъ съ предметомъ народнаго образованія, онъ обратился съ прошеніемъ къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору о дозволеніи открыть воскресную школу въ своемъ приходѣ и пригласить для преподаванія въ ней воспитанниковъ духовной семинаріи. Высокопреосвященный владыка, такъ много способствовавшій распространенію сельскихъ школъ въ Кіевской епархіи, благословилъ его и своихъ настоящихъ питомцевъ на благое начинаніе. Вслѣдъ за тѣмъ, 50 лучшихъ воспитанниковъ высшаго и средняго отдѣленій семинаріи записались въ списокъ безкорыстныхъ преподавателей; законоучитель бесплатной Таврической школы для мальчиковъ, священникъ общины сестеръ милосердія на Пескахъ, о. Г. С. Полѣвскій вызвался участвовать вмѣстѣ съ учредителемъ въ преподаваніи Закона Божія; нѣкоторые изъ гг. студентовъ духовной академіи, содѣйствовавшіе уже при устройствѣ Владимірской воскресной школы, согласились помогать учредителю и въ устройствѣ этой школы. Сумма поступившихъ пожертвованій, хотя далеко не обезпечиваетъ постояннаго содержанія школы, но для начала, при собственномъ пожертвованіи учредителя, пока достаточна. Преподаваніе въ школѣ, на первое время, будетъ главнымъ образомъ направлено на обученіе Закону Божію, грамотѣ, письму, ариметикѣ, а съ теченіемъ времени, по ознакомленіи ремесленниковъ съ гражданскою грамотою, введены будутъ церковно-славянская грамота, церковное пѣніе и рисованіе. Исключительное вниманіе преподавателей воскресной школы обращено будетъ на раскрытіе ремесленникамъ православно-христіанскаго религіозно-нравственнаго ученія вопросо-отвѣтной или живой катихизической методою. Сверхъ того будутъ объясняться воскресныя Евангелія, а для ознакомленія ремесленниковъ съ устройствомъ церкви и съ

различными принадлежностями православнаго богослуженія, учредитель намѣренъ со временемъ водить ремесленниковъ въ церковь и на мѣстѣ показывать имъ значеніе всѣхъ церковныхъ украшеній. Въ день открытія школы въ нее прибыло 49, а въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье, 73 ученика.

Другія, прежде открытыя воскресныя школы, какъ мы уже упомянули выше, неуклонно продолжаютъ преслѣдовать свою цѣль и постоянно встрѣчаютъ къ себѣ сочувствіе со стороны учениковъ. Такъ, напримѣръ, во второй половинѣ сентября, приливъ учениковъ во *Владимірскую* воскресную школу былъ такъ великъ, что распорядители ея принуждены были, за тѣсною помѣщеніемъ, простановиться приеомъ вновь прибывающихъ и только усиленные просьбы послѣднихъ, заставили ихъ опять открыть приеомъ для вновь являющихся учениковъ. По извѣстіямъ, передаваемъ «С. Петербургскими вѣдомост.» (№ 221), за послѣднее время, со вѣтомъ этой школы постановлено, между прочимъ, на будущее время: «Такъ какъ въ настоящее время различіе успѣховъ учениковъ часъ отъ часу становится рѣзче и при этомъ обнаруживается, что болѣе способные ученики задерживаются въ дальнѣйшемъ изученіи предмета менѣе способными; то преподаватели, имѣя въ виду тѣхъ и другихъ, по мѣрѣ ихъ способностей и желанія, нашли нужнымъ раздѣлять учениковъ по отдѣленіямъ, на основаніи ихъ успѣховъ и способностей, и особенно выдающихся между другими приучать къ взаимному обученію. Это правило теперь главнымъ образомъ относится къ преподаванію по ариметикѣ и грамотѣ». Для подачи гигиеническихъ и медицинскыхъ совѣтовъ и пособій нуждающимся въ нихъ ученикамъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ «Эконом. Указателемъ» (№ 196), мужское отдѣленіе праздничной (воскресной школы), помѣщающейся *въ казармахъ гальванической роты* посѣщаютъ медки. При освидѣтельствованіи здоровья дѣтей встрѣчаются иногда весьма грустныя явленія нездоровья — послѣдствія дурнаго содержанія учениковъ мастерами хозяевами, сидячая жизнь и другія условія тѣсно связанныя съ тяжелымъ существованіемъ мальчика—ремесленника. А бѣдность и совершенное отсутствіе знанія главныхъ основныхъ правилъ гигиены влекутъ за собою всѣ тѣ губельныя послѣдствія, отъ которыхъ страждетъ рабочій классъ, поэтому польза, которая можетъ произойти для учениковъ воскресной школы вслѣдствіе участія, выраженнаго къ участи ихъ состороны медиковъ—несомнѣнна.

Число учениковъ *Самсоновской* воскресной школы постоянно остается при своей возвышенной цифрѣ, и ее попрежнему продолжаютъ посѣщать дѣвицы-ремесленницы.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ «С. Петербургскимъ вѣдомост.» (№ 230) въ *Андреевской* воскресной школѣ, въ настоящее время существуетъ слѣдующій порядокъ занятій:

Школа раздѣляется на два класса: классъ *безграмотныхъ* и *грамотныхъ*. Устройство класса безграмотныхъ не отличается ничѣмъ отъ устройства таковыхъ въ другихъ воскресныхъ школахъ, классъ же грамотныхъ раздѣленъ, во время занятій, на два отдѣленія: плохо читающихъ и хорошо читающихъ. Въ первомъ составляются кружки, въ которыхъ преподаватели занимаются механическимъ и объяснительнымъ чтеніемъ, и во второмъ, въ тоже время, составляются кружки, гдѣ основаніемъ дѣленія служатъ познанія арифметическія. Занятія въ этомъ порядкѣ продолжаются $\frac{3}{4}$ часа, послѣ чего учителя арифметики переходятъ въ первое отдѣленіе, а учителя чтенія во второе, и занимаются тоже $\frac{3}{4}$ часа. Такой порядокъ вызванъ слѣдующими обстоятельствами: во первыхъ, трудно было и даже невозможно подобрать учениковъ, которые были бы съ одинаковыми свѣдѣніями по арифметикѣ, и въ тоже время, одинаково сильны въ чтеніи, а во вторыхъ, вслѣдствіе того, что многіе изъ преподавателей чувствовали себя не въ силахъ, занимаясь съ пользою объяснительнымъ чтеніемъ, заниматься въ тоже время арифметикой. Но впрочемъ, и въ этомъ классѣ существуютъ кружки, гдѣ одинъ учитель занимается всѣмъ. Такимъ образомъ, $\frac{3}{4}$ часа отдѣляется для занятій по арифметикѣ, $\frac{3}{4}$ для чтенія, $\frac{3}{4}$ для письма и $\frac{3}{4}$ часа для Закона Божія.

Занятія арифметикою въ школѣ состоятъ въ рѣшеніи задачъ и сначала только *изустныхъ задачъ*. Содержаніе каждой задачи не передается ученикамъ разомъ, а представляется въ формѣ разсказа, во время котораго ученики сами вычисляютъ тѣ результаты, которые нужны для продолженія задачи; и такъ постоянно доводится расчетъ до конца. Въ задачу вводятся всѣ дѣйствія: это даетъ возможность выбирать задачи болѣе интересныя — учениковъ же не затрудняетъ, потому что задача рѣшается не по правиламъ арифметическихъ дѣйствій, а простымъ умственнымъ расчетомъ. Съ арифметическими же правилами и терминами теперь учениковъ не знакомятъ, предполагая познакомить ихъ съ этимъ гораздо позже при занятіяхъ письменными задачами. Послѣ про-

должительнаго занятія рѣшеніемъ задачъ, всѣ практическія правила не покажутся сухими, но весьма удобными и выведенными изъ опытности. Ученики увидятъ въ этихъ правилахъ способъ рѣшать задачи какъ можно проще и короче. Въ главныхъ основаніяхъ, при занятіяхъ ариметикою, принимается метода Грубе; эти главные основанія состоятъ въ томъ, чтобы дать понятіе о всѣхъ дѣйствіяхъ разомъ, на задачахъ (не толкуя о самыхъ дѣйствіяхъ), рѣшать сначала только изустныя задачи и познакомить съ арифметическими правилами на задачахъ. Но вполне методъ Грубе, изложенный въ статьи г. Паульсона въ «журналѣ для воспитанія» за 1859 г., неудобопримѣнимъ въ воскресной школѣ. Статья г. Паульсона можетъ оказать много помощи при такихъ занятіяхъ, потому что въ ней много приѣмовъ, облегчающихъ рѣшеніе изустныхъ задачъ. Главная цѣль при занятіяхъ съ учениками воскресной школы состоитъ не столько въ томъ, чтобы научить ихъ ариметикѣ, но въ томъ, чтобы приучить ихъ вести вѣрно расчетъ, въ случаяхъ, безпрестанно встрѣчающихся каждому.

Изъ учениковъ, которые, по познаніямъ, стоятъ выше общаго уровня и болѣе другихъ развиты, составляютъ отдѣльный кружокъ, въ которомъ занимаются, кромѣ ариметики (здѣсь ученикамъ дають понятіе, между прочимъ, и о дробныхъ величинахъ), объяснительнымъ чтеніемъ, при чемъ общають необходимыя для нихъ познанія по географіи, естественной исторіи и техникѣ. По Закону Божію ученики всѣхъ отдѣленій слушаютъ объясненіе молитвъ и исторіи ветхаго завета. Рисованіемъ ученики, въ послѣднее время не занимались, по неимѣнію учителя. Приливъ учениковъ въ Андреевскую воскресную школу стоитъ почти постоянно при одинаковой, довольно возвышенной цифрѣ и школа достаточно снабжена учебными пособиями. Кромѣ положеній относительно вопросовъ педагогическихъ, о методахъ преподаванія, и вопросовъ касающихся лучшаго устройства школы, учебнымъ совѣтомъ школы, между прочимъ, положено учредить при школѣ библіотеку. Предполагается приобретать такія книги, которыя будутъ одобрены на совѣтѣ. Главнымъ основаніемъ при выборѣ книгъ приняты популярность и общедоступность изложенія.

Изъ остальныхъ С. Петербургскихъ воскресныхъ школъ наибольшій приливъ учениковъ постоянно былъ въ *Введенскую школу*, общее число приходившихъ въ которую учиться, со времени самаго открытія ея, среднимъ числомъ равнялось только сорока

человѣкамъ. Причину этаго, по объясненіямъ «С. Петербургскихъ вѣдом.» (№ 221), отчасти, кажется, должно приписать неосмотрительности совѣта школы, поздно начавшаго публиковать, а отчасти, бывшему совершенному недостатку средствъ у школы, и наконецъ, неудачному выбору мѣстности для помѣщенія. Вскорѣ по открытіи Введенской воскресной школы,—дѣятельнѣйшее участіе причеиъ принималъ штатный смотритель Введенскаго училища, О. Н. Мѣдниковъ,—въ нее прислано было изъ ремесленной управы нѣсколько азбукъ Золотова и другихъ учебныхъ пособій, сверхъ того пожертвовано было еще лицомъ, пожелавшимъ скрыть свое имя, 125 экзмп. книги «Отъ торговыхъ интересахъ Россіи—Гартмана» и редакціей журнала «Чтеніе для солдатъ» 38 книжекъ ея изданій и одинъ транспарантъ для письма.

Отъ отчета о Петербургскихъ воскресныхъ школахъ, перейдемъ къ обзору дѣятельности воскресныхъ школъ, открытыхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Въ *Одессѣ*, во второй половинѣ сентября, по опредѣленію мѣстной городской думы, по извѣстіямъ, сообщаемымъ «Одесскимъ вѣстникомъ» (№ 103), предполагено было открыть къ существовавшимъ уже воскреснымъ школамъ еще двѣ новыя: одну на Новомъ Базарѣ, а другую на Кривой Балкѣ. Вознагражденіе учителямъ этихъ школъ постановлено было производить не въ видѣ опредѣленнаго жалованья, а въ видѣ премій по 10 руб. за каждаго ученика, выученнаго читать, писать и началамъ ариеметики, и въ счетъ этой преміи выдавать имъ по 15 руб. въ мѣсяцъ; законоучителямъ же производить жалованье по 25 руб. въ годъ. Выдачу денегъ на учебныя пособія и принадлежности для училищъ и на разныя надобности воскресныхъ школъ предоставлено производить городскому головѣ изъ собранной для этой цѣли суммы. Сверхъ того, въ томъ же засѣданіи, постановлено было ввести ежедневно, въ послѣобѣденное время, обученіе рукодѣлію дѣвочекъ, посѣщающихъ открытое на Пересыпи училищѣ. № 104 «Одесскаго вѣстника», между прочимъ, извѣщаетъ, что въ воскресную школу на Пересыпи, почти съ самаго начала устройства ея, поступило, разомъ, до 50 учениковъ и судя по расположенію, которое жители этой части города выражаютъ къ школѣ, можно ожидать, что число учениковъ ея достигнетъ до 100 человѣкъ.

Число учениковъ *Саратавской* воскресной школы, за послѣднее время, среднимъ числомъ было до 50 челов. Сообразно съ тре-

бываніями учащихся настоящая программа школы, по числу проходимыхъ предметовъ, пока еще весьма ограничена, — обучаютъ только грамотѣ, письму, ариметикѣ и грамматикѣ, причѣмъ изъявляющихъ желаніе учиться ариметикѣ гораздо больше, чѣмъ грамматикѣ. Впослѣдствіи времени, съ расширеніемъ круга преподаваемыхъ предметовъ, по извѣстіямъ, передаваемымъ мѣстными губернскими вѣдомостями, воскресная школа надѣется въ числѣ учениковъ своихъ имѣть многихъ чиновниковъ, чувствующихъ недостаточность свѣдѣній, прибрѣтенныхъ ими въ приходскихъ и низшихъ духовныхъ училищахъ. Служащіе молодые и пожилые люди выражаютъ ту мысль, что воскресная школа могла бы пополнить замѣтный недостатокъ въ ихъ познаніяхъ. Получивъ достаточно практики на службѣ, чувствуя себя хорошими и ревностными канцелярскими чиновниками, они въ тоже время сознаютъ, что не въ силахъ быть хорошими столоначальниками, секретарями и письмоводителями, что они не могутъ достойно завѣдывать штатными должностями, гдѣ требуется болѣе привычки и умѣнья правильно выражать свою мысль, имѣть болѣе прямые понятія о дѣлѣ, которымъ они болѣе занимаются по привычкѣ, по заведенной рутинѣ (*). Мы отмѣчаемъ въ нашей лѣтописи это новое явленіе въ исторіи воскресныхъ школъ, источникомъ своимъ имѣющее добросовѣстное сознаніе недостаточности познаній и стремленіе къ пополненію ихъ, стремленіе, которое, по всей вѣроятности, Саратовская воскресная школа успѣшила удовлетворить.

Воскресная школа въ *Костромѣ*, по извѣстіямъ, сообщаемымъ мѣстными губернскими вѣдом. (№ 39), продолжаетъ свою дѣятельность при самомъ горячемъ сочувствіи со стороны посѣщающихъ ее — доказательствомъ чему можетъ служить прогрессивно увеличивающаяся цифра учащихся въ ней: число послѣднихъ, въ первые два урока, не доходя и до 20 челов., въ послѣдующіе за тѣмъ воскресные дни постоянно увеличивалось и во второй половинѣ сентября дошло до 62 человѣкъ, въ общей массѣ которыхъ болѣе всего было изъ сословія мѣщанъ (30 чел.), за тѣмъ слѣдуютъ помѣщичьи крестьяне (26 чел.), учениковъ же изъ государственныхъ крестьянъ, солдатскихъ дѣтей и вольноотпущенныхъ только по 2 человѣка. Матеріальныя средства школы увеличились присланными отъ г. начальника губерніи, въ добавокъ къ преж-

(*) «Саратовскія губ. вѣд.» № № 39, 40, 41 и 42.

нимъ 59 р. 50 к. еще 196 р. 55 к. Его Преосвященство, Епископъ Костромской и Галичскій, Платонъ прислалъ въ даръ учащимся въ воскресной школѣ 100 экземпляровъ брошюры своего сочиненія «Краткое правило для благочестивой жизни», которые и были розданы по назначенію. Съ прежнимъ успѣхомъ продолжаютъ свою дѣятельность и Орловскія воскресныя школы. По извѣстіямъ, сообщеннымъ изъ Орла редакціи нашего журнала, при школахъ предполагается устроить небольшую бібліотеку, по преимуществу изъ книгъ религіознаго содержанія для раздачи ученикамъ на домъ для чтенія. Г. директоръ училищъ, имѣя въ виду благоу цѣль распространить между ремесленниками, посѣщающими воскресныя классы чтеніе Св. Евангелія, вошелъ уже въ сношенія съ синодальной типографіею о высылкѣ новаго изданія этой книги.

Во второй половинѣ сентября и въ теченіи октября мѣсяца открыты новыя воскресныя школы въ слѣдующихъ городахъ: Камышовѣ, Бѣлевѣ (24 сентября) Царскомъ селѣ (25 сентября), 16 октября въ Москвѣ на Пятницкой улицѣ (9-я) и въ Псковѣ, въ Харьковѣ (2-я) и въ Казани (2-я). Въ первомъ изъ названныхъ городовъ воскресная школа открыта по предложенію г. директора училищъ; на первый урокъ въ нее явилось 23 ученика. Изъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу ея, поступило 25 руб., присланные Камышовскимъ окружнымъ начальникомъ, г. Тарховымъ, на ния штатнаго смотрителя училищъ (*).

Царско-Сельская (Сергіевская) воскресная школа, открытая по извѣстіямъ, сообщаемымъ «С. Петерб. вѣдом.» (№ 216) при уѣздномъ училищѣ, приняла въ руководство слѣдующія правила:

1) Бесплатная воскресная школа учреждается для обученія лицъ всѣхъ возрастовъ и состояній, проживающихъ въ г. Царскомъ селѣ, на основаніяхъ положенія о воскресныхъ школахъ для ремесленныхъ учениковъ.

Въ предметы обученія входятъ: Законъ Божій, грамота, письмо и арифметика.

Если бы кто нибудь изъ учащихся въ ней—стоялъ, по объему своихъ знаній, выше этой программы, то заниматься съ ними объяснительнымъ чтеніемъ. Дополненіе занятій училища составляетъ черчерніе, примѣненное къ ремеслу учащагося.

2) Школа будетъ открыта во всѣ воскресныя и праздничныя

(*) «Пермскія губ. вѣд.» № 41.

два, за исключеніемъ первыхъ двухъ дней Рождества Христова, первыхъ двухъ дней Святой недѣли, дня новаго года, дня Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, дней рожденія и тезоименитства Ихъ Императорскихъ Величествъ. Часы занятій опредѣляются отъ 8¹/₂ до 11 утра. Число приходящихъ будетъ зависѣть отъ размѣровъ помѣщенія.

3) Такъ какъ при первоначальномъ обученіи весьма важна нравственная связь между ученикомъ и наставникомъ, то принять за правило, чтобы каждый отдѣльный кружокъ имѣлъ постоянного преподавателя. Для принятія вновь поступающихъ въ школу, а равно и для занятій съ отставшими, по какимъ либо причинамъ, должны быть резервные учителя, а если число участвующихъ дозволить, то они могутъ быть постоянными помощниками при каждомъ преподавателѣ кружка, за случайнымъ отсутствіемъ которыхъ, занимаютъ ихъ мѣста.

4) Посѣтители приглашаются удостовѣряться въ характерѣ занятій и сообщать свои замѣчанія лично распорядителю, или письменно, внося замѣчанія въ имѣющуюся на этотъ предметъ книгу.

4) Замѣчанія эти разбираются, въ свободное отъ занятій съ учениками время, совѣтомъ изъ участвующихъ въ веденіи училища. Совѣты эти не составляютъ закрытыхъ засѣданій.

6) Школа обязывается доставлять ежемѣсячно, въ одно изъ періодическихъ изданій, свѣдѣнія о числѣ учащихся, о предметахъ и ходѣ занятій, и о важнѣйшихъ постановленіяхъ учебнаго совѣта.

7) Желающіе быть учителями принимаются не иначе, какъ безъ всякаго вознагражденія, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

8) Учителя при объясненіи читаемаго, должны строго сообразоваться со степенью развитія понятій своихъ слушателей. Учителя внимательно слѣдятъ за впечатлѣніемъ, производимымъ на учениковъ, и если послѣдніе не внимательны, то причины такого явленія не приписываютъ безусловно слабостямъ учениковъ.

9) Сумма, необходимая для содержанія школы, собирается изъ добровольныхъ, постоянныхъ и одновременныхъ приношеній. Кромѣ того, принимаются приношенія книгами и другими учебными пособіями. Сумма, составляющаяся изъ добровольныхъ приношеній, находится въ вѣдѣніи одного изъ членовъ учебнаго совѣта, по избранію, и ежемѣсячно контролируется учебнымъ совѣ-

томъ, а приходо—расходная книга всегда можетъ быть повѣрена каждымъ изъ сотрудниковъ, и находится, въ дни занятій, въ школѣ.

10) Необходимымъ условіемъ со стороны наставниковъ, равно какъ и учащихся поставляется вѣжливость обращенія.

11) Если позволять обстоятельства, то въ видѣ дополненія занятія, введется гимнастика. Для гимнастическихъ упражненій ученики будутъ раздѣлены на разряды, сообразно съ тѣлеснымъ сложениемъ и состояніемъ здоровья, каждому изъ нихъ назначаются соответствующія этимъ условіямъ гимнастическія упражненія. Раздѣленіе на разряды дѣлаетъ докторъ.

12) Распорядитель школы избирается изъ среды сотрудниковъ. Въ помощь распорядителю избирается лицо, замѣняющее его въ случаѣ надобности и обязанное вести всѣ сношенія по школѣ.

Мысль объ открытіи воскресной школы въ Псковѣ, какъ извѣщаютъ мѣстные губерн. вѣдомости (№ 41), явилась одновременно съ основаніемъ такихъ же школъ въ С. Петербургѣ, но, по небольшому количеству ремесленниковъ въ городѣ и по новости предмета вызвала въ то же время со стороны нѣкоторыхъ лицъ сомнѣніе въ томъ, чтобы къ основаніемъ школы нашлось въ городѣ достаточное количество желающихъ учиться въ ней. Между тѣмъ, когда учителя гимназіи, уѣзднаго и приходскаго училища, а также и нѣкоторые изъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, охотно вызвавшіяся быть преподавателями въ предполагавшейся воскресной школѣ, начали собирать свѣдѣнія о желающихъ учиться, то послѣднихъ оказалось гораздо болѣе, чѣмъ можно было предполагать. Поэтому, вслѣдъ за этимъ окончательное положено было приступить къ основанію школы и по составленіи правилъ, на которыхъ она должна существовать, послѣдняя была открыта наконѣцъ 16 октября въ помѣщеніи уѣзднаго училища. Въ день открытія школы въ нее прибыло до 21 ученика, по большей части мальчиковъ, работающихъ въ разныхъ мелкихъ ремесленныхъ заведеніяхъ; преподавателей было на лицо 14. Матеріальныя средства школы состоятъ изъ 93 руб., пожертвованныхъ частными лицами и 90 руб. 50 коп., собранныхъ Псковскимъ градскимъ обществомъ по подпискѣ.

Въ воскресной школѣ предполагается обучать: Закону Божію, чтенію, письму, ариметикѣ и черченію, на сколько оно нужно для ремесленниковъ; въ остальныхъ частяхъ программа принятыхъ

для руководства правилъ въ основаніяхъ своихъ сходна съ подобными же ей программами, принятыми для руководства въ другихъ воскресныхъ школахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ правилъ, которыя введены въ нее. Такъ, напримѣръ, по § 15, «къ преподаванію въ школѣ допускается *каждый знающій читать, писать и ариметику* по балотировкѣ учителей», или § 28. «Во время занятій школа открыта для постороннихъ посѣтителей; но съ тѣмъ, чтобы они не вмѣшивались въ преподаваніе, если же кто либо изъ нихъ желаетъ сообщить какое либо мнѣніе, то можетъ сообщить его по окончаніи урока, въ присутствіи *всѣхъ преподавателей, но въ отсутствіи учениковъ*».

Въ заключеніе отчета о средствахъ, являющихся на помощь къ нравственному развитію бѣдныхъ и визшихъ классовъ народа, намъ остается еще упомянуть о школѣ, открытой при Полтавскомъ губернскомъ острогѣ. Учрежденіе это, по извѣстіямъ, передаваемымъ корреспондентамъ «Москов. вѣдом.» (№ 221), существованіемъ своимъ исключительно обязано мѣстному губернскому стряпчету, который для обученія несчастныхъ заключенныхъ посвящаетъ четыре часа въ недѣлю. Въ школѣ, открытой съ марта мѣсяца настоящаго года, обучаются 11 дѣтей арестантовъ и 1 Еврей, также малолѣтній; изъ 12 наличныхъ учениковъ 10 чел. совершенно свободно читаютъ краткую священную исторію и знаютъ молитвы, къ письму же и ариметикѣ еще не приступали. Заботясь о религіозно нравственномъ развитіи взрослыхъ заключенныхъ, г. губернской стряпчій снабдилъ острогъ разными книгами духовнаго содержанія.

Подобнаго рода школы, о пользѣ учрежденія которыхъ нечего говорить, хотя и существуютъ въ нѣкоторыхъ городахъ, но, вообще, пока еще очень рѣдки, между тѣмъ попытки къ основанію ихъ относятся ко времени довольно удаленному отъ насъ. Мы говоримъ о дѣятельности мануфактуръ совѣтника, Московскаго купца, Тимофея Васильевича Прохорова. Въ продолженіи своей жизни, преслѣдуя съ постоянно напряженной энергіей глубоко заповшую ему съ молода мысль объ улучшеніи народной нравственности, упадокъ которой онъ могъ наблюдать еще на мастеровыхъ людяхъ, работавшихъ на фабрикѣ его отца, Тимофеей Васильевичъ для достиженія своей цѣли, дѣйствуя и внушеніями и завода при фабрикѣ своей школы, между прочимъ также, въ бытность членомъ Московскаго тюремнаго комитета, направилъ дѣятельность

свою на пробужденіе нравственнаго чувства въ несчастныхъ заключенныхъ и на спасеніе ихъ дѣтей. «Съ согласія комитета, говоритъ біографъ Тимофея Васильевича, священникъ І. Благовѣщенскій, въ статьѣ, помѣщенной въ «Душеполезномъ чтеніи. Октябрь. 1860 г.», «предметомъ и мѣстомъ своей дѣятельности Тимофей Васильевичъ избралъ пересыльный замокъ, который, былъ тогда на Воробьевыхъ горахъ. Не смотря на многочисленность своихъ занятій по фабрикѣ и школѣ и по мануфактурному совѣту, не смотря на отдаленность замка отъ мѣста его жительства, онъ непремѣнно бывалъ въ замкѣ два, или три раза въ недѣлю и проводилъ тамъ по нѣсколькимъ часамъ. Замокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ зданій, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи; въ срединѣ ихъ оставалась площадь, а вокругъ все было обнесено деревяннымъ заборомъ. Зданія выстроены были уже давно и приходили въ ветхость. Прежде всего замѣтилъ Тимофей Васильевичъ тѣсноту помѣщенія арестантовъ и нечистоту какъ въ самыхъ комнатахъ, такъ и во внѣшности, и употребилъ самыя дѣятельныя мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ. Нечистоту онъ повозможности уничтожилъ, убѣждая самихъ арестантовъ объ этомъ заботиться, а иногда присылая сюда рабочихъ отъ себя. Но какъ отвратить тѣсноту, когда помѣщеній болѣе нѣтъ? Онъ представлялъ комитету проекты о перестройкахъ, о прибавкѣ строеній; но какъ это требовало большихъ расходовъ, а средства комитета были ограничены, то дѣло не могло быть скоро исполнено. Тимофей Васильевичъ горѣлъ нетерпѣніемъ ускорить его. За многими арестантами слѣдовали ихъ семейства—жены и малолѣтніе дѣти, которыя помѣщались вмѣстѣ съ арестантами нераздѣльно. Женщинамъ и переодѣться было негдѣ, и онѣ переодѣвались не иначе, какъ закрывшись какимъ нибудь дырявымъ платьемъ или рогожею. Дѣти безпрестанно видѣли соблазнительныя сцены, слышали разговоры безнравственные и отвратительныя. Тимофей Васильевичъ неотступно просилъ у комитета дозволенія отдѣлать отъ арестантовъ, по крайней-мѣрѣ, дѣтей, вызывая на свой счетъ построить для нихъ какое нибудь отдѣльное помѣщеніе. Строить на казенной землѣ частное зданіе комитетъ не могъ допустить самъ собою безъ разрѣшенія высшаго начальства; а это разрѣшеніе могло придти не скоро. Между тѣмъ, при частыхъ посѣщеніяхъ замка, Тимофей Васильевичъ страдалъ сердцемъ, видя, какъ легко развратъ можетъ распространяться и

заражать невинныя дѣтскія души и наконецъ придумалъ средство отвратить зло. Къ казенной землѣ, на которой размѣщены арестантскія казармы, прилежала земля, принадлежащая церкви села Воробьева. Тимофей Васильевичъ немедленно, съ согласія комитета, и съ дозволенія духовнаго начальства, нанялъ часть этой церковной земли по условію на двѣнадцать лѣтъ, скоро построилъ на ней, рядомъ съ казеннымъ дворомъ, довольно обширное каменное одно-этажное теплое помѣщеніе, сдѣлавъ въ него входъ прямо со двора арестантовъ, и здѣсь-то размѣстилъ малолѣтнихъ подъ особымъ надзоромъ ихъ матерей и другихъ надежныхъ женщинъ; и вотъ завелась у него новая школа. Онъ одѣлъ дѣтей чисто, переселилъ сюда изъ своей домашней школы учителя и надзирателя, и началось ученіе легкое, необременительное—чтенію, письму, счетоводству. По временамъ онъ приглашалъ сюда своего приходскаго священника для краткаго сообщенія дѣтямъ необходимыхъ понятій о вѣрѣ и нравственности, и всего чаще самъ бесѣдовалъ съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми».

Впослѣдствіи времени Тимофей Васильевичъ почти исключительно на собственное иждивеніе устроилъ при тюремномъ замкѣ для арестантовъ храмъ и назначенный сюда священникъ вмѣстѣ съ причетникомъ, кромѣ отправленія богослуженія и исполненія требъ у арестантовъ, на обязанностяхъ своихъ еще имѣлъ заниматься по школѣ. Послѣдняя, если и не представляла для дѣтей пересылочныхъ арестантовъ вполне достаточныхъ средствъ для научнаго образованія, во всякомъ случаѣ, однако, должна была принести громадную пользу для нихъ въ нравственномъ отношеніи. Авторъ приводимой нами статьи говоритъ, что не только дѣти, но и самые арестанты нерѣдко со слезами выражали учредителю школы свою благодарность. О послѣдующей участи школы г. авторъ не говоритъ; есть, впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ у него указаніе, что въ настоящее время пересылочный замокъ уничтоженъ и присоединенъ къ губернскому замку, по этому, можно предполагать, что при этомъ и самая школа для дѣтей пересылочныхъ арестантовъ уничтожилась. Предположеніе это тѣмъ болѣе возможно, что и другія учрежденія Тимофея Васильевича на пользу народнаго образованія и нравственнаго развитія, при жизни безкорыстнаго дѣятеля, встрѣчали себѣ поддержку только со стороны братьевъ его, со стороны же общества, школы, заведенныя Тимофеемъ Васильевичъ не только не встрѣтили должнаго къ себѣ со-

чувствія, но и самый учредитель ихъ, по замѣчаніямъ біографа, принималъ постоянно одни только порицанія, клеветы и насмѣшки; «называли его и самохваломъ, и тщеславнымъ, и нѣмцемъ, и даже отступникомъ отъ православія, а нѣкоторые дошли до того, что объявляли разстроеннымъ въ умственныхъ способностяхъ.»

Женскія учебныя заведенія. Въ одномъ изъ предыдущихъ № № «Журнала мн. нар. пр.» читатели уже были извѣщены о предположеніяхъ, дѣлавшихся въ Орлѣ относительно открытія высшаго женскаго училища, сверхъ существовавшаго тамъ женскаго приходскаго училища (*)—по извѣстіямъ, полученнымъ нынѣ редакціею нашего журнала, спѣшимъ добавить, что предположеніе Орловскихъ жителей въ настоящее время уже приведено въ исполненіе открытіемъ 26 сентября второ-разряднаго женскаго училища, которое и соединено подъ одно завѣдываніе съ приходскимъ и помѣщается въ одномъ съ нимъ домѣ.

Открытіе училища происходило въ присутствіе г. почетнаго попечителя общественныхъ женскихъ училищъ Орловской губерніи, г-жи попечительницы, г.г. членовъ попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ, благотворителей училища и почетнѣйшихъ лицъ города. Послѣ молебствія съ водоосвященіемъ, ректоръ здѣшней семинаріи, архимандритъ Веніаминъ, сказалъ собравшимъ тутъ-же дѣтямъ слово назиданія. За тѣмъ г. предсѣдатель дворянства прочелъ отчетъ о пожертвованныхъ суммахъ, смѣту дохода и расхода по училищамъ на текущій годъ и поименовалъ лица, состояющія попечительной совѣтъ и преподавателей училища. Послѣ этаго сказаны были директоромъ училищъ, М. А. Малиновскимъ, двѣ краткія рѣчи. Въ первой изъ нихъ, обращенной къ дѣтямъ, г. директоръ училищъ, объяснивъ цѣль ученія и воспитанія, указалъ на источники, изъ которыхъ возникло матеріальное существованіе настоящаго учрежденія и призывалъ будущихъ ученицъ помнить, что воспитаніемъ своимъ онѣ будутъ обязаны обществу, а потому указалъ на возникающую и для нихъ обязанность, въ будущемъ, заботиться не только о себѣ, но и о ближнихъ; напомнилъ имъ также и о томъ, что общество, жертвуя значительныя собственныя средства, желаетъ доставить возможность воспользоваться благодѣяніями воспитанія, безразлично, дѣтямъ всѣхъ сословій и состояній и что по этому между учащимися не должно

(*) См. «Журн.» м. н. пр. ч. CVII. 1860 г.

существовать никакихъ сословныхъ раздѣленій. Въ другой рѣчи, обращенной къ посѣтителямъ, г. Малиновскій изложилъ основанія настоящаго преобразования женскаго приходскаго училища въ два заведенія, изъ которыхъ одно остается усовершенствованнымъ элементарнымъ, а другое возводится на степень училища 2-го разряда.

По ходатайству педагогическаго совѣта съ разрѣшенія начальства, въ программу учебныхъ предметовъ, между прочимъ, включено преподаваніе естественной исторіи, предмета, который по уставу относится только къ курсу перворазрядныхъ женскихъ училищъ. Впрочемъ изъ словъ, обращенныхъ г. Малиновскимъ къ посѣтителямъ видно, что въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ основаніи настоящаго женскаго училища, многія еще въ началѣ выражали желаніе открыть преимущественно перворазрядное женское училище.

Вновь открытое Орловское женское училище состоитъ изъ двухъ классовъ; на будущій годъ прибавится и 3-й, окончательный классъ. Учащихся въ обоихъ училищахъ числится въ настоящее время 135, изъ нихъ, — въ элементарномъ 107 и, по экзамену, во второразрядное вступило 28 дѣвицъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ «Московскимъ вѣдом.» (№ 226), пожертвованія, поступившія въ пользу послѣдняго женскаго училища, въ общей сложности, простираются до 10,027 р. 96 к.; ежегодный доходъ училища равняется 2924 руб., а расходъ — 2695 руб. Желая придти на помощь къ покрытію этого расхода, училищный совѣтъ положилъ устроить ежегодно въ пользу училища лотереи и взимать съ ученицъ за ученіе: въ приходскомъ — по 3, 5, 10 руб., смотря по состоянію родителей, а во второ-разрядномъ — по 12 руб.

«Экономическій Указатель» (№ 199) извѣщаетъ объ открытіи женскаго училища въ Перемышлѣ, которое существованіемъ своимъ исключительно обязано И. Я. Загарину, положившему начало частнымъ приношеніямъ, и изъявившему, сверхъ того, готовность жертвовать ежегодно по 100 руб. По извѣстіямъ, передаваемымъ «Эконом. Указат.», вслѣдъ за тѣмъ поступило пожертвованіе отъ г. Омеляненко — 150 руб., а городская дума нашла возможнымъ удѣлять ежегодно въ пользу заведенія по 100 руб. Въ теченіе первой недѣли, со дня открытія, въ училище вступило 44 дѣвицы.

Кромѣ названныхъ, открыты еще второ-разрядныя женскія

училища: въ Мензелинскѣ (Оренбургской губерніи),— въ которое на первый же разъ вступило до 40 ученицъ (*) и въ Бѣлгородѣ.

Послѣднее училище открыто на счетъ суммъ, пожертвованныхъ дворянствомъ Бѣлгородскаго уѣзда. Въ него будутъ принимаемы, по извѣстіямъ, передаваемымъ газетою «Наше Время» (№ 38), дѣти женскаго пола всѣхъ свободныхъ сословій, безъ различія вѣроисповѣданія и подданства. Училище состоитъ изъ 3-хъ классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Предметы, преподаваемые въ училищѣ, раздѣлены на обязательные и необязательные. Къ первымъ принадлежатъ: Законъ Божій, русскій языкъ, грамматика, ариѳметика, географія, русская исторія, чистописаніе и рукодѣлія; къ необязательнымъ предметамъ отнесены: французскій и нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе. Преподавателями въ училищѣ будутъ учителя бѣлгородскаго уѣзднаго училища. Плата за ученіе будетъ взиматься по 15 руб. за предметы обязательные и, особо, постольку-же, за предметы необязательные; обученіе предметамъ необязательнымъ будетъ открыто въ такомъ только случаѣ, когда число желающихъ обучаться этимъ предметамъ будетъ неменѣе 30.

Вопросъ о пользѣ и необходимости женскаго воспитанія, получившій у насъ въ послѣднее время такое развитіе, а равно какъ постоянно возникающія въ различныхъ мѣстахъ Россіи учрежденія для образованія дѣвицъ — все это не могло не обратить на себя вниманія жителей Пермской губерніи, гдѣ, до сихъ поръ, за исключеніемъ только двухъ городовъ: Ирбита и Екатеринбурга, успѣвшихъ уже открыть у себя женскія училища, вполне чувствовался недостатокъ въ учрежденіи официальныхъ и частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній. По извѣстіямъ, передаваемымъ «Пермск. губ. вѣдом.» (№ 40) и «Москов. вѣдом.» (№ 210) главною причиною этому служили не равнодушіе мѣстныхъ жителей къ дѣлу женскаго образованія, не недостатокъ сознанный потребности обученія дѣвицъ, а единственно лишь недостатокъ матеріальныхъ средствъ, объясняемый бѣдностію жителей городовъ этой губерніи. Впрочемъ, въ послѣднее время, не взирая и на это важное условіе, затруднявшее основаніе женскихъ учебныхъ заведеній,— стараніями нѣкоторыхъ лицъ и при участіи городского общества, вопросъ объ открытіи въ Перми женской гимназіи подвинулся

(*) «Московск. Вѣдом.» № 231.

сильно впередъ. Сверхъ ассигнованныхъ городскимъ обществомъ 600 руб., въ пользу предложенной къ открытію женской гимназіи поступили еще слѣдующія пожертвованія: 446 руб. собранные на литературно-музыкальномъ вечерѣ; 500 руб. отъ одного лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, и имѣющіе вступить только къ концу года; помѣщица, графиня Ропш-Боръ предложила жертвовать ежегодно, со дня открытія заведенія, по 200 руб.; на обѣдѣ, данномъ въ благородномъ собраніи въ честь почетнаго попечителя его, К. И. Огарева, собрано по подпискѣ до 1000 руб. и независимо отъ подписки, отъ управляющаго откупомъ, г. Калашникова поступило 300 руб. Раньше составленія литературно-музыкальнаго вечера, г.г. преподаватели Пермской гимназіи, съ своей стороны, формальнымъ постановленіемъ педагогическаго совѣта, изъявили единодушную готовность принять на себя безвозмездно преподаваніе наукъ и языковъ въ женской гимназіи до тѣхъ поръ, пока увеличившіяся средства предполагаемаго заведенія дозволятъ назначить извѣстное вознагражденіе за уроки; одна изъ извѣстныхъ дамъ здѣшняго общества, отличающаяся образованіемъ, выразила желаніе принять на себя безвозмездно обязанность начальницы заведенія, съ самаго времени его открытія, а другая дама вызвалась бесплатно обучать дѣвицъ музыкѣ. — Кромѣ Пермской женской гимназіи, въ самомъ непродолжительномъ времени должно послѣдовать открытіе второй женской гимназіи въ Москвѣ и женскаго училища въ Троицкосавскѣ.

По извѣстіямъ, передаваемымъ корреспондентомъ «Вологодскихъ губ. вѣд.» (№ 40), 30 августа, въ день тезоименитства Государя Императора, удѣльнымъ начальствомъ Вологодской и Архангельской губерній открыто было 41 одноклассное училище для дѣвицъ, въ которыя поступило на первый разъ 356 ученицъ и, какъ подвѣдомственное удѣльной конторѣ населеніе въ этихъ губерніяхъ простирается до 66,930 муж. и 74,293 женск., а всего до 141,222 душъ обоого пола, то выходитъ, что цифра поступившихъ въ училища дѣвочекъ относится: къ мужскому населенію: какъ 1: 188, къ женскому какъ 1: 208, а къ тому и другому какъ 1: 396. Въ каждомъ изъ открытыхъ училищъ положено быть одному учителю и одной учительницѣ. Обязанности эти приняты на себя, по большей части, мѣстные приходскіе священники и ихъ жены. Курсъ ученія составляетъ два года и ученицы обучаются: чтенію, писъму, молитвамъ и разнымъ рукодѣльямъ.

Въ предъидущемъ № нашего журнала мы говорили уже о состояніи нѣкоторыхъ библіотекъ для чтенія; — въ дополненіе къ доставленнымъ извѣстіямъ, заимствуемъ изъ «Московскихъ вѣдом.» (№ 221) слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о публичныхъ библіотекахъ въ Калужской губерніи:

До 1859 г., въ Калугѣ считались двѣ публичныя библіотеки, открытыя купцами Грудаковымъ и Антипинымъ, первымъ изъ нихъ въ 1841, а послѣднимъ въ 1847 годахъ; но съ сентября мѣсяца 1859 г. разрѣшено фундаментальныя библіотеки уѣздныхъ училищъ обратить въ публичныя, за исключеніемъ Калужскаго, библіотека котораго соединена съ библіотекой гимназій и открыта только для чиновниковъ и преподавателей, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, съ конца прошлаго года, въ 7 уѣздныхъ училищахъ фундаментальныя библіотеки обращены въ публичныя.

Что касается числа названій и томовъ, состоящихъ въ различныхъ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ, то во всѣхъ библіотекахъ было 3656 названій сочиненій въ 10688 томахъ.

Первое мѣсто безспорно занимаетъ библіотека купца Антипина (4300 томовъ), за тѣмъ слѣдуетъ купца Грудакова и, наконецъ, библіотеки при уѣздныхъ училищахъ, между которыми, по количеству томовъ, замѣчательна Мещовская. Средства содержанія частныхъ библіотекъ зависятъ отъ числа пренумерантовъ, а для казенныхъ отпускается изъ уѣздныхъ казначействъ по 85 руб. въ годъ, и кромѣ того, поступаетъ въ ихъ пользу отъ подписавшихся опредѣленная плата за право чтенія журналовъ и газетъ.

Число подписчиковъ въ частныхъ и казенныхъ публичныхъ библіотекахъ всей губерніи, за исключеніемъ преподавателей, простирается до 217 человекъ. Наибольшее число подписчиковъ считается въ частныхъ библіотекахъ Антипина и Грудакова и пренумеранты перваго составляютъ треть общаго числа, а пренумеранты послѣдняго съ небольшимъ четверть. За тѣмъ, по уменьшающимся числамъ, слѣдуютъ библіотеки: Казельская, Мещовская, Тарусская, Боровская, Малоярославецкая, Мосальская и наконецъ Лихвинская. Достойно также замѣчанія, что кромѣ показаннаго числа подписчиковъ, въ Мосальской публичной библіотекѣ считается 8 человекъ дѣтей, обучающихся въ уѣздномъ училищѣ, а въ Мещовской было 147 посѣтителей, которые просматриваютъ періодическія изданія въ самой публичной библіотекѣ. Исключеніе

составляет Лихвинское уѣздное училище, въ которомъ штатный смотритель пожертвовалъ 10 р. на выписку журналовъ, учителя наукъ по 6 р., а учитель пѣнія 4 руб. По сособіямъ первое мѣсто между подписчиками занимаютъ дворяне — 60%, за ними купцы, разночинцы, мѣщане и духовенство. Всѣми публичными библіотеками въ 1860 году получается 85 журналовъ и прочихъ періодическихъ изданій.

• Редакція «Калужскихъ губерн. вѣдомостей», помѣщая настоящія свѣдѣнія, сдѣлала отъ себя слѣдующую замѣтку:

«Помѣщаемъ любопытныя числовыя данныя, собранныя г. Ляметри, хотя онѣ и приводятъ къ выводамъ довольно печальнымъ: Цифры, представленныя въ этой статьѣ, краснорѣчиво говорятъ о степени, въ какой распространяется у насъ любовь къ чтенію: на 9 открытыхъ библіотекъ и почти на 70 тысячъ жителей тѣхъ городовъ, въ которыхъ существуютъ библіотеки, приходится только 217 читателей. Лихвинская библіотека имѣетъ всего *двухъ* читателей; трудно думать, чтобы, напримѣръ, лѣтъ 100 тому назадъ, тамъ было менѣе двухъ человѣкъ, интересующихся книгами. Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы любовь къ чтенію развивалась у насъ гигантскими шагами; а между тѣмъ устройство школъ и распространеніе грамотности въ нашей губерніи идетъ едва-ли не успѣшнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Утѣшительно думать, что эта бѣдность цифры читателей происходитъ не отъ отсутствія всякой любознательности, не отъ тупаго равнодушія къ образованію, а скорѣе отъ крайняго недостатка у насъ популярныя, общепонятныя книгъ. Журналы наши предполагаютъ въ читателяхъ своихъ ту степень подготовки, которой, конечно, далеко не имѣетъ большинство, и чтеніе ихъ, плодотворное и цѣлесообразное въ рукахъ человѣка образованнаго, непонятно и чуждо для массы, довольно благоразумной для того, чтобы не тратить времени на одинъ процессъ чтенія. Изданіе популярныя и дешевыя книгъ оказало-бы великую услугу дѣлу народнаго образованія, составляя въ немъ теперь первую, безотлагательную потребность».

Въ настоящемъ году Астраханская общественная библіотека, — по извѣстіямъ, сообщаемымъ мѣстными губернскими вѣдомостями (№ 37), — выписываетъ журналы, газеты и другія періодическія изданія въ количествѣ 62 экземпляровъ. Въ числѣ правилъ этой библіотеки, между прочимъ, существуетъ слѣдующее положеніе, относительно количества взноса годовой подписной платы г. г. чи-

новниками и офицерами, желающими быть ея пренумерантами:—получающіе менѣе 150 руб. въ годъ жалованья—платятъ по 1 р. 50 к. въ годъ и по 50 коп. въ треть; получающіе годоваго жалованья отъ 150—600 руб.— по 2% съ оклада собственно жалованья (безъ столовыхъ, квартирныхъ и пр.); получающіе годоваго жалованья болѣе 600 руб.— 12 руб. въ годъ и 4 р. въ треть.

«Саратовскія губерн. вѣдом.» (№ 40) извѣщаютъ о Камышенской публичной библіотекѣ, основанной еще въ 1820 году, но о скромномъ существованіи которой знаютъ, вѣроятно, весьма немногіе. Въ продолженіе сорока лѣтъ своего существованія эта библіотека приобрѣла не болѣе 500 томовъ, 300 названій; матеріальныя средства ея заключаются въ 42 р. 85 коп., ежегодно отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства, со времени самаго ея основанія.

Объ участіи духовенства въ народномъ образованіи. Въ 1858 году, по окончаніи полевыхъ работъ, приходскій священникъ, о. Павелъ Снѣжницкій, обратился къ владѣльцу села Жукова, Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи, В. П. Еремееву и просилъ его о содѣйствіи въ заведеніи сельской школы для крестьянскихъ дѣтей. Владѣлецъ сначала почему-то холодно принялъ предложеніе священника и отдалъ это дѣло на произволъ крестьянъ. 1 Октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, по окончаніи литургіи, при многочисленномъ собраніи крестьянъ, о. Снѣжницкій сказалъ простое, но сильное слово о пользѣ грамотности между господскими крестьянами, особенно въ настоящее время, когда во всѣхъ сосѣднихъ селахъ удѣльнаго вѣдомства давно заведены сельскія школы. Тронутые рѣчью крестьяне, по окончаніи литургіи, приступили къ своему приходскому священнику съ просьбою принять на себя обученіе дѣтей ихъ грамотѣ. Добрый пастырь охотно принялъ на себя эту обязанность, разумѣется, безмездно, похвалилъ желаніе крестьянъ, посоветовалъ поговорить объ этомъ всѣмъ на мірской сходкѣ и привести къ нему дѣтей отъ 8—11 лѣтъ, 4 октября; а самъ, между тѣмъ, занялся приготовленіями къ открытію школы:—своеручно списалъ ланкастерскія таблицы взаимнаго обученія, взятыя на время изъ сосѣдняго училища и купилъ на свой счетъ достаточное количество букварей и аспидныхъ досокъ. На первый разъ помѣщеніемъ для училища назначена была церковная караульня. 4 Октября крестьяне—сами безъ всякаго содѣйствія начальства, привели сюда до 40 мальчи-

ковъ, изъ числа которыхъ было избрано только 25, потому что караульня не могла помѣстить бѣльшаго числа учениковъ. На экзаменѣ, произведенномъ въ июлѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ открытой такимъ образомъ о. П. Снѣжницкимъ школѣ, мальчики оказали достаточные успѣхи въ чтеніи книгъ церковной и гражданской печати, писемъ подѣ диктовку и въ званіи первыхъ правилъ ариѣметики. Кромѣ того они умѣли разсказывать собственными словами событія изъ священной исторіи, особенно—Новаго Завѣта, имѣли понятіе о литургіи, объ устройствѣ и принадлежностяхъ христіанскаго храма, о богослужебныхъ обрядахъ съ объясненіемъ таинственнаго и нравственнаго значенія ихъ, о таинствахъ православной церкви, о дванадцатыхъ праздникахъ, христіанскихъ постахъ, о значеніи и силѣ крестнаго знаменія и пр.—Общимъ совѣтомъ участвовавшихъ и присутствовавшихъ на экзаменѣ лицъ, 20 мальчиковъ были выпущены изъ школы, а остальные 5 оставлены еще на одну зиму. Вообще, при недостаткѣ книгъ и другихъ учебныхъ принадлежностей въ Жуковской школѣ, мальчики не имѣли возможности читать никакихъ книгъ гражданской печати кромѣ букварей и не совсѣмъ достаточно также обучены чистописанію, потому собственно, что за неимѣнемъ бумаги больше писали мѣломъ на черныхъ доскахъ (*).

По извѣстіямъ, сообщаемымъ «Вологодскими губерн. вѣдом.» (№ 40), въ г. Вельскѣ одинъ изъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, по собственному своему желанію и безъ всякаго посторонняго содѣйствія, началъ собирать въ свою квартиру дѣтей недостаточныхъ родителей своего прихода и обучать ихъ грамотѣ. Въ настоящее время цифра учащихся у него простирается до 20 человѣкъ. Священникъ на свои деньги приобрѣлъ для нихъ азбуку и раздаетъ ихъ желающимъ учиться безденежно.

Слѣшимъ дополнить переданныя нами въ предъидущемъ № Ж. М. Н. Пр. извѣстія о церковныхъ библіотекахъ въ Тулѣ сообщеніемъ утвержденаго проекта положенія ихъ.

1) Открытыя церковныя библіотеки находятся подѣ особымъ покровительствомъ Его Преосвященства и ввѣряются вѣдѣнію мѣстныхъ священниковъ, въ качествѣ библіотекарей. 2) Въ настоящее время выписываются для библіотекъ всѣ духовные журналы; но, по мѣрѣ усиленія средствъ, будутъ выписываемы и всѣ

(*) Извлечено изъ журнала «Странникъ» Октяблѣ, 1860 года.

лучшія сочиненія духовнаго содержанія. 3) Годовая плата за чтеніе книгъ назначается: съ лицъ духовнаго званія 1 р. 40 к., а съ лицъ свѣтскаго званія 2 руб. За тѣмъ каждому читателю предоставляется увеличивать эту плату, въ видѣ пожертвованія, отъ 3 до 4 руб. и болѣе и, соразмѣрно увеличенію платы, предоставляются преимущества въ очереди полученія новыхъ книжекъ журнала. Въмѣсто платы могутъ быть принимаемы и книги, полезныя для открытой библіотеки, но иначе, какъ съ пониженіемъ настоящей цѣны ихъ. 4) Всѣ собранныя такимъ образомъ деньги будутъ употребляемы единственно на содержаніе и пополненіе библіотекъ. 5) Для избѣжанія росписокъ въ полученіи книгъ изъ библіотеки, подписчику выдается, подъ росписку, годовой билетъ, по которому, какъ ему самому, такъ и посланному отъ него, безъ всякихъ удостовѣреній, выдаются книги и принимаются обратно, съ отпѣткою того и другаго въ самомъ билетѣ рукою библіотекаря. 6) Книги могутъ быть выдаваемы на разные сроки: а) книжки журналовъ текущаго года, поступающія въ первыя, вторыя и третьи руки, не болѣе, какъ на одну недѣлю, б) тѣ-же книги, поступающія въ четвертыя руки и далѣе, не болѣе, какъ на двѣ недѣли, в) книги и журналы прошлыхъ годовъ—на четыре недѣли. 7) Подписчики могутъ въ одинъ разъ имѣть у себя не болѣе одной книжки журнала текущаго года (еженедѣльныхъ изданій можно считать четыре нумера за одну книжку); но вмѣстѣ съ этой книжкой могутъ получать еще одинъ томъ какого либо изданія прошлыхъ годовъ. Впрочемъ, подъ особые залоги и свою отвѣтственность, библіотекари имѣютъ право выдавать и болѣе книгъ. Подписчики, платящіе вдвое или втрое больше назначенной платы за чтеніе, могутъ получать и книгъ вдвое или втрое больше назначеннаго количества. 8) Потеря или порча книгъ вознаграждается виновнымъ по цѣнности. До исполненія же сего прекращается ему выдача книгъ и удерживается залогъ. 9) Библіотекари могутъ принимать удостовѣренія отъ приходскихъ священниковъ или другихъ извѣстныхъ лицъ о неизвѣстныхъ имъ подписчикахъ. 10) Въ каждой библіотекѣ ведутся слѣдующія книги, относящіяся къ отчетности по библіотекѣ: а) каталогъ книгъ, находящихся въ обращеніи библіотеки, б) книги приходо-расходная и в) книга для записки именъ подписчиковъ, выдачи и приѣма книгъ. Всѣ три книги скрѣпляются и ежегодно ревизуются благочиннымъ. 11) По окончаніи года, библіотекари представляютъ Его Преосвя-

щенству свои отчеты о состояніи и дѣйствіяхъ библіотекъ съ своими предположеніями, какія книги считаютъ они возможнымъ и нужнымъ выписывать на слѣдующій годъ. При этихъ предположеніяхъ они руководствуются желаніями большинства читателей. 12) Къ просмотру книгъ, относящихся къ отчетности библіотеки, могутъ быть допускаемы и подписчики, безъ права, впрочемъ, писать какія либо замѣчанія въ самыхъ книгахъ. 13) Подписка принимается и выдача книгъ производится при Троицкой и Покровской церквахъ, ежедневно, съ 10 часовъ утра до 5-ти часовъ вечера.

Въ заключеніе отчета, объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, намъ остается, на этотъ разъ, упомянуть еще о предпринятомъ въ настоящемъ году изданіи Херсонскихъ и Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. «Православное обозрѣніе» (№ 10) извѣщаетъ, что мысль объ изданіи епархіальныхъ вѣдомостей въ губернскихъ городахъ, по примѣру губернскихъ вѣдомостей гражданскихъ, принадлежитъ бывшему ректору Ярославской семинаріи, а въ настоящее время епископу Оренбургскому Антонію. Онъ первый, сколько извѣстно, заявлялъ о ней передъ официальными лицами, когда еще въ 1857 году былъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди слова Божія. покойный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, предполагалъ ввести изданіе епархіальныхъ вѣдомостей въ своей епархіи и самъ составилъ программу изданія. Но предпріятіе это не было приведено въ исполненіе при жизни высокопреосвященнаго Иннокентія. 30 октября 1859 года преосвященный Дмитрій, нынѣшній епископъ Херсонскій, представилъ св. Синоду, что изданіе епархіальныхъ вѣдомостей могло-бы принести не малую пользу для мѣстъ и лицъ, подвѣдомственныхъ епархіальному управленію и самому епархіальному начальству, и просилъ разрѣшить изданіе сихъ вѣдомостей, по представленной имъ программѣ. Св. Синодъ разрѣшилъ, въ видѣ, опыта изданіе епархіальныхъ вѣдомостей въ Одесѣ со второй половины настоящаго года.

Изъ напечатанной въ «Православномъ обозрѣніи» программы Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей видно, что онѣ должны состоять изъ двухъ частей: официальной и неофициальной. Официальная часть, по внутреннему своему составу, заключаая въ себѣ различныя административныя распоряженія по духовному вѣдомству, можетъ пользоваться мѣстнымъ интересомъ исключительно для духовныхъ лицъ, входящихъ въ составъ епархіи; составъ же

неофициальной части вѣдомостей не лишеть и общаго интереса, такъ какъ тутъ, между прочимъ, могутъ быть помѣщаемы свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ бытѣ народа, конечно всего ближе извѣстномъ мѣстному духовенству, о религіозно-нравственномъ воспитаніи въ народѣ, педагогическія замѣтки семинарскихъ и училищныхъ наставниковъ и пр.

Изъ вышедшихъ доселѣ *М. М.* Херсонскихъ и Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, «Православное обозрѣніе» обращаетъ особенное вниманіе на статьи, помѣщенныя въ неофициальной части первыхъ, изъ которыхъ многія исполнены живаго и общаго интереса.

Юбилей берлинскаго университета. Въ октябрѣ нынѣшняго года минуло пятьдесятъ лѣтъ существованію берлинскаго университета. Празднованіе юбилея происходило при участіи представителей ученаго сословія всей Германіи; горячее сочувствіе къ торжеству вызвано было не только высокимъ научнымъ значеніемъ университета, но и особыми обстоятельствами политическими, въ которыя поставлена теперь германская нація и которыя постоянно свидѣтельствуютъ о племенной и умственной связи, соединяющей ея различныя части.

Политическое и ученое значеніе берлинскаго университета налагаетъ на насъ обязанность сказать здѣсь нѣсколько словъ о минувшихъ судьбахъ этого учрежденія и о самомъ праздникѣ юбилея, наводящемъ на дорогія воспоминанія о блистательномъ умственномъ движеніи Европы къ первой половинѣ XIX вѣка.

Возникновеніе берлинскаго университета совпадало съ знаменательною эпохою въ исторіи Пруссіи. Въ октябрѣ 1806 года Пруссія была близка къ распаденію. Но причина гибели заключалась не въ проигранномъ сраженіи при Іенѣ; недугъ проникъ во всѣ составныя части государственнаго организма, и готовъ былъ подточить корни народнаго благосостоянія. Административная машина перестала двигаться; сословія потеряли всякую способность единомыслія; грубыя инстинкты находили для себя полный просторъ; благородные интересы не возбуждали сочувствія, и чужеземное завоеваніе не встрѣтило противодѣйствія въ народной массѣ, недоступной внушеніямъ высокаго патріотизма. Пруссіи предстояло выдержать тяжелое испытаніе и пережить всѣ степени нравственнаго униженія прежде, чѣмъ свѣтъ науки озарилъ этотъ хаосъ и университетъ поднялъ націю.

Бѣдствія и неудачи, испытанныя въ эту эпоху, открыли, на-

конецъ, правительству глаза на истинное положеніе дѣлъ. Правительство поняло, что для возстановленія государства необходимо было обновить его внутреннія основы. Въ лицѣ министра Штейна, явился человѣкъ, поставившій цѣлю своей жизни умственное и нравственное возрожденіе отечества. Одаренный истиннымъ германскимъ духомъ, непреклонною энергіей и горячею любовью къ добру, Штейнъ успѣлъ разбудить дремавшія силы націи, и въ новомъ городскомъ общественномъ устройствѣ, основанномъ на полноправности средняго сословія и на принципѣ самоуправленія, оставилъ прочный залогъ дальнѣйшаго политическаго развитія націи. Рука объ руку съ успѣхами политическими, шло преобразование арміи Шарнгорстомъ и Гвейзенау, которые внушили пруссакамъ, что каждый изъ нихъ, по самому рожденію, есть уже защитникъ родины; такимъ образомъ національная армія Пруссіи возникла въ то самое время, когда завоевательная политика Наполеона I грозила поработить всю Европу.

Но эти внѣшніе успѣхи практической жизни въ значительной степени зависѣли отъ успѣховъ и пріобрѣтеній на поприщѣ умственной дѣятельности націи. Годы испытаній не подавили въ передовыхъ людяхъ надежды на возрожденіе, и въ то самое время, когда Берлинъ занятъ еще былъ непріателемъ, Фихте обращался къ германцамъ съ одушевленными рѣчами, возбуждая ихъ мужество и энергію для борьбы съ врагами. Шлейермахеръ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нимъ, стараясь развить національный смыслъ и упрочить въ германцахъ религіозное ихъ чувство.

То была пора общихъ усилій къ завоеванію самостоятельности и основныхъ началъ благополучія. Государство ожидало помощи не извнѣ, а отъ внутреннихъ силъ своихъ; духовные и умственные интересы поставлены были во главѣ движенія, и успѣхъ доказалъ дѣйствительность избранныхъ пріемовъ. Въ столицѣ королевства рѣшено было основать ученое учрежденіе, которое давало бы толчекъ пылкости и любознательности, и развивало бы тѣ убѣжденія, отъ которыхъ предстояло ожидать спасенія въ будущемъ. Основаніе берлинскаго университета не было дѣломъ случая, личнаго вкуса или тщеславія; оно было актомъ политическимъ, который долженъ былъ служить олотомъ противъ ослабленія и уничтоженія истиннаго германскаго духа. Вильгельмъ Гумбольдтъ, Нибуръ, Шлейермахеръ и Бейме употребляли всѣ усилія, чтобы вдохнуть жизнь въ учрежденіе, неразрывно связанное съ дѣломъ

возрожденія націи. Приглашены были знаменитѣйшіе ученые для занятія профессорскихъ кафедръ, и въ 1810 году открытъ берлинскій университетъ, который въ эпоху войнъ за независимость служилъ неизмѣннымъ знаменемъ національной мысли; значеніе берлинскаго университета не только для Пруссіи, но и для всей Германіи вообще, возрастало съ каждымъ десятилѣтіемъ. Здѣсь соединились всѣ лучшіе умы, всѣ ученые знаменитости. Здѣсь дѣйствовали Шлейермахеръ и Неандеръ, Савиньи и Эйхгорнъ, Гюфельдъ и Рудольфи, Диффенбахъ и Іоганнъ Мюллеръ, Фихте и Вольфъ, Гегель и Риттеръ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить и ветерана Бѣка (Воеск), который принадлежитъ къ университету съ самаго его основанія до-сихъ-поръ. Многія отрасли знанія обязаны своимъ развитіемъ берлинскому университету; многія науки получили здѣсь право гражданства и заняли высокую степень въ области человѣческаго вѣдѣнія. Достаточно назвать философа Гегеля, ученіе котораго произвело переворотъ въ методологіи всѣхъ наукъ, и оказало сильное вліяніе на образъ воззрѣнія цѣлаго поколѣнія.

Для Пруссіи наступила теперь пора, когда внутренняя жизнь народа требуетъ новаго развитія. Государство и университетъ находятся опять въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу, которыя во многомъ напоминаютъ 1810 годъ. Политическій горизонтъ мраченъ. Германія, боясь за свою самостоятельность, обращаетъ къ Пруссіи взоръ, исполненный страха и надежды. Пруссія прежде всего должна высоко держать знамя разума и знанія. Наука и просвѣщеніе суть такія блага, которыя ведутъ не только къ независимости, но и къ единенію, устраняя провинціальную особность интересовъ и національныхъ столкновеній.

Торжество юбилея открыто было въ воскресенье, 14 октября. Группы студентовъ, профессоровъ въ мантияхъ и беретахъ, духовныхъ особъ двухъ церквей, представителей городскихъ сословій, членовъ высшихъ правительственныхъ учреждений въ парадныхъ мундирахъ, депутаціи ученыхъ и разныхъ другихъ корпорацій,—все это собралось въ Берлинѣ въ одну общую семью для празднованія юбилея университета. Около полудня, началось представленіе депутацій. Ихъ принималъ ректоръ Бѣкъ (*rector magnificus*), окруженный деканами четырехъ факультетовъ. Началось съ депутаціи духовенства. За тѣмъ слѣдовали депутаціи отъ городскихъ корпорацій. Вскорѣ явился, окруженный своими совѣт-

никами, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Бетманъ-Гельвегъ, призѣтствовалъ академическое сословіе, въ качествѣ бывшаго воспитанника и профессора университета, при чемъ, по званію министра, онъ сообщилъ о данномъ принцемъ-регентомъ разрѣшеніи на постройку въ будущемъ году при университетѣ новаго зданія анатомическаго театра. Послѣ этого началось представленіе депутацій отъ университетовъ, гимназій и другихъ ученыхъ и учебныхъ учреждений, отъ лица которыхъ произнесъ рѣчь профессоръ Миттермайеръ.

На другой день утромъ происходило торжественное шествіе изъ университета къ николаевской церкви (Nicolai Kirche), которая была великолѣпно убрана цвѣтами и зеленью. По лѣвую сторону ея помѣстились члены факультетовъ богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Передъ алтаремъ стояли знаменосцы; рядомъ съ ними духовенство; на право — дамы. На мѣстахъ, приготовленныхъ для королевскаго дома, стали министры и генералитетъ. Въ 11 часовъ явился принцъ-регентъ, въ сопровожденіи свиты. Обратясь къ нему, ректоръ произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой привелъ на память слушателей и время основанія университета, и послѣдующія судьбы его. Онъ показалъ значеніе учрежденія для науки и политической жизни, не только Пруссіи, но и всей Германіи, и произнесъ нѣсколько славныхъ именъ, которыми Германія обязана берлинскому университету.

На третій день совершилась церемонія возведенія въ почетные члены разныхъ лицъ, оказавшихъ услуги наукѣ и націи. Торжество заключилось пѣніемъ хора: «*Atq̄ firma Deus noster est*». За тѣмъ слѣдовало представленіе принцу-регенту, а потомъ, въ залѣ Крoля, данъ былъ ректоромъ и сенатомъ университета обѣдъ почти на 700 человекъ, который заключился многолюднымъ и оживленнымъ баломъ.

На четвертый день происходило шествіе съ факелами. Депутация студентовъ представлялась принцу-регенту. За тѣмъ въ зданіи экзерциргауза устроенъ былъ студенческой праздникъ, куда собралось до трехъ тысячъ посѣтителей, въ томъ числѣ ректоръ Бѣкъ, профессоръ Миттермайеръ, фельдмаршалъ Врангель и многіе изъ министровъ.

(Съв. Ичела, № 240).

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ШКОЛА. — Элементарная школа, напрасно смѣши-

ваемая съ народной, есть такое начальное заведеніе, въ которомъ передаются ребенку въ самомъ простѣйшемъ видѣ различные элементы человѣческаго образованія, и потому она есть неотъемлемая и первая степень всякой школы, какъ народной, такъ и высшей, т.-е. гимназіи, реальной школы и технической.

Теперь слѣдуетъ довольно трудный вопросъ: что мы собственно разумѣемъ въ наукѣ подъ именемъ элементовъ. Коренное значеніе этого слова неизвѣстно. Мы знаемъ только, что еще при Цицеронѣ, элементами называли начальныя основанія науки, равно какъ и первыя составныя части тѣлъ, и что *elementa* у Римлянъ, и *στοιχεῖα* у Грековъ, въ учебномъ отношеніи означали азбучныя буквы. Поэтому искусство читать представляется началомъ всякаго знанія. Но для насъ требуется болѣе обширное значеніе. Въ преподаваніи всякой науки находятся педагогическіе элементы, дающіе собственно не науку, но только возможность изучать ее. Этотъ пригготовительный характеръ, учебные элементы должны имѣть всегда; они встрѣчаютъ ученика на низшей степени его духовной жизни и ведутъ на высшую, открывая передъ нимъ новую область представленій. Такъ какъ элементарное преподаваніе должно предшествовать всякому изученію въ различныхъ отрасляхъ познаній, то оно и должно передавать ребенку не самыя сокровища и содержанія науки, а только средства къ приобрѣтенію необходимаго знанія. Поэтому ученые выразили, что *элементарная школа должна сдѣлать человѣка способнымъ къ образованію и наукѣ.*

Какъ элементарное преподаваніе есть все таки-же наука, то первыимъ элементомъ, какъ основаніемъ всякаго знанія является языкъ, потому-что все изучаемое только посредствомъ языка получается понятное выраженіе. Сюда разумѣется принадлежать чтеніе и письмо. Второй элементъ составляетъ счетъ или число и мѣра, посредствомъ которыхъ составляется понятіе о величинѣ. Третьимъ элементомъ будетъ религія, открывающая духовную сторону человѣка. Такимъ образомъ мы находимъ три педагогическихъ элемента: языкъ—счетъ—религію, изъ которыхъ истекаетъ общее и необходимое направленіе всей человѣческой жизни. Эти-то три основы представляются въ элементарной школѣ идеаломъ общаго человѣческаго образованія: высшее назначеніе человѣка обуславливается его религіознымъ развитіемъ, его отношеніе къ человѣчеству—словеснымъ образованіемъ (*sprachliche Bildung*),

его отношеніе къ природѣ — счетомъ, какъ основою всякой натуральной науки. Изъ этого видно, что элементарная школа можетъ имѣть тройственную модификацію, входя въ составъ народной, ученой и реальной школы. Въ первомъ случаѣ, какъ вообще въ народной школѣ, относительный перевѣсъ будетъ имѣть религиозное ученіе, во второмъ словесное, въ третьемъ математика; потому что хотя назначеніе элементарной школы для всѣхъ дѣтей въ сущности одинаково, со всѣмъ тѣмъ весь организмъ каждой изъ нихъ непремѣнно выразится въ началѣ преподаванія. Но эти три предмета: религія, языкъ и счетъ могутъ быть преподаваемы элементарно и нѣтъ, и только въ первомъ случаѣ они будутъ элементарной наукой; элементарно-же преподаваться они будутъ тогда, когда каждое познаніе найдетъ свое приложеніе въ практикѣ, каждая практика въ познаніи.

Теперь рассмотримъ все это въ подробности и перейдемъ къ требованіямъ и составу самого заведенія.

Вся душа ребенка должна быть предметомъ элементарнаго преподаванія, поэтому она должна быть прежде всего способна принять его. Еще не рѣшенъ вопросъ, въ какое именно время своего возраста ребенокъ созрѣваетъ для элементарной школы. Обыкновенно семь лѣтъ считаются началомъ учебной жизни по законамъ физическаго и психическаго развитія, которыми характеризуется дѣтство; но какъ эти законы часто измѣняются отъ собственнаго положенія каждаго, какъ общественное образованіе и гражданскія различія имѣютъ вліяніе на духовное и натуральное развитіе дѣтей, то этотъ начальный періодъ опредѣляется весьма различно. Въ новѣйшее время, Шрейберъ, начало восьмага года, считаетъ удобнѣйшимъ для начального ученія, потому что мозгъ, послѣ 7-ми лѣтъ, получаетъ полный объемъ свой. Но эта теорія встрѣчаетъ противурѣчіе на практикѣ, потому что вообще въ большихъ городахъ, дѣти семи лѣтъ, а иные еще ранѣе, созрѣваютъ для ученія и учатся безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для тѣлеснаго, или умственнаго развитія. Мнѣніе Шрейбера потому еще нельзя принять за авторитетъ, что оно основывается на матеріальномъ положеніи, будто-бы духовная жизнь въ ея развитіи совершенно совпадаетъ съ физической. Пускай мозгъ дѣйствительно получаетъ свой полный объемъ послѣ седьмага года; но кто можетъ утверждать, что умъ ребенка и прежде этого не способенъ къ пониманію? Развѣ мозгъ Моцарта былъ въ зрѣломъ

состояніи на четвертомъ году, когда онъ уже дѣлалъ удивительные успѣхи на фортепіано? Если это несправедливо, какъ у Моцарта, такъ и у многихъ другихъ дѣтей съ раннимъ развитіемъ, то никакъ нельзя положить, что сперва мозгъ долженъ получить свой полный объемъ, для того, чтобы человѣкъ сталъ способенъ къ образованію. Гораздо важнѣе замѣчаніе Шрейбера о необходимости тѣлеснаго укрѣпленія для слабыхъ, больныхъ дѣтей, прежде чѣмъ отсылать ихъ въ школу; потому-что духъ есть паразитъ тѣла. Вѣрнѣйшій отвѣтъ, когда ребенка можно начать учить, даетъ онъ самъ, различно выражая свою способность къ пониманію, пробужденный любознательностію и охотой къ ученію. Этотъ періодъ обыкновенно начинается вначалѣ 7-го года для дѣтей образованныхъ классовъ, въ концѣ 7-го для простолюдиновъ. Такимъ образомъ, безъ болѣзненныхъ какихъ нибудь причинъ, приблизительно половину седьмаго года можно считать нормальнымъ временемъ для начала ученія, для горожанъ ранѣе, для деревенскихъ жителей позже.

Въ нынѣшнее время явилась потребность, чтобы началу школьнаго преподаванія предшествовало педагогическое преддверіе, гдѣ-бы ребенокъ выучивался многому, но безъ умственнаго напряженія, свойственнаго всякой наукѣ. Подобныя заведенія явились въ свѣтъ подъ именемъ школъ для маленькихъ дѣтей, игорныхъ школъ, дѣтскихъ садовъ и проч. Шварцъ причисляетъ ихъ къ системѣ школъ, Пальмеръ говоритъ объ нихъ въ такомъ-же смыслѣ; съ другой стороны Бауръ смотритъ на подобныя дѣтскія заведенія какъ на лишнія, которыя только имѣютъ цѣлю замѣнить драгоцѣнный материнскій присмотръ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ дѣти лишены ею вслѣдствіе матеріальныхъ нуждъ, суетной жизни, или болѣзни матерей; съ нашей стороны, мы вполне согласны, что хорошее семейное воспитаніе, къ чему такъ стремятся педагоги, сдѣлаетъ ненужнымъ подобнаго рода заведенія. Если не брать въ расчетъ благотворительной цѣли этихъ школъ, играющей тутъ такую важную роль, то въ нихъ скрывается еще другой недостатокъ. Не значить-ли не понимать ни игры, ни науки, когда первою заниматься ученымъ образомъ, а вторую низводить до забавы? Ребенокъ при вступленіи въ школу, долженъ чувствовать и понимать, что тутъ дѣло идетъ о серіозныхъ предметахъ, а не пустякахъ; этотъ серіозный характеръ должна имѣть и элементарная школа. Это не значить, что преподаваніе

въ ней должно быть лишено всякаго ободрительнаго, веселаго слова; но оно никогда не должно переходить въ забаву. Не потеряется-ли многое въ ребенкѣ, если онъ будетъ находить единственное побужденіе къ наукѣ въ удовольствіи игры, а не въ удовольствіи собственно успѣха и похвалы учителя? Правда, опыты на этотъ счетъ противурѣчаютъ другъ другу. Напримѣръ въ Берлинѣ, гдѣ есть много подобнаго рода заведеній, ученики, поступившіе изъ нихъ въ элементарныя школы, оказались со временемъ слабѣе тѣхъ, которые поступали въ нихъ прямо, не бывъ прежде въ дѣтскихъ заведеніяхъ. Въ другихъ-же мѣстахъ, напр. въ Виртембергѣ, получились и дурные и хорошіе результаты. Ближайшія изслѣдованія на этотъ счетъ, именно вопросъ, получаютъ-ли эти дурные результаты отъ недостаточнаго образованія преподавателей въ этихъ заведеніяхъ, не можетъ быть разрѣшенъ прежде зрѣлаго обсужденія этихъ школъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находится еще мнѣніе, что при вступленіи въ элементарную школу, собственно наукѣ должно предшествовать нѣкотораго рода приуготовленіе, чрезъ которое дѣти приобрѣли-бы способность живаго взгляда, мышленіе, вниманіе, память и правильное изложеніе своей мысли. Если на такое приуготовленіе будетъ употреблено не много времени, въ которое учитель сблизится съ новичками, приготовитъ ихъ къ школьному порядку, поддѣлается къ ихъ уму и постарается направить приобрѣтенныя ими дома понятія, то разумѣется, тутъ нечего и говорить о пользѣ; но если эти приготовления будутъ продолжаться мѣсяцы, или цѣлый годъ, то все зло, существующее въ дѣтскихъ заведеніяхъ, перейдетъ въ элементарную школу, гдѣ оно будетъ еще вреднѣе, при чисто-практическомъ ея направленіи. Существуетъ старое, часто повторяемое мнѣніе, что ученіе въ первыхъ годахъ бываетъ обыкновенно разговорное, и что чтеніе и письмо слѣдуетъ потомъ, когда уже правильно мыслящій и говорящій, можетъ правильно употреблять ихъ. Но эта послѣдняя теорія, придавая слишкомъ много важности языку, оставляетъ при начальномъ ученіи на второмъ планѣ не менѣе важныя предметы чтенія и письма; поэтому необходимо замѣтить на подобныя мнѣнія, что ничто такъ не роняетъ школу въ глазахъ народа, какъ то, когда въ ней долго не учатъ дѣтей нужнѣйшему. Именно низшіи классъ пристально слѣдитъ за методой, и смотря только на одинъ видимый успѣхъ, получаемый отъ школы, презираетъ ту, въ которой

онъ не получается тотчасъ-же. Все дѣло въ томъ, чтобы ребенокъ при вступленіи былъ достаточно развитъ для ученія. Покуда-же этого нѣтъ, его нужно оставить дома, и не посылать въ школу. Потому-что первая сѣмена мышленія, сознанія и вѣры должны быть согрѣты родительской любовію; Песталоцци поэтому-то и ожидалъ отъ матерей такъ много великаго и прекраснаго. Разумѣется если семейство дѣлаетъ мало, то школа должна помогать но отнюдь не принимая на себя роль матери, также какъ и мать въ отношеніи дѣтей не должна усвоивать себѣ методическаго тона учителя. Школа исчезаетъ когда перестаетъ быть школой, и къ самымъ сомнительнымъ теоріямъ въ области воспитанія принадлежитъ та, которая съ наукой хочетъ соединить забаву. Веселость, ясность духа должны быть въ школѣ, но никакъ не игра. Ребенокъ поступающій въ общественное заведеніе, долженъ твердо понимать различіе забавы отъ дѣла, говорить Шлейермахеръ.

Замѣтивъ важные недостатки въ одноклассныхъ народныхъ школахъ Германіи, Гольчъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи: *Einrichtungs- und Lehrplan für Dorfschulen*, излагаетъ планъ двухкласснаго преподаванія, который здравомысліемъ, основательностію и практическимъ приложеніемъ превосходитъ все, что, въ послѣдніе годы, было написано объ искусствѣ дѣтскаго воспитанія, и который вмѣстѣ съ тѣмъ дышетъ истиннымъ духомъ христіанской гуманности и педагогическимъ смысломъ.

Низшій классъ по этому плану совершенно соотвѣтствуетъ элементарной школѣ, потому-что онъ назначается для дѣтей отъ 6 до 10 лѣтъ. Распредѣленіе предметовъ въ этомъ элементарномъ классѣ, слѣдующее.

Лекціи.	Понед. и четв.	Вторникъ и пятница.	Середа и суббота.
I.	Библейская исторія. Послѣдняя 1/4 часа катехизисъ.	Высшій классъ: Библейское чтеніе. Низшій кл.: Списываніе. Послѣдняя 1/4 часа катехизисъ.	Церковныя пѣсни, притчи и молитвы.
II.	Счетъ.	Чтеніе, Нѣмецкій языкъ и письмо (предметное ученіе (Sachunterricht).	Высш. клас. чтеніе библіи и списываніе. Низш. клас. чтеніе и письмо.
III.	Чтеніе, Нѣмецкій яз. и письмо. Послѣдняя 1/4 ч. пѣніе.	Чтеніе, Нѣмецкій языкъ и письмо.	Чтеніе, Нѣмецкій языкъ и письмо.

Изъ этого именно видно, что Гольчъ справедливо смотритъ на изученіе религіи какъ на главный предметъ, составляющій сущность народной школы, и требуетъ чтобы преподаваніе это никогда не было однимъ упражненіемъ памяти и языка, но чтобы учитель всегда имѣлъ въ виду утверждать въ ребенкѣ мысль о величіи Бога. Къ этому способствуютъ Божественное слово о дѣлахъ спасенія, церковная исторія и молитва. Исторія царствія Божія составляетъ главнѣйшій предметъ низшаго класса, о которомъ здѣсь говорится; хотя это ученіе одно для обоихъ классовъ, но въ низшемъ, оно состоитъ въ указаніи Божественнаго откровенія въ видимыхъ дѣлахъ, въ разсказахъ о силѣ, совѣсти и святой жизни нѣкоторыхъ людей, тогда какъ въ высшемъ классѣ, будутъ заниматься списываніемъ изучаемой библейской исторіи. Весь предметъ долженъ быть дважды пройденъ учителемъ, въ разсказахъ. Религіозный смыслъ каждаго разсказа будетъ заучиваться въ формѣ библейскаго текста; церковные праздники будутъ объясняться ежегодно. Самымъ важнѣйшимъ къ достиженію цѣли Гольчъ считаетъ то, когда дѣти высшаго класса будутъ повторять библейскими словами всю пройденную исторію безъ вспомогательныхъ вопросовъ со стороны учителя. Потомъ слѣдуетъ катехизисъ, различныя молитвы для утра, вечера и проч. повторяемая въ низшемъ классѣ и заучиваемыя въ высшемъ.

Чтеніе, писаніе, счетъ и каллиграфію соединяетъ Гольчъ въ одинъ предметъ. Преподаваніе ихъ относительно кончается въ низшемъ классѣ, такъ-что въ высшемъ они перестаютъ быть собственнымъ предметомъ изученія, но сами уже служатъ къ изученію другихъ предметовъ, и въ такомъ смыслѣ развиваются далѣе. Для чтенія потребны упражненія уха и языка. Также глазъ долженъ быть вѣренъ, прежде чѣмъ будетъ послушна рука. Всѣ буквы должны быть списываемы дѣтьми на стѣнную доску съ прописи, а потомъ изъ головы, и послѣ, когда уже понятіе объ нихъ утвердится видомъ, памятью и произношеніемъ, нужно списывать ихъ на грифельную доску. Упражненіе для слуха и выговора состоитъ въ слушаніи и перениманіи сперва гласныхъ, потомъ согласныхъ и наконецъ всѣхъ возможныхъ двухъ—сложныхъ звуковъ. Тутъ для всѣхъ этихъ звуковъ должны быть постепенно даны писанныя и печатныя изображенія, и чрезъ списываніе, диктовку, или змѣщеніе звуковъ, дѣти будутъ учиться слогамъ. Каждый классъ начинается обзоромъ домашнихъ занятій. Впродолженіи

двухъ лѣтъ этотъ азбучный-курсъ долженъ быть совершенно оконченъ. Послѣ чего, какъ руководство для чтенія, новый за-вѣтъ и катехизисъ читаются и списываются; тутъ уже чтеніе и писаніе служатъ къ изученію религіи и требуютъ упражненія памяти. Теперь начинается писаніе на бумагѣ, и такъ какъ оно требуетъ особаго рода упражненій, то тутъ чтеніе и письмо выходятъ уже изъ своихъ прежнихъ тѣсныхъ предѣловъ. Въ послѣдующемъ чтеніи главное вниманіе ученика должно быть обращено на содержаніе прочитаннаго. Только понимаемое можетъ быть хорошо прочтено. Изъ непонятаго содержанія никакой ребенокъ не научится читать, и все стараніе привлечь его останется напрасно; поэтому-то одна логическая форма мысли и ея прагматическое выраженіе не могутъ быть предметомъ для народной школы. Уже при поступленіи въ школу дѣти имѣютъ первую способность мышленія и языка, приобрѣтенную отъ словъ и мыслей другихъ; такимъ-же путемъ, чрезъ чтеніе приспособленное къ ихъ понятіямъ, должно развивать къ нимъ далѣе мысль и языкъ, и постепенно сдѣлать ихъ способными къ самостоятельному мышленію. Но какъ дѣти вначалѣ не могутъ еще читать, и всѣ выше упомянутыя упражненія касаются только наружной стороны языка, а не содержанія мысли, то чтенію должны предшествовать своего рода упражненія, направленные къ этой послѣдней цѣли. Эти упражненія состоятъ въ томъ, чтобы передавать мысли содержащіяся въ изустномъ изложеніи и находить настоящее для нихъ выраженіе. Всякое приобрѣтенное представленіе должно быть выражено настоящимъ словомъ, каждая мысль высказана въ настоящей своей формѣ. Особенное вниманіе должно обратить на измѣненіе словъ, именно въ глаголахъ. Послѣдняя $\frac{1}{4}$ часа должна быть употреблена на списываніе рассказаннаго, сообразно развитію дѣтей.

Ариметикѣ Гольчъ назначаетъ въ народной школѣ второстепенное мѣсто. Вліяніе этой науки на умственное развитіе, было, по его мнѣнію, слишкомъ преувеличено. Онъ осуждаетъ раздѣленіе счета на цѣлыя и дробныя числа, также на простыя и именованныя, требуетъ чтобы сущность науки выводилась изъ единства наименованій, такъ какъ и самыя отдѣльныя правила вытекаютъ одно изъ другаго, и взаимно пополняются. Также всякаго абстрактнаго ученія о числахъ, равно какъ и ученой терминологіи слѣдуетъ избѣгать. Надо расположить рядъ проблемъ соображаясь

съ дѣтскимъ понятіемъ и сущностію вопроса, довести ихъ до яснаго пониманія, и контролировать выводъ. Вездѣ необходимо, чтобы численное счисленіе, въ которомъ каждое число извѣстнымъ образомъ является въ численной системѣ, предшествовало цифирному, которое въ нашей счетной десятичной системѣ устраняетъ понятіе о единицахъ.

При изученіи ариметики вспомогательнымъ средствомъ служатъ: кости (Würfelapparat) и такъ называемая счетная доска (Zahlenbrett). Для быстрого соображенія и во избѣжаніе диктовки и тетрадей служатъ цифрованные палки (Zifferstäbe), посредствомъ которыхъ легко повторяются прежнія выкладки.

О наукѣ пѣнія, Гольчъ говоритъ не много; онъ указываетъ только на глубокое его значеніе для внутренней жизни человѣка. Понятіе объ нотахъ онъ считаетъ излишнимъ для низшаго класса, допуская заучиваніе нѣкоторыхъ народныхъ мелодій и хоровъ.

Мы представили въ образцовомъ примѣрѣ опытнаго и достойнаго преподавателя, составъ учебнаго класса для элементарной школы деревенской и вообще народной. Этотъ планъ соответствуетъ тремъ прусскимъ регулативамъ объ элементарномъ образованіи, хотя онъ и былъ составленъ прежде ихъ появленія. Во многихъ пунктахъ однако, Гольчъ перешелъ за назначенную цѣль. Въ религіозномъ преподаваніи раздѣленіе предметовъ можно предпочесть тому, которое показано въ регулативахъ, и которое для обоихъ первыхъ годовъ предписываетъ только исторіи: о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи, о потопѣ, о призваніи Авраама и пути Моисея, такъ и тѣхъ изъ жизни Спасителя, которыя показываютъ его божественную любовь и служатъ къ объясненію церковныхъ праздниковъ. Хотя для элементарнаго преподаванія нужны только нѣкоторые живые факты изъ священной исторіи, со всѣмъ тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ вида путь божественнаго спасенія, который необходимо представить въ главныхъ очертавіяхъ, потому что тутъ дѣло идетъ о пробужденіи религіознаго чувства въ сердца дѣтей. Въ противномъ случаѣ вниманіе ребенка будетъ отвлечено богатствомъ предметовъ отъ этой главной цѣли и изученіе исторіи не принесетъ желаемыхъ плодовъ. 18 библейскихъ рассказовъ Бормана, находящихся въ приложеніи къ регулативамъ и которые должны быть дважды пройдены въ первые два года, лучше всего соответствуютъ этой цѣли.

Къ тому-же чтобы положить вѣрное основаніе познанію въ начинающихъ, нужно посвятить и болѣе времени.

Только въ деревенскихъ школахъ должны быть приняты, въ видѣ приговорительнаго ученія, религіозныя рассказы Гольча, потому-что деревенскіе дѣти поступаютъ въ школу съ весьма бѣдными нравственно-религіозными понятіями, за неизмѣнимъ времени у родителей заниматься ими. По истинѣ, это первое религіозное побужденіе должно происходить отъ отца и матери. Большая часть этихъ предметовъ труднѣе понимаются ребенкомъ чѣмъ библейскіе рассказы о сотвореніи міра, о потопѣ и пр.

Разговорныя упражненія въ элементарной школѣ дѣйствительно входятъ въ составъ преподаванія чтенія и письма, не какъ особенный предметъ, но по-крайней-мѣрѣ какъ соединеніе науки языка съ значеніемъ предмета имъ выражаемаго (Sach- und Sprachunterricht); собственно-же одно объясненіе предметовъ не годится для элементарной школы. Гольчъ даже требуетъ, чтобы предметы о которыхъ говорится, не были классифицированы и чтобы между ними не было даже связи, а выбиралось-бы изъ нихъ лучшее, по произволу. Но это не значить-ли вовсе исключить предметоученіе (Sachunterricht), потому-что тамъ гдѣ есть произволь и случайность, не можетъ быть науки. Совершенно иначе представляются разговорныя упражненія Гольча, гдѣ онъ касается только одной разговорной стороны. Тутъ мы находимъ порядокъ, послѣдовательности и цѣль. Напрасно опасаться, путаницы. Позаботимся только о томъ, чтобы учитель имѣлъ теплое сердце и богатую фантазію, тогда онъ самъ не будетъ пустословить: потому-что какъ бы ни былъ строгъ выборъ предметовъ, всегда передача ихъ зависитъ отъ искусства. Кроиъ-того, упражненія въ языкѣ и мысли, лишь-бы они только соответствовали дѣтскому уму и воспитанію, никогда не будутъ пусты, заключая въ себѣ живое слово языка и его формы.

Въ отношеніи ариметическаго преподаванія въ элементарной школѣ, нужно, чтобы проходили не одни простыя, но и именованныя числа и это потому, что именованное число живѣе представляется ребенку соединяясь съ понятіемъ о видѣнномъ предметѣ. Со всѣмъ тѣмъ, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о собственно элементарномъ предметѣ, то не нужно упускать изъ вида и отвлеченнаго понятія о числѣ. Однимъ чистымъ вычисленіемъ Гольчъ

приписываетъ слишкомъ мало достоинства въ отношеніи образованія ума. Разумѣется употребленіе названій безпрестанно встрѣчающихся, какъ-то: талеровъ, грошей, пфенинговъ и проч, полезны въ наукѣ тѣмъ, что чрезъ употребленіе ихъ упрощается для ребенка счетъ, но главное дѣло въ этой наукѣ, какъ справедливо говоритъ Грефе, есть упражненіе ума, которымъ ребенокъ приобретаетъ знаніе свойствъ чиселъ и ихъ взаимнымъ отношеній. Изъ новѣйшихъ ученыхъ Борманъ тоже говоритъ, что жизнь этой науки (а также и образовательную силу) нужно искать не столько въ прикладномъ къ числу, сколько въ самомъ числѣ.

Въ народныхъ школахъ, имѣющихъ болѣе двухъ классовъ, элементарная школа раздѣляется на два или на три класса смотря по совершенству самой школы. Въ обыкновенномъ раздѣленіи на низшую, среднюю и высшую школу, нѣтъ особенно ясной причины; скорѣе можно сдѣлать опредѣлительное различіе между тѣми школами, которыя еще во всей чистотѣ выражаютъ сущность народной школы, и между тѣми, которыя составляютъ приуготовительное заведеніе для среднихъ классовъ гимназій и реальныхъ школъ или даже преподаютъ нужныя свѣдѣнія для ремесленниковъ. Гдѣ элементарная школа состоитъ изъ двухъ классовъ, тамъ вышесказанное раздѣленіе и будетъ различіемъ для классовъ. Кромѣ-того каждый классъ долженъ еще заключать въ себѣ по-крайней-мѣрѣ по два отдѣла. Соотвѣтственно идеѣ народной школы, должно быть постановлено 26 учебныхъ часовъ въ недѣлю. Въ низшемъ классѣ 6 часовъ для закона Божія, 14 на изученіе языка (т.-е. 12 для ученія и писанія вмѣстѣ и 2 для разговорныхъ упражненій), 4—5 для ариѳметики, и 1—2 для пѣнія. Въ высшемъ классѣ, въ замѣнъ упражненій въ разговорѣ, войдетъ географическій элементъ — ученіе о своей родинѣ. Предполагается и тутъ, чтобы предметъ въ урокахъ чтенія и письма былъ религіозный.

Чѣмъ болѣе система подраздѣленій уступитъ классной, тѣмъ совершеннѣе будетъ элементарная школа. Въ трехклассной народно-элементарной школѣ вышеозначенные уроки должно распредѣлить такъ, чтобы низшій отдѣлъ ея раздѣлялся на два класса; отъ этого вообще выиграетъ все преподаваніе, потому-что первыя начала можно будетъ проходить съ большею основательностію. Раздѣленіе на лекціи останется тоже, какъ и въ двухклассной школѣ.

Элементарныя школы, принадлежація высшимъ заведеніямъ,

какъ гимназіямъ и реальнымъ школамъ, должны допустить въ себѣ различныя измѣненія, какъ сказано выше, сообразно съ цѣлю этихъ заведеній. Время, въ продолженіе котораго элементарная школа исполнить свое назначеніе, должно быть кратчайшее. Хорошая организація этой школы, должна способствовать этой цѣли. Подраздѣленія въ классѣ, должны, гдѣ возможно, совершенно исчезнуть; а это возможно только въ такомъ случаѣ, когда вновь поступающіе въ каждое полугодіе ученики, останутся вмѣстѣ, т.-е. когда будутъ установлены полугодичные курсы, такъ чтобы полное элементарное преподаваніе раздѣлилось на 4 или на 6 полугодичныхъ курсовъ. Чтобы дѣти не переходили съ каждымъ полугодіемъ къ новому учителю, что будетъ дурнымъ послѣдствіемъ такого устройства, это хотѣли устранить въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ тѣмъ, чтобы каждому учителю предоставить преподаваніе своего предмета по всѣмъ ступенямъ. Правда, чрезъ это теряется многостороннее вліяніе. Лучшимъ въ этомъ случаѣ кажется соединить обѣ системы, т.-е. чтобы учитель имѣлъ своихъ учениковъ въ продолженіе цѣлаго года, и такимъ образомъ прошелъ съ ними два полугодичныхъ курса. Распредѣленіе предметовъ должно тоже быть свое во всякомъ училищѣ. Религіозному преподаванію можетъ быть назначено менѣе часовъ, потому-что оно продолжается во всѣ годы; однако на него должно употребить въ элементарныхъ классахъ не менѣе 3-хъ часовъ въ недѣлю, чтобы усвоить хорошенько этотъ обширный предметъ. Больше число часовъ напротивъ, будетъ посвящено образовательнымъ предметамъ, каковы разговорныя упражненія и счетъ. Только къ концу курса должно выразиться одно изъ двухъ направленій, гимназическое, или реальное, потому-что весьма часто только въ послѣднемъ году элементарнаго ученія можно замѣтить, къ которому изъ нихъ имѣетъ склонность ученикъ. Въ пригготовительной гимназической элементарной школѣ долженъ преобладать грамматическій элементъ, съ присоединеніемъ латинскаго языка, въ реальной-же развитіе ученія о формахъ (Formenlehre), счетъ и начала французскаго языка. Но, какъ сказано выше, характеръ обоихъ заведеній долженъ выказаться въ самомъ преподаваніи. Такъ напр. въ разговорныхъ упражненіяхъ въ гимназической пригготовительной школѣ главное составитъ языкъ, въ реальной-же пригготовительной, самые предметы (Sach-unterricht), потому-что при обширности матеріала натуральныхъ наукъ, входящихъ въ

реальное образованіе, нужно какъ можно ранѣе обратить вниманіе на міръ явленій и приучить зорко схватывать особенности предметовъ.

Тамъ гдѣ элементарная школа имѣеть 4 класса, раздѣленіе будетъ въ послѣднемъ, гдѣ 6 классовъ—въ обоихъ высшихъ. Изъ этого видно, что приуготовительная школа для гимназій и реальной школы, до этихъ ступеней, можетъ быть общая. Трудно рѣшить, которая изъ двухъ системъ лучше, четырехклассная, или шестиклассная. Для слабого ученика, первая можетъ быть недостаточна, способнаго-же, вторая удержитъ долѣе чѣмъ нужно.

Въ обоихъ случаяхъ распредѣленіе лекцій будетъ слѣдующее:

I. Въ гимназической и реальной элементарной школѣ общіе классы шестиклассной системы суть:

1) *Въ низшемъ основномъ классѣ:*

4 часа закона Божія, 6 чтенія, 6 писанія, 2 разговорныхъ упражненій, 6 ариметики, всего 24 часа.

2) *Въ V классѣ:*

4 часа законъ Божій, 6 чтеніе, 6 писаніе, 2 разговорныя упражненія, 6 ариметика, всего 24.

3) *Въ III и IV классахъ:*

3 часа законъ Божій, 6 чтеніе и нѣмецкая грамматика, 2 разговорныя упражненія, 5 писаніе, 6 ариметика, 2 рисованіе и ученіе о формахъ, 2 пѣнія, всего 26 часовъ. Этими тремя степенямъ соотвѣствуютъ 3 низшихъ класса четырехъ-классной системы.

II. Въ обоихъ высшихъ классахъ шестиклассной системы и высшихъ четырехклассной:

a) *Въ приуготовительной гимназической школѣ:*

3 часа законъ Божій, 6 нѣмецкій языкъ, 4 писаніе, 4 латинскій языкъ, 3 географія, 4 ариметика, 2 ученіе о формахъ и рисованіе, 2 пѣнія, всего 28 часовъ.

b) *Въ реальной приуготовительной:*

3 часа законъ Божій, 5 нѣмецкій языкъ, 4 писаніе, 4 французскій языкъ, 3 географія, 5 ариметика, 2 ученіе о формахъ и рисованіе, 2 пѣніе, всего 28 часовъ.

Подобное распредѣленіе предметовъ легко устроить и въ женской школѣ, если для женскихъ ручныхъ работъ назначить 4 часа, въ низшихъ элементарныхъ классахъ укоротить преподаваніе закона Божія и ариметики однимъ часомъ, словесность двумя, а

въ высшихъ элементарныхъ классахъ прибавить нѣсколько часовъ для французскаго языка.

Мы представили здѣсь требованія и самый планъ элементарной школы какъ преддверія высшихъ заведеній; совсѣмъ тѣмъ на этотъ планъ, могущій получить различныя измѣненія и приложенія вслѣдствіе мѣстныхъ и другихъ причинъ, нужно смотрѣть не иначе, какъ на указаніе только настоящихъ формъ, въ которыхъ должна выразиться идея элементарной школы.

(Извлечено изъ Шмидовой энцикл. Педагогика).

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ КАВКАЗЪ ВЪ 1861 ГОДУ. — Въ 1861 году газета «Кавказъ» будетъ издаваться по той-же программѣ, съ которою постоянные читатели ея уже знакомы въ теченіи *пятнадцати лѣтъ*. Вступая въ шестнадцатый годъ своего существованія, наше мѣстное изданіе не имѣетъ причинъ измѣнять своего характера и будетъ слѣдовать направленію, данному ему нѣсколько лѣтъ назадъ, общою сдѣланою съ европейскими интересами, съ общечеловѣческими идеями. Эта потребность давно уже чувствовалась, по тому что годъ отъ году болѣе и болѣе Кавказъ дѣлается Европою, стравивая съ себя азіятскую исключительность. — Тѣмъ не менѣе, стоя на рубежѣ двухъ странъ, межъ востокомъ и западомъ, мы никогда не отказывались знакомить читателей какъ съ мѣстною здѣшней исторіей, нравами и обычаями разнообразныхъ племенъ, населяющихъ нашу живописную и во *всѣхъ отношеніяхъ* интереснѣйшую страну, такъ и съ сопредѣльными ей странами и государствами. Наши корреспонденціи съ Тегераномъ, которыя сдѣлались постояннымъ отдѣломъ газеты, возбуждаютъ вниманіе въ образованномъ мірѣ и перепечатываются во всѣхъ извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ. Мы не можемъ нерадоваться такому успѣху, хотя и во вредъ изданію нашему, небогатому средствами и числомъ подписчиковъ; напротивъ, мы будемъ стараться какъ можно болѣе развить этотъ отдѣлъ *корреспонденцій съ Востока*, особливо теперь, при броженіи мусульманскаго міра — и надѣемся, что доведемъ это развитіе до того, что и русскія и иностранныя политическія газеты устанутъ брать у насъ этотъ готовый матеріалъ — и можетъ быть многія обратятся къ прямому источнику. Мы высказываемъ эту мысль, какъ надежду, какъ цѣль, къ которой мы будемъ стремиться.

Кавказскіе наши читатели конечно замѣтили, что отдѣлъ по-

литическаго обозрѣнія у насъ если не многосложенъ, то всегда полонъ и отличается свѣжестію сообщаемыхъ новостей, такъ что наша газета опережаетъ въ Тифлисѣ «С. Петербургскія» и «Московскія» почти цѣлой недѣлей—иногда болѣе. И на будущій годъ мы не оставляемъ заботы объ этомъ скорѣйшемъ сообщеніи новостей.

Что касается до другихъ отдѣловъ, то мы будемъ вести ихъ, какъ и доселѣ, желая быть по возможности полными и разнообразными, что конечно не такъ легко для изданія во сто сорокъ или въ полтора листа. Мы имѣемъ привычку не обѣщать, но стараться вводить еще улучшения, сообразно съ средствами, которыми можемъ располагать редакция.

По составу своему газета «Кавказъ» раздѣляется на восемь постоянныхъ отдѣловъ:

I. Правительственныя распоряженія. — Сюда-же относятся и *въ Тифлисѣ* Высочайшіе приказы по Кавказской арміи, а также по гражданскому вѣдомству. II. Современная лѣтопись Кавказскаго и Закавказскаго края, заключающая въ себѣ вѣсти изъ разныхъ городовъ и мѣстностей края. III. Извѣстія о Россіи. IV. Политическое обозрѣніе. V. Учено-литературный отдѣлъ, или: а) статьи учено-литературнаго содержанія, преимущественно (но не исключительно) относящіяся до исторіи, этнографіи и статистики Кавказскаго и Закавказскаго края; б) статьи по части изящной словесности, какъ-то: повѣсти, рассказы, стихотворенія, сцены, очерки нравовъ, біографіи, военные анекдоты, путешествія, городскія замѣтки, новости изъ міра наукъ, искусствъ, земледѣлія и промышленности; театральная хроника, бібліографія и т. д. VI. Фельетонъ. VII. Метеорологическія наблюденія Тифлисской магнитной обсерваторіи. и наконецъ VIII. Разныя объявленія и извѣстія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

Подписка принимается: 1) отъ тифлискихъ подписчиковъ, *въ Тифлисѣ*, исключительно въ редакціи, что на Александровской площади. 2) Отъ иногородныхъ подписчиковъ, *въ Тифлисѣ*, въ редакціи газеты «Кавказъ». 3) *Въ С. Петербургѣ*, въ газетной экспедиціи. 4) *Въ Москвѣ*, въ газетной экспедиціи и у комиссіонера Императорскаго Московскаго университета Ѳ. О. Свѣшника. 5) Во всѣхъ газетныхъ экспедиціяхъ, находящихся при почтамтахъ. Подписываться также можно и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ; но за исправное и своевременное доставленіе

газеты редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только предъ тѣми подписчиками, которые съ требованіями своими адресовались: въ Тифлисъ, въ редакцію газеты «Кавказъ».

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

<i>Годовая цѣна:</i>	Съ достав- кою и пере- сылкою.		Безъ достав- ки на домъ и перес.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
За газету «Кавказъ» (безъ «Вѣстника» или казенныхъ прибавленій).....	9	—	8	50
За одни казенныя прибавленія (безъ газетъ «Кавказъ»).....	5	50	5	—
За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями.....	12	50	12	—

Полугодовая цѣна:

За газету «Кавказъ» (безъ казенныхъ прибавленій).....	5	—	4	50
За одни казенныя прибавленія (безъ газетъ «Кавказъ»).....	3	—	2	50
За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями.....	6	50	6	—

Само собою разумѣется, что подписываться должно заблаговременно, дабы получать всѣ выходящіе нумера съ новаго года. Но независимо отъ того, на газету «Кавказъ» можно подписываться всегда, съ тѣмъ, что годъ будетъ считаться съ того только №, предъ которымъ поступить подписка.

Редакторъ **СВѢТОМЪ БОБНАКЪ.**

ОБЪ ИЗДАВІИ МОРСКАГО СБОРНИКА ВЪ 1861 ГОДУ. — Объявляя о продолженіи изданія «Морскаго Сборника», редакція считаетъ необходимымъ высказать тѣ начала, которыя съ новаго 1861 года будутъ руководить ее. По прежнему пользуясь содѣйствіемъ высшаго морскаго начальства въ приобрѣтеніи замѣчательныхъ статей по современнымъ вопросамъ, подходящимъ подъ обширную программу «Морскаго Сборника», редакція съ своей стороны постарается приобрѣсти сотрудниковъ, которые статьями своими способствовали-бы осуществленію программы журнала во всей ея полнотѣ, и своевременно удовлетворяли-бы любознательность чи-

тателей по тѣмъ предметамъ, которые въ данное время обращаютъ на себя вниманіе публики. Съ этою цѣлю, редакція, между прочимъ, будетъ получать отъ своихъ корреспондентовъ, изъ внѣшнихъ и внутреннихъ портовъ Россіи, а также изъ-за границы, по возможности свѣжія извѣстія обо всемъ, что соприкасается съ успѣхами морскаго дѣла, съ бытомъ, нравами, занятіями и развлеченіями военныхъ и коммерческихъ моряковъ и прибрежныхъ жителей; обратитъ вниманіе на полноту и современность хроникъ текущихъ событій; будетъ слѣдить за иностранною морскою журналистикою и для составленія библіографическихъ обзорѣній пригласитъ специальныхъ рецензентовъ.

Кромѣ собственно морскихъ статей, редакція имѣетъ въ виду для будущаго 1861 года нѣсколько статей, проэктвъ и замѣчаній на нихъ—по судебной части, преимущественно въ примѣненіи къ обстоятельствамъ, обуславливающимъ быть моряковъ. Относительно этого предмета, «Морской Сборникъ» желаетъ въ особенности изслѣдовать и обсудить различныя системы судостроительства и судопроизводства, виды и степени наказаній, кто изъ начальниковъ имѣетъ право налагать наказанія и какія именно, и по личному-ли усмотрѣнію своему или по совѣщанію съ офицерами и нижними чинами.

Статьи о воспитаніи общемъ и специально-морскомъ, по прежнему будутъ помѣщаться въ «Морскомъ Сборникѣ», который не ограничится обсужденіемъ этого предмета относительно однихъ только офицеровъ и другихъ высшихъ чиновъ, но обратитъ вниманіе и на средства къ умственному и специальному развитію нижнихъ чиновъ военнаго флота, шкиперовъ, матросовъ, мастеровыхъ и другихъ лицъ, занимающихся морскими и прибрежными промыслами.

Въ нашей современной литературѣ достаточно уже выяснена и признана истина, что отъ развитія частнаго судоходства значительно зависитъ успѣхъ внѣшней и внутренней торговли, и сила военнаго флота—два не послѣднихъ элемента процвѣтанія и могущества государствъ. Поэтому, статьи о коммерческомъ морскомъ флотѣ, о внутреннемъ судоходствѣ, о положеніи лицъ, занимающихся морскою или вообще прибрежною промышленностію, а также имѣющихъ вліяніе на нее, по праву должны имѣть мѣсто въ «Морскомъ Сборникѣ»—единственномъ въ Россіи журналѣ, посвященномъ общимъ интересамъ судоходства, судослуженія и

судостроенія. Для изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ по этой части, редакція пригласила особыхъ специалистовъ и въ 1861 г. надѣется получить ихъ отчеты. Наконецъ, въ «Морскомъ Сборникѣ» будетъ помѣщено нѣсколько статей этнографическаго содержанія, путевыхъ очерковъ и рассказовъ, монографій и изслѣдовакій по исторіи русскаго флота, описаній приморскихъ городовъ, обсерваторій, заводовъ и проч.

Не только допуская, но вызывая, сколь возможно, свободную полемику (въ приличныхъ, конечно, выраженіяхъ) — какъ необходимое условіе всесторонняго обсужденія предмета, редакція, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ избѣгать дуализма въ общемъ направленіи журнала. *Флагъ* «Морскаго Сборника» обозначился уже, болѣе или менѣе явственно, на горизонтѣ русской литературы, съ 1854 года, и приобрѣлъ сочувствіе людей мыслящихъ и желающихъ успѣха развитію нашего отечества, ибо «Морской Сборникъ» постоянно стремился содѣйствовать этому развитію, на сколько оно зависитъ отъ литературы вообще и морской въ особенности. Поэтому «Морской Сборникъ» не можетъ быть защитникомъ отсталыхъ, узкихъ и кастовыхъ воззрѣній, таинственности въ административныхъ и законодательныхъ дѣйствіяхъ, не можетъ быть представителемъ такихъ корпорационныхъ интересовъ, которые несомѣстны съ общими пользами государства; не можетъ не возставать противъ жестокаго обращенія съ нижними чинами, и отчасти признавая *трудность* замѣненія тѣлесныхъ наказаній на флотѣ другими, болѣе соотвѣтствующими человѣческому достоинству, наказаніями, не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые не находятъ *никакой возможности и надобности* бросить за бортъ линьки и розги, даже относительно лучшей части командъ.

Надѣясь сократить расходы собственно по редакціонной и типографской части, и имѣя значительный фондъ на погашеніе издержекъ по изданію, независимо отъ числа подписчиковъ, редакція видитъ возможность съ 1861 года достойнымъ образомъ вознаграждать всякій замѣчательный трудъ, литературный и ученый, подходящий подъ программу «Морскаго Сборника», и потому предполагаетъ, что кромѣ настоящихъ своихъ сотрудниковъ, приобрететъ новыхъ, которые украсятъ своими произведеніями страницы журнала.

По желанію значительнаго числа своихъ сотрудниковъ и читателей, редакція по возможности будетъ печатать начало и конецъ

статьи, особенно интересной, въ одной книжкѣ, и даже въ отдѣльныхъ приложеніяхъ, и вообще приметъ во вниманіе основательныя и осуществимыя предложенія авторовъ и читателей.

Съ 1861 года отмѣняется обязательная для лицъ морскаго вѣдомства подписка на «Морской Сборникъ». Эта обязанность, имѣвшая значеніе въ свое время и достигшая предположенной цѣли, нынѣ оказывается излишнею, ибо теперь «Морской Сборникъ» не читается только тѣми,—весьма немногими,—офицерами и другими чинами морскаго вѣдомства, которые не имѣютъ охоты къ чтенію вообще. Въмѣстѣ съ тѣмъ обращено вниманіе на неудобство пересылать по почтѣ тяжеловѣсные полтинники (*), а также на стѣснительное, для многихъ лицъ, условіе подписываться на журналъ въ ученомъ комитетѣ, исключительно въ присутственное время, и потому утверждены слѣдующія:

Новыя условія подписки: Подписка на «Морской Сборникъ» принимается: въ С. Петербургѣ (**), въ главной конторѣ журвала, при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, домъ Ольхиной, противъ мясныхъ лавокъ; и въ газетной экспедиціи почтамта. Цѣна морскаго сборника за годъ: для жителей С. Петербурга и Москвы: Безъ доставки (***) 4 р. с. для лицъ морскаго вѣдомства (со включеніемъ резерва и служащихъ въ коммерческомъ флотѣ), и 5 р. с. для прочихъ подписчиковъ. За доставку на квартиру въ С. Петербургѣ и Москвѣ всѣ вообще подписчики прилагаютъ 1 р. с., для иногородныхъ, съ доставкой по почтѣ: Лицамъ морскаго вѣдомства 5 р. с. Прочимъ подписчикамъ 7 руб. с. Отъ жителей Финляндіи подписка принимается въ Финляндскомъ почтамтѣ на вышеизложенныхъ условіяхъ для иногородныхъ. Перемѣны адресовъ, претензіи и проч. сообщенія под-

(*) Нѣкоторые подписчики высылали семь рублей, вмѣсто 6½ и вмѣстѣ съ тѣмъ просили редакцію купить для нихъ на излишне присланныя 50 к. с. книгу, карту и т. п. Редакція не могла брать на себя подобныхъ комиссій, вслѣдствіе чего возникала переписка.

(**) Объ открытіи конторъ въ другихъ городахъ, будетъ опубликовано по полученіи отвѣтовъ книгопродавцевъ на счетъ ихъ согласія войти въ сношенія съ главною конторою «Морскаго Сборника».

(***) Для Московскихъ подписчиковъ, желающихъ получать «Морской Сборникъ» изъ книжныхъ магазиновъ, журналъ будетъ доставляться изъ главной Петербургской конторы съ товарнымъ поѣздомъ желѣзной дороги, по требованію Московскихъ книгопродавцевъ.

писчиковъ покорнѣйше просить адресовать въ главную контору «Морского сборника (при магазинѣ Базунова) и если будетъ признано нужнымъ, для свѣдѣнія—въ редакцію журнала, чрезъ морской ученый комитетъ. Жалобы на контору въ неудовлетвореніи подписчиковъ присылаются, помимо конторы, въ редакцію, также чрезъ ученый комитетъ».

ИЩЕ ОБЪ ИЗДАНІИ ЮЖНО-РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕБНАГО ВѢСТНИКА «ОСНОВА».

— Въ новомъ объявленіи объ изданіи этого журнала, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ сообщеннымъ прежде, редакція слѣдующимъ образомъ выражаетъ характеръ и направленіе вѣстника «Основа»:

«Программа «Основы», обнимаетъ все, что можетъ занимать просвѣщенное общество по отношенію къ южно-русскому народу и къ мѣстамъ, которыя онъ болѣе или менѣе населяетъ. Считаемъ долгомъ объяснить нѣсколько подробнѣе о значеніи каждаго изъ ея отдѣловъ.

I. До-сихъ-поръ прошедшая и настоящая жизнь нашего народа воссоздавалась то на сѣверно-русскомъ, то на южно-русскомъ языкѣ. Вопросъ о недостаточности сѣверно-русскаго языка для изображенія украинцевъ, поднятый, въ недавнее время, рѣшить сама словесность. Мы открываемъ свой журналъ для художественныхъ произведеній на обоихъ родственныхъ языкахъ. Зная, какъ важно во всякомъ дѣлѣ начало, мы будемъ держаться самаго строгаго выбора относительно произведеній изящной словесности на языкѣ украинскомъ. (При этомъ съ особеннымъ удовольствіемъ упомянемъ, что украинскій отдѣлъ словесности уже обезпеченъ у насъ значительнымъ запасомъ произведеній любимыхъ нашихъ писателей—Марка Вовчка и Т. Гр. Шевченка).

II. Исторія южной Руси получила новый интересъ для всѣхъ русскихъ людей съ того времени, какъ Н. И. Костомаровъ обнаружилъ своего «Богдана Хмѣльницкаго». Историкъ напѣ продолжаетъ свои занятія съ свойственною ему настойчивостію и, какъ читатели могли замѣтить изъ его статей, напечатанныхъ въ журналахъ послѣ «Богдана Хмѣльницкаго», дѣлаетъ новые шаги къ уразумѣнію нашего прошедшаго. «Основа» исключительно избрана имъ для помѣщенія трудовъ, хранящихся у него, покамѣстъ, въ рукописяхъ, а также и всѣхъ статей, которыя могутъ быть вызваны текущими явленіями литературы.

Исторія южной Руси до-сихъ-поръ еще представляетъ обшир-

ную малоразработанную новь. Въ особенности недостаточно изученіе внутреннаго быта страны, — безъ чего, естественно, истинная исторія невозможна. Какъ много предстоитъ еще узнать и разъяснить, можно судить по безпрестаннымъ изданіямъ, на русскомъ и польскомъ языкахъ, новыхъ историческихъ и юридическихъ документовъ, касающихся южной и западной Руси, и по богатствамъ, хранящимся въ Императорской публичной библиотекѣ, въ оффиціальныхъ и частныхъ архивахъ, которые также обладаютъ огромнымъ множествомъ матеріаловъ. Г. Иванишевъ извлекаетъ драгоценныя свѣдѣнія объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ (*копа*, *купа* или *громада*), и о судебныхъ изслѣдованіяхъ, рѣшеніяхъ ихъ, въ юго-западной Руси, изъ 300 только актовыхъ книгъ; а такихъ книгъ — тысячи (*). «При взглядѣ на эту массу почти не тронутыхъ письменныхъ памятниковъ», говоритъ г. Иванишевъ, «дѣлается понятно, почему самые важные вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстные усилія нашихъ ученыхъ.» Усилія ученыхъ тогда только достигнуть цѣли, когда само общество сознаетъ важность, и для настоящаго времени, изданія памятниковъ исторической, экономической и юридической жизни предковъ. Явленія нынѣшней общественной жизни до-тѣхъ-поръ не будутъ уяснены и осмыслены, пока наука не выведетъ на свѣтъ всѣхъ стихій жизни минувшей, и не станутъ понятны причины разрыва съ прошлымъ; пока настоящее общество не увидитъ ясно, что было въ прошедшей жизни вреднаго общественному организму и что въ немъ было полезнаго. Такая, разумная, связь съ прошедшимъ необходима, и достойна просвѣщеннаго сочувствія: она удерживаетъ общество и отъ самообольщеній старымъ добрымъ временемъ и отъ излишнихъ увлеченій новизною. Последнія вредны не менѣе первыхъ, потому-что тѣ только явленія общественной жизни плодотворны, которыя возникаютъ естественно, имѣя свой корень въ явленіяхъ предыдущихъ. Потому-то, чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе, тѣмъ искреннѣе и живѣе дорожитъ оно памятниками минувшаго, и тѣмъ вы-

(*) Въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ находится 6,715 актовыхъ книгъ и, сверхъ-того, 377,000 отдѣльныхъ актовъ; въ Львовскомъ (бернардинскомъ) архивѣ—3,000 томовъ, въ Витебскомъ и Виленскомъ также хранятся тысячи актовъ, важныхъ для исторіи южнаго края.

ше всѣхъ преходящихъ соображеній и увлеченій ставить оно историческую истину: исторія должна въ себѣ самой заключать свою цѣль, а не служить средствомъ для постороннихъ цѣлей.

Этимъ убѣжденіемъ будетъ руководствоваться «Основа»:—въ этомъ именно смыслѣ мы дорожимъ нашей исторіей, древностями, жизнеописаніями южно-русскихъ людей (на какомъ-бы поприщѣ ни совершалась ихъ общественная дѣятельность), дорожимъ разными актами, старинными записками частныхъ людей, однимъ словомъ — всѣмъ, что можетъ освѣтить жизнь всѣхъ слоевъ южно-русскаго народа (*).

III. Въ послѣднее время, этнографія въ тѣсномъ смыслѣ, въ связи съ языкознаніемъ и изученіемъ современнаго общественнаго и частнаго быта, стала на степень науки и получила, въ кругу другихъ знаній, обширное примѣненіе. Безъ помощи этнографіи невозможно объяснить многихъ явленій историческихъ, юридическихъ и экономическихъ, ни уразумѣть народнаго быта и характера; слѣдовательно, независимо отъ интереса науки, этнографія должна имѣть у насъ чрезвычайно важное, современное значеніе.

Народъ южно-русскій отличается своеобразиемъ въ языкѣ, поэзіи, нравахъ, обычаяхъ, историческихъ воспоминаніяхъ, народныхъ вѣрованіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ и, вообще, во всемъ, что составляетъ внѣшній и внутренній его образъ. До-сихъ-поръ знали этотъ народъ преимущественно со стороны хозяйственной; но такое народознаніе окажется слишкомъ недостаточнымъ при гражданскихъ отношеніяхъ, которыя наступятъ съ отчужденіемъ крѣпостной зависимости. Окажется необходимымъ узнать не мужика, не крестьянина только, а человѣка, связь съ которымъ тогда только благодѣтельна для обѣихъ сторонъ, когда основана на взаимномъ довѣрїи и пониманїи. И справедливость и общежитійскія выгоды убѣждаютъ насъ въ несомнѣнной пользѣ разносторонняго изученія народа. Не зная и не сближаясь, нельзя ни уразумѣть его, ни дать себя понять ему; а всякія недоразумѣнія и разединенія вредны въ общежитїи. Давно желаемое, всегда благотворное сближеніе съ народомъ впознѣ достигается только посред-

(*) Обращаемся съ усердною просьбою къ частнымъ лицамъ, — въ особенности къ представителямъ старинныхъ родовъ, — сообщать намъ хранящіяся у нихъ, безплодно для науки, матеріалы, которые, по минованїи надобности, будутъ возвращаемы со всею исправностью.

ствомъ искренняго уваженія къ его человѣческимъ правамъ, — посредствомъ прямодушныхъ къ нему отношеній, утвержденію которыхъ наиболѣе способствуетъ знаніе особенностей внѣшней и внутренней жизни народа. Мы думаемъ, что на этомъ пути этнографія принесетъ значительную пользу.

По такому соображенію мы придаемъ особенное значеніе этнографическому отдѣлу «Основы» и, имѣя въ рукахъ разносторонніе народоописательные матеріалы (въ числѣ которыхъ находится и переданное намъ П. А. Кулишемъ продолженіе извѣстныхъ «Записокъ о Южной Руси»), надѣемся сдѣлать нашъ этнографическій отдѣлъ весьма любопытнымъ.

IV. «Вопросъ жизни» — вопросъ о воспитаніи и образованіи — одинъ изъ тѣхъ, на которые, послѣ крестьянскаго, обращено вниманіе правительства и общества. Особенное значеніе приобрѣтаютъ, въ настоящее время, народныя училища. Заведеніе воскресныхъ школъ есть твердый и вѣрный шагъ къ сближенію всѣхъ слоевъ общества. Народъ это пойметъ и оцѣнитъ. Кто не пожелаетъ, чтобъ такое полезное для обѣихъ сторонъ дѣло распространилось быстрѣе изъ городовъ въ села! Обученіе народа должно сдѣлаться одною изъ важнѣйшихъ заботъ для образованной части общества. Вспомнимъ, что съ крестьянскими дѣтьми будутъ впоследствии имѣть дѣло наши дѣти: почему-же, хоть изъ доброжелательства послѣднимъ, не приготовить для нихъ хорошихъ спутниковъ жизни? Знаніе остается при человѣкѣ на всю жизнь: они будутъ помнить — кому имъ обязаны. Вмѣстѣ съ обученіемъ простаго народа, должно, безъ сомнѣнія, совершенствоваться, — на началахъ самодѣятельности и труда, — и воспитаніе дѣтей другихъ сословій.

«Основа» будетъ внимательно слѣдить за дѣйствіями общества и распоряженіями правительства на пути народнаго образованія и сообщать обо всѣхъ явленіяхъ жизни, полезныхъ или вредныхъ просвѣщенію, на всемъ пространствѣ южно-русскаго края. Усердно просимъ всѣхъ благомыслящихъ людей помогать намъ въ этомъ, избравъ нашъ органъ для сообщенія теоретическихъ и практическихъ замѣчаній о потребностяхъ образованія на югѣ; о ходѣ его въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семьяхъ; о вліяніи разныхъ системъ воспитанія и образованія на нравственное развитіе и образъ жизни учениковъ; о ходѣ женскаго воспитанія и образованія, — которое такъ важно для будущности и такъ близко

каждому изъ насъ; — о предметахъ и способахъ преподаванія въ народныхъ школахъ, объ учителяхъ и ученикахъ, о числѣ тѣхъ и другихъ. Мы просимъ также сообщать намъ сочиненія, прива- ровленные къ народному обученію, руководства по разнымъ пред- метамъ на народномъ языкѣ и т. п.; просимъ обратить вниманіе на практическое значеніе народнаго языка въ преподаваніи и про- повѣди — вопросъ весьма важный и, пока, спорный единственно отъ того, что разрѣшеніе его не выведено изъ наблюденія надъ дѣйствительностью.

V. Природа южно-русскаго края до-сихъ-поръ слишкомъ мало изслѣдована и описана. Его географія, его естественныя богат- ства, условія климата и почвы и вліяніе ихъ на образъ жизни, на занятія и здоровье народа, изрѣдка были предметомъ дѣльнаго изученія и остаются мало извѣстны наукѣ, практическимъ хозяе- вамъ и промышленникамъ. Мы желали-бы, по возможности, вос- полнить этотъ пробѣлъ. Зная, что нѣкоторые ученые посвящали свои труды изученію края, записывали свои наблюденія надъ на- родными болѣзнями и средствами леченія, надъ минеральными цѣ- лебными источниками и т. п., обращаемся къ ихъ просвѣщенному сочувствію съ просьбою — сообщать намъ свои свѣдѣнія для пере- дачи обществу, которое такъ мало имѣло возможности ближе узнать южно-русскую мѣстность съ помянутой стороны.

VI. Сельское хозяйство, промышленность и торговля, въ по- слѣднее время, вступили на новый путь; съ прекращеніемъ крѣ- постной зависимости большаго числа крестьянъ, произойдутъ еще болѣе значительныя перемѣны въ движеніи этихъ отраслей на- родной дѣятельности, преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оно должно устроиваться на новыхъ началахъ. Познаніе того, что у насъ есть и чего не достаетъ намъ, въ самомъ себѣ заключаетъ уже живительную силу, отъ ко- торой зависитъ не только наше внѣшнее благосостояніе, но и нравственное достоинство народной жизни и характера.

Мы желаетъ сдѣлать экономическій отдѣлъ «Основы» какъ можно болѣе полезнымъ въ практическомъ отношеніи и потому будемъ помѣщать въ немъ только такія статьи теоретическаго содержанія, которыя могутъ имѣть непосредственное отношеніе къ жизни и быть примѣнимы къ мѣстнымъ условіямъ края. Пред- положивъ внимательно слѣдить за ходомъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли на югѣ и представлять, по этимъ

предметамъ, возможно подробныя свѣдѣнія, мы усердно просимъ людей, близко стоящихъ у дѣла, сообщать намъ предположенія о способахъ къ улучшенію и развитію сельскаго хозяйства, а также устройства и управленія имѣніями, фабриками и заводами; о положеніи на нихъ рабочаго класса; о доходахъ отъ земледѣлія и другихъ статей; о вліяніи на хозяйство вольнонаемнаго труда; о замѣнѣ рабочей силы машинами; о примѣненіи къ мѣстному хозяйству новѣйшихъ открытій и усовершенствованій; о удобствахъ или неудобствахъ употребляемыхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, хозяйственныхъ орудій; о продажныхъ и наемныхъ цѣнахъ на земли и имѣнія вообще; о заработной платѣ; объ управляющихъ и приказчикахъ и отношеніяхъ ихъ къ рабочему народу; о разныхъ видахъ *громадскаго* (общественнаго) устройства, управленія и землевладѣнія; о крестьянахъ-собственникахъ; о вліяніи частной и общественной собственности у крестьянъ на хозяйство и благосостояніе; о различныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; о способахъ сбыта разныхъ произведеній и о цѣнахъ на нихъ; о средствахъ къ улучшенію путей сообщенія, сохраненію водъ и лѣсовъ; о ремесленномъ классѣ, мастеровыхъ и ученикахъ; о купечествѣ и мѣщанствѣ; о чумакахъ и ихъ промыслахъ; о бурлакахъ и т. д.

VII. Правительственныя постановленія и распоряженія будутъ излагаться со всевозможною полнотою, такъ-что, со временемъ, этотъ отдѣлъ составитъ лѣтопись законовъ и распоряженій, касающихся той или другой мѣстности южно-русскаго края. При постоянныхъ преобразовательныхъ мѣрахъ правительства и ближайшихъ начальниковъ края, этотъ отдѣлъ будетъ весьма важенъ и любопытенъ.

Въ VIII отдѣлѣ будетъ заключаться отчетъ о ходѣ нашей народной словесности, указаніе читателямъ на все достойное вниманія въ литературѣ и искусствахъ по отношенію къ южно-русскому народу, и доставленіе изучающимъ южно-русскій край возможности слѣдить за тѣмъ, что печатается по этому предмету въ Россіи, Польшѣ и заграницею. До-сихъ-поръ не были подвергнуты подробному критическому разбору литературныя произведенія по отношенію ихъ къ прошедшей и настоящей жизни украинца. Этотъ трудъ принялъ на себя для «Основы» П. А. Кулишъ и мы, съ первой книжки, начнемъ печатать рядъ его статей, заключающихъ въ себѣ обзоръ литературной дѣятельности замѣчательнѣй-

шихъ писателей, изображавшихъ южно-русскаго человѣка, какъ на великорусскомъ, такъ и на родномъ своемъ языкѣ. Параллельно съ этимъ трудомъ будетъ идти у насъ трудъ Н. И. Костомарова по предмету критики источниковъ русской исторіи.

IX. При помощи корреспондентовъ, которые будутъ сообщать наблюденія свои за разнообразными явленіями общественной и частной жизни, во всѣхъ слояхъ народа, отдѣлъ «областныхъ извѣстій» и проч. можетъ сдѣлаться лѣтописью подробностей, въ коихъ отразится общее состояніе и ходъ южно-русской жизни. Въ этомъ отдѣлѣ всякій наблюдатель можетъ быть вкладчикомъ: главную цѣну такихъ наблюденій составляло-бы, разумѣется, содержаніе ихъ, а не изложеніе; при множествѣ подобныхъ корреспонденцій, всякая, повидимому, ничтожная, мимолетная замѣтка, въ совокупности съ другими однородными замѣтками, получала-бы смыслъ и значеніе.

Цѣль нашего изданія—всестороннее и безпристрастное изслѣдованіе южно-русскаго края, — уразумѣніе его потребностей, — критическій взглядъ на себя въ прошедшемъ и настоящемъ, — общественная польза. Общечеловѣческое просвѣщеніе, въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ края, будетъ руководящею идеею редакціи. Больше всего мы боимся удаленія отъ общей связи съ человѣчествомъ, а тѣмъ болѣе—съ жизнью сосѣднихъ народовъ. Для нашего развитія вреднѣе всего была-бы замкнутость въ однихъ элементахъ, которые тогда только получаютъ всю свою цѣнность, когда придутъ въ естественное соприкосновеніе съ нравственными началами другихъ народностей.

Стихотворенія: *Галки* Іереміи, *Гльбова* Л. И., *Кузьменка* П. С., *Малашенка* М. Л., *Шевченка* Т. Г., *Щеголева*.

Проза: *Барвинокъ* Ганны: «Два разсказа на южно-русскомъ и одинъ на велико-русскомъ языкѣ».

Горухи М. В.: «Женщина по народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ и критическіе разборы».

Жемчужникова Л. М.: «Этнографическія записки».

Журавскаго Д. П.: «Нѣкоторыя мѣры къ улучшенію торговли на югѣ».

Костомарова Н. И. «О составѣ русскихъ лѣтописей»; — «О федеративномъ началѣ въ древней Руси»; — «Большая часть лекцій по русской исторіи, и статьи по исторіи Южной Руси».

Кулиша П. А. «Повѣсть и разсказъ на в.-р. яз.»; «Обзоръ южно-русской словесности»; «Этнографическія записки».

Лебединцева *Θ. Г.*: «Проповѣдь на народномъ языкѣ».

Линейкина: «Гимназическая переписка прошлаго времени».

Марка Вовчка: восемь повѣстей и разсказовъ на ю.-р. языкѣ.

Марковича А. В. «Этнографическія и критическія замѣтки».

Мордовцова Д. Д.: повѣсть и два разсказа на ю.-р. яз.

Номиса М. Т.: «Отрывки изъ автобіографіи Бѣлокопытенка, и этнографическія письма».

Поса С. Д. «Этнографическіе разсказы на ю.-р. яз.».

Патриченка: «Злій духъ» — рядъ этнографическихъ разсказовъ на ю.-р. яз.

Переводы *Рилл*: «Объ этнографіи, и о пѣснѣ».

Стороженка А. П.: двѣ повѣсти и рядъ разсказовъ на ю.-р. и одна повѣсть на в.-р. яз.

Хуторянина: «Листи изъ хўтора», на ю.-р. яз.

Щербака М. Г.: «Обзоръ вновь найденныхъ старинныхъ лѣтописей и записокъ, съ подлиннымъ ихъ текстомъ».

Не перечисляемъ множества этнографическихъ, историческихъ, юридическихъ, библиографическихъ и другихъ матеріаловъ, также не упоминаемъ обѣщанныхъ, но еще недоставленныхъ намъ, статей.

Кромѣ поименованныхъ, — въ «Основѣ» примутъ участіе еще слѣдующія лица: Бѣлозерскій (Н. М.), Великданъ (Ст. П.), Витавскій (Р. П.), Галаганъ (Гр. П.), Гогоцкій (С. С.), Дорошенко (Ил. П.), Иваншевъ (Ник. Дм.), Калиновскій (В. С.), Карачевскій-Волкъ (В. Н.), Конисскій (Ал. Як.), Котляревскій (Ал. Ал.), Лазаревскій (Ал. М.), Ламанскій (Вл. Ив.), Лапнюковъ (Ив. В.), Левченко (М. П.), Максимовичъ (М. Ал.), Межовъ (Вл. Изм.), Мизко (Ник. Дм.), Мокрицкій (П. Н.), Навроцкій (Ал. Ал.), Новицкій (Н. Д.), Нововъ (Ив. П.), Орловскій (М. Ак.), Остапенко-Бѣленко (Ал. Ак.), Петровъ (Н. Н.), Пильчиковъ (Дм. П.), Ригельманъ (Ник. Арк.), Рѣдкинъ (П. Гр.), Сементовскій (Ал. М.), Сементовскій (Н. М.), Сидоренко (Юр. Дм.), Смирновъ (М. П.), Соколовъ (Ив. Ив.), Страховъ (Ник. Ник.), Сухомлиновъ (Мих. Ив.), Сѣровъ (Ал. Ник.), Тарновскій (Вас. Вас.), Татариновъ (Вас. Ив.), Тропина (К. Ел.), Туловъ (М. А.), Унтиловъ (В. А.), Ушанскій (Конст. Дм.), Цѣхановедцкій (Гр. М.), Чужбинскій (Ал. Ст.), Чубинскій (П. П.), Якушкинъ (П. Ив.). Подписка принимается въ С. Петербургѣ, въ конторѣ «Основы» при книж-

номъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной библиотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ Москвѣ: у И. В. Базунова; въ Кіевѣ: у В. Г. Борщевского; въ Полтавѣ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чпжака; въ Таганрогѣ: у К. Д. Данилова; въ Одессѣ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ. Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Василю Михайловичу Бѣлозерскому, въ С. Петербургѣ, противъ Круглаго Рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго, квартира № 10. Цѣна за 12 книжекъ, — каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ.—8 руб. 50 коп. безъ пересылки, 10 р. сер. съ пересылкою и доставкою на домъ въ С. Петербургѣ. Редакторъ *В. Бѣлозерскій*.

ОЪ ИЗДАВІЯХЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ МАГАЗИНѢ ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКАГО ДЕПО. — Въ магазинѣ комиссіонера военно-топографическаго депо, въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ зданіи Главнаго штаба Его Императорскаго Величества, поступила въ продажу вновь изданная книга: «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», собранные офицерами генеральнаго штаба; «Рязанская губернія», составилъ М. Барановичъ, С. Пб., тип. товарищества «Общественная польза». 1860, III и 554 стр. въ 8-ю долю листа, съ картою и планами 12 городовъ. Цѣна 2 рубля 50 коп. серебромъ съ пересылкою. Тамъ-же продаются изданные департаментомъ генеральнаго штаба: «Статистическое описаніе Кутаисскаго генералъ-губернаторства», съ картою, цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб. «Матеріалы для статистики Финляндіи», съ картою, цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 25 коп. «Карта Великаго Княжества Финляндскаго», въ масштабѣ $\frac{1}{100000}$ (15 верстѣ въ дюймѣ), цѣна 1 р. за экземпляръ, съ пересылкою 1 р. 25 к. сер. За каждыя 10 экземпляровъ одного изъ вышеозначенныхъ изданій, дѣлается уступка 10% съ продажной цѣны онаго.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1860 г.

ОТДѢЛЪ I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ.

I. ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

A) ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

1) *Священное писаніе и творенія святыхъ отцевъ.*

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Маттея, Марка, Луки и Іоанна. На Русскомъ нарѣчїи. С. Петербургъ.

Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, въ Русскомъ переводѣ. Изд. 2. С. Пб.

Та-же книга въ маломъ форматѣ. С. Пб.

Творенія иже во святыхъ отца нашего Ефрема Сирина. Часть 4. М.

Бесѣды на Евангеліе иже во святыхъ отца нашего Григорія Двоеслова. Пер. Архим. *Климента*. С. Пб.

Преподобнаго и Богоснаго отца нашего Аввы Исаїи, отшельника Египетскаго, духовно-нравственныя слова. Въ Русскомъ переводѣ. М.

Акаѣистъ св. мученицѣ Параскевѣ. Составленъ свящ. *Семеновымъ*. С. Пб.

2) *Богословіе.*

Исагогика или введеніе въ книги священнаго писанія Новаго Завѣта. *А. Херхозерскаго*. С. Пб.

- Литургика или наука о богослуженіи православной восточной католической церкви. *Д. Смолодовича*. Кіевъ.
Краткое понятіе о храмѣ, священнѣхъ вещахъ и лицахъ съ изображеніемъ храма и утвари церковной. *С. П. Авинскаго*. Изд. 2. М.
- Православіе въ отношеніи къ современности. Архим. *Теодора*. С. Пб.
- Объ индульгенціяхъ. Свящ. *Т. Серединскаго*. С. Пб.
- Зеркало для старообрядцевъ, не покоряющихся православной церкви. Иером. *Сергія*. М.
- Объ исповѣди и приготовленіи къ ней. Свящ. *Знаменскаго*. Изд. 2. С. Пб.

3) Церковная исторія.

- Надпись на крестѣ Господа нашего Иисуса Христа. *Θ. Яковлева*. Изд. 2. М.
- Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей Греко-Римскихъ, въ IV, V и VI стол., въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. Изд. 2. М.
- Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Часть 2. Сношенія Русской церкви въ царствованіе Михаила Теодоровича. *Муравьева*. С. Пб.
- Жизнь и служеніе св. Пророка, Предтечи и Крестителя Христова Іоанна. С. Пб.
- Жизнь Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно-Дѣвы Маріи. С. Пб.
- Краткое сказаніе о св. и праведномъ Симеонѣ Богопримцѣ. М.
- Святые первоверховные апостолы Петръ и Павелъ. М.
- Нѣсколько статей о св. апостолѣ Павлѣ. Архим. *Теодора*. С. Пб.
- Жизнь и труды св. Евангелистовъ. С. Пб.
- Апостолы. Очерки жизни и ученія св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова въ Евангеліи, трехъ посланіяхъ и Апокалипсисѣ. Вып. 2. Изд. 2. *Θ. Яковлева*. М.
- Жизнь св. Іоанна Златоустаго, архіепископа Константинопольскаго. М.
- Св. Василій Великій, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской. Изд. 2. М.

Подвижники благочестія, процвѣтавшіе на Синайской горѣ и въ ея окрестностяхъ. С. Пб.

Жизнь преподобной Маріи Египетской. *Н. Данилевскаго*. С. Пб.

Жизнь въ Бозѣ почившаго блаженнаго старца схимонаха Зосимы. М.

Изреченія старца схимонаха Зосимы и извлеченія изъ его сочиненій. М.

Жизнь св. преподобнаго Антонія Римлянина, Новгородскаго чудотворца. М.

Житія святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ и мѣстно чтимыхъ подвижниковъ благочестія. Мѣсяць Декабрь. С. Пб.

Краткія свѣдѣнія о св. угодникахъ Божіихъ и мѣстно чтимыхъ подвижникахъ благочестія, коихъ св. мощи почиваютъ въ церквахъ Владимірской епархіи. Іерея *Іоасафа*. Владимірѣ.

Св. равноапостоельная в. княгиня Ольга. С. Пб.

Древнія святыни Ростова Великаго. *Г. М. Толстаго*. Изд. 2. Москва.

Скорбященское кладбище въ Рязани. С. Пб.

Описаніе Крестовоздвиженской церкви въ Шуѣ. *И. Гундобина*. Владимірѣ.

Основаніе Казанскаго Сезеновскаго дѣвичьяго монастыря и жизнь Іоанна Сезеновскаго затворника. С. Пб.

Преподобный и Богоносный Сергій Радонежскій. М.

Житіе св. Василія Блаженнаго Христа ради юродиваго, Московскаго чудотворца. М.

Преосвященный Григорій, митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій. С. Пб.

4) Церковное краснорѣчіе.

Слова къ Тобольской паствѣ, говоренныя въ продолженіи 1852—1856 г. Архіеп. *Евлампіемъ*. Казань.

Слова и рѣчи на Господни и Богородичныя праздники и на другіе случаи. Архіеп. *Гаверіла*. М.

Слова и привѣтствія *Іосифа*, митрополита Литовскаго и Виленскаго. С. Пб.

Краткія поученія протоіерея *І Путьяшина*. Изд. 12. М.

- Поученія православнаго священника къ своимъ прихожанамъ по руководству православнаго катихизиса. П. В. Н. Вологда.
- Катехизическія бесѣды къ сельскимъ прихожанамъ. Свящ. *К. Стратилатова*. Изд. 2, испр. С. Пб.
- Слова, говоренныя преимущественно для назиданія простаго народа. Прот. *Терновскаго*. М.
- Бесѣды о православной вѣрѣ христіанской. Свящ. *Фортунатова*. С. Пб.
- Слова, говоренныя священникомъ *Н. Ладимскимъ*. С. Пб.
- Бесѣды о любви или о 10 заповѣдяхъ Божіихъ. Свящ. *Смарагдова*. С. Пб.
- Молитва Господня, изложенная въ 9 бесѣдахъ. С. Пб.
- Гласъ Божій къ грѣшнику. Поученія *Филарета*, архіеп. Черниговскаго и Нѣжинскаго. Черниговъ.
- Слова приходскаго священника къ своей паствѣ. П. В. Н. Изд. 3. Ярославль.

5) *Духовно-нравственныя сочиненія.*

- Мысли и чувствованія христіанина при посѣщеніи кладбища. *И. Успенскаго*. С. Пб.
- Мысли христіанина о надеждѣ на милосердіе Божіе. Прот. *И. Гапонова*. Харьковъ.
- Назидательныя христіанскія размышленія. Свящ. *И. Успенскаго*. С. Пб.
- Краткое руководство къ смиреннымъ и покаяннымъ размышленіямъ человѣка. М.
- Святая вѣра, источникъ истиннаго счастья. М.
- Домашняя бесѣда пастыря или разговоры съ сельскимъ прихожаниномъ. С. Пб.
- Взаимныя обязанности христіанскихъ супруговъ. Свящ. *И. Толмачева*. С. Пб.
- Бесѣды двухъ Русскихъ Нѣмцевъ, православнаго и желающаго присоединиться къ православію. *А. Кассьянова*. С. Пб. и Петрозаводскъ.
- Разсказъ Святогорца, схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствованіи по святымъ мѣстамъ Русскимъ, Палестинскимъ и Аѳинскимъ. С. Пб.

- Напоминанія Святогорца, схимонаха *Селевкія*. С. Пб.
Зеркало для челоуѣка, составленне изъ Божественнаго писанія для возбужденія грѣшныхъ къ пбкаянію. С. Пб.
Душевное врачество отъ Божественнаго писанія и отъ св. отецъ для душою страждущихъ. Архим. *Фотія*. Изд. 2. С. Пб.
Записки паломника С. Пб.
Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣленіе предъ чудотворною иконою св. Николая. Составл. *И. Рклицимиъ*, заслуженнымъ профессоромъ, докторомъ медцины и хирургіа, д. ст. сов. Изд. 2. С. Пб.
Взглядъ съ практической стороны на жизнь священника. Письмо отца къ сыну. *Богословскаго*. С. Пб.
Памятная книжка для священника или размышленія о священническихъ обязанностяхъ. С. Пб.
Гласъ вопіющій за безгласныхъ младенцевъ. Разсужденіе *Ефремова*. Изд. 2. Воронежъ.

6) *Каноническое право.*

- Сборникъ церковно-гражданскихъ постановленій въ Россіи, относящихся до лицъ православнаго духовенства. *Александрова*. С. Пб.

Б) Духовная литература иновѣрныхъ исповѣданій.

- Die Offenbarung Iohannis. Von Dr. C. A. *Bernholz*. Рига.
Liturgischer Passions-Gottesdienst am heiligen Charfreitage 1860. Дерптъ.
Predigt am zweiten Ostertage. Von Bischof Dr. *Walther*. Рига.
Verzeichniss der Tage an welchen eine Gottesdienstliche Feier in der Evangelisch-lutherischen St. Petri-Kirche stattfindet für das Jahr 1860. С. Пб.
Zur Feier der heiligen Christnacht in der Evangelisch-lutherischen St. Petri-Pauli Kirche zu Moscau. М.

II. ФИЛОСОФІЯ.

- Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ

связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. *Повицкаю*. Часть 1. Религія и философія древняго востока. Кіевъ.

Очерки вопросовъ практической философіи. *П. А. Лаврова*. С. Пб.

III. ПСИХОЛОГІЯ.

Руководство къ познанію душевной дѣятельности въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи человѣка. Сочин. Кленке. Пер. *И. Пестича*. Изд. 2. С. Пб.

IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

1) *Археологія*.

Неизданныя Бухарскія и Хивинскія монеты. С. Пб.

Объ Армянскихъ надписяхъ въ Болгарахъ. С. Пб.

О разрытіяхъ внутри Россійско-Посольской церкви въ Афинахъ. С. Пб.

2) *Литература исторіи*.

Общая характеристика Маколея, какъ историка. С. Пб.

О критико-исторической школѣ въ Тюбингенѣ. *И. Яфимовича*. С. Пб.

3) *Біографіи и мемуары*.

Характеристическіе очерки Валленштейна. Шиллера. Пер. баронессы *фонъ-Икскуль*. С. Пб.

Notice sur la collection des portraits de Marie Stuart, appartenant au prince A. Labanoff, précédée d'un résumé chronologique. Nouvelle édition. Avec un portrait. С. Пб.

4) *Исторія древнихъ временъ*.

De viris illustribus urbis Romae. М.

5) *Исторія среднихъ вѣковъ.*

Исторія цивилизаціи въ Европѣ, отъ паденія Римской имперіи до Французской революціи. Соч. Гизо. Пер. подъ редакціей *Арсеньева*. С. Пб.

Судьба Евреевъ въ средніе вѣка., М.

6) *Исторія новѣйшаго времени.*

Новѣйшая исторія отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго мира 1856 года. *Лоренца*. С. Пб.

Историческая бібліотека. Томъ VIII. Исторія XVIII столѣтія. Шлоссера. Пер. съ нѣм. С. Пб.

Австрія со времени революціи 1848 года. *Палаузова*. С. Пб.

Бібліотека современныхъ историческихъ и политико-экономическихъ вопросовъ. Италіанскій вопросъ. С. Пб.

Графъ Кавуръ, первый министръ Сардиніи. *А. Тихменева*. С. Пб.

Политическія партіи въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ. С. Пб.

7) *Исторія отдѣльныхъ государствъ.*

Исторія Германіи. Кольрауша. Пер. съ нѣм. *Бартенева*. Часть 2. Москва.

V. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

1) *Источники.*

Описаніе С. Петербурга и Кроншлота въ 1710 и 1711 годахъ. Пер. съ нѣм. съ примѣчаніями. Изд. Императорской Публичной Библіотеки. С. Пб.

Записки А. Н. Энгельгардта. М.

Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. Часть 3. М.

Русское государство въ половинѣ XVII столѣтія. Часть 1, тетр. 4. М.

Царскія грамоты на Корочу воеводамъ. М.

Россійскій царственный домъ Романовыхъ. Изд. *Г. К. Фридебурга*. Тетради 34—36. С. Пб.

Desiderata, № 2, des portraits de Pierre le Grand et des membres de Sa famille. 23 стр. С. Пб.

2) *Русскія древности.*

Мѣсяцословы, календари и святцы Русскіе. *Хавскаго*. М.
Случайная записка о древнихъ русскихъ монетахъ. С. Пб.
Деньги и пулы древней Руси. *Сонцова*. М.
Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новѣгородѣ и его окрестностяхъ. Въ память 1000-лѣтія Россіи. Архим. *Макарія*. М.
Извѣстіе о курганахъ и городищахъ. С. Пб.

3) *Литература Русской исторіи.*

Отчетъ о диспутѣ гг. Погодина и Костомарова 29 марта 1860 г. С. Пб.
Отчетъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса.

4) *Исторія Россіи.*

Исторія Россіи. *Соловьева*. Т. X. М.
Объясненіе сказаній Нестора о началѣ Руси на статью Н. И. Костомарова «Начало Руси», помѣщенную въ № 1 «Современника». Возраженія *Н. Ламбина*. С. Пб.
Исторія отечественной войны 1812 года. *М. Богдановича*. Часть 3. С. Пб.
Западные Европейцы и Русскіе. *Панезица*. М.
Россія и Польша. *Шахова*. М.
Die sieben Jahrhunderte Livlands, von 1159—1859. Von *C. A. Bernholz*. 1 Hefte. Рига.
Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны. *Р. Фадѣева*. Тифлисъ.
Чечня и Чеченцы. *А. Ш. Берже*. Тифлисъ.

5) *Біографіи историческихъ лицъ и государственныхъ людей.*

Фрейлина Гамильтонъ. С. Пб.
Жизнь Шамиля на Кавказѣ. М.

І. И. Ростовцовъ и его дѣятельность въ крестьянскомъ вопросѣ. С. Пб.

VI. ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ.

Га-арухъ га-русси. Талмудическо-Халдейско-Русскій словарь.
Сост. братьями І. и Х. Гурландами. С. Пб.
Русско-Татарская азбука. Сост. *Вагабовъ*. Казань.

VII. ОБЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1) *Теорія слова.*

Новый образцовый письмовникъ. М.

2) *Исторія литературы.*

Шиллеръ. Біографическій очеркъ. *Фонъ-Вейзерта*. М.

VIII. ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИНОСТРАННОЙ БЕЛЛЕ- ТРИСТИКИ.

А. *Англійской.*

Еврейскія мелодіи Байрона. Пер. П. *Козлова*. С. Пб.
Шейлокъ, Венеціанскій жидъ. Драма Шекспира. Пер. А. *Григорьева*. С. Пб.
Слезы и улыбка. Романъ Дж. Смита. С. Пб.
Грація Лв. Романъ Джуліи Кавана. С. Пб.
Ричардъ Безстрашный или маленькій герцогъ. С. Пб.

Б. *Германской.*

Шиллеръ въ переводѣ Русскихъ писателей. Изд. подъ редакціей Гербеля. Томъ 8. С. Пб.
То-же. Томъ 1-й, изд. 2. С. Пб.
Уилли. Повѣсть Гофманна. М.
Пѣсни и думы изъ Гейне. Переводы въ стихахъ *Мантейфеля*.
Москва.

В. Французской.

- Беранже въ переводѣ Русскихъ писателей. М.
Цѣна жизни. Пер. баронессы *фонъ-Икскуль*. С. Пб.
Графиня де Монсоро. Романъ Дюма. Пер. *Р. Щилева*. С. Пб.
Три мушкетера. Историч. ром. Дюма. Пер. *М. Руммеля*. С. Пб.
Завистникъ. Романъ Дюма. С. Пб.
Романы Поль де Кока: Обольститель невинной дѣвушки. Пер.
К. Дьяконова. С. Пб. — Братъ Яковъ. М. — Злополучный
Томпанэ. М.
Геніальный человѣкъ. Ром. гр. Дашъ. М.
Мавры при Филиппѣ III. Ром. Скриба. С. Пб.

Библіотека иностранной поэзіи. Вып. 1. Переводы и подра-
жанія *П. В. Берга*. Изд. *Гербеля*. С. Пб.

IX. ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Ювеналъ. Двѣ публичныя лекціи. *Н. М. Благовѣщенская*. С. Пб.

X. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1) *Исторія Русской словесности*.

- О Промыслѣ. Сочиненіе автора «Русскаго государства въ XVII
вѣкѣ». — Открыто, изслѣдовано и въ извлеченіяхъ издано
Безсоновымъ. М.
Объ источникахъ и формахъ Русскаго баснословія. *Щен-
кина*. Вып. 2. М.
Народныя Русскія легенды. Изд. *Аванасьева*, М.
Смоленская легенда о св. Меркуріѣ. М.
Сборникъ Великорусскихъ народныхъ историческихкихъ
пѣсенъ. М.
Разныя сочиненія князя Щербатова. М.
Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго. Сост. *К.
Полевой*. Часть 1. С. Пб.
Записки Г. Р. Державина. Съ примѣчаніями *Бартенева*. М.
Разборъ драмы Островскаго «Гроза». С. Пб.

2) *Русская изящная словесность.*

А. Собрания сочинений.

- Воспоминанія, мысли, труды и замѣтки *Смирнова*. М.
Сочиненія *Бѣлинскаго*. Томы 5 и 6. М.
Сочиненія *Лермонтова*, приведенныя въ порядокъ и дополненныя *С. С. Дудышкинымъ*. С. Пб.
Сочиненія *Давыдова*. Изданіе 4, исправленное и дополненное по рукописямъ автора. М.
Сочиненія *Ө. М. Достоевскаго*. М.
Сочиненія *А. С. Пушкина*. Томъ 1. С. Пб. Изд. *Исакова*.
Приложенія къ сочиненіямъ Пушкина, изд. *Исаковымъ*, сост. *Г. Геннади*. С. Пб.
Сочиненія *Э. И. Губера*. Томъ 3. Изд. *Тихменева*. С. Пб.
Сочиненія *А. И. Подолмскаго*. С. Пб.
Сочиненія *И. Панаева*. Томы 1, 2 и 3. Изд. гр. *Кушелева-Безбородко*. С. Пб.
Альбомъ Русскихъ писателей. М.
Хата. Изд. *П. А. Кулишъ*. С. Пб.
Кобзарь. Тараса *Шевченко*. С. Пб.
Сборникъ литературныхъ статей въ память *А. Ф. Смирдина*. Томъ 6. С. Пб.
Русская Правда. Литературный альманахъ на 1860 г. Кіевъ.
Сборникъ литературныхъ статей. Изд. редакціей «Кіевскаго Телеграфа». Кіевъ.

Б. Романы.

- Емелька Пугачевъ. Историческій романъ. М.
Новгородцы. Историческій романъ. М.

В. Повѣсти.

- Повѣсти и рассказы: *Плещеева*. М. — *Славутинскаго*. М. — *Туръ*. М.
Повѣсти *Загоскина*. М.
Изъ Украйны. Повѣсти и сказки *Данилевскаго*. С. Пб.
Жизнь и походы Трѣфона Аванасьева. *С. Т. Славутинскаго*. М.

- Не извѣдавъ горя не узнаешь счастья. С. Пб.
Антипъ. С. Пб.
Стенька Разинъ, разбойничій атаманъ. М.
Великодушіе. М.
Старушка Марѳа или за Богомъ молитва а за Царемъ служба
не пропадаютъ. М.

Г. *Разказы.*

- Разказы изъ народнаго быта. М. *Восика*. М.
Разказы охотника. Новое не любо не слушай а гать не мѣ-
шай. Собралъ и въ нѣкоторый порядокъ привелъ Модестъ
Козликъ-Прыгъ. С. Пб.
Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. *Пэмайлова*. М.
Псторія одной достопамятной ночи. *А. Маркова*. С. Пб.
Случай на Ревельскомъ рейдѣ 1852 г. Старога моряка. С. Пб.
Дѣдушка Назарычъ. *А. Погоскаю*. С. Пб.
Концертъ. *А. Потаника*. С. Пб.
Сѣрая кобыла. *Продчука*. С. Пб.
Записки любимца. Автобіографія. С. Пб.
Картини прошлаго. Разказы *Рабиновича*. I. Штрафной. С. Пб.
Сынъ миллионера. *Исаеви*. М.
Сутяга. Разказы изъ Московской жизни. М.
Грбовщица вдова Марья Себялюбова, или не новый при-
мѣръ женской продѣлки съ мущиною. *Ежданова*. С. Пб.
Мемуары о дядюшкахъ и тетушкахъ. *Ващенко-Захарченко*
Москва.
Підбрехачъ. Оповиданя *Г. Квитки*. С. Нб.
Создатскій портретъ. *Г. Квитки*. С. Пб.
Панъ Твардовскій. Старинное сказачное преданіе. *В. Шмита-*
новскаю. М.

Д. *Очерки, сцены, письма.*

- Очерки Сибяряка. I. Помѣшанные. С. Пб.
Сашенька, одна изъ камелій. *И. Шлихтера*. С. Пб.
Бобыль. Сцены изъ Русской жизни. *И. Ш. Круглополева*. С. Пб.
Просто случай. Сцены изъ купческаго быта. *И. Горбунова*.
С. Пб.

святки; зимнія сцены изъ Русскаго быта. *М. А. Стаховича.* С. Пб.

Утро губернатора. Провинціальные сцены. *Я. И. Григорьева* Тифлисъ.

Изъ переписки умершаго. *И. Шлихтера.* С. Пб.

Paris und Petersburg oder Francoise und Russeline. Parallele. С. Пб.

Е. Драмы.

Горькая судьбина. *А. Писемскаго.* С. Пб.

Катруся або туга відъ грошей. Драматическое представлєніе Соч. *Ив. К.* С. Пб.

Отець семейства. *Чернышева.* С. Пб.

Ж. Комедіи.

Роковой колокольчикъ. Пер. съ франц. *П. Каратыгина.* С. Пб.

Дѣло въ шляпѣ. *И. А. Лашкевича.* С. Пб.

Холостякъ. *И. С. Тургенева.* С. Пб.

Домашній учитель. М.

З. Водевили.

Ошибка. М.

Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ. *Соловьева.* М.

И. Стихошворенія.

Стихотворенія *А. Долина.* М.

Стихотворенія *В. И. Авенаріуса.* Вып. 3. С. Пб.

Стихотворенія *Л. Пивоварова.* С. Пб.

Стихотворенія *Ч.* С. Пб.

Стихотворенія *П. М. М.*

Стихотворенія *Грекова.* М.

Стихотворенія *Миллера.* Изд. 2 испр. и доп. М.

Poesies de Valérian *Diakoff.* М.

Poésies de Me *Olga N.* М.

Генералъ-фельдмаршалу князю Александру Ивановичу *Барятинскому.* *А. Бъшенцова.* С. Пб.

Стихотвореніе подъ тѣмъ-же заглавіемъ кн. *Вяземскаго.* С. Пб.

- Стихотвореніе на пребываніе въ г. Ярославѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ. *Федорова*. М.
- Поздравительныя стихотворенія на разные случаи. Изданіе 2. М.
- Эротическія стихотворенія Русскихъ поэтовъ. Собралъ *Г. Книжникъ*. С. Пб.
- Радуга. *Гусева*. С. Пб.
- Прена и Алсндъ. С. Пб.
- Первообразъ смерти или братоубійца. Поэма *Е. Жадовской*. М.
- Двѣ легенды въ стихахъ: Отшельникъ и искуситель. *Е. Жадовской*. М.
- Три мироносцы у гроба Спасителя міра. Поэтический подарокъ. С. Пб.
- Опытъ духовныхъ стихотвореній. Барона *Нольде*. М.
- Райскій цвѣтъ. Афоризмъ въ свободныхъ стихахъ. С. Пб.
- Орнся. Идилія *П. Кулиша*. Съ малороссійскаго пер. *А. Стороженко*, С. Пб.
- Звуки. Стихотворенія кн. *Долгорукова*. М.

К. Пѣсни.

- Собраніе романовъ и пѣсенъ лучшихъ авторовъ. М.
- Русскія пѣсни, собранныя *П. Якушкинымъ*. С. Пб.
- Русскій пѣсенникъ. М.
- Карманный пѣсенникъ на 1860 г. С. Пб.

Л. Басни.

- Басни *Л. Ефремова*. Изд. 4. Воронежъ.
- Басни *И. А. Крылова*. Изд. 7. С. Пб.

М. Сказки.

- Сказки, шутки и прибаутки Кирюшки *Чурилкина*. М.
- Скаска о дѣдушкѣ Январѣ и о бѣдной сиротинушкѣ. С. Пб.
- Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ. М.
- Исторія о храбромъ рыцарѣ Францыѣ Венеціанѣ. М.
- Сказка о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ. С. Пб.
- Соловей разбойникъ. Старинное преданіе. М.

- Сказка о Славянскомъ богатырѣ Вадимѣ. М.
Конекъ горбунокъ. Русская сказка въ стихахъ. М.
Конекъ горбунокъ. Русская сказка въ 3-хъ частяхъ. Подражаніе сказкѣ П. Ершова. С. Пб.
О жарь птицѣ и златогривомъ конѣ. Сказка. М.
Царевичъ Русанъ и царица Милена. Сказка. М.
Сказка о кривосудѣ. М.
Колдунъ мертвецъ и солдатъ храбрецъ. Русская народная сказка. Сочиненіе *Кобскаго*. С. Пб.
Народная сказка о солдатѣ Яшвѣ, красной рубашкѣ. М.
Сказка о крестьянинѣ Пантелеѣ Простакѣ. М.
Сказка про Иванушку медвѣжьи ушки. И. Ч. С. Пб.

Н. Путешествіа.

- Путевыя записки Русскаго художника *Захарова*. Часть 3. С. Пб.
Странствованія по луговымъ степямъ и вѣковымъ лѣсамъ сѣверной Америки. Марріэтта. Пер. *Форселля*. С. Пб.
Разказы странствователя по замѣчательнымъ мѣстамъ Россіи. Сѣверный край. С. Пб.
Мѣсяцъ плѣна у Кокандцевъ. *Н. Сьверцова*. С. Пб.
Путешествіе по Амуру на паракодѣ Аргунь. М.
Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній. *И. Якушкина*. С. Пб.
Лѣтняя прогулка въ Новгородъ и Старую Русу. *А. Н.....ва* С. Пб.
Путевыя очерки отъ Москкы до Флоренціи. *Фонъ-дер-Зее*. М.
Письмо изъ Ниццы. С. Пб.
Reisesctizen aus der Lombardei und Venetien. М.
Воспоминанія о Венеціи. С. Пб.
Путевыя замѣтки во время поѣздки за границу лѣтомъ 1859 года. С. Пб.

ХІ. ИСКУСТВА.

1. Теорія и исторія искусствъ.

- Курсъ эстетики Гегеля. Кн. 2. Музыка. Епическая поэзія. Пер. *Модестова*. М.

Отчетъ о дѣйствіяхъ общества поощренія художниковъ за 1859 годъ. С. Пб.

2. *Живопись.*

Живопись во Франціи. *Д. Мацковича.* С. Пб.

Исторія и описаніе картины Ванъ-Эйка: Страшный судъ. М.

Н. И. Уткинъ и Э. И. Юрданъ. С. Пб.

3. *Архитектура.*

О формѣ крестовъ на главахъ храмовъ и колоколенъ. С. Пб.

4. *Музыка.*

Отчетъ Русскаго музыкальнаго общества. С. Пб.

Rathschläge für angehende Violinspieler. *А. Львова.* С. Пб.

Второй новый сборникъ сокращенныхъ либретто оперъ, исполняемыхъ на нашей Итальянской сценѣ. С. Пб.

Либретто оперъ: Динора. С, Пб.—Зора. С. Пб.—Севильскій цирюльникъ. М. — Норма. М. — Луція де Ламмермуръ. М.—Робертъ. М.—Любовный напитокъ. М. — Марта. М. — Сивардъ Саксонскій. Тифлисъ.

Музыка изданія музыкальнаго магазина Фракмана. Полный каталогъ. С. Пб.

5. *Хореграфическое искусство.*

Программы балетовъ: Пакеретта. С. Пб. — Эсмеральда. М. — Сатанилла. М. — Салтарелла. М.

ХІІ. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ.

Учебникъ сравнительнаго землеописанія. Пютца. Пер. съ нѣм. *Иатерикова.* М.

Австралія. Ея физическое положеніе, колоніи и золотые промыслы. Де-Галета. С. Пб.

Глубина Байкала. С. Пб.

Главные озера и льяны Россійской имперіи. *П. И. Кеннена.* С. Пб.

О Понто-Каспійской низменности. С. Пб.

- Записка о топографіи г. *Харькова*. М.
Составъ Императорскаго Русскаго географическаго общества. С. Пб.
Compte rendue de la Société Imperiale Géographique de Russie pour l'année 1859. С. Пб.
Путешествія и открытія второй Гринельской экспедиціи для отысканія Д. Франклина. Пер. съ нѣм. *А. Тихменева*. С. Пб.

ХІІІ. ЭТНОГРАФІЯ.

- Матеріалы для описанія быта Пермьяковъ. *Рогова*. М.
Древній обычай распредѣленія кусковъ мяса, сохранившійся у Киргизовъ. С. Пб.
Юбилей Кеппена 29 декабря 1859 г. С. Пб.
Бытъ Подолянъ. Изд. *К. Шейховскаго*. Томъ 1, вып. 1. Кіевъ.

ХІV. ПЕДАГОГІЯ.

1. *Исторія педагогіи.*

- Э. И. Губеръ. Біографическій очеркъ. *А. Тихменева*. С. Пб.

2. *Дидактика.*

- Замѣчанія на книгу Аксакова: «Опытъ Русской грамматики». С. Пб.

3. *Педагогика.*

- Prospectus der Lehr- und Erziehungs-Anstalt, für Knaben von R. S. Gaize und L. Bang. Дерптъ.

ХV. УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА.

1) *По закону Божію.*

- Историческія чтенія изъ книгъ ветхаго завіѣта для употребленія въ училищахъ. С. Пб.

2) *По чтенію и письму.*

- Азбука русская. Сост. *Баши—въ*. М.

Таблицы для начинающихъ учиться русской грамотѣ.
С. Пб.

Книга для чтенія и упражненія въ языкѣ. Изд. 7. С. Пб.

Азбука. С. Пб.

Русская азбука. Вильно.

3) *По математикѣ.*

Курсъ ариметики. *А. Лева.* Изд. 2. С. Пб.

Упрощенная ариметика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ. Изд. 2. С. Пб.

Ариметика. *Меморскаго.* М.

Руководство къ ариметикѣ для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ Россійской имперіи. Отд. 2.—Изд. 11. Вильно.

Ариметика. Сост. *Никулинымъ.* Тверь.

Ариметика. Сост. *Н. Т. Щеловымъ.* Изд. 10. С. Пб.

Ариметика. *М. Симашко.* Изд. 3. С. Пб.

Собраніе ариметическихъ задачъ, расположенныхъ по ариметикѣ г. Буяковскаго. Сост. *А. Иванецкій.* Изд. 3. С. Пб.

Гимназическій курсъ алгебры. Сост. *К. Филипповъ.* С. Пб.

Курсъ чистой математики и геометріи. *Погорьльскаго.* М.

Начальныя основанія геометріи. *Ф. Симашко.* С. Пб.

4) *По словесности.*

Русская лира. Христоматія, составленная изъ произведеній новѣйшихъ поэтовъ. С. Пб.

5) *По географіи.*

Учебная книга географіи. Сост. *Вержбиловичъ,* Вып. 2 и 3.
С. Пб.

Природа и люди. Курсъ географіи. Кн. 1. Изд. 2. С. Пб.

Учебная книга географіи. Сост. *К. Смирновъ.* Вып. 1. С. Пб.

Краткій учебникъ географіи. Сост. *Тельгинъ.* М.

6) *По исторіи всеобщей.*

Курсъ всеобщей исторіи. *Вебера.* Т. 1. Изд. М.

Краткій учебникъ всеобщей исторіи. *Вебера.* Вып. 2. М.

- Руководство къ всеобщей исторіи. *Ф. Лоренца*. Часть 2, отдѣленіе I, изд. 3. С. Пб.
- Руководство всеобщей исторіи. Сост. *И. Шульгинимъ* и *В. Макинимъ*. Изд. 2. С. Пб.
- Краткая всеобщая исторія въ простыхъ разсказахъ. Сост. *И. Берте*. Изд. 7. С. Пб.
- Всеобщая исторія. Книга для чтенія русскому юношеству. *Н. Тимасова*. Часть I. Исторія древняго міра. С. Пб.

7) *По исторіи русской.*

- Учебная книга русской исторіи. *Соловьева*. Вып. 1, 2 и 3. М.
- Краткіе очерки русской исторіи, приспособленные къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. *Иловайскаго*. Вып. М.

8) *По естественнымъ наукамъ.*

- Краткая ботаника. Курсъ гимназическій. *М. Шиховскаго*. Изд. 3. С. Пб.

9) *По языкамъ.*

- Два курса русской грамматики. Сост. *В. Классовскій*. С. Пб.
- Учебникъ русскаго языка. *Смирнова*. Годъ 2. Изд. 3. М.
- Приготовительный курсъ русскаго языка. *М. Михельсона*. Изд. 2. М.
- Латинскій синтаксисъ. Сост. *Невскій*. М.
- Русско-латинскій букварь. Изд. 3. Рига.
- Краткая латинская фразеологія для обучающихся латинскому языку. Изд. 2. М.
- Латинская грамматика. М.
- Краткая латинская грамматика. М.
- Латинская практическая грамматика. Изд. 2. М.
- Abecedaire française. С. Пб.
- Полный курсъ французскаго языка по методу Робертсона. Сост. *Э. Константъ*. С. Пб.
- Новѣйшій самоучитель французскаго языка. С. Пб.
- Lectures graduées pour les enfans. Par *Gauthier*. С. Пб.
- Le mot et la chose ou moyen facile d'apprendre à lire et à connaître un grand nombre de mots français. Par *Courtenier*. М.

Le livre de dicté pour les commençants. Par *Courtener*. С. Пб.
Практическое изученіе французскаго языка по методѣ Оллендорфа. С. Пб.

Ключъ къ практическому изученію французскаго языка по методѣ Оллендорфа. Изд. *А. Гершберга*. С. Пб.

Précis de la grammaire française de *Shapsal et Noël*. Митава.

Cours pratique de la langue française et de composition. Par *C. Rivault*. Изд. 2. С. Пб.

Французско-руско-нѣмецкіе легкіе разговоры. Сост. *М. И. Фирсовъ*. С. Пб.

Самоучитель нѣмецкаго языка. Изд. 2 испр. и дополн. С. Пб.
Нѣмецкая хрестоматія. Вильно.

Руководство къ постепенному практическому изученію нѣмецкаго языка. *Ренгартена*. М.

Полный самоучитель англійскаго языка. *Я. Дьяконова*. С. Пб.
The English Translator being a collection of pieces for translating from English into French or Russian. *By Coord*. М.

Русская азбука для нѣмецкихъ и еврейскихъ учениковъ въ Россіи. Сост. *А. Золотовъ*. С. Пб.

Разговоры русско-французско-греческіе. *М. Паллолога*. Одесса.

Russischer Dolmetscher für Deutsche. Von *A. Diakonoff*. С. Пб.
Kleiner Russischer Dolmetscher. Von *K. Flemming*. С. Пб.

10) Словари.

Латинско-русскій словарь. Изд. 3. М.

Русско-латинскій словарь. Изд. 3. М.

Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. *В. И. Углова*. Изд. 2. С. Пб.

Vollständiges Russisch-Deutsches Wörterbuch. Von *S. Paulowsky*. Митава.

XVI. ЧТЕНІЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Филиппъ Аштонъ. Чтеніе для дѣтей. М.

Собраніе чудесъ. Повѣсти для дѣтей, заимствованная изъ мифологіи. *Н. Гошарна*. С. Пб.

- Постепенное чтение для дѣтей на русскомъ и французскомъ языкахъ. С. Пб.
- Кругомъ свѣта. Чтение для юношества. Пер. съ нѣм. *А. Н.* С. Пб.
- Чтение для приготовительныхъ курсовъ. Сост. *М. Михайловъ.* С. Пб.
- Лея или необитаемый островъ. Повѣсть для юношества. С. Пб.
- Историческія повѣсти для дѣтей. Соч. *Евг., Фуа.* М.
- Историческіе рассказы и біографіи. Чтение для дѣтей. *А. Разина.* С. Пб.
- Геродотъ и его повѣствованія. М.
- Солнышко. Историческіе рассказы и повѣсти для дѣтей. М.
- Происхожденіе Энея, странствованіе Одиссея. Рассказы для дѣтей. С. Пб.
- Дѣтскій сборникъ или собраніе текстовъ священнаго писанія для каждаго дня года, молитвъ, благочестивыхъ размышленій и нравоучительныхъ стихотвореній. Тверь.
- Дѣтскій кружокъ. Сборникъ для дѣтей. Сост. *Я. Фоссъ.* С. Пб.
- Новое собраніе театральныхъ піесъ для дѣтскаго театра. Томъ 1. С. Пб.
- Повѣсти и рассказы для дѣтей. *А. Разина.* С. Пб.
- Другъ дѣтей. Книга для первоначальнаго чтенія. *П. Максимовича.* Изд. 11. С. Пб.
- Жизнь русскихъ крестьянъ. Подарокъ дѣтямъ. М.
- Бесѣды съ дѣтьми. *А. А. Пчельниковой.* Часть 7. С. Пб.
- Маленькій собиратель насѣкомыхъ. С. Пб.
- Подарокъ милымъ дѣтямъ. С. Пб.
- Корзинка съ фруктами для маленькихъ дѣтей. М.
- Волшебные цвѣты. Рассказы для дѣтей. С. Пб.
- Рассказы о землѣ, на которой мы живемъ. С. Пб.
- Путешествіе по разнымъ странамъ міра. Чтение для дѣтей старшаго возраста. *А. Разина.* С. Пб.
- Открытіе Америки, Камчатки и Австралійскихъ острововъ. *А. Разина.* С. Пб.
- Дѣти на берегу моря. Повѣсть *Модестова.* М.
- Басни и пѣсенки для дѣтей. С. Пб.
- Сборникъ лучшихъ басенъ. М.
- Донъ Кихотъ Ламанчскій. Рассказъ для дѣтей. Пер. *А. Греча.* Изд. 2. С. Пб.
- Настоящій Робинзонъ. *А. Разина.* С. Пб.
- Ласточки-душки. 12 легенькихъ повѣстей. *Р. Варламовой.* М.

Любовь дѣтей къ ближнему. *Модестова. М.*

XVII. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

1) *Общіе предметы.*

Энциклопедія естественныхъ наукъ. Докт. *Шодлеръ. М.*

Человѣкъ и царство животныхъ. *М.*

Природа въ ея явленіяхъ. *Павлова. М.*

Очерки природы Гартмана съ предисловіемъ Шлейдена.

Пер. съ нѣм. *Похвиснева* съ примѣчаніями и дополнительной
статѣй объ искусственномъ рыбоводствѣ. *Д. Калиновскаго. М.*

Александръ Гумбольдтъ. Біографическій очеркъ. *С. О. Лагу-
нина. С. Пб.*

Море и его жизнь. Пер. съ нѣм. *Модестова. М.*

2) *Физическая географія.*

Физическая географія. *Э. Ленца.* Изд. 2. *С. Пб.*

Учебникъ космической физики. *Э. Миллера.* Пер. *Ильина. С. Пб.*

Repertorium für Metereologie herausgegeben von der Kaiserli-
chen geographischen Gesellschaft. Redigirt von *Kämtz.* Дерптъ.

3) *Физика.*

Физика и метеорологія, общепонятно изложенныя Коппе. Пер.
Боровскаго. С. Пб.

Наставленіе къ употребленію спиртомѣра. *Кунфера. С. Пб.*

Электродинамическій приборъ. *Э. Ленца.* Сост. *Чеховичъ.*
Вильно.

4) *Химія.*

Курсъ элементарной общей химіи. *Кагура.* Пер. *И. Ильина.*
Часть 1, вып. 2. *С. Пб.*

5) *Геогнозія и минералогія.*

Основанія минералогіи. *К. Ф. Науманна.* Пер. *И. Медвѣдева.*
С. Пб.

7) *Ботаника.*

О внутреннем строении и жизни растений. С.Пб.

О размножении растений. *К. Энке*. М.

Aufzählung der auf einer durch Transkaukasien und Persien gesammelten Pflanzen. Von Dr. Buhse. М.

Систематический каталогъ растений Орловской флоры. М
Index seminum, quae Hortus Botanicus Imperialis Petropolitani
pro mutua commutatione offert. С.Пб.

Decas plantarum Amurensium sive tabulae botanicae X. Ex itin-
nerario *D. Maak*. Seorsum editae *F. S. Ruprecht*. С.Пб.

8) *Зоологія.*

Общая биологія. И. Ж. Сентъ Илера. Пер. *А. Богданова*. Т. 2. М.
Краткая зоологія. Сост. *К. Сентъ-Илеромъ*. С.Пб.

XVIII. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

1) *Чистая математика.*

Коническія сѣченія. Сочин. Салмона. Переводъ *Ващенко-Захарченко*. С.Пб.

Практический взглядъ на разность и тождественность выво-
довъ отъ дѣйствій надъ простыми, десятичными и періоди-
ческими дробями. *Божерянова*. С.Пб.

О радикальныхъ количествахъ. Одесса.

2) *Механика, аналитическая и прикладная.*

Динамика. *Соколова*. Часть I. О движеніи матеріальной точки.
Харьковъ.

Таблица полезной работы, производимой живыми движите-
лями. М.

Теоретическая и практическая механика Вейсбаха. Пер.
Н. Соколова. Томъ 2. С.Пб.

Элементарная механика. *И. Вышнеградскаго*. Вып. I. С.Пб.

Исслѣдованіе турбины Цейнера, дѣйствующей водою, вте-
кающею чрезъ наружное отверстіе колеса. С.Пб.

3) *Астрономія.*

Начальныя основанія Астрономіи въ вопросахъ и отвѣтахъ.
Излож. Яномъ. Пер. съ нѣм. М.
Таблица для установки и повѣрки часовъ по среднему времени въ г. Курскѣ. М.

XIX. НАУКИ ЮРИДИЧЕСКІЯ.

1) *Энциклопедія Законовѣденія.*

Сочиненія *Кавелина*. М.
Pierworys prawa czyli encyklopedia prawoznawstwa. Przez *S. Jakubowskięgo*. С.Пб.

2) *Государственное право.*

Взглядъ на добровольный и обязательный выкупъ крестьянскихъ земель. М.
Uebersichtliche Darstellung der historischeu Entwicklung der Hauptpunkte aus der livländischen Landesverfassung. Von *Baron Tiesenhausen*. Рига.

3) *Гражданское право.*

Русское гражданское право. Сост. *И. Быковъ*. М.
Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. *М. Михайлова*. С.Пб.
Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка закононаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ. *Кавелина*. С.Пб.
Карманныя таблицы, легко указывающія всѣ гражданскія постановленія, сроки и проч. Сост. *И. Дудинъ*. Спб.
Записки къ производству государственнаго межеванія
Сост. *И. Шаровъ*. С.Пб.

4) *Уголовное право.*

.....

5) *Судоустройство и судопроизводство.*

О наложеніи запрещеній въ обезпеченіе исковъ. С.Пб.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о временной въ С.-Петербургѣ Коммис-
сiи для разбора дѣлъ между рядчиками и рабочими. С.Пб.

6) *Законодательство европейскихъ и прочихъ государствъ.*

Историческое право Хорватскаго народа. М.
Volumina legum. Т. 3 и 4. С. Пб.

7) *Международное право.*

Отчетъ о путешествiи по Западной Европѣ Профессора
Каченовскаго, въ 1858—59 годахъ. Харьковъ.

Международное право. *Де-Галета*. С.Пб.

Журналъ дружескаго свиданiя Иркутскаго гражданскаго гу-
бернатора Траскина съ китайскими пограничными правите-
лями. М.

8) *Римское право.*

Ueber den Begriff des Besitzes nach römischen Rechte.
Von *Schmidt*. Дерптъ.

Commentationes de jure Romano. Scripsit *Ziegler*. Дерптъ.

XX. НАУКИ АДМИНИСТРАТИВНЫЯ.

1) *Государственное благоустройство.*

А. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНIE.

Уставъ убѣжища для бѣдныхъ римско-католическаго исповѣ-
данiя въ С.-Петербургѣ. С.Пб.

Историческая записка о страннопрiимномъ домѣ гр. Шере-
метева. Сост. *Тарасенко*. М.

О призрѣнiи младенцевъ подкидышей. *Л. Ефремова*. Во-
ронезжъ.

Юбилей 50-лѣтiя С.-Петербургскаго училища глухонѣмыхъ. С.Пб.

Пятидесятилѣтiе С.-Петербургскому Училищу глухонѣмыхъ
1 января 1860 г. С.Пб.

Нѣсколько словъ о заведенiяхъ для слабоумныхъ дѣтей вообще
и о заведенiи г. Плотца въ Ригѣ. С.Пб.

Краткiй историческiй очеркъ ремесленнаго заведенiя Импе-
раторскаго Московскаго Воспитательнаго Дома. М.

Quinzième compte-rendu de l'asyle pour les servantes pendant
l'année 1859. С.Пб.

Б. Народное Просвѣщеніе.

- Программа испытанія для желающихъ поступить въ Московскій университетъ. М.
- Обозрѣніе лекцій въ Дерптскомъ университетѣ на 1 семестръ 1860 г. Дерптъ.
- Исторія университета св. Владиміра. *В. Шульгина*. С.Пб.
- Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и непзбѣжныя послѣдствія этой перемѣны. *Грановскаго*. М.
- Замѣтка по вопросу о гимназическомъ образованіи. Одесса.
- Учація и учаціяся. *Православнаго*. Спб.
- Программа учебнаго заведенія, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви. М.
- Jahresbericht der S. Anna-Schule. С.Пб.
- Programm der gelehrten und Handels Schule von *Widemann*. С.Пб.
- Постановленія о внутрннемъ и вѣшнемъ порядкѣ, соблюдаемомъ въ церковномъ училищѣ св. Анны. С.Пб.
- Trente septième rapport de l'école, établie en faveur des enfants pauvres parmi les étrangers. С.Пб.
- Домашняя бесѣда пастыря, или разговоры съ сельскимъ приходжанномъ о нуждѣ грамотности. С.Пб.
- Considérations sur l'enseignement. Par *Ostogradsky et Blum*. С.Пб.
- Отчетъ Императорской Академіи Наукъ за 1859 г. С.Пб.
- Отчетъ по Казанскому учебному округу за 1859 г. Казань.
- Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1859 г. С.Пб.

2) Финансовое право.

- Прозкъ положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ или земскихъ банкахъ, составленный комиссіею Высочайше учрежденною при Министерствѣ Финансовъ. С.Пб.
- Труды Коммисіи, Высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ. С.Пб.
- Нѣсколько замѣчаній на труды Коммисіи для устройства земскихъ банковъ. С.Пб.
- Нѣсколько словъ о статьѣ подъ заглавіемъ: Учрежденіе поземельныхъ банковъ. С.Пб.
- Общія правила счетоводства для контролеровъ, бухгалтеровъ, казначеевъ, вообще для приходорасхозчиковъ и лицъ, завѣдывающихъ денежною, матеріальною, счетною и хозяйствен-

ною частями разныхъ установленій. Сост. по Своду 1857 г.
В. Лукинъ. С.Пб.

3) *Политическая экономія.*

- Основанія нравственности и политической экономіи. Соч. Мерсье.
Вольный переводъ. Изд. *В. Волчанецкаго. М.*
- Публичныя лекціи политической экономіи. *И. К. Бабста.* Вып.
1, 2 и 3. М.
- Поземельный кредитъ и сго современная организація въ Ев-
ропѣ. *В. Безобразова. С.Пб.*
- О вліяніи различныхъ видовъ поземельной собственности на на-
родное богатство. *Е. Маслова. Казань.*
- Крестьянская правда о мелкой поземельной собственности. С.Пб.
- Современныя мысли и предположенія о всемѣстномъ обога-
щеніи, просвѣщеніи и проч. Проектъ *С. Карпенко. С.Пб.*
- Откуда взять миллиардъ? *И. Сабурова. М.*
- Вопросъ о дороговизнѣ квартиръ. С.Пб.
- Проектъ устава акціонернаго общества для удешевленія квар-
тиръ и жизненныхъ припасовъ. С.Пб.
- Вліяніе гласности на русскія акціонерныя компаніи. С.Пб.
- Недостатки настоящаго устройства акціонерныхъ обществъ и
средства улучшенія. С.Пб.

Литература акціонерной дѣятельности.

- Россійское общество застрахованія капиталовъ и доходовъ,
учрежденное въ 1835 г. С.Пб.
- Главное общество русскіихъ желѣзныхъ дорогъ. С.Пб.
- Новый примѣръ справедливости нашей главной акціонерной
компаніи. С.Пб.
- Еще о нашей главной акціонерной компаніи. С.Пб.
- По поводу объявленія главнаго общества русскіихъ желѣзныхъ
дорогъ. С.Пб.
- По поводу созванія экстреннаго собранія акціонеровъ главнаго
общества русскіихъ желѣзныхъ дорогъ. С.Пб.
- Акціонерный Комитетъ главнаго общества русскіихъ же-
лѣзныхъ дорогъ. С.Пб.
- Главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Донесеніе
ревизіонной комиссіи. С.Пб.
- О донесеніи ревизіонной комиссіи, избранной 2-мъ общимъ со-

- браниемъ главнаго общества російскихъ желѣзныхъ до-
рогъ С.Пб.
- Libre réponse aux attaques de quelques journaux russes contre la
Grande Société de chemin de fer. С.Пб.
- Споръ между г.г. Перозіо и Смирновымъ. С.Пб.
- Объясненія на отзывъ г. Ефремова о ревизіи дѣлъ и имущества
общества Царскосельской желѣзной дороги въ 1859 г. С.Пб.
- Записка объ употребленіи капитала общества Меркурій. С.Пб.
- На память для г.г. акціонеровъ общества заводской обработки
животныхъ продуктовъ. С.Пб.
- Днѣпровское пароходство. Эпизодъ изъ русской акціонерной
жизни. Кіевъ.
- Отчетъ Русскаго общества пароходства и торговли за 1859 г. С.Пб.
- Отвѣтъ на статьи противъ управленія дѣлами русскаго общества
пароходства и торговли. С.Пб.

4) *Статистика.*

- Статистическіе труды Н. О. Штуккенберга. Статьи XLII, XLIII
и XLIV. С.Пб.
- С.-Петербургъ въ статистическомъ отношеніи. *Карновича*. С.Пб.
- Цѣны мяса на Амурѣ. С.Пб.
- Торговля козымъ пухомъ въ Россіи. С.Пб.
- Русскій каменный уголь въ Тихомъ океанѣ. С.Пб.
- О ходѣ табачной промышленности въ Россіи. С.Пб.
- О свеклосахарной промышленности и о развитіи ея въ Рос-
сіи. *Е. Грумъ-Гржимайло*. С.Пб.
- Памятная книжка Виленской губерніи на 1860 г. Вильно.
- Памятная книжка Псковской губерніи. Псковъ.
- Памятная книжка Олонецкой губерніи. Петрозаводскъ.
- Памятная книжка Симбирской губерніи. Симбирскъ.
- Памятная книжка Орловской губерніи. Орель.
- Памятная книжка Вятской губерніи. Ватка.
- Памятная книжка для Тобольской губерніи. Тобольскъ.
- Памятная книжка Смоленской губерніи. Смоленскъ.
- Путеводитель по Ярославской губерніи. М.
- Ростовскій уѣздъ. Соч. *Храилова*. М.
- Движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ. С.Пб.
- Опытъ изложенія значенія Николаевской желѣзной дороги. *Не-
больсина*. С.Пб.

Сибирскій телеграфъ. С.Пб.

Отчетъ Комитета общины сестеръ милосердія за 1859 г. С.Пб.

Отчетъ общества сестеръ милосердія Литейной части за 1859 г. С.Пб.

Отчетъ правленія одесскаго женскаго благотворительнаго общества за 1859 г. Одесса.

Отчетъ Комитета о бѣдныхъ евангелическаго исповѣданія. С.Пб.

XXI rapport de la Société suisse de bienfaisance à Moscou. М.

Assemblée annuelle de la Société française de bienfaisance à Odessa. Одесса.

Association française de bienfaisance. Rapport des opérations pendant l'année 1859. М.

Отчетъ Петропавловской лютеранской церкви за 1859 г. М.

Отчетъ Евангелическо-лютеранск. церкви св. Михаила за 1859 г. М.

Медицинскій отчетъ о московскихъ больницахъ гражданскаго вѣдомства за 1858 г. М.

Отчетъ опесской лечебницы для приходящихъ и комитета о кормилицахъ за 1859 г. Одесса.

Renseignements sur l'hôpital évangélique de St.-Pétersbourg. С.Пб.

5) *Коммерція.*

Торговое право. Лекціи *М. М. Михайлова*. С.Пб.

Публичный курсъ товаровѣдѣнія. *Китарры*. Л. Вып. 1—4. М.

О восхваленіи свободной торговли. По поводу статьи г. Калиновскаго: «Англійская коммерческая политика». С.Пб.

Русскій торговый флотъ, въ особенности Балтійскій, его развитіе и будущность. С.Пб.

Нѣкоторыя соображенія относительно устройства въ С. Петербургѣ торговаго порта. С.Пб.

Нынѣшнее положеніе виѣшней торговли Россіи льномъ. С.Пб.

Чайная торговля и чай. М.

О торговлѣ Русскихъ въ Чугучакѣ. М.

Usancen der Börse und Convention der über See handelnden Kaufmannschaft in Riga. Рига.

6) *Бухгалтерія и счетоводство.*

Таблица для исчисленія процентовъ на капиталы отъ 1 руб. до 50000 руб. и болѣе. С.Пб.

XXI. НАУКИ ТЕХНИЧЕСКІЯ.

1) *Технологія.*

- Книга техническихъ и промышленныхъ производствъ. Перев. и изд. подъ редакціей *Рыжова*. С.Пб.
О способѣ добыванія селитры. С.Пб.
Выработка крахмала. *Михайлова*. М.
Обозрѣніе торфянаго производства въ новѣйшее время. М.
Руководство къ приготовленію массы для дѣланія кирпича. М.
Обзоръ литературы писчебумажнаго провзводства. *Рейхеля*. Изд. 2. С. Пб.
Взглядъ на кожевенное дѣло въ Россіи и преимущественно въ Рязани. М.
Способъ оцѣнки газоваго освѣщенія и измѣренія на практикѣ силы свѣта. М.
Улучшенное печеніе хлѣбовъ. М.
Versuche über die Anwendung der Grundsätze der Chemie und anderer Natur-Wissenschaften in verschiedenen Zweigen der Industrie. Von *A. K. Porow*. Рига.

2) *Сельское хозяйство.*

- Общепонятное руководство къ практическому сельскому хозяйству. *Преображенскаго*. Часть 2. М.
Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Соч. Вольфа. Пер. съ нѣм. *Похвиснева*. М.
О травосѣяніи, съ присовокупленіемъ собранія народныхъ примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ хлѣба. С. Пб.
Лекціи о дренажѣ. Инженера *Фалевича*. С. Пб.
Практическое руководство къ дренажу *Леклерка*. Переводъ *Иолле*. С. Пб.
Практическое наставленіе къ построенію шведской молотильни. Сост. *Е. Циргъ*. Изд. 2. С. Пб.
Молотильно-вѣятельный снарядъ. М.
Общепонятное руководство къ устройству мукомольнымъ мельницъ. *Писарева*. С. Пб.
Руководство къ разведенію сахарной свекловичицы *Циммерманна*. Пер. *Зильберштейна*. Кіевъ.
О земледѣліи въ Кирсановскомъ уѣздѣ. М.

- Сборникъ руководствъ къ воздѣлыванію табаку. *Н. Палимпсестова*. Одесса.
- Руководство къ разведенію табаку. *Жукова*. М.
- Объ успѣхахъ земледѣльческой химіи до конца XVIII стол. С.Пб.
- Рогатый скотъ. М.
- Очерки крестьянскаго коневодства въ сѣверо-восточной части Моршанскаго уѣзда. *Тростянскаго*. С.Пб.
- Наставленіе къ разведенію козъ простыхъ, кашемирскихъ, тибетскихъ и ангорскихъ. (Изд. 2-е). *В. Циммермина*. С.Пб.
- Руководство къ теоретическому и практическому пчеловодству. *Краузе*. М.
- Ислѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи. Т. 1. С.Пб.
- Лѣсоводство. Наставленіе къ хозяйственному уходу за лѣсами. *Арнольда*. С.Пб.
- Общепонятное руководство къ разведенію хлѣба. *А. Ѳ. Изотова*. С.Пб.
- Порфелъ садовый для садовниковъ, цвѣтоводовъ и огородниковъ. Изд. 2. М.
- Руководство къ разведенію, воспитанію и содержанію какъ луковичныхъ, такъ древесныхъ и травянистыхъ растений въ комнатахъ. М.
- Комнатное цвѣтоводство. С. Пб.
- Списокъ растений тепличныхъ и оранжерейныхъ, въ с. Жинкинѣ. М.
- Каталогъ растений Никольскаго сада Князя Трубецкаго. М.
- Указатель растений для публичной выставки Россійскаго Общества Садоводства въ С. Петербургѣ. С. Пб.
- Программа 3-й публичной выставки учрежденной Россійскимъ обществомъ садоводства въ С. Петербургѣ. С. Пб.
- Конкурсныя задачи, объявленныя Россійскимъ обществомъ садоводства въ С. Пб.
- Рѣчь *Ѳ. И. Базилера* въ 1 собраніи Кіевскихъ любителей садоводства. С. Пб.
- 40 лѣтъ постоянной охоты. М.
- Записки московскаго охотника о комнатныхъ пѣвчихъ птицахъ. М.
- Простой, дешевый и вѣрный способъ ловить волковъ и лисицъ. Сост. *Ѳед. Э.* С. Пб.
- Памятная книжка для сельскихъ хозяевъ на 1860 годъ. С. Пб.
- Придуманки въ пользу русскаго хозяйства по части математики и технологіи съ 1830 по 1850 годъ. *Гр. Мясоѣдова*. С. Пб.

- Сельско-хозяйственное статистическое описание Ростовскаго Угличскаго и Романоборисоглѣбскаго уѣздовъ Ярославской губерніи. С. Пб.
- Отчетъ о дѣйствіяхъ вольнаго экономическаго общества за 1859 годъ. С. Пб.
- Общій списокъ членовъ вольнаго-экономическаго общества. С. Пб.
- Пересмотръ устава Московскаго общества сельскаго-хозяйства. М.
- Записки Лебедянскаго общества сельскаго-хозяйства за 1859 годъ. М.
- Краткое обзорѣніе дѣйствій общества сельскаго-хозяйства юго-восточной Россіи. М.
- Excursion agronomique en Russie. Par. A. Jourdier. С. Пб.

3) Гражданская архитектура.

- Строительное искусство. Ручная книга для инженеровъ. Сост. П. Усовъ. Часть I. С. Пб.
- Общепользныя правила къ построенію частныхъ зданій Федосьева. Часть 1. С. Пб.
- Замѣтка о производствѣ нѣкоторыхъ строительныхъ работъ въ иностранныхъ государствахъ. *де-Струве*. С. Пб.
- Руководство къ составленію смѣтъ. П. Салмановича. Часть I, вып. 1. С. Пб.
- Новоизобрѣтенный цементъ. С. Пб.
- Московскіе водопроводы въ 1859 году. Барона Дельвига. М.
- Ponte mitalliques à poutres droites continües. Par. M. M. Collignon. С. Пб.

XXII. НАУКИ МЕДИЦИНСКІЯ.

1) Энциклопедія и исторія медицины.

- Протоколы засѣданій общества Русскихъ врачей въ С. Петербургѣ. С. Пб.
- О девизахъ въ медицинѣ и медицинскихъ туттифруттвахъ Росновскаго. С. Пб.
- Памятникъ доктору медицины и хирургіи Баронету Виллье. Я. Чистовича. (96 стр.) С. Пб.

2) *Анатомія.*

- Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла Гиртля. Пер. *П. Баллода и Фамницына*. Вып. 1. С. Пб.
Первая лекція по Анатоміи, *М. Вилькомирскаго*. М.
Послѣдняя лекція по анатоміи. М.
Обозрѣніе мышечной ткани и мускуловъ вообще. *Вилькомирскаго*. М.

3) *Физиологія.*

- Начальныя основанія Физиологіи Руссдорфа и зоологіи Мазіуса. Пер. *Страхова*. С. Пб.
Физиологія человѣка. Дондерса. Пер. *В. Бакстъ*. Часть I вып. 1. Питаніе. С. Пб.
Краткая животно-физиологическая химія. Лемана. Пер. *А. Бьллева* подъ редакціей *Ходнева*. С. Пб.
Что такое желудокъ и какое вліяніе имѣетъ онъ на жизнь человѣка? М.
Руководство къ качественному и количественному анализу мочи. Нейбауэра и Фогеля. Пер. *И. Сорокина*. С. Пб.
О вырожденіи человѣческаго рода. М.
О слюнѣ. Диссертація *Д. Киселева*. Харьковъ.

4) *Патологія терапія и клиника.*

- Гемморой и сходныя съ нимъ болѣзни Рихтера. М.
Ревматизмъ и ломота. *Альбрехта*. М.
О дизентеріи какъ исходѣ Кавказской перемежающейся лихорадки. *С. Сценуры*. Хар.
О глухотѣ и другихъ болѣзняхъ уха. М.
Діагностика болѣзней брюшныхъ органовъ. Зиберта. Пер. *Норткина*. С. Пб.
Опытное ученіе о золотушныхъ и бугорчатыхъ болѣзняхъ. Лебера. Пер. *Малиса*. С. Пб.
Руководство къ изученію нервныхъ болѣзней. Ромберга. Томъ I, часть 1. Пер. съ 3 изд. Кіевъ.
О воспаленіи прозрачной роговой оболочки. *К. Шальтина*. С. Пб.
О значеніи мочевины и поваренной соли въ тифозномъ процессѣ. *И. Чешихина*. Кіевъ.

Мужское безсиліе. Рихтера. М.

Старость, разсматриваемая какъ болѣзнь, и средства противу-
дѣйствовать ей. Соч. Тюрка. М.

Карманный календарь здравія. Распайля. М.

Источникъ здравія. *Петрова*. М.

Медицинскій трапевтической лексиконъ. Зигерта. Пяр. *Розен-
блюма*. М.

Практическій лечебникъ. Сост. *Ө. И. Головинымъ*. М.

О спирометрѣ а его значеніи въ діагностикѣ. *А Добрынина*. Ка-
зань.

Бесъма полезныя, многими опытами оправданныя средства про-
тивъ зубной боли. Изд. 2 С. Пб.

Краткое леченіе сифилитической болѣзни посредствомъ оспопрививанія. *Ельницкаго*. М.

Сифилитическая болѣзнь. Симона. Пер. *Вариоуса и Натансона*.
С. Пб.

Новое леченіе венерической болѣзни посредствомъ оспопривива-
нія. Соч. *Шанкина*. М.

Торжество надъ венерическою болѣзью. *Крозиля*. М.

Крупъ и его леченіе. *И. Фейнберга*. С. Пб.

О хроническомъ воспаленіи паренхимы. *И Ильинскаю*. С. Пб.

Руководство къ медицинской клиникѣ. Канштатте. Пер. *Ремм*.
Томъ I, отд. 1. М.

Домашній лечебникъ Киліана. Пер. *Бутковскаго*. М.

Сборникъ свѣдѣній по гомеопатіи. Кв. 3. М.

Домашній гомеопатической лечебникъ. Миллера. Пер. *В. Директи-
ра*. Изд. 2 С. Пб.

Руководство къ магнетотерапіи. *Шонари*. С. Пб.

Отчетъ о солигалическихъ минеральныхъ водахъ за 1850 годъ.
Зеленскаю. С. Пб.

Руководство для ѣдущихъ въ Пятигорскъ. М.

Врачебная гимнастика. Берглинда. С. Пб.

Домашняя врачебная гимнастика. Шребера. Пер. съ нѣм. Изд. 2.
С. Пб.

Матеріалы для будущей физиологіи алькогольдго опьянѣвія
Диссертація *Стъенова*. С. Пб.

5. Хирургія.

Примѣненіе неподвижной повязки къ леченію ранъ послѣ опе-

рацій вообще и особенно послѣ ампутацій бедра. *П. Дьяконова*. С: Пб.

Mittheilungen aus der chirurgischen Abtheilung der Universitätsklinik zu Dorpat betreffend das Jahr 1850. Von *Oettingen*. Рига.

6) *Фармакологія, фармаконозія и фармація.*

Руководство къ изученію фармакологіи, составленное по новѣйшимъ сочиненіямъ Эстермана, Бухгейма, Труссо, Перейра и Пиду и приспособленное къ академическому и практическому употребленію, съ присовокупленіемъ трактата о минеральныхъ водахъ. *А. Ильинскаго*. Томъ 1, вып. 1. С. Пб.

Курсъ медико-фармацевтической ботаники. *М. І. Шлейдена*. Ч. 1. Общая ботаника. По нѣмецкому подлиннику составилъ *А. Бекетова*. Харьковъ.

7) *Гигіена и діететика.*

Гигіеническіе этюды о здоровьи, красотѣ и счастья женщинъ. *М.*

Bemerkungen über den Nutzen und Schaden des Corsets und der sogenannten aesthetischen Gymnastik. *С. Пб.*

Практическія врачебныя наставленія вступившимъ въ бракъ. *Форнау*. Изд. 4. *М.*

Возрожденіе организма, разслабленнаго лѣбострастіемъ. *Ришара*. *М.*

Что мнѣ пить? *Коха*. *М.*

Правила, сколько пища долженъ употреблять въ сутки человекъ и сколько долженъ имѣть естественныхъ испражнений, чтобы быть постоянно здоровымъ и долголѣтнимъ. *М.*

Какимъ образомъ всякій можетъ сдѣлаться необыкновеннымъ силачемъ. *Д. Шанина*. *М.*

8) *Судебная медицина.*

Оцѣнка признаковъ смерти отъ утовленія въ судебно-медицинскомъ отношеніи. *И. Разказова*. Каз.

XXIII. ВЕТЕРИНАРНАЯ МЕДИЦИНА.

Ветеринарный врачъ и сельскій хозяинъ. *Распаля*. Пер. съ Франц. *С. Пб.*

Historisch-kritische Darstellung der verschiedenen Castrationsmethoden bei Hühnern. Von *Ahtrick*. Дерптъ.

Warum hat auch die Gründung selbstständiger Veterinar-Schulen in Russland bisher noch keinen wesentlichen Einfluss auf die Seuchentilgung ausgeübt? Von *T. Unterberger*. Дерптъ.

XXIV. ВОЕННЫЯ НАУКИ.

Тактика. Курсъ 2 спеціального класса. Сост. *Карцовъ*. Изд. 2. С. Пб.

О передовыхъ постахъ. С. Пб.

Объ обязанностяхъ нижнихъ военныхъ чиновъ. С. Пб.

Объ исправительныхъ наказаніяхъ нижнихъ военныхъ чиновъ. Сост. *Исьевъ*. С. Пб.

Правила фехтованія на штыкахъ. М.

О службѣ въ гарнизонѣ. С. Пб.

О нарѣзныхъ 4-фунтовыхъ пушкахъ. *Н. Маіевскаго*. С. Пб.

О ружейныхъ стволахъ въ матеріальномъ отношеніи. Кн. *Вяземскаго*. М.

Нѣмецко-Русскій техническій словарь для артиллерійскихъ офицеровъ. Сост. *Т. Яковлевъ*. С. Пб.

Записки о продовольствіи войскъ въ военное время. *Затлера*. С. Пб.

Походъ 1796 года Бонапарте въ Италиі. *М. Богдановича*. Изд. 2. С. Пб.

Битва и занятіе позиціи при Шумгѣ 8 іюля 1825 года. С. Пб.

Записки о войнѣ въ Трансильваніи въ 1849 году. Сост. *Дараниномъ*. З. Пб.

Историческое описаніе Николаевской Чесменской богадѣльни. *В. Шклярскаго*. С. Еб.

XXV. НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ.

Опытъ книги для грамотнаго прастонародья. Сост. *А. С. Зеленой*. С. Пб.

Народныя бесѣды. Изд. *Григоровича*. С. Пб.

Бесѣды *Золотова*: 1) О затмѣніяхъ. С. Пб. 2) О кометахъ. С. Пб. 3) О лунѣ. С. Пб.

Химическая технологія для крестьянъ или обзоръ обработки сельскихъ произведеній съ краткими свѣдѣніями изъ физики и химіи. Кіевъ.

XXVI. БИБЛИОГРАФІЯ.

- Библиотека и историческая дѣятельность Московской Синодальной типографіи. М.
- Путеводитель по Императорской публичной библиотекѣ. С.Пб.
- Для нѣкоторыхъ посѣтителей Императорской публичной библиотеки. С. Пб.
- Синайская библія въ Императорской публичной библиотекѣ. С. Пб.
- Каталогъ библиотеки Черенина. М.
- Каталогъ и условія Московской летучей библиотеки. М.
- Каталогъ библиотеки В. Великанова. Указатель статей для легкаго чтенія въ «Отечественныхъ запискахъ» 1850 — 1858 годовъ. Одесса.
- Каталогъ библиотеки В. Великанова. Краткій указатель книгъ для легкаго чтенія. Одесса.
- Verzeichniss der Leih-Bibliothek von E. S. Karow. 3te Abtheilung. Französische Bücher. Дерптъ.
- Vierzehnte Fortsetzung von dem Verzeichniss der Bücher, welche in der Leih-Bibliothek von Gosch enthalten sind. Рига.

XXVII. ДОПОЛНЕНИЕ.

1) *Книги справочныя.*

- Списокъ городамъ и другимъ мѣстамъ имперіи, въ коихъ существуютъ почтовые конторы и отдѣленія, съ показаніемъ въ какіе именно дни отправляются туда изъ С. Петербурга почты. С. Пб.
- Маршрутная книжка. Изд. почт. департ. С. Пб.
- Свѣдѣнія для отъѣзжающихъ за границу и карта желѣзныхъ дорогъ Европы. Н. Майскаго. С. Пб.
- Новый путеводитель для Русскихъ, отправлявшихся за границу. Ф. Фодорова. С. Пб.
- Книга адрессовъ жителей Москвы. М.
- Адресъ-календарь Оренбургскаго края. Оренбургъ.
- Адресъ-календарь Новгородской губерніи на 1860 г. Новгородъ.
- Mitauscher Taschen-Kalender für 1860. Митава.

2) *Біографіи частныхъ лицъ.*

- Памяти княгини Елены Константиновны Мурузи. С. Пб.

Dr. Karl Gottlob Sonntag und die Rigaschen Stadtblätter während seiner Redaction. Von N. Assmns. Riga.

3) *Описанія событій частной и общественной жизни.*

Литературный вечеръ 10 января 1860 года въ С. Петербургѣ.
С. Пб.

Открытие С. Петербургскаго рѣчнаго Яхтъ-Клуба. 21 мая 1860
г. С. Пб.

Мнимый капитанъ Сипко. С. Пб.

Страшный арестантъ (Яковъ Яковлевъ). Происшеетвіе. С. Пб.

Исторія извѣстнаго плута Ваньки Кавна. С. Пб.

4) *Книги потышнаго содержанія и подобныя.*

Новый полный оракулъ и чародѣй. М.

Сто два сна и объясненіе значенія каждаго изъ нихъ. М.

Полныя гадательныя карты Ленорманъ. М.

Гадательныя карта профессора Сведенборга. М.

Толкованіе сновидѣній. М.

Костословіе или говорящія кости. Новая чародѣйская игра.
С. Пб.

Ералашъ и суматоха. Безконечная масляница. С. Пб.

Петербургскія новости. Петербургскій цирюльникъ. С. Пб.

Полное собраніе святочныхъ увеселеній. М.

Раекъ Москвича. *Полякова.* М.

Зеркало для масляницъ. *А. Узанова.* С. Пб.

Улика пылкихъ женщинъ и горячихъ мужчинъ. Изд. 2. М.

Рецепты къ распознаванію женщинъ. М.

ОТДѢЛЪ II.

СПИСОКЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ.

(Цифры въ скобкахъ означаютъ годовое число номеровъ каждого изданія. Прочія цифры означаютъ №№ изданій, вышедшіе въ теченіе 1-й половины 1860 года).

1. *Духовно-литературныя.*

- Христіанское чтеніе (12). 1—6. С. Пб.
Творенія св. отцевъ въ Русскомъ переводѣ. (4). М.
Труды Кіевской духовной академіи (4).
Воскресное чтеніе (52). Кіевъ.
Духовная Бесѣда (52). 1—25. С. Пб.
Странникъ (12). 1—6. С. Пб.
Православное обозрѣніе (12). 1—6. М.
Православный Собесѣдникъ (12). 1—6. Казань.
Училище благочестія (4). Рига.
Душеполезное чтеніе (12). М.
Руководство для сельскихъ пастырей (52). Кіевъ.

2. *Историческія.*

- Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ (4). 1 и 2. М.
Извѣстія Императорскаго археологическаго общества. Томъ 2, выпускъ 2, 8 и 4. С. Пб.
Извѣстія восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго общества. Часть I. Вып. 2. С. Пб.
Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи. Изд. *Калачова.* (6). С. Пб.

3. *Политическія и литературныя.*

- Русскій Вѣстникъ (24). 1—11. М.
Отечественныя Записки (12). 1—6. С. Пб.
Современникъ (12). 1—6. С. Пб.
Библіотека для чтенія (12). 1—6. С. Пб.
Русскій міръ (104). 1—48. С. Пб.
Сынъ Отечества (52). 1—26. С. Пб.
Наше время (52). 1—25. М.
Московскій Вѣстникъ (52). 1—26. М.
Русское Слово (12). 1—6. С. Пб.

4. *Учено-литературныя.*

- Свѣточъ (12). 1—3. С. Пб.
Семейный кругъ (52). 1—26. С. Пб.
Русская бесѣда. Безсрочно. № 1.
Revue Etrangère №№ 1—17. С. Пб.

5. *Литературныя.*

- Лѣтописи Русской литературы и древности. (6). 1—2. М.
Журналъ избраннаго чтенія №№ 1—3. С. Пб.
Собраніе иностранныхъ романовъ (12). 1—6. С. Пб.
Magazin herausgegeben von der Lettisch Literarischen Gesellschaft.
Zwölften Bandes, 3tes Stück. Митава.
Драматическій сборникъ (12) 1—3. С. Пб.

6. *Сатирическія.*

- Искра (52). 1—24. С. Пб.
Развлеченіе (52). 1—26. М.

7. *Библіографическія.*

- Книжный Вѣстникъ (24). 1—9. С. Пб.

8. *Художественныя, иллюстрированныя, музыкальныя и модныя.*

- Русскій художественный листокъ (36). 1—18. С. Пб.
Иллюстрація (52). 101—124. С. Пб.

Театральный и музыкальный вѣстникъ (52). 1—25. С. Пб.
Музыкальный свѣтъ (12). 1—6. С. Пб.
Нувелистъ (12). 1—6. С. Пб.
Ваза (24). 1—13. С. Пб.
Сѣверный цвѣтокъ (52). 1—26. С. Пб.
Ласточка (12). 1—3. С. Пб.
Гирлянда (12). 1—3. С. Пб.
Меркурій модъ (24). 1—8. С. Пб.
Букетъ (12). 1—4. С. Пб.
Монитеръ (24). 1—10.

9. *Педагогическія.*

Воспитаніе (12). 1—6. С. Пб.
Русскій педагогическій вѣстникъ (12). 1—5. С. Пб.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (12)
1—5.

10. *Дѣтскія и для юношества.*

Дѣтскій журналъ (12). 1, 2 и 3. М.
Журналъ для дѣтей (52). 1—26. С. Пб.
Калейдоскопъ (52). 1—26. С. Пб.
Подснѣжникъ (12). 1—4. С. Пб.
Собесѣдникъ (12). 1—4. С. Пб.
Лучи (12). 1—6. С. Пб.
Звѣздочка (12). 1—5. С. Пб.
Часъ досуга (12). 1—6. С. Пб.
Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній
№ № 564—576. С. Пб.
Разсвѣтъ. Журналъ для дѣвиць (12). 1—5. С. Пб.

11) *По земледѣлію и этнографіи.*

Вѣстникъ Императорскаго географическаго общества
(12) 1—4. С. Пб.

12) *По естественнымъ наукамъ.*

Вѣстникъ естественныхъ наукъ (52) 1—24. М.

- Библиотека естественныхъ и математическихъ наукъ (6).
1—3. М.
Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Mos-
cou. № 1. М.
Nouveaux mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de
Moscou. Томы 12 и 13. М.
Химическій журналъ (12). 1—5. С. Пб.

13) *Юридическія.*

- Журналъ министерства юстиціи (12) 1—6. С. Пб.
Юридическій вѣстникъ. Приложение къ архиву историческихъ
свѣдѣній о Россіи. Выпускъ 1. С. Пб.
Юридическія записки. Изд. Рѣдкина и Яневича - Яневскаго
Томъ 4-й. М.

14) *Правительственныя.*

- Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ (12) 1—4. С. Пб.
Журналъ министерства государственныхъ имуществъ (12) 1—5.
С. Пб.
Журналъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ.
зданій (6) 1—3. С. Пб.
Горный журналъ (12) 1—4. С. Пб.
Журналъ мануфактуръ и торговли (12) 1—5. С. Пб.
Начальственныя распоряженія по Казанскому учебному
округу. Казань.

15) *Экономическія.*

- Указатель политико-экономическій (52). 157—182. С. Пб.
Экономистъ (4) 1 и 2. С. Пб.
Экономическія записки (52) 1—26. С. Пб.
Акціонеръ (52) 1 — 26. Прибавленіе къ Вѣстнику промышлен-
ности. М.
Журналъ для акціонеровъ (52) 157—181. С. Пб.
Современность и экономическій листокъ. № № 1 и 2. М.
Листокъ для всѣхъ (52) 1—28. С. Пб.
Вѣстникъ промышленности (12) 1—9. М.
Производитель и промышленникъ (52) 1—24. М.

16) *Архитектурныя.*

Строитель, механикъ и технологъ (12) 1—5. С. Пб.
Архитектурный вѣстникъ № 1. С. Пб.

17) *Сельско-хозяйственныя.*

Труды вольнаго экономического общества (12) 1—5. С. Пб.
Сельское хозяйство. Изд. при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства (12) 1—6. М.
Акклиматизація (12). 1—6. М.
Земледѣльческая газета (52) 1—26. С. Пб.
Записки Лебедянского общества сельскаго хозяйства за 1859 годъ. С. Пб.
Записки Кавказскаго общества сельскаго хозяйства № № 1 и 2. Тифлисъ.
Садовникъ и огородникъ (52) 1—26. М.
Вѣстникъ Россійскаго общества садоводства въ С. Петербургѣ. (12) 1—5. М.
Извѣстія Россійскаго общества садоводства въ С. Петербургѣ. Тетр. 2. С. Пб.
Журналъ охоты (12). 1—5. М.
Журналъ конозаводства и охоты (12). 1—6. С. Еб.
Записки Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи за первую треть 1860 г. Прибавленія къ нимъ № № 1—5. Одесса.

18) *Медицинскія.*

Библіотека медицинскихъ наукъ (12) 1—5. С. Пб.
Московская медицинская газета (52) 1—26. М.
Medicinische Zeitung (52) 1—26. С. Пб.
Другъ здравія № № 1—19. С. Пб.
Beiträge zur Heilkunde. Herausgegeben von der Gesellschaft practischer Aerzte zu Riga, 4. Band. 3. Lieferung. Riga.

19) *Ветеринарныя.*

Записки ветеринарной медицины. Кн. 1 и 2. С. Пб.

20) *Военныя.*

Военный сборникъ (12) 1—6. С. Пб.

Инженерный журналъ (6) 1—2. С. Пб.

Артиллерійскій журналъ)12) 1—6. С. Пб.

Морской сборникъ (12) 1—7. (Въ апрѣлѣ вышли 2 книжки). С. Пб.

Чтеніе для солдатъ (6) 1—3. С. Пб.

Солдатская бесѣда. №№ 1—2. С. Пб.

22) *Для народнаго чтенія.*

Народное чтеніе (6) 1—3. С. Пб.

Домашняя бесѣда. Для народнаго чтенія. С. Пб.

Сельскій листокъ (24) 1—12 С. Пб.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію
Русскаго языка и Словесности. Т. VIII. Вып. 4 и 5.

Въ Журналѣ Министерства напечатанъ «Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія», съ тою цѣлю, чтобы вызвать со стороны опытныхъ педагоговъ критическія замѣтки на этотъ «Проектъ» въ его цѣлости или на его отдѣльныя статьи. Замѣтки эти, вполнѣ или въ сокращеніи, будутъ также помѣщаемы въ Журналѣ.

Официальная часть его, состоящая изъ правительственныхъ распоряженій, будетъ выходить отдѣльными листами. Неофициальная-же часть будетъ появляться книгами отъ двѣнадцати до пятнадцати печатныхъ листовъ, 20-го числа каждаго мѣсяца, начиная съ іюля текущаго года.

При Журналѣ Министерства редакція предполагаетъ издавать особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. Всѣ подобнаго рода приложенія будутъ высылаемы бесплатно лицамъ, подписавшимся на Журналѣ.

Подписная цѣна: за шесть книгъ безъ официальной части, начиная съ іюля мѣсяца — 4 руб. сер. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою; съ официальной частью 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала Министерства и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статьи были напечатаны безъ измѣненій или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакція сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція Журнала высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя — отъ *тридцати* до *пятидесяти*, за статьи составныя — отъ *двадцати* до *сорока* и за переводы — отъ *пятнадцати* до *двадцати рублей* за печатный листъ. Кромѣ-того, по особому соглашенію съ авторами, редакція будетъ приобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія для напечатанія ихъ въ видѣ приложеній къ Журналу.

Редакторъ **К. УНИНСКІЙ.**

ОТДѢЛЪ IV. ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Извѣстія о воскресныхъ школахъ, женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, публичныхъ библіотекахъ и проч. Объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. 50 лѣтній юбилей Берлинскаго университета. Элементарная школа. Объ изданіи журналовъ: Морскаго сборника, Основы, Кавказа. Объ изданіяхъ поступившихъ въ продажу въ магазинъ Военно-топографическаго депо.

Примѣчаніе. При сей книжкѣ разсылается подписчикамъ особое прибавленіе: Уроки географіи. Приготовительный курсъ Д. Семелова. Выпускъ I. (Суша).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ДЕКАБРЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТЛѢТІЕ).

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ I. Педагогика и дидактика.

- 1) Очеркъ исторіи народныхъ училищъ въ Германіи (статья вторая) **В. РИХТОВСКАГО**.
- 2) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи (статья вторая) **К. УШИНСКАГО**.
- 3) Учительскія семинаріи въ Пруссіи. Состав. **В. ПИГАТОВИЧА**.

Отдѣлъ III. Критика и библіографія.

- 1) Руководство къ педагогикѣ Шерра, **В. ПИГАТОВИЧА** (окончаніе).
- 2) Очеркъ исторіи русской поэзіи, **А. Милюкова**, статья **ВОДОВЕЗОВА**.
- 3) Обзорѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за первую половину 1860 г. Правовѣденіе, исторія русская и всеобщая.

Отдѣлъ IV. Извѣстія и смѣсь (см. на оборотѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

PRINTED IN RUSSIA

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

съ юля 1860 года.

Въ составъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія входятъ:

1) Теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по различнымъ вопросамъ изъ области педагогики и дидактики.

2) Критическія описанія разнаго рода воспитательныхъ и учебныхъ учрежденій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи.

3) Біографіи и автобіографіи, въ которыхъ выражается вліяніе воспитанія на характеръ и жизнь человѣка.

4) Критическіе разборы педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ.

5) Критическіе разборы русскихъ и иностранныхъ ученыхъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки, если они по содержанию своему могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность.

6) Критическіе разборы чисто-литературныхъ произведеній въ такомъ только случаѣ, если разбирающій находитъ въ нихъ отраженіе умственного и нравственнаго развитія общества, или указываетъ на вліяніе, которое они могутъ имѣть на это развитіе.

7) Статьи физиологическія, если въ нихъ рѣшается, хотя ко нымъ образомъ, тотъ или другой вопросъ физическаго воспитанія.

8) Статьи психологическія.

9) Изъ области исторіи только такія статьи, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія въ томъ или другомъ народѣ, въ тотъ или другой періодъ времени.

10) Статьи философскія, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ опредѣленію и уясненію цѣли и задачи народнаго просвѣщенія.

11) Перечни и обзорнія статей, появляющихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, но за исключеніемъ статей чисто-беллетристическаго содержанія.

Всѣ вышеупомянутыя статьи составятъ въ Журналѣ четыре отдѣла, а именно:

I. Педагогика и дидактика.

II. Вспомогательныя науки.

III. Критика и библіографія.

IV. Извѣстія и смѣсь.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВЪ 1861 ГОДУ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1861 году будетъ издаваться по той-же программѣ, по которой издается онъ съ половины 1860 года. Программа эта, не смотря на свое почти исключительно педагогическое направленіе, такъ обширна и каждый изъ ея отдѣловъ представляетъ столько живыхъ вопросовъ, что редакція впродолженіи полугода, конечно, не только не успѣла исчерпать ни одного изъ этихъ отдѣловъ, но даже по многимъ изъ нихъ не успѣла дать ни одной статьи. Вотъ почему при объявленіи изданія на будущій годъ, редакція остается только повторить главныя основанія своей прежней программы и предувѣдомить о тѣхъ незначительныхъ измѣненіяхъ, которыя, по указанію опыта, предпринято сдѣлать на будущій годъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ попрежнему помѣщать:

- 1) Теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по различнымъ вопросамъ изъ области педагогики и дидактики.
- 2) Критическія описанія разнаго рода воспитательныхъ и учебныхъ учрежденій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи.
- 3) Биографіи и автобиографіи, въ которыхъ выражается вліяніе воспитанія на характеръ и жизнь человѣка.
- 4) Критическіе разборы педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ.

5) Критическіе разборы русскихъ и иностранныхъ ученыхъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки, если они, по содержанию своему, могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность.

6) Критическіе разборы чисто-литературныхъ произведеній будутъ помѣщаемы только тогда, когда разбирающій находитъ въ нихъ отраженіе умственного и нравственного развитія общества или указываетъ на вліяніе, которое они могутъ имѣть на это развитіе.

7) Статьи физиологическія будутъ помѣщаемы въ Журналѣ, если въ нихъ рѣшается, хотя косвеннымъ образомъ, тотъ или другой вопросъ физическаго воспитанія.

8) Статьи психологическія найдутъ себѣ всегда почетное мѣсто въ Журналѣ Министерства; потому-что психологія для воспитателя такъ-же необходима, какъ анатомія, физиологія и патологія для врача.

9) Изъ области исторіи будутъ помѣщаться только такія статьи, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія въ томъ или другомъ народѣ, въ тотъ или другой періодъ времени.

10) Журналъ дастъ у себя мѣсто и статьямъ философскимъ, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ опредѣленію и уясненію цѣли и задачи народнаго просвѣщенія.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ, не связывая себя непремѣннымъ ихъ наполненіемъ, Журналъ будетъ помѣщать статьи, по мѣрѣ ихъ поступленія въ редакцію, — будутъ-ли то статьи оригинальныя, переводныя или компилированныя изъ нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій. Дѣло не въ томъ, кто написалъ статью, а въ томъ, чтобы она принесла пользу. Знакомить-же читателей съ педагогическою литературою Запада мы считаемъ обязанностію Журнала Министерства.

По желанію г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, въ Журналѣ Министерства напечатанъ *«Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія»*, съ тою цѣлію, чтобы вызвать со стороны опытныхъ педагоговъ критическія замѣтки на этотъ *«Проектъ»* въ его цѣлости, или на его отдѣльныя статьи. Замѣтки эти, вполнѣ или въ сокращеніи, будутъ также помѣщаемы въ Журналѣ.

При Журналѣ Министерства редакція предполагаетъ издавать особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчатель-

ныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. Всѣ подобнаго рода приложенія будутъ высылаемы бесплатно лицамъ, подписавшимся на Журналъ.

Убѣдившись на опытѣ въ неудобствѣ изданія библиографическаго указателя въ томъ видѣ, въ которомъ онъ издавался прежде при Журналѣ Министерства, редакція Журнала рѣшается придать и этому отдѣлу другую форму. Въ видѣ обычныхъ приложеній къ Журналу будутъ издаваться: 1) По возможности полный библиографическій указатель книгъ, вышедшихъ за полугодіе въ Россіи и 2) Такой-же библиографическій указатель наиболѣе замѣчательныхъ статей, появившихся въ русскихъ журналахъ. Въ обоихъ этихъ указателяхъ заглавія книгъ и журнальныхъ статей будутъ размѣщаемы по возможности систематически по общепринятымъ отдѣламъ наукъ и изящныхъ произведеній словесности. Такая система, а равно и отдѣльное изданіе этихъ приложеній, доставитъ подписавшимся на Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія удобство составлять понемногу систематическій каталогъ выходящихъ въ Россіи книгъ и появляющихся въ журналахъ статей.

Редакція Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія надѣется, что въ продолженіи полугодоваго изданія Журнала въ его новомъ направленіи, не измѣнила ни въ чемъ избранной ею программѣ и выполнила ее на сколько можно было выполнить въ шести нумерахъ Журнала. Въ 1861 году редакція надѣется улучшить свой критическій отдѣлъ (который она не успѣла еще привести въ надлежащій порядокъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ посвятить особенное вниманіе на разработку вопросовъ по устройству народныхъ школъ и школъ грамотности, и по вопросу объ учительскихъ семинаріяхъ. Въ настоящее время приготовляются въ Журналѣ слѣдующія статьи: «О воспитаніи чувства, Ф. Толля»; «Письма о воспитаніи, К. Ушинскаго»; «Учительскія семинаріи, его же»; нѣсколько статей С. Беллюстина; «Биографія Англійскаго педагога Арнольда»; «Исторія Англійскихъ университетовъ по Губеру»; «Взглядъ Гегеля на воспитаніе»; «Устройство Прусскихъ учебныхъ заведеній» и проч.

Вновь подписавшіеся на Журналъ въ 1861 г. получаютъ оттиски статей, которыхъ печатаніе началось, но не окончено въ 1860 г. Окончанія этихъ статей будутъ разосланы и тѣмъ подписчикамъ, которые въ будущемъ году не пожелаютъ подписаться на Журналъ.

Официальная часть Журнала, состоящая изъ правительственныхъ распоряженій, будетъ выходить отдѣльными листами. Неофициальная же часть будетъ появляться книжками отъ 12 до 15 листовъ, 20-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна за 12 книжекъ Журнала, вмѣстѣ съ приложеніями, безъ официальной части, 6 р. 50 к. безъ пересылки, и 8 р. съ пересылкою; съ официальной частью 12 р. безъ пересылки и 13 р. 50 к. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала, въ газетной экспедиціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Преподаватели и воспитатели всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеній могутъ подписываться на «Журналъ» чрезъ свои начальства, внося подписную плату по частямъ, именно впередъ за каждые три мѣсяца.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статьи эти были напечатаны безъ измѣненій, или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакция сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакция Журнала высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя — отъ *тридцати* до *пятидесяти*, за статьи составныя — отъ *двадцати* до *сорока* и за переводы — отъ *пятнадцати* до *двадцати рублей* за печатный листъ. Кромѣ-того, по особому соглашенію съ авторами, редакция будетъ приобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія, для напечатанія ихъ въ видѣ приложеній къ Журналу.

Редакторъ **И. УНИКОВСКИЙ.**

I.

ПЕДАГОГІКА И ДИДАКТИКА.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

IV.

Начало народныхъ школъ въ католической Германіи. Фельбигеръ и Шульштейнъ.

Катихизаціи и народныя школы, возникшія въ XVI столѣтіи изъ духа протестантизма, не остались безъ вліянія и на католическую Германію. Римско-католическая іерархія не могла не видѣть того, въ какой мѣрѣ катихизаціи и народныя школы содѣйствовали утвержденію протестантизма въ народныхъ массахъ. Въ особенности іезуиты, посвятившіе свою дѣятельность борьбѣ съ протестантизмомъ и возстановленію могущества католической церкви, не могли пренебрегать столь сильнымъ средствомъ, какимъ явилась школа въ XVI вѣкѣ. Предоставивъ свѣтской власти искоренять ересь силою оружія, орденъ іезуитовъ рѣшился вести противъ нея войну силою убѣжденія и науки. Главнымъ и самымъ надежнымъ оружіемъ въ этой войнѣ очевидно могло служить воспитаніе юношества. Во всѣхъ странахъ, куда проникли іезуиты, они старались захватить въ свои руки образованіе юношества, и основали школы, которыя

во многихъ католическихъ земляхъ сдѣлались единственными учебными заведениями. Хотя іезуиты заботились главнымъ образомъ о воспитаніи высшихъ классовъ народа, во въ тѣхъ странахъ, гдѣ народонаселеніе было отчасти протестантское, гдѣ рядомъ съ іезуитскими училищами находились протестантскія народныя или нѣмецкія школы, тамъ и іезуиты открывали свои училища для простого народа, и производили народныя катихизаціи. Такимъ образомъ въ XVI столѣтіи, на ряду съ протестантскими школами и катихизаціями, во многихъ мѣстахъ находимъ школы и катихизаціи католическія, или лучше сказать іезуитскія. До-тѣхъ-поръ, пока продолжалась эта религіозная борьба, и протестанты и іезуиты ревностно старались другъ передъ другомъ привлечь къ себѣ, посредствомъ образованія, народныя массы. Но когда, послѣ окончанія тридцатилѣтней войны, въ тѣхъ германскихъ земляхъ, которыхъ владѣтели принадлежали къ католической церкви, протестантизмъ былъ подавленъ силою оружія, и католицизмъ окончательно восторжествовалъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ перестала существовать причина, побуждавшая іезуитовъ заботиться объ образованіи народа, и самыя народныя школы мало-по-малу пришли въ совершенный упадокъ. Можно сказать, что до половины XVIII столѣтія въ католической Германіи ни государство, ни церковь вовсе не заботились объ образованіи низшихъ классовъ народа. Изъ всѣхъ католическихъ странъ Германіи, прежде всего Силезія представляла почву, на которой оказалось возможнымъ сдѣлать существенныя улучшенія въ системѣ народнаго образованія, именно съ того времени, когда провинція эта (1745 г.) перешла подъ власть Пруссіи, и такимъ образомъ освободилась отъ преобладающаго вліянія іезуитовъ.

Честь возстановленія народныхъ школъ въ католической Германіи принадлежитъ силезскому прелату *Іоанну Игнатію фонъ Фельбигеру* (*). Онъ родился въ Бреславлѣ въ 1724 г. и

(*) О преобразованіи школъ въ католической Германіи, особенно въ Австріи, см. «Die Oesterreichische Volksschule. Geschichte, System, Statistik. v. I.

былъ сыномъ почтмейстера, возведеннаго императоромъ Карломъ VI въ дворянское достоинство. Посвятивъ себя духовному званію, Фельбигеръ, благодаря своимъ обширнымъ познаниямъ, вскорѣ обратилъ на себя вниманіе церкви и правительства, и въ 1758 г. избранъ былъ въ аббаты обширнаго и богатаго Саганскаго аббатства, въ нижней Силезіи. Получивъ утвержденіе въ этомъ санѣ отъ короля Фридриха II, онъ тотчасъ занялся устройствомъ своего аббатства, и прежде всего обратилъ вниманіе на школы, которыя и здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ странахъ католической Германіи, были въ совершенномъ упадкѣ. Хотя въ Саганѣ и въ нѣкоторыхъ принадлежавшихъ къ аббатству мѣстечкахъ, находились католическія школы, но онѣ были совершенно пусты, такъ какъ бѣдные люди вовсе не посылали своихъ дѣтей въ школу, а болѣе зажиточные предпочитали посылать своихъ дѣтей въ лютеранскую школу, находившуюся въ Саганѣ (*).

Въ это время большою славою пользовалась реальная школа въ Берлинѣ, особенно вслѣдствіе новыхъ методовъ обученія, изобрѣтенныхъ Геномъ. Фельбигеръ, задумавъ преобразовать школы въ своемъ аббатствѣ, отправился инкогнито въ Берлинъ, изучилъ организацію тамошней реальной школы, и въ особенности методы обученія введенные Геномъ, а также познакомился съ берлинскою учительскою семинаріею. Возвра-

A. Freyherrn von Helfert. Prag 1860. Нынѣ появившійся въ печати первый томъ этого сочиненія, содержитъ въ себѣ исторію реформы австрійскихъ школъ при Маріи Терезіи. Не смотря на односторонность автора, восхваляющаго австрійскую бюрократію, сочиненіе это важно по множеству любопытныхъ и впервые изданныхъ матеріаловъ.

(*) Духовенство впрочемъ заставляло крестьянъ посылать дѣтей въ школу и платить деньги за обученіе дѣтей. Отъ этого крестьяне особенно ненавидѣли школьныхъ учителей, и чтобы избавиться отъ этихъ докучливыхъ сосѣдей, иногда употребляли довольно оригинальное средство: если учитель былъ молодъ и здоровъ, то они старались обратить на него вниманіе королевскихъ вербовщиковъ; это средство часто удавалось, и учитель вдругъ безъ вѣсти пропадалъ. Вербовщики охотно похищали учителей, потому-что были весьма полезны грамотные рекруты.

тившись въ Саганъ, онъ рѣшился отправить въ эту семинарію нѣсколькихъ католическихъ учителей своего аббатства. Опасаясь навлечь на себя подозрѣніе въ еретическихъ стремленіяхъ, онъ приступилъ къ исполненію этого намѣренія съ величайшею осторожностью. Въ 1762 г. трое молодыхъ учителей изъ Сагана отправились тайно въ Берлинъ, въ учительскую семинарію, и содержались тамъ на счетъ Фельбигера; возвратившись, они заняли мѣста учителей въ саганскихъ школахъ; но никто не подозрѣвалъ, что они учились въ протестантскомъ учебномъ заведеніи въ Берлинѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Фельбигеръ издалъ уставъ, на основаніи котораго саганскія школы должны были получить новое устройство. Благодаря этимъ мѣрамъ, число учениковъ въ католическихъ школахъ Сагана начало возрастать; но чувствуемъ былъ недостатокъ въ хорошихъ учебныхъ руководствахъ. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, Фельбигеръ основалъ въ Саганѣ типографію, и началъ издавать буквари, катихизисы и другія учебныя книги.

Въ это время (1763) король Фридрихъ издалъ «Общій школьный регламентъ для всѣхъ общинъ королевства». Исполненіе регламента въ католическихъ общинахъ Силезіи было поручено бреславскому епископу-викарію фонъ Страхвицу и управлявшему Силезіею министру Шляберндорфу. Они обратили вниманіе на полезную дѣятельность саганскаго аббата, воспользовались изданнымъ имъ уставомъ и книгами для первоначальнаго обученія, и перепечатавъ ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями, разослали ко всѣмъ католическимъ священникамъ и учителямъ Глацкаго графства. Кромѣ-того Шляберндорфъ поручилъ Фельбигеру составить планъ улучшенія всѣхъ католическихъ первоначальныхъ школъ Силезіи. Съ дозволенія епископа, Фельбигеръ составилъ этотъ планъ, на основаніи котораго королевская камера въ Бреславлѣ издала 12 мая 1764 г. предписаніе, содержавшее въ себѣ слѣдующія важныя распоряженія: 1) о томъ, чтобы учреждены были въ Силезіи учительскія семинаріи; 2) чтобы на содержаніе ихъ, всѣ приходскіе священни-

ки жертвовали весь доходъ отъ прихода за первую треть послѣ полученія ими мѣста; 3) приходскіе священники должны сами изучать устройство школъ и учительскихъ семинарій; 4) пока такія семинаріи еще не учреждены, они должны посѣщать школу, основанную Фельбигеромъ въ Саганѣ, и знакомиться съ введеннымъ тамъ методомъ преподаванія; 5) предписано магистратамъ городовъ Ратибора, Оппельна, Оберглогау и Гроссглогау, а также монастырямъ цистерновъ въ Грюссау, Лейбусъ и Рауденъ, обязаннымъ по своему орденскому уставу содержать школы, отправить на свой счетъ по два учителя или семинариста въ Саганѣ. Епископъ бреславскій отправилъ туда ректоровъ школъ кафедральной и состоящей при церкви св. Николая, а также двухъ учениковъ семинаріи. Такимъ образомъ въ Саганѣ собралось большое число учителей, и Фельбигеръ рѣшился самъ обучать ихъ педагогикѣ. Съ этою цѣлью онъ издалъ педагогическое руководство подъ заглавіемъ: «О томъ, какъ вообще и въ частности улучшить первоначальныя школы въ Силезіи», и сталъ обучать своихъ слушателей методамъ преподаванія по 2 и 3 недѣли въ началѣ каждаго мѣсяца; на остальное время мѣсяца его слушатели должны были возвращаться домой и примѣнять на практикѣ то, чему выучились у Фельбигера. Все это служило только приготовленіемъ къ устройству учительскихъ семинарій, которыя уже въ 1765 году были открыты при монастыряхъ въ Лейбусѣ, Грюссау и Рауденѣ; въ Бреславлѣ въ то-же время была открыта главная семинарія.

Въ началѣ слѣдующаго года эти распоряженія мѣстныхъ властей были утверждены королемъ и получили силу закона. Посѣщеніе школъ молодыми людьми сдѣлано обязательнымъ, и этимъ реформы Фельбигера были обезпечены въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи и развитіи. Изъ числа 189 народныхъ школъ, которыя слѣдовало учредить въ Бреславской провинціи, въ 1766 году уже 128 были открыты; для наблюденія за ними назначены были 25 школьныхъ инспекторовъ изъ

духовныхъ лицъ. Фельбигеръ занялся сочиненіемъ инструкцій для инспекторовъ и директоровъ учительскихъ семинарій, приходскихъ священниковъ и школьныхъ учителей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ три катихизиса: малый, средній и пространный. Первый предназначался для самыхъ маленькихъ дѣтей, и содержалъ въ себѣ главныя основанія христіанскаго ученія, изложенныя безъ вопросовъ; этотъ катихизисъ имѣлъ въ виду развитіе одной только *памяти* у дѣтей, которыя должны были его заучивать слово въ слово, безъ всякихъ объясненій. Средній катихизисъ, написанный для дѣтей отъ 7 до 10-ти лѣтняго возраста, имѣлъ въ виду развитіе ихъ *разсудка*, и потому изложенъ былъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, и учитель, обучая ему дѣтей, долженъ былъ подробно объяснять каждое положеніе, и стараться, чтобы они все надлежащимъ образомъ поняли и усвоили себѣ. Наконецъ третій, пространный, катихизисъ имѣлъ въ виду развитіе и направленіе *воли* учениковъ; онъ изложенъ безъ вопросовъ и отвѣтовъ, и содержитъ въ себѣ полныя объясненія началъ вѣры съ доказательствами, почерпнутыми изъ священнаго писанія. Въ 1772 г. вышло самое важное педагогическое сочиненіе Фельбигера подъ заглавіемъ: «Свойства и познанія настоящаго школьнаго учителя, необходимыя всѣмъ тѣмъ, которые предназначаются къ учительской должности въ первоначальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ, изложенныя на основаніи всеобщаго королевскаго школьнаго регламента, изданнаго для римско-католическихъ школъ Силезіи» (*).

Въ этомъ сочиненіи Фельбигеръ, описавъ жалкое состояніе прежнихъ училищъ и ничтожность познаній, требовавшихся прежде отъ школьнаго учителя, доказываетъ, что назначеніе

(*) Eigenschaften, Wissenschaften und Bezeigen rechtsbaffener Schulleute, um nach dem in Schlesien für die Römisch-Katholischen bekannt gemachten Königlichen General-Landschul-Reglement in den Trivialschulen der Städte und auf dem Lande der Jugend nützlichen Unterricht zu geben. Sagan. 1768. 8-ro 568 стр.

школы вовсе не въ томъ состоитъ, чтобы наполнять память ученика неповторяемыми для него свѣдѣніями и опредѣленіями; напротивъ того, все то, чему ученикъ обучается, онъ долженъ вполне познать и умѣть приложить къ дѣлу. Затѣмъ Фельбигеръ описываетъ свойства учителя: учитель прежде всего долженъ быть истиннымъ, благочестивымъ христіаниномъ, долженъ отличатся любовью къ ученикамъ, терпѣливостью, прилежаніемъ, умѣренностью, энергіею и проч.

Обращаясь затѣмъ къ познаніямъ требуемымъ отъ учителя, Фельбигеръ сначала опредѣляетъ цѣль школы, которая состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ученика истиннымъ христіаниномъ, хорошимъ гражданиномъ, и приготовить его къ полезной дѣятельности. вмѣстѣ съ тѣмъ школа должна развить въ ученикѣ умственные способности, трудолюбіе и нравственность. Для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы учитель самъ вполне и сознательно зналъ и умѣлъ изложить все то, чему учить. Преимущественно онъ долженъ пользоваться выгодами, какія происходятъ: а) отъ *совмѣстнаго* обученія въ школѣ многихъ учениковъ, б) отъ обученія съ помощью *вопросовъ и отвѣтовъ*, и с) отъ употребленія методовъ *буквеннаго и табellarнаго* (*).

Совмѣстное обученіе, по мнѣнію Фельбигера, можетъ принести большую пользу при слѣдующихъ условіяхъ: 1) всѣ дѣти при складываніи, чтеніи и ученіи должны употреблять одинаковыя руководства; 2) читая что-либо или пересказывая, они должны приучиться читать и говорить всѣ однимъ тономъ и въ одно мгновеніе должны всѣ произносить одинаковыя слова; 3) во чтобы ученики не приучились къ одному тону, учитель долженъ часто перемѣнять тонъ, въ которомъ заставляетъ ихъ

(*). Срав. изложеніе метода обученія, введеннаго у насъ Яковичемъ, въ сочиненіи г. Воронова: «Федоръ Ивановичъ Яковичъ де Мириѣво, или народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II». С. Пб. стр. 143 и слѣд. Методъ обученія, введенный въ употребленіе Яковичемъ въ нашихъ народныхъ школахъ, и есть методъ Фельбигеровъ.

складывать, читать и пересказывать урокъ; 4) дѣти одинаковыхъ способностей и познаній должны быть соединены въ одинъ классъ; для достиженія такого однообразія, каждый классъ можетъ быть подраздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, съ которыми учитель можетъ заниматься порознь; 5) если ученикъ, читая или пересказывая урокъ, сдѣлаетъ ошибку, то всѣ ученики, которые замѣтили ошибку и могутъ ее поправить, должны поднять руку. Обычай подымать руку въ этомъ случаѣ, вскорѣ сдѣлавшійся общимъ въ школахъ, кажется впервые былъ введенъ Фельбигеромъ.

Буквенный методъ, замѣтованный Фельбигеромъ у Гена, состоялъ въ томъ, что учитель долженъ былъ медленно и ясно писать мѣломъ на доскѣ начальныя буквы тѣхъ словъ, которыя ученики должны были заучивать; вмѣстѣ съ тѣмъ учитель внятно слова эти произносилъ. Ученики должны внимательно слѣдить за написанными буквами и вслушиваться въ произносимыя слова. Послѣ этого ученикъ, посмотрѣвъ на написанную букву, долженъ самъ припомнить слово, къ которому она относится; такимъ образомъ рядъ буквъ, написанныхъ на доскѣ, приводилъ ученику на память и рядъ словъ, къ которымъ относились буквы, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлую фразу или предложеніе. Учитель заставлялъ учениковъ нѣсколько разъ повторять это предложеніе по написаннымъ буквамъ, потомъ стиралъ написанныя на доскѣ буквы и заставлялъ учениковъ пересказать все предложеніе наизусть.

Въ связи съ буквеннымъ методомъ употреблялся методъ табелярный, состоявшій въ томъ, что предметъ обученія представлялся ученикамъ въ видѣ таблицы, во всемъ его объемѣ, со всѣми развѣтвленіями, отдѣлами и приложеніями, такъ чтобы ученики могли сразу объять не только весь предметъ, но и порядокъ, въ которомъ его части слѣдуютъ одна за другою, и въ которомъ одно положеніе связывается съ другими. Фельбигеръ употреблялъ таблицы двоякаго рода: одни, въ которыхъ отдѣльныя предложенія и части предмета изложены въ видѣ

генеалогическаго дерева, такъ-что главныя предложенія соединены съ тѣми, на которыя подраздѣляются, посредствомъ скобокъ; другія таблицы расположены въ томъ-же порядкѣ, но только предложенія, вмѣсто словъ, выражены начальными ихъ буквами. При употребленіи этихъ таблицъ Фельбигеръ предлагаетъ слѣдующія правила: 1) учитель долженъ сперва по буквенному методу написать все предложеніе мѣломъ на большой доскѣ; 2) затѣмъ ученики должны твердо заучить всѣ написанныя буквы; 3) потомъ учитель извѣщаетъ все писанное; для этого онъ задаетъ ученикамъ вопросы, и посредствомъ ихъ отвѣтовъ убѣждается въ томъ, понимаютъ-ли они таблицу вполне и въ каждой ея части; 4) изученіе таблицы всегда должно предшествовать изученію того, къ чему она относится.

Для примѣра представляемъ таблицы, въ которыхъ изложенъ католическій катихизисъ по методу Фельбигера.

А. Таблица безъ скобокъ.

Опредѣленіе. Катихизисъ есть книга, изъ которой юношество узнаетъ христіанское ученіе съ помощью вопросовъ и отвѣтовъ.

Христіанское ученіе содержитъ въ себѣ:

I. *Вообще* — все то, что каждому христіанину

А. частью знать необходимо, какъ-то:

- 1) что существуетъ единый Богъ, все создавшій и всѣмъ управляющій;
- 2) что Богъ есть судья правосудный;
- 3) что въ Немъ присущи три лица Божества: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Св.
- 4) что второе лице воплотилось для того, чтобы насъ искупить;
- 5) что для спасенія необходимо Божіе милосердіе;
- 6) что душа человѣческая безсмертна.

В. частью знать повелѣно и полезно, какъ-то:

- 1) символъ вѣры,
- 2) молитва Господня и проч.

II. *Въ особенностяхъ* — все то, во что каждый христіанинъ долженъ:

А. *вприты* — 12 членовъ символа вѣры и проч.

В. Таблица со скобками.

Опредѣленіе. Катихизисъ есть книга, изъ которой юноше-ство узнаетъ христіанское ученіе, съ помощью вопросовъ и отвѣтовъ.

Христіанское ученіе со- держитъ въ себѣ	{ вообще все то, что христіа- нину	{ частью знать не- обходимо	{ что существуетъ единый Богъ, все создавшій и всѣмъ управляющій, что Богъ есть судья право- судный, что въ немъ при- сущи три лица Божества и проч.
	{ въ особенности все то, во что христіане дол- жны	{ частью повелѣно и полезно знать	{ символъ вѣры, молитва Господня и проч.
		{ вѣрить.....	{ 12 членовъ символа вѣры чего надѣяться. { вѣчное блаженство и проч.

С. Эта-же таблица по буквенному методу.

О: { к е к ѣ к ю у
х у с п в и о.

Х у с в с { В
в т ч х { ч з н { ч с е Б, в с и в у;
ч Б е с п;
ч в н п т л Б и проч.
ч п п
п з { с В, м Г, а ц, д з л и проч.
В о
в т, в
ч х д { в { 12 ч с В
ч н { в б и проч.

При обученіи чтенію Фельбигеръ находитъ полезнымъ со-хранить прежнюю общую систему складовъ; но совѣтуетъ упо-треблять ее методически; онъ требуетъ, чтобы учениковъ за-ставляли изучать буквы не по алфавитному порядку и не всѣ заразъ, а сначала знакомил ихъ съ буквами болѣе простыми

и легкими, состоящими изъ одной или нѣсколькихъ простыхъ чертъ, какъ-то і, п, н, а потомъ уже переходили къ сложнымъ и болѣе труднымъ, состоящимъ изъ чертъ прямыхъ, косыхъ и кривыхъ. Учитель долженъ писать буквы мѣломъ на доскѣ въ большомъ размѣрѣ, и объяснять ученикамъ ихъ значеніе, указывать ихъ составныя части, а также сходство и различіе между ними. Потомъ уже ученики должны были изучить алфавитный порядокъ буквъ, для того, чтобы умѣть употреблять лексиконъ.

Фельбигеръ обращалъ также вниманіе на то, чтобы уже при изученіи буквъ и чтенія ученики приготавливались къ изученію письма. Для того, чтобы ученикъ заблаговременно научился держать перо, онъ долженъ при складываніи и чтеніи употребить деревянную указку, которую долженъ держать какъ держится обыкновенно перо, и водить ею подъ строками и проч.

Подобнымъ образомъ, изученіе письму должно приготавливать ученика къ изученію арифметики. Учитель, объясняя ученику буквы, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить ему и цифры. Познакомившись съ цифрами, ученикъ долженъ изучить сперва нумерацію, а потомъ арифметическія дѣйствія и правила.

Изъ этого видна вся односторонность метода обученія введеннаго Фельбигеромъ и извѣстнаго подъ именемъ Саганскаго метода. Въ самомъ дѣлѣ, обученіе это направлено было преимущественно на память учениковъ: общее предлагалось дѣтямъ прежде частнаго, абстрактное прежде конкретнаго, правила вмѣсто упражненій, слова вмѣсто вещей. Очевидно, что методъ такой долженъ былъ привести учениковъ къ механическому заучиванію наизусть, или къ долбленію. Употребленіе буквеннаго метода облегчало это заучиваніе, и можетъ быть рассматриваемо какъ первый опытъ мнемоническаго метода, которому впоследствии придавали столько значенія, и который старались ввести въ преподаваніе всѣхъ наукъ. Не смотря на всѣ эти очевидныя недостатки введеннаго Фельбигеромъ метода преподаванія, и всѣ вредныя послѣдствія его, особенно

въ австрійскихъ школахъ, заслуга Фельбигера несомнѣнна: не нужно забывать, что это былъ первый опытъ *какого нибудь* метода преподаванія въ народныхъ школахъ. Прежде никто не думалъ о томъ какъ обучать дѣтей. Только со времени Гена и Фельбигера обращено было вниманіе на этотъ важный вопросъ, и это само собою должно было повести къ постепенному развитію и усовершенствованію методовъ первоначальнаго обученія. При томъ Фельбигеромъ впервые введена была строгая постепенность въ обученіи; онъ первый старался воспользоваться выгодами, какія могутъ быть получены отъ совмѣстнаго обученія. Наконецъ, если буквенный методъ, какъ чисто-мнемоническій, и не имѣетъ никакого существеннаго значенія въ педагогикѣ, то этого нельзя сказать о методѣ табелярномъ, который, представляя ученикамъ весь предметъ изученія въ полной связи, со всѣми его частями и развѣтвленіями, неоспоримо можетъ приносить существенную пользу.

Впрочемъ, самыя существенныя услуги первоначальному образованію Фельбигеръ оказалъ какъ школьный администраторъ. Учрежденіе учительскихъ семинарій, устройство народныхъ училищъ во всѣхъ приходахъ, введеніе обязательнаго обученія, учрежденіе надзора за школами, изданіе книгъ для первоначальнаго обученія — все это явилось впервые въ католической Германіи, — въ Силезіи, благодаря дѣятельности и энергіи Фельбигера. Во всѣхъ католическихъ государствахъ Германіи правительства стали подражать примѣру Силезіи, издавать школьные уставы и учреждать учительскія семинаріи и училища для простаго народа; повсюду вводимы были саганскіе буквенный и табелярный методы. Наибольшее вліяніе Фельбигеръ произвелъ на Австрію.

Извѣстно, что Австрія, послѣ каждой политической неудачи, обнаруживаетъ нѣкоторое стремленіе къ реформамъ въ духѣ либеральномъ. Послѣ неудачъ, испытанныхъ во время войны за австрійское наслѣдство, и особенно семилѣтней, Марія Терезія, по примѣру Пруссіи, рѣшилась принять нѣкоторыя мѣры

для просвѣщенія простаго народа. Нужно предполагать, что къ принятію такого рѣшенія отчасти склонилъ ее извѣстный голландскій лекарь Фанъ Свитенъ, пользовавшійся тогда большимъ ея довѣріемъ, и постоянно старавшійся противодействовать вліянію іезуитовъ. Австрійское правительство рѣшилось взять въ свои руки дѣло народнаго воспитанія, до того времени предоставленное въ Австріи духовенству и частной дѣятельности, и совершенно преобразовать школьное устройство.

Необходимость сдѣлать что нибудь для улучшенія народнаго образованія, была самая настоятельная. Сельское и отчасти городское народонаселеніе австрійской монархіи, въ это время лишено было почти всякихъ средствъ образованія, и въ немъ господствовали самыя грубыя предрасудки и невежество. Если гдѣ нибудь и находились народныя школы по городамъ или деревнямъ, то онѣ содержались учителями вовсе неспособными къ исполненію учительской должности, отставными солдатами, выгнанными изъ службы лакеями, разорившимися лавочниками и проч. Учители эти не получали никакого жалованья, и должны были содержать себя и школу на плату, получаемую отъ учениковъ за ученіе. Но такъ какъ плата въ деревняхъ была самая ничтожная, и производилась неисправно, то учитель обыкновенно, кромѣ школы, содержалъ въ деревнѣ кабакъ или мелочную лавочку, исполнялъ должность музыканта на сельскихъ пирушкахъ, былъ коноваломъ, или занимался другими подобнаго рода промыслами. Обязанность давать народу религіозное образованіе лежала исключительно на духовенствѣ, которое впрочемъ въ этомъ отношеніи ограничивалось устройствомъ такъ называемыхъ миссіонерскихъ крестныхъ ходовъ, поученій и всеобщихъ катихизаций по праздникамъ. Эти церемоніи большею частью производились только pro forma, и имѣли театральнй характеръ. Толпы дѣтей, пзъ которыхъ многіе наряжены были ангелами, переходили подъ предводительствомъ духовенства пзъ одной церкви въ другую; священники говорили проповѣди и поученія, катихизировали нѣкоторыхъ изъ дѣтей,

которые ловко отвѣчали на заблаговременно извѣстные имъ вопросы, и этимъ все дѣло оканчивалось.

Уже съ 1770 г. правительство Маріи Терезіи дѣятельно приступило къ улучшенію народнаго образованія. Учреждена была въ Вѣнѣ нижнеавстрійская школьная коммиссія, занимавшаяся разсмотрѣніемъ проектовъ устройства школъ, поступившихъ въ большомъ количествѣ отъ разныхъ лицъ. Особенно замѣчательны были по своему либеральному направленію проекты, представленные графомъ Пергеномъ, который требовалъ совершеннаго устраненія монашескихъ орденовъ, въ особенности іезуитовъ, отъ участія въ народномъ воспитаніи. Въ 1771 г. основана была извѣстная Вѣнская нормальная школа, долженствовавшая служить образцемъ для другихъ народныхъ школъ, и разсадникомъ школьныхъ учителей. Но въ это время осуществленію всякой либеральной реформы школьнаго устройства препятствовало вліяніе іезуитовъ и недостатокъ денежныхъ средствъ. Школьная коммиссія понапрасну теряла время въ безконечныхъ спорахъ и не могла придти ни къ какому положительному заключенію. Только послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ въ Австріи, въ 1773 г., сдѣлалось возможнымъ приступить къ новой организаціи школъ, и нашлись необходимыя для этого средства. Тогда для преобразованія школьнаго устройства Марія Терезія рѣшилась пригласить аббата Фельбигера, который по ея просьбѣ въ 1774 г. отпущенъ былъ Фридрихомъ II въ Австрію, пріѣхалъ въ Вѣну, и назначенъ былъ директоромъ австрійскихъ школъ и членомъ школьной коммисіи. Марія Терезія поручала ему составить проектъ новаго школьнаго устройства и привести его въ исполненіе. Фельбигеръ, со свойственною ему дѣятельностью, приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, и уже въ 1774 г. составилъ «Проектъ общаго устава нѣмецкихъ нормальныхъ, главныхъ и тривиальныхъ школъ, для всѣхъ наслѣдственныхъ австрійскихъ областей».

На основаніи этого устава, имѣвшаго и до-сихъ-поръ со-

хранявшаго огромное вліяніе на характеръ и развитіе народнаго образованія въ Австріи, основаны были троякаго рода народныя школы: *нормальныя* въ главныхъ городахъ каждой провинціи, *главныя*, во всѣхъ большихъ городахъ, или при монастыряхъ, не менѣе одной въ каждомъ округѣ, и наконецъ *тривіальныя* или низшія, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и приходахъ.

Нормальныя школы имѣли значеніе высшихъ нѣмецкихъ реальныхъ и образцовыхъ училищъ. Онѣ состояли изъ директора и 4 или 5 учителей, въ числѣ которыхъ находился одинъ священникъ-катехетъ и имѣли 4 класса; назначеніе ихъ состояло, между прочимъ, въ приготовленіи учителей для другихъ народныхъ школъ. На этомъ основаніи въ нихъ преподавались: 1) законъ Божій, 2) чтеніе, чистописаніе, правописаніе и арифметика, 3) науки необходимыя будущимъ ремесленникамъ, сельскимъ хозяевамъ, писцамъ, хирургамъ, аптекарямъ и проч., какъ то нѣмецкій языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, начала геометріи и механики, 4) для лицъ, предназначавшихся къ занятію учительскихъ должностей въ народныхъ школахъ, читаемъ былъ краткій педагогическій курсъ, или ученіе о свойствахъ и обязанностяхъ учителя.

Главные школы состояли изъ 3 или 4 учителей и священника-катехета, и имѣли по 3 класса. Въ нихъ преподавалось въ меньшемъ объемѣ то-же, что въ нормальныхъ, за исключеніемъ курса педагогики.

Въ школахъ низшихъ или *тривіальныхъ* (*), состоявшихъ изъ одного учителя и одного или двухъ классовъ, преподавались: 1) законъ Божій, церковная исторія и наука о нравственности, которыхъ преподаваніе возлагалось на мѣстнаго священника; 2) чтеніе; письмо и счетъ, и 3) правила честности

(*) Отъ *trivium*: извѣстно что въ средніе вѣка такъ назывались три науки преподаваемые въ низшихъ классахъ училищъ, а именно грамматика, діалектика и риторика. По другимъ это слово значитъ площадной, обыкновенный: (*Locus in quo tres viae conveniunt*).

для простаго народа, по особенной съ этою цѣлью написанной книжкѣ.

Законъ Божій во всѣхъ этихъ школахъ преподаваемъ былъ духовными, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны были производить катихизаціи по воскресеньямъ. Другіе предметы могли быть преподаваемы какъ духовными, такъ и свѣтскими учителями. Кромѣ того, послѣ обѣдни, по воскресеньямъ священникъ и учителя должны были обучать по два часа молодыхъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ чтенію, писму и счету, и повторять съ ними все то, что проходило было въ школѣ (Wiederholungsstunden). Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ народными школами, заведены были повсемѣстно и воскресные классы. Обученіе во всѣхъ училищахъ производилось по буквенному и табеларному методамъ, введеннымъ въ Силезію. Предписано по возможности избѣгать тѣлесныхъ наказаній. Школьный учитель долженъ былъ содержать списки всѣмъ дѣтямъ своего прихода, достигшимъ 6-лѣтняго возраста, и наблюдать, чтобы они посѣщали школу. Хотя въ уставѣ сказано, что всѣ дѣти отъ 6 до 12 лѣтняго возраста, не обучающіяся дома, должны быть посылаемы въ народныя школы, но правительство не рѣшилось назначить наказанія за неисполненіе этой обязанности, потому-что для бѣдныхъ людей эта обязанность дѣйствительно въ то время могла быть весьма тягостна. Ближайшій надзоръ за школами порученъ былъ приходскимъ священникамъ; съ этою цѣлью постановлено, что ни одинъ священникъ не можетъ получить прихода, пока не представитъ свидѣтельства отъ катехета нормальной школы, въ томъ, что основательно знакомъ съ школьнымъ устройствомъ и съ предметами и методами школьнаго обученія.

По всѣмъ провинціямъ учреждены были школьныя коммисіи, которыя наблюдали за точнымъ исполненіемъ школьнаго устава. Коммиссіямъ предоставлено было исключительное право печатать утвержденныя правительствомъ школьныя учебники, и доходъ отъ продажи ихъ долженъ былъ поступать на

улучшеніе школы; но $\frac{1}{4}$ часть напечатанныхъ книгъ комиссія должна была раздавать даромъ бѣднымъ ученикамъ.

Обдуманы были средства къ улучшенію и облагороженію положенія школьныхъ учителей; жалованье ихъ по возможности увеличено, и запрещено имъ заниматься промыслами, несовмѣстными съ учительскимъ званіемъ, какъ то содержать шинки, играть на свадьбахъ и пирушкахъ и проч. Но не запрещено было заниматься полезными ремеслами (*).

Учрежденныя на основаніи этого устава школы получили названіе *нѣмецкихъ*, въ отличіе отъ латинскихъ или гимназій, содержимыхъ большею частью духовенствомъ, и сохранившихъ свое прежнее устройство. Названіе ихъ: *нѣмецкія школы*, имѣло во многихъ мѣстахъ вредныя послѣдствія. Хотя Фельбигеръ вовсе не имѣлъ задней мысли употребить эти школы какъ средство къ развитію нѣмецкой народности во вредъ другимъ народностямъ, но австрійская бюрократія воспользовалась ими для того, чтобы насильственнымъ образомъ вводить нѣмецкій языкъ въ славянскихъ провинціяхъ. вмѣсто того, чтобы, по мысли Фельбигера, переводить учебники на языки мѣстныхъ жителей, въ Галиціи и другихъ славянскихъ провинціяхъ, основывали нѣмецкія школы, и заставляли учениковъ учиться по нѣмецки, совершенно пренебрегая ихъ роднымъ языкомъ.

Написавъ школьный уставъ, Фельбигеръ приступилъ къ составленію учебниковъ по всѣмъ предметамъ, необходимыхъ для введенія его метода преподаванія. О дѣятельности его въ этомъ отношеніи можно судить изъ того, что въ 1780 году каталоги школьныхъ комиссій содержали въ себѣ болѣе 100 заглавій разныхъ книгъ, таблицъ и другихъ учебныхъ сочиненій, написанныхъ самимъ Фельбигеромъ, или подъ его руководствомъ и наблюденіемъ. Всѣ руководства были составлены по буквенному и табелярному методамъ, и расходились въ огром-

(*) См. этотъ уставъ Фельбигера въ вышеприведенномъ сочиненіи Гельферта (стр. 323—382).

номъ количествѣ (*). Наиболѣе было затрудненій съ катихизисами. Нѣкоторые, основываясь на словахъ блаженнаго Августина: *fides est quod non vides*, находили, что введеніе катихизиса съ объясненіями будетъ гибельно для католическаго вѣроисповѣданія; что народъ, познакомившись съ священнымъ писаніемъ, перейдетъ въ лютеранство; распространяли даже слухъ, что Фельбигеровъ катихизисъ есть ни что иное, какъ переводъ лютеранскаго катихизиса. Почти каждый изъ 47 австрійскихъ епископовъ требовалъ особенныхъ измѣненій и дополненій въ катихизисахъ. Только благодаря заступничеству Маріи Терезіи, Фельбигеру наконецъ удалось составить и издать свои катихизисы, малый, средній и пространнѣйшій, которые были одобрены духовенствомъ и введены во всѣхъ австрійскихъ школахъ.

Изъ другихъ учебныхъ книгъ, изданныхъ Фельбигеромъ въ Австріи, особенно замѣчательна: «*Methodenbuch für Lehrer der deutschen Schulen in den K. K. Erbländern etc.*» Это сочиненіе есть ни что иное, какъ переработка прежняго сочиненія Фельбигера «*Eigenschaften, Wissenschaften etc.*», дополненная школьнымъ уставомъ и примѣненная къ устройству и потребностямъ австрійскихъ школъ. Извлеченіе изъ нея для сербскихъ школъ составилъ и издалъ въ Вѣнѣ 1776 года извѣстный директоръ Темешварскихъ школъ Теодоръ Изановичъ Янковичъ де Миріево, подъ заглавіемъ: «Ручная книга потребна магистромъ Іллирическихъ неунитскихъ малыхъ школъ».

Очевидно, что введеніе новаго школьнаго устава было возможно въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ нашлись способные учителя и священники, и гдѣ имѣлись средства, необходимыя для основанія школъ. На первый разъ была преобразована

(*) Это между прочимъ видно изъ того, что когда Іосифъ II, по желанію императрицы Екатерины II, прислалъ изъ Могилева въ 1780 г. курьера въ Вѣну съ приказаніемъ собрать по два экземпляра каждаго руководства для императрицы, то школьная комиссія съ трудомъ могла ихъ собрать не болѣе какъ по одному экземпляру (Hölfert, стр. 591).

вѣнская нормальная школа, и основано нѣсколько главныхъ школъ въ Вѣнѣ, а также преобразованы по новому плану всѣ *тривіальныя* школы этой столицы.

Вѣнская нормальная школа, долженствовавшая служить образцомъ для всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ школъ австрійской имперіи, открыта была 1 мая 1774 г. въ центрѣ города, въ бывшемъ іезуитскомъ новиціатѣ у церкви св. Анны, и учене въ ней производилось бесплатно. вмѣстѣ съ тѣмъ открыли въ Вѣнѣ-же 4 главные школы и 14 тривіальныхъ, въ которыхъ, въкаждой, обучалось бесплатно по 50 учениковъ; другіе ученики должны были вносить плату, которая предназначалась на увеличеніе жалованья учителямъ.

Вслѣдъ за тѣмъ учреждены были такія-же главные и тривіальныя школы въ городахъ и провинціяхъ собственной Австріи. Вскорѣ этотъ уставъ приведенъ былъ въ исполненіе и въ Богеміи, гдѣ оказалъ народному образованію наиболѣе пользы, благодаря неутомимой и просвѣщенной дѣятельности декана Каплицкаго *Фердинанда Киндермана*, который за свои заслуги по распространенію народнаго образованія въ Богеміи получилъ отъ Маріи Терезіи дворянское достоинство и фамилію *фонъ-Шульштейнъ*.

Этотъ замѣчательный человѣкъ, еще до призванія Фельбигера въ Австрію, въ 1768 году послѣдовалъ его примѣру и преобразовалъ свою школу въ Каплицѣ. Получивъ въ свое вѣдѣніе каплицкій приходъ, Шульштейнъ нашелъ тамошнюю школу въ самомъ жалкомъ состояніи: все обученіе ограничивалось музыкою, между тѣмъ-какъ ни одинъ почти изъ учениковъ не умѣлъ читать. Главная причина упадка школы заключалась въ равнодушіи къ ней родителей учениковъ, крестьянъ, которые отказывались посылать дѣтей въ школу лѣтомъ, потому-что дѣти имъ нужны были для полевыхъ работъ, а зимою потому-что не имѣли теплаго платья. Поэтому Шульштейнъ долженъ былъ прежде всего дѣйствовать на родителей, которыхъ убѣдилъ въ необходимости образованія дѣтей своими

краснорѣчивыми проповѣдями. Владѣтель Каплица, графъ Букуа, снабдилъ школу книгами, и далъ ей средства содержать двухъ учителей. Тогда Шульштейнъ задумалъ ее совершенно преобразовать и дать ей *промышленный* характеръ, соединивъ обученіе съ *работою*. Выходя изъ того общаго начала, что трудолюбивые люди суть вмѣстѣ съ тѣмъ и самые нравственные люди, что трудъ служитъ лучшимъ средствомъ нравственного образованія, и представляетъ вѣрнѣйшую защиту отъ всякихъ пороковъ и дурныхъ привычекъ, онъ полагалъ, что назначеніе народной школы состоитъ не только въ обученіи дѣтей разнымъ знаніямъ, но и въ приученіи ихъ къ труду. Въ самомъ дѣлѣ, такое соединеніе первоначальнаго обученія съ промышленнымъ трудомъ представляетъ многія очевидныя и неоспоримыя выгоды. Переходъ отъ занятія умственнаго къ труду матеріальному, отъ чтенія или катихизиса къ огородничеству, ткачеству и проч. для дѣтей привлекателенъ; работа матеріальная, при которой они могутъ свободно между собою разговаривать или пѣть, служитъ для нихъ отдыхомъ послѣ классовъ; деньги, полученные въ вознагражденіе за такую работу, еще болѣе пріохочиваютъ ихъ къ занятію и даютъ средство пріобрѣтать книги и другіе необходимые школьные предметы. Всѣ эти выгоды, получаемыя отъ соединенія работы съ обученіемъ краснорѣчиво изложены Шульштейномъ въ его сочиненіи «О началѣ и распространеніи промышленныхъ классовъ при народныхъ школахъ королевства Богеміи».

Благодаря этому сочиненію и личнымъ стараніямъ Шульштейна, такіе промышленные классы быстро распространились въ Богеміи, и учрежденіе ихъ не повлекло за собою никакихъ издержекъ со стороны правительства. Гдѣ не было въ школѣ особенной комнаты для работъ, тамъ обыкновенно жена учителя обучала учениковъ работамъ въ своей комнатѣ или въ огородѣ. Чаще всего дѣти обучались прядильному искусству и ткачеству, какъ главнымъ отраслямъ промышленности въ Богеміи, занимаясь также огородничествомъ, садоводствомъ, шел-

ководствомъ и проч. Гдѣ при школѣ не было огорода, тамъ учитель нанималъ по сосѣдству кусокъ поля, и платилъ за него изъ денегъ, полученныхъ за работу учениковъ.

Такимъ-образомъ усилія Фельбигера и Шульштейна начали было приносить существенную пользу народному образованію въ Австріи. Къ несчастью, дѣятельность ихъ не могла вполнѣ и безпрепятственно развиваться. Уже въ 1778 году, когда возникли опасенія войны по поводу баварскаго наслѣдства, Фридрихъ II предложилъ Фельбигеру или возвратиться въ Пруссію, или отказаться отъ саганскаго аббатства. Не желая остановиться на половинѣ дороги, и опасаясь, что послѣ его удаленія, недоброжелатели (которыхъ было много) уничтожатъ въ Австріи все созданное имъ для народнаго образованія, Фельбигеръ предпочелъ послѣднее и остался въ Австріи. Желая вознаградить его за потерю саганскаго аббатства, Марія Терезія назначила ему 6000 гульденовъ жалованья и отдала ему богатый пресбургскій приходъ. Но когда въ 1780 году умерла Марія Терезія, то вліяніе и полезная дѣятельность Фельбигера прекратились. Іосифъ II лишилъ его жалованья, приказалъ ѣхать въ пресбургскій приходъ, и тамъ заняться устройствомъ школъ. Но Фельбигеръ не нашелъ въ Венгріи той поддержки и той симпатіи, какими пользовался въ Вѣнѣ, и усилія его преобразовать школы въ Венгріи на имѣли никакого успѣха. Онъ умеръ въ Пресбургѣ въ 1788 году.

Между тѣмъ Іосифъ II приступилъ энергически къ осуществленію своихъ давно лелѣянныхъ либеральныхъ плановъ, и началъ производить коренныя преобразования по всѣмъ отраслямъ управленія. Въ 1781 году обнародована была всеобщая толеранція, ограничена цензура, уничтожены 700 монастырей и составлены планы широкаго развитія народнаго образованія. Но, къ несчастью, всѣ либеральныя плавы и реформы этого государя были въ высшей степени необдуманны и опрометчивы; либеральныя свои мѣры Іосифъ II вводилъ поспѣшно, самымъ деспотическимъ образомъ, не обращая никакого вни-

манія на національность и историческія условія провинцій. Отъ этого произошло, что самыя благодѣтельныя реформы не встрѣтили сочувствія въ подданныхъ и принимаемы были неохотно или съ явнымъ сопротивленіемъ. Іосифъ II успѣлъ только разрушить старое, но почти ничего новаго не сумѣлъ создать. Поэтому и въ народномъ образованіи онъ не успѣлъ сдѣлать ничего существенно полезнаго, но испортилъ все то, что было сдѣлано Фельбигеромъ при его предшественницѣ.

V.

Вліяніе философіи и филантропіи XVIII столѣтія на народное воспитаніе въ Германіи. Базедовъ. Фридрихъ Эбергардъ фонъ Роховъ и его сельскія школы.

Время, въ которое Фельбигеръ началъ осуществлять свои реформы школьнаго быта въ католической Германіи, есть время распространенія и примѣненія къ практикѣ новыхъ началъ французской философіи XVIII вѣка. Философія эта разрывала связь съ прошедшимъ и требовала кореннаго измѣненія всѣхъ человѣческихъ отношеній, религіозныхъ, политическихъ и социальныхъ. Отвергнувъ основы, на которыхъ до-тѣхъ-поръ покоились эти отношенія, философія XVIII вѣка стала для нихъ искать новыхъ основаній и думала найти ихъ въ разумѣ, въ просвѣщеніи, въ свободномъ и сообразномъ съ природою развитіи физическихъ и духовныхъ силъ человѣка. Въ 1762 году Руссо издалъ своего Эмиля, и книга эта произвела коренной переворотъ во взглядѣ на воспитаніе. До-сихъ-поръ идея воспитанія выводима была изъ религіи; воспитаніе разсматриваемо было какъ необходимое послѣдствіе христіанства и дальнѣйшее развитіе религіозныхъ началъ; главная цѣль его состояла въ томъ, чтобы укоренить въ душѣ воспитанника правила вѣры, сдѣлать его достойнымъ членомъ церкви Христовой и приготовить его къ будущей, вѣчной жизни. Новая педагогія, возникшая изъ началъ философіи XVIII вѣка, стремилась къ самостоятельности, отказывалась служить орудіемъ религіозныхъ

интересовъ, и поставила себѣ задачею воспитать человѣка какъ человѣка, какъ всемірнаго гражданина, развить въ немъ соотвѣтственно природѣ всѣ матеріальныя и духовныя силы, какими природа его одарила, и приготовить его къ всесторонней дѣятельности въ этой жизни. Отказавшись отъ притязанія доставить человѣку блаженство въ будущей жизни, она стремилась къ тому, чтобы доставить ему счастье въ жизни земной и льстила себя надеждою, что перевоспитавъ дѣтей сообразно природѣ, сдѣлаетъ ихъ добродѣтельными и счастливыми. Впрочемъ, поставляя себѣ задачею воспитывать дѣтей сообразно ихъ природѣ, школа эта вовсе не подумала прежде о томъ, чтобы опредѣлить, въ чемъ состоитъ природа человѣка, отличается ли она отъ природы другихъ животныхъ и въ чемъ именно. Отъ этого произошло, что выраженіе: *воспитывать соотвѣтственно природѣ*, не имѣло точнаго и опредѣленнаго значенія, и новые воспитатели сами не вполне сознавали то, къ чему стремились.

Изъ германскихъ педагоговъ наиболѣе ревностнымъ послѣдователемъ и проводникомъ новыхъ идей явился Іоганнъ Бернгардъ Базедовъ, родившійся въ Гамбургѣ 1723 года. Мы не будемъ здѣсь распространяться ни о жизни, ни о сочиненіяхъ Базедова, ни излагать исторію основаннаго имъ въ Дессау филантропинаума. Дѣятельность Базедова непосредственно не касалась народныхъ школъ, и произвела на нихъ только косвенное вліяніе. Исполненная самыхъ разнообразныхъ приключеній жизнь этого человѣка, его странный и въ высшей степени непривлекательный личный характеръ, его явное безстыдство и шарлатанство, совершенная несостоятельность основанныхъ имъ учебныхъ заведеній,—были причиною, что Базедовъ и при жизни и послѣ смерти имѣлъ многихъ враговъ и порицателей. Шлоссеръ говоритъ, что читая о его ежедневной жизни, страсти къ спорамъ, постоянномъ пьянствѣ, поступкахъ съ сентиментальною женою, наружномъ видѣ и странномъ костюмѣ, скорѣе можно подумать, что читаешь англійское полицейское объявленіе объ одномъ изъ пьяныхъ ирландцевъ, кото-

рыхъ каждое утро приводятъ къ лондонскому мировому судѣ, нежели изображеніе знаменитаго основателя новѣйшаго воспитанія. Посредствомъ своихъ педагогическихъ приѣмовъ Базедовъ имѣлъ притязаніе, ни болѣе ни менѣе какъ сдѣлать родъ человѣческой просвѣщеннымъ, нравственнымъ и счастливымъ. Его педагогическія сочиненія, не смотря на всѣ ихъ существенныя достоинства, имѣли характеръ денежной спекуляціи, посредствомъ которой онъ хотѣлъ собрать, и дѣйствительно собралъ, значительныя суммы, необходимыя для основанія другой спекуляціи—филантропинума, или такого воспитательнаго заведенія, въ которомъ богатымъ людямъ, за большія деньги, давалось соотвѣтственное природѣ воспитаніе. Устройство этого заведенія, громкія о немъ публикаціи и рекламы, великолѣпныя обѣщанія, блистательныя публичныя экзамены,—все это носило характеръ несомнѣннаго шарлатанства. Основанный съ такимъ шумомъ филантропинумъ оказался совершенно непрактичнымъ и вскорѣ пересталъ существовать.

Не смотря на все это, заслуги Базедова въ педагогикѣ несомнѣнны. Его сочиненія произвели коренной переворотъ въ воспитаніи, и дѣятельность его приготовила путь для Песталлоцци. Послѣдователи Базедова обогатили нѣмецкую педагогическую литературу драгоцѣнными сочиненіями и распространили свѣтъ образованія во всѣхъ классахъ народа. Самъ Базедовъ былъ человѣкъ глубокихъ убѣжденій, имѣвшій твердую вѣру въ свои идеи и ждавшій отъ нихъ великихъ результатовъ. Не смотря на щедрое жалованье и подарки, получаемыя отъ разныхъ правительствъ (*), на большія суммы, собранныя за изданныя имъ сочиненія, онъ умеръ въ крайней бѣдности, и умирая завѣщавъ собственное тѣло анатомическому театру для секціи, желая и этимъ принести нѣкоторую пользу человечеству.

(*) Между прочимъ императрица Екатерина II пожаловала ему на учрежденіе филантропинума 1000 талеровъ.

Странныя идеи и несбыточные планы Базедова имѣли въ свое время значительный успѣхъ въ особенности потому, что тогда настоятельно требовалась въ Германіи реформа школьнаго устройства. Не смотря на благородныя усилія шетистовъ и Фельбигера, германская школа, не только народная, но и высшая, находилась въ жалкомъ состояніи. Въ ней преобладала рутина, господствовала варварская дисциплина; ученіе исключительно основывалось на латинской филологіи; реальныя науки были въ пренебреженіи; методы преподаванія были самыя жалкіе и учителя большею частью заставляли учениковъ долбить наизусть вовсе непонятныя для нихъ вещи.

Воспитательная система Базедова и его послѣдователей составляла протестъ противъ такого состоянія школьнаго быта и направленія воспитанія, и потому имѣла успѣхъ. Главнымъ врагомъ разумнаго воспитанія Базедовъ почиталъ господствовавшее тогда въ школахъ филологическое и историческое направленіе. Онъ требовалъ, чтобы школа перестала быть слугою религіозныхъ или государственныхъ интересовъ, и занялась только воспитаніемъ чловѣка какъ чловѣка, съ помощью всесторонняго реального обученія, просвѣщенія ума и физическаго усовершенствованія. По его мнѣнію, всякое профессиональное обученіе, имѣющее цѣлью подготовку юноши къ будущему его призванію, должно было начинаться не ранѣе 15-ти лѣтняго возраста. До этого-же возраста воспитаніе должно было поставить себѣ исключительною задачею развивать умъ воспитанника посредствомъ нагляднаго ознакомленія его со всѣмъ окружающимъ міромъ, и развивать его силы физическія посредствомъ гимнастики и діететически, сообразно съ природою устроеннаго образа жизни.

Такимъ-образомъ воспитательныя идеи, проповѣдуемыя Базедовомъ въ XVIII столѣтіи, имѣютъ много общаго съ идеями, еще въ XVII столѣтіи высказанными Коменіемъ, но не имѣвшими тогда успѣха. Поэтому и важнѣйшее педагогическое сочиненіе Базедова, именно *Elementarwerk, ein Vorrath der besten*

Erkenntnisse zum Lernen, Wiederholen und Nachdenken; (три тома со 100 картинками, вырѣзанными на мѣди граверомъ Ходовецкимъ), по своему плану и направленію имѣеть большое сходство съ *Orbis pictus* Коменія.

Филантропинумъ учрежденный Базедовомъ въ Дессау, равно какъ и другія учебныя заведенія, основанныя по его образцу, не имѣли успѣха, и въ скоромъ времени перестали существовать. Но умственное движеніе и самая полемика, возбужденная школою Базедова по поводу воспитанія, принесли огромную пользу нѣмецкой педагогикѣ. Въ полемикѣ этой заинтересованы были не только педагоги, но и духовенство, и родители, и всѣ классы общества. Благодаря этой жаркой полемикѣ, педагоги и родители убѣдились, что обученіе не въ томъ состоитъ, чтобы наполнять дѣтскую память массою знаній безъ всякаго порядка, но что оно есть искусство, которое имѣеть свои правила и свой методъ. Многіе изъ послѣдователей Базедова, какъ-то Траппъ, Бекеръ, и въ-особенности Кампе и Зальцманъ создали цѣлую богатую отрасль дѣтской литературы, и дали этимъ возможность самимъ родителямъ, безъ посредничества школы, правильно воспитывать своихъ дѣтей.

Подъ вліяніемъ духа просвѣтительной философіи (*Philosophie der Aufklärung*) и филантропіи XVIII столѣтія, въ Германіи проявились нѣкоторыя частныя усилія, болѣе или менѣе успѣшныя, имѣвшія цѣлью разлить блага просвѣщенія на простой деревенскій народъ. Изъ частныхъ дѣятелей того времени наиболѣе заслуживаетъ вниманія бранденбургскій помѣщикъ Фридрихъ-Эбергардъ фонъ-Роховъ, каноникъ гальберштадтскій, основавшій сельскія школы въ своихъ помѣстьяхъ Реканѣ, Геттинѣ и Кранэ, и создавшій цѣлую систему народнаго воспитанія, примѣненную къ нуждамъ и потребностямъ деревенскаго народа, и проникнутую духомъ истинной и глубокой любви къ ближнему. Учебныя заведенія Рохова до-сихъ-поръ могутъ служить лучшимъ образцемъ сельскихъ школъ, а дѣятельность его, какъ помѣщика, стремящагося къ просвѣщенію

и облагороженію своихъ крестьянъ, должна навсегда остаться примѣромъ для всѣхъ землевладѣльцевъ.

Роховъ (род. 1734 г. ум. 1805) былъ вовсе не педагогъ и не ученый. По примѣру другихъ прусскихъ дворянъ своего времени, онъ избралъ военную карьеру, въ которой тогда умственное и нравственное образованіе считались вещами совершенно лишними. Получивъ самое поверхностное образованіе въ бранденбургской военной академіи и поступивъ на службу въ прусскую гвардію, онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ; но, получивъ рану въ 1757 г., оставилъ военную службу, поселился въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи Рекапъ и исключительно посвятилъ себя сельскому хозяйству и заботамъ о благосостояніи своихъ крестьянъ. Слѣдующее обстоятельство, по его собственному разсказу, послужило поводомъ къ основанію сельскихъ школъ:

«Въ 1771 и 1772 годахъ лѣта были чрезвычайно сырыя; значительная часть хлѣба и сѣна пропала; возникла дороговизна, явились повальные болѣзни, поражавшія людей и домашній скотъ. Желая, по долгу помѣщика, облегчить, сколько возможно, страданія народа, я пригласилъ врача, назначилъ ему жалованье и поручилъ пользоваться безденежно всѣхъ жителей моего имѣнія, и снабжать ихъ лекарствами. вмѣстѣ съ тѣмъ письменно и на словахъ я старался убѣдить крестьянъ въ необходимости соблюденія тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя нужны для того, чтобы остановить развитіе заразы. Но почти всѣ мои усилія оказались безполезными, и мѣры предписанныя мною не исполнялись, вслѣдствіе укоренившихся въ народѣ предразсудковъ и суевѣрій, небрежности, неопытности и всеобщей апатіи. Самыя простыя діететическія правила и мѣры предосторожности, предлагаемыя мною народу письменно и на словахъ, не были исполняемы, отчасти потому, что крестьяне не умѣли читать, а все разсказанное на словахъ скоро забывали или перепутывали. вмѣстѣ съ тѣмъ они не переставали употреблять противъ болѣзни самыя предосудитель-

ныя средства, ходили за совѣтомъ къ знахарямъ, лечились у овчарей, живодеровъ, всякихъ шарлатановъ, платили имъ большія деньги, и разумѣется, умирали цѣлыми семьями. Тогда впервые стало для меня вполне понятно, до какой степени просвѣщеніе необходимо простому народу.

«Однажды, будучи въ самомъ печальномъ настроеніи духа, думая о бѣдствіяхъ и страданіяхъ народа, я сидѣлъ съ карандашемъ въ рукахъ у моего письменнаго стола, и безсознательно начертилъ льва, опутаннаго сѣтями. Такъ точно, какъ этотъ левъ, думалъ я, могущественный духъ человѣка, лежитъ безсильно, опутанный сѣтью предрасудковъ, не позволяющихъ ему встать и проявить свою силу. Почему не явится мышь, которая-бы разгрызла сѣть и помогла льву освободиться изъ плѣна? Тутъ я безсознательно начертилъ на лежавшей передо мною бумагѣ мышь, разгрызшую нѣсколько петель сѣти. Тогда во мнѣ мгновенно блеснула мысль: почему-бы мнѣ не попробовать взять на себя роль этой мыши? Въ умѣ моемъ ясно представлялся цѣлый рядъ причинъ, почему деревенскій народъ находится въ такомъ бѣдственномъ состояніи. Онъ живетъ и вырастаетъ какъ живутъ и вырастаютъ животныя. Ученіе не производитъ на него рѣшительно никакого вліянія; въ школахъ господствуютъ механизмъ и рутинна; учатъ его тому, что для него не имѣетъ никакого практическаго значенія; проповѣдникъ обращается къ крестьянину съ проповѣдью на книжномъ нѣмецкомъ языкѣ, между-тѣмъ онъ понимаетъ только языкъ народный (Plattdeutsch); одивъ другаго не понимаетъ. На проповѣдь онъ идетъ какъ на барщину, скучаетъ и мучится слушая хитро-сплетенные періоды, можетъ-быть весьма красно-рѣчивые, но для него вовсе непонятные. Никто не заботится о томъ, чтобы съ самой юности облагородить и просвѣтить его душу. Его учителя — это слѣпые учителя. При такомъ порядкѣ вещей государство отъ невѣжества народа несравненно болѣе теряетъ, чѣмъ отъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій. Боже мой! думалъ я, неужели всегда такъ должно быть?»

Неужели нѣтъ средствъ просвѣтить народъ? Неужели не было никакой возможности спасти тѣхъ людей, которые нынѣ погибли въ моемъ отечествѣ, единственно по причинѣ невѣжества и предразсудковъ? Да! рѣшаюсь сдѣлаться мышью, и да поможетъ мнѣ Богъ!

«Въ то-же время на оборотѣ бумаги, на которой я начертилъ льва и мышь, я написалъ заглавія всѣхъ 13-ти главъ, изъ которыхъ должна была состоять моя учебная книга, предназначенная для сельскихъ училищъ».

Такимъ образомъ произошло первое сочиненіе Рохова, изданное въ 1772 г. подъ заглавіемъ: «Опытъ учебной книги для сельскихъ школъ» (*Versuch eines Schulbuchs für Kinder der Landleute, oder zum Gebrauch in Dorfschulen. Berlin*), съ эпиграфомъ: *Difficile est proprie communia dicere* (Horat.).

Въ предисловіи къ этому замѣчательному сочиненію, Роховъ яркими красками изображаетъ невѣжество сельскаго народонаселенія, и происходящія оттого гибельныя послѣдствія: «Крестьяне, вслѣдствіе своего невѣжества, питаютъ непріязненные чувства къ Богу и правительству: къ Богу за то, что, по ихъ мнѣнію, Онъ неравномѣрно и несправедливо распредѣлилъ блага земныя между людьми, одѣливъ однихъ слишкомъ щедро, другихъ слишкомъ бѣдно; о правительствѣ-же они привыкли думать, что задача его состоитъ единственно въ томъ, чтобы сдѣлать жизнь ихъ какъ можно болѣе горькою и нестерпимою. Религія ихъ — это самый пагубный фатализмъ. Все великое нравственное ученіе Христово для нихъ остается безъ послѣдствій. Если они и желаютъ спасенія, то не умѣютъ и не могутъ заслужить его по завѣту Спасителя.

«Причина такого печальнаго состоянія лежитъ въ совершенномъ пренебреженіи и упадкѣ воспитанія сельскаго юношества. Ученіе, которымъ его надѣляютъ, не касается его души; народъ остается неспособнымъ понимать и воспринимать предлагаемыя ему правила нравственности, ни примѣнять ихъ къ дѣлу; народъ остается чувственнымъ, тѣ-есть продолжаетъ

жить жизнью животныхъ, и остается равнодушнымъ ко всякому нравственному совершенству.

«Въ такомъ состояніи я нашелъ народъ. За исключеніемъ катихизиса, для него не существуетъ книгъ, и изъ катихизиса онъ ничего не извлекаетъ кромѣ мертвой буквы, которой вовсе не понимаетъ. Я даже удивляюсь, какимъ образомъ, при такомъ воспитаніи, изъ простолюдиновъ выходятъ еще иногда люди умные и хорошіе христіане».

За тѣмъ Роховъ доказываетъ, что просвѣщеніе крестьянъ вовсе не можетъ быть вредно, ни опасно для государства. Мы не будемъ приводить его доказательствъ; замѣтимъ только, для характеристики времени, что эту истину тогда считали нужнымъ доказывать.

Приступая къ изложенію средствъ, при помощи которыхъ можно-бы подвинуть нравственное и умственное образованіе сельскаго народонаселенія, Роховъ справедливо замѣчаетъ, что какъ искусный медикъ, пользуя груднаго ребенка, даетъ лекарство кормилицѣ, такъ и тотъ, кто хочетъ улучшить народное воспитаніе, долженъ начать съ улучшенія народныхъ учителей. Въ этомъ отношеніи онъ предлагаетъ слѣдующія практическія мѣры: 1) не слѣдуетъ опредѣлять учителями народныхъ школъ неудавшихся ремесленниковъ или лакеевъ; напротивъ того, мѣста сельскихъ учителей должны быть отдаваемы кандидатамъ богословія, и изъ нихъ-же должны быть избираемы сельскіе проповѣдники. Если неоткуда взять такихъ кандидатовъ, и пока не будутъ учреждены учительскія семинаріи, то слѣдуетъ опредѣлять учителями прилежныхъ и образованныхъ молодыхъ людей, которые должны предварительно поучиться искусству учить у благонадежныхъ пасторовъ. 2) Сельскіе учителя должны получать не менѣе 100 талеровъ жалованья въ годъ, кромѣ квартиры, отопленія и сада, чтобы имѣя обезпеченныя средства къ жизни, могли вполне посвящать себя школѣ. За то всѣ безъ изъятія ученики должны получать обученіе бесплатно. 3) Каждая сельская школа должна

состоять изъ двухъ классовъ; лекціи въ ней должны продолжаться не болѣе 6 часовъ въ день, изъ которыхъ 4 утромъ и 2 послѣ обѣда. 4) Сельская школа должна помѣщаться въ прочномъ, тепломъ и свѣтломъ зданіи, и должна быть снабжена всѣми необходимыми принадлежностями училища. Второе и четвертое условія влекли за собою значительныя издержки: Роховъ обращается къ нѣмецкимъ государямъ и убѣждаетъ ихъ пожертвовать необходимыя средства для заведенія сельскихъ школъ. Онъ впрочемъ полагалъ, что голосъ его будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, но, по счастью, въ этомъ ошибся. Вскорѣ послѣ изданія въ свѣтъ своей книги онъ получилъ самое дружеское и лестное письмо отъ извѣстнаго Фонъ-Цедлица, бывшаго тогда начальникомъ прусскаго школьнаго департамента. Министръ Фридриха II извѣщалъ Рохова что король вполне оцѣниваетъ его благородныя стремленія, и намѣреваясь учредить въ Курмаркѣ школы по проекту Рохова, назначилъ уже на жалованье учителямъ на первый разъ проценты съ суммы 100,000 талеровъ. Первоначально Цедлицъ хотѣлъ было выписать школьныхъ учителей изъ Саксоніи, какъ страны въ то время болѣе просвѣщенной чѣмъ Бранденбургія, но Роховъ отклонилъ его отъ этого намѣренія по тому уваженію, что саксонцы не знаютъ ниже-саксонскаго народнаго діалекта, употребляемаго бранденбургскими крестьянами.

Ободренный такимъ лестнымъ признаніемъ своихъ заслугъ, Роховъ приступилъ къ осуществленію своей идеи народнаго воспитанія на дѣлѣ. Къ счастью, онъ нашелъ весьма дѣльнаго и преданнаго помощника въ собственномъ своемъ домѣ, въ лицѣ своего секретаря и учителя музыки *Генриха Юлія Брунса*. Основавъ первую школу въ своемъ главномъ имѣніи Реканѣ, онъ поручилъ ее Брунсу. Но тутъ-же оказалось, что нѣтъ книгъ, которыя-бы можно было съ пользою употреблять въ этой школѣ; обыкновенно употреблявшійся въ тогдашнихъ первоначальныхъ училищахъ нюрнбергскій букварь былъ слишкомъ сухъ, скученъ и бѣденъ по содержанію, біблія-же на-

противъ того была книга слишкомъ высока и недоступна для учениковъ сельской школы. Чтобы пополнить этотъ промежутокъ между букваремъ и библіею (zwischen Fiebel und Bibel), Роховъ написалъ и издалъ первую часть своей знаменитой учебной книги *Другъ дѣтей* (Kinderfreund).

Роховъ и Брунсъ хорошо понимали, что главное условіе успѣшности обученія заключается въ томъ, чтобы учитель умѣлъ надлежащимъ образомъ употреблять учебную книгу, то есть умѣлъ читать дѣтямъ книгу, и давать имъ вопросы изъ прочитаннаго. Чтобы достигнуть этого умѣнія, они, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сперва сами учились употребленію книги, причемъ одинъ изъ нихъ по-очереды игралъ роль учителя, другой ученика. Приготовившись такимъ образомъ къ учительской должности, они открыли свою школу въ началѣ 1773 г. и издали для нея уставъ.

Уставъ этотъ называется: «Инструкція сельскимъ учителямъ, или общія и особенныя предписанія, которымъ долженъ слѣдовать каждый сельскій учитель». Заимствуемъ изъ него слѣдующія главные положенія:

А. Общія.

Въ отношеніи виѣшняго присмотра за дѣтьми, учитель долженъ заблаговременно пріучать ихъ ко всему тому, что служить къ развитію нравственности и благопристойности. Въ особенностяхъ онъ долженъ пріучать ихъ къ опрятности, вѣжливости и скромности. Въ этомъ отношеніи учитель долженъ дѣйствовать на учениковъ собственнымъ примѣромъ и наставленіемъ. Для того, чтобы вліяніе его не ограничивалось учебными часами, онъ долженъ посѣщать по временамъ родителей учениковъ, стараться имѣть дружескія съ ними сношенія, и распространять свое вліяніе и на ихъ дома. Затѣмъ въ уставѣ слѣдуютъ подробныя до мелочности правила о томъ, какими средствами можно пріучить дѣтей къ опрятности, вѣжливости и скромности.

Въ отношеніи обученія , учитель главнымъ образомъ долженъ избирать предметомъ обученія все то , что происходитъ въ обыкновенной жизни въ деревенскомъ быту, или то, что нужно знать ученику въ сферѣ его будущей дѣятельности. Онъ долженъ стараться сдѣлать для ученика всѣ эти вещи вполне понятными. Такимъ образомъ онъ знакомитъ дѣтей съ основаніями землеописанія, съ разными породами животныхъ, деревьевъ, хлѣбовъ, съ употребленіемъ этихъ предметовъ въ пищу, на одежду, жилище , отопленіе , съ ремеслами , посредствомъ которыхъ эти предметы перерабатываются и дѣлаются годными въ употребленіе человеку. Учитель никогда не долженъ останавливаться на одномъ какомъ-либо предметѣ слишкомъ долго, чтобы не наскучить ученикамъ ; но долженъ стараться часто, при каждомъ удобномъ случаѣ , повторять сообщенныя свѣдѣнія. Само-собою разумѣется, что сообщая свѣдѣнія о какомъ-либо предметѣ , учитель вовсе не заставляетъ ученика что-либо заучивать наизусть, а только рассказываетъ или читаетъ ему объ этомъ предметѣ. Когда ученики научатся читать, то учитель заставляетъ ихъ прочитывать изъ учебной книги то, о чемъ имъ рассказывалъ, и требуетъ, чтобы они прочитанное пересказывали сами. При этомъ учитель даетъ имъ вопросы, относящіеся къ рассказываемому предмету, посредствомъ которыхъ старается обращать вниманіе учениковъ на всѣ стороны этого предмета. Учитель старается знакомить учениковъ со всѣми господствующими въ странѣ суевѣріями, предрасудками и повѣріями , доказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ ихъ нелѣпость и объясняетъ естественнымъ образомъ тѣ явленія природы , которыя даютъ поводъ къ ихъ происхожденію. Если въ деревнѣ произойдетъ какое-нибудь событіе, о которомъ всѣ говорятъ, напр. похороны, пожаръ, наводненіе и проч., то учитель пользуется этимъ случаемъ, чтобы объяснить такое событіе , и сообщить дѣтямъ правильный на него взглядъ и проч.

В. Особенныя.

1) *Присмотръ за дѣтьми при обученіи.* Такъ-какъ учитель долженъ всего болѣе дѣйствовать собственнымъ примѣромъ, то прежде всего онъ долженъ строго смотрѣть за самимъ собою, и не позволять себѣ никакой неприличной выходки; онъ обязанъ одѣваться чисто, не заниматься во время обученія никакимъ стороннимъ дѣломъ, не курить, не произносить поносительныхъ и вообще неблагопристойныхъ словъ. Онъ обязанъ прилежно слѣдить за дѣтьми, и невнимательныхъ побуждать къ вниманію, задавая имъ почаще вопросы, или заставляя продолжать читанное другими. При этомъ всѣ дѣти должны быть приучены къ такой внимательности, чтобы, когда одно читаетъ, то каждое, по данному знаку, могло продолжать чтеніе съ того мѣста, на которомъ первое остановилось. Въ случаѣ невниманія или неповиновенія, учитель сперва дѣлаетъ провинившемуся увѣщаніе, потомъ упрекъ, далѣе угрозу, и наконецъ употребляетъ наказаніе. Всѣ эти мѣры взыскапія употребляются постепенно одна за другою, и строго сообразуются со степенью виновности ученика.

2) *Относительно самого обученія,* слѣдуетъ его распределить между учениками такимъ образомъ, чтобы ни одинъ не оставался безъ занятія, и чтобы одинъ другому не мѣшалъ. И такъ, когда одна часть учениковъ пишетъ, то другая упражняется въ складахъ и чтеніи, третья учитъ наизусть легкія мѣста изъ библіи или книги для чтенія. Читаютъ ученики по очереди, такъ-что когда одинъ читаетъ, всѣ другіе должны слушать. Совмѣстное чтеніе, введенное въ школахъ Фельбигеромъ, равно какъ и совокупные отвѣты на вопросъ учителя, Роховъ безусловно запрещаетъ, какъ приемы чисто-механическіе. При упражненіяхъ въ чистописаніи и правописаніи, дѣти обучаются не съ помощью правилъ, которыя имъ обыкновенно трудно бываетъ понимать и примѣнять къ дѣлу, а съ помощью тщательнаго просмотра написаннаго и исправленія учи-

телемъ. Особенно часто нужно заставлять учениковъ писать такія слова, которыя въ простонародіи выговариваются неправильно и пишутся ошибочно, или которыя, по сходству своему съ другими словами, часто съ ними смѣшиваются. Ученики, уже приученные къ письму, должны переписывать изъ книги или писать на память краткіе занимательные рассказы, или стихи. Весьма важный предметъ обученія составляетъ пѣніе, для котораго слѣдуетъ употреблять тѣ-же самые стихи, которые ученики пишутъ.

Матеріалъ для обученія учитель долженъ почерпнуть изъ изданной Роховомъ учебной книги *Kinderfreund*. При этомъ учитель вовсе не долженъ заботиться о томъ, чтобы пройти съ учениками всю книгу; напротивъ-того, онъ обязанъ брать только изъ книги готовый матеріалъ для рассказовъ и объясненій, стараясь особенно о томъ, чтобы не сообщить никакихъ ошибочныхъ свѣдѣній. Если учитель самъ что-нибудь не вполне понимаетъ, то лучше пусть объ этомъ вовсе не говоритъ. Рассказы и объясненія должны составлять главный предметъ занятій учителя съ дѣтьми. Такъ напр. проходя съ дѣтьми священную исторію, и говоря объ Египтѣ, его городахъ и селахъ, учитель долженъ объяснить, что такое городъ и деревня, указать при этомъ ученикамъ для сравненія на извѣстные имъ города и деревни и проч., или говоря о томъ, что Авраамъ былъ богатъ домашними животными, онъ можетъ, по этому поводу, объяснить ученикамъ, что богатство состоитъ не въ однихъ деньгахъ, а во всѣхъ полезныхъ чловѣку предметахъ. Каждая почти строка библейской исторіи можетъ дать учителю поводъ къ объясненію множества вещей. При такомъ употребленіи учебной книги, очевидно, ученіе будетъ разнообразное, привлекательное и полезное.

Устройство основанной Роховымъ въ Реканѣ школы было слѣдующее: каменный школьный домъ содержалъ въ себѣ, кромѣ хорошей квартиры учителя, одну обширную, теплую и свѣтлую классную комнату, съ окнами въ садъ. Ученики и учени-

цы учились вмѣстѣ, и раздѣлялись на два класса: первый—для самыхъ малыхъ дѣтей, учившихся только чтенію, второй — для болѣе взрослыхъ. Первый классъ учился ежедневно отъ 1 до 3 часовъ, второй отъ 7 до 11. Въ первый классъ принимались дѣти 6-лѣтняго возраста. Когда дитя приходило въ первый разъ въ школу, то учитель долженъ былъ стараться принять его дружески и съ любовью, и снискать его довѣріе. Онъ начиналъ съ нимъ говорить, спрашивая его имя, возрастъ, званіе и мѣсто жительства его родителей; спрашивалъ его охотно-ли пришелъ въ школу, и хочетъ-ли прилежно учиться; потомъ указывалъ ему мѣсто въ классѣ и приглашалъ приходить и садиться на это мѣсто каждый день. Послѣ этого, занявшись нѣкоторое время съ другими учениками, учитель снова обращался къ новоприбывшему, и задавалъ ему какой-либо легкій вопросъ, напр.: назовите мнѣ животное, которое ходитъ на четырехъ, или на двухъ ногахъ; назовите мнѣ деревья, какія вы видѣли. Такимъ образомъ онъ постепенно вызывалъ мальчика на разговоры и пріучалъ къ отвѣтамъ на вопросы. Дѣти называли извѣстныя имъ животныя или деревья на своемъ крестьянскомъ нарѣчьи; учитель говорилъ имъ, какъ эти животныя и деревья называются на книжномъ языкѣ, и заставлялъ повторять ихъ названія. Такимъ образомъ дитя сразу пріучалось къ внимательности, свободному разговору и правильному выговору. Говоря о какой-либо вещи, учитель обращалъ вниманіе на ея особенности и отличительныя качества, и объяснялъ, къ чему эта вещь можетъ служить. Эти разговорныя упражненія съ новыми учениками продолжались цѣлый годъ. Въ основаніи такого метода лежало общее правило реканской системы: первоначальное образованіе дѣтей, особенно деревенскихъ, должно быть совершенно чувственное: оно должно начинаться не съ книгъ, а съ разговоровъ о вещахъ вполне понятныхъ и доступныхъ дѣтямъ. Такое образованіе возбуждаетъ внимательность дѣтей, и учитъ ихъ правильно пользоваться чувствами, хорошо видѣть и слышать и правильно излагать все

видѣнное и слышанное; оно также улучшаетъ ихъ выговоръ, даетъ содержаніе ихъ мысли и охоту къ познанію, не переполняя ихъ головъ излишними и несвойственными возрасту и развитію свѣдѣніями. Съ такимъ нагляднымъ обученіемъ, въ первомъ-же году соединяются первые уроки *чтенія, счета и религіи.*

Чтенію обучали слѣдующимъ образомъ: учитель писалъ мѣломъ на доскѣ одну изъ самыхъ простыхъ буквъ, напр. *і*, называлъ ее и заставлялъ учениковъ повторить это названіе; затѣмъ писалъ другія буквы, но не по алфавитному порядку, а по сходству буквъ между собою, напр. послѣ *і*, онъ писалъ *и*, потомъ *н*, потомъ *т* и т. д. Когда ученики познакомились со всѣми буквами, то учитель представлялъ ученикамъ большую таблицу, на которой были напечатаны прописныя и малыя буквы, цифры, односложныя слова и краткія предложенія, и заставлялъ дѣтей прочитывать, сперва отдѣльныя слова, а потомъ и односложныя слова, безъ складыванія. Слова эти онъ самъ произносилъ, а потомъ заставлялъ учениковъ ихъ повторять. Какъ только дѣти пріучились прочитывать такимъ образомъ односложныя слова, тотчасъ давали имъ въ руки первую часть катихизиса, и заставляли ее читать. При чтеніи многосложныхъ словъ, ученикъ не долженъ былъ повторять каждый слогъ по нѣскольку разъ, какъ это дѣлается при обыкновенныхъ складахъ, а только произносилъ каждый слогъ отдѣльно, а потомъ складывалъ и произносилъ цѣлое слово, напр. не долженъ былъ говорить: *че, че-ло, че-ло-вѣ, че-ло-вѣ-че, че-ло-вѣ-че-скій*, а только говорилъ *че-ло-вѣ-че-скій*—человѣческій. Пріучивши дѣтей къ такому складыванію, заставляли ихъ медленно читать, такимъ образомъ, чтобы они складывали въ умѣ, и громко произносили цѣлыя слова; но если они дѣлали ошибку, то заставляли ихъ громко складывать.

Обученіе счету начиналось слѣдующимъ образомъ: когда еще дѣти не знали цифры, ихъ заставляли считать видѣнныя ими вещи, напр. они должны были сосчитать пальцы одной ру-

ки, потомъ обѣихъ рукъ, стекла въ окошкѣ, книги на скамьяхъ лежавшія и проч. Потомъ писали имъ черты на доскѣ и заставляли ихъ считать; когда ученики приучены были вести счетъ до 100, то заставляли ихъ считать обратно, при чемъ они получали первое понятіе о вычитаніи. Затѣмъ заставляли ихъ слагать четныя и нечетныя числа, и вычитывать одни изъ другихъ. Переходя такимъ образомъ отъ упражненія легкаго къ болѣе трудному, учили дѣтей не знавшихъ еще цифръ сложенію и вычитанію въ умѣ.

Уже послѣ того знакомили учениковъ съ цифрами, которыя писали на доскѣ въ разбивку, не говоря о ихъ значеніи по занимаемому мѣсту, а только стараясь о томъ, чтобы дѣти могли запомнить значеніе каждой цифры отдѣльно. Потомъ дѣти сами должны были писать цифры и разставлять ихъ въ порядкѣ по ихъ значенію.

Обученіе правиламъ вѣры, по реканской системѣ, соединялось съ обученіемъ чтенію, такъ какъ первыя книги, употреблявшіяся для чтенія, были: катихизисъ, библія, библейская исторія, изъ которой многія мѣста вошли въ *Kinderfreund*. Кроме-того два часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ были предназначены въ особенности для уроковъ закона Божія. При этомъ обученіи учитель не долженъ былъ сообщать ученикамъ ничего такого, что они не въ состояніи были понимать. Поэтому преподаваніе закона Божія ограничивалось изученіемъ Молитвы Господней съ объясненіемъ, и нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго писанія, въ которыхъ содержатся главныя, доступныя дѣтямъ основанія христіанской религіи. Религіозныя истины объяснялись дѣтямъ съ помощью примѣровъ и сравненій, заимствованныхъ изъ извѣстной и доступной для нихъ сферы явленій. Такимъ образомъ благодѣянія Божія, любовь и чувство благодарности къ Богу, объяснялись благодѣяніями, какія дѣти получаютъ отъ родителей и ихъ любовью и благодарностью къ родителямъ. Учитель вовсе не долженъ былъ говорить о такихъ истинахъ вѣры, которыя дѣтямъ недоступны (напр. первород-

ный грѣхъ, Бого-человѣкъ и проч.) предоставляя объясненіе этихъ понятій пастору. Во второмъ классѣ дѣти изучали пять главныхъ молитвъ по Лютеру, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Въ высшемъ классѣ для чтенія употреблялись вторая часть Киндерфрейнда и библія. Учитель читалъ въ классѣ какое-нибудь мѣсто изъ книги громко и внятно, а потомъ заставлялъ учениковъ прочитывать это-же мѣсто, и посредствомъ разговора старался его вполне сдѣлать понятнымъ. Ученики высшего класса также упражнялись въ чистописаніи, правописаніи и ариметикѣ. При этомъ соблюдалось общее начало реканской системы, чтобы все то, въ чемъ ученики упражняются, было для нихъ вполне понятно. Для арифметическихъ упражненій всѣ примѣры и задачи были заимствованы изъ доступнаго ученикамъ круга вещей, изъ предметовъ обыденной жизни и занятій ихъ родителей.

Въ школѣ соблюдался самый строгій порядокъ; съ послѣднимъ ударомъ часовъ всѣ ученики должны были находиться въ классѣ на своихъ мѣстахъ; урокъ начинался молитвою, которую произносилъ учитель, и пѣніемъ нѣсколькихъ стиховъ изъ псалтыри. Впродолженіи класса ни одинъ ученикъ не могъ уходить. Списокъ ученикамъ, не посѣщавшимъ класса, былъ представляемъ помѣщику, который строго взыскивалъ съ родителей, непосылавшихъ дѣтей въ училище. Тѣлесныя наказанія употреблялись весьма рѣдко, и то только за самыя важныя преступленія, напр. воровство, явное неповиновеніе учителю и т. п. Награды въ реканскихъ училищахъ не были вовсе даваемы ученикамъ.

Благодѣтельныя послѣдствія такого устройства школъ въ имѣніяхъ Рохова не замедлили обнаружиться. Крестьяне скоро сознали пользу ученія, и стали охотно посылать своихъ дѣтей въ школу, не только лѣтомъ, но и зимою. Риманъ, посѣтившій реканскую школу въ 1792 г., говоритъ, что имѣнія Рохова отличаются отъ всѣхъ другихъ по нравственности крестьянъ.

янь, ихъ образованности и господствующимъ между ними согласію и порядку; молодые люди обоого пола отличаются скромностью; въ теченіи шести лѣтъ случилось одно только незаконное рожденіе; помѣщики и пасторъ пользуются любовью и полною довѣренностью крестьянъ; солдаты родомъ изъ Рекана также всегда отличались послушаніемъ, порядкомъ и развитостью.

Реканское имѣніе съ его сельскими школами вскорѣ приобрѣло всеобщую извѣстность. Путешественники тысячами въ годъ пріѣзжали въ Реканъ изъ Германіи и другихъ странъ затѣмъ, чтобы познакомиться съ почтеннымъ каноникомъ гальберштадтскимъ и его школою. Этотъ приливъ любопытныхъ наконецъ до того увеличился, что сталъ затруднять ученіе. Поэтому Роховъ издалъ подробное описаніе своей школы, затѣмъ, чтобы желающіе познакомиться съ нею не имѣли надобности пріѣзжать для этого въ Реканъ.

Ю. РЕХОВСКИЙ.

О ПРАВСТВЕННОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ РУССКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

Задумавъ высказать наше мнѣніе о нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи, мы скоро убѣдились, что избрали такой предметъ, богатаго содержанія котораго не исчерпать не только одною или двумя, но цѣлымъ рядомъ журнальныхъ статей, а потому, чтобы не говорить обо всемъ слишкомъ поверхностно, мы просимъ позволенія у нашихъ читателей, не смотря на общее заглавіе и этой второй статьи, говорить въ ней только о *семейномъ* воспитаніи нашего дворянства, предоставляя себѣ право поговорить въ другое время какъ о воспитаніи остальныхъ классовъ русскаго общества, такъ и о нравственномъ элементѣ именно въ школьномъ воспитаніи, а равно и о томъ чисто аристократическомъ отгѣнкѣ, который придаетъ совершенно особый характеръ воспитанію въ нѣкоторыхъ семействахъ.

Мы выбрали для нашей статьи воспитаніе дворянства не только потому, что съ этимъ воспитаніемъ мы знакомѣе, чѣмъ съ воспитаніемъ другихъ классовъ; но и потому, что именно изъ этого класса выходитъ несравненно-большая часть лицъ, на нравственное достоинство которыхъ *преимущественно* опи-

рается наша государственная служба, наша литература, и наше общественное образованіе.

Классъ средняго, мелкопомѣстнаго и вовсе безпомѣстнаго дворянства, который по преимуществу можетъ быть названъ *служебнымъ*, сливающійся въ высшихъ предѣлахъ своихъ съ аристократическимъ слоемъ и гораздо рѣзче отдѣляющійся отъ низшихъ слоевъ общества, часто подвергался болѣе или менѣе справедливымъ нападкамъ со стороны нашей литературы, причемъ нерѣдко забывалось, что именно этому самому классу, изъ котораго возникаетъ наше чиновничество, обязана Россія большей частью лучшихъ дѣятелей ея цивилизаціи во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Припомнимъ себѣ только то, что, болшею частію, наши великіе полководцы, наши писатели и профессора вышли именно изъ этого класса, и что съ исторіей его до-сихъ-поръ связана преимущественно исторія государственнаго управленія, образованія и литературы, и мы будемъ снисходительнѣе смотрѣть на недостатки его воспитанія, чувствуя, что въ этомъ воспитаніи должны быть и существенныя достоинства, если оно могло породить столько достойныхъ уваженія личностей, которымъ русскій народъ обязанъ лучшими проявленіями своей жизни.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ перечисленію достоинствъ и недостатковъ въ воспитаніи дѣтей этого сословія, мы должны сдѣлать небольшую оговорку. Высказывая какой-нибудь недостатокъ въ воспитаніи дворянскаго класса, мы никакъ не хотимъ сказать, чтобы этотъ недостатокъ былъ общимъ для всякаго дворянскаго семейства. Если Гоголь рисовалъ своего городничаго, то вѣроятно, ему было не безызвѣстно, что не всѣ русскіе городничіе похожи на Сквозника-Дмухановскаго. Не имѣя никакихъ претензій даже на малѣйшую долю искусства великаго художника, мы тѣмъ не менѣе считаемъ и себя въ правѣ, выставляя тотъ или другой по нашему мнѣнію типическій недостатокъ воспитанія, не говорить о множествѣ исключеній, хотя, какъ мы сказали выше, *именно эти самыя ис-*

ключенія и дали намъ желаніе выставить болѣе общіе недостатки. Съ другой стороны, выставляя многіе изъ этихъ недостатковъ и достоинствъ, мы сознаемъ, что они общи не одному дворянскому классу. Мы, если хотите, будемъ говорить и въ этой статьѣ о нравственномъ элементѣ въ нашемъ семейномъ воспитаніи вообще, но передъ нашими глазами преимущественно будетъ находиться то воспитаніе, съ которымъ мы наиболѣе знакомы — воспитаніе средняго дворянства.

Патріархальность во взглядахъ на нравственныя отношенія, которую мы указали въ низшихъ слояхъ русскаго народа, является такою-же характеристическою чертою и въ нашемъ дворянствѣ.

Стоитъ присмотрѣться къ общественнымъ отношеніямъ въ нашихъ дворянскихъ или служебныхъ кружкахъ, чтобы замѣтить, что въ понятіяхъ о нравственности и здѣсь патріархальный элементъ сильно преобладаетъ или, по-крайней-мѣрѣ, преобладалъ до-сихъ-поръ надъ элементомъ государственнымъ и гражданскимъ. Человѣкъ, умѣющій себя держать прилично въ обществѣ, строго соблюдающій вмѣстѣ съ тѣмъ прихотливыя условія мелкой общественной честности, хорошій семьянинъ, исполняющій въ то-же время внѣшніе религіозные обряды, гостепріимный хозяинъ и человѣкъ, не нарушающій своего дворянскаго слова, честный плательщикъ своихъ долговъ, сдѣланныхъ на честное слово и особенно карточныхъ, человѣкъ, не позволяющій себѣ безнаказанно наступить на ногу, можетъ навѣрное разсчитывать на полное общественное уваженіе во многихъ кружкахъ, хотя-бы источники его доходовъ были самые вредные, хотя-бы его благоденствіе коренилось въ казнокрадствѣ, во взяткахъ и угнетеніи собственныхъ крестьянъ. Здѣсь снова не въ томъ дѣло, что существуютъ взяточники, казнокрады и люди безчувственные, не имѣющіе понятія не только о любви, но даже о христіанскомъ состраданіи къ меньшимъ братіямъ; но въ томъ, что общество часто мирится съ такими людьми, что оно ши-

роко раскрываетъ для нихъ свои двери, что такія лица являются часто любимѣйшими членами многихъ общественныхъ кружковъ, пріятнѣйшими собесѣдниками, выгоднѣйшими женихами, руководителями удовольствій, законодателями общественнаго мнѣнія и такъ далѣе . . . Бѣда не въ томъ, что существуетъ эта язва, обезсиливающая государство, но въ томъ, что часто мы называемъ эти язвы маленькими грѣшками, которые очень легко извиняемъ и въ себѣ и въ другихъ. Бѣда въ томъ, что наши христіанскія убѣжденія такъ легко примиряются съ этими страшными язвами и что совѣсть наша, которая мучитъ насъ за нарушеніе какихъ-нибудь семейныхъ отношеній, нерѣдко легкимъ вздохомъ, похожимъ болѣе на зѣвокъ, чѣмъ на выраженіе раскаянія, раздѣлывается за самые тяжкіе общественные грѣхи. Какъ часто намъ удавалось слышать, что какой-нибудь почтенный отецъ семейства, составившій себѣ благопріобрѣтенное состояніе на службѣ, говоритъ своимъ близкимъ знакомымъ и дѣтямъ, что вотъ-де, *благодаря Бога*, онъ устроилъ и то, и се, имѣетъ и домъ, и капиталецъ, и чины, и ордена, пользуется общественнымъ уваженіемъ и любимъ своими пріятелями; что вотъ-де и вы, дѣти, не забывайте Бога, молитесь усерднѣе и Онъ васъ не оставитъ и т. п. Такія рѣчи не разъ удавалось слышать каждому изъ насъ и общественное мнѣніе нерѣдко оправдываетъ такія рѣчи, и человѣкъ, который въ своемъ состояніи не можетъ упрекнуть себя ни однимъ неправильно нажитымъ грошемъ, растворяетъ часто настежь свои двери для *благопріобрѣтателей* подобнаго рода. Какъ часто намъ удавалось видѣть, что какаѣ-нибудь заботливая мать отыскиваетъ для своей дочери именно такого жениха, который-бы обладалъ, или, по-крайней-мѣрѣ могъ обладать тепленькимъ мѣстечкомъ, человѣка *соліднаго*, что на служебномъ языкѣ почти всегда означаетъ человѣка, умѣющаго обращать свое оффиціальное положеніе въ свою собственную пользу. «Вы теперь уже семьянинъ», часто говорятъ новому мужу или новому отцу семейства: «и вамъ пора уже оставить всѣ

фантазіи молодости, сдѣлаться человѣкомъ *соліднымъ*, позаботиться о семьѣ». И — эти заботы о семьѣ заводятъ человѣка часто въ самую грязную яму.

Женщины въ заботахъ о семьѣ естественно идутъ еще дальше мужчинъ. Получивъ поверхностное, по большей части внѣшнее образованіе, недостаточно развитыя для того, чтобы понимать какія-нибудь серьезные общественныя отношенія или свести идеи частнаго и общественнаго блага, проникаются онѣ въ семействѣ, еще исключительно чѣмъ мужчины, эгоистическими началами. Имъ нерѣдко кажется, что весь міръ, все государственное устройство, вся служба только для того и существуютъ, чтобы ихъ милымъ дѣткамъ было хорошо. Ихъ семья дѣлается для нихъ средоточіемъ вселенной, и даже въ самой религіи видятъ онѣ средство только семейнаго благополучія и благосостоянія. Онѣ молятся горячо, но молятся единственно о счастья своихъ дѣтей, т.-е. объ ихъ здоровьѣ, богатствѣ, будущихъ чинахъ, крестахъ, имѣніяхъ и проч. и проч. Интересы государства, интересы народа, науки, искусства, литературы, цивилизациі, христіанства для нихъ чужды или, лучше сказать, все это для нихъ существуетъ на столько, на сколько можетъ принести пользы ихъ дѣтямъ. Лакедемонянка, подавая щитъ своему сыну, говорила ему: «возвратися или съ нимъ или на немъ». Наша современная мать, приготовляя сына къ жизни, наоборотъ, думаетъ нерѣдко только о его счастья, а не о его нравственномъ достоинствѣ, и часто желаетъ ему счастья во что-бы ни обошлось оно государству, человечеству и собственному, нравственному достоинству ея сына. Мы понимаемъ всю узкость воззрѣній спартанки; но если христіанство расширило тѣсныя предѣлы исключительнаго общества не только до предѣловъ человечества, но и до безграничности вселенной, то конечно этимъ самымъ оно не сняло съ насъ обязанности жить для блага и истины и служить имъ точно такъ-же, какъ служилъ спартанецъ тѣсной идеѣ своей отчизны. Но много-ли найдется между нашими родителями такихъ, которые-бы

серьезно, не для фразы только, сказали своему сыну: «служи идеѣ христіанства, идеѣ истины и добра, идеѣ цивилизаціи, идеѣ государства и народа, хотя-бы это стоило тебѣ величайшихъ усилій и пожертвованій, хотя-бы это навлекло на тебя несчастіе, бѣдность и позоръ, хотя-бы это стоило тебѣ самой жизни». А такія слова были-бы не болѣе, какъ христіанскимъ переводомъ словъ лакедемонянки, и, скажемъ болѣе, идея, выражающаяся въ этихъ словахъ, есть единственная идея, на которой можетъ основываться истинное христіанское воспитаніе. «Ищите прежде всего царствія Божія», говоритъ Спаситель, «и все остальное само собою приложится вамъ». А что-же такое царствіе Божіе, какъ не царство вѣры, истины и добра? Но мы поступаемъ не такъ: мы готовимъ дѣтей нашихъ не для борьбы съ жизнію, а только для того, чтобы имъ было удобнѣе плыть по ея теченію. Если мы и совѣтуемъ имъ молиться, то прибавляемъ при этомъ: молись и будешь счастливъ, т.-е. будешь здоровъ, уменъ, богатъ, въ чинахъ и т. д., забывая тѣ евангельскія слова, гдѣ выражено, что всѣхъ спихъ благъ ищутъ язычники, и гдѣ христіанское понятіе о счастіи навсегда отдѣлено отъ языческаго. Да, мы смѣло высказываемъ, что семейный эгоизмъ нашъ отравляетъ въ самомъ корнѣ наше общественное воспитаніе — это его глубочайшая язва, изъ которой, по нашему мнѣнію, проистекаютъ всѣ остальные болѣзни, и этихъ болѣзней не излечить никакими эгоистическими философскими теоріями и никакими материалистическими воззрѣніями на жизнь. Если мы будемъ говорить человѣку, что весь онъ грязь, что все и вся жизнь человѣчества есть дѣло случая, что все исчезнетъ вмѣстѣ съ нами, что прогрессъ развитія истины и добра есть созданіе болѣзненной фантазіи, боящейся смерти, — то я не думаю, чтобы такими фразами мы могли исцѣлить эту общественную язву.

Конечно, никто не потребуетъ отъ насъ, чтобы мы въ одной короткой журнальной статьѣ, обрисовали все то многовѣтвистое дерево зла, которое вырастаетъ изъ плодovitаго зерна

семейнаго эгоизма. Мы укажемъ только на нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся въ глаза явленія.

Русскихъ отцовъ и матерей семейства изъ дворянскаго круга никакъ нельзя упрекнутьъ въ томъ, чтобы они мало занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей: напротивъ, въ большей части дворянскихъ семействъ воспитаніе составляетъ главную заботу родителей, цѣль ихъ жизни, передъ которой часто преклоняются всѣ другія цѣли и побужденія. Многими родителями овладѣваетъ даже истинная страсть къ воспитанію, и иные дворянскіе дома, гдѣ есть пять, шесть человѣкъ дѣтей въ учебномъ возрастѣ, превращаются въ настоящія жидовскія школы. Во всѣхъ комнатахъ и во всѣхъ углахъ, на шкапахъ и за зеркалами, на столахъ и подъ столами вы замѣтите слѣды самой яростной воспитательной дѣятельности: тамъ мальчикъ зубритъ французскую грамматику, тамъ дѣвочка твердитъ вокабулы, тамъ Петруша отхватываетъ страницу изъ священной исторіи, тамъ Ванюша выкрикиваетъ европейскія рѣки, тамъ раздаются крики Саши, на лѣнность котораго пожаловался учитель. Отецъ и мать принимаютъ самое дѣятельное, самое живое участіе въ дѣтскихъ занятіяхъ. Онъ силится припомнить полузабытыя имъ правила ариеметики; она зорче всякой классной дамы слѣдитъ пальцемъ по книгѣ, прослушивая урокъ сына или дочери, и только по временамъ, бѣдная, глубоко вздохнетъ, подумавъ о томъ, какъ долго еще до того счастливаго времени, когда дѣти ея наконецъ будутъ имѣть право бросить всѣ эти мучительныя книжонки и позабыть на всегда то, что въ нихъ написано, — когда, исполнивъ, наконецъ, всѣ прихотливыя требованія экзамена, ея милыя дѣти получатъ билетъ для выхода на общественную сцену и займутся существенными интересами жизни: теплыми и видными мѣстами, выгодной женитьбой и прочими прекрасными и истинно полезными вещами. Наши предки не понимали прихоти Петра Великаго, гнавшаго ихъ насильно къ образованію, но и мы сами еще едвали вполне сознали его потребность: чувствуемъ только, что

въ настоящее время безъ него обойтись нельзя, что безъ него и въ общественной жизни, а главное въ службѣ нашимъ дѣтямъ придется плохо, и со вздохомъ покоряемся злой необходимости. Отсюда прорастаетъ и тотъ апатическій, мрачный взглядъ, которымъ наше общество смотрѣло до-сихъ-поръ на своихъ педагоговъ: такимъ взоромъ встрѣчаетъ иногда больной цирюльника, который пришелъ вырвать ему зубъ.

Благодаря Бога, въ послѣднее время сильно стала пробуждаться болѣеживая и разумная потребность образованія; но покуда это еще какое-то неясное чувство, скорѣе страхъ темноты, гдѣ всѣмъ намъ приходилось плохо, чѣмъ любовь къ истинному свѣту. Отъ этого перваго побужденія до сознанія истиннаго, христіанскаго значенія образованія еще далеко.

Нѣтъ! въ недостаткѣ заботливости о воспитаніи дѣтей нельзя упрекнуть нашихъ родителей: этой заботливости такъ много, что если-бы она была направлена на истинный путь, то воспитаніе наше достигло-бы высокаго развитія. Но, выходя изъ источника семейнаго эгоизма, заботы эти приводятъ часто къ печальнымъ результатамъ и скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ правильному общественному воспитанію. По большей части, дѣтей не воспитываютъ, а *готовятъ*, чуть не съ колыбели къ поступленію въ то или другое учебное заведеніе или къ выполненію условныхъ требованій того общественнаго кружка, въ которомъ, по мнѣнію родителей, придется блистать ихъ дѣтямъ. Вотъ откуда происходятъ тѣ по истинѣ дикія заботы о французскомъ языкѣ, которыя такъ вредно дѣйствовали на воспитаніе многихъ; вотъ откуда происходятъ и тѣ странные вопросы, которые намъ часто приходилось слышать: «по какимъ учебникамъ проходитъ ариметика или географія въ такомъ заведеніи» — я готовлю туда сына или дочь? и т. под. И напрасно-бы вы старались отдѣлаться отвѣтами, что требуются вообще такія-то и такія-то познанія, а не знаніе тѣхъ или другихъ учебниковъ. «Нѣтъ, все-таки вѣрнѣе», отвѣтитъ вамъ родитель. И изъ этого неважнаго обстоя-

тельства вы уже можете заключить, какой характер имѣютъ его воспитательныя заботы. Напрасно старались-бы вы увѣрить какую-нибудь родительницу, что слишкомъ раннее изученіе иностранныхъ языковъ сильно вредитъ правильному умственному развитію ребенка. Если вамъ и удастся доказать ей эту истину совершенно ясно, то она, можетъ быть, и вздохнетъ, но скажетъ: «все это такъ, но какъ-же обойтись-то безъ французскаго языка, а станутъ дѣти изучать его позже, то никогда не пріобрѣтутъ хорошаго выговора». И для этого хорошаго выговора жертвуетъ она иногда не только умственнымъ развитіемъ, но и нравственностію своихъ дѣтей, ввѣря ихъ иностраннымъ авантюристамъ и авантюристкамъ. «Зачѣмъ вы учите вашу дочь музыкѣ?» спрашиваете вы другую мать: «у нея нѣтъ никакихъ музыкальныхъ способностей и она никогда не полюбитъ музыки». Но въ головѣ заботливой родительницы уже проносятся женихи, для которыхъ невѣста съ музыкою также необходима, какъ невѣста съ французскимъ языкомъ для Анучкина въ гоголевской женитьбѣ. «Выйдеть замужъ, можетъ музыку и бросить», думаетъ про себя заботливая мать, «а до-тѣхъ-поръ пусть поиграеть». И мучитъ понапрасну и учителя и дочь. Не изъ этого-ли-же источника истекаетъ презрѣніе къ отечественному языку и къ отечественной музыкѣ? Развѣ нѣтъ еще теперъ матушекъ, которымъ сынъ или дочь доставятъ большое удовольствіе, сдѣлавъ ошибку въ русскомъ языкѣ, показывающую, что иностранный элементъ начинаетъ рѣшительно преобладать въ ихъ головахъ; тогда-какъ ошибка ихъ во французскомъ языкѣ доводятъ иногда слабонервную матушку до истерики и слезъ. Это, вотъ видите-ли, такъ мило, такъ аристократично — ошибаться по-русски: и къ сожалѣнію это дѣйствительно очень аристократично. Не изъ того-же-ли источника происходитъ и то, что наши прекрасныя русскія пѣсни и наши дивныя славянскіе мотивы, которыми такъ дорожилъ великій Бетховенъ, остаются въ полномъ пренебреженіи и вымираютъ даже въ устахъ кормилицъ и нянекъ, хотя онѣ долго убаюкивали этими пѣснями

дѣтство русскаго человѣка. Глупѣйшіе романсы, самымъ жалкимъ образомъ исполненныя итальянскія арии — все это такъ аристократично!

Аристократичность, стремленіе лѣзть вверхъ, дать своимъ дѣтямъ такое образованіе, чтобы они стали выше насъ въ обществѣ, чтобы они выбрались изъ того положенія, въ которомъ мы сами стоимъ — вотъ одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ нашей семейной воспитательной дѣятельности. Всякая сколько-нибудь здравая педагогика говоритъ намъ: воспитывайте вашихъ дѣтей такъ, чтобы они, выросши, были довольны не только тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились ихъ родители, но и гораздо болѣе скромнымъ. Но наша практическая семейная педагогика говоритъ другое. Мы всѣ мало думаемъ о томъ, чтобы быть полезными на томъ мѣстѣ, на которомъ стоимъ, но стараемся лѣзть все вверхъ, да вверхъ и если не можемъ сами забраться выше, то хотимъ подставить лѣстницу хотя нашимъ дѣтямъ. Это семейное тщеславіе — одна изъ отличительныхъ чертъ русскаго воспитанія, и къ какимъ дикимъ и жалкимъ явленіямъ оно часто насъ приводитъ! Вотъ отецъ и мать, не понимающіе ни слова ни на одномъ иностранномъ языкѣ, наполнили свой домъ иностранцами и иностранками и ходятъ въ собственной своей семьѣ, какъ въ лѣсу, не понимая ничего, что вокругъ ихъ дѣлается и говорится. Вотъ папаша, обладающій грубѣйшими манерами полковаго писаря, заботится объ аристократичности въ манерахъ своихъ дѣтей и колотитъ своего сынишку за то, что онъ поигралъ съ сыномъ дворника. Вотъ господинъ, дотянувшій до статскаго совѣтника, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы втиснуть своего сына въ аристократическое училище и т. д. Сколько жалкихъ, и смѣшныхъ, и безобразныхъ явленій! Если-бы родители заботились о томъ, чтобы дѣти ихъ получили лучшее воспитаніе, чѣмъ получили они сами, — то это было-бы очень утѣшительное явленіе. Но развѣ это забота о воспитаніи? Нѣтъ, это только желаніе блеснуть другимъ въ глаза, стать на голову другимъ.

Какъ часто бѣднѣйшіе люди растрчиваютъ послѣднія крохи, чтобы дать блестящее воспитаніе своимъ дѣтямъ, и потомъ удивляются: почему эти дѣти, воспитавшись между дѣтьми людей богатыхъ и знатныхъ, дѣлаются или несчастными, или ни къ чему негодными, или даже мелкими плутами, которые различными продѣлками поддерживаютъ себя въ высшемъ кругу. Какъ часто такіе родители, съ накинувшею горечью въ сердца, говорятъ своимъ страдающимъ или безпутнымъ дѣтямъ: «мы ничего не жалѣли для вашего воспитанія, мы отказывали себѣ въ кускѣ хлѣба, чтобы дать вамъ воспитаніе самое блестящее, какое получаютъ только дѣти князей и графовъ—и что изъ васъ вышло?» Бѣдные родители, жалкія дѣти! Да развѣ это было воспитаніе, а не дрессировка простой крестьянской лошади, которой назначено пахать землю, на манеръ дорогого англійскаго коня? Развѣ воспитаніе, чѣмъ аристократичѣе, тѣмъ и лучше?

Менѣе вреда, но тоже достаточно, производитъ другое болѣе мелкое проявленіе тщеславія въ воспитаніи. Въ иномъ семействѣ не пропустятъ ни одного знакомаго, чтобы не показать ему, какъ хорошо дѣти декламируютъ стихи, какъ хорошо они танцуютъ, какъ говорятъ по французски и т. под. Эти семейные публичные экзамены еще смѣшнѣе и вреднѣе публичныхъ экзаменовъ многихъ нашихъ учебныхъ заведеній. Какъ часто на этихъ экзаменахъ воспитаніе такъ противуестественно борется съ врожденною, драгоценною стыдливостію дѣтей; какъ часто раздуваютъ въ нихъ самолюбіе, зависть, тщеславіе, нахальство, кокетство съ такою заботливостію, какъ будто-бы это были лучшія человѣческія добродѣтели.

Подъ вліяніемъ этого-то семейнаго эгоизма и проистекающаго изъ него тщеславія, портится не только умственное, но и нравственное образованіе нашихъ дѣтей: какъ часто подавляемъ мы въ нихъ драгоценнѣйшія свойства души человѣческой единственно только потому, что они проявляются не въ тѣхъ формахъ, которыя мы условились на-

зывать приличными. Эгоизмъ, самолюбіе, тщеславіе дѣлаются побудительнѣйшими мотивами воспитанія. «Учишь хорошенько, будешь умнѣе другихъ, будешь богатъ, въ чинахъ, выйдешь въ люди, станешь человѣкомъ»; но подъ этимъ словомъ *человѣкъ* разумѣется вобще не христіанское понятіе. Этотъ *выходъ въ люди* перепортилъ у насъ уже не одно поколѣніе. По нашему понятію люди гдѣ-то вверху, выше насъ, а не наравнѣ съ нами и тѣмъ болѣе не внизу насъ. «Тебѣ не прилично»: вотъ фраза, которая чаще всего слышится въ нашемъ семейномъ воспитаніи. «Благовоспитанный мальчикъ не долженъ ходить на кухню; благовоспитанная дѣвушка не должна говорить правду всякому встрѣчному» и т. п.

Кстати о *кухнѣ*: вліяніе кухни, передней и дѣвичьей на воспитаніе русскаго дворянства было очень сильно, и принесло не мало вреда. Крѣпостные крестьяне наши по большей части въ своемъ быту и въ своей нравственности мало отличаются отъ крестьянъ казенныхъ; но дворовые наши составляютъ совершенно особое сословіе, которое имѣло большое вліяніе на воспитаніе русскаго дворянства. Если-бы для нашихъ дворянъ было дорого истинное, а не фальшивое воспитаніе дѣтей, то нѣтъ такихъ пожертвованій, на которыя они не должны-бы были рѣшиться, только-бы отдѣлаться отъ крѣпостнаго состоянія.

Требовать нравственности отъ дворовыхъ людей и особенно отъ тѣхъ, которые стоятъ ближе къ господамъ, значило-бы требовать осуществленія психологической невозможности. Нравственность и свобода — два такія явленія, которыя необходимо условливаютъ другъ друга и одно безъ другаго существовать не могутъ, потому-что нравственно только то дѣйствіе, которое происходитъ изъ моего свободнаго рѣшенія и все, что дѣлается не свободно, подъ вліяніемъ-ли чуждой воли, подъ вліяніемъ-ли страха, подъ вліяніемъ-ли животной страсти, есть, если не безнравственное, то по крайней-мѣрѣ не нравственное дѣйствіе. Поскольку вы даете правъ человѣку, постольку вы имѣете право требовать отъ

него нравственности. Существо безправное можетъ быть добрымъ или злымъ, но нравственнымъ быть не можетъ.

Но если нравственность невозможна для существа, лишеннаго правъ, то она невозможна и для того, въ чію пользу лишается человѣкъ своихъ человѣческихъ правъ. Славянской природѣ нашей и христіанству мы обязаны тѣмъ, что крѣпостное состояніе не превратилось у насъ въ рабство. Мы сказали славянской природѣ именно потому, что, къ величайшему сожалѣнію, видимъ христіанскія націи, и теперь сохраняющія институтъ рабства. Но развѣ можно обвинять высокое ученіе Спасителя въ томъ, что оно не принято сердцами тѣхъ или другихъ людей воиолнѣ, или извращенно лицемѣрными, хитро-сплетенными толкованіями? Христіанство не возстановляетъ раба противъ господина; это правда и великая правда; но дѣлаетъ гораздо болѣе: оно уничтожаетъ возможность имѣть рабовъ. Рабъ можетъ, оставаясь рабомъ, быть христіаниномъ; но истинный христіанинъ не можетъ быть владѣльцемъ рабовъ: если-же американскій плантаторъ увертывается отъ этой аксіомы; то это не потому, чтобы онъ не понималъ ее. Къ величайшему счастью рабство было чуждо славянскому духу, прежде даже, чѣмъ онъ просвѣтился евангеліемъ; а теперь скоро и слабая тѣнь его исчезнетъ. Правительство наше и дворяне (русскіе дворяне конечно, могутъ это сказать: гдѣ-же, какъ не въ дворянскомъ классѣ, созрѣла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ?) — правительство и дворянство, уничтожая крѣпостное состояніе, кладутъ первый основной камень нравственнаго воспитанія русскаго общества и, говоря о дурномъ вліяніи крѣпостной прислуги на воспитаніе дѣтей, мы къ величайшему счастью, говоримъ уже о томъ, что готово исчезнуть.

Вліяніе это выражалось въ прямомъ воздѣйствіи крѣпостной прислуги на дѣтское развитіе; но еще болѣе проистекало изъ тѣхъ отношеній, которыя существовали между маленькимъ помѣщикомъ и его кормилицей, нянею, лакеемъ, горничной. Не будемъ припоминать тѣхъ, возмущающихъ душу кар-

тинъ, которыми наполнено дѣтство многихъ изъ насъ; но скажемъ только, что это сознаніе своего права надъ личностью подобнаго мнѣ существа и его безправности въ отношеніи меня, было однимъ изъ губительнѣйшихъ вліяній, отравлявшихъ воспитаніе русскаго дворянства въ самомъ корнѣ. Здѣсь-то, по нашему мнѣнію, рано выростала та привычка къ произволу, которая дѣлала для насъ стѣснительнымъ всякое ограниченіе закона; здѣсь, можетъ быть, коренится зародышь неуваженія къ законамъ государства и къ правамъ другихъ лицъ, а равно и неуваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ. Кто нарушаетъ право другаго, тотъ неволью, въ глубинѣ души своей, отказывается отъ своего собственного. Вотъ откуда, можетъ быть, проистекала та безправность отношеній, та игра произвола, случая и прихоти, хитрости и силы, раболѣпства и угодливости, взятокъ, nepотизма и всякаго рода окольныхъ путей, которыми такъ богата лѣтопись нашей служебной дѣятельности на всѣхъ возможныхъ поприщахъ. Мы почти не вѣрили въ возможность законной, прямой дороги и прежде всего, даже иногда безъ всякой нужды, искали вездѣ и во всемъ окольной скрытной тропинки. Намъ даже иногда казалось страннымъ, если какой-нибудь чужакъ приглашалъ насъ идти открыто, по прямой дорогѣ, и часто еще со школьной скамейки молодой человекъ, руководимый своими родителями и родственниками, а иногда даже начальниками, высматривалъ уже окольные дорожки жизни. И увы! съ грустью вспоминаемъ многіе, знакомые намъ, факты, когда молодые люди, которымъ съ кафедръ читали еще объ уваженіи къ закону и истинѣ, разнюхивали уже въ тихомолку тепленькое мѣстечко и вліятельныхъ людей; дѣлали визитцы и старались установить связи, которыя могли со временемъ пригодиться въ жизни. Даже въ отношеніи къ наставникамъ нерѣдко проглядывалъ тотъ-же характеръ, и если какой-нибудь горячій юноша ломилъ, что называется на прямой, то старики сомнительно качали гол овою и дѣйствительно угадывали нерѣдко, что ему далеко не уйти.

Неудачные-же опыты на первых шагахъ показывали юношѣ, что тѣ мелочныя натуры его товарищей, надъ которыми онъ издѣвался, смотрѣли на жизнь гораздо умнѣе, чѣмъ смотрѣлъ онъ. Мы такъ привыкли къ тому явленію, что старикъ-отецъ часто учить свое дитя отыскивать окольные дорожки въ жизни, что и не можемъ себѣ представить всей глубины безобразія этого явленія. Конечно, мы не приписываемъ всѣхъ явленій подобного рода одному вліянію крѣпостной прислуги на воспитаніе; но тѣмъ не менѣе значительная доля ихъ принадлежитъ именно этому вліянію. Что-же удивительнаго, что окруженные съ самого ранняго дѣтства существами безправными въ отношеніи къ намъ, мы сами рано привыкали къ безправности? Крѣпостная кормилица, крѣпостная няня, крѣпостная горничная пріучали насъ съ дѣтства къ произволу въ отношеніи подобныхъ себѣ существъ, и какъ трудно было воспитателю развить въ ребенкѣ, живущемъ въ такой сферѣ, чувство нравственнаго достоинства человѣка. Могъ-ли даже говорить воспитатель о христіанскомъ понятіи брата и ближняго, не возмущая ребенка противъ окружающей его сферы? а отрицательное направленіе въ воспитаніи безсомнѣнія есть самое опасное и ложное. Но еще живѣе и опаснѣе, если ребенокъ замѣчаетъ, что слова религіи и науки только слова, имѣющія значеніе въ урокъ и никакого значенія въ жизни. Тутъ не только нравственный урокъ пропадаетъ даромъ, но приноситъ существенный вредъ, пріучая слухъ и душу ребенка къ такимъ словамъ, которыя безъ этого, можетъ быть, когда-нибудь потрясли-бы его сознаніе. Все это онъ слышалъ уже не разъ, слышалъ и привыкъ не слышать, видѣлъ и привыкъ не видѣть, т.-е. пріобрѣталъ именно ту погибельную привычку, которая болѣе всѣхъ прочихъ мѣшаетъ идти человѣку по пути нравственнаго совершенства. Лучше не говорить вовсе ребенку той или другой высокой истины, которой не выноситъ окружающая его жизнь, чѣмъ пріучать его видѣть въ этой истинѣ фразу, годную только для урока. Намъ удавалось слышать не одного домашняго наставника, который отзывался

съ ужасомъ, о тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчала его воспитательная дѣятельность во влияніи крѣпостной прислуги на воспитанника. Правда, во многихъ дворянскихъ семействахъ, особенно въ богатыхъ, старались по возможности прикрыть эти крѣпостныя отношенія; но эта искусственная гуманность рѣдко могла обмануть чуткость дѣтской души; а раскрытая разъ, приносила новый вредъ именно своею поддѣльностью. Открывая нарочно скрытое отъ него зло, ребенокъ учится разомъ и злу и средству прикрывать его.

Да, повторимъ еще разъ, актъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи будетъ написанъ на страницахъ русской исторіи золотыми буквами и составитъ эпоху и въ исторіи народнаго воспитанія.

Обрисовавъ мрачныя стороны нашего семейнаго воспитанія, намъ тѣмъ пріятнѣе остановиться на его свѣтлыхъ сторонахъ.

Если въ этой семейной сферѣ мы нашли мало элементовъ права, то тѣмъ болѣе находимъ мы въ ней элементовъ родственной любви. Какая-то особенная теплота, задушевность, сердечность отношеній, недопускающая мысли объ эгоистической отдѣльности одного лица отъ другаго, составляетъ отрадную черту характера славянской семьи. Трудно выразить въ словахъ вообще болѣе удобныхъ для выраженія грусти или злости, чѣмъ отраднаго чувства, то особенное свѣтлое нѣчто, что рождается въ душѣ нашей, когда мы вспоминаемъ теплоту родимаго семейнаго гнѣзда. До глубокой старости остаются въ насъ какія-то задушевные связи съ той семьей, изъ которой мы вышли. Намъ какъ-то трудно представить себѣ, что эти связи уже разорваны на всегда и это глубокое семейное чувство пробуждается въ насъ по временамъ, не смотря на толпу воспоминаній, проникнутыхъ горечью и желчью.

Мы не знакомы на столько съ семейными отношеніями другихъ племенъ и народовъ, чтобы высказать о нихъ что-нибудь положительное; но намъ кажется, что ни у французовъ, гдѣ семейныя связи рвутся такъ легко, ни у чадолюбивыхъ нѣмцевъ, ни даже въ проникнутыхъ мыслию и дѣятельностію семейныхъ англійскихъ кружкахъ нѣтъ той безискусственности, той глубины и сердечности отношеній, которыя существуютъ между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, братьями и сестрами и даже ближайшими родственниками во всякой сколько нибудь порядочной, славянской семьѣ. Есть что-то неувлимо-холодное, сдержанное, невысказывающееся въ этихъ условно приличныхъ отношеніяхъ, разумно расчитанныхъ, пожалуй, весьма полезныхъ, но непріятныхъ для патріархальнаго сердца славянина, которыя мы замѣчаемъ въ семействахъ иностранцевъ, живущихъ у насъ, и въ семейныхъ романахъ западныхъ писателей. Въ этихъ семействахъ каждый членъ пользуется большею самостоятельностью, чѣмъ у насъ; взаимныя права и обязанности высказались яснѣе; но именно можетъ быть потому больше холода, больше расчитанности въ словахъ и поступкахъ. У насъ права и обязанности въ семействѣ определены очень плохо и всякаго рода возникающіе вопросы рѣшаются не столько по семейному кодексу, сколько по внушенію непосредственнаго, глубоко коренящагося чувства. Въ сферѣ-то этого широко-развивающагося чувства, принимающаго иногда самыя дикія формы, но всегда очаровательнаго,—чувства, которое можетъ быть замедлило освобожденіе крѣпостнаго состоянія, но за то и помѣшало ему превратиться въ холодное, стальное рабство, и которое, безъ сомнѣнія, помѣшаетъ также установленію безжалостныхъ фабричныхъ отношеній между владѣльцемъ земли и землевладѣльцемъ,—въ сферѣ-то этого, чисто славянскаго семейнаго чувства выросло сердце русскаго человѣка, и этому-то чувству обязано оно, быть можетъ, своими лучшими качествами: теплою, добродушіемъ, желаніемъ какой-то задешности въ отношеніяхъ, тѣмъ неувлимо-

прекраснымъ оттѣнкомъ, который примиряетъ насъ иногда съ самымъ закоренѣлымъ взяточникомъ, когда мы посмотримъ на него въ его семейномъ кругу.

Сознаемъ вполне всю недостаточность нашихъ способностей, чтобы выразить ясно и притомъ въ нѣсколькихъ словахъ это глубокое, родное и всѣмъ намъ болѣе или менѣе знакомое чувство: для такого выраженія мало чувства и желанія, но нужно художество. Изъ писателей нашихъ, посвящавшихъ свой талантъ выраженію народной жизни, А. С. Пушкинъ и И. С. Тургеневъ болѣе другихъ успѣли перенести этотъ родной намъ всѣмъ элементъ въ свои художественныя созданія.

Другую отрадную черту въ семейномъ быту нашего дворянства, общую конечно и всѣмъ прочимъ сословіямъ, составляетъ сильный, глубоко коренящійся въ сердцѣ патріотизмъ, въ которомъ, пожалуй, проглядываетъ нерѣдко и тотъ ложный оттѣнокъ, который наша литература назвала *кваснымъ*. Не забудемъ, однакожь, что если отъ нашего патріотизма пахнетъ иногда русскимъ кваскомъ, то и англійскій также не лишенъ запаха ростбифа, пуддинга, джина, а нѣмецкій сильно отдаетъ пивомъ и табакомъ. У всякаго народа есть свои патріотическія предубѣжденія; но замѣчательно, что ни одна литература не вооружалась такъ противъ этихъ невинныхъ предубѣждений, какъ наша, объявляющая претензію на безконечное уваженіе къ народу. Посмотрите, на примѣръ, съ какою любовью Диккенсъ, котораго, надѣмся, наши литераторы не могутъ же обвинить въ недостаткѣ европейскаго образованія, рисуетъ самыя мелочныя привычки *доброй, старой* Англій, привычки иногда чрезвычайно странныя и отчасти даже смѣшныя, и какъ старается онъ поддержать эти привычки, возбудить къ нимъ любовь и въ тѣхъ лицахъ, въ которыхъ онѣ, подъ иностраннымъ вліяніемъ, начинаютъ исчезать. Что если бы въ нашей литературѣ какой-нибудь писатель заговорилъ такимъ-же языкомъ, какъ Диккенсъ: какимъ-бы градомъ колкостей, насмѣшекъ, какою-бы бранью встрѣтили его многіе на-

ши quasi европейскіе критики! Это явленіе стоитъ того, чтобы о немъ подумать. Или уже дѣйствительно въ нашей русской жизни нѣтъ ничего, чтѣ-бы заслуживало пощады, и мы съ головы до ногъ должны перерядиться въ чуждый костюмъ? Но въ такомъ случаѣ интересно-бы знать, какой-же костюмъ намъ посоветуютъ выбрать: англійскій, французскій или нѣмецкій? потому-что нарядиться разомъ во всѣ немножко неудобно: въ платьѣ, сшитомъ изъ разнохарактерныхъ лоскутковъ, мы не будемъ походить ни на одинъ образованный народъ въ мірѣ: такое платье, увы, — шутовское платье!

Но много или мало квасу въ нашемъ патріотизмѣ, а только этотъ патріотизмъ глубоко вкорененъ и въ нашихъ дворянскихъ семействахъ, хотя спитъ до поры до времени и пробуждается только послѣ какого-нибудь сильнаго толчка. Мы не будемъ припоминать здѣсь всѣхъ тѣхъ фактовъ народной жизни, когда патріотизмъ русскаго дворянства проявлялся во всей своей силѣ. Мы всѣ еще недавно пережили эпоху, когда общее народное бѣдствіе не съ одного русскаго человѣка сорвало французскую, англійскую или нѣмецкую маску и мы, не безъ удивленія, узнали русскихъ въ такихъ людяхъ, которыхъ давно считали за чистѣйшихъ иностранцевъ: это превращеніе доходило даже до крайности, и продлись еще немного этотъ тяжелый, но великій періодъ, и мы увѣрены, что русская рѣчь зазвучала-бы въ самыхъ модныхъ салонахъ и наши православные храмы наполнились-бы людьми, которые давно туда не заглядывали. Нѣтъ, на зло намъ самимъ, въ насъ гораздо болѣе патріотизма, чѣмъ мы сами думаемъ; но много также того, прирожденнаго славянскаго недостатка, который увлекаетъ насъ чужеземщиной далѣ предѣловъ благоразумія.

Мы считаемъ выраженіемъ патріотизма и тѣ проявленія любви къ родинѣ, которыя выражаются не въ однихъ битвахъ съ внѣшними врагами: высказать смѣлое слово истины бываетъ иногда гораздо опаснѣе, чѣмъ подставить лобъ подъ вра-

жескую пулю, которая авось пролетитъ и мимо. И въ этомъ отношеніи исторія русскаго дворянства, русской литературы и вообще русскаго образованія, неразрывно связанныя между собою, имѣютъ много великихъ страницъ. Да и въ настоящее время въ какомъ классѣ преимущественно началось овладѣвшее всѣми нами глубокое и сильное сознаніе своихъ недостатковъ и желаніе, во что-бы то ни стало, выдти на лучшую дорогу?

Не будемъ-же слишкомъ строги и къ нашему, хотя-бы и квасному патріотизму: это богатая почва, на которой выросло и разцвѣло множество прекрасныхъ растений. Какое сходство между великолѣпнымъ цвѣткомъ далии и ея некрасивымъ, запачканнымъ корнемъ? Но только для ребенка трудно понять, какъ такой некрасивый корень далъ столько роскошныхъ цвѣтовъ.

Одно бѣда, что это чувство патріотизма, пробуждающееся по временамъ съ истинно львиною силою, оказываетъ мало вліянія на спокойный ходъ нашей жизни, на исполненіе постоянныхъ, ежедневныхъ нашихъ обязанностей. Намъ рассказывали про одного помѣщика, который, снарядивъ двухъ сыновей своихъ въ Севастополь, потомъ и самъ пошелъ вслѣдъ за ними; а между-тѣмъ этотъ человѣкъ составилъ себѣ состояніе на службѣ самыми подозрительными средствами: явленіе, къ сожалѣнію, весьма возможное!

Вотъ на уничтоженіе этой-то раздвоенности нашей природы должно преимущественно дѣйствовать воспитаніе, и если мы не оправдываемъ тѣхъ поддѣльныхъ патріотическихъ возгласовъ и даже преднамѣренныхъ патріотическихъ неправдъ, которыми наполнена наша старая литература и наши старые учебники, то, тѣмъ не менѣе, намъ смѣшно и жалко, больно и досадно слушать и читать, когда какой-нибудь литераторъ или наставникъ усиливается доказать, на примѣръ, что французовъ въ двѣнадцатомъ году побили морозы, что въ исторіи нашей все достойно насмѣшки и презрѣнія, или съ

наслажденіемъ *разъличиваетъ* Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя, показывая дѣтямъ, какія это были мелочныя, пошлыя натуры, или доказываетъ съ увлекательнымъ жаромъ, что ни въ нашемъ прошедшемъ, ни въ нашемъ настоящемъ нѣтъ ничего такого, на чемъ могла-бы остановиться юная душа съ любовію и уваженіемъ. Если-бы англійскій, нѣмецкій или французскій педагогъ подмѣтилъ въ комъ-нибудь изъ насъ такое направленіе, то, онъ безъ сомнѣнія, взглянулъ-бы на насъ съ глубочайшимъ удивленіемъ, какъ на безумцевъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія ни о душѣ человѣческой, ни о нравственномъ достоинствѣ ея, ни о ея воспитаніи. Нѣтъ, это не значитъ воспитывать душу, а скорѣе разрушать ее; это не значитъ оплодотворять природу, а скорѣе дѣлать ее совершенно бесплодною; нѣтъ, это не образованіе, а дикость, вандализмъ, потому-что только варварамъ свойственно не имѣть исторіи и разрушать драгоцѣннѣйшіе ея памятники, истреблять все и не созидать ничего. А это, по истинѣ вандалское, все разрушающее, ничего не берегающее и ничего не созидающее направленіе нерѣдко принимается у насъ многими за признакъ высшаго европейскаго образованія; тогда-какъ въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одного самого мелкаго народца, который-бы не гордился своею національнію: даже нашъ бѣдный, прижатый къ землѣ западный братъ славянинъ, и тотъ гордо подымаетъ голову, когда затронутъ его народность и его народную религію. Хоть-бы изъ подражанія англичанамъ, французамъ или нѣмцамъ захотѣли и многіе изъ насъ въ свою очередь имѣть, уважать и любить свою народность!

Перечисляя прекрасныя, отрадныя черты въ семейномъ воспитаніи нашего дворянскаго класса, мы, конечно, не можемъ пропустить той простой, теплой религіозности, которую и теперъ еще можно встрѣтить въ большей части нашихъ дворянскихъ семействъ, за исключеніемъ немногихъ, ударившихся или въ модное невѣріе, или въ гнусное ханжество. Эта рели-

гіозность рѣдко, правда, бываетъ вполне сознательна, часто слишкомъ придерживается формы, но тѣмъ не менѣе глубоко западаетъ въ дѣтское сердце и иногда, пролежавъ въ немъ долго, подъ разными туманными, еще менѣе сознанными теоріями и блестящими фразами, пробуждается потомъ вновь съ необыкновенною силою. Понятно, что религія дѣйствуетъ на ребенка, равно какъ и на младенчествующій народъ, болѣе своими формами, чѣмъ своимъ высокимъ внутреннимъ содержаніемъ. Но *если эти формы созданы во времена высочайшаго христіанскаго одушевленія*, то понятно также, что онѣ не могутъ остаться безъ нравственнаго вліянія на душу человѣка. Всякій, получившій чисто русское воспитаніе, непременно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсней и священнодѣйствій, службы великаго поста и страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенія и всѣхъ тѣхъ годовичныхъ церковныхъ торжествъ и службъ, которыя составляютъ эпохи въ годовой жизни каждаго чисто русскаго семейства.

Чтобы понять значеніе этихъ воспоминаній, попробуйте насильно вычеркнуть ихъ изъ исторіи вашего дѣтства, и вы увидите, какъ потускнѣетъ эта свѣтлая, отрадная исторія. Наши писатели, посвящавшіе перо свое описанію быта русскаго семейства, именно потому не достигали никогда вполне своей цѣли, что по большей части пропускали этотъ религіозный элементъ. Но даже описывая жизнь англійскаго семейства, лучшіе романисты Англій, оставаясь вѣрными жизни, нерѣдко заходятъ въ церковь, на паперть, на погостъ; тогда какъ въ торжествахъ англійской церкви далеко нѣтъ той глубины и полноты, какая есть въ торжествахъ нашей. Вспоминая встрѣчу новаго года, Диккенсъ рисуетъ привлекательную семейную картину; но развѣ въ этой встрѣчѣ гражданскаго условнаго праздника есть что-нибудь подобное тѣмъ воспоминаніямъ, которыя остаются въ душѣ каждаго русскаго человѣка, умѣющаго помнить и любить свое дѣтство, отъ встрѣчи Свѣтлаго Христова

Воскресенія? Недавно намъ случилось, впрочемъ, читать въ какой-то очень пошлой повѣстцѣ насмѣшливое описаніе встрѣчи этого праздника. Писатель хотѣлъ быть острымъ, хотѣлъ смѣшить, но показалъ только, что умъ его лишень совершенно юмора, а сердце—чувства, и что грязный цинизмъ кажется ему остроуміемъ. Странное дѣло! Такія повѣстцы появляются у насъ верѣдко рядомъ съ теплыми рассказами Диккенса, и тутъ-то выходитъ наружу тотъ безобразный хаосъ, который часто царствуетъ въ нашихъ убѣжденіяхъ.

Знаемъ, что не одни подобные остряки, но и многіе изъ насъ заходятъ съ циническимъ сарказмомъ даже въ эту отдаленную область дѣтства, — знаемъ и жалѣемъ о такихъ людяхъ: жалѣемъ потому, что всѣ удовольствія удовлетвореннаго мелочнаго самолюбія не могутъ замѣнять для нихъ тѣхъ наслажденій, которыя испытываетъ всякій человѣкъ, воспитанный въ религіозной семьѣ и имѣющій способность возвращаться съ любовью къ воспоминанію дѣтства. Но если такія лица, разорвавшія всякую связь и съ своимъ дѣтствомъ и съ жизнью народа, вносятъ свои искусственныя, узкія убѣжденія и въ жизнь основанныхъ ими новыхъ семействъ, то мы еще болѣе жалѣемъ объ ихъ дѣтяхъ: печально и холодно будетъ ихъ дѣтство и когда, быть можетъ, охваченные холодомъ жизни, захотятъ они отогрѣться у воспоминаній родимаго очага, то не найдутъ тамъ ни тепла, ни свѣта.

Крестьянинъ не живетъ воспоминаніями, потому-что, въ его жизни нѣтъ крутыхъ переломовъ; но посмотрите, какъ иной бѣдный петербургскій чиновникъ, занесенный въ столицу изъ деревенской глуши, сидя въ своей бѣдной квартирѣ наканунѣ какого-нибудь большаго праздника и прислушиваясь къ однообразному, безучастному гулу европейскаго города, переносится мысленно въ свою тихую отдаленную родину и вспоминаетъ, какъ измѣнилось и оживилось тамъ все близостью великаго дня. Болью и счастьемъ сжимается его сердце отъ этихъ воспоминаній и часто онъ спѣшитъ въ храмъ, чтобы, по-крайней-мѣрѣ,

на чуждыхъ ему лицахъ и въ церковномъ пѣніи увидать оттѣнокъ и услышать отголосокъ далекаго, невозвратно-минувшаго дѣтства.

Мы сохраняемъ отрадную увѣренность, что многіе изъ насъ и теперь не могутъ безъ глубочайшаго душевнаго удовольствія вспомнить о тѣхъ мирныхъ, сіяющихъ торжествахъ, о тѣхъ то грустныхъ, то торжественныхъ мотивахъ, которые православная церковь вносила въ нашу родимую семью, и мы желали-бы, чтобы ни одно русское дитя не было лишено святаго, отраднаго, воспитательнаго вліянія православной церкви. Повѣрьте, что никакими эгоистическими расчётами не исчерпать потребностей души человѣческой, что много еще есть въ ней непостигнутыхъ вліяній и не вполне раскрытыхъ чувствъ, которыя долго ни одному психологу не удастся замкнуть въ тѣсную рамку системы, и что именно изъ этихъ-то непостижимо-глубокихъ тайниковъ души человѣческой рождаются и лучшія ея побужденія, и величайшіе помыслы, и благороднѣйшія дѣянія, и тѣ произведенія искусства и поэзіи, которымъ дивится свѣтъ, не понимая, откуда они могли родиться. Какъ часто мы встрѣчали безумныя усилія завалить эти живительные родники, встрѣчали рядомъ съ удивленіемъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыя изъ нихъ прошли. Посмотрите, откуда почерпнуты самыя теплыя, самыя лучшія страницы нашихъ замѣчательнѣйшихъ писателей; откуда вылились самыя задушевные и трогательныя страницы въ произведеніяхъ Пушкина, Тургенева, Аксакова, Гоголя? Неужели изъ ихъ обще-европейской, безличной образованности?

Замѣтимъ при этомъ, между прочимъ, что раннее помѣщеніе дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, гдѣ все совершается такъ формально, такъ безучастно, такъ оффиціально, наноситъ величайшій вредъ именно тѣмъ, что почти лишаетъ силы всѣ тѣ воспитательныя вліянія, о которыхъ мы сейчасъ говорили. И если кому-нибудь изъ нашихъ читателей покажется непонятнымъ или даже выдуманымъ тотъ воспитательный элементъ,

которы́й мы находимъ въ нашей дѣтской, религіозной семейной жизни, то вѣроятно этотъ читатель имѣлъ несчастье провести свои дѣтскіе годы въ какихъ-нибудь дѣтскихъ казармахъ или быть воспитаннымъ въ искусственно-придуманной сферѣ, которая на столько-же въ состояніи замѣнить выросшую въ исторіи нашей русскую религіозную семью, на сколько натопленная комната способна замѣнить для растенія его родимый климатъ и его родимую почву.

Обряды нашей православной церкви имѣютъ великое воспитательное вліяніе уже и потому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу святымъ религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ. Но какъ часто случается, что практическая жизнь и ея наставленія ставятъ въ душѣ русскаго человѣка какую-то непреодолимую стѣну между исполненіемъ этихъ обрядовъ и основными, глубочайшими принципами его практической дѣятельности! Вотъ именно постройкѣ этой-то губельной стѣны, возможности этой раздвоенности въ душѣ должны противодѣйствовать, какъ нравственныя наставленія духовныхъ пастырей, такъ и нравственно-религіозное воспитаніе дѣтей, въ основаніи котораго положена религія, наука и жизнь — проникшія другъ друга и составляющія одно цѣлое. Но не видимъ-ли мы очень часто, къ сожалѣнію, что даже у людей, на воспитаніе которыхъ потрачено много заботъ, религіозныя привычки и жизненныя убѣжденія діаметрально противоположны другъ другу? Не попадаютъ-ли у насъ, даже между образованными людьми, такіе, которые слова жи, лести и злобы, выходящія изъ устъ, считаютъ ничтожнымъ грѣхомъ въ сравненіи съ кускомъ скоромной пищи, входящей въ уста? Мало этого: въ насъ часто еще можно видѣть какое-то тайное убѣжденіе, чудовищно противорѣчащее христіанству, что исполненіе тѣхъ или другихъ религіозныхъ обрядовъ какъ-бы уполномочиваетъ человѣка на тѣ или другіе возмутительныя поступки, и что строгое соблюденіе постовъ, напримѣръ, даетъ

право быть жестокимъ, гордымъ, или разрѣшаетъ человѣка на обманъ, казнокрадство и взятки. Но возможно-ли было-бы такое, по истинѣ языческое убѣжденіе, если-бы человѣкъ прочелъ, воплѣ сознательно, хотя одну страницу евангелія и принялъ сердцемъ и умомъ ея содержаніе? А нашъ народъ, переставая ѣсть скоромное въ чистый понедѣльникъ, развѣ не продолжаетъ два два или три опохмѣляться водкою? А наши буйныя масляницы, въ которыя человѣкъ какъ-бы старается запасть неумѣренностями всякаго рода на весь великій постъ? Не приводятъ-ли всѣ эти дикія явленія къ той мысли, что истинное, христіанское воспитаніе церковью и школою должно, столько-же, по-крайней-мѣрѣ, бороться противъ невѣрія, сколько и противъ суетвѣрія и идолопоклонства?

Мы говоримъ здѣсь только о бессознательной, добросовѣстной раздвоенности нашихъ убѣжденій, а не о томъ преднамѣренномъ религіозномъ лицемѣріи, въ которомъ нѣтъ никакихъ убѣжденій. Это уже не ошибка, не заблужденіе; а самое низкое, преднамѣренное торгашество святыней. Религіозный лицемѣръ въ сущности хуже всякаго атеиста: одинъ только отвергаетъ святыню, а другой торгуетъ ею для достиженія своекорыстныхъ цѣлей, и невѣрія глубже невѣрія лицемѣра быть не можетъ. Атеистъ непремѣнно вѣритъ во что-нибудь: религіозный лицемѣръ ни во что не вѣритъ и дѣйствуетъ на общество гибельнѣе всякаго атеиста. Сколько юныхъ, благородныхъ сердецъ, встрѣчаясь съ отвратительнымъ лицемѣріемъ, именно потому уклонилось отъ религіи!

Но если отвратителемъ образъ человѣка, который, рассказывая всѣмъ о своихъ строгихъ постахъ и длинныхъ молитвахъ, втихомолку беретъ взятки и давитъ своего ближняго: то развѣ не точно-ли также отвратителемъ образъ человѣка, торгующаго европейскими идеями гуманности и образованія? Чѣмъ-же лучше самого отвратительнаго религіознаго лицемѣра какой-нибудь литературный откупщикъ, который толкуетъ о пауперизмѣ въ своихъ раззолоченыхъ палатахъ и изучаетъ

дѣйствіе пауперизма на своихъ сотрудникахъ? твердить другимъ о необходимости самопожертвованія для общаго блага и, пользуясь бѣдностію талантливаго писателя, вгоняетъ его въ чахотку своими безсовѣстными нечеловѣческими требованіями? какъ истинный рабъ общественнаго мнѣнія, не только глядитъ ему въ глаза и ловитъ каждую его слабость, чтобъ обратить ее въ собственную пользу, но и старается поддерживать, плодитъ и растравляетъ эти раны, потому что живетъ ими, какъ чужеядный грибокъ живетъ болѣзнію растенія, и печатаетъ не то, что можетъ быть полезно для общества, но только то, что можетъ быть раскуплено? Всякая торговля убѣжденіями гнусна, какого-бы рода эти убѣжденія ни были, и чѣмъ выше убѣжденія, тѣмъ торговля ими отвратительнѣе; но развѣ отъ этого помрачается чистота и святость самой истины? Истина всегда останется святою и чистою, какими-бы нечистыми руками къ ней ни прикасались: таково чудное свойство истины.

Но мы говоримъ здѣсь не о лицемѣріи, а о томъ безсознательномъ раздвоеніи между исполненіемъ христіанскихъ обрядовъ съ одной стороны и вовсе нехристіанскими принципами жизни съ другой, которое встрѣчается у насъ на каждомъ шагу. Вотъ этому-то раздвоенію должно противудѣйствовать истинно христіанское воспитаніе.

Если нельзя обвинять истину въ томъ, что тотъ или другой лицемѣръ употребляетъ ее для своекорыстныхъ цѣлей, то точно также нельзя обвинять религіозныхъ формъ и обрядовъ, если кто-нибудь, увлекаясь ими, забываетъ содержаніе. Развѣ мы не видѣли возможности ханжества или лицемѣрія въ самой безформенной изъ религіозныхъ сектъ—въ пуританствѣ? Истинное, умственное и нравственное образованіе, проникнутое духомъ христіанства, враждебнаго всякому лицемѣрію, въ какой-бы тонкой формѣ оно ни проявлялось, одно можетъ предупредить такое, то безсознательное, то злостное, раздвоеніе формы и содержанія.

Но, спросятъ насъ, быть можетъ, къ чему мы ведемъ нашу рѣчь, къ чему мы выставляли дурныя и хорошія стороны нравственнаго воспитанія двухъ классовъ общества? Сознаемъ вполне, что выполнили нашу задачу очень плохо; но о важномъ значеніи самой задачи мы готовы поспорить съ кѣмъ угодно. Мы должны познакомиться съ настоящимъ состояніемъ воспитанія въ русскомъ народѣ прежде, чѣмъ захотимъ внести туда наши теоріи и улучшенія. Русская семья со всѣми своими элементами, добрыми и дурными, со всею своею внутреннею жизнію, дающею и цѣлебныя и ядовитыя плоды, есть созданіе исторіи, котораго нельзя замѣнить никакою искусственною постройкою. Напрасно мы хотимъ *выдумать* воспитаніе: воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько-же вѣковъ, сколько существуетъ самъ народъ — съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выросли новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приаровившись къ ней-же самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ; но пересоздать ее невозможно. И слава Богу! Какой странный хаосъ, какія враждующія противорѣчія, какія нелѣпицы, кажущіяся намъ разумными сегодня и крайне глупыми завтра, появились-бы въ воспитанія русскаго народа, если-бы оно было послушнымъ воскомъ въ нашихъ рукахъ. Всякая цѣльность въ народѣ исчезла-бы навсегда, и та его долговѣчность, въ которой жизнь отдѣльнаго человѣка является минутою, а жизнь цѣлаго поколѣнія однимъ днемъ, имѣющимъ свои мимолетныя слабости, прихоти и увлеченія, была-бы навсегда разрушена. Мы безумно подкопали-бы корень вѣковаго растенія и разсыпались-бы потомъ сами, какъ рассыпаются листья съ усохшаго дерева. Нѣтъ, позаботимся о томъ, чтобы дерево росло лучше, но не дерзнемъ коснуться его вѣковыхъ корней! Дерево сильно — оно выдержитъ много новыхъ прививокъ, сколько-нибудь ему свойственныхъ; но, благодаря Бога, корни этого

дерева уходятъ глубоко въ землю, такъ что мы до-сихъ-поръ не успѣли ихъ докопаться. Нѣтъ, русское воспитаніе не поддастся и не поддастся нашимъ усиліямъ, до-тѣхъ-поръ, пока мы сами въ себѣ не примиримъ европейскаго образованія съ живущими въ насъ элементами народности.

Не остановки въ развитіи народа, невозможной или гибельной, какъ мы это старались выразить въ первой статьѣ, но разумнаго безостановочнаго развитія, на столько быстрого, на сколько можетъ оно быть быстро безъ ущерба своей разумности, — развитія, построеннаго на выработанныхъ уже въ исторіи основахъ, желаемъ мы всею силою души нашей: рациональной, постепенной, безостановочной разработки и улучшенія той почвы, которая уже представляется воспитанію самимъ народомъ (*).

Глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чуждые съ одной стороны юридической строгости римскаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта западныхъ народовъ, а съ другой — меркантильной жесткости и разсчетливости; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины человѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ; необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспріимчивость ко всему чуждому, льется-ли оно

(*) Въ моей статьѣ «О народности въ воспитаніи», напечатанной въ «Журналѣ для воспитанія», за 1857 годъ, я старался выставить фактъ народности воспитанія у всѣхъ великихъ западныхъ народовъ; здѣсь же я хотѣлъ схватить нѣкоторыя, наиболѣе рѣзкія черты народности русскаго семейнаго воспитанія, которое всѣми своими сторонами — хорошими и дурными и болѣе дурными, чѣмъ хорошими, — отразилось и въ нашемъ школьномъ воспитаніи; отразилось на столько, на сколько могло отразиться въ этихъ неудачныхъ снимкахъ съ чуждыхъ намъ образцовъ.

съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто бессознательная, наконецъ, древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа: вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія, если оно хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности подражаніемъ: не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно увядая, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортить.

Знаемъ, что для многихъ всякая особенность въ характерѣ русскаго воспитанія есть дѣло совершенно бесполезное, хотя они признаютъ значеніе такихъ особенностей въ воспитаніи другихъ народовъ. Знаемъ также что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ; но тѣмъ не менѣе, считая святою обязанностію каждаго въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково народное воспитаніе, выражать своимъ глубочайшія убѣжденія, мы скажемъ, что уже по одной народности этой религіи не только всякій воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякій, кто не хочетъ показать, что онъ не любитъ и не уважаетъ своего народа, долженъ, если уже не съ любовью, то по-крайней-мѣрѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ его убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ. Если, воспитывая дитя, мы должны съ уваженіемъ приближаться къ душѣ его, то во сколько разъ должно быть больше это уваженіе къ душѣ народа, когда мы принимаемся за дѣло его воспитанія. Но какъ часто намъ попадаются такія литературныя явленія, въ которыхъ, авторы думая, конечно, дѣйствовать въ интересѣ народнаго воспитанія, начинаютъ съ того, что топчутъ прежде всего съ презрѣніемъ все народное и не замѣчаютъ, какъ не рационально такое на-

чало воспитанія. Какъ часто попадаютъ намъ такія литературныя явленія, въ которыхъ, авторы думая безъ сомнѣнія, дѣйствовать въ интересѣ народа, на самомъ дѣлѣ угождаютъ только минутной прихоти разнохарактерной и разноязычной толпы, которая обыкновенно въ великія народныя эпохи или исчезаетъ безъ слѣда, или оказывается настоящею чернью. Мы не говоримъ уже о тѣхъ литературныхъ дѣятеляхъ, которые именно и рассчитываютъ на эту минутную прихоть, какого-бы рода она ни была, и не имѣя никакихъ убѣжденій, занимаются только торговлей. Время, т.-е. постепенно развивающаяся жизнь народа, произноситъ свой медленный, но неотразимый судъ и надъ литературой. Такъ гигантъ, выросшая, разрываетъ путающія его снаружи пеленки, унося съ собою только то, что коснулось души его. «Все минется — одна правда останется», говоритъ нашъ народъ, выражая свою вѣру въ исторію и вѣчную правду божественнаго Провидѣнія, правду, которую часто, какъ и самое небо, скрываютъ отъ насъ туманы, поднимающіеся съ нашей-же земли.

Уже и на западѣ начинаютъ разсѣваться узкія, фанатическія предубѣжденія противъ православнаго христіанства; уже и тамъ безпристрастные ученые, посвятившіе свою добросовѣстную дѣятельность изученію исторіи величайшаго элемента жизни человѣчества — изученію христіанства, начинаютъ замѣнять прежнія, изобрѣтенныя фанатизмомъ названія нашей восточной церкви, названіемъ *исторической*; начинаютъ, хотя еще смутно, сознавать, что величественный, историческій храмъ христіанства сохраненъ именно православіемъ. Путь, которымъ доходитъ до такихъ результатовъ добросовѣстная наука, весьма понятенъ: это тотъ-же самый путь, слѣдуя которому Шлецеръ открылъ намъ русскимъ величіе и добросовѣстность нашей скромной монастырской лѣтописи, и доказалъ намъ, что мы напрасно роемся въ полуученыхъ, хитро сплетенныхъ чужеземныхъ лѣтописяхъ, обладая такимъ сокровищемъ, какимъ не обладаетъ ни одинъ народъ — обладая Несторомъ. Неуже-

ли-же для многихъ изъ насъ нуженъ непремѣнно новый Шлецеръ, который-бы указалъ намъ, какимъ неоцѣнимымъ сокровищемъ обладаемъ мы и въ нашей православной христіанской лѣтописи съ ея безхитростною истиною и ея величественными, историческими формами, столь свойственными великой народности, волнуемой неисчерпаемо-глубокимъ религіознымъ чувствомъ, ищущимъ свободы, которую можетъ дать только глубокая, истинно-художественная форма, проникнутая содержаніемъ.

Близко можетъ-быть то время, когда всякій образованный иностранецъ, если не съ вѣрою, то съ глубочайшимъ уваженіемъ будетъ входить въ древній величественный храмъ христіанства, сохраненный востокомъ; гдѣ и для иновѣрца, умѣющаго цѣнить глубину идеи и красоту формъ, каждое украшеніе, каждая пѣснь, проникнуты тою величавою простотою и въ то-же время тою недосыгаемою глубиною, поддѣлка подъ которую еще болѣе невозможна, чѣмъ поддѣлка подъ классическую древность. Есть что-то чудное, недоступное прихоти времени даже въ томъ необыкновенно богатомъ, звучномъ и выразительномъ языкѣ, которымъ оглашаются наши русскіе храмы и происхожденіе котораго укрывается отъ самыхъ пытливыхъ взоровъ, вооруженныхъ всѣми средствами европейской науки.

Все это мы говоримъ здѣсь съ тою цѣлію, чтобы показать, что истинная, добросовѣстная наука, каковы-бы даже ни были личныя вѣрованія самого ученаго, не только найдетъ возможность построить народное образованіе на прочной основѣ нашей народной религіи, но, какъ величайшимъ сокровищемъ, какъ неисчерпаемымъ и уже существующимъ источникомъ нравственнаго и умственнаго развитія, будетъ дорожить этою историческою основою, столько-же христіанскою, человѣчественною, и художественною, сколько и народною.

Мы высказали здѣсь далеко не все, что намѣрены были высказать; но въ заключеніе скажемъ только одно: что рус-

ское воспитаніе нуждается не во внѣшнихъ реформахъ, не въ замѣнѣ прежняго, вышедшаго уже изъ моды и истасканнаго нами костюма новымъ, столь-же иностраннымъ и столь-же намъ чуждымъ; что хотя, конечно, очень многое можемъ и должны занять изъ опытовъ иностранной педагогики, но не должны забывать, что для младенца тогда только не вредна чуждая пища, когда онъ, вскормленный молокомъ матери, уже приобрѣлъ достаточно силъ, чтобы переваривать и уподоблять эту чуждую пищу и силою своей собственной, самостоятельной жизни превращать ее въ кровь и тѣло. Такою родимою грудью является для насъ наша народность и наша народная религія, соединяющія каждаго изъ насъ съ каждымъ русскимъ, хотя-бы онъ скрывался далеко отъ глазъ нашихъ въ самой темной массѣ народа, или въ самомъ отдаленномъ уголку нашей неизмѣримой отчизны, — соединяющія насъ съ давно отжившими и грядущими поколѣніями, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что одно даетъ намъ прочное, историческое, а не эфемерное существованіе.

Но если никакія внѣшнія реформы не рѣшаютъ вопроса о народномъ воспитаніи, а рѣшеніе его требуется настоятельно и безотлагательно, то какъ-же приступить къ нему? — Прежде всего и болѣе всего наше народное воспитаніе нуждается въ людяхъ, способныхъ къ этому великому дѣлу, нуждается въ народныхъ учителяхъ, — народныхъ не потому только, что они учатъ народъ и въ народныхъ школахъ, а потому, что они вышли дѣйствительно изъ среды народа, вынесли съ собою его лучшія, характеристическія свойства и его чистѣйшія привязанности и просвѣтили эти свойства и привязанности истинно-христіанскимъ, европейскимъ образованіемъ. Народные учителя нужны намъ прежде всего и болѣе всего. Но для отысканія средствъ, какъ приготовить такихъ учителей, мы можемъ безъ стыда обратиться за опытами и указаніями къ нашимъ старшимъ братьямъ въ дѣлѣ образованія. Заимствуя устройство учительскихъ семинарій у Германіи и Англіи, мы конечно дол-

жны подражать имъ и въ томъ, чтобы эти семинаріи приготавливали дѣйствительно народныхъ наставниковъ, т.-е. такихъ которые-бы не вносили разлада въ народную жизнь и невѣрія въ народное сердце (*).

(*) Вопросъ объ устройствѣ учительскихъ семинарій будетъ однимъ изъ главныхъ вопросовъ Ж. М. Н. Пр. въ будущемъ году.

К. УШЕНСКИЙ.

УЧИТЕЛЬСКІЯ СЕМИНАРІИ

ВЪ ПРУССІИ (*).

Незавидна была участь народнаго воспитанія до половины минувшаго столѣтія, когда оно большею частью вѣрялось руководству голодныхъ ремесленниковъ и инвалидовъ солдатъ. Къ счастью, съ этого-же времени начинаютъ появляться болѣе правильныя понятія о его высокомъ значеніи, начинаетъ улыбаться ему эра болѣе свѣтлой будущности. Гуманныя стремленія ищутъ для него болѣе твердой и надежной опоры въ образованіи сословія способныхъ учителей. Въ искреннихъ и просвѣщенныхъ друзьяхъ народа зародилась мысль о необходимости учрежденія особенныхъ учительскихъ семинарій, и осуществленіе этой благотворной мысли принесло богатые плоды. Возвысилось внутреннее достоинство учителя, въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а вслѣдъ за тѣмъ проявилось и убѣжденіе въ необходимости улучшить его положеніе въ обществѣ, съ одной стороны доставивъ учительской должности почетную самостоятельность, съ другой — обезпечивъ учителей приличнымъ содержаніемъ. Но матеріальное улучшеніе положенія учителей въ обществѣ шло далеко медленнѣе, нежели умственное образованіе, которое сообщали имъ семинаріи; устраненіе возникшаго отсюда противорѣчія составляетъ по настоящее время главную цѣль преобразовательныхъ стремленій. Что въ этомъ отношеніи дѣлается и въ какомъ положеніи дѣло это въ настоящее время, постараемся отчасти объяснить въ слѣдующемъ обзорѣ административныхъ постановленій объ устройствѣ учительскихъ семинарій въ Пруссіи.

(*) Извлечено изъ сочин.: *Das Unterrichtswesen des Preussischen Staates, von Rönne. Berlin. 1864.*

ВОСПИТАНИЕ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ ВЪ СЕМИНАРІИ.

Приготовленіе къ учительской должности для народной школы въ одной изъ учительскихъ семинарій почитается основнымъ правиломъ еще и въ настоящее время; хотя, съ одной стороны, въ противоположность монастырской замкнутости этихъ заведеній, предоставляется свобода учителю образоваться въ высшихъ училищахъ и университетахъ, а съ другой требуется приготовленіе будущихъ учителей предоставить исключительно нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ.

Учительскія семинаріи принадлежатъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ; касательно-же вѣдѣній и опредѣленій учителей, онѣ подлежатъ тѣмъ-же правиламъ, какія установлены для реальныхъ училищъ и гимназій. Учительскія семинаріи состоятъ въ вѣдѣніи провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ. О внутреннемъ ихъ устройствѣ нѣтъ никакого общаго постановленія. Онѣ руководствуются въ этомъ отношеніи или провинціальными, или-же особыми, данными каждой семинаріи въ отдѣльности, инструкціями. Организація ихъ слѣдующая: заведеніемъ управляетъ директоръ. Питомцы живутъ вмѣстѣ и содержатся по положенію. Обученіе они получаютъ безплатно въ теченіе двух- или трехгодичнаго курса. Приему и выпуску предшествуетъ испытаніе. Кроме того, въ опредѣленное время въ нихъ производятся испытанія воспитанниковъ въ продолженіи курса. При семинаріяхъ находятся практическія школы.

Обыкновенная плата съ воспитанника за вступленіе около 5 тал. и за содержаніе около 40 тал. Что касается книгъ, музыкальныхъ нотъ, принадлежностей для письма и рисованія, одежды и бѣлья, то каждый воспитанникъ долженъ заботиться самъ о себѣ. За квартиру не платятъ.

Семинаріи раздѣляются на евангелическія и католическія. Есть также особенныя учительскія семинаріи для дѣвицъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчается различіе между городскими семинаріями и сельскими или просеминаріями (*Neben-Seminare*).

Вообще, въ 1853 г. въ Пруссіи число существовавшихъ семинарій и просеминарій простиралось до 60. Приложенная таблица подъ лит. А. въ особыхъ графахъ показываетъ, въ какихъ провинціяхъ и городахъ, какого разряда и для какого исповѣданія устроены учительскія семинаріи, а также сколько въ каждой изъ се-

минарій классовъ, воспитанниковъ и преподавателей, какое по штату получаетъ содержаніе. Въ графѣ, подъ заглавіемъ: «особыя замѣчанія», помѣщены тѣ свѣдѣнія, которыя не подходятъ подъ заглавія прочихъ графъ. Пробѣлы въ нѣкоторыхъ графахъ означаютъ, что для пополненія ихъ не имѣется свѣдѣній.

I. ПРИЕМЪ ВЪ СЕМИНАРІЮ.

Приему въ семинарію предшествуетъ удостовѣреніе въ тѣлесной способности быть учителемъ и предварительное испытаніе въ познаніяхъ, къ которому готовятъ особенныя приготовительныя заведенія (Präparanden-Anstalten).

Удостовереніе въ тѣлесной способности требуется при вступленіи въ семинарію и предъ выходомъ изъ нея. Вотъ наставленіе министра (11 мая 1840 г.) Мюнстерскому училищному совѣту относительно тѣлесной способности:

Такъ-какъ отправленіе учительской должности, по причинѣ сопряженныхъ съ нею постоянныхъ трудовъ, требуетъ хорошаго, а не сомнительнаго здоровья учителя, то и постановлено принимать въ семинарію только тѣхъ изъ желающихъ поступить въ онукъ юношей и дѣвицъ, которые представляютъ о своемъ здоровьѣ надлежащее медицинское удостовѣреніе. Но частыя болѣзни принятыхъ юношей и случаи ранней смерти кандидатовъ въ учительскія должности и молодыхъ учителей потребовали произвести ближайшее изслѣдованіе причинъ этого явленія; при чемъ ясно оказалось, что большая часть этихъ молодыхъ людей не только не пользуются такимъ здоровьемъ, какое показываютъ аттестаты, но даже были принимаемы въ заведеніе дѣйствительно больные и съ явнымъ зародышемъ быстро развивающейся опасной болѣзни. Въ слѣдствіе этого, напомнивъ о прежнихъ постановленіяхъ по этому предмету, министръ предписываетъ болѣе опредѣлительныя требованія.

Аттестаты о здоровьѣ, доставляемые кандидатами и кандидатками, являющимися для вступленія въ семинарію, только тогда считаются законными и дѣйствительными, когда они выданы *окружнымъ врачомъ* (Kreis-Physikus). Притомъ они должны лично подавать прошенія, и, кромѣ свидѣтельства отъ пользовавшаго ихъ прежде *врача*, представлять свидѣтельство отъ своего *приходскаго священника* и *школьнаго учителя*. Въ свидѣтельствѣ учителя, кромѣ настоящаго здоровья, должно быть упомянуто и о преж-

немъ его состояніи, на сколько возможно, за все время пребыванія въ школѣ кандидата.

Приему въ семинарію служатъ препятствіемъ: 1) увѣчье и замѣтная уродливость тѣлосложенія, 2) слишкомъ слабое тѣлосложеніе, особенно слабость груди, 3) постоянная болѣзненность и частыя болѣзни въ дѣтствѣ, 4) близорукость въ такой степени, что лишаетъ возможности видѣть ученика въ большой учебной залѣ и ясно его замѣтить, 5) сильная золотуха и ревматизмъ, 6) чрезмерная раздражительность нервовъ и замѣтное расположеніе къ ипохондріи и истерикѣ, 7) прежнее сильное и частое кровотеченіе, 8) явственное чахоточное расположеніе; — относительно двухъ послѣднихъ случаевъ обращается вниманіе, не страдалъ-ли кто этими болѣзнями изъ членовъ семейства и не умеръ-ли отъ чахотки.

Подобное-же постановленіе провинціального училищнаго совѣта въ Силезіи (16 сент. 1847) гласить:

Такъ-какъ все еще весьма часто случается, что молодые люди, которыхъ здоровье и тѣлесное развитіе неудовлетворительно, изъявляютъ желаніе быть учителями, то училищный совѣтъ, обращая вниманіе родителей и воспитателей на особенную важность того, чтобы будущіе учителя пользовались крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и здоровьемъ, и въ-особенности хорошо развитою грудью, и поставляя въ обязанность визитаторамъ, равно при приѣмѣ въ учительскія семинарія, какъ и при опредѣленіи въ учительскія должности, принимать во вниманіе вмѣстѣ съ умственными способностями и санитарныя требованія, предписываетъ нѣкоторыя новыя правила, имѣющія въ виду отстраненіе тѣлесно неспособныхъ къ учительской должности молодыхъ людей.

а) Молодые люди, желающіе посвятить себя преподаванію, обязываются представить училищному ревизору о допущеніи своемъ къ занятіямъ *препарандовъ* (т. е. приготовляющихся въ семинарію) и включеніи въ списокъ *аспирантовъ* (т. е. желающихъ приготовить себя къ учительской должности), медицинское свидѣтельство по нижеприведенной формѣ (а) отъ своего врача (имѣющаго ученую степень практическаго врача или какого-либо хирурга перваго класса).

б) Молодымъ людямъ, которые по представленнымъ свидѣтельствамъ о здоровьѣ будутъ признаны неспособными къ преподаванію, заблаговременно, прежде поступленія ихъ препарандами, объявлять объ ихъ тѣлесныхъ неспособностяхъ и объяснять

имъ, что дальнѣйшее стремленіе ихъ къ осуществленію своего намѣренія противно и училищной цѣли, и собственной ихъ пользѣ; тогда какъ они могутъ ожидать результата гораздо болѣе благоприятнаго, ежели посвящать себя другой профессіи, къ которой они способны и по удостовѣренію врача, и по своему тѣлосложенію, и которая не сопровождается ни однимъ изъ условій, могущихъ развить ихъ настоящее болѣзненное расположеніе.

с) Лица, на которыхъ лежитъ ближайшая обязанность заботиться объ образованіи препарандовъ, должны наблюдать не только за тѣмъ, чтобы здоровье препарандовъ не подверглось опасности отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ и тѣлесныхъ занятій, именно отъ постоянного обученія въ школахъ, но и настоятельно совѣтовать слабымъ и болѣзненнымъ препарандамъ избрать себѣ другое поприще и давать имъ замѣтить, что слѣдствіемъ медицинскаго освидѣтельствованія, которое предшествуетъ приѣмному испытанію въ учительскія семинаріи, навѣрное будетъ имъ отказъ въ приѣмѣ.

а) *Форма медицинскаго свидѣтельства.*

- 1) Имя, фамилія и возрастъ аспиранта.
- 2) Способенъ-ли онъ по своему тѣлосложенію, здоровью и развитію, къ преподаванію?
- 3) Нѣтъ-ли въ его семействѣ наслѣдственнаго расположенія къ чахоткѣ, падучей болѣзни или другимъ болѣзнямъ, которыя могутъ помѣшать надлежащему управленію учительской должности?
- 4) Значительно-ли и существенно-ли уклоняется здоровье и развитіе его тѣла отъ нормальнаго состоянія или нѣтъ, и въ первомъ случаѣ, въ чемъ состоитъ это уклоненіе?

Удостоверяю по сущей правдѣ и на основаніи клятвеннаго обѣщанія, что этотъ отвѣтъ я далъ вслѣдствіе основательнаго изслѣдованія и зрѣлаго обсужденія.

(Мѣсто и время.)

(Подпись и печать врача.)

Приготовленіе къ приѣмному испытанію въ учительскія семинаріи получается желающими или въ особенныхъ заведеніяхъ, или

у отдѣльныхъ духовныхъ лицъ и учителей (Постановленіе консисторіи и училищнаго совѣта въ Помераніи 29 мая 1829 г.).

Въ прежнее время приготовленіе молодыхъ людей къ приему въ учительскія семинаріи большею частью было предоставлено ихъ собственной заботливости и обращалось вниманіе только на то, чтобы требованія пріемнаго испытанія строго согласовались съ современнымъ состояніемъ народныхъ школъ въ данныхъ провинціяхъ и увеличивались-бы вмѣстѣ съ постепеннымъ улучшеніемъ этихъ школъ до объема и степени, соотвѣтствующихъ назначенію ихъ. Такъ-какъ бѣольшая часть молодыхъ людей часто 14-ти лѣтъ отъ роду оканчиваютъ курсъ ученія, обыкновенно не превышающій такъ-называемаго элементарнаго образованія, то тѣ изъ нихъ, которые, не выучась прежде какому-либо ремеслу, или не пріискавъ себѣ другаго пріюта, въ этомъ уже возрастѣ рѣшаются избирать учительское призваніе, стараются пополнить недостатокъ познаній приготовленіемъ себя къ приему въ учительскую семинарію или у какого нибудь сосѣдняго священника и учителя, или въ публичной городской школѣ, а для пріобрѣтенія практической опытности въ управленіи школою, за умѣренное вознагражденіе, берутся обучать какое нибудь отдѣленіе въ многочисленной школѣ или помогать учителю сосѣдней сельской школы, и такимъ образомъ снискиваютъ себѣ трудомъ бѣдное содержаніе и въ то же время утверждаютъ въ элементарныхъ познаніяхъ.

Несправедливо отрицать, что молодые люди, желающіе себя посвятить учительскому званію, могутъ этимъ путемъ пріобрѣсть необходимыя элементарныя познанія и вообще провести съ пользою время между выходомъ изъ школы и приемомъ въ учительскую семинарію; но все-таки нельзя не признать и того, что здѣсь слишкомъ много предоставляется случаю и произволу. Высшая наука въ семинаріи не можетъ опереться на столь невѣрномъ основаніи; она, во вредъ дѣйствительному образованію будущихъ учителей, все-таки вынуждена будетъ слишкомъ долго останавливаться на элементарныхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ каждой хорошей народной школѣ. Нерѣдко неспособные мальчики и юноши насильно продираются въ сословіе, къ которому они не имѣютъ никакого внутренняго призванія, и въ которомъ поэтому они никогда не подвинутся выше посредственности. Слѣдовало-бы имъ съ самаго начала посовѣтовать избрать себѣ другой родъ призванія, тѣмъ болѣе, что давать подобный совѣтъ слишкомъ

уже поздно тогда, когда они являются къ пріемному экзамену въ семинарію.

Для предотвращенія этого вреда и для успѣха введенныхъ въ училища улучшеній, необходимо и вообще весьма важно, чтобы главныя и второстепенныя семинаріи принимали молодыхъ людей достаточно приготовленныхъ, и чтобы всѣ ихъ воспитанники приносили уже съ собою въ заведеніе требуемыя качества и предварительныя познанія. Поэтому, для доставленія молодымъ людямъ, которые желаютъ быть учителями, удобства въ приготовленіи себя къ пріемному испытанію въ учительскія семинаріи, сдѣланы слѣдующія распоряженія:

- 1) Желающій удостоиться пріема въ главную или второстепенную учительскую семинарію, для полученія въ ней высшаго учительскаго образованія, долженъ прежде основательно приготовить себя къ такому пріему и представить надлежащія удостовѣренія.
- 2) По прежнему предоставляется каждому, кто пожелаетъ посвятить себя учительскому званію, на волю, пользоваться образовательными пособіями и заведеніями, какія онъ по своему положенію найдетъ наиболѣе для себя удобными, гдѣ и какъ угодно пріобрѣтать познанія въ наукахъ и искусствахъ, требуемыя безусловно для пріема въ семинарію; что-же касается сыновей священниковъ и учителей, то и имъ вольно также приготовляться для пріема въ семинарію въ отцовскомъ домѣ или въ мѣстной школѣ.
- 3) Но кто-бы гдѣ и какимъ образомъ ни получилъ нужное приготовленіе, требуется непремѣнно, чтобы онъ
 - а) требуемыя познанія усвоилъ себѣ *вполнѣ и правильно*, т. е. не механически только, но основательно, ясно и съ полнымъ сознаніемъ;
 - б) въ какой-либо благоустроенной школѣ приготовилъ себя практически къ преподаванію и школьнымъ порядкамъ, и
 - в) съ этою цѣлью поручилъ-бы себя непосредственному наблюденію и руководству опытнаго, искуснаго педагога, священника или учителя.
- 4) Ближайшими условіями для пріема молодыхъ людей въ главную учительскую семинарію постановлено:

- 1) Безукоризненное поведеніе и благочестіе, внушаемое христіанскимъ семейнымъ воспитаніемъ и хорошимъ религіознымъ обученіемъ.
 - 2) Исполненные 18 лѣтъ отъ роду.
 - 3) При необходимыхъ тѣлесныхъ качествахъ постоянное, крѣпкое здоровье.
 - 4) Хорошія умственные способности, преимущественно здравое сужденіе, и достаточное развитіе памяти.
 - 5) Необходимыя предварительныя познанія.
 - 6) Документы: 1) свидѣтельство приходскаго священника и школьное, 2) метрическое свидѣтельство о крещеніи, 3) медицинское свидѣтельство, въ которомъ должно быть обозначено, что предъавитель не страдаетъ уродливостію и недостатками, которые дѣлали-бы невозможнымъ исполненіе учительской должности или слишкомъ затрудняли-бы его, какъ напр. слабая грудь, тупой слухъ, близорукость или слабое зрѣніе, падающая болѣзнь, рѣшительное расположеніе къ сухоткѣ, и т. п.
- 5) Относительно предварительныхъ познаній требуется для приѣма:
- 1) По предмету религіи: знакомство съ священнымъ писаніемъ ветхаго и новаго завѣтовъ, съ порядкомъ и общимъ содержаніемъ библейскихъ книгъ и сочинителями ихъ. — Знаніе библейскихъ разсказовъ, способныхъ возбудить и оживить христіанскія благочестивыя чувствованія. — Знаніе значенія христіанскихъ праздниковъ и воскресныхъ дней; разумѣніе буквального смысла и знаніе наизусть главныхъ частей катихизиса и важнѣйшихъ мѣстъ изъ текста св. писанія; доказывающихъ главныя истины христіанскаго ученія.
 - 2) По предмету отечественнаго языка:
 - a) Навыкъ въ правильномъ произношеніи.
 - b) Плавное и правильное чтеніе печатныхъ книгъ и рукописей, съ соблюденіемъ знаковъ препинанія, правильнаго ударенія, повышенія и пониженія голоса; способность дать ясный отчетъ о прочитанномъ.
 - c) Чистый и четкій, правильно образованный почеркъ.
 - d) Ознакомленіе съ частями рѣчи и главными правилами языка въ такой степени, чтобы испытуемый былъ въ со-

- стояніи выражать свои мысли, словесно и письменно, безъ важныхъ ошибокъ противъ правописанія и грамматики.
- 3) По предмету ариѳметики: знаніе четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, тройнаго правила, цѣпнаго правила, правила товарищества и дробей; при ариѳметическихъ дѣйствіяхъ требуется навыкъ въ головномъ численіи.
 - 4) По предмету пѣнія и музыки: способный къ обработкѣ голоса и музыкальный слухъ, достаточное упражненіе въ пѣніи по нотамъ и въ игрѣ на клавикордахъ и скрипкѣ, а также знаніе лучшихъ отечественныхъ пѣсень и мелодій.
 - 5) По предмету отечественной географіи и исторіи: знакомство съ географіею государства и въ особенности той страны, въ которой живетъ испытуемый; общія свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ исторіи страны.

Такія предварительныя свѣдѣнія долженъ имѣть каждый испытуемый. Они ограничиваются самыми только начальными основаніями наукъ и искусствъ, потому-что препаранды должны выучиться только тому, что имъ знать нужно, что они могутъ когда-нибудь употребить на пользу себѣ или другимъ. Лучше всѣхъ приготовлены будутъ тѣ, у которыхъ, при хорошихъ природныхъ дарованіяхъ вообще, достаточно развита способность мышленія, и которые получили навыкъ къ правильности и строгому порядку и оказываютъ рѣшительное стремленіе къ знанію того, что для всякаго составляетъ самое необходимое и самое важное. Главная, слѣдовательно, забота приготовляющаго учителя должна состоять въ томъ, чтобы его воспитанники твердо знали и умѣли употреблять на практикѣ преимущественно то, что для нихъ самое близкое и самое необходимое.

6) Желающіе приготовить себя въ учителя только сельскихъ школъ и поступить для этого во второстепенныя семинаріи, равномѣрно обязаны удовлетворить вышезложеннымъ требованіямъ, потому-что эти заведенія, такъ какъ и главныя семинаріи, исключаютъ изъ своего учебнаго курса преподаваніе и повтореніе начальныхъ основаній, предполагая ихъ уже извѣстными. Предполагаемое-же назначеніе учениковъ въ сельскіе и городскіе учителя указываетъ только на различную степень образованія, сообщаемого уже въ самыхъ семинаріяхъ для будущаго призванія тѣхъ и другихъ.

7) Такъ-какъ необходимо, чтобы приготовленіе въ семинарію производилось вездѣ на одинаковыхъ основаніяхъ и по неизмѣнному плану, и чтобы избирающіе себѣ званіе школьныхъ учителей звали, къ кому обратиться, если хотятъ удовлетворить требованіямъ пріемнаго испытанія въ учительскія семинаріи; то впредь будутъ готовитьъ аспирантовъ въ учительскія семинаріи только такія лица, которые или положительно для этого назначены надлежащимъ начальствомъ, или сами изъявляютъ желаніе принимать къ себѣ учениковъ для приготовленія. Послѣдніе обязаны испрашивать позволеніе на то у подлежащаго начальства и представлять ему на разсмотрѣніе весь планъ преподаванія.

Молодые люди, желающіе поступить въ число препарандовъ къ приготовляющему учителю и подъ его наблюденіемъ практиковаться въ преподаваніи, должны являться лично къ суперинтенденту и представить свидѣтельство о нравственности и другія (выше 4 № 6). Суперинтендентъ посредствомъ испытанія удостоверяется объ ихъ способностяхъ и познаніяхъ. Удовлетворившіе такому предварительному испытанію, вносятся въ списокъ учениковъ, и съ этого времени ввѣряются особенному руководству приготовляющаго учителя, подъ главнымъ наблюденіемъ мѣстнаго суперинтендента или инспектора училищъ.

8) Дѣло каждаго препаранда избрать себѣ приготовляющаго учителя изъ числа одобренныхъ начальствомъ, и нужные расходы удовлетворять собственными средствами; ибо государство, которое содержитъ на свой счетъ учительскія семинаріи, не можетъ принять на себя обязанности устраивать и содержать особыя для нихъ приготовительныя школы; оно заботится только о томъ, чтобы каждому препаранду доставить возможность пріобрѣсть познанія, требуемыя для пріемнаго испытанія.

9) Тѣ духовныя лица и учителя, подъ руководствомъ и наблюденіемъ которыхъ молодые люди основательно готовятъ къ будущему пріему въ заведенія для образованія учителей, отнынѣ должны быть признаваемы существенно соспѣшествующими преуспѣянію лучшаго образованія учителей, а чрезъ то и вообще училищнаго образованія, и ихъ должно имѣть въ виду при замѣщеніи вакансій, соотвѣтствующихъ ихъ призванію. вмѣстѣ съ этимъ важнымъ занятіемъ, они принимаютъ на себя обязанность не только стараться о томъ, чтобы ихъ воспитанники приносили въ семинарію необходимыя приготовительныя познанія, но и рачительно наблю-

дать за ихъ домашнимъ прилежаніемъ и за всѣмъ нравственнымъ поведеніемъ и заботиться о томъ, чтобы воспитанники сохранили благочестиво-скромное, христіански-покорное и довольное своею участью душевное расположеніе, безъ котораго нельзя быть истиннымъ учителемъ. Гдѣ школьный учитель принимаетъ на себя собственно приготовительное образованіе, тамъ этотъ нравственный надзоръ лежитъ на обязанности мѣстнаго приходскаго священника.

10) Весьма желательно, чтобы этимъ приготовительнымъ обученіемъ занимались преимущественно учителя, кончившіе курсъ въ семинаріи и отлично выдержавшіе испытаніе, потому-что не довольно сообщить этимъ молодымъ людямъ нѣкоторыя познанія въ наукахъ и искусствахъ; приготовленіе должно служить на всю жизнь будущему семинаристу и сдѣлать его способнымъ къ воспріятію семинарскаго ученія. Если такимъ приготовленіемъ, подъ руководствомъ опытныхъ духовныхъ лицъ, будутъ заниматься бывшіе семинаристы, то этимъ достигнется скорѣе необходимое внутреннее единство въ образованіи учителей, и главныя семинаріи въ этомъ отношеніи болѣе и болѣе сдѣлаются средоточіемъ всего народнаго образованія въ провинціи.

11) Соединенныя усилія учителя и наблюдателя должны быть направлены къ тому, чтобы успѣхи вѣранныхъ имъ учениковъ въ познаніяхъ шли рядомъ съ нравственно-религіознымъ воспитаніемъ, и чтобы при расположеніи уроковъ избѣгалось всякое отягощеніе, которое ведетъ только къ неосновательному и поверхностному знанію, и принимались-бы во вниманіе будущія потребности и особенныя отношенія молодыхъ людей.

12) Приготовительнымъ учителямъ вмѣняется въ особенную обязанность слѣдующее:

- 1) Преподаваніе и практическія упражненія должны быть производимы по опредѣленному плану и ограничиваться только предметами, упомянутыми въ § 4, № 1—5, потому-что *основательное* приготовленіе, безъ ограниченія его необходимымъ, невозможно.
- 2) Обученіе молодыхъ людей должно быть соединяемо съ практическими упражненіями въ преподаваніи и управленіи школою, сначала въ небольшихъ отдѣленіяхъ, а потомъ и въ цѣломъ классѣ, а гдѣ это возможно, и надзоромъ за дѣтьми, когда они играютъ въ свободное время, съ тѣмъ, чтобы

- приготавливающіеся воспитанники заблаговременно приучались къ обращенію съ дѣтьми и все болѣе и болѣе укрѣплялись въ томъ, чему они учатъ другихъ.
- 3) Приготавлиющіе учителя къ своимъ приготовительнымъ урокамъ не должны допускать неимѣющихъ свидѣтельства отъ суперинтендента въ томъ, что они имѣютъ право быть принятыми въ число препарандовъ.
 - 4) Приготавлиющіе учителя если замѣтятъ, что кто-либо изъ препарандовъ не имѣетъ расположенія и способности къ преподаванію, или своимъ безнравственнымъ поведеніемъ подаетъ поводъ къ соблазну, съ неумолимою строгостью должны удалять такого отъ участія въ приготовленіи, испрашивая впрочемъ на то предварительно согласія суперинтендента.
 - 5) Учениковъ, которые не могутъ жить у своихъ родителей или въ школѣ, учителя должны помѣщать на квартиру и столъ въ хорошихъ семействахъ и еженедѣльно освѣдомляться объ ихъ поведеніи на квартирѣ.
 - 6) Въ концѣ каждой недѣли учителя должны повторить съ учениками все пройденное и съ тѣмъ вмѣстѣ при этомъ или при другомъ удобномъ случаѣ, въ одобреніе или наставленіе, сообщать каждому свое замѣчаніе о томъ, каково было въ продолженіе недѣли его прилежаніе и поведеніе.
 - 7) За каждую четверть года учителя кратко отмѣчаютъ въ особенной книгѣ, какіе предметы они проходили въ теченіе этого времени, и какими практическими упражненіями занимались въ школѣ нѣкоторые изъ учениковъ, и въ концѣ года представляютъ эту книгу суперинтенденту.
 - 8) Относительно учебныхъ предметовъ и часовъ, учителя должны обращать вниманіе на то, чтобы ихъ не приходилось слишкомъ много въ одинъ день, имѣя въ виду, что молодымъ людямъ нужно повторить дома то, что имъ преподано въ школѣ, и имѣть достаточно времени для домашней самостоятельности, которую необходимо въ нихъ пробуждать и развивать.
 - 9) Обученіе отечественной географіи тогда только должно начинать, когда ученики сдѣлаютъ уже хорошіе успѣхи въ законѣ Божіемъ и искусствахъ; вообще же, какъ можно болѣе

должно наблюдать за тѣмъ, чтобы отдѣльные предметы проходились не одновременно, но одинъ послѣ другаго.

10) На особенной обязанности учителей лежитъ улучшение мѣстной школы, чтобы она дѣйствительно была образцовою для препарандовъ; чтобы не только все болѣе уяснялись въ ихъ умѣ учебные предметы, но чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ и лучший методъ преподаванія представился имъ самымъ нагляднымъ образомъ.

13) Продолжительность времени приготовления можетъ быть различна, смотря по различнымъ способностямъ и познаніямъ учениковъ; но чрезвычайно важно то, чтобы у каждаго учителя преподаваніе всегда начиналось одновременно для всѣхъ и продолжалось непрерывно до того времени, когда начинаются приемныя испытанія въ семинарію.

14) Главная отвѣтственность какъ за должный порядокъ и за весь ходъ приготовительнаго обученія и сопряженныхъ съ нимъ практическихъ занятій, такъ и за нравственность и способность къ образованію каждаго препаранда, лежитъ преимущественно на совѣсти суперинтендентовъ. Они должны заботиться не только объ устраненіи всякаго произвола при испытаніи, производимомъ до приема въ приготовительную школу и при выпускѣ изъ нея, но чтобы и первоначальный приемъ (§ 6) производился съ такою-же строгостію, какая соблюдается въ семинаріи. Они преимущественно обязаны каждаго, у кого нѣтъ требуемыхъ способностей и школьныхъ познаній, или кто не оказываетъ никакихъ успѣховъ, настоятельно убѣждать оставить намѣреніе сдѣлаться школьнымъ учителемъ; по временамъ собираютъ всѣхъ учениковъ школы своего округа и дѣлаютъ имъ испытаніе, чтобы удостовѣриться въ ихъ успѣхахъ и помогать имъ во всемъ словомъ и дѣломъ.

15) Эти приготовительныя школы должны быть такъ размѣщены, чтобы по возможности въ каждомъ округѣ находилась по крайней-мѣрѣ одна школа и ученики находили-бы на своей родинѣ болѣе дешевое содержаніе, или могли бы даже пользоваться имъ живя у себя дома.

16) Суперинтенденты, вмѣстѣ съ кондуктными списками кистеровъ и учителей, обязываются доставлять особыя таблицы о препарандахъ, состоящихъ въ ихъ вѣдомствѣ, правительству, чтобы оно имѣло постоянныя свѣдѣнія о приготовляемыхъ въ семи

наріи молодыхъ людей. Таблицы должны показывать въ особыхъ графахъ:

- 1) номеръ; 2) имена и фамиліи; 3) мѣсто рожденія; 4) время рожденія, годъ, мѣсяцъ и число; 5) положеніе отца; 6) состояніе родителей; 7) время внесенія въ списокъ учениковъ; 8) имя и мѣсто жительства учителя, руководствующаго приготовленіемъ; 9) общее мнѣніе объ его нравственности, способности и познаніяхъ въ наукахъ; 10) особенныя замѣчанія.

17) Послѣ выпуска изъ приготовительнаго заведенія, каждый препарандъ получаетъ или отъ бывшаго своего учителя, или изъ школы, въ которой онъ приготовлялся для поступленія въ семинарію, подробное свидѣтельство по слѣдующей формѣ:

«Свидѣтельство, данное препаранду для пріема въ учительскую семинарію.»

N. N.

Имя, мѣсто рожденія, возрастъ, мѣсто и время приготовленія въ учительскую семинарію.

Нравственныя качества.

Познанія въ наукахъ и искусствахъ.

- 1) Законъ Божій и катихизисъ.
 - 2) Начальныя основанія нѣмецкаго языка.
 - 3) Чтеніе.
 - 4) Письмо.
 - 5) Счисленіе.
 - 6) Пѣніе.
 - 7) Музыка.
 - 8) Начальныя свѣдѣнія изъ отечественной географіи и исторіи.
- Практическія занятія.
Общее мнѣніе.

(Подпись учителя).

18) На другой сторонѣ свидѣтельства суперинтендентъ подробно обозначаетъ результатъ произведеннаго имъ испытанія и дѣлаетъ свое заключеніе о способности испытуемаго къ учительскому призванію.

19) Получивъ это свидѣтельство и другія нужныя бумаги, ученики являются въ учительскую семинарію въ назначенный

сроки и подвергаются общему испытанію, отъ котораго окончательно зависитъ приемъ въ семинарію.

Въ 1838 году бранденбургскій училищный совѣтъ, усмотрѣвъ изъ результатовъ приемныхъ испытаній въ учительскія семинаріи этой провинціи нѣкоторыя отступленія со стороны приготовительныхъ заведеній отъ предписанной имъ программы, и отсюда оказавшіяся недостаточныя познанія препарандовъ въ законѣ Божіемъ, въ отечественномъ языкѣ и пѣніи, признавъ нужнымъ изложить подробнѣе то, что требуется отъ приготовительныхъ заведеній по означеннымъ учебнымъ предметамъ, а именно:

- 1) Ученики приготовительнаго заведенія должны вполнѣ знать священную исторію, рачительно изучая ее чрезъ чтеніе библіи, и умѣть подробно разсказать содержаніе тѣхъ книгъ, въ которыхъ описаны главныя событія священной исторіи.
- 2) На каждый изъ главныхъ догматовъ христіанской религіи вѣрно привести нѣсколько текстовъ изъ священнаго писанія.
- 3) Знать наизусть катихизисъ, и
- 4) Достаточное число важнѣйшихъ употребительнѣйшихъ церковныхъ пѣсенъ въ цѣлости, и произносить ихъ съ подобающимъ выраженіемъ чувства.

Касательно отечественнаго языка требуется какъ въ народныхъ школахъ, такъ и въ приготовительныхъ заведеніяхъ, плавное и выразительное чтеніе, обнаруживающее умственную развитость, знаніе языка и умѣнье свободно выражаться; какъ весьма полезное для этой цѣли рекомендуется заучиванье наизусть образцовыхъ отрывковъ, но отнюдь не въ видѣ такъ-называемой декламациі.

Совершенный недостатокъ музыкальнаго слуха вообще дѣлаетъ препаранда неспособнымъ къ званію учителя народной школы. Незнакомство съ употребительнѣйшими церковными пѣснями и мелодіями не вызываетъ о христіанскомъ чувствѣ препарандовъ благопріятнаго мнѣнія. Поэтому, для преуспѣянія народныхъ школъ, необходимо отстранять отъ приѣма въ учительскія семинаріи тѣхъ молодыхъ людей, у которыхъ или нѣтъ музыкальнаго слуха, или которые незнавиемъ употребительнѣйшихъ церковныхъ пѣсеней и мелодій выказываютъ столько-же недостаточное школьное образованіе, сколько и недостатокъ сочувствія къ церковной жизни.

Поэтому начальники приготовительныхъ заведеній приглашаются убѣждать неудовлетворяющихъ требованіямъ преподавателей оставить приготовленіе въ семинарію и увольнять изъ приготовительныхъ заведеній неспособныхъ къ преподаванію, если нѣтъ никакой надежды на ихъ усердіе, что они постараются исправить замѣченные недостатки.

Неудовлетворительные результаты частнаго приготовленія въ учителя элементарныхъ школъ, у нѣкоторыхъ священниковъ и учителей, вызвали весьма замѣчательный министерскій циркуляръ 9 іюля 1852 года.

Министръ убѣжденъ, что частное приготовленіе не можетъ замѣнить того образованія элементарныхъ учителей, котораго достигается въ правильно-устроенныхъ семинаріяхъ; что причины безуспѣшности частнаго образованія не позволяютъ дать ему такую организацію, чтобы рассчитывать на возможность доставить этимъ путемъ для общественныхъ школъ, требуемое число достаточно-образованныхъ учительскихъ кандидатовъ. Самая трудность отыскать въ одной и той-же мѣстности, или по близости, священниковъ и учителей, которые имѣли-бы достаточно способности и свободнаго времени для домашняго образованія школьныхъ учителей, не допускаетъ общихъ распоряженій по этому предмету.

Съ другой стороны, чѣмъ болѣе семинаріи, не увлекаясь отвлеченными теоріями и бесполезнымъ опытомъ, сознаютъ свою настоящую цѣль — образовывать простыхъ, но къ дѣлу элементарнаго обученія прочно и практически приготовленныхъ учителей, тѣмъ болѣе желательно, чтобы опытные священники и учителя употребили силы свои и время на приготовленіе преподавателей для семинарій и въ особенности практически приучали-бы ихъ еще до вступленія въ семинарію къ жизни элементарной школы и къ занятію обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей.

Впрочемъ, министръ сильно рекомендуетъ поощрять и поддерживать стремленія, если найдутся способные люди, которые пожелаютъ въ семинарій образовывать кандидатовъ въ учителя элементарныхъ школъ, и обѣщаетъ матеріальное вспоможеніе учителямъ и воспитанникамъ, ежели это окажется нужнымъ для успѣха дѣла.

Въ видахъ образованія католическихъ преподавателей въ Опельнскомъ округѣ, называемыхъ также *утраквистскими*, потому-

что для элементарнаго образованія они должны быть одинаково сильны и въ нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, 15 ноября 1850 г. дана Оппельскимъ правленіемъ слѣдующая инструкція.

I. Цѣль образованія препарандовъ.

1) Цѣль этого образованія — приготовить утравкистскихъ препарандовъ надлежащимъ образомъ, испытать ихъ нравственность и способность къ преподаванію.

2) Они готовятся не въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, но у особыхъ учителей.

II. Учители для образованія препарандовъ.

3) Учителей для образованія препарандовъ избираетъ Оппельское правленіе и доводитъ о томъ до общаго свѣдѣнія.

4) Лица, выбираемая въ учителя, должны быть безукоризненны въ нравственномъ, церковномъ и политическомъ отношеніяхъ; имѣть хорошую утравкистскую школу, достаточное музыкальное образованіе и въ свободное время не обременять себя чрезъ мѣру посторонними занятіями, чуждыми учительской должности. При равныхъ качествахъ предпочитаютъ другимъ тѣ учителя, которые въ то же время и органисты и могутъ принимать къ себѣ препарандовъ на столъ и квартиру.

5) Одному готовящему учителю могутъ быть ввѣрены два и не болѣе трехъ препарандовъ.

6) Занятіе приготовительнымъ образованіемъ не воспрещается учителю, не избранному правительствомъ; но онъ не имѣетъ права на вознагражденіе отъ казны. Впрочемъ, правительство съ удовольствіемъ будетъ назначать приготовителями препарандовъ тѣхъ учителей, которые этия дѣломъ занимались съ успѣхомъ.

III. Качества препарандовъ.

7) Молодые люди, желающіе получить приготовительное образованіе, должны имѣть слѣдующія качества: а) тѣлесное здоровье, особенно крѣпкую грудь и хорошій глазъ, б) чуткій музыкальный слухъ, сильный и пріятный голосъ, в) возрастъ отъ 15—16 лѣтъ, г) хорошія качества ума и сердца, е) благочестивое расположеніе духа и хорошее поведеніе, ф) дѣйствительное расположеніе къ учительскому призванію, г) познанія хорошаго учителя элементарной школы, и h) возможность понимать, говорить и бѣгло читать на

провинціальному языкѣ, ежели онъ не родной ему. Получаютъ рѣшительный отказъ молодые люди неспособные, не получившіе дома правильнаго христіанскаго воспитанія, избирающіе учительское призваніе не по склонности, но потому, что на другой путь жизни не попали.

8) При содѣйствіи училищнаго инспектора, учитель принимаетъ препарандовъ въ видѣ опыта на полгода. По истеченіи этого срока инспекторъ подвергаетъ препарада испытанію и окончательно рѣшаетъ о приѣмѣ.

IV. Время обученія препарандовъ.

9) Образователи препарандовъ готовятъ своихъ учениковъ въ семинарію въ отношеніи учено-техническомъ и религіозно-нравственномъ.

10) Познанія препарада въ наукахъ и искусствахъ должны быть доведены до слѣдующей степени:

А. Въ законѣ Божіемъ: Полное знаніе библейской исторіи ветхаго и новаго завѣта; умѣнье разсказать отдѣльныя исторіи, на сколько это возможно, словами библіи; перечислить всѣ библейскія книги, раздѣлить ихъ и разсказать вкратцѣ ихъ содержаніе.

В. Въ нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ: а) ясный и правильный выговоръ, бѣглое и правильное чтеніе, б) упражненія въ переводахъ съ одного языка на другой, в) словопроизведеніе и навыкъ словесно разлагать и составлять не слишкомъ трудныя предложенія, д) сочиненія на легкія темы, безъ значительныхъ ошибокъ противъ правописанія и грамматики, е) четко и каллиграфически правильное письмо.

С. Въ численіи: Дѣйствіе съ цѣлыми числами и дробями, головное и на доскѣ, ловкость въ обращеніи съ цифрами и въ объясненіи причинъ вывода.

Д. Въ космографіи: а) Подробное знаніе Прусскаго государства, точное наглядное изученіе карты его и ознакомленіе съ земною поверхностію, какъ она представляется на обыкновенномъ учебномъ глобусѣ, б) систематическое описаніе нѣкоторыхъ отечественныхъ животныхъ, растений и минераловъ, обзоръ отечественныхъ произведеній по царствамъ и классамъ и правильное пониманіе обыкновенныхъ явленій природы.

Е. *Въ рисованіи и черченіи*: Изображеніе и наименованіе всѣхъ встрѣчающихся въ планиметріи линій, угловъ и фигуръ.

Ф. *Въ музыкѣ и пѣніи*: а) Легкое пѣніе по нотамъ, б) игра на скрипкѣ и органѣ, съ точнымъ соблюденіемъ чистоты, вѣрности и такта. Умѣнье играть на другомъ инструментѣ желательно, но не обязательно.

11) Приготовитель препарандовъ обязанъ всячески споспѣшествовать формальному образованію своихъ воспитанниковъ, условляемому будущимъ ихъ назначеніемъ, именно: развивать ихъ умственные силы, упражнять память, пробуждать въ нихъ мысль, образовать сужденіе, облагородить сердце и приучить ихъ владѣть мыслями и словомъ.

Для упражненія памяти рекомендуется точное заучиваніе наизусть церковныхъ пѣсней, какой-нибудь главы изъ священной исторіи, напримѣръ, изъ воскресныхъ евангелій.

Чтеніе хорошихъ книгъ и рассказъ прочитаннаго лучше всего пробуждаютъ въ воспитанникахъ способность мышленія, изощряютъ сужденіе и развиваютъ даръ выражать свои мысли и сужденія.

12) Приготовитель препарандовъ долженъ рачительно упражнять воспитанниковъ въ письменномъ изложеніи своихъ мыслей. Эти упражненія могутъ быть соединяемы съ прочими учебными предметами, но въ особенности съ чтеніемъ. Письменное изложеніе того, что, рассказано о прочитанномъ изъ образцовыхъ отрывковъ, чрезвычайно полезно. Для утвержденія въ правописаніи лучше всего диктовать ученикамъ предварительно прочитанные отрывки изъ ихъ книги для чтенія, съ тѣмъ, чтобы потомъ написанное подъ диктовку они, сравнивая съ книгою, сами могли отыскивать свои ошибки и исправлять ихъ. Еженедѣльно должно быть приготовлено по-крайней-мѣрѣ одно сочиненіе, на которомъ выставляется число, въ которое оно подано. Каждая письменная работа должна быть тщательно исправлена учителемъ. Всѣ тетради учениковъ сохраняются и представляются на разсмотрѣніе при каждой ревизіи. Препаранды къ пріемному испытанію представляютъ тетрадь съ нѣмецкими и польскими письменными упражненіями.

13) Учитель руководитъ препаранда въ обращеніи съ учащимися дѣтьми и въ методическомъ примѣненіи къ дѣлу своихъ познаній. Препарандъ-же служитъ помощникомъ учителю въ под-

держаніи порядка въ школѣ и въ одновременномъ обученіи нѣсколькихъ отдѣленій, занимаясь сначала маленькими дѣтьми порознь, а потомъ въ младшихъ и старшихъ отдѣленіяхъ. Каждое подобное вспомогательное занятіе преподавателя должно съ точностью слѣдовать предварительному указанію учителя и даже можетъ совершаться только подъ его наблюденіемъ. Учебная помощь преподавателей ограничивается упражненіемъ дѣтей въ преподаваемыхъ учителемъ урокахъ, на примѣръ: въ чтеніи, письмѣ, счисленіи, въ выслушаніи выученнаго наизусть и въ каллиграфическихъ упражненіяхъ. Строго воспрещается учителю поручать преподаваніе преподавателямъ вмѣсто себя, а тѣмъ болѣе возлагать на нихъ этотъ трудъ въ отдѣльномъ низшемъ классѣ.

14) Кромѣ того, преподаватели, если это можетъ обойтись безъ ущерба для школы, принимаютъ участіе и въ обученіи старшаго отдѣленія класса.

15) Преподаватели могутъ участвовать и въ церковной службѣ въ качествѣ помощниковъ, но отнюдь не въ качествѣ заступающихъ мѣсто своего учителя, на что естественно необходимо согласіе приходскаго священника.

16) На религіозно-нравственное воспитаніе преподаватель обращаетъ самое тщательное вниманіе. Онъ словомъ и примѣромъ внушаетъ преподавателямъ христіанскій и церковный образъ жизни, любовь къ уединенію, скромность, умѣренность, приучаетъ ихъ къ строго-правильной дѣятельности, чистотѣ и порядку.

17) Онъ, ежели возможно, беретъ ихъ къ себѣ на столъ и квартиру, допускаетъ ихъ къ участію въ семейной жизни; если-же они живутъ не въ его домѣ, то наблюдаетъ за ними добросовѣстно; онъ доставляетъ имъ иногда занятія и по своему маленькому хозяйству, и въ особенности пользуется ихъ помощію въ саду и даже въ полѣ.

V. СРОКЪ ПРИЕМА.

18) Приемъ преподавателей бываетъ о пасхѣ или о св. Михаилѣ.

VI. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАНІЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ,

19) Образованіе преподавателей продолжается полные два года.

VII. НАБЛЮДЕНІЕ ЗА ОБРАЗОВАНІЕМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

20) Образованіе преподавателей находится подъ наблюденіемъ мѣстнаго ревизора и потомъ инспектора школъ, на которомъ ле-

жить заботливое попеченіе объ институтѣ. Директоръ семинаріи также воспользуется всякимъ случаемъ, чтобы содѣйствовать успѣшному образованію препарандовъ, согласно съ мѣрами настоящей инструкціи.

21) Во время годовыхъ истытаній инспекторъ школъ долженъ пріобрѣсть точныя свѣдѣнія объ успѣхахъ образованія препарандовъ.

22) Препарандовъ, которые окажутся сомнительнаго поведенія, увольнять по соглашеніи учителя съ ревизоромъ и инспекторомъ, въ случаѣ же несогласія между ними, дѣло представляется на разрѣшеніе начальства.

VIII. вспомошествованіе отъ казны для образованія ПРЕПАРАНДОВЪ.

23) Назначеннымъ учителями препарандовъ дается, по числу учениковъ, ежегодное вознагражденіе отъ 20—40 тал.; за то они не могутъ требовать платы за ученіе съ препарандовъ.

24) Бѣдные препаранды, кромѣ бесплатнаго обученія, получаютъ также пособіе отъ казны, употребляемое на покупку нужныхъ учебныхъ пособій.

25) Послѣ благополучнаго истеченія пробнаго времени, инспекторъ школъ ходатайствуетъ о пособіи препарандамъ и вознагражденіи ихъ учителей, излагая при этомъ свое заключеніе о научномъ, техническомъ и нравственномъ развитіи препарандовъ.

IX. Выпускъ препарандовъ.

26) Выпускъ препарандовъ происходитъ предъ пасхою или св. Михаиломъ.

27) Выпущенные получаютъ отъ учителя и ревизора, засвидѣтельствованное инспекторомъ школъ съ приложеніемъ казенной печати, свидѣтельство, въ которомъ кратко и характеристически обозначаются способности, прилежаніе и научное, техническое и нравственное приготовленіе аспиранта въ семинарію.

Кандидаты въ элементарные учителя и аспиранты, являясь въ семинарію, представляютъ слѣдующіе документы:

- а) очеркъ своей жизни, составленный ими самими,
- б) медицинское свидѣтельство о здоровьи и о привитіи оспы,

с) свидѣтельство о полученномъ воспитаніи и образованіи вообще, и о приготовленіи къ учительской должности въ особености,

д) свидѣтельство мѣстнаго начальства и приходскаго священника о безукоризненномъ поведеніи и о религіозныхъ и нравственныхъ качествахъ кандидатовъ и о возрастѣ ихъ.

Для прекращенія злоупотребленій, случавшихся при приѣмѣ въ учительскія должности, министръ 2 января 1852 г. предписалъ, чтобы аспиранта, который на приѣмномъ испытаніи въ учительскую семинарію оказался еще недостаточно приготовленнымъ, никакая другая учительская семинарія не принимала по-крайней-мѣрѣ ранѣе полугода.

О допущеніи еврейскихъ аспирантовъ въ учительскія должности и въ семинаріи наравнѣ съ аспирантами другихъ исповѣданій въ Познанскомъ герцогствѣ (19 сентября 1848 г.).

Въ послѣднее время часто поступали прошенія отъ еврейскихъ аспирантовъ въ учительскія должности какъ о принятіи ихъ въ учительскія семинаріи, такъ и о допущеніи къ участию въ бесплатномъ помѣщеніи въ заведеніи и въ стипендіальныхъ пособіяхъ наравнѣ съ воспитанниками другихъ исповѣданій; но такъ-какъ учительскія семинаріи учреждены исключительно для воспитанниковъ католическаго и протестантскаго исповѣданій, то познанскій училищный совѣтъ полагалъ отказать еврейскимъ аспирантамъ въ помѣщеніи и стипендіальномъ пособіи и дозволить только участіе въ семинарскомъ образованіи.

Министръ, соглашаясь съ мнѣніемъ училищнаго совѣта, что семинаріи въ настоящемъ своемъ устройствѣ составляютъ спеціальныя заведенія для опредѣленныхъ исповѣданій и полагаютъ основаніемъ своего воспитанія религіозное ученіе и церковную жизнь въ духѣ этихъ исповѣданій, но имѣя въ виду, что вслѣдствіе введенной уже реформы въ народныхъ школахъ или будутъ учреждены нѣкоторыя семинаріи для еврейскихъ препарандовъ, или нынѣшнія семинаріи такъ будутъ устроены, что въ нихъ можно будетъ получать и еврейскимъ препарандамъ полное образованіе для учительскаго призванія, безъ опасности для обѣихъ сторонъ, приглашаетъ провинціальный училищный совѣтъ, на сколько позволяеть мѣсто и средства семинарій, не только дозволить еврейскимъ аспирантамъ пользованіе семинарскимъ обуче-

нiемъ, но и облегчать имъ достиженiе цѣли доставленiемъ въ крайнихъ случаяхъ вспоможенiй.

Особенныя правила о приѣмѣ въ нѣкоторыя семинарiи.

а) Учрежденiе берлинской семинарiи для городскихъ школъ (инструкцiя бранденб. учил. сов. 13 февр. 1833 г.):

§ 1. Берлинская семинарiя для городскихъ учениковъ имѣетъ тройную цѣль:

1) Учителей для городскихъ школъ образовать теоретически и практически.

2) Споспѣшествовать дальнѣйшему образованiю учительскихъ помощниковъ введенiемъ учебныхъ курсовъ и другими цѣлесообразными средствами, въ особенности дозволенiемъ пользоваться ея библиотекою.

3) Доставить возможность живущимъ здѣсь кандидатамъ на пасторскую должность познакомиться практически и теоретически съ устройствомъ народныхъ школъ.

Образованiе способныхъ учителей для городскихъ школъ во всѣхъ отношенiяхъ полагается главною цѣлью семинарiи; этой цѣли должны подчиняться второстепенныя цѣли, означенныя подъ №№ 2 и 3.

§ 2. Для достиженiя данной цѣли теоретическаго и практическаго образованiя семинаристовъ, кромѣ общихъ качествъ, которыя необходимы для плодотворнаго исполненiя учительской должности, должно требовать отъ поступающихъ немалаго объема познанiй. Въ этомъ отношенiи желательно:

1) Чтобы каждый поступающiй зналъ содержанiе св. писанiя, главныя истины христіанской религiи и важнѣйшія пѣснi.

2) Былъ-бы въ состоянiи безошибочно выражать письменно на нѣмецкомъ языкѣ свои мысли, ясно, въ логичной послѣдовательности и безъ ошибокъ противъ правописанiя, а равно объяснить словопроизводство и употребленiе падежей какъ при глаголахъ, такъ и съ предлогами.

3) Умѣлъ-бы рѣшать съ удовлетворительною скоростiю ариметическія задачи первыхъ четырехъ дѣйствiй съ цѣлыми и дробными числами и обыкновенныхъ пропорцiй, съ объясненiемъ причинъ.

4) Умѣлъ-бы рѣшать геометрическія задачи (изъ планиметрiи и стереометрiи) и объяснять важнѣйшія свойства и основанiя

геометрическихъ фигуръ, нужны для ихъ измѣренія и вычисления.

5) Имѣлъ-бы общія правильныя географическія понятія и могъ указать соединеніе морей и материковъ во всѣхъ частяхъ свѣта, очертаніе и границы европейскихъ странъ и въ нихъ цѣпи горъ, системы рѣкъ и положеніе главныхъ городовъ.

6) Изъ исторіи зналъ-бы по-крайней-мѣрѣ главныя происшествія (напр. по Бредову); библейскую исторію и географію зналъ-бы на столько, сколько нужно для пониманія священнаго писанія.

7) Имѣлъ-бы хорошій почеркъ и по-крайней-мѣрѣ зналъ употребленіе циркуля, линіи и масштаба, чтобы рисовать геометрическія фигуры чисто и вѣрно по указаннымъ отношеніямъ.

8) Зналъ-бы нужнѣйшія музыкальныя начала и имѣлъ-бы способности, требуемыя для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія.

§ 3. Такъ-какъ семинаристы уже во время своего курса должны обучать и сами, то вообще принимать ихъ не иначе, какъ по достиженіи 18-лѣтняго возраста; пріемъ воспитанниковъ, моложе и старше этихъ лѣтъ, можетъ быть допускаемъ только въ видѣ исключенія, по особенно-уважительнымъ обстоятельствамъ.

§ 4. Желаящій поступить въ семинарію долженъ представить:

- 1) Имъ самимъ составленный очеркъ своей жизни, съ подробнымъ объясненіемъ хода полученнаго имъ доселѣ образованія;
- 2) свидѣтельство о крещеніи и конфирмаціи;
- 3) свидѣтельство о школьномъ образованіи;
- 4) свидѣтельство своего духовника или мѣстнаго начальства о нравственномъ поведеніи;
- 5) медицинское свидѣтельство о здоровьи;
- 6) подписку своего отца или опекуна, обезпечивающую содержаніе поступающему на все время пребыванія его въ семинаріи.

§ 5. Такъ-какъ отъ 16 до 18 семинаристовъ могутъ быть помѣщены въ заведеніи, то молодые люди, которые не могутъ имѣть помѣщенія, соотвѣтствующаго цѣли ихъ занятій, у родителей или близкихъ родственниковъ, по отдаленному разстоянію отъ семинаріи обязываются жить въ заведеніи съ уплатою 18 тал. въ годъ по четвертямъ. Плата за ученіе, 16 тал. за все время, вносится при самомъ вступленіи.

§ 6. Заведеніе не имѣетъ никакихъ средствъ для вспоможенія нуждающимся семинаристамъ, но тѣмъ изъ нихъ, которые отле-

чаются успѣхами и искусствомъ преподаванія, на третьемъ году ихъ учебнаго курса доставляются нѣкоторыя выгоды.

Министерское распоряженіе 24 іюня 1852 г. по поводу основанной въ Дройссинь (въ Вейссенфельдскомъ округѣ Мерзебургской области) княземъ Шенбургъ-Вальденбургскимъ семинаріи для образованія элементарныхъ учительницъ евангелическаго исповѣданія для всѣхъ прусскихъ провинцій.

Штатъ семинаріи состоитъ изъ директора, главнаго учителя, его помощника и распорядителя практической школы, изъ главной учительницы и ея помощницы. Къ этой семинаріи принадлежитъ практическая школа для дѣвицъ. Въ 1852 году семинарія, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, состояла подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ министра.

Курсъ ученія въ семинаріи двухлѣтній; въ каждомъ курсѣ приблизительно по 20 воспитанницъ. Онѣ живутъ и содержатся въ устроенномъ при заведеніи для этой цѣли и совершенно меблированномъ помѣщеніи. За помѣщеніе вмѣстѣ съ постелью и постельнымъ бѣльемъ, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и необходимою прислугою, за леченіе и лекарства, платы не взимается. За обученіе ежегодно вносится 12 тал., а за полное содержаніе, съ вычетомъ за праздники, столовыхъ платится 35 тал. Для пособія бѣднымъ и достойнымъ воспитанницамъ и, смотря по обстоятельствамъ, для совершеннаго освобожденія ихъ отъ платы, имѣется особый фондъ.

Цѣль семинаріи—приготовить, на основаніяхъ евангелическаго исповѣданія, христіанскихъ учительницъ для службы въ обыкновенныхъ элементарныхъ и городскихъ школахъ; но не воспрещается также позволять имъ, послѣ ихъ выпуска изъ семинаріи, заниматься христіанскимъ воспитаніемъ и обученіемъ въ частныхъ домахъ. Въ семинаріи обучаются всѣмъ необходимымъ для этого призванія наукамъ и искусствамъ, руководѣлью и веденію домашняго хозяйства. Слово Божіе и христіанское общежитіе должны служить основаніемъ жизни въ заведеніи.

«Чѣмъ болѣе въ новѣйшее время, говоритъ министръ, дознана опытомъ важность цѣлесообразнаго образованія христіанскихъ учительницъ, и чѣмъ основательнѣе предположеніе, что такія учительницы не замедлятъ найти соотвѣтствующій ихъ призванію кругъ дѣйствія, обезпечивающій въ то-же время и существованіе

ихъ, тѣмъ болѣе ожидать можно, что христіанскія дѣвицы, имѣющія истинное призваніе къ учебной и воспитательной дѣятельности, воспользуются удобнымъ случаемъ правильно приготовить себя къ этой плодотворной цѣли жизни въ дройссигской семинаріи».

Для приѣма въ эту семинарію просительницы представляютъ слѣдующія бумаги:

1) свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, при чемъ обращается вниманіе, чтобы просительница была не моложе 17 лѣтъ и не старѣе 25 лѣтъ;

2) медицинское свидѣтельство о состояніи здоровья, именно, чтобы просительница не страдала слабостью груди, близорукостью, тугоухостью слуха и другими недостатками, препятствующими отправленію учительской должности, а равно о томъ, имѣла-ли она натуральную или привитую оспу;

3) свидѣтельство мѣстной полиціи о нравственномъ поведеніи, и такое-же отъ мѣстнаго священника и духовника о жизни въ церкви и христіанскомъ обществѣ;

4) свидѣтельство окружнаго инспектора школъ объ испытаніи просительницы. Для принятія въ семинарію требуется безусловно слѣдующее: основательное знаніе катехизиса и св. писанія; подробное знаніе библейской исторіи и умѣнье свободно рассказывать важнѣйшія событія, придерживаясь словъ библіи; знаніе важнѣйшихъ и употребительнѣйшихъ церковныхъ пѣсней; хорошее и правильное чтеніе; навыкъ правильно рассказывать прочитанную статью; выражать простыя мысли словесно и письменно безъ грубыхъ ошибокъ противъ правилъ языка и правописанія; головное и письменное счисленіе первыхъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами; знаніе отечественной и естественной исторіи, географіи и естествовѣдѣнія, на сколько это требуется въ высшихъ классахъ хорошей элементарной школы; умѣнье вязать, штопать и шить простое бѣлье; начальныя основанія игры на фортепяно, пѣнія и рисованія;

5) составленный самою просительницею очеркъ своей жизни, изъ котораго былъ-бы видѣнъ ходъ прежняго ея образованія и можно было-бы заключить о развитіи расположенія ея къ учительскому призванію. Это сочиненіе послужитъ также и пробой почерка;

6) объявленіе родителей или опекуновъ въ томъ, что они обязуются вносить въ теченіи 2 лѣтъ деньги за обученіе и содер-

жаніе, по 47 тал. ежегодно. Въ случаѣ просьбы о вспомоствованіи, просительница должна представить свидѣтельство о бѣдности, завѣренное мѣстными властями, изъ котораго можно было-бы узнать о средствахъ просительницы и ея родственниковъ.

II. ПРЕПОДАВАНІЕ ВЪ СЕМИНАРІИ.

Объемъ учебныхъ предметовъ и распределеніе учебнаго времени между ними въ различныхъ семинаріяхъ не одинаковы. Гаркортъ въ своихъ замѣчаніяхъ на прусскія народныя школы (стр. 31) приводитъ въ примѣръ одну семинарію, въ которой слѣдующее число часовъ назначено для преподаванія различныхъ предметовъ, именно для преподаванія: отечественнаго языка (чтеніе, грамматика и сочиненія) 5 часовъ въ недѣлю; ариметики (головное и письменное счисленіе) и геометріи до стереометріи включительно—5 часовъ; закона Божія—3 часа; методики—4 часа; пѣнія и генераль-баса—3½ часа; игры на фортепьяно—2—3 часовъ, игры на органѣ—3½ часа. Сверхъ-того, каждый воспитанникъ обязанъ 2½ часа въ недѣлю слушать преподаваніе въ практической школѣ и въ послѣднемъ году 4 часа преподавать въ ней самъ. Объ естественныхъ наукахъ, исторіи, географіи не сказано ничего. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ послѣдніе предметы входятъ въ составъ учебнаго курса, но имѣютъ въ немъ только второстепенное значеніе.

Вотъ существующія распоряженія на счетъ учебной системы въ учительскихъ семинаріяхъ.

1) Относительно улучшенія городскихъ школъ и системы обученія въ учительскихъ семинаріяхъ для народныхъ школъ высказана двоякая правительственная мысль въ королевскомъ указѣ, данномъ государственному министру 10 сентября 1829 года. Во-первыхъ, король одобряетъ проэктъ улучшенія городскихъ школъ и учрежденія для нихъ учительской семинаріи въ Берлинѣ въ томъ предположеніи, что улучшеніе учебной части, преимущественно въ среднихъ и малыхъ городахъ, непременно уменьшитъ наплывъ учащихся въ гимназіи и стремленіе къ высшему научному образованію ограничится тѣми лишь воспитанниками, которые дѣйствительно нуждаются въ немъ для своей будущей дѣятельности. Во-вторыхъ, одобряя вообще изложенную министромъ систему образованія въ учительскихъ семинаріяхъ для народныхъ школъ, онъ

требуетъ съ точностью опредѣлить, что можетъ быть преподаваемо съ пользою изъ органическихъ отечественныхъ учреждений, а равно изъ естественныхъ наукъ, сообразно съ будущимъ положеніемъ воспитанниковъ, потому-что излишнее распространеніе этихъ двухъ, въ сущности своей полезныхъ, предметовъ, можетъ причинить вредъ воспитанникамъ и учителямъ, обыкновенно сопутствующій знанію выше состоянія, отъ котораго необходимо ихъ предохранять.

2) Приведемъ нѣсколько министерскихъ распоряженій, касающихся нѣкоторыхъ отраслей наукъ.

а) По предмету методики (7 авг. 1833), обращается вниманіе учителей и учительскихъ совѣтовъ на изданное директоромъ учительской семинаріи въ Эрфуртѣ краткое руководство доктора Сикеля подъ заглавіемъ: учительская мудрость (Schulmeister-Klugheit), въ которомъ изложено подробное наставленіе новымъ преподавателямъ относительно исполненія учительской должности и объясненіе отношеній учителя, условливаемыхъ его призваніемъ.

б) Относительно обученія пѣнію въ учительскихъ семинаріяхъ (2-го января 1852 г.), независимо отъ методическаго приготовленія своихъ воспитанниковъ къ преподаванію пѣнія въ элементарной школѣ, и къ исправленію во время церковной службы должности кантора, учителя семинаріи обязаны пробудить въ нихъ вкусъ къ серьезной, духовной музыкѣ и къ прекрасной народной пѣснѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи никогда не должно допускать пѣсней ни по своему содержанію, ни по музыкальному достоинству несвойственныхъ духу семинаріи. Поэтому училищный совѣтъ долженъ обращать особенное вниманіе на эту сторону семинарскаго образованія. Семинарія, при выборѣ воспитанникамъ пѣсней для музыкальнаго исполненія, должна сохранять свойственный ей характеръ серьезнаго и разумнаго направленія и не переступать границы, долженствующей отдѣлять ее отъ музыкальныхъ собраний, которыхъ главная цѣль — забава и увеселеніе.

с) Съ обученіемъ игры на фортепьяно и органѣ должно быть соединяемо ознакомленіе воспитанниковъ съ постройкою этихъ инструментовъ (13-го апрѣля 1842 г.).

д) Вънимается учительскимъ семинаріямъ въ обязанность преподаваніе воспитанникамъ необходимыхъ свѣдѣній о случаяхъ возвращенія къ жизни мнимо-умершихъ, о ядовитыхъ растеніяхъ, о томъ, какъ поступать въ случаѣ укушенія бѣшеною собакою, о

предохраненіи отъ пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ. Такое преподаваніе собственно принадлежитъ подобнаго рода учебнымъ заведеніямъ, такъ-какъ отъ нихъ эти полезныя свѣдѣнія будутъ переходить въ элементарныя школы, а оттуда распространятся въ народъ; вслѣдствіе чего требуется учителей семинарій и школъ неупустительно подвергать испытанію въ этомъ предметѣ.

е) Равнымъ образомъ садоводство и огородничество составляютъ также предметъ семинарскаго преподаванія.

III. СЕМИНАРСКАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Въ каждой семинаріи дисциплина между воспитанниками поддерживается на основаніи особенныхъ правилъ и внутреннихъ распоряженій. Общія правила, относящіяся къ отдѣльнымъ случаямъ, суть слѣдующія:

1) Участіе семинаристовъ въ публичныхъ музыкальныхъ концертахъ (2 іюня 1824 г.) считается непозволительнымъ, и снисхожденіе учителя семинаріи въ этомъ отношеніи вовсе неумѣстнымъ и несоотвѣтствующимъ цѣли семинаріи и будущему назначенію семинаристовъ. Такъ-какъ упражненія въ настоящихъ музыкальныхъ концертахъ всегда должно считать въ этомъ заведеніи не иначе, какъ постороннимъ занятіемъ, то они и должны всегда сохранять характеръ упражненій и не болѣе, и слѣдовательно публичное ихъ исполненіе ни въ семинарскомъ домѣ, ни внѣ его не можетъ имѣть мѣста. Напротивъ того, директоры семинарій и высшіе начальники могутъ позволять семинаристамъ участвовать въ такихъ музыкальныхъ исполненіяхъ, которыя происходятъ въ принадлежащей къ тому-же исповѣданію, какъ и семинарія, церкви, въ видѣ составной части богослуженія, подъ условіемъ однакожь, что какъ предварительныя, такъ и главныя репетиціи не должны производиться въ учебныя семинарскіе часы и отвлекать семинаристовъ отъ занятій. Равномѣрно директоры музыки, органисты, и пр., если они съ тѣмъ вмѣстѣ и учителя музыки въ семинаріи, желая играть въ церкви, не должны дѣлать репетицій съ семинаристами въ установленныя урочныя часы; эти часы они обязаны употреблять на такія упражненія въ музыкѣ съ учениками, которыя указаны въ учебномъ курсѣ. Само собою

разумѣтся, что запрещеніе семинаристамъ играть въ публичныхъ концертахъ еще сильнѣе распространяется на театры.

2) О слѣдствіяхъ увольненія и самовольнаго удаленія изъ семинаріи постановлено (28 февр. 1834 г.), что семинаристъ, уволенный изъ семинаріи или оставившій ее самовольно и безъ выпускнаго свидѣтельства, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ къ испытанію, а тѣмъ менѣе къ занятію учительской должности.

Это постановленіе имѣеть цѣлью: недостойныя лица исключать изъ школы, и оно должно соблюдаться въ полной силѣ, коль скоро безнравственное поведеніе и нерадѣніе, не смотря на предварительныя увѣщеванія и исправительныя мѣры, поставляютъ въ необходимость удалить препаганда.

Опытъ однакожь доказалъ, что бываютъ отдѣльные случаи, въ которыхъ, при удаленіи воспитанника изъ семинаріи, должно обращать вниманіе на его прежнее поведеніе, способности и прилежаніе, и не исключать его навсегда изъ учительскаго сословія.

При подобныхъ случаяхъ предоставляется провинціальному училищному совѣту дѣлать послабленіе, и ежели при обсужденіи предложенія объ исключеніи какого-либо воспитанника окажется, что прежнее постоянное прилежаніе, поведеніе и характеръ наказываемаго удаленіемъ изъ семинаріи заслуживаетъ вниманіе, и есть надежда, что, при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ загладитъ проступокъ, подвергшиій его наказанію, въ такомъ случаѣ ему дозволятъ продолжать приготовленіе свое къ учительской должности внѣ семинаріи и подвергнуться установленному испытанію, ежели, по истеченіи извѣстнаго времени, онъ представитъ свидѣтельства приходскаго священника, а также инспектора училищъ или суперинтендента округа, въ которомъ онъ имѣеть жительство, о своемъ трудолюбіи и безукоризненномъ поведеніи.

Въ случаѣ, ежели съ удаленіемъ изъ семинаріи не соединяется безусловное исключеніе отъ учительской должности, провинціальный училищный совѣтъ обязанъ наблюдать, чтобы директоръ семинаріи увольняемому препаганду выдавалъ свидѣтельство, въ которомъ значилась-бы причина увольненія, побужденіе и условія, на основаніи которыхъ дозволяется позднѣйшее допущеніе къ испытанію.

Впрочемъ, хотя-бы уволенному въ наказаніе семинаристу и озволено было въ увольнительномъ свидѣтельствѣ частнымъ

образомъ докончить учительское образованіе, то все-таки воспрещается безъ предварительнаго разрѣшенія правительства, поручать такому лицу учительскую должность, гдѣ-бы то и по какой-бы причинѣ ни-было, хотя-бы даже и временно только, по случаю болѣзни или отлучки учителя.

IV. ВЫПУСКЪ ИЗЪ СЕМИНАРІИ.

Выпуску изъ семинаріи по окончаніи семинарскаго курса предшествуетъ испытаніе, успѣхъ котораго даетъ право на опредѣленіе къ мѣсту.

Правила о выпускныхъ испытаніяхъ изложены въ министерскомъ распоряженіи 1.юня 1826 г., въ которомъ, между прочимъ, изъяснено, что такъ какъ во всѣхъ провинціяхъ прусской монархіи необходимое образованіе хорошихъ учителей въ настоящее время (1826 г.) достаточно обезпечено, благодаря значительному числу семинарій, которыя, по мѣрѣ имѣющихся въ распоряженіи средствъ, удовлетворяютъ настоящей потребности, на сколько это возможно, и какъ, благодаря строгому выбору постоянныхъ начальниковъ и способныхъ учителей, а равно опредѣленію глубоко обдуманнаго учебнаго плана, благодаря матеріальному снабженію помѣщеніями и учебными пособиями и изданію приличнаго дисциплинарнаго устава, всѣмъ этого рода заведеніямъ дано такое устройство, что они не могутъ не выполнить своего назначенія; поэтому остается теперь только приравнить ихъ учебную дѣятельность къ потребностямъ народныхъ школъ тѣхъ провинцій, объ образовательной пользѣ которыхъ они заботиться назначены, съ тою цѣлью, чтобы съ одной стороны утвердить и на всегда обезпечить ихъ вліяніе на народныя школы, съ другой облегчить и для нихъ постоянное наблюденіе за развитіемъ условій и истинныхъ потребностей народнаго образованія.

Упомянутое выше министерское распоряженіе, обязывая выпущенныхъ семинаристовъ въ теченіе трехлѣтняго срока принимать всякую учительскую должность, какую угодно будетъ правительству поручить имъ, въ то-же время присвоиваетъ имъ преимущественное право на опредѣленіе къ должности преподавателя.

Съ этою цѣлью директорамъ семинарій предписано строго наблюдать за исполненіемъ правилъ касательно установленныхъ

испытаній для тѣхъ искателей учительской должности, которые готовятся въ семинаріи.

Сверхъ того постановлено еще:

1) Не задолго до срока, опредѣленнаго для выпуска воспитанниковъ семинаріи, производить впредь формальное испытаніе во всѣхъ главныхъ семинаріяхъ государства, такъ-какъ это уже бывало въ большей части семинарій.

2) Таковыя испытанія производить всѣмъ учителямъ семинаріи изъ всѣхъ преподаваемыхъ въ заведеніи учебныхъ предметовъ, не исключая и общепользныхъ свѣдѣній, и пр., въ присутствіи и подъ руководствомъ, а также, если пожелаютъ, и при участіи одного или нѣсколькихъ комиссаровъ, командируемыхъ для этой цѣли провинціальнымъ училищнымъ совѣтомъ, и съ приглашеніемъ окружнаго училищнаго совѣта. Суперинтендентамъ, архипресвитерамъ и вообще всѣмъ духовнымъ дозволяется присутствовать на этихъ испытаніяхъ, которыя впрочемъ не имѣютъ значенія публичныхъ. При испытаніи католическихъ семинаристовъ въ католическихъ или смѣшанныхъ семинаріяхъ присутствуетъ также и епископскій комиссаръ.

3) Выпускные семинаристы испытываются съ тѣмъ вмѣстѣ и въ приобрѣтенной уже ими практической способности обучать, на сколько она можетъ быть высказана во время короткой пробной лекціи.

4) Смотря по исходу испытаній и на основаніи точныхъ и добросовѣстныхъ свѣдѣній, отдѣльно сообщенныхъ директоромъ и всѣми учителями о подвергавшихся испытанію воспитанникахъ и заслуживающихъ вниманія, каждому изъ нихъ выдается выпускное свидѣтельство отъ директора и учителей и утверждается комиссарами.

5) Въ этихъ свидѣтельствахъ не только обозначается, по возможности опредѣлительнымъ и характеристическимъ выраженіемъ, объемъ приобрѣтенныхъ свѣдѣній и способности во всѣхъ учебныхъ предметахъ семинарскаго курса, отдѣльно по каждому, не только опредѣлительно именуется степень способности и ловкости въ преподаваніи, но выражается также со всею добросовѣстностью и нравственное усposобленіе къ учительской должности и поведеніе и характеръ, равно-какъ и та надежда, которую подаетъ испытанный для будущей дѣятельности; составленное на основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній общее и совокупное мнѣніе о

всѣхъ способностяхъ выражается словами *отлично*, *хорошо* или *удовлетворительно* и соответственными имъ цифрами I, II и III.

6) Такое свидѣтельство даетъ выпущенному право на занятіе учительской должности только на три первые года, по истеченіи которыхъ онъ долженъ явиться въ семинарію на вторичный экзаменъ. Тотъ, однакожь, кто на выпускномъ испытаніи получилъ отмѣтку «*отлично*» съ цифрою I и въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ дѣйствительно былъ опредѣленъ въ публичную школу, обыкновенно не подвергается вторичному испытанію; всѣ-же прочіе только временно могутъ занимать должность.

7) Вторичныя испытанія производятся не вмѣстѣ съ выпускными, но въ особое, въ каждой семинаріи опредѣленное время, въ присутствіи и подъ руководствомъ окружнаго училищнаго совѣта.

8) Но ежели выпускныя испытанія преимущественно имѣютъ цѣлью удостовѣриться, исполни-ли поняли воспитанники то, что преподавалось въ семинаріи, усвоили-ли себѣ все то въ связи, умѣютъ-ли, на сколько это возможно, примѣнить знаніе свое къ практикѣ, то при вторичномъ испытаніи не принимается уже непосредственно въ расчетъ прежнее семинарское обученіе, но вообще обращается болѣе вниманія на объемъ, связь и основательность познаній, на своеобразность направленія и самого взгляда, и совершенно особеннымъ образомъ испытывается практическая способность и опытность.

9) Объ исходѣ вторичнаго испытанія равномѣрно выдается свидѣтельство и прибавляется къ выпускному; въ немъ ясно обозначается, на сколько прежнія ожиданія оправдались или оказались ошибочными, или еще не исполнились, но съ тѣмъ-же вмѣстѣ въ немъ съ точностью опредѣляется новое признаніе способности къ учительской должности.

10) Вмѣстѣ съ этимъ вторичнымъ испытаніемъ и на основаніяхъ, какія приняты для нихъ, производятся испытанія тѣмъ искаателямъ учительскихъ должностей, не въ семинаріяхъ получившимъ образованіе, которыхъ правительство отсылаетъ для этого въ семинарію. По испытаніи они равномѣрно снабжаются свидѣтельствами, въ которыхъ съ подробностію и по возможности обстоятельно обозначается объемъ ихъ познаній въ наукахъ, искусствахъ и опредѣляется степень ихъ практической способности.

11) Такъ-какъ не подлежитъ сомнѣнію благотворное вліяніе семинаріи и на тѣхъ, уже опредѣленныхъ учителей, которые или

постоянно нуждаются въ помощи или не оказываютъ успѣховъ въ своемъ образованіи и должностной опытности, а быть можетъ даже, что и отстаютъ; то, если окажутся таковыя, ихъ должно вызывать въ главную семинарію на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по надобности, съ тѣмъ, чтобы они или снова прошли весь курсъ методики, или занялись бы отдѣльными предметами, или усвоивали-бы извѣстные дисциплинарные приемы посредствомъ занятій въ состоящей при семинаріи практической школѣ. Возможность осуществленія этой мѣры и приведеніе ея въ дѣйствіе въ каждой провинціи предоставляется предварительному соображенію мѣстныхъ властей.

12) Съ одной стороны имѣя въ виду вышесказанную цѣль, съ другой, чтобы обстоятельно ознакомиться съ свойствами и потребностями учебной части своего округа вообще, директоры семинарій ежегодно, въ каникулярное время, обязаны, въ качествѣ комиссаровъ, объѣзжать для осмотра сельскихъ училищъ часть округа или провинціи, учителя которой получили образованіе въ ихъ заведеніяхъ, и о собранныхъ свѣдѣніяхъ и о своихъ замѣчаніяхъ доносить правительству, сообщивъ копію съ такого донесенія провинціальному училищному совѣту. Этотъ объездъ даетъ возможность удовлетворять нужды училищъ и въ особенности вызывать въ семинаріи тѣхъ учителей, къ которымъ относится сказанное выше въ 11 пунктѣ.

13) Желательно, чтобы въ извѣстныхъ большихъ округахъ, составляющихъ двѣ или три провинціи, каникулы каждой семинаріи приходились въ разные мѣсяцы, одной въ іюнь, другой въ іюль, августъ или сентябрь, съ цѣлью доставить учителямъ удобный случай посѣщать другія заведенія и изучать ихъ дѣятельность и заведенные порядки.

Относительно обязанностей семинаристовъ послѣ ихъ выпуска (30 мая 1826 г.):

Необходимость непрерывной связи между кандидатами въ учительскія должности и образовательными заведеніями, изъ которыхъ они вышли, требуетъ:

1) Чтобы кандидаты, до своего окончательнаго опредѣленія къ должности, при каждой перемѣнѣ мѣста жительства немедленно доводили о томъ письменно до свѣдѣнія директора семинаріи, изъ которой они вышли и въ которой экзаменовались.

2) Чтобы они ежегодно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, высылали директорамъ удостовѣреніе епархіальнаго суперинтендента или мѣстнаго проповѣдника о своей службѣ, частныхъ занятіяхъ и о своемъ образѣ жизни и поведеніи.

3) Чтобы письменныя задачи, ежегодно имъ назначаемыя директоромъ, тщательно обрабатывали и доставляли къ нему въ опредѣленное имъ время.

4) Чтобы наставленія, сообщаемыя имъ деректоромъ, исполняли съ должнымъ успѣхомъ.

Относительно назначенія на учительскія мѣста (28 февраля 1825 г.):

Многіе учительскіе кандидаты отказываются отъ выпрошенныхъ ими учительскихъ должностей подъ предлогомъ, что онѣ не довольно выгодны, и стараются пристроить себя въ качествѣ домашнихъ или частныхъ учителей. Это совершенно противно цѣли, съ которою они принимаются въ семинаріи, и причиняетъ вредъ и училищамъ, и самымъ молодымъ людямъ, которые чрезъ то отчуждаются отъ того сословія, для котораго они собственно предназначены, и отчасти привыкаютъ къ образу жизни и потребностямъ, которыя не могутъ быть удовлетворены въ положеніи сельскаго учителя, въ которое однакожъ, спустя нѣкоторое время, они бывають вынуждены опять возвратиться.

Естественно, что столь значительныя расходы, производимыя изъ общественныхъ источниковъ на содержаніе семинарій, не могутъ быть употребляемы на образованіе однихъ домашнихъ учителей. Вслѣдствіе чего постановлено:

1) Каждый семинаристъ въ продолженіи трехъ лѣтъ послѣ своего выпуска изъ заведенія состоитъ въ распоряженіи того правительственнаго мѣста, въ округѣ котораго находится семинарія, гдѣ онъ получилъ образованіе, и обязанъ принять всякое мѣсто, куда пошлетъ его начальство и немедленно исполнять то, что отъ него потребуется. Поэтому, онъ не долженъ заключать никакихъ условій, которыя препятствовали-бы исполненію этой обязанности, и которыя ни въ какомъ случаѣ не послужатъ ему въ оправданіе.

2) Кто этого обязательства не исполняетъ, или исполняетъ не тотчасъ, какъ это отъ него требуется, тотъ обязывается возвратитъ семинаріи употребленныя на него издержки, именно:

а) десять талеровъ за каждое полугодіе своего пребыванія въ семинаріи и за обученіе, которымъ въ ней пользовался;

б) сполна всю сумму, слѣдующую за пользованіе нмѣ столомъ и квартирою.

3) Воспитанникъ воленъ отказаться отъ мѣста, которое назначаетъ ему директоръ семинаріи по порученію правительства, или которое предлагается ему по просьбѣ патрона и училищнаго инспектора; въ случаѣ однакожъ, если правительство не одобритъ такого отказа и пожелаетъ опредѣлить воспитанника на вакансію, онъ обязанъ или подчиниться такому распоряженію, или возвратить деньги по вышеприведенному разсчету.

4) Семинаристы, какъ тѣ, которые будутъ приняты, такъ и находящіеся уже въ заведеніи, должны, съ согласія своихъ родителей или опекуна, объявить, что они согласны или подчиниться этому распоряженію, или немедленно оставить заведеніе.

Для вѣрнѣйшаго исполненія этого обязательства послѣдовало министерское распоряженіе отъ 18 апрѣля 1835 г., касательно первоначальнаго опредѣленія на службу воспитанниковъ учительскихъ семинарій, въ силу котораго они не иначе могутъ быть опредѣляемы на службу въ какомъ-либо чужомъ округѣ Пруссіи, какъ съ согласія управленія того округа, въ которомъ и для котораго они получили свое семинарское образованіе. Училищное правленіе въ случаѣ просьбъ объ опредѣленіи въ учительскую должность должно строжайше слѣдовать этому постановленію, а провинціальныя училищныя совѣты обязаны объявить объ этомъ вновь поступающимъ въ семинарію воспитанникамъ.

В. ИГНАТОВИЧЪ.

А.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ СТАТЬЯ:

«УЧИТЕЛЬСКІЯ СЕМИНАРИИ ВЪ ПРУССИИ.»

А. ПРИЛОЖЕНИЕ къ статьѣ: «Учительскія семинаріи въ Пруссіи».

Провинціи.	Города.	Какая школа и для какого назначенія.	Число классовъ.	Число учащихся.	Число учителей.	Штатъ.	Особыя замѣчанія.
Пруссія.	1. Браунсбергъ	Католическая семинарія.	3	—	4	4470 т.	—
	2. Фрейштадтъ-Эйлау	Евангелич. семинарія	3	56	5	4573	При ней практич. школа съ 3 кл. и 100 уч.
	3. Фридрихсгофъ	Просеминарія	3	—	—	—	—
	4. Кенигсбергъ	Евангел. корол. семинарія	3	—	5	—	—
	5. Ангербургъ	Евангелич. семинарія	2	56	5	4260	Практическая школа для сиротъ.
	6. Кавалене	Евангелич. семинарія	3	60	6	5888	—
	7. Деценъ	Просеминарія	3	—	—	—	2/3 учениковъ должны знать латинскій языкъ.
	8. Грауденцъ	Католическая семинарія.	3	50	5	5059	—
	9. Грауденцъ	Еванг. семин. для учительницъ и воспитательницъ	2	—	—	—	—
	10. Мариенбургъ	Евангелич. семинарія	3	50	7	4215.	При ней приготовительная школа. Съ 1833 г. съ этою семинаріею соединено королевск. училище для глухонѣмыхъ.
Познань.	11. Пардизъ	Католическая семинарія .	3	65	6	6805	—
	12. Познань	Католическая семинарія .	3	75	8	6365	—
	13. Познань	Кор. сем. д. уч. цъ и пос-цъ въ городскія школы	2	28	11	—	—
	14. Равичъ	Просеминарія	—	—	—	—	—
	15. Бромбергъ	Евангелич. семинарія	2	30	4	3566	—
	16. Триемесно	Просеминарія	—	—	—	—	—
Бранденбургъ.	17. Беранъ	Ев. городск. учительск. сем.	3	42	7	3886	—
	18. Беранъ	Кор. сем. для учительницъ	2	30—40	—	—	Съ окт. 1832 г. съ нею соединена практич. ская женская школа. На 3-й годъ семинаристы обучаются въ другихъ высшихъ заведенияхъ и по прошествіи этого года подвергаются испытанію.
	19. Кёпеникъ	Сем. д. город. и сел. уч-лей	4	100	6	9604	Была открыта въ 1748 г.; 400 талер. отпускается отъ казны въ пользу бѣдныхъ семинаристовъ.
Померя	20. Альт-Дёберъ	Просеминарія	2	60	4	—	Получаетъ вспоможенія 641 т.
	21. Ней-Целле	Семинарія	3	100	7	9479	Сюда же принадлежатъ сиротская школа для 80 учев. (20 мальч. и 10 дѣв.).
	22. Каминъ	Ев. сем. для сельск. уч-лей	1	20	4	1440	—
	23. Парциъ	Ев. сем. для сельск. уч-лей	1	20	4	850	—
	24. Штеттинъ	Ев. сем. д. гор. и сел. уч-лей	2	50	10	4296	—
25. Кёслинъ	Ев. сем. д. гор. и сел. уч-лей	2	50	6	3464	При ней училище для глухонѣмыхъ.	

внѣ.	Ев. сем. для сельск. уч-лей Просеминарія Просеминарія	— — —	— — —	— — —	— — —	3000 — —	— — —	Основана въ 1765 г. При ней подготовительная школа съ 3 клас. При ней практич. шк. съ 5 клас. и 250 уч. — — — При ней подготовит. шк. съ 3 клас. и 120 уч. — — — Основ. въ 1778 г. При ней находятся: школа для мальчиковъ, школа для дѣвочекъ, бесплатная школа, училище для глухонѣмыхъ съ 27 уч. и школа для препарандовъ. При ней подготов.шк. для высшихъ заведеній съ 4 кл. и 160 уч., народн. шк. съ 1 кл. и 75 уч. При ней институтъ для глухонѣмыхъ. — — — При ней гимназія. — — — Основана въ 1794 г. При ней практи. шк. съ 5 кл. и 380 уч., бесплатная школа съ 54 уч. и училище для глухонѣмыхъ. — — —	
Силезія.	26. Францбургъ 27. Штейнгагенъ 28. Штралзундъ .. 29. Бреславль 30. Мюнстербергъ 31. Штейнауъ 32. Оберъ-Глогу 33. Пейскретчамъ 34. Бундлау 35. Гардегенъ 36. Гальберштадтъ ..	— — — — — — — — — 2 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3	— — — — — — — — — 60 60 70 70 83 83 75 75 76 76 — 60	— — — — — — — — — 6 5 5 5 6 6 5 5 7 7 — 8	— —	— —	— —	— —	
Саксонія.	37. Магдебургъ 38. Эрзуртъ 39. Гейлгенштадтъ .. 40. Мюльгаузенъ 41. Дройсенъ 42. Эйслебенъ 43. Вейссенфельсъ ..	— — — 3 3 — — — — — — 3 3 3 3	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Вестфалія.	44. Цейцъ 45. Лангенгорстъ .. 46. Мюнстеръ 47. Бюрентъ 48. Падерборнъ 49. Зюстъ 50. Брюль 51. Динслакенъ 52. Кайзервертъ ..	— — — — — — 8 2 — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — — — — —
Рейнскія.	53. Кемпенъ 54. Мерсъ 55. Рейнбергъ 56. Балль 57. Нейвидъ	— — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —	— — — — — — — — — — — — — — —

III.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ПЕДАГОГИКѢ ШЕРРА.

(Окончаніе).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Очеркъ педагогики или науки о воспитаніи и обученіи въ предѣлахъ семьи и народной школы, — вотъ содержаніе этой главы. Оно не блистаетъ новостью идей; но въ немъ замѣчательны вѣрность взгляда на предметъ, правдивость мысли, практичность цѣли и средствъ, нужныхъ къ ея достиженію. Благоговѣя къ идеямъ Песталоцци, признавая ихъ единственно-вѣрными, Шерръ не увлекается ихъ идеальной стороною, но, какъ умный, положительный, опытный педагогъ, примѣняетъ къ дѣлу все примѣнимое въ сферѣ народной школы, которой участь составляетъ его задушевную заботу.

Эти важныя достоинства видны повсюду; но они преимущественно отразились въ планѣ устройства учебной части народной школы, въ критической оцѣнкѣ различныхъ методовъ преподаванія и наконецъ, во всей практической части сочиненія. Постараемся познакомить читателей со взглядами автора на нѣкоторые изъ предметовъ, изложенныхъ въ этомъ очеркѣ, именно: на воспитаніе вообще, виды воспитанія и характеръ каждаго, на воспитаніе въ народной школѣ, на устройство въ ней образовательно-учебной части и на методику.

Воспитаніе вообще.

Нѣсколько лѣтъ послѣ своего рожденія дитя, слабое и немощное, нуждается въ попеченіи взрослыхъ людей, именно родителей и преимущественно матери. Первоначальное попеченіе о здоровьѣ дитяти, объ укрѣпленіи его тѣла, есть, такъ сказать, *возращеніе тѣла* (Aufziehen). Впослѣдствіи, съ попеченіемъ о развитіи тѣлесныхъ силъ дитяти соединяются заботы о развитіи его духовныхъ способностей, и это есть уже собственно *воспитаніе* (Erziehen). Слѣдовательно, ближайшая цѣль воспитанія — развитіе тѣлесныхъ силъ и духовныхъ способностей дитяти. Но высшая цѣль воспитанія истекаетъ изъ самого назначенія человѣка — стремиться къ совершенству и благородными чувствами души и дѣйствіями.

Физическое и духовное усовершенствованіе каждаго въ отдѣльности человѣка обращается на пользу всего человѣчества; слѣдовательно, *высшая цѣль воспитанія есть возвышеніе человечества*. Чѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ глубже онъ сознаетъ достоинство хорошаго воспитанія; отсюда является стремленіе собрать и систематически изложить опыты и наблюденія надъ воспитаніемъ, что и составляетъ науку о воспитаніи—*педагогію*. Одна часть ея, *педагогика*, объясняетъ значеніе, цѣль и средства воспитанія, и руководитъ въ приложеніи воспитательныхъ средствъ къ практикѣ. Часть педагогики, занимающаяся обученіемъ, *называется дидактикой*; часть дидактики, указывающая способы, какъ вести обученіе, чтобы оно принесло надлежащую пользу, есть *методика*, а самый способъ обученія называется *методомъ*.

Успѣшное дѣйствіе воспитательныхъ средствъ зависитъ отъ точнаго изученія воспитываемаго существа, человѣка. Есть три области, изъ которыхъ наука о воспитаніи почерпаетъ познанія о человѣкѣ: природа, исторія человеческой образованности, общественная жизнь.

Вотъ главные положенія, которыя вывела педагогія, на основаніи своихъ изслѣдованій въ поименованныхъ областяхъ и которыя *педагогика* предлагаетъ въ руководство для воспитанія. Воспитаніе должно: 1) соответствовать постепенному развитію человѣка; 2) изучать и воспользоваться тѣмъ, что исторія и опытъ признали полезнымъ и цѣлесообразнымъ; 3) въ стремленіи къ совершенству постоянно имѣть въ виду современныя потребно-

сти, по мѣрѣ какъ они обнаруживаются въ отношеніяхъ общезнѣтїа.

Раздѣленіе воспитанїа.

Въ обширномъ значенїи слова, воспитанїе человѣка продолжается чрезъ всю жизнь, воспитанїе человѣчества чрезъ всѣ времена. Въ тѣсномъ смыслѣ, воспитанїе ограничивается періодомъ несовершеннолѣтїа. Въ этомъ значенїи воспитанїе раздѣляется на *естественное* и *образовательное*. Воспитанїе естественное свойственно народамъ и семействамъ, сохраняющимъ простоту природной жизни. Тамъ, въ лѣта дѣтской слабости, кормятъ и лелѣютъ ребенка родители, повинуваясь природному чувству. Потомъ, мало-по-малу дитя, по врожденной человѣку способности къ дѣятельности и преимущественно къ подражанїю, усваиваетъ себѣ занятїа и нравы окружающихъ его взрослыхъ людей. У цивилизованныхъ народовъ естественное воспитанїе обыкновенно продолжается только до пятилѣтняго возраста, да и тутъ часто принимаются нѣкоторыя искусственныя мѣры. Потомъ начинается образовательное воспитанїе, которое старается развить умственныя способности и тѣлесныя силы дѣтей посредствомъ обученїа наукамъ и искусствамъ; то въ родительскомъ домѣ, то въ образовательныхъ заведенїяхъ или училищахъ, то въ воспитательныхъ учрежденїяхъ. Большею-же частью раздѣляютъ между собою воспитанїе семья, школа и церковь. Образовательное воспитанїе бываетъ или *частное, домашнее, семейное*, получаемое дома въ семейномъ кругу, или общее, публичное, получаемое въ образовательныхъ и воспитательныхъ заведенїяхъ, учреждаемыхъ на счетъ государства, общинъ или частныхъ лицъ.

Преимущества и недостатки разнаго рода воспитанїа.

Естественное воспитанїе, при хорошемъ направленїи, благоприятствуетъ развитїю задушевныхъ отношенїй между родителями и дѣтьми, и водворенїю тихой и беззаботной жизни, поддерживаетъ простоту нравовъ и почтенные стариною обычаи; при дурномъ направленїи оно укореняетъ дурныя привычки, низкіе пороки и ведетъ къ гибели семейства и народы. Образовательное воспитанїе, при хорошемъ направленїи, постоянно стремится, въ прогрессивномъ развитїи, увеличить массу познанїй и направ-

лять къ полезной дѣятельности умственныя, нравственныя и физическія силы, просвѣтляетъ и очищаетъ сердца и успѣшно подвигаетъ общество къ достиженію высшаго нравственнаго образованія. При дурномъ направленіи, образовательное воспитаніе очень рано разрываетъ естественныя узы и, искусственно усложняя житейскія отношенія, разстроиваетъ ихъ. Проявляются въ огромныхъ размѣрахъ честолюбіе и любостыжаніе и производятъ недовѣрчивость, неудовольствіе, страсть къ наслажденіямъ и пороки. Свѣтлая сторона частнаго, т.-е. домашняго или семейнаго воспитанія, состоитъ въ томъ, что оно, имѣя въ виду индивидуальное развитіе, въ выборѣ образовательныхъ мѣръ можетъ вполне сообразоваться съ индивидуальностію, съ силами и склонностями воспитанника; по мѣрѣ надобности, можетъ развивать преимущественно одну способность и сдерживать другую; но и домашнее воспитаніе имѣетъ свою темную сторону: оно слишкомъ мало обращаетъ вниманіе на общественную жизнь и, слѣдовательно, не достигаетъ существенной части образовательной цѣли. Кромѣ сего, часто бывають слѣдствіемъ домашняго воспитанія: односторонность, слишкомъ высокое о себѣ мнѣніе, неуживчивость и эгоизмъ.

Лучшее поэтому воспитаніе то, гдѣ семья и школа, въ разумномъ согласіи, раздѣляютъ между собою заботы первоначальнаго воспитанія; гдѣ семья печется о тѣлесномъ воспитаніи и развиваетъ чувства нѣжной любви и задушевной искренности въ отношеніяхъ семейнаго круга, а школа, въ свою очередь, помощью образовательнаго обученія, способствуетъ усвоенію необходимыхъ свѣдѣній въ наукахъ и искусствахъ, наставляетъ въ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ общественной жизни и подаетъ собою примѣръ знанія и исполнительности.

Семейное воспитаніе.

Семейное воспитаніе начинается обыкновенно съ самого рожденія дитяти и продолжается до совершеннолѣтняго возраста. Оно предшествуетъ воспитанію школьному, сопутствуетъ ему и завершаетъ свое дѣло еще и послѣ него. Въ первомъ періодѣ домашнее воспитаніе заботится о помѣщеніи ребенка, его пищѣ, одеждѣ, здоровьѣ тѣла, какъ условіяхъ роста, о развитіи органовъ зрѣнія и слуха, какъ споспѣшествователей развитію органа слова. Но предѣлы жилища для этого слишкомъ тѣсны; ножки ребенка укрѣпи-

лись, онъ начинаетъ бѣгать; ведите его въ садъ, въ поле, на луга; знакомте съ предметами природы и общежитія; приучайте называть ихъ родовыми именами, подмѣчать и называть ихъ общія свойства и дѣйствіе, и послѣднее не только отдѣльнымъ словомъ, но и предложениемъ, напр. это цвѣтокъ, птичка летитъ, ручей журчитъ, лошадь бѣжитъ, и пр. Для возбужденія дѣятельности маленькаго ума полезно давать дѣтямъ игрушки, то удовлетворяющія только врожденной имъ подражательности взрослымъ, напр. повозочки, куклы, лошадки, то требующія нѣкотораго соображенія, какъ складные домики, картинки; еще полезнѣе рисунки, особенно раскрашенные, сперва съ предметами знакомыми ребенку, потомъ и съ незнакомыми.

На образованіе сердца въ дѣтскомъ возрастѣ лучше всего дѣйствуетъ примѣръ. Желаете возбудить въ ребенкѣ чувство состраданія, оказывайте его сами и словомъ и дѣломъ, наводите ребенка къ свободному на дѣлѣ изъявленію любви къ роднымъ, къ ближнимъ, сочувствія къ бѣднымъ. Религіозное чувство лучше всего возбуждается теплымъ внушеніемъ, что все, что окружаетъ дитя и ему нравится, есть даръ и созданіе Божіе, что Богъ возвращаетъ прекрасные цвѣтки и вкусные плоды, создалъ ясное солнышко и свѣтлый мѣсяцъ, изцѣлилъ больную маменьку и проч. Такія внушенія водворяютъ въ дитяти вѣру въ Бога и убѣжденіе, что въ молитвѣ онъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Вынужденное заучиваніе молитвъ, какъ-бы онѣ ни были прекрасно сложены, нерѣдко уже въ ребенкѣ охлаждаетъ природное влеченіе къ молитвѣ.

Весьма важно приучать дитя къ послушанію; но не требуйте того, къ чему вамъ придется принуждать его. Послушаніе тогда только переходитъ въ привычку, когда требуется отъ ребенка не болѣе того, что онъ дѣлаетъ охотно; тогда мало-по-малу онъ станетъ дѣлать безпрекословно и то, что ему не очень нравится. Если ребенокъ золь и упрямъ, будьте тверды, заставьте его повиноваться, а если ничто не поможетъ, накажите его. Лучшее наказаніе—запереть одного въ особой комнатѣ. Нѣтъ ничего бесполезнѣе длинныхъ увѣщаній и укоризнъ, ничего вреднѣе—брани.

Дитя любопытно, и ничто такъ не увлекаетъ его вниманія, какъ душевные рассказы. Но содержаніе рассказа должно быть веселаго и ободряющаго свойства. Пуще всего остерегайтесь рассказывать что либо страшное и позорное. Миръ, въ который вво-

дится дитя посредствомъ разсказа, долженъ быть мѣръ невинности и веселія.

Приученіе къ принятымъ въ общежитіи выраженіямъ вѣжливости, безъ сомнѣнія полезно, но не къ фразерству, не къ бессмысленной болтовнѣ; ибо развитіе способности говорить, по своему естественному назначенію, должно содѣйствовать развитію ума и сердца.

Школьное воспитаніе.

Ученіе никогда не должно быть игрушкою; на каждой степени оно должно быть серьезнымъ занятіемъ, требующимъ дѣятельности всѣхъ силъ, которыя воспитанникъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи; поэтому, дѣйствительное обученіе школьное не должно начинать раньше совершившагося пятилѣтняго возраста; не слѣдуетъ на первой порѣ и долго занимать имъ дитя; потомъ, мало-по-малу, по мѣрѣ развитія силъ и привычки къ ученію, можно увеличивать время и требованія. Вотъ существенныя обязанности родителей относительно школы:

- 1) Дѣтей аккурратно посылать въ школу.
- 2) При всякомъ случаѣ внушать дѣтямъ убѣжденіе о важности школы.
- 3) Питать и поддерживать въ дѣтяхъ любовь, уваженіе и довѣріе къ учителю.
- 4) Посылать дѣтей въ школу всегда опрятными, своевременно, и снабдивъ ихъ нужными учебными пособіями.
- 5) Наводить иногда дитя на то, чтобы оно, будто *motu proprio*, разсказывало съ откровенностью объ учебныхъ занятіяхъ, и обнаруживать сочувствіе къ успѣхамъ.
- 6) Освѣдомляться иногда отъ учителей о томъ, какъ учится дитя въ школѣ. Родительское пристрастіе преувеличивать способности и успѣхи дѣтей, нерѣдко влечетъ за собою горькіе плоды разочарованія, когда, паче чаянія, обнаруживается несогласіе между родительскою оцѣнкою и школьною.

Народная школа.

Цѣль народной школы—на разумныхъ основаніяхъ образоватъ дѣтей вслѣдъ классовъ народа умственно—способными къ гражданственной дѣятельности и нравственно религіозными. Слѣдовательно,

обязанность народной школы—приводить своихъ воспитанниковъ въ сознаніе ихъ умственныхъ силъ, упражнять эти силы, развивать и укрѣплять, обогащать своихъ учениковъ необходимыми, полезными въ общежитіи, свѣдѣніями въ наукахъ и художествахъ, знакомить съ общими обязанностями и правами человѣка, и объяснить имъ высшее ихъ назначеніе; слѣдовательно, дать имъ полное, въ извѣстныхъ предѣлахъ, общечеловѣческое образованіе.

Цѣль эта достигается средствами, которыя народная школа находитъ: 1) въ личности учителя; 2) въ дисциплинѣ; 3) въ порядкѣ школьныхъ занятій.

I. Личность учителя. Къ учителю народной школы поступаютъ дѣти въ такомъ возрастѣ, въ которомъ преобладаетъ страсть къ подражанію. Движенія, жесты, произношеніе, почеркъ, даже странности и привычки учителя дѣйствуютъ сильно на учениковъ. Отсюда необходимость, чтобы внѣшніе приемы учителя являли образецъ совершенства. Гдѣ это есть, тамъ дѣло уже въ половинѣ сдѣлано. Вотъ, между прочимъ, признаки хорошаго учителя, достойные вниманія.

1) Личная способность воодушевлять и воодушевляться. Есть личности, глазъ которыхъ блещетъ животворнымъ огнемъ, зажигающимъ подобный огонь и въ другихъ. Симпатическіе взоры встрѣчаются другъ съ другомъ и заключаютъ искренній душевный союзъ. Такая способность учителя, безъ сомнѣнія, драгоценнѣйшій даръ природы.

2) Даръ психологической пытливости, которая пронизываетъ душу воспитанника и вѣрно подмѣчаетъ преобладающія дарованія и склонности, какъ въ моральномъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніи.

3) Открытое сердце, внушающее каждому ученику убѣжденіе, что счастье его принадлежитъ къ искреннѣйшимъ желаніямъ учителя.

4) Сердечное участіе въ ученическихъ играхъ, какъ доказательство, что въ кругу воспитанниковъ учитель счастливъ.

5) Неослабная и воодушевляющая дѣятельность.

6) Ясность и отчетливость въ изустномъ изложеніи предмета. Пусть учитель не обладаетъ обширнымъ знаніемъ, но пусть ясно сознаетъ то, что знаетъ, и ясно и отчетливо передаетъ учащимся; онъ несомнѣнно сдѣлаетъ большіе успѣхи. И то уже великая польза, что его примѣръ пробуждаетъ въ ученикѣ стремленіе къ

ясности и отчетливости выраженія. Истинное несчастье для народной школы, когда въ образованіи учителя болѣе обращается вниманія на количество свѣдѣній, нежели на ясность, опредѣлительность и отчетливость въ знаніи и ученіи.

7) Постоянно живое стремленіе къ самоусовершенствованію, любовь къ наукѣ, искусству и природѣ.

8) Убѣжденіе, что народная школа существенно способствуетъ возвышенію человѣчества.

9) Твердая вѣра, которая обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства утѣшаетъ и укрѣпляетъ во всѣхъ страданіяхъ и превратностяхъ земной жизни.

10) Нравственная сила въ обузданіи влеченія къ чувственнымъ удовольствіямъ.

11) Чувство собственнаго достоинства, съ благородною гордостью отвергающее всякія подлости и низости и внушающее уваженіе и довѣренность.

12) Познанія его въ наукахъ и искусствахъ, преподаваемыхъ въ школѣ, должны быть несравненно выше тѣхъ познаній, которыя современная образованность требуетъ распространить въ массѣ народа.

13) Онъ долженъ знать науку о воспитаніи въ ея тѣснѣйшихъ предѣлахъ общечеловѣческаго образованія и умѣть пользоваться воспитательными средствами по указаніямъ разумной педагогики.

14) По чувствованіямъ души и по своимъ дѣйствіямъ онъ долженъ стоять такъ высоко, чтобы жизнь его служила хорошимъ образцомъ для другихъ и подвигала-бы ихъ къ нравственному возвышенію (*).

(*) Когда мы писали эти строки, намъ пришла на память замѣтка, напечатанная въ № 8-мъ Журнала для воспитанія за минувшій 1859 годъ (стр. 67 и 68), въ которой изъ сравненія качествъ, требуемыхъ для учителя народной школы Шерромъ и Гизо, выведено заключеніе, будто «французскій писатель съ нѣмецкимъ помѣнялись ролями». Очевидно, что авторъ замѣтки не обратилъ вниманія на послѣднія, приведенныя нами три учительскія качества, помѣщенныя въ Шерровой педагогикѣ немного выше на стр. 414. Автору замѣтки стоило только перевернуть нѣсколько листовъ, и онъ убѣдился-бы, что такіе педагоги, какъ Шерръ и Гизо, къ какой націи ни принадлежатъ они, могутъ расходиться между собою въ мелочахъ, но въ существенномъ всегда согласны. Конечно, нѣмецкіе педагоги не безъ упрека; они иногда

II. Дисциплина. Цѣль школьной дисциплины состоитъ преимущественно въ поддержаніи точнаго повиновенія, правильной дѣятельности и общаго порядка въ школѣ. Школьная дисциплина, достигающая этой цѣли, имѣетъ плодотворное вліяніе на жизнь семейную и гражданственную тѣмъ, что она заранѣе вкореняетъ въ сердцѣ дитяти убѣжденіе въ необходимости ограничивать дѣйствія каждаго отдѣльнаго лица для блага всего общества. Первый законъ для ученика—послѣдовательная и разумная воля учителя; ей онъ долженъ повиноваться безусловно, иначе школа существовать не можетъ. Если ужъ нужны положительныя правила для старшихъ учениковъ, то они пусть опредѣляютъ только обязанности, но отнюдь не наказанія или награды. Необходимо предоставить свободу учителю дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, снисходительнѣе или строже. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ цѣль школьнаго наказанія — исправленіе ученика, то всякія позорящія его наказанія, дозволены быть не могутъ. Тѣлесное наказаніе допускается только въ крайности и умѣренное; за всякое истязаніе учитель долженъ подвергаться строгой отвѣтственности. Вообще, никакія правила о наказаніяхъ не дѣйствительны, ежели у учителя нѣтъ любви къ дѣтямъ, нѣтъ энергіи и чувства собственнаго достоинства. Умный и опытный учитель не нуждается въ школьномъ наказаніи. Въ хорошей школѣ награды вовсе не нужны; воспитанникъ находитъ свое удовольствіе въ ней самой, въ живомъ обществѣ школьныхъ товарищей и въ ученіи (*).

III. Порядокъ школьныхъ занятій. — Народная школа есть общеобразовательное заведеніе; самая эта общность требуетъ опредѣленнаго порядка какъ въ дѣятельности личнаго состава школы, такъ и въ употребленіи всѣхъ ея вещественныхъ принадлежностей. Школьный порядокъ принимаетъ видъ обычая тамъ,

слишкомъ идеализируютъ, слишкомъ систематизируютъ, и вообще они большіе формалисты, все стараются подвести подъ опредѣленные правила и нормы. Но вникните только во всѣ эти идеалы, системы, формы, правила; и вы убѣдитесь, что это не стремленіе стѣснять самодѣятельность, но искреннее желаніе указать ей легчайшій и вѣрнѣйшій путь къ цѣли.

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ этихъ дисциплинарныхъ требованій Шерра не одобряются нашими молодыми педагогами, еще болѣе гуманными, нежели нѣмецкіе педагоги. Дай Богъ, чтобы ихъ прекрасныя чувства наши практическое оправданіе въ какой-нибудь образцовой школѣ.

гдѣ онъ утвердился прочно; и новые ученики легко приучаются ему, по природной склонности къ подражанію. Вліяніе, производимое на всю жизнь хорошимъ школьнымъ порядкомъ, такъ многозначительно, что, по всей справедливости, школьный порядокъ почитается существеннымъ образовательнымъ средствомъ.

Въ народныхъ школахъ обыкновенно бываетъ много учениковъ и одинъ только учитель. Отсюда проистекаетъ очевидная необходимость въ устройствѣ строгаго порядка и правильности въ школьныхъ занятіяхъ.

Отъ недостатка въ школѣ оживленія, порядка и непрерывности въ занятіяхъ, быстрые и способные ученики нерѣдко дѣлаются вялыми, тупоумными, равнодушными. Кое-какая механическая сноровка въ такъ-называемомъ чтеніи и письмѣ нисколько не вознаграждаетъ того умственного и физическаго вреда, какой причиняютъ дѣтямъ подобныя школы лѣни. Для общечеловѣческаго образованія имѣтъ дурныя школы гораздо вреднѣе, нежели не имѣтъ никакихъ. Какія-же средства оживить въ ученикахъ дѣятельность и дать имъ общее, непрерывное и полезное занятіе?

Для достиженія этой цѣли необходимы слѣдующія средства: а) раздѣленіе школы на классы; б) цѣлесообразное распредѣленіе уроковъ; в) занятіе младшихъ учениковъ при помощи старшихъ; г) учебныя пособія, принаровленные къ тихому, про себя, самообученію.

а) Раздѣленіе школы на классы.

Для правильнаго раздѣленія школы на классы, Шерръ полагаетъ главнымъ условіемъ: принимать учениковъ одинъ разъ въ году и почти одинаковаго возраста, напр. отъ $5\frac{1}{2}$ — $6\frac{1}{2}$ лѣтъ, какъ это введено въ цюрихскихъ школахъ. Школа должна имѣтъ столько классовъ, сколько лѣтъ въ ней назначено продолжаться полному учебному курсу; потому-что каждый годичный курсъ имѣетъ свою программу и обязанъ доставить ученику новую, высшую степень знанія. Отсталые и слишкомъ быстрые ученики принадлежатъ къ исключеніямъ; правило составляетъ несравненно значительнѣйшее большинство удовлетворительно усвѣвающихъ.

При раздѣленіи классовъ имѣются въ виду двѣ системы: собственно *классная* (Klassensystem) и *предметная* (Fachsystem). Классная система ввѣряетъ одному учителю (или главному учителю съ помощниками) все обученіе въ опредѣленномъ объемѣ, въ одномъ или въ нѣсколькихъ классахъ. Предметная поставляетъ для каждаго учебнаго предмета особаго учителя, который проходить свой предметъ въ нѣсколькихъ классахъ. Сверхъ сего, различить должно классы *постоянные* и *подвижные*. Въ постоянныхъ классахъ ученикъ обучается всѣмъ предметамъ, преподаваемымъ въ одномъ и томъ-же классѣ; въ подвижныхъ классахъ, ученикъ, смотря по своимъ познаніямъ въ различныхъ предметахъ, можетъ въ разные часы посѣщать различные классы.

Предметная система представляетъ ту выгоду, что учитель одного предмета имѣетъ возможность изучить его основательнѣе, а слѣдовательно и преподавать съ большею любовью и отчетливостію; въ пользу подвижныхъ классовъ говорить то обстоятельство, что ученикъ по каждому предмету посѣщаетъ классъ, соотвѣтствующій своимъ познаніямъ и потребностямъ. Но чистая предметная система неудобна тѣмъ, что, при многочисленности учебныхъ предметовъ, учителя, перемѣняясь безпрестанно, не приобрѣтаютъ почти никакого вліянія на учащихся; въ короткое время не могутъ образоваться между учителемъ и ученикомъ тѣсныя и искреннія отношенія; да и не каждый учитель, по характеру своему или по образованію, способенъ преподавать съ пользою и въ низшихъ и въ высшихъ классахъ. Наконецъ, предметная система часто ведетъ къ односторонности; ученикъ легко увлекается своею особенною склонностію къ какой либо наукѣ, а еще болѣе вліяніемъ отличнаго преподавателя и отстаетъ въ прочихъ предметахъ. Подвижные классы почти непримѣнимы въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; они произвели-бы неминуемое замѣшательство въ школьномъ организмѣ. Собственно классная система, съ примѣненіемъ ея къ постояннымъ классамъ есть самое цѣлесообразное устройство учебной части для народныхъ школъ; только при этой системѣ возможно нравственно-образующее обученіе въ школѣ: здѣсь только учитель въ состояніи изучить своихъ учениковъ всесторонне. Гдѣ дѣло идетъ объ общечеловѣческомъ образованіи, тамъ необходимо всестороннее оживленіе и упражненіе силъ и равномѣрное развитіе ихъ; полный успѣхъ въ этомъ возможенъ только тогда, когда учитель руково-

дять развитіемъ ученика во всѣхъ направленіяхъ. Число предметовъ въ народныхъ школахъ нисколько не мѣшаетъ классной системѣ; они преподаются здѣсь въ такомъ маломъ объемѣ, что образованный учитель легко совладеетъ съ ними. Даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, посѣщаемыхъ учениками отъ 12—16 лѣтняго возраста, чистая предметная система съ своимъ раздробленіемъ преподаванія между многими учителями не совсѣмъ благоприятна успѣхамъ образованія и было-бы несравненно цѣлесообразнѣе соединять родственные предметы въ одномъ учителѣ (*).

Народная школа, какъ общеобразовательное заведеніе, не можетъ имѣть различныхъ образовательныхъ цѣлей для мальчиковъ и дѣвочекъ. Если въ городахъ можетъ быть и справедливо разлученіе половъ, потому что у городскихъ дѣтей нѣжнѣе тѣлосложеніе, раньше развивается чувствительность и половое влеченіе, то вообще оно противорѣчитъ цѣли народной школы. Да еще вопросъ и въ томъ, подобное разлученіе не содѣйствуетъ-ли именно тому, чего избѣгнуть хотятъ. Взору-же психологическаго наблюдателя ясно представляются выгоды общаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ до 12-лѣтняго возраста въ городахъ, а въ селеніяхъ и еще далѣе. Оба пола предназначены для совмѣстнаго общежитія; поэтому весьма полезно тому и другому полу заранѣе узнать, чѣмъ различаются ихъ умственные и душевные епособности, и приучиться другъ друга уважать, другъ съ другомъ прилично обращаться. Воспитательное вліяніе такъ сильно говоритъ въ пользу ихъ школьнаго общежитія, что раздѣленіе учащихся по поламъ въ народныхъ школахъ, по мнѣнію Шерра, должно отнести къ числу важныхъ ошибокъ.

Распредѣленіе уроковъ.

Чѣмъ больше учениковъ и классовъ въ народной школѣ и чѣмъ меньше учителей, тѣмъ труднѣе составленіе плана цѣлесообраз-

(*) Мы полагаемъ: 1) что введеніе классной системы въ нашихъ, существующихъ по уставу 1828 года, уѣздныхъ училищахъ было-бы очень полезно; 2) что не менѣе полезно было-бы ввести ее, по-крайней-мѣрѣ, въ двухъ низшихъ классахъ гимназій; 3) что соединеніе родственныхъ предметовъ въ одномъ учителѣ, безъ сомнѣнія, осуществимо и въ 3-мъ и 4-мъ классахъ гимназій; но 4) съ 5-го класса включительно, необходима уже предметная система.

наго распредѣленія уроковъ, удовлетворяющаго тому неуклонному требованію, чтобы всѣ дѣти одновременно были заняты и каждый пользовался-бы равномѣрнымъ участіемъ въ непосредственной дѣятельности учителя. Мы уже знаемъ, что цюрихскія народныя школы, по проекту Шерра, состоятъ изъ шести классовъ, что число учителей соотвѣтствуетъ числу классовъ только въ самыхъ зажиточныхъ общинахъ; въ обѣднѣйшихъ-же на всѣ шесть классовъ полагается только одинъ учитель. Таковую-то школу съ однимъ учителемъ Шерръ и приводитъ здѣсь въ образецъ, какъ представляющую наиболѣе затрудненій при распредѣленіи уроковъ.

Ежедневное урочное время раздѣляется на двѣ половины: утреннюю и послѣобѣденную; распредѣленіе уроковъ въ нихъ одинаковое. Въ теченіе каждой половины учебнаго времени, учитель долженъ два раза подойти къ каждому ученику, т. е. два раза пройти чрезъ всѣ классы. Когда, въ безпрестанномъ переходѣ отъ одного класса къ другому, онъ непосредственно занимается преподаваніемъ въ одномъ классѣ, тогда ученики остальныхъ пяти классовъ или тихо, сами про себя, заучиваютъ (въ старшихъ классахъ) заданные уроки, или занимаются (въ младшихъ классахъ) подъ руководствомъ одного изъ старшихъ учениковъ (Lehrschüler).

Вотъ сущность Шеррова урочнаго плана. Каждый учительскій проходъ продолжается нѣсколько менѣе 90 минутъ; преподаваніе урока (Lektion), смотря по надобности, можетъ продолжаться 10—20 минутъ. Ученіе безъ учителя (pensum) въ высшихъ классахъ можетъ непрерывно продолжаться цѣлый часъ, именно все то время, въ которое учитель преподаетъ въ прочихъ классахъ. Въ низшихъ-же классахъ, гдѣ нужна частая перемѣна, занятія безъ учителя продолжаются короче. Число уроковъ неизмѣнно; но, смотря по учебному матеріалу, учитель можетъ пробыть въ одномъ классѣ долѣе, въ другомъ короче.

Употребленіе лучшихъ учениковъ въ высшихъ классахъ въ помощь учителямъ для обученія въ низшихъ классахъ такъ старо, какъ стара школа. Самое широкое примѣненіе этой системы въ школахъ взаимнаго обученія; оно неизбѣжно и въ народныхъ школахъ, и особенно тамъ, гдѣ въ нѣсколькихъ классахъ одинъ учитель. Дѣятельность, однакожь, старшихъ, избираемыхъ изъ лучшихъ учениковъ высшихъ классовъ и смѣняющихся поочередно, ограничивается только повтореніемъ урока, заданнаго учите-

лемъ, совѣтомъ, объясненіемъ, исправленіемъ ошибокъ во время тихаго самоученія.

Учебныя пособія.

Величайшее зло для народной школы, ежели въ ней или вовсе нѣтъ самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, или хотя и есть они, но не удовлетворяютъ образовательной цѣли обученія. Конечно, ученіе не въ книгѣ; оно должно истекать изъ души учителя, какъ живое созданіе. Но важенъ въ книгѣ учебный матеріалъ. Поэтому, каждый предметъ долженъ имѣть свою учебную книгу въ объемѣ, строго принаровленномъ къ учебному времени и къ важности предмета. Несоразмѣрность учебника причиняетъ величайшій вредъ ученію; учитель вынужденъ или остановиться на первыхъ статьяхъ, или упустить изъ виду другіе учебные предметы. Отличнѣйшій учебникъ, ежели въ немъ нѣтъ должной принаровки, не годится въ руководство такъ-же, какъ и составленный изъ отрывковъ, не объемлющихъ полнаго изложенія мысли. Пусть учебникъ страдаетъ даже недостатками; все таки онъ будетъ полезенъ, ежели составляетъ оконченное цѣлое и принаровлено къ потребностямъ школы. Поэтому нельзя не отдать предпочтенія тѣмъ учебнымъ пособіямъ, которыя училищное начальство, послѣ тщательной оцѣнки внутренняго ихъ достоинства и удовлетворяемости дидактическимъ требованіямъ, одобряетъ, содѣйствуетъ изданію ихъ въ свѣтъ и вводитъ ихъ повсемѣстно въ качествѣ обязательныхъ руководствъ.

Вотъ выводы такихъ учебныхъ пособій:

- 1) Согласіе во взглядахъ на цѣль обученія и на возможные успѣхи, а слѣдовательно и болѣе вѣрная оцѣнка послѣднихъ.
- 2) Перемѣщенный учитель изъ одной школы въ другую, находитъ въ ней все знакомое, и безъ всякихъ затрудненій продолжаетъ курсъ ученія; а также и ученикъ, въ случаѣ необходимости, можетъ безвредно перейти изъ одной школы въ другую.
- 3) Возможность съ вѣрностію опредѣлить общій планъ обученія и общую связь между его частями.
- 4) Необыкновенная дешевизна учебныхъ пособій.
- 5) Увѣренность, что не появятся кое-гдѣ учебники, несоотвѣтствующіе цѣли или даже вредные.

Въ виду столь очевидныхъ выгодъ, при точномъ исполненіи условія строгой предварительной оцѣнки компетентными людьми, падаютъ уже сами собою, какъ неосновательныя, порицанія самого принципа обязательныхъ руководствъ, нерѣдко слышимыя даже и между нашими русскими педагогами. Въ доказательство-же рѣшительной необходимости обязательныхъ руководствъ для элементарныхъ училищъ мы позволимъ себѣ привести еще одно весьма важное обстоятельство. Какое требуется образованіе отъ учителей элементарныхъ училищъ? Назовите ихъ какъ угодно, приходскими и уѣздными, или высшими и низшими народными. Не выше гимназическаго для высшаго разряда училищъ и гораздо ниже гимназическаго для низшаго. Очевидно ни то, ни другое образованіе не даютъ уѣздному или приходскому учителю достаточнаго умѣнья для правильной самостоятельной оцѣнки и выбора нужнаго для его педагогической дѣятельности учебника. Не лучше-ли, ежели онъ усвоитъ себѣ ясное понятіе процесса ученія по данному въ обязательномъ учебникѣ направленію, нежели чтобы какое случайное явленіе новаго учебника съ новымъ направленіемъ сбивало его съ толку. Конечно, смѣшно было-бы требовать, чтобы учитель слѣпо держался словъ даннаго ему учебника (*jurare in verba magistri*); но гораздо вреднѣе этого требованія было-бы примѣненіе къ мало свѣдущему учителю другой пословицы: «испытай все и выбери лучшее». Такое испытаніе чрезвычайно опасно, говорить Шерръ, особенно для новичка-учителя народной школы. Шаткость убѣжденія, непостоянство, стремленіе къ чему-то мнимо новому, преждевременная усталость — вотъ плоды свободнаго выбора безъ достаточнаго знанія.

Для своей народной школы Шерръ считаетъ необходимыми, кромѣ черныхъ и аспидныхъ досокъ, слѣдующія учебныя пособія:

Общія, постоянно имѣющіяся въ классѣ:

- 1) Таблицы для элементарнаго обученія чтенію и письму.
- 2) Географическія карты.
- 3) Рисунки изъ общежитія и естественной исторіи для объяснительныхъ разсказовъ.

Индивидуальныя, для cadaго ученика.

- 1) Книга для первоначальнаго чтенія.
- 2) Священныя пѣсни.
- 3) Библейская исторія.

- 4) Книга для упражненія въ наукѣ чиселъ и величинъ.
- 5) Хрестоматія для упражненія въ языкѣ и мышленіи.
- 6) Реальный учебникъ.
- 7) Школьный пѣсенникъ съ музыкальными нотами.
- 8) Каллиграфическіе и рисовальные образцы.
- 9) Новый завѣтъ.

Изъ самого вычисленія учебныхъ пособій видно уже, что народная школа, по системѣ Шерра, соединяетъ въ себѣ двѣ цѣли: *формальное образованіе*, т. е. умственное и нравственное развитіе, и *реальное образованіе*, т. е. приготовленіе къ гражданской дѣятельности; или другими словами, въ народной школѣ Шерра преподаются ученикамъ хотя и не обширныя, но основательныя свѣдѣнія въ наукахъ и искусствахъ по методѣ, споспѣшествующей образованію ума и сердца, что составляетъ главную цѣль школы. Согласно съ этимъ двойственнымъ ея назначеніемъ, учебные предметы раздѣляются на слѣдующія группы:

1) Элементарные предметы: а) Упражненіе чувствъ: органовъ слуха, звука, зрѣнія и осязанія; б) умственные упражненія: произношеніе, письмо, чтеніе; упражненіе въ счисленіи, въ различеніи формъ и въ черченіи ихъ.

2) Реальные предметы: а) Практическіе опыты въ разговорѣ, письмѣ, чтеніи; въ счисленіи и измѣреніи, съ научнымъ объясненіемъ; б) свѣдѣнія изъ естествовѣдѣнія, географіи, исторіи и статистики.

3) Идеальные предметы: а) возбужденіе и развитіе нравственныхъ и религіозныхъ чувствованій; б) христіанское вѣроученіе и правоученіе.

4) Предметы искусствъ: а) Пѣніе. б) Рисованіе. в) Чистописаніе.

Шерръ подробно излагаетъ объемъ, содержаніе и образовательное значеніе учебныхъ предметовъ каждой изъ этихъ группъ. Въ этомъ отчетливомъ изложеніи видна вся система развитія практической части его педагогическаго руководства. Нѣтъ сомнѣнія, что всякому, кто-бы захотѣлъ составить подобное элементарное руководство для нашихъ народныхъ училищъ, будетъ весьма небезполезно внимательно вдуматься въ 55, 56, 57, 58 §§ Шеррова очерка педагогики. Мы приведемъ главнѣйшія мысли автора о значеніи въ курсѣ народной школы группы реальныхъ предметовъ,

которые и у насъ оцѣниваются не всегда съ надлежащей точки зрѣнія.

Группа реальныхъ наукъ заключаетъ въ себѣ тѣ, преимущественно, общепользныя для гражданственной жизни свѣдѣнія въ наукахъ и искусствахъ, которыхъ въ правѣ требовать отъ народной школы современное образованіе. Нельзя не принять во вниманіе, что народная масса не посѣщаетъ никакого учебнаго заведенія выше народной школы. Отсюда происходитъ для школы необходимость включить въ свой курсъ полезныя реальныя свѣдѣнія. Мнѣніе, будто цѣль народной школы ограничивается доставленіемъ одного только формальнаго образованія, произошло отъ вредной невнимательности къ потребностямъ общественной жизни, и эта-то невнимательность много повредила успѣхамъ школы. Конечно, высшая цѣль образованія далеко выше всего земнаго; но все-же человѣку нужно образованіе и для земной жизни. Словесное образованіе должно-же доставить ученику столько умѣнія владѣть словомъ, чтобы быть въ-состояніи быстро и правильно понимать сообщаемыя ему изустныя и письменныя свѣдѣнія, равно какъ и свои мысли излагать ясно и отчетливо. Ему нужно умѣть считать численныя величины, измѣрять, пространственныя и безопытно пользоваться ими въ общежитіи. Но недовольно одной практической сноровки, ему нужно и основательное уразумѣніе; вотъ онъ изучаетъ основныя правила грамматики, ариѳметики, геометріи. Такимъ образомъ, по ступенямъ реальности достигается формальная цѣль. Реальная польза зависитъ отъ качества матеріала и употребленія его, формальная — отъ обработки. Эта связь теоріи съ практикою вводитъ въ курсъ народной школы естествовѣдѣніе, географію и исторію; въ разумномъ-же употребленіи реального матеріала, преимущественно для изустныхъ и письменныхъ упражненій въ языкъ, лежитъ существенное условіе процвѣтанія школы. Касательно объема реальныхъ наукъ въ курсѣ народной школы наиболѣе замѣчательно, по своему согласію съ новыми программами ученаго комитета то, что говоритъ Шерръ о географіи и исторіи. Многіе возставали, продолжаетъ онъ, противъ введенія реальныхъ предметовъ въ курсъ народной школы, и упрекъ ихъ былъ справедливъ въ томъ отношеніи, что часто преподаваніе ограничивалось сухимъ систематическимъ обзорѣніемъ и, большею частью, только обременяло память бесполезною работою. Независимо однакожъ отъ пользы, которую доставляютъ реальныя по-

знанія сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, ихъ настоятельно уже требуютъ теперь и ежедневныя сношенія въ обществѣ и всеобщее участіе въ публичныхъ бесѣдахъ печати.»

Опредѣливъ такимъ образомъ содержаніе, значеніе и объемъ учебныхъ предметовъ въ курсѣ народной школы, авторъ переходитъ къ методикѣ. Такъ какъ методика обнимаетъ и способъ и процессъ ученія, то онъ и опредѣляетъ ее *руководствомъ къ послѣдовательному расположенію учебнаго матеріала и къ живому, ясному и отчетливому изложенію его, импьющему цѣлью умственное и нравственное развитіе учащихся и сообщеніе имъ необходимыхъ въ общежитіи свѣдѣній изъ наукъ и искусствъ.* Отсюда методы двоякаго характера: методы расположенія и методы изложенія. Къ первымъ авторъ причисляетъ, между прочимъ, методы: аналитическую, синтетическую, генетическую, агрегативную, элементарную, практическую, механическую; къ послѣднимъ: объяснительную, геврестическую, катехетическую, акроаматическую, диктовочную, взаимнаго обученія и учебно-испытательныя приемы. Сюда же относятся методы, получившія названіе отъ своихъ изобрѣтателей, какъ-то: Сократическая, Песталоцціева, Гразера и другихъ. Наконецъ спеціальныя методы для нѣкоторыхъ предметовъ, напр. а) для чтенія: букварная, силлабическая, звуковая (*Lautieren methode*), одновременнаго обученія чтенію и письму (*Schreiblese methode*) и пр.; б) для счисленія: изустное или такъ называемое головное (*Kopfgespen*) и письменное счисленіе, русскіе счеты и пр. в) методы чистописанія, рисованія и пр.

Авторъ рѣшительно и безусловно изгоняетъ изъ области педагогики, имѣющей цѣлью, преимущественно, умственное развитіе, методы агрегативную, чисто-практическую, механическую и, въ особенности, диктовочную, и, изъ спеціальныхъ методу, букварнаго чтенія, и вотъ какъ безпощадно громитъ онъ двѣ послѣднія методы, къ сожалѣнію, у насъ далеко еще непотерявшія стариннаго права гражданства. «Диктовочная метода удержалась, говоритъ онъ, съ того времени, когда еще не было книгопечатанія, и по необходимости учебный матеріалъ предлагаемъ былъ въ запискахъ вмѣсто книгъ; но въ настоящее время, это чистое злоупотребленіе, весьма рѣдко извиняемое, удобное для учителя, но утомительное для учениковъ, и похищаетъ у нихъ драгоцѣнное время; даже съ орографическою цѣлью диктовка имѣетъ только второстепенное значеніе, потому-что правописаніе опредѣляется не од-

нимъ только произношеніемъ, но и общепринятымъ употребленіемъ и словопроизводствомъ. Букварная метода противуестественна; похищая много времени у дѣтей, она притупляетъ ихъ умъ; ей нѣтъ дѣла до элементовъ языка, до значенія буквъ. Она разрываетъ естественную связь, въ которой состоятъ между собою письмо, произношеніе и чтеніе. Весьма замѣчательна, по своей вѣрности и безпристрастію, Шеррова оцѣнка, въ примѣненіи къ народной школѣ, тѣхъ методовъ, которыхъ полезное дѣйствіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, признано наукою и опытомъ.

1) *Синтетическая и родственная съ нею генетическая методы.*

Синтетическая метода начинается изученіемъ частныхъ и постепенно доходить до созданія изъ частныхъ цѣлаго. Нѣтъ сомнѣнія, что это въ полномъ значеніи развивательная метода. По мѣрѣ какъ возрастаютъ силы, она увеличиваетъ требованія; а въ этомъ и состоитъ процессъ естественнаго развитія. Но нельзя однакожь отрицать и того, что синтетическіе приемы часто ведутъ къ ошибкамъ, принимая случайное за существенное. На такомъ ложномъ пути преподаваніе теряется въ множествѣ элементарныхъ мелочей, которыя тѣмъ вреднѣе для народной школы, что это единственное для массы народа образовательное заведеніе, имѣющее въ то же время и реальную, практическую цѣль. Особенность генетической метода та, что она во время самого процесса своего созидаетъ и образуетъ. Приемъ ея въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ требованію развитія силъ. Но примѣненію ея во всей чистотѣ къ народной школѣ противятся три обстоятельства: общность школы, ограниченность времени и житейскія потребности. Общность требуетъ соразмѣрности въ требованіяхъ и успѣхахъ. Но если предоставить ученикамъ, по мѣрѣ своихъ силъ подниматься съ одной ступени на другую, то, при разнообразіи способностей, нужно будетъ устроить столько классовъ, сколько учениковъ въ школѣ. Народная школа имѣетъ весьма ограниченное время для своего формальнаго и реальнаго обученія; слѣдовательно, она не можетъ поджидать, ежели ученикъ слишкомъ много времени употребитъ для развитія какой-либо одной способности, хотя бы у него и хватило собственныхъ силъ на то; обязанность школы — ученіемъ помогать развитію. Она должна усвоить ученику извѣстную массу свѣдѣній въ наукахъ и искусствахъ. Ей трудно знать, своими-ли собственными силами ученикъ приобрѣлъ это знаніе; она обязана довести его до этой цѣли.

2) *Объяснительная и геврестическая методы.* Объяснительная метода соединяетъ наглядность съ объясненіемъ; для этой цѣли, на низшей степени развитія, употребляются предметы въ дѣйствительности или въ рисункахъ; впоследствии-же мѣсто осязаемыхъ чувствами предметовъ заступаютъ примѣры и рассказы. Геврестическая метода даетъ матеріалъ въ задачахъ, при рѣшеніи которыхъ, ученикъ собственными силами развиваетъ матеріалъ и дѣлаетъ новые выводы, и такимъ образомъ постепенно поднимается съ одной ступени на другую. Геврестическая метода, въ соединеніи съ объяснительной, очень примѣнима въ народной школѣ, въ особенности для тихаго, самостоятельнаго занятія высшихъ классовъ, въ отсутствіе учителя. Но въ многочисленныхъ классахъ просмотръ и исправленіе рѣшеній затруднительны, и потому Шерръ совѣтуетъ, для цѣлаго класса назначать одинаковыя задачи и вниманіе обращать предпочтительно на то, какъ большинство учащихся, слѣдовательно посредственные, удовлетворяетъ требованіямъ. Задачи-же всегда должны имѣть связь съ только-что выученнымъ урокомъ, такъ чтобы рѣшенія содѣйствовали затверженію и развитію уже знакомаго. Такое ограниченіе геврестической метода необходимо для народной школы и лежитъ въ ея характерѣ: ей не позволено предоставлять счастью или случаю, научается-ли чему ученикъ или нѣтъ. Вообще, должно признать ложнымъ то мнѣніе многихъ педагоговъ, будто образовательно только то, что воспитанникъ какъ-бы самъ изъ себя развиваетъ. Вѣдь естественное развитіе на низшей ступени оказывается почти чистымъ подражаніемъ, а не самообразованіемъ. Языкъ, привычки, манеры сначала являются подражаніями; и это, безъ сомнѣнія, не противурѣчитъ естественному развитію, что ученики перенимаютъ учительскія слова и дѣйствія и подражаютъ учителю. Принимая въ соображеніе все вышесказанное, а равно и возможность наибольшихъ успѣховъ въ короткое время и вѣрность въ выборѣ существеннаго и соответствующаго цѣли, кажется, что объяснительное преподаваніе заслуживаетъ предпочтеніе въ народной школѣ.

3) *Аналитическая метода* противоположна синтетической; начиная съ цѣлаго, она нисходитъ отъ него постепенно къ главнымъ и второстепеннымъ частямъ его и доходитъ до особи. Слѣдовательно, это метода разложенія цѣлаго на составныя части. Аналитическій процессъ представляетъ то удобство, что учебный предметъ можетъ быть изложенъ съ соблюденіемъ точнаго соот-

вѣтствія отношеній между его частями и что здѣсь почти невозможно запутаться въ элементарныхъ мелочахъ и въ извилистыхъ тропинкахъ. Конечно, въ народной школѣ нельзя систематически слѣдовать аналитическому процессу, потому-что у воспитанниковъ нѣтъ еще достаточнаго развитія физическихъ и умственныхъ силъ; но все-же нельзя не начинать аналитически почти ни одного учебнаго предмета, ежели мы хотимъ получить правильное понятіе о составныхъ частяхъ. Такъ звуки отыскиваются чрезъ разложеніе слова на его элементы; элементы формы объясняются предѣлами предметовъ, элементы числа разложеніемъ его на единицы; такъ въ географіи обзорѣніе цѣлаго почти всегда предшествуетъ изложенію частныхъ.

4) *Катехетическая и сократическая методы.* Катехетическая метода относится исключительно къ изустному обученію. Учитель начинаетъ вопросомъ и поступаетъ далѣе, безпрестанно задавая вопросы и вызывая ученика на отвѣты до-тѣхъ-поръ, пока ученикъ не найдетъ самъ въ себѣ и не разовьетъ изъ себя новую для него истину и объясненіе ея. Сократическая метода истекаетъ изъ того-же основанія, что истина кроется уже въ душѣ человѣка, и чтобы вызвать ее, нужно только правильное возбужденіе. Такое средство Сократъ находитъ въ развивающихся вопросахъ, и поэтому его метода сродна съ катехетической методою. Но катехетическая, а слѣдовательно, и сократическая методы, по своей сущности, скорѣе примѣнимы къ индивидуальному обученію, чѣмъ къ обученію въ школѣ. Успѣхъ той и другой методы обуславливается преимущественно счастливымъ талантомъ учителя, а это встрѣчается весьма рѣдко. Сверхъ-того, наша цивилизація ввела въ жизнь такое множество и разнообразіе предметовъ, что тщетны были бы желанія и усилія и самого даже Сократа вызвать все это и развить изъ дѣтской природы. Впрочемъ, нынче и катехетическую методу замѣнили въ какую-то механическую машину. Ученикъ зазубриваетъ наизусть вопросы и отвѣты безъ предварительнаго объясненія и отвѣчаетъ учителю, часто не понимая ни того, о чемъ его спрашиваютъ, ни того, что онъ отвѣчаетъ. Очевидно, что такіе механическіе приемы отвергаетъ разумная методика; они не приносятъ никакой пользы для ума и сердца, напротивъ дѣти отъ нихъ тупѣютъ и глупѣютъ.

5) *Учебно-испытательные приемы* (dozierende examinerische Verfahren) учитель употребляетъ тогда, когда онъ сперва объяс-

нить урокъ, а потомъ спрашиваетъ, чтобъ испытать, поняли-ли его ученики. Достоинство этихъ приемовъ состоитъ въ краткости и отчетливости вопросовъ и отвѣтовъ и поэтому они могутъ найти частое примѣненіе въ народной школѣ, напр. при разсказахъ, описаніяхъ, при изученіи правилъ съ примѣрами. Помощью испытательныхъ приемовъ учитель убѣждается, что ученики поняли его; ученики затверживаютъ урокъ, живо и бѣгло повторяя его. Само собою разумѣется, что испытывать можно только въ томъ, что или дѣйствительно уже выучено, или должно выучить.

6) *Метода Песталоцци* имѣетъ принципомъ: развитіе человеческой природы на основаніи органическихъ законовъ той-же природы, въ предѣлахъ ея бытія, отношеній и дѣйствій. Особенность ея состоитъ въ непрерывномъ движеніи впередъ, благодаря которому ученикъ въ каждое мгновеніе вполне обладаетъ всѣмъ, что требуется для разрѣшенія вновь предложенной задачи. Песталоцци опредѣляетъ три области для первоначальнаго обученія: *языкъ, число и форму*; слѣдовательно, по принципу Песталоцци, цѣль обученія почти исключительно *формальная*. Предлагаемый матеріалъ долженъ быть обработанъ въ своей непрерывной постепенности, такъ что учителю, дѣйствующему по этой методѣ, достаточно только на одинъ шагъ опереживать ученика, чтобъ быть хорошимъ учителемъ. Успѣхъ обуславливается не самодѣятельностью учителя, но сущностью метода. Песталоцци съ удивительною отчетливостію разложилъ учебный матеріалъ поименованныхъ трехъ областей на его составныя части. Изъ принципа-же наглядности обученія песталоцциева школа вывела въ высшей степени важное положеніе, что упражненія чувствъ должны предшествовать упражненіямъ ума. Идеи Песталоцци о методѣ признаны всѣми какъ единственныя правильныя идеи и каждая хорошая специальная метода принимаетъ ихъ въ свое основаніе.

7) Изъ всѣхъ методъ чтенія Шерръ предпочитаетъ, такъ называемую, *Гразерovu методу* одновременнаго письма и чтенія (*Schreiblesemethode*). Въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ: «Первое дѣтское ученіе, первое дѣтское мученіе», Гразеръ доказалъ неестественность и вредъ букварной методы, указалъ на происхожденіе письма, на существенное значеніе буквъ и основалъ ту остроумную методу, въ которой изустное произношеніе составляетъ сущность; письмо не иное что, какъ видимый знакъ произнесеннаго; чтеніе — обратный процессъ отъ знака къ самому дѣлу.

Гразерова метода разлагаєть слово на его элементы, произносить ихъ правильно, даетъ для каждаго звука видимый знакъ, заставляетъ этотъ знакъ написать и опять произнести, такъ что произношеніе, письмо и чтеніе тѣсно сродняются между собою, одновременно служатъ предметомъ упражненія и выучиваются. Она, по увѣренію Шерра, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ педагогики и вполнѣ разрѣшаетъ задачу элементарнаго обученія языку, относительно произношенія, письма и чтенія.

Этимъ мы окончимъ изложеніе собственно педагогическихъ основаній Шерра, составляющихъ содержаніе третьей главы теоретической части его педагогій. Мы видѣли взглядъ его на воспитаніе семейное и школьное и на ихъ взаимныя отношенія; видѣли понятія его о качествахъ учителя и о школьной дисциплинѣ; познакомились съ его планомъ внутренняго устройства народной школы, съ мнѣніемъ его о классной и предметной системѣ распределенія учебныхъ предметовъ между учителями, о подвижныхъ и постоянныхъ классахъ, съ порядкомъ преподаванія въ шестиклассной народной школѣ съ однимъ учителемъ при помощи лучшихъ учениковъ старшихъ классовъ; обозрѣли требуемыя имъ учебныя пособія для подобной народной школы, общія и индивидуальныя, и предметы ея учебнаго курса, раздѣленные на четыре группы съ обозначеніемъ объема, содержанія и образовательнаго значенія каждаго учебнаго предмета вообще и реальныхъ въ особенности.

Наконецъ, мы нѣсколько подробнѣе изложили взглядъ его на различныя методы преподаванія и критическую ихъ оцѣнку и узнали его мнѣніе о томъ, какія методы съ наибольшею пользою могутъ быть примѣнены къ преподаванію въ народной школѣ, имѣющей цѣлью умственное, нравственное и религіозное развитіе учащихся и, съ тѣмъ вмѣстѣ, обогащеніе ихъ нужными въ обществѣ свѣдѣніями въ наукахъ и искусствахъ. Теперь остается намъ объяснить взглядъ Шерра на спеціальныя методы преподаванія по каждому учебному предмету въ практическомъ ихъ примѣненіи, что мы и постараемся исполнить при разсмотрѣніи практической части его сочиненія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Практическое примѣненіе теоретическихъ основаній науки о воспитаніи и обученіи въ элементарной школѣ (Primarschule) по спеціальнымъ для каждаго предмета методамъ.

Посмотримъ теперь теорію въ приложеніи. На основаніяхъ и по плану, которыя изложены въ предыдущей главѣ, образовалась народная элементарная школа (Primarschule). Въ ней шесть классовъ, раздѣленные на два курса, высшій и нисшій, оба трехклассные и трехлѣтніе. Число учениковъ не слишкомъ велико, не слишкомъ мало, отъ 50—80 во всѣхъ шести классахъ, или отъ 10—16 въ каждомъ (*). Учитель одинъ на всѣ шесть классовъ, у него помощниками въ нисшихъ классахъ лучшіе изъ старшихъ учениковъ высшихъ классовъ, назначаемые учителемъ поочередно. Ученіе ежедневно продолжается, со включеніемъ двухъ промежутковъ для отдыха, около шести часовъ, — три часа утромъ и столько-же послѣ полудни, раздѣляемые по ровну на двѣ половины, около 90 минутъ каждая. Для новичковъ, пока не привыкнутъ къ школѣ, учебное время, въ теченіе трехъ-четырехъ первыхъ недѣль, нѣсколько сокращается; вмѣсто шести часовъ, они остаются въ школѣ, утромъ и послѣ полудня, по часу и не долѣе

(*) Можетъ быть кому покажется, что число учениковъ въ одномъ классѣ отъ 10—16 слишкомъ мало. На это мы отвѣтимъ: во-первыхъ, здѣсь рѣчь идетъ о шестиклассной школѣ съ однимъ учителемъ, который чрезъ каждыя 90 минутъ долженъ обойти всѣ шесть классовъ, заняться съ каждымъ изъ нихъ отъ 10—20 минутъ, ни одного изъ учениковъ не оставитъ безъ особеннаго вниманія. Очевидно, что при такомъ условіи, даже и при помощи старшихъ учениковъ, нужно быть весьма способнымъ и дѣятельнымъ педагогомъ, чтобы преподаваніе, даже при маломъ числѣ воспитанниковъ, достигало желаемой цѣли. Во-вторыхъ, не должно забывать, что описываемое здѣсь устройство школы принадлежитъ Цюрихскому кантону, гдѣ, при 231,576 душъ всего населенія, состояло въ 1847 году 500 подобныхъ народныхъ школъ; если положить среднимъ числомъ 65 учениковъ въ каждой школѣ, то почти на каждыя 7 душъ прійдется 1 ученикъ изъ дѣтей только отъ 6—12 лѣтняго возраста. Но школы богатыхъ общинъ, въ которыхъ для каждаго класса назначается особый учитель, вѣроятно многочисленнѣе. Въ третьихъ, наконецъ, какой педагогъ не знаетъ по опыту, что требуемое Шерромъ отъ первоначальнаго обученія образовательное развитіе невозможно въ многочисленномъ классѣ? ●

какъ по два часа. Только одинъ разъ въ году и только въ начальнѣйшій классъ допускается пріемъ вновь поступающихъ дѣтей, которые, при томъ, должны быть почти равнаго возраста отъ 5—7 лѣтъ отъ роду.

Конечно, развитіе дѣтей въ этомъ періодѣ возраста бываетъ не одинаково; оно обусловливается природными способностями, степенью образованности родителей и житейскими ихъ отношеніями. Но школа не можетъ и не должна обращать вниманія на подобное разнообразіе развитія. Во-первыхъ, очень рѣдко случается, чтобы домашнее воспитаніе до пяти и даже семилѣтняго возраста дитяти, серьезно коснулось умственнаго развитія. Во-вторыхъ, какъ по самой сущности школьной организаціи, такъ и относительно физическаго и духовнаго развитія, весьма желательно и полезно для школы, чтобы то, что принадлежитъ собственно къ школьному обученію, и начиналось въ школѣ. Въ третьихъ, весьма не многіе родители знаютъ, какіе успѣхи сдѣлала дидактика въ методахъ преподаванія; поэтому ихъ обученіе, особенно первоначальное, болѣе затрудняетъ учителя, нежели приноситъ какую либо пользу. Приходится переучивать ихъ дѣтей; а это несравненно труднѣе, чѣмъ вновь учить. Въ четвертыхъ наконецъ, домашнее воспитаніе имѣетъ свои дѣйствительныя обязанности, относящіяся къ физической и нравственной природѣ дитяти; пусть оно исполняетъ ихъ какъ слѣдуетъ, у него будетъ довольно занятія; да и нѣтъ особенной нужды свѣшнить приниматься за собственно школьное обученіе, начать его съ 5 или 7-лѣтняго возраста еще вовсе не поздно.

Скучныя и сбивчивыя познанія въ школьныхъ предметахъ, которыя можетъ сообщить домашнее воспитаніе нѣкоторымъ дѣтямъ до поступленія ихъ въ школу, гораздо менѣе имѣетъ цѣны и значенія для учениковъ того или другаго класса, нежели приблизительное равенство развитія и приблизительно равный возрастъ. Поэтому, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ рѣшительная необходимость принять основнымъ условіемъ, что *обученіе школьнымъ предметамъ должно начинаться только въ школѣ.*

Но вотъ явились маленькіе новички для поступленія въ начальнѣйшій классъ. Что-же съ ними дѣлать, какъ ввести ихъ въ классъ, какъ начать съ ними ученіе? «На этотъ вопросъ, говоритъ Шерръ, многіе даже изъ учителей не въ состояніи дать яснаго, опредѣлительнаго, правильнаго отвѣта. Не смотря на безчислен-

ныя педагогическія сочиненія, на многопрославляемые институты для образованія учителей, все таки должно откровенно признаться, что мы еще очень не далеки въ школьной педагогикѣ. Конечно, дѣтей у насъ вводятъ въ школу торжественно; ближайшій начальникъ привѣтствуетъ ихъ рѣчью, въ которой онъ обращается и къ дѣтямъ, и къ родителямъ, и къ учителямъ. Очень естественно, что дѣти ничего не понимаютъ въ этой рѣчи. Подобная торжественность, однакожь, не безцѣльна, она внушаетъ уваженіе къ школѣ. Но все таки желательно, чтобы въ умственную область школы вводилъ учениковъ самъ учитель, начиная дѣло первымъ педагогическимъ ободреніемъ, первыми приемами дисциплины и дидактики».

Бываютъ дѣти, на которыхъ первое впечатлѣніе дѣйствуетъ чрезвычайно сильно. Поэтому очень многое зависитъ отъ того, какъ и чѣмъ начинается ихъ школьная жизнь. Первое знакомство учителя съ учениками должно не пугать ихъ, но ободрить, должно убѣдить ихъ, что школа для нихъ то-же, что родительскій домъ, что родная семья; учитель то-же, что родители. Поэтому, при первомъ знакомствѣ съ учениками, учитель долженъ съ ними повести бесѣду дружескую и вполне имъ понятную и по языку, и по содержанию. Ежели въ мѣстности, въ которой назначено дѣйствовать учителю, употребительно между народомъ только мѣстное нарѣчіе, онъ долженъ знать его и съ новыми учениками вести первую бесѣду на родномъ ихъ нарѣчій; да и впослѣдствіи не запрещать имъ говорить на немъ между собою. Чистому, образованному нарѣчій, употребляемому въ образованномъ обществѣ и въ печати (въ Германіи Ostdeutsch, у насъ Московское), пусть дѣти выучатся въ школѣ. Первая-же бесѣда между учителемъ и учениками должна дышать искренностію и благодушіемъ, быть истинно дѣтскою, но отнюдь не ребяческою, не пошлою. Ребячество и пошлость несообразны съ положеніемъ и достоинствомъ учителя, возбуждаютъ громкій хохотъ въ ученикахъ и тѣмъ роняютъ учителя.

Самый задушевный предметъ первой бесѣды можетъ быть о томъ, какъ имя, фамиліи дѣтей, кто ихъ отецъ, мать, братья, сестры, чѣмъ они занимаются, что они до этой поры дѣлали дома и т. п.; потомъ, гдѣ они теперь, что дѣлается въ школѣ, чему учатъ, хотятъ-ли они учиться, кто учитъ дѣтей, какъ зовутъ учителя. Наконецъ, учитель объясняетъ когда приходитъ въ школу, какъ, входя въ классъ, здороваться съ учителемъ, какъ сидѣть

на скамьяхъ, беречь свои вещи, словомъ, учить школьному порядку.

Въ другой разъ, поставивъ дѣтей въ рядъ, чтобы все могли видѣть, учитель показываетъ имъ рисунки съ изображеніемъ знакомыхъ имъ предметовъ изъ природы, изъ общежитія, изъ царства животныхъ; спрашиваетъ и вызываетъ отвѣты о названіи этихъ предметовъ, о свойствахъ ихъ, объ употребленіи; напр. если есть на рисункѣ лошадь, учитель спрашиваетъ, видѣли ль дѣти лошадь въ дѣйствительности, какого она цвѣта, сколько у нея ногъ, глазъ, ушей, что она ѣстъ, къ чему служитъ и т. п. Въ иной разъ учитель, собравъ дѣтей къ черной доскѣ, беретъ мѣлъ, ставитъ точку, одну, другую до пяти въ разныхъ положеніяхъ и заставляетъ дѣлать то-же самое учениковъ (начало черченія), безпрестанно обращая ихъ вниманіе на то, что дѣлается, чѣмъ и какъ. То знакомитъ ихъ съ орудіями чувствъ, особенно осязанія, зрѣнія, слуха, движенія, частью объясняя имъ явленія, частью допытываясь у нихъ объясненія; словомъ, приучаетъ ихъ къ безпрестанной дѣятельности и внимательности, то самъ лично занимаясь съ ними, то, если отлучается въ другіе классы, поручая занятія съ ними приспособленнымъ къ тому ученикамъ старшихъ классовъ; но ни на одно мгновеніе не предоставляетъ ихъ самимъ себѣ. Такимъ образомъ онъ поступаетъ и съ учениками другихъ классовъ, пока не созрѣетъ въ нихъ способность къ самоученію, не разовьется такая любовь къ занятію, которой не нуженъ уже бдительный надзоръ учителя, а нужно только его руководство. Вообще-же учитель новой народной школы долженъ все свое вниманіе, всю свою дѣятельность и педагогическія способности обратить на то, чтобы ни на одно мгновеніе не оставлять учениковъ въ бездѣйствіи съ его неразлучною спутницею — скукою, матерью всѣхъ ученическихъ шалостей, и чтобы ученіе ихъ было живою, сознательною, развивающею дѣятельностью, а не бессознательнымъ, мертвямъ механизмомъ старыхъ школъ, у которыхъ вошло даже въ поговорку, что въ первые годы дѣтей должно выучить только *смирно сидѣть*.

«Такая поговорка, говоритъ Шерръ, иронически намекаетъ на духъ старой школы. Она не хотѣла ободрять, воодушевлять, дѣйствовать, не хотѣла принаравливаться къ свѣжей, подвижной дѣтской природѣ, или сообразоваться съ ея требованіями. Нѣтъ, она приучала дѣтей къ *смирному сидѣнію*, къ бездѣйствію; отламывала

свѣжіе отпрыски веселой дѣтской жизни, притупляла чувства, приучала къ глупымъ грезамъ о пустякахъ. Однако же стоило много труда принудить дѣтей къ неестественной школьной скукѣ: нерѣдко нужно было употребить палку или розгу, чтобы прогнать изъ школы живую дѣтскую природу. Самыя слабыя, самыя бездарныя дѣти нерѣдко признавались лучшими учениками». Нѣтъ ничего противуестественнѣе, ничего мучительнѣе, особенно для маленькихъ новичковъ, какъ сидѣть смирно, ничего не дѣлая, и бессмысленно смотрѣть на мертвыя буквы. Честь и слава Гразеру; онъ первый въ сочиненіи своемъ «Первое дѣтское ученіе, первое дѣтское мученіе» наглядно и поразительно изобразилъ ту ужасную скуку, которую испытывали дѣти, сидя надъ букваремъ и цѣлые мѣсяцы бессознательно повторяя: азъ буки, вѣди; буки, азъ—ба, и пр. Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ того времени (Шерръ писалъ эти строки въ 1851 г., Гразеръ въ 1801 г.), и все таки во многихъ еще школахъ живетъ старое дѣтское мученіе подлѣ общества противъ мученія животныхъ.»

В. ИГНАТОВИЧЪ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. А. Милюкова. Второе, дополненное издание. Санктпетербургъ, 1858 г.

Книга г. Милюкова до сихъ поръ остается единственнымъ опытомъ историческаго обзорѣнія всей нашей поэзи, и, хотя не назначалась авторомъ въ руководство учащимся, она служила для многихъ пособіемъ при преподаваніи русской литературы. Это обстоятельство даетъ намъ поводъ сказать о ней свое слово въ дополненіе къ отзывамъ, уже появившимся въ свое время въ журналахъ. Бойкость языка, живая характеристика многихъ фактовъ, наконецъ благородный взглядъ автора могли-бы доставить ей особенный успѣхъ въ педагогическомъ мірѣ, если-бы не ея существенные недостатки, какъ историческаго очерка. Въ ней смѣло и ловко поставлены важнѣйшіе вопросы нашей литературы, но рѣшеніе ихъ очень неудовлетворительно и односторонне.

Нельзя не сочувствовать мысли автора представить *историческій* очеркъ нашей поэзи. Еще въ то время, какъ преподаватели обыкновенно угощали сантиментальными фразами объ изящномъ, онъ пишетъ историческую книгу; онъ очень рѣшительно высказываетъ идеи, которыя педагогамъ, запуганнымъ программами, казались вѣкогда слишкомъ смѣлыми. Но *второе* изданіе его книги требовало-бы разныхъ исправленій, хоть на столько, на сколько представляютъ матеріала обширныя библиографическія изслѣдованія послѣдняго времени и самая сущность историческаго взгляда, болѣе или менѣе усвоеннаго новѣйшею критикой. Впрочемъ, историческій методъ не ограничивается однимъ знаніемъ историческихъ фактовъ. Еще Бекконъ объяснялъ, что при рѣшеніи какого бы то ни было литературнаго вопроса, надо взять во вниманіе и состояніе науки въ извѣстную эпоху, и политическій характеръ вѣка, и быть общественный — словомъ, необходимо указать причины тѣхъ или другихъ литературныхъ явленій въ жизни, не ограничиваясь только одною ея стороною. Сказать по справедливости, у англичанъ и у нѣмцевъ полнѣе чѣмъ у другихъ народовъ историческій методъ изслѣдованія былъ примѣненъ къ литературѣ.

Еще недавно Давидъ Массонъ издалъ жизнеописаніе Мильтона, въ которомъ представляетъ подробнѣйшую картину вѣка, какъ въ литературномъ, такъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. Сочиненія, подобныя трудамъ Гервинуса и Симрока, могли бы служить для насъ образцемъ; но, конечно, самая разработка матеріаловъ у насъ несравненно труднѣе, чѣмъ въ западной Европѣ.

Извѣстно, что историческій методъ основанъ на сравненіи. Но для сравненія необходимо обиліе фактовъ и искусный ихъ выборъ. Когда мы сознали потребность новаго метода, то страсть къ сравненіямъ стала такъ сильна, что мы готовы были скорѣе сравнивать что ни попазо, чѣмъ ничего не сравнивать. Нѣкоторый недостатокъ аналогіи въ сближеніи фактовъ мы должны замѣтить и у г. Милюкова. Авторъ, между прочимъ, не шутя распространяется въ доказательствахъ того, что Гоголь имѣлъ полное право назвать Мертвыя души поэмою. «Неужели Чичиковъ окруженъ хуже, чѣмъ Агамемнонъ?... Дамы губернскаго города, куда судьба приводитъ Чичикова, не уступаютъ не только смертнымъ, но даже и бессмертнымъ красавицамъ Гомера.... Ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ нѣтъ такого роскошнаго празднества, какъ пиръ у полицеймейстера... Развѣ описаніе проливнаго дождя, который встрѣтилъ Чичикова на пути отъ Манилова, и круженіе брички отъ неосторожности автомедона Селифана, уступаютъ сколько-нибудь кораблекрушеніямъ и бурямъ въ классическихъ поэмахъ?» и т. д. Къ чему ведутъ эти сравненія? Насмѣшка-ли тутъ надъ теоретиками, которые «подъ именемъ героической поэмы разумѣли обширное эпическое сочиненіе, обильное чудесными событіями, и проч.», или надъ самыми поэмами Гомера, или надъ Гоголемъ, что онъ назвалъ свое сочиненіе поэмою? Мы не знаемъ.

Авторъ справедливо и метко нападаетъ на риторическое направленіе нашей литературы; но, при недостаткѣ его историческаго метода, онъ самъ не вполне избавленъ отъ этого риторизма. Фразы у него нерѣдко превозмогаютъ факты, или по-крайней-мѣрѣ играютъ одинаковую роль съ ними. Такъ у него «колоссальный образъ Петра стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ и, подобно гиганту родосскому, соединяетъ ихъ, опираясь одною стопою на пустынный, темный берегъ прошедшаго; другою на новый, свѣтлый міръ будущаго» (Введеніе, стр. I). Будучи человекомъ съ живымъ воображеніемъ, вы заранѣе испугаетесь подобнаго образа. Мы узнаемъ далѣе, что «русскій человекъ восемь вѣковъ находился

въ неподвижномъ положеніи куколки» (стр. 6). Слѣдовательно, онъ мотылькомъ (см. тамъ же) взлетѣлъ въ область образованія. Сравненіе съ мотылькомъ не показываетъ-ли излишней легкости? Но всего утѣшительнѣе для насъ сравненіе русскаго народа съ могучимъ богатыремъ, который долго сидѣлъ сиднемъ, потомъ вдругъ возсталъ и пошелъ.... Г. Милюковъ въ своемъ краткомъ очеркѣ едва успѣваетъ слѣдить за шагами, которые мы сдѣлали на пути социальнаго развитія. Многие, конечно, удивлялись, какимъ образомъ пороку, послѣ быстро сдѣланнаго шага, на другой-же день, мы совсѣмъ неожиданно опять ступали по пути давно отжившихъ предковъ; но дорога казалась намъ такъ легка, что мы не утомлялись вновь и вновь начинать ее.... Да, мы шибко катили съ идеальныхъ высотъ своихъ, а внизу подъ горою оставался цѣлый народъ, который, подъ гнетомъ нужды, и не думалъ трогаться съ мѣста.

Послѣ Гоголя, литература устремилась на новый путь, и съ перваго разу увидѣла, что тутъ скакать болѣе некуда, что мы пришли къ стѣнѣ, сквозь которую надо пробиваться не съ запасомъ однихъ пламенныхъ идей, но и съ терпѣливою любовью къ труду, а въ трудѣ этомъ все наше прошедшее, каково-бы оно ни было, имѣетъ свою относительную цѣну. Величайшая ошибка г. Милюкова состоитъ въ томъ, что, увлекаясь успѣхами новаго времени, онъ не замѣчаетъ, что эти успѣхи постоянно состояли въ отрицаніи прошедшаго. Какъ ни становились мы, все чувствовали, что стоимъ не на томъ пути, на которомъ-бы стоять слѣдовало. Отрицаніе, конечно, есть сила, доказывающая молодость души и способность къ постоянному возрожденію; но того, кто, отрекшись отъ одной ошибки, впадаетъ въ новую, еще нельзя назвать прямымъ двигателемъ идеи, и истинный успѣхъ начинается тамъ, гдѣ въ силу одной установившейся идеи долгіе годы дружно работаетъ не одно поколѣніе.

Много благородныхъ чувствъ одушевляло автора, когда онъ осуждалъ нашу древнюю литературу; но, пожертвовавъ безъ исключенія всею нашею стариною и народностью, онъ впалъ въ большія противорѣчія, в, что главное, пренебрегъ лучшими доказательствами въ защиту своей-же собственной идеи. Важнѣйшіе вопросы литературы рѣшаетъ онъ слишкомъ легко и поспѣшно.

Въ чемъ выразилось развитіе нашей древней поэзіи? У западныхъ народовъ поэзія родилась или отъ знакомства съ литерату-

рою древнихъ, или изъ народной жизни. Намъ греки передали только сухія хроники, да церковные обряды, а народная жизнь въ самомъ первомъ цвѣтѣ своемъ поражена была удѣльною системою; слѣдовательно, у насъ не существовало никакого развитія поэзіи. Вотъ какъ просто разрѣшенъ вопросъ, донинѣ заставляющій многихъ ломать голову. Послѣ этого не слѣдовало-бы и упоминать о древней литературѣ; однако авторъ еще разсуждаетъ объ ней на 60 страницахъ. Вамъ покажется страннымъ, какъ могъ ничего не думать и не чувствовать народъ цѣлыя девять столѣтій? Онъ спалъ, отвѣчаетъ авторъ, и въ этомъ снѣ даже не было сновидѣній, — а со времянь Петра вдругъ проснулся и началъ дѣйствовать! Но такое объясненіе похоже на эпизодъ изъ сказки и вѣрно не удовлетворитъ васъ. Откуда-же вдругъ взялись у народа силы, чтобы быстро идти по пути успѣха? Откуда взялся самый народъ, до того времени не существовавшій (потому что бездѣйствовать и не существовать въ мірѣ нравственномъ одно и то-же)? Упалъ онъ съ неба, или выросъ изъ земли? И что это за народъ, котораго «могучею рукою и желѣзною волею» можно двинуть куда угодно? Не подозрителенъ-ли наконецъ самый прогрессъ, совершающійся такимъ сверхъестественнымъ образомъ? Если авторъ дѣйствительно вѣрилъ въ возможность внезапнаго пробужденія, то не слѣдовало-ли-бы для оправданія его же идеи указать причину этого пробужденія въ силахъ, которыя вырабатывались вѣками, и, пускай подъ гнетомъ, но все-таки существовали и дѣйствовали? Авторъ указываетъ на преимущество западныхъ народовъ, которые имѣли случай познакомиться съ литературою древнихъ. Но въ IX вѣкѣ, когда началось наше образованіе, и у западныхъ народовъ еще господствовало крайнее невѣжество. Впослѣдствіи безпорядки феодальнаго управленія были ничѣмъ не лучше нашихъ удѣльныхъ распрей, вліяніе римское ничѣмъ не лучше византійскаго. Греки, если-бы и сохранили прекрасныя преданія своей древности, не могли-бы ихъ передать намъ, потому что греческаго языка у насъ почти совсѣмъ не изучали. Здѣсь гораздо важнѣе непосредственное вліяніе самой жизни, которому подверглись западныя народы (въ Италіи, во Франціи, въ Германіи новыя государства были основаны на развалинахъ римскаго, на почвѣ, еще сохранявшей въ памятникахъ, въ преданіяхъ, въ обычаяхъ, сѣмена древняго образованія).

Нельзя также безусловно принимать пагубнаго вліянія на нашу

поэзію литературы византійской: въ до-татарскій періодъ было ему достаточно противодѣйствія въ самой жизни. Авторъ видитъ еще страшный вредъ самобытному развитію народнаго духа въ удѣльныхъ распрахъ, а все преимущество отдаетъ предъидущему нормандскому періоду. Тутъ явная ошибка. Удѣльный періодъ и есть тотъ вѣкъ, когда въ смутной борьбѣ началось только самобытное развитіе народнаго духа. Никогда, ни прежде, ни послѣ, мы не находимъ, чтобы народъ принималъ такое живое участие въ общественной дѣятельности. Къ этому времени относится и слава великаго Новгорода, которому авторъ приписываетъ лучшія изъ народныхъ пѣсенъ. Это время наиболее богато и литературными памятниками. Не признавъ никакого развитія въ нашей древней поэзіи, какъ объяснить, напримѣръ, явленіе Слова о Полку Игоревомъ? Конечно, мы не встрѣтимъ ни одного подобнаго ему памятника въ нашей письменной литературѣ; но должны-же были въ чемъ-нибудь скрываться зачатки той поэзіи, которая въ немъ выразилась. Или это случайность, исключеніе, чудо? Нѣтъ! истинная исторія не знаетъ ни случайностей, ни исключеній въ такихъ многозначительныхъ фактахъ. Авторъ упоминаетъ о *скандинавскихъ пѣсняхъ*, полныхъ *благородства и доблестей*, и послѣднимъ отголоскомъ этихъ пѣсенъ считаетъ Слово (стр. 15). «Сѣмена, брошенная Норманнами въ русское общество, не могли скоро исчезнуть. Такъ поле, засѣянное однажды хлѣбомъ, даетъ, послѣ новой перепашки подъ другія растенія, нѣсколько колосьевъ отъ сѣменъ, уцѣлѣвшихъ въ почвѣ». Любопытно-бы знать, какія открылъ авторъ скандинавскія пѣсни? Ужъ не темные-ли отрывки изъ сказаній о первыхъ князьяхъ, занесенныхъ Несторомъ въ свою лѣтопись? Но кто поручится за то, что эти сказанія были народными, а не принадлежали исключительно варяжской дружинѣ, очень немногочисленной въ сравненіи съ славянскимъ племенемъ. Въ народности-же Слова никто не усомнится. Странно видѣть, какъ авторъ осуждаетъ подвиги «буйнаго удайства», и въ то-же время восхищается завоевательною политикою Норманновъ. Чѣмъ-же доблестіе поступокъ Олега, убивающаго Аскольда и Дира, и похождения Святополка въ сравненіи съ подвигами многихъ изъ князей удѣльныхъ? Каждый изъ нихъ одинаково стремился къ расширенію власти, и Мономахъ, Всеславъ Полоцкій, Всеволодъ, раскропляющій Волгу веслами, Осмомыслъ Ярославъ, самый Игорь сѣверскій въ этомъ отношеніи

доблестнѣе нисколько не менѣе древниѣхъ норманновъ. Значитъ, и послѣ новой перепашки, этихъ сѣмянъ было еще очень довольно. Здѣсь важно то, что, рассматривая Нестора, авторъ не различаетъ у него чисто-баснословныхъ преданій отъ рассказовъ, уже вполне носящихъ на себѣ типъ нашей народности. Такъ, совершенно во вкусѣ Карамзина, называетъ онъ Святослава *Азмилломъ нашей баснословной древности*. Между-тѣмъ, въ рассказѣ о Святославѣ мы не видимъ уже почти ни одной сказочной черты: здѣсь та поэзія дѣйствительности, которая впоследствии не разъ повторяется въ изображеніи нашихъ удалцевъ. Здѣсь нѣтъ ни кораблей, вѣдущихъ на колесахъ къ Царьграду, ни щитовъ, повѣшенныхъ на воротахъ, ни голубей и воробьевъ, посланныхъ сожигать Искоростѣнь. Прегне князья пускаются въ походъ по-нормандски: изъ одной корысти или для удовлетворенія дружины; безкорыстіе и простота жизни Святослава не есть-ли уже новая черта, болѣе славянская, чѣмъ свойственная варягамъ. Когда горделивый Олегъ, на возвратномъ пути отъ Царьграда, выставилъ на своихъ судахъ паруса изъ богатыхъ тканей, то славяне съ презрѣніемъ отвергли эти украшенія, сказавъ: «имемъсь своимъ тогъстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ кропинныя».

Авторъ кратко упоминаетъ о сходствѣ между исландскими сагами и сказаніями Нестора. Вопросъ этотъ, мало изслѣдованный, необходимо было разсмотрѣть обстоятельнѣе, тѣмъ болѣе, что нормандскому вліянію у него придано очень много значенія. Онъ, между прочимъ, всего на одной страничкѣ, излагаетъ содержаніе эпизода изъ Эймундовой саги рядомъ со сказаніемъ Нестора о Святополкѣ Окаянномъ. О конунгѣ Бурислейфѣ онъ прямо говоритъ: «такъ именуется въ сагѣ Святополкъ» — и въ заключеніе восклицаетъ: «какъ ничтоженъ Эймундъ въ сравненіи съ лицами, изображенными Несторомъ!» Но изъ сличенія, сдѣланнаго авторомъ, мы не только не видимъ превосходства Нестора, но даже не замѣчаемъ ни малѣйшаго сходства между рассказомъ, взятымъ изъ саги, и повѣствованіемъ нашего лѣтописца (стр. 12, 13).

Вообще сужденіе г. Милюкова о Несторѣ намъ кажется очень мудренымъ. Авторъ находитъ въ немъ ненависть къ языческимъ князьямъ, и въ особенности къ Святославу, сухость изложенія, напыщенную дикость языка, безжизненность и надутость разсказа, односторонній взглядъ и т. д. Напитанный чтеніемъ византійскихъ писателей, сухой лѣтописецъ, ревностный противникъ

язычества — вотъ эпитеты Нестора. Но въ то-же время авторъ отдастъ ему превосходство въ сравненіи съ исландскимъ повѣствователемъ. Странное дѣло! Какимъ-же образомъ произошло, что исландскія преданія въ самомъ ихъ источникѣ явились менѣе поэтичны, чѣмъ у сухаго лѣтописца? Нѣтъ! Всякій, кто хоть бѣгло прочелъ Нестора, согласится, что и дѣла языческихъ князей описаны у него съ большою любовью и безпристрастіемъ, что наивная простота его рассказовъ, чуждая всякихъ притязаній на византійское краснорѣчіе, могла-бы служить образцемъ для всѣхъ другихъ бытописателей. Все это когда-то оцѣнилъ въ Несторѣ нѣмецъ Шлѣцеръ, и намъ, въ настоящее время, даже смѣшно было-бы объ этомъ распространяться. Что касается его взгляда на событія, то онъ, конечно, не сходенъ съ нашимъ, современнымъ. Если-бы нынѣ какой-нибудь историкъ вздумалъ просвѣщать насъ съ точки зрѣнія Нестора, то мы пожелаемъ-бы ему укрыться отъ свѣта дневнаго въ какую-нибудь пещеру. Но и при своемъ одностороннемъ взглядѣ Несторъ понималъ многое несравненно глубже, чѣмъ его послѣдователи. Вотъ какъ говоритъ онъ объ книгахъ: «Велика бо бываетъ полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, *мудрость бо обрѣтаемъ и въздержаніе* отъ словесъ книжныхъ; се бо суть *рыбки, напаяющи вселеню*, се суть *исходища мудрости*; книгамъ бо есть *неисчетная глубина*, сими бо въ *печали утѣшаеми есмы*, си суть *узда въздержанью*». Съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣли мы на Нестора, подобныя слова, для его времени, уже служатъ несомнѣннымъ признакомъ прогресса. Что-же касается до недостатка поэзіи, который находитъ г. Милюковъ въ изложеніи лѣтописныхъ сказаній у Нестора, то ее нельзя и требовать отъ лѣтописца, который, имѣя много поэтического чувства, все-таки не былъ поэтомъ. Съ насъ довольно того, что онъ записываетъ языческія сказанія наравнѣ съ церковными легендами: любовь къ чудесному, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, одинаково руководитъ Несторомъ.

Слово о Полку Игоревомъ авторъ рассматриваетъ сравнительно со сказаніемъ о Мамаевомъ побоищѣ. Здѣсь сужденія его метки и справедливы. Сказаніе дѣйствительно писано человекомъ, можетъ быть, и очень благочестивымъ, но совершенно бездарнымъ. Дмитрій Донской, какимъ представленъ онъ въ этомъ сказаніи, также очень мало возбуждаетъ наше сочувствіе, особенно,

въ сравненіи съ отважнымъ Игоремъ. Но въ одномъ мы не всѣми согласны съ авторомъ. Справедливо-ли въ плохомъ произведеніи какого-нибудь Софронія видѣть вообще выраженіе народнаго духа? Конечно, послѣ вѣковаго хожденія въ орду съ поклонами, долженъ былъ очень измѣниться характеръ князей; русская жизнь надолго остановилась въ своемъ развитіи, или, по крайней-мѣрѣ, пошла путемъ ложнымъ; но *духъ народа* не падалъ совершенно даже и «подъ бичами порабитителей». Онъ только замыкался въ самомъ себѣ, порою вырываясь на просторъ со всею энергіею, скопленною въ долгомъ страданіи. Драмы эти совершались не слышно, рѣдко находя отголосокъ въ литературѣ письменной, все болѣе чуждавшейся жизни. Въ посланіи Вассіана къ Іоанну III какъ-будто слышится вновь общественный голосъ; но настоящихъ чувствъ и мыслей народа надо все-таки искать въ немъ-же самомъ, въ его хотя и не разнообразныхъ, но живыхъ думахъ. Мы повторяемъ, что народный духъ не падалъ, когда мать, убаюкивая сына, пѣла ему:

Встань, пробудись, да дитяtko,
 Соимай со стѣны сабельки,
 Баю, баюшки, баю!
 Соимай со стѣны сабельки
 И всѣ то мечи булатные;

—
 Ты коли, руби сабельками
 Злыхъ татаръ съ татарченками;

—
 Ты сѣки, кроши губителей
 Все мечами да булатными!

Обративъ исключительное вниманіе на письменную литературу, которая въ вѣка, неблагоприятные для образованія, дѣйствительно, ограничивалась одними безжизненными подражаніями старинѣ, г-нъ Милюковъ разбираетъ очень поверхностно произведенія нашей народной поэзіи. Безъ различія, наши пѣсни, сказки и стихи сравниваетъ онъ съ произведеніями суздальскаго гравированія, гдѣ находимъ однѣ только фигуры, безобразныя и грубыя, и въ заключеніе говоритъ, что наша народная поэзія не можетъ болѣе служить источникомъ для новѣйшей поэзіи. Она отжила свой вѣкъ и совершенно умерла для насъ (Стр. 48 и 49).

Кажется, всякій знаетъ, что наши пѣсни и многія изъ сказаній *до-сихъ-поръ* живутъ въ народѣ и, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, составляютъ огромную народную *быль*, которой однимъ движеніемъ пера не вычеркнешь изъ жизни. Что-жь? Во имя успѣховъ новаго образованія, придется-ли ратоборствовать противъ этихъ остатковъ старины, или презирать ихъ? Но то же самое, по словамъ г-на Милюкова, дѣлали въ свое время Несторъ и другіе люди, выросшіе подъ византійскою ферулой. Хотеть-ли и авторъ, въ своемъ усердіи къ *новымъ* идеямъ, стать подъ конецъ на одну съ ними точку зрѣнія?

Конечно, многое, вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ, развилось въ нашемъ народѣ криво и ложно, и потому служить болѣе къ бесполезному истощенію народныхъ силъ, чѣмъ къ ихъ поддержанію: все это должно отпасть вмѣстѣ съ образованіемъ (если только мы съумѣемъ приняться за дѣло образованія, какъ слѣдуетъ). Но корень, т.-е. духъ народа, какъ чувство, данное ему природою, останется неизмѣннымъ. Нелѣпо было-бы безъ условно хвалить все, что мы ни находимъ въ народной поэзіи. Но здѣсь дѣло идетъ не о хвалѣ или порицаніи, а о началахъ, въ ней заключающихся. Авторъ, къ-сожалѣнію, не понялъ, что въ этихъ началахъ, подъ грубымъ наростомъ, скрыто много прекраснаго: въ нихъ часто встрѣтите самую пламенную оппозицію противъ всякаго формализма, стѣсняющаго развитіе. Нельзя сказать, что г-нъ Милюковъ, вообще не сочувствовалъ русскому человѣку; но это сочувствіе навело его на мысль о народѣ, только какъ о *блдномъ* и *юнимомъ Лазарѣ* (стр. 46), *безропотно* ожидающемъ помощи отъ ангеловъ небесныхъ. Такимъ-образомъ онъ признаетъ въ русскомъ одну пассивную способность: терпѣнье, т.-е., говоря иначе, отсутствіе всякой способности.

Во-первыхъ, онъ вовсе не касается малороссійскихъ пѣсенъ. Малороссійская народность, кажется, имѣетъ полное право на наше вниманіе, хоть-бы послѣ того, какъ она дала намъ Гоголя и много другихъ талантовъ. Но что всего важнѣе, авторъ уже и здѣсь могъ-бы найти выраженіе многихъ лучшихъ свойствъ нашего народнаго характера, это чудное соединеніе мягкости и задушевной глубины чувства съ неодолимою энергіей, доходящей до упрямства, съ безграничнымъ удалствомъ, которое не знаетъ препятствій.

Не столько стойкость характера, называемая терпѣньемъ, под-

держивала нашъ народъ во всѣхъ испытаніяхъ, сколько необыкновенная гибкость души, способной вѣчно обновляться. Эта способность причинила намъ много и зла, легко примиряя со всѣмъ окружающимъ; но въ то же время она создала намъ здравый смыслъ и разумъ.

Очеркъ нашихъ народныхъ сказаній сдѣланъ у г-на Милюкова нѣсколько обстоятельнѣе. Онъ находитъ въ нихъ большую грубость фантазіи, чудовищныя преувеличенія, дикій разгулъ; въ сказаніи о Ставрѣ замѣтилъ онъ однако остатокъ *скандинавской* доблести. Мы желали-бы, чтобы подъ грубою корою этихъ произведеній авторъ также указалъ хоть одну черту *русской* доблести; но его занимаетъ преимущественно художественная сторона сказаній. Замѣтимъ еще одну ошибку. Г-нъ Милюковъ разсматриваетъ сказанія, какъ памятники временъ Владиміра: всѣми изслѣдователями нашей старины отнесено ихъ происхождение — къ татарской эпохѣ; преданія древнѣйшихъ временъ послужили имъ только первою основою, въ которой уже почти нельзя узнать ни Владиміра, ни богатырей, его окружавшихъ.

Но пускай грубы и не художественны эти памятники, возникшіе подъ гнетомъ грубой силы и въ которыхъ фантазія творила безъ цѣли и смысла, указываемыхъ дѣйствительностью; можно-ли сказать то-же самое во всей полнотѣ о нашихъ пѣсняхъ?

По понятію автора, все наше несчастье произошло отъ терема. «Теремъ, заимствованный у византійскихъ грековъ, поработилъ русскую женщину деспотической власти мужчины.» Отъ этого самого и русскій добрый молодецъ привыкъ къ «рабскому униженію и грубой жестокости». Развѣ мать раба можетъ воспитать сына, не передавъ ему того-же самого характера униженія, и необходимаго его слѣдствія, необузданнаго тиранства? Все это прекрасно но здѣсь важно знать, всегда-ли сочувствовали терему тѣ, которымъ приходилось страдать отъ него? Можно-ли то, что Котошихинъ писалъ про бояръ, безъ всякаго ограниченія относить ко всему народу? Конечно, въ большей части свадебныхъ пѣсень видно господство грубыхъ обычаевъ, унижающихъ достоинство женщины, господство семейнаго деспотизма; но въ этихъ-ли чисто-обрядныхъ пѣсняхъ искать выраженія настоящаго чувства? Затворничество женщинъ было уничтожено Петромъ Великимъ; нравы нашего образованнаго общества впоследствии времени достигли такой свободы, что женщина даже являлась передъ публикою въ мужскомъ

платѣ, а все-таки она приобрѣла очень-мало общественнаго значенія. Слѣдовательно, теремъ никакъ нельзя назвать единственною причиною, а только однимъ изъ слѣдствій многихъ причинъ, сковавшихъ русскую жизнь.

Русская дѣвушка не могла-бы вспоминать о своей волюшкѣ-нѣгушкѣ, прощаться съ громкимъ соловьемъ, со своей дѣвичьей красою, съ подружками, которыя не разъ ночевывали съ нею темныя ночи и говаривали тайныя рѣчи, если бы не пользовалась нѣ-которою свободою по-крайней-мѣрѣ до замужества. Но и самая кротость ея нѣжнаго голоса, свидѣтельствующая, между-прочимъ вовсе не о грубости нравовъ, служить горькимъ протестомъ противъ угнетенія.

Голубушки мои бѣлыя, подруженки!
 Приступитесь ко мнѣ горько бѣдненькой,
 Пособитетко мнѣ горюшко мыкати,
 Не значай-то ко мнѣ горе привалилося,
 Приключилося мнѣ горе не малое:
 Запоручилъ-то меня дѣвицу красную,
 Свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка,
 Запоручила-то меня бѣдную горькую,
 Красно солнышко родима матушка,
 За поруки за крѣпкія,
 За замки вѣковѣчныя.

Въ этихъ словахъ не слышатся-ли слезы будущей Татьяны Пушкина? Что-жъ ей оставалось дѣлать? Произнеси эффектную рѣчь, пронзитель-ли мечемъ себѣ грудь, какъ въ драмахъ Сумарокова? Авторъ выше всякой мѣры восхваляетъ Рогнѣду, не желавшую разуть сына рабынича; но и *аристократическая* Рогнѣда наконецъ покорилась своей участи. А найди эта женщина цѣль въ жизни, предметъ, на которомъ остановить свое чувство, то она скажетъ:

Я въ тѣ поры мила друга забуду,
 Когда подломятся мои скоры ноги,
 Когда опустятся мои бѣлы руки,
 Засыплются глаза мои песками,
 Закроются бѣлы груди досками.

Назовите ее послѣ этого, если вамъ угодно, рабою.

Также и горемычность, и удалство выражаютъ не рабское униженіе, а напротивъ желаніе освободиться изъ подъ тяжелаго гнета обстоятельствъ. Рабъ не будетъ допрашиваться у судьбы своей, зачѣмъ суждено ему терпѣть и покоряться.

Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
 Государынѣ моей матушкѣ спрочуся.
 Ты скажи, скажи, моя матушка родная:
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
 Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Вотъ вопросъ, который задавали себѣ не только народъ, но и лучшие наши поэты: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

Г-нъ Милюковъ говоритъ и о шотландскихъ балладахъ, и о греческихъ хельдовисратахъ (не объясняя впрочемъ, что значитъ это слово) и о нибелунгахъ (всего понемножку, въ двухъ трехъ словахъ); но совершенно упускаетъ изъ виду одно изъ главнѣйшихъ свойствъ нашихъ пѣсенъ — юморъ. Про сатирическое направленіе впрочемъ у него сказано: «Въ нѣкоторыхъ сказкахъ видѣнъ сатирической элементъ, хотя также грубый, но мѣткій и разительный». Автору, полагающему всю славу новой литературы въ сатирическомъ направленіи, слѣдовало-бы, кажется, побольше распространиться объ этомъ элементѣ. А то и сатира наша является у него изъ облаковъ, по щучьему велѣнію: мы никакъ не ожидаемъ, что Кантемира назоветъ онъ писателемъ народнымъ (стр. 80).

Народный юморъ имѣетъ глубокое значеніе, доказывая силу характера, которой не сокрушитъ никакая невзгода. Не одинъ изъ нашихъ писателей изображалъ, какъ бодро умпраетъ русской челоуѣкъ: и пѣсня расскажетъ, какъ на грозный голосъ могилы улыбнется онъ безтрепетно и въ послѣдній разъ обратится съ шутивымъ словомъ къ своему вѣрному коню. къ плачущей сестрѣ, чтобъ она не желала напрасно его здоровьца (*). Удалство это есть, безъ сомнѣнія, выраженіе силы, хотя иногда и худо направленной.

Что наша народная поэзія могла дать матеріалъ къ созданію высоко-художественныхъ образовъ, тому лучшимъ доказатель-

(*) См. пѣснь о казненномъ бояринѣ. Сахаровъ, книга III, стр. 225.

ствомъ служатъ пѣсни Кольцова. Въ нихъ самъ авторъ признаетъ «общее съ нашими народными пѣснями» (стр. 201),—чѣмъ и противорѣчить своему прежнему мнѣнію. Онъ восхваляетъ Кольцова, а народная литература все-таки остается у него умершею, недостойною того, чтобы служить источникомъ для новѣйшей поэзіи. Бѣдная литература! А вся бѣда въ томъ, что она не родилась со временъ Петра Великаго! Пѣсни Кольцова, по нашему мнѣнію, именно тѣмъ и прекрасны, что онѣ въ художественной полнотѣ выражаютъ идеи, заключающіяся въ народной поэзіи. Иначе, ограничиваясь одною формою, можно-бы предпочесть имъ гладенькія стихотворенія Дельвига.

Точно также, разбирая Крылова, авторъ объясняетъ, почему басня получила у насъ огромное значеніе. Причину эту находитъ онъ въ состояніи общества, современнаго Крылову: тогда нуженъ былъ покровъ аллегоріи, чтобъ высказать смѣлыя истины. Это справедливо; но здѣсь не довольно указанія одного общественнаго состоянія. Въ басняхъ Крылова мы вновь встрѣчаемся съ народнымъ юморомъ, котораго свойствъ, къ сожалѣнію, не объяснилъ авторъ.

Очеркъ древней поэзіи авторъ оканчиваетъ обзоромъ поэзіи схоластической, въ которой видитъ гнилыя и безплодныя вѣтви, привитыя къ безплодному дереву. Что касается поэтическаго творчества, то, конечно, нечего искать его въ схоластическомъ направленіи XVII вѣка. Тутъ существовало плохое стихотворство, вирши, а не поэзія. Но вообще въ литературѣ письменной, XVII-й вѣкъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, вѣкомъ успѣха. Схоластика не была такъ безплодна, какъ авторъ думаетъ. Изученіе греческаго и латинскаго языка повело къ знакомству съ тою литературою, незнаніе которой, въ своемъ введеніи, г-нъ Милюковъ считалъ одною изъ причинъ всѣхъ нашихъ неуспѣховъ. Риторика, при всей ея безжизненности, содѣйствовала къ развитію логическихъ способностей. Схоластическое направленіе еще прежде не помѣшало у насъ явиться Курбскому и впоследствии содѣйствовало къ образованію Кантемира и Ломоносова.

Драмы Симеона Полоцкаго, конечно, очень плохи; но только старинный обычай дѣлить поэзію на правильныя рубрики могъ принудить автора сопоставить ихъ съ народными пѣснями (стр. 60): начавъ со сказаній Нестора и лирики этихъ пѣсенъ, онъ считаетъ необходимымъ окончить драмою, какою-бы ни было и

во что-бы ни стало. И такъ, даже возставая противъ схоластики, онъ самъ того не видитъ, какъ ей подчиняется.

Мы переходимъ теперь къ новой поэзи. Разборъ ся занимаетъ большую часть книги г-на Милюкова. Авторъ различаетъ двоякое направлениe новой литературы: подражательно-реторическое и самобытно-сатирическое. Основателемъ перваго онъ ставитъ Ломоносова, основателемъ втораго — Кантемира. Это сближеніе намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ. Почему Ломоносовъ основатель реторическаго направленія? Развѣ это направленіе не существовало уже гораздо прежде? Развѣ, *по своему духу и содержанію*, оды его чѣмъ нибудь лучше витиеватыхъ рѣчей Феофана Прокоповича, или даже «Плача сугубоглаваго орла, преславнаго клейнода російскаго» работы Сильвестра Медвѣдева? Но Ломоносовъ неизмѣримо выше и самого Кантемира по формѣ своихъ стихотвореній: онъ подражалъ лучшимъ образцамъ, онъ создалъ новый языкъ, и въ этомъ вся его заслуга. Разумѣется, мы разсматриваемъ здѣсь Ломоносова, только какъ писателя одъ: его ученая дѣятельность даетъ ему лучшее право на безсмертіе. Въ этомъ согласенъ съ нами и авторъ. Но все-таки среди реторическаго пустословія онъ видитъ иногда въ его одахъ и истинное одушевленіе, «какъ цвѣтокъ въ тернахъ» (стр. 72, 73).

Нельзя также сатирическаго направленія разсматривать совершенно отдѣльно: оно у однихъ и тѣхъ-же авторовъ въ однихъ и тѣхъ-же произведеніяхъ смѣшивалось съ реторическимъ. Сатира у Кантемира, Сумарокова, Державина, Фонвизина, и т. д. очень нерѣдко отзывается риторикою.

Разсуждая о Кантемирѣ, авторъ замѣчаетъ, что «долговременное пребываніе при французскомъ дворѣ представило ему еще болѣе въ черномъ цвѣтѣ до-петровскую Русь и еще сильнѣе раздуло негодованіе на враговъ просвѣщенія». Этому также противорѣчить самое дѣло: первая лучшая сатира Кантемира написана въ то время, когда онъ еще и не думалъ ни о какихъ дворахъ, а только окончилъ курсъ въ Заиконоспасской академіи. Притомъ совершенно несправедливо, что онъ караетъ только до-петровскую Русь. Еще болѣе осмѣиваетъ онъ нравы новой, современной ему эпохи — безплодную подражательность, которая ограничивалась однимъ бессмысленнымъ усвоеніемъ формы. Наоборотъ, во второй сатирѣ онъ даже величаетъ предковъ того честолюбиваго модника, который, объѣздивъ чужіе края, только и узналъ, что «фалды должны

быть тверды, не жидки, въ поларшина глубоки и ситомъ подшиты.» Дальнѣйшее обозрѣніе сатиры и реторизма у Сумарокова, Княжнина, Хераскова безпристрастно во всѣхъ отношеніяхъ. Замѣтимъ только, что, распространяясь о сатирахъ Сумарокова, авторъ совсѣмъ безъ вниманія оставляетъ его комедіи, въ которыхъ, какъ намъ кажется, не менѣе замѣчательнаго.

Вѣкъ Екатерины II былъ, конечно, блистательною эпохою въ нашемъ общественномъ развитіи. Г. Милюковъ безусловно восхваляетъ партію, которая тогда явилась у насъ во главѣ европейской цивилизаціи. Мы не споримъ, что эта партія, которой авторъ отдаетъ все преимущество, начала дѣло свое съ большимъ блескомъ. Но такъ-какъ образованіе было у насъ ново и непрочно, то и самые друзья его не всегда оставались ему одинаково вѣрны. Съ другой стороны нельзя и ко всѣмъ безъ исключенія приверженцамъ старины отнести выраженіе: «старая фаланга закоснѣлыхъ враговъ просвѣщенія, отставившая свое азіатское невѣжество» (стр. 94). Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Щербатовъ, были одушевлены истинною любовью къ добру въ своихъ самыхъ одностороннихъ сужденіяхъ. Касательно Державина авторъ замѣчаетъ: «Многія изъ нравственныхъ одъ его похожи не на гимны, выражающіе глубокое благоговѣніе сердца, проникнутаго восторгомъ и умиленіемъ, но на отвлеченныя доказательства разныхъ истинъ, выраженныя въ поэтической формѣ». Намъ любопытно бы знать, какія это именно оды? Дѣло въ томъ, что риторическая ложь во всѣхъ одахъ Державина заглушаетъ поэтическую истину: одно или два исключенія не входятъ въ расчетъ. Но также почти во всѣхъ его одахъ есть проблески поэтической мысли, напр.

Сей духъ въ пророкахъ возвѣщаетъ,
 Парить въ пнтахъ въ высоту,
 Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
 Съ народовъ гонить слѣпоту;
 Сей духъ и въ узахъ не боится
 Тиранамъ правду говорить:
 Чего безсмертному страшиться?
 Онъ будетъ и за гробомъ жить.

Безусловно хваля сатиры Державина, авторъ осуждаетъ изы-

сканый гиперболизмъ торжественныхъ одъ его. Но гиперболическіе возгласы встрѣчаются и въ сатирахъ, напр.

Молю великаго пророка
 До праха ногъ твоихъ коснусь,
 Да словъ твоихъ сладчайша тока
 И лицедрѣнья наслажусь.

Здѣсь не мѣсто распространяться о происхожденіи сантиментальной школы писателей, представителемъ которой былъ у насъ Карамзинъ. Авторъ находитъ причину ея появленія въ неудачномъ подражаніи Вертеру, Элоизѣ, и проч. Объясненіе это очень недостаточно. Но мнѣніе о Карамзинѣ, какъ о писателѣ, сдѣлавшемъ первый шагъ къ сближенію съ природою, справедливо.

Переходя къ Жуковскому, мы переселяемся, какъ и слѣдовало ожидать, изъ области *классицизма* въ область *романтизма*. Но авторъ нигдѣ хорошенько не объясняетъ историческаго значенія этихъ терминовъ, какъ и прежде не объяснялъ, вслѣдствіе чего развились у насъ и что означали: схоластика и реторизмъ. Досихъ-поръ французы-классики безразлично назывались у него подражателями древней литературы. Это, конечно, вело къ самымъ ложнымъ понятіямъ, потому что никто такъ не искажалъ классической литературы, какъ французы. Теперь авторъ объясняетъ, въ чемъ дѣло. «Нѣмцы и Англичане, на которыхъ *меньше* отражалось *вліяніе классическаго міра, изучивъ характеръ древности* и среднихъ вѣковъ и *истинное значеніе поэзіи грековъ и римлянъ*, сбросили тяжелыя цѣпи старыхъ понятій». Какой-же это классическій міръ, котораго вліяніе было столь пагубно и который однако нужно было изучать, чтобъ понять поэзію грековъ и римлянъ? Или авторъ подъ этимъ разумѣетъ ложно-классическое направленіе французовъ? Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же смѣшивать понятія?

Объ романтизмѣ мы только узнаемъ, что это то самое направленіе, съ которымъ г-жа Сталь познакомилась французовъ, и котораго представителемъ былъ Шиллеръ (стр. 125, 126). «Поэзія наша прониклась живоноснымъ источникомъ романтизма», послѣ того, какъ Жуковскій началъ переводить Шиллера.

Еще Гёте объяснялъ, что понятіе о романтизмѣ, какъ его придумали нѣмцы, есть одна изъ самыхъ праздныхъ нѣмецкихъ выдумокъ. *Народныя преданія среднихъ вѣковъ*, конечно, возбуждали

большое сочувствіе въ Шиллерѣ; но это было въ немъ далеко не главное. Еще болѣе сочувствовалъ Шиллеръ прекрасной поэзіи грековъ, а собственную его поэзію главнымъ образомъ создали: его природный германскій характеръ, обстоятельства жизни и философія вѣка. Точно такъ-же Жуковскій не былъ исключительнымъ подражателемъ Шиллера, а заимствовалъ, не смотря на обиліе переводовъ, только малую часть того, что создано германскимъ поэтомъ. Переводъ балладъ, да одной драмы: *Орлеанская дѣва*, да нѣкоторыхъ сентиментальныхъ стиховъ перваго періода не знакомятъ насъ съ цѣльнымъ Шиллеромъ; пьесы: *Художникъ* (der Künstler), *Колоколъ*, драмы: *Валленштейнъ*, *Вильгельмъ Тель* и проч. были обойдены Жуковскимъ. Не надо также думать, что его переводы изъ Шиллера вѣрнѣе и ближе къ подлиннику, чѣмъ переводы изъ другихъ поэтовъ. Правда, по своему идеальному настроенію, Жуковскій нѣсколько сходилса съ Шиллеромъ; но и въ этомъ идеализмѣ есть существенныя различія, которыя нельзя опустить безъ вниманія. Въ германскомъ поэтѣ отразились многія изъ общественныхъ идей XVIII вѣка, которыхъ былъ совершенно чуждъ Жуковскій.

По мнѣнію г. Милюкова, Жуковскій, какъ поэтъ оригинальный, принадлежитъ къ риторической школѣ. Это мнѣніе отчасти справедливо; но приговоръ касательно его поэмы: *Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ* намъ кажется слишкомъ рѣзкимъ. Критикъ ставитъ ее на одну степень съ лироэпическимъ гимномъ Державина. Надо-бы отдать справедливость Жуковскому хоть въ отношеніи отдѣлки стиха, ставящей его выше всѣхъ прежнихъ поэтовъ. Притомъ нельзя не сочувствовать въ немъ желанію быть органомъ общественнаго чувства.

Подыдемъ кубокъ, мечъ во длань....
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель гибель, брань за брань —
И казнь тебѣ, губитель!

Изображеніе русскаго воина съ поднятымъ кубкомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, выпивающаго чуть-ли не двадцатый тостъ (мы не считали, сколько ихъ въ пѣвцѣ); перечисленіе современныхъ героевъ, все полковыхъ командировъ, часто съ нѣмецкими фамиліями, съ ихъ щитами, стрѣлами, лирами и вѣрностью милой — все это кажется нѣсколько страннымъ; но самыя воз-

званія къ мести за оскорбленное отечество не лишены поэтического чувства. Любопытно, что г. Милюковъ видитъ въ Жуковскомъ большую отсталость, когда поэтъ называетъ Наполеона *губителемъ*, а между-тѣмъ самъ, нѣсколько страницъ далѣе, хвалитъ Крылова за его басню: «Волкъ на псарнѣ» (стр. 140). Крыловъ, по словамъ автора, характеризуетъ современниковъ съ *удивительной вѣрностью и искусствомъ*, изображая отечественную войну *оригинально и остроумно*. Мы не понимаемъ, отчего-же назвать Наполеона волкомъ было позволительнѣе, чѣмъ губителемъ. Но положимъ, что поэма *Пшевецъ* слаба: какъ-же не упомянуть ни слова о послѣднемъ періодѣ дѣятельности Жуковского, о его переводахъ изъ Рюккерта и Гомера? Наконецъ на сцену является Пушкинъ, это «плодоносное и тѣнистое дерево», какъ называетъ его авторъ. Въ сужденіяхъ г. Милюкова о Пушкинѣ, больше чѣмъ гдѣ-либо отразились всѣ недостатки его историческаго метода. Во-первыхъ, онъ совсѣмъ невѣрно разграничиваетъ три періода въ дѣятельности поэта, оканчивая одинъ *Русланомъ и Людмилою*, другой — *Евгеніемъ Оньгинымъ*, и начиная третій съ *Полтавы*. Романъ *Евгеній Оньгинъ*, начатый въ 1823 году и конченный въ 1831, изданъ былъ уже въ 1833 году, за три года до смерти поэта. Въ эти три года писалъ онъ очень мало: всѣ его драмы, причисленныя авторомъ къ третьему періоду, написаны въ тотъ же періодъ времени, какъ и *Евгеній Оньгинъ*. *Скупой рыцарь*, *Мозартъ* и *Сальери*, *Каменный гость*, *Цирь во время чумы* окончены въ 1830 году, какъ надо полагать, прежде послѣдней, осьмой главы *Оньгина*, а драма *Борисъ Годуновъ* относится еще къ 1825 году, слѣдовательно, согласно дѣленію г. Милюкова, ее надо-бы отнести почти къ началу втораго періода, который начинается съ *Кавказскаго пленника*. Вслѣдствіе этого, уничтожаются сами собою и всѣ сужденія автора, основанныя на ложномъ дѣленіи по періодамъ.

Г. Милюковъ указываетъ далѣе вліяніе на Пушкина сначала Державина и Жуковскаго, потомъ Батюшкова и Крылова; затѣмъ слѣдуютъ вліянія Вольтера, Парни, Шенье, Байрона и наконецъ Шекспира. Выходитъ, какъ будто, что вся поэзія Пушкина состояла изъ разнородныхъ вліяній. Такъ, напримѣръ, говорится, что «у Крылова Пушкинъ усвоилъ элементъ народности». Но можетъ-ли какой-бы то ни было элементъ развиваться многосторонне, если заимствуемъ его не изъ жизни, а чрезъ подражаніе? Крыловъ

могъ, конечно, содѣйствовать развитію народности въ Пушкинѣ; но никакъ не дать ее. Мы знаемъ, что Анна Родіоновна имѣла въ этомъ отношеніи болѣе значенія, чѣмъ нашъ баснописецъ.

Не упоминая о мелкихъ неточностяхъ въ разборѣ сочиненій Пушкина, мы обратимъ вниманіе на самое главное.

Г. Милюковъ говоритъ, что поэма *Русланъ и Людмила* составляетъ эпоху въ нашей литературѣ. «Она имѣетъ важное значеніе въ исторіи нашей поэзій, какъ послѣдняя дань Пушкина французской эпикурейской школѣ и первый шагъ его къ извѣстности и славѣ». Во-первыхъ, по замѣчанію самого-же автора, сдѣланному прежде (стр. 145, 146), эта дань была далеко не послѣдняя; во-вторыхъ, важно знать, на чемъ основывалась извѣстность Пушкина, пріобрѣтенная этою поэмою? Если отзывать такъ неопредѣленно о произведеніяхъ, составляющихъ эпоху, то что-же узнаемъ мы изъ исторіи поэзій? Авторъ только и объясняетъ, что произведеніе это «разсѣяло остатки классицизма». Что за остатки? Какого классицизма? Передъ тѣмъ объяснялось, что Пушкинъ «взялъ у Батюшкова колоритъ классической древности». Чѣмъ наконецъ разсѣяло? Неужели вліяніемъ французскаго эпикуреизма?

Съ *Кавказскаго пленника* начинается вліяніе Байрона. Чтобъ объяснилось это вліяніе, авторъ рассказываетъ о значеніи англійскаго поэта. Тутъ очень не дурно характеризуемъ двойственный характеръ этого писателя: презрѣніе къ обществу и любовь къ природѣ и человѣчеству; а всего удачнѣе приведены слова, изъ него заимствованныя: «придетъ время, когда свѣтъ ярко блеснетъ намъ въ очи, когда господство меча пройдетъ, и поработители, подобные Наполеону, сдѣлаются невозможными». По мнѣнію г. Милюкова, Пушкинъ не полюбилъ Байрона, потому-что «не могъ понимать той ужасной болѣзни, какою томилось европейское общество». Положимъ, что такъ. Мы не отрицаемъ поверхностнаго образованія Пушкина. Но любопытно-бы знать, что могъ-бы онъ вынести для своей поэзій, вслѣдствіе изученія болѣзни, совершенно чуждой обществу, среди котораго онъ выросъ? Естественно, онъ сочувствовалъ Байрону только въ томъ, что гармонировало съ его личнымъ опытомъ и развитіемъ. Онъ плѣнился (повторяемъ слова г. Милюкова) разочарованнымъ и гордымъ характеромъ его героевъ, мрачнымъ колоритомъ картинъ (хотя и не слишкомъ: Пушкинъ никогда не насиловалъ своей натуры) и свободной легкостью формы. Но разочарованіе пришло къ Пушкину не отъ Байрона, а

само собою, вслѣдствіе многихъ и многихъ причинъ; свободную-же легкость формы находимъ уже въ лицейскихъ его стихотвореніяхъ. Г. Милюковъ видитъ безсиліе нашего поэта въ томъ, что онъ не умѣлъ вывести лицъ, подобныхъ Гяуру, Ларфъ, Конраду. Но откуда-же было взять ему подобные типы? Замѣчательно, что во всѣхъ поэмахъ Пушкина самыя прекрасныя, идеальныя черты приданы женскимъ типамъ: полная эманципация чувства, восторженный голосъ за свободу сердца — вотъ что даетъ значеніе характерамъ Черкешенки и Земфиры. Герои-же (мы разумѣемъ Кавказскаго плѣнника и Алеко) ни въ чемъ не сходны съ типами Байрона, потому-что Пушкинъ имѣлъ свою особенную мысль при ихъ созданіи. Это люди съ горячими страстями, съ глубокою ненавистью ко всѣмъ цѣпямъ, сковывающимъ общество; но люди, которые въ бесплодной борьбѣ со свѣтомъ совершенно утратили природный инстинктъ свободы и пылъ молодого первоначальнаго чувства,—которые хотятъ чувствовать по расчету, по плану, по заданной напередъ идеѣ. Таковъ Алеко, названный у г. Милюкова пародією на отступниковъ общества, изображенныхъ Байрономъ. Пародіи эти скорѣе создавало общество, а не Пушкинъ, всегда умѣвшій пересоздавать на свой ладъ воспринятое отъ другихъ поэтовъ. Но мы согласны въ томъ, что и Алеко, лицо, несравненно болѣе опредѣленное, чѣмъ Кавказскій плѣнникъ, все еще страдаетъ своей идеальностью, все еще обозначенъ не такъ ясно, чтобъ его можно было назвать типомъ. Пушкинъ скоро отрекся отъ надежды придать какой-нибудь величественный характеръ своему любимому образу (величественные характеры вообще у насъ не удавались), и, отбросивъ все то лицемѣріе, которымъ невольно украсилъ прежнихъ своихъ героевъ, онъ создалъ простое, честное лицо Овѣгина, *добраю малаю*, не слишкомъ глубоко-мысленнаго, но и не надутаго выпрепными мечтами, какъ Ленскій. Евгенийъ однако способенъ понимать прекрасное, способенъ заниматься и «вопросами ума»

Межъ ними все рождало споры,
 Все къ размышленію влекло:
 Временъ минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И *предразсудки* вѣковые,
 И тайны гроба роковыя,

*Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.*

Но пыкія мечты объ усовершенствованіи съ самого начала подточены были въ Ояѣгинѣ бесплодностью жизни, среди которой онъ выросъ. Онъ пожертвовалъ свѣту своими способностями, а свѣтъ другаго отъ него и не требовалъ, кромѣ умѣнья говорить по французски, да волочиться. Практическаго ума его не удовлетворили и книги:

Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя верити ;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.

Ему оставалось одно изъ двухъ: какъ Владиміру Майкова, ѣхать въ Италію и погрузиться въ міръ искусства, или, какъ Чацкому, проклинать фраки.

Зомороженный свѣтскою жизнью, Евгенийъ холоденъ, холоденъ, какъ ледъ: его позднюю любовь къ Татьянѣ скорѣе можно назвать раздраженіемъ отчаянья, чѣмъ настоящей любовью. Онъ въ послѣдній разъ пытается наполнить чѣмъ-нибудь жизнь, и долженъ заслужить упрекъ въ недостаткѣ послѣдняго чувства, которое у него оставалось: въ недостаткѣ чести. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ Ояѣгинѣ честная душа.

Пушкинъ мало имѣлъ призванія къ изображенію отрицательной стороны жизни: у него больше колкости, чѣмъ настоящей сатиры. Возвышая его сатирическое направленіе, г. Милюковъ, между-прочимъ, ставитъ въ образецъ пьесы: *Домикъ въ Коломнѣ*, *Графъ Нулинъ*. Но въ нихъ трудно найти что-нибудь, кромѣ легкой, граціозной шутки. Пушкинъ всегда искалъ положительно прекраснаго въ жизни: *только придаетъ означенную нами выше холодность чувства Евгению*, онъ могъ сохранить въ немъ тотъ благородный характеръ, который возбуждаетъ сочувствіе къ его герою. Г. Милюковъ предпочитаетъ Ленскаго; но Ленскій на дѣлѣ до того чуждъ всякой идеи о свободѣ, что вызываетъ на дуэль своего пріятеля, когда тотъ лишній разъ протанцовавъ съ его невѣстой. Впрочемъ Пушкинъ видимо сочувствовалъ Ленскому за его прекрасный, пыкій идеализмъ: въ этомъ новое доказательство, что онъ во всемъ видѣлъ болѣе положительную сторону.

Да не подумаютъ, что мы ставимъ въ образецъ Онѣгина. Его бесполезно потерянная жизнь жалка и ничтожна. Но виновать-ли онъ въ томъ, что, родясь въ образованномъ кругу, не получилъ никакого порядочнаго воспитанія? Г. Милюковъ спрашиваетъ иначе: развѣ общество виновато было въ томъ, что онъ, не *получа никакого воспитанія*, истощилъ сердце въ развратѣ и роскоши? Печоринъ Лермонтова, по мнѣнію автора, несравненно выше, потому-что ищетъ отвѣтовъ «на вопросы ума» (стр. 190, 191). Онъ не впадаетъ въ совершенную апатію, а «ища дѣятельности и приключеній, влюбляется въ Черкешенку, волочится за княжною, бѣситъ пріятеля». Но и Онѣгинъ влюбляется, хотя и поздно въ Татьяну, волочится за всѣми безъ исключенія, бѣситъ пріятеля такъ, что тотъ вызываетъ его на дуэль. Онѣгинъ точно также путешествуетъ, думая разсѣять тоску: еще больше — Онѣгинъ думаетъ приняться за книги, чего кажется не дѣлалъ Печоринъ. Если вся дѣятельность молодого поколѣнія ограничивалась этимъ, то тутъ еще немного успѣха. Авторъ удивляется прогрессу, какой мы сдѣлали въ 15 лѣтъ. Замѣтимъ, что общество не пересоздается такъ скоро. Лермонтовъ, на сколько жизнь его извѣстна, былъ прямой наслѣдникъ Пушкина во всемъ: какъ въ своихъ страданіяхъ, въ благородныхъ мечтахъ, такъ и въ ошибкахъ. По своему исключительному лирическому настроенію, онъ вдается въ болѣе глубокій анализъ чувства; отъ того у него сильнѣе высказывается потребность разрѣшить вопросы нашего развитія. Но чтобъ эти вопросы были сколько-нибудь рѣшены, или полнѣе высказаны, чѣмъ у Пушкина, съ этимъ мы не согласны. Сфинксъ, задающій загадку, становится какъ будто страшнѣе, но загадка остается все та-же. Любопытно, какъ у Пушкина мы находимъ программу почти всѣхъ стихотвореній Лермонтова. Онъ воспѣваетъ Наполеона, и другой почему-то сердится, что французы перенесли прахъ его съ острова св. Елены. Одинъ плѣнялся свободою жизнію цыганъ, и у другаго Кавказъ становится обѣтованнымъ краемъ, свѣтлою отчизною свободы. У одного пророкъ выступаетъ въ свѣтъ, отиѣченный божественнымъ призваніемъ, и другой выводитъ пророка, хотя уже гонимаго свѣтомъ. Любовь и слава нашего оружія, тоска по несбывшимся надеждамъ и мечта о возрожденіи были предметами пѣснопѣній у обоихъ. Но Лермонтовъ самостоятеленъ могучею силою своего лиризма, которымъ запечатлѣлъ свою любимую идею: ничтожество свѣта, не дающаго развиться ничему пре-

красному—идею, не разъ высказанную и Пушкинымъ. Такимъ образомъ, разница между обоими поэтами та, что одинъ доказалъ пустоту и безжизненность общества, а другой, негодуя на эту пустоту, сталъ проповѣдывать совершенное отъ него отреченіе; одинъ говорилъ: «мы спимъ», а другой спрашивалъ: «когда-же проснемся? да и есть-ли надежда, чтобы мы проснулись?» Тутъ еще не много усвѣха.

Авторъ, между-прочимъ видитъ въ Онѣгинѣ сатиру на общество; но эта сатира не имѣла-бы никакого значенія, если-бы личный характеръ героя былъ совсѣмъ ничтожнымъ. Печоринъ, конечно, выступаетъ передъ нами и со своей апатіей несравненно блистательнѣе: въ немъ ярко представлены энергія страсти, могущество воли. Этому содѣйствуетъ исключительное положеніе, какое даетъ Лермонтовъ своему герою. Онѣгинъ, не смотря на поверхностное развитіе этого типа у Пушкина (въ чемъ нельзя не сознаться), все-таки для насъ гораздо яснѣе и доступнѣе: въ немъ видимъ лицо, которое вращается въ кругу всѣмъ намъ знакомой жизни. Но сколько нужно условій, чтобъ вообразить себѣ Печорина? Для этого нужно представить черкешенокъ, которыхъ не такъ легко встрѣтить въ нашемъ обществѣ, сантиментальныхъ княженъ, бивачную жизнь, кавказскіе нравы; нужно вполне проникнуться духомъ этихъ нравовъ, чтобъ не найти крайней степени безмыслія въ поступкѣ Вулича, думающаго для испытанія судьбы раскроить себѣ черепъ. Но яркая черта, которую умѣлъ провести Лермонтовъ между обаяніемъ простой, неиспорченной природы и болѣзненнымъ эгоизмомъ мнимообразованнаго общества, невольно блеснула всѣмъ въ очи, такъ-что мы съ большею вѣрою обратили взоры на другаго поэта, который, при своемъ неистощимомъ юморѣ, былъ лучшимъ карателемъ всѣхъ пороковъ нашего неправильнаго развитія: Гоголь является дѣятелемъ литературы въ одно время съ Лермонтовымъ, и, какъ онъ, идетъ по дорогѣ, на которой первый шагъ сдѣланъ былъ Пушкинымъ. Но здѣсь уже опредѣленно обозначился успѣхъ въ новомъ сознаніи *нашей* *плохости*, и послѣ того Печорины внезапно обратились въ Рудиныхъ. Черезъ это однако нисколько не пострадалъ современный герой: сатира во многомъ, если и не во всемъ, очистила его отъ лжи, и бѣдному загнанному Онѣгину, который вѣкогда, пребывая только въ апатіи, могъ быть благороднымъ, теперь уже позволяютъ немного дѣйствовать.

Въ Евгени Онѣгинѣ Пушкинъ также глубоко затронулъ вопросъ, котораго почти не коснулся Лермонтовъ: вопросъ о развитіи женщины въ нашемъ обществѣ. Кромѣ-того, Пушкинъ-же внесъ историческій элементъ въ нашу литературу. Драма: *Борисъ Годуновъ* при всѣхъ ея недостаткахъ, до-сихъ-поръ остается у насъ единственною историческою драмою. Наконецъ Пушкинъ, въ своей повѣсти: *Дубровскийъ* представилъ первый опытъ въ духѣ того соціального направленія, которое потомъ сдѣлалось господствующимъ въ нашей литературѣ. Всего этого не замѣчаетъ авторъ въ нашемъ портѣ. Въ драмѣ: *Борисъ Годуновъ* онъ видитъ ложное понятіе объ исторической эпохѣ, заимствованное у Карамзина, невѣрный взглядъ на Годунова и неестественность въ характерѣ Самозванца. Неуспѣхъ ея онъ объясняетъ тѣмъ, что Пушкинъ измѣнилъ убѣжденіямъ своей молодости. Что касается историческихъ невѣрностей драмы, то они всѣмъ извѣстны; но несправедливо было-бы сказать, что въ ней не видно основательнаго изученія лѣтописей. Характеры Годунова и Самозванца, созданные подъ вліяніемъ Шекспира, слишкомъ идеализованы, но и въ нихъ есть разительныя черты: вспомнимъ хоть заключительный монологъ Григорія въ кельѣ Пимена. Впрочемъ, насъ завлекло-бы далеко объясненіе разныхъ достоинствъ и недостатковъ драмы. Коснемся только мнѣнія г. Милюкова касательно ея неуспѣха, Онъ приписываетъ драму къ третьему періоду дѣятельности Пушкина, а въ это время, по его мнѣнію, Пушкинъ отрекся отъ всякаго участія въ общественныхъ вопросахъ. Но и во второмъ періодѣ, по словамъ-же г. Милюкова, Пушкинъ является рабскимъ подражателемъ Байрона: въ этомъ-ли состояли убѣжденія, отъ которыхъ онъ отказался? Правда, авторъ приводитъ нѣкоторыя стихотворенія (напр. Андрей Шенье, Лидинію, Демонъ), выразившія будто-бы сочувствіе Пушкина къ общественнымъ вопросамъ; но всѣ эти пьесы произошли изъ мгновеннаго, личнаго настроенія поэта, а настроеніе это мѣнялось съ каждымъ событіемъ.

Отъ Пушкина нельзя было требовать, чтобы онъ совмѣстилъ разомъ всѣ эпохи нашего развитія, и ему современную, и будущую, къ которой мы едва готовимся. Довольно того, что онъ коснулся многихъ идей, которыя очень смутно понимало современное ему общество, доказательствомъ чего служатъ, между прочимъ, равнодушіе, съ какимъ встрѣченъ былъ *Борисъ Годуновъ*. Но и

Онѣгина въ то время не оцѣнили по достоинству. Безсмысленныя критики, направленныя противъ этого произведенія, сильно раздражали поэта, а это свидѣтельствуешь, что онъ слишкомъ цѣнилъ общественный голосъ. Въ минуту горькаго раздраженія могъ онъ сказать:

«Подите прочь. Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?»

Но на эту пьесу никакъ нельзя смотрѣть, подобно г. Милюкову, какъ на выраженіе убѣжденій, безвозвратно принятыхъ поэтомъ. Скорѣе Лермонтова можно обвинить въ излишнемъ презрѣніи къ обществу, чѣмъ Пушкина. Удаляясь въ міръ своихъ прекрасныхъ созданій, онъ вновь и вновь возвращался къ свѣту съ выраженіемъ сочувствія къ тому, что занимало этотъ свѣтъ, легкомысленный, вѣчно волнующійся, чуждый твердыхъ убѣжденій. Недостатки этого свѣта, конечно, отразились и на Пушкинѣ, какъ они ежедневно отражаются на каждомъ изъ насъ, при всей нашей твердой волѣ стоять, не качаясь. Но общественные вопросы даже въ настоящее время такъ еще мало проникли въ наше сознаніе, что литературѣ долго придется въ этомъ отношеніи твердить азбуку. Довольно того, что Пушкинѣ глубоко страдалъ всѣми язвами нашего развитія, и, можно сказать, погибъ жертвою этихъ страданій. Всѣ его элегическія стихотворенія выражаютъ эту борьбу, а вовсе не плачь о какихъ-то потерянныхъ убѣжденіяхъ, которыхъ Пушкинѣ не могъ терять, потому что всю жизнь не зналъ, гдѣ найти ихъ: нѣкоторыя пьесы юныхъ лѣтъ, какъ мгновенныя вспышки, ничего не доказываютъ. Любопытно, что г. Милюковъ оставляетъ совсѣмъ безъ вниманія одну повѣсть нашего поэта: *Мѣдный садникъ*, а эта повѣсть могла-бы служить лучшимъ доказательствомъ сочувствія Пушкина къ Петровской идеѣ прогресса, которую такъ пламенно защищаетъ авторъ. Но и въ этомъ отношеніи поэтъ нашъ не былъ такъ одностороненъ. Евгений Онѣгинъ, модный, аристократическій не менѣе Печорина, чуднымъ образомъ преобразуется въ другаго Евгенія, бѣднаго, загнаннаго, безумнаго, котораго не разъ стегали кучерскія плети, подобно тому, какъ Акакія Акакіевича лобызали лошадиныя морды. Это лицо уже совершенно переносятъ насъ въ сѣру лицъ Гоголя.

Еще разбирая фонъ-Визина, авторъ находитъ, что въ *Бригадирѣ* осифяны только пороки, происшедшіе отъ «старанія кор-

чить европейское общество» (стр. 115). Замѣтимъ, что самъ бригадиръ, который считается со своимъ сыномъ чинами и помѣшая на военныхъ артикулахъ, и совѣтникъ, наживающій состояніе въ силу указовъ, составляютъ типы совѣтъ особаго разряда. Фонъ-Визинъ только ставитъ ихъ въ неестественное положеніе, внесши въ свою комедію любовную интригу, по образцу комедій французскихъ; но въ сущности эти лица не имѣютъ ничего общаго ни съ Иванушкой, ни съ Совѣтницей. Въ нихъ видно странное перерожденіе до-Петровскаго барства, обычаевъ дьяковъ и воеводъ въ новые виды, какъ нельзя лучше пустившіе у насъ корень на новой почвѣ европейскаго образованія. Если мы и находимъ что-нибудь сходное съ ними на западѣ, то нельзя не признать, что въ нихъ много особенностей, дающихъ имъ характеръ національности, по которому на Руси узнаетъ ихъ всякій. Два такихъ типа довольно живо выставлены у фонъ-Визина въ письмѣ надворнаго совѣтника Взяткина къ покойному его превосходительству. Вотъ окончаніе этого письма: «А я по конецъ жизни вѣчно и по гробъ мой до послѣдняго издыханія пребываю

Вашего превосходительства
милостиваго государя и отца,
всепокорнѣйшій слуга и рабъ,
Артемонъ Взяткинъ,
къ стопамъ повергаюсь».

Это низкопоклонство, дошедшее до поэзіи и до послѣдней степени утонченности въ новыхъ формахъ, вмѣстѣ съ другими пороками, находящимися съ нимъ въ близкой связи, нельзя назвать исключительно остаткомъ татарскаго рабства. Въ формахъ новой жизни оно ничуть не ослабло, а напротивъ окрѣпло и развилось, и Грибоѣдовъ имѣлъ на своей сторонѣ нѣсколько правды (чего вовсе не признаетъ г. Милюковъ), когда заставлялъ Чацкаго защищать бороды и прадѣдовскую одежду. Въ мѣстничествѣ мы видимъ хоть гордое упрямство, по которому бояринъ соглашался лучше подвергнуться опалѣ, чѣмъ измѣнить своей грубой идеѣ о превосходствѣ; въ лицахъ, подобныхъ Фамусову, совершенно не находимъ ничего похожаго на достоинство человѣческое.

Авторъ воображаетъ во всѣхъ лицахъ комедіи: *Горе отъ ума*, за исключеніемъ Чацкаго, тѣхъ-же Иванушекъ и совѣтницъ, пережившихъ только три десятилѣтія (стр. 182). Не понимаемъ, ка-

кое тутъ сходство. Вѣрнѣе было-бы сказать, что въ лицахъ Скалозуба и Фамусова скрываются бригадиръ и совѣтникъ, уже утратившіе прагматовскую простоту нравовъ: вмѣстѣ съ общественнымъ развитіемъ, и они развились изъ невиннаго своего зародыша до послѣдней полноты типа. Въ Софѣѣ-же, пожалуй можно видѣть совѣтницу, но также потерявшую свою наивную простоту и невинность. Авторъ далѣе считаетъ Чацкаго представителемъ молодаго поколѣнія въ драмѣ Грибоѣдова. Но Чацкій лице слишкомъ исключительное и необычайное; представителемъ-же своего поколѣнія *въ массѣ* Грибоѣдовъ чуть-ли не выставилъ Репетилова.

Намъ кажется, что въ эти недостатки нашего развитія слѣдовало-бы вникнуть, чтобы объяснить значеніе Гоголя. Вмѣсто того, чтобы сравнивать Гоголя съ Гомеромъ, Данте и проч., вмѣсто того, чтобы искать въ *Мертвыхъ душахъ* «высокой, современной и вмѣстѣ вѣчной мысли о приобрѣтеніи» (стр. 208), лучше-бы показать, какъ могъ появиться подобный приобрѣтатель въ нашемъ обществѣ, какимъ образомъ дѣятельный Печоринъ въ изнанкѣ вышелъ дѣятельный Чичиковъ. *Шинель* и *Записки сумасшедшаго* съ одной стороны, *Невскій проспектъ* и *Портретъ* съ другой, *Ревизоръ* съ третьей, *Мертвыя души* съ четвертой — сколько живыхъ портретовъ, сколько поднятыхъ вопросовъ, надъ которыми еще долго поработаетъ время! Люди, плачущіе объ отсутствіи прекрасныхъ идеаловъ въ нашей литературѣ, напрасно расточаютъ свои жалобы: прекрасные идеалы наводятъ еще больше тоски и отчаянія, чему доказательствомъ служитъ *Бѣдная Лиза* — не Карамзина, а Тургенева.

Въ Чичиковѣ, дѣйствительно, цѣлая Илиада, но потому что въ немъ гениально совмѣстились пороки общества: низкопоклонство, взяточничество, плутовство, самообожаніе, лицемеріе — и все это, прикрытое чуднымъ лоскомъ образованія, внѣшности самой привлекательной и приличной. Другіе характеры *Мертвыхъ душъ* прямо выступаютъ со своей рѣзкою угловатою личностью; Чичиковъ между всѣми ими связующее, примиряющее начало. Это душистая эссенція всего того, что можетъ въ нихъ колоть или не привлекать взора. Его мягкая рѣчь и нѣжная улыбка сіяютъ надо всѣмъ и, какъ будто, говорятъ вамъ: «Не пугайтесь, не сердитесь. На видъ эти люди кажутся очень злы и низки; но въ сущности они, право, добряки: я примирю васъ съ ними». Такое примиреніе

съ ложью и обманомъ самая ужасная, самая потрясающая сторона въ поэмі Гоголя. Не столько страсть къ приобрѣтенію (въ этомъ отношеніи героемъ служитъ развѣ одинъ Плюшкинъ) играетъ здѣсь главную роль, сколько общественный эгоизмъ, въ которомъ каждый живетъ для себя и про себя, нисколько не заботясь объ интересахъ другаго — эта страшная разрозненность общества, олицетворенная въ пріязни двухъ дамъ: пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятной дамы.

Такимъ образомъ Гоголь въ самомъ источникѣ показалъ причины, препятствовавшія нашему развитію. Но самое это сознаніе нашихъ общественныхъ недостатковъ должно привести насъ къ тому, чтобы основательнѣе изучить ихъ въ исторіи нашей образованности и открыть новыя силы, могущія стать съ ними въ противодѣйствіе. Изученіе нашей поэзіи очень важно въ этомъ отношеніи; но его не слѣдуетъ начинать съ напередъ заготовленной идеей. Историческій очеркъ г. Милюкова, написанный съ большимъ талантомъ, грѣшитъ именно тѣмъ, что въ немъ менѣе всего исторіи.

В. БОДОВОЗОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ
РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ
ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1860 ГОДА.

—
ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Въ Журналѣ министерства юстиціи явились слѣдующія статьи: *О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 г.*, Спасовича (№ 1); *Владѣніе, какъ условіе перехода права собственности по русскому праву*, Пестржецкаго (ibid. и № 3); *Объ апелляціи въ области уголовного суда*, С. И. Баршева (№ 2); *О вызовѣ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ до уложенія 1649 года*, И. Д. Бѣляева (ibid.); *О современномъ состояніи межеванія земель въ Россіи*, И. Б—ва (№ 3); *Объ имущественныхъ правахъ вообще*. (Изъ лекцій Д. И. Мейера), изд. А. Вицына (№ 4 и 5); *Бентамъ и его сочиненія*, А. Кнорима (№ 4—6); *О бродяжничествѣ въ Россіи* (№ 5); *По вопросу о копіяхъ съ документовъ, прилагаемыхъ при просьбахъ или объявленіяхъ*, П. Муллова (ibid.); *Объ опекуномъ управленіи въ Россіи*, Е. Кориженскаго (№ 6); *О порядкѣ свидѣтельствованія домашнихъ завѣщаній*, К. Поппе (ibid.); *Очеркъ англійскаго уголовного процесса* (по Миттермайеру), А. Кистяковскаго (ibid.). По судебной практикѣ: русской: *Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ коихъ разрѣшаемы были вопросы*: 1) о недѣйствительности безденежныхъ заемныхъ писемъ; 2) объ отвѣтственности по векселямъ поручителей неторговаго званія; 3) о силѣ заемныхъ обязательствъ, выданныхъ должникомъ во время несовершеннолѣтія и внослѣдствіи имъ созванныхъ по достиженіи совершеннолѣтія; 4) о дѣйствительности выполненной очистительной присяги, когда самый приговоръ, которымъ присяга эта назначена, будетъ при-

званъ неправильнымъ; 5) о подсудности страховыхъ отъ огня обществъ; 6) о суммѣ иска, допускающей переходъ въ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ изъ 1-й во 2-ю степень суда (*№* 1); 7) объ условіяхъ взятія завѣщаннаго имѣнія въ опеку по случаю спора о свойствахъ сего имѣнія; 8) о порядкѣ примѣненія сроковъ десяти-недѣльнаго и десятилѣтняго къ жалобамъ на завладѣніе; 9) о порядкѣ отвѣтственности векселедателей и бланконадписателей по простымъ векселямъ; 10) о недѣйствительности продажи имѣнія, совершенной послѣ открытія злоупотребленій или неправильныхъ дѣйствій владѣльца, могущихъ подвергнуть его денежному взысканію; 11) о случаяхъ вторичной явки крѣпостныхъ духовныхъ завѣщаній; 12) объ обязанности гражданскихъ палатъ свидѣтельствовать такіа духовныа завѣщанія, съ которыхъ не приложено при прошеніи копій; 13) о формальности духовнаго завѣщанія, засвидѣтельствованнаго двумя простыми свидѣтелями, но переписаннаго духовнымъ отцомъ завѣщателя (*№* 2); 14) о недѣйствительности духовныхъ завѣщаній, на коихъ вмѣсто подписи завѣщателя сдѣланъ крестъ или иной какой-либо знакъ; 15) о порядкѣ отвѣтственности членовъ конкурснаго управленія въ случаѣ растраты казеннаго имущества; 16) о правѣ дѣлать завѣщательныа распоряженія объ имуществѣ, не находящемся еще въ дѣйствительномъ владѣніи завѣщателя, но принадлежащемъ ему по долговымъ и инымъ актамъ; 17) о случаяхъ уничтоженія публичной продажи имущества; 18) объ обязанностяхъ судебныхъ мѣстъ въ случаѣ поступленія въ оныа извѣтовъ о подложности духовныхъ завѣщаній; 19) о восстановленіи тяжущимся права апелліаціи въ случаѣ допущенія судебными мѣстами отступленія отъ закона при вызовѣ къ слушанію рѣшенія; 20) о непризнанія болѣзни тяжущагося такимъ обстоятельствомъ, которое могло-бы служить основаніемъ къ восстановленію ему права апелліаціи; 21) о пространствѣ права черносошныхъ крестьянъ на состоящія въ ихъ владѣніи земли; 22) о дѣйствительности духовныхъ завѣщаній, подписанныхъ духовнымъ отцомъ завѣщателя въ качествѣ рукоприкладчика и свидѣтеля; 23) о наслѣдованіи женщинъ въ боковыхъ линіяхъ (*№* 3); 24) о срокахъ для предьявленія споровъ по купчимъ крѣпостямъ въ отношеніи пространства и объема поземельной собственности (*№* 4); 25) о срокахъ для предьявленія исковъ къ опекунамъ въ случаѣ несвоевременнаго предьявленія опекунской отчетности (*ibid.*); 26) о дѣйствительности не-

формальной росписки, не отвергаемой должникомъ (ibid.); 27) о порядкѣ предъявленія споровъ о законности рожденія дѣтей (ibid.); 28) объ отвѣтственности поручителей по векселямъ (ibid.); о дѣйствительности безсрочныхъ заемныхъ писемъ (ibid.); 29) о случаяхъ принятія свидѣтельскихъ показаній за доказательства по дѣламъ о недвижимыхъ имѣніяхъ (№ 5); 30) о подсудности по закладнымъ на движимыя имущества (ibid.); 31) о срокахъ для вчинанія исковъ (ibid.); 32) о порядкѣ разсмотрѣнія споровъ о существѣ духовныхъ завѣщаній (ibid.); 33) о случаяхъ дѣйствительности счетовъ и другихъ сдѣлокъ и договоровъ, совершенныхъ безъ посредства маклеровъ (ibid.); 34) о примѣненіи двухгодичнаго срока къ дѣламъ по спорамъ противъ духовныхъ завѣщаній (ibid.); 35) объ условіяхъ, коими сопровождается принятіе или непринятіе наследства (ibid.); 36) о значеніи росписки въ полученіи денегъ по купчей крѣпости или запродажной записи (№ 6); 37) о взаимныхъ отношеніяхъ совладѣльцевъ недвижимаго имущества въ случаяхъ необходимости въ перестройкахъ или поправкахъ сего имущества (ibid.); 38) о порядкѣ наследованія сестеръ единокровныхъ (ibid.); 39) о примѣненіи закона о давности къ случаямъ неуплаты въ теченіе десяти лѣтъ пожертвованныхъ въ пользу монастырей суммъ (ibid.); 40) о порядкѣ исчисленія сроковъ на подачу частныхъ жалобъ (ibid.).

По судебной практикѣ иностранной: *Окончаніе процесса по обвиненію Куртмльяка въ покушеніи на убійство полицейскаго чиновника Крево* (№ 1); *Процессъ Леоніи Шеро, М. З.* (ibid.); *Процессъ по обвиненію купца Шала въ убійствѣ Готлиба Эбермана* (№ 2); *Процессъ доктора Чернаго, извиненнаго въ противузаконномъ употребленіи медицинскихъ средствъ* (ibid.); *Процессъ по иску дѣвицы Z къ г-ну X. по заемному письму* (№ 4); *Дѣло объ ограбленіи супруговъ Гутиресъ* (ibid.); *Неправильное присужденіе двухъ подсудимыхъ Боффо и Луарна къ каторжной работѣ* (ibid.); *Англійскіе процессы: а) по обвиненію Сандерса въ покушеніи на убійство Фикна; — показаніе одного свидѣтеля; б) по обвиненію Анны Гринъ въ убійствѣ своего незаконнорожденнаго ребенка; — право присяжныхъ измѣнять направленіе обвинительнаго акта; в) по обвиненію Гарриеты Муръ въ убійствѣ своего незаконнорожденнаго ребенка; — замѣна наказаній, Д. С—ва* (№ 5); *Процессъ по обвиненію Фомы Дрора въ убійствѣ Дени А. К—ша* (ibid.); *Процессъ Евгенія Мона* (№ 6); *Процессъ по иску дѣвицы Портъ къ виконту Лери* (ibid.)

Сверхъ-того, въ отдѣлѣ Библиографіи этого журнала помѣщена рецензія Д. М. на «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», кн. 3 и прил. къ ней, изд. Калачова (№ 1 и 6).

— «О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 года». — «У христіанскихъ народовъ западной Европы право развивается на основаніи самыхъ субъективныхъ элементовъ: личность уважается сама по себѣ, независимо отъ государства, какъ воплощеніе правды, какъ органъ нравственнаго закона. Идея чести получаетъ глубокое субъективное значеніе, честь не кроется въ общественномъ положеніи лица, она не вытекаетъ изъ его гражданской обстановки, она содержится въ самомъ лицѣ, въ его безукоризненности нравственной, и обнаруживается въ добровольномъ, безпрекословномъ признаніи этой безукоризненности со стороны всѣхъ членовъ общества. Такъ какъ честь отъ государства не зависитъ, такъ какъ правительственная власть не въ состояніи укрѣпить ее за лицомъ, то лицо защищаетъ ее отъ всякаго отрицанія и упрека собственными своими силами и средствами и готово отстаивать ее ежеминутно, какъ самое драгоценное благо, съ пожертвованіемъ всего, что имѣетъ, даже своей собственной жизни. Таково основаніе поединка, явленія, неизвѣстнаго грекамъ и римлянамъ, чисто германскаго, проистекающаго изъ воинственнаго настроенія древне-германскихъ нравовъ и изъ инаго, новаго взгляда на положеніе лица въ государствѣ; явленіе, которое еще не исчезло въ нашемъ современномъ обществѣ, потому-что идея, которая въ немъ обнаруживается, еще не отжила и не перестала дѣйствовать. Естественно, что въ обществѣ средневѣковомъ, лишенномъ политическаго единства, раздробленномъ на кастообразно замкнутыя корпораціи, эти понятія о чести развивались и распространялись только внутри этихъ сословныхъ круговъ, въ которыхъ дѣйствовала и двигалась личность, что они имѣли прямое примѣненіе только къ отношеніямъ лицъ, принадлежавшихъ къ одному и тому-же сословію, что они созрѣвали раньше въ высшихъ слояхъ общества и потомъ медленно опускались въ низшіе званія и классы. Такъ напр. рыцарь отрицалъ всякое судебное вмѣшательство въ дѣлѣ чести и для защиты ея прибѣгалъ всегда къ мечу; въ то-же время для мѣщанъ муниципальные статуты опредѣляли подробно наказанія за многообразныя преступленія противу чести; наконецъ

простолюдинъ, крестьянинъ, правомъ на честь совсѣмъ почти не пользовался. Право на честь отиѣнялось, такимъ образомъ, сословнымъ началомъ; различалась честь обыкновенная, простая, и честь высшая, свойственная только привилегированнымъ высшимъ сословіямъ; одно и то-же дѣйствіе, которое рыцарь считалъ себѣ вполне дозволеннымъ въ отношеніи къ мѣщанину, могло имѣть значеніе кроваваго оскорбленія, когда его совершалъ мѣщанинъ въ отношеніи къ рыцарю. Эта постепенность въ чести по сословіямъ сохранялась до-тѣхъ-поръ, пока съ развитіемъ государственныхъ понятій, верховная власть не привела всѣхъ сословій къ одному уровню, къ равенству предъ закономъ. Западно-европейскія законоположенія объ обидахъ вытекаютъ изъ древне-германскихъ обычаевъ, значительно видоизмѣненныхъ вліяніемъ римскаго права. *Leges barbarorum* полагаютъ денежныя пени за личные обиды, побои, рядомъ съ композиціями за смертоубійство и увѣчье; но главное средство противъ обидъ заключалось въ самоуправствѣ, въ поединкѣ. Когда въ обществахъ началъ устанавливаться политическій порядокъ, то правительства всячески стали ограничивать самоуправство. Главнымъ ихъ орудіемъ было римское право, которое юристы-практики, судьи стали примѣнять къ личнымъ обидамъ. Но денежныя взысканія римскаго права за обиды не были достаточны для оскорбленной личности; обычай дополнилъ этотъ недостатокъ, подвергая обидчика, сверхъ денежнаго безчестія, обязанности отозвать свои слова, отречься отъ своихъ дѣйствій, испросить у обиженнаго прощенія (*Wiederruf, Abbite, palinodia, deprecatio, declaratio honoris*), т.-е. обидчикъ подчиняемъ былъ такому униженію, которымъ, какъ равномѣрнымъ съ виною возмездіемъ, могла-бы удовлетворяться оскорбленная личность и за тѣмъ отказаться отъ самоуправства. Въ новѣйшихъ кодексахъ замѣтно стремленіе преобразовать систему наказаній за личные обиды. Съ одной стороны денежное безчестіе теряетъ мало-помалу свое значеніе, становится второстепеннымъ элементомъ въ наказаніи; законодатель сознаетъ, что честь — благо неоцѣнимое на деньги. Съ другой стороны испрошеніе прощенія у обвиненнаго, отозваніе оскорбительныхъ словъ, замѣняется арестомъ, тюремнымъ заключеніемъ, или денежнымъ штрафомъ. Законодатель сознаетъ, что вся сила испрашиванія прощенія или отозванія произнесенныхъ словъ заключается въ искренности этихъ дѣйствій, которой они лишены, когда совершаются по принужденію

Въ противномъ случаѣ они не имѣютъ надлежащей цѣны и для обиженной стороны неудовлетворительны. Основы русскаго общественнаго быта очевидно восточныя, т.-е. личность не приходитъ еще къ самосознанію въ теченіи древне-русской исторіи. Весь смыслъ до-петровскаго періода заключается въ томъ, что быть общественнымъ бытъ первоначально основанъ на чисто родовыхъ, патриархальныхъ отношеніяхъ; потомъ эти родовыя отношенія измѣняются сами собою, путемъ историческаго развитія, и, прошедши чрезъ дѣлалый рядъ постепенныхъ преобразованій, замѣняются новымъ порядкомъ вещей, основаннымъ на идеѣ государственной, которой представителями являются самодержцы московскіе. Этому ходу исторіи соотвѣтствуетъ и развитіе понятій о чести. Такъ какъ личность не приходитъ къ самосознанію, то нѣтъ и слѣда чести личной, существуетъ только понятіе о чести *родовой*, и потомъ, съ усиленіемъ монархіи московской, о чести *чиновной*. Отдѣльное лицо въ отношеніи къ верховной власти не пользуется никакою самостоятельностью. Князь и бояринъ считаются и пишутся царскими холопами. Первѣйшій бояринъ, наравнѣ съ послѣднимъ простолюдиномъ, провинившись или подвергшись опалѣ, бываетъ казнимъ торговою казнью или батогами на площади, въ разрядѣ или на царской конюшнѣ, но каждое лицо стережетъ неусыпно и отстаиваетъ до послѣдней крайности противу всѣхъ и каждаго, кто ему равенъ или ниже чиномъ, свое мѣсто въ составѣ силъ государственныхъ и сопряженный съ этимъ мѣстомъ вышній почетъ. Свои притязанія на первенство и почетъ лицо основываетъ не на своемъ внутреннемъ достоинствѣ, не на принадлежности къ извѣстному сословію, но на своихъ кровныхъ связяхъ, на значеніи своей породы и на томъ чинѣ, въ который оно возведено по милости царской. Борьба стариннаго родоваго понятія о чести съ новѣйшимъ чиновнымъ понятіемъ о чести самымъ рѣзкимъ образомъ отражается въ мѣстничествѣ и въ его постепенномъ искорененіи. Юридическія понятія отживаютъ мало-по-малу и въ новыхъ формахъ остается долгое время старинная подкладка. Родовыя понятія о чести продолжаютъ жить и дѣйствовать, не смотря на свою несовмѣстность съ новыми условіями жизни общественной. Каждое лицо требовало, чтобы въ чиновной іерархіи дано было ему мѣсто, соотвѣтствующее мѣсту, которое занимали его предки по родословцу или разряду, а не по его способностямъ, и довѣрію къ нему цара. Мѣстничались воеводы по

областямъ, полкамъ и въ строю ратномъ, паредворцы въ церемоніяхъ, до-тѣхъ-поръ, пока самодержцами московскими не было введено начало, что на службѣ царской всѣмъ слѣдуетъ быть безъ мѣстъ, пока на соборѣ земскомъ 1682 г. не были преданы сожженію разрядныя книги. Съ-тѣхъ-поръ понятіе чиновное о чести сдѣлалось господствующимъ. Каждое лицо имѣло честь особенную, отличную отъ чести всѣхъ другихъ лицъ, смотря по своему разстоянію отъ источника всякой чести—царя. Нескончаемая лѣстница чиновосостояній начиналась съ патриарха. Выше другихъ располагались въ ней бояре, окольные, думные люди, дворяне и другія званія служилаго класса. Въ одномъ съ нимъ уровнѣ помѣщались различныя чины духовныя. Непосредственно за служилыми слѣдовали различныя разряды людей неслужилыхъ и тяглыхъ, гости, торговые люди и такъ дальше до черныхъ сотенъ и крестьянъ различныхъ наименованій. Нарушеніе слѣдующей кому-нибудь по чину чести называлось безчестьемъ. Такъ какъ честь была благомъ внѣшнимъ, жалуемымъ государствомъ и отъ него только зависѣвшимъ, то, для возстановленія ея обиженному не чѣмъ было прибѣгать къ самоуправству, къ поединку; онъ просто билъ челомъ о безчестіи, заводилъ искъ. Наказаніе за обиду состояло въ денежномъ взысканіи въ пользу обиженного, называемомъ тоже *безчестіемъ*: иногда, если обидчикъ былъ рѣшительно ниже обиженного по чину, денежное безчестіе замѣнялось тѣлеснымъ наказаніемъ, кнутомъ, батогами. Иногда оно сопровождалось выдачею обидчика головою обиженному, заключеніемъ въ тюрьму, или, въ случаѣ особенно тяжкихъ оскорбленій, и иными уголовными средствами. Уже по второму судебнику 1550 г., количество безчестія опредѣлялось для служилыхъ классовъ количествомъ годоваго жалованья. За обиду жены взыскивалось вдвое, за обиду дочерей незамужней вчетверо, а за обиду сына въ половину противу жалованья мужа или отца. Обида податныхъ классовъ оцѣнялась сообразно ихъ промысламъ. По городовому положенію Екатерины II 1785 г., содержащему только обращеніе началъ древняго права и примѣненіе ихъ къ податнымъ состояніямъ, — принять за основаніе при оцѣнкѣ обидъ годовой окладъ податей. Глава X соборнаго уложенія 1649 г. содержитъ подробную оцѣнку обидъ для лицъ всѣхъ состояній, которой масштаб измѣряется: 1) званіемъ обиженного и 2) званіемъ обидчика, т.е. официальнымъ между ними по чину разстояніемъ. При такой си-

стемѣ законодательства объ обидахъ, тщеславіе и корыстолюбіе порождало множество исконъ, ябеда и страсть къ сутяжничеству могли свободно разыгрываться, дѣламъ объ обидахъ не было конца. Страшная грубость и крайняя простоватость въ обращеніи даже высшихъ классовъ общества чередуются въ тогдашнихъ нравахъ съ чопорною щепетильностію и невѣроятною раздражительностію въ отношеніи правъ на честь, такъ-что правительство, при дворѣ котораго не разъ бояре расправлялись кулаками и пощечинами, законодательнымъ путемъ должно было обуздывать излишнюю обидчивость, предписывая, чтобы выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «злодѣй, трусь, мартыкушокъ, мартышка, шпынкъ турецкій, ребенокъ», или «онъ смотритъ звѣрообразно», или простыя описки въ титулѣ или прозвищѣ, не считались обидами. Со времени Петра Великаго, законодательство русское объ обидахъ развивалось подъ влияніемъ западно-европейскихъ понятій о чести. Съ одной стороны, верховная власть организуется по западному образцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ русской прививаются и укореняются извнѣ заимствованныя понятія о чести сословной, чести воинской, дворянской, о чести мундира. Съ другой стороны, въ обычаяхъ высшихъ, болѣе воспримчивыхъ къ нововведеніямъ слоевъ общества, войска, дворянства, а потомъ и другихъ сословій, проникаютъ выработанныя западно-европейскою цивилизаціею понятія о личности и о чести, основанной на внутреннемъ достоинствѣ человека, а не на его чинѣ и званіи, которыя уже не довольствуются денежнымъ вознагражденіемъ и требуютъ инаго удовлетворенія. Вмѣстѣ съ костюмомъ и модами, верхніе слои общества усваиваютъ самыя преувеличенныя рыцарскія представленія о чести, уже отжившія свой вѣкъ на западѣ. Поединокъ входитъ въ нравы. *Патентомъ о поединкахъ и начмнаніи ссоръ* въ воинскомъ уставѣ 1716 г. и *манифестомъ о поединкахъ* Екатерины II, 21 апрѣля 1787 г., законодательство старается противудѣйствовать наклонности къ самоуравству, объявляетъ, что обида «не можетъ умалить чести обиженнаго», грозитъ попрекающему обиженнаго тѣмъ, что онъ прибѣгнулъ къ судебному разбирательству наказаніемъ, равнымъ тому, какое полагается за обиду, и вводитъ, кромѣ денежнаго безчестія, иные способы удовлетворенія за причиненное оскорбленіе: арестъ, испрашиваніе у обиженнаго прощенія. Эти новыя уголовныя мѣры берутъ верхъ надъ гражданскимъ вознагражденіемъ за обиду—безчестіемъ, оттѣсняють его на задній

планъ, превращая его во второстепенный элементъ наказанія. Наконецъ, указъ 21 марта 1851 г. совершаетъ коренной переворотъ въ законоположеніяхъ объ обидяхъ и знаменуетъ окончательный разрывъ настоящаго съ сѣдою стариною московскаго періода. Этимъ указомъ значительно умалено количество безчестія и установленъ размѣръ его, однообразный для лицъ всѣхъ состояній и классовъ, независимый ни отъ оклада ихъ жалованья, ни отъ оклада податей».

— «Владѣніе, какъ условіе перехода права собственности по русскому праву».—Въ этой замѣчательной статьѣ авторъ разсматриваетъ два вопроса: а) можетъ-ли владѣлецъ вещи, право собственности на которую принадлежитъ другому, передать права, принадлежащія ему по владѣнію, третьему лицу и б) можетъ-ли лицо, которому должны принадлежать по закону (*ex justa causa*) вещи, находящіяся во владѣніи другаго, передать право собственности по ней третьему лицу. Что касается перваго вопроса, то нѣтъ повода думать — говорить авторъ, чтобы владѣлецъ — не собственникъ могъ передать другому право собственности на вещь, право, котораго онъ и самъ не имѣетъ. Но если онъ представитель юридическаго и давностнаго владѣнія, то, при перемѣнѣ лицъ владѣльцевъ, къ преемнику переходятъ права его предшественника по владѣнію. Въ этомъ случаѣ новому владѣльцу, для того, чтобы обратить свое владѣніе въ право собственности, нужно провладѣть вещью только то время, котораго не доставало его предшественнику до срока давности (*successio in usucapionem, accessio possessionis*). Нельзя при этомъ не замѣтить, что наше законодательство въ настоящемъ случаѣ представляется очень снисходительнымъ къ незаконному владѣльцу. Такъ, по римскому праву, для давности владѣнія требовались условія добросовѣстность и законное основаніе владѣнія: купля и продажа, дареніе и проч. (*bona fides et justus titulus*). И потому всякій переходъ къ владѣнію безъ *justus titulus* не могъ вести къ пріобрѣтенію права собственности по давности владѣнія. Полученіе-же имущества по покупкѣ, по дару, хотя-бы при совершеніи этихъ сдѣлокъ имъ не доставало какихъ-либо установленныхъ закономъ условій, дѣлало пріобрѣтателя владѣнія давностнымъ владѣльцемъ. Равнымъ образомъ и преемникъ правъ его, къ которому переходило владѣніе по наслѣдству или другому юридическому отношенію, считался владѣльцемъ въ томъ смыслѣ, что къ времени его владѣнія присчитывалось вла-

дѣніе предшественника. Но приобрѣтеніе вещи безъ означенныхъ условій разсматривалось какъ совершенно новое владѣніе, и только продолжаясь 30 или 40 лѣтъ, на основаніи позднѣйшихъ установленій Юстиніана, оно могло обратиться въ право собственности. По нашимъ-же законамъ, отъ давностнаго владѣнія требуется только, чтобы оно было на правѣ собственности, или въ видѣ собственности. Поэтому, всякое владѣніе, которое сему удовлетворяетъ какого-бы оно свойства ни было, т.-е. будетъ-ли оно самовольное, насильственное или подложное, считается давностнымъ владѣніемъ. Отсутствие *justus titulus* при переходѣ такого владѣнія къ другимъ лицамъ не препятствуетъ въ свою очередь присчитывать къ владѣнію послѣдняго приобрѣтателя время владѣнія его предшественниковъ, при предположеніи, что всѣ эти лица владѣли въ видѣ собственности. Право собственности на лицѣ, отрѣшенное отъ владѣнія, представляютъ намъ: законный наслѣдникъ, не принявшій еще имущество наслѣдователя, или не воспользовавшійся имъ, по причинѣ перехода къ наслѣдникамъ по завѣщанію; наслѣдники по завѣщанію, доказывающіе свое право противъ принявшихъ наслѣдство ближайшихъ родственниковъ завѣщателя; супруги, отыскивающіе свои указныя части изъ владѣнія наслѣдниковъ умершихъ ихъ сожителей или сожительницъ; собственники имѣній, находящихся по актамъ предшественниковъ или ихъ собственныхъ въ пожизненномъ владѣніи другихъ лицъ; лица, отыскивающія имущества, которыя перешли въ постороннее владѣніе по укрѣпленіямъ въ то время, когда они по малолѣтству или по причинѣ другихъ физическихъ недостатковъ, не были способны свободно распоряжаться своими правами; равно всѣ лица, которыхъ имущества, во время ихъ отсутствія и по другимъ причинамъ, перешли, безъ всякихъ актовъ укрѣпленія, въ постороннее, самовольное, насильственное и даже подложное владѣніе. Къ этимъ указаннымъ категоріямъ можно прибавить много другихъ случаевъ, имѣющихъ ту общую черту, что владѣніе вещью не принадлежитъ тому лицу, которое на нее имѣетъ право собственности. Спрашивается: могутъ-ли лица, которымъ принадлежитъ право собственности на вещь, не соединенное съ владѣніемъ, распоряжаться имъ въ пользу другихъ лицъ, или, говоря иначе слѣдуетъ-ли считать тѣхъ приобрѣтателей, которымъ-бы они уступили свои права по подобнымъ имуществамъ. Напримѣръ, если допустимъ такой случай, что лицо, предавшее свое право по имуществу, находяще-

муся въ постороннемъ владѣніи, или его наслѣдники въ послѣдствіи, когда ихъ право будетъ признано по судебному рѣшенію, или вотчинникъ имѣнія, находящагося въ пожизненномъ владѣніи другого лица, послѣ смерти пожизненнаго владѣльца, хотѣли-бы сами вступить во владѣніе имѣніемъ и отстранили-бы отъ оного пріобрѣтателя ихъ правъ, то слѣдуетъ-ли вводить послѣдняго во владѣніе по имѣющемуся у него документу, или-же ему остается тогда предъявить имъ къ собственникамъ имѣнія о вознагражденіи? Не представляетъ-ли въ этомъ послѣднемъ случаѣ документъ, находящійся въ рукахъ отца, съ одной стороны, обязательство лица, выдавшего его, передать своему контрагенту имѣніе, когда его вотчинныя права будутъ утверждены приговоромъ судебной власти, и съ другой стороны право противной стороны обратиться, въ случаѣ неисполненія условія, къ нарушителю или его наслѣдникамъ съ искомъ о вознагражденіи? И не слѣдуетъ-ли изъ этого, что имущество, не находящееся во владѣніи собственника, можетъ быть предметомъ договора, которымъ устанавливается право на дѣйствія, а не уступка вотчинныхъ правъ? Въ разрѣшеніи этого вопроса юридическая практика и наши немногіе авторитеты науки русскаго права представляютъ весьма мало единодушія. Сколько намъ извѣстно, большинство судебныхъ мѣстъ отказываютъ наслѣдникамъ по закону и по завѣщаніямъ, не принявшимъ еще наслѣдственнаго имущества, въ совершенія актовъ объ уступкѣ принадлежащихъ имъ правъ на наслѣдство. По дѣламъ тяжбынымъ, основаннымъ на подобныхъ документахъ, они постановляютъ рѣшенія въ пользу наслѣдниковъ по закону, а случай такой коллизіи, что владѣлецъ спорнаго имущества и признанный въ послѣдствіи по судебному рѣшенію собственникъ его одновременно передали свои права двумъ различнымъ лицамъ, разрѣшаютъ присужденіемъ имѣнія тому лицу, которому оно досталось отъ фактическаго владѣльца. Документамъ объ уступкѣ истцомъ права на имущество, о которомъ производится тяжба, они даютъ значеніе адвокатскихъ условій, и только въ этомъ смыслѣ принимаютъ ихъ къ совершенію. Даже намъ извѣстенъ случай отказа наслѣднику имѣнія, находившагося въ пожизненномъ владѣніи его матери, въ совершеніи, при жизни послѣдней, акта объ отчужденіи этого имѣнія, при чемъ отчуждателю было объяснено, что подобный актъ, по смыслу 521 ст. I ч. X т. св. зак., въ такомъ случаѣ могъ быть совершенъ, если-бъ просвѣтель самъ былъ вотчинникомъ имѣнія,

передавшимъ его въ пожизненное владѣніе. Но нѣтъ правила безъ исключенія, и въ настоящемъ случаѣ, всякій, кто слѣдилъ за судебною практикою, не затруднится приискать примѣры актовъ, которыми отчуждалось такъ называемое голое право собственности (*nudum jus domini*), и судебныхъ рѣшеній, къ которымъ присуждались, на основаніи подобныхъ актовъ, вотчинники права. Практика въ этомъ послѣднемъ случаѣ, сколько намъ извѣстно, допускаетъ изъясненіе закона по аналогіи. Такимъ образомъ говорятъ: если 521 ст. I ч. X т. св. зак. допускается совершеніе актовъ о передачѣ собственниками своихъ правъ по имуществамъ, находящимся въ пожизненномъ владѣніи другихъ лицъ, то нѣтъ никакого основанія воспрещать въ другихъ случаяхъ отчужденіе права собственности на вещь, не находящуюся въ дѣйствительномъ владѣніи отчуждателя. Въ подкрѣпленіе этого прибавляютъ, что если для владѣльца имущества, состоящаго въ спорѣ, все равно, будетъ-ли его противникомъ въ тяжбѣ одно лицо или другое, и если, при такой перемѣнѣ въ лицахъ—участникахъ въ тяжбѣ, не нарушаются ни чьи права, то воспрещеніе совершенія подобныхъ актовъ не можетъ имѣть никакой цѣли, или по-крайней-мѣрѣ, въ противномъ случаѣ, воля законодателя не упустила-бы положительно выразить себѣ въ этомъ отношеніи. Мейеръ полагаетъ, что во всѣхъ вообще договорахъ, не исключая купли и продажи, нѣтъ перехода права собственности, и предоставляетъ покупщику, не получившему по купчей купленной имъ вещи, только право требовать отъ продавца вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора. Подводя подъ этотъ взглядъ указанные случаи передачи собственности по имуществамъ, находящимся въ дѣйствительномъ владѣніи передавателя, мы не встрѣчаемъ никакой разницы между ними и всякими другими случаями сдѣлокъ объ отчужденіи имуществъ, принадлежащихъ намъ какъ собственникамъ и владѣльцамъ. Слѣд., по принятому Мейеромъ началу собственникъ вещей можетъ по договорамъ обязываться передачею ихъ, не дѣлая никакого различія въ томъ, осуществилось-ли уже его право на вещи, и состоятъ-ли онѣ въ его владѣніи, или-же только впослѣдствіи онѣ ихъ получилъ; но для перехода самого права собственности необходимо условіе, чтобы совершилась передача владѣнія. Этотъ взглядъ ученаго профессора еще яснѣе высказывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ ограниченіяхъ права собственности отно-

сительно составныхъ частей. По словамъ его, собственникъ не можетъ выдѣлить изъ права собственности всѣ составныя части; но для него возможно выдѣлить ту или другую составную часть и быть ограниченнымъ относительно остальной составной части. Выдѣлъ всѣхъ составныхъ частей права собственности неудобомыслимъ, но ограниченіе всѣхъ ихъ возможно и иногда представляется въ дѣйствительности. Слѣд. лицу, которому принадлежитъ такъ-называемое профессоромъ голое право собственности на вещь (*nudum jus domini*), отдѣленное отъ владѣнія и пользованія, нельзя отказать въ распоряженіи его правомъ, и произведенное имъ отчужденіе отъ своего права собственности должно быть дѣйствительнымъ предъ закономъ въ томъ смыслѣ, что пріобрѣтатель такого права сдѣлается собственникомъ вещи, когда его право осуществится возвращеніемъ послѣдней изъ незаконнаго владѣнія».

Въ общихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ по части правовѣдѣнія въ обозрѣваемый періодъ явились слѣдующія статьи: *Уголовные преступники*, Грицько (Совр. № 1); *Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наследованія и сравненіе теперешняго русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ*. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С. Петербургскаго университета 8 февраля 1860 г., К. Д. Кавелина (*ibid.* № 2); *Замѣчанія по поводу одного слѣдствія*, Н. А. (*ibid.*); *По поводу англійской юстиціи мира*, Б. И. Утина (*ibid.* № 4); *Изъ человѣческой правды и нравственности*, Ю. П. Жуковскаго (*ibid.* № 5); *Практическія замѣтки дѣловаго челоѣка*. Ст. I. Дилетантизмъ въ судопроизводствѣ. И. В. Селиванова (Библ. для чт. № 1); *Замѣчательный процессъ въ Парижскихъ уголовныхъ судѣхъ* (*ibid.*); *Городская полиція*, Ал. Угорскаго (*ibid.* № 3); *Слово и дѣло*. Практическія замѣтки дѣловаго челоѣка, И. Селиванова (*ibid.* № 4); *Вступительная лекція по каведру исторіи положительныхъ законодательствъ*, Б. И. Утина (Отеч. зап. № 1); *Одна изъ административныхъ кастъ*, Н. В. Шелгунова. Ст. I и II (Русское слово № 1 и 2); *Объ изслѣдованіи преступленій въ устномъ и гласномъ процессѣ*, Л. И. Палюмбецкаго (*ibid.* № 2 и 5); *О нашихъ ходатаяхъ по дѣламъ на основаніи матеріаловъ, сообщенныхъ г. Филипповымъ въ № 11 Современника*, подъ заглавіемъ: *Гну Лохвицкому и проч.*, А. В. Лохвицкаго (*ibid.*); *Вступительная лекція по международному праву*, читанная въ

Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, Д. И. Каченовскаго (ibid. № 4); *Иностранная судебная летопись* (ibid.); *О паспортахъ*, Н. В. Щербаня (Русск. вѣстн. № 1 и 2); *Замѣтка по поводу одного мнѣнія журнала министерства юстиціи* (ibid. № 4); *Очеркъ историческаго образованія суда присяжныхъ*, Б. И. Утина (ibid. № 5 и 6); *Сэръ-Корнвалъ Льюизъ объ аппелляціи въ уголовныхъ дѣлахъ* (ibid. № 6); *Свѣдѣнія о реформѣ русской полиціи* (ibid.); *Переходъ изъ городскихъ сословій въ сельскія* (ibid.); *Процессъ епископа Орлеанскаго Дюпанлу* (Наше время № 10); *Еще нѣсколько словъ о дворянской опеке* (Русск. міръ № 6); *О наложеніи запрещеній въ обезпеченіе исковъ*, Ес—вичя (С. Пб. вѣд. № 10); *Замѣтки на предвѣдущую статью*, Р—аго (ibid. № 40); *Нѣкоторыя свѣдѣнія о временной въ С. Петербургѣ комиссіи для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими и мастерами*, И. Арсеньева (Сѣв. пч. № 71); *Процессъ чернаго доктора* (Моск. вѣд. № 6 и 13); *Независимость суда* (ibid. № 9); *Очеркъ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго суда присяжныхъ*, И. И. Лукьянова (ibid. № 27, 40 и 49); *Обзоръ главнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ въ Россіи, въ 1859 году* (Одесск. вѣстн. № 1); *Нѣсколько словъ о дуэли*, К. В. (ibid. № 27); *Нѣсколько словъ въ защиту лицъ, назначаемыхъ въ опекуны*, И. Зайдлера (ibid. № 29); *О паспортахъ*, М. Штаермана (ibid. № 35).

— «Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ». — Эта статья какъ и всѣ другія, К. Д. Кавелана, отличается глубокимъ изученіемъ своего предмета, свѣтлою логикою, простотою и ясностію языка: предметъ ея особенно важенъ по практическому его значенію и касается интересовъ всѣхъ и cadaго, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ, сколько намъ помнится, ничего не было писано въ современной литературѣ. Авторъ излагаетъ сначала историческія свѣдѣнія о томъ, какъ образовался у насъ порядокъ наслѣдованія по закону, потомъ приводитъ постановленія объ этомъ порядкѣ важнѣйшихъ изъ европейскихъ государствъ и наконецъ сравниваетъ эти постановленія съ существующими въ нашемъ законодательствѣ. Изъ этого сравненія авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Порядокъ законнаго наслѣдованія по русскому законодательству основанъ на родовомъ началѣ и потому различіе имуществъ родовыхъ и благо-

приобрѣтенныхъ играетъ въ немъ весьма важную роль. Родовымъ имѣніемъ нельзя распорядиться по завѣщанію; въ одномъ только случаѣ это дозволено, именно, когда у завѣщателя нѣтъ нисходящихъ, но и то распоряженіе должно быть сдѣлано въ пользу члена рода. Отсюда вытекаетъ, что послѣ бездѣтнаго материнское имѣніе идетъ въ родъ матери, отцовское — въ родъ отца. Благоприобрѣтенное, по правилу, переходитъ въ родъ отца и въ этомъ оказывается преимущество мужскаго пола передъ женскимъ въ наслѣдованіи. Но родовое начало не выдержано строго въ нашемъ законодательствѣ. Своднымъ братьямъ и сестрамъ предоставлено равное право наслѣдованія въ благоприобрѣтенномъ имуществѣ лица, умершаго бездѣтнымъ и не оставившаго послѣ себя ни родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства; кромѣ-того призываются къ наслѣдованію родственники по женской линіи, которые очевидно принадлежатъ къ другому роду, если считать даже мать, вышедшую за-мужъ въ другой родъ, членомъ того рода, къ которому она принадлежитъ по рожденію. Такимъ образомъ, историческое начало рода, лежащее въ основаніи нашего порядка законнаго наслѣдованія, уступило отчасти новымъ понятіямъ о семейныхъ и родственныхъ связяхъ, но чрезъ это произошло смѣшеніе началъ и непоследовательность, которой не находимъ въ другихъ европейскихъ законодательствахъ. Последнія не знаютъ различія между родовыми и благоприобрѣтенными имуществами, не принимаютъ родъ за основаніе порядка законнаго наслѣдованія. Бракъ соединяетъ два рода на совершенно равныхъ правахъ. Плодъ брака — дѣти равно близки роднымъ отца и роднымъ матери. И такъ, средоточіемъ, исходнымъ пунктомъ для опредѣленія порядка законнаго наслѣдованія является не отвлеченное понятіе рода, съ преобладаніемъ мужскаго пола передъ женскимъ, а семья, въ которой мужъ и жена, или отецъ и мать, относительно наслѣдованія, юридически, совершенно равны. Вслѣдствіе этого, законное наслѣдованіе по римскому, французскому и прусскому правамъ, не смотря на ихъ различіе въ подробностяхъ, представляетъ систематическое, стройное цѣлое, построенное по одному началу, которое последовательно проведено во всѣхъ его частныхъ приложенияхъ. Когда семья есть точка отправленія для опредѣленія порядка законнаго наслѣдованія, то отсюда прямо вытекаетъ, что дѣти и нисходящее потомство должны имѣть преимущество предъ всѣми прочими; за недостаткомъ ихъ наслѣдство обращается къ

ближайшимъ членамъ семьи — родителямъ, братьямъ и сестрамъ съ ихъ потомствомъ, къ восходящимъ, а потомъ уже къ прочимъ боковымъ родственникамъ. Напротивъ, если принять родовое начало за основаніе законнаго наслѣдованія, то изъ него не всегда можно послѣдовательно вывести преимущество нисходящихъ передъ восходящими и боковыми родственниками, ни право наслѣдованія единоутробныхъ и родственникововъ по женской линіи.

2) Въ связи съ предыдущимъ находятся два другихъ важныхъ различія нашего порядка законнаго наслѣдованія отъ европейскихъ. Послѣдніе, проводя послѣдовательно свое начало наслѣдованія, совершенно уравниваютъ наслѣдственныя части мужчинъ и женщинъ, въ нисходящихъ, восходящихъ и боковыхъ линіяхъ. Наше законодательство сперва вовсе не допускало къ наслѣдованію женщинъ при мужчинахъ, когда тѣ и другія принадлежать къ одной линіи и состоятъ въ одинаковой степени родства съ умершимъ; теперь же оно отчасти призываетъ къ наслѣдованію нисходящихъ женскаго пола, но въ боковыхъ линіяхъ удержало прежнее начало. Далѣе: иностранныя законодательства призываютъ къ наслѣдованію отца, мать и другихъ восходящихъ родственникововъ, давая имъ первенство то передъ родными братьями и сестрами, то передъ сводными и во всякомъ случаѣ передъ прочими боковыми родственниками. Наше законодательство даетъ родителямъ бездѣтно умершаго только право пожизненнаго пользованія въ имуществѣхъ благопріобрѣтенныхъ и, подъ извѣстными условіями, право наслѣдственнаго возвращенія (*retour successoral*), но не наслѣдованія въ настоящемъ смыслѣ слова. Всѣ прочіе затѣмъ восходящіе совершенно устранены отъ наслѣдованія, что, можетъ быть, тоже не совсѣмъ согласно съ родовымъ порядкомъ законнаго наслѣдованія.

3) Законодательства римское, французское и прусское допускаютъ наслѣдованіе незаконнорожденныхъ дѣтей и ихъ законнаго потомства, первое только послѣ смерти матери и ея родственникововъ, послѣдніе не только послѣ матери, но даже и послѣ отца. Наше законодательство безусловно отвергаетъ право наслѣдованія незаконнорожденныхъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему у насъ съ одной стороны такъ облегчено призваніе дѣтей законными, а съ другой такъ затруднено опроверженіе ихъ законности.

4) Наслѣдованіе по праву представленія превосходно обработано во французскомъ правѣ и строго отличено отъ наслѣдованія на основаніи собственнаго

права. Въ нашемъ законодательствѣ право представленія существуетъ, но не развито юридически и не различено точнымъ образомъ отъ наслѣдованія по собственному праву, какъ ни важно это различіе при опредѣленіи наслѣдственныхъ частей. 5) Въ иностранныхъ законодательствахъ, между усыновителемъ и усыновленнымъ существуетъ право законнаго наслѣдованія, въ римскомъ конечно въ большей мѣрѣ, чѣмъ во французскомъ и прусскомъ, потому-что въ послѣднихъ юридическое родство признается въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ римскомъ. Въ сводѣ законовъ усыновленные наслѣдуютъ послѣ усыновителей во всѣхъ званіяхъ, кромѣ дворянскаго сословія, но нѣтъ рѣчи ни о наслѣдованіи усыновителя послѣ усыновленнаго, умершаго безъ потомства, ни даже о возвращеніи по наслѣдственному праву (retour successoral) имущества, подареннаго усыновителемъ усыновленному, когда послѣдній не оставитъ по себѣ потомства. 6) Рѣшительное преимущество нашего законодательства передъ иностранными состоитъ въ правѣ наслѣдованія супруговъ другъ послѣ друга. У насъ оставшійся въ живыхъ супругъ не только наслѣдуетъ на ряду съ нисходящими, но даже имѣетъ передъ ними разныя преимущества по наслѣдованію, а именно: часть его ни въ какомъ случаѣ не измѣняется и выдѣляется изъ наслѣдства непременно въ полномъ количествѣ, и уже остающееся за тѣмъ идетъ въ раздѣлъ между прочими наслѣдниками. Мало того: пережившій супругъ получаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, слѣдующую ему часть наслѣдства изъ имѣнія тестя или свекра, еще при жизни ихъ. Такими преимуществами по наслѣдованію не пользуются супруги ни въ какомъ другомъ законодательствѣ. Римское право призываетъ къ наслѣдованію жену только въ опредѣленныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ; французское—когда нѣтъ другихъ родственниковъ; ближе къ нашему законодательству стоитъ въ этомъ отношеніи прусское, но и оно далеко не такъ благопріятно для взаимнаго наслѣдованія супруговъ, какъ наше. Нельзя однако не замѣтить, что особенности наслѣдованія супруговъ по своду законовъ не столько опредѣляются общими началами нашего порядка законнаго наслѣдованія, сколько невыгоднымъ юридическимъ положеніемъ женщины, оставшейся вдовою, особливо въ старину. Права наслѣдованія вдовы послѣ мужа, собственно говоря, исправляли, до нѣкоторой степени, несправедливость общихъ правилъ о наслѣдованіи лицъ женскаго пола. Впо-

слѣдствіи-же преимущества и привилегіи по наслѣдованію вдовы послѣ мужа распространены и на вдовца послѣ жены. 7) Права Французское и прусское принимаютъ двоякія основанія для устраненія законнаго наслѣдника отъ наслѣдованія: *безусловныя*, лишаящія его вообще права наслѣдовать послѣ кого-бы-то ни было, и *относительныя*, въ силу которыхъ наслѣдникъ устраняется отъ законнаго наслѣдованія послѣ извѣстнаго только лица, вслѣдствіе того, что нарушилъ въ отношеніи къ нему родственныя, нравственныя и человѣческія обязанности. Наше законодательство признаетъ только безусловныя причины устраненія отъ наслѣдства; послѣднія, относительныя, ему неизвѣстны. 8) Наконецъ, Французское законодательство ограничиваетъ законное наслѣдованіе по родству извѣстною (двѣнадцатою) степенью и устраняетъ отъ наслѣдства за неродственные поступки; прусское даетъ преимущество въ наслѣдованіи постороннимъ даже юридическимъ (заведеніямъ) лицамъ передъ родными, когда посторонніе чужіе, поступали съ оставившимъ наслѣдство, при жизни его, какъ родные. Отсюда видно, что и Французское и прусское законодательство, не ограничиваясь родословными росписями, признаютъ родство за основаніе законнаго наслѣдованія въ той лишь мѣрѣ, какъ оно совпадаетъ съ дѣйствительно близкими, родственными отношеніями, а не существуетъ только юридически, по одному имени. Въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ слѣдовъ никакихъ подобныхъ ограниченій въ наслѣдованіи родственниковъ. Такимъ образомъ и историческое и сравнительное изученіе нашего порядка законнаго наслѣдованія указываютъ на то, что ему предстоитъ еще дальнѣйшее развитіе. По какимъ началамъ и въ какомъ объемѣ оно совершится,—это будетъ зависѣть отъ хода развитія всей нашей общественной и частной жизни и отъ направленія, какое приметъ наше законодательство».

— «Вступительная лекція по кафедрѣ исторіи положительныхъ законодательствъ». — Авторъ опредѣляетъ предметъ своихъ лекцій слѣдующимъ образомъ: «Въ числѣ задачъ, которыя Неволинъ ставитъ философіи законодательства (въ энциклопедіи права), онъ требуетъ «описать порядокъ постепеннаго образованія законодательства и измѣненія ихъ какъ съ худшаго на лучшее, такъ и съ лучшаго на худшее». Неволинъ заключаетъ весь первый томъ своей энциклопедіи требованіемъ, чтобъ философія вступила въ тѣсный союзъ съ исторіей. Согласно съ этимъ, онъ посвящаетъ

всю вторую часть своего труда исторіи положительных законодательствъ. И дѣйствительно, только опираясь на конкретно-историческое развитіе права, сама практическая философія можетъ привести къ какимъ нибудь результатамъ. Она можетъ дать только то, что соотвѣтствуетъ идеѣ права, по сознанию того времени, которому сама принадлежитъ. Поэтому весь интересъ въ исторіи философіи права сосредоточивается на постепенномъ проявленіи этого сознанія, такъ какъ оно являлось у самыхъ передовыхъ мыслителей каждой эпохи. Конечно, сознаніе этихъ передовыхъ людей, выражая собою лучшія стремленія эпохи, не оставалось безъ вліянія на жизнь, безъ вліянія на улучшеніе положительнаго законодательства и на отмѣну того, что представлялось въ немъ устарѣлымъ, несоотвѣтствующимъ потребностямъ времени. Но вообще, измѣненіе положительныхъ законодательствъ, по содержанію ихъ и по духу, происходило не столько вслѣдствіе вліянія какой-либо одновременной философской системы права, сколько въ силу общенсторическихъ причинъ измѣненія народной жизни, которая какъ всякая жизнь, постоянно вырастаетъ изъ прежнихъ формъ и требуетъ новыхъ. Поэтому узнать дѣйствительныя причины измѣненія и развитія права, и по возможности извлечь общія начала законодательной науки, мы можемъ не изъ исторіи философіи права, но только изъ сравнительнаго изученія самыхъ положительныхъ законодательствъ. Нашъ курсъ исторіи положительныхъ законодательствъ будетъ заключать въ себѣ двѣ части. Въ общей части мы постараемся показать историческія формы государства у древнихъ и у новыхъ народовъ; далѣе насъ займетъ вопросъ: какое вліяніе имѣли эти формы на развитіе общественныхъ классовъ и на образованіе самого права, т.-е. мы должны будемъ показать постепенное образованіе сословныхъ отношеній. Подъ образованіемъ-же права мы понимаемъ тѣ способы законодательства, которые проявлялись въ исторіи. Въ связи съ этимъ мы должны будемъ обратить вниманіе на самую исторію источниковъ права, и это предметъ такой обширный, что мы ограничимся въ этомъ отношеніи новыми народами и остановимся преимущественно на такихъ понятіяхъ, какъ *droit coutumier* и *droit écrit* во Франціи, и *common* и *statute law* въ Англіи. Во второй, особенной части, мы рассмотримъ основныя понятія гражданскаго права, т.-е. главные историческіе моменты въ развитіи брака, имущественныхъ отношеній и наследства; далѣе историческое развитіе основныхъ

понятіи общей части уголовного права; наконецъ, рассмотримъ когда и какъ образовался современный гражданскій и уголовный процессъ, и какіе судебные органы соотвѣтствовали различнымъ формамъ этого процесса. Вотъ въ общихъ чертахъ тотъ планъ, которому мы будемъ слѣдовать. Планъ этотъ чрезвычайно обширенъ и исполненіе его потребуетъ отъ насъ многихъ трудовъ, но исполненіе его не невозможно. Мы не должны, конечно, забывать, что исторія положительныхъ законодательствъ есть лишь особый, самостоятельный отдѣлъ энциклопедіи права, и что мы должны имѣть въ виду прежде всего представить въ связи самый историческій ходъ развитія основныхъ понятій права. Изъ всѣхъ отдѣловъ, которые войдутъ въ составъ нашего курса, болѣе другихъ обработаны, по сравнительному методу, отдѣлы государственнаго права. Здѣсь сравненіе существующаго у одного народа съ тѣмъ, что существовало и существуетъ у другихъ, представляется само собою. Отъ этого многіе, говоря о сравнительномъ законодательствѣ, смѣшиваютъ его съ изложеніемъ государственнаго права по сравнительному методу, т.-е. принимаютъ часть за цѣлое. Столько же обработано уголовное право и въ особенности уголовный процессъ; менѣе уже процессъ гражданскій. Менѣе другихъ обработаны по сравнительному методу основныя понятія гражданскаго права, хотя семейственныя и имущественныя составляютъ ядро внутренней исторіи народа. Мы можемъ въ этомъ отношеніи указать только, какъ на болѣе замѣчательныя явленія, на сочиненіе Унгера о бракѣ, на изслѣдованіе Кленце—о значеніи родства въ римскомъ и другихъ правахъ, на изслѣдованія Лабуре—о состояніи и правахъ женщины, а также на его исторію собственности и на знаменитое сочиненіе о наследственномъ правѣ Ганса, этого лучшаго представителя сравнительной исторіи законодательствъ. Во всякомъ случаѣ, эта исторія, со временъ безсмертнаго сочиненія Монтескье, сравнительному методу котораго не могъ не отдать справедливости даже Гегель, не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ другія отрасли науки права, но и она не такъ бѣдна, какъ многіе думаютъ. Какъ исторія культуры, на сколько она проявилась въ правѣ, эта исторія имѣетъ свою опредѣленную задачу и свой опредѣленный объемъ. За тѣмъ профессоръ во вступительной лекціи излагаетъ рѣшеніе вопроса, который представляется кореннымъ въ исторіи права всякаго народа, вопроса—*о значеніи землевладѣнія въ развитіи общества и государства*».

ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ явились слѣдующія статьи: *О земельной собственности въ древней Сербіи*, А. А. Майкова (кн. 1); *Царской златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя императорами Василіемъ и Константиномъ первоупмчанному великому князю Владиміру кіевскому*, А. О. Вельмана (ibid.); *Нѣсколько словъ объ успенскомъ дубенскомъ монастырѣ, съ двумя литографированными видами его*, гр. М. В. Толстаго (ibid.); *Россія и Польша, связь ихъ и взаимныя отношенія*, С. П. Шипова (ibid.); Разныя сочиненія князя М. М. Щербатова, именно: *Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго. Примѣрное время и числительное положеніе, во сколько-бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствеахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы, илм: Состояніе Россіи до Петра Великаго. Размысленіе о смертномъ часѣ. Разныя разсужденія о правленіи. Прошеніе Москвы о забвеніи ея. Размысленіе о смертной казни. Отвѣтъ на вопросъ: Что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію шведской войны, и о прочемъ, тому подобномъ? Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастіе. Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года, при началѣ турецкой войны. Размысленіе о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры (ibid.); Историческое замѣчаніе о смертной казни самозванца Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексѣя Петровича, С. Лашкевича (ibid.); Военное предпріятіе противу Хивы въ 1839—1840 г. (ibid.); Журналъ дружескаго свиданія иркутскаго гражданскаго губернатора, Д. С. С. Трескина съ Китайскими пограничными правителями, Ваномъ и Албаномъ, съ 19 февраля по 13 марта 1810 г., сообщ. А. Н. Аванасьевымъ (ibid.); Житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Теодосія, иже въ Терновѣ постниествовавшаго, ученика суца блаженнаго Григорія Синаита, списано святѣйшимъ патріархомъ Константина града, Киръ Каллистомъ, съ предисловіемъ О. М.*

Бодянского, сообщ. X. С. Даскаловымъ (ibid.); *Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ*, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ нѣмецкаго А. Шемьякина. Ч. II. отд. 1—2: Государственное устройство, именно: Древнѣйшее состояніе Скандинавіи, и основанія государственнаго устройства. Ч. II, кн. 2. II. Нравы. Отдѣленія: 1) Воинскія упражненія. 2) Изящныя искусства и науки. 3) Прочія знанія. 4) Руны. 5) Религіозныя вѣрованія на сѣверѣ. 6) Взаимное обхожденіе (ibid. и кн. 2); *Мнѣніе адмирала Мордвинова, о причинахъ нынѣшняго разстройства финансовъ нашихъ и о мѣрахъ, могущихъ способствовать къ отсѣченію силъ причинъ и къ постепенному улучшенію народнаго благосостоянія и государственныхъ доходовъ* (кн. 1); *Отвѣтъ государю отъ перваго члена комиссіи о составленіи законовъ, графа Завадовскаго, на запросъ о медленности комиссіи* (ibid.); *Мнѣнія въ государственномъ совѣтѣ: I. Объ отпускѣ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями. II. По дѣлу о заключенномъ вологодскою помѣщицею, Анжиковою, условіи съ крестьянами ея на увольненіе ихъ въ свободныя хлѣбопашцы; Графа Сергія Румянцева, министра коммерціи графа Николая Румянцева и министра юстиціи князя Лопухина. III. О дворянскихъ добровольныхъ складахъ, министра коммерціи графа Н. Румянцева. IV. О земскихъ повинностяхъ, графа С. Румянцева. V. О пособіяхъ къ поправленію разстроеннаго состоянія дѣлъ князя Доминика Радзивилла, министра коммерціи графа Н. Румянцева и графа С. Румянцева. VI. По дѣлу Перетца о соли, министра коммерціи графа Н. Румянцева. VII. О преобразованіи сената, министра юстиціи Троицкаго* (ibid.); *Списки замѣчательныхъ лицъ Русскихъ*, составл. П. Θ. Карабановымъ и дополненные княземъ П. В. Долгоруковымъ (ibid.); *Протоколы засѣданій Общества исторіи и древностей российскихъ 10 октября и 21 ноября 1859 года* (ibid. и кн. 2); *Мамъ и Мидійскіе Каганы XIII столѣтія*, А. Θ. Вельтмана (кн. 2); *Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I-й*, П. К. Щебальскаго (ibid.); *Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. С. И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. Часть I* (ibid.); *Обозрѣніе рукописей собственной библіотеки преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, составленное архимандритомъ Варлаамомъ* (ibid.); *Исторія о Черной горѣ*, соч. митрополитомъ Черногорскимъ, Василіемъ Петровичемъ и напечатанная въ первый разъ въ небольшомъ числѣ въ 1754 г. въ Москвѣ. Изданіе 2-е, съ предисловіемъ О. М.

Бодянского, сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ (ibid.); *Житіе царя Лазаря, по списку XVIII вѣка въ библиотекѣ общества сербской словесности въ Бѣлградѣ*, съ предисловіемъ проф. Харьковскаго университета П. А. Лавровскаго (ibid.); *Опись московской мѣщанской слободы обывательскимъ дворянъ и помѣнной списокъ, кто члѣмъ промышляетъ 1677 года*. Изъ бумагъ покойнаго М. П. Заблоцкаго (ibid.); *Доношеніе дьячка Василія Федорова на отставнаго капрала и Волоколамскаго помѣщика, Василія Кобылина въ бранн царскаго величества, государя Петра I-го* (ibid.); *Подметное письмо государю императору Петру первому* (ibid.); *Подлинныя бумаги, до бунта Пугачева относящіяся*, сообщ. М. П. Полуденскимъ, архимандритомъ Макаріемъ и І. Желѣзновымъ (ibid.); *Исторія Императорскихъ воспитательныхъ домовъ, особенно московскаго* (ibid.); *Подробное донесеніе ея императорскому величеству, государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, о состояніи московскаго воспитательнаго дома въ бытность непріятеля въ Москву 1812 г.*, сообщ. М. П. Полуденскимъ (ibid.); *Замѣтка, А. Н. Аванасьева* (ibid.); *Возраженіе неизвѣстнаго на книгу, сочиненную графомъ Стройновскимъ, о условіяхъ съ крестьянами* (ibid.); *Замѣчаніе графа Ф. В. Раstopчина на книгу графа Стройновскаго* (ibid.); *Мнѣніе одного Украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями, о дѣль 23 мая 1846 года, и объ эстляндскихъ постановленіяхъ*, соч. В. Н. Каразина (ibid.); *Мнѣніе адмирала Мордвинова о продолжаемой въ портахъ нашихъ конфискаціи* (ibid.); *Мнѣніе д. т. с. графа С. П. Румянцова, по рекрутскому учрежденію* (ibid.); *Мнѣніе министра коммерціи, графа Н. П. Румянцова, по рапорту московскаго военнаго губернатора о земляхъ, бывшихъ въдомства дворцоваго* (ibid.); *Освѣдомленіе, почему графъ Бестужевъ-Рюминъ ѣздитъ каждый день изъ двора и сватается, а ко двору ея величества не ѣздитъ* (ibid.); *Письмо императрицы Екатерины II къ А. П. Сумарокову* (ibid.).

— «Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя греческими императорами Василіемъ и Константиномъ первовѣчанному в. к. Владиміру Кіевскому». — При составленіи описанія Оружейной палаты, въ 1842 и 43 г., г. Вельтманъ обратилъ вниманіе на вкравшуюся несообразность въ сказаніи, будто-бы царскій чинъ или санъ присланъ в. к. Владиміру Всеволодовичу греческимъ императоромъ. По изслѣдованіямъ г. Вельтмана объяснилось, что какъ названіе первовѣчаннаго, такъ и присылка цар-

скаго чина относятся къ Владиміру Великому, а не къ Владиміру, прозванному Мономахомъ. Неоспоримымъ логическимъ выводамъ противорѣчила только соборная грамота (1561 г.) Константинопольскаго патріарха Іосифа къ Іоанну IV, въ которой первоначально также приписывалось Владиміру Мономаху. Но въ то время г. Вельтманъ пользовался только печатными переводами грамоты потому-что о греческомъ текстѣ, сохранившемся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, не зналъ даже Карамзинъ, и врядъ-ли кто зналъ до изданія онаго княземъ М. А. Оболенскимъ. Печатный текстъ, изданный буквально съ пергаментнаго, подтвердилъ явную несвязность смысла при упоминаніи о присылкѣ регалій Мономахомъ. Г. Вельтманъ, взглянувъ на оригиналъ, обратилъ вниманіе на сомнительное мѣсто, и легко замѣтилъ слишкомъ грубую подскобку нѣсколькихъ словъ для вставки слова *Мономахъ* послѣ имени Константина, брата царицы Анны, супруги Владиміра Великаго. Возстановленный смыслъ грамоты Іосафа подтверждаетъ историческіе выводы и неоспоримую достовѣрность присылки царскаго чина Владиміру Великому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и открывается и самое значеніе нареченія *Мономахъ* въ чинѣ поставленія на великокняженіе.

— «Разныя сочиненія князя М. М. Щербатова». — Подъ этимъ заглавіемъ помѣщены десять разныхъ сочиненій извѣстнаго нашего историка XVIII вѣка и неутомимаго писателя. Онѣ найдены лѣтомъ 1855 г. въ числѣ бумагъ его, уже полуистлѣвшихъ и Богъ вѣсть какъ уцѣлѣвшихъ въ подвалѣ отъ богатой бібліотеки князя (15,000 книгъ), сгорѣвшей въ 1812 году, принадлежащихъ внукамъ его, княжнѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой и княгинѣ Н. Д. Шаховской, покойнымъ М. П. Заблоцкимъ и списаны всѣ имъ самимъ съ дипломатическою точностью. Изъ нихъ сдѣланы нѣкоторыя извлеченія еще списавшимъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, именно: изъ «Статистики въ разсужденіи Россіи», въ кн. 3 1858 г. Отечественныхъ записокъ; нѣсколько мелкихъ замѣтокъ въ 1—2 томахъ Библиографическихъ записокъ 1858—1859 г.; небольшой отрывокъ изъ «Разсужденія о нынѣшнемъ, въ 1787 г., почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи», и т. д., въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ; почти вся статья, подъ заглавіемъ: «Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года, при началѣ турецкой войны», въ XII кн. Отечественныхъ записокъ 1859 г., съ разными, тамъ и сямъ, обыкновенными вставочными,

связующими предыдущее съ послѣдующимъ, вносками отъ лица, того-же М. П. Заблоцкаго, котораго это извлеченіе было послѣднимъ трудомъ, такъ какъ онъ по словамъ С. С. Дудышкина умеръ 21 сентября 1858 г.; нѣсколько значительныхъ извлеченій изъ этихъ-же самыхъ двухъ статей и третьей: «Размышленіе о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры», сдѣланныхъ М. П. Щепкинымъ въ статьяхъ его: «Экономическія понятія въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка», помѣщенныхъ въ №№ 142, 143, 154, 172 и 177 Московскихъ вѣдомостей 1859 г.; изъ сочиненія «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», С. В. Ешевскаго въ 3 кн. Атеней 1858 г. Подлинникъ переданъ для храненія въ С. Петербургскую академію наукъ, такъ какъ полное изданіе его пока невозможно. Вполнѣ напечатаны: «Статистика въ разсужденіи Россіи», съ предисловіемъ М. П. Заблоцкаго, отъ 15 февраля 1855 г., въ 3-й книгѣ Чтеній общества исторіи и древностей Россійскихъ 1859 г.; «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго» въ № 12 Библиографическихъ записокъ 1859 г.; «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 года, сентября 5 го числа» (незадолго до смерти сочинителя, 12 декабря случившейся), и «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголаныхъ словъ», въ № 13-мъ тѣхъ-же Библиографическихъ записокъ. Заблоцкій намѣревался самъ издать всѣ открытыя имъ сочиненія князя Щербатова; по смерти его, списки, сдѣланные имъ съ оныхъ, доставлены были въ редакцію Библиографическихъ записокъ, а послѣ сообщены въ Общество исторіи и древностей Россійскихъ М. П. Щепкинымъ, для напечатанія, по усмотрѣнію Общества. Остальныя три сочиненія: «Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права, на манифестъ, 21 апрѣля 1785 г.»; «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголаныхъ словъ», и «Отвѣтъ на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 года, сентября 5 числа», Чтенія обѣщаютъ напечатать въ скоромъ времени.

— «Маги и Мидійскіе Каганы XIII вѣка». — «Многіе вопросы исторіи, подобно жизненнымъ вопросамъ, разрѣшаются только временемъ, случаемъ и полнымъ сознаніемъ потребности въ истинѣ. Но покуда любознательность удовлетворяется неопредѣ-

ленными образами, и частная исторія народовъ сооружается независимо отъ всеобщей, самыя рѣзкія несообразности пользуются почетомъ и недоступны для обличенія. Возьмемъ въ примѣръ изъ древней исторіи очень важныя событія и для Россіи и для Европы, — нашествія Гунновъ въ IV столѣтіи и Монголовъ въ XIII-мъ. Какія свѣдѣнія сообщили намъ современные Гуннамъ историки?— Аммианъ, предувѣдомляя, что «древнія преданія упоминаютъ о Гуннахъ, жившихъ за Меотидой на берегахъ Ледовитаго океана», очень поверхностно, извлекаетъ изъ Трога Помпея, почти слово въ слово, описаніе Паревовъ, жившихъ дѣйствительно за Меотидой; но не по Ледовитому, а по Каспійскому морю, которое, однакожь, древніе почитали за заливъ океана, облегающаго сѣверъ и востокъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ понятіяхъ Аммиана Гунны были тождественны Паревамъ. По Византійскимъ историкамъ Гунны были Киммеріане, и вообще послѣ IV вѣка, Готское названіе Гунны вошло въ употребленіе, вмѣсто древняго названія Сарматъ. Иорнандъ, почерпая свою исторію Готовъ изъ непосредственныхъ свѣдѣній Византійскихъ и Римскихъ историковъ о Скивахъ, помѣщаетъ Гунновъ въ Задонской Сарматіи; но, пополняя свѣденія враждебными Готскими изустными сказаніями, называетъ ихъ демонскимъ племенемъ; а между-тѣмъ сообщаетъ очень важную для своей исторіи Готовъ замѣтку, что «Готы еще со времени Телефа (сына Геркулесова) имѣли въ обычаѣ, вмѣсто своихъ собственныхъ именъ, носить собственныя имена Гунновъ». Вотъ въ сущности всѣ свѣдѣнія современниковъ о Гуннахъ, исключая сѣверныя Саги, по которымъ Гунны и восточная Русь—тождественны. Казалось-бы, что этихъ свѣдѣній о Гуннахъ и ихъ первобытномъ мѣстѣ жительства очень достаточно, чтобъ продолжать дальнѣйшія изысканія и не утруждать, по крайней мѣрѣ, Китайцевъ, требованіемъ отчетовъ о невѣдомомъ имъ народѣ. Но Хинологи не удовольствовались этимъ. Дегинъ узналъ изъ Китайскихъ лѣтописей, что Гунны жили, до нашествия на Европу, между р. Иртышемъ и Китаемъ. Русская исторія, признавъ эти глубокія изысканія, внесла на страницы свои положительное свѣдѣніе, что Гунны, народъ кочующій, отъ полуночныхъ областей Китая нахлынулъ, чрезъ неизмѣримыя степи, на юго-восточную Русь. Этотъ первый успѣхъ хинологическихъ открытій повелъ ко второму: объяснилось, что Монголы XIII столѣтія—тѣ-же Гунны отъ полуночныхъ странъ Китая. Мы вѣ-

рили этому, не повѣряя; мы твердо изучили наизусть рѣшеніе предупредившихъ насъ въ наукѣ, и память не хочетъ разстаться съ образами, внушенными съ дѣтства и породившими столько краснорѣчивыхъ страницъ объ этой тучѣ саранчи, которая нанеслась, гонимая вѣтрами, съ крайнихъ предѣловъ востока, и — пожрала весь смыслъ исторіи. Какія-же логическія положенія истекаютъ изъ этого признаннаго рѣшенія? И неужели-же въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ вѣрить, что татарскіе ханы XIII столѣтія были не кто иные, какъ китайскіе императоры династїи Юань, изъ рода Мань-джу? Что Китайскія лѣтописи въ самомъ дѣлѣ говорятъ будто Тхай-цзу (Tai-су) IV былъ именно тотъ Темучинъ, собственно Тимурджи (кузнецъ), который, подъ названіемъ Дженгисъ-Хана, является мѣомъ въ персидскихъ сказаніяхъ о таинственныхъ Мугулахъ, покорившихъ всю Азію безъ исключенія, Египетъ и Европу до Германіи? Что Русь, боровшаяся въ продолженіе болѣе полутора вѣка съ нашельцами, могла не дознаться во все это время, что они именно Монголы китайскіе, и ни разу не упомянуть въ своихъ, современныхъ событіямъ, лѣтописяхъ объ этомъ побѣдоносномъ имени своихъ покорителей? Что католическіе миссіонеры, въ надеждѣ на духовную жатву, отправлялись въ *Золотую Орду*, извѣстную только одному Пляно-Карпини, и находившуюся, по ученнымъ свѣдѣніемъ, въ теперешней Амурской области, тысячь за семь верстъ отъ Волги, и совершали этотъ путь верхомъ, съ вьюками, въ 65 дней! Что на пути отъ Волги за Байкалъ, по сѣверную сторону Алтая, были не только прекрасно воздѣланныя земли, но и виноградные сады и превосходное вино; и наконецъ, по свѣдѣніямъ миссіонеровъ, не только Ingiges (нынѣшніе географическіе Джунгары, Хайха (Хой-хоры, слѣдовательно Уйгуры!) или Халхасцы, Найманы, Кяра-Китай, были христіане-Несторіане, но, по Пляно-Карпини и Китаи (предполагаемые Китайцы) были христіане, а по Бакону Кара-Китай, прозванные Несторіемъ Найманами, подвластны были даже Римской церкви и проч. и проч.? Въ математикѣ посредствомъ равенства нулей, можно доказать, что и всѣ числа равны одно другому. Въ исторіи, также посредствомъ предположеній, равныхъ нулямъ, что Chathay есть Китай, а Дженгисъ-Ханъ—Китайскій императоръ Тхай-цзу; можно положительно доказать, что Мугулы запада Азіи суть китайскіе Мон-зу, или Мань-джу. Но все возможно, кромѣ невозможнаго. Отвергая, однакожь, Кинологическій путь, необходимо искать другой путь въ

такъ называемую *Золотую Орду Хановъ*, хотя Русскія лѣтописи не знаютъ и Золотой Орды, а знаетъ ее только *Большой чертежъ*, составленный при царѣ Иванѣ Васильевичѣ съ Европейскихъ картъ, на которыхъ географы XVI столѣтія прокладывали, по свѣдѣніямъ миссіонеровъ XIII столѣтія, путь за Байкаль, въ *Mogoles* и въ *Chathau*, и по которымъ царь повелѣлъ въ 1567 г. Сибирскимъ атаманамъ и казакамъ провѣдать, гдѣ находятся Мугальскія земли и Китайское царство». Въ настоящей статьѣ авторъ приводитъ выводы, по которымъ объясняется, что подъ восточнымъ названіемъ Мугулы слѣдовало искать не народъ, не *Монгу* Китайскихъ, неизвѣстныхъ Руси, но прозвище по вѣрованію.

— «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. с. сенатора И. В. Лопухина». — Записки эти весьма интересны: онѣ живо изображаютъ эпоху, современную автобіографу, и дѣятелей ея. Вотъ что, напримѣръ объ обученіи и образованіи его: «Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По французски савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка, по нѣмецки берлинецъ, который ненавидѣлъ языкъ нѣмецкій и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ, и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія-же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду, а я, выучась только читать по нѣмецки, разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше, нежели чрезъ десять лѣтъ послѣ окончанія мною такого ученія, научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семь духовныхъ книги. Такимъ образомъ на 17 году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, если я что знаю, то подлинно самоучкою. Интересны также понятія тогдашняго общества объ уголовныхъ наказаніяхъ. Авторъ съ начала 1782 занималъ должность совѣтника московской уголовной палаты, а потомъ былъ и ея предсѣдателемъ. «Правила умѣренности въ наказаніяхъ, говоритъ онъ, держался я неотступно. Будучи старшимъ въ палатѣ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его; ибо безспорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я былъ одерживать спорами и часто самымъ жаркими. Неохотники до меня и столько-же, кажется до человѣчества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интере-

совъ, вопіяли осужденіями, такъ называвшагося ими, милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастью моему, что-ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ уголовной палаты, при умѣренныхъ ея наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ люностей торговой казни, коими передъ тѣмъ московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя. И такъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказаннаго мною расположенія, а главнокомандующій графъ Захаръ Григорьевичъ подкрѣпилъ меня согласіемъ на всѣ мои приговоры. Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я за воровство, кражу и мошенничество цѣною свыше 20 рублей (ибо о наказаніяхъ за преступленія сего рода на меньшую цѣну, уже существовало узаконеніе), наказывать не кнутомъ, а тѣлесно-же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты. Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія главнокомандующаго, хотя оно на бумагѣ и не изъяслялось, потому что въ то время еще не вносились на разсмотрѣніе начальниковъ губерній опредѣленія о такихъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ, не отступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ морскаго устава, въ коей сказано: «за первую, вторую и третью кражу наказывать что разъ, то жестоцае, по разсмотрѣнію» (книга V глав. 17, ст. 127). Черезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобъ преступленіе не оставалось безъ наказанія, но наказаніе бы, сколько можно не нарушая законовъ, было умѣренно и общественной пользѣ тѣмъ соотвѣтственно, что не оставались въ тягость селеніямъ такимъ образомъ наказанные за преступленія, которыя между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты. Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ, и нынѣ существующія узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода, оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу. Графа З. Г. Чернышова не стало въ 1784 г. лѣтомъ. Преемникъ его, главнокомандовавшій въ Москвѣ, сначала очень обласкалъ меня, но скоро открылся моимъ гонителемъ. Первое неудовольствіе его собственно противъ меня было за то, что малое число ударовъ палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать пятьдесятъ ударовъ, како-

ваго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился, и сперва очень учтивымъ и, надѣясь нѣсколько лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины; но когда онъ, не внимая имъ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣеть къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено; что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что какъ палата, по учрежденіямъ, не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣеть права возвращать ихъ. А ежели онъ не согласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ правительствующему сенату. Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался главнокомандующій. Однако нисколько не оказалъ грубости, много только горячился и кричалъ: «какъ разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!»— «По сколько же бы, Ваше сіятельство, думали?» спросилъ я его — «По сколько?»—отвѣчалъ: «Двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ»— «Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти.—Чего же ихъ жалѣть?» говорилъ онъ; и «это же наказаніе вмѣсто смертной казни». — «Такъ, отвѣчалъ я, «но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели, вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранской, и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія». Графъ мой сталъ тише. — «Однако же, говорилъ мнѣ, «странно, что вы такъ разсуждаете; вѣдь можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ 10 ударовъ». — «Конечно», я говорилъ, «это можетъ иногда случиться по какимъ нибудь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно. Но есть ли я буду давать такія сотни ударовъ, то, при явномъ тиранствѣ своемъ, долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно». — «Но какъ же вы узнаете мѣру?» спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серьезнымъ тономъ. — «Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья и проч.», отвѣчалъ я ему. Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: «Я вамъ очень благодаренъ. Вы одолжили меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины и

всегда думалъ, что при наказаніяхъ, вмѣсто смерти, такого разбора ненадобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюсь съ вашимъ опредѣленіемъ и даю вамъ слово никогда съ вами не спорить». Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы, наконецъ противъ меня, не останавливалъ ни одного приговора палатскаго. Это былъ графъ Брюсъ, и конечно не онъ одинъ бывалъ въ подобномъ заблужденіи, но многіе; но немногіе столь почтенно, какъ онъ, и съ такою пользою признавались въ ономъ. Но злоба гр. Брюса продолжалась къ И. В. Лопухину, и въ 1785 г. онъ вынужденъ былъ оставить службу.

Весьма важны также свѣдѣнія, которыя Лопухинъ сообщаетъ о мартинистскомъ обществѣ, извѣстномъ болѣе у насъ подъ названіемъ *Новиковскаго*, по главному участию въ немъ Новикова, и котораго авторъ былъ главнымъ дѣятелемъ, объ обществѣ, которое много содѣйствовало въ свое время умственному и нравственному образованію нашего народа. «Мартинистскимъ называли у насъ это общество потому, что въ то-же время, какъ оно сдѣлалось извѣстнымъ, Мерсье въ своей картинѣ Парижъ, назвалъ тамъ мартинистами нѣкоторое число людей, съ особливимъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной книги *О заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда-же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст.-Мартенъ*, мужъ почтенный своими занятіями и добродѣтелями. Цѣль общества, говоритъ авторъ, было издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно евангельской, переводить глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ и содѣйствовать хорошему воспитанію, полагая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія черезъ удобнѣйшія средства приобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ болѣе 50 семинаристовъ, которые были отданы отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ, съ великою признательностію. Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ книгѣ премудрости гл. VII, ст. 17—22, содержащимся въ библии и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность-же откровенія онаго во всѣ времена не сомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго хри-

стіанина, и самый не христіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отвергающій и здравый имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности ей, безъ оцутительной погрѣшности противъ разсудка. Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: *вѣкъ жми, вѣкъ учись*, гораздо умнѣе такого смѣха. Люди, какъ-бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали о насъ разные толки. Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ, лучшихъ людей изъ публики не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно намъ заботити ся о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.? Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ подозрительными и для спокойствія общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скочалась среди блеску этого, для поддержа себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы. Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно-же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя, всѣмъ жертвуютъ. Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ-бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась-бы во вредъ ему самому. И такъ онъ старался только питать вселивное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы государыниной то ей нечего опасаться. Онъ все предупредитъ. По сему расположенію удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденнаго подозрѣнія и гнѣва государыни на общество, долго огра-

ничивалось тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны издавныя нами книги, нѣкоторыя изъ нихъ запрещены и Н. И. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ законѣ къ московскому архіепископу, который нашелъ его такимъ христіаниномъ, какихъ-бы желалъ онъ, чтобъ было больше. Сими словами доносилъ преосвященный Платонъ о порученномъ ему испытаніи. Первое-же дѣйствіе придворнаго негодования на общество наше явно открылось противъ меня: однажды графъ Брюсъ говорить мнѣ на единѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ намъ и во гробъ (сіи были точныя его слова), однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься. «Есть-ли это таково, какъ ваше сіятельство сказыватъ изволите», отвѣчалъ я ему, «то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣетъ человекъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учить добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила». Разговоръ нашъ былъ длинный и долго съ обѣихъ сторонъ равнодушный. Предметъ его былъ тотъ, что графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобы я оставилъ общество и упражненія оныя, и что это будетъ угодно государынѣ. «Волю ея о семъ, что-ли», спросилъ я его, «объявляете вы мнѣ?» — Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю вамъ это. — «Что-жь», отвѣчалъ я, «неужели государыня изволить знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва-ли ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ. «Да», сказалъ онъ, «вы ей слишкомъ извѣстны, и она непременно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите». — Позвольте мнѣ усумниться, говорилъ я, чтобъ такой мудрой государынѣ было негодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете. «Да, она не такъ думаетъ», отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть потому, говорилъ я, что оно ей непрямо извѣстно; такъ стоитъ только ей объяснить; а о дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять государынѣ правду. — «Ты поди, объясняй ей», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, и съ очень сильнымъ, требовалъ моего согласія на его предложеніе. — Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобъ ея величеству угодно

было, чтобъ кто-нибудь оставилъ столь хорошія упражненія. Если же она того желаетъ, то по противному объ нихъ понятію, не имѣя способвъ получить истиннаго, то я думаю угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ ея была-бы слабость и чувство, противное тому уваженію, какое имѣтъ естественно къ столь великой государынѣ; и что великодушіе ея представляю я себѣ въ столь высокой степени, что такіе-то подлые угождатели должны быть ей больше всего неуютны. «Знайте-же», сказалъ мнѣ графъ мой голосомъ, дрожащимъ отъ досады, «что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать», и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно поѣхалъ домой. Въ концѣ 1784 г. открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени Французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные рассказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ, и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько. Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами книги. Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 г., которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ непохожи на наши. Изъ того, что бывають тайныя общества вредныя, никакъ не можно съ благоразуміемъ заключить, чтобъ не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ причастіи. Но что-жъ изъ того заключить можно противъ причастія? Неудовольствія правительства, подозрѣнія, скрытые пріемотры позиція, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибавляясь, продолжались гдѣть семь. Много мы имѣли непріятелей, а защитниковъ съ голосомъ ни одного, ни при дворѣ, ни гдѣ. Мы

столько были невинны, что и не старались оправдываться, а только при случаях простодушно говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества, но намъ не вѣрили. Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе на насъ ни сколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма, и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному моему пріятелю, бывшему въ чужихъ краяхъ, отсылались къ государынѣ. Я самъ ни мало не беспокоился, и зная, писалъ всегда такъ, какъ-бы я говорилъ одинъ въ полной откровенности. Подозрѣнія, шпіонства и всѣ виды притѣсненія нашему обществу до крайней степени возрасли при вступленіи въ управленіе столицею князя Прозоровскаго. Такъ какъ эти притѣсненія и преслѣдованія изложены въ статьяхъ М. Н. Лонгинова, помѣщенныхъ въ «Русскомъ вѣстникѣ» и большею частію изложенныхъ нами въ предшествовавшихъ обзорѣніяхъ, то мы здѣсь переходимъ къ повѣствованію автора о его произведеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью распространеніе правилъ общества. «Издаемъ и публичною продажою нѣкотораго катихизиса, говоритъ И. В. Лопухинъ, употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у преосвящ. Платона, митрополита московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества однакожь разставались мы всегда пріятелями. Однажды разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ-же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на французскій языкъ, я напечаталъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ». При запискахъ приложенъ и катихизисъ подъ заглавіемъ: «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Ф-къ М-въ». Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками, по пристойности, названъ краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанства, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ то-же почти время книгѣ, подъ названіемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели*, которая два раза напечатана: первый разъ въ 1798 г., а второй въ 1801 г. Она переведена очень хорошо на французскій языкъ, и сей переводъ

также напечатанъ въ С. Петербургѣ, а послѣ вышло оное изданіе въ Парижѣ съ аллегорическою картиною въ заглавіи моего сочиненія, изображающею храмъ природы и благодати, съ монимъ изъясненіемъ, которое на русскомъ языкѣ при картинѣ оной въ большомъ видѣ выгравировано въ Москвѣ. Недавно картина сія съ французскимъ изъясненіемъ наилучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ. Оной-же катихизисъ присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникамъ извѣстной, піесѣ подъ именемъ *Духовный рыцарь*, или ищущій премудрости. Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты герметической науки, обзоръ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самознанія и глубокой морали. Для того-же предмета, для котораго издавъ свой нравоучительный катихизисъ, заставилъ я написать: *Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ върнымъ?* которая также переведена на французской и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый ближайшій другъ мой, Иванъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ, его знавшимъ и любящимъ добродѣтель. Сочиненіе мое *О внутренней церкви*, хотя напечатано уже въ то время, когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ терпимо было, однако познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло на меня много и непріятелей. Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало. Экартсгаузенъ назвалъ это сочиненіе книгою драгоцѣнною и истинною мудростію исполненною. Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо, писалъ дней за десять до своей смерти, и прислалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее-же, я думаю, сочиненіе свое о согласіи внѣшнихъ законовъ природы съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Наставленіе Коллоса, жреца натуры, Софрониму*. Въ письмѣ томъ пишеть, что ежели сіе сочиненіе его заслужитъ мое одобреніе, то онъ будетъ продолжать его. Оное сочиненіе Экартсгаузена нѣчто совершенное въ своемъ родѣ и впрочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на русскій языкъ, помѣщено въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ, Александромъ Федоровичемъ Лабзнымъ, который перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа, какъ и другихъ подобныхъ,

и коего труды въ изданіи книгъ, споспешествующихъ распространенію свѣта божественной мудрости и назиданію глубокаго христіанства, при дѣятельности, великодушной твердосги примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностію всѣхъ любителей истины и просвѣщенія сердечнаго».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ области отечественной исторіи относятся слѣдующія статьи: *Краткое обозрѣніе дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ въ первыхъ двухъ періодахъ ея исторіи* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 2 и 3); *Историческія замѣтки о Самарскомъ краѣ* (ibid. № 2); *Начало Руси*. Н. И. Костомарова (Совр. № 1); *Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ*. Ст. I и II его-же (ibid. № 3 и 4); *Публичный диспутъ 19 марта 1860 г. между г. Погодинымъ и Костомаровымъ*, В. Мордвинова (ibid. № 3 и Моск. вѣд. № 67); *Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси*, Н. И. Костомарова (Совр. № 4); *Послѣднее слово г. Погдину о жемудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей*, его-же (ibid. № 5); *Замѣчаніе на «послѣднее слово г. Погдину», г. Костомарова*, Н. Г. Чернышевскаго (ibid.); *Флетчеръ и его книга о русскомъ государствѣ при царѣ Θεодорѣ Иоанновичѣ*, Ю. В. Толстаго (Биб. для чт. № 1 и 2); *Маринкинъ городокъ*, I. Желѣзнова (ibid. № 2); *Москва и деревня въ концѣ восемнадцатаю столѣтія*. Изъ записокъ А. Т. Болотова (Библ. для чт. № 3 и 4); *Россія въ 1699 г. Дневникъ Иоанна Георга Корба*, Н. Т—го и С—вскаго (ibid. № 6); *Новыя границы русской исторіи* (От. зап. № 1); *Артемій Петровичъ Волинскій*. Біографическій очеркъ I. И. Шишкина, ч. I, II, III и IV (ibid. № 2, 3, 5 и 6); *Баронъ Гюйссенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія*, П. П. Пекарскаго (ibid. № 3); *Литва и Скандинавія*, Я. Грота (ibid. № 4); *Партизанъ Сеславинъ*, М. И. Семевскаго (ibid.); *Царствованіе Елисаветы Петровны. 1743 г.*. Историческій очеркъ, М. И. Семевскаго (Рус. слово № 1 и 2); *Поправки и историческія замѣтки*, его-же (ibid. № 2); *Лекціи г. Погодина о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ*, Н. К. (ibid. № 4); *Диспутъ г. Погодина и Костомарова*, А. В. Лохвицкаго (ibid.); *Русскіе инородцы*. I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи, Н. И. Костомарова (ibid. № 5); *Князь Меншиковъ и графъ Морицъ саксонскій 1726—1727*, И. К. Щебальскаго (Рус. вѣст. № 1 и 2); *Сеймъ въ городѣ Борго, въ 1809 г.* Отрывокъ изъ историческаго очерка Финляндіи, В. В. Путяты (ibid.); *Дополненіе къ статьѣ г.*

Лонгинова: графъ Сперанскій, А. Н. Аванасьева (ibid.); Письмо къ редактору, въ защиту министерства государственныхъ имуществъ 1838, Д. П. Хруцова (ibid. № 3); По поводу статьи г. Аванасьева о графѣ Сперанскомъ, М. Н. Лонгинова (ibid.); Шесть писемъ 1717—1733, М. И. Семева (ibid. № 4); Самозванецъ Ханинъ, Д. А. Мордовцева (ibid. № 6); Изъ жизни П. А. Толстаго, одного изъ слѣдователей по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, Н. А. Попова (ibid. № 11); Покореніе Кавказа, А. В—а (ibid.); Нѣсколько дополнительныхъ словъ о графѣ Сперанскомъ (ibid.); Норманны и Жмудь (Наше время № 11); Случайная записка о древнихъ русскихъ монетахъ (С. Пб. вѣд. № 90); Дополненіе къ статьѣ: Преданіе о судьбѣ Е. А. Таракановой (Сѣв. пч. № 53); Фрейлина Гамильтонъ (ibid. № 73); Краткое описаніе происшествій въ Москвѣ, въ 1812 г., А. Д. Бестужева-Рюмина (Моск. вѣд. № 7 и 8); Московскій обѣдъ 12 января (ibid. № 10); Петръ Великій въ Англии (ibid. № 20); Московская катальня гора. Изъ запасокъ общественной жизни Москвы въ XVIII столѣтіи, И. Е. Забѣлина (ibid. № 32); Война 1812 года, О. П. (ibid. № 51, 54, 58 и 54); Отягчѣ генералъ-лейтенанту и бывшему адъютанту генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, О. М. Бодянскаго (ibid. № 53); Очеркъ исторіи казачества на югъ Россіи, Я. Прокофьева (Одес. вѣст. № 6 и 7); Историческое значеніе Москвы (Оберточ. лист. № 1, 2 и 9); Разказы изъ русской исторіи (Народ. чт. вн. 2); О русскихъ посольствахъ въ XVII вѣкѣ. Оконч. (Журн. воен. уч. зав. № 565); Первый бунтъ стрѣлецкій (ibid. № 571 и 572); Россія до Петра Великаго (ibid. № 573); Исторія Петра Великаго (ibid. № 574); Источники печатные для исторіи Петра Великаго (ibid. № 575); Матеріалы рукописные для исторіи Петра Великаго (ibid. 576).

— «Россія въ 1639». — «Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ переводъ послѣднихъ главъ дневника Іоанна Георга Корба, драгоцѣннаго памятника для исторіи Петра Великаго. Въ нихъ Корбъ излагаетъ свой взглядъ на нравы, обычаи, суевѣрія, религію москвитянъ, на матеріальное и нравственное состояніе Россіи. Корбъ жилъ въ Москвѣ болѣе года (съ конца апрѣля 1698 г. по 23 іюля 1699 г.), а дневникъ его веденъ до пріѣзда еще въ Московію и послѣ отъѣзда изъ нея: съ 11 января 1698 по 23 сентября 1699 года. Онъ наблюдалъ Петра въ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ его жизни, по возвращеніи изъ перваго путешествія. Не разъ пиrowалъ авторъ вмѣстѣ съ царемъ на веселыхъ обѣдахъ,

зналъ лично всѣхъ его первыхъ сподвижниковъ, былъ свидѣтель погребенія Лефорта, видѣлъ казни стрѣльцовъ, вникалъ въ устройство Россіи, въ нравы, обычаи, и всѣ наблюденія, все, что случилось замѣчательнаго во время путешествія, день за день записывалъ въ своемъ дневникѣ, который по возвращеніи въ Вѣну, издалъ съ дозволенія императора Леопольда I, подъ такимъ заглавіемъ: «*Diarium itineris in Moscoviam, per illustris ac magnifici Domini Ignatii Christophori nobilis domini De Guarient, et Rall... ab Imperatore Leopoldo I ad Tzarum et Magnum Ducem Petrum Alexiowicium anno 1698 oblegati extra ordinari descriptum a Ioanno Georgio Korb, secretario ablegationis Caesareae, Viennae, Austriae. In fol.*». Годъ изданія не означенъ. По одному перечню главъ можно судить о богатствѣ содержанія и интересѣ Корбова сочиненія:

«Дневникъ: съ 11 янв. 1698 по 27 сент. 1699 г....	158	стр.
Возстаніе стрѣльцовъ. Стрѣлецк. розыскъ. Казнь..	173	»
а) Главные заговорщики.....	155	»
б) Софія Алексѣевна.....	166	»
в) Сношенія Софіи со стрѣльцами.....	167	»
в) Приговоръ смертный надъ бунтовщиками, состоявшійся 10 октября 1698 г.....	168	»
д) Лютыя казни стрѣльцовъ: первая 10 октября.	169	»
е) Вторая 13 октября 1698 г.....	171	»
ж) Третья 17 « «	—	»
з) Четвертая 21 « «	—	»
и) Пятая 23 « «	—	»
і) Шестая 27 « «	172	»
к) Седьмая — « «	—	»
л) Последняя, восьмая 31 октября 1698 г.....	172	»
Родословная царей московскихъ.....	177	»
О власти государя, царя и велик. кн. московск.....	178	»
Обрядъ коронован. на царство моск. государей.....	180	»
О воинскихъ силахъ государства московскаго	185	»
а) Пѣхота.....	182	»
б) Кавалерія.....	183	»
в) Артиллерія.....	184	»
г) Военная музыка.....	185	»
О царскихъ доходахъ.....	—	»
О русскихъ монастыряхъ.....	186	»

Царская аптека.....	187 стр.
Богатство московскаго правительства.....	188 »
Описание царскаго двора.....	189 »
Описание дворцовъ.....	190 »
Суевѣрія, предразсудки, вообще о невѣжествѣ моск- витянъ.....	191 »
Описание Москвы.....	193 »
О грекороссійскомъ исповѣданіи.....	197 »
а) Крещеніе.....	194 »
б) Обѣдня, молебень, панихида.....	195 »
в) О иконахъ.....	— »
г) О особенномъ почитаніи Богородицы.....	196 »
д) О чистилищѣ.....	197 »
О власти и значеніи патріарха всея Россіи.....	198 »
О монастыряхъ и монастырской жизни.....	— »
Русскіе праздники. Похороны. Масляница. Посты..	200 »
Русская администрація.....	202 »
Взглядъ на нравы московскіе.....	203 »
Русскія женщины.....	208 »
О свадьбахъ.....	210 »
Почва, климатъ, рѣки московскія.....	212 »
Иностранцы, живущіе въ Москвѣ; о военныхъ лю- дяхъ, купцахъ и художникахъ.....	214 »
Бояре, высшіе сановники московскіе.....	221 »
Послы, резиденты иноземные, бывшіе въ Москвѣ въ наше время.....	229 »
Списокъ лицъ, составлявшихъ посольство Гваріента	234 »
Списокъ кораблей царскаго флота.....	236 »

Далѣе слѣдуютъ объясненія плановъ, чертежей и рисунковъ, помѣщенныхъ въ дневникѣ. Слогъ Корба витіеватый и напыщенный. Эта высокопарность изложенія мѣстами затемняетъ смыслъ. Русскія собственныя имена у Корба искажены, какъ и у другихъ иностранныхъ писателей. Во избѣжаніе ошибокъ, переводчики, подлѣ cadaго русскаго имени, ставили его и въ томъ видѣ, въ какомъ оно записано Корбомъ. Чтобы читатели наши могли судить о важности содержанія Корбова дневника, мы здѣсь приведемъ отрывокъ изъ главы «О московскихъ нравахъ». «Въ Россіи преобладаетъ состояніе рабства. Подъ его ужаснымъ ярмомъ на-

ходятся всё, безъ различія званій и состояній. Даже лица, посвященные въ тайныя цѣли правительства, съ славными титулами боярскими, пользующіяся всѣми почестями, внѣшнимъ блескомъ, какъ нельзя лучше обнаруживаютъ ничтожность выпавшаго на ихъ долю жребія. Отъ этихъ сановниковъ требуется еще большая покорность и они носятъ цѣпи столь-же тяжелыя, хотя и вызолоченныя. Чѣмъ выше и значительнѣе положеніе боярина, тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ хуже оковы на него налагаемыя. Раболѣпство москвитянъ выказывается даже въ мелочахъ: въ просьбахъ, въ челобитныхъ къ царю, подъ страхомъ оскорбить его величество, должно подписывать имя не иначе, какъ въ уменьшенномъ видѣ, напр. кого зовутъ Яковомъ, тотъ называется *Яшка*. Всѣ убѣждены, что величество много потеряетъ, если не унижатъ предъ нимъ не только самихъ себя, но и свои имена! Военный архитекторъ Леваль, не считавшій нужнымъ снисходить до подобнаго униженія своего человѣческаго достоинства, навлекъ на себя царскую ненависть. Государь, можетъ быть, не обратилъ-бы вниманія на поступокъ Леваля, но бояре были оскорблены исключительнымъ положеніемъ, въ которое хотѣлъ себя поставить одинъ изъ ненавистныхъ имъ чужеземцевъ. Должно писать и говорить: *холодъ, смиреннѣйшій или низжайшій рабъ* великаго царя; все свое имущество какъ движимое, такъ и недвижимое признавать не своимъ, но собственностью владыки. Подобное убѣжденіе вкоренено здѣсь изстари, оно вполнѣ вытекаетъ изъ отношенія гражданъ къ царю, который, по своей безусловной и неограниченной власти, такъ свободно распоряжается дѣлами частныхъ лицъ, какъ будто природа все произвела для него одного. Его власть тяготѣетъ надъ умами, какъ-бы созданными для постоянного рабства и, грустно сознаться, что москвитяне добровольно, по-крайней-мѣрѣ безъ ропота, несутъ жребій, выпавшій на ихъ долю. Имъ недостаетъ наукъ, которыя образуютъ умъ и вкусъ. Только у весьма немногихъ видно стремленіе къ образованію или благодѣтельному подражанію иностранцамъ. Вотъ какими словами Іоаннъ Барклай, извѣстный авторъ «исторіи развитія народовъ», характеризуетъ москвитянина: «рожденный для рабства, онъ чуждается всякой мысли къ своему освобожденію. Угнетаемый, придавленный, онъ молчаливо сгибаетъ шею подъ позорнымъ ярмомъ, свыкается съ мыслью, что само провидѣніе назначило его и душой и тѣломъ принадлежать великому господину; что во власти земнаго Бога на-

ходится все его личное достояніе, его честь, жизнь и смерть». -- Даже у турокъ нѣтъ столь рабскаго униженія предъ властью. Мудрено-ли послѣ этого, что и другіе народы москвитяне судятъ по своимъ убѣжденіямъ, по своей мѣркѣ. Они осуждаютъ на позорное холопство своему вотчиннику иноземцевъ, по какому бы то ни было случаю прибывшихъ въ Москву. Кто изъ русскихъ сдѣлаетъ попытку ѣхать за границу, того наказываютъ какъ бѣглеца. Бояре, ползая у ногъ господина, въ свою очередь высокомерно ведутъ себя съ подданными и народомъ. Послѣдній, въ смыслѣ унижительномъ называютъ *чернымъ* или *крестьянствомъ*. Каждый изъ несчастныхъ сего чернаго, загнаннаго работою люда, трепещетъ при одномъ взглядѣ на него кичливаго, дороднаго боярина. Необразованные, полудикіе, грубые москвитяне верхомъ мудрости ставятъ лукавство, лицемеріе и ложь. У нихъ нѣтъ ни умѣренности во лжи, ни стыдливости при открытіи отъявленнаго мошенничества. Раствѣніе нравовъ превышаетъ всякое вѣроятіе: такой порокъ, какъ напр. пьянство считается достоинствомъ, едва ли не добродѣтелью. Впрочемъ, надобно замѣтить, что не всѣ русскіе при общемъ невѣжествѣ, кичливой самонадѣянности, имѣютъ такое понятіе о добродѣтели. Среди дурной травы нерѣдко поднимаются цѣлебныя растенія, на одной грядѣ съ воюющимъ лукомъ, зачастую цвѣтутъ и благоухаютъ розы. Такъ и между грубыми москвитянами встрѣчаются, хотя весьма немногіе, тѣмъ не менѣе достойные и благородные люди. Они рѣзко отличаются отъ толпы. Только невѣжда или порочный человекъ не обратитъ на нихъ вниманія, не изумится и не почтитъ ихъ доблестныхъ, благородныхъ поступковъ. Но подобные люди въ предѣлахъ необъятной Москвы то-же, что песчинка въ морѣ. Громадное большинство необразованы, нескоры въ сужденіяхъ, глупы умомъ. На всякаго чужеземца смотрятъ съ дикимъ любопытствомъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что выключая немногихъ русскихъ, занимающихся торговлею съ иноземцами, либо путешествовавшихъ за границей, очень немногіе знаютъ о томъ, что вселенная не заключается въ границахъ московскихъ. Въ школахъ на учителей возлагается единственная обязанность учить воспитанниковъ читать и писать. Верхъ у нихъ состоитъ въ ознакомленіи учащагося съ нѣкоторыми правилами своей вѣры. Свободныя науки въ презрѣніи. Какъ наука не только безполезная, но по здѣшнимъ узкимъ понятіямъ даже и вредная, запрещена въ школахъ филосо-

сія. За изученіе астрономіи предають лютымъ пыткамъ и позорной казни, какъ за занятіе чародѣйствомъ, колдовствомъ, какъ-бы за сношенія съ самимъ дьяволомъ. Запрещено употребленіе календаря астронома Вохтія, который въ словахъ: «Москва не избѣжитъ опредѣленнаго ей несчастія», предсказалъ русскимъ рядъ кровавыхъ возстаній. Всѣ убѣждены, что черезъ эту несчастную науку астрономы вводятъ въ сношенія съ нечистыми духами; что только съ помощію сатаны они предсказываютъ иногда въ будущемъ то, что выше ума простыхъ смертныхъ. Отцовская власть надъ сыномъ—власть деспота. Отецъ можетъ продавать сына до четырехъ разъ. Проданный однажды и вновь получившій свободу, несчастный сынъ можетъ быть продаваемъ по волѣ отца до четырехъ разъ. Только четвертая продажа спасаетъ его отъ деспотизма отцовской власти. При современномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, при царѣ, надѣленномъ высокими умомъ и любовію къ благимъ преобразованіямъ, какъ родительская власть надъ сыномъ, такъ вообще кабалы всякаго рода болѣе или менѣе смягчены рядомъ кроткихъ постановленій (*).

Къ исторіи другихъ странъ и народовъ относятся слѣдующія статьи: *Юльиана монархія*, И. Г. Чернышевскаго (Совр. № 1 и 2); *Уильямъ Питтъ, лордъ Чатэмъ*, Манолея (От. зап. № 1 и 3); *Доходы римскаго духовенства и положеніе римскаго народа* (по итальянскимъ источникамъ), К. Тунѣва (ibid. № 5); *Отношенія между умственными и нравственными развитіемъ*. Изъ Вокля (ibid.);

(*) Впрочемъ, право пользованія своими холопами *безочетно*, право распорядиться своими крѣпостными душами, какъ бездушными вещами, вопреки кроткимъ законамъ, долго и долго имѣло чудовищные размѣры между нашими предками. Любопытно въ этомъ родѣ свидѣтельство Данилова: Зять мой, пишетъ онъ, служилъ въ 1744 въ л.-г. Семеновскомъ полку. Имѣя большое имѣніе, онъ неохотно служилъ рядовымъ гвардейцомъ. А какъ отставка отъ службы въ то время не было, то онъ напелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который отпускалъ его въ годовой отпускъ за ничтожный деревенскій гостинецъ, состоявшій въ 12 душахъ мужскаго пола съ женами и дѣтьми. Условіе было такое, что если зять не вывезетъ къ сроку этихъ душъ на отведенную землю, то неустойка вознаграждается прибавкою къ душамъ. Этотъ договоръ столь казался выгоднымъ моему зятю, что онъ пользовался отпускомъ ежегодно и честно расплачивался крестьянскими душами. Полковой писарь былъ гораздо совѣстѣ секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за отпускной билетъ. Крестьянскія души играли роль мелкой монеты (Записки Данилова. Москва. 1 42 г. стр. 85).

Эпизодъ изъ современной исторіи Турціи, Егорина (ibid. № 6); *Георіахъ IV* (Изъ сочиненія Мишле: Histoire de France) (Биб. для чт. № 3); *Взглядъ Нибура и Грота на Александра великаго*, Н. М. Благовѣщенскаго (Руск. сл. № 1); *Исторія ислама*. Обзорѣніе востока въ политическомъ отношеніи предъ появленіемъ Могоммеда. О значеніи имама, его власть и достоинство, А. Каземъ-Бека (ibid. № 2, 3 и 4); *Очеркъ современной исторіи юдаизма*, А. И. Герогіевскаго (ibid. № 3); *О народности нынѣшнихъ обитателей Греціи*, Р. В. Орбинскаго (ibid.); *Магоммедъ-Аминъ*, проф. А. К. Каземъ-Бека (ibid. № 6); *Краткій обзоръ писателя XIII вѣка Киркоса Гандзакецы о монголахъ* (ibid.); *Г-жа Рекамье*, Евгенія Туръ (Рус. вѣст. № 3 и 4); *Гликера* (Моск. вѣд. № 14); *Очерки Марокской имперіи* (Сѣв. пч. № 9, 10, 11 и 12); *Очеркъ политическаго поприща гр. Кавура* (ibid. № 55); *Речь, произнесенная президентомъ Северо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ по случаю открытія памятника Вашингтону* (ibid. № 61); *Уложеніе Наполеона III и политика Меттерниха* (ibid. № 65); *Ночныя звезды* (ibid. № 65 и 66); *Испанія и война въ Африкѣ* (Моск. вѣд. № 1 и 2); *Важное археологическое открытіе* (ibid. № 6); *Государственные люди и учрежденія Англій. Дизраэли* (ibid. № 18); *Вильгельмъ III и Лудовикъ XIV*, Г. В. Вызинскаго (ibid. № 41); *Европа въ началѣ 1860 года*, Н. С. (Одес. вѣст. № 2); *Исторія чешскаго народа*, Гильфердинга (Нар. чт. кн. 2); *Постепенный упадокъ Папской власти отъ половины XIII до половины XV столѣтія* (Журн. воен. учеб. зав. № 565, 566, 567, 568 и 569); *О вооруженномъ нейтралитетѣ*. Окон. (ibid. № 571).

IV.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА. — Изъ отчета, читаннаго 25 минувшаго сентября въ публичномъ собраніи Императорской академіи наукъ г. непремѣннымъ секретаремъ, (напечатаннаго въ изданномъ академіею наукъ отчетѣ о четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова, 25 сентября 1860 г.) видно, что на настоящее четвертое соисканіе наградъ, учрежденныхъ въ память о бывшемъ президентѣ академіи наукъ, графѣ Сергіѣ Семеновичѣ Уваровѣ, сыномъ сего Алексѣемъ Сергіевичемъ, съ цѣлію поощрить русскихъ писателей къ занятію русскою и славянскою исторіею, въ обширномъ значеніи слова, и драматическою словесностію, — поступило въ академію восемь драматическихъ пьесъ и четыре сочиненія по разряду историческихъ трудовъ. Для разсмотрѣнія какъ тѣхъ, такъ и другихъ сочиненій и для присужденія наградъ, на основаніи §§ 10 и 11 положенія, назначены были балатировкою двѣ комиссіи. Въ составъ одной изъ комиссій—драматической — членами избраны были гг. академики: П. А. Плетневъ, Н. Г. Устряловъ, И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ, А. А. Куникъ и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, а членами комиссій для разсмотрѣнія историческихъ трудовъ гг. академики: П. А. Плетневъ, П. И. Кеппенъ, Н. Г. Устряловъ, И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ и А. А. Куникъ. Впослѣдствіи, по случаю отъѣзда изъ столицы гг. Срезневскаго, Никитенки, Грота, Вельяминова-Зернова и Кеппена, на мѣсто ихъ въ комиссіи избраны были гг. академики: А. Х. Востоковъ, Д. М. Пере-

вощиковъ, Н. И. Кокшаровъ и П. И. Дубровскій. Члены обѣихъ комиссій, на основаніи § 11 положенія, для содѣйствія себѣ избрали постороннихъ рецензентовъ.

Для разсмотрѣнія представленныхъ драматическихъ произведеній, по единогласному постановленію комиссій, избраны были, изъ извѣстныхъ русскихъ писателей, гг. Буличъ, Гончаровъ, Дружининъ, Каратыгинъ, Лавровскій, Лонгиновъ, Майковъ и Хомяковъ, изъ которыхъ каждый получилъ по одному изъ принятыхъ въ конкурсъ драматическому сочиненію, съ просьбою сообщить объ немъ свой отзывъ академіи. По полученіи къ назначенному сроку отъ всѣхъ ихъ, за исключеніемъ одного, рецензій разсмотрѣнныхъ ими пьесъ, комиссія приступила къ чтенію ихъ и къ обсужденію самыхъ сочиненій, подлежащихъ разбору.

Относительно пяти изъ разобранныхъ пьесъ, комиссія вполне согласилась съ заключеніями избранныхъ ею рецензентовъ, признавшихъ предложенныя имъ суду пьесы несоотвѣтствующими тѣмъ требованіямъ, исполненіе которыхъ поставлено въ положеніи необходимымъ условіемъ для полученія награды.

Одну изъ пьесъ, рецензентъ которой не доставилъ къ сроку отзыва своего о ней, комиссія отложила до конкурса будущаго года.

Но двѣ остальные, какъ по высказаннымъ о нихъ рецензентами мнѣніямъ, такъ и по общему вниманію, которое онѣ возбуждали въ литературномъ мірѣ, комиссія признала необходимымъ подвергнуть дальнѣйшему и тщательнѣйшему разсмотрѣнію и обсужденію. Поэтому эти два драматическія произведенія: «Горькая судьбина», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Ф. Писемскаго, находившаяся въ разсмотрѣніи у г. Хомякова, и «Гроза», драма въ пяти дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго, находившаяся въ разсмотрѣніи у г. Гончарова,—по единодушному выбору комиссій, переданы были для сужденія, первая г. Ахшарумову, а вторая г. Галахову. По полученіи и разсмотрѣніи отзывовъ, представленныхъ новыми рецензентами, членъ комиссій, П. А. Плетневъ принялъ на себя, по порученію комиссій, провести параллель между обоими произведеніями и подвести, такъ сказать, общій итогъ сужденій, бывшихъ объ этомъ предметѣ въ комиссіяхъ. Комиссія въ настоящемъ случаѣ, между прочимъ, руководилась тѣмъ, что представленные рецензентами сужденія объ этихъ драматическихъ произведеніяхъ, признанныхъ ею и болѣею частію литературныхъ авторитетовъ

заслуживающіи особаго уваженія, по существу своему были различны, что, отчасти, можетъ быть объяснено тѣмъ, что гг. Хомяковъ и Ахшарумовъ, при разсмотрѣніи драмы г. Писемскаго особенное вниманіе обратили на недостатки ея, «но и этотъ самый фактъ», по словамъ отчета, читаннаго г. непремѣннымъ секретаремъ академіи, «можетъ съ другой стороны служить доказательствомъ, что недостатки эти не такъ замѣтны, чтобы о нихъ можно было упомянуть въ короткихъ словахъ, какъ они (гг. рецензенты) сдѣлали, указывая на явныя, неоспоримыя достоинства драмы. Равнымъ образомъ, если рецензенты «Грозы» и вовсе не упоминаютъ о слабой сторонѣ этого произведенія, то изъ этого еще нельзя заключить, чтобы такой стороны вовсе не было.» Академикъ П. А. Плетневъ, сравнивъ между собою оба драматическія произведенія, пришелъ къ тому заключенію, что обѣ драмы представляютъ несомнѣнныя достоинства со стороны воспроизведенія въ нихъ жизни, полной глубокаго анализа души человѣческой, и со стороны характеровъ, вызванныхъ къ дѣятельности, и въ поданномъ подробномъ письменномъ мнѣніи объяснилъ, что, основываясь на этихъ достоинствахъ и «принимая въ соображеніе независимость и силу дарованія сочинителей, ихъ вліяніе на успѣхи искусства, онъ находитъ вполне справедливымъ наградить гг. *Писемскаго* и *Островскаго* такую премією, какою, на основаніи положенія о наградахъ графа Уварова, увѣнчивается каждое отлично-хорошее драматическое произведеніе.»

Коммиссія, взвѣсивъ всѣ отзывы и доводы и, по подробномъ обсужденіи той и другой пьесы, признала, что обѣ онѣ вполне подходятъ подъ условія, указанныя въ § 9 положенія, и поэтому удостоила ихъ *большими преміями*; а г. Ахшарумову, за составленный имъ разборъ драмы г. Писемскаго, коммиссія присудила выдать золотую медаль.

По разсмотрѣніи избранными коммиссією рецензентами четырехъ историческихъ сочиненій, представленныхъ въ настоящій конкурсъ,—одно изъ этихъ сочиненій признано и рецензентомъ и коммиссією неудовлетворительнымъ и неподходящимъ подъ условія, дающія право на награду; одно, по случаю недоставленія рецензентомъ, разсмотрѣнію коего было ввѣрено, подробнаго о немъ разбора — отложено до конкурса будущаго года; за тѣмъ, двумъ остальнымъ, а именно: сочиненію г. *Бяльскаго*: «Крестьяне на Руси» — находившемуся въ разсмотрѣніи В. И. Вешнякова, и сочине-

нію г. *Энгельмана*: «О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву» — разсмотрѣнному *Θ. М. Дмитриевымъ*, — присуждены *малыя награды* (*).

ЗАСѢДАНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 9-ГО НОЯБРЯ. — Императорское русское географическое общество имѣло 9-го ноября обыкновенное общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ г. вице-предсѣдателя, адмирала *Θ. М. Литке*, присутствовало 123 почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и постороннихъ посѣтителей.

Между многими спеціальными предметами, занимавшими въ это собраніе вниманіе гг. членовъ, между прочимъ, былъ также окончательно разрѣшенъ вопросъ о слитіи «Записокъ» и «Вѣстника» общества въ одно изданіе.

Побужденія, руководившія географическое общество въ этой мѣрѣ, ближе всего раскрываются изъ слѣдующихъ словъ г. непремѣннаго секретаря общества, *Θ. Г. Тернера*, съ которыми онъ обратился къ обществу:

«Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ совѣтъ, въ два его засѣданія, бывшія со времени послѣдняго общаго собранія, является вопросъ объ изданіяхъ общества.

«Вопросъ этотъ былъ возбужденъ ревизіонной комиссіей въ началѣ нынѣшняго 1860 года. Комиссія обратила вниманіе общества какъ на многочисленность изданій онаго, такъ и на значительный расходъ, побужденный этими изданіями.

«Вслѣдствіе того совѣтъ, еще до ваканцій, занялся разсмотрѣніемъ этого вопроса, и всѣ члены совѣта были приглашены представить свое мнѣніе въ первое, послѣ ваканцій, собраніе.

«Изъ этихъ мнѣній, съ самаго начала, большинство склонялось къ слитію «Вѣстника» съ «Записками» въ одно періодическое изданіе. То-же мнѣніе высказалось еще опредѣлительнѣе въ пред-

(*) Въ изданномъ Императорскою академіею наукъ «отчетѣ о четвертомъ присужденіи наградъ графа *Уварова*», кромѣ упомянутаго нами отчета, читанаго непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ, *К. С. Веселовскимъ*, помѣщены всѣ отзывы и сужденія рецензентовъ, разбиравшихъ сочиненіа, удостоенныя премій, а именно мнѣнія: *П. А. Плетнева*, *И. А. Гончарова*, *А. Д. Галахова*, *А. С. Хомякова*, *Н. Д. Ахшарумова*, *Θ. М. Дмитриева* и *В. И. Вешнякова*.

ставленіи комиссіи, избранной по этому поводу совѣтомъ и состоящей изъ В. П. Безобразова, К. С. Веселовскаго и П. П. Семенова.

«Вотъ главные соображенія, на коихъ комиссія основываетъ свои заключенія:

«Два выходящія въ настоящее время, отъ имени общества, изданія: «Записки» и «Вѣстникъ» содержатъ, и то и другое, статьи, выражающія собою дѣятельность общества, такъ что и то и другое, отдѣльно взятое, не можетъ быть названо полнымъ органомъ общества, и лишь совокупность обоихъ изданій представляетъ собою сумму трудовъ общества и его членовъ.

«Не говоря уже о томъ, что такое разьединеніе трудовъ на два изданія лишаетъ каждое изъ нихъ полноты, можно замѣтить, что и самыя условія, по которымъ какая-нибудь статья попадаетъ въ то или другое изъ этихъ изданій, не имѣютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и строго-последовательнаго. Иногда значительный объемъ статьи служитъ поводомъ помѣщенія ея въ «Запискахъ»; но и этотъ критеріумъ не всегда служитъ руководствомъ, и рядомъ съ обширными сочиненіями, въ «Запискахъ» являлись и труды малаго объема.

«Кромѣ отсутствія опредѣлительнаго разграниченія между сферами обоихъ изданій, есть еще и другія неудобства, истекающія изъ ихъ раздѣльнаго существованія.

«Печатаніе отдѣльныхъ томовъ «Записокъ», подъ редакціею отдѣльныхъ членовъ общества, происходило, во многихъ случаяхъ, весьма медленно, а при перемѣнныхъ редакторахъ, несвязанныхъ передъ обществомъ постоянною обязанностию, это обстоятельство едва-ли устранимо; тогда-какъ нескорое появленіе въ свѣтъ трудовъ, печатаемыхъ въ «Запискахъ», въ нѣкоторыхъ случаяхъ отклоняло авторовъ отъ предоставленія ихъ обществу. Съ другой стороны, значительность и неопредѣленность промежутковъ времени между появленіемъ отдѣльныхъ томовъ «Записокъ» служитъ, отчасти, причиною малаго ихъ сбыта, такъ-что денежные затраты на это изданіе вовсе не вознаграждаются продажею экземпляровъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, и изданіе «Вѣстника», въ настоящемъ его видѣ, представляетъ нѣкоторыя неудобства. Если частый выходъ книжекъ этого журнала имѣетъ ту выгоду, что даетъ возможность доводить своевременно до общаго свѣдѣнія отчеты о дѣйствіяхъ общества, то, съ другой стороны, обязанность ежемѣсяч-

но наполнять книжку, влечетъ за собою необходимость давать мѣсто и такимъ статьямъ, которыя, по строгомъ разборѣ, можетъ быть, и не заслуживали-бы печати; а неразлучная при этомъ спѣшность работы можетъ иногда обращаться въ ущербъ точности собираемыхъ свѣдѣній и тщательности просмотра статей до печатанія. Столь-же частый выходъ книжочекъ не есть необходимость для журнала ученаго, въ которомъ основательность обработки статей важнѣе, чѣмъ свѣжесть сообщаемыхъ извѣстій, и особенно-же при современномъ состояннн у насъ ученой дѣятельности, еще недостигшей, какъ всѣмъ извѣстно, того развитія, какое замѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.»

Вполнѣ соглашаясь съ этими доводами, совѣтъ нашелъ необходимымъ — слить «Записки» и «Вѣстникъ», въ одно изданіе, которое должно будетъ служить полнымъ выраженіемъ дѣятельности общества, виѣщая въ себѣ какъ извѣстія о дѣятельности онаго и статьи, читаемыя въ обществѣ, такъ и статьи и сочиненія, доставляемыя членами общества, или посторонними лицами, некасающіяся предметовъ занятій общества. Новое изданіе, нося названіе «Записокъ», будетъ выходить четыре раза въ годъ, черезъ каждые три мѣсяца. Оно уже не будетъ сборомъ статей, безъ строгаго, опредѣленнаго характера, а должно имѣть задачей слѣдить за ходомъ и успѣхами географической науки, во всѣхъ ея отрасляхъ, совершаемыми въ Россіи, доставляя, въ то-же время, своимъ читателямъ болѣе или менѣе краткія свѣдѣнія о главнѣйшихъ явленіяхъ географической дѣятельности и за границей. Редакція новаго изданія предложена совѣтомъ г. доктору естественныхъ наукъ, А. Н. Бекетову.

ИЗВѢСТІЯ О РАСПРОСТРАНЕНІИ ГРАМОТНОСТИ, О ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛАХЪ, ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНІЯХЪ, ПУБЛИЧНЫХЪ И ГОРОДСКИХЪ БИБЛИОТЕКАХЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПР. — Показанный Одессою примѣръ коллективнаго участія общества въ дѣлѣ народнаго образованія, выразившійся въ проектированномъ «Новороссійскомъ обществѣ распространенія грамотности», — объ учрежденіи котораго мы говорили въ предъидущемъ обзорѣ — не есть единственный фактъ въ общемъ вопросѣ проявленія общественной дѣятельности въ отношеніи нравственнаго и умственнаго развитія бѣдныхъ и низшихъ классовъ народа. Въ настоящее время мы можемъ внести въ нашу лѣтопись проекты учрежденія еще двухъ подобныхъ обществъ, изъ

которыхъ одно основывается въ Костромѣ, подъ именемъ «Общества любителей просвѣщенія», а другое должно выразиться въ учрежденіи при Обществѣ сельскаго хозяйства южной Россіи особаго «комитета распространенія грамотности въ сельскомъ словіи Новороссійскаго края».

Для образованія перваго изъ названныхъ нами обществъ нѣкоторые изъ жителей Костромы личнымъ своимъ вліяніемъ успѣли заинтересовать общественное вниманіе къ вопросу народнаго образованія и сообща выработали проектъ, нѣкоторыя данныя котораго заключаются въ слѣдующемъ:

На обязанности общества лежитъ содѣйствіе существующимъ школамъ грамотности и учрежденіе новыхъ; устройство публичныхъ чтеній, литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ и спектаклей, которые послужатъ къ увеличенію средствъ общества; учрежденіе библіотекъ и кабинетовъ для чтенія; распространеніе дешевыхъ книгъ для элементарнаго чтенія, изданіемъ ихъ на свой счетъ и выдачею за нихъ вознагражденія составителямъ. Общество приводитъ въ исполненіе свои предположенія преимущественно въ Костромѣ, и, за тѣмъ, по мѣрѣ средствъ и возможности, и въ уѣздныхъ городахъ Костромской губерніи. На первомъ планѣ, въ числѣ условій, поставляется, чтобы члены не отказывались, по возможности, отъ заботъ и трудовъ по дѣламъ общества, а въ § 56 прибавляется, что обязанность преподаванія во всѣхъ школахъ принимаютъ на себя преимущественно члены общества, а также и постороннія лица, заявившія о томъ свое желаніе. Члены, проживающіе въ уѣздахъ, принимаютъ на себя какъ и другіе члены, исполненіе порученій общества, и состоятъ его корреспондентами. Въ Костромѣ устраиваются періодическія собранія всѣхъ членовъ, примѣрно, одинъ разъ въ два мѣсяца. Правленіе состоитъ изъ предсѣдателя и 6-ти членовъ, избираемыхъ изъ среды его дѣйствительныхъ членовъ.

Вопросъ о необходимости распространенія грамотности между поселянами южной Россіи былъ высказанъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ настоящаго года, при первомъ хозяйственномъ съѣздѣ членовъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи въ Елисаветградѣ, а впослѣдствіи одинъ изъ членовъ этого общества, г. Рощаковскій, движимый тѣмъ-же сознаніемъ, въ собраніи общества 5 октября выразилъ свою мысль объ учрежденіи при обществѣ особаго комитета распространенія грамотности между поселянами

Новороссійскаго края, и, по предложенію членовъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи, составилъ и самый проектъ для предполагаемаго «комитета». Напечатанный въ № 10 «Листка» (составляющаго «Прибавленіе къ запискамъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи»), проектъ г. Рощаковскаго заключаетъ въ себѣ 13 параграфовъ, изъ которыхъ въ 5-ти §§ излагается цѣль и орудія, которыя избираетъ комитетъ для распространенія грамотности, а въ 8-ми §§ опредѣляется внутренняя организація комитета, его матеріальныя средства и преимущества членовъ. На основаніи положеній, изложенныхъ въ первой категоріи названныхъ выше 5-ти параграфовъ, комитетъ —

- 1) Цѣлю своею, а равно и каждаго члена въ частности полагаетъ — распространеніе грамотности въ простомъ народѣ нравственнымъ вліяніемъ и матеріальными средствами (*).
- 2) Онъ старается возбудить благотворительность къ открытію школъ и, по мѣрѣ средствъ, оказываетъ пособіе этимъ школамъ (**).
- 3) Поощряетъ преміями занимающихся обученіемъ дѣтей грамотѣ и оказываетъ пособіе къ изданію книгъ учебныхъ и содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя въ сельскомъ быту (***).
- 4) При комитетѣ издаются «Записки», въ которыхъ будутъ заключаться извѣстія о дѣйствіяхъ его членовъ, и которыя будутъ служить центромъ обмѣна мыслей всѣхъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія (****).

Къ этимъ извѣстіямъ о проявленіи общественной дѣятельности на пользу народнаго образованія, мы могли-бы еще добавить извѣстіе объ основаніи общества распространенія грамотности: но до полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній, удержимся сообщеніемъ его, и перейдемъ къ отчету о проявленіи дѣятельности частной.

Здѣсь мы также встрѣчаемъ не менѣе утѣшительные факты, свидѣтельствующіе о стремленіи по тому-же пути отдѣльныхъ лицъ, исполненныхъ самого теплаго участія къ общественной пользѣ. Убѣдительный примѣръ тому мы видимъ во внутреннемъ составѣ преподаванія въ учрежденномъ княземъ Васильчиковымъ приходскомъ училищѣ, въ вѣнѣи его, — мѣстечкѣ Таурогенѣ.

(*) Проектъ учр. комитета распротр. грамотности въ сельскомъ сословіи §§ 1 и 8.

(**) Ibid. § 9.

(***) Ibid. § 10.

(****) Ibid. § 11.

Училище это, по извѣстіямъ, передаваемымъ «Виленскимъ вѣстникомъ» (№ 87), открыто еще въ прошедшемъ году и учащихся въ немъ, въ томъ году, было 129 человекъ — христіанскаго исповѣданія 99 человекъ (73 мальчика и 26 дѣвочекъ) и еврейскаго — 30 человекъ. Супруга владѣльца, княгиня Васильчикова, съ особенною любовію и ревностію слѣдя за ходомъ преподаванія въ этомъ училищѣ, и желая ввести въ немъ общепринятый методъ г. Золотова, для обученія чтенію и письму, въ бытность свою въ Петербургѣ, на мѣстѣ, удостовѣрилась въ пользу практическаго его примѣненія отъ самого изобрѣтателя, и, въ благодарномъ уваженіи народности, пожелала, чтобы жмудины изучали свой родной языкъ также съ помощію этого способа. Съ этою цѣлью, для основательнаго изученія послѣдняго, княгиня Васильчикова отправила въ Петербургъ, на свой счетъ, двухъ преподавателей, и теперь всѣ таблицы руководства Золотова переводятся на жмудскій языкъ. Такое теплое участіе, выражаемое въ вопросѣ нравственнаго и умственнаго развитія бѣдныхъ классовъ народа, должно оставить по себѣ замѣтный слѣдъ и привлечь въ школу дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, незнакомыхъ съ дѣломъ и смотрѣвшихъ до-сихъ-поръ, можетъ-быть, нѣсколько и недовѣрчиво на рутинное школьное обученіе.

При такихъ-же, вѣроятно, побужденіяхъ нравственнаго и религіознаго развитія простаго народа, княгиня М. А. Кантакузенъ, съ мая мѣсяца настоящаго года, пригласила приходскихъ священниковъ при трехъ церквахъ, находящихся въ ея имѣніяхъ Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда — открыть воскресныя и праздничныя бесѣды, на которыхъ-бы желающіе изъ прихожанъ могли научиться молитвамъ и правиламъ вѣры. Бесѣды эти были встрѣчены полнымъ сочувствіемъ простаго народа и къ слушанію религіозныхъ поученій начали собираться не только дѣти, но даже и взрослые.

Впрочемъ, въ настоящую пору, сознаниемъ необходимости нравственнаго и умственнаго развитія проникнуты у насъ всѣ низшіе классы народа, и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что народъ желаетъ учиться, — воскресныя школы, которыя, по открытіи своемъ, немедленно-же наполняются и дѣтьми, и взрослыми, и даже иногда пожилыми уже людьми. И такъ, если прямой смыслъ простаго народа созналъ необходимость обученія, то образованнымъ классамъ общества остается только придти къ нему на по-

мощь, давая правильное направленіе школьному обученію и помогая матеріальными средствами, недостатокъ которыхъ, иногда, бываетъ такъ чувствителенъ, что иныя городскія и сельскія общества, для покрытія расходовъ по содержанію первоначальныхъ учебныхъ заведеній, прибѣгаютъ къ установленію такихъ добровольныхъ налоговъ, которые хотя и показываютъ, съ одной стороны, изобрѣтательность ума, но, съ другой, ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться вполнѣ вѣрными и обезпечивающими безбѣдное существованіе открываемыхъ училищъ. Такъ на примѣръ, читатели наші уже знаютъ, что крестьяне Бѣлой Церкви, при открытіи у себя школъ, для обезпеченія содержанія ихъ, постановляли взимать у себя съ каждаго покупателя воды по 20 коп. сер. съ ведра, сверхъ нормальной цѣны, и, въ благородной рѣшимости своей, были удержаны только одною заботливою распорядительностію откупа, поспѣшившаго воспрепятствовать имъ въ этомъ. Другой примѣръ установленія добровольнаго налога представляетъ «Одесскій вѣстникъ» въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ №№, въ которомъ извѣщаетъ, что Ейское городское общество купцовъ и мѣщанъ, желая открыть у себя въ городѣ женское училище 2-го разряда, общественнымъ приговоромъ своимъ, состоявшимся еще въ началѣ нынѣшняго года, опредѣлило сборы съ свадебъ отъ 10 р. — 1 р., а также сборы при крещеніи младенцевъ отъ 4 р. — 15 коп. сер. и ежегодный взносъ, отъ 3 р. — 1 р., при объявленіи купеческихъ капиталовъ.

Лѣтопись воскресныхъ школъ. — Интересъ къ воскреснымъ школамъ не ослабѣваетъ; число ихъ увеличивается, число учащихся и учащихъ въ нихъ распространяется. *С. Петербургскія* воскресныя школы постоянно привлекаютъ къ себѣ массы учениковъ; такъ на примѣръ во Владимірской воскресной школѣ по спискамъ считается, вообще, до 415 учениковъ, включая сюда и тѣхъ, впрочемъ, весьма немногихъ учениковъ, которые были въ классѣ всего только по одному разу. Въ этой воскресной школѣ, кромѣ закона Божія, грамоты, ариметики, ученикамъ сообщаютъ свѣдѣнія по физической географіи и естественной исторіи и обучаютъ рисованію. Что касается до главныхъ предметовъ преподаванія — закона Божія, грамоты и ариметики, то они излагаются ученикамъ воскресной школы въ слѣдующихъ разиѣрахъ и при соблюденіи слѣдующихъ приѣмовъ:

По закону Божію. — Первоначально, послѣ открытія школы,

соотвѣтственно раздѣленію учениковъ на грамотныхъ и неграмотныхъ, преподаватели закона Божія (въ числѣ 15-ти человекъ) рѣшили идти къ своей цѣли разными путями. Для слушателей перваго разряда читали и въ возможно-краткихъ и общихъ чертахъ изъясняли молитвы; иногда-же, примѣняясь къ праздничнымъ и особеннымъ днямъ, напримѣръ, во время поста, просто бесѣдовали съ ними о разныхъ предметахъ вѣры и обрядахъ церковныхъ, чтобы сколько-нибудь поднять уровень религіозно-нравственныхъ понятій въ учащихся и вызвать ихъ на собственное размышленіе. Съ грамотными стали заниматься прямо разсказами изъ священной исторіи ветхаго завѣта, разумѣется, также самыми краткими: кромѣ того, предлагали имъ чтеніе воскресныхъ евангелій, а въ праздники — объясненіе праздниковъ. Такъ продолжалось со времени открытія школы (5 іюня) до половины августа. Съ этого времени, послѣ того, какъ окончательно установился порядокъ въ школѣ, на частномъ совѣтѣ законоучители положили: всѣмъ мальчикамъ преподавать эротематическимъ методомъ священную исторію ветхаго и новаго завѣта, обращая вниманіе ихъ на замѣчательнѣйшія лица и, въ ихъ жизни, на важнѣйшія событія и обстоятельства. Разсказы историческіе принято сопровождать догматическими ученіями и нравственными уроками, гдѣ можно это дѣлать, а ветхозавѣтныя повѣствованія вести такъ, чтобы находить въ нихъ указанія преобразовательныя, или пророческія на новый завѣтъ. До-сихъ-поръ, съ грамотными пройдено до періода царей израильскихъ, а съ неграмотными до египетскаго рабства евреевъ. По большимъ праздникамъ и теперь во всѣхъ классахъ предлагается краткая исторія праздниковъ, въ простыя-же воскресенья — объясненіе дневныхъ евангелій. Нужно сказать, что вниманія и любознательности въ ученикахъ видно вообще не мало, но религіозныя понятія ихъ крайне-скудны. Поэтому, если меньшая ихъ половина успѣла усвоить кое-что изъ уроковъ по закону Божію, то большинство остается съ прежнимъ незнаніемъ, по причинѣ совершенной неразвитости ихъ. Умѣющіе читать могли-бы повторять дома выслушанное въ школѣ; но, къ-сожалѣнію, чувствуется большой недостатокъ въ книгахъ священной исторіи, такъ-что часто приходится отказывать самому жаркому усердію.

По грамотѣ. — Всѣ желающіе учиться чтенію и письму раздѣлены на двѣ группы — на неграмотныхъ и умѣющихъ нѣ-

сколько читать и писать. Изъ неграмотныхъ (95 чел.) образовалось особое отдѣленіе, въ которомъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ г. Золотова, доселѣ занимаются воспитанники земледѣльческаго училища. Съ учениками полуграмотными (139 чел.) стали исключительно заниматься студенты академіи, въ числѣ 36-ти. Эти студенты-преподаватели раздѣляются на 9 кружковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ, для своихъ занятій, отъ 15 до 20 учениковъ, и занимаются поочереды каждый разъ по одному студенту, изъ каждаго кружка. Съ октября мѣсяца число преподавателей увеличилось. Порядокъ ихъ занятій сперва, по открытіи школы, былъ такой: изъ 1-го часа и 10-ти минутъ, назначенныхъ для грамоты, первыя 35 минутъ посвящались на чтеніе, а вторыя 35 м. на письмо. При чтеніи прилагался иногда методъ взаимнаго обученія, по которому мальчики, въ извѣстной группѣ, поочередно прочитываютъ указываемое имъ мѣсто, другъ за другомъ слѣдятъ, и одинъ другаго поправляютъ. Но такъ-какъ многихъ (отъ 15-ти до 20-ти) мальчиковъ учить такимъ методомъ оказалось неудобнымъ для одного преподавателя, то стали прибѣгать къ другому способу преподаванія, состоящему въ томъ, что въ началѣ класса всѣ мальчики начинаютъ писать съ прописей, а преподаватель, попеременно руководя каждаго изъ нихъ въ письмѣ, съ нѣкоторыми занимается, кромѣ того, и чтеніемъ; такимъ образомъ ни одинъ ученикъ не остается безъ дѣла. До-сихъ-поръ все продолжали являться и записываться новые мальчики. Кромѣ того, изъ поступившихъ не всѣ всегда занимались одинаково, посѣщая школу съ пропусками двухъ и болѣе воскресныхъ дней. По тому и другому, въ послѣднее время, во всѣхъ группахъ оказалась между мальчиками большая разность по успѣхамъ: одни довольно хорошо читаютъ и пишутъ, другіе — только разбираютъ слова и лишь начинаютъ писать. Поэтому предположена въ этомъ классѣ новая группировка: малоуспѣшныхъ отдѣлить отъ хорошоуспѣвшихъ, и для тѣхъ и другихъ назначить особыхъ преподавателей, такъ, чтобы преподаватель, имѣя у себя учениковъ, мало-отличающихся одинъ отъ другаго познаніями, могъ удобнѣе употреблять одинъ, общій для всѣхъ методъ занятій. Съ умѣющими уже порядочно читать и писать положено заниматься объяснительнымъ чтеніемъ и письмомъ подъ-диктовку. Въ отдѣленіи неграмотныхъ, преподаваніе шло по одному методу г. Золотова. Изъ приходившихъ въ школу, болѣе или менѣе постоянно (58 чел.)— всѣ почти

читаютъ по таблицамъ, и подъ-диктовку, передвижными буквами, набираютъ слова, состоящія изъ прямыхъ, обратныхъ и среднихъ слоговъ; нѣкоторые въ состояніи прочитывать по книгѣ фразы, даже напечатанныя довольно мелкимъ шрифтомъ и безъ раздѣленія на слоги. Всѣ занимались и письмомъ; нѣкоторые уже всѣ буквы пишутъ довольно правильно. На обѣихъ половинахъ, какъ у г. Золотова, такъ и у гг. студентовъ, при занятіяхъ чтеніемъ, обращено вниманіе на то, чтобы ученики интересовались не процессомъ только чтенія, но и самымъ содержаніемъ прочитаннаго и написаннаго ими.

По ариѳметикѣ. — Учащіяся ариѳметикѣ раздѣлены на два класса. Первый классъ назначенъ для тѣхъ, которые поступаютъ вновь въ школу, или переводятся изъ другихъ классовъ вовсе незнакомые съ ариѳметикою. Въ этомъ классѣ они обучаются первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики. Во 2-мъ классѣ преподаются дальнѣйшія и болѣе сложныя ариѳметическія дѣйствія тѣмъ, которые поступили съ знаніемъ 4-хъ простыхъ дѣйствій, или приобрѣли его въ школѣ. Въ этомъ классѣ теперь 17 человекъ, а въ первомъ (арифметическомъ) 108. Преподаватели ариѳметики заботятся о томъ, чтобы ученики сознательно, а не механически усвоивали ариѳметическіе приемы въ рѣшеніи задачъ. Въ этихъ видахъ, ученикамъ даются практическія задачи, примѣненныя къ ихъ быту, начиная, конечно, съ самыхъ простѣйшихъ. Сначала, каждый изъ нихъ самъ собою умственно рѣшаетъ задачу, потомъ по объявленію о рѣшеніи, рѣшившій правильно показываетъ — какъ онъ дошелъ до такого рѣшенія; далѣе преподаватель указываетъ удобнѣйшіе и легчайшіе приемы къ рѣшенію извѣстнаго рода задачъ — и, наконецъ, высказываетъ правила того ариѳметическаго дѣйствія, къ которому относились предлагаемыя задачи. При этомъ наблюдается строгая постепенность въ переходѣ отъ простыхъ задачъ къ болѣе сложнымъ. Но такъ-какъ не всѣ ученики оказываютъ одинаковыя успѣхи, при томъ вновь поступающіе и переходящіе въ этотъ классъ изъ другихъ классовъ не могутъ проходить ариѳметику наравнѣ съ другими, то наставники 1-го ариѳметическаго класса раздѣлили своихъ учениковъ на 4 группы, приспособительно къ степени ихъ ариѳметическихъ познаній и занимаются съ каждою группою отдѣльно, тѣмъ, чего въ ней не знаютъ. Каждая группа, въ каждый учебный день, имѣетъ одного преподавателя. Такъ-какъ классъ ариѳметики на-

значенъ для тѣхъ, которые хорошо читаютъ и пишутъ, то онъ бываетъ одновременно съ классомъ чтенія. Но чтобы и занимающіеся ариметикою имѣли случай совершенствоваться въ чтеніи и письмѣ, преподаватели ариметики удѣляютъ, каждый разъ, 35 минутъ на чтеніе съ изъясненіемъ, руководясь въ этомъ случаѣ методомъ г. Золотова; заставляютъ также учениковъ писать подъ диктовку. Число учениковъ, занимающихся рисованіемъ, возрасло отъ 115 до 190 человекъ. Изъ пожертвованій, въ послѣднее время, поступило въ пользу Владимірской воскресной школы отъ студентовъ духовной академіи — 10 книгъ и одинъ экземпляръ географическаго атласа.

Въ пользу Коломенской воскресной школы, продолжающей по прежнему свою дѣятельность, и существующей, исключительно, на частныя средства, со времени ея основанія (5 іюня) по начало октября — денежными пожертвованіями вступило 146 р. 29 коп. и сверхъ того принесены въ даръ разными лицами различныя учебныя пособія; изъ пожертвованныхъ-же денегъ воскресной школою израсходовано на разныя надобности только 45 руб. 10 коп. сер.

Въ воскресную школу гимнастическаго кадра ходятъ учиться до 130 учениковъ.

Въ числѣ пожертвованій, поступившихъ въ эту школу, получена электрическая машина, которой преподаватели пользуются для объясненія ученикамъ дѣйствій электричества.

Притивъ учениковъ въ другія воскресныя школы также былъ значителенъ. Такъ, напримѣръ: число посѣщавшихъ, въ послѣднее время, Самсоньевскую школу доходило до 180 человекъ и болѣе; гальваническую (мужское отдѣленіе)—до 150 челов. Въ мужское отдѣленіе Вознесенской воскр. школы, открытой въ половинѣ сентября стараніями гг. Перетца и другихъ лицъ, и при содѣйствіи ремесленной управы,—на первый урокъ явилось только 70 учениковъ, впоследствии-же число это болѣе нежели удвоилось (до 170 челов.), такъ-что занятое въ настоящее время школою помѣщеніе, въ приходскомъ училищѣ, сдѣлалось тѣснымъ для собирающихся въ ней мальчиковъ и потому часть ихъ предполагается перевести въ другое помѣщеніе. При томъ сочувствіи, которое ремесленный классъ показываетъ къ посѣщенію воскресныхъ классовъ, С. Петербургскихъ воскресныхъ школъ, соразмѣрно съ массою желающихъ учиться, становится мало, и новыя уже готовятся къ от-

крытію, о чемъ мы своевременно и извѣстимъ; теперь-же скажемъ только о воскресной школѣ, которая основана за чертою города, на правой сторонѣ Невы, за Шлиссельбургской заставой; инициатива въ открытіи ея принадлежитъ фабрикантамъ гг. Шатлендеру, Морозову и другимъ лицамъ, энергически взявшимся за устройство ея.

Къ прежде открытымъ въ С. Петербургѣ женскимъ воскреснымъ школамъ, вслѣдствіе видимаго интереса, который онѣ возбуждаютъ къ себѣ со стороны дѣвушекъ-ремесленницъ, охотно посѣщающихъ ихъ, въ послѣднее время открыты вновь еще двѣ такія воскресныя школы,—одна при Марининскомъ женскомъ училищѣ, а другая при 3-й гимназіи. Первая изъ названныхъ воскресныхъ школъ основана при содѣйствіи ремесленной управы, а послѣдняя на частныя средства.

Въ заключеніе отчета нашего о дѣятельности Петербурга по вопросу народнаго обученія, намъ остается еще упомянуть о намѣреніи г. Золотова открыть съ будущаго года школу для приготовленія сельскихъ учителей изъ всѣхъ сословій. Въ ней предполагается преподавать, кромѣ закона Божія, русскаго языка, ариметики, физической географіи, и практическое указаніе метода обученія чтенію и письму. Для прохожденія курса наукъ назначается 6 мѣсяцевъ: плату предполагается взимать по 30 руб. сер. съ лица.

Преподавателей въ *Московскихъ* воскресныхъ школахъ, по извѣстіямъ, сообщаемымъ г. С. Я. редакціи «Экономическаго указателя» (№ 201), въ настоящее время считается болѣе семидесяти; всѣ они студенты или окончившіе курсъ въ университетѣ; законъ Божій преподается священниками и діаконами. Преподаватели собираются по субботамъ (вечеромъ) въ университетъ для обсужденія общихъ вопросовъ, касательно классныхъ занятій; въ эти-же собранія обращаются и лица, желающія принять участіе въ преподаваніи въ воскресныхъ школахъ; послѣ трехъ пробныхъ уроковъ, преподаватели принимаются по баллотировкѣ. Относительно внутренняго состоянія, Московскія воскресныя школы чувствуютъ, общій недостатокъ въ книгахъ, которому, вѣроятно, пособятъ учебники, выписанные уже изъ Америки, переведенные и печатаемые на счетъ одного ревнителя просвѣщенія. Тѣснота помѣщеній, занимаемыхъ московскими воскресными школами, составляетъ для нихъ другое важное условіе неудобства, отчего особенно тер-

пять; мужское и женское отдѣленія воскресныхъ школъ, помѣщающихся на Лубянкѣ.

Свѣдѣнія наши о дѣятельности *Кіевскихъ* воскресныхъ школъ болѣе полны. До настоящей осени въ Кіевѣ было всего только три воскресныхъ школы—двѣ мужскія и одна женская. Мужскія школы были учреждены студентами университета и помѣщались,— одна на Новомъ Строеніи, другая—на Подолѣ. Женская воскресная школа, заведенная классными дамами пансіона г-жи Нельговской, помѣщалась на Старомъ Кіевѣ. Къ этимъ тремъ воскреснымъ школамъ, за послѣднее время, прибавились еще три новыя мужскія и одна женская. Мужскія воскресныя школы открыты: одна—студентами университета на Печерскѣ; другая—учителями первой гимназіи; впрочемъ, эта школа существуетъ уже, *de facto* болѣе мѣсяца, и въ ней сначала, по извѣстіямъ, передаваемымъ «Кіевскимъ телеграфомъ» (№ 86), ученики, въ видѣ опыта, занимались обученіемъ гимназической прислуги, а впослѣдствіи, когда опытъ оказался удачнымъ, то допущены были и приходящіе; наконецъ, третью школу—праздничную, т.-е. такую, въ которую учащіеся будутъ собираться не по воскресеньямъ, а по другимъ праздничнымъ, или, вообще, по указаннымъ отъ учредителей днямъ—открыли студенты Кіевской духовной академіи. Для обученія дѣвушекъ открыта также вторая женская воскресная школа въ помѣщеніи Фундуклеевской женской гимназіи.

Независимо отъ такого быстрого и значительнаго увеличенія наличнаго числа воскресныхъ школъ, по извѣстіямъ, передаваемымъ «Кіевскимъ телеграфомъ» (№ 86) и «Москов. вѣдом.» (№ 245), въ Кіевѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени, должны быть открыты еще двѣ новыя воскресныя школы — одна мужская, а другая—женская. О дѣятельности Подольской (прежде открытой) воскресной школы свѣдѣній мы не имѣемъ никакихъ; относительно-же Новостроенской, г. Левицкій сообщаетъ редакціи «С. Петерб. вѣд.» (№ 237), что число учениковъ въ этой школѣ въ послѣднее время, увеличилось до того, что помѣщеніе школы въ зданіи уѣзднаго училища оказалось тѣснымъ и она переведена въ зданіе 2-й Кіевской гимназіи. Число учениковъ ея, приблизительно, простирается до 100 чел. Въ низшемъ классѣ (неграмотныхъ) учениковъ считается до 35 челов., а остальное число приходится на другіе классы. Преподаваніе идетъ успѣшно. Изъ низшаго въ средній классъ переведено 3 человѣка. Число учителей

простирается до 40 чел. На одного учителя приходится отъ 2 до 3 учениковъ. Преподаваніе закона Божія принялъ на себя профессоръ богословія въ университетѣ св. Владиміра, священникъ Фаворовъ, первая лекція котораго состояла въ разсказахъ изъ исторіи ветхаго завѣта. Благодаря участію гг. профессоровъ Феофилактова и Ромера, университетскіе кабинеты будутъ открыты по воскресеньямъ собственно для воскресныхъ школъ.

Матеріальныя средства Новостроенской воскресной школы увеличились собранною студентами довольно значительною денежною суммою. Къ тому-же предполагается еще, при содѣйствіи профессора г. Селина, — открыть публичныя чтенія въ пользу этой школы.

Въ теченіе октября и въ первой половинѣ ноября мѣсяца открыты новыя воскресныя школы въ слѣдующихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ: въ Сызрани, Нижемъ-Новгородѣ, Астрахани, Кронштадтѣ и близь г. Вознесенска въ селеніяхъ Новогеоргіевскѣ и Константиновкѣ—мужскія (*) и женскія—въ Казани, Астрахани и Могилевѣ (**), а открытая 30 октября въ Тамбовѣ воскресная школа предназначена для обученія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ (***). Изъ числа названныхъ школъ первой категоріи наибольшій приливъ учениковъ былъ въ воскресныя школы, открытыя въ Сызрани и въ Кронштадтѣ, изъ коихъ въ первую, въ день открытія ея, явилось 83 ученика, а во вторую 82 учен.; въ воскресную-же школу, открытую въ Астрахани, на первый урокъ прибыло 7 учениковъ, а въ Нижегородскую въ первые два урока было только по 2 ученика, а на третій ихъ явилось 3 человѣка. Воскресныя школы, открытыя близь г. Вознесенска въ селеніяхъ Новогеоргіевскѣ и Константиновкѣ, въ зданіяхъ, занимаемыхъ батареями школами 14-й полевой артиллерійской бригады, для приходящихъ всѣхъ сословій мужскаго пола,—обязаны своимъ основаніемъ г. бригадному командиру означенной бригады, полковнику фонъ Винклеру. Необходимыя средства къ обученію доставлены въ школы безвозмездно и гг. офицеры охотно вызвались принять на себя преподаваніе въ нихъ; кромѣ-того, въ помощь имъ

(*) «Симбирск. губ. вѣд.» № 44, «Москов. вѣд.» № 246, «Астрах. губери. вѣд.» № 44, «Экон. Указ.» № 203 и «Одесскій вѣст.» № 126.

(**) «Экономич. Указат.» № 204, «Астрахан. губ. вѣд.» № 44, «Могилев. губ. вѣд.» № 85.

(***) «Эконом. Указат.» № 202.

при обученіи, назначено еще по нѣскольку артиллерійскихъ солдатъ, знающихъ грамоту. Изъ вновь открытыхъ женскихъ воскресныхъ школъ, — въ Астраханской, помѣщающейся въ аданіи, занимаемомъ г. начальникомъ губерніи, преподаваніемъ занимаются 12 учительницъ и одинъ священникъ. Характеръ этой школы выразился въ большомъ ея успѣхѣ: на первый урокъ въ нее прибыло 37 ученицъ, на второй — 42, а на третій — 58 ученицъ. Могилевская женская воскресная школа, открытая въ зданіи дѣтскаго пріюта, вскорѣ была обращена въ бесплатную школу грамотности для дѣвушекъ. Ученіе въ ней производится каждый день съ понедѣльника до пятницы, включительно; преподаваніемъ занимаются 10 дѣвицъ. Школу, въ настоящее время, посѣщаютъ 78 дѣвочекъ, изъ которыхъ 8 считаются сверхкомплектными, и дальнѣйшій пріемъ желающихъ вступить въ нее, въ зависимости отъ настоящихъ средствъ, находящихся въ распоряженіи школы, долженъ былъ прекратиться, самый-же комплектъ обучающихся дѣвочекъ ограниченъ 70 ученицами.

Въ теченіе октября мѣсяца открыты были еще два приходскія училища, — одно въ Уфѣ (2-е), а другое Ананьевскаго уѣзда, въ селеніи Окнахъ, принадлежащемъ княгинѣ Гагариной. Въ послѣднемъ училищѣ, дѣти обоого пола будутъ обучаемы закону Божію, чтенію, письму и первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Училище помѣщается въ каменномъ домѣ, принадлежащемъ княгинѣ Гагариной, которая приняла на себя, вмѣстѣ съ издержками по содержанію его, и выдачу также жалованья учителю и законоучителю. Уфимское-же приходское училище обязано открытіемъ своимъ купцу г. Кузнецову, который на содержаніе его обязался ежегодно жертвовать по 300 руб. сер.

Въ заключеніе глѣтописи воскресныхъ школъ, намъ остается еще сообщить извѣстія о дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ, изъ числа прежде открытыхъ уже въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Существующія въ Херсоніи съ сентября мѣсяца двѣ воскресныя школы — мужская и женская, вначалѣ привлекали къ себѣ самое незначительное число учениковъ, увеличеніе которыхъ въ первыя три воскресенья подвигалось такъ медленно, что на четвертый урокъ, при постоянномъ, впрочемъ, возрастаніи, въ мужскую воскресную школу явилось только семь учениковъ, но зато въ слѣдующее затѣмъ воскресенье ихъ прибыло восемьдесятъ человекъ.

Такой неожиданный прливъ вдругъ учениковъ, кажется, отчасти, можетъ быть объясняемъ недоумѣемъ, съ которыми первые смотрѣли вначалѣ на школу, потому-что въ извѣстіяхъ, сообщенныхъ объ этихъ воскресныхъ школахъ редакціи «Одесскаго вѣстника» (№ 119) г. директоромъ училищъ Херсонской губерніи, послѣдній въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ, что «9 октября въ мужской школѣ было семь учениковъ и сверхъ-того явилось четверо такихъ, которые хотя и заявили о желаніи своемъ учиться, но въ классъ войти, чтобы начать учиться, еще не рѣшились, наивно выразивъ опасеніе свое, что если ихъ начнутъ учить, то стануть и бить». Въ основаніи тѣхъ или другихъ какихъ причинъ возрасло такъ мгновенно число учениковъ Херсонской воскресной школы, во всякомъ случаѣ это фактъ утѣшительный и остается только желать, чтобы онъ въ одинаковой мѣрѣ отразился и на женской воскресной школѣ, число ученицъ которой и въ послѣднее время не превышало 7. Пожертвованій въ пользу двухъ Херсонскихъ воскресныхъ школъ, по 20 число минувшаго сентября, вступило 100 р. 50 коп.

Дѣятельность Елисаветградской воскресной школы, по извѣстіямъ, сообщаемымъ г. Вистомъ редакціи «Одесскаго вѣстника» (№ 118), сопровождается обстоятельствами, совершенно противоположными указаннымъ выше. Число учениковъ этой школы съ 50, которые явились на первый урокъ, съ іюля начавъ падать и постоянно измѣняясь, въ октябрѣ простиралось до 3 или 5 человѣкъ, и, сколько можно заключить изъ словъ г. корреспондента, единственною причиною этому служить нежеланіе ремесленниковъ посѣщать школу.

Керченская воскресная школа, напротивъ, развивается при совершенно отличныхъ отъ предъидущей условіяхъ. Число постоянныхъ учениковъ Керченской воскресной школы доходитъ, среднимъ числомъ, до 50 человѣкъ; преподаваніемъ въ ней занимаются учителя уѣзднаго училища, Кушниковскаго дѣвичьяго института и ученики высшаго класса уѣзднаго училища. Въ матеріальномъ отношеніи воскресная школа также является совершенно обезпеченною, не чувствуя вслѣдствіе этого никакого недостатка въ учебныхъ пособіяхъ. Въ этомъ отношеніи она весьма многимъ обязана г. керчь-еникольскому градоначальнику, контрѣ-адмиралу А. П. Спицыну, который доставилъ ей въ числѣ многихъ экземпляровъ Евангеліе, учебники г. Золотова, аспидныя доски и проч.

Кромѣ того г. градоначальникъ одѣваетъ на свой счетъ бѣдныхъ мальчиковъ, правильно посѣщающихъ школу, дарить прилежныхъ вещами, книгами и деньгами. При непосредственномъ его-же участіи была открыта по градоначальству въ пользу воскресной школы подписка, въ которой Керченское общество приняло самое близкое и дѣятельное участіе. Не менѣе г. градоначальника заботятся о благосостояніи школы и штатный смотритель, и училищный совѣтъ, состоящій изъ молодыхъ людей, и гг. офицеры Виленскаго полка, не мало содѣйствовавшіе первоначальному успѣху ея.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ «Московскими вѣдом.» (№ 260), преподаваніе въ воскресной школѣ въ Казани идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ началѣ. Всѣхъ учениковъ числится теперь 224, а число преподавателей увеличилось до 65. Къ сожалѣнію только, многіе изъ записавшихся учениковъ-ремесленниковъ не посѣщаютъ школы, встрѣчая затрудненія со стороны своихъ хозяевъ.

Число учениковъ Псковской воскресной школы прогрессивно увеличивается и въ первой половинѣ ноября дошло до 54 чел.; численный-же составъ преподавателей остается при одной цифрѣ (15): въ числѣ учащихся школу посѣщали также и дѣвочки. «Псковскія губер. вѣд.» (№ 44), между-прочимъ, передаютъ, что по степени познаній и развитія учениковъ, школа раздѣлена на классы по каждому предмету. Такимъ-образомъ, по чтенію, письму и ариѳметикѣ образовано три класса, а послѣдніе подраздѣляются на кружки, изъ которыхъ каждый имѣетъ особаго учителя. Распределеніе на кружки дѣлается съ большою точностію, но преподаватели постоянно встрѣчаютъ затрудненія со вновь прибывающими учениками, остающимися всегда позади. Въ этихъ случаяхъ большую помощь оказываютъ нѣкоторые воспитанники гимназій, съ большою охотою и усердіемъ занимающіеся съ слабыми учениками. За послѣднее время въ пользу школы пожертвованіями отъ разныхъ лицъ вступило 118 р. сер.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ «Могилевскими губ. вѣдом.» (№ 85), учениковъ въ Могилевскихъ воскресныхъ школахъ въ концѣ октября было 117 чел. Затрудненія, которыя встрѣчали мальчишки-ремесленники со стороны своихъ хозяевъ, препятствовавшихъ имъ правильно посѣщать воскресные классы, вынудили старшинъ ремесленныхъ управъ Могилевскихъ христіанскаго и еврейскаго обществъ постановить 30 сентября въ городской думѣ приговоръ

слѣдующаго содержанія: «Объяснивъ всѣмъ мастерамъ очевидную пользу отъ обученія мальчиковъ въ воскресныхъ школахъ, обязать ихъ высылать въ таковыя по праздникамъ; за неисполненіе же сего, виновныхъ, какъ нерадѣющихъ о благѣ общества, облагать каждый разъ за всякаго мальчика, не умѣющаго читать и писать, не высланнаго въ ученье, по двадцати-пяти копѣекъ сер. въ пользу воскреснаго училища».

Число учениковъ Ярославской воскресной школы, открытой въ половинѣ сентября, за послѣднее время возрасло до 60 человекъ. Кромѣ закона Божія, грамоты и письма, въ ней обучаютъ грамматикѣ, ариметикѣ и рисованію. Преподаваніемъ занимаются, кромѣ учредителей школы (г. профессора демидовскаго лицея, Гладкова, и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, г. Якушкина), законоучитель гимназій, учитель рисованія, нѣсколько студентовъ лицея и другіе.

Женскія учебныя заведенія. — Въ послѣднее время вновь открыты женскія училища въ слѣдующихъ городахъ: въ Елисаветградѣ (11 октября), Иркутскѣ (27 окт.), въ Шуѣ (6 ноября), С. Петербургѣ (9 ноября) и въ Псковѣ (15 ноября). Въ открытіи послѣдняго училища, по извѣстіямъ, сообщаемымъ «Псковскими губ. вѣд.» (№ 45), самое дѣятельное участіе, еще съ прошлаго года, принималъ г. начальникъ губерніи, В. Н. Муравьевъ. По его приглашенію, мѣстное городское общество и служащія по всѣмъ вѣдомствамъ губернскаго правленія лица изъявили полную готовность содѣйствовать исполненію этого дѣла посильными пожертвованіями. Открытая по этому поводу подписка доставила слѣдующія денежныя средства: отъ городскаго общества, — одновременно, на первоначальное обзаведеніе и устройство училища, — 1050 руб., сумма, которая съ поступившими впродолженіе года частными пожертвованіями, ко времени открытія училища, увеличилась до 1650 руб., и на содержаніе дальнѣйшаго существованія училища, ежегодно, до 1200 руб. сер.; чиновники, съ своей стороны, изъявили готовность жертвовать по 1% съ получаемаго ими содержанія, чтò также составляетъ до 1200 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, независимо отъ одновременно пожертвованной суммы на первоначальное обзаведеніе, изыскано постоянныхъ ежегодныхъ средствъ на поддержаніе существованія Псковскаго женскаго училища 2 разряда до 2,400 руб. сер., не считая платы, взима-

емой съ ученицъ, которыхъ за два дня до открытія училища принято уже было до 30.

Въ первые дни, по открытіи женскаго училища въ Шуѣ, всѣхъ вступившихъ въ него ученицъ насчитывалось до 50. Независимо отъ опредѣленныхъ постоянныхъ на содержаніе его средствъ, въ самый день открытія, въ пользу его пожертвованіями поступило, по 150 руб. сер., отъ гг. попечительницы и члена попечительнаго совѣта А. А. Посылина и членомъ-же совѣта, г. Шеншинымъ, одновременно пожертвовано 100 руб. сер.

Иркутское женское училище 1-го разряда, явившееся по инициативѣ городского общества, обезпечено послѣднимъ пожертвованною на содержаніе его суммою, при чемъ для помѣщенія училища городское общество уступило еще одинъ изъ своихъ домовъ. Нѣкоторое время до открытія училища, послѣ напечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленій о приѣмѣ ученицъ, желающихъ вступить въ него не являлось, поводомъ къ чему, отчасти, могло служить одно изъ обязательныхъ условій для поступленія—умѣнье читать и писать. Послѣднее обстоятельство, не задолго до открытія училища, попечительнымъ совѣтомъ его было устранено исходатайствованіемъ отъ г. попечителя учебнаго округа разрѣшенія на открытіе при женской гимназій приготовительнаго класса съ цѣлью обучать въ немъ единственно чтенію и письму. По послѣднимъ извѣстіямъ, сообщеннымъ «Иркутскими губ. вѣдом.» (№ 44), ко дню открытія училища въ него вступило до 20 ученицъ, изъ которыхъ 4 поступили въ приготовительный классъ, а прочія 16—въ первый классъ. Училище учреждено на самыхъ доступныхъ условіяхъ,— для бѣдныхъ семействъ предлагается совершенно бесплатное помѣщеніе дочерей, а для лицъ съ нѣкоторыми средствами, годовая плата за обученіе назначена въ 15 руб. сер.

Однимъ изъ первыхъ городовъ, почувствовавшихъ настоятельную потребность въ открытіи женскаго училища, былъ Елисаветградъ. При населеніи въ 24,172 душъ жителей, городъ не имѣлъ ни одного женскаго учебнаго заведенія, гдѣ-бы дѣвицы бѣднаго сословія могли получать образованіе, и всѣ попытки, которыя дѣлались къ открытію частныхъ пансіоновъ, по извѣстіямъ, передаваемымъ корреспондентомъ редакціи «Одесскаго вѣстника» (№ 119), не удавались. Наконецъ, хотя и при нѣкоторомъ разладѣ общества, въ немъ явилось сознаніе необходимости открытія у себя въ городѣ женскаго училища, но къ несчастію и тутъ, начатая

съ 1858 года переписка объ этомъ предметѣ тянулась до настоящаго времени, по причинѣ встрѣтившагося несоблюденія нѣкоторыхъ формъ со стороны мѣстной думы, а отчасти, и вслѣдствіе равнодушія низшаго сословія общества. На послѣдокъ начатое дѣло увѣнчалось успѣхомъ—и училище открылось 11 октября. На первоначальное обзаведеніе его и на годовое содержаніе, временный распорядительный комитетъ разрѣшилъ выдать, по 1861 г., 1555 руб., которыя деньги опредѣлено собрать: съ христіанскаго мѣщанскаго общества — 500 руб., съ еврейскаго — 300 руб., а остальные 755 руб. съ купцовъ. Послѣдняя сумма назначена изъ тѣхъ денегъ, которыя внесены на губерскія земскія повинности, при объявленіи капиталовъ на 1857 и 1858 годы, и которыя слѣдуетъ возвратить купцамъ. О возвратѣ этихъ денегъ переписка еще продолжается; на будущее-же время комитетъ разрѣшилъ выдавать по 1355 руб., ежегодно, изъ доходовъ города. Сверхъ-того выборные члены—одинъ изъ дворянъ, а другой изъ купцовъ, обязываются содѣйствовать матеріальными средствами въ пользу училища. Ежегодная плата опредѣлена въ 15 р. сер. и кромѣ-того за необязательные предметы: французскій и нѣмецкій языки—5 р. сер. Училище имѣетъ теперь 20 ученицъ. Къ сожалѣнію, равнодушіе елисаветградскаго общества таково, что не нашлось даже попечительницы для училища.

Но еще бѣльшимъ характеромъ равнодушія къ вопросу учрежденія въ губернскомъ городѣ женскаго училища запечатлѣна дѣятельность общества Ярославской губерніи. Результатъ собраній городскихъ купеческихъ и мѣщанскихъ обществъ этой губерніи, открытыхъ по-уѣздно еще съ октября мѣсяца 1858 года, ограничился до-сихъ-поръ составленіемъ общественныхъ приговоровъ, въ которыхъ жители нѣкоторыхъ уѣздовъ, на примѣръ Даниловскаго, Пошехонскаго рѣшительно отказались принять участіе въ открытіи, въ своемъ губернскомъ городѣ, женскаго училища; пожертвованія-же, обѣщанныя другими обществами, такъ ничтожны, что не превышаетъ на примѣръ 25 руб. (Любимскаго уѣзда) и 34 руб. сер. (Ростовскаго уѣзда). Города приволжскіе, какъ замѣчаетъ корреспондентъ «Московскихъ вѣдомостей» (№ 263), дѣйствовали иначе. Мышкинское купечество, въ видѣ единовременнаго пожертвованія, согласилось дать по 10 руб. сереб. съ капитала второй гильдіи и по 2 руб. съ капитала третьей гильдіи; мѣщане-же—10 коп. съ ревизской души. Углицкое купечество способ-

ствовало открытію женской гимназіи въ такихъ размѣрахъ: купцы 1-й гильдіи обязались платить два года по 5 руб. сер., купцы 2-й гильдіи — 2 руб. и 3-й гильдіи — 25 коп. Мологское, Романово-Борисоглѣбское и Рыбинское, отказавшись помогать Ярославской женской гимназіи, изъявили желаніе имѣть свои женскія училища. Ярославцы рѣшили: 1) для помѣщенія гимназіи пожертвовать одинъ изъ общественныхъ домовъ; 2) открыть денежную подписку для покрытія первоначальныхъ нуждъ гимназіи, и 3) жертвовать въ пользу ея, въ теченія пяти лѣтъ, при объявленіи капиталовъ, купцамъ первой гильдіи—25 руб., второй—10 р. и третьей — 2 руб. 50 коп. сер., а мѣщанамъ 2 коп. сер. съ души. Вообще-же ежегодный сборъ можетъ простираться до 1200 руб. сер. съ однихъ ярославцевъ, которыми къ концу сентября 1860 года пожертвовано уже 4418 руб. сер. Обращаясь къ основаніямъ, изложенныхъ въ общественныхъ приговорахъ, приводимыхъ въ подлинникѣ корреспондентомъ «Московскихъ вѣдомостей» и въ силу которыхъ одни изъ городскихъ и мѣщанскихъ обществъ Ярославской губерніи отказали въ пособіи женской гимназіи, а другія обѣщали самыя ничтожныя пожертвованія, мы поневолѣ должны придти, отчасти, къ тому заключенію, что вопросъ женскаго образованія далеко еще не составляетъ у насъ вопроса настоятельной общественной необходимости.

Въ заключеніе лѣтописи женскихъ училищъ, намъ остается сообщить только, что по извѣстіямъ, сообщеннымъ въ №№ 44 и 47 «Пермскихъ губернскихъ вѣдомостей», открытіе Пермской женской гимназіи, получившей уже утвержденіе начальства, должно послѣдовать около 15-го ноября. Предметы, преподаваемые въ этомъ учебномъ заведеніи, раздѣляются на два разряда: обязательные и необязательные. Къ первымъ принадлежатъ: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ (грамматика и словесность), 3) ариѳметика и понятія объ измѣреніяхъ, 4) географія всеобщая и русская, 5) исторія всеобщая и русская, 6) начальныя основанія естественной исторіи и физики и 7) искусства — чистописаніе и рукодѣлія. Французскій и нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе отнесены къ предметамъ необязательнымъ. За слушаніе однихъ обязательныхъ предметовъ плата назначается по 15 р. сер. въ годъ, за слушаніе и необязательныхъ предметовъ прибавляется къ означенной платѣ 5 р. сер. въ годъ, за двѣдцать же, которыя сверхъ обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ

будутъ заниматься музыкою и рисованіемъ, платится ежегодно по 25 р. сер. Обязательными условіями для желающихъ поступить, — лѣта (не болѣе 8 л. отъ роду) и слѣдующія свѣдѣнія — по закону Божію знаніе молитвъ; по предмету русскаго языка правильное чтеніе и письмо; по предмету математики умѣнье писать цифры. Требованія эти относятся до желающихъ поступить въ 1 классъ женской гимназій, въ прочіе-же классы дѣвицы будутъ принимаемы по степени познаній.

Библиотеки для чтенія. — Въ Тифлисѣ, съ разрѣшенія г. главнокомандующаго, при главномъ штабѣ учреждается библиотека, которая раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) общая библиотека главнаго штаба, предназначаемая для справокъ и для чтенія въ пользу всѣхъ чиновъ штаба; 2) специальная библиотека, въ составъ которой войдутъ: а) печатныя книги и рукописи, относящіяся до кавказскаго края и до сопредѣльныхъ съ нимъ странъ Востока, и сочиненія по геодезій, топографіи, перспективѣ и по наукамъ математическимъ и естественнымъ въ примѣненіи къ топографической части и б) печатныя и рисованныя карты Кавказа и другихъ странъ.

Въ основаніе библиотеки главнаго штаба поступятъ: 1) книги, карты, планы и рукописи, имѣющіеся теперь въ военно-топографическомъ отдѣлѣ; 2) книги: русскія и иностранныя, приобретенныя въ 1859 году въ С. Петербургѣ на сумму, ассигнованную для сего, съ разрѣшенія г. главнокомандующаго, изъ остатковъ штатныхъ суммъ; 3) иностранныя книги, выписанныя изъ Лейпцига въ настоящемъ году; 4) журналы и газеты, выписываемые ежегодно для всѣхъ частей штаба.

Сумма, необходимая на будущее время на пополненіе библиотеки русскими и иностранными книгами, будетъ ассигнуема въ концѣ года, съ особливаго каждый разъ разрѣшенія г. главнокомандующаго, изъ остатковъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе главнаго штаба.

Изъ числа губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, одинъ только городъ Шуя выразилъ дѣятельность по вопросу открытія публичныхъ библиотекъ для чтенія. По извѣстіямъ, сообщаемымъ «Владимірскими губернскими вѣдомостями» (№ 46), съ будущаго года въ этомъ городѣ открывается публичная библиотека, въ составъ которой войдутъ, частію, книги библиотеки для чтенія уѣзднаго училища (до 200 экземпляровъ) и книги г. Гуодобина до 400 то-

мовъ. Въ Шуйскомъ-же уѣздѣ,—какъ видно это, между прочимъ, изъ письма г. Минакова въ редакцію «Одесскаго Вѣстника» (№ 117),—въ селѣ Зимешкахъ существуетъ общественная, безвездная, библіотека для чтенія, заключающая въ себѣ до 10,000 томовъ различныхъ книгъ. Библіотека эта основана, вѣроятно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при помощи жертвователей, ктиторомъ Зименковской церкви, Андреемъ Ивановичемъ Чихачевымъ.

Изъ объявленія Владимирской публичной библіотеки, напечатаннаго въ № 48 мѣстныхъ «Губернскихъ вѣдомостей», между прочимъ видно, что въ теченіе года библіотека была открыта въ продолженіе 292 дней; лицъ, заявившихъ желаніе брать книги и журналы, было 101; по 2730 изъ ихъ требованій выдано было 7065 томовъ, почти по 3 тома на каждое требованіе.

Къ слову о чтеніи книгъ и журналовъ,—въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 118) помѣщены любопытныя свѣдѣнія о состояніи журналистики въ Новороссійскомъ краѣ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ продолженіе текущаго года въ Новороссійскомъ краѣ считалось 13 изданій, изъ которыхъ 8 изданій выходили въ одной Одессѣ. Первое мѣсто, между этими послѣдними, конечно, принадлежитъ самому «Одесскому Вѣстнику», какъ главному органу для всего южнаго края и самому обширному по своей программѣ. Въ Одессѣ издается еще такая-же газета на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Journal d'Odessa. Къ числу специальныхъ изданій, выходящихъ въ Одессѣ, должно отнести: «Листокъ русскаго общества пароходства и торговли», «Разсвѣтъ», «Записки сельскаго общества хозяйства южной Россіи» и «Херсонскія епархіальныя вѣдомости». Къ мѣстнымъ Новороссійскимъ изданіямъ, издающимся на иностранныхъ языкахъ, принадлежатъ: «Радуга» и «Гамелецъ», первое — на армянскомъ, а второе — на еврейскомъ. «Радуга» выходитъ съ начала нынѣшняго года, въ Θεодосіи, ежемѣсячными книжками и поставила себѣ задачею — содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія армянъ, численность которыхъ простирается до 1,200,000 въ Россіи, преимущественно въ Закавказья. Слѣдовательно, кругъ дѣятельности армянскаго журнала довольно обширенъ и онъ можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, достигать своей цѣли — усвоеніе современной образованности тому народу, въ рукахъ котораго находится вся Закавказская торговля.—«Гамелецъ» выходитъ въ Одессѣ только съ 29-го сентября.

Сверхъ того, въ Одессѣ затѣвается еще три изданія: одно —

на нѣмецкомъ, другое — на болгарскомъ (на него уже получено разрѣшеніе), третье—на греческомъ языкахъ. Когда осуществятся эти изданія, то всѣ важнѣйшіе элементы и интересы мѣстнаго населенія получатъ свое выраженіе въ литературныхъ органахъ.

Въ общемъ перечнѣ мы опустили еще «Новороссійскій календарь» и «Нѣмецкій календарь», ежегодно издаваемый въ Одессѣ отъ попечительнаго комитета для колонистовъ. Всѣ перечисленныя изданія даютъ пищу пяти типографіямъ.

Остальныя изданія въ Новороссійскомъ краѣ слѣдующія: «Херсонскія», «Таврическія» и «Екатеринославскія губернскія вѣдомости», «Бессарабскія областныя вѣдомости» и «Керчь-Еникольскій полицейскій листокъ».

ОБЪ УЧАСТІИ ДУХОВЕНСТВА ВЪ НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ. — Не разъ уже приходилось намъ говорить о проявленіи дѣятельности нашего духовенства въ дѣлѣ обученія простыхъ и низшихъ классовъ народа; сообщаемъ и теперь нѣсколько извѣстій по тому-же предмету.

Въ началѣ сентября настоящаго года приходскій священникъ села Курыпинскаго, Енисейской губерніи, Михаилъ Коноваловъ открылъ при церкви, въ выстроенномъ прихожанами домѣ, сельское училище для обученія крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ своего прихода. Независимо отъ обязанностей безмезднаго преподаванія дѣтямъ грамоты, священной исторіи, краткаго катихизиса и обученія письму, принятымъ имъ на себя, о. Михаилъ Коноваловъ на собственные средства покупалъ для дѣтей буквари, краткій катихизисъ и другія книги. Учениковъ въ открытомъ такимъ образомъ училищѣ, въ настоящее время, состоитъ 22 мальчика и 6 дѣвочекъ (*).

На другомъ концѣ Россіи, — Кіевской губерніи, Каневского уѣзда, приходскій священникъ Спасской церкви въ мѣстечкѣ Корсунѣ, А. Лебеднцевъ открылъ сельское училище въ деревнѣ Карашинѣ, жители которой, съ давнихъ поръ, приписаны прихожанами къ означенной церкви. Матеріальными средствами къ основанію этого училища послужило имущество, оставшееся по смерти одного изъ Карашевскихъ жителей, крестьянина Нестора Сунчука. Последній, умирая бездѣтнымъ и сожалея о томъ, что по смерти его некому будетъ изъ близкихъ и родныхъ ему людей помолиться о

(*) «Странникъ.» Ноябрь. 1860 г.

его душѣ, по убѣжденію о. А. Лебединцева, завѣщавъ, на память о себѣ, одну часть своего имущества на исправленіе церкви, а другую назначилъ на устройство училищнаго дома, со всѣмъ обузаведеніемъ, съ окладомъ жалованья на первый годъ для учителя и полнымъ содержаніемъ десяти мальчиковъ — сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей. Для постояннаго-же содержанія училища на будущее время назначена часть дохода съ водяной мельницы, принадлежавшей старику. Мѣсяца черезъ два, по смерти жертвователя, выстроенъ уже былъ училищный дѣль, который скоро наполнился учениками (*).

По извѣстіямъ, передаваемымъ «Кіевскимъ телеграфомъ» (№ 86), духовенство Каменецъ-Подольской губерніи, всѣхъ приходошь безъ исключенія, съ такой энергіею заботится о заведеніи, для обученія крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, школь, на первое время, въ своихъ собственныхъ домахъ, что въ одномъ Брацлавскомъ приходѣ, въ продолженіе одной недѣли, мѣстнымъ благочиннымъ, протоіереемъ Евѣиміемъ Лозинскимъ, открыто 8 школь въ которыя поступило 86 учениковъ — мальчиковъ и 7 ученицъ — дѣвочекъ. Къ такому единодушному стремленію Каменецъ-Подольское духовенство возбуждено письменнымъ къ нему воззваніемъ своего архипастыря и присылкою въ даръ букварей, въ количествѣ 10000, отъ начальника края, князя И. И. Васильчикова.

Дѣятельность Каменецъ-Подольскаго архипастыря, сопровождающаяся такими успѣшными послѣдствіями, не составляетъ исключительнаго факта въ общемъ вопросѣ проявленія дѣятельности, со стороны высшихъ духовныхъ лицъ, на поприщѣ служенія дѣлу религіознаго и нравственнаго развитія народныхъ массъ, — доказательствомъ чему, отчасти, можетъ служить первоначальный успѣхъ Харьковской воскресной школы, во многомъ обязанной распоряженіямъ, сдѣланнымъ, предварительно открытія ея, Харьковскимъ епископомъ Макаріемъ. По его внушенію настоятели приходскихъ церквей объявили заблаговременно какъ о времени открытія школы, такъ и томъ, чему будутъ учить въ ней. Послѣ этихъ объявленій, по извѣстіямъ, сообщаемымъ Харьковскимъ протоіереемъ І. Шероцкимъ редакціи журнала «Странникъ», желающихъ учиться явилось столько, что не прошло и недѣли со времени открытія школы, какъ стали уже думать объ открытіи дру-

(*) «Руководство для сельск. пастырей.»

Ст. 6. Каждый членъ словеснаго отдѣленія школы обязанъ выслать, во 2-й или 3-й годъ пребыванія въ Греціи, не позже 1-го іюля, записку объ одномъ изъ предметовъ археологіи, филологіи или исторіи, по выбору изъ программы вопросовъ, предлагаемой академіею надписей и изящной словесности, съ одобренія министра народнаго просвѣщенія. Академія представляетъ министру свои донесенія объ этихъ запискахъ. Академія приглашается отдавать отчеты объ этихъ донесеніяхъ въ своихъ ежегодныхъ публичныхъ засѣданіяхъ, гдѣ возвѣщаются также задачи, входящія въ составляемую на каждый годъ программу занятій въ школѣ.

Ст. 7. Члены словеснаго отдѣленія могутъ, съ разрѣшенія Е. В. короля Греціи, открывать публичные бесплатные курсы языковъ и литературъ римской и французской; они будутъ вмѣстѣ съ членами отдѣленія наукъ назначаемы въ комиссіи для испытанія на степень бакалавра словесности тѣхъ изъ воспитанниковъ французскихъ и латинскихъ восточныхъ школъ, которые окончили или окончатъ полный курсъ университета Франціи.

Ст. 8. Отдѣленіе наукъ составляется изъ адъюнктовъ физическихъ и естественныхъ наукъ, имѣющихъ не болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Они назначаются непосредственно министромъ народнаго просвѣщенія, по представленіямъ главныхъ инспекторовъ и ректоровъ академій. Записки, въ которыхъ они будутъ ежегодно отдавать отчетъ въ своихъ занятіяхъ, будутъ разсматриваться особою комиссіею, имѣющею представлять министру свои заключенія.

Ст. 9. Члены первыхъ двухъ отдѣленій назначаются на 2 года. Имъ можетъ быть предоставлено, по особому на каждый разъ разрѣшенію министра, оставаться въ школѣ еще 3-й годъ.

Ст. 10. Члены школы, имѣющіе званіе сверхштатныхъ профессоровъ, отличенные директоромъ по доброму поведенію и трудамъ, при возвращеніи, по истеченіи установленнаго срока, во Францію, повышаются въ слѣдующій классъ, а адъюнкты назначаются сверхштатными профессорами въ Императорскіе лицеи.

Ст. 11. Во все продолженіе командировки члены отдѣленій словесности и наукъ пользуются ежегоднымъ содержаніемъ въ 3600 франковъ, независимо отъ единовременнаго пособія на путевыя издержки.

Ст. 12. Третье отдѣленіе—изящныхъ искусствъ—составляется

изъ учениковъ - пенсіонеровъ французской академіи въ Римѣ, посылаемыхъ въ Грецію для дальнѣйшаго образованія. Обо всемъ, что до нихъ касается, директоръ афинской школы сносится непосредственно съ государственнымъ министромъ Франціи.

Ст. 13. По истеченіи каждаго года, директоръ школы посылаетъ министру народнаго просвѣщенія подробный отчетъ о состояніи школы, объ оказавшихся успѣхахъ и о желаемыхъ улучшеніяхъ.

Ст. 14. Все, касающееся внутренняго порядка въ школѣ, равно какъ и поѣздки съ ученою цѣлью, будетъ предметомъ особыхъ правилъ.

Ст. 15. Всѣ прежнія и противныя настоящему декрету постановленія о школѣ отмѣняются.

Ст. 16. Исполненіе по настоящему декрету поручается министру статсъ-секретарю по департаменту народнаго просвѣщенія.

На основаніи 14 статьи декрета министръ, 10 февраля 1859 года, утвердилъ слѣдующее положеніе о внутреннемъ устройствѣ школы.

§ 1. Кандидаты, отправляемые въ школу, выбываютъ къ мѣсту назначенія въ теченіи 10 дней со дня назначенія; они отправляются къ своему посту чрезъ Италію и возвращаются во Францію чрезъ Ионическіе острова, Венецію и Германію.

§ 2. Во время пребыванія, проѣздомъ, въ Римѣ, они подчиняются вѣдѣнію директора римской императорской французской академіи; имъ по возможности отводится въ академіи помѣщеніе и предоставляется пользоваться столомъ вмѣстѣ съ пансіонерами правительства.

§ 3. По прибытіи въ Аѳины, они занимаютъ помѣщеніе, отводимое имъ директоромъ. Они даютъ смотрителю дома росписку въ движимости, которою снабжены помѣщенія, и отвѣчаютъ за ея сохранность.

§ 4. Имъ доставляется отъ школы постельное и столовое бѣлье; мытье его относится на счетъ школы.

§ 5. Содержаніе стола относится на ихъ собственныя средства; они обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ и не могутъ приглашать къ обѣду постороннихъ, кромѣ случаевъ, когда это именно будетъ разрѣшено директоромъ.

§ 6. Библіотека и столовая освѣщаются на счетъ школы.

§ 7. Равнымъ образомъ падаютъ на школу издержки леченія. Врачъ приглашается не иначе, какъ самимъ директоромъ.

§ 8. Жалованье служителямъ при членахъ миссіи производится отъ заведенія. Они постоянно остаются въ распоряженіи директора и состоятъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

§ 9. Члены миссіи не подчиняются никакимъ особымъ правиламъ въ распредѣленіи и употребленіи времени; они только даютъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, отчетъ въ своихъ занятіяхъ директору, который, каждую четверть года, представляетъ министру народнаго просвѣщенія подробный отчетъ о поведеніи и занятіяхъ каждаго изъ нихъ.

§ 10. Присмотръ за библиотекой поручается младшему по времени поступленія въ миссію члену. Постороннія лица допускаются къ посѣщенію ея только по особому дозволенію директора. Книги, карты, планы, рисунки и проч. не могутъ быть выдаваемы для употребленія внѣ ея, а также отправляющимся въ экскурсіи.

§ 11. Члены миссіи могутъ принимать посѣтителей только по вторникамъ и пятницамъ, начиная съ полудня.

§ 12. Выходы и входы занимаемаго школой дома запираются въ полночь, исключая крайне-рѣдкихъ случаевъ, зависящихъ отъ усмотрѣнія директора.

§ 13. Каждый членъ миссіи обязанъ въ теченіи 2 года пребыванія въ школѣ (и 3, если кому изъ членовъ ея предоставлено пробыть въ ней 3 года) заняться составленіемъ разсужденія на одну изъ темъ, предложенныхъ академіею надписей и изящной словесности. Каждая такая работа должна быть окончена и передана директору къ 1 іюля.

§ 14. Время отправленія въ ученые поѣздки и, по мѣрѣ возможности, ихъ продолжительность опредѣляется директоромъ. Безъ его дозволенія ни одинъ членъ миссіи не можетъ отлучиться, даже на одинъ день. Во время поѣздокъ члены должны находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ; при возвращеніи изъ поѣздокъ они представляются ему тотчасъ-же по прибытіи.

§ 15. Поѣздки могутъ начинаться съ 1 апрѣля и оканчиваются между 1 и 10 ноября. Соединенныя съ поѣздками издержки не вознаграждаются никакими пособіями сверхъ годоваго жалованья.

§ 16. Жалованье членамъ миссіи (3600 фр.) уплачивается имъ помѣсячно, въ концѣ каждаго мѣсяца. При выдачѣ жалованья съ нихъ удерживается по 100 фр. изъ 285; удержанныя деньги вы-

даются имъ при поѣздкахъ и при окончательномъ оставленіи ими школы.

§ 17. Члены миссіи могутъ возвращаться во Францію по представленіи записокъ о занятіяхъ за второй или третій годъ, но не иначе, какъ по маршруту, назначаемому директоромъ. Прибывая въ тѣ города, гдѣ имъ предстоитъ остановка, они обязаны предъ-являть свои паспорта французскимъ или иностраннымъ начальствамъ.

§ 18. Во время пребыванія въ Греціи члены миссіи не имѣютъ между ними и мѣстными начальствами инаго посредника, кромѣ директора, который, если обстоятельства того потребуютъ, лично обращается къ императорскому полномочному министру съ просьбой о покровительствѣ. Имъ строго запрещается помѣщать статьи въ журналахъ безъ особаго дозволенія.

§ 19. Директоръ имѣетъ полныя права начальника надъ членами миссіи; онъ принимаетъ относительно ихъ всѣ мѣры, какія сочтеть необходимыми, донося министру народнаго просвѣщенія и предупреждая, въ случаяхъ особой важности, французскаго посланника.

§ 20. За упущенія и проступки, соотвѣтственно степени ихъ важности, опредѣляются слѣдующія взысканія:

- 1) Предостереженіе.
- 2) Замѣчаніе.
- 3) Выговоръ и доведеніе до свѣдѣнія министра.
- 4) Прекращеніе дальнѣйшаго пребыванія въ пиколѣ.
- 5) Лишеніе служебныхъ званій.

(Annuaire de l'administration française. Journal général de l'instruction publique.)

Н. В.....Ъ.

ФИЛОЛОГЪ ФРИДРИХЪ-АВГУСТЪ ВОЛЬФЪ, КАКЪ НАСТАВНИКЪ И ВОСПИТАТЕЛЬ. — Въ 1779 году Вольфъ, впослѣдствіи знаменитый филологъ, прибылъ въ качествѣ сотрудника при педагогическомъ институтѣ въ Ильфельдъ (Ilfeld) близъ Нордгаузена; въ то время еще не было ему и 21 года. Чтобы неказаться слишкомъ молодежавымъ и внушить больше почтенія, онъ носилъ парикъ и платье, обшитое позументомъ. Не смотря на все это, молодость его бросалась въ глаза ученикамъ. Вскорѣ, послѣ вступленія его въ должность, одинъ изъ старшихъ учениковъ, гораздо выше его ростомъ, спросилъ во вре-

гой подобной-же, которая дѣйствительно и явилась въ скоромъ времени. Нельзя не указать при этомъ, что въ Кіевѣ, профессоръ богословія въ университетѣ, священникъ Фаворовъ принялъ на себя преподаваніе закона Божія въ Новостроенской воскресной школѣ.

Независимо отъ проявленія дѣятельности нашего духовенства въ вопросѣ народнаго образованія, въ настоящее время, — обращаясь къ исторіи развитія нашихъ народныхъ училищъ, мы можемъ тамъ встрѣтить иногда примѣры самого энергическаго участія его въ поддержаніи сельскихъ училищъ и расширеніи ихъ круга. Не лишена въ этомъ отношеніи особаго интереса одна страница исторіи, а именно, о заведеніи народныхъ училищъ въ Олонецкой губерніи (*). По уставу учебныхъ заведеній 1804 г., и даже нѣсколько раньше, съ изданіемъ указа 1803 г., января 24 дня, для распространенія въ земледѣльческомъ классѣ народа грамотности и вмѣстѣ съ нею чистыхъ понятій вѣры и нравственности, указано было заводить сельскія школы, но на первыхъ-же шагахъ препятствіямъ распространенію послѣднихъ послужило полное равнодушіе, съ которымъ встрѣтили это распоряженіе владѣльцы имѣній и казенные крестьяне, на счетъ которыхъ должно было падать все матеріальное содержаніе открываемыхъ сельскихъ училищъ. Одно только духовенство, поощряемое своимъ и свѣтскимъ начальствомъ, старалось тогда въ разныхъ концахъ Россіи о заведеніи по деревнямъ народныхъ школъ, жертвуя въ пользу ихъ трудомъ и нерѣдко имуществомъ своимъ. Новгородская духовная консисторія, въ видахъ обезпеченія успѣховъ сельскихъ училищъ, предложила въ 1804 г. всѣмъ духовнымъ правленіямъ Олонецкой губерніи (составлявшей въ то время съ Новгородскою губерніею одну епархію) — убѣждать священнослужителей своего вѣдомства къ добровольной складкѣ денегъ на содержаніе по городамъ домовъ для духовныхъ училищъ, въ которыхъ должны быть образованы учителя для сельскихъ приходскихъ школъ. Бывшій тогда директоромъ Олонецкихъ училищъ, надворный совѣтникъ Крыловъ, не находя этого распоряженія ни уважительнымъ, ни благонадежнымъ, представилъ объ этомъ исправлявшему должность попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, графу П. А. Стро-

(*) «Странникъ». Май. 1860 г. См. ст. «Преосвященный митрополитъ Амвросій».

ганову. «Я не уповаю» — писалъ онъ въ своемъ донесеніи — «чтобы согласились они (священнослужители) на подобное пожертваніе, частью по скупости и невѣжеству, а частью и по недостаточному своему состоянію, не говоря уже о другихъ затрудненіяхъ, каковыя по городамъ Олонецкой губерніи встрѣтятся въ пріисканіи учителей. Я осмѣлюсь представить мысль мою, что не отягощая духовенства таковымъ значущимъ поборомъ, который можетъ произвесть непріятныя въ умахъ ихъ толки и впечатлѣнія, ближе-бы съ успѣхомъ дѣла мнѣ казалось — соединить духовныя училища съ народными, кои уже здѣсь содержатся на иждивеніи городовъ и имѣютъ даже учителей закона изъ духовенства, которые могутъ обучать юношество, сверхъ наукъ въ народныхъ училищахъ преподаваемыхъ, нотному пѣнію и церковному уставу. Предполагаемое соединеніе имѣетъ еще ту выгоду, что наполнить чувствительный здѣсь недостатокъ въ ученикахъ.» Митрополитъ Амвросій (Подобѣдовъ), съ которымъ графъ Строгановъ вошелъ по этому предмету въ сношеніе, выразивъ свое мнѣніе о предполагаемомъ соединеніи духовныхъ училищъ съ народными, отвѣчалъ далѣе на сдѣланные духовенству упреки: «При семъ не могу не открыть моего сожалѣнія, что г. директоръ Крыловъ вмѣсто прістойнаго наклоненія или на заведеніе училищъ, или на отдачу дѣтей въ заведенныя уже народныя училища, не оставилъ въ представленіи своемъ упрекать духовныхъ скупостію и невѣжествомъ, а для начальства представилъ затрудненія въ пріисканіи учителей, зная, что въ духовныхъ училищахъ и всегда бѣльшая часть обучалась, и нынѣ обучается на коштѣ отцовскомъ до девятнадцати тысячъ учениковъ, — что мы, имѣя у себя училища, изъ коихъ учителями наполнены народныя училища, можемъ, кажется, и для себя оныхъ имѣть достаточно, такъ-какъ и прочія надобности, при помощи Божіей и при милости монаршей, исправить, тѣмъ паче, что духовныя училища всегда и вездѣ основаніемъ имѣли скудость.... Заключаю сіе моленіемъ Богу, чтобы таковыя г. директора отзывы благому начальству духовнаго намѣренію не сдѣлали помѣшательства, а гаданія его о произведеніи въ умѣ священно и церковнослужителей непріятныхъ толковъ и впечатлѣній не сбылись-бы. Желаю-же отъ всего сердца ему наилучшаго успѣха къ умноженію учениковъ во ввѣренныхъ ему училищахъ, кои у него, по его признанію, пусты и продолжать въ нихъ ученія не хотятъ.» Надежды архипастыря оправдались самымъ счастливымъ обра-

зожъ, — священники градскихъ и сельскихъ приходоѡ безмездно принимали на себя обязанности законоучителей и преподавателей прочихъ наукъ въ сельскихъ школахъ, число которыхъ постоянно увеличивалось.

ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА ВЪ АФИНАХЪ. — Императорскимъ декретомъ 9-го февраля 1859 года утвержденъ новый уставъ постоянной миссиі французскихъ ученыхъ въ столицѣ Греческаго королевства, подъ названіемъ: Французская школа въ Афинахъ. Это учрежденіе имѣеть цѣлью доставленіе молодымъ французскимъ ученымъ возможности изучать классическую древность на ея собственной почвѣ и распространеніе въ Греціи методъ и приемы, которымъ наука обязана своими успѣхами во Франціи.

Въ 1846 году, при учрежденіи школы, она составлена была изъ профессоровъ и адъюнктовъ высшихъ классовъ словесности. Въ 1852 году, вслѣдствіе распоряженія о недопущеніи къ участию въ конкурсѣ на званія адъюнкта лицъ, не имѣющихъ отъ роду исполнившихся 25 лѣтъ, въ составъ ея допущены и лиценціаты словесности.

Въ 1859 году, съ измѣненіемъ условій возраста для желающихъ получить званіе адъюнкта, министръ Франціи по департаменту народнаго просвѣщенія представилъ императору о возстановленіи прежняго правила о допущеніи въ школу однихъ профессоровъ и адъюнктовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ министръ нашелъ нужнымъ для возобновленія состава школы лицами наиболѣе способными и подготовленными, допускать въ нее, безъ экзамена, профессоровъ и адъюнктовъ, имѣющихъ степень доктора словесности, и каждаго адъюнкта высшихъ классовъ, признаннаго первымъ по конкурсу, лишь-бы онъ былъ не старѣе 30 лѣтъ отъ роду, а для возбужденія усердія въ занятіяхъ и надежды на служебныя преимущества — предоставить членамъ заведенія право, по возвращеніи во Францію, имѣющимъ званіе профессора — на повышеніе въ слѣдующій классъ и адъюнктамъ — на помѣщеніе въ штатъ императорскихъ лицеевъ.

До настоящаго времени школа состояла изъ двухъ отдѣленій, словесности и изящныхъ искусствъ. Въ 1859 году къ нимъ присоединено новое — отдѣленіе наукъ.

По докладу министра объ этихъ преобразованіяхъ, состоялся,

9-го февраля 1859 года, императорскій декретъ слѣдующаго содержания:

Ст. 1. Французская школа въ Афинахъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія (*) и подъ покровительствомъ министра иностранныхъ дѣлъ. — Она имѣеть ближайшими начальниками одного изъ высшихъ чиновниковъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и одного изъ членовъ института.

Ст. 2. Она состоитъ изъ трехъ отдѣленій, а именно:

Отдѣленія словесности

Отдѣленія наукъ

Отдѣленія изящныхъ искусствъ.

Ст. 3. Съ 1-го января 1859 года въ составъ перваго отдѣленія могутъ быть допускаемы:

1) По особому испытанію — профессеры и адъюнкты высшихъ классовъ; возрастомъ не старѣе 30 лѣтъ.

2) Безъ испытанія, при тѣхъ-же условіяхъ возраста, — профессеры и адъюнкты, имѣющіе степень доктора словесности, а также каждый, кто, по конкурсу на званіе адъюнкта высшихъ классовъ, признанъ первымъ.

Ст. 4. Испытанія для приѣма въ школу производятся въ языкахъ: древнемъ греческомъ и латинскомъ, въ начальныхъ основаніяхъ палеографіи и археологіи, въ географіи и исторіи древней Греціи и Италіи. Испытаніе производится въ особой комиссіи изъ двухъ членовъ академіи надписей и изящной словесности, подъ предсѣдательствомъ главнаго инспектора высшихъ учебныхъ заведеній.

Ст. 5. Кандидаты, удостоенные принятія въ школу, отправляются къ мѣсту своего назначенія чрезъ Италію; они остаются тамъ три мѣсяца, распредѣляемыхъ на пребываніе въ Римѣ, Флоренціи, Неаполѣ и Сициліи. Во время пребыванія въ Римѣ непосредственное начальство надъ ними принадлежитъ директору французской академіи. Во Францію они возвращаются чрезъ Ионическіе острова, Венецію, Мюнхенъ и главнѣйшіе центры ученой дѣятельности въ Германіи.

(*) Дѣла о ней составляютъ предметъ вѣдомства Главнаго Секретаріата министерства, вмѣстѣ съ дѣлами объ ученыхъ миссіяхъ и путешествіяхъ съ ученою цѣлью.

шій пропускъ при этомъ взыскивалось строго, напротивъ того, акуратное исполненіе было вполне награждаемо. Какъ часто пораженъ былъ посѣтитель, входя въ квартиру Вольфа и заставая котораго нибудь изъ его дѣтей за разборомъ огромныхъ фолиантовъ. По привѣтливой улыбкѣ, съ которою ребенокъ обращался къ вошедшему, можно было заключить, что занятіе было ему не въ тягость.

Вольфъ рѣдко прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но всегда старался дѣйствовать на психическую сторону дѣтей. Такъ однажды онъ вошелъ въ комнату въ то время, когда маленькая Миночка подробно рассказывала своей сестрицѣ странный сонъ, который она видѣла прошлую ночь. Такъ-какъ онъ не вѣрилъ въ сны, то обратился къ рассказщицѣ, возвысивъ голосъ: «Ты не должна болѣе видѣть сновъ! Чтобы съ сегодняшняго дня сновъ не было!» И на самомъ дѣлѣ Миночка съ-тѣхъ-поръ никогда ничего не видѣла во снѣ (*).

Все безсознательное, всякая распущенность были ненавистны ему; также его поражала ни на чемъ не основанная антипатія къ какому-нибудь животному, чего онъ не могъ выносить и въ своемъ домашнемъ кругу. Чтеніе и занятія безъ всякой системы были ему въ высшей степени непріятны. Такъ напр. послѣ того, какъ дѣти 10 разъ заучивали и опять 10 разъ забывали какіе мѣсяцы имѣютъ 30 дней и какіе 31 день, онъ вдругъ приказалъ имъ сперва акуратно написать слово «Арjunсерно» и потомъ твердо заучить его. Послѣ того, какъ это было исполнено, имъ было объяснено, что загадочное слово это заключаетъ въ себѣ первоначальные слоги всѣхъ тѣхъ мѣсяцевъ, которые имѣютъ 30 дней. Теперь отъ нихъ требовалось написать раздѣльно эти слоги: «Ар-Jun-Sep-No — заключающіе въ себѣ 30 дневные мѣсяцы», и съ-тѣхъ-поръ онъ уже болѣе не забывали. Для подобныхъ случаевъ, часто встрѣчающихся въ наукѣ, онъ умѣлъ всегда найти съ успѣхомъ вспомогательныя средства и приспособить ихъ къ дѣлу. Впослѣдствіи дѣти должны были всякое житейское и нравственное правило, данное имъ въ школѣ, переложить на нѣмецкіе гекзаметры и прочитать

(*) Старшая дочь Вольфа Анна вышла замужъ за одного вестфальскаго чиновника; впослѣдствіи вдовою жила у своей младшей сестры Каролины, жены генераль-почтъ-директора Куна во Франфуртѣ; Миночка, средняя, вышла замужъ за доктора Керте.

отцу. Онъ поправлялъ въ нихъ ошибки. Письмо къ Минѣ, воспитывавшейся долгое время въ Дессау, въ которомъ онъ поправляетъ ей нѣкоторыя изъ такихъ двустижій, оканчивается слѣдующими словами: «Вскорѣ ты должна написать мнѣ болѣе обстоятельно и притомъ въ прозѣ. На эти письма, прошу тебя, всегда употребляй большое стараніе; скажу болѣе: *лучше ничего недѣлай, если станешь дѣлать безъ старанія.*»

Какъ скоро дѣти въ состояніи были писать, ихъ заставляли выписывать изъ книгъ для отца. Такимъ путемъ онъ незамѣтно знакомилъ ихъ со многими явленіями ума и сердца, отъ которыхъ ожидалъ благотворныхъ послѣдствій.

СЫНЪ ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА. — Дѣти великихъ мужей бываютъ обыкновенно незначительными; это было бы еще неудивительно, но съ ними случается еще худшее.

Необыкновенныя свойства души и тѣла безспорно переходятъ отъ одного къ другому; у людей развитыхъ бываютъ по большей части даровитыя дѣти, но чтобы геній — я беру это слово въ строгомъ смыслѣ — переходилъ отъ отца къ сыну, еще никогда не было замѣчено мною.

Дѣти, которыхъ отцы оставляли великіе слѣды въ наукѣ или въ искусствѣ, или на какомъ либо другомъ поприщѣ жизни, кажутся еще незначительнѣе, чѣмъ, если-бы онѣ были дѣтьми обыкновенныхъ людей. Съ нами происходитъ то же самое, что и со звѣздами, которыя, при полнолуніи, менѣе блестящи, чѣмъ при новолуніи, или же какъ съ человѣкомъ ростомъ въ 5 футовъ 6 дюймовъ, когда онъ стоитъ подлѣ великана въ 7 футовъ. Какъ-бы неволью ихъ начинаютъ сравнивать съ знаменитыми отцами, ожидаютъ отъ нихъ чего-то необыкновеннаго и осуждаютъ окончательно, если они не оправдываютъ всѣхъ надеждъ и ожиданій.

Но гораздо хуже, если знаменитость отца порождаетъ въ сынѣ или полное равнодушіе къ высокому стремленію, или-же болѣзненное желаніе стать съ нимъ на одну точку; первое такъ-же погубно, какъ и второе. Первое встрѣчается чаще, такъ-какъ оно обѣщаетъ безъ всякаго усилія много наслажденій, подобно тому, какъ наследственное богатое имѣніе, говоря вообще, рѣдко возбуждаетъ сильное стремленіе къ дѣятельности. Страстное желаніе быть равнымъ отцу встрѣчается рѣдко; оно почти еще вѣрнѣе ведетъ къ гибели. Несчастный сынъ Жанъ-Поля даетъ жалкое и психически-замѣчательное подтвержденіе нашей мысли.

Великій, юмористическій писатель, который въ «Leveran» явился какъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ теоретическихъ педагоговъ, думалъ, что всякій можетъ достигъ самой высшей степени развитія умственныхъ способностей, если будетъ только слѣдовать по тому пути развитія, по которому въ молодыхъ лѣтахъ шелъ его геній. Такимъ возрѣніемъ онъ конечно приобрѣлъ множество послѣдователей. Тѣ, которые по быстрому развитію ближе подходили къ нему, получали то убѣжденіе, что истинная цѣль стремленій ихъ есть именно сдѣлаться великимъ поэтомъ, ученымъ или писателемъ. Такъ даже думала старшая дочь его, жившая съ нимъ постоянно вмѣстѣ; она много воображала о себѣ, основываясь на словахъ отца. Она писала и говорила какъ отецъ и думала, что вмѣстѣ съ формою владѣеть и самымъ духомъ. Поэтому долгое время она не рѣшалась вступить въ бракъ, чтобы послѣ смерти отца продолжать его литературныя занятія. Но вскорѣ, впрочемъ, она убѣдилась въ своей ошибкѣ; и когда J. Paul дѣйствительно умеръ, она освободилась отъ своего воображаемаго призванія и сдѣлалась счастливою и доброю хозяйкою.

Судьба брата ея была печальнѣе. Максъ Рихтеръ съ самого малолѣтства учился очень прилежно и оказывалъ большіе успѣхи въ этимологической части грамматики. Такъ-какъ это элементарное изученіе завладѣло всѣми силами ума его и вполне удовлетворяло ему, то онъ счастливо и весело жилъ въ своемъ семейномъ кругу. Такъ какъ J. Paul привлекалъ къ себѣ даже постороннихъ, то понятно, что на него онъ имѣлъ еще большее вліяніе.

Когда Максу исполнилось 16 лѣтъ, онъ оставилъ Байрейтскую гимназію и отправился въ Мюнхенъ, чтобы подъ руководствомъ Тирша (Thiersch) окончить свои пригготовительныя, филологическія занятія. Здѣсь, кромѣ часовъ, посвященныхъ занятію, онъ былъ вполне предоставленъ самому себѣ. Вскорѣ почувствовалъ онъ страшную тоску по родинѣ, и въ то-же время какъ-бы выяснилась мысль, что священная обязанность его слѣдовать по стопамъ отца и сдѣлаться такимъ-же знаменитымъ поэтомъ и мыслителемъ. Тоска по родинѣ заставляла его плакать цѣлыя ночи напролетъ, и ему представлялось, что для полнаго, умственнаго усовершенствованія онъ долженъ пережить такую-же жестокою, полную лишеній юность, какъ и отецъ его. Когда впоследствии J. Paul самъ увидѣлъ своего сына въ Мюнхенѣ, то въ одномъ письмѣ къ матери изображаетъ эту трогательную картину такъ

«Максъ у меня испортился», пишетъ онъ, «цѣлую ночь напролетъ разсказывалъ онъ мнѣ о своей жалкой жизни въ началѣ нынѣшней зимы; у него было жалкое помѣщеніе, маленькая желѣзная печка вовсе нетопилась, окна были разбиты, дрова разкрадены, онъ ничего не ѣлъ и не пилъ утромъ и вечеромъ и даже иногда не обѣдалъ. Исхудалъ онъ такъ, что все платье стало ему широко, но все-таки продолжалъ жить въ чужомъ городѣ, больной, и это не мѣшало ему каждый день ревностно заниматься до 12 часовъ ночи».

У юноши была такая крѣпкая натура, что послѣдствія такого образа жизни еще не обнаружили въ Мюнхенѣ; однако организмъ его былъ уже сильно разстроенъ. Еще опаснѣе было то добровольное, нравственное мученичество, которому онъ вскорѣ подвергъ себя. Окончивъ въ Мюнхенѣ съ полнымъ успѣхомъ занятія предварительной филологіей, онъ съ ужасомъ созналъ, что данное ему количество творческой фантазіи недостаточно, чтобы посредствомъ пріобрѣтенныхъ познаній, достичь той высоты, на которой стоялъ отецъ его. Ему не помогало и то, что онъ просиживалъ надъ книгами, чтобы пополнить осязаемую пустоту своей души. Къ безпокойнымъ сомнѣніямъ въ умственномъ ничтожествѣ вскорѣ присоединилось еще сомнѣніе и въ нравственныхъ силахъ. Онъ пришелъ къ такому сумасбродному заключенію, что можетъ-быть одна несовершенная чистота сердца его служить причиною, что живая сила творчества не хочетъ развиваться, — поэтому началъ искать утѣшеніе въ религіи. На этомъ пути, уже при концѣ своего пребыванія въ Мюнхенѣ, онъ какъ разъ долженъ былъ встрѣтиться съ проповѣдуемымъ, съ новымъ жаромъ и новыми идеями, мистицизмомъ; это ученіе, которое путемъ томленія, муки, отреченія и самоуниженія обѣщало привести своихъ послѣдователей къ свѣту знанія и жизни, должно было найти сильный отголосокъ въ душѣ Макса Рихтера.

Изъ Мюнхена отправился юноша въ Гейдельбергскій университетъ, гдѣ, по несчастію, находился главный проповѣдникъ этого отвратительнаго ученія и нѣкоторые безтолковые ученики распространяли по своему уже и безъ того безтолковое ученіе и кружили многимъ голову. Отецъ надѣялся, что сынъ его тамъ найдетъ себѣ самую веселую и творческую поэзію жизни, но онъ совершенно отдался во власть мистицизма, который своими мрачными образами и отвратительнымъ ученіемъ совершенно уничтожилъ въ немъ ясное созерцаніе, вѣру въ себя и мужество.

мя прогулки: сколько ему на самомъ дѣлѣ лѣтъ? И оказалось, что ученикъ былъ почти двумя годами старше своего учителя.

Вольфъ былъ слишкомъ твердо убѣжденъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ, чтобы стыдиться своей молодости. Онъ тотчасъ поставилъ себя на товарищескую ногу съ своими учениками, что впрочемъ нисколько не мѣшало ему успѣшно побѣждать вредный студенческій духъ, господствовавшій между ними. Духъ этотъ, принадлежавшій по преимуществу воспитанникамъ благороднѣйшихъ ганноверскихъ фамилій, проявлялся не въ лѣности или упрямствѣ, но болѣе въ извѣстнаго рода заносчивости, или въ другихъ менѣе важныхъ порокахъ. Такъ напр. слово «ученикъ» служило имъ почти браннымъ словомъ; они охотнѣе желали называться «молодыми людьми», или даже пожалуй «школьниками» — (въ Англии scholars), и слово «классъ» замѣняли словомъ «рядъ».

Вскорѣ Вольфъ началъ преслѣдовать насмѣшками и остротами этотъ школьническій духъ какъ во время, такъ и внѣ классовъ. Однажды онъ сказалъ во время урока: «Платонъ былъ ученикъ Сократа», причемъ всѣ разсмѣялись. Впрочемъ, онъ скорѣ увидѣлъ необходимость нѣсколько ограничить свое довѣрчивое обхожденіе съ молодыми людьми. Часто приходилось ему замѣнять больного учителя, о чемъ онъ узнавалъ передъ самымъ урокомъ, такъ что приготовиться не было времени, и несмотря на это, лекція все-таки шла успѣшно, что приобрѣтало ему еще болѣе уваженія со стороны учениковъ.

Весною 1782 года Вольфъ былъ назначенъ ректоромъ латинской городской школы въ Остероде на Гарцѣ. Заведеніе это, отъ слабости и совершенной слѣпоты его предшественника, пришло въ такой страшный упадокъ, что требовалось много усердія и знанія дѣла, чтобы устранить лѣтами вкоренившіеся, страшные безпорядки и привести школу въ цвѣтущее состояніе. По несчастью, помощникъ его былъ во всемъ ему помѣхою.

Школа имѣла 6 классовъ и была предназначена какъ для будущихъ студентовъ, такъ и для купцовъ и ремесленниковъ. Полезныхъ школьныхъ постановленій не нашелъ онъ, только однѣ совершенно устарѣлыя, какъ напр. «nequis armatus sub pallio in scholam veniat», т. е. никто не долженъ являться въ школу съ оружіемъ подъ плащемъ. Не говоря ни слова, онъ бросилъ эти старые законы и самъ, съ помощью 30 старшихъ учениковъ, напи-

салъ новые. Цѣлью ихъ было водвореніе гуманности, какъ главной основы всякаго серьезнаго, правильнаго образованія. За исполненіемъ ихъ строго слѣдилось; основные же законы школы оставлены были въ прежнемъ порядкѣ.

Четыре низшіе класса остались общими, два-же высшіе предоставлены были исключительно будущимъ студентамъ, такъ что греческій языкъ преподавался только съ втораго класса. Учителямъ давалъ онъ хорошія руководства. На себя-же онъ принялъ обязанность заниматься съ низшими классами.

Прежде всего онъ допустилъ полную свободу какъ въ выборѣ предметовъ, такъ и въ методѣ преподаванія. Онъ совершенно прекратилъ публичныя испытанія и былъ такъ счастливъ, что всѣ нововведенія его принялись успѣшно.

Самъ онъ давалъ 18 уроковъ въ недѣлю, которые впрочемъ не требовали большого приготовленія, такъ-какъ онъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, преподавалъ то же самое и въ Ильфельдѣ. Все стремленіе его состояло въ томъ, чтобы пріучить дѣтей къ самодѣятельности при изученіи предметовъ. Цѣлые часы проводились въ томъ, чтобы научить ихъ какъ должно самому доходить до извѣстныхъ истинъ науки, и только на слѣдующій урокъ объяснялась самая сущность. Грамматики не существовали для нихъ; они сами во время чтеній и объясненій выводили грамматическія правила, давали имъ форму и подтверждали примѣрами. Ссылаться на авторитеты тоже не позволялось, даже на его собственный; и если ученикъ говорилъ, что тогда-то онъ самъ вывелъ такое-то правило, то все-таки брали нѣсколько извѣстныхъ авторовъ, следили ихъ между собою и провѣряли справедливость этого вывода. Нерѣдко латинскій и греческій лексиконы служили предметомъ цѣлой лекціи. На курсахъ прочитывалось только небольшое число авторовъ, но за то разбирались они очень основательно и легчайшіе смѣнялись труднѣйшими прогрессивно. Говоря вообще, ученики занимались только исторіей и языками; естественной исторіей одинъ разъ въ недѣлю, также какъ и географіей и притомъ послѣдней только по однимъ картамъ. Большія сочиненія онъ давалъ нѣкоторымъ домой для извлеченій, которыя они должны были прочитывать на слѣдующей лекціи.

Такъ-какъ ему нужно было въ скоромъ времени представить нѣсколькихъ, хорошо приготовленныхъ воспитанниковъ въ высшее училище, то онъ страннымъ образомъ стремился къ тому,

чтобы образовывать изъ нихъ самоучекъ, почти такихъ, какимъ онъ самъ былъ при началѣ своей дѣятельности. Конечно, метода его мало согласовалась съ методомъ прочихъ учителей, что впрочемъ нисколько не вредило ученикамъ, такъ-какъ онъ одинъ преподавалъ въ низшихъ классахъ. Учебные часы также, по большей части, служили ему для собственнаго приготовления.

Обращеніе его съ воспитанниками было совершенно свободно и либерально, даже почти дружественно. Нѣкоторые изъ нихъ, прежде находившіеся въ гимназіи, не могли понять почему онъ такъ часто опирался на свой авторитетъ; но они не сознавали, что ничто не можетъ уничтожить авторитета, основаннаго на обширности умственныхъ способностей и нравственной силѣ учителя. Парикъ, придававшій 23 лѣтнему молодому человѣку болѣе почтенный видъ, также не мало способствовалъ и къ поддержанію авторитета его. Когда въ 1783 году, вслѣдствіе быстро распространившейся славы, Вольфъ получилъ приглашеніе на мѣсто профессора въ галльскомъ университетѣ, то въ то время нѣсколько изъ прилежнѣйшихъ учениковъ были уже достаточно приготовлены, чтобы послѣдовать за нимъ для начатія своего университетскаго образованія.

Въ Галлѣ, не оставляя своихъ ученыхъ занятій, онъ занялся образованіемъ своихъ трехъ дочерей, хотя вообще мало заботился о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Теплоота и искренность были главнѣйшими двигателями при воспитаніи дѣтей его.

Прежде всего заботился онъ о тѣлесномъ ихъ развитіи, потому-что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ быть здоровая душа. На этомъ основаніи дѣтямъ давалась только самая обыкновенная пища; вода и молоко были единственнымъ напиткомъ. Кофе, чай и тому подобное было совершенно незнакомо имъ. Если дитя становилось упрямымъ или своенравнымъ, то его не утомляли нравственными сентенціями и не наказывали, но смотрѣли на него и поступали съ нимъ какъ съ больнымъ до-тѣхъ-поръ, пока возвращающаяся веселость не обнаруживала выздоровленія души.

Установленный порядокъ cadaго дня касался сначала только кушанья и сна, но послѣдствіи онъ точно также распространился и на все остальное. Утро было предназначено болѣе умственнымъ и труднымъ упражненіямъ, вечеръ-же болѣе механическимъ; что-же касается до развитія памяти, то ее упражняли рано утромъ и поздно вечеромъ.

При преподаваніи служило основнымъ правиломъ старинное изреченіе Герація: будь кротокъ при преподаваніи. Прежде всего приучалъ онъ дѣтей къ ранней умственной самодѣятельности и до многоаго предоставлялъ имъ доходить безъ его помощи, потому что былъ убѣжденъ въ томъ, что дѣти тѣмъ менѣе учатся и развиваются, чѣмъ менѣе мы довѣряемъ ихъ силамъ. Противно господствовавшей въ то время педагогикѣ Базедова, имѣвшей главнымъ основаніемъ изученіе предметовъ физической природы, Вольфъ предпочиталъ изученіе языковъ, потому-что оно не только само по себѣ знакомитъ съ окружающими предметами, но и образуетъ извѣстнаго рода гуманность. Поэтому, какъ скоро дѣти уже довольно свободно изъяснялись на родномъ языкѣ, ихъ знакомили съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ для упражненія умственныхъ способностей. Онъ испытывалъ надъ ними свою методу обученія, въ особенности языкамъ, и съ большимъ успѣхомъ примѣнилъ принципъ своего отца — образовать дѣтскую природу для жизни и мысли посредствомъ заучиванія и вѣрнаго пониманія избранныхъ короткихъ изрѣченій.

Все то, чѣмъ дѣти занимались, должно было быть по возможности точно и совершенно. Такъ напр., требовалось отъ нихъ, чтобы они слова выговаривали ясно и опредѣленно. Каждая игра имѣла цѣлю развитіе слуха, зрѣнія, рукъ или даже душевныхъ способностей; каждая наклонность была вѣрно направлена; каждое стремленіе было поддержано и разумно руководимо. Дурныя привычки, даже самую шалость, повторенную нѣсколько разъ, дѣтя должно было само сознать, понять почему она запрещается и аккуратно вписать латинскими и нѣмецкими словами въ свою маленькую книгу, представляя всѣ причины такого запрещенія. Такая письменная повѣрка своихъ поступковъ приносить болѣе пользы, чѣмъ чтеніе цѣлаго большаго сочиненія.

Почти въ одно время съ нѣмецкой азбукой дѣти изучали и латинскую и греческую, и почти вдругъ начинали читать и писать на трехъ языкахъ, потому-что какъ чтеніе, такъ и письмо считалось однимъ дѣломъ. Часто дѣтямъ давали такія игры, которыя съ одной стороны, приучали ихъ къ терпѣнью, а съ другой были пособіемъ при ученыхъ занятіяхъ отца ихъ; такъ напр. задавали дѣтямъ, конечно также ради любопытства, просмотрѣть сколько разъ встрѣчается то или другое слово, то или другое предложеніе въ книгѣ Тацита, или Цицерона или рапсодіяхъ Гомера; за магій-

Къ этимъ смутнымъ и убійственнымъ послѣдствіямъ мистицизма прибавилась еще странная философія. Въ это время Гегель, только что сдѣлавшись снова учителемъ академіи, общалъ мистическими взглядами и разсужденіями разрѣшить мировую тайну и этимъ обратилъ на себя вниманіе большинства. Съ жадностію бросился юноша къ этой новой мечтѣ, надѣясь найти въ ней твердую опору своимъ неисчислимымъ сомнѣніямъ. Но мучительное чувство полнаго нравственнаго ничтожества становилось отъ этого еще тяжелѣе, потому-что фразеологія и мысли Гегеля оставались для него непонятными, что онъ приписывалъ единственно только своему недостатку воспріимчивости. Просвѣщенный отецъ поздно узналъ о превратномъ направленіи ума своего сына, и когда замѣтилъ его въ письмахъ, то считалъ это за переходное состояніе. Онъ предостерегалъ своего сына отъ этого новаго фанатизма, отъ этого болѣе чѣмъ христіанскаго смиренія, отъ теологическаго переливанія изъ пустаго въ порожнее, равно и противъ Гегеля, «который, хотя и самый остроумнѣйшій изъ новыхъ философовъ, своею діалектикою уподобляется вампиру, сосущему внутренняго человѣка». Максъ видимо ослабѣвалъ, разъ поддавшись вліянію тайныхъ силъ.

Это было въ концѣ поздней осени 1821 г. J. Paul сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ Максъ ворвался къ нему полумертвый и, спустя 3 дня, убитый отецъ держалъ въ своихъ объятіяхъ трупъ единственнаго сына.

СИРОТСКИЯ ШКОЛЫ ВЪ ЭДИНБУРГѢ. — Даласть Бэчъ, въ своемъ отчетѣ о сиротскихъ школахъ въ Эдинбургѣ, говоритъ слѣдующее:

Въ Эдинбургѣ находится семь сиротскихъ учебныхъ заведеній, называемыхъ пріютами (hospitals); въ шести изъ нихъ принимаются не одни сироты. Забота и попеченіе о дѣтяхъ, которыхъ родители находятся въ живыхъ, кажется многимъ просвѣщеннымъ людямъ противными общественной нравственности, подавая возможность родителямъ пренебрегать домашнимъ воспитаніемъ, или вовсе не заботиться о своихъ дѣтяхъ. Мнѣніе это однако не должно касаться благотворительныхъ сиротскихъ заведеній; попеченіе о сиротахъ, кажется, было главною причиною перваго основанія, по-крайней-мѣрѣ, трехъ изъ пяти мужскихъ школъ въ Эдинбургѣ.

Основателями ихъ были: Жоржъ Геріотъ, Жоржъ Ватсонъ, Джонъ Ватсонъ и Ковэнъ. Изъ этихъ пяти заведеній сиротскій

пріютъ готовить своихъ учениковъ для службы; въ заведеніяхъ Геріота и Жоржа Вотсона дается высшее образованіе для мальчиковъ съ дарованіемъ, наконецъ въ Ковэнскомъ приготавлиются учителя.

О каждомъ изъ этихъ заведеній я расскажу по порядку, введя его начало, устройство, управленіе, приемъ и выпускъ воспитанниковъ и сущность самого преподаванія.

Сиротскій пріютъ выстроенъ прекрасно и внутреннее его устройство вообще хорошо. Въ отношеніи хозяйственномъ и дисциплинарномъ онъ походитъ на заведеніе Джона Вотсона, но уступаетъ ему въ преподаваніи. Поэтому подробное описаніе этого пріюта я считаю излишнимъ. Управляется онъ патриархальнымъ образомъ: весь домъ составляетъ какъ-бы одну семью, глава которой есть начальникъ. Такимъ образомъ нравственное, физическое и умственное воспитаніе зависитъ главнымъ образомъ отъ одного лица, которое впрочемъ дѣйствуетъ по извѣстнымъ установленнымъ правиламъ чрезъ посредство попечителей (trustees). Дѣти, лишенные родителей, принимаются въ это заведеніе какъ сироты.

ГЕРІОТСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

Историческія свѣдѣнія. Это прекрасное заведеніе, предназначенное вначалѣ къ поддержанію и воспитанію бѣдныхъ сиротъ эднбургскихъ гражданъ, было основано въ 1623 г. по желанію ювелира Жоржа Геріота. Стараніемъ доктора Балканквола, избраннаго исполнителемъ воли Геріота, нынѣшнее заведеніе было выстроено между 1627 — 1650 годами. Потому благотворительность этой школы распространилась на оставленныхъ дѣтей, у которыхъ родители были живы, и послѣднимъ актомъ парламента правителямъ (governors) было дозволено устроить въ городѣ школы для вольноприходящихъ, изъ излишка доходовъ, при содержаніи въ самомъ заведеніи 180 воспитанниковъ. Излишекъ этотъ произошелъ отъ увеличенія цѣнности земель, находящихся подъ управленіемъ правителей, и послѣ долгихъ разсужденій и споровъ рѣшено было употребить этотъ доходъ для поддержанія школъ, а не первоначальнаго заведенія. Заведеніе управляется первобытными постановленіями доктора Балканквола, изъ которыхъ впрочемъ не всѣ сохранены, а также регулативами попечителей.

Зданіе сиротскаго дома въ готическомъ стилѣ съ его неправитѣльностями и пзвншествомъ украшеній, расположено въ прекра-

снѡй мѣстности на возвышеніи, съ котораго виденъ старый Эдинбургъ съ живописными старинными зданіями. Зданіе сиротскаго дома раздѣлено на множество небольшихъ комнатъ, соединенныхъ старинными лѣстницами. Есть горницы для собранія правителей, комнаты въ которыхъ живутъ учителя, столовая для воспитанниковъ, воспитателей и гувернеровъ, спальная и мыльная, кухня, разныя службы и купальня. Комната, назначенная для рисовальнаго класса, освѣщена сверху. Многія комнаты по вечерамъ освѣщаются газомъ; отопленіе каменнымъ углемъ было недавно замѣнено проведеніемъ теплаго воздуха; способъ освѣженія комнатъ не хорошъ. Не смотря на общее требованіе, во многихъ осмотрѣнныхъ мною школахъ комнаты освѣжаются плохо.

На дворѣ мальчкки играютъ въ извѣстные часы, и игра въ мячъ предпочитается ими гимнастикѣ. Проволочныя рѣшетки закрываютъ стекла снаружи отъ ударовъ мячемъ.

Управленіе и хозяйство школы. Совѣтъ правителей (The board of governors) непосредственно управляетъ школою, составляя комитетъ, который подраздѣляется еще на комитеты, собирающіеся по крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ двѣ недѣли. Начальникъ заведенія присутствуетъ въ этихъ комитетахъ.

Чиновники при заведеніи суть: *казначей*, завѣдующій доходами и расходами по жалованью учителей и еженедѣльнымъ отчетамъ засвидѣтельствованнымъ правителемъ заведенія. *Секретарь*, завѣдующій книгами и бумагами, и вообще всей юридической частію. *Правитель заведенія*, т.-е. начальникъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и одинъ изъ учителей и присутствуетъ въ совѣтѣ. На немъ лежитъ отвѣтственность по всему заведенію. Кромѣ того, какъ глава семейства, онъ долженъ ежедневно по три часа учить дѣтей въ высшихъ классахъ такимъ предметамъ, которые-бы представляли общій интересъ для всѣхъ мальчковъ, какое-бы ни было ихъ назначеніе въ жизни; напимѣръ: общій обзоръ исторіи въ особенности англійской; географія; первыя основанія натуральной исторіи и механики; англійскій языкъ, и наконецъ высшія основанія богословія. Онъ долженъ также, разъ въ недѣлю, осматривать классы и другихъ учителей. У него должна быть книга о получаемой и выдаваемой провизіи, недѣльные и мѣсячные отчеты и проч. *Учителя*, изъ которыхъ четверо живутъ въ заведеніи. Мнѣ кажется, говоритъ Бэчъ, весьма ошибочнымъ, что эти учителя не собираются подобно чле-

намъ совѣта, и потому никогда не испрашивается ихъ мнѣніе относительно дисциплины и ученія. *Докторъ и фельшеръ*, которые кромѣ постоянныхъ своихъ визитовъ, обязаны являться по первому требованію. *Хозяйка*, имѣющая присмотръ за всѣми вещами въ домѣ и дѣйствующая вообще какъ мать семейства; заведующая женской прислугой, платьемъ, чаемъ и сахаромъ, внутреннимъ порядкомъ, больницей, мыльной, столомъ и кушаньемъ для больныхъ. *Управляющій*, заведывающій съѣстными припасами, отопленіемъ и освѣщеніемъ, подъ управленіемъ хозяйки. Его отчеты повѣряются ежемѣсячно правителемъ заведенія и казначеемъ.

Прислуга состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: 9 женщинъ служатъ при столѣ, моютъ еженедѣльно ноги всѣмъ мальчикамъ, и присматриваютъ за малыми дѣтьми. Два сторожа, изъ которыхъ одинъ спитъ въ спальнѣ, а другой присутствуетъ во время игоръ. Два привратника: одинъ изъ нихъ можетъ быть женатый, одинъ служить у воротъ, и оба отвѣчаютъ за порядокъ и цѣлость въ домѣ. Они принимаютъ посѣтителей, допускаемыхъ по приказанію казначея, или начальника и показываютъ заведеніе.

Пріемъ и выпускъ воспитанниковъ. Пріемъ бываетъ за три недѣли до выборовъ, въ апрѣлѣ и октябрѣ. Поступающіе принимаются въ возрастѣ отъ семи до одиннадцати лѣтъ. Пріемъ обсуживается комитетомъ правителей и зависитъ отъ степени сиротства воспитанника, отъ характера его родителей, отъ степени познаній, выказанныхъ имъ на экзаменѣ. Дѣти, лишенные отца и матери, имѣютъ разумѣется на пріемъ самое большое право; за ними слѣдуютъ лишившіяся одни отецъ, другія матери, и наконецъ такія, у которыхъ родители живы. Разумѣется требуются свидѣтельства о бракѣ родителей, метрическое дѣтей и право свободного гражданства.

Новопоступающіе отдѣляются въ продолженіи цѣлаго года отъ другихъ воспитанниковъ, занимаютъ въ церкви и капеллѣ особыя мѣста, имѣютъ особыя спальни; занимаются, обѣдаютъ, и видятся съ родственниками также въ особыя часы отъ прочихъ. Вѣроятно эта мѣра, несуществовавшая въ основныхъ правилахъ заведенія, была выдумана для прекращенія страшныхъ дракъ въ школѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда всякій старшій воспитанникъ былъ тираномъ младшаго. До двадцати мальчиковъ были исключены изъ школы и только этой строгостію искоренено это кулачное право. Теперь отношенія воспитанниковъ между собою и

къ учителямъ понимаются лучше. Легко понять, что есть и другія причины, почему отдѣляютъ новоприходящихъ воспитанниковъ отъ другихъ дѣтей, но ни для одной изъ нихъ не слѣдуетъ, по мнѣ, употреблять эту мѣру. Мальчики эти находятся подъ женскимъ присмотромъ.

Воспитанники вообще оставляютъ заведеніе 14 лѣтъ; если мальчику нѣтъ этихъ лѣтъ передъ выпускомъ, то онъ остается еще на годъ; нѣкоторые оставались до 16 лѣтъ. По статуту заведенія способнѣйшіе ученики могутъ получать денежную сумму для содержанія себя впродолженіи 4-хъ лѣтъ въ высшемъ училищѣ и чрезъ это имѣть средство для поступленія въ Единбургскій университетъ. Когда мальчикъ изъ заведенія поступаетъ въ ученіе, заведеніе платитъ гонораріи и также раздаетъ награды тѣмъ, которые представляютъ похвальные атестаты о поведеніи и успѣхахъ. За шесть мѣсяцевъ до выхода воспитанника, правители требуютъ отъ начальника заведенія отчетъ о поведеніи, ученіи и способностяхъ мальчика. За мѣсяць-же до этого времени спрашиваютъ у родственниковъ, или воспитателя ребенка, къ чему желаютъ его готовить, къ какому мастеру хотятъ помѣститъ. Все это обсуживается и если мальчикъ назначенъ къ отдачѣ въ ученіе, то мастеръ не можетъ получить за него годичной платы (ар прентіе fee), не отвѣтя прежде на нѣкоторые вопросы, касающіеся поведенія и успѣховъ его учениковъ. Казначей обязанъ заносить въ реестръ отвѣты на такого-же рода вопросы, дѣлаемые ежегодно, какъ ученику такъ и тому, у кого онъ живетъ.

Оставляя заведеніе, воспитанникъ получаетъ полную одежду, библію и другія книги. Воспитанники-же, назначенные для поступленія въ университетъ, кромѣ одежды, получаютъ нѣкоторую годичную сумму.

Воспитаніе. Воспитаніе, тѣсно связанное съ образованіемъ, приспособлено по возможности къ дарованію и назначенію воспитанника. Предметы преподаванія суть: англійскіе склады и чтеніе, географія, исторія, письмо, латинскій языкъ, математика, рисованіе, французскій языкъ, музыка, греческій языкъ, механика, натуральная философія и химія. Эти предметы проходятся въ семи классахъ; въ первыхъ двухъ исключительно занимаются англійскимъ языкомъ, письмомъ и ариметикой. Въ третьемъ и четвертомъ классѣ назначается часъ для латинскаго. Также часъ въ шестомъ классѣ для изученія различныхъ англійскихъ сочине-

ній, въ седьмомъ совѣмъ нѣтъ языковъ. Натуральная философія въ сущности не преподается, а химическій курсъ прекратился. Греческій языкъ преподается только элементарно. Въ видахъ улучшенія курса, были напрасно прибавлены побочные предметы, отъ чего курсъ теперь потерялъ свое единство. Помочь этому можно, пересматривая весь курсъ отъ времени до времени и содержа эти отдѣльныя вѣтви въ строгой зависимости отъ общаго плана преподаванія.

Учителя раздѣляются на живущихъ и не живущихъ въ заведеніи—устройство хорошее, когда учителей много. Кромѣ начальника заведенія (haus-governor), обучающаго географіи, закону Божію и части исторіи, въ школѣ живутъ два учителя англійскаго языка, учитель математики и классическихъ наукъ. Не живутъ въ школѣ: учитель музыки, письма, рисованія и французскаго языка. Музыка преподается церковная, а рисованіе т. н. механическое.

Главный трудъ преподаванія въ различныхъ курсахъ раздѣленъ между пятью учителями. Съ ними начальникъ заведенія преподаетъ ежедневно три часа, прочіе занимаются отъ шести до семи часовъ, и попеременно слѣдятъ за мальчиками, когда они встаютъ и ложатся спать, во время обѣда, и даже, по правилу, отвѣчаютъ за нихъ во время игры. Такимъ образомъ, они, по истицѣ, отягчены сверхъ силъ работой, а получаемая награда за ихъ самоотверженіе не такова, чтобы удерживать ихъ постоянно при заведеніи.

Метода преподаванія не многосложна. Уроки заучиваются изъ книгъ; при этомъ бываетъ словесное объясненіе. Математика преподается вообще словесно. Въ англійскомъ отдѣленіи намѣрены принять методу сессіональныхъ школъ. Достоинство ея, мнѣ кажется, состоитъ въ распредѣленіи классовъ; каждый изъ двухъ учителей имѣетъ по отдѣлу изъ обоихъ англійскихъ классовъ, такъ что въ одной классной комнатѣ образуется два различныхъ отдѣленія въ одно и то-же время. Когда одно изъ этихъ отдѣленій учится, другое приготовливаетъ уроки. Цѣль классическаго преподаванія есть приготовленіе мальчиковъ къ высшимъ классамъ высшаго училища и окончательно къ университету. Латинскій курсъ простирается до чтенія изъ Виргилія и Горация, а изъ греческаго включаетъ только одни элементы. Классическій курсъ требуется не отъ всѣхъ воспитанниковъ; извѣстно, что изъ 62-хъ мальчиковъ 47 сдѣлались ремесленниками, а большее число оставляетъ заведеніе 16 лѣтъ и прежде. На это можно сдѣлать многія

возраженія. Изученіе латинскаго языка начинается въ 4 классѣ, т.-е. по пробытіи мальчиками трехъ лѣтъ въ школѣ. По правиламъ требуется, чтобы каждый мальчикъ выдержалъ блистательное испытаніе въ латинскомъ языкѣ. Если въ половинѣ перваго года онъ окажется слабымъ, то долженъ остаться въ классѣ еще на годъ, и когда, къ концу втораго года, не сдѣлаетъ успѣха, то долженъ быть взятъ вовсе изъ этого класса и отданъ къ другому рода занятію. Исполненіе этого правила неизбѣжно удерживаетъ не имѣющаго способности къ языкамъ мальчика, два года въ классѣ, дѣйствуетъ вредно на его привычки и вниманіе, убиваетъ время, которое-бы онъ могъ иначе употребить съ пользою и производить вредное вліяніе на весь классъ. Правда, что значительное число учениковъ никогда не переходятъ четвертаго класса, въ которомъ преподаются элементы латинскаго языка; и изъ тѣхъ, которые продолжаютъ латинскіе уроки, весьма немногіе достигаютъ университета. И такъ для немногихъ, которымъ можетъ послужить истинно съ пользою классическій курсъ, большая часть должна заниматься предметомъ, который лучше можетъ быть замѣненъ другимъ. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые унижаютъ классическое образованіе, но увѣренъ, что оно должно быть полное, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ; полнымъ-же оно не можетъ быть, когда ученіе оканчивается въ молодыхъ годахъ; къ тому-же есть понятія, мало или вовсе не сродныя къ языкамъ, какъ другія къ математикѣ. Если-бы цѣль школы была приготовленіе спеціалистовъ, то я-бы классическій курсъ считалъ за главное, и смотрѣлъ-бы какъ на исключеніе, на тѣхъ, которые по какимъ-бы то ни было причинамъ неспособны имъ пользоваться вполне; но какъ большая часть учениковъ находящихся въ школѣ избираетъ торговую часть, то не слѣдуетъ умственнаго образованія подчинять классическому. Легко понять, какъ подобная система можетъ быть приведена въ исполненіе; во многихъ заведеніяхъ Европы можно найти тому примѣры. Въ отношеніи изученія французскаго языка мнѣніе мое то-же, будутъ-ли на него смотрѣть какъ на образовательное средство, или какъ на полезное приложеніе въ послѣдствіи.

Изъ математики проходятъ ариметику съ дробями, элементарную алгебру и геометрію, по плану, принятому въ высшихъ заведеніяхъ. Учитель объясняетъ словесно, а ученики дѣлаютъ примѣры, вмѣстѣ, или каждый особо; или-же учитель даетъ задачи

и чертитъ фигуры на доскѣ подѣ диктовку учениковъ. При этомъ ученикъ дѣлаетъ примѣры на грифельной доскѣ; но насколько механическія дѣйствія исполняются учителемъ, настолько ученикъ теряетъ способность къ письму и списыванію фигуръ, къ понятію пропорціи и такимъ образомъ не упражняетъ ни руки, ни глаза. При этой методѣ, гдѣ занятія учителя предшествуютъ ученическимъ, понятія ученика остаются какъ-то невѣрными, и если эта метода можетъ быть употреблена въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то вообще она мнѣ кажется вредною.

Рисованіе проходитъ по методѣ прусскихъ школъ. Ученики, усвоивъ первые элементы линейнаго рисованія, списываютъ съ модели; простая перспективная машина (perspective machine) даетъ имъ идею объ основаніяхъ, которыя они прикладываютъ къ практикѣ. Сперва даютъ имъ списывать на грифельной доскѣ простыя твердыя тѣла съ прямыми и кривыми линіями, потомъ слѣпки, и постепенно болѣе сложныя плоскости списываются на бумагѣ карандашемъ или пинзелемъ. Эта метода удивительно направляетъ глазъ, но мало, или вовсе не способствуетъ къ образованію вкуса, поэтому и оставлена нѣкоторыми. Несмотря однако на этотъ недостатокъ, она чрезвычайно полезна для занимающихся механикой и превышаетъ систему линейнаго списыванія съ гравюръ, употребляемаго въ первоначальныхъ школахъ во Франціи. Кромѣ того, она имѣетъ еще и то преимущество, что по ней каждый воспитанникъ научается порядочно рисовать. Каждый мальчикъ долженъ пробыть въ этомъ классѣ по-крайней-мѣрѣ годъ до своего выпуска.

Въ каждомъ классѣ удѣляется ежедневно по часу для письма.

Религіозное и нравственное обученіе. Религіозное преподаваніе состоитъ въ изученіи библіи, доказательствъ христіанства (Evidences of Christianity) и катихизиса. Кромѣ утренней и вечерней молитвы, воспитанники, въ воскресенье по утрамъ, занимаются часъ катихизисомъ, библейскими уроками или гимнами, произносимыми по вечерамъ, и ходятъ два раза въ день въ церковь. Кромѣ того, преслѣдуя всякое зло и поощряя добродѣтель, школьная дисциплина дѣйствуетъ этимъ чрезвычайно сильно на нравственность; хорошій примѣръ взрослыхъ мальчиковъ и преобладающій вездѣ порядокъ, имѣютъ вліяніе на правильность поступковъ. Результатъ этого моральнаго воспитанія отражается въ характерѣ воспитанника и послѣ того какъ онъ оставляетъ заведеніе; выше-

упомянутые отвѣты на вопросы, о поведеніи молодыхъ людей, даваемые мастерами, у которыхъ они находятся въ ученіи и тѣми, у которыхъ они живутъ, въ высшей степени удовлетворительны.

Одинъ изъ спорныхъ вопросовъ, есть свиданіе родственниковъ съ дѣтьми во время ихъ пребыванія въ школѣ. Съ одной стороны, весьма важно, чтобы не разрывались эти природныя связи, съ другой-же, опытъ показываетъ сколько вреда приносятъ дурныя совѣты родныхъ, ихъ пагубная свисходительность и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дурныя примѣры. Сообразно съ тѣмъ, которое изъ этихъ двухъ золъ важнѣе, наставникъ по своему усмотрѣнію позволяетъ рѣдкія, или частыя свиданія съ родными. Въ геріотскомъ заведеніи воспитанники могутъ навѣщать своихъ знакомыхъ только разъ въ три недѣли, кромѣ особенныхъ случаевъ, въ которыхъ судьбою бываетъ начальникъ заведенія. За живущими въ томъ-же городѣ, родные должны присылать въ заведеніе и отводить ихъ туда въ назначенное время. Тѣмъ-же, которыхъ родственники находятся въ деревняхъ, дается три недѣли каникулъ въ августѣ, по разрѣшенію комитета или начальника заведенія, если онъ не находитъ причины къ отказу.

Въ тѣсной связи съ умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ находятся награды и наказанія, принятыя въ школѣ. Они состоятъ въ размѣщеніи учениковъ въ классѣ, въ присмотрѣ за товарищами, въ позволеніи навѣщать и принимать родныхъ и знакомыхъ, въ подаркахъ за хорошее поведеніе, въ количествѣ домашнихъ уроковъ, въ денежномъ награжденіи во время обученія или въ помощи для продолженія ученія въ университетѣ и даже въ вспомоствованіи послѣ ученія. Въ отношеніи къ наказаніямъ въ правилахъ сказано: тѣлесное наказаніе должно быть употребляемо какъ возможно рѣже; но не хорошо то, что его употребляютъ въ присутствіи другихъ учениковъ.

Тѣлесное наказаніе можно предпочитать только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда увѣщанія не помогаютъ. Но это есть уже послѣднее средство и употреблять его слѣдуетъ безъ горячности и не при другихъ. Во многихъ заведеніяхъ розги, служившія долгое время обыкновеннымъ наказаніемъ, теперь вовсе оставлены. Весьма мало найдется характеровъ, недоступныхъ къ нѣжному обращенію, и наставникъ, предпочитающій отталкивающія средства поощряющимъ, не имѣетъ необходимаго достоинства

для школы. Нѣжныя отношенія, существующія между наставникомъ и учениками во многихъ континентальныхъ школахъ, откровенность, которая дѣлаетъ изъ него отца семейства, гораздо лучше возбуждаютъ къ повиновенію, чѣмъ розги. Недостаточно наблюдая за дѣтьми во время игры, геріотскіе наставники лпшаютъ себя этимъ средствъ къ нравственному контролю, что отстранило-бы много затрудненій. Правда, каждый наставникъ, поочередно, отвѣчаетъ за порядокъ въ домѣ, но онъ не имѣетъ большого вліянія на дѣтей. Въ заведеніяхъ этого рода, оно особенно важно; долгіе часы учебныхъ занятій, мѣшающіе откровенному сближенію между учителемъ и учениками, представляютъ тутъ важное неудобство. Что такое сближеніе чрезвычайно важно въ нравственномъ отношеніи, въ этомъ не будетъ сомнѣваться ни одинъ здравомыслящій наставникъ; многоученіе въ школѣ не замѣняетъ собою умнаго воспитанія присмотромъ внѣ ея, въ дѣлѣ образованія нравственнаго человѣка. Слуги не могутъ замѣнить наставниковъ.

Физическое воспитаніе. Одежда и пища въ геріотскомъ заведеніи хороши. Бѣлье смѣняется три раза въ недѣлю; ежегодно даются, какъ верхнее, такъ и нижнее платья. Лѣтомъ устроены купальни. Платья чистятся ежедневно. Спальныя, классы и проч. содержатся въ чистотѣ и освѣженіе ихъ служитъ, какъ видно, предметомъ особаго вниманія. Лѣтомъ дѣти часто ходятъ гулять. Наигру дается три часа въ день; мнѣ кажется это слишкомъ мало, сравнительно съ другими заведеніями, особенно для младшаго возраста. Старшимъ воспитанникамъ часто приходится проводить въ классахъ 8 часовъ въ день, что, при множествѣ предметовъ семилѣтняго курса вредно дѣйствуетъ на умственное развитіе, какъ видно изъ опыта.

Весьма вѣроятно, что недостатокъ движенія и пищи (хотя дѣтямъ и дается по куску хлѣба между завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ) были причиною, что я не нашелъ въ геріотскихъ воспитанникахъ овойственной дѣтямъ живости. Дѣти не занимаются никакой домашней работой, и даже все касающееся прямо до нихъ, исполняется слугами заведенія, какъ-то: чистка спаленъ, дѣланіе постели, приготовленіе и уборка етола, чищеніе платья, сапоговъ и проч. Такимъ образомъ, дѣти, имѣя все готовое и неприученные заботиться о себѣ, находятъ тягостнымъ, по выходѣ изъ заведенія, служить нуждамъ другихъ. Многіе принимая ихъ въ ученіе и видя неохоту, съ которой они принимаются за простыя занятія,

осуждаютъ ихъ образъ воспитанія. Этотъ недостатокъ увеличивается еще совершеннымъ незнаніемъ жизни. Тѣ изъ мальчиковъ, которые никогда не оставляютъ школы, живя съ безбрачными учителями, не могутъ получить понятія объ обществѣ; если они и видятся съ родными, то на нѣсколько дней въ году.

Не смотря на средства, подаваемые въ геріотскомъ училищѣ къ высшему образованію ума, почти всѣ сыновья торговцевъ или лавочниковъ, по выходѣ изъ заведенія, слѣдуютъ ремеслу своихъ родителей, но, какъ выразился одинъ извѣстный священникъ въ Единбургѣ, если изъ школы этой не вышли знаменитые люди, за то она ремесленному классу доставила трезвыхъ и вѣрныхъ гражданъ. Многіе изъ нихъ достигли гражданскихъ почестей и сдѣлались начальниками заведенія, которое въ юности ихъ воспитало. Школа развиваетъ умъ, но не даетъ его.

УЧИЛИЩЕ ЖОРЖА ВАТСОНА.

Заведеніе это, устроенное по образцу геріотскаго, имѣетъ съ нимъ сходство въ общемъ; но есть нѣкоторыя различія, достойныя примѣчанія; въ-особенности мнѣ показалось, что здѣсь отношенія дѣтей къ учителямъ поняты лучше. Правда, что въ геріотскомъ вдвое или втрое болѣе воспитанниковъ, чѣмъ у Ватсона, и трудность сближенія съ ними увеличивается числомъ.

Исторія, устройство и проч. Заведеніе это основано Жоржомъ Ватсономъ, который бывъ сперва клеркомъ, потомъ купцомъ, бережливостію и благоразуміемъ достигъ независимости и умеръ по своему времени богатымъ человѣкомъ. Онъ оставилъ 12,000 ф. ст. на основаніе заведенія для дѣтей раззоренныхъ купцовъ въ Единбургѣ (Въ настоящее время заведеніе имѣетъ отъ 33 до 34 тысячъ долларовъ дохода). Зданіе школы было построено около 1724 г. обществомъ купцовъ и попечителей назначенныхъ по завѣщанію.

Составъ совѣта правителей, управляющихъ этимъ заведеніемъ, почти тотъ-же, какъ и геріотскаго, но только проще, потому-что самое заведеніе меньше.

Общее хозяйство. Главный учитель исполняетъ обязанности начальника заведенія, а хозяйка служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и управительницей. Оба получаютъ суммы на случайные расходы, въ которыхъ начальникъ отдаетъ отчетъ комитету, а хозяйка начальнику. Поставщики представляютъ свои отчеты начальнику, кото-

рый разсматриваетъ ихъ, и если утверждаетъ, то передастъ казначею.

Въ заведеніи два привратника, изъ которыхъ одинъ долженъ быть портной. Онъ женатый и жена его раздѣляетъ съ нимъ присмотръ. Оба привратника наблюдаютъ за дѣтми во время игры и когда они встаютъ и ложатся спать: одинъ бываетъ въ купальнѣ, въ то время какъ другой посылаетъ туда дѣтей по отдѣленіямъ.

Пріемъ, выпускъ и проч. Мальчики, принимаемые въ это заведеніе, вообще принадлежатъ къ семействамъ болѣе образованнымъ чѣмъ у геріотскихъ воспитанниковъ, условія пріема для нихъ сложнѣе и они поступаютъ старше. Свидѣтельства, требуемыя для пріема, суть слѣдующія: доказательство, что близкіе родные принадлежатъ къ купеческому сословію, свидѣтельство о бѣдности, о рожденіи и крещеніи. Этими исключаются незаконнорожденные; и наконецъ свидѣтельство о времени пребыванія ихъ прежде въ другой школѣ. Чтобы быть принятымъ, мальчикъ долженъ умѣть читать и провести прежде годъ въ другой школѣ, если ему семь лѣтъ, два года, если восемь, и такъ далѣе до одиннадцати, послѣднее время, въ которое онъ можетъ быть принятъ. Воспитанникъ можетъ такимъ образомъ пробыть въ школѣ восемь лѣтъ или только четыре года, и долженъ выдти пятнадцати.

Мальчики эти готовятся для торговыхъ занятій, или для другихъ должностей. Изъ 94 воспитанниковъ, вышедшихъ изъ заведенія, 50 поступили въ купечество, 20 сдѣлались клерками, 9 чиновниками, 6 занялись разными дѣлами и только 44 остались лавочниками. Въ геріотскомъ заведеніи число этихъ послѣднихъ относится какъ 85 къ 94. Изъ этого можно судить о главной цѣли воспитанія въ этомъ заведеніи.

Учебное воспитаніе. Хотя по правиламъ этого заведенія, кажется, нѣкоторые предметы считаются не такъ нужными, какъ другіе, однако разница преподаванія съ геріотскимъ училищемъ состоитъ именно въ томъ, что здѣсь оно полнѣе; латинскій и греческій языки, исторію и географію проходятъ обширнѣе. Новѣйшіе языки спрашиваютъ не такъ строго; въ англійскомъ курсѣ, арифметикѣ и проч. нѣтъ разницы съ геріотскимъ училищемъ, хотя здѣсь эти предметы проходятъ кажется лучше.

Въ этомъ заведеніи ученики и учителя, съ ихъ малымъ жалованьемъ, также обременены работой. Послѣдніе тоже должны быть не женаты. Учителя здѣсь избираются поочередно, и хотя началь-

никъ былъ въ заведеніи только три года, онъ долженъ былъ занимать прежде два низшихъ мѣста. Это правильное избраніе имѣеть свою хорошую сторону въ отношеніи къ двумъ подчиненнымъ учителямъ; но въ отношеніи начальника заведенія оно представляетъ неудобство, потому что отъ него требуется часто преподаваніе такихъ предметовъ, къ которымъ онъ не готовился. Управленіе 180 мальчиковъ, какъ въ геріотскомъ заведеніи, достаточно занимаетъ одно лицо, но здѣсь число учениковъ, ограниченнѣе. Тутъ живутъ три учителя при 76 мальчикахъ, а въ геріотской школѣ пять при 180; поэтому вся выгода остается на сторонѣ ватсоновскаго заведенія. Живущіе въ школѣ учителя преподають классиковъ, англійскій языкъ и математику; послѣдній предметъ возложенъ на главнаго учителя, который также преподаетъ начала химіи. Всѣ ученики раздѣлены на три класса. Учителя не составляютъ форменнаго комитета, какъ члены совѣта, но всѣ трое имѣють сходственные обязанности, каждый поочередно присутствуетъ при дѣтяхъ во время обѣда, въ рекреаціонные часы и въ спальнѣ. Главный учитель, не смотря на свое званіе начальника, не имѣеть преимущества передъ другими, и потому всѣ учителя дѣйствуютъ дружнѣе. Реестръ книгъ, нужныхъ для заведенія представляется ежегодно начальникомъ въ комитетъ правителей. Награды за ученіе и поведеніе въ этой школѣ очень велики. Послѣ ежегоднаго испытанія раздаются книги, имена отличившихся учениковъ пишутся на доскѣ въ комнатѣ начальника; для достойныхъ продолжать курсъ въ университетѣ, дается 100 долларовъ на четыре года, и еще 85 на слѣдующіе два года, по одобренію учебнаго комитета. Неженатые изъ прежнихъ воспитанниковъ 25 лѣтъ, и неимѣющіе капитала на начало, могутъ получить 250 долларовъ отъ правителей, представя похвальныя свидѣтельства. Такимъ образомъ долгое время спустя и по выходѣ воспитанниковъ, заведеніе продолжаетъ свои благодѣянія. Тѣ, которые учатся на полученіе званія адвоката, или хирурга, платятъ, сообразно постановленію, большіе гонораріи, требуемые въ подобныхъ случаяхъ.

Нравственное воспитаніе. Я уже сказалъ, что взаимныя отношенія учителей и воспитанниковъ лучше здѣсь понимаются, чѣмъ въ геріотскомъ училищѣ. Это происходитъ не столько отъ системы управленія, сколько отъ личнаго характера самихъ учителей. Когда дѣти ведутъ себя хорошо, учитель дѣлаетъ съ ними боль-

шія прогулки, приглашаетъ нѣкоторыхъ къ себѣ къ чаю; расходъ этотъ ставится на счетъ заведенія. Дѣтямъ предоставлены игры, работы въ саду и проч., даются награды за хорошее поведеніе, назначаемыя самими воспитанниками. Тѣмъ которые ведутъ себя хорошо въ продолженіе недѣли, позволяется въ субботу навѣщать родственниковъ. Виновныхъ наказываютъ въ особой комнатѣ и непремѣнно въ присутствіи главнаго учителя.

Физическое воспитаніе. Гимнастическія упражненія здѣсь не введены, какъ и въ геріотскомъ училищѣ. Дѣти играютъ въ мячъ и занимаются другими играми, ихъ учатъ танцовать.

Въ августѣ, послѣ годоваго экзамена, имъ даются каникулы на шесть недѣль; въ это время одинъ пзъ учителей остается въ заведеніи съ воспитанниками, которыхъ некому брать, или которые остаются по другимъ причинамъ.

Спальни устроены не хорошо. Въ каждой кровати спятъ по два мальчика, спальня затворяется на ночь и ключъ находится у главнаго учителя. Если мальчикъ захвораетъ, то для этого проведенъ колокольчикъ, чтобы позвать на помощь. Все это весьма не хорошо устроено.

ЗАВЕДЕНІЕ ДЖОНА ВАТСОНА.

Заведеніе это, организованное въ 1828 г., имѣетъ достоинство новѣйшаго устройства и потому свѣдѣніе о немъ можетъ быть любопытное. Одно изъ правилъ этой школы есть постепенная организація и допущеніе измѣненій правилъ, прежде чѣмъ они сдѣлаются закономъ. На основаніи этихъ двухъ идей организованное, это заведеніе достигло своего настоящаго устройства и увеличило число своихъ учениковъ до 160. Вѣроятно, настоящая его форма не есть еще окончательная и многія измѣненія могутъ быть сдѣланы впоследствии.

Исторія, устройство и проч. Заведеніе это для бѣдныхъ дѣтей было основано на капиталъ, оставленный Джономъ Вотсономъ въ 1763; годовой доходъ заведенія около 15,000 долларовъ. Мѣстоположеніе и устройство дома хорошо. Въ одномъ крылѣ помѣщаются дѣвочки, въ другомъ мальчики. Я скажу только объ устройствѣ мужской половины. Въ первомъ этажѣ находятся комнаты начальника, помощниковъ, гувернеровъ, церковь и три класса. Пробовали ogrѣвать домъ теплымъ воздухомъ, но это не удалось. Во второмъ этажѣ находятся рабочія комнаты, спальни, больница,

службы, комната для ключницы и проч. Весь домъ освѣщается газомъ и снабженъ проведенною водою—два важныхъ удобства.

Устройство заведенія. Общее управленіе заведеніемъ раздѣлено между пятнадцатью попечителями; они имѣютъ при себѣ казначея, клерка и ассистента и составляютъ комитетъ, который обязанъ осматривать заведеніе каждыя двѣ недѣли.

Начальникъ заведенія отвѣчаетъ за все, что дѣлается внутри; особенно наблюдаетъ за мальчиками и исключительно преподаетъ имъ законъ Божій. Хозяйка имѣетъ присмотръ за дѣвочками и за всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Докторъ обязанъ посѣщать заведеніе два раза въ недѣлю и кромѣ-того являться по востребованію.

Прислуга заведенія состоитъ изъ привратника, двухъ нянекъ, трехъ дѣвушекъ, четырехъ горничныхъ, повара и ассистента. Привратникъ наблюдаетъ за входомъ, собираетъ мальчиковъ по утрамъ, наблюдаетъ за ними утромъ и вечеромъ, во время игры, купанья и обѣда.

Одна изъ нянекъ въ особенности смотритъ за чистотою маленькихъ и за порядкомъ у старшихъ. Содержаніе каждаго ребенка круглымъ числомъ стоитъ въ годъ 119 долларовъ, Воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ въ одномъ заведеніи хотя имѣетъ свои выгоды въ весьма молодые годы, но впоследствии представляетъ такія затрудненія, что правители этого заведенія постепенно уменьшили число воспитанницъ; начальникъ заведенія желалъ-бы раздѣлить школу на двѣ; ни преподаваніе, ни дисциплина, годныя для одного пола, не годится для другаго.

Пріемъ. Воспитанники принимаются отъ пяти до восьми лѣтъ и эти ранніе года пріема имѣютъ замѣтно благотворное на нихъ вліяніе. Характеръ ихъ мягокъ, дурныхъ привычекъ еще нѣтъ. Не смотря однако на всѣ эти преимущества и рѣдкія способности начальника заведенія, какъ воспитателя, пришлось исключить трое ихъ воспитанниковъ изъ вновь принятыхъ 25; но примѣръ этотъ такъ сильно подѣйствовалъ, что съ этихъ поръ не повторились подобные случаи, хотя до 1836 г. было принято 79 мальчиковъ и 66 дѣвочекъ.

При пріемѣ не требуется никакихъ предварительныхъ познаній, а удостовѣреніе въ томъ, что ребенокъ дѣйствительно не имѣетъ никого, кто-бы могъ его воспитывать. Незаконные и больные дѣти не принимаются. Воспитанника сначала берутъ на ис-

дѣльное испытаніе; если онъ нравственно и физически годенъ для заведенія, его принимаютъ, если-же нѣтъ, то должно его взять назадъ. Воспитанники выходятъ изъ заведенія 14 лѣтъ, и о нихъ уже болѣе не заботятся; если у котораго еще есть родные или знакомые, то это еще не тяжело, но такіа дѣти не составляютъ предмета общественнаго призрѣнія. Выпустить-же 14-лѣтняго мальчика съ 10 фунтами стерл. и съ библіей мнѣ кажется слишкомъ жестоко; къ сожалѣнію, этому правилу слѣдуютъ и другіе. Что касается до этого заведенія, я слышалъ, что хотятъ ограничить пріемъ только такими дѣтьми, которыхъ обѣдѣвшіе родители занимали прежде высшія должности.

Преподаваніе. Несмотря на то, что предметовъ преподаванія болѣе въ геріотскомъ пріемѣ, они распредѣлены систематичнѣе. Только часть плана приведена въ исполненіе, и это хорошо, покуда не сдѣлаютъ распредѣленія предметовъ сообразно призванію и будущимъ нуждамъ воспитанниковъ. Предметы курса слѣдующіе: склады, чтеніе, грамматика, сочиненіе, письмо, ариметика, алгебра, веденіе книгъ, географія и исторія древняя и новая, рисованіе, черченіе и проч., элементы натуральной философіи и химіи, натуральной исторіи, геометріи и измѣреній, и элементы латинскаго и греческаго языковъ.

По статутамъ заведенія полагается только два учителя: главный учитель и ассистентъ. Оказалось однако необходимымъ прибавить двухъ суб-ассистентовъ, чтобы имѣть по одному для каждаго изъ трехъ классовъ, на которые раздѣлено заведеніе; старшій учитель имѣетъ главное управленіе и иногда преподаетъ. Чтобы имѣть возможность судить удобнѣе объ успѣхахъ всѣхъ классовъ, всѣмъ воспитанникамъ, когда можно, читается одинъ предметъ въ одно и то-же время; напр. въ одно и то-же время во всѣхъ классахъ занимаются ариметикой или чтеніемъ и начальникъ, переходя отъ одного класса къ другому, можетъ составить себѣ сравнительную идею объ успѣхѣхъ. Каждый учитель имѣетъ въ одномъ классѣ по нѣскольку предметовъ, сообразно методѣ, принятой нынче въ лучшихъ нѣмецкихъ школахъ. Въ другихъ школахъ, которыя я видѣлъ, каждый учитель имѣетъ одинъ или нѣсколько предметовъ, которые онъ преподаетъ въ разныхъ классахъ. Этимъ нарушаются слишкомъ близкія отношенія дѣтей къ учителю, котораго они видятъ немного времени и который занимается каждый часъ другимъ. Съ другой стороны извѣстно, что

одинъ преподаватель не можетъ быть одинаково искусенъ во многихъ предметахъ, и такимъ образомъ преподаваніе по всѣмъ отраслямъ не можетъ быть удовлетворительно. Миѣ кажется, что оба эти метода имѣютъ свои справедливыя стороны. Именно первое правило можно приложить къ элементарному воспитанію, второе-же къ позднѣйшему періоду, когда предметы науки становятся труднѣе и положительныя знанія учителя необходимѣе и важнѣе; а это приходится именно въ такое время, когда вліяніе преподавателя на ребенка, становится необходимо слабѣе, и когда воспитанникъ, при хорошемъ направленіи, приготовленъ уже въ нѣкоторой степени управлять собою. Такъ оба правила хороши въ своемъ мѣстѣ.

Три класса подраздѣляются каждый на три отдѣла, соотвѣтствующіе разнымъ степенямъ успѣха и заключающіе понятливыхъ и прилежныхъ дѣтей, слѣдующихъ лѣтъ: 1-й классъ: шести, семи и восьми лѣтъ; 2-й девяти, десяти и одиннадцати; 3-й двѣнадцати, тринадцати и четырнадцати. Всѣхъ воспитанниковъ въ 1837 году было 116, изъ которыхъ 66 мальчиковъ.

Высшее положеніе начальника въ этомъ заведеніи передъ другими учителями, составляетъ совершенную противоположность съ геріотскимъ и Жоржа Вотсона заведеніями.

Нравственное и физическое воспитаніе. Весьма трудно рѣшить, что именно составляетъ нравственную дисциплину; хотя правила въ отношеніи ея могутъ быть одни и тѣ-же въ двухъ заведеніяхъ, на практикѣ-же между ними является огромная разница. Правила управленія немного разнятся съ геріотскимъ и Жоржа Вотсона заведеніями, за всѣмъ тѣмъ всякаго наблюдателя невольно поражаетъ патріархальный видъ этого заведенія, тогда-какъ въ другихъ, особенно въ геріотскомъ, болѣе формалистики и дисциплины; между тѣмъ общій составъ правилъ всѣхъ трехъ заведеній одинаковъ. Поощренія и наказанія въ этомъ заведеніи тѣ-же какъ и въ другихъ. Начальникъ этой школы слѣдуетъ двумъ правиламъ, которыя, вѣроятно болѣе чѣмъ сами законы, поставили эту школу на ту степень, на которой она находится. Во первыхъ: изрѣдка дарованное прощеніе въ неважныхъ случаяхъ предупреждаетъ частыя наказанія; во вторыхъ: наказаніе никогда не должно порождать чувства будто-бы имъ совершенно искуплена вина, напротивъ оно должно подать мысль виноватому, что ему простили часть его вины.

Религіозное образованіе тоже, что въ другихъ заведеніяхъ.

Въ рекреационныхъ занятіяхъ принимаютъ также участіе и преподаватели. Запрещеніе игръ служить наказаніемъ.

За чистотою наблюдается строго; дѣтей часто моютъ и купаютъ въ присутствіи старшихъ, но мыльни устроены неудобно. Оба суб-ассистента обѣдаютъ вмѣстѣ съ дѣтьми.

Мальчики не исполняютъ никакихъ домашнихъ работъ исключая чищенія башмаковъ, которое производится нѣкоторыми изъ старшихъ воспитанниковъ по очереди, и которые для этого встаютъ ранѣе другихъ.

Каждый мальчикъ спитъ въ особой кровати, исключая въ спальняхъ для маленькихъ, которые спятъ по двое въ одной и за которыми смотритъ нянька. Въ другихъ спальняхъ спитъ одинъ изъ ассистентовъ, или-же одинъ изъ старшихъ мальчиковъ и наблюдаетъ за спальней, а ассистентъ спитъ возлѣ.

Одежда такая-же, какъ и въ заведеніи Жоржа Вотсона.

Распредѣленіе дня. Распредѣленіе учебныхъ и рекреационныхъ часовъ достойно замѣчанія. Слѣдующій порядокъ бываетъ зимою. Дѣти встаютъ въ семь; отъ семи до половины восьмага мытье и одѣваніе; отъ половины восьмага до восьми молитва. Отъ восьми до девяти въ классахъ. Отъ девяти до четверти десятаго, завтракъ. Отъ четверти десятаго до десяти играютъ. Съ десяти до половины одинадцатаго въ классахъ. Съ половины одинадцатаго до двѣнадцати играютъ. Отъ двѣнадцати до часа въ классахъ. Отъ часа до половины втораго обѣдъ. Отъ половины втораго до трехъ играютъ. Отъ трехъ до пяти въ классахъ. Отъ пяти до шести играютъ. Отъ шести до семи въ классахъ. Отъ семи до четверти восьмага ужинъ. Съ четверти восьмага до восьми играютъ. Отъ восьми до половины девятаго молитва. Съ половины девятаго до девяти моются и ложатся спать.

Счастливое распредѣленіе учебныхъ и рекреационныхъ часовъ и нравственная дисциплина этого заведенія доказываются хорошимъ характеромъ воспитанниковъ, ихъ общимъ здоровьемъ и веселостію. Учебныхъ часовъ въ этомъ распредѣленіи шесть съ половиною, рекреационныхъ четыре съ половиною, впродолженіи четырнадцати часоваго дня, тогда-какъ въ заведеніи Жоржа Вотсона учатся девять часовъ и даже болѣе.

Въ юлѣ дается около четырехъ недѣль каникулъ. Дѣтямъ позволяется принимать родныхъ разъ въ три недѣли на два часа.

КОВЭНСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Школа эта, основанная въ 1832 г. согласно желанію Люи Ковэна, французскаго учителя въ Эдинбургѣ, назначена для воспитанія дѣтей учителей и фермеровъ. Но какъ основатель былъ самъ учитель и въ Шотландіи былъ недостатокъ въ семинаріяхъ для приготовленія учителей, то ковэнскіе попечители рѣшили употребить это заведеніе для этой цѣли.

Воспитанниковъ принимаютъ отъ шести до восьми лѣтъ. Доходъ заведенія составляетъ пять тысячъ долларовъ въ годъ. Двадцать воспитанниковъ составляютъ комплектъ. Въ молодыхъ годахъ воспитанниковъ мудрено судить о ихъ будущихъ способностяхъ какъ преподавателей, однако можно полагать, что, изъ двадцати мальчиковъ, трое или четверо, вѣроятно, окажутъ способности къ назначенію, къ которому ихъ готовятъ. Весьма достойно примѣчанія-то, что какъ дѣти могутъ оставаться въ заведеніи только до четырнадцати лѣтъ, и какъ это время слишкомъ недостаточно для ихъ образованія, то тѣ, которые наиболѣе оказываютъ способности къ своему назначенію, начинаютъ свое учительское званіе въ этомъ-же заведеніи, и кончая такимъ образомъ свое собственное воспитаніе, служатъ преподавателями младшихъ воспитанниковъ.

Ковэнское заведеніе имѣетъ лучшіе учебныя пособія какія я видѣлъ въ Шотландіи. У нихъ есть прекрасная коллекція для натуральной исторіи.

(Report on Education in Europe, by Alexis Dallas Bache).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Недавно профессоръ славянскихъ языковъ и славянской литературы въ брацлавскомъ университетѣ, г. Цыбульскій, издавъ на польскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Obecny stan nauki o runach slowianskich» (Современное состояніе науки о рунахъ славянскихъ). Въ сочиненіи своемъ профессоръ рассматриваетъ всѣ попытки, сдѣланныя любителями древностей для разобранія рунъ славянскихъ, и въ-особенности останавливается на исторіи открытія камней микорминскихъ, такъ сильно подтвердившихъ то мнѣніе, что славяне, подобно скандинавскимъ народамъ, употребляли руническую письменность. Говоря объ этихъ камняхъ, ученый изслѣдователь приводитъ почти цѣлый алфавитъ рунъ скандинавскихъ. Незначительное-же число откры-

тыхъ до настоящаго времени руническихъ памятниковъ, г. Цыбульскій объясняетъ тѣмъ, что, вообще, у народовъ малообразованныхъ всѣ изобрѣтенія рѣдко имѣютъ практическое приложеніе, а потому и употребленіе рунъ не было слишкомъ распространено у славянъ. Можно также предполагать, замѣчаетъ профессоръ, что многія руны этого рода считаются по ошибкѣ германскими рунами. Вообще трудъ г. Цыбульскаго, какъ нельзя лучше убѣждаетъ въ томъ, что предкамъ нашимъ была извѣстна руническая письменность, и потому сочиненіе ученаго профессора должно считаться весьма важнымъ приобрѣтеніемъ въ области славянской археологiи и славянской рунографiи, въ-особенности.

Вышелъ польскій переводъ хроники Марцина Галла, сдѣланный г. Глицинскимъ въ Варшавѣ и печатаемый въ «Историческихъ документахъ» Бѣльскаго. Въ Римѣ, Тейнеръ (Theiner) издалъ подъ своей редакціею первый томъ весьма важныхъ письменныхъ документовъ, открытыхъ въ ватиканскомъ архивѣ и касающихся духовныхъ дѣлъ Польши и Литвы; вышедшій томъ этого изданія «*Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*» обнимаетъ эпоху времени отъ 1217—1409 годъ и заключаетъ въ себѣ папскія буллы къ духовнымъ лицамъ и къ королямъ польскимъ и князьямъ литовскимъ отъ времени папы Гонорiя III до Григорiя XII. По извѣстіямъ, передаваемымъ «Виленскимъ вѣстникомъ» (№ 91), въ числѣ другихъ приношеній, сдѣланныхъ въ послѣднее время, различными лицами виленской археологической комиссіи, г. Пршездецкій принесъ послѣдней въ даръ выпедшій первый томъ этого замѣчательнаго изданія.

Въ Прагѣ, книгопродавцы Каберъ и Маркграфъ приступили къ изданію полнаго собранія чешскихъ поэтовъ. Въ настоящее время вышло уже нѣсколько выпусковъ этого изданія, начатаго съ сочиненій юмористическаго чешскаго поэта — Рубецъ.

Въ Яссахъ происходило, 9 ноября (28 октября), торжественное открытіе университета.

«*Gazette de Cologne*» сообщаетъ горестное извѣстіе о смерти, постигшей ученаго путешественника доктора Рошера, занимавшагося изслѣдованіями въ центральной Африкѣ. Проникнувъ далеко въ глубь страны, къ востоку отъ Занзибара, почтенный докторъ, въ одну ночь, умерщвленъ былъ въ своей палаткѣ двумя туземными дикарями, изъ которыхъ одинъ поразилъ его стрѣлою, напитанною ядомъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «*Indep. Belge*» помѣщено письмо короля Виктора-Эммануила, адресованное имъ отъ 14 ноября на имя г. Фарини. Въ письмѣ своемъ, государь этотъ, выражая сожалѣнія на совершенный недостатокъ средствъ для народнаго образованія, который онъ встрѣтилъ, по прибытіи своемъ, въ Неаполѣ, и напоминая о томъ, что религіозное и гражданское обученіе и воспитаніе народа всегда было постоянною мыслію его царствованія, онъ приглашаетъ г. Фарини принять энергическія мѣры къ усиленію средствъ народнаго образованія и разрѣшаетъ ему взять на этотъ предметъ изъ его собственной королевской шкатулки 200,000 италіанскихъ ливровъ. Не ограничиваясь однимъ городомъ, Викторъ-Эммануилъ, въ концѣ письма своего, предлагаетъ г. Фарини сдѣлать необходимыя распоряженія къ тому, чтобы и въ провинціяхъ также былъ рассмотрѣнъ важный вопросъ о народномъ воспитаніи.

Занимствуемъ изъ письма лондонскаго корреспондента «С. Петербургскихъ вѣдомостей» любопытныя извѣстія, сообщаемыя имъ редакціи газеты отъ 31 (19) октября объ открытіи въ Ливерпулѣ великолѣпнаго зданія, подареннаго городу однимъ изъ его гражданъ, Уильямомъ Брауномъ, и которое принимаетъ отнынѣ названіе ливерпульской свободной библіотеки и музеума. Громадность пожертвованія, сдѣланнаго г. Брауномъ, можетъ служить образчикомъ, до какихъ размѣровъ достигаетъ въ Англіи дѣятельность частныхъ лицъ въ дѣлѣ воспитанія народныхъ массъ.

Постройка этого зданія, начатаго только два года тому назадъ, обошлась г. У. Брауну въ 40,000 ф. ст. (242,800 р. с.). Великолѣпное зданіе это; въ коринтскомъ стилѣ, вмѣщаетъ въ себѣ залу длиною 96 и въ вышину 70 фут., съ колонадою и галереєю, въ которой предполагается помѣстить скульптурныя произведенія и картины. По обѣимъ сторонамъ этой залы расположены библіотека и музеумъ; первая заключаетъ уже въ себѣ 40,000 томовъ, болѣею частію замѣчательныхъ классическихъ сочиненій; въ музеумѣ находится превосходная зоологическая коллекція, подаренная лордомъ Дерби, и также очень интересная коллекція механическихъ моделей. Замѣчательно, что всѣ книги въ библіотекѣ куплены городскимъ совѣтомъ изъ особеннаго налога, который добровольно наложили на себя жители Ливерпуля; и такъ-какъ подобный фондъ не ограничивается единовремен-

нымъ вносомъ или налогомъ, назначеннымъ на известное число лѣтъ, то эта библіотека можетъ, современемъ, достигнуть огромныхъ размѣровъ, и, пожалуй, стать въ-уровень съ известнѣйшими европейскими книгохранилищами. Самый музеумъ не ограничивается одною только коллекціею лорда Дерби; — его основатели намѣрены извлечь ученую пользу ихъ огромнаго коммерческаго флота, ежегодно посѣщающаго ливерпульскій портъ, поручая капитанамъ кораблей составлять для этого музеума различнаго рода собранія въ отдаленныхъ странахъ, посѣщаемыхъ ими.

Рядомъ съ великодушнымъ пожертвованіемъ, сдѣланнымъ для Ливерпуля г. Брауномъ, не составляющимъ, впрочемъ, въ Англіи исключительнаго примѣра, выступаетъ неволью наружу то участіе, которое выражено было жертвователю со стороны общества. Корреспондентъ «С. Петерб. вѣд.» говоритъ о подаркахъ, сдѣланныхъ г. Брауну рабочимъ народомъ и объ адресѣ, представленномъ ему отъ того-же народа; безискусственные слова этого замѣчательнаго документа, подписаннаго выборными, заключались въ слѣдующемъ:

«Отъ рабочихъ людей въ Ливерпулѣ. Просимъ васъ покорнѣйше принять — во-первыхъ, серебряный щитъ, съ изображеніемъ храма просвѣщенія, великодушно вами подареннаго вашимъ согражданимъ; во-вторыхъ, подносимъ вамъ часы, которые, означая движеніе времени, мы увѣрены, не укажутъ вамъ часа, когда перестанутъ уважать имя Уильяма Брауна. Мы надѣемся, эти приношенія будутъ оцѣнены не по своему внутреннему достоинству, но какъ выраженіе нашей благодарности, на которую вы имѣете полное право. Мы увѣрены, что учрежденіе доставитъ городу огромныя выгоды въ-отношеніи умственнаго развитія, которыя вы имѣли въ виду, и желаемъ, чтобы вы могли оставаться посреди насъ еще многіе годы и видѣть достойные плоды вашего добраго дѣла».

На щитѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Это приношеніе, сдѣланное на подписку, собранную между рабочими въ Ливерпулѣ, поднесено Уильяму Брауну, по случаю открытія вольной библіотеки, какъ знакъ искренней и глубокой признательности за его великодушный даръ городу, къ которому они принадлежать».

Особенной торжественности и подготовленной церемоніи при открытіи зданія ливерпульской свободной библіотеки и музеума

не было; по замѣчаніямъ г. корреспондента, это былъ по преимуществу народный праздникъ, заключившійся великолѣпнымъ банкетомъ, котораго главнымъ героемъ, какъ и цѣлаго торжества, былъ лордъ Брумъ, принимающій участіе въ каждомъ дѣлѣ, относящемся до образованія и воспитанія рабочаго народа въ Англіи, привѣтственный также и на улицахъ Ливерпуля громкими кликами народа, который знаетъ его сочувствіе къ себѣ.

Библіотека Гумбольдта куплена недавно однимъ англичаниномъ, который приобрѣлъ также отъ книгопродавца Ашера за 5000 тал. большой бюстъ Гумбольдта — работы Давида Анжерскаго, доставшійся первому покупщику за 2000 талер. съ аукціона, на которомъ продавались различныя вещи, оставшіяся по смерти великаго ученаго.

КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ, ЖУРНАЛЪ КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ РОССИИ, будетъ издаваться въ 1861 году (второй годъ), тетрадами въ 6. 8-ю д. л., два раза въ мѣсяць. Цѣна за годъ: на мѣстѣ 2 р. 50 к., съ пересылкою въ города и доставкою на домъ 3 р. За полгода: на мѣстѣ 1 р. 40 к., съ перес. и дост. 1 р. 75 к. Подписка принимается въ конторахъ: въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Лермантова и комп., въ Караванной, № 24, и при книжной торговлѣ Сеньковскаго и комп., въ Большой Морской, № 20. Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Ѳ. О. Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загряжскаго. Гг. иногородные могутъ также адресоваться въ редакцію «Книжнаго вѣстника», въ С. Петербургѣ. Остающіеся отъ 1860 г. экземпляры Книжнаго вѣстника можно получать по той-же цѣнѣ въ тѣхъ-же мѣстахъ.

Съ 1861 года содержаніе Книжнаго вѣстника будетъ обогащено слѣдующими важными прибавленіями: 1) въ первый отдѣлъ, библіографическій, будутъ вносимы *все* книги, выходящія въ Россійской имперіи, т.-е. и на польскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ; 2) сверхъ *перечня* книгъ, дѣлаемаго по возможности тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ, въ Книжномъ вѣстникѣ будутъ особо перечисляемы тѣ изъ нихъ, которыя будутъ рассмотрѣны нашею критикою, при чемъ будетъ указываемо *содержаніе самыхъ рецензій*, конечно по книгамъ важнѣйшимъ, замѣчательнѣйшимъ: для неимѣющихъ возможности слѣдить самимъ за критикою новыхъ книгъ по всѣмъ журналамъ — этотъ отдѣлъ можетъ оказать ис-

тивную услугу, если будетъ составляться удовлетворительно, о чемъ редакция искренно позаботится; 3) въ концѣ каждаго № будутъ печатаемы оглавленія *всѣхъ* важнѣйшихъ журналовъ и сборниковъ, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ ихъ книжекъ.

Прочіе отдѣлы останутся въ прежнемъ видѣ: Книжный вѣстникъ будетъ заключать общія статьи о движеніи литературы, книжной торговли, книгопечатанія какъ въ столицахъ такъ и въ провинціяхъ; списки книгопродавцевъ, библиотекъ, типографій, съ необходимыми о нихъ свѣдѣніями; некрологи писателей; будетъ извѣщать о новыхъ книжно-литературныхъ предпріятіяхъ, о перемѣнахъ въ журналистикѣ; объ иностранныхъ книгахъ, чтеніемъ и переводомъ которыхъ можно было-бы пополнить пробѣлы нашей литературы, — и проч. и проч. Будетъ также принимать объявленія отъ писателей, переводчиковъ, издателей, книгопродавцевъ, типографщиковъ и т. п. лицъ, по предметамъ книжно-литературнымъ (*).

Подписчикамъ на Книжный вѣстникъ 1861 года предлагаются въ приложеніи слѣдующія библиографическія изданія, по пониженной цѣнѣ:

1) Редакціей Книжнаго вѣстника приобрѣтено въ собственность все изданіе подъ названіемъ: «Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ». 5 выпусковъ: I, Указатель къ Сыну отечество (1812—1852 гг.); II, къ Библиотекѣ для чтенія (1834—1854); III, къ Финскому вѣстнику и Сѣверному обозрѣнію (1845—1850); IV, къ Репертуару и Пантеону (1839—1856); V, къ Московскому телеграфу (1825—1834).

2) Оканчивается печатаніемъ: Списокъ періодическихъ изданій (журналовъ и газетъ), выходящихъ въ Россіи въ 1860 г., съ описаніемъ ихъ программъ, съ ихъ историческимъ очеркомъ и съ указаніемъ ихъ цѣнъ и мѣстъ подписки. Могуція произойти измѣне-

(*) Редакция Книжнаго вѣстника покорнѣйше проситъ всѣхъ пользующихся и интересующихся содержаніемъ кн. В—а, сообщить ей до новаго года своимъ замѣчанія о необходимыхъ по ихъ мнѣнію улучшеніяхъ въ журналѣ: заботясь прежде всего объ удовлетвореніи книжныхъ потребностей публики, редакция сдѣлаетъ все возможное по такимъ указаніямъ.

нія въ русской журналистикѣ будутъ своевременно объявляемы въ Книжномъ вѣстникѣ, въ дополненіе къ этому «Списку».

3 и 4) Въ первой половинѣ 1861 года редакціей будутъ изданы: а) Систематическій указатель статей, по словесности и наукамъ, помѣщенныхъ въ важнѣйшихъ русскихъ журналахъ и сборникахъ, за *последнее пятилѣтіе* (1855—1859), и б) Систематическій каталогъ русскихъ книгъ, *одобренныхъ критикою, за последнее пятилѣтіе*, съ указаніемъ самыхъ рецензій (опытъ критическаго каталога, столь необходимаго для всѣхъ любознательныхъ и нуждающихся въ какихъ-либо книгахъ).

Гг. годовые подписчики на Книжный вѣстникъ, желающіе, получить какое-либо изъ этихъ четырехъ изданій, благоволятъ, при подпискѣ на Книжный вѣстникъ, прилагать за первое изданіе 1 р. 50 к., за второе, третье и четвертое по 75 к., а за всѣ четыре изданія вмѣстѣ — 3 р., съ пересылкой и доставкой на домъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ
СТО ВОСЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Педагогика и дидактика.

	Стран.
Очеркъ исторіи народныхъ школъ въ Германіи, статья первая и вторая, Ю. РЕХНИСКАГО	1, 117
Теорія и опытъ, В. ИЛИИСТІНА	36
О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи, статья первая и вторая, В. УШЕНСКАГО	49, 157
О приѣмѣ учениковъ въ приходскія училища, А. М. ВЕСКАГО	81
О проектѣ устава низшихъ и среднихъ училищъ, М. ИХ. КОСКОВА	89
О германскихъ университетахъ.....	105
Учительскія семинаріи въ Пруссіи.....	191

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Науки вспомогательныя.

Матеріализмъ и задачи философіи, В. ШРЕНКЕЧА	1
Гегель и его время, сочиненіе Гайма, Переводъ В. СОЛОНКОВА	54, 105

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Критика и библиографія.

Англійская литература XVIII столѣтія. ОРИСТА ИИЛАИРА	1, 77
Руководство къ Педагогикѣ Шерра, В. В. ИГНАТОВИЧА	43, 119
Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за первую половину 1860 года: Географія, этнографія и путешествія, исторія русская и всеобщая, правовѣденіе.....	101, 175
Систематическій Указатель книгъ и журналовъ изданныхъ въ Россіи въ первомъ полугодіи 1860 года Н. ВЕРИЩАГИНА (въ особомъ приложеніи).....	
Очеркъ исторіи русской поэзіи А. Милюкова , статья В. ДОБРОВА	147

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Извѣстія и Смысь.

Извѣстія о воскресныхъ школахъ, о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, библіотекахъ для чтенія и проч.....	1, 55, 120
Нѣсколько словъ о методѣ и объемѣ занятій объяснительнымъ чтеніемъ.....	19
Объ участіи духовенства въ народномъ образованіи..	21, 79, 141
Актъ въ университетѣ св. Владиміра и программа распределенія предметовъ.....	25
Засѣданіе виленской археологической комиссіи.....	32
Музей Лютера.....	—
Фрѣбель и его дѣтскіе сады.....	34
Краткій очеркъ музыкальныхъ занятій дѣтей, Н. ВЕЛЪБОА ...	45
Объ изданіи журналовъ: Основа, Воспитаніе, Морской сборникъ, Кавказъ, Книжный вѣстникъ.....	49, 99, 163
50-лѣтній юбилей берлинскаго университета... ..	83
Элементарная школа.....	86
Четвертое присужденіе наградъ гр. Уварова.....	115
Засѣданіе Императорскаго русскаго географическаго общества.....	118
Французская школа въ Аѣинахъ.....	145
Филологъ Фридрихъ Августъ Вольфъ, какъ воспитатель... ..	150
Сынъ великаго человѣка.....	156
Сиротскія школы въ Эднбургѣ.....	159
Разныя извѣстія.....	177

Въ Журналѣ Министерства напечатанъ «Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія», съ тою цѣлю, чтобы вызвать со стороны опытныхъ педагоговъ критическія замѣтки на этотъ «Проектъ» въ его цѣлости или на его отдѣльныя статьи. Замѣтки эти, вполнѣ или въ сокращеніи, будутъ также помѣщаемы въ Журналѣ.

Официальная часть его, состоящая изъ правительственныхъ распоряженій, будетъ выходить отдѣльными листами. Неофициальная-же часть будетъ появляться книгами отъ двѣнадцати до пятнадцати печатныхъ листовъ, 20-го числа каждаго мѣсяца, начиная съ *юля* текущаго года.

При Журналѣ Министерства редація предполагаетъ издавать особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. Всѣ подобнаго рода приложенія будутъ высылаемы бесплатно лицамъ, подписавшимся на Журналъ.

Подписная цѣна: за шесть книгъ безъ официальной части, начиная съ *юля* мѣсяца — 4 руб. сер. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою; съ официальной частью 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала Министерства и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статьи были напечатаны безъ измѣненій или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакція сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція Журнала высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя — отъ *тридцати* до *пятидесяти*, за статьи составныя — отъ *двадцати* до *сорока* и за переводы — отъ *пятнадцати* до *двадцати рублей* за печатный листъ. Кромѣ-того, по особому соглашенію съ авторами, редакція будетъ приобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія для напечатанія ихъ въ видѣ приложеній къ Журналу.

Редакторъ **И. УШИСКІЙ**.

ОТДѢЛЪ IV. ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Четвертое присужденіе наградъ графа Уварова. — Засѣданіе географическаго общества 9 ноября. — Извѣстія о распространеніи грамотности, о воскресныхъ школахъ, женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, городскихъ бібліотекъ для чтенія и проч. — Объ участи духовенства въ народномъ образованіи. — Французская школа въ Аеннахъ. — Филологъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ какъ воспитатель. — Сынъ великаго человѣка. — Сиротскія школы въ Эдмбургѣ. — Разныя извѣстія. — Объ изданіи «Книжнаго вѣстника».

(Выходитъ 20 числа каждою мѣсяца).

ОФФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 1.

1861 г.

1 Февраля.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1 (8-го января 1861 г.). *О надзоръ за воскресными школами и о назначеніи въ воскресныя школы священниковъ для преподаванія Закона Божія.*

Быстрое размноженіе воскресныхъ школъ какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ имперіи обратило на нихъ Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора. Его Величество, въ непрестанной заботливости о благѣ общемъ, считая дѣло народнаго образованія въ воскресныхъ школахъ весьма важнымъ, Высочайше повелѣть соизволилъ министру народнаго просвѣщенія представить Его Величеству мнѣніе свое по сему предмету.

Исполняя сію Высочайшую волю, министръ имѣлъ счастье повергнуть на воззрѣніе Государя Императора и циркулярное предложеніе свое начальствамъ учебныхъ округовъ отъ 30-го декабря 1860 года.

Его Императорскому Величеству благоугодно было одобрить это циркулярное предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣть:

1) Копію съ этого циркуляра препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для предложенія начальникамъ губерній о содѣйствіи съ ихъ стороны учебному вѣдомству въ наблюденіи за воскресными школами.

2) Отъ имени Его Величества подтвердить попечителямъ о неослабномъ наблюденіи за воскресными школами согласно сдѣланному министерствомъ народнаго просвѣщенія указаніямъ, и

3) Сообщить митрополитамъ въ обѣихъ столицахъ и оберъ-прокурору святѣйшаго Синода, для распоряженія по прочимъ губерніямъ, чтобы епархіальныя начальства сдѣлали распоряженіе о назначеніи въ каждую воскресную школу священника, который, сверхъ обязанности преподаванія Закона Божія, наблюдалъ-бы, вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, чтобы въ школахъ не допускатось ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности.

Высочайшее повелѣніе это министръ народнаго просвѣщенія объявилъ, для надлежащаго исполненія, попечителямъ учебныхъ округовъ и при семъ предложилъ имъ сообщить подлежащимъ епархіальнымъ начальствамъ списки воскресныхъ школъ, въ епархіяхъ находящихся, съ показаніемъ гдѣ именно школы помѣщаются.

2 (11-го января). *О награжденіи домашнихъ учителей Шевлякова и Якуба серебряными медалями.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: домашнихъ учителей, коллежскихъ регистраторовъ Андрея *Шевлякова* и Карла *Якуба*, за свыше десятилѣтнее безпорочное и усердное исправленіе обязанностей предоставленнаго имъ званія, наградить установленными для домашнихъ учителей серебряными медалями на александровской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1 (10-го января). *Объ упраздненіи должности 4-го помощника инспектора студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ.*

Вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ упразднить должность 4-го сверхштатнаго помощника инспектора студентовъ Харьковскаго университета, а присвоенное сей должности жалованье, 364 р., разъѣздныя деньги 200 р. и квартирныя 85 р. 80 к., всего 649 р. 80 к. сер. обработить на составленіе оклада для профессора философіи.

2 (10-го января). *Объ учрежденіи званія почетнаго блюстителя при Бобринецкомъ и Александрійскомъ приходскихъ училищахъ.*

Вслѣдствіе представленія начальства Одесскаго учебнаго округа, и на основаніи Высочайше утвержденного 2-го ноября 1859 г. положенія главнаго правленія училищъ, относительно учрежденія званія почетнаго блюстителя при начальныхъ и приходскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить званіе почетныхъ блюстителей при Бобринецкомъ и Александрійскомъ приходскихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы служба лицъ, коимъ будетъ предоставляемо это званіе, засчитывалась имъ въ очередную городскую службу, съ правомъ носить мундиръ, согласно Высочайше утвержденному 1-го ноября 1839 г. положенію о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ. При этомъ присовокуплено:

- 1) что лица, избираемая училищнымъ начальствомъ въ званіе почетныхъ блюстителей, должны быть утверждаемы въ

этомъ званіи, на основаніи упомянутого выше положенія о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ, мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, и 2) что какъ при первоначальномъ утвержденіи лица, назначаемого въ должность почетнаго блюстителя, такъ и при оставленіи въ сей должности прослужившаго уже установленный трехлѣтній срокъ, необходимо, согласно полученному отъ министра внутреннихъ дѣлъ отзыву, каждый разъ требовать предварительное согласіе городского общества.

3 (11-го января). *Объ учрежденіи должностей почетныхъ блюстителей при нѣкоторыхъ приходскихъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа.*

По представленіямъ начальства Казанскаго учебнаго округа, и на основаніи Высочайше утвержденного 2-го ноября 1859 г. положенія главнаго правленія училищъ, относительно учрежденія званія почетнаго блюстителя при начальныхъ и приходскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить должности почетныхъ блюстителей при приходскихъ училищахъ: Ирбитскомъ, Нижнеомовскомъ, Краснослободскомъ, Соликамскомъ, Пермскомъ, Павловскомъ (въ имѣніи графа Шереметева), Дубовскомъ посадскомъ (Саратовской губерніи), Балахнинскомъ-Покровскомъ и Екатеринбургскомъ, съ тѣмъ, чтобы служба лицъ, коимъ будетъ предоставляемо это званіе, засчитывалась имъ въ очередную городскую службу, съ правомъ носить мундиръ, согласно Высочайше утвержденному 1-го ноября 1839 года положенію о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ. Лица, избираемые училищнымъ начальствомъ въ званіе почетныхъ блюстителей, должны быть утверждаемы въ этомъ званіи, на основаніи упомянутого выше положенія о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ, мѣстнымъ гражданскимъ

начальствомъ. Какъ при первоначальномъ утвержденіи лица, назначаемаго въ должность почетнаго блюстителя, такъ и при оставленіи въ сей должности прослужившаго уже установленный трехлѣтній срокъ, необходимо каждый разъ требовать предварительно согласіе городского общества.

4 (13-го января). *Объ утвержденіи председателя и за-
сѣдателей апелляціоннаго и ревизіоннаго суда Дерптскаго
университета.*

Министръ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя Дерптскаго учебнаго округа и согласно избранію совѣта Дерптскаго университета, 13-го сего января утвердилъ председателемъ апелляціоннаго и ревизіоннаго суда университета, на 1861 годъ, ординарнаго профессора *Цилера* и засѣдателями того-же суда, ординарныхъ профессоровъ: *Мейкова*, *Бульмерина*, *Фонз-Самсона-Гиммельстерна*, *Клауса* и *Миндина* и исправляющаго должность экстраординарнаго профессора *Эгельмана*.

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 1.

4-го января 1861 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія:
заслуженный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шнейдеръ*, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ въ семъ университетѣ должности ординарнаго профессора по кафедрѣ рим-

скаго права и съ назначеніемъ членомъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ.

Опредѣляется: отставной ротмистръ *Вишневскій* — почетнымъ смотрителемъ Полтавскаго уѣзднаго училища.

Назначаются: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статокій совѣтникъ *Буличъ* — въ Императорскій Казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русской словесности. Инспекторъ Симбирской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Вишневскій* — исправляющимъ должность директора училищъ Симбирской губерніи. Исправляющій должность директора Ровенской гимназіи, надворный совѣтникъ *Дамитковъ* — профессоромъ лицея князя Безбородко. Инспекторъ Волынской гимназіи, надворный совѣтникъ *Теодоровичъ* — исправляющимъ должность директора Ровенской гимназіи. Инспекторъ первой Казанской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Крелленбергъ* — исправляющимъ должность директора той-же гимназіи.

Утверждаются: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ русской исторіи, коллежскій ассессоръ *Костомаровъ* — исправляющимъ должность ординарнаго профессора по той-же кафедрѣ (7-го декабря 1860 г.). Адъюнктъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ русской словесности и литературы, коллежскій совѣтникъ *Сухомлиновъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по той-же кафедрѣ (7-го декабря 1860 г.). Адъюнктъ Харьковскаго ветеринарнаго училища, надворный совѣтникъ *Юневичъ* — профессоромъ сего училища.

Переводится: канцелярскій чиновникъ канцеляріи Волковыскаго уѣднаго предводителя дворянства, губернскій секретарь Генрихъ *Буховицкій* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Кобринскаго уѣзда.

Исключается из списков, умерший: чиновникъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи, коллежскій секретарь *Горбуновъ*.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: почетному смотрителю Дмитровскаго (Московской губерніи) уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Волкову* — за произведенную имъ, на собственный счетъ, окраску дома Московской 1-й гимназіи, съ употребленіемъ на это до 500 руб. сер.

Правительствующимъ сенатомъ:

а) *Исключенъ вовсе изъ службы:* бывшій штатный смотритель Корчевскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ Петръ *Веригинъ*, сужденный за размѣнъ ввѣреннаго ему по службѣ билета Московской сохранный казны и употребленіе изъ оногo 1098 руб. 86 к. сер. въ свою пользу и за поддержаніе у себя, въ теченіе восьми мѣсяцевъ, безъ записки на приходъ, 150 руб. сер. училищныхъ денегъ.

б) *10-го ноября 1860 года: произведенъ:* бывшій почетный смотритель Суздальскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ Николай *Козловъ* — въ коллежскіе совѣтники, въ отставку.

Переименованъ: почетный смотритель Богородицкаго уѣзднаго училища, отставной поручикъ арміи Павелъ *Тютчевъ* — въ коллежскіе регистраторы, соотвѣтственно его прежнему военному чину корнета.

в) *24-го ноября 1860 года: переименованъ:* почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ Михаилъ *Былавинъ* — въ прежній военный чинъ поручика.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. Св. Зак. (изд. 1867 г.) т. III Уст. о служ. по опред. отв. прав.

№ 2.

11-го января.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: выпущенный въ 1860 году изъ Императорскаго александровскаго лица по окончаніи курса и Высочайше утвержденный въ чинъ IX класса *Борцовъ* (съ 10-го декабря 1860 года).

Оставляется на службу: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Ставровскій*—на пять лѣтъ, со дня выслуги 25 лѣтняго срока (съ 1-го января 1861 года).

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: старшему учителю Новогрудской гимназіи, исправляющему должность инспектора сей гимназіи, надворному совѣтнику *Бѣлявскому* — за усердную дѣятельность къ пользамъ состоящаго подъ его попечительствомъ, въ г. Новогрудкѣ, приюта для призрѣнія и воспитанія мальчиковъ-сиротъ, обучающихся въ Новогрудской гимназіи.

За отлично-усердную службу, состоящимъ въ учебныхъ округахъ:

С.-Петербургскомъ — законоучителю Охтенскаго приходскаго училища, діакону *Перетерскому*.

Одесскомъ — коллежскимъ ассессорамъ: штатному смотрителю Бахмутскаго уѣзднаго училища *Вересовичу*, младшему учителю второй Одесской гимназіи *Андріасьвичу*; коллежскому секретарю, почетному смотрителю Феодосійскаго уѣзднаго училища *Лоренцову*; состоящему въ X классѣ, младшему учителю Одесской второй гимназіи *Старовойтову*, и губернскому секретарю, младшему учителю той-же гимназіи *Бржостовскому*.

Виленскомъ — коллежскимъ совѣтникамъ: инспектору Виленской прогимназіи и исправляющему должность смотрителя конвикта для бѣдныхъ при Виленской гимназіи *Шевелеву*, штатному врачу Свенцянской гимназіи *Геппену*; коллежскому ассессору, врачу Пинской гимназіи *Рымкевичу*; состоящему въ IX классѣ старшему учителю той-же гимназіи *Ержиковичу*; коллежскому секретарю, учителю Минской гимназіи *Боржимоховскому*, и учителю Минскаго казеннаго Еврейскаго училища 1-го разряда *Шафиру*.

Кіевскомъ — старостѣ молитвенной залы при Бердичевскомъ казенномъ Еврейскомъ училищѣ 2-го разряда *Роизену*.

Харьковскомъ — коллежскимъ совѣтникамъ: инспектору Орловской гимназіи *Гриценкову* и старшему учителю той-же гимназіи *Ковалевскому*; коллежскимъ ассессорамъ: старшимъ учителямъ гимназій: Орловской — *Азаркевичу*, Курской — *Островскому* и *Дзюбъ*, Воронежской — *Звадскому*, *Рошупкину* и *Бѣлину*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Болховскаго — *Александрову*, Воронежскаго — *Торбурицу*, Острогожскаго — *Нестерову*, Богучарскаго — *Фердинандову*; младшимъ учителямъ гимназій: первой Харьковской — *Фризе*, Воронежской — *Сомме*; врачу Воронежской гимназіи и благороднаго пансіона *Предтеченскому*; титулярнымъ совѣтникамъ: почетному смотрителю Харьковскаго уѣзднаго училища *Тамбовцову*; старшимъ учителямъ гимназій: Воронежской — *Мухину*, первой Харьковской — *Ливскому*; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Харьковскаго — *Распопову*, Задонскаго — *Куберскому*, Павловскаго — *Русину*; состоящему въ IX классѣ врачу благороднаго пансіона второй Харьковской гимназіи *Гакену*; коллежскимъ секретарямъ, младшимъ учителямъ гимназій: Воронежской — *Борисову*, второй Харьковской — *Шарфенову*; сверхштатному учителю первой Харьковской гимназіи *Левенштейну*, учителю рисованія Орловской гимназіи *Волкову*; губернскимъ секретарямъ, учителямъ уѣздныхъ училищъ:

Елецкаго — *Захарову*, Острогожскаго — *Милочкову*, Харьковскаго — *Блинову*, и состоящему въ XII классѣ учителю Орловскаго уѣзднаго училища *Игнатовичу*.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: Устьсысольскому городскому головѣ купцу Латкину — за изъявленное имъ желаніе построить на землѣ тамошняго уѣзднаго училища деревянный флигель для помѣщенія мужскаго приходскаго училища, съ обязательствомъ передать домъ этотъ, по окончаніи постройки, въ собственность училища.

Правительствующимъ сенатомъ.

27-го октября 1860 года, утверждено: почетный смотритель городскихъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ Павелъ *Савиновъ* — въ чинѣ коллежскаго секретаря, по степени кандидата Императорскаго Московскаго университета, со старшинствомъ съ 6-го ноября 1859 года.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 564 и слѣд. ст. Св. Зак. (изд. 1858 г.) т. III Уст. о служ. по опред. отъ нрав.

№ 3.

22-го января.

Опредѣляется: почетный ординаторъ Варшавской больницы младенца Иисуса, докторъ медицины *Розе* — въ Императорскую и Царскую медико-хирургическую академію адъюнктомъ по кафедрѣ терапевтической клиники и частной терапіи.

Назначается: прикомандированный къ Императорскому университету св. Владиміра, сверхштатный старшій учитель Кіевской 2-й гимназіи, магистръ *Демченко* — адъюнктомъ сего университета, по кафедрѣ гражданскихъ законовъ, съ увольненіемъ отъ службы при гимназіи.

Увольняется въ отпускъ: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, чиновникъ IX класса *Борцовъ* — въ Черниговскую губернію, на два мѣсяца.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: пермскому 2-й гильдіи купцу *Марыну* — за изъявленную имъ готовность произвести, на свой счетъ, пристройку къ дому Пермскаго уѣзднаго училища.

ОФФИЦАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 2.

1861.

15 Февраля.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (28-го декабря 1860 г.) *Объ учрежденіи госпитальной клиники при больницѣ Казанскаго приказа общественнаго призрѣнія.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, согласно съ представленіемъ министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе госпитальной клиники въ больницѣ Казанскаго приказа общественнаго призрѣнія, для усовершенствованія медицинскихъ студентовъ Казанскаго университета въ госпитальной практикѣ, въ патологической анатоміи и судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Клиника состоитъ изъ двухъ отдѣленій: терапевтическаго и хирургическаго. Отдѣленіями завѣдуютъ два профессора медицинскаго факультета, по назначенію совѣта Казанскаго университета, въ качествѣ директоровъ. Одинъ изъ нихъ читаетъ практическія клиническія лекціи терапіи, а другой — лекціи хирургіи. Патологическая анатомія и судебная медицина преподаются практически другими двумя профессо-

рами медицинскаго факультета, тоже по назначенію университетскаго совѣта.

2) Директоры клиники завѣдуютъ отдѣленіями только въ продолженіе учебнаго времени академическаго года; но на время лѣтнихъ вакацій больные сихъ отдѣленій поступаютъ въ завѣдываніе больничныхъ врачей и клиническихъ ассистентовъ, на общихъ основаніяхъ. Профессоры-же патологической анатоміи и судебной медицины, не завѣдуя палатами больницы (такъ-какъ сею не требуетъ сущность преподаваемыхъ ими наукъ), посѣщаютъ больницу только для практическихъ лекцій, каждый по своей части и для занятій въ анатомическомъ залѣ.

3) Внутреннее управленіе и надзоръ за клиническими отдѣленіями возлагаются на директоровъ клиники, которые требованія свои по предмету содержанія больныхъ и проч. письменно сообщаютъ конторѣ больницы. На отвѣтственности сей послѣдней остается и хозяйственная часть клиническихъ отдѣленій. Въмѣстѣ со старшимъ врачомъ директоры отвѣчаютъ за упущенія по ихъ отдѣленіямъ, если они не приняли зависящихъ отъ нихъ мѣръ къ отвращенію таковыхъ упущеній, или не увѣдомили объ оныхъ контору, либо, въ случаѣ надобности, совѣтъ больницы, въ надлежащее время.

4) О встрѣтившихся недоразумѣніяхъ или несогласіяхъ по управленію клиническими отдѣленіями, или по снабженію больныхъ надлежащими потребностями, директоры входятъ съ представленіями въ приказъ общественнаго призрѣнія, если того требуетъ благосостояніе клиники и находящихся въ оной больныхъ. Они должны быть непременно приглашаемы въ засѣданія какъ совѣта, такъ и больницы приказа, при сужденіи о предметахъ, касающихся клиническихъ отдѣленій.

5) Въ выборѣ и исполненіи способовъ леченія директоры клиническихъ отдѣленій не зависятъ отъ начальства больницы; но при назначеніи больнымъ порцій, лекарствъ и дру-

гихъ врачебныхъ пособій, они сообразуются съ существующимъ для гражданскихъ больницъ положеніемъ и вообще слѣдуютъ уставу сихъ больницъ. Расходъ-же на лекарства и другіе предметы, не полагаемые для больницъ приказовъ по нормальному ихъ каталогу, или на діететическія средства, не заключающіяся въ таблицы о порціяхъ, относится на счетъ суммъ Казанскаго университета.

6) Въ теченіе учебнаго курса директоры клиники должны, каждый по своему отдѣленію, въ надлежащее время, доставлять въ контору больницы закономъ указанныя срочныя вѣдомости о больныхъ, по даннымъ формамъ, равно какъ и другія свѣдѣнія, которыя старшему врачу потребны будутъ по исполненію служебныхъ его обязанностей.

7) Профессору патологической анатоміи поручается учрежденіе при клиникѣ кабинета по преподаваемой имъ наукѣ и наблюденіе за онымъ. Для сего кабинета и вмѣстѣ съ тѣмъ для практическихъ занятій по части патологической анатоміи и судебной медицины приказъ общественнаго призрѣнія и начальство больницы отводятъ, по соглашенію съ профессорами упомянутыхъ наукъ, соотвѣтственное потребностямъ помѣщеніе. Кабинетъ учреждается на счетъ свободныхъ суммъ Казанскаго университета и составляетъ его собственность.

8) Въ помощь профессорамъ терапіи и хирургіи опредѣляется по одному ассистенту изъ кончившихъ на казенномъ содержаніи, не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, медицинскій курсъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ и удостоенныхъ званія лекаря или доктора. Къ профессорамъ-же патологической анатоміи и судебной медицины назначается такимъ-же образомъ къ обоимъ одинъ прозекторъ.

9) Оба клиническіе ассистента въ-теченіе всего года несутъ должности ординаторовъ, каждый по своему отдѣленію, и дежурятъ по больницѣ наравнѣ съ младшими врачами оной,

а въ вакаціонное время завѣдуютъ, также какъ сіи послѣдніе, больничными палатами, имъ поручаемыми.

10) Ассистенты и прозекторъ состоятъ въ дѣйствительной службѣ, пользуются преимуществами, присвоенными ихъ ученымъ степенямъ, и жалованье получаютъ отъ университета изъ экономическихъ суммъ его, въ размѣрѣ по усмотрѣнію учебнаго начальства. Сверхъ-того, ассистенты пользуются квартирами отъ больницы, а прозектору назначаются квартирныя деньги изъ суммъ университета.

11) Для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли устройства клиники и для соглашенія матеріальныхъ и другихъ къ тому условій съ внутреннимъ устройствомъ и установленными въ больницѣ порядками, старшій врачъ оной назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительному соглашенію его съ министромъ народнаго просвѣщенія, изъ числа профессоровъ медицинскаго факультета Казанскаго университета, преимущественно изъ тѣхъ, кои болѣе знакомы съ практической частію терапіи и хирургіи. Въ случаѣ болѣзни старшаго врача больницы, въ исполненіе обязанностей его вступаетъ старшій по службѣ директоръ отдѣленія клиники.

12) Старшій врачъ больницы обязывается доставлять всѣ зависящія отъ него, сообразныя съ больничнымъ уставомъ, удобства, потребныя для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли практическаго обученія студентовъ при больницѣ приказа. О затрудненіяхъ своихъ въ этомъ отношеніи, если-бы они встрѣтились, онъ доноситъ совѣту больницы.

13) Клиническія отдѣленія и въ-теченіе учебныхъ мѣсяцевъ не освобождаются отъ предписаннаго закономъ посѣщенія больницы приказа общественнаго призрѣнія инспекторомъ врачебной управы; но надзоръ съ его стороны за оными ограничивается только судебно-медицинскимъ и медико-полицейскимъ къ нимъ отношеніемъ.

14) Дальнѣйшія подробности относительно внутренняго устройства и дѣйствій клиники имѣютъ быть опредѣлены на основаніи соглашеній, сдѣланныхъ между министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (20-го января 1861 г.). Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 28-й день декабря 1860 г., объ учрежденіи госпитальной клиники въ больницѣ Казанскаго приказа общественнаго призрѣнія, товарищъ министра народнаго просвѣщенія предложилъ помощнику попечителя Казанскаго учебнаго округа къ руководству правила клиники, составленныя медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и одобренныя по взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

П Р А В И Л А

д л я

Госпитальной клиники въ больницѣ Казанскаго приказа общественнаго призрѣнія.

1) Для усовершенствованія медицинскихъ студентовъ Императорскаго Казанскаго университета въ госпитальной практикѣ, патологической анатоміи и судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ, въ больницѣ Казанскаго приказа общественнаго призрѣнія учреждается практическая госпитальная клиника, состоящая изъ двухъ отдѣленій: терапевтическаго и хирургическаго.

2) Отдѣленіями завѣдываютъ два профессора медицинскаго факультета Казанскаго университета, которые назначаются къ тому совѣтомъ его и принимаютъ названіе ди-

ректоровъ клиническихъ отдѣленій больницы. Они преподають у кроватей больныхъ: одинъ — практическія клиническія лекціи терапіи, другой — лекціи хирургіи. Патологическая анатомія и судебная медицина преподаются практически другими двумя профессорами медицинскаго факультета, тоже по назначенію университетскаго совѣта, въ особомъ учебномъ залѣ, который отведенъ будетъ для того приказомъ общественнаго управленія по соглашенію съ ними.

3) Въ помощь профессорамъ терапіи и хирургіи опредѣляется по одному ассистенту изъ кончившихъ на казенномъ содержаніи, не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, медицинскій курсъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ и удостоенныхъ званія лекаря или доктора. Къ профессорамъ же патологической анатоміи и судебной медицины назначается такимъ же образомъ къ обоимъ одинъ прозекторъ.

4) Въ обоихъ клиническихъ отдѣленіяхъ, студенты послѣдняго медицинскаго курса въ университетѣ упражняются въ распознаваніи и леченіи болѣзней на значительнѣйшемъ, нежели въ факультетской клиникѣ, числѣ разнообразныхъ и сложныхъ случаевъ, и постепенно приготавливаются, подъ надзоромъ профессоровъ, къ самостоятельному врачебному дѣйствованію средствами рациональными и по возможности простыми. Профессоры терапіи и хирургіи обращаютъ при этомъ особое вниманіе учащихъ на цѣля группы болѣзней и знакомятъ ихъ съ главнѣйшими вопросами ученія объ эпидеміяхъ и съ медицинскою статистикою.

5) Профессоры патологической анатоміи и судебной медицины, не завѣдуя палатами больницы (такъ какъ сего не требуетъ сущность преподаваемыхъ ими наукъ), посѣщаютъ больницу только для практическихъ лекцій, каждый по своей части, и для занятій въ анатомическомъ залѣ. Къ обязанностямъ профессора патологической анатоміи относится вскрываніе всѣхъ труповъ, поступающихъ къ нему на изслѣдова-

ніе, на основаніи § 8 сихъ правилъ, а особливо труповъ, доставляемыхъ изъ клиническихъ отдѣленій. Независимо отъ систематическаго преподаванія науки своей и казуистики ея, профессоръ патологической анатоміи обязанъ, при вскрытіи, объяснять студентамъ въ возможной подробности анатомическіе признаки, отличающіе болѣзненное состояніе органовъ отъ поврежденій насильственныхъ и случайныхъ. Протоколъ каждаго вскрытія долженъ оставаться при патологическомъ кабинетѣ съ извлеченіемъ изъ исторіи болѣзни. Тому же профессору поручается учрежденіе при клиникѣ кабинета патологической анатоміи и наблюденіе за онымъ. Кабинетъ сей составляетъ собственность университета.

Профессоръ судебной медицины, кромѣ систематическаго изложенія науки своей въ университетѣ, долженъ упражнять въ больницѣ студентовъ въ судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и въ составленіи правильныхъ протоколовъ и свидѣтельствъ, и пріучать распознавать болѣзни притворныя, скрываемыя и несправедливо-вмѣняемыя, отъ истинныхъ, особенно обращая вниманіе на случаи членовредительства и на правила рекрутскаго устава по примѣненію ихъ на дѣлѣ. Сообразно съ практическою цѣлью преподаванія, профессоръ судебной медицины долженъ быть приглашаемъ какъ клиническими профессорами, такъ и старшимъ врачомъ, при встрѣчающихся въ ихъ палатахъ такого рода случаяхъ, для указанія студентамъ поучительныхъ примѣровъ, къ его наукѣ относящихся.

6) Для практическихъ занятій по части патологической анатоміи и судебной медицины, описанныхъ въ предъидущей статьѣ, и для помѣщенія кабинета патологической анатоміи, приказъ общественнаго призрѣнія и начальство больницы отводятъ, по соглашенію съ профессорами обѣихъ наукъ, соответственное потребностямъ помѣщеніе.

7) Въ клиническія отдѣленія больные выбираются изъ

всей больницы, по усмотрѣнію директоровъ клиники и съ согласія старшаго врача больницы. Изъ числа поступающихъ въ клинику могутъ быть исключены только: 1) умалишенные, 2) подлежащіе врачебно-полицейскому наблюденію, или судебно-медицинскому изслѣдованію по опредѣленію губернскаго или военнаго начальства и, 3) воинскіе чины, пользующіе въ больницѣ: эти больные находятся въ завѣдываніи и леченіи у врачей больницы.

8) Для анатомическихъ вскрытій могутъ быть употребляемы трупы умершихъ какъ въ клиническихъ, такъ и другихъ отдѣленіяхъ, но не иначе, какъ по соглашенію со старшимъ врачомъ больницы. Ни тѣ, ни другіе не подлежатъ однакожъ, вскрытію, если родственники умершаго на оное не согласны. Вскрытіе труповъ, подлежащихъ судебно-медицинскому изслѣдованію, можетъ быть производимо профессоромъ судебной медицины, но только съ соблюденіемъ узаконеній, на такіе случаи постановленныхъ.

9) Внутреннее управленіе и надзоръ за клиническими отдѣленіями возлагаются на директоровъ клиники, которые требованія свои по предмету содержанія больныхъ и проч. сообщаютъ конторѣ больницы письменно. На отвѣтственности сей послѣдней остается и хозяйственная часть клиническихъ отдѣленій. Вмѣстѣ со старшимъ врачомъ директоры отвѣтствуютъ за упущенія и злоупотребленія по ихъ отдѣленіямъ, если они не приняты зависящихъ отъ нихъ мѣръ къ отвращенію таковыхъ упущеній, или не увѣдомили объ оныхъ контору, либо, въ случаѣ надобности, совѣтъ больницы въ надлежащее время.

10) О встрѣтившихся недоразумѣніяхъ или несогласіяхъ по управленію клиническими отдѣленіями, или по снабженію больныхъ надлежащими потребностями, директоры дѣлаютъ представленія приказу общественнаго призрѣнія, если того требуетъ благосостояніе клиники и находящихся въ оной

больныхъ. Они должны быть непременно приглашаемы въ засѣданія какъ совѣта, такъ и больницы приказа при сужденіи о предметахъ, касающихся клиническихъ отдѣленій.

11) Директоры клиники завѣдуютъ отдѣленіями только въ продолженіи учебнаго времени академическаго года; но на время лѣтнихъ вакацій больные сихъ отдѣленій поступаютъ въ завѣдываніе больничныхъ врачей и клиническихъ ассистентовъ, на общихъ основаніяхъ.

12) Клиническія отдѣленія и въ теченіе учебныхъ мѣсяцевъ не освобождаются отъ предписаннаго закономъ посѣщенія больницы приказа общественнаго призрѣнія инспекторомъ врачебной управы, но надзоръ его за оными ограничивается только судебно-медицинскимъ и медико-полицейскимъ его къ нимъ отношеніемъ.

13) Старшій врачъ больницы обязывается доставлять всѣ зависящія отъ него, сообразныя съ больничнымъ уставомъ, удобства, потребныя для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли практическаго обученія студентовъ при больницѣ приказа. О затрудненіяхъ своихъ въ этомъ отношеніи, если бы они встрѣтились, онъ доноситъ совѣту больницы. Завѣдуя общимъ благоустройствомъ всей больницы и содержаніемъ больныхъ въ оной, старшій врачъ не вмѣшивается однакожь въ медицинскую часть клиническихъ отдѣленій: она остается на полной отвѣтственности профессоровъ клиники. Перемѣщеніе больныхъ изъ клиническихъ отдѣленій въ другія палаты не можетъ послѣдовать безъ его разрѣшенія и соглашенія его съ профессорами; но, въ случаѣ необходимости, ему предоставляется право увеличить число кроватей въ госпитальной клиникѣ и занять ихъ больными. На его-же попеченіи лежатъ и гигиеническое содержаніе палатъ клиники и больныхъ въ оной.

14) Для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли устройства клиникъ и для соглашенія матеріальныхъ и другихъ къ тому

условія съ внутреннимъ устройствомъ и установленными въ больницѣ порядками, старшій врачъ оной назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ по предварительному соглашенію его съ министромъ народнаго просвѣщенія, изъ числа профессоровъ медицинскаго факультета Казанскаго университета, преимущественно изъ тѣхъ, кои болѣе знакомы съ практическою частію терапіи и хирургіи. На старшаго врача больницы изъ профессоровъ возлагается также обязанность управлять въ практическихъ занятіяхъ студентовъ въ клиникахъ въ продолженіи учебныхъ мѣсяцевъ, по обоюдному соглашенію съ директорами клиникъ. Во время-же лѣтнихъ и зимнихъ ваканцій онъ продолжаетъ эти занятія съ тѣми изъ студентовъ, которые изъявляютъ на то свое желаніе. Въ случаѣ болѣзни старшаго врача больницы, въ исполненіе обязанностей его вступаетъ старшій по службѣ директоръ отдѣленія клиники.

15) Въ выборѣ и исполненіи способовъ леченія директоры клиническихъ отдѣленій не зависятъ отъ начальства больницы; но при назначеніи больнымъ порцій, лекарствъ и другихъ врачебныхъ пособій, они должны сообразоваться съ существующимъ для гражданскихъ больницъ положеніемъ и вообще слѣдовать уставу сихъ больницъ. Если-же почтутъ они нужнымъ прописывать лекарства, не полагаемая для больницъ приказовъ по нормальному ихъ каталогу, или назначать діететическія средства, не заключающіяся въ табели о порціяхъ, то потребный для сего расходъ долженъ быть отнесенъ на счетъ суммъ Казанскаго университета. На эти-же суммы должны быть отнесены и издержки на приобретеніе другихъ предметовъ не положенныхъ по штату больницы, но необходимыхъ для достиженія врачебно-ученой цѣли госпитальной клиники, напримѣръ снарядовъ и реакенцій для токсикологическихъ изслѣдованій, инструментовъ для вскрытія

труповъ, для приготовленія анатомическихъ препаратовъ и средствъ для сохраненія ихъ.

16) Въ теченіе учебнаго курса директоры клиники должны, каждый по своему отдѣленію, въ надлежащее время, доставлять въ контору больницы закономъ указанныя срочныя вѣдомости о больныхъ, по даннымъ формамъ, равно какъ и другія свѣдѣнія, которыя старшему врачу потребны будутъ по исполненію служебныхъ его обязанностей.

17) О студентахъ, ихъ занятіяхъ и успѣхахъ профессоры госпитальной клиники отдають отчетъ университетскому начальству.

18) Никакихъ другихъ обязанностей въ отношеніи больницы или клиническихъ отдѣленій ея, кромѣ определенныхъ выше, профессоры госпитальной клиники не имѣють и жалованья отъ больницы не получаютъ.

19) Въ случаѣ болѣзни директора, должность его поручается медицинскимъ факультетомъ одному изъ членовъ факультета.

20) Обязанности клиническихъ ассистентовъ суть слѣдующія: сопровождать профессоровъ при клиническихъ посѣщеніяхъ; слѣдить за клиническими наставленіями ихъ; руководствовать студентовъ въ практическомъ исполненіи оныхъ, а особливо въ производствѣ малыхъ операцій, перевязокъ и проч., и наблюдать за точностію сего исполненія, повѣрять аккуратность скорбныхъ листовъ и правильность веденія книги, въ которую записываются клиническіе больные; вечеромъ посѣщать больныхъ съ дежурнымъ по клиникѣ студентомъ, прописывать, по мѣрѣ надобности и по наставленію профессора, новыя больнымъ лекарства, а въ случаѣ надобности приглашать и самого профессора. Вообще, въ теченіе всего года, оба ассистента несутъ должности ординаторовъ, каждый по своему отдѣленію, и дежурятъ по больницѣ наравнѣ съ младшими врачами оной, а въ вакаціонное время завѣ-

дуютъ также, какъ сіи послѣдніе, больничными палатами, имъ поручаемыми.

21) Должность прозектора при профессорахъ патологической анатоміи и судебной медицины состоитъ: въ слѣдованіи за преподаваніемъ обѣихъ наукъ; въ производствѣ, подъ руководствомъ профессора судебной медицины, судебно-медицинскихъ вскрытій и изслѣдованій и въ упражненіи оными студентовъ; въ дѣятельномъ участіи въ практическихъ занятіяхъ со студентами профессора патологической анатоміи; въ приготовленіи подъ надзоромъ его анатомическихъ препаратовъ, и составленіи патологическаго кабинета и его описи, и наконецъ въ наблюденіи за цѣлостію и исправнымъ состояніемъ сего кабинета. Въ изготовленіи препаратовъ могутъ участвовать и студенты, по назначенію профессора. Въ уваженіе трудовъ, возлагаемыхъ на прозектора, онъ увольняется вовсе отъ завѣдыванія больничными палатами и отъ дежурства.

22) Ассистенты и прозекторъ состоятъ въ дѣйствительной службѣ, пользуются преимуществами, присвоенными ихъ ученымъ степенямъ, жалованье получаютъ отъ университета изъ экономическихъ суммъ его, въ размѣрѣ по усмотрѣнію учебнаго начальства. Сверхъ того ассистенты пользуются квартирами отъ больницы, а прозектору назначаются квартирные деньги изъ суммъ университета.

23) Часы профессорскихъ преподаваній въ госпитальной клиникѣ опредѣляются медицинскимъ факультетомъ университета; ассистенты-же, какъ ординаторы больничныхъ палатъ, посѣщаютъ больныхъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, по узаконенному порядку, въ часы, опредѣляемые уставомъ гражданскихъ лечебныхъ заведеній.

24) Студенты посѣщаютъ клиническія отдѣленія и анатомическое залю въ назначенное университетскимъ начальствомъ время; въ прочія-же палаты больницы они имѣютъ доступъ

только съ дозволенія старшаго врача, выключая студентовъ дежурныхъ. При занятіяхъ своихъ въ госпитальной клиникѣ студенты подчинены непосредственно преподавателямъ; больничное начальство ни за нравственность ихъ, ни за успѣхи не отвѣтствуетъ.

25) Во все продолженіе учебнаго курса, студенты дежурятъ въ клиническихъ отдѣленіяхъ, по одному въ каждомъ ежедневно, подчиняясь на это время врачамъ, дежурнымъ по больницѣ, и исполняя должностныя требованія ихъ по клиникѣ.

26) Фельдшеры, палатные надзиратели, сидѣлки и служители, назначаемые сообразно штату больницы и числу больныхъ въ клиническія отдѣленія, состоя въ подчиненіи старшаго врача и смотрителя больницы, согласно существующимъ узаконеніямъ, находятся въ непосредственномъ распоряженіи ассистентовъ клиники.

6. (27-го января). *Объ учрежденіи при первой Казанской гимназій должности надзирателя за вольноприходящими учениками.*

Вслѣдствіе представленія помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшилъ имѣть при первой Казанской гимназій особаго надзирателя за вольноприходящими учениками, съ производствомъ ему жалованья по *триста* руб. сер. въ годъ, изъ экономической суммы гимназій.

7. (31-го января). *О возвышеніи платы за воспитаніе въ пансіонѣ Симферопольской гимназій.*

Согласно съ представленіемъ исправляющаго должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшилъ вмѣсто взимаемой нынѣ съ своекоштныхъ пансіонеровъ Симферопольской гимназій платы, по 230 руб., взимать, съ 1-го января 1861 года, по *двѣсти семидесяти* руб. сер. въ годъ съ cadaго, съ тѣмъ, чтобы

таковая плата, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го октября 1857 года, при первой возможности, была понижена и чтобы сумма, которая составитъ вслѣдствіе этой прибавочной платы, была распредѣляема ежегодно слѣдующимъ образомъ: 1000 р. на столъ пансіонерамъ, прислугу и прочіе хозяйственныя предметы, 850 руб. — на увеличеніе жалованья комнатнымъ надзирателямъ при пансіонѣ и 150 руб. — на прибавку жалованья законоучителю гимназій за исполненіе духовныхъ требъ.

8. (7-го февраля). *О разрѣшеніи издавать циркуляры по Харьковскому учебному округу.*

Согласно представленію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшилъ издавать, съ начала 1861 года, при канцеляріи попечителя Харьковскаго округа, циркуляры по сему округу съ помѣщеніемъ въ составъ оныхъ распоряженій по учебной части и свѣдѣній о перемѣнахъ въ личномъ составѣ членовъ округа.

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 4.

31-го января 1861 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: изъ отставныхъ, гвардіи поручикъ Араповъ, съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа.

Опредѣляются: изъ отставныхъ, коллежскій регистраторъ

князь *Гедройць* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Вилькомирскаго уѣзда. Вольнопрактикующій лекарь *Косцяжовскій* — врачомъ при Кейданской гимназiи.

Назначается: младшій помощникъ редактора журнала министерства народнаго просвѣщенiя, титулярный совѣтникъ *Василевскій* — чиновникомъ особыхъ порученiй при департаментѣ народнаго просвѣщенiя.

Перемѣщаются: учитель Варшавской ветеринарной школы, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Мельниченко* — адъюнктомъ въ Харьковское ветеринарное училище. Помощникъ казначея С.-Петербургской городской распорядительной думы, титулярный совѣтникъ *Соколовъ* — канцелярскимъ чиновникомъ департамента народнаго просвѣщенiя.

Оставляются на службу: дѣйствительные статскiе совѣтники, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владимира — деканъ юридическаго факультета *Иваншиевъ*, Харьковскаго — деканъ юридическаго факультета *Паломбецкiй* и *Соколовъ*, на пять лѣтъ, со дня выслуги 25-ти лѣтняго срока (съ 20-го января 1861 г.).

Увольняется отъ службы по болѣзни: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскiй совѣтникъ Шейхъ-Мугаммедъ-Ахдъ *Тактави*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенiя: почетному попечителю Екатеринославской гимназiи, отставному штабсъ-капитану *Котляревскому* — за постоянное усердiе его къ пользамъ гимназiи.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ІЮНЬ и ІЮЛЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СѢВІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

19. (10 мая)

ПОЛОЖЕНІЕ

О ЖЕНСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Мая 10 дня 1860 года. Царское село.

Общія основанія.

1) Женскія училища состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ и учреждаются, съ ихъ разрѣшенія, въ городахъ, гдѣ только представится возможность обезпечить ихъ существованіе, посредствомъ общественныхъ или частныхъ пожертвованій.

2) Учреждаемыя на этомъ основаніи училища суть заведенія открытыя, т.-е. предназначенныя собственно для ученицъ проходящихъ.

3) По курсу преподаваемыхъ наукъ, онѣ раздѣляются на училища *перваго разряда* и училища *втораго разряда*.

4) Училища того и другаго разряда, различаясь лишь въ объемъ курса ученія, имѣютъ одну цѣль—сообщить ученицамъ то религіозно-нравственное и умственное образованіе, котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ-особенности же отъ будущей супруги и матери семейства.

(*) Утверждено въ замѣнъ существовавшаго, въ видѣ опыта, на три года.

Управленіе училищами.

5) Начальникъ губерніи, по званію своему, есть почетный попечитель всѣхъ женскихъ училищъ, находящихся въ губерніи; а потому на немъ лежитъ обязанность содѣйствовать зависящими отъ него мѣрами какъ основанію училищъ, такъ и дальнѣйшему ихъ развитію, изысканіемъ и обезпеченіемъ способовъ ихъ существованія. Въ случаѣ замѣченныхъ имъ безпорядковъ въ училищѣ, онъ дѣлаетъ указанія попечительному совѣту училища, а въ болѣе важныхъ случаяхъ, сообщаетъ о томъ попечителю учебнаго округа, или доводитъ прямо до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

6) При каждомъ женскомъ училищѣ находятся совѣты: а) *попечительный* — для ближайшаго содѣйствія успѣшному развитію училища со стороны общества; б) *педагогическій* — для разрѣшенія вопросовъ, относящихся до учебной и воспитательной части.

7) Непосредственное управленіе училищемъ ввѣряется начальницѣ, избираемой попечительнымъ совѣтомъ училища изъ лицъ образованныхъ и пользующихся уваженіемъ общества.

8) Попечительный совѣтъ состоитъ изъ пяти непремѣнныхъ и двухъ выборныхъ членовъ. Къ непремѣннымъ членамъ принадлежать: попечительница училища, уѣздный предводитель дворянства, или лицо, заступающее его мѣсто, директоръ училищъ, или гимназій, а тамъ, гдѣ нѣтъ гимназій, штатный смотритель уѣзднаго училища, градской голова, или бургомистръ и начальница училища. Выборные члены избираются совѣтомъ: одинъ — изъ сословія мѣстныхъ дворянъ, или чиновниковъ, а другой — изъ купечества. Попечительницѣ училища предоставляется почетное предсѣдательство въ совѣтѣ; дѣйствительныя-же обязанности предсѣдателя лежатъ на старшемъ членѣ совѣта, именно на уѣздномъ предводителѣ дворянства.

9) Попечительница училища избирается попечительнымъ

совѣтомъ изъ почетнѣйшихъ лицъ города и представляется: въ училищахъ перваго разряда—начальникомъ губерніи, чрезъ министра народнаго просвѣщенія, на Высочайшее утвержде- ніе Ея Императорскаго Величества Государыни Импе- ратрицы; въ училищахъ-же втораго разряда — попечитель- ница училища утверждается тѣмъ-же порядкомъ министромъ народнаго просвѣщенія.

10) Начальница училища, избранная попечительнымъ совѣ- томъ, утверждается въ своей должности попечителемъ учебнаго округа.

11) Въ тѣхъ городахъ, гдѣ находится нѣсколько женскихъ училищъ перваго и втораго разряда, всѣ эти училища, также какъ и элементарныя школы грамотности для женскаго обра- зованія, открываемыя на счетъ общественныхъ пожертвованій, состоятъ въ вѣдѣніи одного попечительнаго совѣта, въ за- сѣданіяхъ котораго участвуютъ въ такомъ случаѣ начальницы всѣхъ училищъ.

12) Права и обязанности попечительнаго совѣта суть слѣ- дующія: 1) выборъ попечительницы училища, начальницы и всѣхъ учителей и учительницъ; 2) изысканіе средствъ къ ма- теріальному улучшенію училища; 3) наблюденіе за правиль- нымъ употребленіемъ училищныхъ суммъ; 4) опредѣленіе ко- личества платы за ученіе, которая въ училищахъ перваго раз- ряда, ни въ какомъ случаѣ, не должна превышать, за ученіе обязательнымъ предметамъ, 30-ти рублей въ годъ, а въ учи- лищахъ втораго разряда 15-ти рублей; 5) увольненіе отъ платы за ученіе недостаточныхъ ученицъ; 6) покровительство и по- собіе бѣднѣйшимъ ученицамъ, отличающимся прилежаніемъ и благонаравіемъ; 7) наблюденіе за умственнымъ и нравствен- нымъ образованіемъ учащихся; 8) наконецъ попеченіе вообще объ установленіи и постоянномъ сохраненіи въ училищѣ надле- жащаго по всѣмъ частямъ порядка и благоустройства.

13) Для письмоводства, при совѣтѣ состоитъ дѣлопроизво- дитель, избираемый и опредѣляемый совѣтомъ преимуще-

ственно изъ преподавателей училища и получающій добавочное содержаніе, по усмотрѣнію совѣта. Онъ-же исправляетъ должность смотрителя училищнаго зданія.

14) Въ концѣ учебнаго года, попечительнымъ совѣтомъ составляется полный отчетъ о состояніи училища въ учебномъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Одинъ экземпляръ сего отчета представляется попечителю учебнаго округа, а другой начальнику губерніи и самый отчетъ печатается въ общее свѣдѣніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

15) Въ педагогическомъ совѣтѣ училища предсѣдательствуетъ директоръ училищъ, или директоръ мѣстной гимназіи, а тамъ, гдѣ нѣтъ гимназіи, штатный смотритель уѣзднаго училища и всѣ лица, служащія при училищѣ по учебной и воспитательной части. Должность секретаря, по выбору педагогическаго совѣта, исправляетъ одинъ изъ преподавателей училища.

16) Обсужденію педагогическаго совѣта подлежатъ: 1) составленіе программъ преподаванія и выборъ руководства; 2) опредѣленіе числа классовъ въ училищѣ; 3) распределеніе предметовъ преподаванія по классамъ; 4) способы преподаванія предметовъ въ училищѣ; 5) постановленія касательно приѣма и увольненія ученицъ, перевода ихъ въ высшіе классы и выдачи аттестатовъ окончившимъ курсъ; 6) назначеніе наградъ отличнѣйшимъ ученицамъ. Опредѣленія педагогическаго совѣта сообщаются для свѣдѣнія попечительному совѣту училища.

Учебная часть.

17) Предметы преподаванія въ женскихъ училищахъ раздѣляются на обязательные и необязательные.

18) Къ обязательнымъ предметамъ относятся въ *училищахъ перваго разряда*: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ, грамматика и словесность, 3) ариметика и понятіе объ измѣреніяхъ, 4) географія всеобщая и русская, 5) исторія всеобщая

и русская, 6) начальныя основанія естественной исторіи и физики, 7) чистописаніе и 8) рукодѣліе. Въ *училищахъ втораго разряда*: 1) законъ Божій, 2) русская грамматика, 3) русская исторія и географія въ сокращенномъ объемѣ, 4) первыя четыре правила ариметики надъ простыми и именованными числами, 5) чистописаніе и 6) рукодѣліе.

19) Къ необязательнымъ предметамъ принадлежатъ: французскій и нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе. Къ числу ихъ присоединяются, по желанію учредителей, и другіе предметы, которые могутъ быть вводимы, по опредѣленію *педагогическаго совѣта*, въ томъ или другомъ училищѣ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа.

20) За ученіе необязательнымъ предметамъ вносится особая плата, количество которой опредѣляется попечительнымъ совѣтомъ училища.

21) Преподаватели и преподавательницы училища, избираемые попечительнымъ совѣтомъ изъ лицъ, имѣющихъ право на преподаваніе, утверждаются въ своихъ должностяхъ: въ училищахъ перваго разряда — попечителемъ учебнаго округа, а въ училищахъ втораго разряда — директоромъ училищъ, или директоромъ мѣстной гимназіи. Воспитательницы-же избираются и опредѣляются начальницей училища, съ утвержденія попечительницы.

22) Должности преподавателей въ женскихъ училищахъ могутъ быть занимаемы учителями гимназій и уѣздныхъ училищъ.

23) Пріемъ ученицъ въ училище производится съ 7-го по 15-е августа. Но ученицы могутъ быть принимаемы и въ теченіе всего учебнаго года, если окажутся достойными поступленія въ училище, по знанію пройденнаго курса. Для поступленія въ 1-й классъ требуется возрастъ не менѣе 8-ми лѣтъ и умѣнье читать и писать по-русски.

24) На полный курсъ ученія въ училищахъ перваго разряда назначается шесть лѣтъ, а въ училищахъ втораго разряда — три года.

25) Ученіе въ женскомъ училищѣ продолжается въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ праздниковъ и лѣтнихъ вакацій, на которыя полагается время съ 15 іюня по 15 августа.

26) Для обученія русской грамотѣ при женскомъ училищѣ можетъ быть учреждаемъ приготовительный классъ тамъ, гдѣ окажется въ томъ необходимость.

Хозяйственная часть училища.

27) Суммы, принадлежащія женскому училищу, хранятся въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ.

28) Единовременныя пожертвованія въ пользу училища, а равно и плата, собираемая за ученіе, доставляются начальницѣ училища, которая немедленно записываетъ ихъ въ приходъ и въ концѣ каждаго мѣсяца, представляетъ, вмѣстѣ съ кассовою книгою прихода, попечительному совѣту, для внесенія на храненіе въ мѣстное уѣздное казначейство.

29) Назначенная на содержаніе училища сумма выдается, по опредѣленію попечительнаго совѣта, начальницѣ по третямъ года впередъ. Распоряжаясь этою суммою по своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ, она обязана вести расходамъ точные счета, очищая выдачи, кромѣ мелкихъ хозяйственныхъ расходовъ, надлежащими росписками въ кассовой книгѣ такъ, чтобы попечительный совѣтъ имѣлъ во всякое время возможность удостовѣриться въ сообразномъ съ назначеніемъ употребленія отпущенныхъ денегъ.

30) Кассовыя книги прихода и расхода выдаются начальницѣ ежегодно попечительнымъ совѣтомъ, за скрѣпкою дѣлопроизводителя совѣта.

31) Ревизія училищной суммы производится попечительнымъ совѣтомъ въ сроки, какіе онъ признаетъ нужнымъ назначить.

32) Въ веденіи денежныхъ книгъ прихода и расхода помогаетъ начальницѣ одинъ изъ преподавателей, по назначенію попечительнаго совѣта.

*Права и преимущества женскихъ училищъ и лицъ служащихъ
въ нихъ.*

33) Женскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія состоятъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны.

34) Попечительный совѣтъ женскаго училища имѣетъ свою печать и посылаемая отъ него за этою печатью бумаги принимаются на почту безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

35) Зданія, принадлежащія женскому училищу, если онѣ занимаютъ самимъ училищемъ, освобождаются отъ воинскаго постоя.

36) Члены попечительнаго совѣта училища, во вниманіе къ немаловажнымъ трудамъ ихъ и пожертвованіямъ по училищу, пользуются правомъ, пока состоятъ въ этомъ званіи, носить мундиръ VIII разряда министерства народнаго просвѣщенія, если не имѣютъ мундира высшаго разряда по другой должности.

37) Преподаватели училища, если они не состоятъ на службѣ въ гимназіи или уѣздномъ училищѣ, и преподавательницы пользуются правами домашнихъ учителей и учительницъ. Начальница училища и воспитательницы имѣютъ тѣ-же права, если онѣ занимаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподаваніемъ въ училищѣ.

Подлинное подписали: Евграфъ Ковалевскій, Николай Мухановъ, Александръ Головинъ, Дмитрій Левшинъ, Павелъ Гаевскій, Константинъ Сербиновичъ, Иванъ Деляновъ, князь Николай Церетелевъ.

20. (10 мая) *О предоставленіи сибирскимъ генералъ-губернаторамъ права утвержденія избранныхъ лицъ въ должности попечительницъ женскихъ учебныхъ заведеній.*

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣ-

шевія, Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: утвержденіе избранныхъ лицъ въ должности попечительницъ женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ въ западной, такъ и восточной Сибири, предоставить мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ.

21. (21 мая) *Положеніе объ оставленіи профессоръ при университетахъ по выслугѣ ими 25-ти-лѣтняго срока на пенсію.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ о необходимости оставленія профессоръ при университетѣ, по выслугѣ ими 25-ти лѣтняго срока на пенсію. посредствомъ баллотировки, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: въ замѣнъ существующихъ нынѣ правилъ по этому предмету, согласно заключенію главнаго правленія училищъ, постановить:

1) Всѣ профессоры и адъюнкты университетовъ, по выслугѣ 25-ти лѣтъ на пенсію, если они пожелаютъ продолжать службу въ университетѣ, подвергаются избранію посредствомъ баллотировки, какъ сіе постановлено въ § 83 общаго устава университетовъ о профессорахъ заслуженныхъ.

2) Равнымъ образомъ всѣ поименованныя лица, а также и заслуженные профессоры, оставленные на службѣ, сверхъ 25 на пять лѣтъ, по выслугѣ сего послѣдняго срока, для дальнѣйшаго продолженія службы, подвергаются новому избранію посредствомъ баллотировки, повторяющемуся при каждой выслугѣ ими пятилѣтія, или того срока, на который они оставлены на службѣ.

3) Попечители учебныхъ округовъ о каждомъ избраніи, на изъясненномъ основаніи, адъюнктовъ и профессоровъ вообще, представляютъ съ своимъ заключеніемъ министру народнаго просвѣщенія, отъ котораго зависятъ окончательное утвержденіе избранія ихъ совѣтомъ университета и опредѣленіе срока дальнѣйшаго оставленія ихъ на службѣ въ университетѣ.

22. (21 мая) *О награжденіи серебряными медалями домашнихъ учителей Габленца и Спонгольца.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: домашнихъ учителей, коллежскихъ регистраторовъ Александра Габленца и Вильгельма Спонгольца, за свыше-десятилѣтнее безпорочное и усердное исправленіе обязанностей предоставленнаго имъ званія, наградить установленными для домашнихъ учителей серебряными медалями на Александровской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.

23. (4 іюня) *О дозволеніи учреждать воскресные классы, для обученія ремесленниковъ грамотъ и гимнастикъ, въ зданіяхъ военнаго вѣдомства.*

По всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на помѣщеніе воскресныхъ классовъ въ домѣ стрѣлковаго баталіона, съ тѣмъ, чтобы при каждой вновь открываемой школѣ въ зданіяхъ военнаго вѣдомства, было испрашиваемо Высочайшее соизволеніе.

24. (18 іюня) *О дозволеніи воспитанникамъ изъ магометанъ оренбургскаго края, поступающимъ въ казанскій университетъ по медицинскому факультету, переходить въ другіе факультеты.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, по представленію военнаго министра и согласно съ заключеніемъ военнаго совѣта, мнѣніемъ положилъ: дозволить воспитанникамъ изъ магометанъ оренбургскаго края, поступающимъ въ казанскій университетъ, по медицинскому факультету, въ случаѣ неспособности къ продолженію наукъ по сему факультету, переходить въ другіе факультеты.

Такое мнѣніе государственнаго совѣта Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

МИНИСТЕРСВІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (9 апрѣля).

ПОЛОЖЕНІЕ

О ЗЕМЛЕМѢРО-ТАКСАТОРСКИХЪ КЛАССАХЪ ПРИ ГУБЕРНСКИХЪ ГИМНАЗИЯХЪ (*).

Цѣль, составъ и управленіе землемѣро-таксаторскихъ классовъ.

§ 1. Классы землемѣровъ и таксаторовъ при губерскихъ гимназіяхъ учреждаются, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 28 день октября 1859 г., съ цѣлю образовывать людей, которые-бы могли заниматься производствомъ съемокъ и таксаціею поземельной собственности, въ чемъ при настоящемъ развитіи вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ, представляется ощутительная надобность. Губернскіе города для открытія землемѣро-таксаторскихъ классовъ избираются, на основаніи сказаннаго повелѣнія, по соглашенію управляющаго межевымъ корпусомъ съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ.

§ 2. Классы землемѣровъ и таксаторовъ, не составляя отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, а только спеціальныя курсы въ тѣхъ гимназіяхъ, при которыхъ они учреждаются, находятся въ главномъ завѣдываніи управляющаго межевымъ кор-

(*) Положеніе сіе, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 28 октября 1859 г., составлено по соглашенію министра государственныхъ имуществъ и управляющаго межевымъ корпусомъ съ министрами внутренняго просвѣщенія.

пусомъ и подъ наблюдениемъ гимназическаго начальства. Классы помѣщаются или въ зданіяхъ гимназій, если мѣсто позволитъ, или въ наемномъ домѣ, но по близости гимназій, дабы начальство послѣдней могло наблюдать за ними.

§ 3. Въ землемѣро-таксаторскіе классы принимаются ученики всѣхъ сословій не моложе 15 лѣтъ: кончившіе курсъ въ 4 или въ одномъ изъ высшихъ классовъ гимназій безъ экзамена, а всѣ прочіе по предварительномъ испытаніи въ русской грамматикѣ, общемъ географическомъ обзорѣ всѣхъ частей свѣта и въ особенности Россіи, ариметикѣ, лонгиметріи и рисованіи. Программы для пріемнаго экзамена утверждаются управляющимъ межевымъ корпусомъ.

§ 4. Число учениковъ, допускаемыхъ въ землемѣро-таксаторскіе классы, на первый разъ ограничить, согласно Высочайшему повелѣнію, 40 или 50 человекъ, сообразно съ денежными способами, Высочайше опредѣленными на содержаніе этихъ классовъ.

§ 5. Ученики землемѣро-таксаторскихъ классовъ, поступившіе въ оныя изъ гимназій, могутъ продолжать носить одежду, присвоенную воспитанникамъ гимназій, для прочихъ-же особой формы не полагается; но они должны являться въ классы въ приличномъ и опрятномъ видѣ.

§ 6. Желающіе посѣщать землемѣро-таксаторскіе классы, должны въ концѣ іюля и не позже 10 августа подать, съ надлежащими документами (метрическое свидѣтельство и документы о происхожденіи и званіи), просьбы о томъ директору гимназій, который сообразно ихъ успѣхамъ ученія въ гимназій, или удовлетворительности пріемнаго экзамена, а также принимая въ соображеніе и аттестаты о поведеніи, назначаетъ къ пріему, и списки о таковыхъ представляетъ управляющему межевымъ корпусомъ для утвержденія. Опредѣленнымъ въ землемѣро-таксаторскіе классы, директоръ гимназій выдаетъ билеты на право посѣщенія лекцій.

Часть учебная.

§ 7. Курсъ ученія въ землѣро-таксаторскихъ классахъ, согласно вышесказанному Высочайшему повелѣнію, продолжается 2 года, по одному въ каждомъ классѣ. Въ продолженіе этого курса молодые люди обучаются:

	Въ 1 годъ.	Во 2 годъ
Топографіи	3 урока	
Нивелированію	»	2 урока
Черченію, иллюминировкѣ, надписыванію и накладкѣ плановъ	4 »	4 »
Планиметріи	2 »	»
Таксаціи	»	4 »
Естественнымъ наукамъ	3 »	»
Межевымъ законамъ	»	2 »
	12 уроковъ. 12 уроковъ.	

Для каждого изъ спеціальныхъ предметовъ, программы должны быть утверждены управляющимъ межевымъ корпусомъ.

§ 8. Ближайшее наблюденіе за порядкомъ въ классахъ, ходомъ преподаванія, успѣхами и нравственностію учениковъ въ землѣро-таксаторскихъ классахъ, кромѣ наблюденія гимназическаго начальства, возлагается, по усмотрѣнію управляющаго межевымъ корпусомъ, на одного изъ преподавателей спеціальныхъ предметовъ, съ званіемъ инспектора землѣро-таксаторскихъ классовъ.

§ 9. Для преподаванія спеціальныхъ предметовъ собственно землѣро-таксаторскаго курса, назначаются, съ утвержденія управляющаго межевымъ корпусомъ, особые учителя изъ мѣстныхъ спеціалистовъ, или изъ чиновъ межеваго вѣдомства. Всѣ они пользуются правами и преимуществами по службѣ наравнѣ со старшими учителями гимназій, исключая содержанія, кото-

рое опредѣляется по числу уроковъ и назначается съ утвержденія управляющаго межевымъ корпусомъ.

§ 10. Время уроковъ опредѣляется гимназическимъ начальствомъ, которое должно имѣть въ виду доставить возможность слушающимъ землемѣро-таксаторскій курсъ, продолжать и общій гимназическій курсъ; для чего спеціальныя уроки должны быть назначаемы или въ послѣобѣденное время, или въ часы необщихъ занятій учениковъ гимназіи, напримѣръ: въ часы латинскаго и греческаго языковъ и т. п.

§ 11. Все вакантное время, а буде возможно, то и болѣе, до 3-хъ мѣсяцевъ въ году, должно быть употреблено для полевыхъ практическихъ занятій по топографіи, нивелированію и таксаціи. Практическія занятія учениковъ производятся подъ руководствомъ преподавателей спеціальныхъ предметовъ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора землемѣро-таксаторскихъ классовъ.

Примѣчаніе. Мѣсто для практическихъ занятій учениковъ, равно и квартирное помѣщеніе въ селеніяхъ отводятся по сношенію гимназическаго начальства съ мѣстнымъ гражданскимъ управленіемъ.

§ 12. По окончаніи полевыхъ практическихъ занятій, производятся экзамены для перевода изъ перваго курса во второй и для выпуска. Степень успѣховъ опредѣляется по каждому предмету 5 баллами. Для перевода въ слѣдующій курсъ, а также для выпуска съ одобрительнымъ аттестатомъ, требуется не менѣе $\frac{3}{5}$ изъ полнаго числа балловъ по каждому предмету.

§ 13. Экзамены пріемныя, переводныя и выпускныя производятся, въ присутствіи директора гимназіи, комиссіею, въ составъ которой, между прочимъ, непременно должны входить инспекторъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ и губернскій землемѣръ. О результатахъ экзаменовъ, директоръ гимназіи доноситъ управляющему межевымъ корпусомъ, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ списки о поведеніи и способностяхъ учени-

ковъ и конфиденціальныхъ свѣдѣнія объ усердіи, способностяхъ и поведеніи гг. преподавателей землемѣро-таксаторскихъ классовъ.

О выпускѣ, наградахъ и содержаніи учащихся въ землемѣро-таксаторскихъ классахъ.

§ 14. За отличные успѣхи ученики, при переходѣ изъ 1 во 2 классъ и при выпускѣ, награждаются похвальными листами, книгами, инструментами и т. п., по опредѣленію директора гимназіи и экзаменной комиссіи. Изъ выпускаемыхъ воспитанниковъ, кромѣ того, первый, получившій полныя баллы по всѣмъ предметамъ и по поведенію, награждается золотою медалью, а второй и третій, имѣющіе не менѣе $\frac{4}{5}$ балловъ въ наукахъ и полныя баллы въ поведеніи, серебряными медалями.

Примѣчаніе. Для полученія медалей необходимо предъявленіе свидѣтельства о исполнѣ успѣшномъ окончаніи гимназическаго курса.

§ 15. Ученикамъ старшаго курса землемѣро-таксаторскихъ классовъ, стѣсненнымъ въ способахъ своего существованія, согласно Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 28 октября 1859 года, назначаются, съ утвержденія управляющаго межевымъ корпусомъ, стипендіи отъ 5 до 8 руб. въ мѣсяцъ, если они будутъ того заслуживать по успѣхамъ ученія и своему благонравію. Впрочемъ, это пособіе, по особо-уважительнымъ причинамъ, можетъ быть оказываемо и ученикамъ младшаго курса. Число стипендіатовъ опредѣляется означенными размѣрами пособія и количествомъ общей суммы, на сей предметъ опредѣленной.

Примѣчаніе. Ученики, оставшіеся на второй годъ въ классѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ пользоваться стипендіей.

§ 16. Всѣ успѣшно окончившіе курсъ ученія въ землемѣро-таксаторскихъ классахъ, по выдержаніи экзамена и по удо-

стоеніи управляющаго межевымъ корпусомъ, приобрѣтають званіе частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ и получаютъ на то дипломъ, за подписью директора гимназіи и инспектора землемѣро-таксаторскихъ классовъ.

Примѣчаніе. Въ дипломѣ должно быть объяснено, что лица, получившія сказанное званіе, при производствѣ, какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ имѣніяхъ, съемочныхъ и таксаціонныхъ дѣйствіяхъ, могутъ дѣлать нарѣзки и даже въ натурѣ указывать предположенныя межи, съ постановкою частныхъ признаковъ, но не имѣютъ права производить окончательныя межевыя дѣйствія, сопряженныя съ формальнымъ утвержденіемъ и возобновленіемъ межевыхъ признаковъ.

§ 17. При самомъ выпускѣ изъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ, частныя землемѣры вносятся въ особые списки по межевому вѣдомству.

Часть хозяйственная.

§ 18. Землемѣро-таксаторскіе классы содержатся на счетъ губернскихъ земскихъ повинностей, согласно Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 28 день октября 1859 г.

§ 19. Издержки на содержаніе землемѣро-таксаторскихъ классовъ опредѣляются по прилагаемому у сего штату.

§ 20. Назначенныя по штатамъ суммы, по сношенію управляющаго межевымъ корпусомъ съ министромъ финансовъ, отпускаются изъ мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ по третямъ года впередъ въ распоряженіе директоровъ гимназій, которые, храня ихъ вмѣстѣ съ гимназическою суммою, ведутъ имъ особыя приходо-расходныя книги, не смѣшивая съ суммою гимназій, и расходуютъ на опредѣленные по штатамъ предметы, на основаніи общихъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Экстренные расходы производятся не иначе, какъ по распоряженію управляющаго межевымъ корпусомъ. Съ его-

же разрѣшенія расходуются и остатки, которые могут образоваться отъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе землемѣро-таксаторскихъ классовъ.

§ 21. Стипендіи выдаются ежемѣсячно впередъ, подъ собственныя росписки учениковъ, или ихъ родителей и родственниковъ.

§ 22. Определеннымъ по штату преподавателямъ спеціальныхъ предметовъ, на время занятія учениковъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ полевыми работами, суточные деньги выдаются при отправленіи ихъ съ воспитанниками за все предназначенное для сказанныхъ работъ время.

§ 23. О принадлежащихъ землемѣро-таксаторскимъ классамъ геодезическихъ инструментахъ и другихъ учебныхъ пособіяхъ ведутся директорами гимназій особые списки, по которымъ вещи эти ежегодно свидѣтельствуются директорами гимназій и экзаменными комиссіями, и тѣ изъ нихъ, которые пришли отъ употребленія въ негодность, съ разрѣшенія управляющаго межевымъ корпусомъ, продаются съ публичнаго торга и вырученныя за нихъ деньги причисляются къ остаточнымъ суммамъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ.

§ 24. Независимо отъ установленной по общимъ правиламъ отчетности, директора гимназій, по истеченіи каждаго года, представляютъ управляющему межевымъ корпусомъ особыя перечневыя вѣдомости о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, отпущенныхъ на содержаніе землемѣро-таксаторскихъ классовъ.

ШТАТЪ

ЗЕМЛЕМѢРО-ТАКСАТОРСКИХЪ КЛАССОВЪ, УЧРЕЖДЕННЫХЪ ПРИ ГУБЕРНСКИХЪ ГИМНАЗИЯХЪ.

	Число людей.	Серебромъ въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
Директору гимназiи добавочнаго содержанiя.....	1	200	—	200	—
Инспектору землемѣро-таксаторскихъ классовъ добавочнаго содержанiя.....	1	150	—	150	—
Преподавателю топографiи и нивелированiя (*).	1	350	—	350	—
— — ему суточныхъ.....	—	60	—	60	—
— — черченiя, иллюминировки, надписыванiя плановъ, накладки и т. п..	1	200	—	200	—
— — ему суточныхъ.....	—	60	—	60	—
— — Лонгиметри и планиметрии.....	1	150	—	150	—
— — естественныхъ наукъ... ..	1	150	—	150	—
— — таксацiи.....	1	200	—	200	—
— — ему суточныхъ.....	—	60	—	60	—
— — межевыхъ законовъ.....	1	150	—	150	—
— — ему суточныхъ.....	—	60	—	60	—
Пособiе 15 стипендиатамъ по 96 руб. въ годъ.....	15	96	—	1,440	—
Пособiе 10 стипендиатамъ по 60 руб. въ годъ.....	10	60	—	600	—
На предметы практическихъ занятiй, ремонтъ инструментовъ и награды ученикамъ.....	—	—	—	350	—
На наемъ и отопленiе помѣщенiя и канцелярскiе расходы.....	—	—	—	480	—
На экстрео-ординарные расходы, увеличенiе стипендiй, награды и т. п., по усмотрѣнiю управляющаго межевымъ корпусомъ.....	—	—	—	340	—
Итого....	—	—	—	5,000	—

(*) Содержанiе всѣхъ вообще преподавателей можетъ быть, съ разрѣшенiя управляющаго межевымъ корпусомъ, измѣняемо сообразно числу уроковъ или по другимъ причинамъ.

- Примѣчаніе.* 1) Штатъ сей составленъ на сумму, Высочайше опредѣленную для сбора съ одной губерніи. Въ случаѣ соединенія землемѣро-таксаторскихъ классовъ нѣсколькихъ губерній при одной гимназіи, число преподавателей или размѣры ихъ вознагражденія, а также число стипендій и другіе расходы могутъ быть, по усмотрѣнію управляющаго межевымъ корпусомъ, увеличены, не выходя однакожъ изъ общей сложности сбора 5,000 руб. сер. съ каждой губерніи.
- 2) Для преподаванія учебныхъ предметовъ могутъ быть употребляемы лица, состоящія на службѣ по межевому и инымъ вѣдомствамъ.
- 3) При сказанномъ въ 1 пунктѣ соединеніи таксаторскихъ классовъ, получаемая съ присоединенныхъ губерній сумма преимущественно обращается на содержаніе стипендіатовъ, которые изъ нихъ будутъ поступать, а остатки, какіе случатся, на улучшеніе прочихъ штатныхъ предметовъ въ оныхъ классахъ. Распредѣленіе, на семь основаніи, означенной суммы дѣлается по усмотрѣнію управляющаго межевымъ корпусомъ.

Подлинное подписали: министръ государственныхъ имуществъ *Муравьевъ* и министръ народнаго просвѣщенія *Ковалевскій*.

7. (6 Мая) *О раздѣленіи 3-го класса пятой С. Петербургской гимназіи на два отдѣленія.*

Вслѣдствіе представленія попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, главное правленіе училищъ опредѣлило: раздѣлить третій классъ пятой С. Петербургской гимназіи, по размѣру двухъ первыхъ, на два отдѣленія, и назначить въ жалованье учителямъ параллельныхъ классовъ 2,025 рублей изъ суммы, собираемой за ученіе въ гимназіи, согласно составленному департаментомъ народнаго просвѣщенія росписанію.

8. (6 Мая) *О разрѣшеніи имѣть при первой С. Петербургской гимназіи сверхштатнаго учителя всеобщей исторіи.*

Согласно представленію попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ имѣть

при первой С. Петербургской гимназiи одного сверхштатнаго учителя всеобщей исторiи, безъ жалованья, но съ правами и преимуществами, старшимъ учителямъ гимназiй предоставленными.

9. (13 Мая) *О предоставленiи дворянами Лифляндской губернии дома для бесплатнаго помъщенiя Дерптской гимназiи.*

Согласно представленiю попечителя Дерптскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенiя разрѣшилъ принять предложенный 14-ю дворянами Лифляндской губернии въ 10-лѣтнее бесплатное пользованiе Дерптской гимназiи купленный ими по сосѣдству съ гимназiею домъ, и поручилъ попечителю Дерптскаго учебнаго округа изъяснить владѣльцамъ означеннаго дома признательность министерства народнаго просвѣщенiя за содѣйствiе ихъ къ пользамъ учебныхъ заведенiй (Лица, сдѣлавшiя это пожертвованiе, слѣдующiя: баронъ Эрнстъ Нолькенъ, предводитель дворянства А. фонъ Эттингенъ, ландратъ Э. фонъ Брашъ, генералъ Штрикъ, профессоръ А. фонъ Эттингенъ, Г. фонъ Штрикъ, А. фонъ Кноррингъ, Г. фонъ Бергъ, К. Э. фонъ Липгартъ, К. Г. фонъ Валь, Э. фонъ Штрикъ, баронъ А. Брюнингъ, В. фонъ Валь, Э. фонъ Брашъ).

10. (15 Мая) *О разрѣшенiи имѣть при второй С. Петербургской гимназiи сверхштатнаго младшаго учителя французскаго языка.*

Министръ народнаго просвѣщенiя, по представленiю попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, разрѣшилъ имѣть при второй С. Петербургской гимназiи сверхштатнаго младшаго учителя французскаго языка, безъ жалованья, но съ преимуществами, младшимъ учителямъ гимназiй присвоенными.

11. (15 Мая) *Объ открытiи землемѣро-таксаторскихъ классовъ при нѣкоторыхъ гимназiяхъ.*

Въ исполненiе Высочайшаго повелѣнiя 28 октября 1859

г. объ учрежденіи въ губернскихъ городахъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ попечителямъ С. Петербургскаго, Московскаго, Виленскаго, Кіевскаго, Харьковскаго и Казанскаго округовъ сдѣлать нужныя распоряженія объ открытіи такихъ классовъ въ будущемъ 18⁶⁰/₆₁ учебномъ году при слѣдующихъ гимназіяхъ: пятой С. Петербургской, Могилевской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Виленской, Минской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Житомирской, Харьковской, Курской, Орловской, Нижегородской и Саратовской.

12. (25 Мая) *Объ опредѣленіи при Нѣжинской гимназіи особаго надзирателя за приходящими учениками, съ упраздненіемъ должности педеля.*

Вслѣдствіе представленія помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа, и на основаніи Высочайше утвержденного 15 февраля 1838 г. положенія комитета министровъ, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ опредѣлить при Нѣжинской гимназіи особаго надзирателя за приходящими учениками, съ присвоеніемъ ему преимуществъ службы, и съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ изъ суммы сбора за ученіе въ сей гимназіи, упразднивъ за тѣмъ существующую при оной должность педеля.

13. (27 мая) *О преобразованіи камеральнаго разряда юридическаго факультета С. Петербургскаго университета въ разрядъ административныхъ наукъ.*

Вслѣдствіе представленія попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа о преобразованіи камеральнаго разряда юридическаго факультета С. Петербургскаго университета въ разрядъ административныхъ наукъ, главное правленіе училищъ положило привести въ исполненіе, въ видѣ опыта, на три года, слѣдующія распоряженія по устройству разряда административныхъ наукъ въ юридическомъ факультетѣ С. Петербург-

скаго университета, съ тѣмъ чтобы, по указаніямъ опыта, представить ихъ потомъ, чрезъ главное правленіе училищъ, на Высочайшее утвержденіе:

I. По предметамъ факультетскимъ:

а) Техническія и естественныя науки, именно: сельское хозяйство, технологію, архитектуру, ботанику и зоологію отдѣлить отъ этого разряда.

б) Въ замѣнъ этого ввести въ административный разрядъ энциклопедію законовѣдѣнія, международное право и торговое право.

в) Отдѣляемая отъ административнаго разряда науки: сельское хозяйство и технологію присоединить къ физико-математическому факультету, въ видѣ предметовъ необязательныхъ, а преподаваніе архитектуры, какъ недостигающее надлежащей цѣли, вовсе уничтожить.

II. По предметамъ дополнительнымъ:

г) Педагогію, какъ излишнюю при существованіи педагогическихъ курсовъ, вовсе исключить, а логику и психологію сдѣлать предметами необязательными.

д) Русскую исторію въ университетскомъ объемѣ ея преподаванія, необходимую для полнаго юридическаго образованія, оставить въ числѣ предметовъ обязательныхъ, также какъ и всеобщую исторію, изученіе которой можетъ много способствовать успѣшнымъ занятіямъ международнымъ правомъ и государственнымъ правомъ европейскихъ державъ, составляющимъ факультетскіе предметы разряда административныхъ наукъ.

III. Распредѣленіе предметовъ по курсамъ въ разрядѣ административныхъ наукъ, предоставить рѣшенію университетскаго совѣта, съ утвержденія попечителя округа.

IV. Мѣру о преобразованіи камеральнаго разряда въ административный разрядъ распространить, въ видѣ опыта, и на Казанскій университетъ, гдѣ существуетъ камеральный разрядъ, а также и на другіе университеты, если то окажется

удобнымъ, по ближайшемъ мѣстномъ соображеніи этого дѣла совѣтами университетовъ и по заключенію попечителей округовъ.

14. (31 мая) *О параллельныхъ классахъ, учрежденныхъ при Дерптской гимназій.*

Вслѣдствіе представленія попечителя Дерптскаго учебнаго округа объ увеличеніи платы съ воспитанниковъ параллельныхъ классовъ, учрежденныхъ при Дерптской гимназій, и о назначеніи въ нихъ особаго инспектора, главное правленіе училищъ опредѣлило: допустить въ видѣ опыта увеличеніе платы до 60 рублей въ годъ съ каждаго учащагося въ означенныхъ классахъ, за исключеніемъ дѣтей училищныхъ чиновниковъ, которымъ предоставить право бесплатнаго обученія. Что касается до особаго инспектора, то принимая во вниманіе съ одной стороны то обстоятельство, что по причинѣ помѣщенія параллельныхъ классовъ въ одномъ зданіи съ гимназіею, надзоръ за учащимися какъ въ гимназій, такъ и въ параллельныхъ классахъ легко можетъ быть совмѣщенъ въ одномъ лицѣ, а съ другой стороны находя, что опредѣленіе особаго инспектора, при недостаточности вообще средствъ, назначенныхъ на содержаніе параллельныхъ классовъ, значительно стѣсняетъ другія весьма важныя статьи содержанія училища,— главное правленіе училищъ положило: оставить одного инспектора какъ для гимназій, такъ и для параллельныхъ классовъ, съ назначеніемъ ему добавочнаго жалованья по 200 рублей въ годъ, съ отнесеніемъ предполагавшихся на жалованье инспектору 650 рублей на библіотеку, учебныя пособія, отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги и ремонтное исправленіе. Затѣмъ представленное попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа росписаніе расходовъ на содержаніе параллельныхъ классовъ, главное правленіе училищъ положило утвердить въ видѣ опыта, съ вышеизложеннымъ измѣненіемъ касательно

содержанія инспектора и статьи на содержаніе библіотеки, учебныхъ пособій и проч.

15. (8 іюня) *О раздѣленіи перваго класса Одесскаго казеннаго дѣвичьяго Еврейскаго училища на два параллельные класса.*

По представленію исправляющаго должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ раздѣлить, съ новаго учебнаго курса, первый классъ Одесскаго казеннаго дѣвичьяго еврейскаго училища на два параллельные класса, и опредѣлить въ это училище двухъ новыхъ учителей, — одного для преподаванія еврейскаго закона и нѣмецкаго языка съ жалованьемъ по 180 рублей въ годъ, а другаго для русскаго и французскаго языка съ жалованьемъ по 240 рублей въ годъ, а также прибавить на наемъ помѣщенія для училища, отопленіе, освѣщеніе и содержаніе служителей по 388 рублей въ годъ, изъ свѣчнаго съ евреевъ сбора.

16. (22 іюня) *О преподаваніи административной статистики въ Дерптскомъ университетѣ.*

По представленію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ включить въ утвержденную министромъ народнаго просвѣщенія 20 февраля 1857 года программу, преподаваніе по историко-филологическому факультету Дерптскаго университета, по отдѣленію политической экономіи, въ число главныхъ предметовъ, административной статистики, съ назначеніемъ для сего въ 4-мъ семестрѣ по два часа въ недѣлю.

**ИЗМЕНЕНІЯ ВЪ ЛУЧШОЕ СОСТАВЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ, ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ЧІНЫ И НАГРАДЫ.**

ОПРЕДѢЛЕНЫ, НАЗНАЧЕНЫ, ПЕРЕВЕДЕНЫ И УТВЕРЖДЕНЫ.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ:

5 мая: Отставной капитанъ 2-го ранга *Миллюковъ* и дворянинъ *Крупенскій* утверждены почетными попечителями гимназій, по выборамъ, на трехлѣтіе — первый Орловской, а второй Кишневской.

10 мая: членъ совѣта министра финансовъ и мануфактурнаго совѣта, тайный совѣтникъ баронъ *Мейендорфъ*, назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Директоръ второй С. Петербургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомадрицкій* — помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа. Чиновникъ особыхъ порученій при Московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ, состоящій въ должности церемоніймейстера Двора Его Императорскаго Величества, надворный совѣтникъ *Дашковъ* — исправляющимъ должность помощника попечителя Московскаго учебнаго округа, съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники и съ оставленіемъ въ должности церемоніймейстера.

22 іюня: изъ отставныхъ, полковникъ графъ *Строгоновъ* утвержденъ почетнымъ попечителемъ С. Петербургскихъ гимназій, по выборамъ дворянъ, на трехлѣтіе.

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

7 мая: изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ *Аккерманъ*, опредѣленъ почетнымъ смотрителемъ Новоладожскаго уѣзднаго училища. Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь *Ивановъ* — исправляющимъ должность адъюнкта Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ Римской словесности и

древностей. Тюменскій городской врачъ *Образцовъ* — врачомъ при Тюменскомъ женскомъ училищѣ, съ оставленіемъ при настоящей должности. Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Варнекъ* назначенъ директоромъ училищъ Тверской губерніи. Старшій помощникъ редактора журнала министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Галаминъ* — начальникомъ IV отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, съ 24 апрѣля 1860 года. Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Дьяченко* утвержденъ деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, по 13 мая 1861 года, — по день оставленія его на службѣ при университетѣ. Переведены на службу въ министерство народнаго просвѣщенія: помощникъ инспектора классовъ Александровскаго кадетскаго корпуса, коллежскій ассессоръ *Михельсонъ* — съ причисленіемъ къ министерству; попечитель сельскихъ запасныхъ магазиновъ Алексинскаго уѣзда, коллежскій регистраторъ *Новосельскій* — почетнымъ смотрителемъ Тульскаго уѣзднаго училища; почетный смотритель Бронницкаго уѣзднаго училища, губернской секретарь *Хомяковъ* — къ таковой-же должности въ Подольское уѣзное училище.

18 мая: изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ *Иванъ Аснашевъ* и коллежскій секретарь *Ознобишинъ* опредѣлены почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ: первый — Сорокскаго, а послѣдній — Курмышскаго. Адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Винке* утвержденъ старшимъ астрономомъ той-же обсерваторіи, со старшинствомъ со времени избранія, съ 16 марта 1860 года. Канцелярскій чиновникъ канцеляріи предводителя дворянства Ростовскаго уѣзда, коллежскій регистраторъ *Коваленскій* перемѣщенъ почетнымъ смотрителемъ Таганрогскаго уѣзднаго училища.

19 мая: директоръ пятой С. Петербургской гимназіи и училищъ С. Петербургской губерніи, статскій совѣтникъ *Вла-*

совъ, назначенъ директоромъ второй С. Петербургской гимназiи. Инспекторъ пятой С. Петербургской гимназiи, надворный совѣтникъ *Бьялевъ* — директоромъ этой-же гимназiи и училищъ С. Петербургской губерни.

1 *юня*: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенiя, губернской секретарь *Калачевъ* назначенъ чиновникомъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенiя археографической комиссiи. Инспекторъ Симбирской врачебной управы, надворный совѣтникъ *Евлановъ* опредѣленъ врачомъ при Симбирскомъ Марiинскомъ женскомъ училищѣ 2-го разряда, съ оставленiемъ при настоящей должности. Вольнопрактикующiй врачъ, лекарь *Пуцлято* — врачомъ при Бѣлостокской гимназiи. Изъ отставныхъ, коллежскiй регистраторъ *Тропиль* — въ комитетъ правленiя Императорской академiи наукъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ. Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскiй совѣтникъ *Щуровскiй* — деканомъ физико-математическаго факультета, на четыре года (20 мая сего года); ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскiй совѣтникъ *Зерновъ* — въ званiи заслуженнаго профессора, съ оставленiемъ на службѣ при университетѣ на пять лѣтъ, съ 31 марта сего года; исправляющiй должность ординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторiи, статскiй совѣтникъ *Ратлефъ* — въ настоящей должности; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ *Больцани* — ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ физики и физической географiи; исправляющiй должность директора Свенцянской гимназiи, надворный совѣтникъ *Пальчевскiй* — въ настоящей должности. Переведены на службу въ министерство народнаго просвѣщенiя: учитель 3-го рода 1-го кадетскаго корпуса, надворный совѣтникъ *Еленевъ* — съ причисленiемъ къ министерству и съ откомандированiемъ для занятiй въ редакцiонныя комис-

сін; счетный чиновникъ Казанской комиссіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, коллежскій секретарь *Муловъ* — чиновникомъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи; почетный смотритель Грайворонскаго уѣзнаго училища, оставной поручикъ *Зборомирскій* — къ такой-же должности въ Сумское уѣзное училище; писецъ Могилевской губернской посреднической комиссіи, коллежскій регистраторъ *Василевскій* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Чериковскаго уѣзда.

15 *юня*: дѣйствительный студентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Серебрянниковъ* опредѣленъ почетнымъ смотрителемъ Симферопольскаго уѣзнаго училища.

22 *юня*: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Погодинъ* и старшій бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, на дворный совѣтникъ *Мицловъ* — членами состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи, съ оставленіемъ при настоящихъ ихъ должностяхъ. Сверхштатный старшій учитель Харьковской 1-й гимназіи, магистръ *Потебня* — адъюнктомъ Императорскаго Харьковскаго университета по историко-филологическому факультету, съ увольненіемъ отъ должности учителя. Канцелярскій чиновникъ С. Петербургскаго губернскаго правленія, коллежскій секретарь *Лазаревскій* переведенъ на мѣсто чиновника состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи. Преподаватель Санскритскаго языка при восточномъ факультетѣ Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Коссовичъ* утвержденъ исполняющимъ должность экстраординарнаго профессора сего университета по кафедрѣ Санскритскаго языка.

ПРИЧИСЛЕННЫ КЪ МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ:

10 мая: исправляющій должность помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа, состоящій по арміи полковникъ *Веселого*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности. Бывшій студентъ упраздненнаго главнаго педагогическаго института, коллежскій секретарь *Рунцлеръ*, съ обязанностию дослужить въ министерствѣ опредѣленный за воспитаніе на счетъ правительства восьмилѣтній срокъ, если до того времени не получитъ другаго, указаннаго уставомъ института и дополнительными къ нему постановленіями, назначенія.

4 іюня: младшій чиновникъ II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, коллежскій ассесоръ *Слѣпцовъ*, съ оставленіемъ при занимаемой въ семъ отдѣленіи должности.

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

18 мая: изъ отставныхъ, титулярный совѣтникъ *Диттель*.

19 мая: бывшій директоръ училищъ Тверской губерніи, статскій совѣтникъ *Ржевскій*, съ 7 мая 1860 года.

9 іюня: отставной штабсъ-капитанъ *Безобразовъ*.

УВОЛЕНЫ ВЪ ОТПУСКЪ И КОМАНДИРОВАННЫ:

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ:

10 мая: уволенъ за границу съ ученою цѣлію старшій учитель Немировской гимназіи *Сорокинъ* — съ 22 іюля 1860 года, на двадцать восемь дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій. Уволены за границу: директоръ С. Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фишеръ* — на двадцать девять дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій. Инспекторъ казенныхъ училищъ С. Петербургскаго учебнаго округа, дѣй-

ствительный статский советник *Максимовичъ* и исправляющий должность директора училищъ Псковской губернии, статский советник *Яхонтовъ* — оба по болѣзни, на двадцать девять дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій. Цензоръ С. Петербургскаго ценсурнаго комитета, статский советник *Бекетовъ* — на двадцать восемь дней. Директоръ Бѣлостокской гимназiи, камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Величества, статский советникъ *Кулаковскiй* — по болѣзни, на два мѣсяца. Почетный попечитель Кiевскихъ гимназiй, титулярный советникъ графъ *Тышкевичъ* — по болѣзни, на четыре мѣсяца. Почетный смотритель Устьсысольскаго уѣзднаго училища, состоящiй въ званiи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, надворный советникъ князь *Волконскiй* — на восемь мѣсяцевъ. Почетный смотритель Московскаго 1-го уѣзднаго училища, титулярный советникъ *Куманикъ* и врачъ при пансионѣ второй С. Петербургской гимназiи *Барчъ* — оба на четыре мѣсяца. Старшiе учителя второй С. Петербургской гимназiи, коллежскiе советники *Эвальдъ* и *Радловъ*, младшiе учителя гимназiй: Ларинской — *Курколъ* и Поневѣжской — *Поръ* и учитель третьяго Дерптскаго начальнаго училища *Блюмбергъ* — всѣ пятеро на двадцать восемь дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій. Штатный смотритель С. Петербургскихъ училищъ, коллежскiй ассессоръ *Богдановъ* — по болѣзни, на два съ половиною мѣсяца. Младшiй учитель Немировской гимназiи *Орумъ* — по болѣзни, съ 22 iюля сего года, на двадцать восемь дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій. Канцелярскiй чиновникъ канцелярiи попечителя Виленскаго учебнаго округа, губернской секретарь *Андржейковичъ* — по болѣзни, на два мѣсяца.

19 мая: уволены въ отпускъ за границу: цензоръ Одесскаго ценсурнаго комитета, статский советникъ *Палоголъ* — на двадцать восемь дней. Старшiй учитель Ларинской гимназiи, коллежскiй ассессоръ *Сидонскiй* — по болѣзни, на двадцать восемь дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій. Причисленный къ

министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Константиновъ* — на шесть съ половиною мѣсяцевъ. Учитель С. Петербургскаго Никольскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Дубовъ* — по болѣзни, младшій учитель Самарской гимназiи *Матве* и учитель главнаго Нѣмецкаго училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Петра въ С. Петербургѣ, коллежскій ассессоръ *Шульце* — всѣ трое на лѣтнее вакаціонное время.

21 мая: командированы за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, надворный совѣтникъ *Лауровскій* — на полтора года; прикомандированный къ Императорскому Харьковскому университету, сверхштатный старшій учитель Харьковской гимназiи, кандидатъ *Морозовъ* — на два года.

25 мая: командированъ за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Коссовъ* — на полгода. Уволены въ отпускъ за границу: лаборантъ при химической лабораторiи Императорскаго С. Петербургскаго университета, титулярный совѣтникъ *Радловъ* и младшій учитель С. Петербургской Ларинской гимназiи *Вишневскій* — оба на двадцать восемь дней сверхъ лѣтнихъ вакацій; состоящій въ должности младшаго учителя Московской четвертой гимназiи *Савель* — по болѣзни, на двадцать восемь дней сверхъ лѣтнихъ вакацій.

4 юня: командированы съ ученою цѣлю за границу: штатный частный преподаватель Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассессоръ *Бетхеръ* — на полтора года, и младшій учитель первой Кіевской гимназiи *Рунневскій* — на полтора мѣсяца. Уволены въ отпускъ за границу: старшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Разумихинъ* — по болѣзни, на три мѣсяца; инспекторъ Митавской гимназiи, надворный совѣтникъ графъ *Рачинскій* и почетный попечитель Волынской гимназiи

Крашевскій — оба, по болѣзни, на четыре мѣсяца; старшій учитель Рижской гимназiи, коллежскій ассессоръ *Вернеръ* — на лѣтнее вакаціонное время; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенiя, титулярный совѣтникъ *Паткановъ* — на четыре мѣсяца.

4 *юня*: уволенъ въ отпускъ за границу: предсѣдатель комитета цензуры иностранной, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тютчевъ* — по болѣзни, на четыре мѣсяца.

19 *юня*: продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Медлеру* — на полтора мѣсяца и адъюнкту Императорскаго С. Петербургскаго университета, надворному совѣтнику *Сухомлинову* — по 1-е сентября сего года.

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ:

7 *мая*: командированъ съ ученою цѣлю: ординарный академикъ Императорской академiи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брандтъ* — въ южную Россiю на четыре мѣсяца. Уволены въ отпускъ: редакторъ литературныхъ обзорѣній для представленiя Его Императорскому Величеству при главномъ управленiи цензуры, статскій совѣтникъ *Щебальскій* и редакторъ журнала министерства народнаго просвѣщенiя, надворный совѣтникъ *Ушинскій* — оба на двадцать восемь дней; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенiя; титулярные совѣтники *Смирной* и *Миллеръ* — первый въ Калужскую и Тамбовскую губернiи на четыре мѣсяца, а послѣднiй въ Самарскую губернiю на три мѣсяца; столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенiя, коллежскій ассессоръ *Вошнинъ* — въ юго-западную Россiю, на 29 дней.

18 *мая*: уволенъ въ отпускъ: ординарный академикъ Императорской академiи наукъ, статскій совѣтникъ *Видеманъ* — въ Прибалтiйскiя губернiи, на двадцать восемь дней, сверхъ лѣтнихъ вакацiй.

1 *юня*: уволены въ отпускъ: почетный смотритель Задонскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Викунинъ* — въ Кіевъ, Бѣлгородъ и Харьковъ, на два мѣсяца; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій совѣтникъ *Буличъ* — въ Казанскую губернію, на два мѣсяца, и коллежскіе секретари: *Рунцлеръ* — въ городъ Гапсаль, на три мѣсяца, и *Оскерко* — въ Курляндскую и Минскую губерніи, на два мѣсяца.

9 *юня*: уволены въ отпускъ: начальникъ отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Глаголевъ* — по болѣзни, въ Тульскую и Тамбовскую губерніи, на 29 дней; чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Смирновъ* — въ Ярославскую губернію, съ 1 *юня* по 1 сентября сего года; помощникъ бухгалтера и контролера департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Лего* — въ Виленскую губернію, на 29 дней.

15 *юня*: уволены въ отпускъ: столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Бутузевъ* — въ Новгородскую губернію, на 29 дней; старшій секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Полонскій* — въ Московскую и Смоленскую губерніи, на 29 дней; помощникъ бухгалтера и контролера департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Сергѣевъ* — по болѣзни, въ Эстляндскую и Лифляндскую губерніи, на четыре мѣсяца.

22 *юня*: уволены въ отпускъ: канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Сочеллевъ* — въ С. Петербургскую губернію на 29 дней и канцелярскій чиновникъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь *Кузаккинъ* — въ Воронежскую губернію на 29 дней.

ПРОИЗВЕДЕННЫ ВЪ ЧИНЫ:

ОПРЕДЪЛЕНІЯМИ ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ПРОИЗВЕДЕННЫ ЗА ВЫСЛУГУ ЛѢТЬ СО СТАРШИНСТВОМЪ:

1) Отъ 11 февраля 1860 года: Въ *коллежскіе секретари*: канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь Николай *Петровскій*, съ 9 декабря 1859 года. Въ *губернскіе секретари*: канцелярскій чиновникъ того-же департамента, коллежскій регистраторъ Александръ *Пановъ*, съ 7 декабря 1859 года.

2) Отъ 24 марта 1860 года: Въ *статскіе совѣтники*: коллежскіе совѣтники: директоръ Виленскаго дворянскаго института, Матвѣй *Падренъ-де-Карне*, съ 14 ноября; директоръ третьей С. Петербургской гимназій, Вильгельмъ *Лемониусъ*, съ 19 января; исправляющій должность директора училищъ Гродненской губерніи, Владиміръ *Тапперъ*, съ 17 іюля; чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, Петръ *Марченко*, съ 7 декабря; ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго — Арнольдъ *Христиани*, со 2 ноября 1859 года; Казанскаго — Алексѣй *Соколовскій*, съ 28 января, и бывшій ординарный профессоръ сего-же университета, а нынѣ причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, Николай *Буличъ*, съ 4 января 1860 года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, Николай *Лясковскій*, съ 1 декабря, и адъюнктъ Императорскаго С. Петербургскаго университета, Лазарь *Будаговъ*, съ 24 марта 1859 года. Въ *коллежскіе совѣтники*: надворные совѣтники: бывшій начальникъ отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, Михаилъ *Пещуровъ*, съ 1 декабря 1859 года; директоры гимназій: Новгородсѣверской — Леонтій *Кулжинскій*, съ 19 января 1860 года; Пинской — Константинъ *Ганъ*, съ 19 августа; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казан-

скаго университета, Осипъ *Большани*, съ 11 ноября; исправляющіе должности экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра — Василій *Незабитовскій*, съ 16 августа, и Харьковскаго — Иванъ *Сокальскій*, съ 30 октября; адъюнкты Императорскаго С. Петербургскаго университета, Михаилъ *Сухомлиновъ*, съ 6 марта, и исправляющій должность адъюнкта сего-же университета, Михаилъ *Навроцкій*, съ 21 августа 1859 года. Въ *надворные совѣтники*: коллежскіе ассессоры: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Оршинскаго — князь Владиславъ *Любомирскій*, съ 28 іюля, Верейскаго — Иванъ *Винокуровъ*, съ 20 сентября, и Корочинскаго — Михаилъ *Гоминъ*, съ 13 сентября; экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, Иванъ *Андреевскій*, съ 10 ноября; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, Степанъ *Ешевскій*, съ 10 ноября 1859 года, и адъюнкты Императорскаго Казанскаго университета, Иванъ *Зедерштедтъ*, съ 21 ноября 1857 года. Въ *коллежскіе ассессоры*: титулярные совѣтники: департамента народнаго просвѣщенія столоначальникъ Василій *Бутузовъ*, исправляющій должность столоначальника Павелъ *Березинъ* и бывшій старшій помощникъ столоначальника, а нынѣ помощникъ секретаря канцеляріи главнаго управленія цензуры, Александръ *Раздольевъ*, съ 9 декабря; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, Петръ *Камистъ*, съ 16 ноября; почетный смотритель Чебоксарскаго уѣзднаго училища, Иванъ *Котеловъ*, съ 10 октября 1859 года, и исправляющій должность адъюнкта Императорскаго С. Петербургскаго университета, Константинъ *Галстунскій*, съ 9 декабря 1856 года. Въ *титулярные совѣтники*: коллежскіе секретаря: почетные смотрителя уѣздныхъ училищъ: Ораніенбаумскаго — Владиміръ *Струбинскій*, съ 11 августа 1859 года; Спасскаго (Казанской губерніи) — Дмитрій *Колбецкій*, съ 14 марта;

Мамадышскаго — Николай *Дмитріевъ*, съ 16 декабря 1858 года; Нижнеомовскаго — Сергій *Городецкій*, съ 24 августа, Фатежскаго — Николай *Штолинъ*, съ 21 января; Щигровскаго — Николай *Демисевъ*, съ 3 октября 1859 года; Лядскаго — графъ *Адамъ фонъ-Гуттенъ-Чапскій*, съ 4 июня 1857 года; Екатеринославскаго — Георгій *Алексеевъ*, съ 25 апрѣля; исправляющій должность профессора Демидовскаго лицея, Александръ *Чебышевъ-Дмитріевъ*, съ 15 октября 1859 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, Сергій *Кокоскинъ*, съ 29 января 1860 года. Въ коллежскіе секретари: губернскіе секретари: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Витебскаго — Дмитрій *Цекертъ*, съ 27 марта; Оеодосійскаго — Христофоръ *Лоренцовъ*, съ 24 июня 1859 года; Льговскаго — Михаилъ *Машкинъ*, съ 22 декабря 1847 года; Рыльскаго — Михаилъ *Суходоловъ*, съ 30 мая 1859 года, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, Эдуардъ *Быковскій*, съ 19 января 1860 года. Въ губернскіе секретари: коллежскіе регистраторы: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Бобринецкаго — Константинъ *Шулевичъ*, съ 23 сентября 1853 года; Орѣховскаго — Александръ *Маркъ*, съ 19 июня; Кологривскаго — Алексѣй *Шановъ*, съ 14 юля 1857 г., и Крапивненскаго — Владиміръ *Шлиппе*, съ 6 сентября 1858 года. Въ коллежскіе регистраторы: домашній учитель въ домѣ посланника и полномочнаго министра при Прусскомъ дворѣ, тайнаго совѣтника барона Будберга, Николай *Генненбергъ*, съ 28 февраля 1854 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ОТЪ 24 МАРТА 1860 ГОДА

Адъюнктъ Императорскаго университета св. Владимира, Николай *Ренненкампфъ*, Александръ *Романовичъ-Славянскій* и Григорій *Цѣхановецкій* утверждаются въ чинѣ коллежскаго ассессора, по настоящимъ ихъ должностямъ, со

старшинствомъ: первый — съ 24 октября, второй — съ 18 и послѣдній — съ 26 ноября 1859 года.

Указомъ правительствующаго сената отъ 12 апрѣля 1860 года
№ 78.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины Иванъ *фонъ-Гольствъ* утвержденъ, по настоящей должности, въ чинѣ надворнаго совѣтника со старшинствомъ съ 17 юля 1859 года.

Опредѣленіемъ департамента герольди правительствующаго сената отъ 28 мая сего года произведенъ за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ:

Въ *губернскіе секретари*: канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Павелъ *Косинскій*, съ 20 марта 1860 года.

УВОЛЕНЫ ОТЪ СЛУЖБЫ И ОТЪ ДОЛЖНОСТИ:

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

7 мая: уволены отъ службы по прошеніямъ: цензоръ Московскаго ценсурнаго комитета, статскій совѣтникъ *Драшусовъ* — съ мундиромъ, должности присвоеннымъ; директоръ училищъ Тверской губерніи, статскій совѣтникъ *Ржевскій*; почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Золотопольскаго дворянскаго — надворный совѣтникъ *Бороздинъ*, Тульскаго — коллежскій ассессоръ *Деметьевъ* и Вятскаго — надворный совѣтникъ *Коршунковъ*, изъ нихъ первые двое съ мундирами, должности ихъ присвоенными.

18 мая: уволены отъ службы по прошеніямъ: директоръ училищъ Тамбовской губерніи, статскій совѣтникъ *Бернгардтъ* — по болѣзни, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ; секретарь Одесскаго ценсурнаго комитета, надворный

совѣтникъ *Карейша*, и почетный смотритель Сорокского уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Михайль Аснашевъ*.

1 июня: уволенъ по прошенію: Сумскій городской врачъ, коллежскій ассессоръ *Чугуевецъ* — отъ должности врача при Сумскомъ уѣздномъ училищѣ; уволены отъ службы по прошеніямъ: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія по дѣламъ Варшавскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Елагинъ*. Инспекторъ казенныхъ училищъ Одесскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Ляликовъ* — по болѣзни, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ; почетные смотрители училищъ: Чериковскаго уѣзда — титулярный совѣтникъ *Бенкендорфъ* и Кіевскаго уѣзда — коллежскій секретарь *Ячевскій*; губернскіе секретари, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Бугульминскаго — *Алашеевъ* и Малоархангельскаго — *Плохово*.

9 июня: уволены отъ службы по прошеніямъ: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Бѣльскаго — коллежскій ассессоръ *Касперскій*, титулярные совѣтники: Полтавскаго — *Старовъ*, Хорольскаго — *Стефановичъ*, Тарусскаго — *Татарниковъ* и Медынскаго — коллежскій секретарь *Микулинъ*.

15 июня: почетный смотритель Кинешемскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Ошанинъ* — уволенъ отъ настоящей должности, по случаю избранія его дворянствомъ Владимірской губерніи въ званіе Шуйскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Почетный смотритель Перекопскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Кованько* — съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

22 июня: почетный смотритель Тимскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Рыжковъ* — отъ службы, по прошенію.

НАГРАЖДЕННЫ.

1 января. Высочайшими грамотами за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ по-

жалованы: дѣйствительный статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета мирза Александръ *Казембекъ* — орденомъ святыя Анны первой степени Императорскою короною украшеннымъ; тайный совѣтникъ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа, Николай *Цирковъ* — орденомъ святыя Анны первой степени; дѣйствительный статскій совѣтникъ, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, Адольфъ *Кунферъ* — орденомъ святаго Станислава первой степени. Высочайшимъ указомъ капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, пожалованы дѣйствительные статскіе совѣтники: председатель комитета цензуры иностранной, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества Теодоръ *Тютчевъ*, ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета Иванъ *Горловъ* и экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ Дмитрій *Перевощиковъ* — орденами святаго равноапостольнаго князя Владиміра третьей степени.

17 *апрѣля*. Высочайшимъ указомъ капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, исправляющій должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Матвѣй *Мотилнскій* — пожалованъ орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра третьей степени.

24 *марта*. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра пароднаго просвѣщенія, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать: профессору Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ваннеру*, за поднесенный Его Величеству экземпляръ составленной имъ геогностической карты Казанской губерніи, подарокъ *въ пятьсотъ рублей*, и профессору Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскому совѣтнику *Мушлинскому*, за поднесенный Его Величеству экземпляръ изданной имъ Османской христоматіи «Мунтахабатъ», подарокъ *въ четыреста рублей* изъ кабинета Его Величества.

ОБЪЯВЛЕНА ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
БЛАГОДАРНОСТЬ

Высочайшимъ приказомъ 4 *юня*: почетному гражданину *Горбову* — за пожертвованіе 1000 р. на устройство въ г. Орлѣ женскаго училища; *Самарскому городскому обществу* — за пожертвованіе 2000 рублей на содержаніе двухъ воспитанницъ въ Самарскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда; чиновникамъ и преподавателямъ гимназій и уѣздныхъ училищъ Костромской дирекціи — за пожертвованіе по полупроценту изъ получаемаго ими жалованья, на содержаніе одной воспитанницы въ Костромскомъ губернскомъ женскомъ училищѣ.

ОБЪЯВЛЕНА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

7 *мая*: почетному попечителю Рязанской гимназій, дѣйствительному статскому совѣтнику *Рюмину* — за пожертвованіе имъ 1000 р. на покупку книгъ для библіотеки, машинъ и моделей для физическаго и зоологическаго кабинетовъ поманутой гимназій.

9 *юня*: статскому совѣтнику *Шипову*, полковнику *Шипову*, потомственнымъ почетнымъ гражданамъ двумъ братьямъ *Мамонтовымъ* и г. *Якуничикову* — за пожертвованіе каждымъ изъ нихъ по 500 рублей на устройство въ г. Орлѣ женскаго училища.

16 *юня*: бывшему почетному смотрителю Кинешемскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Ошанину* — за отлично усердную и ревностную службу.

ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗЪ СПИСКОВЪ УМЕРШІЕ:

18 *мая*: заслуженный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эверсманъ*; почетный попечитель Новочеркасской гимназій, отставной подполковникъ *Ефремовъ* и почетный смотритель Наровчатскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Леконтъевъ*.

22 іюня: директоръ Бѣлостокской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, статскій совѣтникъ *Кулаковскій*.

О КНИГАХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Thesaurus of English and Hindoustani technical terms, капитана *Раверти*.

Капитанъ Раверти, авторъ словаря Афганскихъ нарѣчій, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Thesaurus of English and Hindoustani technical terms». Учебныя заведенія, которыя пожелаю-бы имѣть эту книгу, стоящую 6 шиллинговъ, могутъ обратиться къ сестрѣ г-на Раверти, г-жѣ Гамильтонъ или непосредственно, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ и книгопродавцевъ. Адресъ г-жи Гамильтонъ: 1 Peurose Terrace, Penzance, Cornwall. England.

Букварь, изданный по распоряженію святѣйшаго синода.

Г. министръ народнаго просвѣщенія, согласно заключенію ученаго комитета главнаго правленія училищъ, признавая изданный по распоряженію святѣйшаго синода букварь для обученія юношества церковному и гражданскому чтенію очень полезнымъ для сельскихъ училищъ, — гдѣ обученіе чтенію лежитъ исключительно на священникахъ, такъ какъ по этому букварю, — заключающему въ себѣ главныя положенія и изъ Катихизиса, учащіеся могутъ обучаться грамотѣ и закону Божію, — разрѣшаетъ выписывать сей букварь, обращаясь съ требованіемъ о семъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

[REDACTED]

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

28. (16 іюля и 6 сентября). *О возобновленіи преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній.*

По всеподданнѣйшимъ докладамъ министра народнаго просвѣщенія Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на возобновленіе преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской.

29. (23 августа). *О мѣрахъ къ сокращенію переписки.*

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, относительно министерства народнаго просвѣщенія, постановлено:

1) Предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, не испрашивая разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія: въ случаѣ временнаго порученія вакантныхъ учительскихъ должностей въ гимназіяхъ и училищахъ другимъ преподавателямъ, назначать производство за сей трудъ добавочнаго жалованья, изъ опредѣленныхъ на то суммъ и не свыше присвоеннаго должности оклада.

II) При смѣщеніи казенныхъ студентовъ, не оказавшихъ достаточныхъ успѣховъ въ два полугодичные курса, на собственное содержаніе, руководствоваться тѣмъ-же порядкомъ, какой установленъ для принятія въ число казенныхъ студентовъ, т.-е. не представляя о томъ на утвержденіе министра, допускать таковое смѣщеніе казенныхъ студентовъ на собственное содержаніе, какъ прямое исполненіе закона, основанное на результатахъ испытанія, по опредѣленію совѣта университета и съ разрѣшенія попечителя округа.

III) Соединеніе, на основаніи закона, должностей комнатныхъ надзирателей, въ случаѣ надобности: въ лицахъ Демидовскомъ и князя Безбородко съ должностями лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, а при гимназіяхъ вообще съ учительскими, съ производствомъ жалованья по обѣимъ должностямъ, предоставить непосредственному усмотрѣнію попечителей учебныхъ округовъ.

IV) Въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ по штатамъ или распоряженіямъ министерства дозволено производить чиновникамъ квартирныя деньги, предоставить назначеніе таковыхъ денегъ непосредственному разрѣшенію попечителей учебныхъ округовъ.

V) Предоставленное уже попечителямъ прочихъ учебныхъ округовъ, кромѣ Кіевскаго, право употребленія, безъ разрѣшенія министерства, остатковъ штатныхъ суммъ по управленію округомъ, отъ одной статьи на другую, а равно и на такіе предметы, которые не означены въ штатѣ, но въ коихъ откроется необходимая надобность, распространить и на попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

VI) Отмѣнить доставленіе въ департаментъ народнаго просвѣщенія, отъ подвѣдомственныхъ мѣстъ, нынѣ представляемыхъ ими ежемѣсячныхъ вѣдомостей о приходѣ и расходѣ суммъ; а вмѣсто сего: означеннымъ мѣстамъ представлять въ департаментъ ежемѣсячныя вѣдомости о свидѣтельствѣ дене-

жной казны, независимо отъ представленія вѣдомостей въ казенныя палаты.

VII) Назначеніе изъ экономическихъ суммъ денежныхъ прибавокъ нижнимъ служителямъ предоставить непосредственно попечителямъ учебныхъ округовъ; такъ какъ закономъ опредѣлены на это положительныя правила, а кромѣ-того назначеніе таковыхъ прибавокъ повѣряется при ревизіи денежныхъ отчетовъ контрольнымъ порядкомъ.

30. (6 сентября). *О приготовленіи кандидатовъ-педагоговъ для Варшавскаго учебнаго округа.*

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволяя: приготовленіе кандидатовъ-педагоговъ для Варшавскаго учебнаго округа допустить не только въ С. Петербургѣ, какъ предназначено въ положеніи о педагогическихъ курсахъ, но и въ Москвѣ; по уваженію-же недостатка въ настоящее время кандидатовъ для замѣщенія учительскихъ вакансій, поступленіе находящихся въ университетахъ педагогическихъ стипендіатовъ Царства въ педагогическіе курсы отложить на два года, въ теченіе которыхъ стипендіатовъ сихъ отправлять въ округъ для опредѣленія на службу, немедленно по окончаніи ими университетскаго курса.

31. (6 сентября). *О наименованіи учрежденнаго въ селѣ Икское-Устье приходскаго училища, Николаевскимъ.*

Уроженецъ Вятской губерніи, Елабужскаго уѣзда, села Икское-Устье, бывшій государственный крестьянинъ, нынѣ Елабужскій 3-й гильдіи купецъ Евстафій *Емельяновъ*, учредивъ на своемъ иждивеніи въ означенномъ селѣ приходское училище и пожертвовавъ капиталъ на содержаніе сего заведенія, выразилъ желаніе, чтобы училище именовалось Николаевскимъ, въ честь Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Государь Императоръ , по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія , Высочайше на сіе соизволилъ .

32. (22 сентября). *О пополненіи цензурнаго устава.*

Вслѣдствіе опредѣленія главнаго управленія цензуры , предсѣдатель сего управленія имѣлъ счастье поднести на Высочайшее Его Императорскаго Величества утверженіе протоколъ засѣданія главнаго управленія цензуры , въ которомъ изъяснено слѣдующее :

Въ цензурномъ уставѣ не заключается правилъ о предупрежденіи вреда, могущаго произойти отъ распространенія въ періодическихъ изданіяхъ ложныхъ извѣстій и слуховъ , или появленія статей оскорбительныхъ для правительственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ , посредствомъ немедленнаго опроверженія или разъясненія въ печати такихъ извѣстій , слуховъ и статей , въ тѣхъ самыхъ изданіяхъ , въ которыхъ они появились . Вслѣдствіе того главное управленіе цензуры не имѣетъ возможности удовлетворять поступающимъ въ оное по этому предмету просьбамъ и жалобамъ , хотя онѣ нерѣдко и оказываются заслуживающими уваженія .

Признавая справедливымъ и необходимымъ предоставить каждому мѣсту и лицу способъ къ немедленному возстановленію истины, нарушенной въ отношеніи къ нему неосновательнымъ извѣстіемъ и слухомъ , или оскорбительною статьею , появляющимися въ печати , главное управленіе цензуры опредѣлило : испросить чрезъ своего предсѣдателя , Высочайшее Государя Императора повелѣніе , о пополненіи въ этомъ отношеніи цензурнаго устава слѣдующимъ постановленіемъ :

1) Издателямъ и редакторамъ журналовъ и газетъ вмѣняется въ обязанность печатать бесплатно въ своихъ изданіяхъ , опроверженія на появившіяся въ нихъ неосновательныя извѣстія и слухи или возраженія на статьи , оскорбительныя для какого-либо мѣста или лица , какъ скоро такія

опроверженія и возраженія доставлены будутъ мѣстами или лицами, упоминаемыми въ означенныхъ извѣстіяхъ, слухахъ и статьяхъ.

2) Обязанность эта распространяется только на опроверженія и возраженія, имѣющія цѣлью возстановленіе истины посредствомъ поясненія или опроверженія невѣрно переданныхъ или умышленно искаженныхъ извѣстій или фактовъ, но отнюдь не относится къ возраженіямъ на критическіе разборы ученыхъ и литературныхъ мнѣній или сочиненій.

3) Доставляемые издателямъ и редакторамъ опроверженія и возраженія должны быть печатаемы въ томъ самомъ отдѣлѣ періодическаго изданія, въ которомъ появились опровергаемое извѣстіе или поясняемая статья, и притомъ въ теченіе трехъ дней по полученіи и одобреніи оныхъ цензурою, или въ ближайшемъ номерѣ, если таковой не выйдетъ до истеченія трехъ дней.

4) Недоразумѣнія, могущія возникнуть между издателями и редакторами, съ одной стороны, и лицами и мѣстами, требующими возстановленія истины, съ другой, относительно содержанія и объема представляемыхъ ими послѣдними опроверженій или возраженій, разрѣшаются комитетомъ, въ которомъ цензируется подлежащее періодическое изданіе, и который, по разсмотрѣніи опроверженія или возраженія, опредѣляетъ: обязательно или нѣтъ помѣщеніе онаго въ томъ изданіи, по точному смыслу 2-й статьи настоящаго постановленія. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія, ближайшій къ выходу номеръ изданія не можетъ быть выпущенъ изъ типографіи безъ помѣщенія въ немъ признанной обязательною статьи. Недовольные рѣшеніемъ цензурнаго комитета могутъ обращаться съ жалобою, на основаніи статьи 164 устава о цензурѣ, въ главное управленіе цензуры.

На подлинномъ протоколѣ Государь Императоръ, въ 22 день сентября сего года, соизволилъ положить Высочайшую резолюцію: *«Исполнить»*.

33. (21 сентября) *О новомъ штатѣ приходскихъ училищъ въ войскѣ донскомъ.*

Военный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе управления иррегулярныхъ войскъ, по ходатайству наказнаго атамана войска донскаго, объ увеличеніи окладовъ жалованья чинамъ приходскихъ училищъ войска донскаго и суммы на содержаніе домовъ, училищами занимаемыхъ, до размѣровъ, опредѣленныхъ для первоначальныхъ училищъ дирекціи земли войска черноморскаго, по Высочайше утвержденнымъ, 6 декабря 1859 года, штатамъ, согласно съ мнѣніемъ наказнаго атамана и министра народнаго просвѣщенія, положилъ:

1) Представленный управленіемъ проектъ штата означенныхъ учебныхъ заведеній утвердить, съ тѣмъ, чтобы потребные по этому штату расходы въ количествѣ 15,850 руб. сер. были распределены, согласно представленію генераль-адъютанта Хомутова, слѣдующимъ образомъ: а) 750 руб., исчисленные на содержаніе Калмыцкаго училища, отпускать изъ процентовъ, на капиталъ, принадлежащій Калмыцкимъ сотнямъ, и б) остальные за тѣмъ 15,100 руб. отнести: двѣ трети, т. е. 10,066 руб. 66 коп. на общія войсковыя суммы войска донскаго, а остальную треть 5,033 руб. 33 коп., въ томъ числѣ 100 руб. изъ экономическаго училищнаго капитала и 200 руб. жертвуемые урядникомъ Черниковымъ, на станичныя доходы тѣхъ станицъ, въ которыхъ находятся въ настоящее время приходскія училища.

2) Расходы, предназначаемые на станичныя суммы, производить не иначе, какъ съ согласія станичныхъ обществъ.

3) Въ случаѣ несогласія какого либо общества принять на себя причитающуюся на его долю одну треть изъ суммы, на содержаніе приходскаго училища назначенной, предоставить наказному атаману право на переводъ училища, по своему усмотрѣнію, въ другую станицу, общество которой изъявитъ же-

ланіе отпускать изъ своихъ доходовъ потребную на содержаніе училища сумму.

4) Открываемымъ въ войскѣ донскомъ по распоряженію наказнаго атамана, новымъ приходскимъ училищамъ отпускать содержаніе, назначенное по прилагаемому штату, съ отнесеніемъ двухъ третей всего расхода, на училище потребнаго, на войсковыя суммы, а одной трети на суммы той станицы, въ которой, съ согласія общества, будетъ открыто училище, не испрашивая на этотъ предметъ, каждый разъ, особаго разрѣшенія.

Такое положеніе военнаго совѣта, въ 9 день сентября сего года, Высочайше утверждено.

ПРОЕКТЪ ШТАТА

28-ми приходскихъ училищъ въ войскѣ донскомъ.

На подлинномъ написано: «*Высочайше утверждено.*»

Подписалъ: за болѣзнію военнаго министра, свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Лихачевъ.*

	Число чи- новъ.	Оклады въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
<i>Новочеркаская.</i>					
Учитель наукъ.....	2	250	—	500	—
Законоучитель.....	1	—	—	100	—
На содержаніе дома.....	—	—	—	200	—
Итого...	3	—	—	800	—
<i>Мечетинская.</i>					
Учитель наукъ.....	1	—	—	250	—
Законоучитель.....	1	—	—	100	—
На содержаніе дома.....	—	—	—	200	—
Итого...	2	—	—	550	—

	Число числ.	Оклады въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Прочихъ 25-ти приходск. училищъ.					
Учителей наукъ.....	25	250	—	6,250	—
Законоучителей.....	25	100	—	2,500	—
На содержаніе 25-ти домовъ.....	—	200	—	5,000	—
Итого...	50	—	—	13,750	—
<i>Калмыцкаго.</i>					
Учитель наукъ и русскаго языка..	1	—	—	250	—
Учитель калмыцкаго языка и вѣры.	1	—	—	100	—
Помощникъ учителя русскаго и калмыцкаго языковъ.....	1	—	—	100	—
На наемъ дома.....	—	—	—	100	—
На содержаніе дома.....	—	—	—	200	—
Итого...	3	—	—	750	—
А всего...	58	—	—	15,850	—

римъ пчанія: 1) Въ счетъ слѣдующей по сему штату для Новочеркасскаго, Мечетинскаго и прочихъ 25-ти приходскихъ училищъ суммы, 15,100 р. отпускается а) двѣ трети этой суммы 10.066 р. 67 коп. изъ общихъ войсковыхъ казенныхъ суммъ, а остальная треть 5,033 р. 33 к. (въ томъ числѣ 100 руб. экономического капитала и 200 руб., жертвуемые урядникомъ Черниковымъ) изъ станичныхъ доходовъ тѣхъ станицъ, въ которыхъ находятся приходскія училища; на содержаніе же Калмыцкаго приходскаго училища 750 руб. отпускаются изъ процентовъ на капиталъ, принадлежащій Калмыцкимъ сотнямъ.

2) Расходъ, предназначаемый по сему штату на доходы станицъ, производится не иначе, какъ съ согласія станичныхъ обществъ. Но если-бы какое либо общество не согласилось принять на себя этотъ расходъ, тогда приходское училище переводится, распоряженіемъ наказнаго атамана, въ другую станицу, общество которой изъявитъ желаніе отпустить изъ своихъ доходовъ потребную на содержаніе училища сумму.

и 3) Имѣющія, по усмотрѣнію войсковаго наказнаго атамана, открываться въ войскѣ донскомъ вновь приходскія училища, должны получать свое содержаніе, назначенное по сему штату для каждаго приходскаго училища: двѣ трети изъ войсковыхъ суммъ, а одну треть изъ суммъ той станицы, въ которой, съ согласія общества, будетъ открыто училище, не испрашивая на этотъ предметъ особаго каждаго разъ разрѣшенія.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

23. (7 сентября) *О введеніи въ университетъ св. Владиміра обязательнаго преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ по разрядамъ наукъ математическихъ и естественныхъ.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра обязательное преподаваніе химіи органической и анатомической для студентовъ разряда наукъ математическихъ, а также анатоміи и фізіологіи для студентовъ разряда наукъ естественныхъ.

Введеніе обязательнаго преподаванія двухъ послѣднихъ предметовъ министръ призналъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что нѣкоторые изъ студентовъ разряда наукъ естественныхъ, поступая, по окончаніи курса въ университетѣ, на должности учителей естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ, обязаны преподавать въ высшихъ классахъ оныхъ анатомію и фізіологію.

24. (7 сентября) *Объ открытіи землемѣро-таксаторскихъ классовъ при Каменецъ-Подольской гимназіи.*

Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 28 октября 1859 года объ учрежденіи въ губернскихъ городахъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ, министръ народнаго просвѣщенія согласно отношенію управляющаго межевымъ корпусомъ, предложилъ помощнику попечителя Кіевскаго учебнаго округа

открыть, въ текущемъ академическомъ году, землемѣро-таксаторскіе классы, сверхъ назначенныхъ для того городовъ, еще при Каменецъ-Подольской губернской гимназій.

25. (7 сентября) *Объ опредѣленіи правъ почетнаго попечителя Кіевскихъ гимназій.*

Вслѣдствіе ходатайства дворянства Кіевской губерніи, впредь до введенія въ управленіи учебною частію необходимыхъ преобразованій, министръ народнаго просвѣщенія нашелъ возможнымъ: 1) допустить участіе почетнаго попечителя Кіевскихъ гимназій въ совѣщаніяхъ попечительскаго совѣта, съ правомъ голоса, по дѣламъ, относящимся до состоящихъ подъ его попечительствомъ учебныхъ заведеній, такъ какъ это право предоставлено почетнымъ попечителямъ § 227 училищнаго устава и 2) предоставить предводителямъ дворянства избирать воспитанниковъ для помѣщенія въ пансіоны, на суммы дворянства, по соглашенію съ почетнымъ попечителемъ.

26. (8 сентября) *Объ опредѣленіи третьяго помощника библіотекаря при Казанскомъ университетѣ.*

Вслѣдствіе представленія исправляющаго должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, и основываясь на 1-мъ примѣчаніи къ Высочайше утвержденнымъ 26 іюля 1835 г. штатамъ университетовъ, министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на опредѣленіе при библіотекѣ Казанскаго университета, сверхъ двухъ нынѣ имѣющихся, еще одного помощника библіотекаря, съ производствомъ ему жалованья изъ государственнаго казначейства по 285 р. 92 к. въ годъ.

27. (16 сентября) *О поясненіи § 7 положенія о попечительскихъ совѣтахъ.*

На основаніи § 7 Высочайше утвержденнаго въ 20 день марта сего года положенія о совѣтахъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ, для производства дѣлъ въ попечительскомъ

совѣтъ положенъ секретарь, съ производствомъ ему содержанія до 400 р. с. въ годъ *изъ общихъ остатковъ суммъ по округамъ.*

Въ разрѣшеніе возникшаго нынѣ вопроса: изъ остатковъ какихъ именно суммъ округа слѣдуетъ производить расходъ на содержаніе секретаря попечительскаго совѣта,—министръ народнаго просвѣщенія изъяснилъ, что должность секретаря при попечительскихъ совѣтахъ признана необходимою вслѣдствіе распространенія состава и круга дѣйствія попечительскихъ совѣтовъ, по случаю учрежденія въ учебныхъ округахъ *педагогическихъ курсовъ* для приготовленія преподавателей и воспитателей въ *среднія учебныя заведенія* министерства народнаго просвѣщенія.

Посему, и принимая въ основаніе, что по пунктамъ 29 и 32-му приложенія къ ст. 18 счетн. уст. министерства народнаго просвѣщенія, по VIII т. св. з. (изд. 1857 г.) экономическія суммы учебныхъ заведеній должны употребляться на пользу сихъ-же заведеній, министръ разрѣшилъ содержаніе секретаря попечительскаго совѣта относить на экономическія суммы гимназій, по равной части изъ cadaго заведенія.

28. (21 сентября) *О предоставленіи зданій, принадлежащихъ министерству народнаго просвѣщенія, въ распоряженіе воскресныхъ школъ.*

Принимая во вниманіе быстрое и все болѣе и болѣе умножающееся число учащихся въ воскресныхъ школахъ столицы, министръ народнаго просвѣщенія нашелъ необходимымъ, въ видахъ содѣйствія этому общественному дѣлу, предоставить для помѣщенія воскресныхъ школъ, кромѣ тѣхъ зданій, которыя уже занимаются ими, и всѣ остальные зданія, принадлежащія какъ гимназіямъ, такъ и уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ.

Сообщивъ объ этомъ попечителю С. Петербургскаго учебнаго округа для надлежащаго съ его стороны распоряженія,

г. министр присовокупилъ, что лицамъ, желающимъ получить разрѣшеніе на помѣщеніе воскресныхъ школъ въ одномъ изъ свободныхъ училищныхъ зданій, предоставляется обращаться съ просьбою о томъ къ начальству С. Петербургскаго учебнаго округа.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ ЛИЧНОМЪ СОСТАВѢ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ЧИНЫ И НАГРАДЫ.

ОПРЕДѢЛЕНЫ, НАЗНАЧЕНЫ, ПЕРЕВЕДЕНЫ И УТВЕРЖДЕНЫ.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ:

10 сентября: приватъ-доцентъ Прагскаго университета, иностранный докторъ медицины *Лямбль* опредѣленъ въ Императорскій Харьковскій университетъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ физиологической анатоміи. Докторъ медицины *Юнге* — въ Императорскій Московскій университетъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора для самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ кафедры хирургіи, преподаванія теоретической офтальміатріи и для практическихъ занятій глазами болѣзнями съ студентами.

24 сентября: потомственный почетный гражданинъ, сынъ коммерціи совѣтника, Александръ *Петровъ* — почетнымъ смотрителемъ Сарапульскаго уѣзднаго училища.

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

2 сентября: кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Рачинскій* опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта того-же университета, по кафедрѣ физики и физической географіи. Назначены: столоначальникъ IV отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассес-

сорь *Маевскій* — начальникомъ того-же отдѣленія (1 сентября 1860 года). Старшій учитель Московской третьей реальной гимназiи, магистръ *Иловайскій* — адъюнктомъ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторiи. Старшій помощникъ столоначальника канцелярiи департамента народнаго просвѣщенiя, коллежскій секретарь *Ивановъ* — столоначальникомъ той-же канцелярiи. Начальникъ IV отдѣленiя департамента народнаго просвѣщенiя, коллежскій совѣтникъ *Галанинъ* переведенъ начальникомъ II отдѣленiя того-же департамента (1 сентября 1860 года).

7 сентября: оставшійся за штатомъ по случаю упраздненiя главнаго педагогическаго института, бывшій секретарь правленiя сего института, коллежскій секретарь *Яковлевъ* опредѣленъ столоначальникомъ IV отдѣленiя департамента народнаго просвѣщенiя (1 сентября 1860 года). Назначены: членомъ ученаго комитета главнаго правленiя училищъ по естественнымъ наукамъ — доцентъ по кафедрѣ химiи Императорскаго С. Петербургскаго университета, докторъ химiи и физики, коллежскій ассессоръ *Соколовъ*, на три года. Лаборантъ при фармацевтической лабораторiи Императорскаго Харьковскаго университета, магистръ химiи, титулярный совѣтникъ *Тихоновичъ* — адъюнктомъ при медицинскомъ факультетѣ сего университета, для преподаванiя физики и химiи, съ увольненiемъ отъ настоящей должности. Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, деканъ физико-математическаго факультета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щуровскій* утвержденъ въ званiи заслуженнаго профессора, съ оставленiемъ на службѣ при университетѣ на пять лѣтъ, съ 31 марта 1860 года. Переведены: директоръ Немировской гимназiи, коллежскій совѣтникъ *Пристюкъ* — директоромъ училищъ Волынской губернiи. Канцелярскій чиновникъ Олонецкой казенной палаты, коллежскій регистраторъ *Гавриловъ* — канцелярскимъ чиновникомъ департамента народнаго просвѣщенiя (1 сентября 1860 года).

21 сентября: определены: изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гафнеръ* — директоромъ учреждаемой въ Ригѣ городской реальной гимназіи. Горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ, титулярный совѣтникъ *Измайловъ* — почетнымъ смотрителемъ Киренскаго уѣзднаго училища, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Отставной губернской секретарь *Тевляшевъ* — почетнымъ смотрителемъ Богучарскаго уѣзднаго училища, съ прежнимъ чиномъ коллежскаго регистратора. Назначены: секретарь канцеляріи главнаго управленія цензуры, коллежскій ассессоръ *Брадкѣ* — старшимъ секретаремъ сей канцеляріи. Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Каннистъ* — секретаремъ канцеляріи главнаго управленія цензуры. Исправляющій должность столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Березинъ* утвержденъ въ настоящей должности.

ПРИЧИСЛЕНЪ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

ПРИКАЗОМЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

2 сентября: начальникъ II отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Глазозевъ*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности (1 сентября 1860 года).

УВОЛЕНЫ ВЪ ОТПУСКЪ И КОМАНДИРОВАНЫ:

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ:

6 сентября: уволены въ отпускъ за границу: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шевыревъ* — по болѣзни, на два года. Экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Ценковскій* — по болѣзни, на одинъ годъ. Почетный смотритель Александровскаго уѣзднаго училища, губернской секретарь *Степа-*

новъ — на четыре мѣсяца. Учитель Кролевецкаго уѣзднаго училища *Колесниковъ* — по болѣзни, на четыре мѣсяца. Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: исправляющему должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, надворному совѣтнику *Ешевскому* — на одинъ годъ. Адъютанту Императорскаго университета св. Владимира *Абашеву* — по 1 октября 1860 года.

10 сентября: командированъ за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Самсонъ-фонъ-Гиммельстиернъ*, на 21 день.

22 сентября: почетный попечитель Смоленской гимназiи, штабсъ-ротмистръ *Засѣцкiй* уволенъ въ отпускъ за границу на три мѣсяца. Почетному смотрителю Ливенскаго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю *Горбову* — продолженъ срокъ отпуска за границую на четыре мѣсяца.

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ:

2 сентября: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенiя, статскій совѣтникъ *Гриппенбергъ* — съ 20 августа до 1 октября 1860 года. Бухгалтеръ и контролеръ департамента народнаго просвѣщенiя, надворный совѣтникъ *Проневскiй* — въ Ковенскую губернiю, на двадцать девять дней.

21 сентября: исправляющiй должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскiй ассессоръ *Костомаровъ* командированъ съ ученою цѣлю въ Волоколамскiй монастырь, по 25 сентября 1860 года. Инспекторъ казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, камеръ-юнкеръ двора Его Императорскаго Величества, надворный совѣтникъ *Арсеньевъ* — уволенъ къ отпуску въ разныя губернiи, на четыре мѣсяца.

28 сентября: правителю дѣлъ главнаго управленiя ценсу-

ры, статскому совѣтнику *Янковичу* продолженъ срокъ отпуска на три недѣли.

ПРОИЗВЕДЕНЫ ВЪ ЧИНЫ:

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ:

9 сентября: въ дѣйствительные тайные совѣтники — членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ князь *Дондуковъ-Корсаковъ*, съ увольненіемъ, согласно его прошенію, по разстроенному здоровью, отъ службы.

10 сентября: въ коллежскіе регистраторы за отличие — бывший комнатный надзиратель упраздненнаго главнаго педагогическаго института *Шмальгаузенъ* (6 сентября 1860 г.).

24 сентября: въ коллежскіе регистраторы — домашній учитель *Карль Боасъ*.

НАГРАЖДЕННЫ:

30 августа: Высочайшими грамотами за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ пожалованы тайные совѣтники: членъ главнаго правленія училищъ, ректоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Петръ Плетневъ* — орденомъ Бѣлаго Орла; попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа *Иванъ Деляновъ* и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, членъ главнаго управленія цензуры, оберъ-форшнейдеръ Двора Его Императорскаго Величества, почетный опекунъ С. Петербургскаго опекунскаго совѣта, сенаторъ *Николай Мухановъ* — орденомъ св. равноапостольнаго князя *Владимира* 2-й степени.

Правительствующимъ сенатомъ произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ:

28 іюля 1860 года:

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. *Владими-*

ра—Константинъ *Феофилактовъ*, съ 25 ноября, Харьковскаго—Дмитрій *Каченовскій*, съ 20 декабря 1859 года, и Казанскаго—Александръ *Козловъ*, съ 6 января; прозекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Ипполитъ *Вилкожирскій*, съ 15 февраля 1860 и адъюнктъ Императорскаго Казанскаго университета Левъ *Сутковскій*, съ 10 февраля 1859 года.

Въ *коллежскіе совѣтники*: надворные совѣтники: исправляющіе должность директоровъ гимназій: Мозырской—Карлъ *Вронскій* и Свенцянской—Осипъ *Пальчевскій*, оба съ 26 ноября 1859; правитель канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Іосифъ *Губеръ*, съ 15 апрѣля 1860, и инспекторъ лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназій Александръ *Андреевскій*, съ 18 ноября 1859 года.

Въ *надворные совѣтники*: коллежскіе ассессоры, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Мензелинскаго — Евграфъ *Пальчиковъ*, съ 9 декабря 1856, Тираспольскаго — князь Іосифъ *Аргутинскій-Долгоруковъ*, съ 1 августа 1857, и Крестецкаго—Владиміръ *Мартьяновъ*, съ 1 ноября 1859 года.

Въ *коллежскіе ассессоры*: титулярные совѣтники: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Устюжскаго — Матвѣй *Ефимевъ*, съ 17 ноября, Бѣлозерскаго — Викторъ *Владимірсскій*, съ 9, С. Петербургскаго Введенскаго — князь Николай *Салтыковъ*, съ 7 декабря 1859, бывшій почетный смотритель училищъ Слонимскаго уѣзда, а нынѣ почетный попечитель Слуцкой гимназій Осипъ *Войниловичъ*, съ 9 декабря 1856, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Андрей *Бекетовъ*, съ 19 января 1854, и архитекторъ временной строительной комиссіи о постройкѣ зданій Екатеринославской гимназій Платонъ *Скотниковъ*, съ 17 октября 1859 года.

Въ *титулярные совѣтники*: коллежскіе секретари: почетный смотритель Херсонскаго уѣзднаго училища Лазарь *Георгули*, съ 18 декабря 1859, и старшій помощникъ столоначаль-

ника департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Тарасенко-Годный*, съ 31 марта 1860 года.

Въ *коллежскіе секретари*: почетный смотритель Порховскаго уѣзднаго училища, губернский секретарь Александръ *Круликовъ*, съ 9 декабря 1859 года.

Въ *губернскіе секретари*: почетный смотритель Тихвинскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ Гавріилъ *Висленевъ*, съ 19 апрѣля 1859 года.

11 августа 1860 года:

Въ *коллежскіе ассессоры*: титулярные совѣтники: старшій секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія Леонидъ *Полонскій*, съ 17 апрѣля, и секретарь той-же канцеляріи Василий *Полвановъ*, съ 20 февраля 1860 года.

Въ *титулярные совѣтники*: коллежскіе секретари, причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія Николай *Константиновъ*, съ 26 ноября 1859, и Александръ *Оскерко*, съ 24 іюня 1855 года.

Указомъ правительствующаго сената отъ 25 августа 1860 г. за № 7117, переименованъ въ титулярные совѣтники:

Почетный попечитель Московскихъ гимназій, отставной поручикъ гвардіи князь Левъ *Гагаринъ*, соотвѣтственно означенному его военному чину.

УВОЛЕНЫ ОТЪ СЛУЖБЫ И ОТЪ ДОЛЖНОСТИ:

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

2 сентября: старшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Проневскій*, уволенъ согласно прошенію, по болѣзни, отъ службы, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

7 сентября: директоръ училищъ Волынской губерніи, статскій совѣтникъ *Китченко*, уволенъ отъ службы за выслугою срока, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

21 сентября: уволены отъ службы по прошеніямъ: директоръ училищъ Харьковской губерніи, статскій совѣтникъ *Верниковскій*, за выслугою срока, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ. Старшій секретарь канцеляріи главнаго управленія цензуры, надворный совѣтникъ *Добровольскій*. Почетный смотритель Новоторжскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Львовъ* (23 августа 1860 года).

28 сентября: старшій помощникъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Ратайскій* — отъ настоящей должности, по случаю назначенія его судебнымъ слѣдователемъ въ г. Богородицкъ и уѣздъ онаго (30 августа 1860 года).

ОБЪЯВЛЕНА ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
БЛАГОДАРНОСТЬ.

10 сентября: почетному попечителю Екатеринославской гимназіи, отставному штабсъ-капитану *Котляревскому* — за пожертвованіе имъ 1500 рублей серебромъ въ пользу пансіона при означенной гимназіи.

ОБЪЯВЛЕНА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

2 сентября: штатному смотрителю Городищенскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Семибратову* — за оказанное имъ особенное усердіе къ сохраненію училищнаго имущества во время бывшаго въ г. Городищахъ 13 іюля 1860 года пожара.

28 сентября: директору второй Харьковской гимназіи, коллежскому совѣтнику *Шведову* — за особенную его дѣятельность и труды при открытіи въ г. Харьковѣ женскаго училища 1-го разряда.

ОБЪЯВЛЕНА ОСОБЕННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21 сентября: доценту Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскому ассессору *Соколову* и поручику *Энгельгардту*—за принесеніе въ даръ С. Петербургскому университету химической лабораторіи.

ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗЪ СПИСКОВЪ УМЕРШІЕ:

ПРИКАЗАМИ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

21 сентября: исправлявшій должность профессора лицей князя Безбородко *Янишевскій*.

28 сентября: почетный смотритель Нижнедѣвицкаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Плотниковъ*.

О КНИГАХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Энциклопедическій словарь издаваемый русскими учеными и литераторами.

Русскіе ученые и литераторы рѣшились приступить къ изданію Энциклопедическаго словаря, который и предполагають окончить въ теченіе десяти лѣтъ, выпуская ежегодно по четыре тома.

Издателя этого словаря желая сдѣлать эту общепользую книгу по возможности доступною и лицамъ недостаточнаго состоянія, положили допустить для означенныхъ лицъ, раздробительный взносъ 12 руб. сер., причитающихся за годовое изда-

ніе «Словаря», а именно по 1 руб. сер. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы деньги сіи доставляемы были въ контору Энциклопедическаго словаря, что при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова въ С. Петербургѣ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія изъяснилъ свое согласіе на доведеніе о семъ до свѣдѣнія учебныхъ заведеній и лицъ въ оныхъ служащихъ.

Дѣдушка Назарычъ *Погоскаго*.

Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, по разсмотрѣніи книги Погоскаго «Дѣдушка Назарычъ» хотя и нашелъ, что книга эта не можетъ служить руководствомъ для чтенія въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ потому, что состоитъ изъ одного только разказа, но призналъ однакожъ возможнымъ рекомендовать ее вниманію училищныхъ начальствъ какъ книгу, которую можно употреблять между прочимъ съ пользою для чтенія учащихся.

Г. министръ народнаго просвѣщенія изъяснилъ на это свое согласіе и приказалъ объявить о семъ для свѣдѣнія учебныхъ заведеній.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.)

ЧАСТЬ СѢІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1860.

ЖУРНАЛЪ

ЛЮБИМЦЕВЪ

НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

ПЕЧАТАЮЩИЙСЯ

НОРДЪ И ДЕРЖАВА

1860.

(ПЕЧАТАЮЩИЙСЯ)

ЧАСТЬ VIII.

ОТЪ ПЕЧАТАНИИ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ У ПЕЧАТАНИИ

1860.

ВЫСОЧАЙШІЯ НОВЕЛЪНІЯ.

35. (18 октября) *О содержаніи въ пансіонѣ при Саратовской гимназій воспитанниковъ на счетъ сдѣланнаго по духовному завѣщанію пожертвованія помѣщикомъ Саратовской губерніи майоромъ Сергѣемъ Колычевымъ.*

На основаніи духовнаго завѣщанія умершаго помѣщика Саратовской губерніи, майора Сергѣя Колычева, въ распоряженіе Балашовской Дворянской Опекі поступило 2476 десятинъ земли въ Балашовскомъ уѣздѣ для употребленія доходовъ съ оной на воспитаніе дѣтей дворянъ означенной губерніи, преимущественно Балашовскаго уѣзда.

По окончаніи всѣхъ предварительныхъ по сему дѣлу переписокъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ по оному съ представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ, по положенію коего Государь Императоръ, въ 18-й день октября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Помянутую землю оставить на всегда въ распоряженіи Балашовской дворянской опеки и отдавать въ арендное содержаніе съ публичныхъ торговъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ безуспѣшности или невыгодности произведенныхъ въ дворянской опекѣ торговъ, таковыя были переводимы въ Саратовское дворянское депутатское собраніе.

2. Вырученную доселѣ отдачею земли въ аренду сумму внести въ Государственный Банкъ, на срокъ, какой, по ближайшимъ соображеніямъ дворянскаго депутатскаго собранія, окажется наиболее удобнымъ, и затѣмъ проценты съ этой

суммы, а равно имѣющую поступать впредь арендную плату, употреблять, согласно съ духовнымъ завѣщаніемъ Колычева, на воспитаніе дѣтей дворянъ Саратовской губерніи, подъ именемъ воспитанниковъ маіора Колычева, на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) На ~~воспитаніе~~ ~~дѣтей~~ ~~бѣдныхъ~~ ~~дворянъ~~ ~~Саратовской~~ ~~губерніи~~ ~~по~~ ~~завѣщанію~~ ~~маіора~~ ~~Колычева~~, дѣтей бѣдныхъ дворянъ, соображаясь съ желаніемъ родителей, могутъ быть воспитываемы въ пансіонѣ при Саратовской гимназіи или въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ случаѣ успѣшнаго окончанія въ ~~одномъ~~ курсѣ, и въ ~~высшихъ~~ заведеніяхъ; при выпускѣ же изъ заведеній имъ назначать пособіе на экзипировку.

б) Въ число воспитанниковъ Колычева принимаются дѣти бѣдныхъ дворянъ Балашовскаго уѣзда; если же таковыхъ въ которомъ либо году не окажется, то открывшіяся вакансии замѣщаются дѣтьми бѣдныхъ дворянъ прочихъ уѣздовъ Саратовской губерніи.

в) Самое избраніе воспитанниковъ, изъ числа имѣющихся въ виду кандидатовъ, дѣлается посредствомъ баллотировки, которая производится: для кандидатовъ Балашовскаго уѣзда — въ мѣстной дворянской опекѣ, а для кандидатовъ другихъ уѣздовъ Саратовской губерніи — въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи. При баллотировкѣ въ правѣ присутствовать и родители или родственники балотируемыхъ.

г) Условія, требуемыя для допущенія въ баллотировкѣ въ число воспитанниковъ Колычева, а равно другія подробности, до сихъ послѣднихъ относящіяся (какъ-то: число вакансій таковыхъ воспитанниковъ въ каждомъ заведеніи, размѣръ денежныхъ пособій при выпускѣ и проч), должны быть опредѣлены Саратовскимъ губернскимъ собраніемъ дворянства, куда Балашовскій уѣздный предводитель имѣеть внести, при первыхъ дворянскихъ выборахъ, составленное имъ по сему предмету предположеніе, вмѣстѣ съ заключеніемъ Балашовскаго уѣзднаго собранія дворянства.

36. (6 ноября). *Объ учрежденіи при Дерптскомъ университетѣ особой кафедры общей патологии и патологической анатоміи съ упраздненіемъ должности учителя верховой ѣзды.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, въ 6 день ноября 1860 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: упразднить при Дерптскомъ университетѣ должность учителя верховой ѣзды, а вмѣсто сего уредить отдѣльную кафедру общей патологии и патологической анатоміи, назначивъ профессору сей кафедры жалованье по окладу ординарнаго профессора, по 1429 р. 60 к. и квартирныхъ денегъ по 142 р. 95 к. въ годъ, съ обращеніемъ въ это число 1000 р. 12 к., поименныхъ по шлату университета на жалованье учителю верховой ѣзды и на содержаніе манежа, и съ пополненіемъ остальныхъ 572 руб. 43 коп. изъ остаточныхъ суммъ университета.

37. (6 ноября). *Объ опредѣленіи при Дерптскомъ университетѣ особаго бібліотекаря и упраздненій должности секретаря бібліотеки.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, въ 6 день ноября 1860 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: при Дерптскомъ университетѣ, вмѣсто порученія должности бібліотекаря одному изъ профессоровъ, опредѣлить особаго бібліотекаря, съ правами и преимуществами, предоставленными этой должности въ прочихъ университетахъ, и съ назначеніемъ жалованья по 714 руб. 80 к. въ годъ; должность-же секретаря бібліотеки упразднить, обративъ присвоенное ей содержаніе, на жалованье бібліотекарю.

38. (6 ноября). *О взиманіи со студентовъ Дерптскаго университета платы по 5 руб. въ семестръ въ пользу сего заведенія.*

По уваженію недостаточности питатныхъ суммъ на покрытие настоятельныхъ расходовъ по Дерптскому университету и по немѣнью въ виду на удовлетвореніе ихъ свободнаго источника, Государь Императоръ, по положенію главнаго

привлеченія училищъ; въ 6 день ноября 1860 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: установить взиманіе со студентовъ Дерптскаго университета, независимо отъ прежнихъ взносовъ, особой платы въ пользу университета, по пяти рудлей въ семестръ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы отъ платы сей были освобождаемы казеннокоштные студенты и тѣ изъ своекоштныхъ, кои представляютъ установленныя свидѣтельства о своей бѣдности.

39. (6 ноября). *О награжденіи домашнихъ учителей установленными для нихъ серебряными медалями.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: домашнихъ учителей: коллежскаго секретаря Фридриха *Лехера*, коллежскихъ регистраторовъ — *Иосифа Байлама*, *Михаила Шеслева*, *Юлія Августа Гюнтера*, *Гаврііла Самоволькина* и *Василія Покровскаго*, за свыше десяти-лѣтнее безпорочное и усердное исправленіе обязанностей предоставленнаго имъ званія, наградить установленными для домашнихъ учителей серебряными медалями на александровской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

40. (6 ноября). *Объ измѣненіи § 108 устава Варшавской медико-хирургической академіи и о новомъ штатѣ для академіи.*

По положенію главнаго правленія училищъ, Государь Императоръ, въ 6-й день ноября 1860 г., Высочайше повелѣть соизволилъ замѣнить § 108 настоящаго устава Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи, Высочайше утвержденнаго 4-го іюня 1857 г., слѣдующею редакціею:

«Въ Варшавской медико-хирургической академіи преподаются науки;

Физика съ метеорологіею,

Химія,

Минералогія,

Ботаника,

Зоологія съ сравнительною анатоміею,

Анатомія описательная, топографическая и практическое упражненіе въ разсѣченіяхъ,

Фармація и фармакологія, фізіологія и анатомія,
Фізіологія съ гистологією и мікроскопіческою анатомією,
Общая патологія съ анатомією патологіческою и гігієна съ гігієною,
Общая терапія, врачебное веществоводство, ученіе о составленіи рецептовъ и токсикологія,
Акушерство, ученіе о болѣзняхъ роженницъ и новорожденныхъ младенцевъ и акушерская клиника,
Хирургія теоретическая,
Хирургія оперативная и анатомія хирургическая съ дессмургією и клиника хирургическая,
Офтальмологія съ офтальміатрією и клиника офтальмическая,
Ученіе о сифилистическихъ болѣзняхъ (сифилографія):
Частная терапія,
Терапевтическая клиника, съ семіотикою,
Судебная медицина съ ученіемъ о душевныхъ болѣзняхъ и медицинская полиція съ практическими упражненіями,
Ветеринарная полиція и эпизоотическія болѣзни,
Исторія медицины и изложеніе медицинскихъ учрежденій,
Энциклопедія и методологія.

Для преподаванія вышеозначенныхъ предметовъ полагаются: 14 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ профессора и 9 адъюнктовъ; въ помощь преподавателямъ назначается: 2 прозектора, 1 помощникъ прозектора, 2 помощника директороу клиникъ и 2 лаборанта. Распределеніе предметовъ по кафедрамъ между профессорами и адъюнктами, равно какъ увеличеніе числа предметовъ и измѣненіе объема ихъ преподаванія, если-бы современно отъ этого потребовали успѣхи врачебной науки, предоставляется конкуренціи.

Примѣчаніе. Физика, химія, минералогія, ботаника, зоологія съ сравнительною анатомією, преподаются съ надлежащимъ оныхъ примѣненіемъ къ медицинѣ и фармаціи, въ объемъ для того необходимомъ.

**При семъ удостоенъ Высочайшаго утверждения и дьявны
вѣсть академикъ.**

**На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА рукаю подписано:**

«Быть по сему.»

Ноября 6-го дня 1860 года
Царское село.

Ш Т А Т Ь

ИМПЕРАТОРСКОЙ И ЦАРСКОЙ Варшавской Медико- Хирургической Академии.

СТАТЬИ РАСХОДОВЪ.	ЧИСЛО ЛИЦЪ.	ОДНОМУ		ВСѢМЪ		РАЗМѢРЪ ДОЛЖ- НОСТИ.
		РУБЛН.	КОП.	РУБЛН.	КОП.	
Президентъ	1	2,500	—	3,782	70	V
Ему добавочнаго жалованья	—	1,282	70	—	—	
Ординарныхъ профессоровъ	14	1,400	—	19,600	—	VII
Добавочнаго:						
4-мъ академикамъ	—	140	—	560	—	VI
Ученому секретарю	—	300	—	300	—	VII
Экстраордин. профессоровъ	2	980	—	1,960	—	VIII
Адъюнктовъ	9	600	—	5,400	—	VIII
(Если адъюнктъ по ветери- нарной части будетъ изъ пре- подавателей Варшавской вете- ринарной школы, то ему произ- водится только прибавочныхъ, сверхъ оклада по школѣ, 300 рублей.)						
Прозекторовъ	2	600	—	1,200	—	VIII
Помощникъ прозектора	1	360	—	360	—	IX

СТАТЬИ РАСХОДОВЪ.	ЧИСЛО ЛИЦЪ.	ОДНОМУ		ВСѢМЪ		РАЗРЯДЪ ДОЛЖНОСТИ.
		РУБЛИ.	КОП.	РУБЛИ.	КОП.	
Помощниковъ директоровъ						
клиникъ	2	350	—	700	—	IX
Лаборантовъ	2	450	—	900	—	IX
Инспекторъ	1	750	—	1,200	—	VII
Ему добавочнаго жалованья	—	450	—			
Помощниковъ инспектора	4	400	—	1,600	—	IX
Секретарь правленія	1	750	—	750	—	VIII
Письмоводитель конференціи	1	450	—	450	—	X
Чиновниковъ для письма:						
III разряда	1	270	—	675	—	
II "	1	225	—			
I "	1	180	—			
Члену правленія завѣдывающему кассою	—	150	—	150	—	
Библіотекарю	1	373	—	373	—	IX
Консерватору кабинетовъ	1	250	—	250	—	IX
Смотрителю зданій	1	200	—	200	—	
Педелей	4	150	—	600	—	
Курьеръ	1	150	—	150	—	
Швейцарь	1	150	—	150	—	
Служителей:						
При анатомическомъ театрѣ и анатомо-патологической лабораторіи	4	—	—	600	—	
При химической, фармацевтической, зоотомической и физиологической лабораторіяхъ; при физическомъ, фармакологическомъ, бота-						

СТАТЬИ РАСХОДОВЪ.	число лицъ.	ОДНОМУ		ВСѢМЪ		РАЗРѢДЪ ДОЛЕЖНОСТИ.
		РУБЛИ.	КОП.	РУБЛИ.	КОП.	
ническомъ и минералогическомъ кабинетахъ, при библиотекъ, канцелярїи правленія и конференціи . . .	6	—	—	600	—	
Сторожей	2	100	—	200	—	
На клиники (сверхъ суммъ штатами больницъ определенныхъ):						
Терапевтическую	—	—	—	1,622	—	
Хирургическую	—	—	—	1,622	—	
Акушерскую	—	—	—	811	56	
На библиотечу	—	—	—	750	—	
На анатомическій кабинетъ и лабораторію	—	—	—	700	—	
На физиологическій кабинетъ и лабораторію	—	—	—	300	—	
На анатомо-патологическій кабинетъ	—	—	—	300	—	
На кабинетъ и лабораторію сравнительной анатоміи	—	—	—	250	—	
На химическую лабораторію	—	—	—	500	—	
На фармацевтическую лабораторію	—	—	—	300	—	
На физическій кабинетъ	—	—	—	300	—	
На минералогическій кабинетъ	—	—	—	100	—	
На собраніе сушеныхъ растений	—	—	—	60	—	
На собраніе фармакологическое	—	—	—	100	—	

СТАТЬИ РАСХОДОВЪ.	В СЕБѢ	
	РУБЛ.	КОП.
На инструменты и другія потребности при судебныхъ вскрытіяхъ	240	
На инструменты хирургическіе, окулистическіе, новазки и модели хирургическихъ машинъ	150	
На акушерскіе инструменты	60	
На отопленіе	2,333	
На освѣщеніе	400	
На подати	818	92½
На ремонтъ главнаго зданія академіи и анатомическаго театра	1,500	
На содержаніе въ порядкѣ зданій	650	
На канцелярскія потребности	400	
На платье для прислуги	160	
На экстраординарные расходы	1,500	7½
Итого	58,688	26

Примѣчаніе. Остатки по одѣмъ статьямъ могутъ быть употребляемы на покрытіе недостатковъ по другимъ статьямъ, съ разрѣшенія правленія академіи.

Подлинный подписали: Евграфъ Ковалевскій, Павелъ Игнатьевъ, баронъ А. К. Мейендорфъ, Константинъ Сербиновичъ, Павелъ Гаевскій, Иванъ Деляновъ, Петръ Плетневъ, Николай Ребиндеръ, графъ Дмитрій Толстой, князь Николай Цертелевъ, Александръ Постельсъ.

Скрѣпилъ: Правитель дѣлъ главнаго правленія училищъ
А. Вороновъ.

41. (6 ноября). *Объ учрежденіи при Управленіи Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской церкви Св. Петра въ С. Петербургѣ должности постоянного члена отъ правительства и о дозволеніи 3-му проповѣднику церкви присутствовать въ совѣтъ сего управленія въ качество члена.*

Государь Императоръ, по положенію Главнаго правленія Училищъ, въ 6-й день Ноября 1860 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1, имѣть при Управленіи Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской церкви Св. Петра въ С. Петербургѣ одного постоянного члена отъ Правительства, съ правами и преимуществами по классу должности и разряду мундира на равнѣ съ почетными попечителями Гимназій; 2) избраніе въ эту должность изъ прихожанъ церкви Св. Петра предоставить попечителю церкви, а утвержденіе въ оной, чрезъ министра народнаго просвѣщенія подчинить дѣйствию общаго порядка, установленнаго для опредѣленія и назначенія къ должности, относящіяся по росписанію къ V классу, и 3) дозволить третьему проповѣднику церкви Св. Петра быть также членомъ Управленія означеннаго Училища, наравнѣ съ другими проповѣдниками этой церкви.

42. (6-го ноября). *Объ упраздненіи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета должности ученаго аптекаря, и объ учрежденіи, въ замѣну сего, особой кафедры медицинской химіи, фармаціи и фармакогнозіи.*

Государь Императоръ, по положенію Главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) должность ученаго аптекаря при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета упразднить, и въ замѣну сего 2) учредить особую кафедру медицинской химіи, фармаціи и фармакогнозіи, съ обращеніемъ жалованія ученаго аптекаря (714 р. 80 к.) на содержаніе профессору или адъюнкту по сей кафедрѣ, въ размѣрѣ штатомъ опредѣленныхъ окладовъ для другихъ профессоръ и адъюнктовъ въ Московскомъ уни-

верситетъ и съ отнесеніемъ недоставающаго количества на экономическую сумму университета.

43. (6 ноября). *Объ учрежденіи должности помощника прозектора при кафедрѣ физиологии въ Казанскомъ университетѣ.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, въ 6-й день ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: при кафедрѣ физиологии въ Казанскомъ университетѣ учредить должность помощника прозектора съ правами, присвоенными сей должности въ университетахъ, и съ назначеніемъ лицу, ее занимающему, жалованья по 300 р. въ годъ, изъ остатковъ отъ штатной суммы.

44. (10 ноября). *О дарованіи Харьковскому женскому училищу 1-го разряда именованія «Маріинскаго».*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на дарованіе Харьковскому женскому училищу 1-го разряда именованія «Маріинскаго», въ честь Августѣйшаго Имени Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны.

45. (10 ноября). *О дозволеніи открыть англійскую школу для мальчиковъ съ пансіономъ, въ домѣ Англиканской церкви въ Москвѣ.*

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ препроводилъ въ министерство народнаго просвѣщенія ноту бывшаго въ С.-Петербургѣ Великобританскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Эрскина, ходатайствовавшаго о дозволеніи открыть англійскую школу для мальчиковъ съ пансіономъ въ домѣ англійской церкви въ Москвѣ, подъ управленіемъ особаго комитета, состоящаго изъ семи членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ Великобританскаго прихода въ Москвѣ, и непосредственныхъ вѣдѣніемъ священника помянутой церкви.

Хотя на основаніи существующихъ правилъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, иностранцагъ воспрещено содержаніе пансіо-

новъ, но министръ народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе, что при Англиканской церкви въ С.-Петербургѣ существуетъ уже училище съ пансіономъ, исключительно для дѣтей англичанъ и что училище это состоитъ въ непосредственномъ управленіи пастора церкви, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору о дозволеніи учредить и при Англиканской церкви въ Москвѣ училище для мальчиковъ съ пансіономъ, согласно помянутому ходатайству Эрскина, съ тѣмъ, однакоже, что-бы въ это заведеніе принимаемы были исключительно дѣти англичанъ и что-бы она находилась, наравнѣ съ частными учебными заведеніями, подъ надзоромъ начальства Московскаго учебнаго округа, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

46. (10 ноября). *О дозволении иностранцу Маю содержать въ С.-Петербурѣ частный пансіонъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше, соизволилъ на допущеніе въ пользу иностранца Карла Мая изъятія изъ общаго правила, дозволивъ ему содержать, передаваемый ему русскою подданною, дѣвицею Май, мужской пансіонъ, съ преобразованиемъ его въ реальное училище на степени гимназіи.

47. (24 ноября). *О объявленіи признательности Ея Величества Государыни Императрицы лицамъ, кои оказали наибольшее участіе въ пожертвованіяхъ на пользу женскихъ училищъ Калужской губерніи.*

По случаю открытія въ г. Калугѣ женскаго училища 1-го разряда, а въ гг. Мосальскѣ и Перемышлѣ женскихъ училищъ 2 разряда, министръ народнаго просвѣщенія, съ предварительнаго соизволенія Государя Императора, представлялъ на воззрѣніе Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны ходатайство начальника Калужской губерніи объ объявленіи Высочайшаго Ея Величества благоволенія лицамъ, кои своими пожертвованіями и усердіемъ къ общепользному дѣлу положили основа-

ніе и дали средства къ дальнѣйшему существованію помянутыхъ ~~женскихъ училищъ~~ училищъ.

Государыня Императрица, съ удовольствіемъ извѣстясь о значительныхъ пожертвованіяхъ, принесенныхъ на обезпеченіе вновь открытыхъ Калужскихъ женскихъ училищъ, соизволила повелѣть: выразить искреннюю признательность Ея Величества *душеприкощикамъ* умершаго надворнаго совѣтника Племянникова и *проиждѣльцамъ*, принявшимъ участие въ благотворительномъ и общепольномъ дѣлѣ.

48 (15 декабря). *О новомъ штатѣ отдѣленія восточныхъ языковъ Новочеркаской гимназіи.*

Государь Императоръ, утвердивъ одобренный Военнымъ совѣтомъ штатъ отдѣленія восточныхъ языковъ при Новочеркаской гимназіи, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Учителямъ и надзирателю упомянутаго отдѣленія производить жалованье по вновь составленному штату, которымъ замѣнить штатъ сего отдѣленія, Высочайше утвержденный 18 Сентября 1850 года.

2. Исчисленную по сему штату сумму, всего 8,492 руб. 60 коп. сер. отпускать по прежнему изъ войсковыхъ суммъ: Донскаго войска двѣ трети и Черноморскаго (или Кубанскаго) одну треть.

На подлинность напечатано:

«Высочайше утверждено.»

15-го Декабря 1880 года.

Подписаль: Генераль-адъютантъ Сухожанецъ.

Вѣрно: Начальникъ управления, генераль-лейтенантъ Вершининъ.

ШТАТЪ

Отдѣленія Восточныхъ языковъ при Новочеркасской гимназiи.

УЧИТЕЛИ:	ЧИСЛО ЛЕТЪ	ОБЪЕМЪ ЖАЛОВАНЫЯ ВЪ ГОДЪ			
		ОДНОМУ		ВСѢМЪ	
		РУБЛ. .	КОП.	РУБЛ. .	КОП.
I. Арабскаго языка.					
Старшiй	1	—	—	750	—
Младшiй	1	—	—	550	—
II. Татарскаго.					
Старшiй	1	—	—	600	—
Младшiй	1	—	—	550	—
III. Аварскаго.					
Старшiй	1	—	—	600	—
Надзиратель за воспитанниками	1	—	—	300	—
Воспитанниковъ	30	—	—	—	—
На содержанiе ихъ по 171 руб. 42 коп. сер. въ годъ на каждаго	—	—	—	5,142	60
Сторожей изъ казаковъ внутренней службы войска Донскаго	2	—	—	—	—
Итого	38	—	—	8,492	60

Примчанiе: 1) Определенное по сему штату жалованье производится за законенными вычетами.

2) Исчисленная по сему штату сумма отпускается изъ суммъ Донскаго и Черноморскаго казачьихъ войскъ, по раскладѣ по числу воспитанниковъ, въ Отдѣленіи отъ войскъ обучающихся, а именно отъ Донскаго $\frac{2}{3}$, а отъ Черноморскаго $\frac{1}{3}$.

3) Учители могутъ быть изъ военныхъ офицеровъ.

4) Учителямъ присваиваются разряды должностей и мундировъ, противу учителей кадетскихъ корпусовъ.

5) Поименованнымъ въ этомъ штатѣ сторожамъ изъ казаконъ внутренней службы производится содержаніе, определенное Высочайше утвержденнымъ 19-го октября 1857 года положеніемъ военнаго совѣта, вообще для нижнихъ чиновъ внутренней по войску службы.

49. (17 декабря). *О награжденіи начальницы Дерптскаго высшаго городского дѣвичьяго училища, г-жи Фельдманъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше соизволилъ назначить начальницѣ Дерптскаго высшаго городского дѣвичьяго училища г-жѣ Фельдманъ, за усердіе ея къ возведенію училища на высокую степень благоустройства, подарокъ изъ Кабинета Его Величества въ *двести пятьдесятъ рублей.*

50. (17 декабря) *О награжденіи потомственнаго почетнаго гражданина Александра Маликова орденомъ св. Анны 3-й степени.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣть соизволилъ: наградить потомственнаго почетнаго гражданина Александра Маликова, за открытіе имъ въ 1845 году въ г. Тулѣ, на собственный свой счетъ, начальнаго женскаго училища и за содержаніе онаго до сего времени въ отличномъ порядкѣ, — орденомъ св. Анны 3-й степени.

51. (17 декабря): *О пожертвованіи бывшаго студента С. Петербургскаго университета Демидова.*

По представленію начальства С. Петербургскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье

довести до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнья, что бывшій студентъ С. Петербургскаго университета Павелъ Демидовъ изъявилъ желаніе ежегодно жертвовать по 3000 руб. сереб. на приготовленіе молодыхъ людей къ полученію высшихъ ученыхъ степеней по разряду административныхъ наукъ, съ тѣмъ, во 1-хъ, что жертвуемый имъ капиталъ будетъ доставляться изъ главной Демидова конторы въ С. Петербургѣ въ правленіе университета ежегодно въ теченіе всей жизни Демидова и во 2-хъ, что онъ сдѣлаетъ необходимыя на случай смерти своей распоряженія о замѣнѣ ежегодняго взноса 3000 руб. сереб. въ университетъ соотвѣтствующимъ сему взносу капиталомъ.

Государь Императоръ, въ 17-й день декабря 1860 года, Высочайше соизволилъ на принятіе отъ г. Павла Демидова изначеннаго пожертвованія на вышеизъясненныхъ основаніяхъ и на употребленіе онаго согласно составленнымъ жертвователемъ и одобреннымъ начальствомъ правиламъ. Присемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемиловитѣйше повелѣть объявить г. Павлу Демидову за пожертвованіе его благодарность отъ имени Его Величества.

52. (17 Декабря). *Объ учрежденіи званія почетныхъ блюстителей при приходскихъ и начальныхъ училищахъ безъ сношенія съ министрами внутреннихъ дѣлъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на предварительномъ сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ 17-й день декабря 1860 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: при учрежденіи должности почетныхъ блюстителей при приходскихъ и начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія ограничиваться отзывами мѣстныхъ губернскихъ начальствъ и согласіемъ городскихъ обществъ на опредѣленіе въ сіи должности лицъ городского сословія, безъ сношенія о семъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

32. (2-го ноября). *О закрытіи дополнительнаго класса землемѣрія при Курскомъ уѣздномъ училищѣ.*

Вслѣдствіе учрежденія землемѣро-таксаторскихъ классовъ при Курской гимназій, министръ народнаго просвѣщенія, согласно представленію попечителя Харьковскаго учебнаго округа и по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, разрѣшилъ закрыть дополнительный классъ землемѣрія при Курскомъ уѣздномъ училищѣ.

33. (6 Ноября). *Объ установленіи особой платы съ учениковъ Одесскаго уѣзднаго училища и съ постороннихъ лицъ, за обученіе дополнительнымъ предметамъ.*

Начальство Одесскаго учебнаго округа, въ видахъ усиленія суммы, отпускаемой Одесскою градскою думою на покрытіе издержекъ по преподаванію въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ дополнительныхъ предметовъ, входило съ представленіемъ объ установленіи платы по 3 руб. сер., съ тѣхъ учениковъ (исключая бѣдныхъ) сего училища и постороннихъ лицъ, которые изъявляютъ желаніе обучаться Нѣмецкому и Французскому языкамъ, а также техническому черченію и коммерческой бухгалтеріи, съ тѣмъ, чтобы сборъ этотъ обращать на увеличеніе крайне-ограниченнаго вознагражденія, предоставляемаго учителямъ упомянутыхъ языковъ, и вообще на улучшеніе преподаванія дополнительныхъ предметовъ. На-

ходя эту мѣру полезною, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ исправляющему должность попечителя Округа привести оную въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы плата по 3 р. сер. была взимаема: 1) съ тѣхъ учениковъ (исключая бѣдныхъ), которые будутъ обучаться упомянутымъ языкамъ или техническому черченію и коммерческой бухгалтеріи, независимо отъ платы, установленной Высочайше утвержденнымъ 4-го Декабря 1857 г. положеніемъ главнаго правленія училищъ, и 2) съ постороннихъ лицъ, которыя будутъ слушать дополнительные курсы въ уѣздномъ училищѣ.

34. (7 ноября). *Относительно опредѣленія лекарей въ должности учителей естественныхъ наукъ въ гимназіи Кіевскаго учебнаго округа.*

Министръ народнаго просвѣщенія, согласно съ мнѣніемъ ученаго комитета, на разсмотрѣніе котораго передается былъ возбужденный начальствомъ Кіевскаго учебнаго округа вопросъ о томъ, могутъ ли воспитанники медицинскаго факультета, получившіе степень лекаря, быть опредѣляемы учителями естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ, — призналъ, съ своей стороны, необходимымъ, чтобы студенты университета св. Владимира, окончившіе курсъ съ званіемъ лекаря, были опредѣляемы въ должности учителей естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа, не иначе, какъ на основаніи Высочайше утвержденного 20 марта 1860 года положенія о педагогическихъ курсахъ, т. е. не прежде, какъ по окончаніи педагогическаго курса въ университетѣ св. Владимира.

35. (9 ноября). *О разрѣшеніи имѣть при пятой С. Петербургской гимназіи сверхштатнаго старшаго учителя естественныхъ наукъ.*

Согласно представленію попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа и на основаніи Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. III. уст. о сл. по опред. отъ прав. ст. 783, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ имѣть при пятой С. Петербургской гимна-

зи сверхштатнаго старшаго учителя естественныхъ наукъ, безъ жалованья, но съ правами и преимуществами старшимъ учителямъ присвоенными.

36. (11 Ноября). *О распространеніи на Казанскій университетъ правилъ относительно переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ.*

Согласно представленіямъ начальствъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, разрѣшено было министромъ народнаго просвѣщенія, въ видѣ временной и переходной мѣры, въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Харьковскомъ въ 1860 году:

1) Переводныя испытанія изъ 1-го курса во 2-й и изъ 3-го въ 4-й отиѣнить, и за тѣмъ,

2) Производить переводный экзаменъ только со 2-го на 3-й курсъ и выпускной экзаменъ на существующемъ теперь основаніи.

Нынѣ, въ слѣдствіе представленія исправляющаго должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, означенная мѣра распространена и на Казанскій университетъ.

37. (15 ноября). *Объ учрежденіи при С. Петербургскомъ университетѣ кафедры практическаго судопроизводства, съ порученіемъ преподаванія сего предмета дѣйствительному статскому советнику Стояновскому.*

Главное правленіе училищъ, въ засѣданіи 7 октября 1860 года, признавая доводы изъясненныя въ представленіи попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа о необходимости учредить при С. Петербургскомъ университетѣ особую кафедру практическаго судопроизводства вполне уважительными и принимая во вниманіе, что учрежденіе новой кафедры не составляетъ собственно измѣненія учебнаго курса юридическихъ наукъ въ общихъ его основаніяхъ, а только необходимое его дополненіе для примѣненія къ практикѣ теоріи права, опредѣляло: предоставить министру народнаго просвѣщенія разрѣшить учрежденіе при С. Петербургскомъ университетѣ на основаніи

примѣч. къ § 21 общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденного 26 июля 1835 года, отдѣльной кафедрой практическаго судопроизводства на счетъ суммы собираемой съ студентовъ за слушаніе лекцій.

На семъ основаніи министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ при С. Петербургскомъ университетѣ учредить кафедру практическаго судопроизводства, съ порученіемъ преподаванія сего предмета, согласно ходатайству совѣта университета и представленію попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Стояновскому*, съ производствомъ ему за сей трудъ, въ видѣ платы, по *восемисотъ* руб. сер. въ годъ, изъ суммы собираемой за слушаніе университетскихъ лекцій.

38. (16 Ноября). *О допущеніи медицинскихъ студентовъ Харьковскаго университета къ посѣщенію больницы мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія.*

Вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія входилъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о допущеніи оканчивающихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ медицинскихъ студентовъ къ посѣщенію, вмѣстѣ съ профессоромъ судебной медицины, больницы Харьковскаго приказа общественнаго призрѣнія, для занятій судебно-медицинскими и медико-полицейскими изслѣдованіями. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Ланской, признавая таковую мѣру не только полезною, но даже необходимою въ видахъ приготовленія молодыхъ врачей къ поступленію въ должности уѣздныхъ и городовыхъ врачей, увѣдомилъ, что онъ поручилъ медицинскому департаменту снестись съ начальникомъ Харьковской губерніи о допущеніи означенныхъ студентовъ, на изложенныхъ бывшимъ начальникомъ губерніи основаніяхъ, къ занятіямъ въ сказанной больницѣ.

Министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ объ этомъ попечителю округа, для зависящихъ распоряженій.

39. (17 ноября). *О введеніи въ Казанскомъ университетѣ преподаванія государственнаго права Европейскихъ державъ съ присоединеніемъ этого предмета къ кафедрѣ Русскаго государственнаго права и съ отнесеніемъ соединенной съ этою кафедрой энциклопедіи законовѣдѣнія къ кафедрѣ общенароднаго правовѣдѣнія и дипломатіи.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи исправляющаго должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Казанскомъ университетѣ преподаваніе государственнаго права Европейскихъ державъ съ присоединеніемъ этого предмета къ кафедрѣ Русскаго государственнаго права; соединенную же съ этою кафедрой энциклопедію законовѣдѣнія отнести къ кафедрѣ общенароднаго правовѣдѣнія и дипломатіи.

40. (23 ноября). *Объ увеличеніи жалованья хранителю музеевъ Казанскаго университета.*

Вслѣдствіе ходатайства исправляющаго должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить, съ 1 ноября 1860 года, производимый, на основаніи предложенія, отъ 1 апрѣля 1848 г., изъ хозяйственной суммы Казанскаго университета хранителю музеевъ онаго окладъ жалованья до 343 р. сер. въ годъ.

41. (25-го ноября). *Объ отнесеніи логики и психологіи въ физико-математическомъ факультетѣ С. Петербургскаго университета къ предметамъ необязательнымъ.*

Согласно представленію попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, въ видѣ опыта на три года, отнести логику и психологію въ обоихъ разрядахъ физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета къ предметамъ необязательнымъ.

42. (30 Ноября). *Объ увеличеніи платы за воспитаніе въ пансіонѣ Курской гимназіи и жалованья комматнымъ надзирателямъ, эконому и надзирателю больницы пансіона.*

По представлению начальства Харьковского учебного округа, министр народного просвещения разрешил: 1) взимать за содержание своекоштных воспитанниковъ въ пансіонѣ Курской гимназіи, съ 1-го января 1861 года, вмѣсто нынѣшней платы, 171 р. 43 к., — по *десяти* руб. сер. въ годъ съ каждаго; 2) взимать такую же плату съ воспитанниковъ пансіона, содержимыхъ на счетъ дворянства и приказа общественнаго призрѣнія, а также на пожертвованіи частныхъ лицъ, по предварительному, однако, съ кѣмъ слѣдуетъ сношенію, и 3) состоящимъ при Курской гимназіи комнатнымъ надзирателямъ, надзирателю больницы и эконому, вмѣсто получаемого ими жалованья, производить, съ 1-го января 1861 г., жалованье въ увеличенномъ противу нынѣшняго размѣрѣ а именно: комнатнымъ надзирателямъ по *трехсотъ пятидесяти* руб. каждому, эконому *десяти* руб. и надзирателю больницы *сто пятьдесятъ* руб. сер. въ годъ, изъ суммы на содержаніе пансіона.

43. (30 ноября). *О разрѣшеніи имѣть при первой С. Петербургской гимназіи сверхштатнаго младшаго учителя географіи.*

Согласно представленію попечителя С. Петербургскаго учебного округа и на основаніи Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. III уст. о сл. по опред. отъ прав. ст. 783, министр народного просвѣщенія разрешилъ имѣть при первой С. Петербургской гимназіи сверхштатнаго младшаго учителя географіи, безъ жалованья, но съ правами и преимуществомъ сей должности присвоенными.

44. (30 ноября). *О разрѣшеніи имѣть при С. Петербургскомъ Введенскомъ уѣздномъ училищѣ сверхштатнаго учителя рисованія черченія и чистотисанія.*

Согласно представленію попечителя С. Петербургскаго учебного округа и на основаніи Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. III уст. о сл. по опред. отъ прав. ст. 783, министр народного просвѣщенія разрешилъ имѣть при С. Петербургскомъ Введен-

скомъ уѣздномъ училищѣ, сверхштатнаго учителя рисованія, черченія и чистописанія, безъ жалованья, но съ правами и преимуществами сей должности присвоенными.

45. (7-го декабря). *О срокахъ для представленій о постройкахъ и передѣлкахъ зданій учебныхъ заведеній.*

По случаю передачи въ государственное казначейство многихъ капиталовъ министерства народнаго просвѣщенія, потребовалась крайняя осмотрительность въ распредѣленіи строительныхъ суммъ и оказалась необходимость въ совокупномъ обсужденіи представленій окружныхъ начальствъ по сему предмету и строгомъ опредѣленіи, сравнительно, степени важности и неотложности каждой постройки и передѣлки. Съ этою цѣлію министръ народнаго просвѣщенія, предложивъ департаменту, для руководства, правила (см. ниже) относительно порядка разсмотрѣнія представленій окружныхъ начальствъ о постройкахъ и передѣлкахъ и времени представленія на утвержденіе министерства общихъ соображеній департамента по этимъ дѣламъ, сообщилъ попечителямъ учебныхъ округовъ для свѣдѣнія и руководства слѣдующее:

1) Окончательнымъ срокомъ для представленій о постройкахъ и передѣлкахъ зданій учебныхъ заведеній на счетъ строительныхъ суммъ министерства, назначается 15-го ноября каждаго года, т. е. къ этому числу всѣ представленія окружныхъ начальствъ должны быть получены въ министерствѣ.

2) Представленія, въ которыхъ, или въ приложенияхъ къ коимъ, окажутся неполноты, неясности или несправильности, немедленно отсылаются обратно, для возобновленія оныхъ съ соблюденіемъ въ точности установленныхъ правилъ.

3) Представленія, имѣющія поступать въ министерство послѣ 15-го ноября, но по 1-е декабря, получаютъ ходъ въ такомъ лишь случаѣ, если несвоевременность доставленія ихъ въ министерство оправдывается вполнѣ уважительными причинами.

4) О разрѣшеніяхъ министерства по представленіямъ о

постройкахъ на счетъ строительныхъ суммъ министерства будетъ сообщаемо окружнымъ начальствамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

5) Не разрѣшенные представленія, если они остались неудовлетворенными, по несвоевременности ихъ поступленія, или по недостатку денежныхъ средствъ, присоединяются къ тѣмъ представленіямъ, которыя будутъ поступать уже въ слѣдующемъ году.

6) Сказанное выше не относится къ постройкамъ, передѣлкамъ и ремонтнымъ исправленіямъ на счетъ собственныхъ средствъ учебныхъ заведеній. Представленія эти будутъ разсматриваемы во всякое время года.

Къ сему министръ присовокупилъ, что за сдѣланнымъ и утвержденнымъ распредѣленіемъ строительныхъ суммъ, назначеніе ассигнуемыхъ на основаніи онаго денегъ не можетъ быть измѣняемо, т. е. опредѣленная на извѣстную постройку или передѣлку сумма должна быть употреблена именно на этотъ предметъ, а не на другой.

П Р А В И Л А

о порядкѣ разсмотрѣнія и доклада департаментомъ народнаго просвѣщенія представленій о постройкахъ и передѣлкахъ.

1) Окончательнымъ срокомъ для представленій о постройкахъ и передѣлкахъ на счетъ строительныхъ суммъ министерства, назначается 15-го ноября, т. е. къ этому числу всѣ представленія окружныхъ начальствъ должны быть получены въ министерствѣ.

2) Представленіямъ, поступающимъ послѣ 15-го ноября, но по 1-е декабря, давать ходъ въ такомъ лишь случаѣ, если несвоевременность доставленія ихъ въ министерство оправдывается вполнѣ уважительными причинами. Затѣмъ всѣ прочія представленія отлагаются до будущаго года.

3) Представленія, въ которыхъ, или въ приложеніяхъ къ

кои́мъ, окажутся неполноты, неясности или неправильности, немедленно отсылаются обратно, для возобновленія оныхъ съ соблюденіемъ въ точности установленныхъ правилъ.

4) По всѣмъ представленіямъ, по мѣрѣ ихъ поступленія, должны быть составлены краткія записки съ показаніемъ: а) гдѣ и какая постройка предполагается; б) чѣмъ доказывається необходимость ея и можетъ-ли она, безъ большихъ неудобствъ или опасности, быть отложена до слѣдующаго года; в) сумма, какая на постройку требуется; г) способы производства постройки; д) въ теченіи какого времени предложено окончить ее; е) имѣются-ли планы и смѣты, и къѣмъ они утверждены.

5) Къ 1-му декабря и не позже 8-го декабря всѣ записки по предмету построекъ должны быть внесены, съ заключеніемъ начальниковъ отдѣленій, въ общее присутствіе департамента.

6) Каждый начальникъ отдѣленія докладываетъ присутствію свои записки; о заготовленіи общаго журнала присутствія поручается директоромъ одному изъ нихъ.

7) Общее присутствіе, на основаніи сравнительнаго опредѣленія степени необходимости каждой постройки и количества суммы, опредѣленной на строительныя надобности въ предстоящемъ году, дѣлаетъ, сообразно тому, свое заключеніе относительно распределенія строительныхъ суммъ, съ тѣмъ однако, чтобы нѣкоторая часть оныхъ, примѣрно $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{12}$ оставалась въ запасѣ, на случай новыхъ экстренныхъ построекъ, не терпящихъ никакой отсрочки. Предоставляется также общему присутствію въ заключеніи своемъ касаться и того, не окажется-ли нужнымъ, въ случаѣ крайней необходимости въ послѣднемъ заготовленіи матеріаловъ по той или другой постройки, отпустить потребное количество денегъ заимобразно изъ суммъ департамента, или разрѣшить таковой заимобразный отпускъ изъ мѣстныхъ источниковъ.

8) Всѣ дѣла по постройкамъ, внесенныя симъ порядкомъ въ общее присутствіе, должны быть окончательно разсмотрѣны имъ и журналъ представленъ на утверждение министра не позже 20-го декабря.

9) По утверженіи журнала, отдѣленія, поочередно, дѣлаютъ выписки изъ него и по этимъ выпискамъ исполненія не позже 7 дней. По такимъ постройкамъ, которыя предполагается производить съ торговъ, подлежащихъ утвержденію министерства или правительствующаго сената, для выигрыша времени, разрѣшенія на производство торговъ могутъ быть сообщаемы посредствомъ телеграфа.

10) Не разрѣшенныя представленія о постройкахъ, если они остались неудовлетворенными по несвоевременности ихъ поступления, или по недостатку денежныхъ средствъ, присоединяются къ тѣмъ представленіямъ, которыя будутъ поступать уже въ слѣдующемъ году и опять обсуживаются вышеизложеннымъ порядкомъ.

46. (14 декабря). *Относительно одобренія и утвержденія руководствъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.*

По поводу представленія попечителя Кіевскаго учебнаго округа, о предоставленіи ему права разрѣшать употребленіе учебниковъ и руководствъ, составленныхъ самими преподавателями и одобренныхъ попечительскимъ совѣтомъ, министръ народнаго просвѣщенія сообщалъ, что Высочайше утвержденнымъ 20 марта 1860 г. положеніемъ о попечительскихъ совѣтахъ предоставлена окружнымъ начальникамъ инициатива или право возбуждать вопросы о достоинствѣ учебниковъ и дѣлать имъ справедливую оцѣнку, но что право инициативы, расширяя дѣятельность по этому предмету учебнаго вѣдомства, не должно однакоже уничтожить кореннаго начала, въ силу котораго отъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ центральной власти, въ видахъ единства управленія, должно, въ неотложныхъ важнѣйшихъ случаяхъ, завѣсть окончательное одобреніе и утвержденіе предположеній и дѣйствій подлежащихъ

ственныхъ ему отдѣльныхъ управленій; что къ подобнымъ случаямъ относится и утвержденіе, для общаго употребленія, учебныхъ руководствъ, и что, впрочемъ, лежащая въ основѣ этого начала идея единства не должна препятствовать введенію въ учебныя заведенія разныхъ округовъ министерства народнаго просвѣщенія различныхъ учебныхъ руководствъ, если того требуютъ особенныя мѣстные обстоятельства.

47. (20 Декабря). *О прикомандированіи къ Харьковскому университету двухъ урядниковъ горнаго вѣдомства для производства метеорологическихъ наблюдений.*

Вслѣдствіе представленія начальства Харьковскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія, по предварительному сношенію съ министромъ финансовъ, изъяснилъ согласіе на прикомандированіе двухъ урядниковъ изъ окончившихъ курсъ наукъ въ окружныхъ училищахъ горнаго вѣдомства, къ физическому кабинету Харьковскаго университета, для производства постоянныхъ дневныхъ метеорологическихъ наблюдений, подъ надзоромъ профессора физики, съ производствомъ имъ за труды по 200 руб. сер. каждому изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и съ назначеніемъ квартиръ въ зданіи университета, при чемъ они будутъ состоять на службѣ въ горномъ вѣдомствѣ и пользоваться правами и выгодами оной.

48. (17 Декабря). *О доставленіи въ министерство народнаго просвѣщенія копій съ плановъ и фасадовъ зданій, принадлежащихъ учебнымъ заведеніямъ.*

Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, при производствѣ дѣлъ, въ особенности строительныхъ, нерѣдко встрѣчается надобность имѣть свѣдѣнія о помѣщеніяхъ училищъ болѣе определенныхъ и полныхъ, нежели тѣ, которыя заключаются въ отчетахъ; посему полезно было-бы имѣть въ дополненіе въ послѣднихъ, засвидѣтельствующія копіи съ фасадовъ и плановъ казенныхъ училищныхъ зданій. Къ составленію таковыхъ копій не можетъ встрѣтиться затрудне-

ній; въ каждомъ уѣздномъ училищѣ учитель рисованія и черченія въ состояніи исполнить этотъ простой и механическій трудъ.

Въ слѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія предложилъ циркулярно попечителямъ учебныхъ округовъ..

1) Предписать начальствамъ учебныхъ заведеній о доставленіи въ департаментъ народнаго просвѣщенія по одной копіи съ плановъ и фасадовъ всѣхъ принадлежащихъ этимъ заведеніямъ зданій,

и 2) Принять за тѣмъ за правило, чтобы, въ случаѣ новыхъ капитальныхъ перестроекъ или передѣлокъ въ училищныхъ домахъ, которыя измѣнять или наружный ихъ видъ или внутреннее расположеніе, окружное начальство доставляло въ министерство копии съ измѣненныхъ фасадовъ и плановъ.

49. (21 Декабря). *О разршеніи имѣть при 4-й Московской гимназій сверхштатнаго учителя латинскаго языка.*

Согласно представленію начальства Московскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разршилъ имѣть при четвертой Московской гимназій одного сверхштатнаго учителя латинскаго языка, безъ жалованья, но съ правами и преимуществами, старшимъ учителямъ гимназій представленными.

50. (30 Декабря). *О предметахъ преподаванія въ воскресныхъ школахъ.*

Въ маѣ 1860 г., по сношенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ циркулярно начальствамъ учебныхъ округовъ объ основаніяхъ на которыхъ могутъ открываться въ городахъ воскресныя школы, и общія правила для наблюденія за сими школами со стороны учебнаго начальства. Это было необходимо сдѣлать въ самомъ началѣ, дабы предупредить возможность уклоненія столь полезныхъ для народнаго образованія учрежденій отъ прямого пути, указываемаго имъ самимъ ихъ на-

значеніемъ, т. е. распространять грамотность въ ремесленномъ и рабочемъ классѣ, какъ это опредѣлительно выражено и въ циркулярномъ предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній.

Послѣ сего не могло быть сомнѣнія, что воскресныя школы должны служить только *пособіемъ приходскимъ учителямъ*, къ учрежденію коихъ въ числѣ соотвѣтствующемъ настоящей потребности въ нихъ, представляются теперь матеріальныя препятствія. Нынѣ, когда воскресныя школы стали быстро размножаться въ столицахъ и возникать не только въ губернскихъ, но и въ уѣздныхъ городахъ, мѣстному учебному начальству никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду такое назначеніе школъ. Оно должно еще съ большою заботливостію слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій, т. е. чтобы обученіе въ нихъ ограничивалось закономъ Божиимъ, чтеніемъ, письмомъ, и первыми правилами ариѳметики.

Между тѣмъ изъ свѣдѣній, получаемыхъ министерствомъ, оказывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усердіе учредителей или распорядителей воскресныхъ школъ иногда увлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ прямымъ ихъ назначеніемъ. Такъ напр. въ Кіевѣ въ одной школѣ преподается исторія, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимаются съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языками. Предметы сіи выходятъ изъ программы обученія въ приходскихъ, слѣдовательно и въ воскресныхъ школахъ.

Въ слѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія призналъ нужнымъ вновь пояснить, чѣмъ именно мѣстныя учебныя начальства должны руководствоваться относительно наблюденія за воскресными школами:

1) Обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается: Закономъ Божиимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ,

первыми началами арифметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. Преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.

2) При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ, употребляются тѣ учебныя руководства и пособия, которыя одобрены министерствомъ народного просвѣщенія или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ.

3) Особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ были люди вполне благонадежные; а потому, не ограничиваясь оффиціальною перепискою, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать объ нихъ точныя удостовѣренія, и за тѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами.

4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства округа, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, воимъ сіе будетъ поручено попечителемъ.

5) Въ случаѣ если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами указанными въ настоящемъ предложеніи министра народного просвѣщенія, а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности, таковыя неблагонадежные преподаватели и распорядители должны быть немедленно отстраняемы и не допускаемы за тѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ.

6) Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы, въ учредители и распорядители молодые люди всякаго рода службы и званія. Но весьма желательно, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ ЛИЧНОМЪ СОСТАВѢ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ЧИНЫ И НАГРАДЫ.

ОПРЕДЕЛЕННЫ, НАЗНАЧЕННЫ, ПЕРЕВЕДЕННЫ И
УТВЕРЖДЕННЫ.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ:

1 ноября: Почетный попечитель Владимірской гимназіи, надворный совѣтникъ графъ *Апраксинъ* утвержденъ въ настоящей должности, по выборамъ, на текущее трехлѣтіе. Отставной коллежскій секретарь *Кочубей* — по выборамъ, почетнымъ попечителемъ Новгородсѣверской гимназіи, на трехлѣтіе.

15 декабря: Состоящій кандидатомъ на должность почетнаго попечителя Волынской гимназіи, графъ *де-Броель-Плятеръ*, утвержденъ въ этой должности, по выборамъ, на остальное время текущаго трехлѣтія.

17 декабря: Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лерхе* утвержденъ въ должности постояннаго члена отъ правительства при управленіи главнаго Нѣмецкаго училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Петра въ С. Петербургѣ.

Приказами министра народнаго просвѣщенія:

2 ноября: Главный лекаръ Бендерскаго военнаго госпиталя, коллежскій совѣтникъ *Вольскій* опредѣленъ врачомъ при Бендерскомъ уѣздномъ училищѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Адъютантъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій ассессоръ *Вамеръ* утвержденъ эк-

страординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ зоологіи.

17 ноября: Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь *Цельцинскій* опредѣленъ почетнымъ смотрителемъ Екатеринбургскаго уѣзднаго училища. Директоръ первой Казанской гимназіи, статскій совѣтникъ *Сахаровъ* назначенъ инспекторомъ казенныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа. Окончившіе курсъ въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, студенты упраздненнаго главнаго педагогическаго института *Константиновскій* и *Словинскій* назначены старшими учителями гимназій: первый — Свенцянской, а послѣдній — Шавельской, оба съ обязанностию прослужить въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія не менѣе восьми лѣтъ (2 ноября 1860 г.). Исправляющій должность адъюнкта Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ химіи, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Гивартовскій* утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ медицинскон химіи, фармаціи и фармакогнозіи (6 ноября 1860 г.). Почетный смотритель Могилевскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Войничъ-Сяноженскій* переведенъ на мѣсто почетнаго смотрителя училищъ Рогачевскаго уѣзда. Младшій помощникъ секретаря канцеляріи общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената, губернской секретарь *Кистяковскій* перемѣщенъ старшимъ помощникомъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія. Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Поповъ* — оставленъ на службѣ на пять лѣтъ со времени выслуги 25-лѣтняго срока, съ 27 іюня 1860 года.

23 ноября: Лекторъ Демидовскаго лица, коллежскій совѣтникъ *Кубли* назначенъ инспекторомъ сего лица. Гжатскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассессоръ *Воеяковъ* назначенъ почетнымъ смотрителемъ Гжатскаго уѣзднаго училища, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Исправ-

ляющій должность адъюнкта Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и Русскихъ государственныхъ законовъ, статскій совѣтникъ *Бьяловъ* утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по той-же кафедрѣ. Почетный смотритель Козелецкаго уѣзднаго училища, губернской секретарь *Трощина* перемѣщенъ къ таковой-же должности въ Нѣжинское уѣзное училище.

7 декабря: опредѣлены: изъ отставныхъ, коллежскій ассесоръ *Вакаръ* — почетнымъ смотрителемъ Бѣльскаго уѣзднаго училища. Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь *Фиксенъ* — почетнымъ смотрителемъ Ардатовскаго уѣзднаго училища. Врачъ Самарской градской больницы, лекарь *Курбатовъ* — врачомъ при Самарской гимназій, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Ордinatorъ больницы Симбирскаго приказа общественнаго призрѣнія, лекарь *Синцовъ* — врачомъ при Симбирскомъ уѣздномъ училищѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, бывшій студентъ упраздненнаго главнаго педагогическаго института, Левъ *Самсоновъ* — исправляющимъ должность старшаго учителя второй Харьковской гимназій, съ обязанностию прослужить въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія не менѣе 8 лѣтъ (25 ноября 1860 г.).

Утверждены: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, по кафедрѣ прикладной математики, коллежскій совѣтникъ *Рахманиновъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по той-же кафедрѣ. Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, по кафедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, надворный совѣтникъ *Эрдартъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по той-же кафедрѣ. Исправляющій должность Мозырскаго директора училищъ, надворный совѣтникъ *Вронскій* — въ настоящей должности.

Перемѣщены: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Волчанскаго — поручикъ *Фидлеръ* и Изюмскаго — титулярный совѣтникъ *Адамовъ*, согласно желанію ихъ, въ таковой же должности: первый — въ Изюмское, а послѣдній — въ Волчанское училище. Канцелярскій чиновникъ Тверскаго дворянскаго депутатскаго собранія, кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Дьяковъ* — почетнымъ смотрителемъ Старицкаго уѣзднаго училища.

11 декабря: адъюнктъ Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи по кафедрѣ анатоміи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Корженевскій*, опредѣленъ въ такой же должности по кафедрѣ хирургіи оперативной и хирургической клиники.

22 декабря: опредѣлены: секретарь библіотеки Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассессоръ *Андерсъ* — библіотекаремъ той-же библіотеки (11 декабря 1860 г.). Лекарь *Гершфельдъ* — врачомъ при Новгородѣ-Зверскомъ уѣздномъ училищѣ. Канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, губернсвій секретарь *Потановъ* — помощникомъ бухгалтера и контролера сего департамента (16 декабря 1860 г.).

УВОЛЕНЫ ВЪ ОТПУСКЪ И КОМАНДИРОВАННЫ.

Высочайшими приказами:

10 ноября: уволены въ отпускъ за границу: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Марченко* — на двадцать девять дней. Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Поповъ* — по болѣзни, на одинъ годъ. Почетный смотритель Зарайскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Муромцевъ* — на четыре мѣсяца. Почетный попечитель Черниговской гимназій, титулярный совѣтникъ *Волжинъ* — по болѣзни, на одинъ годъ. Почетный смотритель

Прилукскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Троцкина* — на шесть мѣсяцевъ. Почетный смотритель училищъ Свенцянскаго уѣзда, графъ Адамъ *Мятеръ* — на четыре мѣсяца. Лектору Императорскаго Казанскаго университета, коллежскому ассессору *Бересфорду*, продолженъ срокъ отпуска за границу, на одинъ годъ.

17 декабря: командированы съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кутора 2-й* — за границу, на одинъ годъ. Профессоръ Ришельевского лицея, надворный совѣтникъ *Богдановскій* — за границу, на девять мѣсяцевъ. Адъюнктъ Харьковскаго ветеринарнаго училища, магистръ *Степановъ* — на полгода въ равныя мѣста внутри имперіи и на полгода за границу.

Уволены въ отпускъ за границу: почетный смотритель Бендерскаго уѣзднаго училища, губернской секретарь *Имлези* — по болѣзни, на четыре мѣсяца. Почетный смотритель училищъ Новоалександровскаго уѣзда, коллежскій регистраторъ графъ *Морикони* — на три мѣсяца.

Приказами министра народнаго просвѣщенія:

2 ноября: Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Ржевскій* — въ Зарайскій уѣздъ Рязанской губерніи, на четыре мѣсяца.

Исправляющимъ должность адъюнктовъ Ришельевского лицея, кандидатамъ *Гатицу*, *Карастелеву* и *Смирнову* продолженъ срокъ отпуска, первому — на двадцать восемь дней, второму — на полтора мѣсяца и послѣднему по 1 декабря 1860 года.

17 ноября: Секретарю канцеляріи главнаго управленія цензуры, коллежскому ассессору *Камнисту*, продолженъ срокъ отпуска, на три мѣсяца.

**ОВЪЯВЛЕНА ОСОБЕННАЯ ВЛАГОДАРНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:**

23 ноября: Почетному попечителю Тульской гимназіи, гвардіи подпоручику *Васильчикову* — за пожертвованіе 600 руб. сер. въ пользу бѣдныхъ учениковъ гимназіи и на нужды благороднаго при ней пансіона.

ПРОИЗВЕДЕНЫ ВЪ ЧИНЫ.

ВЫСОЧАЙШИМЪ ПРИКАЗОМЪ.

28 декабря: Произведены за отличіе:

Въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*: статскіе совѣтники: исправляющій должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ званіи камеръ-юнкера, князь Павелъ *Вяземскій*; вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Андрей *Вороновъ*; помощники попечителей учебныхъ округовъ: Виленскаго — князь Александръ *Шулинскій-Шихматовъ*, Киевскаго — Иосифъ *Михневичъ*; директоръ Ришельевскаго лицея Павелъ *Беккеръ*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Оттонъ *Бетлингъ*; старшій цензоръ комитета цензуры иностранной графъ Егоръ *Комаровскій*; ординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета: деканъ Александръ *Паломбецкій* и Иванъ *Соколовъ*.

Въ *статскіе совѣтники*: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера Семень *Яковлевъ*.

Въ *коллежскіе совѣтники*: проректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Егоръ *фонъ-Эттингенъ*, со старшинствомъ съ 9 октября 1860 года.

Въ *коллежскіе секретари*: младшій помощникъ цензора комитета цензуры иностранной, губернскій секретарь Николай *Дукита-Дукишинскій*, со старшинствомъ съ 28 мая 1860 года.

Правительствующимъ сенатомъ:

15 сентября 1860 года, произведенъ: бывшій почетный смотритель Лугскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Анатолій Нарышкинъ* — въ коллежскіе ассессоры, въ отставку.

29 сентября 1860 года, утвержденъ: почетный смотритель училищъ Шавельскаго уѣзда *Іосифъ-Эдуардъ Сидоровичъ* — въ чинѣ коллежскаго секретаря, по степени кандидата Императорскаго С. Петербургскаго университета, со старшинствомъ съ 7 февраля 1859 года.

13 октября 1860 года утвержденъ: Адъюнктъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ *Яновичъ* — по настоящей должности въ чинѣ коллежскаго ассессора, со старшинствомъ съ 31 декабря 1859 г.

ОПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ОТЪ 13 ОКТЯБРЯ 1860 ГОДА:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, отставной штабсъ-капитанъ арміи *Алексѣй Безобразовъ* — переименованъ въ губернскіе секретари, соотвѣтственно его прежнему военному чину поручика, и за тѣмъ, какъ выслужившій установленный срокъ, произведенъ въ коллежскіе секретари, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ съ 28 мая 1858 года, — дня поступления его въ гражданскую службу.

Указомъ правительствующаго сената отъ 31 октября 1860 года за № 283, произведены въ отставку:

Въ *коллежскіе совѣтники*: надворные совѣтники, бывшіе почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Златопольскаго дворянскаго — *Левъ Бороздинъ*, Ржевскаго — *Степанъ Коашикинъ-Самаринъ* и Таганрогскаго — *Дмитрій Міоновичъ*.

Въ *надворные совѣтники*: бывшій почетный смотритель

Подольскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ, князь Александръ *Оболенскій*.

Въ *коллежскіе ассессоры*: бывшій почетный смотритель Спасскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Дмитрій *Колбежскій*.

УКАЗАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ОТЪ 2 НОЯБРЯ
1860 ГОДА:

а) за № 294, *утверждены*:

Адъюнктъ Императорскаго Харьковскаго университета, титулярный совѣтникъ Адольфъ *Питра* — по настоящей должности, въ чинѣ коллежскаго ассессора, съ 15 января 1860 г.

Почетный смотритель Симферопольскаго уѣзднаго училища Александръ *Серебрянниковъ*, по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго Харьковскаго университета, въ чинѣ губернскаго секретаря, съ 15 іюня 1860 года — **ж**

б) за № 296, *произведены*:

Бывшій почетный смотритель Тульскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ Михаилъ *Дементьевъ* въ надворные совѣтники, въ отставку.

ОПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА, ОТЪ 17 НОЯБРЯ 1860 ГОДА, ПРОИЗВЕДЕНЫ, ЗА ВЫСЛУГУ ЛѢТЬ, СО СТАРШИНСТВОМЪ:

Въ *коллежскіе секретари*: губернскіе секретари, канцелярскіе чиновники департамента народнаго просвѣщенія, Петръ *Ивановъ*, съ 29 сентября, и Донатъ *Толвинскій*, съ 17 октября 1860 года.

УВОЛЕНЫ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Высочайшимъ приказомъ

10 ноября: Почетный попечитель Волынскои гимназій *Красевскій*, по болѣзни.

Приказами министра народного просвѣщенія.

2 ноября: Почетный смотритель Богодуховскаго уѣзнаго училища, надворный совѣтникъ *Анненковъ*, уволенъ отъ службы по прошенію, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

17 ноября: Уволены отъ службы: инспекторъ казенныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чашниковъ* — за выслугою срока. Почетный смотритель Мстиславскаго дворянскаго уѣзнаго училища, коллежскій секретарь *Чудовскій* — за неисполненіе данного имъ обязательства ежегодно жертвовать назначенную сумму въ пользу училища.

23 ноября: Директоръ училищъ Пензенской губерніи, статскій совѣтникъ *Лубкинъ*, уволенъ отъ службы за выслугою срока, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

7 декабря: Чиновникъ особахъ порученій при Министерствѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Назамовъ*, уволенъ отъ службы по прошенію.

ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗЪ СПИСКОВЪ УМЕРЩЦА

Приказомъ министра народного просвѣщенія

22 декабря: Профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ *Царасовъ*. Помощникъ бухгалтера и контролера департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Сергеевъ*. Почетный смотритель Новомосковскаго уѣзнаго училища, отставной штабъ-ротмистръ *Катериничъ*.

НАГРАЖДЕННЫ:

а) ОРДЕНАМИ:

Св. Анны 2-й степени, украшенная Императорскою короною: статские совѣтники: членъ совѣта попечителя Киевскаго учебнаго округа по управленію фондушами, Игнатій *Казачинскій*; директоры училищъ губерній: Витебской — Степанъ *Красноумовъ*, Подольской — Яковъ *Блестеръ*, Рязанской — Теодоръ *Шиллингъ*; инспекторъ казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера Василій *Арсеньевъ*; почетный смотритель училищъ Ковенскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера, графъ Маріанъ *Чапскій*.

Св. Анны 2-й степени: статские совѣтники: почетный попечитель Тамбовской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, Сергѣй *Лионъ*; директоръ 2-й Московской гимназіи Владиміръ *Авиловъ*; старшій цензоръ комитета ценсуры иностранной Николай *Берте*; деканъ Дерптскаго университета, ординарный профессоръ Карлъ *Фонъ-Руммельъ*; ординарные профессеры университетовъ: Дерптскаго — Арнольдъ *Христіани*, С.-Петербургскаго — Антонъ *Чайковскій*, Харь-

ковскаго — Адольфъ *Струве* и Владиміръ *Кочетовъ*, исправляющій должность ректора Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Александръ *Бутлеровъ*.

Того-же ордена 3-й степени: коллежскіе совѣтники: инспекторы гимназій: Симферопольской — Иванъ *Тихомировъ* и Витебской — Фѣдоръ *Соколовъ*; лекторъ Харьковскаго университета Николай *Струве*; старшіе учителя гимназій: Московской первой — Александръ *Раменскій* и Октавіанъ *Невенловскій*, Московской третьей реальной — Петръ *Лекторскій*, Вологодской — Андрей *Глумицкій* и Ниволай *Левицкій*, Митавской — Иванъ *Николичъ*, Рижской — Семень *Шафрановъ*, Таганрогской — Ананій *Юрашевъ*; надворные совѣтники: инспекторы гимназій: Харьковской первой — Адольфъ *Сценура* и Херсонской — Владиміръ *Даль*; штатный смотритель С.-Петербургскихъ училищъ Фѣдоръ *Мльдииковъ*; смотритель и учитель наукъ Либавскаго высшаго уѣзднаго училища Карлъ *Лессевъ*; надзиратель за воспитанниками Дерптскаго ветеринарнаго училища, исправляющій должность младшаго учителя Дерптской гимназіи Александръ *Розбергъ*; коллежскіе ассесоры: Адъюнктъ Казанскаго университета Эрастъ *Яншиевскій*; смотритель и учитель наукъ Дерптскаго уѣзднаго училища Карлъ *Эттель*; почетный смотритель училищъ Лидскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ графъ Адамъ *фонъ-Гуттенъ-Чапскій*.

Св. Станислава 2-й степени, украшеннымъ Императорскою короною: статскіе совѣтники: ординарный академикъ академіи наукъ Фердинандъ *Видеманъ*; ординарные профессоры университетовъ: Дерптскаго — Деканъ Людвигъ *Штрюмпель*, Харьковскаго — Деканъ Александръ *Зернинъ*, ординарный профессоръ университета Св. Владиміра Александръ *Селинъ*; директоръ училищъ Казанской губерніи, коллежскій совѣтникъ Осипъ *Имшенникъ*; директоры училищъ губерній:

Олонецкой — Федоръ *Фортуатовъ*, Вологодской — Алексѣй *Латышевъ*, Бессарабской области — Михайлъ *Пятинъ*; коллежскіе совѣтники, инспекторы гимназій: Московской второй — Александръ *Окатовъ* и Смоленской — Викторъ *Никитинъ*.

Того-же ордена, той-же степени, безъ короны: статскіе совѣтники: директоръ училищъ Херсонской губерніи Захарій *Коленко*; директора гимназій: С.-Петербургской третьей — Вильгельмъ *Лемониусъ*, Бѣлоцерковской — Павелъ *Науменко*; инспекторъ частныхъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ Александръ *Дель*; профессоръ лицея князя Безбородко Иванъ *Максимовичъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Харьковскаго университета Евгенийъ *Бейеръ*; прозекторъ Харьковскаго ветеринарнаго училища Михайлъ *Доброурскій*; коллежскіе совѣтники: директора училищъ губерній: Архангельской — Петръ *Янинъ* и Орловской — Михайлъ *Малиновскій*; директоръ Немировской гимназіи Тимоѣй *Пристюкъ*; директора училищъ: Поневѣжскаго — Василій *Заіончковскій*; Бѣлостокскаго — Константинъ *Ганъ*; исправляющій должность инспектора студентовъ Московскаго университета Петръ *Шестаковъ*; экстраординарный академикъ академіи наукъ Петръ *Дубровскій*; правитель канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Александръ *Симанскій*; ординарные профессора университетовъ: Харьковскаго — Семень *Пахманъ* и Московскаго — Августъ *Давидовъ*; ординарный профессоръ университета Св. Владиміра Юлій *Маіонъ*; исправляющій должность ординарнаго профессора Московскаго университета Павелъ *Леонтьевъ*; старшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія Владиміръ *Лефевръ*; инспекторы гимназій: Олонецкой — Василій *Незоровъ*, Харьковской второй — Валеріанъ *Деметьевъ*, Воронежской — Ермолай *Крупковъ*, Курской — Иванъ *Назаровъ*, Виленской — Александръ *Кандидовъ*; старшіе учителя гимназій: Московской второй — Петръ *Пьвницкій*, Костромской — Николай *Констан-*

тиновъ; надворные совѣтники: старшій секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія баронъ Карлъ *Бистрамъ*; ординарный профессоръ Московскаго университета Иванъ *Бабстъ*; чиновникъ особихъ порученій при департаментѣ народнаго просвѣщенія Іосифъ *Порожецкій*; почетный смотритель Задонскаго уѣзднаго училища Владиміръ *Викунинъ*; врачъ департамента народнаго просвѣщенія Робертъ *Поствельсъ*; коллежскіе ассессоры: правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Василій *Соболевъ*, почетный смотритель Бѣлицкаго уѣзднаго училища Федоръ *Руссо*, штатный смотритель Псковскихъ училищъ Иванъ *Анисимовъ*.

Того-же ордена 3-й степени: коллежскіе совѣтники: лекторъ Московскаго университета Юлій *Фелькель*, лекторъ Рижскаго лицея Мориць *Эртель*; старшіе учителя гимназій: Владимірской — Константинъ *Лыткинъ*, Екатеринославской — Порфирій *Семеновскій*; штатный смотритель Саратовскаго уѣзднаго училища Николай *Немолотышевъ*; надворные совѣтники: старшіе учителя гимназій: Смоленской — Витольдъ *Домбровскій*, Новогрудской — Эдмундъ *Бѣлявскій*, Минской — Антонъ *Жбиковскій*; врачъ университета Св. Владиміра, Кіевской второй гимназій и Кіевскихъ уѣздныхъ училищъ — Иванъ *Щербина*; младшій учитель Оренбургской гимназій Иванъ *Крулуполовъ*; коллежскіе ассессоры: инспекторъ Архангельской гимназій Константинъ *Пилацкій*; помощникъ директора училищъ Эстляндской губерніи Яковъ *Ноксъ*; старшій учитель первой С.-Петербуржской гимназій Николай *Лыткинъ*; помощникъ секретаря канцеляріи министра народнаго просвѣщенія Германъ *Беккеръ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Тотемскаго — Павелъ *Левицкій*, Велико-Устюжскаго — Василій *Васильевъ*, Архангельскаго — Александръ *Жаравовъ*, Петрозаводскаго — Николай *Воскресенскій*, перваго Московскаго — Иванъ *Александровскій*, Саранскаго — Евгений *Миловзоровъ*, Бирскаго — Михаилъ *Поповъ*, Пермскаго — Николай

Ивановъ, Хотинскаго — *Николай Афонасьевъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа *Иосафатъ Янушевичъ*; кассиръ комитета правленія академіи наукъ *Платонъ Новиковъ*; штатный врачъ Ковенской гимназіи *Иосифъ Бартошевичъ*; бывший врачъ при гимназіи и уѣздныхъ училищахъ въ Ригѣ *Генрихъ Менде*; младшій учитель Оренбургской гимназіи *Владиміръ Гупонъ*; титулярные совѣтники: почетный смотритель Сычевскаго уѣзднаго училища *Григорій Геннади*, штатный врачъ Виленскаго дворянскаго института *Иосифъ Ждановичъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, губернской секретарь *Филаретъ Ройевъ* (23 декабря 1860 г.).

в) ОБЫКНОВЕННЫМИ ПОДАРКАМИ.

По канцеляріи министра народнаго просвѣщенія — старшій секретарь, коллежскій ассессоръ *Полонскій*.

По учебнымъ округамъ:

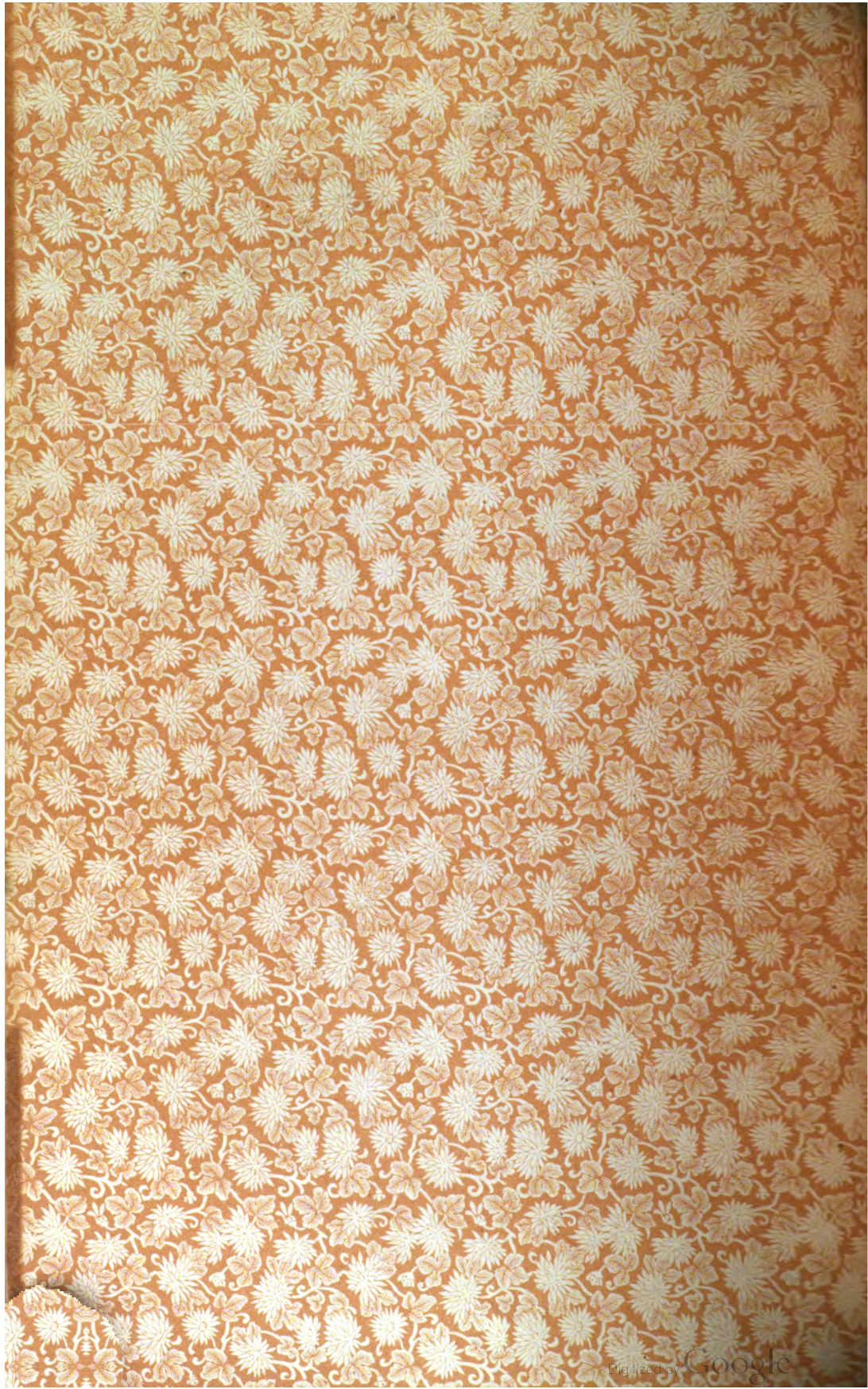
Кіевскому: инспекторъ казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Туловъ*; коллежскіе совѣтники: инспекторъ второй Кіевской гимназіи *Чалый*, и старшіе учителя гимназій: Нѣжинской — *Добротворскій* и Житомирской — *Ляпидевскій*; надворные совѣтники: синдикъ Императорскаго университета Св. Владиміра *Коломійцевъ* и старшій учитель первой Кіевской гимназіи *Успенскій*; коллежскіе ассессоры: штатный смотритель Луцкаго дворянскаго уѣзднаго училища *Холодовскій* и учитель Черноостровскаго дворянскаго уѣзднаго училища *Абрамовъ*.

Одесскому: Коллежскіе совѣтники, старшіе учителя гимназій: Кишеневской — *Изюмскій* и Херсонской — *Дибби*; исправляющій должность адъюкта Ршельевскаго лицея и

инспектора гимназій при лицееъ, состоящій въ VIII классѣ *Орбинскій*.

Каванскому: Коллежскіе ассессоры, штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Лаишевскаго — *Ивановъ*, Балахнинскаго — *Глассонъ*, Челябинскаго — *Васильевъ*; старшій учитель Пензенской гимназій, состоящій въ IX классѣ *Захаровъ*, и штатный смотритель Чистопольскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Стржалковскій* (28 декабря 1860 г.).

3 2044 022 549 257

